

Александр Блок

А. БЛОК
Фотография Д. Здобнова

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А.М. ГОРЬКОГО

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

А. А. БЛОК

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ

В ДВАДЦАТИ ТОМАХ

МОСКВА НАУКА

2010

А. А. БЛОК

ТОМ ВОСЬМОЙ

ПРОЗА

(1908 – 1916)

МОСКВА НАУКА

2010

УДК 821.161.1
ББК 84(2 Рос=Рус)6
Б70

Издание выходит с 1997 г.

Подписное

ISBN 5-02-011189-9
ISBN 978-5-02-035668-9, т. 8

- © Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, составление, подготовка текстов, статьи, комментарии, 2010
- © Российская академия наук и издательство “Наука”, Полное (академическое) собрание сочинений А.А. Блока в 20-ти томах, оформление, 1997 (год начала выпуска), 2010
- © Редакционно-издательское оформление. Издательство “Наука”, 2010

СТАТЬИ

ТРИ ВОПРОСА

В те годы, когда русское новое искусство было гонимо, художники постояли за себя. Лишь немногие трусливо бежали с поля битвы. Остальные – в полном одиночестве, под градом насмешек – предпочли работать и ждать. Мало кто обольщался надеждами, многие предчувствовали, что на долю им выпадет пережить наши тяжелые дни и что лучшего им не дожидаться. Тяжело было переживать ту эпоху, но завидна участь художников, потому что их тяжелый труд не пропал даром. В те дни художники имели не только право, но и обязанность утверждать знамя “чистого искусства”. Это не было просто тактическим приемом, но горячим убеждением сердца. Вопрос “как”, вопрос о формах искусства мог быть боевым лозунгом. Глубина содержания души художника не была искомым, она подразумевалась сама собой. Вопросы формы были огненными и трудными вопросами, трудными настолько, что лишь глубокая мысль и глубокое переживание искали достойной себя оправы, совершенной формы.

Огромными усилиями вырабатывалась форма. Передовым бойцам она давалась упорным трудом, без которого нереален ни один шаг истинного художника. Об этом свидетельствует, например, творчество Брюсова; получить представление о работе этого художника можно, сличая разные редакции его произведений и слушая его собственные свидетельства (см. хотя бы предисловие к “Собранию стихов” или к сборнику “Urbi et Orbi”). Занимаясь этими сличениями и свидетельствами, воссоздаешь процесс творчества художника и проникаешь в суть той замкнутой рабочей эпохи, когда формальный вопрос “как” стоял на очереди дня. Завидная эпоха, когда вопросу, долженствующему занимать художника во все времена, этот художник мог посвятить все свои силы! Но улица ворвалась в мастерскую, и золотое время одиноких странствий миновало.

Пришли новые дни “признания”, всеобщего базарного сочувствия и опошления искусства. Одинокими усилиями художников были достигнуты огромные результаты; в разных областях искусства даны были образцы новых форм. Получилась возможность выработки шаблона, и этот вечный спутник не заставил себя долго ждать. С его помощью “непосвященные” и не претерпевшие ни одной из невзгод одиноких странствий узнали, “как” можно “поновому” преломлять старую жизнь. И вот появились плеяды ловких подделывателей. Вышли на прогулку в поля русской литературы сочинители, у которых не было за душой ничего, кроме старых калош для растаптывания цветов, но карманы были набиты радужными бумажками, обеспеченными золотым фондом прежних достижений. В те дни, когда форма давалась усилиями, вопрос о содержании души художника не был вопросом. В те дни, когда фор-

ма стала легкой и общедоступной, ничего уже не стоило дать красивую оправу стеклу вместо брильянта, для смеха, забав, кощунства и наживы.

Тогда перед истинными художниками, которым надлежало охранять русскую литературу от вторжения фальсификаторов, вырос второй вопрос: вопрос о содержании, вопрос, “что” имеется за душой у новейших художников, которые подозрительно легко овладели формами. Благодаря такой постановке вопроса были своевременно уличены и не признаны многие новаторы и фальсификаторы, а с другой стороны, благодаря всеобщей переоценке за немногими художниками было утверждено их высокое звание и призвание навсегда. Если не ошибаюсь, вопрос “что” был выдвинут на первый план, вместо вопроса “как”, Андреем Белым, в его первых статьях.

Но судьями художника являются не только сам “взыскательный” художник, не только его собраты и критики, а и публика, хотя бы последним критерием всех похвал и порицаний была душа каждого художника. Вопросом о содержании, предъявлением векселей к уплате было только парализовано действие яда всеобщего признания. Но само признание разрослось до чудовищных размеров, часто совершенно неожиданных для представителей нового искусства. Загготала тысячью голосов сама площадь. Спрос на новое искусство возрастает с каждым днем, но все еще перерастает его предложение: дело в том, что спрос на произведения искусства способен действительно зажечь искры вдохновения, правда, мимолетные искры, которым никогда не суждено разгореться в большой огонь. Ведь искры несущегося поезда сыпятся сказочными снопами в соседние болота, а кое-какие из них поджигают даже леса, лежащие около полотна. Так и здесь: в сотнях душ (русских душ без дна и крышки) вспыхнуло вдохновение, и полетели искорки. Подлинное вдохновение и настоящие искорки. Сотни юношей вмиг стали художниками (заметьте: почти исключительно *лирическими поэтами**: ведь это всего легче и всего менее ответственно; с поэта, по нынешним временам, “взятки гладки”). И что же? Форма дана – шаблон выработан, и формальному вопросу “как” способен удовлетворить любой гимназист. Но и на вопрос “что” гимназист ответит по крайней мере удовлетворительно: он – яростный поклонник нового искусства, он считает представителей его своими учителями, он заразился их “настроениями” (как часто приходится убеждаться, что очень многие до сих пор вожжаются с этим термином!), он видит в городе – “дьявола”, а в природе – “прозрачность” и “тишину”. Вот вам – удовлетворительное содержание. Следовательно – его пускают в журнал, альманах и газету, а читатель

---

* Мне жаль, что Д.В. Философов в статье своей “Тоже тенденция” (см. предыдущий № “Золотого руна”) не понял меня. Я готов отнести это на счет недоговоренности моей мысли или неточности выражений. Не только выше для меня “звание человека”, чем звание поэта, но источником доброй половины моих тем служит *ненависть к лирике*, родной и близкой для меня стихии. О, если бы она оставалась по-прежнему в уединенной области творческих сновидений художника! Хорошо говорить Философову, что он, подойдя к лирикам, не только не оглох, но даже “подбодрился и повеселел”. Верно, он много знает. Но я-то знаю твердо, что к современной лирике подходит много незнающих – и просят хлеба и получают камень (ведь лирикой проникнута вся современная литература). Принимают отравленное питье за здоровое и прохладное.

думает: “Вот родился новый Валерий Брюсов”. Правда, новый поэт исчезнет так же мгновенно и неожиданно для читателя, да и для самого себя, как родился. Он играл на большом спросе публики и выиграл, но сейчас же все и проиграл. Искра догорела и утонула в болоте. Это – полбеды. Беда же настоящая тогда, когда этот случайный художник (а случайный художник – непременно хулиган) вдруг возьмет да и запоет на модную и опасную тему, да еще так дерзко, молодо и всегда популярно и всем понятно (ибо шаблоны формы и содержания всегда доступнее). Тогда случается, что искра подожжет лес, – а потом – ищи ее. Искра пропала, а лес продолжает гореть: в пролесках, на болотах, лопаются пузыри, трава чернеет, деревья трещат, и по окрестностям расползаются испуганные гады. Воздух заражен.

В такие-то дни возникает третий, самый соблазнительный, самый опасный, но и самый русский вопрос: “зачем?”. Вопрос о *необходимости и полезности художественных произведений*. Вопрос, в котором усомнился даже Н.К. Михайловский: «Вопрос “зачем?” бывает часто относительно художественного творчества лишен всякого смысла». Очень замечательно это “часто”, какое-то испуганное и недоверчивое к самому себе. Семидесятилетнее недоверие и неверие. Но дело в том, что подлинному художнику не опасен публицистический вопрос “зачем?”, и всякий публицистический вопрос приобретает под пером истинного художника широкую и чуждую тенденции окраску. Рамки искусства широки и вместительны, и ближайшим доказательством тому служит Ибсен – знамя нашей эпохи, последний мировой писатель, так жизненно, как хлеб и вода, необходимый людям, а теперь, особенно, – русским людям. Нечего и говорить об Ибсене пятидесятых годов, который весь предан “пользе народной”, что сказывается в каждом письме его, и в прощении к королю, и в стихах, где он вопрошает норвежских поэтов, “не на пользу ли народа дан им поэтический дар, – чтобы восторженные уста скальда истолковывали его горести, его радости и его порывы?” – Сказывается и в драме Катилины – заговорщика с социалистическим духом. Все это не только не убивает, но вдохновляет и бесконечно расширяет мировые темы Ибсена. Все тот же перед нами – Ибсен девяностых годов, ни минуты не теряющий связи с общественностью, с остро наточенным ножом для анализа, болеющий вопросами национальности, общественной дряблости, государственности. “Каждый художник, я думаю, должен быть публицистом в душе”, – говорил Михайловский. И особенно свойственно это русскому художнику. Вечно проклятым для него вопросом был “утилитаризм”, и не одному символизму пришлось ломать копыя об этот камень, неизменно попадающийся на всех путях.

Перед русским художником вновь стоит неотступно этот вопрос *пользы*. Поставлен он не нами, а русской общественностью, в ряды которой возвращаются постепенно художники всех лагерей. К вечной заботе художника о форме и содержании присоединяется новая забота о *долге*, о должном и не должном в искусстве. Вопрос этот – пробный камень для художника современности: может быть, он одичал и стал отвлечен до такой степени, что разобьется об этот камень. Этим он докажет только собственную случайность

и слабость. Если же он действительно “призванный”, а не самозванец, он твердо пойдет по этому пути к той вершине, на которой сами собой отпадают те проклятые вопросы, из-за которых идет борьба не на жизнь, а на смерть в наших долинах; там чудесным образом подают друг другу руки заклятые враги: красота и польза.

Новейшие исследователи говорят нам о том, что польза и красота совпали в народном творчестве, что одна из ранних форм этого творчества – рабочая песня – была неразрывно, ритмически связана с производимой работой. Так связующим звеном между искусством и работой, красотой и пользой был ритм. В чем же этот путеводительный ритм нашей жизни? Творчество Ибсена говорит нам, поет, кричит, что ритм нашей жизни – *долг*. В сознании долга, великой ответственности и связи с народом и обществом, которое произвело его, художник находит силу ритмически идти единственно необходимым путем. Это – самый опасный, самый узкий, но и самый прямой путь. Только этим путем идет истинный художник. На нем испытывается его подлинность, так же как опытность капитана испытывается в самых опасных проливах. Здесь только можно узнать, руководит ли художником *долг* – единственное проявление ритма души человеческой в наши безрадостные и трудовые дни, – и только этим различаются подлинное и поддельное, вечное и не вечное, святое и кощунственное.

Художники насчитываются десятками, и число их растет вместе с утончением и развитием культуры. Но истинных художников всегда мало, они считаются единицами. В переходные, ночные эпохи, как наша, может быть и вовсе нет их в мире, потому что ни у кого не хватает сил вести корабль ночным проливом – между Сциллой красивых, легких пьяных струй, за которыми легко хмелеющую душу дразнит недостижимый призрак *прекрасного*, и Харибдой тяжелых, недвижимых и непроницаемых скал, за которыми покаянная душа страдальчески проводит недостижимый призрак *должного*.

Знаменательно, что передовые художники в наши дни уже не удовлетворяются вопросами “как” и “что”. Сожжены какие-то твердыни классицизма и романтизма, и за вопросами о форме и содержании – с тупой болью и последним отчаянием – вырастает “проклятый” вопрос, посещающий людей в черные дни: “к чему?”, “зачем?”. Вопрос пьяницы в час тяжелого пробуждения:

Что ты сделал, что ты сделал?
Исходя слезами,
О, подумай, что ты сделал
С юными годами!

В России и для русских художников все дни были по преимуществу черные. И вопрос “зачем” – особенно русский вопрос, над которым культурный художник может посмеяться. Но знает ли культурный художник, что здесь речь идет как будто уже не об одном искусстве, а еще и о жизни? Для того чтобы вопрос перестал быть прозаическим, бледным, утренним вопросом, потребно чудо, вмешательство какого-то Демиурга, который истолчет в одном глубоком чане душу красивой бабочки и тело полезного верблюда, что-

бы явить миру новую свободную необходимость, сознание прекрасного долга. Чтобы слово стало плотью, художник – человеком.

Пока же слова – остаются словами, жизнь – жизнью, прекрасное – бесполезным, полезное – некрасивым. Художник, чтобы быть художником, убивает в себе человека, человек, чтобы жить, отказывается от искусства. Ясно одно: что так больше никто не хочет, что так не должно. Многие молчат об этом, замалчивая самих себя, и знаменательно, что прямую постановку вопроса о том, нужно или не нужно теперь искусство, мы находим у самых, казалось бы, отвлеченных и “декадентских” художников. Так, например, Зинаида Гиппиус в предисловии к своей единственной книге стихов, одной из оригинальнейших и замечательных в русской поэзии, мучается над вопросом о том, нужны или не нужны стихи: “Собрание, книга стихов в *данное время* есть самая бесцельная, ненужная вещь. Я не хочу этим сказать, что стихи не нужны. Напротив, я утверждаю, что стихи нужны, даже необходимы...” А через две страницы: “Я считаю мои стихи... очень обособленными, своеструнными... а потому для других не нужными”. Да, тому, кто коснется этого вопроса, не избежать противоречий, самых наивных, самых “некультурных”. Но это не значит, что вопрос только наивен, – он “сверхнаивен” и жесток и свидетельствует о том, как мучится современная душа. И художнику, услышавшему голос долга, и человеку, пожелавшему стать художником, предстоит решить вопрос “зачем”, игнорировать который может или отвлеченный утонченник, безысходный декадент, или человек, для которого “все игра, утешка на все, сомнения во всем – последняя мудрость мещанства”, как недавно удивительно глубоко писал Мережковский*.

Итак, только третий вопрос, под маской прозаической и будничной тенденции, открывает современному художнику радостный и свободный должный путь, – среди бездн противоречий – на вершины искусства Голос долга влечет к трагическому очищению. Может быть, на высотах будущей трагедии новая душа познает единство прекрасного и должного, красоты и пользы, так, как некогда душа познала это единство в широтах древней народной песни. Может быть, потому волнует нас “театр будущего”, что сквозь шум от падения и разрушения старого и современного театра мы слышим где-то, в ночных полях, неустающий рог заблудившегося героя.

О ТЕАТРЕ**

Взаимоотношение драматурга, режиссера и актера в современном театре. – Драматург XIX века. Вражда его с актером. Писатель и старый актер. – “Модный вопрос” – о режиссере. Противоречия и трелет “переходной эпохи”. Ее порождение – новый актер. – Гибельный дух тоски в современном театре. Отсутствие ответственности, критериев и чув-

---

* “Речь”, № 35.

** Лекция, читанная в зале Петербургского театрального клуба.

ства долга. – Мнения о положении современного театра. Единственный выход из этого положения. – Пропась между современным зрительным залом и сценой. Зрители близкого будущего. – Театр – плоть искусства. Будущий театр большого действия и сильных страстей. Несколько слов о “народном” театре и о “мелодраме”.

1

Прежде всего я должен ограничить свою задачу. Тема моя – *русский драматический театр ближайшего будущего*. Пускаться в общие рассуждения о театре далекого прошлого и отдаленного будущего у меня нет охоты. Еще недавно бедная, русская литература обогащается очень ценными вкладками в эту область. Правда, у нас еще нет истории театра, и даже история русского театра не доведена до конца. “История” П.О. Морозова кончается восшествием на престол императрицы Елисаветы Петровны, то есть совсем первобытными временами русского театра, история XIX века не написана, если не считать труда Божерянова, который, по-видимому, не выйдет полностью в свет, а монографии и “хроники” необычайно жалки и весьма недостоверны. Зато именно в последние годы русские писатели, хотя и не специалисты, заинтересовались театром, и мы имеем немало кратких и сжатых статей, освещающих вопросы теории и даже техники театра и ставящих их в связь с общими вопросами культуры. Правда, очень многие из этих писателей любят теорию более, чем практику, навязывают театру не совсем близкое ему дело, и немногие из них действительно любят и знают театр как таковой, его своеобразный быт, его ни на что не похожие обычаи. И тем не менее мы должны быть благодарны этим писателям: прошло очень немного времени – и театральные люди успели уже многому научиться от них, кое-что даже воспринять и воплотить, хотя бы неуверенно, частично, часто – неудачно.

В наши дни мне кажется своевременным отметить тот мало еще заметный поворот, который произошел в русском театральном деле за последние годы. Это – только еще начало и предвестие какого-то большого дела, которое должно совершиться; но все пути к этому делу уже намечены историей, и мне кажется, что я не ошибусь и не буду лжепророком в тех доводах и выводах, которые предлагаю вашему вниманию.

Я имею намерение анализировать те так называемые “основы”, на которых покоится театр, и подвергнуть критике положение современного театра, который, как это всем известно, переживает далеко не праздничные дни, так как обманчивая прелесть “чеховщины” Художественного театра – лучшего театра наших дней, малоплодотворные искания театра Коммиссаржевской в течение полуторах сезонов, полное одряхление Императорских театров и бесконечная ветошь или нелепая беспочвенность провинциальных предприятий – еще не составляют праздника. Но если извне это так, то внутренне это иначе, и анализирующий современное театральное дело может прийти к выводам, гораздо более утешительным, чем посторонний наблюдатель. Ввиду этого мне кажется не лишним, исследуя грустный путь, по которому поплыл корабль русского театра, отметить то обстоятельство, что рука самой исто-

рии уже повернула рулевое колесо, и вдали бродит еле заметный, рассеянный свет маяка.

В задачу мою входит выяснение взаимоотношения автора, актеров, режиссера и публики, как оно есть и каким оно должно и может стать, лучше сказать, каким оно будет неизбежно, рано ли, поздно ли – это зависит от самих участников дела, от всех современников, в каком отношении к театру они ни стояли. Если современное состояние театра будет длиться еще – это будет лишь медленной агонией, “дурною бесконечностью” – длинным рядом компромиссов, на которые способны или безнадежно трезвенные, или безнадежно пьяные люди, то есть *полумертвые*. Ко всякой агонии, ко всякому медленному умиранию легко привыкнуть, и потому не грех расшевелить лишний раз человека, который заснул в дороге и готов свалиться в яму привычки. – Итак, я обращаюсь к моей теме.

2

Рассматривая прежде всего отношение между театром и литературой, между писателем и подмостками, определяющееся исстари, я цитирую надменные слова лорда Байрона.

“Положение современного театра не таково, чтобы он давал удовлетворение честолюбию, а я, тем более, слишком хорошо знаю закулисные условия, чтобы сцена могла когда-либо соблазнить меня. И я не могу представить себе, чтобы человек с горячим характером мог отдать себя на суд театральной публике. Насмехающийся читатель, бранящийся критик и резкие отзывы в прессе – все это бедствия довольно отдаленные и не сразу обрушивающиеся на автора. Но шиканье понимающей или невежественной публики произведению, которое – хорошо ли оно или дурно – стоило автору большого умственного напряжения, – слишком осязательное и непосредственное страдание, усиленное еще сомнениями в компетентности зрителей и сознанием собственной неосторожности в выборе их своими судьями”.

Байрон, возраят мне, не был истинным драматургом, и та самая трагедия “Марино Фалиеро, дож Венеции”, предисловие к которой я сейчас цитировал, истинно вдохновенная равеннская трагедия, не имела на английской сцене никакого успеха и была поставлена вопреки желанию автора. Но Байрон – как бы символ всей романтической гордости, заносчивости и высокомерия драматических писателей XIX века. Знаменательно, что словам Байрона, написанным в 1820 году, мы находим поразительно соответствующие, кровно родные, слова в устах не менее великого писателя конца века. Генрих Ибсен, идей которого мы до сих пор не можем постигнуть до конца, гений, умевший выражать высочайшие и самые низкие движения своей души вплоть до полемического задора исключительно в драматической форме, писатель, для которого сценическое изображение должно было быть, по-видимому, плотью и кровью его произведений, – чуждается театра, и в этом через все столетие протягивает лорду Байрону свою руку с тем высокомерием аристократизма, которое иногда пробуждалось в нем. По этой пренебрежительной и брезгливой руке нового демо-

кратического лорда мы видим перед собой Ибсена как живого, таким, как описывали его посетители и почитатели: “Недавно шел дождь, августовский вечер был сырой, серый, земля мокрая... Крыши хижин блестели от сырости, дорожка была в грязи... Вдруг мы увидели приземистого пожилого господина, который медленно, чинно, в глубокой задумчивости шел по дороге... Среди этой обстановки безукоризненность и изысканность костюма и всего облика Ибсена производили тем более сильное впечатление. Он напоминал жениха, нарядившегося, чтобы идти навстречу невесте... Черная бархатная визитка с орденской ленточкой в петлице, ослепительной белизны и свежести белье, галстук, завязанный изящным бантом, черная, плюшевого кастора, шляпа, размеренные движения, сдержанные манеры и выражение лица – все это заставило меня вспомнить те его стихи, где говорится, что он боится толпы, не желает быть забрызганным ее грязью, но хочет дожидаться будущего в свадебном наряде, без единого пятнышка” (из воспоминаний Паульсена).

По отношению к практике театра Ибсен держался крайне независимо. И, однако, с 1851 года и почти до своего отъезда с родины, то есть более двенадцати лет, он стоял непосредственно близко к сцене, будучи режиссером сначала в Бергене, потом в Христиании, ставя и Шекспира, и Гольберга, и Эленшлегера, и Гейберга, и Бьернсона и, наконец, собственные пьесы. Казалось, он имел время поставить театр на большую высоту. Между тем, когда актеров спрашивали, научил ли их чему-нибудь Ибсен, они отвечали обыкновенно: “Он только смотрел на нас, но ничего не говорил”. Актриса Вольф вспоминает его “робким человеком, который не возбуждал ни в ком охоты поговорить с ним откровенно, по душе. Он постоянно ходил, закутавшись в длинный плащ, и, когда кто-нибудь приближался к нему, совсем прятался в этот плащ, как улитка в скорлупу”. Он всегда был доволен игрою, а играли, по признаниям той же актрисы, посредственно. Был всегда усталым и любезным, особенно с дамами, которых всегда находил превосходными, без исключений. Случилось ему дать комической актрисе трагическую роль в собственной пьесе, и все протесты возбуждали в нем только упрямство и злость.

Это было в пятидесятых годах. А в 1891 году немецкий литератор Конрад записал следующий свой разговор с Ибсеном: Ибсен откровенно признался, что смотреть своего Штокмана его не тянет, что он ничего не имеет против пропусков в своей пьесе, лишь бы от того не было ущерба драматическому действию, что в театре он довольствуется настоящим сильным впечатлением. “Приходится брать людей театра, каковы они есть. *Когда-нибудь да опомнятся*”. И неоднократно признавался Ибсен в том, что театральные представления для него тягостны, на репетициях не бывал, на спектакли ходил редко и только из любезности, – с рыцарской вежливостью не допуская и мысли о том, что пьеса будет сыграна не так. “Не может быть, чтобы такие артисты играли плохо. Ведь они считаются здесь самыми лучшими”, – сказал раз Ибсен мемуаристу. Но артистов этих он не видал в глаза.

Должно быть, не любил Ибсен актеров; может быть, он даже не переносил их. Говорят, он знал и помнил в совершенстве каждую черту своих героев, его оскорбило бы, если бы у Норы на сцене оказались не такие руки, какие он

видел у нее – в мечте. Но не в этом лежит главная причина его театральной брезгливости. Прежде всего он всенародный воин, чьим орудием было пронзительное слово, как бич хлещущее жалких современников по гнойным стружьям; никто не имел силы выкрикнуть это слово так же громко, на весь мир, как кричал сам Ибсен; он кричал первый – и последний, другие умы и уста не вмещали его слов о будущем. Потому ему было все равно, кто повторит за ним живым, но замирающим эхом то, что начертано мертвыми, но огненными буквами в его книгах. По всей вероятности дело обстоит так и до сих пор: Ибсен слышнее со страниц книги, чем со сцены. И, наконец, перед Ибсеном расстилалось мертвое, хоть все еще цветущее, болото старого театра.

3

Я думаю, что вражда литературы с театром, писателя с актером – имеет свои глубокие, реальные причины, которые, как тучи, собирались медленно и долго и наконец занавесили весь горизонт.

Писатель – обреченный; он поставлен в мире для того, чтобы обнажать свою душу перед теми, кто голоден духовно. Народ собирает по капле жизненные соки для того, чтобы произвести из среды своей всякого, даже не крупного, писателя. И писатель становится добычей толпы; обнищавшие души молят, просят, требуют, берут у него обратно эти жизненные соки сторицею. Нет предела формам этих просьб и требований: девушка смотрит жалобным широким взглядом и просит: спой мне песню, чтобы я, как в зеркале, увидела в ней себя, чтобы стала краше, чтобы милый полюбил меня; обыватель говорит: расскажи мне про мое житье-бытье, чтобы стало мне до чрезвычайности жалостно, чтобы заскорузлая душа моя изошла в благодатных слезах о самом себе, о моей неприглядной жизни, о моей некрасивой и старой жене и золотушных детях; общественный деятель говорит: вдохнови меня на правое дело, не то останешься ты презренным тунеядцем и ни одна капля твоего пустого вдохновения не достанется обществу, которому ты обязан своим бытием; и нищий кричит: вопи богатым, чтобы они отпирали сундуки и делились золотом с нами, не то мы придем жечь, грабить и бить их, и тебя первого распнем! И многие другие просят и требуют у писателя того, что им нужно, как воздух и хлеб. И писатель *должен* давать им это, если он писатель, то есть обреченный. Может быть, писатель должен отдать им всю душу свою, и это касается особенно русского писателя. Может быть, оттого так рано умирают, гибнут или просто изживают свое именно русские писатели, что нигде не жизненна литература так, как в России, и нигде слово не претворяется в жизнь, не становится хлебом или камнем так, как у нас. Потому-то русским писателям меньше, чем кому-нибудь позволительно жаловаться на судьбу; худо ли, хорошо ли, их слушают, а чтобы их услышали, наполовину зависит от них самих. Есть редкие случаи аристократического брюзжания, недовольства всем на свете, скуки, апатии, недоверия, но они тонут в ином. И есть громадная косность и пресыщенность, все более забирающая в свои лапы часть народа, но это далеко не весь народ, а лишь тысячная доля его. Об этом речь будет впереди.

Итак, писатель обречен выворачивать наизнанку душу свою, делиться своим заветным с толпой. Так было искони, так это есть и теперь и так будет всегда, пока существуют писатели. Писатель, может быть, больше всего – человек, потому-то ему случается так особенно мучительно безвозвратно и горестно растрачивать свое человеческое “я”, растворять его в массе других требовательных и неблагодарных “я”.

Таков писатель. Если он ответственен, он таскает на спине своей слова бунта и утешения, страдания и радости, сказки и правду о земле и о небе – сколько ему под силу. Прошу помнить, что я только обобщаю и схематизирую, и точно так же, лишь обобщая некоторые черты, буду говорить сейчас об актере.

Что такое старый, традиционный тип актера? Какое бремя он носит на своих плечах? Да никакого. Был тяжелый камень под сердцем, было сознание великой ответственности за русскую сцену, были горячие речи и готовность пострадать, – но все это выветрилось, остались слова. Потому что старый театр остановился, перевел дух и умер, потому что потертый бархат и золотые кисти волнуют одним только воспоминанием, волнуют романтически, бездейственно, потому что романтическое биение в пьяную грудь, в которой дремали стихийные силы, превратилось в бутафорские удары по пустой пивной бочке. Кому угодно сожалеть, пусть жалеет, баюкая себя бесплодной печалью. Тем, кто смотрит в будущее, не жаль прошлого. Правда, мы были свидетелями великих уроков, но русская пословица “век живи, век учись” так же мещански плоска и отталкивающая, как многие русские пословицы. Бывает время, когда пора перестать быть пассивными учениками, иначе, по слову Писания, “свяжут руки и поведут туда, куда не хочешь”.

Если писатель есть по преимуществу человек (а он должен быть таковым), то актер, такой, каким создала его традиция, по преимуществу – *лицедей*. Может быть, он чертовски талантлив, но это только усугубляет его лицедейство. Он таскает в себе всегда непочатый угол героизма, вздувается от героизма, ему некуда деваться от привычки к тому, что он на сцене – герой, любовник, злодей. Таким же он пребывает в жизни.

На сцене – он Макбет, Ромео, Ирод. Но в современной жизни им соответствуют далеко не столь благородные характеры. По слову Владимира Соловьева:

...многое уж невозможно ныне:
Цари на небо больше не глядят,
И пастыри не слушают в пустыне,
Как Ангелы про Бога говорят.

И потому совершенно было бы последовательно герою, любовнику и злодею превратиться в обыкновенного хулигана, и удивительно, если это не происходит. Это было бы только “исполнением всякой правды” – водворением в жизни законов лицедейства.

Но в жизни иные законы, чем на сцене. И потому, когда героизм или злодейство переносятся в жизнь, то здесь они называются другими именами. Ге-

роизм Макбета в современной жизни – есть прежде всего необразование, полная остановка духовной жизни и, может быть, грубая сила, которая в лучшем случае бездейственна, потому что – корыстна и только телесна. Итак, может оказаться, к прискорбию, что талантливый Лир или Ромео в жизни ничем, кроме безграмотности, пьянства и буянства, – не может проявиться. Мне скажут, что нам не должно быть никакого дела до закулисной стороны, раз талант налицо. Но все дело в том, что от этих потрясающих талантов не осталось ничего, кроме прекрасных воспоминаний, и на наших глазах оканчивает свое существование даже та плеяда великих итальянских трагиков, которая вдохновляла и нас, русских, а новые (вроде молодого Сальвини или Цакони) – уже не велики. И это не случайный и, уже по тому одному, не грустный факт. В переходные эпохи не может быть великих талантов, переходные эпохи значительны именно тем, что оскудевает стихия, но зато слышны звонкие удары человеческого молота. Это – человек, весь окровавленный, избитый, израненный, идет к своему возрождению лишь ему ведомым, страшным, трагическим путем.

Итак, последовательный старый лицедей, потерявший человеческий образ и заменивший его осанкой Макбета, есть грубый неуч. Лицедей, потерявший талант, есть уже просто “старая кляча, идущая ломать своего Шекспира” – без британского благородства великого Кина и без романтического восторга Дюма. Жалко, – но жизнь торопится и не ждет.

Что же делать с таким лицедеем писателю – обреченному, тому, кто находится ежечасно под угрозой народного гнева, под манием народного благоговения, “жениху, вышедшему навстречу невесте” в сырой августовский вечер, под внешней маской брезгливого аристократизма? Пустое сердце старого лицедея враждебно всякой новизне. Актер, у которого не осталось за душой ничего, кроме биения здоровым кулаком в хриплую грудь, готов превратить принца Гамлета в грустного красавчика, Эллиду – в уездную Клеопатру. И писатель брезгливо отворачивается, махнув рукой, оставив всякую надежду на подобающее сценическое воплощение его заветных дум. Человек, тот, кому дороже и выше всего звание человека, человек “по профессии”, словом – писатель, – не может с открытой душой протянуть руку лицедею, тому, кто заведомо утратил свое человеческое достоинство, поселил в живой когда-то душе своей слабого гомункула, мертворожденный героизм. И всякое двоедушие, трусость, компромисс – только отодвигают желанную катастрофу, неизбежный и радостный час, когда писатель скажет окончательное “нет” фальшивым румянам, заклеит убийственным презрением мертвых искажителей живой мечты.

4

Кажется, мы переживаем эпоху, когда прямое или косвенное презрение писателей к сценическому воплощению своих произведений дошло до апогея. Больше всего подтверждение этим моим словам я нахожу в том факте, что вопрос о *режиссере* стал насущным вопросом театра и даже модным у публи-

ки вопросом. Режиссер – это то незримое действующее лицо, которое отнимает у автора пьесу, потом указывает автору ближайший выход из-за кулис театра (такие выходы всюду имеются “на случай пожара”) и вслед за тем истолковывает актерам пьесу по своему разумению, так что автор, явившийся на спектакль посмотреть свое произведение, зачастую не может от изумления произнести ни одного слова. Впрочем, искажение пьес уже входит, я думаю, в привычку, и авторы их даже не особенно изумляются. Я привел, разумеется, очень резкий пример театральной бесцеремонности. Но представим себе более обычное явление: современный драматург приходит в театр, по большей части, не любя самого вещества театра, будучи совершенным невеждой в театральном деле, испуганно озираясь, как редкий посетитель цирка, при входе в незнакомую ему пряную атмосферу со смешанным запахом земли, конюшен, румян, декораций. Перед ним целая фаланга совершенно неизвестных ему актеров и актрис, тайно презираемых им исстари, по выше уставленной традиции, но зато уж вдвое презирающих его – чужого, кабинетного человека, чуждого всякой богеме, – презирающих явно, по свойству прямодушной актерской души, презирающих тоже *исстари* за то, что им хотелось бы всем сыграть Макбетов и Клеопатр, а в пьесе по нынешним временам редко попадается даже хоть одно отдаленное подобие Макбета и Клеопатры. И вот – автор растерян и фактически должен был бы ретироваться, не случись поблизости режиссера. Режиссер, в наше время, часто – человек передовой и начитанный, кроме того, очень сведущий в театральном деле. В скольких бы “беседах”, “считках” и пр. ни участвовал современный автор, он будет в театре “последней спицей в колеснице”, потому что здесь он – невежда, потому что он говорит с актерами на чуждом им, отвлеченном, книжном диалекте, потому что он не имел ни желания, ни умения обдумать собственную пьесу в технических подробностях, потому что он поневоле заскакивает вперед, говорит о том, что ему хотелось бы сделать, а не о том, что он сделал, и тем окончательно сбивает с толку актеров, еще и еще раз восстанавливает их против себя, при этом, может быть, понимает все это, но оттого только окончательно теряется и запутывается.

А режиссер говорит с актерами на театральном языке. Ему вторит художник, который в последнее время точно так же подошел к театру вплотную; к чести своей – не только не погнушался театральной техникой, но полюбил ее и узнал. И вот произносят они им одним ведомые, таинственные слова о софитах, бережках, щитках и колосниках и понимают друг друга все с одного слова, а автор сидит и ничего не понимает, как посторонний пассажир на большом корабле, всецело зависящий от власти капитана, когда корабль в плаванье, недоуменно рассматривающий сигнальные флаги и огни, праздно слушающий слова морской команды.

Всегда ли так было? Мы знаем обратное: древние трагики, средневековые драматурги, Шекспир, Мольер – сами ставили свои драмы. Возвышение режиссера произошло по причинам совершенно понятным, но вполне отрицательным: во-первых, автор махнул рукой на театр, перестал ждать от него воплощения своих идей и разучился театральному делу; во-вторых, актер поте-

рял живую душу, стал лживой героической куклой, которая переносима лишь тогда, когда ее держит на золотой цепи сведущий и трезвый человек. “Обновление началось в сердцах режиссеров, – говорит Аничков в своей статье о театре, – и вот выдвинулся режиссер более, чем хотел бы сам. Режиссерское возрождение само считает себя временным, театральным ученичеством, и в будущем, вместе с лучшими из современных режиссеров, надо ждать возрождения игры актера”.

“Режиссер теперь самодержец театра, – говорит А. Белый. – Он возникает между актерами, зрителями и драматургом. Он разделяет их друг от друга. Так узурпирует он права автора, вмешиваясь в творчество. Поэтому должен он быть и мудрее драматурга: не только знать сокровенные переживания драматурга, но и окружить эти переживания должной оправой. В этой оправе подносит он автора зрительному залу. Одновременно бороться с актером, исправлять постановкой ошибки автора и учить новой жизни зрительный зал – такова задача современного режиссера; и, конечно, задача эта невыполнимая. Тут режиссеру вменяется в обязанность быть мистагогом толп”.

И, наконец, я цитирую третьего автора, который, по моему мнению, окончательно разоблачает вопрос о режиссерском деле. Разоблачает тем более, что это – мнение Мейерхольтда, который сам – талантливый режиссер. В своей остроумной схеме Мейерхольтд различает два метода режиссерского творчества: первый нежелателен, по его мнению, так как лишает творческой свободы не только актера, но и зрителя, заставляя первого во всем подчиняться режиссеру, а второго – воспринимать все через режиссерское творчество; второй – это “театр прямой”, то есть такое взаимоотношение, при котором автор, режиссер и актер располагаются по отношению к зрителю на одной прямой: автор передает свой замысел режиссеру, а актер, воспринимая этот замысел *через режиссера*, раскрывает *свободно* свою душу перед зрителем. Все это так, но уже слишком ясно, что режиссер занимает здесь такое важное место лишь потому, что автор – невежда, в актерском деле, а актер – в авторском. При этом, отвечая на мое возражение, Мейерхольтд делает примечание: «А. Блок боится, что актеры такого театра “могут сжечь корабли пьесы”, но на мой взгляд “разноголосица” и крушение мыслимы тогда только, когда “прямая” будет превращаться в волнообразную. *Опасность устраняема, если режиссер верно истолковал автора, верно передал его актеру, а последний верно понял режиссера*». Подумаешь, этого мало! Ведь все дело в том, что сплошь и рядом, будь режиссер семи пядей во лбу, он неверно толкует автора, тем более неверно передает его актеру и тем более актеры неверно понимают режиссера!

Итак, вопрос о режиссере – исключительно модный вопрос. Дело, правда, усложняется тем, что потребен театральный человек для постановки *старых* пьес, но и в этих случаях можно найти средство избежать присутствия все одного и того же лица, которое неизменно, по одному способу, наставляет актеров. Против постоянного режиссера говорит еще одна неоспоримая психологическая истина: *привычка* поселяет дух разврата во всех областях жизни, и также – в жизни театральной. Вдохновителем чьим бы то ни было, а осо-

бенно вдохновителем актера, у которого капризная психология богемы, должен быть свежий, непривычный человек. Стоит к нему привыкнуть, и его обаяние разлетается прахом, и неизбежно становится режиссер каким-то духовным собутыльником труппы, а следовательно, тайным или явным врагом писателя – его идей, требований и мечтаний.

5

Перевелись таланты. Некому стало потрясать зрительный зал громами гениальной страсти, и погасла сама страсть, по уверениям по крайней мере Мориса Метерлинка. Понадобился ансамбль, и вот актеров стали подбирать по мерке и устанавливать, как кукол, при помощи режиссера. Но вместе с тем началось обновление среди самих актеров. Стоящие вдали от театра имеют право говорить, что театр падает, и томиться отсутствием талантов; мы же, стоящие близко, не имеем этого права; напротив, пристальное наблюдение открывает нам много надежд в будущем, и даже в ближайшем будущем.

Старый актер имел подобие героя, пока у него был талант. Бездарный герой мгновенно превратился в забулдыгу. Новый актер сбросил со своих плеч традицию дутого героизма, потому что ему стало не до того: перед ним еще в ученические годы открылись пропасти, противоречия и прозрения современной души. Человек истинно современный нам *не может* обойти эти противоречия; надо сидеть всю жизнь в своем кабинете, или служить в департаменте, или жить в понятиях XVII века, чтобы избежать их. И противоречия эти, будь они восприняты самым наивным образом, не могут не быть мучительны, ибо достигают сердца человека, касаются самых интимных сторон жизни, о которых не всякий поведает другому, и тем самым заставляют человека не заботиться о маске, не дорожить своим только добром, но наблюдать во всем окружающем печать своего раскола. И вот новый актер – уже не масочный герой, а человек, страдающий с другими вместе, человек эпохи “крушения индивидуализма”. Он, в общем, не талантлив, потому что эпоха раскольническая, мучительная, переходная. Но он уже задумчив; его душа уже истончается и образывается; его уже терзают сомнения в себе и окружающем, а сомнение – это верное начало знания. Старый лицедей мог быть продерзостным во всем, но для него оставались незыблемыми подмостки и его собственное, раздутое героизмом “я”. Новый актер может быть робок и неуверен в себе на подмостках, но у него есть уже тот таинственный пафос дерзости, который способен превратить нашу жизнь в сплошной и никогда не бывалый праздник. Этот пафос – страдание, вырастающее до неба и вновь возвращающееся к нам оттуда горящими лепестками роз; этот пафос – готовность всегда погибнуть лишь с тем, чтобы гибель была прекрасна; готовность к творческой гибели, которая озаряет внутренним светом лицо человека, дает ему сверхъестественные силы для одоления преград, освежает прохладным ветром старую, затхлую душу. За обломками старой разрушающейся психологии всегда сквозит свежая человеческая душа.

Итак, актер приобретает черты нового человека. Ему уже не чуждо страдание и сострадание, то, что снимает лживую маску с лица и открывает доступ к чужой душе. И, несомненно, это роднит его с писателем. Еще сильна старая ненависть лицедея и старое пренебрежение аристократа духа, но уже есть какая-то возможность протянуть друг другу руки и отдаться вместе одной работе.

6

Я старался описать подготовленное исторически и господствующее теперь отношение между автором, режиссером и актерами и для наглядности, разумеется, многое подчеркнул и преувеличил; на самом деле отношения эти совсем не таковы. Прежде всего драматический автор вовсе не носит на лице своем резко выраженной и пренебрежительной гримасы, просто ему нет больше никакого или почти никакого дела до постановки собственной пьесы: сбыл с рук – и делу конец. Режиссер, со своей стороны, вовсе не настаивает на своей исключительной автономии, он готов пустить автора за кулисы, может быть потому, что не боится конкуренции, а может быть потому, что и ему не много дела до постановки произведения *по существу*. И, наконец, актеры тоже не питают ни особой ненависти, ни особой любви ни к сцене, ни к автору, ни к режиссеру, ни к пьесе. Они еще ужасно заняты собой, тревогами и страхами за свою несостоятельность. За театральными кулисами господствует скука и томление духа порою больше, чем даже в зрительном зале. Любовь и ненависть выродились и с роковой неизбежностью перешли в следующую стадию своего развития, имя которой – “наплевать”. Картина очень неприглядная. Представим же теперь себе, обратно, самое лучшее, что может дать, при современном состоянии русского театра, сценическое представление, ну хоть в Петербурге.

Конечно, мы представим себе при этом произведение не слишком утонченное, не спорное в сценическом отношении, с одной стороны, произведение не тенденциозное – с другой, произведение не будничное, но и не целиком фантастическое, – с третьей. Мы возьмем, конечно, высокую драму или высокую комедию, то есть такое произведение, которое, оставаясь творением истинно художественным, должно при посредстве высокого смеха или глубокого страдания очищать душу воспринимающего. Пусть это не будет даже древняя “Гроза” Островского или “Женитьба” Гоголя. Предположим, что написана или переведена с чужого языка такая новая драма, которая бесспорно обладает действием и, следовательно, подлежит сценическому воплощению, в которой есть сильные порывы, занимательные и эффектные положения, возрастающий пафос, большая и умелая развязка. Предположим, что или режиссер, по редкости случая, воспринял авторский замысел с благоговейной тонкостью и чуткостью, или автор вдруг возлюбил театр, декорации, бутафорию, запах кулис, постиг все непонятные термины и с восторгом смышленного младенца сыплет ими направо и налево, причем попадает как раз в точку. Предположим, что актеры забыли интриги и так воспылали жаждой играть пьесу, что героиня охотно согласилась играть служанку в королевском двор-

це, а третьестепенному актеру без всяких споров и от чистого сердца отдали роль скорбного принца; а художник создает тем временем очаровательные декорации, костюмы и позы. Словом, все идет как по маслу, и на спектакле, что называется, комар носа не подточит: героиня играет служанку с должной скромностью, и скорбный принц совершенно на месте. Автор простирает объятия режиссеру, режиссер – автору, все взаимно благодарят друг друга за выучку и за солидарность, и, при громе аплодисментов, шестьдесят восемь участников торжества выходят кланяться семнадцать с половиной раз. Это ли еще не самая большая, не самая чудодейственная скука? Скука – шестьдесят девятое действующее лицо, которое безмолвно стоит тут же, около размалеванной кулисы, самодовольно разглаживает ее своей мерзостной костлявой ладонью и даже не раскланивается с публикой, потому что слишком хорошо знает, что черед ее придет завтра утром – не позже, когда участники и зрители торжества проснутся. Может быть – раньше утра, глубокой ночью, когда самый прозорливый участник торжества с бледным лицом готов “отойти в угол, наклониться, точно собираясь плюнуть, и выстрелить себе в рот, еще пахнувший вином”, как одно действующее лицо в “Призраках” Леонида Андреева. Дай Господи, чтобы это была *только скука*, та здоровая скука, когда хочется плюнуть на все, что манило, нравилось, влекло. Но если заведется *тоска* и запоет вблизи, как шарманщик на дворе в последние осенние дни, тогда не легко сдобровать прозорливому человеку.

Та *действительно* великая, действительно мучительная, действительно *переходная* эпоха, в которую мы живем, лишает нас всех очарований, и на всех перекрестках подстерегает нас какая-то густая мгла, какое-то далекое багровое зарево событий, которых мы все страстно ждем, которых боимся, на которые надеемся. Кажется, ярче всех до сих пор трепет нашего рокового времени выразил тот же Леонид Андреев.

“Великолепный, чрезвычайно богатый зал. Статуи, картины старых и новых мастеров, мозаика, мрамор, тропические цветы... Из предосторожности горят не все огни, и освещен зал тускло; всю заднюю стену занимают большие, почти до пола, окна, за которыми клубится ярко огненно-красное зарево пожаров. Когда в зале темнеет, на пол от окон ложатся широкие багровые полосы, и люди, стоящие у окон, бросают длинные черные тени. В том, как беспорядочно расставлена мебель, и *в том, что хозяев трудно отличить от гостей, в движении танцующих, в забвении некоторых приличий* чувствуется страх и ожидание. Музыка, помещающаяся на хорах, то начинает играть громко и бравурно, то беспорядочно замолкает; и одна какая-нибудь труба нелепо долбит свою ноту и сразу испуганно обрывается – точно охнув.

Движения собравшихся суетливы. Быстро образуются группы и так же быстро распадаются, *потому что все ищут нового и успокоительного*; почти никто не сидит. Часто с осторожностью подходят к окнам и заглядывают на улицу, иногда безуспешно пытаются задернуть прозрачные гардины.

И во все время картины где-то недалеко бухает набатный колокол голодными призывными звуками; и кажется после каждого особенно сильного уда-

ра, что ярче стало зарево и беспокойнее движения гостей. Удары колокола то учащаются, и тогда в них чувствуется надежда, радость, почти торжество, то становятся медленными, тяжелыми, печальными, точно устали и руки и сердце старого *Звонаря*.

Так же непрерывно слышится хриплый рог *Смерти*. То далекий, то до ужаса близкий, он минутами заглушает все остальные живые и мертвые голоса; и тогда как бы сами гаснут многие огни, и все замирает в неподвижности, и по полу ложатся длинные черные тени от ярко багровеющих окон” (“Царь Голод”, начало четвертой картины).

Да, мы накануне “великого бунта”. Мы – накануне событий, и то, что не удалось один, другой и третий раз – удастся в четвертый. Закрывать на это глаза – это ведь только “переход к очередным делам”. Сколько бы мы ни танцевали, движения наши, хотя бы маленькие, почти неприметные, выдадут нас. И “мебель беспорядочно расставлена”, да и “хозяев трудно отличить от гостей”, да и “некоторые приличия мы забыли” – действительно забыли. Те, кто доволен настоящим, пусть успокоится: ведь это очень мало еще заметно и приличный забыто еще не так много, так что можно еще не трудиться выгонять из своего салона людей, забывших эти *маленькие* приличия.

Итак, мы живем в переходное время, надеюсь, это ясно всем? На перекрестках подстерегает нас тоска, но, если вам угодно, наймите хорошего извозчика и поезжайте смело, она пока не догонит вас, и даже вы с вашими дамами окатите ее грязью с резиновых шин. И она, как голодная шавка, подожмет хвост, если вы плеснете в нее золотым шампанским. Только вот не станет ли вам скучно по другим каким-либо причинам? Ну, например, разонравятся вам ваши дамы, или шампанское, или дрожки? Дай Бог. Не всё же веселиться, пора и поскучать – не пора ли? Не пора ли? Остаться одному, как шест на снежном поле, растратить душу, закручиниться и не знать, куда пойти, – стать “нищим духом”. “Надо же человеку, чтобы было, куда пойти”, – говорил Достоевский. Должно быть, надо. И вот, вероятно, единственная дорога для человека, который остался один, потерял душу, обнищал: дорога к *делу*. А для того, кто изведал сладость, а потом и горечь старых дум и старых дел, остается живым только одно *новое дело*.

Для этого нового дела есть богатая почва во всех областях русской жизни, русской общественности, русского искусства. Такая благодарная почва, как ни в одной стране. И, так как сегодняшняя тема моя – драматический театр ближайшего будущего, – то я и буду говорить о новом деле, которое представляется мне реальным и воплотимым в этой области русского искусства.

7

Каждый день мы видим своими очами, слышим своими ушами многообразные примеры умственного и нравственного упадка. Мы читаем у критиков журнальных и газетных бесконечные жалобы на полную несогласованность современных явлений в любой области. Более слабые пищат жалобно, как мухи, попавшие в паутину, более сильные клеймят презрением современни-

ков и указывают на лучшее будущее, более отчаянные каются публично, как бы становясь на колени среди площади, каются в том, что и они сами заражены противоречиями, которым нет исхода, что они не знают, чему сказать “да”, а чему “нет”, что это и вообще невозможно при современной неразберихе, что они *потеряли критерии добра и зла*.

Есть во всем этом чрезмерная радость, соленая морская волна такой широкой радости, в которой легко захлебнуться пылающему сердцу. Кто-то строгий отпустил наконец рабов своих, но отпустил не с миром, а злобно, швырнув их в глубокий омут, бросив вслед им золотые цепи: “Освобождайтесь, как сами знаете”. И вот – мы в омуте, мы захлебнулись в душевной волне, и, кажется, под нами нет дна. Но мы захлебнулись еще и небывалым восторгом освобождения, ибо все, что осталось от прежнего рабства, как бы сосредоточено в этих страшных вблизи, но безобидных издали, водах омута. Стоит доплыть до берега – мы выйдем, и почувствуем под собой землю, и увидим, что вода, которая сковывала члены, – нестрашная, обыкновенная заводь речная – “лесная топь”. Если мы сильны, мы доплывем, если слабы – утонем. Но рядом со мною, борющимся и надеющимся на свою силу, – я вижу ясно – есть *другой*. Я вижу ясно, что он силен, и надеюсь на него так же ярко, как он надеется на меня. Мы пышем друг на друга полымем взаимной надежды. А вот там – еще многие – и они доплывут. Могут – значит должны. Но все мы еще рассеяны и не сошлись на желанном берегу, оттого каждый из нас плывет и борется со стихией *по-своему*. Борется не на жизнь, а на смерть, но издали можно подумать, что это – веселое плаванье, точно морская прогулка беклиновских кентавров, речное веселье красивых наяд.

Да, среди нас нет согласия. Не только между отдельными людьми, но и в каждой отдельной душе выросли преграды, которые нужно рушить во имя цельности и единства; преграды разбивают наши силы, и часто – слишком часто – мы говорим человеку: люблю тебя, уже точка нож на него за спиною. Мы говорим: презираю тебя, ничего в этот миг не желая так сильно, как броситься к нему и заключить его в братские объятия. Мы говорим женщине: ты – весь мир для меня, – и вот уже она опостылела нам, и мы страстно жаждем, чтобы весь мир просиял для нас вдали от нее, чтобы ее тяжелая тень ушла из этого мира. Я знаю, и знаю не один, всю эстетическую ценность этих двойственных переживаний. И в них есть свой восторг, ибо ничто в этом мире не избавлено от душевной, грозовой дымки восторга и во все может влюбиться душа. Но эстетика – не жизнь, и если первая венчает изменника, уничтожающего любимое, то вторая беспощадно карает его и бьет бичом Судьбы, лишает его силы, связывает ему руки и “ведет его туда, куда он не хочет”, – дальше от берега, в глубь речного затона.

И, может быть, вся наша борьба есть *борьба за цельность жизни, против двойственности эстетики*. Это – как бы новое “разрушение эстетики”. И в этой борьбе терзает нас новое, быть может, самое глубокое противоречие: *мука о красоте*. Ведь жизнь – красота. Как бы, “разрушая” эстетику, сокрушая двойственность, не убить и красоту – жизнь, цельность, силу, могущество. Вихрь чувств, мыслей, движений вдохновения, страсти, бессилия, отчая-

ня: где добро и где зло? Чему сказать свое прямое “да”? Кому крикнуть свое честное “нет”?

Но я должен вернуться к теме. – Критики были бы правы в своих безысходных жалобах на современное растление и праздное брожение общественных и личных сил, если бы снега, застилающие наши дороги, не дышали нам в лицо весной. Пока лежит снег, мы не знаем, куда идти, где приклонить голову. И вот мы свидетели давно не слыханного: передовые умы сравнялись по отношению к некоторым вопросам с умами, не могущими отдать себе отчета в самых простых явлениях. Передовые умы не могут сказать прямого “да” или “нет”, противоречия и двойственность заразили всех поголовно. Мы говорим обо всем так вяло и так бледно – но почему? Потому что в корне всех проблем, развернувшихся перед нами, лежит одна какая-то гигантская предпосылка, имя которой – *сомнение*. Нас приглашают к гносеологическому обоснованию наших суждений. Я не думаю, чтобы это было воистину хлебом для нас. Теория познания может оказаться самым тяжким камнем для того, в ком заражены сердце, кровь и воля – заражены горестными восторгами современности.

Мы страшно много говорим о *театре*, вмешиваемся во все подробности, закулисные вопросы становятся модными, слово “стилизация” – достоянием распивочных листков; публика готова слушать самые конкретные и самые отвлеченные речи о театре прошедшего, настоящего и будущего. Но чем больше мы говорим об этом, чем глубже зарываемся в подробности истории и техники, тем неумолимей восстает перед нами основной вопрос. Речами этого вопроса не заглушить. И вот я хотел бы встретить человека, который от чистого сердца, глядя мне прямо в глаза, ответит мне: *нужен или не нужен театр?* Я знаю, многие сочтут этот вопрос праздным, грубым, *утилитарным*. Я не отрицаю страшной опасности утилитарной постановки вопросов об искусстве, но, как мне уже приходилось писать, считаю эти вопросы глубоко современными и насущными. Такого вопроса “конем не объедешь”; если формула “искусства для искусства” пуста, как свищ, а формула “искусство для жизни” – плотна и противна, как сытное кушанье, – то лучше останемся без всяких формул, но не будем игнорировать того камня, на котором суждено всем нам споткнуться.

8

Итак, нужен или не нужен театр? Так же, как я знаю, что внешним образом все или почти все ответят мне: “Нужен”, так же я знаю, что все скроют от меня свое самое тайное, самое глубокое сомнение. Ибо – где же *критерий?* Посмотрите на петербургские или московские театры – все без исключения.

«Театр не вышел из своего угнетенного состояния. О нем много пишут и говорят, на него тратят много денег, но как культурная сила он остается величиной ничтожной. *Театр остается местом развлечения*. Это развлечение бывает иногда красиво, изящно, *не без идейного оттенка*, чаще грубо, вульгарно, низменно; *но уже одно отношение к театру как к развлечению губит*

его. Драматурги знают “свою публику”, публика привыкла к “своим драматургам”, и вечера, миллионы вечеров в тысячах дорогих и простеньких театров мира представляют из себя такое же убивание времени, как винт».

Это – цитата из замечательной статьи Луначарского – о социалистическом театре. Примечательно, что эти слова как бы повторение смысла слов Лессинга, который говорит в “Гамбургской драматургии”: “Хорошо известно, как серьезно относились греки и римляне к своему театру, особенно же греки и особенно к трагедии. Напротив того, как равнодушно и холодно относится к театру наш народ! Откуда же это равнодушие, если оно не объясняется тем фактом, что греческий театр наполнял зрителей такими сильными и необычайными ощущениями, что они едва могли дожидаться того момента, когда снова и снова будут испытывать их; мы же получаем от нашей сцены столь слабые впечатления, что редко считаем их стоящими затраченных денег и времени. Мы почти все и почти всегда идем в театр из любопытства, из моды, от скуки, из желания быть в обществе, из желания на людей поглядеть и себя показать; лишь немногие и очень редко идут в театр под влиянием других побуждений”.

Итак, мы видим чрезвычайное совпадение мнений великого критика театра XVIII столетия – и критика начала нашего века... Если мы вслушаемся еще в слова Рихарда Вагнера, сказанные им в годы революции прошлого века, и поверим ему, то совершенно отчаемся в реальной ценности какового бы то ни было театра в наши дни, ибо “добросовестный художник, – говорит Вагнер, – должен признать с первого взгляда, что христианство не было искусством и не могло никоим образом дать жизнь истинному живому искусству”. Истинная сущность искусства, “которое в настоящее время заполняет весь цивилизованный мир”, – “индустрия, его моральная цель – нажива, его эстетический предлог – развлечения для скучающих. Из сердца нашего современного общества, из его кровеносного центра, спекуляции на широкую ногу, берет наше искусство свои питательные соки, оно заимствует бездушную грацию у безжизненных остатков рыцарской средневековой условности и благоволит спускаться с видом христианской благотворительности, которая не брезгует даже лептой бедняка, до самых глубин пролетариата и, нервирруя, деморализуя, лишая человеческого облика, всюду, где разливается *яд его соков*”.

“Оно поселяется по преимуществу в театре так же, как и искусство греков – в апогее своего развития; и оно имеет право занимать театр, так как является выражением общественной жизни нашей эпохи. Наше *современное театральное искусство* воплощает собой доминирующий дух нашей общественной жизни... Оно как бы являет собою расцвет нашей цивилизации, подобно тому, как греческая трагедия характеризовала апогей греческого интеллекта. *Но этот расцвет есть лишь расцвет гнилого общественного строя, пустого, бездушного и противоестественного*”.

Сопоставим теперь эти мнения с мнениями о театре современников. Здесь представляет большой интерес недавно вышедшая “Книга о новом театре” (изд. “Шиповника”). И, конечно, прежде всего – это не книга, а величайший показатель нашей умственной разъединенности. Многие авторы говорят

на совершенно незнакомых друг другу языках. Тем интереснее: это как будто ряд ответов на анкету о театре. Сколько мне известно, не все приглашенные к участию в этой книге дали свои статьи, но мы можем восстановить их мнения по другим источникам.

Подробный обзор этих мнений не входит в мою задачу. Моя цель скорее – указать, в чем солидарны авторы ответов. И вот эта печальная солидарность:

1) Авторы говорят вдохновенно только о театре отдаленного прошлого и отдаленного будущего, как бы махнув рукой на ближайшее. Как только они пытаются дать точный рецепт или практический совет, голоса их срываются, мнения обесцениваются. Вот почему всего более зажигают нас мысли о театре – Луначарского (автора выше цитированной статьи) и Вяч. Иванова (изложившего свои взгляды в ряде статей, как, например, “Предчувствия и предвестия” (“Золотое руно” № 4 за 1906 г.) и др., помещенных не в этой книге). Оба эти писателя как раз придают мало значения современности, пламенно пророчат о будущем, один – о расцвете великого театра в будущем социалистическом строе, другой – о расцвете всенародного театра в будущую “органическую эпоху”, – и оба говорят на разных языках.

2) Отозвались на анкету о театре критики и поэты. Присяжные драматурги блистательно отсутствуют. Даже те, кто говорит о театре, часто не любят самого театра как такового, его кулис, его запаха, его праздничной жизни, той тяжелой радости преодоления материала, которая нигде не дает себя знать так сильно, как в театральном искусстве.

Подведем итоги. Говорят о прошедшем и о будущем театра; современный театр или коснеет в неподвижности, или предается исканиям, имеющим мало почвы под ногами. Что же, значит, суждено ему оставаться таким и впредь? Почва или обратилась в трясины, или совсем ушла из-под ног. Критериев нет, определенного “да” и “нет” сказать никто не может. Значит – смерть? Значит – не нужно театра?

9

Мы говорили об авторе, об актерах, о режиссере. Мы не сказали только об одном – о театральной публике, которая составляет незыблемую основу театра. С ней теперь или считаются рабски, или совсем не считаются. Но не так же ли поступает и она? Принимает рабски одно и безраздельно глумится над другим.

Вопрос о современной театральной публике и есть, по моему мнению, тот магический ключ, которым отпирается заколдованный ларчик. И отпирается просто.

Я говорил о том эффекте, который может дать лучшее театральное представление в наши дни: “внешний” успех, может быть, будет, но чем ярче этот внешний успех, тем больше данных к тому, чтобы проснулась и запела тонким голосом роковая тоска. Даром потраченный труд всегда дает себя знать, и вот, когда публика остается внутренне равнодушной после любимого театрального представления, будь то Ибсен или Шпагинский, Метерлинк или Шекспир, то с неумолимой логикой возникает вопрос о ненужности всякого театра.

Я внимательно наблюдаю эту публику. Известно, какая разительная разница существует между верхами и партером. В партере всё больше говорят о сытных обедах, о родственниках и о политике, а наверху всё больше о Каутском и о студенческих делах. Об одном только не говорят нигде – это об идущей на сцене пьесе. Помню, Далматов играл “Короля Лира”; мне посчастливилось быть на представлении, быть может, единственным, когда он играл с неподражаемым трагическим подъемом. Публика похлопывала из вежливости. Играет Дузэ – в антрактах скучно, а под конец все верхи бегут к рампе и, наступая друг другу на ноги, отхлопывают руки: во имя кого? Конечно, во имя знаменитой Элеоноры Дузэ, той, которая посетила Петербург, но только не во имя великой любовницы – Маргариты Готье. Идет в театре Коммиссаржевской “Строитель Сольнес” Ибсена, быть может, величайшая из ибсеновских драм – драма, в которой таинственный трепет диалога, одному гению доступный, заставляет забывать все окружающее, – в театре скучно и серо, но под конец опять верхи бегут к рампе, за которой стоит для них не Гильда, а В.Ф. Коммиссаржевская, популярная среди молодежи.

Так обстоит дело с Шекспиром, Дузэ, Ибсеном. Спустимся ниже. Идет “Пеллеас и Мелизанда” Метерлинка. Мейерхольд тушит все огни (прием, к которому я отнесусь совершенно отрицательно, так же как совершенно отрицаю всю постановку этой “трагедии” Метерлинка). Публика в полном мраке – чихает, кашляет, сморкается, начинают приходиться в голову горбуновские анекдоты. Словом, не нравится, и “настроения” не выходит, но хлопают, говорят: “стилизация”. Идет в Александринке “Вторая молодость” Неvejeина – пьеса тошнотворно старая, и играют ее до жалости дряхлые актеры, которым давно пора на “покой”. Кашляют и хлопают. Говорят: “Савина”. Идут у Красова “Черные вороны” – публика почуяла свое: на сцене страшно серо и средне, актеры – не актеры, а “светлые личности”, слова – не слова драмы, а слова обличительного фельетона. Публика вдохновилась скукой и благодарит за каждый монолог – аплодисментами среди действия. Итак, г. Протопопов – величайший драматург современности? Он нужен нам, как хлеб? Ведь он находчивый писатель, он сумел подмигнуть обывателю – либерализмом старой скуки, такой уютной и мещанской скуки, от которой на душе сладостно и трогательно. Безобидно, не страшно, ничего не хочется – только хочется того, чего “зуб неймет”, как говорит старый привратник у Шекспира в ту страшную ночь, когда тан кавдорский зарезал короля Дункана.

Итак, “Черные вороны” Протопопова? Но в таком случае пусть закروются все театры мира, пусть заколотят свежим тесом все входы и выходы и пусть ласкает только весенний ветер жалостно шелестящую траву, которой поросли паперти этих храмов когда-то высокого искусства. Должно изгнать из храма торгующих, тех, кто пришел сюда “для забавы и смеха”. Но ведь “Некто в сером”, который сделался предметом беззубых газетных пародий, чье имя произносят уста любого интеллигентного забулдыги, – никто, как он, стоя неподвижно в матовом столбе бледного света, бросил в зал со сцены тяжелые, роковые и страшные слова: “Смотрите и слушайте вы, пришедшие сюда для забавы и смеха, вы – обреченные смерти”.

Может быть, этих последних слов никто не расслышал? Или если расслышал, то отчего же никто не закричал, не запротестовал, никто не заплакал, никто не убежал из театра?

Мне случилось смотреть представление “Жизни Человека” со сцены. Благодаря полной темноте можно было ходить по сцене, почти рядом с действующими лицами, смотреть на публику и слышать вблизи потрясающие и навсегда памятные мне слова пролога. Вся сцена до глубины была затянута сукном; как бы видно было торжественное и строгое лицо самого театра. Тут еще по-новому я понял всю важность и всю глубину театрального действия. В час представления – театр как будто корабль в трудном плаванье. Сосредоточены лица. Все говорят шепотом, ходят крадучись. В машинном отделении неподвижно, словно насторожившись, торчат бесчисленные рычаги, которыми регулируются свет и тьма. В открытый люк из-под сцены слышен какой-то отдаленный, чуть заметный рокот – это из театрального зала. Когда опускается занавес, этот рокот становится явственным и грозным, как голос прилива. И, кажется, медленно содрогается все здание театра, точно тело большого корабля, в борта которого хлещут волны.

Но когда возвращаешься в зрительный зал, очарование падает, и видишь перед собой даже не толпу, которая так или иначе значительна, а просто людей, не имеющих друг с другом ничего общего. И ясно становится тогда, что с *этой* публикой *ровно ничего не поделаешь*, что ее интересуют только собственные дела и делишки, что она будет через час спать – поголовно и страшно одинаково, будь на сцене Шекспир или Протопопов, Дузэ или провинциальная любительница.

Есть забавная картинка, изображающая французскую публику на представлении “Эрнани” V. Hugo (1830 г.). На сцене распростерта мертвая донна Соль, а в партере – энтузиаст вцепился в бороду почитателя классической поэзии. Если бы такие сцены происходили в действительности, – кажется, все-таки было бы отраднее. Если бы верхи, например, подрались с партером, если бы публика, возмущенная пьесой или постановкой, хороша она или плоха, была способна закидать актеров гнилыми яблоками. Но этого не бывает и явно не может быть. Не может быть даже того, чтобы публика перестала ходить в театр, единодушно бойкотировала театр или пьесу. Всегда ходит публика во все театры, всегда почти одобряет, редко и робко свистит и шикает, а потом – очень скоро *привыкает* ко всему, не возмущается уже тем, что возмутило ее недавно. Значит, возмущение было мозговое, исходило не из глубины души, а явилось плодом досуговых комнатных фантазий.

Все, что я говорю, слишком известно. Но я не считаю лишним еще и еще раз повторить, что *интеллигентная театральная публика наших дней* состоит почти целиком из “*обреченных смерти*”, что мы, художники, никогда не примем ее суда над своими истинно живыми вдохновениями и над своим трудом; для нас она – *quantité négligeable**, и ее дело самой устраниваться от нашего оскорбительного к ней пренебрежения, от того, что мы на глазах ее,

---

* Величина, которой можно пренебречь (фр). – *Ред*

непосвященной, устраиваем ряд опытов, которым приличествовало бы оставаться в пределах “студии”, если бы мы не пренебрегали до такой степени современным зрительным залом. Мы предупреждаем эту публику, что она, развлекая себя, занимается, в сущности, бессознательным *меценатством*, подерживая в большинстве случаев безжизненные коммерческие предприятия, в каковые обратились наши театры. Мы предупреждаем ее, что она отныне уже не гарантирована ни от каких *сценических провокаций*, ибо мы, не получая *никакого* ответа, ни положительного, ни отрицательного, из зрительного зала, вправе делать всевозможные опыты и *действительно не знать*, что живое и что мертвое в наших исканиях. Мы вправе пользоваться *только своими критериями красоты* и уродства, добра и зла, потому что нам *не позволяют* услышать яркого возмущения или благосклонного голоса тех, кому театр действительно дорог и необходим, кто единственно способен “увенчать красоту и низвергнуть безобразия”.

Тот, кому нужны развлечения и только развлечения, – пусть уйдет из театра куда ему угодно – в кафе-шантан и оперетку. Я думаю, что простой гражданский долг обязывает не смешивать эти два совершенно различных ремесла. Я думаю, что сознание гражданского долга растет и в наши дни. Английская публика в последние годы, например, доказала с достойной всякого уважения, поистине европейской отчетливостью, что театр ей больше не нужен, и вот театры пали сами собой, превратились в арену для общественной забавы и смеха. Россия колеблется между двумя крайностями, ее театр как бы готов уже упасть до вкусов интеллигентной толпы, но непосредственное чувство истории говорит нам, что мы предпочтем другое устремление русского театра: к пышному расцвету высокой драмы с большими страстями, с чрезвычайным действием, с глубоким потоком идей. Это случится только тогда, когда театральную интеллигенцию, которой не нужно театра, сменит новая, молодая интеллигенция со свежим восприятием, с бодрым духом, с новыми вопросами, с категорическим и строгим “да” и “нет”.

10

Более, чем какой бы то ни было род искусства, театр изобличает кощунственную бесплотность формулы “искусство для искусства”. Ибо театр – это сама плоть искусства, та высокая область, в которой “слово становится плотью”. Вот почему почти все, без различия направлений, сходятся на том, что высшее проявление творчества есть творчество драматическое. В этой-то области подвергаются испытанию, и уже близко время, когда не выдержат испытания и рассыплются, как лепестки чахлых комнатных цветов, утверждения нашей критики о “смерти событий”, бессильные утверждения людей, захмелевших от крепкого вина противоречий и от фальшивых крыльев, которыми награждает этих людей их легкая бесплотность. Именно в театре искусству надлежит столкнуться с самою жизнью, которая неизменно певуча, богата, разнообразна. Чем больше говорят о “смерти событий”, чем длительнее роковая и всеобщая “забастовка” против плоти, которая характеризует наши

дни, чем смертельнее роковая усталость, подлая измученность некоторых групп современного общества, – тем звонче поют ручьи, тем шумнее гудят весны, тем слышнее в ночных полях, быстро освобождающихся от зимнего снега, далекий, беспокойный рог заблудившегося героя. Быть может, как в былые дни, герой, шествующий в крылатом шлеме, с мечом на плече, вступив на подмостки театра, встретит только жалких и нереальных ведьм, этих “пузырей земли”, по слову Шекспира, бесплотных, несуществующих, “мнимых, как воздух”. Пусть разнесет их весенний ветер и пусть не внушат они нового убийства и вероломства новому гламисскому тану.

Мы говорим о близости театра больших страстей и потрясающих событий. Но едва герой этого театра вступит на подмостки, современная театральная публика покинет зал: ей уже не забавно и не смешно, ей неприятно громко; она устала, ей нужна мещанская жалобная жизнь на сцене или характеры, хотя бы самые утонченные, но все-таки удивительно смахивающие на ее собственный: безвольные, слабые люди, влекомые маленьким роком, обреченные маленькой смерти, терзающиеся от маленькой любви, ну хоть – призрачные персонажи Мориса Метерлинка, писателя, отметившего своим литературным талантом целую большую эпоху, но, как мне кажется, органически враждебного театру, посягнувшего *кощунственно* на ту область, которая ему недоступна; на те высоты, где холодно и страшно, он хочет идти в автомобильной куртке. На снежных пиках он хочет выстроить театр “мира и красоты без слез”, “un théâtre de paix et de beauté sans larmes”. Но лавина, которая погребла под собою даже Ирэну и Рубека, расплющит его картонный домик, разнесет в щепы его уютную буржуазную постройку.

Вы говорите мне: не вы ли сами создали тепловатую атмосферу в театре? Ваши драматурги снизошли в наши будни, променяли снежные горы на наши мирные долины, разучились будить в нас высокие чувства, охладели к театральному действию и углубились в безысходную психологию; ваши актеры потеряли темпераменты и голоса, стали бездарными граммофонами, утратили чувство сцены. И вот – мы перестали нуждаться в вашем театре и ничего, кроме развлечения, от него не требуем.

Я отвечаю: в ваших словах есть правда. Особенно заслуживает внимания ваш упрек драматургам. Об актерах я еще поспорю: для меня вопрос – не лучше ли актеру хоть на некоторое время превратиться в жалкий граммофон, чем кощунственно превращать *всякое литературное* произведение в актерское достояние – кроить *либретто* из трагедий Шекспира, как делали это даже величайшие трагики недавнего прошлого? Заметьте, что чем гениальнее актер, тем меньше он (а вслед за ним и мы) обращает внимание на произведение, которое он играет, и высшим моментом *театрального* напряжения сплошь и рядом оказывается *безмолвная сцена*, которой автор не предвидел даже в ремарке (пример – Дузэ в “Даме с камелиями”).

Но если есть правда в ваших словах о драматурге и актере, то еще большая правда в том утверждении, что вы не вынесете того *большого действия*, которого мы страстно хотим и, смею думать, или достигнем, или погибнем. Ибо для усталых и пресыщенных людей, требующих или сверхобыденного,

или сверхутонченного, поставивших перед собою заранее ширмы общественных, классовых и государственных условий, не под силу весенний ветер новой красоты и новой морали. Если современная публика скучает и пожимается на представлениях драм Ибсена, который, по собственному признанию, говорил лишь о том, что *не* должно, отрицал и разрушал, – то с каким же смятением эта публика покинет театральные залы, как только раздадутся слова *утверждения* – твердые слова о *красоте долга*, о новых путях жизни?

На современной сцене и за кулисами водворилась мещанская жизнь. Это оттого, что мы работаем в пустоте, оттого, что мы сами – инициаторы, исполнители и судьи. Из зрительного зала никогда не пахнет на сцену свежим воздухом благословения или проклятия. И вот – маленькие события кажутся нам большими, как всегда, когда живешь в одиночестве: Морис Метерлинк стал нам казаться трагиком, г. Гофмансталь – воскресителем античной трагедии, г. Ведекинд – проповедником новой морали. Страшно и радостно подумать, как переоценится все это, как только мы получим ответ от новой интеллигенции, которая наполнит зрительный зал.

Я хотел бы говорить много о тех бесплодных семенах, которые уже брошены в землю, уже шевелятся там, о слабо зеленеющих ростках, которые с упорством и неуклонностью природы потянулись к воздуху и свету. Я хотел бы написать целую книгу о вестниках близкой бури, которая рождается в грозной тишине, о скованной дремотою большой думе всех деятелей театра. Пока мы склонны принять за глубину пронзительный крик мечущихся в воздухе ласточек, но есть уже иная глубина, тихое, грозное раздумье. Самое сердце театра дрожит, как перед подвигом.

Я не решаюсь говорить много о “*народном театре*” только потому, что с этим именем связано уже слишком много разочарований, сентиментальности, много всякого старья. Потому же я с большим страхом употребляю термин “*мелодрама*”. И, однако, в том пути, который прошел *русский народный театр* менее чем за сорок лет своего существования, я вижу реальнейшее предвестие театра ближайшего будущего, а в развитии *мелодрамы*, которая теперь на устах у людей самых противоположных лагерей, – первый шаг навстречу новому театру действия и страстей. Я только резюмирую кратко:

История народного театра показала с непреклонностью по меньшей мере следующее:

1) Рабочие и крестьяне действительно нуждаются в театре и, при всей случайности постановки этого дела у нас, доказали, что они требуют от театра *не только* развлечения, а чего-то более высокого, я полагаю – высокого искусства, как это явствует, например, из эффекта постановки “Грозы” Островского или “Женитьбы” Гоголя.

2) Свежие зрители народных театров чуждаются всяких тенденций, как это явствует, например, из протеста германских рабочих на партийном съезде (социал-демократической рабочей партии) в Бреславле “против стремления социалистических беллетристов кормить их изображением их утомления, нужды, унижения и т.п. Рабочие заявили, что далеко предпочитают старого Шиллера” (цитирую по статье Луначарского в той же книге “О новом теат-

ре”). Я полагаю, что именно через романтическую драму, в которой есть и мелодраматический элемент, пролегает путь к новым и вместительным драматическим формам. Мелодрама именно потому возбуждает наш интерес, что формы ее вместительны, что в ее фантастической и деятельной атмосфере могут ближайшим образом возникнуть подлинные черты искомого героизма, те большие деятельные характеры, которых, по узости кругозора и по комнатной слепоте своей, не может найти современная европейская и отчасти русская драматургия в окружающей действительности. Ройтесь на кладбищах, ставьте на ноги мертвецов, все равно они упадут, как беспомощные куклы, едва забелеет рассвет, едва вы отнимете от них свои старательные руки, заслышав близкий рог живого героя.

3) Жизненно нуждаясь в театральном искусстве и не принимая тенденций, навязываемых посторонними искусству соображениями, народные массы, как это показал опыт, предъявляют совершенно особые требования к театру. Менее всего говорит им закулисная сторона дела, более всего – содержание представления. Второстепенно для них не только *имя автора, но и качество актерской игры*. Они могут довольствоваться хорошей, ясной читкой. Актер связан для них неразрывно с тем действующим лицом, которое он изображает. Совершенно не навязывая никому дела народного театра и совершенно не возвеличивая бледность современных актеров, я только считаю долгом своим отметить, что, даже при наших условиях, для многих деятелей современного театра есть только один *реальный выход: народный театр*.

Считаю необходимым сейчас же оговориться: полагая, что именно театр с новым зрительным залом, театр большого действия и сильных страстей способен в ближайшем будущем занять первое место, я вовсе не отодвигаю всего разнообразия современных театральных *исканий*. Пусть будут они только перенесены в область “студии”, “интимных театров” и т.д., которым должно быть предоставлено самое широкое развитие, потому что, разводя широкие и пышные сады, нельзя не иметь теплицы, где укрепляются слабые ростки и подготавливаются семена будущего. Само время покажет, что должно быть вынесено из этой теплицы на свет Божий, что зачахнет в ней, что – жизнеспособно, что – мертворожденно.

Живое отношение зрителей народного театра сокрушит равнодушие автора; новые требования этих зрителей, требования *по существу*, независимо от имени и легенды, которая густо заплетает всякое имя, – победят писательское высокомерие и гордость. Живой и строгий зрительный зал даст критерий, хотя бы на первых порах требующий постоянной проверки. Эта публика, и никакая другая, даст актерам почувствовать реальность и жизненность их дела, даст им настоящие крылья; она потребует от актеров того, что они *в силах* дать ей *сейчас*, не заслонится от них сплошной стеной мелкого равнодушия и душевного холода. Только почуяв почву, готовую для того, чтобы напоить и взрастить семена, мы отдадим ей свои силы, свою душу, свой подлинный пафос. Мы будем с теми, кто не обманет, и дай Бог нам скорее почувствовать всем сердцем, что “кто не с нами, тот против нас”. Зрительный зал театра должен быть воплощением самой Судьбы, которая беспощадно бьет

тонким и язвительным бичом за каждый фальшивый шаг и зато уж – благословляет и щедро одаряет за каждый живой и смелый поступок. Лишь тогда, когда за наши рампы перестанет глядеть тысячьо очей пресыщенная, сомнительная, развлекающаяся толпа, лишь тогда мы почувствуем *ответственность*, получим возможность руководиться сознанием *долга*. И тогда только, *на реальной* только почве, возродится высокий театр с новым репертуаром и новыми актерскими дарованиями.

Уже в самом понятии “*народный театр*” содержится указание на переходность эпохи. Понятие предполагает наличность “народа”, который ни в чем не согласен с “интеллигенцией”, оторван от нее, не может подойти к ней так же, как и она никогда не соблаговолит “снизойти” до него. Мы знаем, что даже в наши дни понятие это наполовину устарело, что кадры “интеллигенции” неустанно пополняются все новыми силами, которые не сегодня-завтра возвысят свой голос, предъявят новые требования, запоют новые песни. Те из нас, кто ждет от них нового, свежего и сильного, должны быть во всякую минуту готовы к торжественной встрече. Те, кто боится их, ненавидит их, оберегает семьи, сундуки с добром и милые родственные отношения, пусть будут готовы хоть погибнуть, ибо “неизменен и размерен событий трепет роковой”. И вот “народный” театр наших дней имеет уже все данные для того, чтобы быть наполненным не только “темным” народом, но светлыми и сознательными силами этой непочатой стихии.

История русского народного театра, несомненно вступающего в новую творческую фазу своего развития, сохранила нам прекрасный миф, который, как платоновский ἀνάμνησις*, отныне предстоит нашим очам. Это относится к тем *незапамятным* временам истории, когда “темная” публика внимала шумно и весело благородным речам старой морали с подмостков утлой сцены, которая помешалась в садах “обществ народных развлечений”. То была благородная *забава*, а над Россией плыла тихонько и веяла самая ранняя, самая сладостная весна. И под бледно-синим северным небом, на серых подмостках, на фоне дешевых декораций и красной вечерней зари, среди голых сучьев тополей с едва разбухающими почками – в чудесный восторг и драгоценное умиление приводила весь народ красавица актриса, мещанка с пылающими черными глазами, когда лебедью выплывала она на сцену и рассказывала незабвенные сны Катерины о лампадках, о светлом солнечном столбе в соборном куполе, о запахе кипариса, о тройках, о Волге; “Уж не снятся мне, Варя, как прежде, райские деревья да горы: а точно меня кто-то обнимает так горячо-горячо и ведет меня куда-то, и я иду за ним, иду... Сделается мне так душно, так душно дома, что бежала бы. И такая мысль придет на меня, что, кабы моя воля, каталась бы я теперь по Волге, на лодке, с песнями, либо на тройке на хорошей, обнявшись...”

Наши сны близки к действительности. Слова наши готовы воплотиться. И весна наша – поздняя весна, и на небе уж грозовые тучи. Слова героини ве-

---

* Воспоминание (др.-греч.). – Ред.

ликой символической драмы Островского сбываются, ибо идет на нас Гроза, плывет дыхание сжигающей страсти и стало нам душно и страшно. Не сегодня-завтра постучится в двери наших театров уже не эта пресыщенная толпа современной интеллигенции, а новая, живая, требовательная, дерзкая. Будем готовы встретить эту *юность*. Она разрешит наши противоречия, она снимет груз с усталых плеч, окрылит или погубит. И мы вовеки не забудем пророческих слов великого строителя Сольнеса, проникнутых вещим, грозovým трепетом: *Юность – это возмездие*.

ПИСЬМА О ПОЭЗИИ

1. «ХОЛОДНЫЕ СЛОВА»

Перечитывая томы стихов Минского, сто раз задаешь себе вопрос: почему вот это, другое и десятое стихотворение, часто совершенное по форме, часто созданное под законным влиянием каких-то давно милых и с детства родных песен, всегда очень умное, оставляет холодным? И сто раз не можешь ответить на этот самый коренной и естественный вопрос. Потому ли, что Минский – философ? Но разве философия всегда мешает поэзии? – Потому ли, что стихи Минского созданы в очень “прозаические” годы? Но ведь стихи его захватывают несколько эпох, в них отразилось безвременно не только восьмидесятых и девяностых годов, но и годы русской революции, а душа поэта прошла как будто путь еще длинней и радостней – от “гражданских песен” до “песен любви”, от Надсона до Вл. Соловьева. – Не потому ли, что Минский – поэт мало лирический? Но ведь и горький яд холодных раздумий может волновать, а сверх того, у Минского есть прекрасные лирические стихотворения. В чем же разгадка того странного факта, что прекрасные стихи поэта, нам современного, не радуют нас, и мы принуждены, отдав им дань холодного уважения, идти к другим?

Мне приходится остановиться на единственной догадке, которую я считаю близкой к истине: на *неполной искренности* поэта. Я думаю, мы более уже не вправе сомневаться в том, что великие произведения искусства выбираются историей лишь из числа произведений “*исповеднического*” характера. Только то, что было исповедью писателя, только то создание, в котором он *сжег себя дотла*, – для того ли, чтобы родиться для новых созданий, или для того, чтобы умереть, – только оно может стать великим. Если эта сожженная душа, преподносимая на блюде, в виде прекрасного творения искусства, пресыщенной и надменной толпе – Иродиаде, – если эта душа огромна, – она волнует не одно поколение, не один народ и не одно столетие. Если она и не велика, то, рано ли, поздно ли, она должна взволновать по крайней мере своих современников, даже не искусством, даже не новизною, а только *искренностью самопожертвования*.

Почему имеют преходящее значение стихи Сергея Маковского, Рафаловича? Разве они не искусны? Нет, просто они не откровенны, их авторы не жертвовали своею душой. А почему мы можем годы и годы питаться неуклюжим творчеством Достоевского, почему нас волнует далеко стоящая от искусства “Жизнь Человека” Андреева или такие строгие, по-видимому “закованные в латы”, стихи Валерия Брюсова? Потому что “здесь человек сгорел”, потому что это – *исповедь души*. Всякую *правду*, исповедь, будь она бедна, недолговечна, невсемирна, – правды Глеба Успенского, Надсона, Гаршина и еще меньшие – мы примем с распростертыми объятиями, *рано или поздно* отдадим им все должное. Правда никогда не забывается, она *существенно* нужна, и при самых дурных обстоятельствах будет оценен десятком-другим людей писатель стоящий даже не более “ломаного гроша”. Напротив, все, что пахнет ложью или хотя бы только неискренностью, что сказано не совсем от души, что отдает “холодными словами”, – мы отвергаем. И опять-таки такое неподкупное и величавое приятие или отвержение характеризует особенно *русского* читателя. Никогда этот читатель, плохо понимающий искусство, не знающий азбучных истин эстетики, не даст себя в обман “словесности”; он холодно и просто не примет “пшибышещины” и не возрастит в своем саду чахлой и пестрой клумбы современных французских цветов.

Стихи Минского не лживы, автор страстно хотел “правды”. Он хотел быть искренним, хотел “сказаться душой”; но, странно, ему удалось это не до конца, и вот эта его, невольная по-видимому, неискренность заставляет нас целые страницы перелистывать с равнодушным любопытством, немногие – “отмечать розовым ногтем”, и над десятью, не более, из всех четырех томов – задуматься, остановиться и улыбнуться грустно.

Как и полагалось в те времена, Минский начал с гражданских мотивов; эти страницы первого тома интересны, может быть, более, чем последние страницы четвертого тома, на которых поэт решил почему-то “умереть при жизни”, “закруглил” книгу и перестал писать...

Румянцем чахоточным слабо горя,
Вечерняя медленно гаснет заря,
Болезненно гаснет – и не угасает...
На землю струится безжизненный свет,
Все краски подернуты дымкой молочной.
Светло. Не бросают предметы теней.
Нет блеска в цветах...

Это – “белая ночь” тех времен. Петербургская фантастическая белая ночь Достоевского... разве такова она? Но это – *аллегория*: хорошая аллегория для своего времени. В такие ночи родились песни Минского, “зачатые в черные дни”.

В тех песнях скорблю не о горе большом, –
О горе сермяжном земли неоглядной:
Страданий народных, как моря ковшом,
Нельзя исчерпать нашей песней нарядной.

Н. МИНСКІЙ

**ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СТИХОТВОРЕНІЙ**

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМАХЪ

ТОМЪ ПЕРВЫЙ: БѢЛЫЯ НОЧИ

ИЗДАНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

С. ПЕТЕРБУРГЪ

ИЗДАНИЕ М. В. ПИРОЖКОВА

1907

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТЪ КНИГИ Н.М. МИНСКОГО

Достойный современник Надсона и муза его:

...добрая, бледная,
С ласковой скорбью на тонких устах,
Светит, лучится любовь всепобедная
В девственно скромных глазах...

Некрасовским стихом без некрасовской мощи отвечает поэт на ее “кроткую речь”:

Полно шептать мне слова бесполезные,
Нам без вражды невозможно любить,
Как невозможно оковы железные
Нежной слезою разбить.

Она водит его в “жилища грязные труда и нищеты” и велит “почитать их как храмы”. Он сравнивает свою судьбу с судьбою пахаря, трудящегося “над нивою сердец”, он слезно плачет о “таинственном народе”, который кажется ему “Танталом”, а Россия – “библейскую вдовой”. Он привычно бичует толпу, которая съезжается слушать модного “тенора”, Отелло.

Вот приближается он к спящей Дездемоне:
Ужасен взор его, в лице кровинки нет...

Полно, так ли? Лицо венецианского мавра – черно-коричневое, где же различить, что в нем нет “кровинки”?..

Рукоплескания и крики раздались,
И чайками в грозу, платки в руках взвились...

Да, красиво: “чайками в грозу”. Но разве так? Не для “красного ли словца” эти “чайки в грозу”? И не чувствуется ли во всем этом какая-то холодная торжественность, напыщенность романтических видений, которые скрывают от самого поэта искреннее его души? Ведь если бы он не видел так много аллегорических снов, не вспоминал о “сфинксах”, о “библейской вдове”, о “медлительной няне” пред лицом своей родины, – он увидел бы, может быть, совсем иное. Да полно, истинная ли это родина, кровно ли связан с ней поэт?

Увы, дрожащий лист осины
Сильнее прикреплен к родной земле, чем я;
Я – лист, оторванный грозой.
И я ль один?

Да, это очень ценное признание:

Вас всех, товарищи-друзья,
Сорвало бурей одною.
Кто скажет, почему? Мы ль не громили ложь,
Мы ль жертв не жаждали?..

Да, они “громили ложь”, “жаждали жертв” и “шумели в столицах”.

Нам сжал впервые грудь не женских ласк восторг,
Не сладкий трепет страсти новой,
И первую слезу из детских глаз исторг
Не взгляд красавицы суровой .
И что же? Где плоды всех подвигов? Кого
Наш пламень грел, кому он светит?
Нет нас честней и нет злосчастней никого.
Но почему? О, кто ответит?

Ответит *Россия*... если *соблаговолит* ответить. Ведь за “сермяжным горем”, торжественными неурожаями и соболезнающей интеллигенцией скрывается еще лукавая улыбка, говорящая: “мы – крестьяне, а вы – господа, мы у себя в деревне, а вы у себя в городе”. Улыбка эта не сойдет с лица русской земли, а, пожалуй, расплывется еще на целую плутовскую харю, когда образованный писатель воскликнет с горькою укоризной:

Прощай, прощай, страна невыплаканных слез!
Прощай, о сфинкс! Прощай, отчизна!..

Гораздо уместнее этот пафос в городских описаниях, когда поэт говорит о празднике перед статуей Свободы или о казни молодой девушки:

Когда готов был вспыхнуть залп огней,
Она ждала, молясь, чтоб вместе с ней
Скончалась ночь и отлетела тьма.

Впрочем, едва ли может “вспыхнуть залп огней”. Не говорится также “лозунги”, “губящий”, и много в языке Минского уловимо и неуловимо нерусских выражений, еще больше чужой бутафории и отвлеченной схематичности, которая заставляет нас видеть в его “сермяжном горе” – “холодные слова”, его – писать безвкусную и трескучую рабочую Марсельезу.

Что же дальше? Дальше мы вправе требовать горестных признаний, покаяния, исповеди. Ведь произошло непоправимое, если верить истории души, рассказанной в “гражданских песнях”. Мы знаем, что значит урезывание своих надежд, прощание с родиной, и жестоко требуем, чтобы “душа сказалась”, хотя бы изошла кровью... И что же? Нас встречает тот же *холод*. Так легко национальное заменить международным, русскую сермягу – пролетарским солнцем, землю – неземным мистицизмом?

И вдруг упал мой взор
На музу новую. Бледна, как привиденье,
Недвижная, она стояла...

Новая муза сказала поэту:

Во всем увидишь ложь, что ты считал добром,
И неизбежное – в порочном и преступном...
Не опьянят тебя ни гордые слова,
Ни битвы грозный шум, ни нежный плач свирели,

В бесцельной суете искать ты будешь цели,
И рваться к небесам, и жаждать божества.
Продлятся дни твои в томлени одиноком,
И будет песнь твоя досуги отравлять,
Но я ей силу дам печалью уязвлять
Сердца, застывшие в безверии глубоком.
И шепот истины, как бы он ни был слаб,
В ней будет слышаться сквозь крики отрицанья...

О, если бы хоть здесь поэт оставил отвлеченный пафос, ему дано было бы, может быть, “уязвлять печалью сердца”! Но нет, он точно возгордился; точно и не произошло ничего; и недоверие становится каким-то злым и жестоким, чем дальше углубляешься в “молитвы новые”, в “песни любви”, чем лучше встречаешь стихи (а стихи действительно становятся все лучше, все *легче*).

Не уязвляется сердце печалью, не отзывается больше на лучшие стихи и даже злобится как-то: что же, было что-нибудь или *ничего не было*? Были народ и родина или нет? И душа торопится отвечать: *нет*. Чем дальше, тем больше торжествует *схема*, отвлеченность, книжность.

Портрет

Я долго знал ее, но разгадать не мог
Каким-то раздвоением чудесным
Томилась в ней душа. Ее поставил Бог
На рубеже меж пошлым и небесным.
Прибавить луч один к изменчивым чертам –
И Винчи мог бы с них писать лицо Мадонны;
Один убавить луч – за нею по пятам
Развратник уличный помчится, ободренный (?) ...

и т.д.

Как хорошо, как точно! Что же это – действительно – “портрет”, человек или декадентская муза, созданная по рецепту, так что даже “лучи в ее изменчивых чертах” развешены на аптекарских весах? Не верю, не верю ни одному слову, не верю аптекарскому равновесию созданий Божьих – людей и стихов, не вижу ни одной черты осязаемой, живой, искренней. Вначале был самообман – “родина”, “народ”, теперь подкралась *ложь*, мертвечина, симметрия. Как могу я поверить в то, что так страшно *симметрично*, в “богофильство” и “богофобство” Волинского, в “верхнюю и нижнюю бездну” Мережковского, в “два пути добра” Минского?

Чем ниже я падаю в бездну порока,
Тем ярче твой образ в душе у меня.

Святая без стыда, вакханка без страстей.

Смеются лишь боги, скорбят лишь рабы.

И так – весь мир, в точных и установленных рамках. Губителен яд этой правильности; тот, кто испробовал его, знает, как разлагающе действует он на живую жизнь.

Настоящий поэт не может помириться с этой ядовитой симметрией, и исповедь души прорывается в лучших стихах Минского. Эти лучшие стихи полны глубокой и успокоенной грусти, полной разочарованности в земном и тоски по неземному:

Как сон, пройдут дела и помыслы людей.
Забудется герой, истлеет мавзолей
И вместе в общий прах сольются.
И мудрость, и любовь, и знания, и права.
Как с аспидной доски ненужные слова,
Рукой неведомой сотрутся...
Лишь то, что мы теперь считаем праздным сном, –
Тоска неясная о чем-то неземном,
Куда-то смутные стремленья,
Вражда к тому, что есть, предчувствий робкий свет
И жажда жгучая святынь, которых нет, –
Одно лишь это чуждо тленья...
И потому не тот бессмертен на земле,
Кто превзошел других в борьбе или во зле,
Кто славы хрупкие скрижали
Наполнил повестью, бесцельною, как сон,
Пред кем толпы людей – такой же прах, как он, –
Благоговели иль дрожали.
Но всех бессмертней тот, кому сквозь прах земли
Какой-то новый мир мерещился вдали –
Несуществующий и вечный,
Кто цели неземной так жаждал и страдал,
Кто силой жажды *сам мираж себе создал*
Среди пустыни бесконечной.

Это можно сказать еще точнее, короче и более по-русски, но это сказано искренно, и этому неземному лозунгу изверившегося в земное человека можно поверить. Больше того, прочтя эти строки, перестаешь ожесточаться, потому что поэт перестал кутаться в бутафорский плащ, не обзывает больше солнца пролетарским “стягом”, не разделяет всех путей на “два пути добра”, но просто грустит. И потому это стихотворение Минского и немногие ему подобные могут быть поставлены наряду с лучшими стихами его современников – Фофанова, Мережковского, Гиппиус: ведь “жажда святынь, которых нет” – лозунг целой большой эпохи...

2. «ПЛАМЕННЫЙ КРУГ»

В современной литературе я не знаю ничего более цельного, чем творчество Сологуба. Вместе с тем, развиваясь по верховной и прихотливой воле художника, оно совершенно чуждается каких бы то ни было схем, какой бы то

ни было симметрии. Ни тех, ни другой нет и признака как в поэзии, так и в прозе Сологуба. Роман “Мелкий бес”, ставший произведением классическим, прочитанный всей образованной Россией, написан в высшей степени “свободно” и несимметрично.

Несмотря на то, что Сологуб давно уже стал художником совершенным и, может быть, не имеющим себе равного в современности, – он получил широкую известность лишь с того времени, как “Мелкий бес” появился в печати отдельным изданием (на днях вышло уже третье издание романа). Правда, это первое произведение, о котором можно сказать с уверенностью, что автор его – законный преемник Гоголя, что он – последний сатирик дореволюционной России; но если “Мелкий бес” готов сделаться достоянием народным, то и рассказы Сологуба должны быть оценены по справедливости в близком будущем. В самом деле, такие книги, как “Жало смерти” и особенно “Истлевающие личины” и “Книга разлук” – книги, совершенно еще не разгаданные критикой и вносящие существенно новое в сокровищницу русской литературы.

Менее всего известны публике и критике стихи Сологуба. Может быть, они так и останутся достоянием немногих, но истинных почитателей, разделяя судьбу поэзии Тютчева и Баратынского. Почему? Кажется, на этот вопрос еще нельзя ответить с уверенностью. Во всяком случае, одною из важных причин этого явления надо считать *отсутствие* в поэзии Сологуба какой бы то ни было *пряности и мишуры*, от которой едва ли избавлен хоть один современный поэт. Простота, строгость, совершенство форм и какая-то одна трудно уловимая черта легкого, шуточного и печального отношения к миру роднит Сологуба-поэта с Пушкиным. Нелегко продолжать это сравнение, чувствуя Сологуба и сологубовское глубоко близким и современным себе; но, может быть, я не ошибусь, если скажу еще, что Сологубу, как Пушкину, свойственно порою шутить и забавляться формами и что он имеет на это право потому же, почему Пушкин мог шуточно рифмовать розу с морозом.

В последней, восьмой, книге стихов своих, озаглавленной “Пламенный круг”, Сологуб достиг вершины простоты и строгости. Вспоминая “Тени”, “Третью и четвертую книгу стихов” и даже благоуханные переводы Верлена, вышедшие прошлой зимой, мы должны сознаться все-таки, что подобного совершенства в стихах Сологуб еще не достигал. В “Пламенном круге” собраны стихи за очень большой промежуток времени (многое было напечатано еще в “Новом пути” и “Вопросах жизни”); но только теперь все эти цветы, связанные в один тяжелый и свежий осенний сноп, приобрели то благоухание, которое они отчасти теряли на будничных страницах журналов и альманахов.

Мы – “плененные звери” – давно забыли, “что в зверинце зловонно и скверно”. Надо медленно жить жизнью скучной и нелепой. Вещанья звезд не спасут от черной погибели. Нет пути к стране “вотще обетованной”, и в долгом ожиданье чуда не забыть горечь долгих мук. И скучен тяжелый стук “из-

мученного безлепицей” сердца. И

... всё проходит, гаснут страсти,
Скучна веселость, наконец,
Седин серебряный венец
Носить иль снять не в нашей власти.

Так вот какова жизнь – говорит поэт. Но почему же все равно,

Умереть или жить,
Расцвести ль, зазвенеть ли,
Завязать ли жемчужную нить,
Разорвать ли лазурные петли,
Всё равно – умереть или жить?

Это – тайна поэта, “странного миру”, “всегда для всех чужого”, которому ведомо *очарование без красоты*. Действительная тайна, ключ от которой счоронен от всех нас в душе поэта: оттого он и может так “легко и просто открывать свою душу”, он знает, что душа его останется все равно недоступной для всех нас. Те, кто относится к поэзии корыстно, пройдут мимо, как проходили. Зато другие, немногие, зная, что понять душу поэта до конца никому еще не дано, любят всматриваться со стороны в ночную тьму, где проходит она.

В село из леса она пришла, –
Она стучала, она звала.
Ее страшила ночная тьма,
Но не пускали ее в дома.
И долго, долго брела она,
И темной ночью была одна,
И не пускали ее в дома,
И угрожала ночная тьма.
Когда ж, ликуя, заря взошла,
Она упала – и умерла.

Вот мы и смотрим со стороны, мы, любящие поэзию, но так же не умеющие проникнуть в чужие души, как те, кто не любит ее, – какими никем не пройденными путями ходит поэт; как проходит перед нами его “легкая, как сон”, и “всемирному томленью подобная” жизнь. Ему сказать мы ничего не можем, кроме благодарности, да и то пугливой благодарности, потому что те утешения, которые он дает нам, необычны и несоизмеримы ни с чем, к чему мы привыкли. Да ведь он и не хочет утешать нас. Иногда думаешь, что тот человек, который писал так много лет эти стихи все об одном, который все узнал из *своего* долгого, таинственного и одинокого опыта, который ничем, кроме постоянного “злого бытия”, не обязан ни людям, ни миру, – что этот человек мог бы стать учителем людей, мог бы действительно “утешить”. Но он не хочет, и мера его *презрения* недоступна для нас, и путь в его пещеру нам заказан.

Ход к пещере никем не иден,
И не то ль защита от меча!
Вход в пещеру чуть виден,
И предо мною горит свеча.

В моей пещере тесно и сыро,
И нечем ее согреть.
Далекий от земного мира,
Я должен здесь умереть.

Ведь мудрец давно сказал миру свое простое слово: “Приди ко Мне, люби Меня”. В этом не было ни требования, ни просьбы, но за этим стояла сама мудрость, настолько же от века близкая мудрецу, насколько далекая и чужая миру. А мир давно ответил молчанием и давно признался в своем неверии. И опять мудрец, все тот же, “рожденный не в первый раз и уже не первый завершая круг внешних преобразений”, говорит миру свое простое слово: “Приди ко Мне, люби Меня”. И мир молчит, как молчал всегда, не верит, как всегда. И, как бывало, мудрец, не услышав ответа, закрывает глаза; и мир, не принявший его, проходит перед ним в сонном видении, им созданным, проходит с первого райского дня и до последнего дня, утомительного, ненужного, чреватого прошедшим и будущим.

Все равно, умереть или жить, потому что – все во сне. Мудрец сам свивает свои сны, для того чтобы они прошли перед ним, и потешили его смеженные взоры, и уплыли – легкие и не тревожащие, – чтобы им на смену пришли новые сны. Иногда бывают и тревожные видения, и как не быть им среди стольких других! И проплывает мимо Елисавета – далеким видением.

Елисавета, Елисавета,
Приди ко мне!
Я умираю, Елисавета,
Я весь в огне.
Но нет ответа, мне нет ответа
На страстный зов.
В стране далекой Елисавета,
В стране отцов.

Но и Она уплывает, и вновь посещают бестревожные, долгие сны:

Ты не бойся, что темно.
Слушай, я тебе открою, –
Всё невинно, всё смешно,
Всё божественной игрою
Рождено и суждено.
.....
Вспомни, как тебя блаженно
Забавляли в жизни сны.
Всё иное – неизменно.
Нет спасенья, нет вины,
Всё легко и всё забвенно...

Новая “земля обетованная”. Поверить, пойти к ней, значит – отречься от “Харрана, где дожил до долгих седин, и от Ура, где детские годы текли”. Нет. Как поверить? – Никто не верит. И мудрец опять мечтательно закрывает глаза, не требуя, не унижаясь, только из века в век, изо дня в день повторяя:

“Приди ко Мне. Люби Меня”. Монотонно, как капля воды, долбящая камень, прекрасно, как сама природа. И мы спрашиваем из века в век, изо дня в день, не здесь ли чудо, которое, говорят, всегда рядом с нами. Но и мы не получаем ответа и, верно, не получим его. Мудрецу снится мир, мы видим его сны. Другие и этих снов не видят. Так давно, так всегда.

Есть в книге Сологуба стихотворение, которое может стать “классическим”, как роман “Мелкий бес”. Это стихотворение – “Нюрнбергский палач”. Классические произведения – это те, которые входят в хрестоматии и которые люди должны долгое время перечитывать, если они хотят, чтобы их не сочли необразованными. Правда, перечитывать такие произведения бывает иногда немного страшно: если взять сейчас в руки “Фауста”, или “Онегина”, или “Мертвые души”, станет не по себе: древние воспоминания посещают. Может быть, поколения, следующие за нами, испытают то же, перечитывая “Нюрнбергского палача”.

3. «СЕТИ» КУЗМИНА

В то время как вскипает кругом общественное море, как собираются люди для обсуждения самых последних, всегда острых и тревожных событий, услышишь иногда песню захожего певца и заслушаешься.

Таковы стихи Кузмина в наше время. Он – чужой нашему каждому дню, но поет он так нежно и призывно, что голос его никогда не оскорбит, редко оставит равнодушным и часто напомнит душе о ее прекрасном прошлом и прекрасном будущем, забываемом среди волнений наших железных и каменных будней. Так мелькнет иногда и предстанет в славе красоты своей – на улице, среди белого дня, – лицо красавицы. Теперь много красивых лиц, кажется почему-то больше, чем было, – не потому ли, что как-то короче и мятежней стали жизни и дни людей, и каждый и каждая тайно стремятся предстать в мгновенной славе своей красоты; чем короче радость, тем напряженней и пламенной она; и каждое лицо торопится явить жар души, боясь, что скоро придет разлука с “милою жизнью”. Чем больше лиц, являющих под маской красоты пустую, бесплодную, только похотливую душу, тем ярче среди них лица, навеки памятные, мгновенно заставляющие умолкнуть и удивиться, те редкие лица, которые сняты, промелькнув лишь однажды. Так, среди разрастающегося племени наглых и пустых стихотворцев, оглашающих барабанной дробью своих стихов, прокатываются порою томные волны нежных песен Кузмина и заставляют сердце биться радостью нежданной и непорочной.

Недаром, читая стихи Кузмина, я вспоминаю городские улицы, их напряженное и тревожное ожидание. Стихи Кузмина так привычно слушать на литературных вечерах, в литературных гостиных, среди равнодушной толпы или среди пестрой смеси лиц писателей, художников, поэтов, музыкантов, актеров. Там жалят они душу тонкими жалами, там легче всего попасть в их нежные сети, а там ведь – та же улица, тревожная и выжидательная, холодная и неприятная.

Но взволновать и пленить может одно прекрасное. Мимо красивого мы, полные долгих дум, пройдем равнодушно, как проходим, не обманываясь, мимо сотен красивых мелькающих и зовущих к бесплодным томлениям лиц. Только праздную душу увлекают эти лица, эти красивые покровы, глаза, сияющие пустотой, стихи, ни о чем не бренчащие, ремесленные песенки, распеваемые голодной и докучливой труппой трактирных поэтов. А стихи Кузмина достойны того, чтобы для них была открыта душа отдыхающего воина и труженика, творца железных будней. Мы можем заслушаться ими, и никогда не оскорбит нас их легкий, капризный, женственный напев; их диктовала наша скорбь, и пусть он не знает ее лицом к лицу, но о ней говорят его милые песни.

Именно эта скорбь заставляет стихи Кузмина быть не только красивыми, но и прекрасными. Ее надо понять и услышать. Какие бы маски ни надевал поэт, как бы ни прятал он свое сокровенное, как бы ни хитрил, впрочем всегда “внося в позу денди всю наивность молодой расы”, – печали своей он не скроет; когда поэт манерничает, прикидывается шутником, скрывает свою печаль за печальными признаниями, фокусничает, даже наивничает или щеголяет выходками “дурного тона” (а признаки всего этого есть в большей или меньшей степени в “Сетях” Кузмина), и когда при этом мы не только не оскорбляемся и не испытываем надменного желания извинять его, но еще чувствуем к нему благодарность и готовы слушать и освежать его песнями свою душу, – тогда перед нами поэт непреложный, родной нам и очевидно нужный, обладающий “патентом на благородство”, по вульгарнейшему выражению незабвенного Фета.

Сказанным сейчас, как мне представляется, можно объяснить всю ту сгущенную атмосферу, которая окружает имя так недавно появившегося на литературном горизонте Кузмина, однообразие и пошлость вражды, которая исходит от литературной черни, разнообразие мнений о нем в литературном “бомонде”, его дурную славу и прекрасную неизвестность, в которой продолжает он пребывать для большинства читателей новой поэзии, и без того немногочисленных.

В самом деле, Кузмин теперь один из самых известных поэтов, но такой известности я никому не пожелаю. Выражаясь преднамеренно резко, я сказал бы, что в полном неведении относительно Кузмина находятся все сотни благородных общественных деятелей, писателей и просто читателей, не говоря уже о модернистских “дерзающих” приживальщиках или о репортерах вечерних газет, а знает о нем какой-нибудь десяток-другой лиц. И причина такого печального факта лежит вовсе не в одном непонимании читателей, но также и в некоторых приемах самого Кузмина. Указать ему на это должны те немногие люди, которые действительно любят и ценят его поэзию, это – их прямой долг.

Ценители поэзии Кузмина ясно видят его сложную, печальную душу, близкую, как душа всякого подлинного человека; общение с этой душой и с этой поэзией может только облагородить того, кто их глубоко понимает. Но много ли таких? И не закрывает ли сам Кузмин путей к своей душе? Я готов упрекнуть его в этом и обратить этот упрек не к нему одному, но к большинству современных поэтов. Они так же двойственны, как Кузмин, и двойственность эта какая-то натянутая, принужденная, извне навязанная; как будто есть в Кузмине два писателя: один – юный, с душой открытой и грустной оттого, что несет

она в себе грехи мира, подобно душе человека “древнего благочестия”; другой – не старый, а лишь поживший, какой-то запыленный, насмехающийся над самим собою не покаянно, а с какою-то задней мыслью, и немного озлобленный. Если развить первого из них – веет от него старой Русью, молчаливой мудростью и вещей скорбью; взорам предстоит прекрасный молодой монах с тонкой желтоватой рукою, и за плечами его, в низком окне, – Поволжье, приволье, монастырские главы за лесами, белые гребешки на синих волнах.

Светлая горница – моя пещера,
Мысли – птицы ручные: журавли да аисты;
Песни мои – веселые акафисты;
Любовь – всегдашняя моя вера.

Приходите ко мне, кто смутен, кто весел,
Кто обрел, кто потерял кольцо обручальное,
Чтобы бремя ваше, светлое и печальное,
Я, как одежду, на гвоздик повесил.

Над горем улыбнемся, над счастьем поплачем.
Не трудно акафистов легких чтение.
Само приходит отрадное излечение
В комнате, озаренной солнцем негорячим.

Высоко окошко над любовью и тлением,
Страсть и печаль, как воск от огня, смягчаются.
Новые дороги, всегда весенние, чаются,
Простясь с тяжелым, темным томлением.

Так говорит с нами задумчивый инок, и тогда, вслушиваясь пристально, мы постигаем ту ноту смиренной любви, которая звенит в его “Александрийских песнях” и в “Вожатом”. Мы верим ему, потому что видим его лицо:

Венок за головой, открыты губы,
Два ангела напрасных за спиной.
Не поразит мой слух ни гром, ни трубы,
Ни смутный зов куда-то в край иной.

И вдруг – все меняется. Действие с какой-то бутафорской стремительностью переселяется в XVIII и XIX столетия. Инок благосклонный и тихий растаял. Перед нами – новоявленный российский воздыхатель, “москвич”, не “в гарольдовом плаще”, а в атласном “камзоле”, чувствительный и немного кукольный, для которого

Вся надежда – край одежды
Приподнимет ветерок,
И, склонив лукаво вежды,
Вы покажете носок.

Мы должны признаться, что те стихи, которые только что цитированы (“Прогулка на воде”), как многие подобные им из других циклов, очаровывают нас, часто не уступают по своеобразной напевности “Александрийским пес-

ням” (лучшей части книги “Сети”); но не надо упускать из виду, что здесь мы только *забываем* напрасную манерность некоторых стихов из цикла “Ракеты”, щеголеватую вульгарность кое-где в “Прерванной повести” («Жалко, что вы не любите “Вены”, но отчего трепещу я какой-то измены? Приходите завтра, приходите с Сапуновым»), легкомысленное порхание по строчкам и рифмам.

Ведь произнесено уже заветное слово, дан ключ к этой душе:

Венок за головой, открыты губы,
Два ангела напрасных за спиной.

Зачем же *после этого* надевать легкомысленные маски? Вы шутите, поэт высокий и прекрасный:

Лишь на вечер те тюрбаны
И искусствен в гроте мох.

И полно вам, разве *это* – “милый, хрупкий мир загадок”? Подлинная пастораль XVIII столетия действительно страшна, потому что русские люди, переряживаясь в чужеземных кукол, хотели забыть что-то, чего вам вовеки не забыть, потому что вы русский поэт, а не офранцузившийся помещик; но пастораль, от которой пахнет Москвою XX столетия, уже не страшна несколько, не загадочна тем более.

Так вот, мы стоим теперь перед чем-то древним, милым, вновь воскрешающим перед нами старую русскую жизнь. Ведь это опять тот юный мудрец с голубиной кротостью, с народным смирением, с вещим и земным прозрением, – взял да и напялил на себя французский камзол, да еще в XX столетии! В старинных учебниках это называлось “галломанией”. Мы очутились лицом к лицу с тем самым вопросом, который неизбежно рано или поздно возбуждается по поводу каждого русского писателя, – и в том, что вопрос этот поставлен перед нами творчеством Кузмина, еще одна порука, что Кузмин – подлинный русский поэт, не взявший напрокат у Запада ровно ничего, кроме атласного камзола да книжечки когда-то модного французика Пьера Луиса. Перед нами вопрос мучительный и сложный, для нас – реальный и первый вопрос, а “дифференцированной культуре” Метерлинков и Роденбахов никогда не снившийся. Вопрос о “западничестве” и “славянофильстве”, говоря обобщенно, все то море волн, литературных и житейских, над которым мыслили, скорбели, пели, плакали и умирали подлинные русские люди несколько десятков лет, над которым остановился и наш момент истории, – ибо кто же, кроме людей, заведомо отвлеченных или желающих скрывать по тем или иным причинам свое духовное “я” (впрочем, всяческой “тактики” русская литература искони чуждалась, и упрекнуть ее в неискренности и умалчивании никак нельзя), – кто же станет отрицать насущность в наше время вопроса “*национального*”?

Итак, Кузмин, надевший маску, обрек самого себя на непонимание большинства, и нечего удивляться тому, что люди самые искренние и благородные шарахаются в сторону от его одиноких и злых, но, пожалуй, невинных шалостей. Лучшие люди иной раз не выносят, когда их дразнят, а дразнить и морочить – новые поэты мастера. Но есть морок и морок, иной и дразнит по-

русски, как Ремизов, а иной, как Кузмин, надевает для этого маску, которая действительно немного портит его слишком печальное для всяких масок лицо. Что бы самому читателю потрудиться немного и снять эту маску? Да нет, на свете не много людей, которым дорога поэзия сама по себе, и мало кто согласен прощать поэту его вольное или невольное прегрешение. Может быть, это в конце концов и к лучшему, ибо поэт все-таки – человек опасный.

Мне не хотелось бы посылать эти упреки Кузмину, потому что мне, как человеку, любящему поэзию, дороги, хотя и не одинаково, почти все его стихи. Но еще дороже мне то, что есть в этих стихах песни *о будущем*. Это – то, что делает их прекрасными. И никогда не услышал бы я самых красивых песен, только о прошлом брэнчащих. Тому, кто поет о земле обетованной, непозволительно брать в руки балалайку; смешно видеть человека с грустным лицом в маскарадных и светских лохмотьях. Если Кузмин стряхнет с себя ветость капризной легкости, он может стать певцом народным. От скуки к радости нет дороги, но от скорби к радости – прямой и суровый путь.

4. СТИХИ БУНИНА

Большая часть четвертого тома стихов Бунина занята переводами; это – “Годива” Теннисона, отрывок из “Золотой легенды” Лонгфелло и “Каин” Байрона. Переводы хорошие, и перечитывать классические произведения в хороших переводах приятно. Зато первую часть книги, занятую оригинальными стихотворениями, надо признать слабой. Из стихотворений этих запоминаются немногие отдельные строки, а целиком, пожалуй, только одно – “Христос”, и то не без досады и недоумения.

Поэзия Бунина, судя по этому сборнику, склонилась к упадку. Может быть, это временный упадок, но все признаки его налицо, явственно бросаются в глаза.

Стихи Бунина всегда отличались бедностью мировоззрения. Это была лирика исключительно самодовлеющая и, пока не иссякли ее родники, прекрасная. Теперь лоно этой лирической реки иссохло, и четвертый том представляет почти сплошь сухую риторичку.

В подземный мир ведет на суд Отца
Сын, Ястреб-Гор. Шакал-Анубис будет
Класть на весы и взвешивать сердца:
Бог Озирис, бог мертвых, строго судит.

Пой, соловей! Они томятся
В шатрах узорчатых мимоз,
На их ресницах серебрятся
Алмазы томных крупных слез.
Сад в эту ночь – как сад Ирема.
И сладострастна и бледна,
Как в шакнизир – тайник гарема,
В узор ветвей глядит луна.

Такие и многие подобные стихи, в которых есть размеры, рифмы и подражательность всем образцам, начиная с Пушкина и кончая новейшими, но нет главного, то есть поэзии, очень жалко видеть в книге поэта, которому мы останемся благодарны навсегда за несколько безупречных стихотворных пьес. Такие стихи терпимы разве на страницах газет и альманахов.

Полнейшая отрывочность всей книги указывает на то, что Бунин как-то беспомощно мечется из стороны в сторону, как бы ища свою утраченную стихию, но – почти всегда безуспешно. То пробует он подражать Валерию Брюсову, выходит беспомощно, неумело, рабски:

Люблю неясный винный запах (?)
Из шифоньерок и от книг
В стеклянных невысоких шкафах,
Где рядом Сю и Патерик.
Люблю их синие странички,
Их четкий шрифт, простой набор...
И серебро икон в божничке,
И в горке матовой фарфор.
И вас, и вас, дагерротипы...

Способ выражения, рифмы, расстановка слов, даже размер, тема, заключительное восклицание – все от Брюсова, только поплоче, второго сорта.

В следующем стихотворении (“Петров день”) способ выражения заимствован у Городецкого; это – знакомое, исключительно этому поэту свойственное, отсутствие глагола в периодах, подобных следующему:

Мы из речки – на долину,
Из долины – по отвесу (?)
По березовому лесу –
На равнину,
На восток, на ранний свет,
На серебряный рассвет,
На овсы –
Вдоль по жемчугу по сизому росы!

Как многословны эти русалки; мало им сообщить, что они отправляются “на ранний свет” и “на серебряный рассвет”, но еще надо прибавить: “на восток”! По-видимому, девицы положительные! Бунин забыл только, что у Городецкого они бывают поистине “безглагольны”, и вовсе не только в буквальном смысле – пропуска глагола.

В следующем стихотворении (“Пугало”) идет уже некрасовщина, но такая же скучная и такая же бессодержательная, как два предыдущих подражания Брюсову и Городецкому:

На задворках, за ригами
Богатых мужиков,
Стоит оно, родимое,
Одиннадцать веков.

Что хотел Бунин сказать этим стихотворением – совершенно неизвестно, но разгадывать загадку и цитировать дальнейшие строфы просто не стоит – слишком явно, что ничего тут не вышло.

Изредка попадаются в книге истинно прекрасные строки, напоминающие прежнего Бунина:

И шлем ты снял – и холод счастья
По волосам твоим прошел.

И звучный гул бродил в колоннах,
Среди лесов. И по лесам
Мы шли в широких балахонах,
С кистями, в купол, к небесам.

К сожалению, все это тонет в массе общих мест, при этом всегда ужасно самоуверенных и высокопарных; в стихотворении “Каир” сообщается, что “Бог Ра в могиле” и еще напоследок поясняется кратко: “В яме”. Каин именуется братом, Джордано Бруно вещает скучно и напыщенно:

Мир – бездна бездн. И каждый атом в нем
Проникнут богом – жизнью, красотою.
Живя и умирая, мы живем
Единою всемирною душою.

Словом, утекла живая поэзия, а всплыла мертвечина и вульгарность. И если Бунин не окончательно погряз в гордости и недоступности своего брата Каина, он должен признать, что книгу он написал плохую и вульгарную, что к литературе она почти не имеет отношения и что грешно насиловать и заставлять петь свою свежую лирическую душу, когда она не хочет петь. Ведь без дурных стихов и трескучих перепевов гораздо приятнее обойтись не только нам, но и самому поэту.

5. ДВА АЯКСА

В заключение – некоторая дань провокации, хулиганству, легкомыслию и другим явлениям литературной жизни, приводящим в ужас почтенного критика “Весов”, г-на Эллиса. Это будет и недлинно и невинно, но, признаюсь, цель моя неблаговидна: настоящая заметка продиктована мне более всего страстным желанием подразнить г-на Эллиса и посмотреть, что выйдет из моего сопоставления двух поэтов, из коих один “любезен”, а другой “нелюбезен” “Весам”, а следовательно, как всякий знает, и вообще “российской словесности” (пока еще меня никто упрекнуть не может, ибо я строго держусь терминологии Андрея Белого и Бориса Бугаева).

Кто же эти два поэта, которых я осмеливаюсь сопоставлять по невежеству и легкомыслию своему? О, ужас! Сергей Соловьев и Петр Потемкин. Скорей, скорей, г-н Эллис, поведайте миру о том, что я погиб окончательно и стал отныне “мистическим хулиганом”!

Пишу, а сам – весь трепещу... Однако скорей, пока не поздно. Итак, П. Потемкин написал “Смешную любовь”, а С. Соловьев – “Sturifragium” (в словаре Шульца не встречается, а другого у меня нет). Первую книгу я прочитал и не одобрил, а вторую – не прочитал, но также не одобрил... Позвольте! Почему не прочитал? Потому что: 1) Чуть не ослеп, едва открыл предисловие, и все домашние мои разбежались, едва я попросил их прочесть мне что-нибудь оттуда вслух, – ведь зрение дорого всякому. 2) Читал прежде первую книгу С. Соловьева, критиковал ее и за это получил такой нагоняй во второй книге (нагоняй напечатан другим шрифтом), что боюсь читать ее. 3) Самый веский аргумент: читал стихи С. Соловьева в № 8 “Весов”.

Мог бы присоединить еще веские аргументы, но боюсь запутаться и впасть в противоречие, тем более что “мысли мои сочетаются по законам первичных ассоциаций”, как утверждает С. Соловьев, а потому мне не следует слишком разбрасываться и увлекаться “цветами красноречия”.

Итак: всем известно, что Аяксы, при появлении своем, рекомендуются: “Мы – два Аякса, два Аякса, два Аякса – *вдруг!*” Точно так же вдруг, как снег на голову, свалились и стали, можно сказать, “справедливым укором” перед русской литературой и эти два Аякса. Один – имея верными спутниками: Горация, Ронсара, Пушкина, Кольцова, Баратынского, Брюсова, Вячеслава Иванова и Немезиана; другой – не имея решительно никаких спутников, но не менее величаво и ослепительно. Один – утружденный заботами о стилистических проблемах, поставленных Андреем Белым, и об орфографических новшествах в виде широкого употребления ижицы; другой – без всяких проблем и ижиц. Один – возлелеянный обильными и плодоносными словесными туками на стогах древней Москвы, другой – свободный трубадур питерский, певец Шапшала, Оттомана и часов Омега. Один – воспевает по преимуществу Сиракузы, козье млеко, ноздреватый сыр и прочие “тихоулыбчивые” уголья, а также “ноги, груди и уста”, которые “между влажными корнями раскидались по дуброве” (признаюсь, картина странная: раскиданные по дуброве ноги, груди и уста приходится наблюдать не часто). Другой – воспевает папироску, которая не курится, “Musick”** в черной папке, Паулину и “Квисисану” (это по крайней мере у всех на виду и всем доступно). Один создавал, очевидно лишь для немногих, каких-нибудь “белолокотных” и “сребролодыжных” друзей поэзии, которые много лет уже собираются внести на рассмотрение Государственной думы законопроект о введении ижицы не только в духовные слова (как: сгнод, муро), но и в слова светские (как: “Кввсвсана”). Другой творил, вероятно, для одной “Паулины”, и больше ни до чего и ни до кого ему в минуту вдохновения не было дела.

Как видите, пути их творчества весьма различны, можно сказать, прямо враждебны. И, однако, почему-то так и подмывает меня сделать сопоставление столь кощунственное, хотя знаю – ах, знаю! – что упаду окончательно в

---

* Перебивание голеней (*лат.*) – по евангельскому преданию, так были добыты разбойники, распятые вместе с Христом. – *Ред.*

** Искаженное *нем.* Правильно: Musik. – *Ред.*

глазах г-на Эллиса и заклеят он меня отныне уже не трехэтажным, а десятиэтажным эпитетом, так что стыдно мне будет показаться на люди с этим позорным клеймом.

Почему сопоставляю я маститых Соловьева и Потемкина, пусть догадается сам читатель: я же не смею подробно цитировать ни того, ни другого, ибо это – труд для меня непосильный. Скажу, впрочем, вкратце и с легкомыслием совсем уже не извинительным, что певец Паулины и “Квисисаны” мне все-таки нравится больше, нежели ученик Квинтилиана и Сатирикона, хотя публичное признание в том, что кто-либо из них нравится, я и считаю некоторым признаком дурного тона. Во всяком случае, терять мне уже нечего; в глазах “русской словесности” – я погиб.

СОЛНЦЕ НАД РОССИЕЙ

(Восьмидесятилетие Льва Николаевича Толстого)

Когда в 1881 году Победоносцев убедил правительство повесить пятерых “царубийц”, Лев Толстой написал просьбу о помиловании их и просил Победоносцева передать эту просьбу. Несмотря на отказ Победоносцева, письмо дошло до царя (через генерала Черевина). Тогда в знаменитом заседании Государственного Совета 8 марта Победоносцев произнес свою историческую речь, настоял на требовании о повешении и, ухватив кормило государственного корабля, не выпускал его четверть века, стяжав себе своей страшной практической деятельностью и несокрушимым, гробовым холодом своих теорий – имя старого “упыря”.

Старый упырь теперь в могиле. Но мы знаем одно: в великую годовщину 28 августа, в сиянии тихого осеннего солнца, среди спящей, усталой, “горестной”, но *все той же* великой России, под знакомый аккомпанемент административных распоряжений и губернаторско-уряднических запрещений шевелиться, говорить и радоваться по поводу юбилея Льва Толстого, – прошла *та же* чудовищная тень.

Тень старого упыря наложила запрет на радость. День 28 августа прошел, как принято выражаться, “в общем спокойно”. Это значит, в переводе на русский язык, зловеще, в мрачном молчании. “Реакция”. “Усталость”. Толстому дарят плуг и самовар. Толстому шлют телеграммы о победе света над тьмою. Несколько газет выпускают юбилейные номера... Таков день 28 августа.

Все привычно, знакомо, как *во все великие дни, переживаемые в России*. Вспоминается все мрачное прошлое родины, все, как подобает в великие дни. Чья мертвая рука управляла пистолетами Дантеса и Мартынова? Кто пришел сосать кровь умирающего Гоголя? В каком тайном и быстро сжигающем огне сгорели Белинский и Добролюбов? Кто увел Достоевского на Семеновский плац и в мертвый дом? И когда в России не было *реакции*, того, что с

Заметка для сборника, посвященная |
Аббу Николаеву Толстому.

Толстой живет среди нас. Нам трудно
оубнать и понять то, как он дует. Сознание
того, что чуждое для него с камем, часто
приходит слишком поздно. Надо помнить, что
самое существование гения есть непрерывное
излучение света на современников. Этот
свет оерегает и близоруким бр самых
опасных людей. Они сами не понимают,
что, несмотря на наши страхи, уклонения
от единственного пути жизни, они еще
счастливы видеть самих страших пропади;
это есть счастье, которое как бы всегда
твердит нам: еще не поздно, — мы обязаны
недремлющему солнцу Толстого; может быть,
только ему.

Интеллигенту надо торопиться в юности
понять Толстого, пока насущная бо-
лезнь прозрачных дел и праздной жизни
не успела ослабить духовных и телес-
ных сил.

Александр Блок

“ЗАМЕТКА О ТОЛСТОМ”

1908 г.

нею и за нею, того, что мы, пережившие ясные и кровавые зори 9 января, осуждены переживать теперь *каждый день*? Или это так мало – “политическая реакция”? За этим вульгарным словом стоит та обыденность и каждодневность, которую мы ощущаем на собственной шкуре, с доподлинной силой и яркостью. Это не только “неудобно”, “скучно”, “томительно”. Это – *страшно и странно*.

Величайший и единственный гений современной Европы, высочайшая гордость России, человек, одно имя которого – благоухание, писатель великой чистоты и святости – *живет среди нас*. И неусыпно *следит за ним* чье-то зоркое око. Кто же это: министр ли, который ведает русскую словесность, простой ли сыщик или урядник? Да неужели нам всем, любящим Толстого как часть своей души и своей земли, было бы так *странно* и так *страшно*, если бы за душой и землей нашей следили *только* они? И разве видно им сокровенное земли и души нашей, благословенные дали Ясной Поляны? Нет, не они смотрят за Толстым, их глазами глядит мертвое и зоркое око, подземный, могильный глаз упыря. И вот при свете ясного и неугасимого солнца, в *несомненный* день рождения Льва Николаевич Толстого, а следовательно, в день ангела и моего и тысяч других людей, – становится нам жутко и мы, писательская братия, говорим слова тревожные, говорим древним, хаотическим, “двоеверным” языком могильных преданий.

Часто приходит в голову: все ничего, все еще просто и не страшно сравнительно, пока жив Лев Николаевич Толстой. Ведь гений одним бытием своим как бы указывает, что есть какие-то твердые, гранитные устои: точно на плечах своих держит и радостью своею поит и питает свою страну и свой народ. Ничего, что нам запретил радоваться святейший Синод: мы давно уже привыкли без него печалиться и радоваться. Пока Толстой жив, идет по борозде за плугом, за своей белой лошадкой, – еще росисто утро, свежо, нестрашно, упыри дремлют, и – слава Богу. Толстой идет – ведь это солнце идет. А если закатится солнце, умрет Толстой, *уйдет последний гений*, – что тогда?

Дай Господи долго еще жить среди нас Льву Николаевичу Толстому. Пусть он знает, что *все* современные русские граждане, без различия идей, направлений, верований, индивидуальностей, профессий, впитали с молоком матери хоть малую долю его великой жизненной силы.

ВЕЧЕРА «ИСКУССТВ»

Петербургский литературный сезон со всеми своими довольно однообразными подробностями начался. Начались и литературные вечера – одна из самых зловредных подробностей. Пусть с осени все как будто обновляются, как будто набираются свежих сил и начинают мечтать о всяких реформах, – так случилось и этой осенью с литературными вечерами. Вот прошлой зимой свирепствовала литературно-музыкально-вокальная эпидемия: все залы на-

расхват, решительно, куда ни сунься, декламируют, поют и играют; а теперь, по слухам, нам угрожает иное: о вечерах обыкновенных и даже о вечерах стилизованных слышно редко, зато повсюду затеваются постановки одноактных пьес, и, судя по именам руководителей, которых называют, можно ожидать, что театральнo-литературно-вокально-музыкально-балетно-художественная деятельность будет пользоваться успехом и примет характер столь же эпидемический.

Одноактные пьесы сочиняются, труппы набираются, художники заседают, а некоторые предприятия уже пущены в ход и явили стилизованным барышням “убогую роскошь своего наряда”. Однако от реформ, даже и в этой области, мы что-то не ждем нового. Что прошлая зима, что будущая, – не все ли равно?

На одном из реформированных представлений под названием “Вечер северной свирели” мне привелось быть. Можно было бы рассказать обо всем, что происходило там, очень забавно, но, право, как-то не хочется рассказывать; и не потому, что в таком рассказе нет ничего поучительного, – о, напротив! Зрелище было даже чрезмерно поучительное; но ведь, если начнешь рассказывать об одном стилизованном вечере, отчего не рассказать и о сотне других, невольным свидетелем или участником коих был сам? Правда, в “Вечере северной свирели” было кое-что уже выходящее вон из ряда по неприличию и внутреннему уродству, нечто вопиющее и требующее литературной кары; но об этом хотелось бы говорить иначе и по другому поводу; а в общем, вечер был не хуже и не лучше всех подобных ему бывших и будущих вечеров: очень плохие актеры играли очень плохую пьесу, читал Ремизов и поэты – Городецкий и Рославлев, певица пела; почему все это происходило у забора, над которым торчала пароходная труба, остается неизвестным, но разве есть в мире мудрец, который разрешит мне, что обозначали некоторые декорации даже в театре Коммиссаржевской, например в “Пеллеасе и Мелисанде”?

Итак, “Вечер северной свирели” был, в общем, как все вечера, и, сказав о нем несколько слов, я сказал обо всех вечерах, ему подобных; то же убожество, та же ненужность; писатели, почти без исключений читать не умеющие, читающие вяло, нудно, в нос, монотонно, скучно, читающие тем хуже, чем больше их внутреннее содержание (исключений очень мало); публика, состоящая из людей, которым всё все равно, и из молодежи; а молодежь не особенно многочисленная, посещающая такие вечера, разделяется теперь, как известно, тоже на два лагеря: одним – подавай гражданские мотивы; если поэт прочтет скверные стихи с “гражданской” нотой – аплодируют, прочтет хорошие стихи без гражданской ноты – шипят (эта группа, по моему глубокому убеждению, – *лучшая* часть публики, посещающей вечера нового искусства); другая группа – со стилизованными прическами и с настроениями, но о ней говорить я уж лучше не стану, чтобы не сказать чего-нибудь очень неприятного по ее адресу.

Такова большая часть слушателей и зрителей. Несмотря на всю разнородность состава, она связана между собою, пожалуй, еще чем-то, кроме

стадного инстинкта, который развивается весьма успешно при всех зрелищах “дурного тона” (тогда как зрелища истинно прекрасные и гармоничные развивают, как известно, инстинкты *общественные*). Это “что-то” сверх стадности – есть *любопытство*. Оно-то и заставляет главным образом посещать вечера нового искусства, где можно рассматривать со всех сторон – и на сцене и в зале – литераторов и актеров.

Все соображения, высказанные сейчас, дались мне путем очень неприятного и слишком продолжительного опыта, ибо я сам не раз читал на вечерах “нового” и не нового искусства, с благотворительной целью и, – увы! – даже без оной, читал “с успехом” и без успеха, с шиканьем и с аплодисментами, – но всегда и всюду уносил чувство недовольства собою, чувство досады от нелепо и уродливо проведенного вечера; мало этого, всегда было чувство, как будто я сделал что-то дурное, и теперь, когда я понял окончательно правдивость этого чувства, я считаю долгом сказать несколько слов о смысле и возможных последствиях современных литературных вечеров.

На все мои соображения мне могут возразить по существу только одним словом: *благотворительность*. Кто же в самом деле, кроме людей, обладающих развитием гимназиста третьего класса (впрочем, среди современных “эстетов” есть и такие), станет доказывать мне серьезно, что хоть один из вечеров искусства не затоптал в грязь этого несчастного нового искусства, не был увесистой пощечиной всякому художнику, независимо от того, сидели писатели во мраке за грязной скатертью-модерн, перед плюгавой канделяброй, или слонялись они по сцене вдоль всяких пошлых фортепьян при ярком, сальном и гладком электрическом свете? Если не было “модерна” внешнего (который в наши дни почти без исключения есть синоним уродства), то был еще гораздо худший “модерн” внутренний, то есть дилетантство, легкомыслие, хулиганство, неуважение к себе, к искусству и к публике, то есть все то, что в итоге дает атмосферу пошлости и вульгарности.

Со всем этим художник не может не согласиться. Но, возражают мне, есть же случаи, когда можно спрятать в карман свое собственное, даже художническое, самолюбие; и такие случаи налицо именно тогда, когда рабочий, студент, курсистка приходят звать участвовать на вечере и приводят самые простые, реальные и несомненные доводы, как, например, то, что литературный вечер есть легкое средство доставить возможность есть и пить людям, может быть умирающим с голоду. Кажется, такой довод неотразим, кажется, отказаться невозможно; как будто простой *гражданский долг* обязывает участвовать на вечере с благотворительной целью, кто бы его ни устраивал, хотя бы сам г. Вавич декламировал там стихи из своей книги “Зажженные бездны” или г. Григорий Новицкий пел куплеты из “Ночи любви” (впрочем, извиняюсь, я немного спутал, но поправлять как-то рука не поднимается); кажется, идти на такой вечер так же необходимо, как необходимо *не* идти на вечер без благотворительной цели, как необходимо *не* пропагандировать “нового искусства” в столицах или в провинции; и, однако, я должен сознаться, что считаю в наше время вредным участие на вечерах *даже благо-*

творительных; и утверждаю, хотя многие останутся недовольны мною, что, по моему убеждению, если что запрещает действительно участвовать на каких бы то ни было современных литературных вечерах, так это как раз *гражданский долг*.

На днях один писатель (не моего поколения) рассказывал мне о прежних литературных вечерах; бывали они очень редко и всегда отличались особой торжественностью. Нечего и говорить о том, почему был прав Достоевский, когда с эстрады “жег сердца людей” “Пророками” Пушкина и Лермонтова. Это было торжество неслыханное, – и разве можно было не запомнить такого “явления” Достоевского “народу” на всю жизнь? Но почему потрясали сердца: Майков со своей сухой и изящной декламацией, Полонский с торжественно протянутой и романтически дрожащей рукой в грязной белой перчатке, Плещеев в серебряных сединах, зовущий “вперед без страха и сомнения”? Да потому, говорил мне писатель, что они как бы *напоминали* о чем-то, будили какие-то уснувшие струны, вызывали к жизни высокие и благородные чувства. Разве есть теперь что-нибудь подобное, разве может быть? Из моих личных впечатлений есть разве одно подобное: это – когда Н.А. Морозов читал свои стихи – тоже плохие, конечно еще гораздо хуже плещеевских. Но, когда он читал их, я слышал, что он хотел передать ими слушателям, видел по приему и по лицам аудитории, что ему удалось это, – и готов был сказать (как и теперь готов), что стихи Н.А. Морозова не только можно, а, пожалуй, и нужно читать на литературных вечерах, стихи же любого из новых поэтов читать не нужно и почти всегда – *вредно*.

Вредно потому, что новые поэты еще *почти ничего не сделали*; потому, что нельзя приучать публику любоваться на писателей, у которых нет *ореола общественного*, которые еще не имеют права считать себя потомками священной русской литературы; вредно потому, что нельзя приучать публику к любопытству насчет писателей в ущерб любознательности насчет литературы; вредно потому, что *большинство* новых произведений (исключая бесчисленные фабрикация и подделки) недоступно большой публике, и она *права*, когда чистосердечно *ничего не понимает*; вредно потому, что все это, вместе взятое, порождает атмосферу не только пошлости и вульгарности, – хуже того: вечера нового искусства в особенности, а также все остальные, примыкающие к ним, по нашим временам, очень тесно, порождая все перечисленное, тем самым становятся как бы *ячейками общественной реакции*; как бы ни были крохотны и незначительны эти ячейки в круговороте нашей жизни, *они делают свое медленное дело неуклонно*. Потому, будучи глубоко убежден в правоте своих выводов, основанных на личном опыте, и видя в этом дело общественной совести, я обращаюсь к писателям, художникам и строителям с горячим призывом не участвовать в деле, разлагающем общество, то есть не способствовать размножению породы людей “стиля модерн”, дни которых сочтены. Общество интеллигентное и без “вечеров нового искусства” довольно пропитано ядами косности и праздности, и прибавлять хоть каплю в море дурных инстинктов есть дело, недостойное художника и гражданина.

ОБ ОДНОЙ СТАРИННОЙ ПЬЕСЕ

Знаменитый австрийский драматург начала прошлого столетия Франц Грильпарцер, об одной из пьес которого я хочу говорить, родился в Вене 15 января 1791 года. Внешние факты его жизни, как и у большинства писателей последнего столетия, не представляют интереса. Он учился в гимназии, потом с 1807 по 1811 год слушал курс юридических наук в Вене (и в эти ранние годы потерял отца), в 1813 году поступил на государственную службу, в 1847 г. был избран в члены академии наук, в 1861 – в члены австрийской палаты господ. Главную любовь в жизни часто вообще увлекавшегося Грильпарцера была Катарина Фрелих, с которой он познакомился, когда ему было 30, а ей 21 год.

Литературную свою деятельность Грильпарцер начал шестнадцати лет, под влиянием Лессинга, Гердера, Шиллера и Гете. Расцвет этой деятельности начался с 1816 года, когда известный в то время драматург Шрейфогель побудил Грильпарцера всерьез приняться за драматургию и способствовал появлению на сцене первой серьезной трагедии его – “Праматерь” (историю постановки ее можно найти в автобиографии Грильпарцера), – и окончился в 1838 году, когда поэт, под давлением публики, холодно встретившей его последние драмы, критики и цензуры, отказался почти совершенно от опубликования своих произведений. В течение этих 22-х лет Грильпарцер завоевал себе драмами, стихами и прозой не последнее место в ряду своих современников, среди которых, как известно, стояли имена: Гейне, Гофмана, Шамиссо, Ла-Мотт-Фуко, Брентано, Клейста, Рюккerta, Уланда, Иммермана...

21 января 1872 года, изведав тягость критических и цензурных гонений, чинов и почестей, изъездив Европу (он путешествовал по Германии, Италии, Франции, Англии, Турции и Греции), Грильпарцер тихо скончался в родном городе. Похороны его были равны по торжественности разве похоронам Клопштока, а в 1889 году ему был поставлен памятник в венском народном саду. Очень многие произведения Грильпарцера напечатаны только после его смерти, а пьесы с огромным успехом пошли в шестидесятых годах и позже, между прочим – у Мейнингенцев.

Собрание сочинений Грильпарцера выдержало шесть изданий. Грильпарцер написал много стихов (они занимают большой том), беллетристических и критических произведений (новеллы, дневники путешествий, критические заметки, воспоминания, автобиография – два тома), но известен он главным образом своими драмами. Счетом их тринадцать, а на русский язык была переведена только одна (“Сафо”, перевод Арбенина в журнале “Артист” 1895 года), эту пьесу играла у нас М.Н. Ермолова.

Пьесу, о которой я буду говорить и которая скоро появится в русском переводе, а потом пойдет на русской сцене, по времени написания (1817 год) непосредственно предшествует “Сафо”. Следовательно, ей уже 90 лет.

Она носит очень странное заглавие: “Праматерь” (“Die Ahnfrau”). Содержание этой пятиактной трагедии следующее:

Действие происходит в родовом замке графа Боротин и открывается в тот момент, когда престарелый граф, потомок знатного рода, живущий в замке со своею единственной дочерью, получил известие о кончине своего дальнего родича. Со смертью его граф остается единственным в роде. Сын его погиб еще трехлетним мальчиком, утонул в пруде, его супруга давно умерла, и знаменитый древний род, таким образом, должен прекратиться. Но единственная дочь графа, Берта, полюбила юного Яромира, который спас ее жизнь от разбойников, живущих в соседних лесах. Узнав об этом, граф видит единственный исход в союзе своей любимой дочери с Яромиром, который, как говорит Берта, хотя и беден, но принадлежит тоже к знатному и древнему роду. Счастливый случай приводит Яромира в графский замок, и растроганный отец благословляет его союз с Бертой.

Но над родом и замком Боротин тяготеет древнее проклятие. Несколько сот лет назад Праматерь дома Боротин, такая же прекрасная, как дочь графа, совершенно похожая на нее лицом и станом, именуемая также Бертой, изменила своему супругу, была застигнута им на месте преступления и заколото кинжалом. С тех пор тень ее осуждена бродить по мрачным залам и коридорам замка и тревожить живых до тех пор, пока не вымрет весь род, зачатый ею во грехе и проклятии. Старый граф не верит этому преданию, которое со страхом и трепетом рассказывает ему старый слуга, но скоро сами обстоятельства заставляют поверить и мужественного графа.

В длинном ряду ночных сцен, следующих за поселением счастливого жениха в мрачном замке и протекающих при тусклом свете свечей, неспособном разогнать окружающей тьмы и ужасов снежной бури, голосящей за окнами в полях и лесах, – выясняется, что гибель дома Боротин неизбежна, что дух мертвой Праматери не успокоится, пока не погибнет последний отпрыск ее грешного рода. Действие внешних и внутренних сил, ведущих к гибели, развивается постепенно и параллельно.

С одной стороны, тень умершей красавицы появляется беспрестанно. Отец принимает ее за дочь, жених за невесту, так как Праматерь отличается от юной дочери графа только волнующимся покрывалом, сквозь которое сквозят черты и стан Берты.

С другой стороны, постепенно выясняется, что жених Берты, Яромир, – предводитель той самой шайки разбойников, с которой издавна борется граф Боротин. Когда же Яромир, преследуемый и вынужденный к бегству, скрывается из замка, назначив Берте свидание в старинном склепе ее предков, старый разбойник, пойманный солдатами короля, сознается графу, что Яромир, которого он выдавал за своего сына, не его сын, что он и есть мнимо умерший сын графа, украденный и воспитанный разбойниками. Граф, пораженный страшной вестью и раненый к тому же разбойниками, которых он только что преследовал, умирает. Нежная Берта не в силах перенести утраты жениха и отца, и сходит с ума.

Яромир, ничего не знающий ни о своем происхождении, ни о проклятии, тяготеющим над родом, приходит на свидание ночью в склеп. На зов его из

могилы выходит сама Праматерь. В последний раз приняв ее за невесту, Яромир бросается в ее мертвые объятия и падает бездыханным.

Так кончается всеобщей гибелью эта печальная трагедия. Только Праматерь, успокоенная, мирно засыпает в своей гробнице, ибо цель ее достигнута, род ее стерт с лица земли, и она может уснуть спокойно.

Я не рассказал всех перипетий этой необыкновенно сложной пьесы, но и сказанное дает представление о ее мрачном романтическом характере. “Праматерь” написана в эпоху “политической реакции” 1815–1848 гг., в те печальные и тусклые времена, которые во многих чертах напоминают наше страшное и угнетающее безвременье.

За романтической бутафорией, которой щедро украшена юношеская трагедия Грильпарцера, не сразу можно почувствовать ее таинственный внутренний смысл.

“Праматерь” – не вечная трагедия, как “Эдип” или “Макбет”, но, если можно так выразиться, *интимная* трагедия, которая сохранит свой трепет и свою свежесть до тех пор, пока несчастное человечество не перестанет переживать эпохи, какую пережил Грильпарцер и какую приходится переживать нам.

Когда читаешь историю Германии и Австрии с Венского конгресса и до революции 1848 года, становится страшно за те точные повторения, которыми с неумолимым унынием дарит нас история.

В этой маленькой статье я не считаю уместным перечислять известные исторические факты. Желаящие припомнить их могут обратиться к любой истории литературы, хотя бы к острой, короткой и блестящей “Истории немецкой литературы” Куно Франке. Всякий патриот, продолжающий верить в “величавый призрак горестной России”, по выражению современного поэта, может сделать это сравнение без особенной порчи крови; а человек “интернациональный” может утешаться, пожалуй, судьбою Германии: князь фон-Меттерних, человек с лицом ироническим и даже тайный поклонник Гейне (что, впрочем, не помешало союзному сейму запретить в Германии все бывшие и будущие произведения поэта), тридцать лет предсказывал сорок восьмой год; и все-таки этот год наступил же, озадачил и испугал самого предсказателя, вершившего немецкие судьбы!

История политической реакции в Германии и Австрии сохранила драгоценные для нас внешние факты. Еще год или два назад мы, пожалуй, не поняли бы, о чем плачет душа двадцатисемилетнего австрийского поэта; его трагедия понятна до конца только в черные дни, когда *старое* все еще не может умереть, все бродит, все жалуется на усталость и тревожит живых – робко, настойчиво, порою музыкально (как “Праматерь” у Грильпарцера), а *новое* все не может окрепнуть, плачет слезами немного неожиданными (как Яромир, юноша сильный и, надо полагать, мужественный) и погибает зря (как десятки русских самоубивающихся юношей “без цели в жизни”).

Нет, все это не так просто и не поддается одному только публицистическому учету. Нам было бы слишком легко “наложить” всю трагедию Грильпарцера на русскую современность, сказать, положим, что для современной России она символизирует медленное разложение аристократии, русского

барства, когда-то сыгравшего величавую роль и теперь увядающего, как осенняя георгина, без аромата, “во мраке и сырости старых садов”.

Ведь для того, чтобы увидеть чью-нибудь гибель, будь то обряд, или словие, или отдельный человек, надо сначала полюбить погибающего, проникнуть в отходящую его душу, значит – горестно задуматься над ним.

Произведение Грильпарцера и есть произведение горестное и *задумчивое*, несмотря на весь свой юношеский задор.

Имена Вернера, Мюльнера, Гоувальда, драматургов, современных Грильпарцеру, не говорят нам ничего. Имя Грильпарцера история запомнила. Не есть ли это лучшее доказательство того, что поэт действительно “обнаружил” способность влить человеческую кровь даже в безжизненные персонажи “трагедий рока”, и что эти трагедии относятся к “Праматери” примерно так, как сама “Праматерь” к “Эдипу”, как говорят доброжелательные критики и историки? Но “Праматерь” – современница тех произведений, где изображается неумолимая покорность слепому року.

Не странно ли в самом деле, что все живые и страстные герои трагедии (кроме бестактного “истинно-прусского” капитана) находятся во власти каких-то “странных шелестов”, пронсящих по залам родового замка? Что они скованы холодом зимней вьюги, которая голосит за окнами, в полях? Что все эти страшные шелесты и голоса достигают высшего воплощения лишь в какой-то давно знакомой и странно незнакомой в то же время, *призрачной красавице*, которую отец принимает за дочь, жених, за невесту? – Всё, страстно желающее жизни, любви и обновления, – гибнет; только она, чье единственное желание – *отдохнуть*, успокоиться в “гробовом ящике”, – торжествует свою победу тусклую, озаренную луною да беспомощными свечами на столе.

Чем дальше Грильпарцер “опускает концы в воду” своей мрачной *мистики*, тем больше просыпается во мне *публицистическое* желание перевести пьесу на гибель русского барства; в самом деле, тот, кто полюбил его нежно, чья благодарная память сохранила все чудесные дары его русскому искусству и русской общественности в прошлом столетии, кто понял твердо, что пора уже перестать плакать о том, что невозвратно воротились в родную землю его благодатные соки, но что нельзя еще шумно радоваться этому, когда на той же благоуханной земле, рядом с новыми благородными породами, топорщатся дерзкие и хамские чертополохи, – кто знает все это, тот поймет, каким воздухом был насыщен родовый замок Боротин, сидя в старой усадьбе, которую сотрясает ночная гроза, или, даже, просто дни и ночи не прекращающийся осенний ливень; кругом на версты и версты протянулась равнина, затопленная этим ливнем, населенная людьми, давно непонятными и справедливо не понимающими меня; а на горизонте стоит тихое зарево очень далекого пожара: это, вероятно, молния подожгла деревню.

Но я не могу быть до конца публицистом, я знаю, что в трагедии Грильпарцера есть еще и невыразимое. Это – не только искусство, искусство далеко не совершенно в пьесе. Может быть, это глубокое чувство *реакции*, которым мы можем теперь насладиться во всей полноте; а может быть, еще какое-то иное чувство, которое неизбежно посещает человека в известные периоды его жиз-

ни, когда он “подводит итоги”, начинает вспоминать... и, иной раз, *довспоминается* до того, что станет немножко жутко, не все благополучно.

Лучше бы и не будить “уснувших дум”: ведь *хаос* – “из смертной рвется он груди и с беспредельным жаждет слиться”. Во всяком случае, лучше молчать о нем, пусть бушует он в сирой и тревожной душе художника, рождая “светлых своих дочерей” – чистые создания искусства.

То невыразимое, что заключено в “Праматери”, лучше всего выразил сам Грильпарцер – юноша, на лицо которого глубокие и ранние морщины наложили скорбь и время – в монологе старого графа: чего боится так мужественный отец, когда остерегает юного Яромира от своего рода, от своего замка, от союза с любимой дочерью?

О, зачем сюда ты прибыл?
Думал ты, мой друг невинный,
Что царит здесь светлый праздник?
Поглядел бы ты на нас
Здесь, в ночных пустынных залах
За безрадостным столом;
Как тогда часы влекутся,
Как замедлен разговор,
Каждый шорох заставляет
Сердце каждое дрожать,
И отец в лицо родное
Милой дочери своей
С тайным страхом и тоскою
Не решается взглянуть:
То дитя его родное
Иль виденье гробовое?
Видишь, сын мой, как живут
Здесь отмеченные роком!
Ты же – мужественный дух,
Радость жизни быстролетной
И покой своей души, –
Все богатства хочешь бросить
В дома нашего пожар?
О, мой сын, ты не погасишь,
Только с нами ты сгоришь!

Когда же Яромир выражает готовность быть с ними, хотя бы ему грозила гибель, – старик горестно задумывается. – Бог весть о чем?

И нежная Берта говорит жениху:

“Он не любит, чтобы на него смотрели в такие минуты: это бывает с ним часто”.

Вот центральное место пьесы.

Если бы так называемые “трагедии рока” не были пустой бутафорией, жизнь и литература приняли бы их в свое лоно, и на челе каждого человека лежала бы печать покорности. Но они забылись, осталась только родственная им “Праматерь” – не простая “трагедия рока”. Она вошла в жизнь и заняла в ней по праву свое не очень большое, но жуткое место; и на чело тех не-

многих, кто пристально вчитается в нее, ляжет непременно еще одна лишняя морщина.

Эта трагедия не “реакционная”, но и не вечная, быть может, потому, что она создана в эпоху реакции, когда все живое обессиливается мертвым.

Это – интимная, предостерегающая трагедия: произведение не великой, но задумчивой и измученной души.

ГЕНРИХ ИБСЕН

Творчество Ибсена должно служить предметом целого систематического курса лекций, ибо Ибсен оставил современному человечеству не просто полное собрание своих творений, не просто ряд превосходных театральных пьес и не только ряд более или менее волнующих социальных, моральных, философских, эстетических и прочих вопросов. Читая творения Ибсена, мы ни на минуту не можем чувствовать себя наедине с книгой. Творения Ибсена для нас не книга, или если и книга, то – великая книга жизни. И раз мы с Ибсеном – тем самым мы со всем современным человечеством. Раз мы с Ибсеном – мы на борту корабля, который борется с волнами в открытом море, мы слушаем немолчный голос великого прибора.

Корабль – любимый образ Ибсена; раз мы с ним, мы знаем, что здесь, на борту этого корабля, нечего думать об отдыхе, об отчаянье, об усталости, о возможной гибели; ибо канат обрублен, старый берег прошлого потонул в тумане, зеленые воды фьорда пронизаны огромным солнцем, и парус на мачте полон ветром, как стремительные крылья белого северного орла.

Нечего и говорить, что в этом по необходимости кратком вступительном слове я не пытаюсь даже анализировать хоть одно произведение Ибсена, не пытаюсь проследить ход его рассуждений хотя бы по одному вопросу: ведь это значило бы – исследовать путь корабля, следить за ударом каждой волны о его борта. Я сказал бы даже, что эта задача недоступная для современного *теоретика*, ибо большинство запросов Ибсена относится к разряду наших живых, ежедневных запросов *практических* в высшем смысле этого слова. Потому-то разбираться в творчестве Ибсена пока лучше всего может научить сама жизни, и обратно: творчество Ибсена, как воплощение жизненной воли, непосредственно учит жизни, освещает пути ее светом неугасимым. Таков заколдованный пока круг, недоступный для науки. И если так, то не только недостаток времени, но еще и чувство бессцельности анализа заставляет меня преследовать иную, скорее – синтетическую задачу: я хотел бы только указать вкратце три главных этапа на пути Ибсена, определить отношение этого пути к господствующим путям в искусстве и, наконец, выяснить дух творчества Ибсена, его *пафос*, говоря привычным языком русской критики. Последняя задача уже явно не аналитическая, не научная, но синтетическая, художественная задача.

Отечество Генриха Ибсена – норвежский городок Скиен с трехтысячным населением и с интересами исключительно коммерческими. Родители Ибсена – торговая аристократия городка. “Первый вид на мир” из окна – городская площадь без одного дерева: прямо напротив – церковь с высокой папертью; направо – позорный столб; налево – тюрьма и сумасшедший дом. Круглые сутки – грохот и гул далеких водопадов, в дневные часы прорезывающийся “еще чем-то вроде то хриплых, то визгливых, то стонущих женских криков. Это, замечает Ибсен, работали на водопадах сотни лесопилок. Читая впоследствии о гильотине, я всегда вспоминал об этих лесопилках”.

Вот – все. Все, что видели и слышали миллиарды людей, открывавшие глаза на мир в жестокий, железный век. Деятельно жить у позорного столба под стон лесопилок – значит погибнуть или ожесточиться, живую ткань сердца превратить в железо. Но в маленьком Скиене случилось чудо: родившийся ребенок сохранил нежную ткань сердца, и только воля его стала как железный, разящий меч. А вслед за тем произошло решительно все, что должно произойти с героем, носителем мировой воли; но произошло не в дремучем лесу, не в молниях и радугах Валгаллы, не в огненном кольце спящей Валькирии, дочери Хаоса, но в сером свете культурных будней.

С последовательностью неуклонной и, да будет позволено мне сказать, роковой, Ибсен разрывает связь с *родительским домом*, где ему нечего делать. Покидая родной Скиен шестнадцати лет от роду, он видит впервые, как бы в награду, Северное море (около Гримстада). – Через несколько лет, столкнувшись с “духом компромисса”, Ибсен разрывает связь с *обществом*, заноса над ним тяжелый бич своей сатиры. От этого удара не спаслась ни одна самая интимная сторона общественной жизни. «Я в своей комедии поднял бич сатиры над любовью и браком, – пишет Ибсен в предисловии к “Комедии любви”, пьесе 1862 года, – и потому вполне в порядке вещей, что раздалось столько воплей в защиту брака и любви». – И наконец, после продолжительной борьбы с этим обществом на разных поприщах, Ибсен делает третий, самый решительный шаг: он *покидает родину*, по собственному выражению, “повертывает свои корабли кормами к северу”. Это – высшая точка первого этапа пути Ибсена и самая высшая из *доступных нашему зрению*.

В этот момент Ибсен – автор Бранда. Его воля напряжена до последнего предела. Его мозг искусился в вопросах о долге, призвании, личности, жертве, народе, национальности, обществе. Его сердце узнало любовь и сомнения, страх и сладость одиночества. Внешним образом более одиноким, чем теперь, Ибсен никогда не был. Теперь Ибсен – зрелый, женатый человек, ему под сорок лет. По положению – он писатель, прославившийся, следовательно, равно одинокий среди друзей и среди врагов. Да, это “жених, идущий навстречу невесте”, как говорит биограф; это – носитель “королевской мысли” о народе, о духовной жизни Норвегии, писатель в ореоле славы какой-то метафизической, человек, оставшийся самим собой, вопреки унижительным гонениям и нужде, которые остались далеко позади. Что же? Корабль летит на всех парусах, быть может уже нечего править рулем, остается захмелеть от этого

стремительного полета, от головокружительной славы, от торжественной музыки волн? Ибо душа *самого* борца спасена. Бранд остался в горах *один*, лицом к лицу с “Богом милосердия” (Deus caritatis), и сердце его только в руке Божией, не в руках человеческих.

Здесь-то и совершает Ибсен шаг, которым он навеки дорог нам. Последний шаг на новый путь, где мы сначала видим его с нами, лицом к лицу, а потом, неприметно, теряем его из виду, слышим только голос, потом, может быть, не слышим и голоса, а только знаем, что *здесь* – продолжение пути, сужденного и нам, что эту нить мы обязаны найти.

Насколько ярок переход Ибсена от первого этапа пути ко второму, настолько неясен переход от второго к третьему. Если за первый мы можем громко славить Ибсена, то о втором мы можем только гадать и пытливо вопрошать. Между тем именно последним, неразгаданным, он всего для нас дороже, и, кажется, не будь Ибсена “Дочери моря”, “Гедды Габлер”, Сольнеса, – мы не ценили бы так Ибсена Бранда или Ибсена Штокмана.

Какой же решительный шаг делает Ибсен, венчаный славой, Ибсен – самый одинокий из современников, Ибсен – высший индивидуалист, оставивший семью, общество и родину для горной вершины Бранда? Или действительно – Бранд раздавлен лавиной, а здесь, среди нас, осталась только сияющая слава Ибсена, корабль, летящий без кормчего?

Нет. Самый одинокий человек сошел с горы к людям. Ибсен понял, что нельзя “влачить корабль к светлому будущему”, когда есть “труп в трюме”; что нельзя вечно твердить о “третьем царстве”, когда современное человечество, и в частности норвежский народ, не может войти в широкие ворота вечных идеалов, минуя узкие двери тяжелого и черного труда.

Итак, Ибсен возвращается к “родной” и близкой действительности, он анализирует, он врачует язвы общества, он вооружился микроскопом и скальпелем. Его новые пьесы – “Столпы общества”, “Кукольный дом”, “Доктор Штокман” – представляли и представляют обильную пищу для публициста. Значит ли это, что Ибсен перестал быть художником и сделался реформатором, что “для житейского волненья” он забыл “сладкие звуки и молитвы”. – Нет, все дело в том, что он *не забыл молитв*.

Разве не тревожили давно уже Ибсена общественные вопросы? Разве он был когда-нибудь вне национальности, вне родины, вне общества? Разве не вопрошал он в ранней юности “норвежских скальдов”, не “на пользу ли народу” дан им поэтический дар? Все, что проявилось теперь, всегда жило в Ибсене, ибо во всяком настоящем художнике все возможности развиваются из одного первоначального источника.

Ибсен покидал родину, терзаемый сомнениями в себе, уходил с тем, чтобы “увидать солнце”, – которого “он дома никогда не видел”. Он вернулся вновь к бессолнечной родине все тем же художником, с тою же болью, но как бы – в закаленной броне. Изменились его методы, его темы, даже наружность, даже почерк, но сам Ибсен не изменился, то есть не изменил своему пути и “призванию”, своей юности, своей *первой любви*. Он отказался быть “женихом в брачной одежде” и стал великим чернорабочим. Теперь он имел

право сказать о себе:

Знакома мне паденья глубина;
Весенних басен книга прочтена,
Мне время есть размыслить о морали.

Можно подумать, что это отказ от “молитв”. Но нет, это только вторая ступень того же неуклонного пути, та же вера в себя, которая не покидала Ибсена сквозь все сомнения.

Здесь мы сталкиваемся с самым глубоким и самым трудным вопросом: на что опиралась вера и воля Ибсена?

Опора воли и веры всякого художника лежит в бессознательном. А так как Ибсен был всегда и по преимуществу художником, то и его опора лежала в бессознательном. Я не стану говорить подробно об этом вопросе и выскажу кратко только свое собственное убеждение.

Вера и воля Ибсена, и всякого художника, покоится в лоне “вечно-женственного”. Говоря словами поэта,

*Он имел одно виденье,
Непостижное уму,
И глубоко впечатленье
В сердце врезалось ему.*

Подтверждение этому мнению вы найдете в произведениях Ибсена и всякого художника XIX века гораздо ярче, чем в их биографиях. И потому нам нечего гадать о том, была ли Генриikka Гольст, эта маленькая Рикка, виденная Ибсеном всего два раза в жизни, – прототипом таких героинь Ибсена, как Сольвейг и Гильда, и была ли Сусанна Торесен, жена Ибсена, прототипом таких героинь, как Йордис. Можно, не зная биографии Ибсена, утверждать на основании всех его творений, что воля, вера и крепость даны ему вечно юной и вечно новой Сольвейг, которой нет имени, “в надежде, вере и любви” которой пребывал даже такой взбалмошный и мятущийся герой Ибсена, как Пер-Гюнт. Она была его видением, она открыла ему солнечный путь. И, может быть, за Гильдой, Геддой, Эллидой можно назвать еще одно имя – Норвегия; не та несчастная Норвегия действительности, с которой боролся Ибсен, но Норвегия – родина, мать, сестра и супруга, Норвегия зеленых фьордов, скал и снегов, родина белого орла.

Новая “общественная” деятельность Ибсена – не последняя ступень. Как я уже сказал, он достиг третьей ступени; переход этот гораздо менее резок и ясен, и, однако, именно последним периодом Ибсен нам всего дороже. Но я не вижу никакой возможности теперь определить его в целом. Если первый период можно назвать высшим развитием индивидуализма, второй – его кризисом, то третьему еще нет имени.

Теперь я хочу сказать несколько слов об отношении Ибсена к господствующему, так называемому “новому искусству”.

Вам приходилось, вероятно, много слышать о “сухости” Ибсена, может быть, приходилось и самим разочаровываться в нем, благодаря его внешней

холодности, какой-то кажущейся безответности. Ибсен и сам называл свою жизнь “долгой-долгой страстной неделей”. В его образах нет никакой пряности, и слова его героев – почти всегда – обыденные, простые слова, которые он умеет сочетать единственным, ему одному известным способом. У него нет той пышности, тех узорных словесных гирлянд, которые мы видим у Оскара Уайльда и Габриэля д’Аннунцио, у Станислава Пшибышевского, Конста. Бальмонта, и нет также и той намеренной упрощенности, сжатости стиля, как у Кнута Гамсуна, Мориса Метерлинка, В. Брюсова. Стиль Ибсена, кажется, так же холоден и незаметен, как чопорный и аккуратный образ его жизни.

Однако было бы ошибочно думать, что Ибсен не заботится о стиле, что он – не знаток и не любитель *формы*. В “Строителе Сольнеса” есть, например, почти двадцатиминутный диалог между Гильдой и Сольнесом, диалог, казалось бы, очень обыденный, и, однако, есть в нем нечто, что заставляет прислушиваться к нему с возрастающим напряжением. Еще Морис Метерлинк пытался когда-то открыть секрет этого диалога, дать ключ к искусству Ибсена, – и не мог добиться.

Стиль всякого писателя так тесно связан с содержанием его души, что опытный глаз может увидеть душу по стилю, путем изучения форм проникнуть до глубины содержания. И я решаюсь сделать сейчас одно обобщение, всех возможных выводов из которого даже не предвижу.

Изысканность стиля, в чем бы она ни выражалась, – в словесной ли пышности или в намеренной краткости, – свидетельствует о многострунности души, если можно так выразиться, о “*многобожии*” писателя, о демонизме его. Напротив, душа художника, слушающая голос одной струны или поклоняющаяся *единому Богу*, пользуется для своего выражения простыми, иногда *до бедности* простыми формами. А так как та или иная изысканность стиля есть существенный признак творчества всех только что перечисленных виднейших представителей “*нового искусства*” всех стран, а простота стиля есть существенный признак творчества *Ибсена*, то я хочу предоставить вам сделать дальнейшие выводы из моих положений. Скажу только одно: если бы меня заставили указать надежнейший фарватер в море новейшей литературы Европы, я бы поставил предостерегающие флаги над всеми именами, кроме имени Генриха Ибсена. Само собою разумеется, это не значит, что не надо исследовать моря, но я стал бы его исследовать, руководясь курсом корабля Ибсена.

Почему так? Потому что все мы слишком любим многих демонов. Ведь новые писатели далеко не беспочвенны, они выражают в своих произведениях ту самую разноцветную игру демонов, которая происходит во всех нас. Они – тоже родные, тоже нужные нам. И было бы наивно думать, что только в одном Ибсене нет этой страшной игры демонических сил. Напротив, она в нем, может быть, не менее сильна и многоцветна. Но, сверх того, он – обладатель священной брони, без которой нельзя выйти в мир, и *его* броню я считаю самой надежной из существующих. Внешняя холодность, чопорность, сухость, безответность Ибсена – это и есть та броня, за которой бушует Маль-

стрем его души – бурной души северного художника.

Он себе на шею четки
Вместо шарфа навязал,
И с лица стальной решетки
Ни пред кем не поднимал.

Душа всякого художника полна демонов. Тем они и ужасны, что все пленительны и красивы. Доверить же себя мы можем только тому художнику, у которого, кроме демонов, есть в душе единое *δαιμόνιον* – таинственный внутренний голос, который позволял Сократу безошибочно различать добро и зло. Этот внутренний голос руководил величайшими мудрецами Юга, древним Платоном, созерцателем Идей, и средневековым Дантом, мрачным любовником небесной Беатриче. Тот же голос руководил последним мудрецом дальнего Севера – Генрихом Ибсеном, среди густых туманов и ослепительных вьюг.

Можно любить Ибсена, можно ненавидеть его. Но ни ненависть, ни любовь к нему не могут быть бесстрастны. Быть холодным, равнодушным, пассивным зрителем трагедий Ибсена – значит быть *вне ритма* современной жизни, не понимать, что все мы ответственны за каждый шаг ее, что если замирает от боли ее великое сердце, то в этой боли – мы все виноваты.

Трагедия Строителя Сольнеса есть, может быть, самая загадочная трагедия Ибсена. Как и все остальные, она лишена тенденции, лишена тени навязчивости, ибо Ибсен – прежде всего и главное всего – художник. Но он – великий художник, и его творения – великие творения. А перед лицом великих творений искусства всякий спор об искусстве чистом и нравоучительном, о задачах искусства, а – в конечном счете – тревожный спор об эстетике и морали, о красоте и пользе оказывается *маленьким* спором, *злойбой дня*, или “злойбой” нескольких десятков лет – все равно.

Театральные представления драмы Ибсена могли бы стать желанным праздником, ибо на них служители пользы и служители красоты могут протянуть друг другу руки. Те и другие должны быть примирены в чувстве чего-то высшего, чем только красота и только польза, – и это высшее я назову чувством *прекрасного*. Прекрасное владеет всеми голосами, оно ударяет по всем сердцам “с неведомою силой”.

“Строитель Сольнес” – один из прекраснейших гимнов юности в литературе последних столетий. Суровый северный гимн скальда, для которого “юность – это возмездие”. Здесь вы соприкасаетесь без усилия, вы знакомитесь без труда – не логикою теоретического разума, не категорическим императивом разума практического, не внешним эмпирическим путем, но единственно внутренним путем магии искусства – с одною из мировых истин, равных по значению, быть может, закону всемирного тяготения.

Эта истина гласит о том, что человек может достигнуть вершины славы, свершить много великих дел, может облагодетельствовать человечество, но – горе ему, если на своем восходящем пути он изменит юности, или, как сказано в Новом завете, “оставит первую любовь свою”. Неминуемо, в час

урочный и роковой, постучится к нему в двери “Юность” – дерзкая и нежная Гильда в дорожной пыли. Горе ему, если он потушил свой огонь, продал свое королевство, если ему *нечем* ответить на ее упорный взгляд, на ее святое требование: “Королевство на стол, Строитель!”

НАРОД И ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

На первом собрании религиозно-философского общества (в 1908 г.) был прочитан доклад Германа Баронова «О демотеизме (Обожествление народа в “Исповеди” Максима Горького)».

Баронов говорит: «Когда общественное возбуждение улеглось, и река общественной жизни вступила в свои берега, на берегах осталось много сору. Этот сор разделяется на “честный” и “нечестный”. К “честному” сору относятся только те, кто сам себя сознал “сором”, кто томительно ищет живого Бога; к “нечестному” – вся та часть интеллигентного общества, которая прямо или косвенно склоняется на сторону той или другой партии».

Основываясь на некоторых цитатах из “Исповеди” Горького, Баронов отождествляет мировоззрение этого писателя с мировоззрением социал-демократов, в частности, Луначарского; докладчик упрекает Луначарского и Горького за то, что они обожествляют народ, отождествляют религиозный процесс с процессом хозяйственным, надевают “седло религии” на “корову науки”.

Не опровергая положений Баронова по существу и признавая всю важность затронутого им вопроса, я хочу сначала определить свое воззрение на творчество Горького (с воззрением Баронова несогласное), и перейти затем к важнейшему для меня вопросу об отношениях между интеллигенцией и народом. Эти отношения представляются мне не только ненормальными, не только недолжными. В них есть нечто жуткое; душа занимается страхом, когда внимательно приглядишься к ним; страшно становится, когда интеллигент начинает чувствовать себя “животным общественным”, как только сознает он, что существует некая *круговая порука* среди “людей культуры”, что каждый член культурного общества, без различия партий, литературных направлений или классов, – представляет из себя *одно из слагаемых* какого-то целого. Это общественное чувство, перешедшее в сознание, и заставляет интеллигента почувствовать ответственность свою перед целым, хочет он или не хочет, подойти к вопросам о болезнях всероссийских; и, мне думается, да и сама действительность показывает, что насущнейшим из таких вопросов является вопрос об “интеллигенции” и “народе”.

Баронов разрешает этот вопрос одною фразой; его разрешение не удовлетворяет меня. Я хотел бы поставить вопрос резче и беспощаднее; это самый больной, самый лихорадочный для многих из нас вопрос. Боюсь даже, вопрос ли это? Не свершается ли уже, пока мы говорим здесь, какое-то

страшное и безмолвное дело? Не обречен ли уже кто-то из нас бесповоротно на гибель?

Но я – интеллигент, литератор, и оружие мое – слово. Боясь слов, я их произношу. Боясь “словесности”, боясь “литературщины”, я жду, однако, ответов словесных; есть у всех нас тайная надежда, что не вечна пропасть между словами и делами, что есть слово, которое переходит в дело.

Прежде всего – несколько слов о Горьком. Рассуждение Баронова о “демотеизме” интересно как критический разбор “Исповеди”. Я думаю, что упреки, обращенные Бароновым к Горькому, идут мимо Горького; несмотря на хороший подбор цитат, Баронову не удалось доказать “обожествления народа” у Горького; ибо, если в выводах своих Горький соприкасается с Луначарским, то в своих подходах к делу, в размахе души, в бессознательном – он бесконечно дальше и выше Луначарского. Горький – русский художник, и Луначарский – теоретик социал-демократии – несоизмеримые величины.

Есть факты неоспоримые, но сами по себе не имеющие никакого значения; например: Бэкон Веруламский – взяточник, Спиноза – стекольщик, Гаршин – переплетчик, Горький – социал-демократ. “Социал-демократизм” Горького говорит мне гораздо меньше, чем, например, землешаство Толстого или медицинская практика Чехова. Бледная повесть Горького “Мать” – только один из этапов его длинного и сложного пути от “Мальвы” и “Челкаша” к “Исповеди”.

Горький никогда не был “догматичен” ни в теоретическом, ни в практическом смысле этого слова. Догматов теоретических он всегда инстинктивно боялся; это делает его родным всей русской литературе, которая всегда – от славянофила до западника, от общественника до эстета – питала некоторую инстинктивную ненависть к сухому и строгому мышлению, стремилась переплеснуться через логику.

Отношение Горького к догматам дурного, практического свойства, к догматам быта общественного и государственного, слишком известно; многие выражения его, вроде “строителей жизни”, стали выражениями обиходными, вошли в поговорку.

Если свою “Исповедь” Горький и заканчивает молитвой к какому-то народу, то пафос его повести лежит гораздо глубже. Вслед за всею русской литературой, Горький отказывается проповедовать; он только смятенно ищет.

Если бы Горький говорил о *найденном* Боге, совсем иначе звучал бы его голос. Он звучал бы торжественной хвалой. Но еще недавно Горький задыхался от злобы; если теперь присоединилось к этой злобе какое-то иное чувство, которым и нова его последняя повесть, то это никак не чувство человека, нашедшего что-то, чего не нашли другие. В этом чувстве нет пока ничего конкретного. К нам Горький неизменно обращен лицом художника, мы сомневаемся, есть ли у него иное лицо. Именно таково мнение широкой публики, которая верила Горькому до тех пор, пока он не ударился в публицистику, и готова опять слушать его, когда он заговорит художественным языком.

В “Исповеди” слышится еще отзвук публицистической проповеди; но он безмерно слабее основной, все возрастающей ноты, и гораздо слабее, чем в

предыдущих произведениях. Вульгарная публицистика и наивная проповедь, может быть, милая сердцу Горького, но ничего не говорящая нам, уходит от него, как уходит от героя “Исповеди” монахиня, “черная, как обрывок тучи в ветреный день”. Вместе с нею уходит его бездейственная злоба, проклятия, никуда не попавшие, которые он произносил с пеной у рта. Очищается его глубокое и прозрачное, как река, сердце, которому мы верим больше, чем разуму – случайным обрывкам темных облаков, пролетающих над рекой.

Вот почему возражения Баронова не попадают в цель. В “Исповеди” Горького ценно в действительности то, о чем Баронов молчит; ценно то, что роднит Горького не с Луначарским, а с Гоголем; не с духом современной “интеллигенции”, но с духом “народа”. Это и есть любовь к России в целом, которую может быть и “обожеествляет” разум Горького, попавший в тенета интеллигентских противоречий и высокопарных “боевых” фраз, свойственных Луначарскому; сердце же Горького тревожится и любит, не обожеествляя, требовательно и сурово, по-народному, как можно любить мать, сестру и жену в едином лице родины – России. Это конкретная, если можно так выразиться, “ограниченная” любовь к родным лохмотьям, к тому, чего “не поймет и не заметит гордый взор иноплеменный”. Любовь эту знали Лермонтов, Тютчев, Хомяков, Некрасов, Успенский, Полонский, Чехов.

Я остановился на Горьком и на “Исповеди” его потому, что положение Горького исключительно и знаменательно; это писатель, вышедший из народа, таких у нас немного. Может быть, более, чем кто-либо из современных писателей, достойных внимания, Горький запутался в интеллигентстве, в торопливых, противоречивых и отвлеченных построениях; зато, может быть, он принадлежит к тем немногим, кому не опасен яд этой торопливости и отвлеченности, у кого есть противоядие, “хорошая кровь – вещество, из коего образуется гордая душа”.

“Хорошая кровь – вещество, из коего образуется гордая душа”, – внятно говорит отец Антоний в “Исповеди” и *смеется*. “Близость к Богу отводит далеко от людей”, – догадывается *про себя* герой повести. “Неподвижны сомнения этого человека, ибо мертвы они... да и зачем полумертвому Бог?.. Бог есть сон твоей души, повторяю я, но спорить с этим нужды не чувствую, – легкая мысль”, – соображает опять-таки *про себя* тот же герой “Исповеди”.

Горький всегда больше всего любил таких сдержанно смеющихся людей “себе на уме”, умеющих впору помолчать и впору вернуть разрушительное словечко, притом непременно обладающих большой физической силой, которая все время чувствуется. Поговорите с таким человеком; никогда нет уверенности, что он, вместо словесного возражения, не двинет попросту кулаком в зубы или не обругает. В период упадка, который пережил Горький, его герои стали неожиданно сентиментальны; теперь они опять вернулись к прежнему, к молчанию и усмешке “себе на уме”.

Что же, “свои” эти люди, или “не свои”?

С екатерининских времен проснулось в русском интеллигенте народолюбие и с той поры не оскудевало. Собирали и собирают материалы для изучения “фольклора”; загромождают книжные шкафы сборниками русских пе-

сен, былин, легенд, заговоров, причитаний; исследуют русскую мифологию, обрядности, свадьбы и похороны; печалуются о народе; ходят в народ, исполняются надеждами и отчаиваются; наконец, погибают, идут на казнь и на глосодную смерть за народное дело. Может быть, наконец, *поняли даже душу народную*; но как поняли? Не значит ли понять *все* и полюбить *все*, – даже враждебное, даже то, что требует отречения от самого дорогого для себя, – не значит ли это *ничего* не понять и *ничего* не полюбить?

Это – со стороны “интеллигенции”. Нельзя сказать, чтобы она всегда сидела сложа руки. Волю, сердце и ум положила она на изучение народа.

А с другой стороны – та же все легкая усмешка, то же молчание “себе на уме”, та благодарность за “учение” и извинение за свою “темноту”, в которых чувствуется “до поры, до времени”. Страшная лень и страшный сон, как нам всегда казалось; или же медленное пробуждение великана, как нам все чаще начинает казаться. Пробуждение с какой-то усмешкой на устах. Интеллигенты не так смеются, несмотря на то, что знают, кажется, все виды смеха; но перед усмешкой мужика, ничем не похожей на ту иронию, которой научили нас Гейне и еврейство, на гоголевский смех сквозь слезы, на соловьевский хохот, – умрет мгновенно всякий наш смех; нам станет страшно и не по себе.

Действительно ли все это так, как я говорю, не придумано ли, не создано ли праздным воображением страшное разделение? Иногда сомневаешься в этом, но, кажется, это действительно так, т.е., есть действительно не только два понятия, но две реальности; народ и интеллигенция; полтора миллиона с одной стороны и несколько сот тысяч – с другой; люди, взаимно друг друга не понимающие в самом основном.

Среди сотен тысяч происходит торопливое брожение, непрерывная смена направлений, настроений, боевых знамен. Над городами стоит гул, в котором не разобраться и опытному слуху; такой гул, какой стоял над татарским станом в ночь перед Куликовской битвой, как говорит сказание. Скрипят бесчисленные телеги за Непрядвой, стоит людской вопль, а на туманной реке тревожно плещутся и кричат гуси и лебеди.

Среди десятка миллионов царствуют, как будто, сон и тишина. Но и над станом Дмитрия Донского стояла тишина; однако заплакал воевода Боброк, припав ухом к земле: он услышал, как неутешно плачет вдовица, как мать бьется о стремя сына. Над русским станом полыхала далекая и зловещая зарница.

Есть между двумя станами – между народом и интеллигенцией – некая черта, на которой сходятся и сговариваются те и другие. Такой соединительной черты не было между русскими и татарами, между двумя станами, явно враждебными; но как тонка эта нынешняя черта – между станами враждебными тайно! Как странно и необычно схождение на ней! Каких только “племен, наречий, состояний” здесь нет! Сходятся рабочий, и сектант, и босяк, и крестьянин с писателем и с общественным деятелем, с чиновником и с революционером. Но тонка черта; по-прежнему два стана не видят и не хотят знать друг друга, по-прежнему к тем, кто желает мира и сговора, большинст-

во из народа и большинство из интеллигенции относятся, как к изменникам и перебежчикам.

Не так ли тонка эта черта, как туманная речка Непрядва? Ночью перед битвой вилась она, прозрачная, между двух станов; а в ночь после битвы, и еще семь ночей подряд, она текла, красная от русской и татарской крови.

На тонкой согласительной черте между народом и интеллигенцией вырастают подчас большие люди и большие дела. Эти люди и эти дела всегда как бы свидетельствуют, что вражда исконна, что вопрос о сближении не есть вопрос отвлеченный, но практический, что разрешать его надо каким-то особым, нам еще неизвестным, путем. Люди, выходящие из народа и являющие глубины народного духа, становятся немедленно враждебны нам; враждебны потому, что в чем-то самом сокровенном непонятны.

Ломоносов, как известно, был в свое время ненавидим и гоним ученой коллегией; народные сказители представляются нам забавной диковиной; начала славянофильства, имеющие глубокую опору в народе, всегда были роковым образом помехой “интеллигентским” началам; прав был Самарин, когда писал Аксакову о “недоступной черте”, существующей между “славянофилами” и “западниками”. На наших глазах интеллигенция, давшая Достоевскому умереть в нищете, относилась с явной и тайной ненавистью к Менделееву.

По-своему, она была права; между ними и ею была та самая “недоступная черта” (пушкинское слово), которая определяет трагедию России. Эта трагедия за последнее время выразилась всего резче в непримиримости двух начал – менделеевского и толстовского; эта противоположность даже гораздо острее и тревожнее, чем противоположность между Толстым и Достоевским, указанная Мережковским.

Последним знаменательным явлением на черте, связующей народ с интеллигенцией, было явление Максима Горького. Еще раз подтверждает он, что страшно и непонятно интеллигентам то, что он любит и как он любит. Любит он ту же Россию, которую любим и мы, но иной и непонятной любовью. Его герои, в которых живет его любовь, – чужие нам; это – молчаливые люди “себе на уме”, с усмешкой, сулящей неизвестное. Горький по духу – не интеллигент; “мы” любим одно, но разной любовью; и от разлагающих ядов “нашей” любви у него есть противоядие – “здоровая кровь”.

Реферат Баронова, “литературный” по преимуществу, говорит о том, что не надо обоготворять народа; я думаю, мало людей, которые обоготворяют его; мы не дикари, чтобы творить божество из неизвестного и страшного. Но, если мы давно не поклоняемся народу, то не можем и отступить или махнуть рукой: ибо искони тянутся туда наша любовь и наши помыслы.

Что же делать?

“Не обоготворять народ надо, а просто работать над ним, вытаскивать его (прежде всего, конечно, вытащив себя самого) из всероссийского трупного болота”, говорит Баронов.

Это и есть единственная сверхлитературная часть его доклада. Путей и способов действия здесь никаких не указано. Да путей этих, которых только и ищет русская литература, и не может указать один человек.

Нужно любить Россию, нужно “проездить по России”, писал перед смертью Гоголь. «Как полюбить братьев? Как полюбить людей? Душа хочет любить одно прекрасное, а бедные люди так несовершенны, и так в них мало прекрасного! Как же сделать это? Поблагодарите Бога прежде всего за то, что вы – русский. Для русского теперь открывается этот путь, и этот путь – есть сама Россия. Если только возлюбит русский Россию, – возлюбит и все, что ни есть в России. К этой любви нас ведет теперь сам Бог. Без болезней и страданий, которые в таком множестве накопились внутри ее и которых виною мы сами, не почувствовал бы никто из нас к ней сострадания. А сострадание есть уже “начало любви”»... “Монастырь наш – Россия! Облеките же себя умственно рясой чернеца и, всего себя умертвивши для себя, но не для нее, ступайте подвизаться в ней. Она теперь зовет сынов своих еще крепче, нежели когда-либо прежде. Уже душа в ней болит, и раздается крик ее душевной болезни. – Друг мой! или у вас бесчувственно сердце, или вы не знаете, что такое для русского Россия!”

Понятны ли эти слова интеллигенту? Увы, они и теперь покажутся ему предсмертным бредом, вызовут все тот же истерический бранный крик, которым кричал на Гоголя Белинский, “отец русской интеллигенции”.

В самом деле, нам непонятны слова о сострадании как начале любви, о том, что к любви ведет Бог, о том, что Россия – монастырь, для которого нужно “умертвить всего себя для себя”. Непонятны, потому что мы уже не знаем той любви, которая рождается из сострадания, потому что вопрос о Боге – кажется “самый нелюбопытный вопрос в наши дни”, как писал Мережковский, и потому что, для того, чтобы “умертвить себя”, отречься от самого дорогого и личного, нужно знать, во имя чего это сделать. То и другое, и третье непонятно для “человека девятнадцатого века”, о котором писал Гоголь, а тем более для человека двадцатого века, перед которым вырастает только “один исполинский образ скуки, достигая с каждым днем неизмеримейшего роста”... “Черствее и черствее становится жизнь... Все глухо, могила повсюду” (Гоголь).

Или, действительно, непереступима черта, отделяющая интеллигенцию от России? Пока стоит такая застава, интеллигенция осуждена бродить, двигаться, вырождаться в заколдованном круге; ей незачем отречься от себя, пока она не верит, что есть в таком отречении прямое жизненное требование. Не только отречься нельзя, но можно еще утверждать свои слабости – вплоть до слабости самоубийства. Что возражу я человеку, которого привели к самоубийству требования индивидуализма, демонизма, эстетики, или, наконец, самое обыденное требование *отчаянья и тоски*, – если сам я люблю эстетику, индивидуализм и отчаянье, говоря короче, если я сам *интеллигент*? Если во мне самом нет ничего, что любил бы я больше, чем свою влюбленность индивидуалиста и свою тоску, которая, как тень, всегда и неотступно следует за такую влюбленностью?

Интеллигентных людей, спасающихся положительными началами науки, общественной деятельности, искусства, – все меньше; мы видим это и слышим об этом каждый день. Это естественно, с этим ничего не поделаешь. Требуется какое-то иное, высшее, начало. Раз его нет, оно заменяется всяче-

ским бунтом и буйством, начиная от вульгарного “богоборчества” декадентов и кончая неприметным и откровенным самоуничтожением – развратом, пьянством, самоубийством всех видов.

В народе нет ничего подобного. Человек, обрекающий себя на одно из перчисленных дел, тем самым выходит из стихии народной, становится интеллигентом по духу. Самой душе народной подобное дело до брезгливости противно. Если интеллигенция все более пропитывается “волею к смерти”, то народ искони носит в себе “волю к жизни”. Понятно, в таком случае, почему и неверующий бросается к народу, ищет в нем жизненных сил: просто – по инстинкту самосохранения; бросается и наталкивается на усмешку и молчание, на презрение и снисходительную жалость, на “недоступную черту”; а может быть, на нечто еще более страшное и неожиданное.

Гоголь и многие русские писатели любили представлять себе Россию как воплощение тишины и сна; но этот сон кончается; тишина сменяется отдаленным и возрастающим гулом, непохожим на смешанный городской гул.

Тот же Гоголь представлял себе Россию летящей тройкой: “Русь, куда ж несешься ты? Дай ответ”. Но ответа нет, только “чудным звоном заливаются колокольчик”.

Тот гул, который возрастает так быстро, что с каждым годом мы слышим его ясней и ясней, и есть “чудный звон” колокольчика тройки. Что, если тройка, вокруг которой “гремит и становится ветром разорванный воздух”, – *летит прямо на нас?* Бросаясь к народу, мы бросаемся прямо под ноги бешеной тройке, на верную гибель?

Отчего нас посещают все чаще два чувства: самозабвение восторга и самозабвение тоски, отчаянья, безразличия? Скоро иным чувствам не будет места. Не оттого ли, что вокруг уже господствует тьма? Каждый в этой тьме уже не чувствует другого, чувствует только себя одного. Можно уже представить себе, как бывает в страшных снах и кошмарах, что тьма происходит оттого, что над нами повисла косматая грудь коренника, и готовы опуститься тяжелые копыта.

1908

ВОПРОСЫ, ВОПРОСЫ И ВОПРОСЫ

1. ОБНОВЛЕНИЕ РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИХ СОБРАНИЙ В ПЕТЕРБУРГЕ

В Петербурге возобновляются религиозно-философские собрания. Коренной недостаток прежних – “словесность”, которая была отмечена в литературе и о которой между прочим писал и я, ровно год тому назад, на страницах “Золотого руна”, – почувствован самими руководителями. Таким образом, религиозно-философское общество готовится к радикальной и коренной реформе. Вот что пишет об этой реформе Д.В. Философов:

«До сих пор общество несколько злоупотребляло изложениями индивидуальной веры отдельных лиц. Речи произносились больше по психологическим, индивидуальным мотивам, а не ради некоторого *совместного* действия, не ради достижения *общей* цели. Так дело продолжаться не должно, иначе общество рискует выродиться, может быть, в более яркую и интересную, чем другие многочисленные петербургские “говорильни”, но все-таки в говорильню.

Первый вопрос, на который надо ответить обществу, если оно хочет расти и развиваться, а не топтаться на месте, это вопрос о том, для кого оно хочет существовать, кому служить и на кого влиять.

Собрания 1901–1903 года обращались главным образом к церкви... Церковь не слушает больше так называемых представителей “нового религиозного сознания”... Религиозно-философскому обществу надо забыть свои распри с церковью, забыть свои вероисповедные разногласия и мужественно начать “миссию” среди интеллигенции, твердо веруя, что последняя преисполнена воистину религиозным пафосом, что, может быть и бессознательно, она носит в сердце своем живого Бога...

Конечно, общественность не есть прямая задача религиозно-философских собраний. *Конечно, они должны обращаться не к воле, а к сознанию.* Но, тем не менее, за каждым отвлеченным, самым метафизическим словом должно чувствоваться определенное отношение к общественности, к русской действительности. Иначе слова, как бы ни были они сами по себе талантливы, останутся словами, пылкие речи – эстетикой. А может быть, нигде голая словесность так не оскорбительна, как вокруг тем религиозных».

Предположим, что сбудется это желание, то есть весь центр религиозно-философского общества, хотя бы после неизбежной борьбы, устремится к одной точке, откровенно признается, что нет более смысла обращаться к церкви, которая ничего не отвечает, что никто больше не хочет “вариться в собственном соку”, но что настала пора обратиться к *обществу*. Если в этом отношении дело окончится успехом, которого, конечно, надо желать, то это будет значить только, что руль корабля круто повернут. Но куда пойдет корабль, ждет ли его впереди мелководье, или подводные камни, или действительно просторное море, – это все еще далеко не известно.

Тут-то откроются (и дай Бог, чтобы открылись) перед религиозно-философскими собраниями самые тревожные и коренные вопросы: прежде всего, действительно ли интеллигенция “носит в сердце живого Бога”, то есть имеет ли твердые жизненные основы такая вера учредителей собраний? И если да, то та же ли эта “религия” и тот же ли “пафос”, который одушевляет представителей “нового религиозного сознания”?

Для меня это – вопросы открытые. А раз они открыты, то я не застрахован ни от каких сомнений в этой области, способен принять к сведению и даже к сердцу все мнения, хотя бы и враждебные мне по духу. Ибо, должен признаться, я не могу считать себя “представителем нового религиозного сознания”.

Быть может, еще прежде указанных мной вопросов возникнет еще один насыщенный вопрос – именно, когда говорят об “интеллигенции”, то предпола-

гают непременно нечто противоположное ей, “народ”. Я думаю, что и невозможно не противопоставлять этих двух понятий, за которыми скрываются реальные величины, но есть люди, которые думают иначе, и с их мнениями я, не обладающий твердынею веры, должен так или иначе считаться.

Вот что пишет, например, Леонид Галич, по моему мнению, очень характерный интеллигент, и пишет с пафосом чисто интеллигентским:

“В лагере искателей наших что-то происходит неладное. Их, во-первых, потянуло на политику. Плохой знак... Разве все уже искомого найдено? Разве все уже вопросы разрешены?.. Или это просто пресыщенность, или уже наскучило искать правду и хочется размять свои члены в практической житейской борьбе?”

“Искатели хотят проповедовать, и для этого им нужен народ. Должен откровенно сознаться, что я очень не люблю проповедников, а особенно талантливых проповедников...”

Л. Галич подозревает искренность прежних исканий и не верит в искренность “проповедничества”. В обращении интеллигенции к народу он видит старую “славянофильскую романтику”, все ту же “романтическую ложь”. Он предсказывает, что “народ надует, греза о народе обманет”. Почему? Потому что, по его мнению, «нет народа как особого существа, с особою “душой сфинкса”... Мы в народе, и народ в нас. Все – народ. Россия – народ. Народу нужно то же, что нам».

Словом, все тот же извечный спор. На эти суждения г. Галичу по-прежнему, как в “Потоке” А. Толстого,

Отвечал патриот:
Ты народ, да не тот...

и т.д. до бесконечности. “Говорильня”. Этого-то и боится Философов*.

“До сердца и ума масс доходит лишь один путь, – говорит г. Галич, – истинной, глубокой серьезности и личного восторга к своему делу”. Я и предполагаю, что *есть* в обращении интеллигенции к народу “личный восторг” и *нет* в этом обращении желания проповедовать; по крайней мере именно на *это* надеется Философов, когда говорит о “религиозном пафосе интеллигенции”. Но раз я только “предполагаю” (а моими устами говорят ведь многие интеллигенты, такие же “атеистические”, как я сам), то и не могу не считаться с опасениями Л. Галича, с его чисто интеллигентским скептицизмом.

Не нами начался этот спор о народе и интеллигенции, потому что он восходит к исконной и “варварской” распре между славянофилами и западниками, – распре исключительно русской и для европейца непонятной и неинтересной.

---

* Уже когда эта статья была набрана, появилось в газете “Речь” возражение Л. Галичу Д.С. Мережковского. В первом публичном собрании религиозно-философского общества был прочитан и мой доклад “Россия и интеллигенция”, совершенно не согласный с мнением г. Галича. Кстати, прения в этом заседании были внезапно запрещены, так что ни я и никто так и не получили ответа на вопросы, поставленные в докладах г. Баронова и моем.

“Я по натуре жид”, – пишет Белинский по поводу своей ссоры с Аксаковым. “Пора домой”, то есть в “исключительную” допетровскую Русь, – восклицает К. Аксаков.

“Мы, как двуглавый Янус, смотрели в разные стороны, но сердце у нас билось одно”, – говорит Герцен о западниках и славянофилах. “Что сказать тебе о твоей размолвке с Герценом и Грановским? – пишет Аксакову Юрий Самарин. – Рано или поздно это должно было случиться. Так! *Неприступная черта меж нами есть*, а наше согласие никогда не было искренно, то есть не было прочным, жизненным согласием”. – Таким образом, даже в споре о взаимном несогласии и согласии славянофилы и западники друг с другом несогласны.

Последний акт этой распри ждет нас впереди, он далеко еще не разыгран. По крайней мере вот нам современный и, пожалуй, самый красноречивый вызов, брошенный из одного стана в другой, из стана “славянофилов” в стан “западников”:

«Мы похожи на вас, как левая рука похожа на правую: правая не совпадает с левою в одной и той же плоскости: надо перевернуть одну, чтобы они совпали. Что у вас, то и у нас, но обратно; мы – вы наизнанку. Говоря кантовским языком, ваша область – феноменальное, наша – трансцендентное; говоря языком Ницше, в вас Аполлон, в нас – Дионис; ваш гений – мера, наш – чрезмерность... Вы любите середину, мы любим концы. Вы трезвые, мы – пьяные; вы разумные, мы – иступленные; вы справедливые, мы – беззаконные. Вы сберегаете душу свою, мы всегда ищем, за что бы нам потерять ее. Вы – “град настоящий имеющие”, мы – “грядущего града взыскующие”. Вы, на последнем пределе вашей свободы, – все же государственники; мы, в глубине нашего рабства, почти никогда не переставали быть мятежниками, тайными анархистами – и теперь тайное только сделалось явным. Для вас политика – знание; для нас – религия. Не в разуме и в чувстве, в которых часто мы доходим до совершенного отрицания, до нигилизма, – а в сокровеннейшей воле нашей мы – мистики»*.

Все дело в том, чтобы эти слова стали действительно “вызовом”, словами, из которых вырастают дела.

Нет сомнения в том, что на такой вызов вдохновило Мережковского что-то самое насущное и самое реальное. Около этих тем и споров и будет вращаться новое религиозно-философское общество. Если они останутся по-прежнему только темами, проблемами, вопросами и спорами, интеллигенция по-прежнему не выйдет ни на какой путь, не перейдет от слова к делу.

“Дело не в готовом ответе, а в серьезной, достойной самой темы, постановке вопроса, – говорит Философов. – *Если обществу удастся хоть на один вершок повысить культурный уровень интеллигенции, убедить хоть нескольких ее представителей, что религия не только не связана с реакцией, но*

---

* Д. Мережковский. Предисловие к книге “Le Tsar et la Révolution, par D. Merejkowsky, Z. Hippus, D. Philosophoff. Paris, 1907”.

что *реальное освобождение русского народа возможно лишь с его религиозным возрождением*, – оно сделает громадное, воистину культурное дело”.

Может быть, и этого мало. Может быть, для того, чтобы поставить крест на “интеллигентской жвачке”, чтобы стать самим действующими лицами трагедии России, нужно уже обращаться не к “*сознанию*”, а к “*воле*”. Нужно, потому что иначе, может быть, не стереть “недоступной черты”, и пропасть между станами интеллигенции и народа непреходима.

Что действеннее – “меч или слово”? – спрашиваем мы опять, вослед за Пушкиным. И не можем не спрашивать об этом, потому что какая-то мера уже исполнилась: “интеллигентская жвачка”, или, приличнее говоря, “собеседование любителей интеллигентного слова”, приобретает неожиданно чрезвычайно жуткий характер. Разве, в самом деле, не страшны приступы сладкой тоски, тайной болезни, снедающей нас?

2. СОБЕСЕДОВАНИЕ ЛЮБИТЕЛЕЙ ИНТЕЛЛИГЕНТОВ СЛОВА

В 1884 году Владимир Соловьев пишет Страхову: «По поводу мнения Менделеева, что литературный период теперь кончился, вы спрашиваете: какой же период начался? Мне кажется, ответ очевиден: если кончился период литературный или словесный, то начался период бессловесный. Разумеется, эта бессловесность далеко не означает того “безмолвного жития”, о котором молится Победоносцев...»

Место замечательное. Впрочем, откройте сейчас любую страницу истории нашей литературы XIX столетия, будь то страница из Гоголя, Лермонтова, Толстого, Тургенева, страница Чернышевского и Добролюбова, страница из циркуляра министра народного просвещения эпохи “цензурного террора” пятидесятых годов, страница письма от одного литератора к другому, вроде только что приведенной, – и все вам покажется интересным, насущным и животрепещущим; потому что нет сейчас, *положительно нет* ни одного вопроса среди вопросов, поднятых великой русской литературой прошлого века, которым не горели бы мы. Интересно решительно все, не только выпуклое, но и плоское, не только огненное, но и то, в чем нет искры огня. Если над любой страницей Гоголя ваша душа вспыхнет полымем вдохновения, то на любой странице Добролюбова она захлебнется от нахлынувшей волны дум. Да, не только *интересно* или любопытно, не только любознательность тешит; нет, все примете вы к сердцу, всякая фраза – лишний повод для тревог, сомнений, надежд, разочарований, для того чтобы выскочить на улицу и бежать к знакомому полупипсателю, полуобывателю, делиться с ним открытием десятка-другого Америк, то у Лермонтова, то у Михайловского, а то и у того и у другого одновременно, вести час, другой, третий... благороднейшие разговоры, на шестом, седьмом часу изнемочь, воротиться домой с головою тяжелой, мутной, отягченной благородными заботами и непроходимым сомнением: с одной стороны, вот мы поставили пятьдесят вопросов, мы проявили юношеский пыл сердца, нас душили

благородные слезы и благородное негодование, мы любим русскую литературу, мы не отдадим уже никогда более ни Пушкина, ни Глеба Успенского; вот мы проявили всю эту великую любовь и великую готовность быть верными священным заветам великих теней прошлого; точно так же, как мы сейчас, в 1908 году, в Петербурге, от мокрых сумерек до беззвездной ночи горели огнем бескорыстной любви и бескорыстного гнева, – точно так же горели этим огнем в том же Петербурге, и, надо полагать, в те же часы, – в сороковых годах – Герцен и Белинский, в пятидесятых – Чернышевский и Добролюбов, в шестидесятых... и т.д., и т.д. И так далее. И так далее. Хорошо, жутко, сладостно. Впереди великое поле для новых открытий (ибо *всю* русскую литературу перечитать и пережить одному человеку даже и невозможно). Рядом мрак окружающей действительности, но ведь он был всегда, но сквозь этот мрак мы последуем так же победоносно, как наши великие предшественники. И так далее: вихрь мыслей, надежд, противоречий...

А с другой стороны: что же все это значит? Что же хотел сказать, например, Вл. Соловьев в приведенном письме? Мутно, холодно, дремно; о чем, бишь, мы говорили, какие вопросы решали?

Обо всем, все вопросы. И все они вдруг заслонились явлением индийской нимфы “Пора-спати” (по счастливому и неизменно каламбурному выражению того же Вл. Соловьева). Сквозь страшную усталость – чувство тоскливого стыда; будто сделал что-то дурное, что-то *худшее* из всего, что мог сделать; хочешь что-то забыть даже, выбросить из души какое-то тяжелое бремя; но что же выбрасывать: ведь все, чем горела душа, так благородно и многоценно; и однако – человек устал, человек разбит, огонь потух, в душе что-то смрадное тлеет, от большого костра остался только дым и чад, сливающийся вот с этим туманом вокруг уличных фонарей – только потому не желтым, что теперь ночь. Да, ночь, туман потерял дневную свою окраску... Вот там появилась одна случайная звезда. Прекрасная, далекая... Какой вздор! Какая пошлость! Сейчас, в горячем споре, мой собеседник привел мне остроумию Гегеля: кто-то, указывая на звезды, заговорил о бесконечности миров. “Какой вздор, – воскликнул Гегель, – звезды – это только блестящая сыпь на лице неба!” “Да, какой вздор, какая пошлость, – кричал мой умнейший собеседник... – Романтизм, мистика! Пуанкаре доказал только что, что земля никогда не вращалась вокруг солнца!..* Земля плоска, как тарелка! Коперник идет насмарку!”

---

* Кстати, об этом в другом письме Соловьева к Страхову (того же 1884 года) есть такое место: “Сегодня... у Афанасия Афанасьевича (Фета) виделся с Л.Н. Толстым, который, ссылаясь на одного немца, *а также и на основании собственных соображений доказывал, что земля не вращается вокруг солнца...*” И далее Соловьев, конечно, острит: “Я в принципе ничего против этого не имею, но относительно оснований сомневаюсь и советовал ему обратиться к Бредихину (астроному), а также написать Вам, но он возражал, что Вы слишком влюблены в науку и будете спорить. Я также думаю, что хотя Вы в него влюблены не менее, чем в науку, но все-таки не окажетесь таким доверчивым, как тот мещанин, которому о различных научных открытиях верный человек из Таганрога писал”. Остроты остротами, – а как же Пуанкаре?

Да, какой вздор! Земля плоска, как Невский проспект! И от одной Квисисаны до другой решительно нет никакой ощутительной выгнутости, кроме Аничкова моста... Да и то еще под сомнением...

Уверяю вас, читатель, что это не я говорю. Положительно, я рассказываю сон, один из кошмаров, душивших меня. Но признайтесь вы, интеллигентный читатель, разве вас никогда не душил такой кошмар после благородной шестичасовой беседы? Именно после *благородной*?

И засыпаешь с чувством тяжкой вины – перед кем? перед чем? С вихрем мыслей... нет, не мыслей, а дум (ловишь себя на том, что по крайней мере мысли от дум надо различать строго, как говорил еще Тургенев... а может быть, еще до Тургенева)... Думы о том, что литература во всей Европе и в России кончилась... наступает “комментативный период”... ожидается рождение новых схолиастов, новой Александрии... на несколько веков... а потом придут новые арабы и сожгут библиотеку новой Александрии... исторический процесс завершен... от желтой расы ждать нечего, кроме погромов, ибо самый объем черепа доказывает, что она не способна к новой духовной культуре... русское дворянство окончательно вымерло, лучшее, что оно может дать, – это журнал “Старые годы” (прекрасное культурное дело, да, прекрасное... без сомнения... а может быть, бесполезное?...). Вместо русского дворянства (то есть Пушкина, Толстого, Тургенева и т.д.) появился новый господствующий класс, который... как бы его назвать? Назовем, пожалуй, класс фармацевтов... Да, все заполонили фармацевты, это для них мы пишем книги, это они запоем ругают и запоем читают “Санина” Арцыбашева, это они роковым образом не слышат ничего, что им кричишь в уши, кричи им раз, три раза или пятнадцать раз об одном и том же... Это с шестидесятых годов, но тогда это называлось – “появлением разночинца в русской литературе”... Какой уж разночинец теперь (то есть нет уже Добролюбова, Решетникова и т.д.), теперь просто пошел “фармацевт”.

Индийская нимфа “Пора-спати” наклонилась низко, дышит в лицо и тихо гладит волосы, как мать в детстве. Но засыпаешь тяжело, и в последний раз проносятся в голове: Пуанкаре, “Синяя птица”, фармацевты, богоборчество, конец исторического процесса и русской литературы...

Впрочем, цель этих рассуждений – цель ироническая, ибо и я, вослед за всеми, вспоен и вскормлен на той страшной иронии, которая заполонила русское общество и породила чуть не всю современную литературу... Цель моя – поставить сумбурное зеркало против самого благожелательного, самого красноречивого, исполненного самых благородных намерений интеллигента наших дней. Не увидит ли он в моем сумбурном зеркале хоть клочка своей усталой души? Усталой, усталой. Разве не устала та душа, которой до ужаса близки все те беспорядочные думы, которыми я напичкал свою статейку? И разве мало таких душ?

Пессимистическая статейка, кривое зеркало – не правда ли? Что же, тех, кто полагает так, пусть утешит индийская нимфа шутника Соловьева; а тем, кто уловил здесь нечто реальное, кроме сумбура и кошмара, я постараюсь доказать, что здесь нет ничего пессимистического. Но это когда-нибудь в другой раз.

3. ТРУДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ОБОЗРЕВАТЕЛЯ

Хотел было я обозревать русскую “литературу” за истекающий год. Но что же прикажете “обозревать”? Положение литературного обозревателя в наше время очень рискованно, и легче написать опереточное “обозрение”, чем сделать какие бы то ни было общие выводы из современной литературы. Удивительная вещь, несмотря на то, что в этом году появились: “Исповедь” Горького, знаменующая собою очень резкий поворот этого писателя на его единственно ценный путь, на путь художника; “Рассказ о семи повешенных” Леонида Андреева, вызвавший массу подражаний и комментариев, и, конечно, одно из сильнейших произведений Андреева; рассказы Куприна, пользовавшиеся распространением, может быть не заслуженным, но, однако, очень характерные для наших дней; роман Брюсова, драма Мережковского, стихи Сологуба и других... и многое, многое еще. И, однако, решительно невозможно сделать из всего этого общих выводов, тех выводов, которые, напротив, напрашиваются при обозрении всей *литературно-общественной жизни*. Так, например, знаменитый процесс “кошковадов” вызывает на размышления общего свойства, а *вся литература* не вызывает; среди отдельных же литературных произведений многое вызывает на соображения интимные и частные, от которых непременно, так или иначе, страдает общее.

О том, что у нас есть писатели, но нет литературы, говорили многие старые русские критики. Но говорили они это с неизменной надеждой на то, что литература будет, и надежды их оправдались. А есть у нас такая надежда? Ее у нас нет. И потому все теперешние общие мысли – мысли прежде всего о том, что что-то погубило и уже не вернется. И притом никакой жалости, но и никакой радости: реакция. И если устроить, положим, анкету, задать следующие три насущнейших вопроса:

1. Будет литература или нет?
2. Заменится театр кинематографом или нет?
3. Есть в России какое-нибудь сословие, которое способно продолжать славную деятельность покойного дворянства, или нет?

Если задать такие вопросы, то *большинство* ответов будет: ни да, ни нет.

Мало у кого отыщется энергия для того, чтобы проорать во весь голос нечто, хотя и парадоксальное, чтобы ответить на эти вопросы могущественным “да” или могущественным “нет”.

Вот я и рассуждаю с тем же вкусом, с каким это мог бы делать кто-нибудь другой. Для меня при этом гораздо вкуснее старая русская жвачка, чем новая, я думаю, что она гораздо питательнее; я совсем не “модернист”, чтобы питаться “воздухом и обещаниями” современной литературы.

Однако для разнообразия можно иногда выловить рыбу и в “мутном омуте”, хотя почти всегда там вместо рыб поймается какой-нибудь “черт” из необидных. Так уже, видно, полагается; народная мудрость и тут права.

Закидываю удочку в омут, в котором барахтаются арцыбашевцы, андреевцы, скорпионы, и зацепляюсь за что-то цепкое. При ближайшем рассмотрении оно оказывается большим пластом тины, в котором барахтаются два

маленьких черта, оживленно плюются, фыркают, радуются, дают друг другу звонкие плюхи и пищат тоненькими голосами.

Не особенно обильный улов. Но все свое внимание я сосредотачиваю на нем, потому что он носит громкое название “дифференциация в новом искусстве”.

4. «ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ»

Нынче у всех на языке “дифференциация” в “новом искусстве”. Одни этому факту радуются, другие печалются, третьи сыплют направо и налево площадные слова вроде “обозной сволочи” и т.д. Впрочем, последний прием – далеко не нововведение, и мы припомним только вскользь, как еще в шестидесятых годах г. Антонович, заменивший в “Современнике” арестованного Н.Г. Чернышевского, расточал выражения: “ракалия”, “хавронья”, “гнилой бутерброд”, “барский лакей”, “шелопай”, “бессовестная рожа” по адресу... Писарева. Как тогда, так и теперь прием этот забавен, пока не становится *омерзительным*. Но мы упомянули о нем лишь вскользь, и то лишь для того, чтобы показать, насколько заметна дифференциация, насколько несомненна она, раз уже критики решаются ругать площадными словами противную партию. Но и не в этом дело.

Дело в том, что “дифференциация”, чуть только она стала фактом несомненным, набившим оскомину, – успела превратиться в великую пошлость. Почему так? Почему столь многие факты из жизни интеллигенции приобрели свойство быстро терять всякий удельный вес, становиться достоянием газетчиков? Не потому ли, что они сами по себе никогда не имели истинной ценности?

В частности, “литературная дифференциация” (кстати сказать, термин необычайно бездарный, пущенный в ход людьми, наводящими страницы журналов ни к чему не нужной иностранной терминологией, людьми, не чувствующими подвижности и прелести русского языка, которых развелось немало), – “дифференциация” предполагает существование какой-то школы или направления в литературе. Но почему же от теперешней “дифференциации” разит такой неподдельной скукой, почему о ней знает всякий составитель “литературных календарей”, а интересуются ею только “новички”, которым еще есть время заниматься модернистскими утонченностями, увлекаться списками сотрудников в журналах и т.д., и т.д. Не потому ли “дифференциация” так убога и безжизненна, что прежняя “школа” и прежнее “направление” *были только мечтой, фантазией, выдумкой или надеждой некоторых представителей “нового искусства”*, но никогда не существовали в русской действительности.

Словами “декадентство”, “символизм” и т.д. было принято (а пожалуй, принято и до сих пор) соединять людей, крайне различных между собою. Право, в том, что люди эти приняли некогда групповое название, сделали даже вид, что объединились, и держались несколько лет вместе, не было ничего

очень глубокого, как и в том, что для русского “декадента” своим братом был только декадент же. С ним он даже бранился только дружески, никогда не позволяя другому обидеть его, подготавливая таким образом, говоря языком “благородным”, “твердую организацию”, а языком более реальным – касту.

Надо бы оговорить при всем этом то обстоятельство, что в декадентском общении было некогда много юношески (скорей – отрочески) трогательного. Публика действительно относилась когда-то к этой “группе” по-волчьи, члены группы (по крайней мере некоторые) были действительно когда-то связаны единством нежных утренних мечтаний и склонны были в утренних сумерках называть предметы совершенно различные одними и теми же именами. Можно бы еще кое-что оговорить, да стоит ли? Заветное всегда останется при нас, вспомнить *для себя* нам есть о чем, но для читателя тут нет ничего ни интересного, ни поучительного.

Самое время показало с достаточной очевидностью, что многие школьные и направленные цепи, казавшиеся ночью верными и крепкими, оказались при свете утра только тоненькими цепочками, на которых можно и следует держать щенков, но смешно держать взрослого пса. Правда, и до сих пор кое-кто из прежних “декадентов”, утративший с “декадентством” всякую реальную связь, продолжает рычать и скалиться из *декадентской* будки, делая вид, что цепь, на коей он привязан, – так крепка, что разорваться не может; но сам прекрасно знает, что стоит ему рвануть покрепче, как полетит за ним вся декадентская будка. А сколько вреда и путаницы вносит тот, кто продолжает сидеть в ней, несмотря на то, что его так и тянет на свежий воздух.

То обстоятельство, что декаденты, прежде взапуски хвалившие друг друга, теперь взапуски бранятся, стало тоже привычным и тоже ничего не говорящим фактом. Серьезной-то “дифференциации” никогда не было, потому что никто, в сущности, ни с кем не соединялся и не разъединялся и настоящей *школы* не было никогда. Это так же ясно, как то, что ее не будет, ибо современные *подражатели* только компрометируют учителей, а не учатся. Сергеев-Ценский существует, лишь поскольку не подражает Андрееву, Лазаревский – Чехову, а Рославлев – Брюсову. Многие и вовсе не существуют, потому что умеют только списывать – талант гимназический, а не литературный. Не значит ли это, что “не стоило огород городить” и что “поколения русских символистов” и прочее были изобретением критики?

Какие же выводы? Вывод тот, что русский писатель по-прежнему один, может быть гораздо более один, чем во времена кружков Белинского и Станкевича. И всегда это сказывается особенно ярко в ту минуту, когда начинают толковать о “дифференциации”, предполагающей наличность “станов”.

Станов у писателей нет, есть отдельные писатели и есть кружки. Из первого факта выходит ряд ничем между собою не связанных, но значительных произведений, вроде “Исповеди” и “Огненного ангела”; из второго факта давно уже не выходит ничего, кроме разложения и вреда, и потому надо желать окончательного распада всяких кружков и истребления литературной кружковщины.

Общение же между писателями русскими может устанавливаться, по-видимому, лишь постольку, поскольку они не писатели, а общественные деятели, собутыльники, кошкодавы, что угодно. Русские же символисты, андреевцы, арцыбашевцы – все это решительно понятия нереальные, нагоняющие лишь смертельную скуку.

5. ТРОЙКА

Я вовсе не претендую даже на правильность направления этих сотен беспорядочно набросанных вопросов. Все дело в том, чтобы они “возникли из небытия”, чтобы они были поставлены и не замолчаны. Вопрос всегда есть как бы молния, озаряющая настоящее, но только настоящее. В следующий момент должно возникнуть уже разрешение его; и лучше неверное разрешение, чем молчание. То, что стоит неотступно перед чувством и разумом, требует наконец своего разрешения – волей.

Если мы опустим на минуту медленный занавес над тревожным и блистательно-пестрым действием, уже не видно будет непрестанной суетни царей, шутов и солдат, уже не раздражит взора бесконечная пестрота их одежд и распрей. Будет слышен только несмолкаемый гул, с преобладанием одной какой-то все возрастающей ноты.

Когда Гоголь опустил занавес над действием своих “мертвых душ”, он услышал возрастающее бормотание бубенцов, далекий топот и крики ямщика – лёт бешеной тройки, “вдохновенной Богом”.

“Русь, куда ж несешься ты? дай ответ. Не дает ответа. Чудным звоном заливается колокольчик; гремит и становится ветром разорванный в куски воздух”.

Среди суеты и многолюдства нам надо иногда опускать занавес, прислушиваться к тишине, внимать приближению Бога, вникать в разрастающиеся звоны набегающей тройки, благодатной, сходящей на нас красавицы – России:

Так и ты, встречая Бога,
Сердце, стань...
Сердце, стань...

У последнего порога
Сердце, стань...
Сердце, стань...

Жертва, пей из чаши мирной
Тишину,
Тишину! –

Смесь вина с глухою смирной –
Тишину...
Тишину...

ИРОНИЯ

Я не люблю иронии твоей.
Оставь ее отжившим и нежившим,
А нам с тобой, – так горячо любившим,
Еще остаток чувства сохранившим, –
Нам рано предаваться ей.

Некрасов

Самые живые, самые чуткие дети нашего века поражены болезнью, незнакомой телесным и духовным врачам. Эта болезнь – сродни душевным недугам и может быть названа “иронией”. Ее проявления – приступы изнурительного смеха, который начинается с дьявольски-издевательской, провокационной улыбки, кончается – буйством и кощунством.

Я знаю людей, которые готовы задохнуться от смеха, сообщая, что умирает их мать, что они погибают с голоду, что изменила невеста. Человек хохочет – и не знаешь, выпьет он сейчас, расставшись со мною, уксусной эссенции, увижу ли его еще раз? И мне самому смешно, что этот самый человек, терзаемый смехом, повествующий о том, что он всеми унижен и всеми оставлен, – как бы отсутствует; будто не с ним я говорю, будто и нет этого человека, только хохочет передо мною его рот. Я хочу потрясти его за плечи, схватить за руки, закричать, чтобы он перестал смеяться над тем, что ему дороже жизни, – и не могу. Самого меня ломает бес смеха; и меня самого уже *нет*. Нас обоих нет. Каждый из нас – только смех, оба мы – только нагло хохочущие рты.

Это – не беллетристика. Многие из вас, углубившись в себя без ложного стыда и лукавства, открывают в себе признаки той же болезни.

Эпидемия свирепствует; кто не болен этой болезнью, болен обратной: он *вовсе* не умеет улыбнуться, ему ничто не смешно. И, по нынешним временам, это – не менее страшно, не менее болезненно; разве мало теперь явлений в жизни, к которым нельзя отнести иначе, как с улыбкой?

Много ли мы знаем и видим примеров *созидающего*, “звонкого” смеха, о котором говорил Владимир Соловьев, увы! – сам не умевший, по-видимому, смеяться “звонким смехом”, сам зараженный болезнью безумного хохота? Нет, мы видим всегда и всюду – то лица, скованные серьезностью, не умеющие улыбаться, то лица – судорожно дергающиеся от внутреннего смеха, который готов затопить всю душу человеческую, все благие ее порывы, смести человека, уничтожить его; мы видим людей, одержимых *разлагающим* смехом, в котором топят они, как в водке, свою радость и свое отчаянье, себя и близких своих, свое творчество, свою жизнь и, наконец, свою смерть.

Кричите им в уши, трясите их за плечи, называйте им дорогое имя, – ничто не поможет. Перед лицом проклятой иронии – все равно для них: добро и зло, ясное небо и вонючая яма, Беатриче Данте и Недотыкомка Сологуба. Все смешано, как в кабаке и мгле. Винная истина, “*in vino veritas*”*, –

---

* Истина в вине (*лат.*). – *Ред.*

явлена миру, все – едино, единое – есть мир; я пьян; ergo* – захочу – “приму” мир весь целиком, упаду на колени перед Недотыкомкой, соблазню Беатриче; барахтаясь в канаве, буду полагать, что парю в небесах; захочу – “не приму” мира: докажу, что Беатриче и Недотыкомка одно и то же. Так мне угодно, ибо я пьян. А с пьяного человека – что спрашивается? Пьян иронией, смехом, как водкой; так же все обезличено, все “обесщещено”, все – все равно.

Какая же жизнь, какое творчество, какое дело может возникнуть среди людей, больных “иронией”, древней болезнью, все более и более заразной? Сам того не ведая, человек заражается ею; это – как укус упыря; человек сам становится кровопийцей, у него пухнут и наливаются кровью губы, белеет лицо, отрастают клыки.

Так проявляется болезнь “ирония”. И как нам не быть зараженными ею, когда только что прожили мы ужасающий девятнадцатый век, русский XIX век, в частности? Век, который хорошо назван “беспламенным пожаром” у одного поэта; блистательный и погребальный век, который бросил на живое лицо человека газетовый покров механики, позитивизма и экономического материализма, который похоронил человеческий голос в грохоте машин; металлический век, когда “железный коробок” – поезд железной дороги – обогнал “необгонимую тройку”, в которой “Гоголь олицетворял всю Россию”, как сказал Глеб Успенский.

Как не страдать нам такою болезнью, когда властительнее нашего голоса стали свистки паровозов, когда, стараясь перекричать машину, мы надорвались, выкричали душу (не оттого ли так последовательно, год за годом, умирает русская литература, что выкричана душа интеллигентская, а новая еще не родилась?), и из опустошенной души вырывается уже не созидающая хула и хвала, но разрушающий, опустошительный смех?

На этот смех, на эту иронию указано давно. Еще Добролюбов говорил, что “во всем, что есть лучшего в нашей словесности, видим мы эту иронию, то наивно-открытую, то сдержанно-желчную”. Добролюбов видел в этом залог процветания русской сатиры, он не знал всей страшной опасности, приходящей отсюда, по двум причинам.

Во-первых, он страдал обратной болезнью, он не умел улыбнуться, он не владел ни одним из многообразных методов смеха. Он был сыном несмеющейся эпохи, естественной реакцией против которой был Кузьма Прутков. Хорошо, забавно было цитировать Пруткова, теперь это немножко жутко и пошлово, как многие и многие хорошие остроты “Победоносцевского периода”, даже остроты шутника Владимира Соловьева.

Во-вторых, и это главное, Добролюбов – писатель *дореволюционный*. В его критических гаданиях не было ни малейшего предвиденья не только Андреевского “красного смеха”, но и глубин иронии Достоевского. А уж тонкой и разрушительной иронии Сологуба Добролюбов и во сне не видал.

---

* Следовательно (лат.). – Ред.

Конечно, и Достоевский, и Андреев, и Сологуб – по-одному – русские сатирики, разоблачители общественных пороков и язв; но по-другому-то, и по самому главному, – храни нас Господь от их разрушительного смеха, от их иронии; все они очень несходны между собою, во многом – прямо враждебны. Но представьте себе, что они сошлись в одной комнате, без посторонних свидетелей; посмотрят друг на друга, засмеются и станут заодно... А мы-то слушаем, мы-то верим.

Достоевский не говорит прямого “нет” тому семинарскому нигилизму, который разбирает его. Он влюблен чуть ли не более всего в Свидригайлова.

Андреев не только мучается “красным смехом”, он, в бессознательных глубинах своей хаотической души, любит двойников (“Черные маски”), любит всенародного провокатора (“Царь-Голод”), любит ту “космическую провокацию”, которой проникнута “Жизнь Человека”, тот “ледяной ветер безграничных пространств”, который колеблет желтое пламя свечи человеческой жизни.

Сологуб не говорит “нет” Недотыкомке, он связан с нею тайным обетом верности. Сологуб не променяет мрака своего бытия ни на какое иное бытие. Смешон тот, кто примет песни Сологуба за жалобы. Никому не станет жаловаться чаровник Сологуб, иронический “русский Верлэн”.

И все мы, современные поэты, – у очага страшной заразы. Все мы пропитаны провокаторской иронией Гейне. Тою безмерною влюбленностью, которая для нас самих искажает лики наших икон, чернит сияющие ризы наших святынь.

Некому сказать нам спасительное слово, ибо *никто* не знает силы нашей зараженности. Какой декадент, какой позитивист, какой православный мистик *поймет* всю обнаженность этих моих слов? Кто знает то состояние, о котором говорит одинокий Гейне: “*Я не могу понять, где оканчивается ирония и начинается небо!*” Ведь это – крик о спасении.

С теми, кто болен иронией, любят посмеяться. Но им не верят, или перестают верить. Человек говорит, что он умирает, а ему не верят. И вот – смеющийся человек умирает один. Что ж, может быть, к лучшему? “Собаке – собачья смерть”.

Не слушайте нашего смеха, слушайте ту боль, которая за ним. *Не верьте никому из нас, верьте тому, что за нами.*

Если же мы неспособны явить вам то, что за нами, то, чего хотят и чего ждут иные из нас, – отвернитесь от нас скорее. Не делайте из наших исканий – моды, из нашей души – балаганных кукол, которых таскают на потеху публике по улицам, литературным вечерам и альманахам.

Есть священная формула, так или иначе повторяемая всеми писателями: “Отрекись от себя для себя, но не для России” (*Гоголь*). “Чтобы быть самим собою, надо отречься от себя” (*Ибсен*). “Личное самоотречение не есть отречение от личности, а есть отречение лица от своего эгоизма” (*Вл. Соловьев*). Эту формулу повторяет решительно *каждый* человек; он неизменно наталкивается на нее, если живет сколько-нибудь сильной духовной жизнью. Эта формула была бы банальной, если бы не была *священной*. Ее-то понять труднее всего.

Я убежден, что в ней лежит спасение и от болезни “иронии”, которая есть болезнь личности, болезнь “индивидуализма”. Только тогда, когда эта формула проникнет в плоть и кровь каждого из нас, наступит настоящий “кризис индивидуализма”. До тех пор мы не застрахованы ни от каких болезней вечно зацветающего, но вечно бесплодного духа.

1908

СТИХИЯ И КУЛЬТУРА

На доклад мой, озаглавленный “Народ и интеллигенция”, было сделано много возражений, устных и печатных. То, о чем я буду говорить сегодня, представляет развитие все той же темы.

Защищать себя от упреков я не хочу, но защищать свою тему буду. Если у самого меня действительно не хватило голоса (как сказал Д.С. Мережковский), то тема моя, я в этом уверен, рано или поздно, погасит все докучные партийные и личные споры.

Мои вопросы поставлены не мною, – их поставила история России. На один из поставленных вопросов – о “недоступной черте”, существующей между интеллигенцией и народом, ответил утвердительно не я, – ответила история России. Думаю, что споры о том, совершился или не совершился крупный и очевидный факт, свидетелями которого были не только мы, но и предки наши, – надо отнести к спорам, возникающим по недоразумению, по недоверию, по непониманию; или – к спорам тактического свойства, выдерживающим критику в стенах “третьих” Дум, но не на вольном воздухе жизни.

Я думаю, что в сердцах людей последних поколений залегло неотступное чувство катастрофы, вызванное чрезмерным накоплением реальнейших фактов, часть которых – дело свершившееся, другая часть – дело, имеющее свершиться. Совершенно понятно, что люди стремятся всячески заглушить это чувство, стремятся как бы отбить свою память, о чем-то не думать, полагать, что все идет своим путем, игнорировать факты, так или иначе напоминающие о том, что уже было и что еще будет. Другие, напротив, видят сны от “множества забот”, как говорит Экклезиаст; они суетливы во всех делах своих, потому что мучатся воспоминанием и не могут припомнить; в каждом деле своем они чувствуют, что за ними стоит что-то, что одно только может разрешить сомнения и муки; а без такого разрешения – никакое дело не в дело.

Словом, как будто, современные люди нашли около себя бомбу; всякий ведет себя так, как велит ему его темперамент; одни вскрывают обойму, пытаясь разрядить снаряд; другие только смотрят, выпучив от страха глаза, и думают, завертится она или не завертится, разорвется или не разорвется; третьи притворяются, что ровно ничего не произошло, что круглая штука, лежащая на столике, вовсе не бомба, а так себе – большой апельсин; а все совершающееся – только чья-то милая шутка; четвертые, наконец, спасаются бег-

ством, все время стараясь устроиться так, чтобы их не упрекнули в нарушении приличий, или не уличили в трусости.

Однако никто не шутил, никто не хотел ни напугать, ни позабавить. История, та самая история, которая, говорят, сводится попросту к политической экономии, взяла да и положила нам на стол настоящую бомбу. И бомбу не простую, а усовершенствованную, вроде той сверлящей и образующей аккуратные трещины пульки, которую англичане придумали для усмирения индусов. Эта пулька уже приведена в действие; пока мы рассуждали о цельности и благополучии, о бесконечном прогрессе, – оказалось, что высверлены аккуратные трещины между человеком и природой, между отдельными людьми и, наконец, в каждом человеке разлучены душа и тело, разум и воля.

И потому, хотим мы или не хотим, помним или забываем, – во всех нас заложено чувство болезни, тревоги, катастрофы, разрыва. Это чувство разрыва никто не станет отрицать в целом, но, чуть только попытаешься перевести его на конкретное, – немедленно найдутся ярые отрицатели болезни и защитники своей цельности. Можно было быть заранее уверенным, что, как только заговоришь о разрыве между народом и интеллигенцией, найдутся люди, отрицающие даже возможность разрыва или просто переводящие разговор на домашние дела. Если заговоришь о том, что не благополучно ни в одной семье, сейчас же найдется семьянин, который скажет, что он живет двадцать пять лет в мире и согласии с женой и детьми. Если скажешь, что наука бессильна перед провалом южной Италии, сейчас же поднимется геолог и заявит, что в Калабрии не отвердела земная кора и что наука если еще и не совсем победила природу, то через три тысячи лет победит.

Когда я оговорился что есть, может быть, часть интеллигенции, не оторванная от народа, некоторые мои оппоненты обрадовались чрезвычайно. Г. Чулков заявил печатно, что вся моя тема, в сущности, совсем не об интеллигенции, а о декадентах, и что вся масса уездных врачей, фельдшеров и проч. живет с народом душа в душу; но стоило ли “огород городить”, если дело идет всего только о том, что декаденты отделены от народа? И будто уж так благополучно живет уездным врачам среди русских мужиков? Откуда такой оптимизм? Неужели так существенна моя оговорка? Ведь исключения подтверждают правило; а счастливыми исключениями, людьми, способными идти навстречу народу, являются как раз передовые люди, вдохновляемые своим трудом, стоящие на честном посту, охраняющие от врага своих невидимых, спящих друзей.

Но бывает и бывало уже так, что всю ночь напролет стоит стража на башнях, охраняя сон своих. Наступает утро, и уже одни только передовые посты оказываются налицо. Они стояли высоко и думали высокую думу, но тех, во имя кого они не спали всю ночь, нет уже на лице земли: их похитила стихия – подземная, или народная, ночь. Астрономы наблюдали звезды из горных обсерваторий, человеческие умы работали неустанно, и ни одна машина не ошиблась в ту ночь, когда побережья южной Италии стерлись с лица земли.

Если бы тема моя была философской темой, или касалась политической злобы дня, я не имел бы права говорить таким языком. Но тема моя – не фи-

лософская и не политическая. Если я не исчерпываю всех вопросов, прилегающих к ней, то она сама намечает их, как знают это те, кто действительно услышал меня. Для того, чтобы отвечать на недоумения противников, я считаю себя вправе не прибегать к определению понятий, но считаю своим долгом развивать и углублять все ту же тему на своем языке. Я должен восходить к истокам той реки, к бурному устью которой я пришел со стороны.

Когда я заговорил о разрыве между Россией и интеллигенцией, более всего поразил меня удивительный оптимизм большинства возражений: до того удивительный, что приходит в голову, не скрывается ли за ним самый отчаянный пессимизм? Говорил я о смерти, мне отвечали, что болезнь излечима. Вспоминались слова умирающего Ивана Ильича у Толстого: “дело не в блуждающей почке, а в жизни и смерти”. Я говорил о расколе, мне говорили, что нет раскола, да и нечему раскалываться. Я говорил о том, что мы и любим, и ненавидим вместе далекую от нас Россию – набегающую гоголевскую тройку; мне отвечали: “Мы сами – Россия”.

Странно слышать: “Болезнь излечима, болезни нет, мы сами – все можем”. Когда ступишь ногой на муравейник, муравьи начинают немедленно восстанавливать разрушенное; через несколько часов им кажется, что никто не разрушал их благополучия. Они – в своей вечной работе, в своем чувстве всепоправимости, в ощущении вечного прогресса, – как во сне. В таком же сне – бабочка, танцующая у пламени свечи. В том же предсмертном сне можно завести веселый хоровод вокруг кратера вулкана. Работают, поют, ведут мировые хороводы – во сне, в самозабвении, во хмелю.

Такой же великий сон и разымчивый хмель – сон и хмель бесконечной культуры. Говоря термином Ницше – “аполлинический сон”. Всякий сон характеризуется тем, что все происходит в нем по каким-то чуть-чуть измененным, нездешним, неземным, нелюдским законам. Например, по муравьиным законам. Солнце восходит и солнце заходит, идет гроза, уходит гроза, – а муравейник растет. Можно увидеть себя во сне муравьем; строю, строю муравейник, лезу за хвоей на тонкую елку, ветер покачнул елку, – я падаю на землю, но немедленно начинаю взбираться опять. И так без конца, без конца. И наконец, – проснуться и обрадоваться, что ты не муравей, а человек, что у тебя есть свободная воля.

Цвет интеллигенции, цвет культуры пребывает в вечном аполлиническом сне, или – в муравьином сне. Это – бесконечное и упорное строительство, с пеной у рта, с падениями. Один сорвался, – лезет другой, другой сорвался, – лезет третий. И муравейник растет. Завоевана земля и недра земли, море и дно морское, завоеван воздух, который завтра весь будет исчерчен аэропланами.

И вдруг нога лесного зверя, который десять лет ходил на водопой мимо муравейника, ступает в самую середину его. Вдруг, в минуту истории, когда Толстой пишет “Войну и мир”, Менделеев открывает периодическую систему элементов, когда в недрах земли поет руда, покорная человеческой кирке, когда железнодорожные поезда пожирают пространство во всех направлениях, когда император германский надменно обнимает “чудотворного строите-

ля”, благодетеля человечества, завоевателя воздуха, – в этот самый момент отклоняется в обсерватории стрелка сейсмографа.

Еще неизвестно, где произошло событие, какое событие. Через день телеграф приносит известие, что уже не существуют Калабрия и Мессина – двадцать три города, сотни деревень и сотни тысяч людей. Нахлынувший океан и проливной дождь затопили все, чего не поглотила земля и не выжег огонь. Мы знаем, что значат благоуханные имена Калабрии и Сицилии, но только молчим и бледнеем, зная, что если исчезли на земле древние Харибда и Скилла, то впереди, в сердце нашем и в сердце нашей земли, – нас ждет еще более страшная Харибда и Скилла. Что можем мы, пребывающие в аполлиническом, в муравьином сне? Мы можем только облекаться в траур, праздновать свою печаль перед лицом катастрофы; броненосец приспускает флаг до половины флаштока, – как бы в знак того, что флаг спущен в самом сердце нашем.

Перед лицом разбушевавшейся стихии приспущен надменный флаг культуры.

Да, перед событиями в Сицилии и Калабрии мы только и можем, что торжественно приспустить флаг. Ведь отклонилась только стрелка сейсмографа. Ученые сказали только, что югу Италии и впредь угрожают землетрясения; что там еще не отвердела земная кора. А уверены ли мы в том, что довольно “отвердела кора” над другой, такой же страшной, не подземной, а земной стихией – стихией народной?

Мы делаем все, что можем. Король воротился с охоты, папа отменил аудиенцию. Все аккредитованные при итальянском дворе послы выразили соболезнование, военные суда спустили флаги. Судно, отправленное на розыски города, не нашло места, где он был. Русские матросы – “*popolo d’eroi*”^{*} – являют чудеса самоотвержения, копаясь в миазмах заразы, в которые в 40 секунд превратились человеческое мясо и морской ил. Ползут поезда, нагруженные мертвецами, архиепископ носит мощи св. Агаты, смирительницы подземных сил. Телеграф стучит по всей Европе; а у нас не хватает извести, чтобы засыпать бывшую Мессину. Вульгарные слова газетных телеграмм приобретают силу древних итальянских хроник; а из Этны вырываются столбы желтого дыма. Сицилия продолжает содрогаться, и нам не усмирить ее дрожь.

Неужели этим фактам нужно противопоставлять оптимизм? И неужели нужно быть пессимистом или человеком суеверным, чтобы указывать на то, что флаг культуры может быть всегда приспущен, если приближается гроза?

Не раз уже сотрясала землю подземная лихорадка, и не раз уже мы праздновали свою немощь перед мором, трусом, гладом и мятежом. Какая же страшная мстительность должна была за столетия накопиться в нас? Человеческая культура становится все более железной, все более машинной; все более походит на гигантскую лабораторию, в которой готовится месть стихии: растет наука, чтобы поработить землю; растет искусство – крылатая мечта – таинственный аэроплан, чтобы улететь от земли; растет промышленность, чтобы люди могли расстаться с землею.

---

* Народ героев (*ит.*). – *Ред.*

Всякий деятель культуры – демон, проклинающий землю, измышляющий крылья, чтобы улететь от нее. Сердце сторонника прогресса дышит черною мезью на землю, на стихию, все еще не покрытую достаточно черствой корой; мезью за все ее трудные времена и бесконечные пространства, за ржавую, тягостную цепь причин и следствий, за несправедливую жизнь, за несправедливую смерть. Люди культуры, сторонники прогресса, отборные интеллигенты – с пеной у рта строят машины, двигают вперед науку, в тайной злобе, стараясь забыть и не слушать гул стихий земных и подземных, пробуждающийся то там, то здесь. И только иногда, просыпаясь, озираясь кругом себя, – они видят ту же землю, – проклятую, до времени спокойную, – и смотрят на нее как на какое-то театральное представление. как на нелепую, увлекательную сказку.

Есть другие люди, для которых земля не сказка, но чудесная быль, которые знают стихию и сами вышли из нее; – “стихийные люди”. Они спокойны, как она, до времени, и деятельность их, до времени, подобна легким, предупреждающим подземным толчкам. Они знают, что “всему свое время и время всякой вещи под небом; время рождаться и время умирать; время насаждать и время вырывать посаженное; время убивать и время врачевать; время разрушать и время строить” (Экклезиаст).

Какой-то земной промысел им нужней и родней промышленности и культуры.

Они тоже пребывают во сне. Но их сон не похож на наши сны, так же, как поля России не похожи на блистательную суетню Невского проспекта. Мы видим во сне и мечтаем наяву, как улетим от земли на машине, как с помощью радия исследуем недра земного и своего тела, как достигнем северного полюса и последним синтетическим усилием ума подчиним вселенную единому верховному закону.

Они видят сны и создают легенды, не отделяющиеся от земли: о храмах, рассеянных по лицу ее, о монастырях, где стоит статуя Николая Чудотворца за занавесью, не виданная никем, о том, что, когда ветер ночью клонит рожь, – это “Она мчится по ржи”, о том, что доски, всплывающие со дна глубокого пруда, – обломки иностранных кораблей, потому что пруд этот – “отдушина океана”. Земля с ними, и они с землей, их не различить на ее лоне, и кажется порою, что и холм живой, и дерево живое, и церковь живая, как сам мужик – живой. Только все на этой равнине еще спит, а когда двинется, – все, как есть пойдет: пойдут мужики, пойдут рощи по склонам, и церкви, воплощенные Богородицы, пойдут с холмов, и озера выступят из берегов, и реки обратятся вспять; и пойдет вся земля.

Я хочу привести два письма, большой, по моему мнению, ценности. Одно – письмо крестьянина, рисующее настроение одной из северных губерний; другое – письмо сектанта, адресованное Д.С. Мережковскому.

«Только два-три искренних, освященных кровью слова революционеров, – пишет крестьянин, – неведомыми, неуследимыми путями доходят до сердца народного, находят готовую почву, и глубоко пускают корни, так например: “земля Божья”, “вся земля есть достояние всего народа” – великое,

неисповедимое слово... “Все будет, да не скоро”, – скажет любой мужик из нашей местности. Но это простое “все” – с бесконечным, как небо, смыслом. Это значит, что не будет “греха”, что золотой рычаг вселенной повернет к солнцу правды, тело не будет уничтожено бременем вечного труда».

“Наша губерния, как я сказал, находится в особых условиях. Земли у нас много, лесов – тоже достаточно. Аграрно, если можно так выразиться, мы довольны”...

“Наружно вид нашей губернии крайне мирный, пьяный по праздникам и голодный по будням. Пьянство растет не по дням, а по часам, пьют мужики, нередко бабы и подростки. Казенки процветают, яко храмы, а хлеба своего в большинстве хватает немного дольше Покрова... Вообще мы живем, как под тучей – вот-вот грянет гром и свет осяет трупобы земли”...

А вот отрывки из письма сектанта:

“Как известно, нас называют рационалистами. Находятся такие курьезные историки, которые ведут нашу родословную чуть ли не от самого Лютера... Не верю я им”...

“Русский народ недаром слывет самым одухотворенным”...

“Если внимательно всмотреться в наше сектантство (автор письма говорит обо всех сектантах, даже о духоборах), то придется развести руками и согласиться, что мы никогда не были рационалистами, а были и суть – *мистики* самой чистой воды”.

“Мистики мы особого рода: на русский лад. Мы, действительно, люди земли, ибо веруем, что Тысячелетнее Царствие наше будет не за гробом, не на небе, а на земле”...

«Все наши воздыхания можно смело свести на краткую молитву: “Да придет Царствие Твое, как на небе, так и на земле”».

“Немногие подозревают эту нашу грядущую Валгаллу – Сион”.

“Скажу вам еще, что не раз в наших деревнях подымались ложные тревоги. Народ бросал все и бежал в Сион. Бросали посеvy, дом, родных и забирали только скот с собой”...

“Наши сектанты мне представляются тоже революционерами, но только их программа писалась под диктовку Неведомой Силы”.

Несмотря на реакцию, на отсутствие религиозного подъема в современном сектантстве, – “вся наша масса представляет теперь застывший поток лавы – нужно пробить верхний, зачерепевший слой, чтобы вырвалась наружу сжатая огненная сила”...

Так вот: с одной стороны – народ православный, убаюканный казенкой, с водкой в церковных подвалах, с пьяными попами. С другой – этот “зачерепевший слой лавы” над жерлом вулкана.

Эти – “пеньем сладкозвучным сердца погибших привлекают”. Они поют:

Ты любовь, ты любовь,
Ты любовь святая,
От начала ты гонима,
Кровью полита.

Те поют другие песни:

У нас ножики литые,
Гири кованные,
Мы ребята холостые,
Практикованные...
Пусть нас жарят и калят
Размазуриков-ребят –
Мы начальству не уважим,
Лучше сядем в каземат...
Ах ты, книжка-складенец,
В каторгу дорожка,
Пострадает молодец
За тебя немножко.

В дни приближения грозы сливаются обе эти песни: ясно до ужаса, что те, кто поет про “литые ножики”, и те, кто поет про “святую любовь”, – *не продадут друг друга*, потому что – стихия с ними, они – дети одной грозы; потому что – земля одна, “земля Божья”, “земля – достояние всего народа”.

Распалась месть Культуры, которая вздыбилась “стальной щетиною” штыков и машин. Это – только знак того, что распалась и другая месть – месть стихийная и земная. Между двух костров распалившейся мести, между двух станов мы и живем. Оттого и страшно: каков огонь, который рвется наружу из-под “очерепевшей лавы”? Такой ли, как тот, который опустошил Калабрию, или это – очистительный огонь?

Так или иначе – мы переживаем страшный кризис. Мы еще не знаем в точности, каких нам ждать событий, но *в сердце нашем уже отклонилась стрелка сейсмографа*. Мы видим себя уже как бы на фоне зарева, на легком, кружевном аэроплане, высоко над землею; а под нами – громящая и огнедышащая гора, по которой за тучами пепла ползут, освобождаясь, ручьи раскаленной лавы.

1908

МЕРЕЖКОВСКИЙ

Когда-то Розанов писал о Мережковском: “Вы не слушайте, что он говорит, а посмотрите, где он стоит”. Это замечание очень глубокое; часто приходит оно на память, когда читаешь и перечитываешь Мережковского.

Особенно – последние его книги. Открыв и перелистав их, можно прийти в смятение, в ужас, даже – в негодование. “Бог, Бог, Бог, Христос, Христос, Христос”, положительно нет страницы без этих Имен, именно *Имен*, не с большой, а с огромной буквы написанных – такой огромной, что она все заслоняет, на все бросает свою крестообразную тень, точно вывеска “Какао”

или “Угрин” на загородном, и без нее мертвом, поле, над “холодными волнами” Финского залива, и без нее мертвого.

Кто же автор этих *огромных букв* и холодных слов? Вероятно, духовное лицо, сытое от благодати духовной, все нашедшее, читающее проповедь смирения с огромной кафедры, окруженной эскадрой жандармов с саблями наголо, – нам, “светским” людям, которым и без того тошно? Кто он иначе? Это в двадцатом-то веке, когда мы, как говорят передовые люди, слава Богу, наконец, становимся атеистами, наконец-то освобождаем окончательно от всякой религии свои “творческие энергии” для возведения Вавилонской башни науки?

Если бы Мережковский действительно был таким духовным лицом, не то в клобуке, не то в немецком кивере, не то с митрополичьим жезлом, не то с саблей наголо, – он бы не возбуждал в нас, светских людях, ничего, кроме презрения, вынужденного молчания или равнодушия. Но в том-то и дело, что он возбуждает в нас еще иные чувства. Он тоже “светский”, как будто “наш”, хотя и не совсем “наш”. Постоянно мы к нему прислушиваемся, постоянно он нас беспокоит, возбуждает в нас злобу, негодование, досаду, радость какую-то, какую-то печаль иногда. Но, будучи тончайшим художником, он волнует нас меньше, чем некоторые другие, менее совершенные художники современности. Будучи большим критиком, даже как будто начинателем нового метода критики в России, он не исполняет нас духом пытливости, он сам не исполнен пафосом научного исследования. При всей культурности, при всей образованности, по которым среди современных художников слова, пожалуй, не найти ему равного, – есть в его душе какой-то темный угол, в который не проникли лучи культуры и науки. В этом углу – все темно, просто, и, может быть, по-мужицки – жутко. Может быть, в этот угол проникает какой-нибудь другой свет? Мережковский своими речами и книгами часто заставляет нас думать так. Часто, но не всегда.

В последнее время особенно неотступно вопрошают Мережковского, в чем его вера? Ясно, есть уже люди, которых влечет задавать эти вопросы не простое любопытство. Уже никого не удовлетворяет “отсылание к пятнадцати томам сочинений”; и когда Мережковский молчит в ответ на прямые вопросы, всё больше негодуют на него, иногда – святым негодованием; негодуют уже не литераторы, которые все равно редко способны понимать друг друга, а просто люди бескорыстные, которым нужен ответ не для статьи, а для жизни.

Не потому ли молчит Мережковский, что Имя, Которое он знает, и дело, которому он служит, уходят корнями в тихую темноту, в тот угол его души, где все слишком просто и безглагольно?

Не знаю, почему многие не хотят верить – или, точнее, хотят не верить – Мережковскому. Такова, должно быть, привычка к озлобленному скептицизму. Скептицизм ко всему, что “не мое”, ужасно легок; а вот если представить себе, что тихое “дело” свое Мережковский делает в момент почти полного торжества совершенно иных дел, среди людей ему враждебных, в политическом центре России, под свист и ненависть со всех сторон, – придется призна-

думаться. Какая уж тут “корысть”, когда Мережковский своей деятельностью только множит врагов и мало приобретает друзей? Не верить ему во что бы то ни стало очень легко, потому что в таком случае, кажется, можно сохранить мир со всеми. Оставив совершенно этот легкомысленный и ребяческий прием “доверия” или “недоверия” к писателю, который написал пятнадцать томов и “известен в Европе”, придется стать с Мережковским лицом к лицу, вчитаться в него, а это совсем не так легко.

Поскольку Мережковский моден, постольку публика читает его романы и ломится в религиозно-философские собрания. Очень многим кажется, что он красиво пишет и говорит, и почти никому не приходит в голову, что он тоже человек и что у него тоже есть натруженная и переболевшая многими сомнениями душа. Все слышали о “двух безднах”, и почти никто не замечает этих двух бездн в нем самом.

Когда крестоносцы шли освобождать гроб Господень, они знали, конечно, чей это гроб, и все сказания о главе Адама и о Древе Крестном и все рассказы о благоуханиях лампад и кипарисов и о синем небе Палестины были для них волнующе живы.

И однако, проходя через Рим и Константинополь, многие из них, конечно, промедлив, оставались здесь, приди в неопишное волнение от чудес совсем другого порядка, от пестроты зданий, пышности одежд, городского разгула и женской красоты.

Два волнения боролись в них – “ревность по Дому” и волнение от прелести человеческой, от прелести культуры. Эти самые волнения знаем мы в двадцатом столетии, как они знали в одиннадцатом. Их знает и Мережковский, и яростны они в нем, потому что он, глубоко культурный писатель, до изнеможения говорит о Христе, и только о нем: точно страж какого-то одинокого храма, вечно простертый перед древле-прославленным ликом, который медленно стирается временем и не может стереться, – все вновь и вновь возникает на треснувшем дереве ослепительно юный лик; но стража-то в его всеобщем бдении посещают соблазны; прекрасная блудница мерещится ему в темноте храма; он боится заглядеться на нее и не может не глядеть.

Крестоносцы должны были только миновать Рим, пройти мимо “прелести”, хотя бы зажмурив глаза. Мережковский хочет взять Рим с собою, ввести всю культуру в религию, потому что его “новое религиозное сознание” не терпит никакой пустоты. Зная это центральнейшее место его учения, уже совершенно забываешь всякую “веру” и “неверие” в него самого, потому что здесь он или превосходит самого себя, или омертвел, как дерзкий воздухоплаватель, погибший среди крыльев воздушного корабля (в одном рассказе Андрея Белого). И не так важна здесь судьба самого Мережковского, – омертвел он или только замер в трепете перед тем, что увидел, – как важно то, что открывается за его словами: это уже не личное, а всечеловеческое дело: надо ли остановиться, запечалиться о старой религии, оглянуться назад, как Орфей? Но тогда Евридика – культура опять станет тихо погружаться в тени Аида. Или – надо принять на себя небывалый подвиг:

обладать “прекрасной блудницей” культуры так, чтобы союз с нею стал вратами в Новый Иерусалим.

В этих теснинах духа и стоит Мережковский; может быть, сам для себя он уже решил здесь что-то, но пока это не перестало быть вопросом для всех, до тех пор убийственно неясны и запутанны здесь вопросы о взаимоотношении дела и слова, жизни и схоластики. И сам Мережковский не защищен от нападков таких критиков, как, например, Базаров (“Литературный распад”, кн. 2-я) с его отчетливостью и внимательностью. Этот критик среди своих товарищей по “Литературному распаду” производит странное впечатление, так он индивидуален и вдумчив; при всей своей несомненной любви к ценностям вечным и нелюбви к агитационной трескотне перед лицом их он, однако, подобен им в одном очень важном пункте: позволительно сомневаться в его любви к искусству, пусть он любит его даже больше, чем гг. Луначарский или Стеклов. Между тем, говоря о Мережковском, едва ли можно упустить из виду то, что он *художник*. А это очень важно.

Мережковский кричит, что культура – не проклятая блудница, так же громко, как то, что Иерусалим, сходящий с неба, не есть старая церковь. Между тем, люди “позитивной культуры” не слышат его или вежливо делают вид, что услышали; когда же дело доходит хотя бы до полемики, то оказывается, что у очень многих является потребность защищать что-то свое, культурное, – от религиозных посягательств Мережковского.

Это – сложнейший и интереснейший пункт внутренней биографии Мережковского. Казалось бы, совершенно ясно, что он любит всю культуру и стоит за нее, что он не войдет в Град Небесный, пока не будет оправдано все земное – от “слезинки ребенка” до Венеры Милосской; и, однако, достойнейшие критики, иногда почти бессознательно, защищают от него что-то, и защищают, может быть, *справедливо*. Что это значит?

Я боюсь быть неосторожным и невнимательным, но мне кажется, что Мережковский не просто любит культуру, он еще влюблен в нее. Здесь-то и лежит корень тревоги за нее людей позитивных. Сознательно и бессознательно современные люди больше всего *боятся романтизма*, “феерий”, как говорят они, или того огня, неперемное следствие которого – влюбленность. Ведь влюбленные, кумиротворцы – самые большие собственники и самые тревожные собственники. Сложнейшее сплетение, томный вихрь чувств иногда заслоняет предмет любви, иногда уничтожает его своею погибельной силой. Потому-то люди, чуждые влюбленности, романтизма, но обладающие силой, так сказать, “позитивной любви” – инстинктивно берегут свое сокровище от влюбленности и романтизма.

Всякий художник – безнадежно влюбленный. А Мережковский – художник. О влюбленности его свидетельствуют не только многие образы его романов, но также самые на первый взгляд прозаические страницы его критических статей. Когда он с подробной брезгливостью исчисляет стилистические грехи Леонида Андреева, когда говорит, что “без русского языка и русской революции не сделаешь”, когда цитирует два-три стиха (и редко больше) какого-нибудь поэта, когда бросает вдохновенное слово о звездах, видимых

днем только в черной воде бездонных колодцев, – в нем говорит художник брезгливый, взыскательный, часто капризный, каким и должен быть художник. Когда он бранит русских декадентов, иногда сомневаешься, за что он больше бранит их: за то, за что хочет, – за “мистическое хулиганство”, или за то, что они оскорбляют его тонкий, воспитанный на великих классиках вкус? И чем более вникаешь в Мережковского, чем больше уясняешь себе основную страсть его воли, – тем яснее становится, что он родился художником и художником умрет, хотя бы даже эту черту он сам в себе возненавидел и пожелал истребить.

Я вовсе не думаю, что быть художником значит быть обреченным на бездействие. Я только понимаю позитивистов, которые боятся художественного пафоса, и верю им, что они действительно любят с благородством прозаическим то, во что влюблен художник Мережковский.

Влюблен – значит, стремится обладать безраздельно. И он, больше всех нас “взыскующий Града”, медлит в Риме и Византии только оттого, что влюблен: он не смеет покинуть культуру, как верную супругу, унося ее образ в сердце, он медлит с нею, потому что ревность любовника открывает ему в ней неверную блудницу, которая изменит ему, лишь только он переступит порог. И сияющие святыни обетованного града постоянно затмеваются чадными факелами безумных, безнадежно-страстных ночей. Только в темном углу сердца, в одинокой спальне, в безглагольных думах горит лампада – граду обетованному.

За пышными, блестящими и оспоримыми теориями и построениями стоит вера безглагольная, неоспоримая. Когда Мережковский говорит о луче, о мече, пронизающем мрак, его устами говорит как будто русский раскол с его сверхъестественной простотой и страхом; и потом снова и снова небо его веры как бы застилается мраком, и влюбленное воображение рисует “бледные радуги”, не способные рассеять этот мрак.

Когда-то в букет скорпионовских “Северных цветов” уронил Мережковский четыре стиха, лучшие из всех своих стихов:

Без веры давно, без надежд, без любви,
О, странно веселые думы мои!
Во мраке и сырости старых садов –
Унылая яркость последних цветов.

Здесь как бы навеки дал Мережковский расписку в том, что он художник. Может быть, теперь он старается заслониться от “провокации” этих веселых дум. Не напрасно ли? Жить в наши дни очень больно и очень стыдно; художнику – особенно. Но, кажется, “веселые думы” и есть тот тяжелый наш крест, который надо нести, пока сам себе не скажешь: “Отдохни!”

ДУША ПИСАТЕЛЯ

(Заметки современника)

Писательская судьба – трудная, жуткая, коварная судьба. В наше время в России – особенно. Кажется, никогда еще не приходилось писателям попадать в такое ложное положение, как теперь.

Последнее и единственное верное оправдание для писателя – голос публики, неподкупное мнение читателя. Что бы ни говорила “литературная среда” и критика, как бы ни захваливала, как бы ни злобствовала, – всегда должна оставаться надежда, что в самый нужный момент раздастся голос читателя, ободряющий или осуждающий. Это даже не слово, даже не голос, а как бы легкое дуновение души народной, не отдельных душ, а именно – коллективной души. Без такой последней надежды едва ли можно даже слушать как следует голос критики: не все ли равно, что говорит обо мне такой-то, когда я не знаю и никогда не узнаю, что думают обо мне “все”?

Если у нас и есть надежда услышать когда-нибудь это чудодейственное дуновение всеобщей души, – то это слабая, еле мерцающая надежда. Даже Леонид Андреев, самый “читаемый” и изучаемый из современных писателей, – и тот, я думаю, никогда не знал этой высшей санкции, этого благословения или проклятия. Если бы знал, то исчезла бы навсегда его нервная торпливость, его метание из одного угла в противоположный, его плодовитость, часто бесплодная.

Если уж говорить о вине, то вина в отсутствии таких санкций лежит, конечно, на самих писателях. Есть много талантливых писателей и нет ни одного, который был бы “больше себя”. Оттого нет “литературы”. А ведь эта народная санкция, это безмолвное оправдание может поведать только одно: “Ты много ошибался, ты много падал, но я слышу, что ты идешь в меру своих сил, что ты бескорыстен и, значит, – можешь *стать больше себя*. И поэтому – этим вздохом о тебе я оправдываю тебя и благословляю тебя, – иди еще дальше”.

Всеобщая душа так же действительна и так же заявит о себе, когда понадобится, как всегда. Никакая общественная усталость не уничтожает этого верховного и векового закона. И, значит, приходится думать, что писатели недостойны услышать ее дуновение. Последним слышавшим был, кажется, Чехов. Все, кто после него, осуждены пока идти одиноко, без этой единственно необходимой поддержки: идти и слушать за литературным и критическим гиканьем и свистом – угрожающее “безмолвие народа”.

Не удивительно после этого, что почти все скоро теряют почву под ногами. Собственный голос начинает смешиваться с голосами близких соседей, случается, что лица и души становятся похожими одно на другое, как в кабачке. В литературном воздухе витает дух плагиата; обнагление и покаяние смеяют друг друга и теряют последнюю свою ценность – ценность первоначаль-

ности. С возрастанием всех этих явлений (а они растут с быстротою поганых грибов на гнилом пне) – литературное шествие приобретает характер случайной, уличной давки, характер “домашних дел” и “дрязг”, для усмирения которых часто довольно обыкновенного городского.

“Городовой” оказывается единственным “принципиальным” лицом в такой “беспочвенной” толпе. У него задача по крайней мере определенная: сделать так, чтобы не толпились, не мяли друг друга и не таскали кошельков из кармана. Он исполнит свою обязанность, разгонит кучку хулиганов, устроивших “литературное выступление”, – и новые “теории” “беспочвенников” разлетаются пухом. Скверная, черная работа – работа городского, но, право, иногда, когда живешь на той самой улице, где происходило буйство, хочется благодарить его только за то, что он навел тишину и благообразие, прекратил наглый шум, от которого уши вянут. Случается, конечно, и так, что в безобразной давке, усмиряя хулиганов, он помнет и живую душу, а может быть, и навеки ее искалечит. Так искалечит, что потом уже не помогут никакие пособия, выдаваемые пострадавшей душе из участка.

Нет ничего легче, как потерять почву, занимаясь исключительно “домашними делами”. Это и есть “ахиллесова пята” всякой кружковщины: нигде не развиваются всякие болезни с такой быстротой, как в кружках.

Однако не всегда можно сказать с уверенностью, каким делом занимается писатель – домашним или не домашним. Убедиться в том или другом нужно с великой осмотрительностью, чтобы не принять случайного – за постоянное, и наоборот.

Первым и главным признаком того, что данный писатель не есть величина случайная и временная, – является чувство *пути*. Эту истину, слишком известную, следует напоминать постоянно, и особенно в наше время. Рассматривая современных писателей с этой точки зрения, приходится усомниться во многих даже признанных, а иных и совсем отвергнуть. Однако и при такой оценке нужно соблюдать осторожность, принимая во внимание все личные особенности и все особенности среды, из которой вышел писатель.

Писатель – растение многолетнее. Как у ириса или у лилии росту стеблей и листьев сопутствует периодическое развитие корневых клубней, – так душа писателя расширяется и развивается периодами, а творения его – только внешние результаты подземного роста души. Потому путь развития может представляться прямым только в перспективе, следуя же за писателем по всем этапам пути, не ощущаешь этой прямизны и неуклонности, вследствие постоянных остановок и искривлений.

Как ирис и лилия требуют постоянного удобрения почвы, подземного брожения и гниения, так писатель может жить, только питаясь брожением среды. Очень часто (и теперь особенно) писатель быстро истощает свои силы, стараясь дать больше, чем он может. Подобное незнание меры своих сил можно наблюдать и у растений. Стебель увядает очень быстро, вытянув из

клубней последние соки; когда почва не может восполнить соков, растение хиреет в течение нескольких лет, а иногда и вовсе погибает.

Несмотря на незыблемость и общеизвестность этих законов, очень многие молодые писатели склонны как будто их игнорировать. Они уподобляются сорным травам, засевшим рядом с благородными породами и заглушающим их. В лучшем случае – жирным “декоративным” растениям, страшно истощающим почву.

Очень трудно разглядеть дичающий ирис на поляне, покрытой огромными лопухами и затянувшейся снизу мокрицей. Всякий голос звучит фальшиво в огромной пустой зале, где из всех углов отвечает уродливое стократное эхо.

И потому – игнорирование всех этих пустоцветов и затыкание ушей от назойливого эхо собственного голоса (едва отзвучавшего) представляет еще одну трудную работу, притом – самодовлеющую, то есть – бесплодную. Впрочем, главное затруднение от этих досадных потребностей своего почвенного обихода писатель испытывает главным образом в необходимых и неизбежных периоды остановок в пути, прислушиваний, ощупывания почвы и искания соков, чтобы напоить ими клубни для дальнейшего развития и роста.

Только наличием пути определяется внутренний “такт” писателя, его *ритм*. Всего опаснее – утрата этого ритма. Неустанное напряжение внутреннего слуха, прислушивание как бы к отдаленной музыке есть неперемное условие писательского бытия. Только слыша музыку отдаленного “оркестра” (который и есть “мировой оркестр” души народной), можно позволить себе легкую “игру”. Забвение этих истин, тоже очень известных художникам-профессионалам, сплошь и рядом производит недоумение и путаницу в современной критике. Критики вдруг способны “позволить играть” тем, кто не слышал ни отзвука “мирового оркестра” (многие современные поэты), и, наоборот, способны вдруг вознегодовать на игру, обусловленную законами ритма (например, в творчестве Федора Сологуба). Между тем предпосылкой всякого художественно-критического исследования должно быть непременно определение “ритмических фондов” художника, что касается поэтов и прозаиков в равной мере.

Раз ритм налицо, значит творчество художника есть отзвук целого оркестра, то есть – отзвук души народной. Вопрос только в степени удаленности от нее или близости к ней.

Знание *своего* ритма – для художника самый надежный щит от всякой хулы и похвалы. У современных художников, слушающих музыку, надежда на благословение души народной робка только потому, что они бесконечно удалены от нее. Но те, кто исполнен музыкой, услышат вздох всеобщей души если не сегодня, то завтра.

БАЛЬМОНТ

В своей последней “автобиографии”, манерной и жеманной, как вся бальмонтская проза, Бальмонт пишет: «Имею спокойную уверенность, что до меня, в целом, не умели писать в России звучных стихов. Чувствую в душе нескончаемую юность. Говорят, будто лучшая моя книга “Будем как солнце”. Это вздор. По существу своему я в непрерывном движении, которое не видно лишь слепым рассудочникам. У меня нет лучших и худших книг, а все книги одинаково плохи или одинаково хороши. Нужно быть безумцем, чтобы сказать, что одуванчик лучше или хуже орхидей».

На “спокойную уверенность” Бальмонта, касающуюся чего бы то ни было вне его лежащего (хотя бы истории русской поэзии), сердиться нечего. Всем хорошо известно, что до Бальмонта стихи писал, например, Пушкин. Точно так же всем, знающим Бальмонта, известно, что он занят исключительно самим собою, что весь мир, существующий и несуществующий, он удостаивает своей страстной и чистой влюбленности, а иногда – своих не менее страстных проклятий; что требовать от Бальмонта каких-либо связных рассуждений, обобщений и сравнительности смешно.

Мало того: все, кто умеет ценить поэзию как самостоятельную стихию – не только те ее области, в которых она роднится с другими стихиями, но и те, в которых она совершенно беспримесна, исключительна или даже прямо враждебна всем другим стихиям, – все они твердо знают, что Бальмонт – поэт бесценный. А так как лучшими произведениями своими Бальмонт обязан именно вышеперечисленным своим качествам, – то действительные ценители поэзии останутся навсегда ему благодарны именно за них. Рано или поздно – про Бальмонта скажут и запишут: этот поэт обладал совершенно необыкновенным, из ряда вон выходящим *отсутствием критической и аналитической способности* и *потому* оставил нам такие-то и такие-то самоценные, ни на кого не похожие напевы и стихи.

В сущности, оценка Бальмонта не только не за горами, она уже теперь налицо. Не говоря о том, что Бальмонт известен едва ли менее, чем Надсон, его уже и любят и как бы хранят в душе, как всегда вначале – в двух крайних станах: в кружке поэтов, ему близких, и в широкой публике; первых – бескорыстной любви учит любовь к искусству, как ценности непреходящей, а второй – нет никакой корысти и никакой причины не любить того, что само неудержимо просится в душу: так просятся в душу некоторые прежние стихи Бальмонта.

Итак, не только нельзя сердиться на Бальмонта за его критическое ребячество и наивное самохвальство, надо поблагодарить его за то, что он таков, каков есть: без этого не было бы у нас его прежних стихов.

Нельзя было сердиться на него и тогда, когда он написал, после ряда прекрасных строф, свои первые две, на три четверти вздорные книги: “Злые чары” (изд. “Золотого руна” 1906 года) и “Жар-птицу” (изд. “Скорпиона” 1907 года). Можно было полагать, что поэт исправится, можно было искать в этих

книгах залогов лучшего будущего (этим занимался и я на страницах “Золотого руна” два года назад). Но когда пошли новые книги – одна за другой, все пухлей и пухлее, всякое терпение истощилось.

“Птицы в воздухе” и “Зеленый вертоград” (изд. “Шиповника”), “Зовы древности” (изд. “Пантеона”) и, наконец, на днях вышедший “Том десятый полного собрания стихов” (изд. “Скорпиона”) – это почти исключительно нелепый вздор, просто – галиматья, другого слова не подберешь. В лучшем случае это похоже на какой-то бред, в котором, при большом усилии, можно уловить (или придумать) зыбкий, лирический смысл; но в большинстве случаев – это нагромождение слов, то уродливое, то стихотворное.

Вот пример:

Лен – голубой он и белый,
Это есть два,
Лен в мировые уходит пределы,
Всюду сияет его синева,
Это четыре,
Ибо четыре есть таинства в мире,
Север, и Юг, и Восток, и Закат,
Белый, и черный, и красный, и злат,
Если ж в пещеру мою, где горит
Лунное множество плит,
Если в пещеру
Лен поглядит,
Вот, мы исполнили меру,
Семь засветилось, живет сталактит.

(“Русск(ая) м(ысль)” № 2)

И так не страницами, а *печатными листами*. По-моему, здесь не стоит даже и в грамматике разбираться; просто это – словесный разврат, и ничего больше; какое-то отвратительное бесстыдство. И писал это не поэт Бальмонт, а какой-то нахальный декадентский писарь.

Что же случилось с Бальмонтом и что будет с ним дальше? Очевидно, он будет все больше компрометировать себя каждой новой стопой печатной бумаги, – в своей автобиографии он обещает издать 93 тома сочинений. Может быть, надолго создаст себе, наконец, в публике, у которой тоже есть терпение, славу бесстыдного графомана. Плохую услугу оказывает ему “Скорпион”, издавая его “полное собрание”. Но перед теми, кто его действительно полюбил крепко за его неоцененные строфы и строки, он своей репутации все-таки не погубит.

Я знаю то совсем особое чувство, которое испытываешь, перелистывая некоторые страницы старого Бальмонта: чувство, похожее на весеннее. У каждого поэта есть свой аромат, и у Бальмонта – свой, ни на кого не похожий. Это точно так же, как человек, который обладает особенно сильной индивидуальностью, или особенно важен, или близок и дорог, – имеет свой, ему одному присущий запах. Не знаю, свойственно ли такое ощущение всем, – для меня оно очень важно.

Так вот, я считаю своим приятным долгом посоветовать читателю, не желающему осквернить памяти о большом поэте, содействовать истреблению последних книг Бальмонта (экземпляры для “истории” всегда останутся в Публичной библиотеке). Помимо осквернения памяти, чтение этих книг может принести существенный вред, потому что с именем Бальмонта далеко еще не все отвыкли связывать представление о прекрасном поэте. Однако пора отвыкать: есть замечательный русский поэт Бальмонт, а нового поэта Бальмонта больше нет.

ДИТЯ ГОГОЛЯ

Если бы сейчас среди нас жил Гоголь, мы относились бы к нему так же, как большинство его современников: с жутью, с беспокойством и, вероятно, с неприязнью: непобедимой внутренней тревогой заражает этот, единственный в своем роде, человек: угрюмый, востроносый, с пронзительными глазами, больной и мнительный.

Источник этой тревоги – творческая мука, которою была жизнь Гоголя. Отрекшийся от прелести мира и от женской любви, человек этот сам, как женщина, носил под сердцем плод: существо, мрачно сосредоточенное и безучастное ко всему, кроме одного; не существо, не человек почти, а как бы один обнаженный слух, отверстый лишь для того, чтобы слышать медленные движения, потягивания ребенка.

Едва ли встреча с Гоголем могла быть милой, приятельской встречей: в нем можно было легко почувствовать старого врага; душа его гляделась в другую душу мутными очами старого мира; отшатнуться от него было легко.

Только способный к восприятию нового в высшей мере мог различить в нем новый, нерожденный мир, который надлежало Гоголю явить людям.

Заглянувшему в новый мир Гоголя, верно, надолго “становился как-то скучным разумный возраст человека”.

Когда Гоголь говорил в “Портрете” о какой-то черте, до которой художника “доводит высшее познание искусства и через которую шагнув, он уже похищает несоздаваемое трудом человека, вырывает что-то живое из жизни”; когда Гоголь мучился, бессильный создать желаемое, и годами переписывал свои творения, безжалостно уничтожая гениальное, бросая на середине то, что для нас неоцененно и лишь для его художнической воли сомнительно; когда Гоголь мечтал о “великих трудах” и звал “пободрствовать своего гения”; когда он слушал все одну, отдаленную и разрастающуюся, музыку души своей – бубенцы тройки и вопли скрипок на фоне однообразно звенящей струны (об этой музыке – и в “Портрете”, и в “Сорочинской ярмарке”, и в “Записках сумасшедшего”, и в “Мертвых душах”); когда, замышляя какую-то несозданную драму, мечтал Гоголь “осветить ее всю минувшим..., обвить разгулом, казачком и всем раздольем воли... и в поток речей

неугасимой страсти, и в беспечность забубенных веков”; – тогда уже знал Гоголь сквозь все тревоги, что радость и раздирающая мука творчества суждены ему неизбежно.

Так женщина знает с неизбежностью, что ребенок родится, но что она будет кричать от боли, дорогой ценою платя за радость рождения нового существа.

Перед неизбежностью родов, перед появлением нового существа содрогался Гоголь; как у русалки, чернела в его душе “черная точка”. Он знал, что сам он – ничто, сравнительно со своим творением; что он – только несчастный сумасшедший рядом с тем величием, которое ему снится, – “Спасите меня! Возьмите меня!” кричит замученный Поприщин; это крик самого Гоголя, которого схватила творческая мука.

“Спасите меня! Возьмите меня! Дайте мне тройку быстрых, как вихрь, коней! Садись, мой ямщик, звени, мой колокольчик, взвейтесь, кони, и несите меня с этого света! Далее, далее, чтобы не видно было ничего, ничего! Вон небо клубится передо мною; звездочка сверкает в дали; лес несется с темными деревьями и месяцем; сизый туман стелется под ногами; *струна звенит в тумане... вон и русские избы виднеются. Дом ли это мой синеет вдаль?* Мать ли моя сидит перед окном? Матушка, спаси твоего бедного сына!”

Так влечет к себе Гоголя новая родина, синяя даль, в бреду рождения сныщаяся Россия.

“Русь! Русь! Какая непостижимая, тайная сила влечет к тебе? Почему слышится и раздается неумолчно в ушах твоя тоскливая, несущаяся по всей долине и ширине твоей, от моря до моря, песня? Что в ней, в этой песне? Что зовет и рыдает, и хватает за сердце? – Русь! Чего же ты хочешь от меня? Какая непостижимая связь таится между нами?”

Чего она хочет? – *Родиться, быть*. Какая связь между ним и ею? – Связь творца с творением, матери с ребенком.

Та самая Русь, о которой кричали и пели кругом славянофилы, как корибанты, заглушая крики матери бога; она-то сверкнула Гоголю, как ослепительное видение, в кратком творческом сне. Она далась ему в красоте и музыке, в свисте ветра и в полете бешеной тройки. “У, какая сверкающая, чудная, *незнакомая даль!*.. Русь! куда ж несешься ты? дай ответ. Не дает ответа. Чудным звоном заливаются колокольчик; гремит и становится ветром разорванный в куски воздух”.

Что изменило ослепительное видение Гоголя в действительной жизни? Ничего. *Здесь* – осталась прежняя, хомяковская, “недостойная избранья” Россия:

В судах черна неправдой черной
И игом рабства клеймена.

Там сверкнуло чудесное видение. Как перед весною разрываются иногда влажные тучи, открывая особенно крупные, точно новорожденные и омытые звезды, так разорвалась перед Гоголем непроницаемая завеса дней его мученической жизни; а с нею вместе – завеса вековых российских буден; от-

крылась омытая весенней влагой, синяя бездна, “незнакомая земле даль”, будущая Россия. Точь-в-точь, как в “Страшной мести”: “За Киевом показалось неслыханное чудо: вдруг стало видимо далеко во все концы света. Вдали за-синел Лиман, за Лиманом разливалось Черное море. Бывалые люди узнали и Крым, гордо подымавшийся из моря, и болотный Сиваш. По левую руку видна была земля Галичская”. Еще дальше – Карпаты, “с которых век не сходит снег, и тучи пристают и ночуют там”.

Такая Россия явилась только в красоте, как в сказке, зримая духовным очам. Вслед за Гоголем снится она и нам. Он же, первый приподнявший завесу, за дерзкое свое прозрение изведаль все унижение тоски и серую всероссийскую мразь; не выдержав “очерствения жизни”, глухой “могилы повсюду”, Гоголь сломился. Перед смертью он кричал что-то о “лестнице”; до того вещественно было у него представление о какой-то спасительной лестнице, выбрасываемой из небесного окна, по которой можно “взлететь” в синюю бездну, виденную когда-то в творческом сне.

В полете на воссоединение с целым, в музыке мирового оркестра, в звоне струн и бубенцов, в свисте ветра, в визге скрипок – родилось дитя Гоголя. Этого ребенка назвал он Россией. Она глядит на нас из синей бездны будущего и зовет туда. Во что она вырастет, – не знаем; как назовем ее, – не знаем.

Чем безлюдней, чем зеленее кладбище, тем громче песня соловья в березовых ветвях над могилами. Все кончается, только музыка не умирает. “Если же и музыка нас покинет, что будет тогда с нашим миром?” – спрашивал “украинский соловей” Гоголь. Нет, музыка нас не покинет.

1909

ГОРЬКИЙ О МЕССИНЕ

Ужасно коротка наша память. Живем со связанными руками и ногами, и скромнейшие из наших начинаний сплошь и рядом кончаются неуспехом. Все “вьется да вертится” вокруг Недотыкомка, “истомила присядкою зыбкою”. Оттого пустеет душа и пустеет память.

Так перестали мы вспоминать и об итальянской катастрофе, которая вызвала такую бурю в печати всех стран. Но хор голосов быстро прошумел и умолк. Австрийцы приплели сюда неслыханно циничную политику, а мы, как водится, и политику, и дешевый либерализм; и это, как все нынешнее, быстро исчерпалось, утонуло в лужах личного эгоизма и в болотах всеобщих благородных чувств.

Между тем сицилийское и калабрийское землетрясение – событие мировой важности, и оценить его мы доселе не в состоянии. Что бы ни говорили, как бы ни локализовали его значение – оно *изменило* нашу жизнь. Как изменило, определить мы не можем, но невозможно не верить, что оно отозвалось и еще отзовется на событиях нашей внешней, а особенно внутренней

жизни. Просто нужно быть слепым духовно, незаинтересованным в жизни космоса и нечувствительным к ежедневному трепету хаоса, чтобы полагать, будто формирование земли идет независимо и своим чередом, никак не влияя на образование души человека и человеческого быта.

Максим Горький и профессор Вильгельм Мейер написали очень неприятную книгу, посвященную, главным образом, живому описанию всего виденного и слышанного в Мессине и Калабрии в несчастный канун этого года*. Здесь сообщаются факты, отчасти памятные по газетным отчетам, но материал безмерно больше, а главное – живее и непосредственнее. Любой факт, сообщаемый этой книгой, производит впечатление неизгладимое и безмерно превосходящее все выдуманные ужасы современных беллетристов, которыми питаемся преимущественно мы – жители столиц: как бы, при внезапной вспышке подземного огня, явилось лицо человечества – на один миг; но в этот драгоценнейший миг мы увидели то, что постоянно забываем, то, от чего нас систематически отрывают несчетные “стилизации” – политические, общественные, религиозные и художественные личности человека; того лица подлинного, неподдельного, обыкновенного человека, которое мелькнуло в ярком свете, можно было испугаться, до того мы успели от него отвыкнуть. Написано на нем было одновременно, как жалок человек и как живуч, силен и благороден человек. И все это – без подкраски, без ретуши. Достоин примечания, что и *без одежды*: землетрясение, как известно, застигло южную Италию в 5 часов 20 минут утра, и люди, оставшиеся в живых, бежали среди падающих и пылающих во мраке развалин – голые или почти голые: точно на мощных фресках Синьорелли – десятки мужчин и женщин, одетые одной плотью в день “свержения антихриста”; и ангелы, сложившие руки на мечях, спокойно вззирающие с высоты на эту страшную земную суматоху.

Ничем не заменимое чутье потерял человек, оторвавшись от природы, утратив животные инстинкты! Как раз накануне землетрясения в доме Анджелиса, впоследствии разрушенном (вся семья спаслась), рассказывает В. Мейер, «детям читали какую-то книгу по естественной истории о крысах, которые будто бы способны предчувствовать надвигающуюся опасность и заблаговременно оставлять опасное место. Дом, лежащий при море, никогда не бывает вполне свободен от крыс. Их возню часто слышали за плетеной камышовой рогожкой, которая здесь часто подвешивается прямо на балкон. И вот в последнюю неделю стали замечать, что этот шум становился как будто все реже. “Но две-то, – говорили шутя, – все-таки еще остаются”. Однако как раз накануне катастрофы наступила полная тишина. Если бы это наблюдение сочли тогда за серьезное предзнаменование!»

То же самое рассказывает Горький о кошке – в той же семье Анджелиса. “Минут за десять до катастрофы служанка была разбужена неистовым мяуканьем кошки, которая бросалась на стену, царапалась и вообще, по выраже-

---

* М. Горький и В. Мейер. Землетрясение в Калабрии и Сицилии. Изд. “Знание”, СПб., 1909.

нию служанки, вела себя так, точно в нее залез дьявол. Служанка зажгла свет и пошла в кухню успокоить кошку – в этот самый момент ее застигло землетрясение”.

Так вот каков человек с одной стороны: слабее крысы, беспомощнее кошки! Так называемый “эпицентр”, центральный очаг землетрясения, приходился как раз посредине Мессинского залива, несколько ближе к берегу Калабрии. Здесь образовались воронки из воды, уходившей в трещину дна, так что море на целый час ушло с земли на пятьдесят метров (пока пролив не заполнился опять); здесь родилась та волна, которая смыла на обоих берегах здания, суда, живых и мертвых. Знаменательно, что никто из людей не предчувствовал страшной силы развития “центрального огня” древних под самыми ногами. А сила эта была такова, что опустошения, произведенные ею на поверхности земли, надо считать сравнительно ничтожными.

В минуту катастрофы и несколько часов после нее люди были охвачены паникой, безумием, совершенно растеряны, несчастнее зверей. Но какие же чудеса человеческого духа и человеческой силы были явлены потом! Все рассказы о грабежах, насилиях, растерянности правительства оказались впоследствии, – пишет Горький, – если не сплошной ложью, то преувеличением разнузданного репортерского воображения.

В несколько суток собраны были миллионы лир, посланы тысячи солдат на военных кораблях. К рабочим, студентам, солдатам, королю, королеве можно было применить в те дни выражение одной итальянской газеты: “объединенные горем”. И какая красота скорби, самоотвержения, даже самого безумия. Поистине об Италии тех дней можно сказать горестными словами Лазарта об Офелии:

Тоску и грусть, страданье, самый ад –
Все в красоту она преобразила.

Русскими матросами “были вырыты две девочки; они сидели под кроватью, играя в пуговицы, а все их родные были задавлены насмерть”.

«Матросы с “Макарова” увидели на развалинах женщину: почти обнаженная, она сидела среди обломков, держа в руках оторванную детскую голову, прижимала ее к груди и напевала какую-то грустную песенку. Хотели взять у нее эту голову и отвести женщину куда-нибудь в более безопасное место, она пришла в бешенство, стала драться, кусаться, кричать. Когда от нее уходили, она успокаивалась, снова качала голову и пела. Матросы позвали итальянцев, и те сказали, что женщина эта – жена офицера, считалась одной из первых красавиц Мессины, а в руках у нее голова сына, мальчика Уго, она поет колыбельную песню и говорит:

– Ты спишь, Уго? Что ты молчишь, мой сын? Не бойся, крошка, все кончилось уже; не надо бояться.

... Вот бродит по улицам шансонетная певица Жанна Перуджиа; ей предлагают есть – не может. Она забыла свое имя, мертвыми глазами смотрит на людей...

... На высоте четвертого этажа висит вниз головой человек, ущемленный за ногу, снять его нет возможности. Ветер срывает с него рубашку, развеивает волосы, его руки качаются, он кажется живым в судорогах холода и боли.

Вот молит о помощи молодой человек; ему придавило ноги, но нет возможности вынуть его из-под обломков – они убили бы спасающих. Пришел хирург и отрезал юноше обе ноги. Когда его положили на носилки, он попросил пить, сказал: “Благодарю, друзья”, – и умер.

У старика убито три сына. Он сам, молча, укладывает их трупы в ящики и засыпает известью. Вытащили младшего, его голова расплюсчена, лица нет, мозги вытекли. “Это были красавцы”, – строго говорит старик и падает на землю – мертвый.

В Реджио одна женщина просидела три дня под обломками, и все время на нее сверху капала кровь ее мужа и детей, раздавленных в комнате под нею. Она сама сильно изранена и, конечно, сошла с ума.

В калабрийской хижине на берегу моря отрыли старика и старуху; он, положив свою голову на грудь ей, умирал. Когда их хотели поднять, старуха сказала:

“Оставьте, прошу. Он уже умирает, я тоже хочу умереть. Все наши дети погибли. Мы жили долго, довольно! Идите спасать молодых!”»

Таких рассказов десятки, всего не перечислить; желающие пусть обратятся к доброй и простой книге Горького.

Так вот каков человек. Беспомощней крысы, но прекрасней и выше самого прозрачного, самого бесплотного видения. Таков *обыкновенный человек*. Он не Передонов и не насильник, не развратник, и не злодей, не корчит-ся ни перед какими “железными вратами” и не капризничает перед двумя, тремя и четырьмя и т.д. Анфисами. Он поступает страшно просто, и в этой простоте сказывается драгоценная жемчужина его духа. А истинная ценность жизни и смерти определяется только тогда, когда дело доходит до жизни и до смерти. Нам и до того и до другого далеко.

ПРОТИВОРЕЧИЯ

“Горел Петербург. На пожарных каланчах вывешено было: сбор всех частей, – да ничего не могли поделывать. Горел Петербург со всех концов.

Я и еще один человек, нередкий спутник моих ночных походов, покинув дом, приехали в бараки. В бараках нам отвели огромную комнату, и тут оказалось, что мы не одни: с нами неотлучно находится один известный русский поэт.

Мы смотрели в окно: улицы были запружены беглецами, и какие-то дамы, нагруженные чемоданами и желтыми коробками из-под шляп, тянулись по тротуару, словно в крестном ходу. Все говорили, что пожар страшный и не кончится. Пахло гарью.

Мы тоже решили уехать. Взяли извозчика и втроем отправились в Москву. В Москве, не останавливаясь, проехали прямо на дачу в Петровский парк. На даче никого не застали. Потом явился знакомый актер, и мы стали рассказывать, какой в Петербурге страшный пожар, как мы сидели в бараках, как гарью пахнет и как мы заплатили извозчику семьдесят пять копеек.

– Теперь лошадь пропадет, – сказал поэт, – как же? Сделать без передышки от Петербурга до Москвы двадцать девять верст и сейчас же обратно в Петербург двадцать девять лошадей не выдержит”.

Откуда это – из юмористического журнала? Или автор, благо “декадентство” все еще в моде, задумал посмеяться над читателями, – авось примут за чистую монету этот ни на что не похожий бред?

Нет, автор отрывка – один из самых серьезных и глубоких писателей нашего времени, написавший очень много книг. Последняя книга рассказов Алексея Ремизова (ибо это он) – очень простая по форме и глубокая по содержанию книга, ясно показывающая, что автор окончательно отучился от всяких “вычур и слов ненужных”, в частности от влияния С. Шибишевского, которое некогда связывало его. Ремизов как бы научился править рулем в океане русской речи, и вот она – покорная и плавная, живая и жемчужная – сама выводит его в “даль свободного романа”, которую он “сквозь магический кристалл еще неясно различал”, когда создавался его первый, самый мучительный и самый “корявый” роман – “Пруд”.

Такие рассказы, как “Суд Божий”, “Жертва”, “Царевна Мымра”, “По этапу”, и такие драмы, как “Бесовское действо”, можно считать созданиями законченными, заключенными в кристаллы форм, которые выдерживают долгое трение времени. Уже материал их не владеет автором, не связывает его, – автор владеет им и по своей воле соединяет непокорные образы в одно целое, из снопа непослушных и пестрых слов и красок вяжет единую многоцветную кошницу.

Ремизов овладел образами, словами, красками; он уже свободно, без субъективных лирических опасений, отпустил их в объективную эпическую даль и, любуясь ими в этой просторной дали, создает из них большой роман. Роман этот – “Стан половецкий” (начатый печатанием в первой книжке “Русской мысли”) заставляет ждать многого.

Однако в той самой серьезной и глубокомысленной книге рассказов Ремизова, которая служит преддверием к большому и “свободному” роману, есть отдел под названием “Бедовая доля” – будто бы “описание подлинных ночных приключений, в которых руководил автором вожатый ночи – Сон”. Из этого-то отдела и заимствован приведенный выше отрывок.

Тому, что Ремизов видел всю эту жестокую, но при ближайшем рассмотрении вовсе не бессмысленную, нелепицу во сне, я верю не более, чем тому, что Ремизов, записывая свои “сны”, хотел подурочить почтенную публику. Может быть, во всем этом есть доля правды. Иначе говоря, живи мы в другое время, мы имели бы право обидеться на Ремизова, спросить его, по какому праву он нас дурочит, с какой стати в серьезную книгу, трактовующую о Боге и человеке, помещает свою сонную путаницу?

Однако мы живем, к счастью или к несчастью, как раз в наше время, ни в какое другое, а следовательно, несем и всю ответственность за него; и если мы не ханжи, не лицемеры, не изолгались до последней степени, притворяясь твердыми, спокойными и православными людьми, обладающими незыблемыми устоями, – то мы и не имеем права сетовать на Ремизова, показывающего нам (в виде отдыха, что ли, и развлечения после серьезных и вечных тем) весьма реальный клочок нашей души, где все сбито с панталыку, где все в невообразимой каше летит к черту на кулички.

Не мешает прибавить, что самый популярный и прославленный теперь русский писатель – Леонид Андреев – постоянно твердит нам именно об этом, но твердит на другом языке, пользуясь другими приемами и приучаясь из года в год все более к различным “мирообъемлющим” темам. О вкусах не спорят, и что касается меня, то я все более предпочитаю трагическую и не “всемирную” шутку Ремизова, сказанную на чудесном русском языке, – нетрагическим мировым трагедиям Л. Андреева, всегда очень длинным и похожим на плохой перевод с чужого языка.

Как хотите, я плохо верю в Анагэму. А тому, что “Петербург горит”, и тому, что об этом говорят на даче под Москвой, приходится верить нередко. Почему так? Просто потому, что “местное” сумасшествие гораздо убедительнее и нагляднее, оно производит гораздо больше впечатления, чем мировые пожары. Из совокупности многих “местных сумасшествий” можно заключить о сумасшествии всеобщем; а “всеобщие пожары” всегда подозрительны, и я имею право спросить, какое имеют право говорить о гибели человечества, когда Иван Иванович здоров, “доволен собой, своим обедом и женой”?

Однако шутки в сторону. Век живи, век учись, и я, прочтя ремизовские сны, полагал, что это-то и есть настоящее сумасшествие; но, познакомившись с книгой еще более почтенного, пожилого и даже маститого нашего беллетриста П.П. Гнедича, убедился, что есть виды сумасшествия гораздо более опасные, хотя с виду вполне приличные, спокойные.

Гнедич просто рисует (“Песьи мухи. Из записок моего соседа Скалопендрова”, том II, издание Маркса) галерею современных чиновников, военных, думцев, светских дам. Боже мой, как эта “обыденная”, “простая” жизнь людей “обыкновенных” – нелепа, безумна, каждой чертою своей напоминает жизнь огромного сумасшедшего дома!

Рассказывать “книгу” Гнедича незачем, потому что она целиком взята из действительности ближайших к нам лет, в ней рассказано все, что было, что есть и что долго будет. Кстати, называть это книгой не очень прилично: это – сборник хлестких фельетонов. Да, это мир, в котором суждено нам жить – с генералами, министрами, родственниками, обедами, карьерами, и пр., и пр. Впечатления большого ужаса достигнуть нельзя, а между тем оно достигнуто очень и очень простыми средствами: именно, автор – сам сродни своим героям, он ничего не хочет, не способен и помыслить о перемене, он – в болоте, и болото – с ним, над ним и вокруг него. Из болота он хлебает – немножко “поззии”, немножко “чувства”, тонкий обед, приятный сон, – и день прошел. Вот

она – истинная одиннадцатая верста, безмолвное убежище для неизлечимых сумасшедших; темно, тихо, мерцают зеленые ночники, трещат глухие звонки, вздыхают и стонут больные. Шлепают туфли сиделки – Тоски, а в конце бесконечного коридора мерно, властительно идет сам хозяин – добрый толстый доктор: доктор Смерть. Слова его успокоительные, шуточки ласковые, зелия – снотворные. И лицо у главного доктора – доброе, ласковое и на *все по-хожее*: есть в нем что-то и от беглого каторжника, и от придворного дьячка, и от знаменитого провокатора, и от именитого литератора. А за окном – за большим больничным окном – петербургская ночь: “Айда, тройка! Снег пушистый, ночь морозная кругом!”

Что, если проснется кто-нибудь из больных, хотя бы сам Гнедич? Проснется так, что действительно вспомнит, например, что у него есть мать или что пахнут цветы? К черту – и колпак, и халат, и департамент, и карьера – и давай Бог ноги – бочком, бочком – потихоньку – в дверь, на мороз, – только бы не догнали славный доктор и добрая сиделка...

“Милый писатель” в тихом безумии так себе пишет о “так себе людях”. “Тихо и плавно качаясь, горе забудем вполне”. Под эту (почти “гениальную”) песню убаюкалась и уснула крепко вся европейская буржуазия. А уж когда европейская заснет, так уж российская – начинает прямо “дрыхнуть”, и чичиковские звуки летят из ее хриплой глотки.

Тихое безумие. Оно еще усиливается тем, что два писателя в один и тот же год и в одной и той же стране пишут на разных языках. Для Ремизова – каждая былинка, каждая человеческая мразь – “Гекуба”; только бы ему оправдать человека и Бога в нем, он спотыкается от злости и бессилия. Все в душе у него – беспокойно, отрывисто; Достоевщина в кубе.

А что Гнедичу “Гекуба”? Он не помышляет ни о людях, ни о Боге, ни о мире, ни о творчестве. Откуда почерпнул г. Гнедич свою мерность и плавность, свой “эпос” наизнанку? Разве у героя своего – “чиновника особых поручений Выдыбаева”.

Один – писатель, мученик, творец. Другой – “литератор”, чиновник особых поручений при литературе. Им друг на друга без смеху и взглянуть невозможно. Для кого пишет Ремизов, если *кто-либо* читает Гнедича? Или – для кого пишет Гнедич, если у каждого человека, хоть в самых бессознательных тайниках души, есть влечение к Ремизову? Однако оба пишут и обоих читают. Гнедича – больше.

Тихое, непоправимое сумасшествие.

А вот еще “поучительное” противоречие:

Среди последних стихов обращают на себя внимание “Стихотворения” В. Полякова и второе издание “Яри” С. Городецкого.

В.Л. Поляков скончался на двадцать пятом году жизни – в 1906 году. С этим печальным, строгим, насмешливым, умным и удивительно привлекательным юношей я встречался за несколько лет до его смерти у одного из наших общих литературных приятелей. Он много молчал, а когда говорил, это было (или казалось нам тогда) очень остро и метко. В Полякове дремала, ка-

жется, настоящая злоба; какие-то искры подлинного, поэтического, неведомо на что направленного, восторга вспыхивали на его красивом и нежном лице. Впрочем, он был страшно скрытен и не любил, когда замечали движения его души. Кроме того, все, что дремало в нем, было подернуто глубокой усталостью – не знаю, старческой или нет; скорее – в этой усталости было предчувствие смерти, о которой он так много говорит в стихах.

В душе у Полякова была истинная нежность, прекрасное он любил, как умирающий жених любит свою остающуюся на земле невесту. Уродство мучило его, а какой-то медленно разливающийся холод, как мне представляется, мешал победить все эти не Бог весть какие необычные муки. Оттого, красивый, молодой, даровитый, богатый, – он был прежде всего – печален.

Теперь только собрали его стихи и издали с большим изяществом и любовью. Не знаю, надо ли было это делать. Книга приятна, пожалуй, одним только поэтам. Едва ли сам автор ценил отрывки, так бережно сохраненные издателями. В.Л. Поляков, судя по этой книге (от него я слышал лишь немногие стихи), не был ярко талантлив; точно мешала ему, стесняла его творчество болезненная любовь к изящному. Тяжело носить в себе новую душу и страстно любить классические формы. Поэт начинал и бросал многое неоконченным, какой-то своеобразный душевный аристократизм (не знаю, ложный или правдивый) делал его сухим, заставлял лучше сломать карандаш на полуслове, чем заполнить пустое место тем, что Фет называл в поэзии “стразой”. Однако Поляков был еще так молод, что не стеснялся расточать “грезы” и “мечты” в огромном количестве.

“Лишь поэтам был я другом”, – говорит В.Л. Поляков. Правда, читателям “вообще” книга его не нужна, все они для него – “унылые глупцы”.

Самыми яркими и острыми строками во всей книге остаются, кажется, следующие четыре стиха, обращенные “К толпе”:

Твой грубый смех тебе прощаю, –
Невыносим твой жалкий стон.
Не смей страдать: я умираю,
Твоим страданьем осквернен!

Не правда ли, это какой-то новый вид ярости? – Впрочем, кто же мне скажет, правда или не правда! И старая-то ярость – как об стену горох. Все благополучны. Все скажут мне, что Вольтер и Байрон, Пушкин и Лермонтов – были прекрасные и добрые люди. Покойной ночи, господа.

А вот еще поэт – того же поколения, но какая противоположность! Сергей Городецкий. О “Яри” исписано бумаги раз в десять больше, чем потребовала сама “Ярь”, – следовательно, нечего говорить о ней опять сначала. Кто любит Городецкого, тот любит его, и, по-видимому, читателей у него много. И как им не быть, когда “Ярь” – такая яркая и талантливая книга! Она ничуть не потускнела, хотя пережила революцию, а это не шутка. Несколько хороших стихотворений прибавлено, и материал располо-

жен лучше – уже нет прежнего, вынужденного обстоятельствами разделения на “Ярь” и “Перуна”.

Поэта “Яри” можно прежде всего хвалить, а за критику можно принимать лишь после усердных похвал. Поэт – незлободневный и высокий. К сожалению, нельзя сказать того же об авторе “предисловия”. Сколько тут самой прозаической и скучной злобы дня, каких-то дерзновений, которые давно пора забыть. В 1910 году Сергей Городецкий все еще имеет потребность кричать: “Мы ведь можем, можем, можем!” Три года тому назад слушать это было уже странно. Что можем, как, почему и зачем? Объяснений не дается – можем “вообще”: “Расколдуем мирозданье!” “Древний хаос потревожим, космос скованный низложим!” Право, С. Городецкий обращается чересчур развязно с этими заслуживающими всякого почтения стариками. Люди, которые были с ними в очень тесных отношениях, относились к ним много почтительнее, стоит вспомнить хотя бы Владимира Соловьева. Выкрикивание угроз по адресу хаоса и космоса заставляет подозревать только о недостаточно близком и положительном знакомстве с ними.

Удивительно: как только Городецкий начинает кричать и расколдовывать мирозданье при помощи угроз, – становишься равнодушным к нему. Знаем мы, кто это кричит, больше нас не проведешь. Кричит вовсе не Сергей Городецкий, а все та же милая, обуявшая нас истерия. От нее становится тоскливо – и только. Городецкий сулит невесть что, а вот современник его – Поляков, в точно таких же коротких стихах, “заколдовывает” мирозданье и не сулит ничего, кроме “серой скуки”:

Песни спеты, перепеты –
Сердце бедное, молчи:
Все отысканы ответы,
Все подделаны ключи;
Мы – последние поэты,
Мы – последние лучи
Догорающей в ночи,
Умирающей планеты...
После нас – ночная тьма,
Процветание науки,
Протрезвление ума,
После нас – ни грез, ни муки,
Бесконечная зима
Безразлично серой скуки.

Нет, и Полякову не хочется верить. Они с Городецким взаимно обличают друг друга в этих своих пророчествах. И, необычайно непохожие, вдруг становятся до чрезвычайности сходными. Иначе говоря, оба перестают *быть*: один поникает, как былинка, а другой болтает что-то задорное во хмелю; оба клеветают и на себя, и на мир.

Будет, да не так, как говорят Поляков и Городецкий, а по-третьему, и, во всяком случае, по-новому. Иначе уж очень бы все было просто.

ВЕРА ФЕДОРОВНА КОММИССАРЖЕВСКАЯ

Едва узнав из газет весть о кончине Веры Федоровны Коммиссаржевской, я понял, чем была она для всех нас, что мы теряем вместе с ней, какое таинственное и знаменательное событие для всех нас ее мучительная, но молодая, но предвесенняя смерть.

Отчего при жизни человека мы всегда так смутно и так бледно помним о нем, не умеем достаточно ценить его даже тогда, когда его бытие так бесконечно ценно, как бытие вот этой умершей юности? Вера Федоровна была именно юностью этих последних – безумных, страшных, но прекрасных лет.

Мы – символисты – долгие годы жили, думали, мучились в тишине, совершенно одинокие, будто ждали. Да, конечно, ждали. И вот, в предреволюционный год, открылись перед нами высокие двери, поднялись тяжелые бархатные занавесы – и в дверях – на фоне белого театрального зала – появилась еще смутная, еще в сумраке, неотчетливо (так неотчетливо, как появляются именно *живые*) эта маленькая фигура со страстью ожидания и надежды в синих глазах, с весенней дрожью в голосе, вся изображающая один порыв, одно устремление куда-то, за какие-то синие, синие пределы человеческой *здешней* жизни. Мы и не знали тогда, кто перед нами, нас ослепили окружающие огни, задушили цветы, оглушила торжественная музыка этой большой и всегда певучей души. Конечно, все мы были влюблены в Веру Федоровну Коммиссаржевскую, сами о том не ведая, и были влюблены не только в нее, но в то, что светилось за ее беспокойными плечами, в то, к чему звали ее бессонные глаза и всегда волнующий голос. “Пожалуйста, вы ничего не забыли. Вам просто стыдно немножко. Таких вещей не забывают... Подайте мне мое королевство, строитель. Королевство на стол!”

Никогда не забуду того требовательного, капризного и повелительного голоса, которым Вера Федоровна произносила эти слова в роли Гильды (в “Сольнесе” Ибсена). Да разве *это* забывается?

Я вспоминаю ее легкую, быструю фигуру в полумраке театральных коридоров, ее торопливо брошенное приветствие перед выходом на сцену, пожатие ее маленькой руки в яркой уборной; ее печальные и смеющиеся глаза, обведенные синим, ее выпытывающие, требовательные и увлекательные речи. Она была – вся мятеж и вся весна, как Гильда, и, право, ей точно было пятнадцать лет. Она была моложе, о, насколько моложе многих из нас...

Смерть Веры Федоровны волнует и тревожит; при всей своей чудовищной неожиданности и незаслуженной жестокости – это прекрасная смерть. Да это и не смерть, не обыкновенная смерть, конечно. Это еще новый завет для нас – чтобы мы твердо стояли на страже, новое напоминание, далекий голос синей Вечности о том, чтобы ждали нового, чудесного, несбыточного те из нас, кого еще не смыла ослепительная и страшная волна горя и восторга.

Да, тысячу раз правда за этим мятежом исканий, за смертельной тревогой тех взлетов и падений, живым воплощением которых была Вера

Федоровна Коммиссаржевская. Была, значит и есть. Она не умерла, она жива во всех нас. И я молю ее светлую тень – ее крылатую тень – позволить мне вплести в ее розы и лавры цветов моей траурной и почтительной влюбленности.

ПАМЯТИ В.Ф. КОММИССАРЖЕВСКОЙ

Душа настоящего человека есть самый сложный и самый нежный и самый певучий музыкальный инструмент. Таких душ немного на свете. Одна из них – та, которую мы хоронили недавно.

Бывают скрипки расстроенные и скрипки настроенные. Расстроенная скрипка всегда нарушает гармонию целого; ее визгливый вой врывается докучной нотой в стройную музыку мирового оркестра; она вечно дребезжит, а не поет; она предается истерике, но не плачет; она униженно молит о ненужном, но не требует строго и не просит повелительно о необходимом.

Так в плохоньком ресторане оркестр, в пьяную полночь, увеселяет кабацкую голь рыдучим дребезжанием плохих визгливых скрипок.

Но не должно человеку плакать пьяными слезами, изрыгать богохуления, предаваться истерике, клянчить и нарушать визгливым воем своей расстроенной души важную торжественность мирового оркестра. И есть в мире люди, которые остаются серьезными и трагически-скорбными, когда все кругом летит в вихре безумия; они смотрят сквозь тучи и говорят: там *есть* весна, там *есть* заря.

Таких людей именуют обыкновенно сумасшедшими или декадентами, но это неверно: их следует звать только *художниками*. Разве это слово не представляется самым последним бранным словом для современного человека? Зачем же искать еще других слов? – Напрасный труд.

Теперь многим нравится задавать праздный вопрос: как относилась В.Ф. Коммиссаржевская к “новому искусству”? Ответ прост: только так, как художник может относиться к искусству вообще.

Искусства не нового не бывает. Искусства вне символизма в наши дни не существует. Символист есть синоним художника. Коммиссаржевская могла любить или не любить отдельных представителей искусства, но не любить самого искусства она не могла.

Вдохновение тревожное, чье мрачное пламя сжигает художника наших дней, художника, который обречен чаще ненавидеть, чем любить, – оно позволяло ей быть только с юными; но нет ничего страшнее юности: певучая юность сожгла и ее; опрокинулся факел, а мы, не зная сомнений, идем по ее пути: и опрокинутый факел юности ярче старых оплывающих свеч.

У Веры Федоровны Коммиссаржевской были глаза и голос художницы. Художник – это тот, для кого мир прозрачен, кто обладает взглядом ребенка, но во взгляде этом светится сознание зрелого человека; тот, кто роковым об-

разом, даже независимо от себя, по самой природе своей, видит не один только *первый* план мира, но и то, что скрыто за ним, ту неизвестную даль, которая для обыкновенного взора заслонена действительностью наивной; тот, наконец, кто слушает мировой оркестр и вторит ему, не фальшивя.

Насколько все это просто для художника, настолько же непонятно для обывателя, а что для обывателя непонятно, то для него и недопустимо, то для него и ненавистно.

В.Ф. Коммиссаржевская видела гораздо дальше, чем может видеть простой глаз; она не могла не видеть дальше, потому что в ее глазах был кусочек волшебного зеркала, как у мальчика Кая в сказке Андерсена. Оттого эти большие синие глаза, глядящие на нас со сцены, так удивляли и восхищали нас; говорили о чем-то безмерно большем, чем она сама.

В.Ф. Коммиссаржевская голосом своим вторила мировому оркестру. Оттого ее требовательный и нежный голос был подобен голосу весны, он звал нас безмерно дальше, чем содержание произносимых слов.

Вот почему сама она стала теперь *символом* для нас. Вот почему десятки тысяч людей, которые шли за ее погребальной колесницей, десятки тысяч людей, *почти равнодушных* ко всему, что было *вокруг* нее, – все-таки шли, влекомые тем незнакомым, что стояло *за* нею, тем тревожным и страшно интересным, что таит в себе имя *Слава*.

Ее могли хоронить не люди, не мы, а небесное воинство. Ее могли хоронить высокие и бледные монахини на крутом речном обрыве у подножия монастыря, в благоухании полевых цветов и в озарении длинных восковых свеч. Ее певучую душу могли нести блаженные и не знающие греха ангелы из этого “мира печали и слез”.

Ее смерть была очистительна для нас. Тот, кто видел, как над ее могилой открылось весеннее небо, когда гроб опускали в землю, был в эту минуту блажен и светел, а тяжелое, трудное и грязное отошло от него.

Душа ее была как нежнейшая скрипка. Она не жаловалась и не умоляла, но плакала и требовала, потому что она жила в то время, когда нельзя не плакать и не требовать. Живи она среди иных людей, в иное время и не на мертвом полюсе, – она была бы, может быть, вихрем веселья; она заразила бы нас торжественным смехом, как заразила теперь торжественными слезами.

Вера Коммиссаржевская – это наша вера. Не меркнет вечная юность таких глаз; скрипка такого голоса сливается с мировым оркестром; теперь, после смерти, она поет где-то в нем, за то, что при жизни не нарушала его стройности; она не лукавила, но была верна музыке среди всех визгливых нот современной действительности.

О том, как мы не узнали ее при жизни и как можем запомнить после смерти, я хочу сказать в стихах.

Пришла порою полуночной
На крайний полюс, в мертвый край.
Не верили. Не ждали. Точно
Не таял снег, не веял май.

Не верили. А голос юный
Нам пел и плакал о весне,
Как будто ветер тронул струны
Там, в незнакомой высоте.

Как будто отступили зимы,
И буря твердь разорвала,
И струнно плачут серафимы,
Над миром расплескав крыла...

Но было тихо в нашем склепе,
И полюс – в хладном серебре.
Ушла. От всех великолепий –
Вот только: крылья на заре.

Что в ней рыдало? Что боролось?
Чего она ждала от нас?
Не знаем. Умер вешний голос,
Погасли звезды синих глаз.

Да, слепы люди, низки тучи...
И где нам ведать торжества?
Залег здесь камень бел-горючий,
Растет у ног плакун-трава...

Так спи, измученная славой,
Любовью, жизнью, клеветой...
Теперь ты с нею – с величавой,
С несбыточной твоей мечтой.

А мы – что мы на этой тризне?
Что можем знать, чему помочь?
Пускай хоть смерть понятней жизни,
Хоть погребальный факел – в ночь.

Пускай хоть в небе – Вера с нами.
Смотри сквозь тучи: там она –
Развернутое ветром знамя,
Обетованная весна.

ПАМЯТИ ВРУБЕЛЯ

Незаметно протекла среди нас жизнь и болезнь гениального художника. Для мира остались дивные краски и причудливые чертежи, похищенные у Вечности. Для немногих – странные рассказы о земных видениях Врубеля. Для тесного кружка людей – маленькое восковое лицо в гробу с натруженным лбом и плотно сжатыми губами. Как недлинен мост в будущее! Еще несколько десятков лет – и память ослабеет: останутся только творения, да легенда, еще при жизни художника сложившаяся.

Врубель жил просто, как все мы живем; при всей страсти к событиям, в мире ему не хватало событий; и события перенеслись во внутренний мир, – судьба современного художника; чем правильнее размежевывается на клеточки земная кора, тем глубже уходят под землю движущие нас боги огня и света.

Быть может, по темпераменту Врубель не уступал Веласкесу или подобным ему легендарным героям; то небольшое, что приходилось слышать о нем, похоже на сказку более, чем на обыкновенную жизнь. Все так просто и, кажется, обыденно, – а между тем в каждую страницу жизни вплетается зеленый стебель легенды; это подтверждает и подробная, написанная как-то по-старинному благородно и просто, биография (А.П. Иванов пишет именно так, как писалось о старых великих мастерах, – да и как писать иначе? Жизнь, соединенная с легендой, есть уже “житие”).

Вот страничка из “Врубелевой легенды”, уже теперь довольно пространной: говорят, он переписывал голову Демона до сорока раз; однажды кто-то, случайно заставший его за работой, увидел голову неслыханной красоты. Голову Врубель впоследствии уничтожил и переписал вновь – *испортил*, как говорится на языке легенды; этот язык принуждает свидетельствовать, что то творение, которое мы видим теперь в Третьяковской галерее, – есть лишь слабое воспоминание о том, что было создано в какой-то потерянный и схваченный памятью лишь одного человека миг.

Потерян результат – и только; может быть, отвалился крохотный кусочек перламутрового отблеска с какой-нибудь части лица; но ведь это же могло сделать и время; нам, художникам, это не важно – почти все равно; ибо всего важнее лишь факт, что творческая энергия была затрачена, молния сверкнула, гений родился; остальное принадлежит либо ошибке дрогнувшей руки мастера (а разве не может и у величайшего мастера дрогнуть рука?), либо силе времени – безошибочно разрушающей. Об ошибках и о времени пусть плачет публика, но не должны плакать мы, художники, у которых “золотой век в кармане”, кому дороже то, что Венера *найдена* в мраморе, нежели то, что *существует* ее статуя. Творчество было бы бесплодно, если бы конец творения зависел от варвара-времени или варвара-человека.

Вот плитка мозаики из легенды Врубеля; здесь – голова Демона, там – поворот тела апостола в “Сошествии Св. Духа”, а там еще – рассказ о какой-то англичанке из кафешантана, и еще, и еще: сны Врубеля, его бред, его разговоры, его покаяния... Все для нас разбито, разрознено; тех миров, которые видел он, мы еще не видели в целом, и потому удел наш – одним – смеяться, другим – трепетать, произнося бедное слово: “гений”.

Что такое “гений”? Так все дни и все ночи гадаем мы и мечтаем; и все дни и все ночи налетает глухой ветер из тех миров, доносит обрывки шепотов и слов на незнакомом языке; мы же так и не слышим главного. Гениален, быть может, тот, кто сквозь ветер расслышал целую фразу, сложил слова и записал их; мы знаем не много таких записанных фраз, и смысл их приблизительно однозначен: и на горе Синае, и в светлице Пречистой Де-

вы, и в мастерской великого художника раздаются слова: “Ищи Обетованную Землю”. Кто расслышал – не может послушаться, суждено ли ему умереть на рубеже, или увидеть на кресте распятого Сына, или сгореть на костре собственного вдохновения. Он все идет – потому что “скучные песни земли” уже не могут заменить “звуков небес”. Он уходит все дальше, а мы, отстающие, теряем из виду его, теряем и нить его жизни, с тем чтобы следующие поколения, взошедшие выше нас, обрели ее, заалевшую над самой их юной, кудрявой головой.

Нить жизни Врубеля мы потеряли вовсе не тогда, когда он “сошел с ума”, но гораздо раньше: когда он создавал мечту своей жизни – Демона.

Небывалый закат озолотил небывалые сине-лиловые горы. Это только наше название тех преобладающих трех цветов, которым еще “нет названия” и которые служат лишь знаком (символом) того, что таит в себе сам Падший: “И зло наскучило ему”. Громада лермонтовской мысли заключена в громаде трех цветов Врубеля.

У Падшего уже нет тела, – но оно было когда-то, чудовищно-прекрасное. Юноша в забытых “Скуки”, будто обессилевший от каких-то мировых объятий; сломанные руки, простертые крылья; а старый вечер льет и льет золото в синие провалы; это все, что осталось; где-то внизу, ему лишь заметная, мелькает, может быть, ненужная чадра отошедшей земной Тамары.

Он был похож на вечер ясный –
Ни день, ни ночь, ни мрак, ни свет.

Снизу ползет синий сумрак ночи и медлит затоплять золото и перламутр. В этой борьбе золота и синевы уже брезжит иное; в художнике открывается сердце пророка; одинокий во вселенной, не понимаемый никем, он вызывает самого Демона, чтобы заклинать ночь ясностью его печальных очей, дивным светом лика, павлиньим блеском крыльев, – божественною скукой, наконец. И золото горит, не сгорая: недаром учителем Врубеля был золотой Джиованни Беллини.

Падший ангел и художник-заклинатель: страшно быть с ними, увидеть небывалые миры и залечь в горах. Но только *оттуда* измеряются времена и сроки; иных средств, кроме искусства, мы пока не имеем. Художники, как вестники древних трагедий, приходят оттуда к нам, в размеренную жизнь, с печатью безумия и рока на лице.

Врубель пришел с лицом безумным, но блаженным. Он – вестник; весть его о том, что в сине-лиловую мировую ночь вкраплено золото древнего вечера. Демон его и Демон Лермонтова – символы наших времен:

Ни день, ни ночь, ни мрак, ни свет.

Мы, как падшие ангелы ясного вечера, должны заклинать ночь. Художник обезумел, его затопила ночь искусства, потом – ночь смерти. Он шел, потому что “звуки небес” не забываются. Это он написал однажды голову неслыханной красоты; может быть, ту, которая не удалась в “Тайной вечере” Леонардо.

Да, он должен быть в том Раю, о котором он пел.

Он пел о блаженстве безгрешных духов
Под кущами райских садов.
О Боге великом он пел, и хвала
Его непритворна была.

О СОВРЕМЕННОМ СОСТОЯНИИ РУССКОГО СИМВОЛИЗМА

(Прочитано в Обществе ревнителей художественного слова
8 апреля 1910 года)

Прямая обязанность художника – показывать, а не доказывать. Приступая к своему ответу на доклад Вячеслава Ивановича Иванова, я должен сказать, что уклоняюсь от своих прямых обязанностей художника; но настоящее положение русского художественного слова явно показывает, что мы, русские символисты, прошли известную часть своего пути и стоим перед новыми задачами; в тех случаях, когда момент переходный столь определен, как в наши дни, мы призываем на помощь воспоминание и, руководствуясь его нитью, устанавливаем и указываем, – может быть, самим себе более, чем другим, – свое происхождение, ту страну, из которой мы пришли. Мы находимся как бы в безмерном океане жизни и искусства, уже вдали от берега, где мы взойшли на палубу корабля; мы еще не различаем иного берега, к которому влечет нас наша мечта, наша творческая воля; нас немного, и мы окружены врагами; в этот час великого полудня яснее узнаем мы друг друга; мы обмениваемся взаимно пожатиями холодеющих рук и на мачте поднимаем знамя нашей родины.

Дело идет о том, о чем всякий художник мечтает, – “сказаться душой без слова”, по выражению Фета; потому для выполнения той трудной задачи, какую беру на себя, – для отдания отчета в пройденном пути и для гаданий о будущем, – я избираю язык поневоле условный; и, так как я согласен с основными положениями В. Иванова, а также с тем методом, который он избрал для удобства формулировки, – язык свой я назову языком *иллюстраций*. Моя цель – конкретизировать то, что говорит В. Иванов, раскрыть его терминологию, раскрасить свои иллюстрации к его тексту, ибо я принадлежу к числу тех, кому известно, какая реальность скрывается за его словами, на первый взгляд отвлеченными; к моим же словам прошу отнестись как к словам, играющим служебную роль, как к Бедкеру, которым по необходимости пользуется путешественник. Определеннее, чем буду говорить, сказать не сумею; но не будет в моих словах никакой самоуверенности, если скажу, что для тех, для кого туманен мой путеводитель, – и наши страны останутся в тумане. Кто захочет понять, – поймет; я же, раз констатировав пройденное и установив внутреннюю связь событий, сочту своим долгом замолчать.

Прежде чем приступить к описанию тезы и антитезы русского символизма, я должен сделать еще одну оговорку: дело идет, разумеется, не об истории символизма; нельзя установить точной хронологии там, где говорится о событиях, происходивших и происходящих в действительно реальных мирах.

Теза: “ты свободен в этом волшебном и полном соответствий мире”. Твори, что хочешь, ибо *этот мир принадлежит тебе*. “Пойми, пойми, все тайны в нас, в нас сумрак и рассвет” (Брюсов). “Я – бог таинственного мира, весь мир – в одних моих мечтах” (Сологуб). Ты – одинокий обладатель клада; но рядом есть еще знающие об этом кладе (или – только кажется, что и они знают, но пока это все равно). Отсюда – мы: немногие знающие, символисты.

С того момента, когда в душах нескольких людей оказываются заложенными эти принципы, зарождается символизм, возникает школа. Это – первая юность, детская новизна первых открытий. Здесь еще никто не знает, в каком мире находится другой, не знает этого даже о себе; все только “перемигиваются”, согласные на том, что существует раскол между этим миром и “мирами иными”; дружные силы идут на борьбу за эти “иные”, еще неизвестные миры.

Дерзкое и неопытное сердце шепчет: “Ты свободен в волшебных мирах”; а лезвие таинственного меча уже приставлено к груди; символист уже изначально – *теург*, то есть обладатель тайного знания, за которым стоит тайное действие; но на эту тайну, которая лишь впоследствии оказывается всемирной, он смотрит как на свою; он видит в ней клад, над которым расцветает цветок папоротника в июньскую полночь, и хочет сорвать в голубую полночь – “голубой цветок”.

В лазури Чьего-то лучезарного взора пребывает теург; этот взор, как меч, пронзает все миры: “моря и реки, и дальний лес, и выси снежных гор” – и сквозь все миры доходит к нему вначале – лишь сиянием Чьей-то безмятежной улыбки.

Лишь забудешься днем, иль проснешься в полночи,
Кто-то здесь. Мы вдвоем, –
Прямо в душу глядят лучезарные очи
Темной ночью и днем.
Тает лед, утихают сердечные вьюги,
Расцветают цветы.
*Только Имя одно Лучезарной Подруги
Угадаешь ли ты?*

(Вл. Соловьев)

Миры, предстающие взору в свете лучезарного меча, становятся все более зовущими; уже из глубины их несутся щемящие музыкальные звуки, призывы, шепоты, почти *слова*. Вместе с тем они начинают *окрашиваться* (здесь возникает первое глубокое знание о цветах); наконец, преобладающим является тот цвет, который мне всего легче назвать пурпурно-лиловым (хотя это название, может быть, не вполне точно).

ГРУППОВОЙ ШАРЖ

Вверху (слева направо): Ф. Сологуб, В.Я. Брюсов, Вяч. Иванов, К.Д. Бальмонт, М.А. Кузмин.

Средний ряд: А.М. Ремизов, Л.Н. Андреев, А.А. Блок.

Нижний ряд: А.И. Куприн, С.М. Городецкий, М.П. Арцыбашев. 1909 г.

Золотой меч, пронизывающий пурпур лиловых миров, разгорается ослепительно – и пронзает сердце теурга. Уже начинает сквозить лицо среди небесных роз; различается голос; возникает *диалог*, подобный тому, который описан в “Трех Свиданиях” Вл. Соловьева; он говорит: “Не трижды ль Ты далась живому взгляду? – Твое лицо явилось, но всю Тебя хочу я увидеть”. – Голос говорит: “Будь в Египте”.

Таков конец “тезы”. Начинается чудо одинокого преображения.

Тогда, уже ясно предчувствуя изменение облика, как бы ощущая прикосновение чьих-то бесчисленных рук к своим плечам в лилово-пурпурном сумраке, который начинает просачиваться в золото, предвидя приближение каких-то огромных похорон, – теург отвечает на призывы:

В эту ночь золотисто-пурпурную,
Видно, нам не остаться вдвоем,
И сквозь розы небес что-то сдержанно-бурное
Уловил я во взоре Твоем.

Буря уже коснулась Лучезарного Лика, он *почти* воплощен, то есть, – *Имя почти угадано*. Предусмотрено все, кроме одного: *мертвой точки торжества*. Это – самый сложный момент перехода от тезы к антитезе, который определяется уже а posteriori и который я умею рассказать лишь введя фикцию чьего-то постороннего вмешательства (лицо мне неизвестно).

Вся картина переживаний изменяется существенно, начинается “антитеза”, “изменение облика”, которое предчувствовалось уже в самом начале “тезы”. События, свидетельствующие об этом, следующие.

Как бы ревнуя одинокого теурга к Заревой ясности, некто внезапно пересекает золотую нить зацветающих чудес; лезвие лучезарного меча меркнет и перестает чувствоваться в сердце. Миры, которые были пронизаны его золотым светом, теряют пурпурный оттенок; как сквозь прорванную плотину, врывается сине-лиловый мировой сумрак (лучшее изображение всех этих цветов – у Врубеля) при раздирающем аккомпанементе скрипок и напевов, подобных цыганским песням. Если бы я писал картину, я бы изобразил переживание этого момента так: в лиловом сумраке необъятного мира качается огромный белый катафалк, а на нем лежит мертвая кукла с лицом, смутно напоминающим то, которое сквозило среди небесных роз.

Для этого момента характерна необыкновенная острота, яркость и разнообразие переживаний. В лиловом сумраке нахлынувших миров уже все полно соответствий, хотя их законы совершенно иные, чем прежде, потому что нет уже золотого меча. Теперь на фоне оглушительного вопля всего оркестра громче всего раздается восторженное рыдание: “Мир прекрасен, мир волшебен, ты свободен”.

Переживающий все это – уже не один; он полон многих демонов (иначе называемых “*двойниками*”), из которых его злая творческая воля создает по произволу постоянно меняющиеся группы заговорщиков. В каждый момент он скрывает, при помощи таких заговоров, какую-нибудь часть души от себя самого. Благодаря этой сети обманов – тем более ловких, чем волшебнее ок-

ружающий лиловый сумрак, – он умеет сделать своим орудием каждого из демонов, связать контрактом каждого из двойников; все они рыщут в лиловых мирах и, покорные его воле, добывают ему лучшие драгоценности – все, чего он ни пожелает: один – принесет тучку, другой – вздох моря, третий – аметист, четвертый – священного скарабея, крылатый глаз. Все это бросает господин их в горнило своего *художественного творчества* и наконец, при помощи заклинаний, добывает искомое – себе самому на диво и на потеху; искомое – красавица кукла.

Итак, свершилось: мой собственный волшебный мир стал ареной моих личных действий, моим “анатомическим театром”, или *балаганом*, где сам я играю роль наряду с моими изумительными куклами (ессе homo!)*. Золотой меч погас, лиловые миры хлынули мне в сердце. Океан – мое сердце, все в нем равно волшебю: я не различаю жизни, сна и смерти, этого мира и иных миров (мгновенье, остановись!). Иначе говоря, я уже сделал собственную жизнь искусством (тенденция, проходящая очень ярко через все европейское *декадентство*). Жизнь стала искусством, я произвел заклинания, и передо мною возникло, наконец, то, что я (лично) называю “*Незнакомкой*”: красавица-кукла, синий призрак, земное чудо.

Это – венец антитезы. И долго длится легкий, крылатый восторг перед своим созданием. Скрипки хвалят его на своем языке.

Незнакомка. Это вовсе не просто дама в черном платье со страусовыми перьями на шляпе. Это – дьявольский сплав из многих миров, преимущественно синего и лилового. Если бы я обладал средствами Врубеля, я бы создал Демона; но всякий делает то, что ему назначено.

Созданное таким способом – заклинательной волей художника и помощью многих мелких демонов, которые у всякого художника находятся в услужении, – не имеет ни начала, ни конца; оно не живое, не мертвое.

Шлейф, забрызганный звездами,
Синий, синий, синий взор.
Меж землей и небесами
Вихрем поднятый костер.

(“*Земля в снегу*”)

Там, в ночной завывающей стуже,
В поле звезд отыскал я кольцо.
Вот лицо возникает из кружев,
Возникает из кружев лицо.
Вот плывут ее вьюжные трели,
Звезды светлые шлейфом влача,
И взлетающий бубен метели,
Бубенцами призывно бренча.

(“*Нечаянная Радость*”)

Это – создание искусства. Для меня это – свершившийся факт. Я стою перед созданием своего искусства и не знаю, что делать. Иначе говоря, что мне

---

* Се – человек! (лат.) – Ред.

делать с этими мирами, что мне делать и с собственной жизнью, которая отныне стала искусством, ибо со мной рядом *живет* мое создание – не живое, не мертвое, синий призрак. Я вижу ясно “зарницу меж бровями туч” Вахха (“Эрос” Вяч. Иванова), ясно различаю перламутры крыльев (Врубель – “Демон”, “Царевна-Лебедь”) или слышу шелест шелков (“Незнакомка”). Но все – призрак.

При таком положении дела и возникают вопросы о проклятии искусства, о “возвращении к жизни”, об “общественном служении”, о церкви, о “народе и интеллигенции”. Это – совершенно естественное явление, конечно, лежащее в пределах символизма, ибо это – искание утраченного золотого меча, который вновь пронзит хаос, организует и усмирит бушующие лиловые миры.

Ценность этих исканий состоит в том, что они-то и обнаруживают с очевидностью *объективность и реальность* “тех миров”; здесь утверждается положительно, что все миры, которые мы посещали, и все события, в них происходившие, вовсе не суть “наши представления”, то есть что “теза” и “антитеза” имеют далеко не одно личное значение. Так, например, в период этих исканий оценивается по существу *русская революция*, то есть она перестает восприниматься как *полуреальность*, и все ее исторические, экономические и т.п. частичные причины получают свою высшую санкцию; в противовес суждению вульгарной критики о том, будто “нас захватила революция”, мы противопоставляем обратное суждение: революция совершалась не только в этом, но и в иных мирах; она и была одним из проявлений помрачения золота и торжества лилового сумрака, то есть тех событий, свидетелями которых мы были в наших собственных душах. Как сорвалось что-то в нас, так сорвалось оно и в России. Как перед народной душой встал ею же созданный синий призрак, так встал он и перед нами. И сама Россия в лучах этой новой (вовсе не некрасовской, но лишь традицией связанной с Некрасовым) гражданственности оказалась нашей собственной душой.

В данный момент положение событий таково: мятеж лиловых миров стихает. Скрипки, хвалившие призрак, обнаруживают, наконец, свою истинную природу: они умеют разве громко рыдать, рыдать помимо воли пославшего их; но громкий, торжественный визг их, превращаясь сначала в рыдание (это в полях тоскует мировая душа) почти вовсе стихает. Лишь где-то за горизонтом слышны теперь заглушенные тоскливые ноты. Лиловый сумрак рассеивается; открывается пустая равнина – душа, опустошенная пиром. Пустая, далекая равнина, а над нею – последнее предостережение – хвостатая звезда. И в разреженном воздухе горький запах миндаля (несколько иначе об этом – см. моя пьеса “Песня Судьбы”).

Реальность, описанная мною, – единственная, которая для меня дает смысл жизни, миру и искусству. Либо существуют те миры, либо нет. Для тех, кто скажет “нет”, мы остаемся просто “так себе декадентами”, сочинителями невиданных ощущений, а о смерти говорим теперь только потому, что устали.

За себя лично я могу сказать, что у меня, если и была когда-нибудь, то окончательно пропала охота убеждать кого-либо в существовании того, что находится дальше и выше меня самого; осмелюсь прибавить кстати, что я по-

корнейше просил бы не тратить времени на непонимание моих стихов почтенную критику и публику, ибо стихи мои суть только подробное и последовательное описание того, о чем я говорю в этой статье, и желающих ознакомиться с описанными переживаниями ближе я могу отослать только к ним.

Если “да”, то есть если эти миры существуют, а все описанное мной могло произойти и произошло (а я не могу этого не знать), то было бы странно видеть нас в ином состоянии, чем мы теперь находимся; нам предлагают: пой, веселись и призывай к жизни, – а у нас лица обожжены и обезображены лиловым сумраком. Тем, кто величает нас “апостолами сна и смерти”, позволительно задать вопрос: где были они в эпоху “тезы” и “антитезы”? Или они еще тогда не родились и просто ни о чем не подозревают? Имели они *эти* видения или нет, то есть символисты они или нет?

Символистом можно только родиться; отсюда все то внешнее и вульгарное мракобесие, которому предаются так называемые “реалисты”, из всех сил старающиеся стать символистами. Старания эти настолько же понятны, насколько жалки. Солнце наивного реализма закатилось; осмыслить что бы то ни было вне символизма нельзя. Оттого писатели даже с большими талантами не могут ничего поделывать с искусством, если они не крещены “огнем и духом” символизма. Предаваться головоломным выдумкам – еще не значит быть художником, но быть художником – значит выдерживать ветер из миров искусства, совершенно не похожих на этот мир, только страшно влияющих на него; в тех мирах нет причин и следствий, времени и пространства, плотского и бесплотного, и мирам этим нет числа: Врубель видел сорок разных голов Демона, а в действительности их не шесть.

Искусство есть Ад. Недаром В. Брюсов завещал художнику: “Как Данте, подземное пламя должно тебе щеки обжечь”. По бесцетным кругам Ада может пройти, не погибнув, только тот, у кого есть спутник, учитель и руководительная мечта о Той, которая поведет туда, куда не смеет войти и учитель.

Что же произошло с нами в период “антитезы”? Отчего померк золотой меч, хлынули и смешались с этим миром лилово-синие миры, произведя хаос, соделав из жизни искусство, выслав синий призрак из недр своих и опустошив им душу?

Произошло вот что: были “пророками”, пожелали стать “поэтами”. На строгом языке моего учителя Вл. Соловьева это называется так:

Восторг души – расчетливым обманом,
И речью рабскою – живой язык богов,
Святыню Муз шумящим балаганом
Он заменил и обманул глупцов.

Да, все это так. Мы вступили в обманные заговоры с услужливыми двойниками; мы силою рабских дерзновений превратили мир в Балаган; мы произнесли клятвы демонам – не прекрасные, но только красивые (а ведь всего красивее в мире – рабы, те, кто отдается, а не берет), и, наконец, мы *обманули глупцов*, ибо наша “литературная известность” (которой грош цена) посетила нас именно тогда, когда мы изменили “Святыне Муз”, когда

поверили в созданный нами призрак “антитезы” больше, чем в реальную данность “тезы”.

Поправимо или непоправимо то, что произошло с нами? К этому вопросу, в сущности, и сводится вопрос: “Быть или не быть русскому символизму?”

Простой пессимизм, или простой оптимизм, или даже исповедь – все это будет только уклонением от поставленного вопроса. Наш грех (и личный, и коллективный) слишком велик. Именно из того положения, в котором мы сейчас находимся, есть немало ужасных исходов. Так или иначе, лиловые миры захлестнули и Лермонтова, который бросился под пистолет своею волей, и Гоголя, который сжег себя самого, барахтаясь в лапах паука; еще выразительнее то, что произошло на наших глазах: безумие Врубеля, гибель Коммиссаржевской; недаром так бывает с художниками сплошь и рядом, – ибо искусство есть чудовищный и блистательный Ад. Из мрака этого Ада выводит художник свои образы; так Леонардо заранее готовится черным фон, чтобы на нем выступали очерки Демонов и Мадонн; так Рембрандт выводит свои сны из черно-красных теней, а Каррьер – из серой сетчатой мглы. Так Андрей Белый бросает в начале своей гениальной повести (“Серебряный голубь”) вопрос: “А небо? А бледный воздух его, сперва бледный, а коли приглядеться, вовсе *черный* воздух?.. Ей, не бойся, не в воздухе ты...”

Но именно в черном воздухе Ада находится художник, прозревающий иные миры. И когда гаснет золотой меч, протянутый прямо в сердце ему чьей-то Незримой Рукой – сквозь все многоцветные небеса и глухие воздуха миров иных, – тогда происходит смешение миров, и в глухую полночь искусства художник сходит с ума и гибнет.

Но в *тезе*, где дано уже предчувствие сумрака антитезы, дан прежде всего золотой меч:

Предчувствую Тебя. Года проходят мимо.
Все в облике одном предчувствую Тебя.
Весь горизонт в огне и ясен нестерпимо.
И молча жду, – тоскуя и любя.
Весь горизонт в огне, и близко появленье.
Но страшно мне: изменишь облик Ты... и т.д.
(“Стихи о Прекрасной Даме”)

Мы пережили безумие иных миров, преждевременно потребовав чуда; то же произошло ведь и с народной душой: она прежде срока потребовала чуда, и ее испепелили лиловые миры революции. Но есть неистребимое в душе – там, где она младенец. В одном месте панихиды о младенцах дьякон перестает просить, но говорит просто: “Ты дал *неложное обетование*, что *блаженные младенцы* будут в Царствии Твоём”.

В первой юности нам было дано неложное обетование. О народной душе и о нашей, вместе с нею испепеленной, надо сказать простым и мужественным голосом: “Да воскреснет”. Может быть, мы сами и погибнем, но останется заря той *первой* любви.

Все мы как бы возведены были на высокую гору, откуда предстали нам царства мира в небывалом сиянии лилового заката; мы отдавались закату, красивые, как царицы, но не прекрасные, как цари, и бежали от подвига. Оттого так легко было броситься вслед за нами непосвященным; оттого заподозрен символизм.

Мы растворили в мире “жемчужину любви”. Но Клеопатра была Βασίλις Βασιλέων* лишь до того часа, когда страсть заставила ее положить на грудь змею. Или гибель в покорности, или подвиг мужественности. Золотой меч был дан для того, чтобы разить.

Подвиг мужественности должен начаться с *послушания*. Сойдя с высокой горы, мы должны уподобиться арестанту Рэдингской тюрьмы:

Я никогда не знал, что может
Так пристальным быть взор,
Впиваясь в узкую полосу,
В тот голубой узор,
Что, узники, зовем мы небом
И в чем наш весь простор.

Впиваясь взором в высоту, найдем ли мы в этом пустом небе след некогда померкшего золота? Или нам суждена та гибель, о которой иногда со страхом мечтали художники? Это – гибель от “играющего случая”: кажется, пройдены все пути и замолены все грехи, когда в неожиданный час, в глухом переулке, с неизвестного дома срывается прямо на голову тяжелый кирпич. Этой лирикой случая жил Лермонтов:

Скакун на волю господина
Из битвы вынес, как стрела,
Но злая пуля осетина
Его во мраке догнала.

Мой вывод таков: путь к подвигу, которого требует наше служение, есть – прежде всего – ученичество, самоуглубление, пристальность взгляда и духовная диета. Должно учиться вновь у мира и у того младенца, который живет еще в сожженной душе.

Художник должен быть трепетным в самой дерзости, зная, чего стоит смешение искусства с жизнью, и оставаясь в жизни простым человеком. Мы обязаны, в качестве художников, ясно созерцать все священные разговоры (“*santa conversazione*”) и свержение Антихриста, как Беллини и Беато. Нам должно быть памятно и дорого паломничество Синьорелли, который, придя на склоне лет в чужое скалистое Орвьето, смиренно попросил у граждан позволить ему расписать новую капеллу.

---

* Царица Царей (греч.). – Ред.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ РАЗГОВОР

Казалось бы, с развитием общественного мнения и литературного спроса, после революции, должна наконец появиться и у нас в России золотая литературная середина. На Западе повсюду существуют целые армии журналистов, беллетристов, критиков, умеющих готовить здоровые и удобоваримые “домашние обеды”. Пусть это не ново и не гениально, – но знание и приличный стиль там налицо.

У нас таких “кухарок за повара” положительно не видеть. Как аукнется, так и откликнется. Революция наша простерла фантастическое зарево – и зарево оказалось миражом. На фоне миража, сделавшего всю жизнь, снизу доверху, на годы и годы, фантастической, встали соответствующие фантастические призраки. В литературе – это были какие-то “серые сотни” – “литераторы” (в отличие от писателей), “безбытные” и беспочвенные, безыдейные либо идейничающие, бездарные и гениальничающие, без стиля, без языка, без традиций прошлого, без планов на будущее. В пору революции для них нашлись соответствующие уличные печатные органы, где они очень “не солоно” остроумничали; теперь, когда сплыла газетная и журнальная пена, им пришлось “не солоно похлевать”; они оказались “безработными” в буквальном смысле слова, и лишь немногие из них с трудом ютятся теперь около литературы, предпочитая насущный хлеб – золотым снам.

Числа им нет. По числу их ровно столько, чтобы образовать хороший фон, литературную среду, хорошую “золотую середину”. По качеству – они создают только литературную суматоху, сеют смуту, громоздят одно невежество на другое. Исключение составляют только единицы, которых, впрочем, немедленно избирают в академики. Тем, кто сам держится в пределах литературного стиля и литературной скромности, российская академия быстро приходит на помощь, нарушая всякий стиль поспешным и безграмотным увенчанием того, кому венок осенних роз пристал более, чем шумные общественные лавры.

Я говорю, разумеется, об И.А. Бунине. Этот образованный, спокойный, умный и тонкий поэт очень уж не вяжется с академией; закапает она чернилами его чуткую русскую душу. Однако у нас делается так сплошь и рядом: кто не нарушает стиля “снизу”, над тем, рано или поздно, производят операцию “сверху”. Некоторым нравится называть такое положение – положением “между молотом и наковальней”; к чему такая торжественность? Не проще ли: и снизу, и сверху, и со всех сторон – болотные хляби, а желающий остаться невредимым сидит среди этих хлябей на волнующейся кочке и только и думает, как бы ему самому не расхлябаться. “Тяжкий млат” надробил “стекла” слишком достаточно, а булата и по сю пору не сковал.

Все эти посторонние рассуждения веду я потому, что каждая партия новых книг, поступающих с книжного рынка, и до сих пор приводит в главной своей части только в недоумение. И сейчас лежит передо мной такая партия; но можно ли говорить о “третьих томах” Скитальцев или Ратгаузов, когда

они не составляют ни правой, ни левой, ни середины? Право, это было бы излишней роскошью.

Хотелось бы говорить с почтением о поэте, создателе нескольких прекрасных стихотворений, К.М. Фофанове; но откроем его новую книжку “После Голгофы” и пропадает охота. Зачем так безбожно неряшливо относиться к русскому языку, произносятся слова “слышно” и “стерта” с ударениями на последнем слоге? Это истинно по-интеллигентски: написать шесть книг стихов и под конец на каждую посадить досадную кляксу: то пошлость, вроде незабвенных “дачки” и “балкончика”, то просто непростительную орфографическую ошибку “для размера”. Такова, видно, новременская культура. Соседство с М. Ивановыми, Кравченками и Вильде даром не проходит.

Есть у нас, кроме не выгнцовывающейся “золотой середины”, еще один род литературы, постепенно делающийся периодическим. Это, собственно, не литература, а “человеческие документы”. Когда воздуха не хватает, отдельные люди и целые группы людей начинают задыхаться и кричать; так точно кричат все громче и настойчивей теперь и русские люди; но пока это крик лишь тысяч, а миллионы безмолвствуют (или – нет?). Каюсь в своем маловерии: я все еще не умею понять, кричит ли это вся “больная Россия” (и этой ли России посвящена последняя книга Мережковского?), или это отдельные вопли тех, кому “мать молока не дала”? – Вот и среди последних “новинок” есть две очень острые книги таких “русских в пленниках”: “Записки Анны” Надежды Санжарь и “Говор зорь” Пимена Карпова. Есть ли в действительности такие имена, или это целая часть большого человечества, требующая врача, которого мы еще не в силах ей предложить, – водила слабыми перьями своих представителей? Во всяком случае, в этих книгах есть не одни чернила, но и кровь; кровь, будто запекающаяся между отдельными страницами; и не словами фельетона надо отвечать на эти кровавые и мучительные слова. Книги в лучшей своей части косноязычны, но ведь и настоящие мученики чаще косноязычны, чем красноречивы.

Итак, с одной стороны – безотрадный серый фон; та ткань, которая должна быть окрашена в нежные цвета литературных традиций, – она состоит из дряблой осенней паутины, которую сметет первый снег; расшивать бы да и расшивать ее яркими шелками, – да игла проходит насквозь, и рука швеи оказывается праздною. Какой угодно свободы хотели бы мы от художника, но почему в русской литературе так легко заподозрить всякую личную художественную свободу? Почему самые талантливые слова или пропадают бесследно, застревают в углах какой-то “бани с пауками по углам”, – или же становятся лозунгами, которые немедленно обращают в свою пользу литературные приживальщики?

Недавно вышла, например, новая книга Бальмонта – “Морское свечение”. В сущности, это вовсе не книга в том смысле, как в России принято понимать “книгу”. По видимости это сборник статей; по крайней мере под одной обложкой содержится пятнадцать разных заглавий; но, в сущности, это просто богатый пестрый ковер, расшитый нежнейшими шелками, и никаких перерывов в узоре нет; только в одном месте шелка потемнее, в другом по-

светлее, в одном месте вышит причудливый завиток, в другом – не всегда приятная прямая. Здесь – образы, мысли, наблюдения, переживания, отрывки из записных книжек, какие-то в полудремоте рассказанные сказки; все пестро, один узор незаметно переходит в другой. Мечта же и душа ткача и молодая, и богатая, и певучая. Благодарить его за сноп цветов полевых и тепличных, за его “малые зерны” и “рдяные звезды”, за его книгу, написанную обо всем и ни о чем?

Кажется, ясно – благодарить; но есть какая-то заминка: по какому фону расшиты эти пестрые узоры? Да ни по какому, фона и нет, фон – грязная, пыльная и засохшая паутина; потому – только две судьбы могут ждать эту книгу: или окажется узор разрисованным по пустому небу, – придет вечер, померкнет и узор; или бросятся на сноп этих цветов мелкие паучишки, заснувшие было на зиму, растащат по стебельку, рассосут все живые соки, и останутся сухие стебли, голые “лозунги”, например: “*Мир волшебен! Ты свободен! Дерзай!*”. И эти свобода, волшебство и дерзновение пойдут на выпуск альманахов: “Женщина”, “Грех” и “Христос”.

Безумная русская литература – когда же наконец станет тем, чем только и может быть литература – *служением*? Пока нет у литератора элементарных представлений о действительном значении ценностей – мира и человека, – до тех пор, кажется, никакие свободы нам не ко двору, все раздрается на клочья, ползет по всем швам; до тех пор как-то болезненно принимает душа всякую пестрядь, хотя бы и пышную; требуется только тихое, молчаливое, пусть сначала одинокое – “во Имя”.

**ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО МЕРЕЖКОВСКОМУ
ПО ПОВОДУ ЕГО СТАТЬИ «РЕЛИГИЯ И БАЛАГАН»,
НАПЕЧАТАННОЙ В «РУССКОМ СЛОВЕ»
14 СЕНТ(ЯБРЯ)**

В своем фельетоне “Религия и балаган”, посвященном критике статей Вяч.И. Иванова и моей о символизме, Д.С. Мережковский, между прочим, уличал нас в сатанинской гордости и цитировал мою фразу: “Как Россия...”

Ужасно презрительное и предвзятое отношение к делу. Впрочем, Мережковский не виноват в том, что его личная тема мешает ему отнестись сколько-нибудь внимательно к чьей бы то ни было чужой теме; виноват он только в том, что почел необходимым обругать то, до чего ему не было никакого дела: символическую школу поэзии (к которой сам он, однако, принадлежит); да и в этом он, пожалуй, не виноват, потому что в тяжелых условиях русской культуры лежит, по-видимому, до сих пор эта непримиримая вражда современников между собою; всякий только смотрит и ищет, как бы ему кого-ни-

будь обругать, притом, – чем ближе человек, тем язвительней и беспощадней. Кто знает, может быть, в те времена, когда взаимные отношения людей в России станут, что называется, вполне культурными, кто-нибудь вспомнит старое и вздохнет о нем, как о золотом детстве.

Я совсем не хочу спорить с Мережковским, но начал с него потому, что многие вслед за ним, пожалуй, считают гордым и самоуверенным утверждение: “как Россия, так и мы”.

На самом же деле, что особенно самоуверенного в том, что писатель, верующий в свое призвание, каких бы размеров этот писатель ни был, сопоставляет себя со своей родиной, полагая, что болеет ее болезнями, страдает ее страданиями, сораспинается с нею, и в те минуты, когда ее измученное тело хоть на минуту перестают пытаться, чувствует себя отдыхающим вместе с нею?

Чем больше чувствуешь связь с родиной, тем реальнее и охотней представляешь ее себе, как живой организм; мы имеем на это право, потому что мы, писатели, должны смотреть жизни как можно пристальнее в глаза; мы не ученые, мы другими методами, чем они, систематизируем явления и не призваны их схематизировать. Мы также не государственные люди и свободны от тягостной обязанности накидывать крепкую стальную сеть юридических схем на разгоряченного и рвущегося из правовых пут зверя. Мы люди, люди по преимуществу, и значит – прежде всего обязаны уловить дыхание жизни, то есть увидеть лицо и тело, почувствовать, как живет и дышит то существо, которого присутствие мы слышим около себя.

Родина – это огромное, родное, дышащее существо, подобное человеку, но бесконечно более уютное, ласковое, беспомощное, чем отдельный человек; человек – маленькая монада, состоящая из веселых стальных мышц телесных и душевных, сам себе хозяин в этом мире, когда здоров и здрав, пойдет, куда захочет, и сделает, что пожелает, ни перед кем, кроме Бога и себя, не отвечает он за свои поступки. Так пел человека еще Софокл, таков он всегда, вечно юный.

Родина – древнее, бесконечно древнее существо, большое, потому неповоротливое, и самому ему не счесть никогда своих сил, своих мышц, своих возможностей, так они рассеяны по матушке-земле. Родине суждено быть некогда покинутой, как матери, когда сын ее, человек, вырастет до звезд и найдет себе невесту. Эту обреченность на покинутость мы всегда видим в больших материнских глазах родины, всегда печальных, даже тогда, когда она отдыхает и тихо радуется. Не родина оставит человека, а человек родину. Мы еще дети и не знаем сроков, только читаем их по звездам; но, однако, читаем уже, что близко время, когда границы сотрутся и родиной станет вся земля, а потом и не одна земля, а бесконечная вселенная, только мало крыльев из полотна и стали, некогда крылья Духа понесут нас в объятия Вечности. Время близко, потому что мы читаем о нем в звездах, но оно бесконечно далеко для нашего младенческого духа, так далеко, как звезды от авиатора, берущего мировой рекорд высоты. И земная родина еще поит нас и кормит у груди, мы ей обязаны нашими силами и вдохновениями и радостями.

Родина подобна своему сыну – человеку. Когда она здорова и отдыхает, все ее тело становится таким же чувствительным, как здоровое человеческое тело; нет ни одного пункта, подверженного анестезии, все дышит, видит, на каждый удар или укол она поднимает гневную голову, под каждой лаской становится нежной и страстной. Органы чувств ее многообразны, диапазон их очень велик. Кто же играет роль органов чувств этого подобного и милого нам существа?

Роль этих органов играют, должны играть все люди. Мы же, писатели, свободные от всех обязанностей, кроме человеческих, должны играть роль тончайших и главнейших органов ее чувств. Мы – не слепые ее инстинкты, но ее сердечные боли, ее думы и мысли, ее волевые импульсы.

Так ли это на самом деле есть, как должно быть?

Я думаю, что это как было прежде, так и есть теперь. Если и есть неблагополучие в этом вопросе, то неблагополучие поправимое. Ничто не погибло, все поправимо, потому что не погибла она и не погибли мы.

Неблагополучие было в том, что мы были слишком слабы, чтобы руководить тяжело страдающим существом, и во всем уподобились ему. Но поистине нечеловеческие силы надо было иметь, чтобы руководить существом, каким была вздернутая на дыбы, разгневанная и рвущая путы Россия начала нашего века.

Многие недоумевали и негодовали на мое описание “лиловых туманов” и были, пожалуй, правы, потому что это самое можно было сказать по-другому и проще. Тогда я не хотел говорить иначе, потому что не видел впереди ничего, кроме вопроса – “гибель или нет”, и самому себе не хотел уяснять. Когда чувствуешь присутствие нездешнего существа, но знаешь, что все равно не сумеешь понять, кто оно и откуда, – не надо разоблачать его лица.

Россия была больна, и безумна, и мы, ее мысли и чувства, вместе с нею. Была минута, когда все чувства нашей родины превратились в сплошной, безобразный крик, похожий на крик умирающего от мучительной болезни. Тело местами не чувствует уже ничего, местами – разрывается от боли, и все это многообразие выражается однообразным, ужасным криком. Этим криком был одно время Л. Андреев, но, к сожалению, он продолжал кричать тогда, когда уже ничто вокруг не кричало, он стал пародией своей собственной, некогда подлинной муки, являя неумный и смешной образ барабанщика, который, сам себя оглушая, продолжает барабанить, когда оркестр, которому он вторил, замолк.

РЫЦАРЬ-МОНАХ

Одно воспоминание для меня неизгладимо. Лет двенадцать назад, в бесцветный петербургский день, я провожал гроб умершей. Передо мной шел большого роста худой человек в старенькой шубе, с непокрытой головой. Перепархивал редкий снег, но все было одноцветно и белесовато, как быва-

ет только в Петербурге, а снег можно было видеть только на фоне идущей впереди фигуры; на буром воротнике шубы лежали длинные серо-стальные пряди волос. Фигура казалась силуэтом, до того она была жутко непохожа на окружающее. Рядом со мной генерал сказал соседке: “Знаете, кто эта дубина? – Владимир Соловьев”. Действительно, шествие этого человека казалось диким среди кучки обыкновенных людей, трусивших за колесницей. Через несколько минут я поднял глаза: человека уже не было; он исчез как-то незаметно — и шествие превратилось в обыкновенную похоронную процессию.

Ни до, ни после этого дня я не видал Вл. Соловьева; но через все, что я о нем читал и слышал впоследствии, и над всем, что испытал в связи с ним, проходило это странное видение. Во взгляде Соловьева, который он случайно остановил на мне в тот день, была бездонная синева: полная отрешенность и готовность совершить последний шаг; то был уже чистый дух: точно не живой человек, а изображение: очерк, символ, чертеж. Одинокий странник шествовал по улице города призраков в час петербургского дня, похожий на все остальные петербургские часы и дни. Он медленно ступал за неизвестным гробом в неизвестную даль, не ведая пространств и времен.

В то время около Соловьева шумела уже настоящая слава, не только русская, но и европейская. Слава долетала до Петербурга, как всегда, в виде волны грязных лакейских сплетен и какой-то особой ненависти. В то время в некоторых кругах имени Соловьева не могли слышать равнодушно; то был синоним опасного и вредного чудака. Когда спустя некоторое время он пророчествовал о панмонголизме в зале городской Думы, один известный мистик счел остроумным упасть со стула. Впрочем, и это было еще безобидным глумлением рядом с той ненавистью, с которой среднее петербургское общество как бы выпирало его из жизни, окончательно возмущившись неприличием его поведения. Он же проходил тогда уже в очевидном для зрячих *ином* образе, врезаясь в сердца своим острым, четким, нечеловеческим силуэтом. В это последнее трехлетие своей земной жизни он, кажется, определенно знал про себя положенные ему сроки; к внешнему обаянию и блеску прибавилось нечто, что его озаряло и стерегло. Исполнялся древний закон, по которому мудрая, хотя бы и обессиленная падениями и изменами жизнь, — старости возвращает юность. Издали светящаяся точка этой юности, как ἀνάμνησις*, как воспоминание о стране, из которой прибыл, которую забывал в пустыне жизни, — знаменует близость смыкания круга, близость конца, но не гибели, успения, но не смерти. Зрелые, деловые люди уважают смерть и готовы выразить свое сожаление о гибели; но успение и конец ненавистны им, потому что они освещают всю жизнь иным светом, в котором земные дела становятся подозрительны. Многие готовы сто раз твердить одно и то же о гениальности “Войны и мира”, только бы замолчать успение и конец самого Толстого.

Ничего нового в этом, конечно, нет. Возражают на это, обыкновенно, что нельзя заподозривать какие бы то ни было дела, когда дел вообще слыш-

---

* Воспоминание (др.-греч.). – Ред.

ком мало. Это – возражение от слабости, но не от силы. Вл. Соловьев поистине делал великие дела в то время, когда казался деловым людям бездельником. Это и вызывало ненависть. Ненависть, как всегда, вызывала поклонение. За шумом ненависти и поклонения не слышны были другие голоса, той и другому одинаково чуждые. Тогда шумно низвергали живого Соловьева и шумно идолопоклонствовали перед живым. Прошло десять лет, и обозначился новый век. Неужели и сегодня мы будем идолопоклонствовать перед усопшим, шумно забывая то, что стояло за ним?

Есть жуткое в юбилейных днях. Здесь легко торжествовать пошлости, имя которой – только *забвение*. Слишком соблазнительно сияние юбилейного савана, под которым спит многими любимый, многим современный человек; и слишком приятны те картины его жизни и деятельности, которые сменяются перед нами поочередно, как бы на экране волшебного фонаря. Это – как бы флаги, маленькие знамена, на которые всякому нравится поглядеть в обычный воскресный день, в день забвения, размена великого на малое. На флагах написано: “Мы счастливы тем, что у нас был великий человек. Нам жаль, что его унесло беспощадное время”. А сверху, над временем, празднично веет и шелестит незримое знамя с непонятной надписью. Все скажут: это – ночное небо, и на нем – “обыкновенные звезды”.

Особенно блестящ и разносторонен образ покойного Вл.С. Соловьева. Оттого особенно ярки картины на экране волшебного фонаря. Но некоторые из нас сегодня устают и прячутся от юбилейного света. Они ревниво скрывают, даже друг от друга, что-то свое. Слова наши звучат в разреженном воздухе, они похожи на стук молотка по крышке пустого гроба; почему так? отверните край савана, поднимите крышку, в гробу никого нет – могила пуста.

Мы не найдем в этом гробу останков деятеля и человека, одинаково блестящего и дорогого для всех. Теперь, как десять лет назад, все признают большой талант, но многие останутся в недоумении перед какой-нибудь стороной его деятельности. – Известная философская школа подвергнет сомнению систему мистической философии Вл. Соловьева по отсутствию в ней законченной теории познания. – Ни один стан публицистов не примет Соловьева без оговорок уже по тому одному, что Соловьев утверждал “священную войну” во имя “священной любви”; одни из нас хотя и признают войну, но отнюдь не священную, а государственную – во имя политической розни; другие хотя и исповедуют любовь, но также не священную, а гуманную, отрицающую всякую войну в принципе. – Вл. Соловьев – критик? Он не заметил Ницше, он односторонне оценил Пушкина и Лермонтова. – Вл. Соловьев – поэт? И здесь приходится уделить ему небольшое место, если смотреть на него как на “чистого” художника. – Остается Вл. Соловьев – человек. Тут – непомерное разнообразие картин; воспоминания и анекдоты до сих пор не сходят со страниц журналов. Какой же вывод можно сделать из этих противоречивых анекдотов о “странных” поступках и словах, особенно – о “странном”, а для некоторых – страшном, хохоте, который все вспоминают особенно охотно? Один вывод: Вл. Соловьев был очень симпатичный и оригинальный человек, одна-

ко с большими странностями, не совсем приятными, а иногда и неприличными; но так как все друзья его были тоже очень милые люди, – то они прощали этому романтическому чудаку его дикие выходки.

Я сделал выбор из худшего, что говорят и думают о Вл. Соловьеве. Образ крупного мыслителя и блестящего человека от этого не померкнет. Я хочу только показать, что у Соловьева – философа, публициста, критика, поэта и человека всегда были и будут и враги, и поклонники, то есть единодушного признания за ним этих качеств в полной мере – не было и не будет. Значит, празднование его земной памяти всегда легко может обратиться в обыкновенный юбилей, то есть в день забвения. Когда же пройдут еще десятилетия и над горизонтом философии и науки взойдут новые звезды, – “Вл. Соловьев” утратит свою жизненную ценность и станет архивным материалом для диссертаций историков философии. Так, по всей вероятности, думают многие; но если мы разорвем юбилейный саван и потушим юбилейный свет, – мы увидим иное.

Вл. Соловьев все еще двоятся перед нами. Он сам был раздвоен в свое время – этого требовало его служение. С первого шага он жестоко скомпрометировал себя перед своим веком; век прощает все грехи вплоть до греха против Духа Святого, – он никому не прощает одного: измены духу времени. Вл. Соловьев слишком хорошо знал это ласковое чудовище – льстивое и страшное время. Он воспитал в себе две силы, два качества, необходимые для того, чтобы нападать на врага разом, с двух сторон. Один Соловьев – здешний – разил врага его же оружием: он научился *забывать* время; он только умирал его, набрасывая на косматую шерсть чудовища легкую серебристую фату смеха; вот почему этот смех был иногда и странен и страшен. Если бы существовал только этот Вл. Соловьев, – мы отдали бы холодную дань уважения метафизическому маккиавелизму – и только; но мы хотим помнить, что этот был лишь умным слугою другого. Другой – нездешний – не презирал и не умирал. Это был “честный воин Христов”. Он занес над врагом золотой меч. Все мы видели сияние, но забыли или приняли его за другое. Мы имели “слишком человеческое” право недоумевать перед двоящимся Вл. Соловьевым, не ведая, что тот добрый человек, который писал умные книги и хохотал, был в тайном союзе с другим, занесшим золотой меч над временем.

Забудем на минуту глубокого философа, замечательного критика и публициста, благодарного ученика фетовской поэзии и странного человека. Мы должны вспомнить сегодня Того, к кому не идут ни юбилеи, ни ученые заслуги, ни анекдоты. Для этого необходимо устранить двойственность, забыть здешнего Соловьева, погасить огни, которыми ярко блистал его ум, и оборвать цветы, которыми нежно цвела его душа. Все живое – пусть разместится по-новому – под лучами иного, незаемного света. Ведь волшебный фонарь жизни действительно потушен смертью и временем.

Смерть и время царят на земле,
Ты владыками их не зови.
Все, кружась, исчезает во мгле,
Неподвижно лишь солнце любви.

Пока на юбилейном экране не пестреет больше богатая жизнь, – мы можем видеть встающий из тьмы новый, ничем не заслоненный образ. Здесь бледным светом мерцает панцирь, круг щита и лезвие меча под складками черной рясы. Тот же взгляд, углубленный мыслью, твердо устремленный вперед. Те же стальные волосы и худоба, которой не может скрыть одежда. Новый образ смутно напоминает тот, живой и блестящий, с которым мы расстались недавно. Здесь те же атрибуты, но все расположилось иначе; все преобразилось, стало иным, *неподвижным*; перед нами уже не здешний Соловьев. Это – *рыцарь-монах*.

Что такое огромный книжный труд Соловьева на этой картине? Только щит и меч – в руках рыцаря, добрые дела – в жи ни монаха. Что щит и меч, добрые дела и земная диалектика для того, кто “сгорел душою”? Только *средство*: для рыцаря – бороться с драконом, для монаха – с хаосом, для философа – с безумием и изменчивостью жизни. Это – одно земное дело: дело освобождения пленной Царевны, Мировой Души, страстно тоскующей в объятиях Хаоса и пребывающей в тайном союзе с “космическим умом”. Весь земной романтизм, странное чудачество – только благоуханный цветок на этой картине. “Бедный рыцарь” от избытка земной влюбленности кладет его к ногам плененной Царевны.

Этот новый образ и есть невятно шелестящее знамя, чью надпись нам не прочесть в воскресный, пестрящий флагами день. Простая надпись свидетельствует нам, что образ – не мечта, а действительность. Рыцарь-монах имел действительные видения.

Если мы прочтем внимательно поэму Вл. Соловьева “Три свидания”, откинув шуточный тон и намеренную небрежность формы, вызванные условиями века и окружающей среды, откинув их так же, как откинули всю земную “прелесть” Вл. Соловьева, – мы встанем лицом к лицу с непреложным свидетельством. Здесь описано с хронологической и географической точностью “самое значительное из того, что случилось с Соловьевым в жизни”. Поэма, напечатанная в томике стихов, изданном со всем демократизмом современности, ничем не отличается, по существу, от надписей прошедших столетий; сначала по латыни, потом – на национальных языках, они свидетельствуют торжественно и кратко обо всем, что было истинно ценного в жизни мира. Их можно встретить на алтарях, на храмах, на знаменах, на мавзолеях, даже – на камнях в поле.

Я вспоминаю сейчас одну надпись – на гробнице среди базилики св. Аполлинария в окрестностях Равенны; эта надпись гласит: “Sanctus Romualdus Ravennus ad altare hoc noctu orans beato martyre Apollinare bis viso ad sacru(m) ordine(m) monasticum vocatus est anno DCCCCXXVII” – “Святой Ромуальд, уроженец Равенны, молившийся ночью у этого алтаря и дважды видевший блаженного мученика Аполлинария, был призван в святой монашеский орден в 927 году”.

Поэма Вл. Соловьева, обращенная от его лица непосредственно к Той, Которую он здесь называет Вечной Подругой, гласит: “Я, Владимир Соловьев, уроженец Москвы, призывал Тебя и видел Тебя трижды: в Москве

в 1862 году, за воскресной обедней, будучи девятилетним мальчиком; в Лондоне, в Британском музее, осенью 1875 года, будучи магистром филологии и доцентом Московского университета; в пустыне близ Каира, в начале 1876 года:

Еще невольник суетному миру,
Под грубою корою вещества
Так я прозрел нетленную порфиру
И ощутил сиянье Божества”.

Вот какую надпись читаем мы над изображением рыцаря-монаха. Подобно средневековым надписям, она служит не истолкованием, но утверждением всей картины: мало одного чертежа – нужно еще закрепляющее слово; и слово произнесено. Поэма, написанная в конце жизни, указывает, где начинается жизнь; отныне, приступая к изучению творений Соловьева, мы должны не подниматься к ней, а обратно: исходить из нее; только в свете этого образа, ставшего ясным после того, как второй, производный, погашен смертью, – можно понять сущность учения и личности Вл. Соловьева. Этот образ дан самой жизнью, он – не аллегория ни в каком смысле; пусть будет он предметом научного исследования, самое существо его неразложимо; он излучает невещественный золотой свет. Золотом и киноварью писались слова, исходящие из уст Гавриила: “Ave, gratiae plena”*. В периодической системе элементов – этот основной, простейший элемент должен быть отмечен золотом и киноварью.

Современники Вл. Соловьева утратили секрет понимания простейшего. Девятнадцатый век отличался необыкновенной скрытностью: подвергая своих сынов уравнению, загромождая их умы производным и заставляя их забывать о сущем, этот хитрый век выкинул на улицу лозунги позитивизма и натурализма, а сам, в тишине философских и ученых келий, готовил то, свидетелями и участниками чего суждено быть нам. Глаза многих уже раскрываются. Как Соловьев открыл истинное лицо “отца позитивизма”, определив идею человечества, как Св. Софии Премудрости Божией – у О. Конта, так мы уже не можем не видеть истинного лица “отца натурализма” – Э. Зола. У нас за плечами – великие тени Толстого и Ницше, Вагнера и Достоевского. Все изменяется; мы стоим перед лицом нового и всемирного. Недаром в промежутке от смерти Вл. Соловьева до сегодняшнего дня мы пережили то, что другим удастся пережить в сто лет; недаром мы видели, как в громах и молниях стихий земных и подземных новый век бросал в землю свои семена; в этом грозном свете нам промечтались и умудрили нас поздней мудростью – все века. Те из нас, кого не смыла и не искалечила страшная волна истекшего десятилетия, с полным правом и с ясной надеждой ждут нового света от нового века.

Лучшее, что мы можем сделать в честь и память Вл. Соловьева, – это радостно вспомнить, что сущность мира – от века вневременна и внепростран-

---

* Радуйся, благодатная (лат.). – Ред.

ственна; что можно родиться второй раз и сбросить с себя цепи и пыль. Пожелаем друг другу, чтобы каждый из нас был верен древнему мифу о Персее и Андромеде; все мы, насколько хватит сил, должны принять участие в освобождении плененной Хаосом Царевны – Мировой и своей души. Наши души – причастны Мировой. Сегодня – многие из нас пребывают в усталости и самоубийственном отчаянии; новый мир уже стоит при дверях; завтра мы вспомним золотой свет, сверкнувший на границе двух, столь несхожих веков. Десятнадцатый заставил нас забыть самые имена святых; двадцатый, быть может, увидит их воочию. Это знамение явил нам, русским, еще неразгаданный и двоящийся перед нами – Владимир Соловьев.

И в этот миг незримого свиданья
Нездешний свет вновь озарит тебя,
И тяжкий сон житейского сознанья
Ты отряхнешь, тоскуя и любя.

ОТ ИБСЕНА К СТРИНДБЕРГУ

Маленький норвежский городок. 3000 жителей. Разговаривают все о коммерции. Везде щелкают счеты – кроме тех мест, где нечего считать и не о чем разговаривать; зато там также нечего есть. Иногда, пожалуй, читают Библию. Остальные занятия считаются неприличными; да вряд ли там кто и знает, что у людей бывают другие занятия.

В домике на городской площади без единого дерева живет купец с семьей. Против окна – церковь с высокой папертью; направо – позорный столб; налево – тюрьма и сумасшедший дом. Круглые сутки – грохот и гул далеких водопадов, в дневные часы прорезываемый “еще чем-то вроде то хриплых, то визгливых, то стонущих женских криков”.

Странные звуки, странный вид из окна, странная жизнь; не для нас, впрочем; каждый из нас непростительно солжет, если скажет, что не видал в жизни чего-нибудь позорного, чего-нибудь тюремного, чего-нибудь сумасшедшего; что какая-нибудь “высокая паперть” вечным тупиком не упиралась в его окно; что он не слышал ничего “хриплого, визгливого и стонущего”.

Все это мы видали и слышали не раз.

В купеческом семействе рождается сын: Генрих Ибсен. Все описанное глубоко врезается ему в память. Хриплые звуки, – объясняет он впоследствии, – это “работали на водопадах сотни лесопилок. Читая о гильотине, я всегда вспоминал об этих лесопилках”.

Таких “благодарных” воспоминаний и у нас не занимать стать. Для многих из нас – жить среди современной жестокости и нелепости, “у позорного столба, под стон лесопилок”, – значит ожесточить то, что в душе должно быть нежным, размягчить то, что должно быть твердым: живую ткань

сердца превратить в железное сито, легко отбрасывающее от себя людские пени; огонь воли залить водой, опустить руки, решить, что жизнь есть роковая, хотя и тяжелая, необходимость. Но – “с волками жить – по-волчьи выть”.

С Ибсеном этого не случилось. Будущее его покажет нам, сохранил ли он нежную ткань сердца. Возрос и возмужал он, по крайней мере, в воззрениях человеческих, а воли ему хватило на то, чтобы свершить путь, напоминающий, хотя и смутно и неполно, путь героя. С Ибсеном произошло то же, что с Зигфридом; только не в дремучем лесу, не в молниях и радугах Валгаллы, не в огненном кольце Валькирии, – а в нашем будничном и сером свете (припомним, однако: полуденная скука в дремучем лесу; Зигфрид тупо строгают прутик; зевки Фафнера в пещере; в Рейне скучно плещутся глупые рыбы).

Ибсен с последовательностью, конечно, роковой, порывает связь с *родительским домом*, где ему нечего делать; в самом деле, что делать “герою” со старым карлой, который думает только о золоте (о коммерции, о сельдях) и варит сыну мерзкое зелье – готовит ему торговую карьеру. Ибсен ушел. Покидая родной городишко шестнадцати лет от роду, он как бы в награду или в предвестие увидел впервые Северное море. Так Зигфрид, впервые прислушавшийся к шуму леса, не различил сначала отдельных голосов, только оставался очарованный.

Через несколько лет, после упорной борьбы с обществом и отчаянья при виде упадка родины, Ибсен с той же роковой последовательностью покидает и *родину* и *общество*. “Будут норвежцы брести еле-еле по полю жизни!..” – восклицает он. Конечно, кто такие норвежцы, как не “общество” злых и корявых Нибелунгов, пребывающих в домашних спорах? Кто посильней, бьет того, кто послабее: Фафнер – Альбериха, Альберих – Миме, Миме – своих карликов. Купец Олаксен строит спичечную фабрику и для этого разрушает лавочку торгаша Торлаксена.

Ибсен поднимает над своими Нибелунгами бич сатиры: “Я поднял бич сатиры над любовью и браком, потому вполне в порядке вещей, что раздалось столько воплей в защиту и брака, и любви” (из предисловия к “Комедии любви”). Нибелунги разозлились и восстали. “Слушай, сыночек Зигфрид, я ведь всегда от души тебя ненавидел и хочу срубить тебе голову”, – говорит глупый Миме Зигфриду. В ответ он получает удар меча.

Ибсен “повертывает свои корабли кормами к северу”. Родительский дом, родина, общество – позади. Так кончается *первый период* деятельности Ибсена, такова его жизнь до зрелого возраста. Не правда ли, она подобна первым шагам героя саги?

Что же происходит теперь?

Теперь Ибсен – автор *Бранда*. Его воля напряжена до предела. Его мозг искушен в вопросах о долге, о призвании, о личности, о жертве, о народе, о национальности. Его сердце знает сомнения и любовь, ужас и сладость одиночества. Впрочем, более одиноким, чем теперь, он не был никогда – как среди друзей, так и среди врагов: он прославленный писатель. Ему под сорок лет.

Это – “жених, идущий навстречу невесте”, носитель “королевской мысли” о духовной жизни Норвегии, – говорит биограф Ибсена.

В творчестве Ибсена происходит коренной переворот. Сатирическому задору юности, историческому и легендарному жанру пришел конец. Наступают события.

Какой-то упрямый пастор Бранд гибнет в горах, во мраке метели. Отвергнутую церковь земную заменила ему “снежная церковь” – лавина. Перед гибелью является ему призрак мертвой жены.

Какой-то взбалмошный бродяга Пер Гюнт достигает лесной хижины и умирает усталый, убаюканный песней Сольвейг – песней Вечности.

Так Зигфрид, понявший голос птицы, достигает вершины скалы, разрывает огненное кольцо и обретает свою любовь и гибель близ дочери Хаоса, которую он разбудил.

Страшен холод вершин. Что происходит на вершинах с теми, кто остается там один, лицом к лицу с “Богом милосердия” (Deus Caritatis)?

Здесь я ставлю вопросительный знак: может быть, с этой минуты пути героя и человека расходятся: юноша Зигфрид вступает на свой последний, *ясный и крестный*, не омрачаемый даже изменой путь. Зрелый муж Ибсен вступает на путь, *который нам до сих пор непонятен*. Мы еще его не измерили. Это – путь, самим Ибсеном названный “долгой-долгой Страстной неделей”; путь, может быть, *тоже ясный и крестный*. Но этот путь соблазнил многих из нас. Спасибо за соблазны, хвала Ибсену!

В горах с Брандом и в лесу с Пер Гюнтом произошло нечто, стоящее вне известных нам измерений. Явным и, так сказать, “матерьяльным” следствием этих *событий* было возвращение писателя Ибсена на родину. Он воротился не таким, каким уезжал. Появляется любезный, сухой и злой Ибсен, в щегольском и всегда застегнутом сюртуке и перчатках. Ибсен говорит речи. Он говорит, что “нельзя влачить корабль к светлому будущему, когда есть труп в трюме” (“труп в трюме” – какой зловеющий и... красивый образ!). Нельзя, говорит Ибсен, вечно твердить о “Третьем царстве”, когда современное человечество, и, в частности, норвежский народ, не может войти в широкие ворота вечных идеалов, минуя узкие двери тяжелого и черного труда.

Итак, Ибсен возвращается “к родной и близкой” (как говорится) действительности. Он анализирует и врачует “язвы общества”. В руках у него – микроскоп и скальпель.

Разве не тревожили Ибсена давно уже общественные вопросы? Разве он был когда-нибудь вне национальности, вне родины? Разве не вопрошал он еще в ранней юности норвежских скальдов, “не на пользу ли народу дан им поэтический дар”?

Мораль и польза! Виват! Ибсен стал реформатором! Ибсен перестал быть “чистым художником”! К нему бросается свора публицистов, критиков. Он швыряет им: “Столпы общества” – раз! “Кукольный дом” – два! “Доктор Стокман” – три. Голодные критики хапают, не разбирая, нет ли в каком-нибудь из этих вкусных “вопросов” – кусочка иглы. Пятьдесят Нор выходят из

себя, чтобы острее, больнее, талантливее изобразить в лицах проклятый женский вопрос. Для одной из них галантный Ибсен даже меняет конец “Норы” (шутка сказать – наоборот!).

Негт Ibsen пишет, гуляет, делает указания актерам. К назойливо лезущему не вовремя гостю Негт Ibsen выходит с пером в руках. С пера капают чернила. Это – единственный знак досады, ни слова нелюбезного, – и гость сконфужен. Fru Ibsen блюдет покой и пищеварение супруга. Когда на улице наберется достаточно народу, она отдергивает занавеску: взорам зевак представляется Ибсен, погруженный в работу.

Теперь Ибсен роняет бездонные, многозначные, не всем одинаково понятные слова:

Знакома мне паденья глубина.
Весенних басен книга прочтена.
Мне время есть размыслить о морали.

Что значит “глубина паденья”? Если сопоставить эти слова с “трупом в трюме” (чей труп?), становится жутковато. Слышите грохот лавины, погребавоющей под собой Бранда? И голос Сольвейг, баюкающей усталого путника?

Ибсен уходил от родины, чтобы увидеть солнце, которого он “дома никогда не видел”. Вот он опять на своей бессолнечной родине, но в какой-то новой броне.

Он весь закован был в броню.
Оруженосец – Смерть...

Изменились темы и приемы Ибсена, изменились даже наружность и почерк. Отказавшись быть “женихом в брачной одежде”, он стал “великим чернорабочим”. Он стал “понятным”... Какою мерою излить толпе и слугам ее, критикам, благодарность на писателя, который “отрезвел” и, “как все”, занялся женским и всеми прочими вопросами?

Под гром рукоплесканий Ибсен проходит эту *вторую часть* своего пути. Наступает “действие третье”.

Внешним образом ничто не переменяется. То же приличие, любезность, речи, перебываемые иногда “нелюдимостью” или “странностями” писателя (“странностями” называются просьбы не приставать с глупостями). И вдруг (для публики “вдруг”, потому что годы дум и сомнений – для публики один миг) Ибсен опять превращается во что-то новое и перестает быть понятным. Иначе говоря, не только его новые произведения уже менее питательны для публицистов, но они заставляют подозревать, что и “Кукольный дом” не был так прост; что в кусках, бросаемых критикам, были иголки. Публика и критики начинают ахать и давиться. Теперь в драмах Ибсена явственно бьет какой-то незнакомый ключ. Его происхождение объясняют на все лады. Но ведь и мы не знаем доселе, сколько в этом ключе живой и сколько мертвой воды...

Кто это – *Гедда Габлер*? Любит или ненавидит ее автор? Влюблен или презирает, или – то и другое вместе? Что такое “белые кони” *Росмерсгольма*? И гибель от рока, тяготеющего над домом? Бывают разве *Женщины моря*? Разве это не бесполое наяды, глупые рыбы с ликами прекрасных дев?

Почему Эллида бежит по берегу моря и, как птица, хлопает обрезанными крыльями? Почему она вдруг, именно как птица, смешно и неуклюже бросается назад в клетку? Действительно ли сумасшедший или только притворяется таким *Строитель Сольнес*? Почему какая-то глупая девчонка, стучащая в дверь, заставляет воздвигать нелепую башню, требует какое-то “королевство на стол” и при этом называется “юностью”? Или мозг Строителя разгорячен, и все это только его бред?

Мы побывали “где-то там” и уже не принадлежим к разряду тех крепколюбых, которые до сих пор объясняют все это “по-норвежски”, или “по-международному”, или психологией, или моралью, или... женским вопросом. Но, побывав там, мы возвратились сюда. Сегодня мы *здесь*.

И я спрашиваю себя: если я захочу строить дом, неужели ко мне придет какая-то девчонка, которую я видел всего раз в жизни, заставит меня построить нелепую башню и... при помощи каких-то роковых флюидов заставит меня полететь вниз головой во славу... юности, носительницей которой она является, потому что у нее хорошенькое личико и дорожная палка в руках?

Мы не страдаем тупостью, мы не скрываем от себя, что *может быть* – и так. До подробностей так, как описано в драме Генриха Ибсена. Но может быть и не так? Страшно, Генрих Ибсен, мы не совсем ясно видели твое лицо и не совсем отчетливо слышали твое слово... Куда ты нас завел?

Современный Ибсену критик Шленгер говорит по поводу последней драмы (“Когда мы, мертвые, пробуждаемся”): “Если бывали вообще коварные художественные произведения, так это новейшие драмы Ибсена”. Можно прибавить: новейшие драмы Ибсена обнаружили только, что *все* его творчество подобно стремительному бурному потоку, в котором много подводных камней. “Люди полагают, что я с течением времени менял свои взгляды, но это большая ошибка. На самом деле мое развитие шло вполне последовательно”, – говорил Ибсен. Все творчество его многозначно, все говорит о будущем, о несказанном – и потому соблазнительно. Великая благодарность и хвала Ибсену за соблазны! Если он соблазнил кого, то ведь соблазняются только путники. Стоящие же на месте – те только обманываются. Их, пожалуй, Ибсен действительно обманул: кинувшись с разных сторон в объятия “морали”, глупцы стукнулись лбами над пустотой.

Еще вчера Россия пережила неповторимые года. В те годы мы шли по следам Ибсена именно третьего, особенно опасного, периода. Имя Ибсена красовалось на нашем знамени, оно красуется на нем и до сих пор. Слава Ибсену!

Мы еще по-новому вернемся к нему. Мы совершили с Ибсеном незабвенный, прекрасный, но полный ужасов путь. Он был суров и жесток с нами; быть может, многими страшными днями мы обязаны ему. “Нежная ткань души” – она, пожалуй, не сохранилась в нем. И – Бог с ней. Лесопилки, позорные столбы, тюрьмы, сумасшедшие дома, казни – делают свое дело; они его сделали и с Ибсеном, делают и с нами. Ужас воспоминаний жизни претворился для Ибсена в грохот Брандовой лавины и в голос Вечности в лесу. Сам он остался на

свете, долго еще присматривался ко всему зорким оком, и понемногу седеющая голова его превратилась в мохнатую голову горного орла.

Орел летит и летит. Озираясь назад, он манит нас за собою. Мы следуем от одной скалы к другой. Близится море. Близится конец века. Мы изнемогаем.

Орел садится впереди, на недоступной скале. Мы останавливаемся. Мы слышим между скалами какие-то непонятные, почти безумные слова “о цветах и листьях”. Говорят Ирэна и Рубек – призраки. Оглядываемся – никого. Только орел сидит, озираясь, на вершине скалы. – Век на исходе.

Вдруг грохот лавин, свист бури и мрак. И во мраке – голос Вечности. Орел срывается и с криком исчезает над морем. Мы остаемся одни, среди фьорда, среди ночи, обожженные снегом.

Дни и ночи мы ищем путей, обрываясь и вновь цепляясь за скалы. Вот наконец зеленеют лощины. Кусочек давно оставленной земли, на ней пробивается трава.

Наконец земля – после бесконечного снега, безначального воздуха и огня! – Навстречу из лощины выходит человек с горькой складкой страданий под жесткими усами, с мужественным взглядом серых глаз. Наконец, – после орлего лика – человеческое лицо!

Август Стриндберг!

ПАМЯТИ АВГУСТА СТРИНДБЕРГА

Товарищ мой, вернувшийся из Стокгольма за день до кончины Стриндберга, привез мне его большой портрет.

Я смотрю на эти рабочие плечи, на непокорную голову и страдальческое лицо, и мне хочется назвать великого шведа просто: “старый Август”. Этот большой упрямый лоб, эти сердитые брови, этот нос “простого” человека, рабочего, этот упорный взгляд строгих глаз, перед которым, кажется, должно притихнуть все мелкое, все нечестное, не умеющее сказать ни на что определенное “да” или “нет”... Ведь все это так дорого и так бесконечно близко нам; может быть, никому так не дорого и не нужно, как русским, а русским писателям – в особенности.

Эти линии и морщины так определены и значительны! Разве много на свете лиц, достойных того, чтобы над ними столько трудился жестокий художник – Время? Вот на какой работе показало оно себя художником истинно великим! От простейшего к сложнейшему; из грубого материала – нежнейшая духовность; нужна была твердая рука и уверенный резец, чтобы *так* положить эти темные тени на щеках и эти жесткие складки около рта!

Поистине необходим нам такой человек, который соединяет в себе и художника, и человека; такой, у которого, кроме великого и гремящего на весь мир имени, есть еще малое, интимное имя; в Августе Стриндберге соединя-

лись в высшей степени эти двое: великий и простой, художник и человек, творец и ремесленник; Стриндберг принадлежал к тем образцам человечества, к типу которых рано или поздно начинают стремиться многие люди; нет сомнения, что в современном общенемецком типе, например, заложены гетевские и шиллеровские черты, хотя бы и сильно разбавленные и видоизмененными бисмарковскими и вильгельмовскими; “стриндбергианская порода”, надо полагать, создаст со временем тип не только общешведский: кое-что от Гете, например, есть и в России, не в одной Германии; можно думать и радостно верить, что та же Россия, на которую глядят с Запада хоть и с презрением, да с опаской, а кой-кто и с надеждой, – примет в свою душу нечто от непреклонной, суровой и праздничной стриндберговской души.

Явно обновляются пути человечества; новый век, он действительно – новый век; человеческая душа, русская душа ломается; много старого хлама навалено, многие молодые ростки придавлены; культура выпустила в эти “переходные” годы из своей лаборатории какой-то временный, так сказать, “пробный” тип человека, в котором в различных пропорциях смешано мужское и женское начало. Мы видим этот тип во всех областях нашей деятельности, может быть, чаще всего – в литературе; приходится сказать, что все литературное развитие XX века началось “при ближайшем участии” именно этого типа. От более или менее удачного воплощения его зависит наше колебание между величием и упадком. Культура как бы изготовила много “проб”, сотни образцов – и ждет результата, когда можно будет сделать средний вывод, то есть создать нового человека, приспособленного для новой, изменившейся жизни.

При таких условиях понятными становятся все уродства, которые положили печать патологии, недосказанности, странности на всю литературу нашего молодого века; быть может, не одна “порнография”, но и все колебания, порождающие вялую тоску вместо гнева и тайное ренегатство вместо борьбы, – быть может, все это происходит оттого, что не установился новый тип и не создан новый “средний” человек; слишком часто еще наша мужественная воля, воспитанная на старом и отгоревшем, теряет силу сопротивления и парализуется бабьей вялостью; слишком часто происходит и обратное: женственные, в лучшем смысле слова, начала гибкости и обаяния – столь же незаменимые проводники культуры – огрубляются неглубоким и бесцельным рационализмом, началом не мужественным, а всего только “мужским”.

Август Стриндберг, разумеется, один из первых попал в то культурное горнило, в котором вырабатывается “новый человек”. С поразительной неотступностью следила за ним судьба, она подвергала его испытаниям, недоступным и невыносимым для человека средних сил; когда думаешь о жизни Стриндберга, приходит в голову, что судьба особенно возлюбила эту породу, избрала именно ее, потому что слишком хотела отшлифовать ее, из нее именно создать лучшую, близящуюся к идеалу “пробу”.

Когда вспоминаешь, из каких испытаний вышел духовно мощным и только физически сломленным Стриндберг, невольно представляется ана-

логия в воспитании атлета, все тело которого приучается к каким угодно ударам; да, прекрасным надо признать этот материал – дух Стриндберга; но каким же совершенным должен быть материал, предназначенный для создания нового человека! Ведь дело идет о новом “половом подборе”, о гармоническом распределении мужественных и женственных начал, тех начал, которые до сих пор находятся в дисгармонии и кладут препятствия освобождению человека!

Когда мужественное превращается в мужское, то гнев вырождается в злобу; когда женственное превращается в женское, то доброе превращается в чувствительное; мы видим это на каждом шагу в современном обществе, разумеется, среди “командующих классов”.

Мы видим, сверх того, работу природы и культуры, которые стремятся к обновлению обоих вырожденных типов, пытаясь облагородить мужское – женственным и женское – мужественным; большинство сочетаний дает, разумеется, средний, ничего не обещающий тип, тип людей “невоплощенных”, неврастеников, с сильной патологической окраской; меньшинство сочетаний дает, напротив, обещания “нового человека”. Среди этих единиц, и, может быть, впереди их всех, стоит Стриндберг как тип мужчины, “мужа”, приспособленного для предстоящей жизни, которая рисуется (уже, кажется, всем теперь) исполненной все более интенсивной борьбы не только государств друг с другом, но особенно общества и личности с государством.

Стриндберг, рожденный истинным демократом, но по силам и целям своим принужденный вращаться среди “плутократов”, “аристократов” и т.д., естественно представлялся всем окружающим его до самых последних лет грубым рабочим человеком, неуживчивым, жестким, наконец – женоненавистником. Под этой личиной он даже любил являться; таким он может представиться иногда и нам, но так ли это на самом деле? Во-первых, все те среди нас, кто хочет действовать, влиять и изменять жизнь, найдут в себе, хотя бы в зачатках, все указанные черты. Во-вторых, чертами этими не исчерпывается психология Стриндберга; все они присутствуют в нем, но все они окрашены какой-то другой краской, чем те же черты у множества средних деспотических и в деспотизме своем эгоистических мужчин.

В самом деле: заурядный “деятель” (скажем, современный государственный человек) часто отличается теми же чертами; но грубость и жестокость ничем не могут смениться в нем, кроме вялой сентиментальности, которую часто приходится нам видеть в жизни и читать в книгах; однако ни тени сентиментальности не было в Стриндберге, который был жесток все-таки более всего к самому себе. Заурядная неуживчивость – мы слишком хорошо знаем цену бюрократической неуживчивости, например; в основе неуживчивости Стриндберга всегда лежало идейное или мистическое разногласие. – Женоненавистничество, наконец, черта, столь свойственная среднему мужчине, есть почти всегда пошлость; для Стриндберга же, который им прославился, оно было Голгофой. В жизни Стриндберга было время, когда все женское вокруг него оказалось “бабьим”: тогда во имя ненависти к бабьему он проклял и женское; но он никогда не произнес кощунственного слова и не посягнул на

женственное; он отвернулся от женского только, показав тем самым, что он не заурядный мужчина, так же легко “ненавидящий женщин”, как поддающийся расслабляющему бабьему влиянию, а мужественный человек, предпочитающий остаться наедине со своей жестокой судьбой, когда в мире не встречается настоящей женщины, которую только и способна принять честная и строгая душа.

Со всеми своими мужественными и неприятными для некоторых культурных слоев чертами Стриндберг является как бы маяком, указывающим, по какому пути пойдет культура при создании нового типа человека. Для нашего времени – он был “великий мужчина”; в будущем жизнь, может быть, сотрет некоторые угловатости этого лучшего пока типа мужественности, те черты, которые теперь для нас особенно обаятельны, потому что они рисуют Стриндберга еще и как художника.

Хочется сказать так: в этой своей, теперь кончившейся, жизни Стриндберг был и большим художником. В следующей своей жизни он уже будет только человеком, и это будет еще прекраснее. Как бы предчувствуя того не существующего еще в мире настоящего “нового человека”, хочется иногда назвать “Великого Стриндберга” просто – Августом. Как еще назовем мы тогда этого Августа, широкоплечего и честного человека?

Есть вечные имена, принадлежащие всем векам: имена брата, учителя; Стриндберг был для нас и тем и другим: братом – всем мятежным, он, как брат, будил нас; он, который не успокаивался никогда; может быть, и теперь кого-нибудь, кто засыпает от усталости в наши убийственные дни, пронизает вдруг молниеносная мысль: “Я больше не брат Стриндбергу!” И с этой мыслью он опять проснется и вспомнит, что слишком много энергии требует мир для того, чтобы мог безнаказанно заснуть тот, кто призван к творчеству.

И учителем был и будет Стриндберг для многих на многие годы. Человек, носивший в себе столько мировоззрений, человек, питавший высокую любовь к самой бескорыстной и чистой из наук, к науке о природе, человек, сам сделавший открытия в этой науке, – разве может он не быть нашим учителем?

Есть, однако, еще одно имя. Может быть, оно не вечно, потому, что мы не помним его на заре нашей истории, и потому, что мы можем мысленно представить себе то время, когда мир больше не будет нуждаться в этом имени.

Зато теперь оно особенно близко и нужно нам; с ним связаны заветные мысли о демократии; это – самое человеческое имя сейчас; брат и учитель – имена навсегда; сейчас, может быть, многим дороже имя *товарищ*; открытый и честный взгляд; правда, легко высказываемая в глаза; правый мир и правая ссора; пожатие широкой и грубой руки. Пока люди таковы, каковы они есть, ребячески неискренни и боязливы в выражении своих чувств, прекрасна форма общения, выражаемая словом товарищ.

И потому именно *товарищем* хочется назвать *старого Августа*; ведь он – демократ, ведь он вдохновляет на ближайшую работу и, главное, ведь огромное наследие, оставленное им, – общедоступно, почти без исключения. У него не может быть никаких наследников, кроме *человечества*, и ему не

страшны ничьи “атласные дырявые карманы”; потому что наследство его не приняло никакой формы, даже самой элементарной формы, – денежной. Все в нем было необычайно, в том числе и то, что он умел быть художником “без формы”...

Правда, в этой громадной лаборатории, заваленной книгами, инструментами и колбами, внешне хмурой, но внутренне веселой и пронизанной пыльным солнцем, – лежит в заветном углу один необщедоступный том – Сведенборга. Но, право, не страшно, если какой-нибудь молодой школьник увидит в этом томе только “странности” старого товарища. Для Стриндберга не страшно многое, что страшно для других, и, может быть, больших, чем сам он, учителей, потому что он... демократ. Наследие демократа – идейно, оно не может служить поводом ни для чьей корысти. Наследие Стриндберга открыто для веселой и мятежной юности всех стран. Это – лаборатория для студентов, большая комната, свободная в утренние часы, когда мозг работает ритмически; и сам Стриндберг – утро, тот час, когда *начинается* большая работа. Он – менее всего конец, более всего – начало. Благоговейное изучение его – есть тот труд, который молодит усталые души.

ПАМЯТИ К.В. БРАВИЧА

Узко театральные, но какие живые, четкие впечатления связаны у меня с образом так неожиданно скончавшегося Казимира Викентьевича Бравича! Таких интимных, “особенных” впечатлений нигде, кроме театра, не получишь! Большое с маленьким, нездешнее с житейским, образ героя с запахом грима и пудры – все смешивается, сплетается по-особенному, образуя причудливый букет.

Который-то из девяностых годов (право, они так мало отличались один от другого!). Осень, дождливый день, репетиция какой-то пьесы (все равно какой) в Суворинском театре на Фонтанке. В воздухе что-то несообразное, не нюхавший и представить себе не может: Викторьен Сарду вместе с Евтихием Карповым... Пустыня. Я, студент – первокурсник – с трепетом жду в коридоре В.П. Далматова, который запишет меня на свой бенефис, а на бенефисе – прорычит роль Макбета так, что ни одного слова нельзя будет разобрать, и никто из бывших в театре не поверит, что В.П. Далматов – очень большой артист и способен в другой вечер – не бенефисный, а обыкновенный – “ударить по сердцам с неведомою силой”... Теперь, впрочем, на сцене нет Макбета, нет никакого героя: сквозь открытую дверь ложи я смотрю, как по сцене ходят взад и вперед, обняв друг друга за талии, К.В. Бравич и В.П. Далматов, оба – такие партикулярные, простые и милые.

Те же года, тот же театр. Представляют “Термидор” Сарду. Одну из главных ролей играет К.В. Бравич. С каким умом, с какой тонкой художественной мерой выходит он из натянутых положений, в которые его ставит бездар-

ный, мелодраматический автор! Помню, что он должен воскликнуть с ужасом: “В Тюльери сажают капусту!” И он произносит эти дурацкие слова так, что я до сих пор слышу его голос! На миг представляется действительно ужасным, что “в Тюльери сажают капусту”. И юноша, мечтающий о том, как он поступит на сцену и будет трагиком, мечтает: вот если бы у меня был такой же толстый подбородок, как у Далматова, и такой же длинный нос, усыпанный крупными рябинами, как у Бравича! В ту минуту в этом нет ничего смешного; ясно как день, что для трагедии необходимы далматовский подбородок и бравичевский нос.

Потом – другие времена, *совсем* другие. “Субботы” у Коммиссаржевской, предшествовавшие открытию ее театра. Бравич заговаривает со всеми “новыми”, сияет добродушием, посмеивается, иногда – добродушно брюзжит. Что-то чеховское в его отношении к жизни, “обывательское” даже, пока дело не касается искусства. Один милый актер нечаянно опрокидывает на него стакан с чаем. “Что это, голубчик, вы мне испортили штаны!” – с неподдельным негодованием восклицает Бравич. “Здесь хорошо, выпал снег, но холод собачий”, – пишет он мне с какой-то станции Финляндской дороги. “Вот поеду отдохнуть на Сиверскую и все лето буду ходить босиком”, – рассказывает он.

Уборная Бравича. Густо замазанный краской, в королевской короне, в антракте между двумя актами “Вечной сказки” Пшибышевского, Бравич пишет мне записку на получение какого-то гонорара.

“Жизнь Человека” Андреева. Бравич – “Некто в сером”. В кулисах мрак, Бравич, закутанный чем-то вроде брезента, сидит на шатком стульчике, ожидая своих слов: “Тише! Человек умер!” Глаза у него – усталые, собачьи, злые (роль ему страшно не нравится). По носу текут капельки пота, мускулы лица опали, как у старика. “Жарко”, – жалуется он и пытается расстегнуть свой брезент. А ведь выйдет, и будет у него “квадратный подбородок”, тускло освещенный огарком свечи, *неумолимый*, как требуется по пьесе.

И, наконец, главное, чем дорог Бравич, без чего все описанные подробности были бы только мелочами из жизни заурядной. Бравич – художник. Какая подлинная “почва”, “земля” искусства, без которой всякий художнический замысел может улететь, испариться, стать невнятным для толпы и для избранных – одинаково.

“Строитель Сольнес”. Она – Гильда – Вера Федоровна – опытная и зрелая актриса; но она ведь – синее пламя, всегда крылатая, всегда – летящая, как птица. И навстречу ее летящим словам раздаются эти живые, полные крови и земли, реплики строителя – Бравича.

Он совершает какую-то черную работу, *он* держит пьесу на земле, он – те густые, живые, мягкие, скромные тона, на фоне которых особенно ослепительно сияет ее чудодейственное, вечно стремящееся улететь пламя.

В этом театре, который был рубежом двух эпох, Бравич – всегда этот *второй* элемент, эта *почва* искусства; земля, без которой не видно неба, стель, без которого не явлен был бы никакой цвет. Это – необходимое условие культуры, и так мало до сих пор этих необходимых условий, и так вянут без них цветы воображения – самые пышные.

МАСКИ НА УЛИЦЕ

Флоренция.

Из кафе на площади Duomo видна часть фасада собора, часть баптистерия и начало уродливой улицы Calzajoli между ними. Улица служит главной артерией центрального квартала, непоправимо загрязненного отелями; она соединяет площадь собора с площадью Синьории.

Днем здесь скука, пыль, вонь; но под вечер, когда зной спадет, фонари горят тускло, народ покрывает всю площадь и очертания современных зданий поглощаются ночью – не мучат, – здесь можно уютно потеряться в толпе, в криках продавцов и извозчиков, в звоне трамваев.

В этот час здесь можно стать свидетелем странного представления.

Внезапно над самым ухом раздается сипенье, похожее на хрип автомобильного рожка; я вижу процессию, которая бегом огибает паперть Santa Maria del Fiore.

Впереди бежит человек с капюшоном, низко опущенным на лицо, даже без прореза для глаз. Он ничего не видит, значит, кроме земли, убегающей из-под его ног. Факел, который он держит высоко в руке, раздувается ветром. Сзади – двое таких же с закрытыми лицами волокут длинную черную двуколку. Колеса – на резиновых шинах, все по-совиному бесшумно, только тревожно сипит автомобильный рожок. Перед процессией расступаются. Двуколка имеет форму человеческого тела; на трех обручах натянута толстая черная ткань, дрожащая от тряски и самым *свойством* своей дрожи указывающая, что повозка – не пуста.

“Братья милосердия” – Misericordia – это они – быстро вкатывают свою повозку на помост перед домом на углу Calzajoli. Так же быстро распахиваются ворота, и все видение скрывается в мелькнувшей на миг большой комнате-сарая нижнего этажа. Все это делается торопливо, не успеваешь удивиться, догадаться. Большой быстроты и аккуратности в уборке, кажется, не достигала сама древняя гостя Флоренции – чума.

Ворота закрыты, дом как дом, как будто ничего не случилось. Должно быть, там сейчас вынимают, раздевают – мертвеца. Но уже ни одна волна из нового прилива гуляющих офицеров, дам, проституток, торговцев – не подозревает, что предыдущие волны пронесли танцующим галопом и выкинули на этот помост – повозку с мертвецом.

А вот в том же безумном галопе мечется по воздуху несчастная, испуганная летучая мышь, вечная жилица всех выветренных домов, башен и стен. Она едва не задевает за головы гуляющих, сбита с толку перекрестными лучами электрических огней.

Всё – древний намек на что-то, давнее воспоминание, какой-то манящий обман. Всё – маски, а маски – все они кроют под собою что-то иное. А голубые ирисы в Кашинах – чьи это маски? Когда случайный ветер залетит в неподвижную полосу зноя, – все они, как голубые огни, простираются в одну сторону, точно хотят улететь.

ИСКУССТВО И ГАЗЕТА

Многие люди любят красивое. Красивое “в порядке вещей”, оно – наше, здешнее. Не любить красивого просто очень трудно, для этого нужно – или быть уже очень забытым, замученным жизнью, или... знать что-нибудь о том, что больше, чем красивое, и больше, чем безобразное: о Прекрасном.

Прекрасного не любит почти никто. Точнее, Прекрасного не взять силами той любви, которой люди любят красивое, или умное, или доброе, или правдивое; которой они любят закат солнца, красивую женщину, стройную диалектику, добрые дела.

Как все красивое в мире есть только блестящий покров, раскинутый над чем-то иным, к чему красивое относится лишь как условный знак, – так сквозь все многообразные силы любви может пробиться струя иной силы, которую, может быть, и нельзя назвать силою любви; так сквозь все слова о красивом, о добром, о правдивом можно расслышать иные слова, по отношению к которым вся россыпь внешних слов окажется лишь покровом; так россыпь звезд, звездная риза, о которой говорят поэты, кроет за собою иное, о чем звезды только рассказывают нам на языке своих мерцаний.

Красивые звезды, на которые смотрит девушка с балкона, когда ночь благоухает розами и сеном; умные звезды, на которые смотрел Гейне; добрые звезды, которые указывали путь мореходам; все они – только покров, и за этим покровом сквозит Прекрасное; Прекрасное снится и девушке, и Гейне, и мореходу.

Прекрасное – вот мир тех сущностей, с которыми имеет дело искусство. Вот почему искусство нельзя любить как природу, как женщину, как диалектику. Оно – не тот материал, с которым можно заигрывать или фамиллярничать; его нельзя превозносить, им нельзя поступаться для чего бы то ни было. Им нельзя поступиться, от него можно только отступить. Оно – величаво. Об этом думал Пушкин, когда говорил:

Служенье Муз не терпит суеты.
Прекрасное должно быть величаво.

Только – величаво. Величавой может быть жизнь, величавой может быть смерть, величавой может быть гибель даже. Что несут с собою те миры, которые называются на нашем языке мирами искусства, какими бурями они нас ослепят, какие звуки преобладают в этом неведомом нам мировом оркестре, – мы не знаем; знаем мы лишь одно:

Прекрасное должно быть величаво.

Искусство никого не обманет, не надо же им обманываться. Широкие круги публики к нему никогда не влеклись и теперь не влекутся, – и не надо им об этом знать; лучше человеку не слышать о Данте, Эсхиле, Шекспире, Пушкине, чем разменивать их на мелкие монеты, пленяться их правдами, их нравственностями, их красотами.

Чин отношения к искусству должен быть – медленный, важный, не суетливый, не рекламный. Речи об искусстве обязаны быть таковыми, и если они таковыми не будут, рано или поздно зачинщики суеты будут наказаны, на голову их падет та медленная кара, которая тяжелее всех скорых людских кар. Искусство мстит само за себя, как древнее божество или как народная душа, испепеляя, стирая с лица земли все то, в чем лежит признак суеты, что пытается своими маленькими, торопливыми, задышающимися ритмами – заглушить его единственный и мерный ритм.

Газета по самой природе своей тороплива и буйна; чем быстрее ритм жизни, тем бешенее кричит политическая и всякая иная повседневность.

Является вопрос, можно ли в самом деле говорить на газетных страницах об искусстве, которое не имеет ничего общего с политикой, которое даже не враждует с ней, потому что миры искусства, до сей поры никогда в мире вполне не воплощавшиеся, относятся к политике приблизительно так же, как море относится к кораблю. Я говорю, конечно, не о содержании отношения, а указываю только масштабы.

По морю плывет рыбак в Исландию или “Титаник” в Америку – все равно. Это – маленькая цивилизация, в которую вкраплены, как всегда, редкие бриллианты великих культур.

Поднимается буря или встречается ледяная гора – это неизвестная стихия, подобная стихии искусства, до сих пор не исследованная даже мировыми гениями, которые, даже величайшие из них, были несовершенными сравнительно “инструментами божества”, не могли, отвлеченные, как все люди, заботами, услышать *весь* голос стихий.

В минуту бури или столкновения с ледяной горой над морем, над стихией возникает видение Креста, как в бретонских легендах. Это – религия, которая исполняет предчувствием и мирит со стихией, вероятно, и до сих пор скорее некультурных рыбаков, чем цивилизованных миллиардеров с “Титаника”.

Этой схемой, очень приблизительной, я хочу только указать на химический состав того воздуха, которым, по моему мнению, дышит и должен дышать как всякий художник, так и всякий толкующий о художестве, художественный критик. Ясное дело, что меньше всего в его душе “цивилизации”, выборов в парламент, партийных интересов, банковских счетов.

Итак, душа искусства, которая во все времена имеет целью, пользуясь языком, цветами и формами нашего мира как средством, воссоздавать “миры иные”, – и душа газеты, которая имеет целью борьбу и заботы только нашего мира, или еще *уже* – нашей родины, или еще *уже* – нашего государства, – что им друг до друга?

В большинстве русских газет до сего времени взорам нашим представляется необыкновенно пошлая, но зато очень поучительная картина, смахивающая на какой-то трагический фарс, чье содержание сводится к тому, что тот, кого беспощадно унижают и секут, все время преисполнен мыслью, что не только его не секут и не унижают, но сам он судит и рядит и держит в руках своих бразды правления. Этот фарс, представляемый с успехом на многих

сценах русской жизни нашего переходного времени, – для нас, художников, особенно поучителен, разумеется *в области отношений искусства к газете и газеты к искусству*.

В самом деле: в большинстве газет отдел искусства представляет из себя отдел для чтения между делом, для легкого чтения или для осведомления публики о театральных зрелищах, о художественных предприятиях. Приспосабливаясь к этой потребности, он все более проникается общим духом газеты, что всего заметнее сказывается на его *языке*. О театральных впечатлениях, о взломе кассы, об очередной повести известного писателя – рассказывают часто люди одного и того же порядка, различающиеся лишь тем, что один из них сделал своей профессией (точнее: жизнь когда-то принудила его выбрать профессию) газетную хронику, другой – театральное репортерство, а третий – литературную критику. Эти-то люди и секут жестоко самих себя, сами того не ведая. Они не унижают искусства даже тогда, когда, по тем или иным соображениям, выдвигают бездарное или смешивают с грязью талантливое; даже тогда, когда они служат “злобам художественного дня”, который часто не менее пошл, чем день заседания городской думы; даже тогда, когда сами они *очень талантливы* и талант их заставляет забывать о пустоте, скрывающейся под ним. Эти “напрасные таланты”, как выразился на днях в одной из своих статей Мережковский, суть один из самых страшных бичей нашего времени, потому что именно они – и главным образом они – уронили русскую литературу наших дней в глазах читающей публики, число которой растет с каждым днем, которая идет к литературе с открытой душой. Это – все еще те знакомые нам пустоцветы революции, которые не могут увянуть, люди без духовной культуры, без языка, без идей, без понятия о прекрасном, люди, исполненные того особого нигилизма, той неисправимой иронии, насмешки надо всем, и в частности – над самими собой, которая, как щитом, защищает их от нападений, с одной стороны, но зато и от общения с высоким и прекрасным – с другой.

Великое в мире всегда сопровождается бедствиями, болезнями, чумой. Чудесное, что витало над нами в 1905 году и обогатило нас великими возможностями, привело с собой в ряды литературы отряд людей зачумленных, “напрасных талантов”, или хулиганов в глубочайшем смысле этого слова.

Они думают, что то, о чем они говорят, называется искусством и литературой; публика думает то же, так как они убеждают ее в этом и если что знают в совершенстве, – так это приемы, которыми можно действовать на дурные инстинкты толпы. Но у толпы есть и другие, здоровые, а не больные инстинкты, и в силу этих инстинктов – толпа постепенно отстраняется как от этих “художественных критиков”, так и от тех, о ком они говорят, с похвалой ли, с порицанием ли – все равно; ведь их похвалы часто во много раз ядовитей и вредней их порицаний; публика же полагает, что те, о ком они говорят, заодно с ними, что все это – “одна шайка”.

Описание всевозможных видов и оттенков хулиганства и хамства по отношению к искусству можно растянуть до бесконечности; есть порожден-

ное революцией, есть не с ней начавшееся, и не с ней кончающееся, извечное, “рассейское” или еврейское, талантливое или бездарное, более и менее разлагающее; я веду речь к тому, чтобы указать, что общий уровень отношения к искусству в русских журналах и газетах, *отношения не по чину*, ведет за собою ослабление интереса, подозрительность к произведениям искусства и литературы вообще – у публики. Этим не унижается искусство, которого нельзя унизить, ибо оно *не наше*, но только понижается общий уровень культуры. В частных же случаях (которых гораздо больше, чем можно предполагать) не происходит даже и этого: многие русские люди с быстротой, свойственной здоровой русской душе, перерастают всю эту безыдейную суматоху и все низкие понятия, распространяемые литературными и иными газетными рецензентами, а эти последние, все еще считая себя вождями, больно секут самих себя каждой новой своей литературно-газетно-еврейско-нейрастенической выходкой на глазах у людей, чуждых суете и рекламе. Это и есть – трагический фарс, разыгрываемый на страницах многих газет.

Итак: с речами о художествах, настроенными на шумный и суетливый политический лад, пора покончить.

И можно ли вообще говорить на языке искусства в газете, которая служит злобе дня?

Я думаю, что пора сделать такой опыт, которого никто еще не пробовал производить в целом. Не надо говорить много, надо говорить *важно*. Язык художественного отдела ничем не должен походить на язык телеграмм и хроник. Об искусстве должны бы говорить люди, *качественно* отличающиеся от людей, говорящих о политике, о злобах дня. Ведь преемство литературное и преемство политическое не имеют между собой ничего общего, и, в зависимости от этого, речи о политике и речи об искусстве не должны согласовываться друг с другом.

Нечего скрывать ни от себя, ни от кого, что существует противоречие вечное и трагическое между искусством и жизнью, что мосты между ними до сих пор в мире были только легкими, воздушными, радужными мостами, которые исчезали, едва проходили те великолепные грозы, которые создавали их, едва умирали те мировые гении, которые лишь силой своей гениальности создавали эти мосты, соединяя в самих себе и жизнь и искусство лишь на краткий и чудесный миг.

Постройка этих мостов неумелыми руками есть или безумие, или, что чаще всего, отсутствие подлинного чутья как к искусству, так и к жизни, или – дурной воспитательный прием, которым едва ли можно обмануть *настоящего свежего* человека.

Мне думается, что в России уже существует довольно таких читателей, которым смертельно надоело выискивание в произведениях искусства политических, публицистических и иных идей, которые понимают, что противоречия жизни, культуры, цивилизации, искусства, религии – не разрешаются ни словами, ни теориями, ни ироническим отходом от их разрешения; что эти противоречия сами по себе глубоко поучительны и воспитательны; что каж-

дый несет их на своих плечах, насколько хватает у него сил; что разрешение их – дело будущего и дело соборное.

Такого-то читателя, по-моему, и должны иметь в виду те люди, которые хотят говорить на языке искусства, хотя бы – со страниц газет; они должны говорить не сентиментальничая, не политиканствуя и не иронизируя.

Политика и искусство в газете – это как город и деревня. Если в городе должно переносить запах фабричной гари и, может быть, желать даже, чтобы город скорее превратился в стальное чудовище, сжимающее в когтях своих людей (“что делаешь, делай скорее”), то в деревне, в десяти верстах от города, должна являться иная жизнь, там можно и должно не суетиться, там заметен первый снег и первые фиалки.

Лишь при таком отношении к искусству можно наложить строгое и решительное veto художника на тот обман, который мы наблюдаем ежедневно, на ту чудовищную вульгаризацию ценностей, которая уже принесла свои плоды, извратив в умах читающей и интересующейся искусством публики смысл многих явлений в области Прекрасного.

НЕПОНИМАНИЕ ИЛИ НЕЖЕЛАНИЕ ПОНЯТЬ?

Д.В. Философов корит меня в “Речи” за мою статью “Искусство и газета”, напечатанную в “Русской молве”. Статью свою Философов озаглавил “Уединенный эстетизм”.

Оба факта – и заглавие статьи и, главное, самое ее существование – совершенно для меня непонятны. Тем не менее необходимо выяснить недоразумение.

Д.В. Философов излагает вкратце мою статью, пропуская несколько существенных мест. После этого он делает из статьи свой вывод: “Искусство должно твориться избранными для избранных”. После этого он спорит с этим выводом, который сделан им, а вовсе не мною; мною же он не сделан не потому, что я его “боюсь”, как говорит Д.В. Философов, а потому, что я, в главных чертах, согласен с доводами Д.В. Философова против такого вывода. Мало этого: я бесконечно благодарен Д.В. Философому за то, что он досказал многое, чего я в своей статье не успел или не сумел досказать. Правда, то, что досказал он, касается вопроса о “демократии”, а не об искусстве. Но об этом – речь впереди.

В чем же, однако, дело? Не чрезмерная ли роскошь для русской современной жизни в том, чтобы люди, по существу между собою согласные, выступали с публичными спорами? Если роскошь, значит – баловство; а баловство – грех.

Так, думается мне, рассудил бы человек “посторонний” и был бы совершенно прав.

Кажется, всего справедливее разделить нам этот грех с Д.В. Философовым “пополам”. Мой грех – в том, что я не сказал того, что думал, с достаточной полнотой и ясностью, не поставил “точек над *i*” и этим ввел в заблуждение, может быть, не одного Философова. Грех же Д.В. Философова в том, что он построил свою статью в виде “опровержения”, а не в виде “дополнения”, и в том, что он сделал из нее произвольный вывод, для чего ему пришлось, однако, закрыть глаза на некоторые части моей статьи.

Во искупление греха я должен сказать ясно о том, на что в статье, может быть, только намекнул. Это касается двух вопросов: вопроса об отношении искусства к жизни и вопроса о демократизации и вульгаризации. Начну с первого.

Могло казаться, что я говорю о безмерной пропасти, которая лежит между искусством и жизнью, для того, чтобы унижить жизнь на счет искусства, принести ее искусству в жертву. Жаль, если кто-нибудь подумал так. Не во имя *одного* из этих миров говорил я, а во имя обоих. Чем глубже любишь искусство, тем оно становится несоизмеримее с жизнью; чем сильнее любишь жизнь, тем бездоннее становится пропасть между ею и искусством. Когда любишь то и другое с одинаковой силой, – такая любовь трагична. Любовь к двум братьям, одинаково не знающим друг о друге, одинаково пребывающим в смертельной вражде, готовым к смертному бою – до последнего часа, когда придет третий, поднимет их забрала, и они взглянут друг другу в лицо. Но когда придет третий? Мы не знаем.

«Блок смешивает “вульгаризацию” с “демократизацией”. Боясь вульгарности, проповедует ложный аристократизм. Я говорю – *ложный*, потому что подлинный аристократизм связан непременно с подлинным демократизмом».

Это – утверждения Философова, к которым я, по моему убеждению, никакого повода не давал. Сознательно говорил я о *вульгарном*, метя именно в него, а не в демократию, о которой памятовал. “Ложный” же аристократизм – еще вульгарнее простой вульгарности (утверждаю, что мы с Философовым разумеем под этим одно и то же, что можно наблюдать в иных лакееобразных эстетях). И, наконец: подлинный аристократизм связан с демократией...

Отвечаю на это: в моей статье, на которую возражал Философов, есть намек на такую веру.

Но так как это – область веры, трудно и тяжело говорить об этом. Гадать об этом – не знаю, можно ли и надо ли. Говорить утвердительно – значит *проповедовать*.

Только два слова: то, что можно разуметь под демократией будущего, подобно радио; так мало этих веяний в мире, так легко они улетучиваются. Люди, которые буду жить после нас, назовут это, вероятно, другим именем – священным. Но недаром Карлейль говорил так призывно о “демократии, опоясанной бурей”.

ПЛАМЕНЬ

(По поводу книги Пимена Карпова «Пламень» –
из жизни и веры хлеборобов. СПб., 1913)

Книга, озаглавленная “Пламень”, не может быть отнесена ни к какому роду литературных произведений; это – ни “роман”, ни повесть, ни “бытовые очерки”, хотя есть признаки и того, и другого, и третьего; книга не только литературно бесформенна, она бесформенна во всех отношениях.

И, однако, ее нельзя обойти молчанием. “Пламень” – не “проба пера” “обещающего автора”; он не принадлежит к “исканиям” более или менее “мятежных” молодых людей, не могущих решить определенно, писать им стихи и романы или поступить в департамент; автор “Пламени” – *никто*, книга его – не книга вовсе; писана она чернилами и печатана типографской краской, но в этом есть условность; кажется, автор прошел много путей для исполнения возложенной на него обязанности, обязанности не личной, а родовой, где-то в глубине веков теряющейся, и теперь выбрал путь “книжный”. Если же и этот путь не приведет к цели, он будет искать других путей; если не найдет их он, то найдет их следующий за ним, может быть еще не родившийся, тот, кто будет звеном того же от начала Руси и до конца ее тянущегося рода “хлеборобов”. Вот в чем сила “Пламени”, и вот отчего молчать о нем не приходится.

Роду хлеборобов, которые исполняют это завет, не будет конца, пока не разрешится самое сокровенное и самое страшное дело в России.

Поэтому книга Карпова посвящена “пресветлому духу отца, страстотерпца и мученика, сожженного на костре жизни”; плохая аллегория, суконный язык и... святая правда.

Карпов не видит в русской жизни ничего, кроме рек крови и моря огня: страсть, насилия, убийства, казни, все виды мучительств душевных и телесных – это “фон” повести; на таком фоне борются два начала: начало тьмы, сам дьявол, помещик, “камергер-детораствитель” Гедеонов, который сам себя называет “железным кольцом государства”; и начало света, хлыст Крутогоров, который сквозь мрак и страдание идет к Светлому Граду. Все остальные лица – мужики, хлысты, “злыдота”, колдунья, светлая девушка, монахи, родственники камергера и пр. – такие же “олицетворенные начала”: не лица, а отпрыски двух родов, светлого и проклятого. Карпов не может видеть иначе: кровь и огонь только и стоят у него в глазах.

Книга Карпова взбудоражила критиков, которые писали о ней очень много: А. Столыпин – в “Новом времени”, Ясинский – в “Биржевке”, Бонч-Бруевич – в “Киевской мысли”, Патрашкин – в “Дне”, Философов – в “Речи”. Вспомнили отвратительный (со всех сторон) процесс Бейлиса и лишний раз сцепились друг с другом по поводу “легенды об употреблении крови”, ибо Пимен Карпов “показывает, что в русских монастырях перед Светлым Воскресеньем в подпольях служат кровавые мессы сатане и приобщаются человеческой кровью”.

А. БЛОК
Фотография. 1916 г.

ЭЛИС
Фотография. Начало 1900-х годов

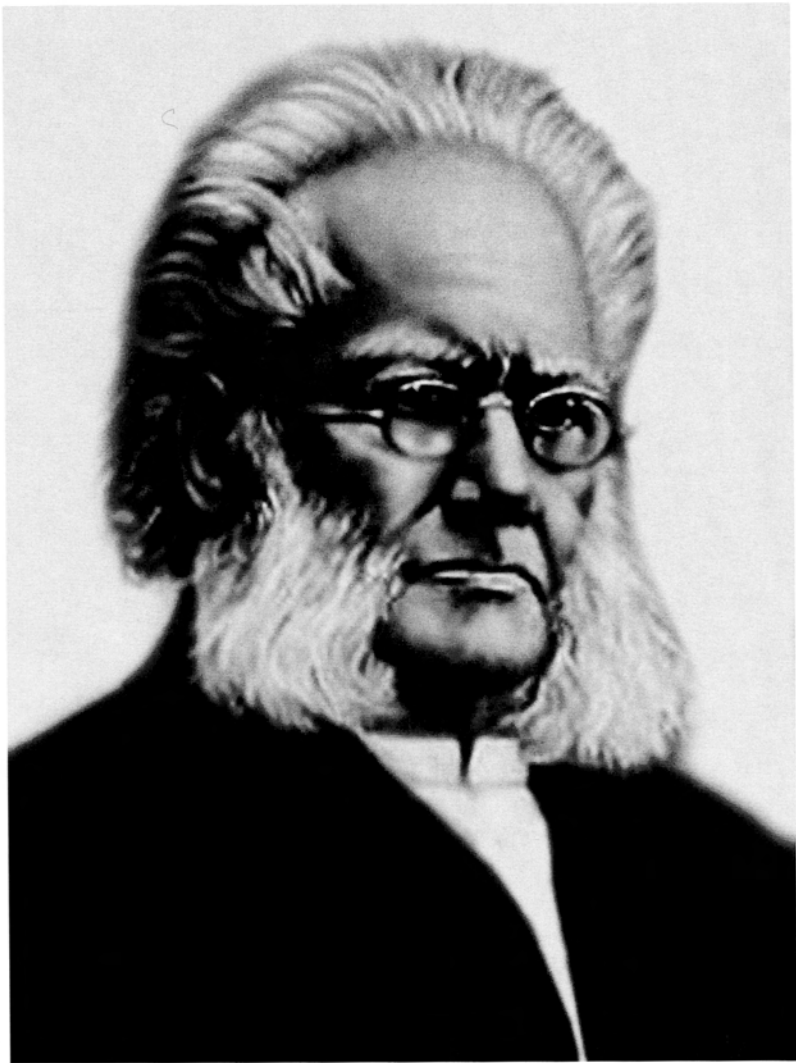

ВЯЧ. ИВАНОВ
Портрет работы К.А. Сомова. 1906 г.

А. БЛОК
Портрет работы А.И. Колобова (?). 1910-е годы

Г. ИБСЕН
Фотография

А. СТРИНДБЕРГ
Фотография

В.Ф. КОММИССАРЖЕВСКАЯ
Фотография

ПОХОРОНЫ М.А. ВРУБЕЛЯ
Фотография

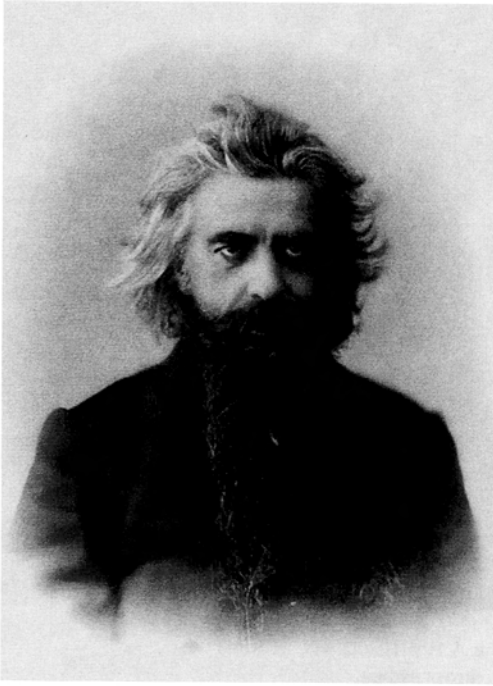

Ф. СОЛОГУБ и А.Н. ЧЕБОТАРЕВСКАЯ
Фотография

Слева направо: А.М. РЕМИЗОВ, Ф. СОЛОГУБ, А.А. БЛОК, Г.И. ЧУЛКОВ
Фотография

Вл. СОЛОВЬЕВ
Фотография

Д.С. МЕРЕЖКОВСКИЙ
Фотография

Рядом с верными мыслями, журналисты опять и опять проявляют такое ужасное неверие, такое незнание народа, такую брезгливость и такой цинизм, что за интеллигенцию русскую опять становится страшно. Разумеется, рекорд цинизма побивает, как всегда, “Новое время”, десятки лет успешно развращавшее русскую молодежь. Г-н Столыпин говорит: “Книга Пимена Карпова потому-то и производит такое удручающее впечатление, что свидетельствует о возможности подобных душевных состояний в среде русского народа, свидетельствует о том, что такие драгоценные народные качества, как несокрушимая вера, как безграничная способность претерпевать муки за ценности высшего порядка, т.е. за убеждения и правду, как жажда духовного совершенства и мистической высоты, что такие качества могут вырождаться в мерзость, которой нет ни имени, ни оправдания”.

Эти грязные и ханжеские слова неинтеллигентной газеты я привожу не потому, что они сами по себе интересны, а потому, что слишком мало разницы в отношении к П. Карпову проявляет настоящая интеллигенция.

Критики “Пламени” твердят на все лады о том, что это – “бред”; одни – с брезгливостью, другие – с похвалой; слово, во всяком случае, считается найденным. Они правы, если слово “бред” что-нибудь определяет. Ничего нет легче, чем взять на себя “литературную”, “медицинскую”, или “психологическую” экспертизу в деле Карпова; признать, что это “уголовщина”; но ведь не всякие формы бреда можно раскрыть при помощи уголовного процесса.

Бред Карпова – не тот, который у больных проходит от лечения, у декадентов – от возраста, у пьяниц – от того, что они кладут зарок; играя словами, можно сказать, что это – “непроходимый бред”, неизлечимый. Один из рецензентов полагает даже, что бред автора будет увенчан, и над его головой зашумят лавры.

Лавры над этой несчастной головой – какая горькая насмешка!

Критики говорят еще, по поводу Карпова об Андрее Белом. Один, – что Карпов подражает, другой, – что язык Карпова гораздо сильнее языка А. Белого. Подражание А. Белому одинаково считается при этом непозволительным и неприличным.

Верно, что Карпов “подражает” А. Белому; чтобы убедиться в этом, стоит сличить любую страницу “Пламени” с любой страницей “Серебряного Голубя”. Что же тут неестественного? Именно у А. Белого найдет Карпов ответ на многие свои муки: найдет в той музыке, в том ладе, которыми проникнуты глубоко русские творения А. Белого. Дело, конечно, не в технике, которой владеет А. Белый и до которой нет дела П. Карпову. Есть трогательное в том, что “отверженец” Карпов со своим делом, которое всем не ко двору, ищет поддержки в музыке самого отверженного современного писателя, того писателя, чьих непривычных для слуха речей о России никто еще не слышал как следует, но которые рано или поздно услышаны будут.

Литературные сравнения, наблюдения над стилем, или языком, отыскиванье характеров в “Пламени”, – задача неблагодарная. Были у нас книги, подобные “Пламени”; например, “Антихрист” В. Свенцицкого, или “Записки Анны” Н. Санжарь. От них, как от книг, не сохранилось ничего, что можно

оформить и поставить на полку; сохранилось только похожее на воспоминание о физической боли, на сильное и мимолетное впечатление, с которым не расстанешься.

Так и из “Пламени” нам придется, рады мы или не рады, запомнить кое-что о России. Пусть это приложится к “познанию России”: лишний раз испугаемся, вспоминая, что наш бунт, так же, как был, может опять быть “бессмысленным и беспощадным” (Пушкин); что были в России “кровь, топор и красный петух”, а теперь стала “книга”; а потом опять будет кровь, топор и красный петух.

Не все можно предугадать и предусмотреть. Кровь и огонь могут заговорить, когда их никто не ждет. Есть Россия, которая, вырвавшись из одной революции, жадно смотрит в глаза другой, может быть, более страшной.

1913

РЕЦЕНЗИИ, ЗАМЕТКИ,
ПИСЬМА В РЕДАКЦИИ,
ОТВЕТЫ НА АНКЕТЫ

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ «ГАЗЕТЫ «СВОБОДНЫЕ МЫСЛИ»»

М. г., г. редактор.

Прошу Вас напечатать следующее мое заявление. Несмотря на то, что я не принимаю более участия в литературных вечерах, мое имя иногда печатается на афишах без моего согласия. Покорнейше прошу гг. устроителей более не делать этого. Примите и пр.

Александр Блок

«ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «ВЕСНА»»

Конкурсные рассказы, по моему мнению, почти без исключения тенденциозны. На тенденцию одинаково сбиваются и стиль-модерн, и анархизм и барышнинская сентиментальность, и ирония (рассказы, хоть, по-видимому, русские, а исчерпываются в большинстве случаев такими мертвыми иностранными словами), и даже те рассказы, каждая строка которых говорит, что автор не хочет тенденции.

Искусства нет ни в одном рассказе. Если нужно премировать, я выбрал бы только один: “Я убила его” (в № 7), хотя ни одного свежего слова в нем нет. Но за стертыми словами кроется живая душа.

Рассказ “Ах, как я ее любил” (в № 6), несмотря на некоторые достоинства, я не решаюсь отметить, потому что очень глубокая тема взята очень мелко.

Эмиль Верхарн. МОНАСТЫРЬ

Перевод с французского Эллиса.

**Предисловие Андрея Белого. Книгоиздательство «Полюза»,
«Универсальная библиотека», № 60**

Об Эмиле Верхарне заговорили в России всего четыре года назад. Тогда же стали появляться и переводы его, если не считать двух стихотворений, вошедших в третью книгу стихов Валерия Брюсова (“Tertia vigilia”, 1900 г.). С тех пор переведено много стихов поэта (иные по несколько раз), две драмы

(обе – дважды), и даже – некоторые статьи Верхарна. Нельзя сказать, чтобы об этом поэте мало говорили; может быть, даже слишком много для России, которая так бедна переводами. Ведь многие классики или совсем не переведены, или переведены из рук вон плохо. Целый ряд возникающих в последние годы литературных предприятий хочет заполнить этот пробел, но все они еще очень молоды и не сделали почти ничего. Будем надеяться, что иные из них будут покультурнее московской “Универсальной библиотеки”, которая далеко не всегда может похвалиться качеством своих переводчиков и выбором произведений.

В частности, о переводе драмы Верхарна, лежащем перед нами, не стоило бы говорить, если бы одно обстоятельство не заставляло нас заступиться за бедную литературу и за бедного читателя. Это обстоятельство – предисловие к переводу, написанное А. Белым, писателем замечательным и интересным в литературе определенное положение. Правда, положение это совсем другое, чем то, которое навязывает себе А. Белый, но – не о нем речь. Нам желательно только, чтобы этот писатель, взяв на себя роль “защитника литературных ценностей”, не впадал в ошибки, слишком прискорбные и слишком недостойные *писательского* звания.

Мы далеки от согласия с А. Белым, когда он называет Верхарна гением и сопоставляет его с Шекспиром и Дантом. Гений прежде всего – народен, чего никак нельзя сказать о Верхарне. К сожалению, А. Белый все чаще упускает из виду существенные признаки в угоду своим теориям. Впрочем – называть Верхарна гением – безобидно: все равно никто не поверит; другое дело – называть перевод Эллиса *художественным*; этому того и гляди могут поверить.

Г-на Эллиса мы знаем только одного: это – посредственный поэт и плохой переводчик, попавший почему-то в последний год в присяжные критики “Весов”; здесь превратился он в развязного и яростного брезгливца, мечущего грома и молнии на современную литературу; современная литература не нравится г-ну Эллису, что делать? Но ведь и г. Эллис не нравится ей, а потому – беда не велика; и разойтись бы в разные стороны этой неладной паре! Но г. Эллис непрестанно посягает на им же отвергнутую невесту, создавая и переводя целые томы стихов и прозы. А. Белый поощряет его. А невесте, хоть и ко многому она привыкла, – и неловко и неприлично.

Теперь г. Эллис перевел “Монастырь”. перевел его, в общем, вяло, бледно. Стихи кой-где заменил прозой. Ритма верхарновского стиха не сохранил. Все это было бы незаметно, если бы А. Белый не снабдил перевода эпителием “художественный”. Но этого мало. В переводе Эллиса есть ошибки, неточности, безвкусица, несовершенное знание грамматики и, наконец, выражения, которые смело можно рекомендовать почтовому ящику юмористического журнала.

О, милое дитя! Святой Франциск Ассизский
Подобен был тебе, тебе душою близкий,
И, как гирлянды роз, как сладкий фимиам,
Ты именем своим благословляешь храм.

По-французски:

Enfant, François d'Assise
Etait pareil et son nom embaume et fleurdelise
Toute l'église.

то есть:

“Дитя, Франциск Ассизский был подобен тебе, но имя его украшает и наполняет благоуханием весь храм”.

Таких примеров много. – На стр. 73 Эллис смешивает слово *hanche* (бедро) со словом *hache* (топор), и получается ремарка: “слышны удары *ног* о дерево”; постоянно попадают прозаизмы: “пускай мне бок сверлит копьё” (стр. 29), “пусть весь мой дух зажжется вдруг” (стр. 31); рискованные или не совсем русские выражения: “дно алькова” (стр. 46), “жить отчужденным от алтаря” (стр. 53); неверные ударения: “опбен”, “тóрги”, “грбзней”; в стихах употребляются сплошь и рядом слова: экстаз, энергия, культ, монотонно, авторитет; и, наконец, неужели *художественны* следующие стихи:

Я жажду рая, я жажду, чтоб
Ногами мне сквернили лоб.

или:

Из-за тебя мы пали в бездну мук,
Мы все повешены теперь на черный крюк
Твоей судьбы...

или:

Я своего отца убил,
Мой мозг вином опбен был;
Безумный, как закваска в тесте,
Укрытая в секретном месте...

и еще:

Я мертв, и глением моим
Мой нос уже давно томим.

Мы привели далеко не все “погрешности” “художественного” перевода. Ах, остаться бы ему в “секретном месте”, в “Универсальной библиотеке” (которую мы благодарим за дешевизну изданий, а не за качество переводов), без предисловий г. Белого, стоящего на страже русской литературы!

⟨О ЛЬВЕ ТОЛСТОМ⟩

Толстой живет среди нас. Нам трудно оценить и понять это как следует. Сознание, что чудесное было рядом с нами, всегда приходит слишком поздно.

Надо всегда помнить, что сама жизнь гения есть непрестанное излучение света на современников. Этот свет остерегает от опасностей и близоруких: мы сами не понимаем, что, несмотря на страшные отклонения жизни от истинного пути, мы минуем счастливо самые глубокие пропасти; что этим счастлием, которое всегда твердит нам: еще не поздно, – мы обязаны, может быть, только недремлющему и незаходящему солнцу Толстого.

Интеллигенции надо торопиться понимать Толстого в юности, пока наследственная болезнь призрачных “дел” и праздной иронии не успела ослабить духовных и телесных сил.

1. Порфиоров. СТИХОТВОРЕНИЯ (ЗА 15 ЛЕТ).
2. Alexander. ПО БЕЗДОРОЖЬЮ. 3. Алекс. Струве. КΥΚΛΟΣ*.
4. Николай Третьяков. СБОРНИК СТИХОТВОРЕНИЙ. Кн. первая.
5. Сергей Грустный. В БЕССОННЫЕ НОЧИ.
6. Александр Вознесенский. ПАУТИННЫЕ ТКАНИ.
7. Алекс. Колчужский. АККОРДЫ.
8. М. Топорский. СТИХОТВОРЕНИЯ.
9. Н.В. Корецкий. ПЕСНИ НОЧИ.
10. А.М. Красовицкий. МИНУТЫ ПРОШЛОГО.
11. К. Талявин. БЕЗБУРНОСТЬ.
12. Вадим Гарднер. СТИХОТВОРЕНИЯ.
- 13 и 14. Л. Барский и П. Лучанский. ЗАВЯЗЬ.
15. Ф. Аккерман. ПЕРВАЯ КНИГА СТИХОВ

Пятнадцать новых поэтов! Да откуда же наконец? – восклицает испуганный читатель.

Нет, читатель! Во-первых, они не все новые, хотя, правда, большая часть. Во-вторых, их не пятнадцать только, а по крайней мере сотня. Передо мною лежит только сейчас и случайно пятнадцать книг стихов, из которых четыре – толщины неизмеримой.

Богатый улов! Стихи можно отныне мерить фунтами и пудами. Стихи отныне подвозятся к столицам на подводах, наравне со всякой прочей живностью (большая часть лежащих передо мной книг издана в Петербурге и Москве).

Стихи, с которыми я имею дело, составляют очень небольшую долю всего того, что уже торчит в книжных витринах, что еще валяется в редакциях во всех городах Российской империи, что заполняет страницы складочных листов вроде “Весны”.

Приняв во внимание сказанное, вы должны, читатель, почувствовать моей растерянности. Если та малая доля, которую я держу в руках, весит фунтов десять, то где уж тут “разбирать”? Все равно всего не разберешь – жизни не хватит. Верчу в руках книги, книжки и книжищи и предаюсь самым безра-

---

* Латинская транскрипция греческого слова κύκλος – круг. – Ред.

достным соображениям арифметического и статистического характера. Считаю, сколько все вместе стоит и сколько в таком случае должен стоять фунт стихов. Выходит, что-то очень дорого, так что стихи, должно быть, составляют предмет роскоши; но если так, то кто же потребляет их в таком количестве? Повсюду жалуются на обеднение, а тут вдруг оказывается наоборот: издания драгоценнейшие, украшенные воронами, венками, кошками, муарами и пейзажами; верно уж – нарасхват.

Однако позвольте представить список полузнакомых и незнакомых поэтов; вот он:

1) П о р ф и р о в. “Стихотворения” (за 15 лет). Посмертное издание с портретом, автографом и вступительной статьей А. Коринфского, где приводятся замечательные разговоры, вроде: “Ты, кажется, работал? Я помешал тебе?” – “Нет, ничего, успею...” Так же, осмелимся напомнить, беседовал частенько с Вл. Соловьевым покойный Величко (см. его воспоминания). Не будем тревожить памяти Порфиорова; его имя смутно напоминает что-то виденное в детстве, как будто оно мелькало на страницах “Нивы”.

2) А л е х а н д е р. “По бездорожью”. Ловкие и ни к чему не обязывающие декадентские стихи, напоминающие, как большинство современных декадентских стихов, преимущественно Валерия Брюсова. Имя Alexander’a, помнится, мелькало в “Перевале” и, как всегда, там пропадало.

3) А л е к с . С т р у в е. “Κύβλος”. И по содержанию, и по внешности – дряхлое декадентство, возбуждающее лишь отвращение. Таких книг в России мало кто не стыдился выпускать.

4) Н и к о л а й Т р е т ь я к о в. “Сборник стихотворений”. К н и г а п е р в а я. Оригинальничанье и признаки дурного бальмонтизма; и все-таки – банально.

5) С е р г е й Г р у с т н ы й. “В бессонные ночи”. 574 сплошных страницы.

б) А л е к с а н д р В о з н е с е н с к и й. “Паутинные ткани”.

Контур обольстительный,
Перегибы плеч...
Грудь тоскливо-нежная,
Жажущая мук.

Что уж тут “паутинного”?

7) А л е к с . К о л ч у ж с к и й. “Аккорды”. 188 страниц. Поэту “грустно видеть, как гибнут посевы на некультурных полях”, однако же он утверждает, что “печаль губит зачатки счастья” и что “счастлив, кто верует...” “Тепло ему на свете”, не правда ли?

8) М . Т о п о р с к и й. “Стихотворения”. 316 страниц. Рисунки Каразина.

В ночи бессонные, в ночи тяжелые
Думы стоят предо мной, –

говорит Топорский. Прибавим:

Пусть даже время рукой беспощадною
Нам доказало, что было в вас ложного.

9) Н.В. К о р е ц к и й. “Песня ночи”. “Строки его песен” – ожерелья из “слез”, “песни – цветы”, а “звезды” – это его “грезы”. Обложка – муаровая.

10) А.М. К р а с о в и ц к и й. “Минуты прошлого”. Автор посвящает книгу “доброжелателям и друзьям”. Мы – не из их числа. Впрочем, автор говорит: “Поэтом я себя не мнил”.

11) К. Т а л я в и н. “Безбурность”. “Прелюдии”. С т и х и п е р в ы е. Посвящается “К.Д. Бальмонту – отцу и поэту”. “Стихи написаны в тюрьме, в одиночном заключении, и вот почему доминирующее (?) настроение сборника – самодовлеющая безбурность” (?)

12) В а д и м Г а р д н е р. “Стихотворения”. С б о р н и к п е р в ы й, как и:

13 и 14) Л. Б а р с к и й и П. Л у ч а н с к и й. “Завязь” – интереснее других. Но, как и другие, не обещают ничего.

15) Ф. А к к е р м а н. “Первая книга стихов”. Самый интересный поэт, притом – из Тифлиса. Тифлисский Гейне:

Ниночка
Корзиночка,
Полная цветов!
Душечка,
Подушечка
С сердцем, но без слов.

Ф. Аккерман уверяет:

Мой дух сидит во мне. Никто его не тронет.

А заметили вы, читатель, еще угрожающие примечания: “книга первая”, “сборник первый”? Что ж теперь делать?

Смех смехом, а сколько потрачено на все это не только труда и денег, но, может быть, настоящего жара души, юношеской тревоги, которую авторы не сумели приложить решительно никуда, кроме этих книг? Когда подумаешь, так становится невыразимо жалко чего-то потерянного, невыразимо больно даже то, что сам смеешься. Но что же поделаешь? Чем подействуешь, кроме смеха? Правда, на большинство авторов, я знаю, и смехом не подействуешь. Одна юная авторша недавно писала мне в ответ на мою критику, что нет силы, “могущей остановить руку начинающего писателя”.

И все это смешно до тех пор, пока не трагично: бывают разочарования, бывает отчаяние, бывает хуже того – базарный успех на полгода (мало, что ли, теперь реклам и средств для такого успеха?), и потом – еще худшее, еще более трагическое падение.

А только жалеть, не бранясь и не смеясь, – какое я имею право? Ведь все это выдается за русскую литературу. И мало ли еще что...

Сергей Городецкий. РУСЬ. ПЕСНИ И ДУМЫ

Изд. Сытина, Москва. Цена 25 коп.

Если бы исполнение последней книги стихов С. Городецкого соответствовало ее замыслу, было бы уместно говорить о самом замысле, о том страшном, многоголовом чудовище, именуемом “Русью”, которое из рода в род влечет и губит своих певцов.

Но исполнение не соответствует замыслу. Книга “Русь”, несмотря на присутствие в ней нескольких удачных стихотворений (“Весна”, “Золотой Спас”, “Свирель в метелях”), строф и образов (“дожди ушли столбами”; гроза “про-свистела” дождями; “свирельный гимн по небу плыл и падал в тихие снега на занесенные луга”), – лишена цельности. В ней нет упорства поэтической воли, того музыкального единства, которое оправдывает всякую лирическую мысль; нет и упорства работы, которое заставляет низать кольцо за кольцом в целую цепь. Это – книга переходная, полунаписанная, а потому – достойная внимания только как страница биографии талантливого поэта.

На мой взгляд, причины такой неудачи лежат в общем стремлении большинства современных писателей предавать тиснению мысли незавершенные и образы неотчетливые. Не избежал этой участи и Городецкий, выпускающий книгу за книгой с неестественной быстротой. Нет ничего удивительного в том, что из шести уже вышедших в свет книг его стихов и прозы можно собрать только *одну* книгу хороших “лицейских” стихов: Городецкий начал печататься менее трех лет назад; до прозы же всякий поэт доходит работой многих годов, чему вечным примером служит работа Пушкина.

Всякая неотчетливая лирическая мысль, стремящаяся воплотиться преждевременно, становится тенденцией; будь это заоблачный “витязь”, или русский Христос, “Золотой Спас”, – тенденции не миновать, если образы не выношены. Из неотчетливости возникает тенденция в “Руси” С. Городецкого; тенденция заставляет его вопрошать, “где сияет солнце жарче”, чем на Руси? Из ряда неожиданных вопросов-ответов вырастает “витязь”, “жених”, которому все нипочем; он победоносно скачет по страницам книги (и только книги), спотыкаясь и не слушаясь стихов. Проскачет здесь – останется пустое место, там – стихи превращаются в банальность или прозу. Сколько ни засаживай поэт пустых и банальных мест разными неожиданно чувствительными “девушками-цветами”, – рано или поздно поэтическое чувство должно вернуться к нему; иными словами, он должен понять, что его скачущий “витязь” принадлежит к тем, которые дано “перевелись на Святой Руси”.

Невысокая цена и лубочность издания указывают на то, что книга предназначена для широких масс. Зачем? Это – несерьезность, производящая неприятное впечатление.

М. Пришвин. У СТЕН ГРАДА НЕВИДИМОГО

Москва. 1909

М. Пришвин напрасно называет свою вторую книгу “повестью”. Она может быть названа “путевыми записками” точно так же, как и первая книга его “За волшебным колобком”, – записки о крайнем севере России и Норвегии.

М. Пришвин прекрасно владеет русским языком, и многие чисто народные слова, совершенно забытые нашей “показной” и по преимуществу городской литературой, для него живы. Мало этого, он умеет показать, что богатый словарь, которым он пользуется, и вообще жизнеспособен, что богатства русского языка доселе еще далеко не исчерпаны.

К сожалению, М. Пришвин владеет литературной формой далеко не так свободно, как языком. От этого его книги, очень серьезные, очень задумчивые, очень своеобразные, читаются с трудом. Это – богатый сырой материал, требующий скорее изучения, чем чтения; отсюда много могут почерпнуть и художник, и этнограф, и исследователь раскола и сектантства. Для последнего особенно важна книга “У стен Града Невидимого”, дневник путешествия на озеро Светлояр, ко граду Китежу, прибавляющий нечто новое к впечатлениям такого же “дневника” З. Гиппиус (“Светлое озеро”, напечатанное?) в журнале “Новый путь”, а потом – в книге “Алый меч”).

М. Премиров. НЕМЫЕ ДАЛИ

Рассказы. Изд. «Общественной пользы», СПб., 1909

“Стояла женщина, такая юная, что казалась ребенком, безгрешным, прозрачным и прекрасным. И было чудно – не верилось, что возможна эта прозрачная, волшебная красота здесь – на грубой, жирной и плотяной земле. Казалось трепетным сном, одним из тех, что снятся в часы тяжелой, долгой болезни, когда внезапно становится легко, печально, сладостно и страшно, как перед тайной нездешнего бытия”.

Так пишет М. Премиров на той 261-й странице своей, состоящей из 400 страниц, книги, на которой остановился я. Остановился и как будто проснулся. Читаешь незаметно, точно во сне, десятки страниц, увлекаясь истинно современной беспредметностью. Все, как бывает, до мельчайших подробностей, в жизни, тупо, бессмысленно, безвыходно, плоско: кто-то в пьяном бреду, кто-то мечтает, кто-то влюблен, кого-то изнасиловали. Сапожники, рабочие, студенты, проститутки. И нет им конца; нет счета, как песку морскому и звездам небесным, человеческой гадости, человеческой бессознательности, человеческой несчастью и... рассказам г. Премирова. От него не спастись, как от кодака: все, что заметит, тотчас отобразит; а мало ли можно было

“кой-чего” заметить в те ужасные и милые годы, которые все мы пережили? Это недалекое прошлое окутал серенькой вуалью г. Премиров, а с ним вместе – десятки рассказчиков. Серенький, серенький и милый мир, баюкающий тем, что, как ни гляди, не заметишь над ним самой бледной, самой неполноцветной радуги искусства.

И на востоке и на западе – равно идет дождь; плачешь вместе с этим дождем, умиленно сложив бездейственные руки.

Но едва долетит до слуха неожиданный и посторонний звук из иного, солнечного мира, – проснешься и вспоминаешь, где был и что видел. Нигде не был, не видал ничего.

Ни о чем не пишет г. Премиров, он, в сущности, молчит, его сознание ничем еще не встревожено. Молчит и смотрит на своего читателя простыми, грустными и вопрошающими глазами, гипнотизирует. И все, о чем молчит, так привычно, знакомо и оступительно, что при благоприятных обстоятельствах можно и не проснуться до 261 страницы.

Сергей Кречетов. ЛЕТУЧИЙ ГОЛЛАНДЕЦ **Вторая книга стихов**

Книгоиздательство «Гриф», Москва

Стихотворения С. Кречетова не прельщают новизной и свежестью. Главные недостатки их – подражательность и торжественность, далеко не всегда уместная, – сказались еще в первой “Алой книге” его стихов. Он склонен к шумихе слов, иногда переходящей в банальность (“Корсар”), иногда – к модным сюжетам (“Дровосек”).

Несмотря на то, что С. Кречетов не нашел своего, ему одному принадлежащего, мира, надо признать, что он любит мир поэзии вообще, и любит по-настоящему, заветной любовью. Если он не поэт, то у него есть заветное в искусстве, о чем сам он говорит в стихотворении, озаглавленном “Младшим судьям”:

Так! Я не поэт! Но моей багряницы,
Шутя и смеясь, не снесу я на торг.

По-видимому, любовь С. Кречетова к миру поэзии, где нет суеты и корысти, растет. По крайней мере вторая книга его стихов и по строгости выбора и по форме значительно превосходит первую. Здесь С. Кречетов уже не только искусно подражает, он порою преломляет по-своему напев и размеры других поэтов. К сожалению, влияние на него оказывают пока исключительно представители “нового искусства” и главным образом его русские современники. Его переживания стали бы глубже, сложнее и разнообразней, если бы он причастился также поэзии других веков.

Н. Тимковский. ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

Том VI, Москва, 1910

Петр Ильич и Ираида Ильинишна Желатиновы – брат и сестра – переселились в Петербург из провинции и поступили один в университет, а другая – на фельдшерские курсы.

Они тратили деньги только на книги, товарищей и самовар и жили душа в душу, пока Петр Ильич не начал беспокоиться о том, что Ираида Ильинишна не по дням, а по часам бледнеет, худеет и перестает интересоваться науками. Петр Ильич стал замечать, что от Ираиды Ильинишны пахнет духами, чего прежде не случалось, что у нее в комнате пахнет табаком, чего тоже не бывало. Наконец, “взгляд его упал” на кончик письма, которое он не утерпел – прочитал.

Пока Петр Ильич терзался собственной недобросовестностью и изнемогал от догадок, Ираида Ильинишна вспрыснула себе морфию и умерла, разбросав повсюду “шпильки, выбившиеся из разметанных волос”, и оставив в наследство своему несчастному брату дневник размером около одного печатного листа.

Выяснилось, что причиной всех этих беспокойств был негодный, но прекрасный доктор С. В дневнике своем Ираида Ильинишна, между прочим, писала: “Милый друг мой! Мне очень тяжело... Потому и пишу тебе... Это разрывает мне сердце...”

А может быть, на самом деле, все женщины – такие же, как я, и все мужчины – такие же, как С.?.. Не я ли так жадно хотела свободы?.. Презираю себя...

Пишу в последний раз... Прощай, Петя!”

Прочтя эти потрясающие и страшно новые слова, Петр Ильич пошел в лес, сел там, стал подслушивать “глухой ропот деревьев” и увидел “загадочную мглу кругом”. Что случилось с ним дальше – неизвестно.

Судьба Желатиновых настолько заинтересовала нас, что на остальные семь рассказов мы и взглянуть не хотели, пока автор не потрудится при поднять завесу над последующей деятельностью Петра Ильича. Поэтому ждем с нетерпением седьмого, восьмого, девятого и десятого томов.

«ВЗМАХИ». ОРГАН МОЛОДЫХ
Выпуск 1. Москва, 1909–1910

Павел Сухотин. АСТРЫ. Поэмы отошедшему

Москва, 1909

Новые поэты, критики и беллетристы.

Г-ну Светлогору принадлежат следующие критические мысли: “Полеты творческого духа начали каменеть, не успев взлететь”, “Открывается новая дверь, мы на пути через нее. Но пока не знаем, где эта дверь”.

Г-ну Агтеенке принадлежат новые слова: “вуально” и “глушина”.

Г-ну Ясному принадлежат ряд оригинальных настроений: “Тяжело на душе: свинцовые гири давят и душат, точно клещами сжимается сердце, мелькает мысль: стоит ли жить? Все надоело, все возмущает, отчаяние проникает все существо, так холодно, пусто кругом”.

Г-ну Сухотину принадлежат новые рифмы: “абажура – Шура”, “плечи – гречи”, – и новые выражения: “локон червонной липы”, “золотая гниль”, “броженные аллеи” и “ветер листья сгрудил”.

Что же, довольно и этого.

А. Бурнакин. ТРАГИЧЕСКИЕ АНТИТЕЗЫ

Изд-во «Сфинкс», Москва, 1910. Цена 1 р.

Г-н Бурнакин говорит: «Просто не могу молчать о том, чего замалчивать нельзя; просто я возмутился, взволновался, и моя книга кричит “караул”; ее цель – оскорбить, обидеть, уязвить больные места, поднять бунт, взбудоражить».

Действительно просто. Но “простота” г-на Бурнакина не им началась, не им и кончится; она – удел всех малограмотных людей; идеи г-на Бурнакина принадлежат также не ему, а как раз тем, на кого он гневается. Что же остается на долю автора? – Стиль провинциального репортера.

Не за свое дело берется г-н Бурнакин.

Константин Шрейбер. ТИХИЕ КАНУНЫ

Москва, 1910

Книга такая же, как ее обложка: на бледной синьке – неуклюжие линии со стеблем неправдоподобного зеленого цвета. Автор, написавший очень много о любви, о страсти, об измене, об утраченных и вновь найденных путях, по-видимому еще совсем мальчик, не знающий жизни, но уже испуганный ею.

Книга очень искренняя; так и хочешь говорить в ее пользу – никакой в ней нет рекламы, фанфаронства, вульгарности, никакого следа грязной пятерни, ставшего “книжным знаком” сотен книг последних лет. Однако в пользу автора сказать можно очень немного, а именно: у него есть один только хороший мотив – о мертвом ребенке и о мертвом Христе, и то этот мотив слишком часто повторяется. Остальные достоинства книги к поэзии уже не относятся.

Стихи как стихи – слабы. “Вольные” размеры не удаются, эпитеты не блещут новизной (“безумная страсть”, “светлая греза”, “лучистое облако”), рифмы большей частью – банальны или неправильны. Автор назвал книгу “Канунами”, а сам не умеет склонять этого слова: думает, что родительный падеж множественного числа – “канун”, (как “именин”).

Мне не кажется, что из К. Шрейбера выйдет поэт, хотя он обладает чистой, чувствительной и возвышенной душой. Хочу пожелать ему трудного пути жизни, а не искусства. Своей литературой К. Шрейбер может надломить свою душу и убить волю, которой в книге и без того почти не чувствуется.

В конце книги автор обещает вторую: “Обретенные пути”. Вот это уже совсем нехорошо!

Д.С. Мережковский. СОБРАНИЕ СТИХОВ

(1883–1910)

Изд. «Просвещение», СПб. Цена 1 рубль

Теперь, когда Мережковский прежних лет стал уже почти “классическим” писателем; когда уже не одно молодое поколение читает и перечитывает его историческую трилогию и исследование о Толстом и Достоевском; когда нынешний Мережковский ушел с головой в публицистику и проклинает искусство, – теперь именно трогательно прочесть эту небольшую книгу, где автор собрал все стихи, которым он “придает значение”; их очень немного: всего 49 лирических пьесок и 14 “легенд и поэм”. Это – за двадцать семь лет.

Мережковский совершенно прав, когда откидывает бóльшую часть своих произведений в стихи: они слабы; Мережковский всегда как будто стыдился

поэта в самом себе; в его мирозерцании всегда и было и есть нечто средневековое; такова и диалектика его, и поэзия; даже в ту пору, когда Мережковский любил “эллинство” (которое принимал несколько отвлеченно, по-майковски, как жизнерадостное и легкое, – еще по-“старинному”, как думали до Ницше и до последних ученых исследований), он с каким-то суеверным страхом относился ко всему телесному, солнечному, не закутанному в грубые складки средневековых одежд. Он считал грехом появление Полигимнии, и в гимнах, ею же внушенных, замаливал грех.

Трепеща перед Музой, он любил ее; пафос его стихов – молитвенный; это молитвы об отпущении греха любви к поэзии. Он пел всегда – покаяние. Голос Музы его напоминает крик петуха. Кругом холодная ночь, все искажено мраком. Петух бьет крыльями и неудержимо, еще нестройно, кричит голосом, отвыкшим от крика.

... среди глубокой тьмы
Петуха ночное пенье
Холод утра – это мы.

⟨НАД ЧЕМ РАБОТАЮТ ПИСАТЕЛИ⟩

Я работаю над поэмой; не буду рассказывать сюжета, так как это мешает исполнению. Кроме того, редактирую новое издание своих стихов, последний, третий том которого выйдет из печати в январе.

ОТВЕТ НА АНКЕТУ О ЛУЧШИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ 1913 ГОДА

Самыми важными литературными явлениями этого года я считаю: роман Андрея Белого “Петербург” и роман Бернгарда Келлермана “Туннель”. Первое из этих произведений говорит о судьбах России, исходя из ее ближайшего прошлого; второе – о судьбах Европы и Америки, исходя из их ближайшего будущего. Оба произведения как бы взаимно враждебны: у авторов, принадлежащих к разным расам, нет ни одного общего приема, ни одной общей точки зрения; и, однако, оба произведения, не лишённые крупных недостатков (особенно – первое), связаны друг с другом присутствием в обоих некоторого научного элемента, а главное, тем, что оба отмечены печатью исключительной значительности и рисуют нам величие нашего времени.

СЛЕДУЕТ ЛИ АВТОРАМ ОТВЕЧАТЬ КРИТИКЕ?

Может ли писатель отвечать своему критику? – Признаюсь, что я не вижу в этом вопросе никакой принципиальной остроты. Это – бытовой вопрос, ему не будет места в будущем, как не было места и в старину. Он продиктован современной оторопью, неестественной растерянностью, которая охватила нашу современность с 1905 года, в частности – и литературу.

Если любишь жизнь, не можешь не любить и этот больной пульс ее; разве можно в *эти* годы не быть в лихорадке? – Но и любя, надо знать, что это – лихорадка, что лихорадка должна пройти.

Писать – значит пребывать в особом мире, значит поститься и трудиться. Писать трудно и должно быть трудно. Создание художественного произведения есть совершенно особый вид труда, и если он затрачен в меру силы художника, он дает художнику и совершенно *особое удовлетворение* – сам по себе, независимо от всего. Значительно произведение или нет, судить не художнику; но, если особый, только ему одному свойственный, труд затрачен, – художник имеет право полагать, что его произведение говорит само за себя.

Критика, в большинстве случаев, умеет сказать мало соответствующего о произведении: ведь нельзя требовать от людей, чтобы и они побывали в мире художника, прошли вместе с ним трудный путь творчества; особенно от людей, которые так торопливы, как критики. Если же художник видит или знает, что его критик тоже затратил соответствующий труд на рецензию, что и он причастен к тому миру, то он может, пожалуй, вступить с ним в переговоры; разумеется, если это будет способствовать уяснению смысла художественного произведения. А впрочем...

Я вспоминаю Флобера, который может служить образцом поведения для всякого художника. Флобер был дружен с критиком Сент-Бевом, значит, мог думать, что Сент-Бев причастен к его миру. Когда вышел в свет роман “Саламбо”, Сент-Бев написал враждебную рецензию. Флобер ответил большим письмом; это целая статья, самостоятельный труд; и, однако, письмо не было предназначено для печати; публика узнала о его существовании из переписки Флобера, которая была опубликована, когда ни автора, ни критика уже не было в живых, а роман “Саламбо” стал известен всему миру.

Нам, читателям, стыдно не знать “Саламбо”; но письмо автора романа к его критику мы все-таки имеем право не читать.

Лучше писателю воздержаться. Лучше не вмешивать свое самолюбие в дело своей жизни. Пусть произведение говорит само за себя.

〈ЗАЯВЛЕНИЕ В РЕДАКЦИИ «БИРЖЕВЫХ ВЕДОМОСТЕЙ» И «ТЕАТРАЛЬНОЙ ГАЗЕТЫ»〉

Ал. Блок просит сообщить, что стихотворение его “Не подходите к ней с вопросами” инсценировано для экрана без его ведома и разрешения.

– Любя кинематограф, – говорит Ал. Блок, скорее домашней любовью, я не могу не порицать многих действий кинематографистов, главным образом в области обкрадывания писателей. С этим надо серьезно бороться.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ 〈ГАЗЕТЫ «БИРЖЕВЫЕ ВЕДОМОСТИ»〉

М.г., г. редактор!

Мы, нижеподписавшиеся, считаем своим долгом выразить искреннее возмущение по поводу тех выражений, которые допустил профессор В.Н. Сперанский в беседе с сотрудником “Биржевых ведомостей”. В утреннем номере от 16-го января напечатано буквально следующее: “Горький – живой труп, и гальванизировать его бесполезно”. Не желая оспаривать по существу более чем странное, с нашей точки зрения, мнение проф. Сперанского об авторе недавно написанной книги “Детство”, мы хотим, однако, подчеркнуть, что выражения, в которые это мнение облечено, неприличны с точки зрения литературной и оскорбительны с точки зрения человеческой.

*Поликсена Соловьева (Allegro),
З.Н. Гиппиус, Д.В. Философов,
Александр Блок*

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОТ РЕДАКТОРА ПЕРЕВОДА

〈Предисловие к переводу писем Г. Флобера к Каролине Комманвиль〉

Пять томов Коннардовского восемнадцатитомного издания Флобера посвящены переписке. Один из этих томов (пятый) отдан целиком письмам к племяннице Каролине, по первому мужу – Commanville, а по второму – Franklin Grout. Флобер переписывался с ней непрерывно с 1856 г. до смерти (в 1880 году). “Я люблю мою племянницу как родную дочь”, – писал он к Жорж Занд. “Может быть, именно благодаря обилию незначущих подроб-

ностей, письма эти позволяют глубже проникнуть в интимную жизнь моего дяди”, – говорит сама племянница в предисловии к пятому тому.

Мы следуем примеру Madame Franklin Grouet, посвящая письмам Флобера к ней отдельный том, и только присоединяем к нему ее собственные “Интимные воспоминания”, которые сама она предпослала первому тому переписки.

Из 390 писем французского издания здесь выбрано 274. Пропуски, сделанные в них, настолько редки и незначительны, что нет необходимости оговаривать их в издании, не предназначенном для ученых целей. Что касается остальных 116 писем, то, во-первых, многие из них представляют из себя лишь короткие записки, а во-вторых, все они полны слишком мелочных подробностей, едва для нужных для русского читателя.

В заключение мы считаем долгом оговорить, что Флобер имел обыкновение датировать свои письма, например, так: “Круассе, понедельник, 5 часов 1872 г.” В таких случаях мы сохраняем лишь обозначение места и года.

Все письма, как и во французском издании, расположены в хронологическом порядке.

Июль 1914. А.Б.

**Гюстав Флобер. ПЕРЕПИСКА
Часть третья (Письма. 1854–1880 годы)**

**Перевод А.А. Кублицкой-Пиотух.
Под редакцией Александра Блока**

В этом (последнем) томе собраны письма Флобера с 1854 года до смерти его (1880). Среди лиц, к которым они адресованы, многие слишком известны; из менее известных надо упомянуть особенно Madame Maurice Schlésinger, вдохновительницу “Сентиментального воспитания”, и Madame Roger des Genettes, по-видимому, вдохновительницу “Саламбо”; остальные, по большей части, так или иначе причастны к литературе.

Хотя из 633 писем, напечатанных в издании L. Conard (G. Flaubert. Correspondences. Paris. 1910, troisième et quatrième série), выбрано только 199, список корреспондентов Флобера почти исчерпан, а лица, имена которых не попали в нашу книгу, – немногочисленны и случайны.

Обозначения годов, которых нет в оригинале, заключены, как и в предыдущем томе, в скобки.

Май 1915. А.Б.

К ИЗБИРАТЕЛЯМ

Казалось бы, выборы гласных в городскую думу – дело маленькое, не имеющее связи с организацией нашей победы над врагом.

На самом деле – это не так.

Обновленческая партия имеет такое же отношение к хозяйству столицы, какое прогрессивный блок – к общегосударственному хозяйству.

Такова связь общая. А вот ближайшая.

Из отчета о деятельности городских попечительств, составленного Л.Я. Гуревич, следует ясно, что трудная работа налаживалась только там, где работали прогрессивные, обновленческие элементы. В остальных случаях дело шло крайне вяло.

Если теперь восторжествуют стародумцы, мы вверим огромный бюджет столицы, уже равный приблизительно бюджету, например, целой Швейцарии, – людям непросвещенным, темным и косным. Мы не можем учесть того вреда, который произойдет от этого. В частности, мы можем опасаться за судьбы семейств запасных и ратников, которые требуют теперь все больших забот.

Мы твердо знаем, что весь расчет стародумцев покоится только на косности и лени избирателей. Страна просыпается не по дням, а по часам. Но косности и лени все еще много. Все еще действуют кое-где разлагающие яды, которые расточались в течение десятков лет нововременцами всякого рода. Секрет их действенности заключался не только в каких-нибудь программах, которые они меняли, в зависимости от выгод, сколько в умелой пропаганде всякого воздержания от действия, в замалчивании вопиющих фактов.

Мы должны помнить, что чем больше ставится обывателям препятствий, чем более ограничено число их высоким цензом, – тем большая ответственность лежит на тех сравнительно немногих, кто может использовать свое избирательное право.

Мы все еще “ленивы и нелюбопытны” – по слову Пушкина, но как легко в данном случае победить свою лень!

Стоит только в назначенный день пойти к урне и опустить в нее свой бюллетень.

Не может быть сомнения в том, что в эту трудную минуту большинство бюллетеней будут содержать в себе имя из числа предложенных обновленческим комитетом. Пусть только все, кто может, используют свое право, твердо помня, что это – уже не маленькое дело, что это непосредственно связано и с обороной страны и со всяческим ее расцветом в будущем.

НЕЗАВЕРШЕННОЕ

〈ЗАПИСЬ В АЛЬБОМЕ А.Г. и М.К. МАКСИМОВЫХ〉

“Что делаешь – делай скорее”. – Верный этому завету – каждый день поднимает на плечи новую тяжесть и принимает в сердце новый кусок свинца. Если он при этом человек, а не рухлядь, он неустанно продолжает восхождение: пока не свалится где-то в горах. Но вот уже другой тащится вслед за ним. И жизнь торжествует. Александр Блок. 5 февраля 1908 г. Петербург.

СКАЗКА

Из всего этого – передо мной вырастает человек обезумевший от того, что “ничто не ново под луною”. У него¹ волосы поднялись дыбом², как языки пламени, черный плащ раздулся, у пояса – кинжал, на ручке его под луною зарделись рубины. Он видит море и старый город – остановил бег, оскалился – и сильный его подбородок прижался к рукоятке меча.

Ревель. Море.
Брюсов. Ибсен.

〈НАЧАЛО ПРЕДПОЛАГАЕМОГО ОТВЕТА ЧУКОВСКОМУ〉

В 1908–9 годах главной темой петербургских религиозно-философских собраний был вопрос об “интеллигенции и народе”. Были шумные споры, доходившие до крика; были веские возражения с “классовой” точки зрения наряду с глумлением, ехидством и истерическими выпадами; была борьба логик, самолюбий, дворянские покаяния, и “разночинская” самоуверенность, случаи¹ образцового непонимания друг друга и, обратно, какое-то² сверхпонимание, с полунамека, или вовсе без слов. Во всяком случае, было празднично и бодро³, старые и маститые писателя услышали в этой теме свое заветное

---

¹ У него / *Начато*: О

² поднялись дыбом, / подымались вверх

¹ и “разночинская” самоуверенность, случаи / и случаи

² обратно, какое-то / обратно, случаи

³ бодро / шумно

и старинное и ответили юным молодыми словами; верую⁴, что иные слова старых были тогда моложе и вечнее⁵ новых слов юных, что за ними⁶ таились опыт и пытка⁷ десятилетий, и что слова⁸ были белы, как⁹ седины самых говорящих, и бескорыстны, как они¹⁰.

Прошло несколько месяцев, и вопрос¹¹, как всегда бывает, сошел с очереди, пафос умер, как думали многие. В этом году, однако, мы слышим те самые ноты из уст К.И. Чуковского (см. его фельетон¹² в субботнем № “Речи” “Мы и они”). Тот самый пафос, растерянность, отчаянье в голосе, точно не прошло с тех пор целых три года... Итак, “интеллигенция и народ”, вопрос, самая постановка которого в том виде, как она делается, не только “не научна”, но и “безграмотна”¹³ (тогда приходилось слышать немало таких возражений), оказывается вечным лейтмотивом, одним из главных лейтмотивов той торжественной музыкальной драмы, которая фантастичнее и гениальнее многих сочиненных драм, и имя¹⁴ которой – русская жизнь. Лейтмотив только замирает, уступает на время другим или теряется¹⁵ в музыкальном хаосе, но с течением времени неудержимо вновь и вновь возникает¹⁶.

---

⁴ верую / хочется верить

⁵ моложе и вечнее / моложе

⁶ за ними / в них

⁷ таились опыт и пытка / таились пытка *Последняя буква обведена красным карандашом.*

⁸ и что слова / и они

⁹ белы, как / белы и бескорыстны, как

¹⁰ *Против этой фразы красным карандашом проставлен знак (?).*

¹¹ вопрос / вопросы

¹² см. его фельетон / фельетон

¹³ *Кавычки проставлены красным карандашом.*

¹⁴ и имя / имя

¹⁵ другим или теряется / другим, теряется

¹⁶ *Последнее слово приписано простым карандашом.*

ПРИЛОЖЕНИЯ

ДИТЯ ГОГОЛЯ

⟨Подготовительные материалы⟩

(С. 108)

I 123 “Если музыка нас оставит, что будет тогда с нашим миром?” (“Скульптура, живопись и музыка”).

170 Сумасшествие природы (Портрет).

171 “Или для человечества есть такая черта, до которой доводит высшее познание искусства и через которую шагнув, он уже похищает несоздаваемое трудом человека, он вырывает что-то живое из жизни, одушевляющей оригинал” (Портрет).

180 Кисть бросила на полотно первый туман, художнический хаос: из него начали делиться и выходить медленно образующиеся черты” (Портрет).

I 184 Гоголь Портрет

“Его грызла совесть; им овладела та разборчивая, мнительная болезнь за свое непорочное имя, которая чувствуется юношею, носящим в душе благородство таланта, которая заставляет если не истреблять, то, по крайней мере, скрывать от света те произведения, в которых он сам видел несовершенство, которая заставляет скорее вытерпеть презрение всей толпы, нежели презрение одинокого ценителя”.

185 Вдохновение, беспрестанно истребляемое при самом рождении, наконец, отвыкло навещать его.

185 Все непринужденное и легкое у поэта и художника достается слишком принужденно и есть плод великих усилий.

Гоголь

I 186 Уже жизнь его коснулась тех лет, когда все, дышащее порывом, сжимается в человеке, когда могущественный смычок слабее доходит до души и не обвивается пронзительными звуками около сердца (Портрет).

II 66 Сыплется величественный гром украинского соловья (Майская ночь).

РЫЦАРЬ-МОНАХ

⟨Подготовительные материалы⟩

(С. 136)

Вл. Соловьев, VI.

233. ⟨Для “чутких людей”, восприимчивых к голосу поэзии, любовные стихотворения (некот(орые)¹ Фета) могут служить гораздо лучшим подтвер-

---

¹ Слово написано над именем.

ждением некоторых мистических истин, нежели всевозможные школьные “доказательства”.

STRINDBERGIANA

(С. 142)

Л. 27

		Стриндберг I–II ¹
1849		Рождение ² . Портрет его отца, матери (т. VIII)
1870		Представление его первой одноактной пьесы ³ “В Риме” (Юбилей – 100-летие Торвальдсена) (Бранд(ес). 136) ⁴
<18>71		“Изгнанник” (драма, языческая) Исландия – Бранд(ес). 136 ⁵
<18>72		Мастер Улоф Большая драма ⁶ (первая редакция) – в прозе). Бранд(ес). 137 ⁷
<18>73		
<18>74		
Бьернс(он) начин(ает) заниматься современностью	<18>75	
<u>Ибс(ен)</u> . Столпы общества	<18>76	
	<18>77	
	<18>78	Мастер Улоф (последняя редакция) – в стих(ах)). Великолепное издание in quarto ⁸
Ибс(ен). Нора	<18>79	Красная комната (“Некоторое”) антихристианство – против учения о вечности адских мук. Впервые – известность настоящая) Здесь – еще свобода обоих полов, уравнение прав.

¹ Надпись простым карандашом.

² Вписано простым карандашом.

³ его первой одноактной пьесы / его пьесы Исправлено простым карандашом.

⁴ Вписано простым карандашом.

⁵ Вписано простым карандашом.

⁶ Вписано простым карандашом.

⁷ Вписано простым карандашом.

⁸ Последняя фраза надписана над текстом простым карандашом.

К 70-м годам – “Тайна пира” – историч(еская) драма (борьба действит(ельного) таланта с соперниками⁹ и зависть между художниками) – Бранд(ес). 137

Л. 28

Ибс(ен)		Стриндб(ерг) Ш
	1880	
<u>Ибс(ен)</u> . Привидения ¹⁰	<18>81	} Шведский народ (История Швеции), 2 т. Напечатана драма “Жена рыцаря Бенгта” Судьбы и приключения Швеции (два т(ома)) – повести из сред(них) век(ов) и XIV века // Путешествие Пера-Счастливчика // “Стихотворения и прозаические сочинения”
Ибс(ен). Докт(ор) Стокман	<18>82	
	<18>83	
<u>Ибс(ен)</u> . Дикая утка	<18>84	Утопии в действительности (социал(исты), Сен-Симон). “Женатые” (Жениться?) – 2 сборника. “Всякая всячина”. Процесс по поводу сборников “Жениться” (обвин(ение) в атеизме). – Блестящая самозащита, оправдание.
	<18>85	“Сомнамбулы” (стихотворение в <u>дейстическом</u> духе) Вера в христ(ианского) Бога
<u>Ибс(ен)</u> . Росмерсгольм	<18>86	“Политика” (атеистическая басня в марте, а в декабре он был “дейстом”). – Сын служанки. Развитие одной души.
	<18>87	} “ <u>Отец</u> ” ¹¹ Исповедь глупца Жизнь в Копенгаг(ене). “Графиня Юлия”. Сближение с Ницше, устроенное Брандесом, переписка с Н(ицше)
	<18>88	
	<18>89	

⁹ Слово вписано простым карандашом.

¹⁰ Все дальнейшие записи об Ибсене сделаны простым карандашом.

¹¹ Подчеркнуто синим карандашом.

80-е годы. Жители острова Гемзе (крест(янский) быт – “натур(ализм”)) – чистое описание природы и народа (как и “На шхерах”). “Жизнь обитателей шхер”.

Л. 28об.

В эти годы Гюисманс обвиняет маркиза Гуанта в причинении ему (Гюисм(ансу) на расстоянии боли в груди. “В 90-х годах по всему северу прошел водоворот безумия” (Брандес)¹². Появление Сара Пеладана и Розенкрейцера (?) (Сам Стриндберг отрицает влияние Гюисманса и Пеладана). “Раскаяние” Верлэна. Гюисм(анс) заним(ается) черной магией. В Норвегии Арне Гарборг занимается спиритизмом. (Сообщение о превращ(ении) червя). Будто вновь время Калиостро – говорит Брандес¹³.

Л. 29

		Стриндб(ерг) IV
Гедда Габлер	1890 (18)91	На шхерах
Сольнес	(18)92 (18)93 ¹⁴	“Ключи рая”. “Мрак, тоска, отчаянье, абсолютный скептицизм” (слова Ст(риндберг)га)
Мал(енький) Эйольф. Сообщения пастора Янсона. Дневники “Из мира духов”	(18)94	Статья Брандеса о Ст(риндберг)ге ¹⁵ . Antibarbarus (по-немецки – против современных химиков). Сообщ(е-ние) предполага(емых) открытий. Ученик Аристотеля о переходе воды в воздух. Поклонник единства, против множества элементов, превращение одного в другое – алх(и-мия).
Ибс(ен). Дж(он) Габр(иэль) Боркман	(18)95	

¹² Фраза подчеркнута красным карандашом.

¹³ Весь абзац на обороте л. 28 – запись простым карандашом.

¹⁴ К дате приписана красная стрелка.

¹⁵ Вписано простым карандашом.

	(18)96		
	(18)97	}	<u>Inferno</u> . Поповский – изменение имени какого-то писателя, враждовавшего с С(триндбергом) ¹⁶ . Легенды. “Виновны – не виновны?” (4 действия. 8 картин) ¹⁷ Послесловие к легендам.
	(18)98		
<u>Ибс(ен)</u> . Когда мы мертвы (пробуждаемся)	(18)99		Три историч(еские) драмы (Густав Ваза). Густав – Альберт. Жизнь в Париже – сближение с оккультистами. Записки студента Сорбонны. Стриндб(ерг) V ¹⁸
<i>Л. 30</i>			
	1900		Брандес дополняет свою статью ¹⁹ .
	(19)01		Королева Христина (Истор(ическая) драма)
	(19)02		Раздвоение (Развитие)
	(19)03		Одиночество (Одинокие)
	(19)04		Sagor (Сказки) Готические комна- ты
			} Рецензия в Весах <u>сейчас же.</u>
	(19)05		
	(19)06		
	(19)07		
	(19)08		
	(19)09		Черные знамена – последний роман ²⁰ . “На большой дороге” (“прощание с жизнью и самодекларации”) Черные знамена, Пляски Смерти
<i>Л. 31</i>			
			Стриндб(ерг) VI
	(19)10		
	(19)11		Вышли Синие Книги ²¹

¹⁶ Фраза Поповский ~ С(триндбергом). *приписана простым карандашом.*

¹⁷ Фраза “Виновны – не виновны?” (4 действия. 8 картин). *приписана простым карандашом.*

¹⁸ *Вписано простым карандашом.*

¹⁹ *Вписано простым карандашом.*

²⁰ *Вписано простым карандашом.*

²¹ *Вписано простым карандашом.*

Л. 31 (19)12 Самый последний замысел английской статьи²²
1 мая нашего Смерть
Статья о русской опасности?²³

Л. 32

Брандес. Скандинавская литер(атура) (перев. Лучицкий).

Ч. I (Норв(ежская)) – СПб., 75 к., ч. II (Швед(ская)) – СПб., 75 к.

Ч. III, IV (Датск(ая)) – СПб., Ц. 1 р. 50 коп.

Есть Скандинавск(ая) литер(атура) (Шв(еция) и Дания.) Киев, 1912. 75 коп.

М. Гарцфельд. Скандин(авская) литер(атура). СПб. 1899. ц. 80 коп.

С(триндбер)г. – Издание Саблина – 10 томов – 10 рублей

Посмотреть “Весы”

С(триндбер)г. Уединение рассказ. См.²⁴ “Одиночество” (в XIV т. изд(ания)

“Совр(еменные) Пр(облемы)”) – напечат(анный) в “Новом Пути” (посл(едний) № – декабрь 1904 г., стр. 68–85, перев. Гиберман).

Это (в Н(овом) П(ути) отрывки из “Одиночества”²⁵.

С(триндбер)г. Кредиторы, трагикомедия в прозе, перев. (и изд(ание)) Саблина – ц. 50 коп.

Очевидно – 1905–(6)?

Л. 32об.

- 1886 (по-шведски) Сын служанки
- 1887–88 Исповедь глупца (по-франц(узски))
- 1897 Ад (по-французски)
- 1897–8 Легенды (по-шведски)
- 1903 Одинокий (по-шведски)
- 1904 Готические комнаты
- 1885 Утопии в действительности
- 1889 Чандала
- 1890 На шхерах
- 1849 Рождение Стриндберга

Стринд(берг) – Автобиогр(афическая) заметка. Словарь Ефрона. Статья Эссейна, Фриче. Ист(ория) сканд(инавской) лит(ературы) Горна. Шерр – II 467. Брандес (Новое время, СПб., 1890–?) Литерат(урные характеристики). Киев 1903–?). З. Венгерова – Литерат(урные характеристики)? Литерат(урные) силуэты (Уайльд, Гюисманс, Стриндб(ерг)). СПб. 1909. 65 коп.

См. на обороте.

²² Вписано простым карандашом.

²³ Знак ? приписан простым карандашом.

²⁴ См. / С(триндберга) не то что Вариант вычеркнут и новый текст вписан синим карандашом.

²⁵ Фраза вписана синим карандашом.

Весы:

1904 № 1 стр. 69. А. Strindberg. Sagor (Сказки). Stockholm 1904. Hugo Gebres förlag. Pris. 3 kr. Рецензия М.Р.

№ 6 стр. 54. A.S. Götiske Rammen. Släkt-öden från sekelslutet. Stockholm. H. g. f. 1904. Прекрасная и обстоятельная рецензия М.Р. – мысли обо всем творчестве Стриндберга и, между прочим, о том, что его талант – “показатель тех *очередных* внутренних состояний, к которым подошла или подходит вся современная жизнь” и о “крике отрицания”

В Нов(ом) Пути – в последн(ей) книжке 1904 г. – перев(од) расск(аза) Стринд(берга). В Вопр(осах) Ж(изни) – ни слова о С(триндберге).

Н(овый) Путь 1904, 4–5: о Дав(иде) Фридр(ихе) Штраусе²⁶.

Стриндберг²⁷.

Бессмысленный порядок по изданию “Совр(еменные) проблемы”.

I Исповедь глупца. – 1887/8. Сним(ок) с бюста. (напис(ано) по-франц(узски), появилось по-нем(ецки) и по-фр(анцузски) в 1893/4

II Ад. 1897 (по-франц(узски)) “Предисловие” г-на Фриче. (Лунд 3 мая – 25 июня)

III На шхерах – 1890 Портрет 1893 г.

IV Утопии в действительности – 1884 (–5?) Портрет 1884 (Новеллы?)

V Красная комната – 1879

Очерки из жизни художников и писателей

VI Чандала – 1889 Критич(еский) очерк Эссвейна (89 страниц)

VII Готические комнаты – 1904 Портрет 1902 г.

VIII Сын служанки – 1886. По-шведски. Приложение – примечания Шеринга 1) послесловие, 2) параллельные десятилетия в жизни С(триндберга), его родословная

IX Исторические драмы

Энгельбрехт (4 действия)

перев(од) Ел. Благовещенской

Густав Ваза (5 действий)

перев(од) Благовещенской

Королева Христина – 1901

(4 действия)

²⁶ Приписано простым карандашом.

²⁷ Надпись синим карандашом.

- Х Перев(од) Э. Маттерн и А. Воротникова
Трагикомедия брака Эпиграф (издателей?) Ницше. (20 рассказов). –
1884–5(?)²⁸
Это назв(ано) “Петербург”²⁹ (?)

Л. 35

- ХІ Романтический пономарь.
(перев(од) Ел. Благовещ(енской))
Разрыв (повесть).
ХІІ Легенда – 187/8.
С посвящением (по-шведски) автора.
перев(од) А. Старк с послесловием (Лунд 23 IV 1898).
Графиня Юлия – 1888.³⁰
(перев(од) З. Венгеровой).
ХІІІ Развитие одной души – 1886 напечат(ано) гораздо позже³¹
(Писатель). (Роман)
1877–1888
Предисловие автора (автобиографич(еское) – окт(ябрь) 1909)
Мастер Улоф. – 1872–1878
(драма)
Перевод (обоих произв(едений) Анны Липшиц.

Л. 35об.

- ХІV Одиночество – 1903
(Отрывки отсюда напечатаны в “Новом Пути” (1904 г. № 12)
Отец (драма в 3-х действ(иях))
(перев(од) А. и П. Ганзен
Этот перевод издан также отдельно Скирмунтом (М. 1903 – 40 коп.).
Самуил (драма в 1 действ(ии))
перев(од) А. Воротникова
Пляска Смерти (драма 5 действий, 2 части)
перев(од) Э. Маттерн и А. Воротникова
ХV Черные знамена
Перев(од) Жихаревой

²⁸ Дата вписана простым карандашом.

²⁹ Вписано простым карандашом.

³⁰ Дата вписана простым карандашом.

³¹ Текст 1886 позже вписан простым карандашом.

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ И ВАРИАНТЫ

ГЕНРИХ ИБСЕН

(С. 64)

Варианты ЧА (ИРЛИ)

- С. 64.
- 8–9 должно служить предметом целого систематического курса / может послужить предметом целого курса
10 своих творений, / своих сочинений,
10 превосходных театральных пьес / превосходных пьес
11 и не только ряд / *а. начато:* и социальных *б.* и не просто ряд
12–13 мы ни на минуту не можем / мы не можем
13 наедине с книгой / *а.* наедине с самим *б.* одинокими в. наедине с чудесной книгой, как чувствуем себя, читая Данта, Эсхила¹, Платона,
16 на борту корабля / на борту того корабля
17 немолчный голос великого прибора / *а.* голос ветра *б.* голос волн *в.* голос великого прибора
18–19 на борту этого корабля ~ об отчаянье, / на борту корабля ~ о сне,
20 воды фьорда пронизаны огромным солнцем, / *а.* воды фьорда глубок(и), *б.* воды фьорда пронизаны солнцем,
20–21 и парус на мачте полон ветром, / парус на мачте вздут,
22 в этом / в моем
23 не пытаюсь даже анализировать / *а.* даже не пытаюсь анализировать *б.* не пытаюсь анализировать
25 исследовать путь / исследовать весь путь
27 большинство запросов Ибсена / большинство вопросов, выдвинутых Ибсеном
34 иную, скорее – синтетическую задачу: / иную задачу
35 указать вкратце три главных этапа на пути Ибсена, / *а.* познакомить вас вкратце с тремя основными фазами творчества *б.* познакомить вас вкратце с тремя главными фазами *в.* познакомить вас вкратце с тремя главными этапами на пути
36–37 выяснить дух творчества Ибсена, его пафос / *а.* остановиться на духе творчества Ибсена, так сказать, на его пафосе *б.* попутно выяснить дух творчества Ибсена, его пафос
37 языком русской критики. / языком критики

¹ *Надпись простым карандашом:* Данта, Эсхила / *а.* Данта, Платона *б.* Платона, Данта

38–39 После слов синтетическая, художественная задача. в ЧА знак // красным карандашом. Далее синим карандашом вычеркнут абзац:

Отечество Генриха Ибсена² (родившегося в год рождения Льва Толстого и сказавшего миру последнее слово в том самом 1899 году, когда Толстой завещал XX веку свое “Воскресение”. Не сравнивая и обобщая намеренно ничего³, я только указываю на роковое совпадение хронолог(ических) дат).

- С. 65. 1–2 Отечество Генриха Ибсена – норвежский городок Скиен с трехтысячным населением и с интересами исключительно коммерческими. / Отечество Ибсена – маленький норвежский городок Скиен с 3000 чел(овек) населением и с исключительно коммерческими интересами.
- 6 гул далеких водопадов, / гул водопадов,
11 Деятельно жить / Жить
12 под стон / под вопли
16–17 произошло не в дремучем лесу, / произошло в сером свете культурных будней, а не в дремучем лесу
19 позволено мне сказать, / позволено сказать
21–22 шестнадцати лет от роду, он видит впервые, как бы в награду, Северное море / он видит впервые Северное море
24–25 Фраза От этого удара не спаслась ни одна самая интимная сторона общественной жизни. *вписана*
31 по собственному выражению, “повертывает / “повертывает
36 народе, национальности, обществе. / народе, национальности.
36 сердце узнало любовь / *начато*: сердце искус(илось)
37 Внешним образом более одиноким, / Более одиноким
38 Теперь Ибсен – зрелый, женатый человек, / По возрасту Ибсен – зрелый мужчина,
39 он писатель, прославившийся, / писатель, прославившийся лишь недавно
40 и среди врагов. / и врагов.
43–44 гонениям и нужде, / гонениям, нужде,
44 Что же? Корабль / Что же, корабль
45 нечего править рулем, остается / нечего править им и остается
- С. 66. 3–4 с “Богом милосердия” (Deus caritatis), и сердце его только в руке / с “Богом милосердия”, и сердце его в руке
6 на новый путь, / на тот путь
9 эту нить / этот путь

² Вписано простым карандашом: Генриха Ибсена / Ибсена

³ Не сравнивая и обобщая намеренно ничего / не обобщая ничего Исправлено простым карандашом.

10 переход Ибсена от / переход от
 12-13 только гадать и пытливо вопрошать. / только пытливо во-
 13-14 прощать.
 13-14 именно последним, неразгаданным, он всего для нас
 дороже, / именно вторым последним он всего для нас до-
 14-15 роже,
 Ибсена “Дочери моря”, “Гедды Габлер”, Сольнеса, – / Иб-
 16 сена Сольнеса, “Гедды Габлер”, “Дочери моря”,
 17 Какой же решительный шаг / Какой же шаг
 17 Ибсен – высший индивидуалист, / Ибсен – индивидуалист,
 19 здесь, среди нас, осталась / здесь осталась
 21 с горы к людям. / с горы просто к людям.
 23 нельзя вечно твердить / нельзя твердить
 27 врачует язвы / лечит язвы
 29 представляли и представляют / представляют
 30-31 сделался реформатором, что “для / стал реформатором,
 “для
 31 он забыл / забыл
 33 Разве не тревожили давно уже / Разве давно уже не трево-
 жили
 37 ибо во всяком / как во всяком
 37-38 из одного первоначального источника. / из одного источни-
 ка.
 39 покидал родину, / покидает родину,
 40-41 вернулся вновь к бессолнечной родине / вернулся к той же
 бессолнечной родине
 41 все тем же / тем же
 42-43 Изменились его методы, его темы, даже наружность, даже
 почерк, / Изменились его темы, даже его наружность, даже
 его почерк,
 43-44 своему пути и “призванию”, / своему “призванию”,
 45 великим чернорабочим. / великим рабочим.
 С. 67. 8-9 на что опиралась / *начато*: кто
 9 вера и воля Ибсена? / такая вера и такая воля Ибсена?
 13 только свое собственное убеждение. / только свое убежде-
 ние.
 14 воля Ибсена, и всякого художника покоится / ^а воля Ибсена
 покоится ^б воля Ибсена как всякого художника покоится
 22 была ли Генриikka / была или не была Генриikka
 23 таких героинь / всех героинь
 23-24 как Сольвейг и Гильда, / *начато*: ^а как Сольвейг, потому
^б как Сольвейг или Гильда
 24 и была ли Сусанна / и была Сусанна
 25 Можно, не зная / Довольно, не зная
 26-27 даны ему вечно юной / даны ему как являющейся вечно юной

- 27 которой нет имени, “в надежде, / “в надежде,
29 открыла ему солнечный путь. / открыла ему его солнечный
путь.
- 31 Норвегия действительности, / *начато*: Норвегия, которой
32–33 скал и снегов, / скал и белых снегов
35 третьей ступени; / еще третьей ступени
35 переход этот гораздо менее резок / но переход этот гораз-
до таинственнее
- 37–38 *Перед фразой* Но я не вижу никакой возможности теперь
определить *зачеркнуто*:
Говорить о нем⁴ я не стану, отчасти потому, что чуть ли не
лучшую драму этого периода вы увидите сегодня, отчасти
потому, что
- 37–38 Но я не вижу никакой возможности теперь определить /
^a *начато*: Я не хочу ^b. Но я не вижу возможности разгадать
- 40–41 к господствующему, / к господствующему теперь
42 вероятно, много слышать / вероятно, слышать
- С. 68. 2 В его образах нет / У него нет
- 3–4 обиденные, простые слова, которые он умеет сочетать /
^a *начато*: обиденные слова, для которых только он кажет-
(ся) ^b. *начато*: обиденные слова, для которых только
- 5 узорных словесных гирлянд, / узорных гирлянд
- 6–7 у Оскара Уайльда и Габриэлэ д’Аннунцио, у Станислава
Пшибышевского, Конст. Бальмонта, / ^a. у Оскара Уайльда
или у Станислава Пшибышевского ^b. у Оскара Уайльда и
Габриэлэ д’Аннунцио, у Станислава Пшибышевского, у Гу-
го фон Гофмансталя, Конст. Бальмонта,
- 8 как у Кнута Гамсуна, Мориса Метерлинка, В. Брюсова. /
как у Кнута Гамсуна
- 9–10 кажется, так же холоден и незаметен, как чопорный и ак-
куратный образ его жизни. / ^a. *начато*: кажется такой же
^b. кажется так же холоден и чопорен, как его жизнь. ^c. ка-
жется так же холоден и чопорен, как размеренный и акку-
ратный образ его жизни.
- 13–14 В “Строителе Сольнесе” есть, например, / Сегодня вы ус-
лышите
- 16 пытался когда-то открыть секрет / *начато*: пытался когда
изуч(ить)
- 19 по стилю, путем изучения / по стилю, / *слово нрзб.*
- 20 сделать сейчас одно обобщение, / сделать обобщение,
21 даже не предвижу. / не предвижу.
- 25 голос одной струны / голос единой струны
- 26 *единому Богу, / одному Богу,*

⁴ Вписано простым карандашом: Говорить о нем / Говорить об этом переходе

- 27–28 или иная изысканность / изысканность
29 виднейших представителей / представителей
30 простота стиля / бедность стиля
30–31 я хочу предоставить / я и могу предоставить
32 указать надежнейший фарватер / указать фарватер
33 литературы Европы, / литературы Европы и России,
34–35 разумеется, это / разумеется, что это
36 курсом корабля Ибсена. / курсом этого великого северного
корабля Ибсена.
38 писатели далеко не беспочвенны, / писатели не беспоч-
венны,
43 священной брони, / той священной брони,
43 нельзя выйти / нельзя теперь выйти
44 Внешняя холодность / *а. начато*: Эта-то броня и заставляет
ведь *б.* Его внешняя холодность
С. 69. 1 бурной души / бурной северной души
7 все пленительны / все они пленительны
7 Доверить же себя / Доверить же душу свою
8–9 таинственный внутренний голос, / тот таинственный внут-
ренний голос
9 который позволял / *начато*: который без(ошибочно)
10 руководил величайшими / руководил и величайшими
13 Генрихом Ибсенем, среди густых туманов / среди густых
туманов
15–16 ни любовь к нему / ни любовь
17 трагедий Ибсена – значит / трагедий Ибсена, одна из кото-
рых сейчас пройдет перед вами – значит
19 мы все виноваты. / мы виноваты
20 Трагедия Строителя Сольнеса есть, / Трагедия, которая
сейчас пройдет перед вами, есть,
25–26 спор об эстетике и морали, о красоте / спор о красоте
26–27 *После слов* или “злой” нескольких десятков лет – все ра-
но. *новый абзац начинался*:
а. Вот почему *б.* И потому сегодня вы
28 представления драмы Ибсена / представления Ибсена
30 должны быть примирены / будут удовлетворены
31 и это высшее / *начато*: В чув(стве)
32 Прекрасное владеет / Это прекрасное владеет
34–35 “Строитель Сольнес” – один из прекраснейших гимнов
юности в литературе / *начато*: Сегодня вы услышите один
из прекраснейших гимнов юности, которые знал
35 гимн скальда, для которого “юность – / гимн, в котором
“юность
36 Здесь вы соприкасаетесь / *начато*: Вы узнаете

- 37–38 вы знакомитесь без труда – / вы познакомитесь не логикой
теоретического разума, без труда с одной из мировых истин, с железным законом, быть может –
- 38–39 но единственно внутренним путем / но внутренним путем
40 закону всемирного тяготения. / законам притяжения и всемирного тяготения
- 42 может облагодетельствовать / он может облагодетельствовать
- 43 Горе ему, / ^{а. начато:} Что ему ответить ^{б. начато:} Горе т(огда)
- 44 в Новом завете, / в Св. Писании
- С. 70. 3 на ее упорный / ее пря(мой)
- 3 на ее / и на ее

НАРОД И ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

(С. 70)

Варианты ЧА (ИРЛИ)

- С. 70. Заглавие Народ и интеллигенция / ^{а.} М. Горький и народ ^{б.} Россия и интеллигенция (по поводу “Исповеди” Горького) ^{в.} Россия и интеллигенция (доклад, читанный в СПб. Религиозно-философском и в СПб Литературном обществе)◇
- 6 (в 1908 году) / ^{а.} В этом году ^{б.} Как в тексте. ^{в.} В этом (1908) году◇
- 9 Баронов говорит: / Г. Баронов утверждает:◇
- 9 улеглось, и река / улеглось, река◇
- 11 сор разделяется / сор докладчик разделяет◇
- 11–12 относятся только те, / он относит только тех,◇
- 13 вся та часть / всю ту часть◇
- 16–17 с мировоззрением социал-демократов, в частности, / с мировоззрением социал-демократии, и в частности – ◇
- 18 за то, что / в том, что◇
- 21 Баронова / г. Баронова◇
- 22 хочу сначала определить / хочу только высказать, по возможности кратко,◇
- 24–25 об отношениях между интеллигенцией и народом / о России и интеллигенции, об отношениях между интеллигенцией и народом◇
- 25–26 Эти отношения ~ недолжными. / ^{а.} Образ этих отношений, каков он есть в настоящее время, представляется мне не только ненормальным, не только недолжным. ^{б.} Эти отношения в настоящее время представляются мне не только ненормальными, не только недолжными.◇

- 26 В них / В нем ◊
 27 к ним / к нему ◊
 27 страшно становится, когда / ^а. страшным становится этот образ, как только ^б. страшно становится, как только ◊
 31 какого-то целого. / какого-то определенного целого. ◊
 31 Это / Вот это-то
 34–35 да и сама действительность / да и действительность ◊
 35–36 является вопрос об интеллигенции и народе. / является “интеллигенция и народ”. ◊
 37 Баронов / Г. Баронов ◊
 37 фразой; его / фразой, и его ◊
 38 Я хотел бы поставить вопрос резче и беспощаднее; это / Впрочем¹, не в этом – центр его доклада, да он и не мог бы, если бы и хотел, разрешить вопроса². Не решаю вопроса и я, – я только ставлю его; но поставить вопрос я хотел бы резко и беспощадно, это ◊
 39 Боюсь / Я боюсь ◊
 40 уже / уже где-то ◊
 С. 71. 3 я – интеллигент, литератор / я – интеллигент, и ◊
 4–5 ответов словесных / ответов словесности ◊
 5 есть у всех нас / ведь есть у нас у всех, я думаю, ◊
 6 есть слово / есть какое-то слово ◊
 7–8 Рассуждение ~ разбор “Исповеди”. / ^а. Только что прочитанный реферат о “демотеизме” представляется мне интересным, главным образом, как литературная статья, как критический разбор “Исповеди” Горького. ^б. Рассуждение г. Баронова о “демотеизме” представляется мне интересным, главным образом, как литературная статья, как критический разбор “Исповеди”³. ◊
 8–10 Я думаю, что упреки ~ не удалось. / Поскольку это литературная критика, с ней можно соглашаться и не соглашаться. Я, например, думаю, что упреки, обращенные г. Бароновым к Горькому, идут как-то мимо Горького, что, несмотря на хороший подбор цитат, г. Баронову не удалось ◊
 11–12 соприкасается с Луначарским, то в своих подходах к делу, в размахе души / соприкасается хотя бы с Луначарским, то в своих исканиях пути, в размахе души⁴ своей, в своей буре и своей тишине, ◊
 13–14 Горький – русский художник ~ величины. / Горький – большой русский художник, Луначарский – теоретик социаль-демократии, – величины несоизмеримые. ◊

¹ Впрочем / Впрочем, едва ли

² разрешить вопроса / разрешить

³ Фраза следует с нового абзаца.

⁴ души / пути

- 15–16 Есть факты ~ не имеющие никакого значения; например: /
 Существуют факты ~ не имеющие никакого значения или
 имеющие значение самое малое. К подобным⁵ фактам от-
 носятся, как мне кажется, следующие:◇
- 16 взяточник, / государственный взяточник,◇
- 17 социал-демократ / социаль-демократ◇
- 19–20 Бледная повесть Горького “Мать” – только один из этапов
 / О социал-демократизме Горького можно еще было гово-
 рить, когда появилась самая бледная его повесть “Мать”
 или некоторые из его неудачных⁶ статей, написанных в ост-
 рый революционный период. Теперь же, по-моему, ясно,
 что эта повесть и эти⁷ статьи были – только одним из
 этапов◇
- 22–23 ни в теоретическом, ни в практическом / ни в научном, тео-
 ретическом, ни в дурном практическом◇
- 23 Догматов / Напротив, догматов◇
- 24 боялся; это делает / боялся, что одно уже делает◇
- 24 всей русской / всей великой русской◇
- 25–26 некоторую инстинктивную / какую-то инстинктивную◇
- 26–27 стремилась переплестись через логику. / т(о) е(сть), как
 можно уже сказать теперь непарадоксально⁸, – к логике, к
 рационалистическим построениям, к силлогизму.◇
- 28 Отношение Горького / Отношение же Горького ◇
- 29 общественного и государственного / общественного или го-
 сударственного◇
- 29–30 известно; многие / известно, и многие◇
- 30 стали выражениями / стали даже выражениями◇
- 32 Если свою “Исповедь” / *начато*: Если в повесть◇
- 32 заканчивает молитвой / заканчивает как бы молитвой◇
- 33 его повести / этой повести ◇
- 34 отказывается проповедовать, он только / не проповедует, но◇
- 34 *После* смятенно ищет. *вычеркнут абзац*:
 Теперь так темно кругом, что, пожалуй, трудно разглядеть
 во тьме кричащего человека. Слышен только его голос⁹.
 Голос Горького – один из самых страстных и сильных голо-
 сов, но лица его, как и лиц других кричащих, мы не видим,
 потому что отделены друг от друга непроницаемой тьмой.
- 35 говорил о *найденном* / кричал о найденном◇
- 36 еще недавно / еще так недавно◇
- 37 от злобы; если / от злобы, и если◇

⁵ К подобным / К таким

⁶ некоторые из его неудачных / *начато*: некоторые его неудачные

⁷ и эти / или эти

⁸ непарадоксально, – непарадоксально, опираясь на исторические факты,

⁹ его голос / его страстный голос

- 37–38 иное чувство / новое чувство ◊
 38 последняя повесть, / последняя повесть “Исповедь”, ◊
 38 то это – никак не чувство / ^а. то это чувство никак нельзя
 назвать чувством ^б. то его никак нельзя назвать чувством ◊
 39–40 ничего конкретного / ничего реального, конкретного ◊
 40–41 неизменно обращен лицом художника, мы сомневаемся,
 есть ли у него у него / обращен неизменно лицом художни-
 ка, и мы сомневаемся даже, есть ли у него еще ◊
 41 Именно таково мнение широкой публики, / ^а. *начато*: По
 крайней мере ^б. Именно таков голос публики ^в. Именно та-
 ков голос широкой публики, ◊
 42–43 и готова опять слушать его, когда он заговорит художест-
 венным языком. / потом стала забывать его, и, наконец, те-
 перь, когда он вернулся на свой истинный путь, еще не при-
 няла¹⁰ его слова, но, может быть, готова опять слушать и
 принять ◊
 44–45 В “Исповеди” ~ гораздо слабее, / Если в “Исповеди” и слы-
 шится¹¹ отзвук публицистической проповеди, то, во-пер-
 вых, он безмерно слабее основной и все возрастающей но-
 ты, во-вторых, он слабее, ◊
 с. 72. 1 Вульгарная публицистика и наивная проповедь / Эта вуль-
 гарная публицистика, эта наивная проповедь ◊
 2 не говорящая нам, уходит / не говорящая нам, для нас нев-
 нятная ◊
 3 героя “Исповеди” / героя его “Исповеди” ◊
 4 его бездейственная злоба, проклятия / та его бездействен-
 ная злоба, те проклятия ◊
 5–6 Очищается его глубокое и прозрачное, как река / И очи-
 щается его широкое, глубокое и прозрачное¹², как русская
 река ◊
 6–7 верим больше, чем разуму / ^а. верим гораздо больше, чем
 его разуму ^б. верим гораздо больше, чем разуму
 8 возражения Баронова / мне кажется, возражения г. Бароно-
 ва ◊
 9 о чем Баронов / о чем он ◊
 10 а с Гоголем; / ^а. но с Гоголем и Чеховым ^б. но с Гоголем, ◊
 10–11 с духом современной “интеллигенции” / с духом “интели-
 генции” ◊
 11 Это и есть / Эта ценность и есть ◊
 12–13 интеллигентских / интеллигентных ◊
 14 сердце же Горького / но сердце Горького ◊

¹⁰ не приняла / не обрела

¹¹ и слышится / еще слышится

¹² глубокое и прозрачное / глубокое, прозрачное

- 15 требовательно и сурово, по-народному, / любит Россию, но требовательно и сурово, ◇
- 15–16 сестру и жену / сестру и супругу ◇
- 16–17 Это конкретная ~ любовь / Это именно конкретная любовь ◇
- 17 к родным лохмотьям / не к международному, а к¹³ национальному, не к пролетарскому стягу, но к родным лохмотьям ◇
- 18 Любовь эту знали / Любовь, которую знали ◇
- 19 Некрасов, Успенский, Полонский / Некрасов, Полонский ◇
- 20–22 потому, что положение ~ таких у нас / потому, что¹⁴, мне кажется, положение Горького очень исключительно и очень значительно как положение¹⁵ писателя, вышедшего из народа, каких теперь ◇
- 23–24 в торопливых, противоречивых и отвлеченных / в торопливых¹⁶ и противоречивых, рационалистических и отвлеченных ◇
- 24–25 зато, может быть, он принадлежит к тем немногим, кому / но, может быть, он принадлежит зато к тем немногим, которым ◇
- 26 у кого есть противоядие, “хорошая кровь”, / *a.* у которого есть противоядие, та “хорошая кровь”, *b.* у которых есть противоядие, “хорошая кровь”,
- 27 душа”. / душа”, как говорит одно действующее лицо “Исповеди”. ◇
- 29 Антоний в “Исповеди” и / Антоний и ◇
- 34 Горький всегда / Горький и всегда ◇
- 34–35 таких сдержанно смеющихся людей “себе на уме”, / этих¹⁷ смеющихся людей, ◇
- 35 впору вернуть / впору сказать ◇
- 37 чувствуется. / чувствуется здесь, рядом, настороже. ◇
- 37–39 поговорите с таким ~ не обругает. / Когда говоришь с таким человеком, никогда не чувствуешь уверенности, что он не предпочтет словесному возражению – двинуть попросту кулаком в зубы или обругать последними словами¹⁸.
- 39–40 его герои стали / эти герои стали только ◇
- 40 теперь они опять / но теперь опять ◇
- 41 к молчанию. / к умолчанию. ◇

¹³ а к / но к

¹⁴ потому, что / так долго, потому что

¹⁵ положение / *начато*: положение выпш(едшего)

¹⁶ в торопливых / в несвойственных ему торопливых

¹⁷ Слово не вычеркнуто.

¹⁸ последними словами. / по самому нехорошему.

- 43–44 проснулось ~ народолюбие и с той поры не оскудевало. / проснулась ~ “любовь к народному” и с той поры не оскудевала. ◇
- С. 73. 44 собирают материалы / собирают тщательно матерьялы ◇
- 1–2 сборниками ~ причитаний; исследуют русскую мифологию, обрядности, свадьбы и похороны; / ^а сборниками ~ причитаний, исследованиями о русской мифологии, обрядности, свадьбах, похоронах, ^б сборниками ~ причитаний, исследуют русскую мифологию, обрядности свадеб, похорон,
- 2 печалуются о народе; / печалются о народе, ◇
- 4 *поняли даже душу / поняли душу* ◇
- 5 *После как поняли? следует:* – Не страшны ли эти всё понявшие люди? ◇
- 8–9 она всегда сидела / она сидела ◇
- 11 та благодарность за “учение” / ^а *начато*: та ирон(ия) ^б та благодарность и извинения ◇
- 12–13 нам всегда казалось, / нам кажется, ◇
- 13 медленное пробуждение / ^а медленное и совершенно непонятное пробуждение ^б медленное и ¹⁹ совершенно непонятное нам ²⁰ пробуждение ◇
- 15 что знают, кажется, все виды смеха; / что, кажется, они знают все виды смеха – мрачного и беззаботного, рыдающего и веселого. ◇
- 16 на ту иронию, / на иронию, ◇
- 17 смех сквозь слезы, на соловьевский хохот, – / смех сквозь слезы, – ◇
- 18 нам станет / и станет нам ◇
- 19 не придумано ли / не придумано ◇
- 20 страшное разделение? / это страшное разделение? ◇
- 21–22 не только два понятия, но две реальности; / не только понятия, но реальности; ◇
- 23–24 с другой; люди, взаимно друг друга не понимающие в самом основном. / ^а с другой. ^б с другой – людей, взаимно друг друга не понимающих в чем-то самом основном. ◇
- 25 Среди сотен / Среди нескольких сотен ◇
- 25 торопливое брожение, / непрестанное и торопливое брожение, ◇
- 27 не разобраться и опытному слуху; / не может разобраться самый опытный слух; ◇
- 27 такой гул / такой же гул
- 28 говорит сказание. / говорит легенда. ◇

¹⁹ Слово не вычеркнуто.

²⁰ Слово не вычеркнуто.

- 28–29 бесчисленные телеги за Непрядвой, стоит людской вопль, а на туманной реке / ^а какие-то бесчисленные телеги за Непрядвой, стоит людской крик, а на Непрядве в тумане ^б какие-то бесчисленные телеги за Непрядвой, стоит людской вопль, а на реке в тумане ◊
- 31–32 Но и над станом Дмитрия Донского стояла / Но над станом Димитрия Донского тоже стояла ◊
- 32 воевода Боброк, / воевода, ◊
- 32–34 припав ухом ~ полыхала / прислушавшись к земле. Потому что слышно было, как неутешно плакала где-то вдовица, как мать билась о стремя сына. И еще полыхала над русским станом ◊
- 35–36 некая черта / какая-то черта ◊
- 36 те и другие. / как бы и те и другие. ◊
- 36–37 такой соединительной черты / такой черты ◊
- 38–39 но как тонка ~ странно и необычно / ^а но как узка теперь эта черта, как странно и всегда необычно ^б но как узка эта нынешняя черта, как странно и всегда необычно ◊
- 40–41 Сходятся рабочий и сектант, ~ с чиновником / Здесь сходятся и рабочий, и сектант²¹, и босяк, и крестьянин – с писателем²² и с общественным деятелем, и с чиновником ◊
- 42 Но тонка черта; по-прежнему / ^а Но черта узка, и по-прежнему ^б Но черта узка; по-прежнему ◊
- 44 относятся / ^а Как в тексте. ^б относится
- С. 74. 1 тонка эта черта / узка эта черта ◊
- 2 вилась она, прозрачная, между двух станов, а в ночь / вилась²³ она, невинная и прозрачная²⁴ между двумя станами, а на другую ночь ◊
- 3 она текла, красная от русской и татарской крови. / согласно легенде, текла она русской и татарской кровью. ◊
После этих слов зачеркнуто: Моя параллель – только параллель.
- 4 На тонкой согласительной черте / На узкой черте кажущихся соглашений ◊
- 5 большие люди / *начато:* огром (ные) ◊
- 5–6 всегда как бы свидетельствуют, что вражда / ^а как бы свидетельствуют, что дело не прос <то> ^б как бы свидетельствуют всегда, что вражда ◊
- 8 но практический, / но есть вопрос практический, ◊
нам еще неизвестным, / нам неизвестным, ◊

²¹ и сектант, / и сектант и пр(очие)

²² и босяк и крестьянин – с писателем, / и босяк с писателем,

²³ вилась / *начато:* изв(ивалась)

²⁴ невинная и прозрачная / невинная

- 8 Люди, выходящие / Эти люди, являющиеся[◇]
 8–9 являющие глубины / являющие какие-то глубины[◇]
 9–10 немедленно враждебны / немедленно как-то враждебны[◇]
 12 представляются нам забавной диковиной; / всегда представляются нам все-таки какой-то забавной диковиной;[◇]
 14 помехой “интеллигентским” началам; прав / ^a враждебны “интеллигентским началам”, и прав ^b помехой “интеллигентским” началам; и прав
 16–17 интеллигенция, давшая Достоевскому умереть в нищете, относилась / интеллигенция относилась[◇]
 18 По-своему / Может быть, по-своему²⁵[◇]
 она была права; / ^a Как в тексте. ^b она права.
 18 между ними и ею была / ^a потому что между ним и ей ^b потому что между ними и ей была
 19 черта” (пушкинское слово), которая определяет трагедию / черта”, гениальное пушкинское слово, которое оказалось определением трагедии[◇]
 19–20 Эта трагедия за последнее время выразилась / ^a Может быть, эта трагедия выразилась ^b. Может быть, эта трагедия за последнее время выразилась ^c Эта трагедия в последнее время выразилась
 21 толстовского; эта противоположность / ^a толстовского, и эта непримиримость ^b толстовского, и эта противоположность[◇]
 21–22 даже гораздо острее и тревожнее / ^a гораздо острее и тревожней ^b. даже гораздо острее и тревожней
 24 знаменательным явлением / тревожным явлением[◇]
 26 непонятно интеллигентам то, что он любит и как он любит. / ^a неизвестно нам то, что он любит. ^b неизвестно нам то, что он любит и как он любит.[◇]
 27 Любит он ту же Россию, / ^a А любит он Россию, ^b. А любит он ту же Россию,[◇]
 27 но иной / но любит, может быть, иной[◇]
 28 живет его любовь, – / живет эта любовь,[◇]
 29 “себе на уме”, с усмешкой / себе на уме и с усмешкой[◇]
 30–31 “мы” любим ~ “здоровая кровь”. / ^a *начато*: Против горьких ^b. Мы любим одно, но, может быть, против горьких ядов нашей любви у него есть противоядие – какая-то “здоровая кровь”. ^c. Мы любим одно, но разной любовью и, может быть, от разлагающих ядов нашей любви у него есть противоядие – “здоровая кровь”.[◇]
 33–34 которые обоготворяют ~ и страшного. / ^a которые способны молиться ему, – ведь мы не дикари, чтобы обого-

²⁵ Фраза продолжает предыдущий абзац.

- творять что-нибудь за то только, что²⁶ оно неизвестно и страшно. ^{б.} которые теперь обоготворяют его, – ведь мы не дикари, чтобы творить божество из неизвестного и страшного.◇
- 35 давно не поклоняемся народу, / мы уже не обоготворяем его,◇
- 36 ибо искони / потому что искони◇
любовь и наши помыслы / любовь, наши помыслы◇
- 39 вытацив / вытацивши
40 Баронов / г. Баронов◇
- 41 сверхлитературная часть его доклада / нелитературная часть всего доклада◇
- 41 Путей / Но путей ◇
- 44 Нужно любить Россию, нужно “проездиться по России”, / “Надо любить Россию, надо проездиться по России”,◇
- С. 75. 13 Россия!” / Россия!” (XIX–XX письмо из “Переписки с друзьями”)◇
- 14–16 Увы, они и теперь ~ “отец русской интеллигенции”. / ^{а.} Не покажутся ли они ему и теперь предсмертным бредом, не вызовут ли того²⁷ истерического бранного²⁸ крика, который кричал на Гоголя²⁹ Белинский, самый характерный русский интеллигент? ^{б.} Не покажутся ли они ему и теперь предсмертным бредом, не вызовут ли все тот же истерический бранный крик, которым кричал на Гоголя Белинский, самый характерный русский интеллигент?◇
- 17 нам непонятны / разве нам понятны◇
- 19–20 уже не знаем / уже не понимаем◇
- 21 кажется, “самый нелюбопытный / “самый нелюбопытный◇
- 21–22 писал Мережковский, / писал недавно Мережковский,◇
- 25 перед которым / “непонятною тоскою перед которым◇
- 28 повсюду” (Гоголь). / повсюду (XXXII письмо).
- 29–30 Или действительно ~ от России? / Что если действительно непереступима черта, отделяющая интеллигенцию от народа, от России?◇
- 30–32 Пока стоит ~ что есть / ^{а.} Пока существует такое сомнение, интеллигенция и сама по себе осуждена бродить, двигаться и вырождаться в заколдованном круге, потому что незачем отречься от себя, пока не веришь твердо, что есть³⁰ ^{б.} Пока существует такое сомнение, интеллигенция осуждена

²⁶ что / чтобы

²⁷ того / такого же

²⁸ истерического бранного / истерического

²⁹ кричал на Гоголя / кричал Гоголю

³⁰ что есть / что есть что-то

- бродить, двигаться и вырождаться в заколдованном круге, потому что незачем отречься от себя, пока не веришь твердо, что есть ◊
- 33 можно еще / еще можно ◊
- 35–36 самое обыденное требование / или, наконец, самое неотвлеченное, самое обыденное требование
- 42–43 видим это и слышим об этом каждый день. Это / видим это каждый день. И это ◊
- С. 76. 2 всех видов. / всех видов – от грубейших до тончайших, от бросающегося в Неву студенты с запиской в кармане до застреливающейся в благоуханном будуаре Гедды Габлер. ◊
- 5 подобное дело / всякое подобное дело ◊
- 10–11 черту”; а может быть, на нечто еще более страшное и неожиданное. / черту”. А может быть еще более того, еще страшнее и неожиданнее? ◊
- 12 представлять себе Россию / мыслить о России и представлять ее ◊
- 13 но этот сон кончается, тишина / но что, если кончается этот сон, если тишина ◊
- 14 непохожим на смешанный городской гул. / так непохожим на смешанный и дисгармонический гул городов. ◊
- 16 ответа нет, / ответа не было, ◊
- 18 Тот гул, / Что если тот гул, ◊
- 19 ясней и ясней, / а. яснее и яснее ^{б.} ясней и яснее
- 19–20 Что, если тройка / ^{а.} Что, если тройка эта ^{б.} Что если бешеная тройка ◊
- 21 Бросаясь / И, бросаясь ◊
- 21–22 под ноги бешеной тройке, / под ноги тройке, ◊
- 23 чаще два / чаще только два³¹ ◊
- 25 вокруг уже господствует тьма? Каждый / вокруг господствует уже – полная тьма и каждый ◊
- 26 другого, чувствует только себя одного. Можно / другого, но чувствует только себя одного? И можно ◊
- 28–29 повисла косматая ~ копыта. / повисла уже косматая грудь черного коренника, повисли и готовы опуститься его тяжелые копыта. ◊
- После этой фразы надпись красным карандашом: Конец статьи. Далее вычеркнуто красным:*
- Все эти рассуждения и соображения мои³² клонятся лишь к тому, чтобы поставить три вопроса:

³¹ Фраза продолжает предыдущий абзац.

³² Все ~ мой / Все рассуждения мои

1) действительно ли есть непреходимая, “недоступная черта” между интеллигенцией и народом, интеллигенцией и Россией?³³

2) Если да, то остается ли надежда на что-либо, кроме “знаменитой *силы инерции*”, недаром прославленной Победоносцевым в 1881 году? Но ведь и инерция имеет свой предел, так что без вечного страха³⁴ за свою культуру, за жизненный уклад, за семью, за искусство, за науку – все равно не прожить. А какая же работа плодотворна под игом такого страха? Страх можно победить только самозабвением и гибелью³⁵.

3) Если же переходима эта глубокая черта, эта очарованная и проклятая пропасть, – то каковы же пути к народному³⁶ сердцу любимой и до сих пор неузнанной лицом к лицу родины – России?³⁷

На л. 39 текст: Нам, интеллигентам, уже нужно торопиться, мож(ет) быть, вопросов *теории* и быть уже не может, сама практика насущна и страшна.

(С такой мыслью я вступил в религ(иозно)-фил(ософское) общ(ество) 29 окт(ября) 1908 года).

На л. 37об. надпись:

Мне хотелось бы читать этот доклад не с тем чувством, с каким читают в театрах³⁸, даже не с тем, с каким приступаешь к чтению публичной лекции. Мне хотелось бы, чтобы главное внимание было обращено на *содержание* тех *вопросов*, какие я ставлю, ближ(айшим) образом, на отношения интеллигенции и народа, интеллигенции и России, а *не* на *форму* моего изложения, не на те эстет(и-ческие) и д(ругие) особенности³⁹ лирического стиля, без которых я не могу, хоть⁴⁰ иной раз и хотел бы, обой-

---

³³ между интеллигенцией и народом, интеллигенцией и Россией? / между интеллигенцией и Россией?

³⁴ без вечного страха / без страха

³⁵ После этих слов на л. 37 проведена красная черта, далее вычеркнуто красным:

Если же разделение народа и интеллигенции преодолимо, то вопрос о [том, какие пути для этого должны быть избраны] путях преодоления, вопрос, уходящий корнями в *глубину истории, русской мысли*, представляется насущнейшим вопросом для всех и особенно, [по-моему] мне кажется, для собраний религиозно-философского общества.

Александр Блок

Конец реферата “Россия и интеллигенция” (чит(ал) 14. XI в религ(иозно)-фил(ософском) общ(естве). Прения запрещены)

На л. 38 верхний слой этого текста вновь воспроизведен и вычеркнут красным и синим. От слов самозабвением и гибелью. проведена стрелка к 3).

³⁶ к народному / к любимому народному

³⁷ После этого абзаца проведена красным карандашом двойная черта.

³⁸ в театрах, / в театрах и вообще зрелищах,

³⁹ те эстет(ические) и д(ругие) особенности / те особенности

⁴⁰ хоть / если

тись, и за которые я извиняюсь заранее перед искренностью и непосредственностью того⁴¹ восприятия моих слов, которую⁴² я⁴³ хотел бы найти в сегодняшней аудитории⁴⁴.

Варианты журнала «Золотое руно»

- С. 70.   Заглавие   Народ и интеллигенция / Россия и интеллигенция
6   (в 1908 г.) / в этом году
9   Баронов говорит: / г. Баронов утверждает:
11   сор разделяется / сор докладчик разделяет
11–12   относятся только те, / он относит только тех,
12   сам себя сознал / сам сознал себя
13   вся та часть / всю ту часть
15–20   *Фраза Основываясь ~ науки. продолжает предыдущий абзац.*
17   в частности / и в частности
18   за то, что / в том, что
21   Баронова / г. Баронова
22   хочу сначала определить / хочу только высказать, по возможности кратко,
24–25   об отношениях между интеллигенцией и народом. / о России и интеллигенции, об отношениях между интеллигенцией и народом.
25–26   Эти отношения ~ недолжными. В них / Образ этих отношений, каков он есть в настоящее время, представляется мне не только ненормальным, не только недолжным. В нем
27   к ним / к нему
27–28   страшно становится, когда интеллигент / страшным становится этот образ, как только интеллигент
31   какого-то целого. / какого-то определенного целого.
31   Это / Вот это-то
35–36   является вопрос об “интеллигенции и народе”. / является “интеллигенция и народ”.
37   Баронов / г. Баронов
37   одною фразой; его / одной фразой, и его
38   Я хотел ~ беспощаднее; это / Впрочем, не в этом центр его доклада, да он и не мог бы, если бы и хотел, разрешить вопроса. Не решаю вопроса и я, – я только ставлю его; но поставить вопрос я хотел бы резко и беспощадно, это

⁴¹ искренностью ~ того / искренностью того

⁴² которую / какую

⁴³ я / мне

⁴⁴ в сегодняшней аудитории. / ^a в вас. ^b в собравшихся.

- С. 71.
- 39 Боюсь / Я боюсь
40 уже / уж где-то
4 есть у всех нас / ведь есть у нас всех, я думаю,
7-8 Рассуждение Баронова ~ разбор / Рассуждение г. Баронова о “демотеизме” представляется мне интересным, главным образом, как литературная статья, как критический разбор
8-9 Я думаю ~ несмотря / Поскольку это литературная критика, с ней можно соглашаться и не соглашаться. Я, например, думаю, что упреки, обращенные г. Бароновым к Горькому, идут как-то мимо Горького, что – несмотря
10 Баронову / г. Баронову
11-12 соприкасается ~ в бессознательном – / соприкасается хотя бы с Луначарским, то в своих исканиях пути, в размахе души своей, в своей буре и в своей тишине, в бессознательном –
15 Есть факты / Существуют факты
15-16 никакого значения, например: / никакого значения или имеющие значение самое малое. К подобным фактам относятся, мне кажется, следующие:
19-20 Бледная повесть ~ один из этапов / О “социал-демократизме” Горького можно еще было говорить, когда появилась самая бледная его повесть “Мать” или некоторые из его неудачных статей, написанных в острый революционный период. Теперь же, по-моему, ясно, что эта повесть и эти статьи были только одним из этапов.
22-23 ни в теоретическом, ни в практическом / ни в научном теоретическом, ни в практическом
23 Догматов / Напротив, догматов
24 боялся; это делает / боялся, что одно уже делает
25-26 некоторую инстинктивную / какую-то инстинктивную
26-27 стремилась переплеснуться через логику. / т(о) е(сть), как можно уже теперь сказать непарадоксально, к логике, к рационалистическим построениям, к силлогизму,
28 Отношение Горького / Отношение же Горького
29 быта общественного / общественного быта
29 слишком известно; многие / слишком известного, и многие
32 заканчивает молитвой / заканчивает как бы молитвой
33 его повести / этой повести
33 Вслед / Вослед
34 отказывается проповедовать, он только смятенно / не проповедует, но смятенно
36 еще недавно / еще так недавно
37 от злобы; если / от злобы, и если

- 38 то это никак не чувство / то его никак нельзя назвать чув-
ством
- 39–40 ничего конкретного / ничего реального, конкретного
40–41 неизменно обращен лицом художника, мы сомневаемся,
есть ли у него иное лицо / обращен неизменно лицом ху-
дожника, и мы сомневаемся даже, есть ли у него еще иное
41 мнение широкой / мнение и широкой
42–43 и готова ~ языком. / потом стала забывать его, и, наконец,
теперь, когда он вернулся на свой истинный путь, на путь
художника, еще не приняла его снова, но, может быть, го-
това опять слушать и принять.
- 44 В “Исповеди” слышится / Если в “Исповеди” и слышится
45 но он безмерно ~ и гораздо слабее / то, во-первых, он без-
мерно заглушен основной и все возрастающей нотой, во-
вторых, он слабее
- С. 72. 1 Вульгарная публицистика и наивная проповедь / Эта вуль-
гарная публицистика, эта наивная проповедь
3 монахиня, / монахиня:
4 его бездейственная злоба, проклятия / та его бездействен-
ная злоба, те проклятия
- 5–6 Очищается его глубокое и прозрачное, как река / И очища-
ется его широкое, глубокое и прозрачное, как русская река
6 верим больше, / верим гораздо больше,
7 обрывкам / отрывкам
8 возражения Баронова / мне кажется, возражения г. Баро-
нова
9 Баронов / г. Баронов
10 а с Гоголем, / но с Гоголем,
11 Это и есть / Эта ценность и есть
12–13 интеллигентских / интеллигентных
14 сердце же Горького / но сердце Горького
16 Это конкретная / Это именно конкретная
17 любовь к родным лохмотьям, / Любовь – не к международ-
ному, но к национальному, не к пролетарскому стягу, но к
родным лохмотьям
18 Любовь эту знали / Любовь, которую знали
20–22 потому, что положение ~ таких у нас / потому, что, мне ка-
жется, положение Горького очень исключительно и очень
значительно как положение писателя, вышедшего из наро-
да, каких теперь
23–24 в торопливых, противоречивых и отвлеченных / в торопли-
вых и противоречивых, рационалистических и отвлеченных
24–25 зато, может быть, он принадлежит к тем немногим, кому /
но, может быть, он принадлежит зато к тем немногим, ко-
торым

- 26 у кого есть / у которых есть
27 гордая душа”. / гордая душа”, как говорит одно действующее лицо “Исповеди”.
- 29 Антоний в “Исповеди” и / Антоний и
34 Горький всегда / Горький и всегда
37 чувствуется. / чувствуется здесь, рядом, настороже.
- 37–39 поговорите с таким ~ не обругает. / Когда говоришь с таким человеком, никогда не чувствуешь уверенности, что он не предпочтет словесному возражению – двинуть попросту кулаком в зубы или обругать последними словами.
- 40 теперь они опять / но теперь опять
41 к молчанию. / к умолчанию.
- 43–44 проснулось ~ народолюбие и с той поры не оскудевало. / проснулась ~ “любовь к народному” и с той поры не оскудевала.
- 44 собирают материалы / собирают тщательно матерьялы
С. 73. 1–2 сборниками ~ причитаний; исследуют русскую мифологию, обрядности, свадьбы и похороны; / сборниками ~ причитаний, исследованиями о русской мифологии, обрядности, свадьбах и похоронах;
- 5 *После как поняли?* – Не страшны ли эти *все* понявшие люди?
- 8–9 она всегда сидела / она сидела
12–13 нам всегда казалось, / нам кажется,
13 медленное пробуждение / медленное и совершенно непонятное пробуждение
15 что знают, кажется, все виды смеха; но / что, кажется, они знают все виды смеха – мрачного и беззаботного, рыдающего и веселого. Но
16–17 научили нас Гейне и еврейство. / Научил нас Гейне и еврейство.
- 23–24 с другой; люди, взаимно друг друга не понимающие в самом основном. / с другой – людей, взаимно друг друга не понимающих в чем-то самом основном.
- 25 торопливое брожение, / непрестанное и торопливое брожение,
27 не разобраться и опытному слуху; / не может разобраться самый опытный слух;
28 говорит сказание. / говорит легенда.
- 28–29 бесчисленные телеги за Непрядвой, / какие-то бесчисленные телеги за Непрядвой,
29 на туманной реке / на реке в тумане
32 Дмитрия / Димитрия
32–34 припав ухом ~ полыхала / прислушавшись к земле. Потому что слышно было, как неутешно плакала где-то вдовица,

- как мать билась о стремя сына. И еще полыхала над русским станом
- 35–36 некая черта / какая-то черта
- 36 те и другие. / как бы и те и другие.
- 38 но как тонка / но как узка
- 38–40 черта ~ необычно / черта, как странно и всегда необычайно
- 40 Сходятся рабочий и сектант, / Здесь сходятся и рабочий, и сектант, и босяк,
- 41 с чиновником / и с чиновником
- 42 Но тонка черта; / Но черта узка,
- 1 Не так ли тонка / Не так же ли узка
- 2 она, прозрачная, между двух станов, а в ночь / она, невинная и прозрачная между двумя станами, а на другую ночь
- 3 она текла красная от русской и татарской крови. / согласно легенде, текла она русской и татарской кровью.
- 4 На тонкой согласительной черте / На узкой черте кажущихся соглашений
- 6 всегда как бы свидетельствуют, / как бы свидетельствуют всегда,
- 7 но практический, / но есть вопрос практический,
- 8 нам еще неизвестным / нам неизвестным
- 8 Люди, выходящие / Эти люди, являющиеся
- 14 началам; прав / началам; и прав
- 16–17 интеллигенция, давшая Достоевскому умереть в нищете, относилась / интеллигенция относилась
- 18 По-своему / Может быть, по-своему
- 18 между ними / между ним
- 19 черта” (пушкинское слово), которая определяет трагедию / черта”, гениальное пушкинское слово, которое оказалось определением трагедии
- 19–20 Эта трагедия / Может быть, эта трагедия
- 21 толстовского; эта / толстовского, и эта
- 22 острее и тревожнее / острее и тревожней
- 24 знаменательным явлением / тревожным явлением
- 26 непонятно интеллигентам то, / неизвестно нам то,
- 27 Любит он, / А любит он
- 30 и от разлагающих. / и, может быть, от разлагающих ядов
- 33–34 которые обоготворяют его; мы / которые теперь обоготворяют его, ведь мы
- 35 мы давно / мы уже давно
- 36 ибо искони / потому что искони
- 39 вытащив / вытащивши
- 40 Баронов / г. Баронов
- 41 свэрхлитературная часть его доклада. Путей / нелитературная – только часть всего доклада. Но путей

- 44 нужно “проездитья по России”, / “нужно проездитья по
 C. 75. 13 Россия!” / Россия!” (XIX–XX письмо из “Переписки с друзь-
 ями”)
 14–16 Увы, они и теперь ~ “отец русской интеллигенции”. / Не
 покажутся ли они ему и теперь предсмертным бредом, не
 вызовут ли все того же истерического бранного крика, ко-
 торым кричал на Гоголя Белинский, самый характерный
 русский интеллигент?
 21–22 писал Мережковский, / писал недавно Мережковский,
 28 повсюду” (Гоголь). / повсюду (XXXII письмо).
 29–30 интеллигенцию от России? / интеллигенцию от народа, от
 России?
 30 Пока стоит такая застава, / Пока существует такое сомнение,
 31 ей незачем / потому что незачем
 31–32 пока она не верит, / пока не веришь твердо
 36–37 самое обыденное требование / просто самое неотвлечен-
 ное, самое обыденное требование
 43 Это естественно / И это естественно
 44 высшее, начало. / высшее, новое начало.
 C. 76. 2 всех видов. / всех видов – от грубейших до тончайших, от
 бросающегося в Неву студенты с запиской в кармане до за-
 стреливающейся в благоуханном будуаре Гедды Габлер.
 5 подобное дело / всякое подобное дело
 10–11 черту”; а может быть, на нечто еще более страшное и не-
 ожданное. / черту”. А может быть еще более того, еще
 страшнее и неожиданнее.◇
 12 представлять себе Россию / мыслить о России и представ-
 лять ее
 13 но этот сон кончается, тишина / но что, если кончается этот
 сон, если тишина
 14 непохожим на смешанный городской гул. / так непохожим
 на смешанный и дисгармонический гул городов.
 18 Тот гул, / Что если тот гул,
 19 ясней и ясней, / яснее и яснее
 21 Бросаясь / И, бросаясь
 23 чаще два / чаще только два
 24 отчаянья / отчаяния
 25 уже господствует тьма? Каждый / господствует уже полная
 тьма; и каждый
 26 другого, чувствует только себя одного. Можно / другого, но
 чувствует только себя одного? И можно
 30 После тяжелые копыта. –
 Все эти рассуждения и соображения мои клонятся лишь к
 тому, чтобы поставить три вопроса:

1) Действительно ли есть непреходимая, “недоступная черта” между интеллигенцией и народом, интеллигенцией и Россией?

2) Если да, то остается ли надежда на что-либо, кроме “знаменитой *силы инерции*”, недаром прославленной Победоносцевым в 1881 году?

Но ведь и инерция имеет свой предел, так что без вечного страха за свою культуру, за жизненный уклад, за семью, за искусство, за науку – все равно не прожить. А какая же работа плодотворна под игом такого страха? Страх можно победить только самозабвением и гибелью.

3) Если же переходима эта глубокая черта, эта очарованная и проклятая пропасть, – то каковы же пути к народному сердцу любимой и до сих пор неузнанной лицом к лицу родины – России?

⟨ЗАМЕТКА К ДОКЛАДУ «РОССИЯ И ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ⟩

(С. 70)

ЧА (ИРЛИ)

Мне хотелось бы читать этот доклад не с тем чувством, с каким читают в театрах¹, даже не с тем, с каким приступаешь к чтению публичной лекции. Мне хотелось бы, чтобы главное внимание было обращено на *содержание* тех *вопросов*, какие я ставлю, ближ(айшим) образом, на отношения интеллигенции и народа, интеллигенции и России, а НЕ на *форму* моего изложения, не на те эстетич(еские) и д(ругие) особенности стиля², без которых я не могу, хоть³ иной раз и хотел бы, обойтись, и за которые я извиняюсь заранее перед искренностью и непосредственностью того восприятия⁴ моих слов, которую я⁵ хотел бы найти в сегодняшней аудитории⁶.

Варианты автографа:

¹ в театрах, / в театрах и вообще, зрелищах,

² не на те эстетич(еские) и д(ругие) особенности стиля, / не на те особенности моего стиля,

³ не могу, хоть / не могу, если

⁴ перед искренностью и непосредственностью того восприятия / перед искренностью того восприятия

⁵ которую я / какую мне

⁶ в сегодняшней аудитории. / ^а в вас. ^б в собравшихся.

ВОПРОСЫ, ВОПРОСЫ И ВОПРОСЫ

(С. 76)

ЧН (ЗК₂₃)

И вот поднимается тихий занавес наших сомнений, противоречий, падений и безумств: слышите ли вы¹ задыхающийся гон тройки? Видите ли ее, ныряющую по сугробам мертвой и пустынной равнины?² Это – Россия летит неведомо куда – в сине-голубую пропасть времен – на разубранной своей и разукрашенной тройке. Видите ли вы ее звездные очи – с мольбою обращенные к нам: – Полюби меня, красоту мою! – Но нас от нее отделяет эта бесконечная даль времен, эта синяя морозная мгла, эта снежная звездная сеть. – Кто же проберется навстречу летящей тройке[,] тропами тайными и мудрыми, кротким словом остановит взмыленных коней, смелой рукою опрокинет демонского ямщика и

ИРОНИЯ

(С. 87)

Первая редакция газеты «Речь»

Я не люблю иронии твоей.
Оставь ее отжившим и нежившим,
А нам с тобой, так горячо любившим,
Еще остаток чувства сохранившим, –
Нам рано предаваться ей.

Некрасов

Самые живые, самые чуткие дети нашего века поражены какою-то страшной болезнью, болезнью, незнакомой телесным и духовным врачам. Эта болезнь – сродни душевным недугам и может быть названа “иронией”. Ее проявления – приступы изнурительного смеха, который начинается с дьявольски-издевательской, провокаторской улыбки, кончается – буйством и кощунством.

Я знал и знаю десятки людей, которые готовы задохнуться от смеха, общая, что умирает их мать, что они погибают с голоду, что изменила невеста. Человек хохочет – и не знаешь, выпьет он сейчас, расставшись со мною, уксусной эссенции, увижу ли его еще раз? И мне самому смешно, безумно смешно, что этот самый человек, терзаемый смехом, повествующий о том, что он всеми унижен и всеми оставлен, – как бы отсутствует; будто не с ним

---

¹ вы / начато: вы то

² равнины? / России?

я говорю, будто и нет этого человека, только хохочет передо мною его кощунствующий рот. Я хочу трясти его за плечи, схватить за руки, закричать, чтобы он перестал смеяться над тем, что ему дороже жизни, – и не могу. Самого меня ломает дьявол смеха; сам я заперт на замок в душную комнату, где нагло раздевается передо мною безмерно отвратительная и безмерно красивая проститутка – Ирония. И меня самого уже *нет*. Нас обоих нет. Каждый из нас – только отвращение и смех, оба мы – только нагло кощунствующие и хохочущие рты.

Это – не беллетристика, господа. Многие из нас, углубившись в себя без ложного стыда и лукавства, откроют в себе признаки той же страшной болезни.

О том, что эпидемия свирепствует, свидетельствует еще и тот факт, что, кто не болен этой болезнью, болен обратной: он *вовсе* не умеет улыбнуться, ему ничто не смешно. И, по нынешним временам, это – не менее страшно, не менее болезненно; разве мало теперь явлений в жизни и литературе, к которым нельзя отнести иначе, как с улыбкой? Да ведь *три четверти* современных произведений, хотя бы литературных, выброшенных на книжный рынок, надо встречать только улыбкой, только здоровым смехом! Иначе – *не знаешь*, как отнестись к ним; не принимать же всерьез пятьдесят “томов первых” рассказов и пятьдесят “первых сборников” стихов, торчащих из витрин, изукрашенных голыми уродинами неизвестного пола!

Десятки уродин в витринах, где некогда выставлялись творения русских писателей, – факт исторический и социологический. Пора отнестись к нему здраво. А в здравом отношении к такому факту всегда должно лежать начало спокойного и здорового смеха, смеха *созидающего*. Для нас же это – или страшно смешно, или страшно глубоко. Мы готовы вытащить целый философский арсенал, чтобы объяснить *raison d'être* книжонки о каких-нибудь “зажженных безднах”, или же – смеяться до упаду, ходить на литературные вечера, собрания, читать книги с тем, чтобы похохотать. Или – “стрелять по воробьям из пушек”, или отдаваться смеху легкому, безответственному и *разлагающему*.

Много ли мы знаем и видим примеров *созидающего*, “звонкого” смеха, о котором говорил Владимир Соловьев, увы! – сам не умевший, по-видимому, смеяться “звонким смехом”, сам зараженный болезнью безумного, рыдающего хохота? Нет, мы видим всегда и всюду – то лица, скованные серьезностью, не умеющие улыбаться, то лица – судорожно дергающиеся от внутреннего смеха, который готов затопить всю душу человеческую, все благие ее порывы, смести человека, уничтожить его; мы видим людей, одержимых *разлагающим* смехом, в котором топят они, как в водке, свою радость и свое отчаянье, себя и близких своих, свое творчество, свою жизнь и свою смерть, наконец.

Кричите им в уши, трясите их за плечи, называйте им дорогое имя, – ничто не поможет. Перед лицом проклятой иронии – все равно для них: добро и зло; ясное небо и вонючая яма; Беатриче Данте и Недотыкомка Сологуба. Все смешано, как в винных парах, как в кабацкой мгле. Винная истина, “in

vino veritas” – явлена миру: все – едино, единое – есть мир; я пьян; ergo – захочу – “приму” мир весь целиком, упаду на колени перед Недотыкомкой, соблазну Беатриче; барахтаясь в канаве, буду полагать, что парю в небесах; захочу – “не приму” мира: докажу, что Беатриче и Недотыкомка суть – одно и то же, увижу полосу зари вечерней и плюну в тихую воду, где она отражается. Так мне угодно, ибо я пьян. А с пьяного человека – что спрашивается? Пьяный человек, как недавно сообщено в “Сатириконе”, спотыкается и об экватор. Пьян иронией, смехом, как водкой; так же все обезличено, все обезчещено, все – все равно.

Какая же жизнь, какое творчество, какое дело может возникнуть среди людей, больных “иронией”, древней болезнью, все более и более заразной? Сам того не ведая, человек заражается ею; это – как укусы упыря, согласно легенде: человек, укушенный упырем, через некоторое время сам становится кровопийцей, у него пухнут и наливаются кровью губы, белеет лицо, отрастают клыки.

Сплошь и рядом человек, полагающий, что он делает серьезное дело, возбуждает только смех. Таковы иные общественные деятели (слишком очевидный пример – Пуришкевич). Таковы иные писатели: нельзя без смеха читать последних стихов Бальмонта, некогда такого чистого и высокого поэта; теперь сплошь и рядом впадает он в бессознательное козмо-прутковство; таких стихов, как: “Плачет бедный Кеочипили” (“Зов древности”), “Я – священный крокодил” (там же), “Выходи, дочь моя, чтоб тебя кто-нибудь, пав на грудь, ел, любя” (там же), “Ушли фараоны... А сфинкс – все есть сфинкс неразгаданный” (“Весы”) – нельзя читать без смеха. То же случается постоянно с молодым поэтом Сергеем Соловьевым, который сообщает, например, о том, как “раскидались по дубраве руки, ноги и уста” (“Весы”). Что это – самоуверенная и нелепая нецензурность, или страшная болезнь, которой заражен сам того не ведающий автор? Скорее – последнее.

Так проявляется болезнь “ирония”. И как нам не быть пораженными ею, когда только что прожили мы ужасающий девятнадцатый век, русский XIX век, в частности? Век, который хорошо назван “беспламенным пожаром” у одного поэта; блистательный и погребальный век, который бросил на живое лицо человека газетовый покров механики, позитивизма и экономического материализма, который похоронил человеческий голос в грохоте машин; металлический век, когда “железный коробок” – поезд железной дороги – обогнал “необгонимую тройку”, в которой “Гоголь олицетворял всю Россию”, как сказал Глеб Успенский.

Как не страдать нам такой болезнью, когда властительнее нашего голоса стали свистки паровозов, когда, стараясь перекричать машину, мы надорвались, выкричали душу (не оттого ли так последовательно, год за годом, умирает русская литература, что выкричана душа интеллигентская, а новая еще не родилась?), и из опустошенной души вырывается уже не созидающая хула и хвала, но разрушающий, опустошительный смех?

На этот смех, на эту иронию указано давно. Еще Добролюбов говорил, что “во всем, что есть лучшего в нашей словесности, видим мы эту иронию,

то наивно-открытую, то сдержанно-желчную”. Добролюбов видел в этом залог процветания русской сатиры, он не знал всей страшной опасности, приходящей именно отсюда, по двум причинам.

Во-первых, если он страдал обратной болезнью, он никогда не умел улыбнуться, он не владел ни одним из многообразных приемов смеха. Он был сыном несмеющейся эпохи, естественной реакцией против которой было явление Козьмы Пруткова. Но хорошо, забавно было цитировать Пруткова до революции, теперь это немножко жутко уже, так же жутко и так же пошло-вато, как многие и многие хорошие остроты “Победоносцевского периода”, даже шутника Владимира Соловьева.

Во-вторых, и это главное, Добролюбов – всецело писатель *дореволюционный*. В его критических “прогнозах” не было ни малейшего предвидения не только Андреевского “красного смеха”, но и глубин иронии Достоевского. А уж тонкой и разрушительной иронии Сологуба Добролюбов и во сне не видал.

Конечно, и Достоевский, и Андреев, и Сологуб – по-одному – русские сатирики, разоблачители общественных пороков и язв; но по-другому-то, и по самому главному, храни нас Господь от их разрушительного смеха, от их иронии; все они очень несходны между собою, во многом – прямо враждебны. Но представьте себе, что сошлись в одной комнате, без посторонних свидетелей эти три “властителя дум”: посмотрят друг на друга, засмеются, да и станут заодно... А мы-то слушаем, мы-то верим, мы-то пляшем над пропастью, мучимся и веселимся, устраиваем то религиозно-философские беседы, то “cabaret”. Не “пир” ли это “во время чумы”?

И девы-розы пьем дыханье,
Быть может, полное чумы...

Достоевский не говорит прямого “нет” тому семинарскому нигилизму, который разбирает его. Он влюблен чуть ли не ярче всего в кошмарного Свидригайлова.

Андреев не только мучается “красным смехом”, он, где-то в бессознательных глубинах своей хаотической души, любит безумных двойников – Лоренцо живого, стоящего над изголовьем Лоренцо мертвого (“Черные маски”), любит всенародного провокатора “Царя-Голода”, любит ту “космическую провокацию”, которой проникнута “Жизнь Человека”, тот “ледяной ветер безграничных пространств”, который колеблет желтое пламя свечи “Некто в сером”.

Сологуб не говорит “нет” Недотыкомке, он связан с нею тайным обетом верности. Сологуб не променяет своего бытия, его мрака ни на какое иное бытие. Смешон тот, кто примет песни Сологуба за жалобы. Никому не станет жаловаться чаровник Сологуб, иронический “русский Верлэн”. За эту-то иронию мы и любим Сологуба, с ее-то помощью он и “владеет нашими душами”.

И все мы, современные поэты, – у очага страшной заразы. Все мы пропитаны насквозь провокаторской иронией Гейне. Тою безмерною влюбленно-

стью, которая для нас самих искажает и косит лики наших икон, чернит сияющие ризы наших святых.

И *некому* сказать нам спасительное слово, ибо *никто* не знает силы нашей зараженности. Какой декадент, какой позитивист, какой православный мистик *поймет* всю обнаженность этих моих слов? Кто знает то состояние, о котором говорит совершенно одинокий Гейне: “*Я не могу понять, где оканчивается ирония и начинается небо!*”

Ведь это же – крик о спасении, это поймите.

Болезнь страшна. Все смеются и никому не весело. Хохочет рот, и молчат глаза, молчит душа, молчит весь человек. А может быть, он там, в своей бессознательной глубине, мучится от пытки, бессильно старается вспомнить что-то утраченное и не может? Может быть, вы, любящие посмеяться вместе с нами, толкаете всех нас в пропасть с острыми камнями на дне?

С теми, кто болен иронией, любят посмеяться. Но им не верят, или перестают верить. Человек говорит, что он умирает, а ему не верят. Так теперь – сплошь и рядом. И вот – одинокий смеющийся человек умирает один. Что ж, может быть, это – к лучшему? “Собаке – собачья смерть”?

Не слушайте нашего смеха, слушайте ту боль, которая за ним. *Не верьте никому из нас, верьте тому, что за нами.*

Если же мы неспособны явить вам то, что за нами, то, чего хотят и чего ждут иные из нас, – отвернитесь от нас скорее. Не делайте из наших исканий – моды, из нашей души – балаганных кукол, которых таскают на потеху публике по улицам, литературным вечерам и альманахам.

Есть священная формула, так или иначе повторяемая всеми писателями: “Отрекись от себя для себя, но не для России” (*Гоголь*). “Чтобы быть самим собою, надо отречься от себя” (*Ибсен*). “Личное самоотречение не есть отречение от личности, а есть отречение лица от своего эгоизма” (*Вл. Соловьев*). Эту формулу повторяет решительно *каждый* человек, неизменно наталкивается на нее, если он живет сколько-нибудь сильной духовной жизнью. Эта формула была бы банальной, если бы не была *священной*. Ее-то понять труднее всего.

Я убежден, что в *этой* формуле лежит спасение и от болезни “иронии”, которая есть болезнь личности, болезнь индивидуализма. Только тогда, когда эта формула проникнет в плоть и кровь каждого из нас, – только тогда наступит настоящий “кризис индивидуализма”. До тех пор мы не застрахованы ни от каких болезней вечно зацветающего, но вечно бесплодного духа.

Эта формула, полагая предел пустословию, открывает деятельный путь. Эта-то новая практика для нас важнее всех наших анархических стихов и рассуждений.

СТИХИЯ И КУЛЬТУРА

(С. 90)

Варианты ЧА (ИРЛИ)

- С. 90.
- 8 “Народ и интеллигенция” / “Россия и интеллигенция”
9 сделано много / сделано очень много
10 той же темы. / той же темы, как бы вторую главу одной
книги.
13–14 все докучные партийные и личные споры. / докучные огни
партийных и личных споров.
23 в сердцах людей ~ залегло / в сознании людей ~ присутст-
вует[◇]
27 не думать, полагать, / не думать, решить,
29–30 напротив, видят сны от “множества забот”, как говорит Эк-
клезиаст; они суетливы во всех делах / ^а. напротив, суетли-
вы во всех делах ^б напротив, видят сны от “множества за-
бот”, как говорит Экклезиаст, суетливы во всех делах
31–32 припомнить; в каждом деле своем они чувствуют, / ^а. при-
помнить чего-то, ^б. припомнить, и в каждом деле своем чув-
ствуют,
32–33 одно только может ~ муки; / одно в состоянии ~ муки,
34 Словом, как будто, современные люди нашли около себя
бомбу; всякий / ^а *начато*: Словом, люди ^б. Словом, современ-
ное человечество похоже на тех, которые нашли около себя
бомбу, и всякий ^в. Словом, современное человечество похо-
же на людей, которые нашли около себя бомбу; всякий
38 что ровно ничего / что ничего[◇]
39 а так себе – большой апельсин; а / а просто большой апель-
син, что
40 только чья-то милая / только милая
- С. 91.
- 3 не шутил, никто не хотел ни напугать, / ^а. не шутил и не хо-
тел поугаать ^б не шутил и не хотел ни напугать
4 сводится попросту / *начато*: есть попросту
10 между человеком / между людьми
10 между отдельными людьми, / между национальностями, ме-
жду частями разных национальностей, между отдельными
людьми
12 во всех / но во всех
15 на конкретное, – / на конкретное, дать ему воплощение, –
15 найдутся ярые / найдутся самые ярые
16–17 как только заговоришь / *начато*: как только тема
17 между народом и интеллигенцией, / между Россией и интел-
лигенцией[◇]

- 18 люди, отрицающие даже возможность разрыва / ^a ярые противники, отрицающие такой разрыв ^b ярые противники, отрицающие даже возможность разрыва
- 20 найдется семьянин, / найдется яростный семьянин,
- 23–24 если еще и не совсем победила / если не победила
- 27 Г. Чулков / Г.И. Чулков
- 29 живет с народом / живет, будто бы, с народом
- 31–32 Откуда такой оптимизм? / Откуда¹ такой страшный оптимизм?
- 32–33 исключения подтверждают / исключения, во-первых, подтверждают
- 33 а счастливыми / а во-вторых, счастливыми
- 33–34 людьми ~ являются / людьми ~ (о которых упоминал в своем докладе А.А. Мейер), являются
- 36–37 друзей. Но бывает / друзей; но ведь бывает
- 37 всю ночь / всю долгую ночь
- 37–38 на башнях, охраняя / на башнях и смотрит в ночь², охраняя на башнях, охраняя
- 38 Наступает / И вот наступает
- 39 стояли высоко и думали / стояли высоко³, они думали
- 39 но тех, / и вот уже – тех,
- 40 всю ночь, нет уже / всю ночь напролет, – нет
- 42 работали неустанно, / работали неустанно, парламент пекся о народном благе ◊
- 42–43 ни одна машина не ошиблась / ^a ни одна машина не остановилась ^b ни одна машина не ошиблась и не остановилась
- После с лица земли. следует разделительный знак между абзацами*
- 45 права говорить / права ни ставить таких вопросов, ни говорить
- С. 92. 1 не политическая. / не политическая. –
- 2 знают это те, / знают это, ◊
- 4 понятий, но считаю / понятий и не говорить на языке чистой философии, который сюда неприложим⁴, но считаю
- 11 Вспоминались слова / Вспомнились слова
- 14 ненавидим вместе далекую / ненавидим далекую
- 15 мне отвечали: / мне говорили: ◊
- 17 Когда ступишь ногой в муравейник, / Когда⁵ ступишь ногой на муравейник
- 18 разрушенное; через / разрушенное и через

¹ Откуда / Откуда же

² в ночь, / *начато*: в ночь, вот им

³ высоко / так высоко

⁴ неприложим / и неприложим

⁵ Когда / *начато*: Когда мурав(ейник)

- 21 у пламени свечи. / у пламени свечи – в предсмертном сне.
22–23 можно завести / *начато*: Можно уст(роить)[◇]
24 Такой же великий сон / Такой⁶ же сон [◇]
28 законам. Солнце / ^a *Как в тексте.* ^b законам: солнце
28 идет гроза, уходит гроза, – / идет гроза или уходит гроза,
30 на тонкую елку, / на тонкую елочку,
35 или – в муравьином сне. / ^a *Как в тексте.* ^b или в таком му-
равьином сне.
38–39 исчерчен аэропланами. / исчерчен крылами аэропланов.
41 Вдруг, в минуту истории / Вдруг, в момент истории
С. 93. 1 в этот самый момент / в этот самый момент истории
3 Через день / Но уже через день
4 не существуют Калабрия и Мессина – / не существуют, ис-
чезли Калабрия и Мессина –
8 Скилла / Сцилла
10 Что можем / И что можем
11 только облекаться в траур, / только любить облекаться в
траур,
11–12 праздновать свою печаль / праздновать торжество своей
печали
12 броненосец приспускает / и вот военный броненосец меха-
нически приспускает
13 флаг спущен / флаг опущен
20 кора” над другой, / кора” другой,
20–21 не подземной, а земной стихией – стихией народной? / не
подземной, но земной стихии – стихии народной?
24 военные суда спустили / броненосцы спустили
24–25 Судно, отправленное на розыски города, / Военное судно,
отправленное на розыски какого-то города
25 не нашло места, / не нашло того места,
26 копаясь в миазмах заразы, / копаясь в тех гудах миазмов
заразы,
27 превратилось человеческое мясо и морской ил. / пре-
вратились человеческое мясо, осколки зодчества и мор-
ской ил.
28 архиепископ носит / и архиепископ носит
29 а у нас не хватает / но у нас не хватает
32 Сицилия продолжает / и Сицилия продолжает
33 Неужели этим фактам / Неужели *этим* фактам
36 подземная лихорадка / эта подземная лихорадка
42–43 растет промышленность, чтобы люди могли расстаться с
землею. / растет промышленная культура, чтобы расстать-
ся с землею.

⁶ Перед фразой знак абзаца: Z

- 1   деятель культуры – демон, / деятель культуры – торопли-
 2   Сердце сторонника прогресса / Сердце культурного сто-
 3   ронника прогресса
 3   на землю, на стихию, / на землю, на эту стихию,[◇]
 6-7   Люди культуры, ~ отборные интеллигенты – / Эти люди
 7-8   культуры, ~ лучшие интеллигенты –
 7-8   двигают вперед науку, в тайной злобе, / двигают⁷ вперед на-
 10   уку,[◇]
 10   проклятую, до времени спокойную, – и / проклятую и до
 10   времени спокойную⁸, и
 13   земля не сказка, / земля – не сказка,
 14   из нее; – “стихийные люди”. / из нее, т.н. “стихийные люди”.
 16   подобна легким, / подобна только легким,
 16   Фраза “Всему свое время ~ разрушать и время строить”
 16   (Экклесиаст). *представляет собой самостоятельный аб-*
 22   *зац.*
 22   Они тоже пребывают / Они пребывают[◇]
 22-23   как поля России / как необозримые поля России
 23-24   Мы видим во сне и мечтаем наяву, / Мы видим во сне,[◇]
 24   как улетим от земли на легкой машине, / улетаем от земли
 24   на машине
 25-26   достигнем северного полюса / достигаем северного полюса
 26   подчиним вселенную / подчиняем вселенную
 28   Они видят сны / Они видят во сне[◇]
 28   не отделяющиеся от земли: / не отделяющиеся от той же
 28   необозримой земли:
 32-33   пруд этот – “отдушина океана”. / самый пруд этот – отду-
 32-33   шина океана.
 33   Земля с ними, / Вся земля с ними
 33   на ее лоне, / на ее богатом лоне,
 33-34   и кажется порою, / и кажется,[◇]
 36-37   воплощенные Богородицы, / словно воплощенные Богоро-
 36-37   дицы,[◇]
 39   Я хочу привести два письма, / ^{а.} Я позволю себе цитировать
 39   два неизданных документа ^{б.} Я позволю себе цитировать
 39   два неизданных современных нам документа
 39-40   Одно – письмо крестьянина, рисующее настроение /
 39-40   а. Один – письмо крестьянина, ^{б.} Один – письмо крестьянина
 39-40   Н.К., рисующее настроение
 40   одной из северных губерний, / одной из наших северных гу-
 40   берний, адресованное для напечатания в Париже;

⁷ двигают / начато: ст(араются)

⁸ спокойную, / начато: спокойную, кот(орую)

- 41 письмо сектанта, / письмо сектанта, М.С.
 42 освященных кровью слова революционеров, пишет крестьянин, – / освященных кровью слова[◇]
- С. 95. 37 народ православный, убаюканный казенкой, / ^{а.} народ православный, водкой убаюканный, ^{б.} народ православный, казенкой убаюканный,
 39 над жерлом вулкана. / ^{а.} над жерлом лавы. ^{б.} над огненным жерлом вулкана.
- С. 96. 1 поют другие песни: / поют иные песни:
 14 В дни приближения грозы сливаются обе эти песни: / И в дни приближения грозы как-то кощунственно и пленительно сливаются обе эти песни:
 15 что те, кто поет / *начато*: что те, и другие не продадут стихия с ними, / стихия с ними и за ними,
 16 дети одной грозы; / дети одной тишины и одной грозы;
 16–17 “стальной щетиною” штыков и машин. / стальной щетиною машин.[◇]
 19
 21 Между двух костров / Между двух огней[◇]
 23 Такой ли, как тот, который опустошил / Таков ли он, как тот, что опустошил
 25–27 *Фраза Мы еще не знаем* ~ стрелка сейсмографа. *вписана*.
 26–27 отклонилась стрелка / отклонилась какая-то стрелка
 27 Мы видим / Мы чувствуем[◇]
 27–28 уже как бы на фоне зарева, на легком, кружевном аэроплане, / как бы на легком, кружевном аэроплане,[◇]
 28–29 громыхающая и огнедышащая / огнедышащая[◇]

Первая редакция «Нашей газеты»

СТИХИЯ И КУЛЬТУРА

(Доклад, читанный в СПб. Религиозно-философском обществе)

В сердцах людей последних поколений залегло неотступное чувство катастрофы, вызванное чрезмерным накоплением реальнейших фактов, часть которых – дело свершившееся, другая часть – дело, имеющее свершиться. Совершенно понятно, что люди стремятся всячески заглушить это чувство, стремятся как бы отбить свою память, о чем-то не думать, решить, что все идет своим путем, игнорировать факты, так или иначе напоминающие о том, что уже было и что еще будет. Другие, напротив, видят сны от “множества забот”, как говорит Экклезиаст, суетливы во всех делах своих, потому что мучатся воспоминанием и не могут припомнить, и в каждом деле своем чувствуют, что за ними стоит что-то, что одно в состоянии разрешить сомнения и муки, а без такого разрешения – никакое дело не в дело.

Словом, современное человечество похоже на людей, которые нашли около себя бомбу; всякий ведет себя так, как велит ему его темперамент: одни вскрывают обойму, пытаясь разрядить снаряд; другие только смотрят, выпучив от страха глаза, и думают, завертится она или не завертится, разорвется или не разорвется; третьи притворяются, что ровно ничего не произошло, что круглая штука, лежащая на столике, вовсе не бомба, а просто большой апельсин, а все совершающееся – только чья-то милая шутка; четвертые, наконец, спасаются бегством, все время стараясь устроиться так, чтобы их не упрекнули в нарушении приличий или не уличили в трусости.

Однако никто не шутил и не хотел ни напугать, ни позабавить. История, та самая история, которая, говорят, сводится попросту к политической экономии, взяла да и положила нам на стол настоящую бомбу. И бомбу не простую, а усовершенствованную, вроде той сверлящей и образующей аккуратные трещины пульки, которую англичане придумали для усмирения индусов. Эта пулька уже приведена в действие; пока мы рассуждали о цельности и благополучии, о бесконечном прогрессе, – оказалось, что высверлены аккуратные трещины между человеком и природой, между отдельными людьми и, наконец, в каждом человеке разлучены душа и тело, разум и воля.

И потому, хотим мы или не хотим, помним или забываем, – но во всех нас заложено чувство болезни, тревоги, катастрофы, разрыва. Это чувство разрыва никто не станет отрицать в целом, но, чуть только попытаешься перевести его на конкретное, – немедленно найдутся ярые отрицатели болезни и защитники своей цельности. Можно было быть заранее уверенным, что, как только заговоришь о разрыве между народом и интеллигенцией, найдутся ярые противники, отрицающие даже возможность разрыва или просто переводящие разговор на домашние дела. Если заговорить о том, что не благополучно ни в одной семье, сейчас же найдется яростный семьянин, который скажет, что он живет двадцать пять лет в мире и согласии с женой и детьми. Если скажешь, что наука бессильна перед провалом южной Италии, сейчас же поднимется геолог и заявит, что в Калабрии еще не отвердела земная кора и что наука если еще и не совсем победила природу, то через три тысячи лет победит.

Когда я заговорил о разрыве между Россией и интеллигенцией, более всего поразил меня удивительный оптимизм большинства возражений: до того удивительный, что приходит в голову, не скрывается ли за ним самый отчаянный пессимизм? Говорил я о смерти, мне отвечали, что болезнь излечима. Вспоминались слова умирающего Ивана Ильича у Толстого: “Дело не в блуждающей почке, а в жизни и смерти”. Я говорил о расколе, мне говорили, что нет раскола, да и нечему раскалываться. Я говорил о том, что мы и любим, и ненавидим вместе далекую от нас Россию – набегающую гоголевскую тройку; мне отвечали: “Мы сами – Россия”.

Странно слышать: “Болезнь излечима, болезни нет, мы сами – все можем”. Когда ступишь ногой в муравейник, муравьи начинают немедленно восстано-

ливать разрушенное и через несколько часов им кажется, что никто не разрушал их благополучия. Они в своей вечной работе, в своем чувстве всепоправимости, в ощущении вечного прогресса – как во сне. В таком же сне – бабочка, танцующая у пламени свечи – в предсмертном сне. В том же предсмертном сне можно завести веселый хоровод вокруг кратера вулкана. Работают, поют, ведут мировые хороводы – во сне, в самозабвении, во хмелю.

Такой же великий сон и разымчивый хмель – сон и хмель бесконечной культуры. Говоря термином Ницше – “аполлинический сон”. Всякий сон характеризуется тем, что все происходит в нем по каким-то чуть-чуть измененным, нездешним, неземным, нелюдским законам. Например, по муравьиным законам. Солнце восходит и солнце заходит, идет гроза или уходит гроза, – а муравейник растет. Можно увидеть себя во сне муравьем: строю, строю муравейник, лезу за хвоей на тонкую елочку, ветер покачнул елку, – я падаю на землю, но немедленно начинаю взбираться опять. И так без конца, без конца. И наконец – проснуться и обрадоваться, что ты не муравей, а человек, что у тебя есть свободная воля.

Цвет интеллигенции, цвет культуры пребывает в вечном аполлиническом сне, или в таком муравьином сне. Это – бесконечное и упорное строительство, с пеной у рта, с падениями. Один сорвался – лезет другой, другой сорвался – лезет третий. И муравейник растет. Завоевана земля и недра земли, море и дно морское, завоеван воздух, который завтра весь будет исчерчен крылами аэропланов.

И вдруг нога лесного зверя, который десять лет ходил на водопой мимо муравейника, ступает в самую середину его. Вдруг, в момент истории, когда Толстой пишет “Войну и мир”, Менделеев открывает периодическую систему элементов, когда в недрах земли поет руда, покорная человеческой кирке, когда железнодорожные поезда пожирают пространство во всех направлениях, когда император германский надменно обнимает “чудотворного строителя”, благодетеля человечества, завоевателя воздуха, – в этот самый момент отклоняется в обсерватории стрелка сейсмографа.

Еще неизвестно, где произошло событие, какое событие. Но уже через день телеграф приносит известие, что уже не существуют, исчезли Калабрия и Мессина – двадцать три города, сотни деревень и сотни тысяч людей. Нахлынувший океан и проливной дождь затопили все, чего не проглотила земля и не выжег огонь. Мы знаем, что значат благоуханные имена Калабрии и Сицилии, но только молчим и бледнеем, зная, что если исчезли на земле древние Харибда и Сцилла, то впереди в сердце нашем и в сердце нашей земли – нас ждет еще более страшная Харибда и Сцилла. И что можем мы, пребывающие в аполлиническом, в муравьином сне? Мы можем только любить облекаться в траур, праздновать торжество своей печали перед лицом катастрофы; и вот военный броненосец механически приспускает флаг до половины флагштока, – как бы в знак того, что флаг опущен в самом сердце нашем.

Перед лицом разбушевавшейся стихии приспущен надменный флаг культуры.

Да, перед событиями в Сицилии и Калабрии мы только и можем, что торжественно приспустить флаг. Ведь отклонилась только стрелка сейсмографа. Ученые сказали только, что югу Италии и впредь угрожают землетрясения; что там еще не отвердела земная кора. А уверены ли мы в том, что довольно отвердела кора другой, такой же страшной, не подземной, но земной стихии – стихии народной?

Мы делаем все, что можем. Король воротился с охоты, папа отменил аудиенцию. Все аккредитованные при итальянском дворе послы выразили соболезнование, военные суда спустили флаги. Судно, отправленное на розыски какого-то города, не нашло того места, где он был. Русские матросы – “*ropolo d’ego!*” – являют чудеса самоотвержения, копаясь в тех горах миазмов заразы, в которые в 40 секунд превратилось человеческое мясо, осколки зодчества и морской ил. Ползут поезда, нагруженные мертвецами, и архиепископ носит мощи св. Агаты, смирительницы подземных сил. Телеграф стучит по всей Европе, но у нас не хватает извести, чтобы засыпать бытшую Мессину. Вульгарные слова газетных телеграмм приобретают силу древних итальянских хроник. А из Этно вырываются столбы желтого дыма, и Сицилия продолжает содрогаться; и нам не усмирить ее дрожь.

Неужели этим фактам нужно противопоставлять оптимизм? И неужели нужно быть пессимистом или человеком суеверным, чтобы указывать на то, что флаг культуры может быть всегда приспущен, если приближается гроза?

Не раз уже сотрясала землю эта подземная лихорадка, и не раз уже мы праздновали свою немощь перед мором, трусом, гладом и мятежом. Какая же страшная мстительность должна была за столетия накопиться в нас? Человеческая культура становится все более железной, все более машинной; все более походит она на гигантскую лабораторию, в которой готовится месть стихии: растет наука, чтобы поработить землю; растет искусство – крылатая мечта – таинственный аэроплан, чтобы улететь от земли; растет промышленная культура, чтобы расстаться с землею.

Всякий деятель культуры – торопливый рабочий, мрачный демон, проклинаящий землю, измышляющий крылья, чтобы улететь от нее. Сердце культурного сторонника прогресса дышит черною мезтью на землю, на стихию, все еще не покрытую достаточно черствой корой; мезтью за все ее трудные времена и бесконечные пространства, за ржавую тягостную цепь причин и следствий, за несправедливую жизнь, за несправедливую смерть. Эти люди культуры, сторонники прогресса, отборные интеллигенты – с пеной у рта строят машины, двигают вперед науку в тайной злобе, стараясь забыть и не слушать гул стихий земных и подземных, пробуждающийся то там, то здесь. И только иногда, просыпаясь, озираясь кругом себя, – они видят ту же землю, – проклятую и до времени спокойную, – и смотрят на нее как на какое-то театральное представление, как на нелепую, но увлекательную сказку.

Есть другие люди, для которых земля не сказка, но чудесная быль, которые знают стихию и сами вышли из нее, так называемые “стихийные люди”.

---

* Народ героев (*ит.*). – *Ред.*

Они спокойны, как она, до времени, и деятельность их до времени подобна только легким, предупреждающим земным толчкам. Они знают, что: “Всему свое время и время всякой вещи под небом; время рождаться и время умирать; время насаждать и время вырывать посаженное; время убивать и время врачевать; время разрушать и время строить” (Экклесиаст).

Какой-то земной промысел им нужней и родней промышленности и культуры.

Они тоже пребывают во сне. Но их сон не похож на наши сны, так же, как необозримые поля России не похожи на блистательную суетню Невского проспекта. Мы видим во сне и мечтаем наяву, как улетаем от земли на легкой машине, как с помощью радия исследуем недра земного и своего тела, как достигаем северного полюса и последним синтетическим усилием ума подчиняем вселенную единому верховному закону.

Они видят сны и создают легенды, не отделяющиеся от той же необозримой земли: о храмах, рассеянных по лицу ее, о монастырях, где стоит статуя Николая Чудотворца за занавесью, не виданная никем, о том, что, когда ветер клонит рожь, – это “Она мчится по ржи”, о том, что доски, всплывающие со дна глубокого пруда, – обломки иностранных кораблей, потому что пруд этот – “отдушина океана”. Вся земля с ними, и они с землей, их не различить на ее богатом лоне, и кажется порою, что и холм живой, и дерево живое, и церковь живая, как сам мужик – живой. Только все на этой равнине еще спит, а когда двинется, – вся, как есть пойдет: пойдут мужики, пойдут роци по склонам, и церкви, воплощенные Богородицы, пойдут с холмов, и озера выступят из берегов, и реки обратятся вспять, и пойдет вся земля.

Распалась месь культура, которая вздыбилась “стальной щетиною” штыков и машин. Это – только знак того, что распалась и другая месь – месь стихийная и земная. Между двух костров распалившейся мести, между двух станом мы и живем. Оттого и страшно: каков тот огонь, который рвется наружу из-под “очерепевшей лавы”? Таков ли он, как тот, что опустошил Калабрию, или это – очистительный огонь?

Так или иначе – мы переживаем страшный кризис. Мы еще не знаем в точности, каких нам ждать событий, но в сердце нашем уже отклонилась стрелка сейсмографа. Мы видим себя уже как бы на фоне зарева, на легком, воздушном, кружевном аэроплане, высоко над землею; а под нами – громахающая и огнедышащая гора, по которой за тучами пепла ползут, освобождаясь, ручьи раскаленной лавы.

*Варианты прижизненных публикаций:
сб. «Италия» (Ит.), ЗТ, РИ₁, РИ₂-Кор1*

- С. 90.   8   “Народ и интеллигенция” / “Россия и интеллигенция” (Ит.)
                  8–9   сделано много / сделано очень много (Ит.)
                  10   темы / темы, как бы вторую главу одной книги (Ит.)

- 13–14 докучные партийные и личные споры. / докучные огни партийных и личных споров (*Ит.*)
- 27 полагать, что / решить, что (*Ит.*); не думать, что (*ЗТ, РИ₁*)
- 30 Экклезиаст; они суетливы / Экклезиаст, суетливы во всех делах (*Ит.*)
- 31–32 в каждом деле своем они чувствуют, что за ними стоит что-то, что одно только может / и в каждом деле своем чувствуют, что одно в состоянии (*Ит.*); в каждом деле своем они чувствуют, что одно только может (*РИ₁*)
- 34 как будто современные люди нашли / современное человечество похоже на людей, которые нашли (*Ит.*)
- 39 так себе – большой апельсин, / просто большой апельсин; (*Ит.*)
- С. 91. 3 никто не хотел / и не хотел (*Ит.*)
- 10 природой, между отдельными людьми / природой, между национальностями, между частями разных национальностей, между отдельными людьми (*Ит.*)
- 12 во всех / но во всех (*Ит.*)
- 14 попытаешься / попытаемся (*Ит.*)
- 15 на конкретное, – / на конкретное, дать ему воплощение, – (*Ит.*)
- 15 найдутся ярые / найдутся самые ярые (*Ит.*)
- 20 найдется семьянин / найдется самый яростный семьянин (*Ит.*)
- 23 не отвердела / еще не отвердела (*Ит.*)
- 24 еще и не совсем / еще не совсем (*Ит.*)
- 27 Г. Чулков / Г.И. Чулков (*Ит.*)
- 28 и что / а что (*Ит.*)
- 29 живет с народом / живет будто бы с народом (*Ит.*)
- 32 такой оптимизм? / такой страшный оптимизм? (*Ит.*)
- 32–33 исключения подтверждают / исключения, во-первых, подтверждают (*Ит.*)
- 33 а счастливыми / а, во-вторых, счастливыми (*Ит.*)
- 33–34 людьми ~ являются / людьми ~ (о которых упоминал в своем докладе А. Мейер), являются (*Ит., ЗТ, РИ₁*)
- 35–36 друзей. Но бывает / друзей; но ведь бывает (*Ит.*); друзей. Но ведь бывает (*ЗТ*)
- 37 всю ночь / всю долгую ночь (*Ит.*)
- 37–38 на башнях, охраняя / на башнях и смотрит в ночь, охраняя (*Ит.*)
- 38 Наступает утро, / И вот наступает утро (*Ит.*)
- 39 стояли высоко и думали / стояли высоко, они думали (*Ит.*)
- 39 но тех / и вот уже – тех (*Ит.*)
- 40 всю ночь, нет уже / всю ночь напролет, – нет (*Ит.*)
- 42–43 не ошиблась / не ошиблась и не остановилась (*Ит.*)

- 43 *После слов с лица земли в Ит. знак* —————
- 45 права говорить таким языком. / права ни ставить таких во-
просов, ни говорить таким языком (*Ит.*)
- С. 92. 3 Для того / Для того же (*Ит.*)
- 4 понятий, но / понятий и не говорить на языке чистой фило-
софии, который сюда неприменим, но (*Ит.*)
- 5 на своем языке / на своем языке (*Ит.*)
- 11 Вспоминались / Вспоминали (*РИ*)
- 14 ненавидим вместе далекую / ненавидим далекую (*Ит.*)
- 18 восстанавливать разрушенное; через / восстанавливать разру-
шенное и через (*Ит.*)
- 21 свечи. / свечи – в предсмертном сне. (*Ит.*)
- 28 идет гроза, уходит / идет гроза или уходит (*Ит.*)
- 30 на тонкую елку, / на тонкую елочку, (*Ит.*)
- 35 или – в муравьином сне. / или – в таком муравьином сне.
(*Ит.*)
- 38–39 исчерчен аэропланами. / исчерчен крыльями аэропланов.
(*Ит.*)
- С. 93. 41 в минуту / в момент (*Ит.*)
- 4 не существуют Калабрия и Мессина – / не существуют, ис-
чезли Калабрия и Мессина – (*Ит.*)
- 9 Скилла / Сцилла (*Ит., ЗТ, РИ*)
- 10 Что можем / И что можем (*Ит.*)
- 11 только облекаться / только любить облекаться (*Ит.*)
- 11–12 свою печаль / торжество своей печали (*Ит.*)
- 12 броненосец приспускает / и вот военный броненосец меха-
нически приспускает (*Ит.*)
- 13 флаг спущен / флаг опущен (*Ит.*)
- 20 кора” над другой / кора другой (*Ит.*)
- 20–21 а земной стихией – стихией / а земной стихии – стихии (*Ит.*)
- 24 военные суда спустили / броненосцы спустили (*Ит.*)
- 24 Судно / Военное судно (*Ит.*)
- 24–25 на розыски города, не нашло места, / на розыски какого-то
города, не нашло того места (*Ит.*)
- 26 в миазмах заразы, / в тех гнидах миазмов заразы, (*Ит.*)
- 26 в 40 секунд / в 10 секунд¹ (*ЗТ, РИ*)
- 27 мясо и морской ил. / мясо, осколки зодчества и морской ил.
(*Ит.*)
- 28 архиепископ / и архиепископ (*Ит.*)
- 29 а у нас / но у нас (*Ит.*)
- 31 хроник; а из Этны / хроник. А из Этны (*ЗТ, РИ*)
- 31–32 дыма. Сицилия / дыма, и Сицилия (*Ит.*)
- 33 этим фактам / этим фактам (*Ит.*)

¹ Край газетной полосы ЗТ срезан, отчего 40 выглядит как 10. Отсюда – 10 в *РИ*₁ и *РИ*₂.

- 36 подземная / эта подземная (*Ит.*)
 38 страшная мстительность / страшная *мстительность* (*Ит.*)
 40 походит на / походит она на (*Ит.*, ЗТ, РИ₁)
 С. 94. 1 демон, / торопливый рабочий, мрачный демон, (*Ит.*)
 4 ее трудные времена / ее трудовые времена (*Ит.*)
 6–7 Люди ~ отборные интеллигенты – / Эти люди ~ лучшие
 интеллигенты – (*Ит.*)
 8 не слушать / не слышать (*Ит.*)
 10 проклятую, до времени / проклятую и до времени (*Ит.*)
 11–12 нелепую, увлекательную / нелепую, но увлекательную
 (*Ит.*)
 14 из нее; – “стихийные / из нее, т(ак) н(азываемые) “стихий-
 ные (*Ит.*)
 15 подобна легким / подобна только легким (*Ит.*)
 22–23 как поля / как необозримые поля (*Ит.*)
 24 как улетим / как улетаем (*Ит.*)
 24 на машине, / на легкой машине, (*Ит.*)
 25 как достигнем / как достигаем (*Ит.*)
 26 подчиним / подчиняем (*Ит.*)
 33 Земля / Вся земля (*Ит.*)
 33 на ее лоне, / на ее богатом лоне, (*Ит.*)
 39 хочу привести два письма / позволю себе цитировать два
 неизданных современных нам документа (*Ит.*)
 39–40 Одно – письмо крестьянина, / Один – письмо крестьянина
 Н.К., (*Ит.*)
 41 другое – письмо сектанта, / другой – письмо сектанта М.С.,
 (*Ит.*)
 С. 95. 11 немного дольше / немного дальше (*Ит.*, ЗТ, РИ₁, РИ₂-
 Кор1[◇])
 23–24 *Фраза не за гробом ~ на земле... в Ит. выделена разряд-*
кой.
 37 убаюканный казенкой, / казенкой убаюканный, (*Ит.*)
 39 над жерлом / над огненным жерлом (*Ит.*)
 40 Эти – / Эти – (*Ит.*)
 С. 96. 1 Те – / Те – (*Ит.*)
 14 В дни / И в дни (*Ит.*)
 14 сливаются / как-то кощунственно и пленительно сливаются
 (*Ит.*)
 16 с ними, / с ними и за ними, (*Ит.*)
 17–18 дети одной грозы; / дети одной тишины и одной грозы;
 (*Ит.*)
 23 “очерепевшей лавы”?/ “зачерепевшей лавы”? (*Ит.*)
 23 Такой ли, как тот, который / Таков ли, как тот, что (*Ит.*)
 26 отклонилась стрелка / отклонилась какая-то стрелка
 (*Ит.*)

- 28 кружевном аэроплане, / воздушном, кружевном аэроплане,
(Ит.)
- 28–29 громыхающая и огнедышащая / громыхающая, огнедыша-
щая (Ит.)

ДУША ПИСАТЕЛЯ

(С. 101)

ЧН (ЗК₂₅)

Современный момент нашей умственной и нравственной жизни¹ характеризуется, на мой взгляд, крайностями во всех областях. Неладность (безумие тревоги или усталость²). Полная потеря³ ритма.

Рядом с нами все время существует иная стихия – народная, о которой мы не знаем ничего – даже того, мертвая она или живая, что нас дразнит и мучает в ней – живой ли ритм или только предание о ритме.

Ритм (мировой оркестр), музыка дышит, где хочет: в страсти⁴ и в творчестве⁵, в народном мятеже и в научном труде⁶.

Современный художник – искатель утраченной музыки⁷ – тороплив и тревожен; он чувствует, что ему осталось немного времени, в течение которого он должен или найти нечто, или погибнуть.

Современная жизнь есть кощунство перед искусством, современное искусство – кощунство перед жизнью.

ДИТЯ ГОГОЛЯ

(С. 106)

Варианты БА (ИРЛИ) и газеты «Речь» (Р)

- С. 106. Заглавие Дитя Гоголя / Дитя Гоголя (Гоголь и Россия. Душа Гоголя)
(БА); Дитя Гоголя (Речь, произнесенная на Гоголевском ве-
чере 19 марта в зале Дворянского собрания) (Р)
- 10 среди нас жил Гоголь / жил среди нас Гоголь (БА) (Р)

¹ Современный момент нашей умственной и нравственной жизни / Современный момент

² или усталость / или смертельная усталость

³ Полная потеря / Потеря

⁴ в страсти / в жизненной страсти

⁵ в творчестве, / в художественном творчестве,

⁶ в народном мятеже и в научном труде. / ^a и в научном труде. ^b и в научном труде, в революции.

⁷ искатель утраченной музыки / утраченного ритма *Вариант не вычеркнут.*

- 12 с неприязнью: непобедимой внутренней тревогой заражает / с неприязнью: до такой степени заражает непобедимой внутренней тревогой (БА) (P)
- 15 Источник этой тревоги – творческая мука, которою была / Источник этой непобедимой тревоги – сплошная творческая мука, которою и была жизнь (БА) (P)
- 16–17 сам, как женщина, носил / сам был, как женщина, носящая (БА) (P)
- 19–20 отверсты́й лишь для того, чтобы слышать медленные движения, потягивания / отверзты́й лишь к медленным движениям, неизбежным потягиваниям (БА) (P)
- 23 отшатнуться от него / и отшатнуться от него (БА) (P)
- 24 Только / И только (БА) (P)
- 32–33 бросая на середине / бросая на середине (БА)
- 33 для его художнической воли / для его художнической самодержавной воли (БА) (P)
- С. 107.
- 1 уже знал / уже тайно знал (БА) (P)
- 2 мука творчества / мука высшего творчества (БА) (P)
- 4–5 но что она будет кричать от боли, дорогой ценою платя / но что будет она кричать от боли и дорогой ценою заплатит (БА) (P)
- 11 это крик самого Гоголя, / это – крик роженицы, крик самого Гоголя (БА) (P)
- 17–18 в тумане... вон и русские избы / в тумане; с одной стороны море, с другой – Италия; вон и русские избы (БА) (P)
- 20 новая родина, синяя даль, в бреду / это новая родина, синяя даль, небывалая (БА) (P)
- 27 Чего она хочет? – Родиться, быть. / Чего хочет она? – Хочет родиться, быть. (БА) (P)
- 30–31 она-то сверкнула Гоголю, как ослепительное видение, в кратком творческом сне. / та Русь, которая открывается научному “познанию” в наши дни, – она-то мгновенно сверкнула Гоголю, как ослепительное видение, в кратком творческом акте, (БА) (P)
- 41 Там сверкнуло / Там сверкнуло (БА) (P)
- 42 влажные тучи, / густые и влажные тучи, (БА) (P)
- 42–43 крупные, точно новорожденные и омытые звезды, / крупные, омытые, точно новорожденные звезды (БА) (P)
- С. 108.
- 1–2 будущая Россия. / новорожденная, будущая Россия (БА) (P)
- 8 явилась только в красоте, / явилась в красоте[◇] (БА)
- 12 кричал что-то о “лестнице”, / кричал о какой-то лестнице[◇] (БА)
- 17 дитя Гоголя. / дитя Гоголя, его мечта (БА) (P)
- 19 она вырастет – не знаем; как назовем ее, – не знаем. / она

вырастет, – мы не знаем; как назовем ее мы, – не знаем
(БА) (Р)

После этих слов в БА и Р следует текст:

Сегодня и страшно¹ и радостно вспоминать то, что было сто лет назад. Еще не вовсе умерли те нравы, еще дышит XIX век, и старый наш гимназический Гоголь еще недавно заслонял от нас Гоголя будущего. Но все живее перед нами его мечта, его лирический завет, песня “украинского соловья”, о “незнакомой земле дали”, о “новорожденной России”.

- 22 нас покинет, / нас оставит ◊ (БА)
22–23 спрашивал “украинский соловей” Гоголь. / спрашивал Гоголь. (БА) (Р)
23 не покинет. / не покинет. Под звуки ее рожденный Гоголем ребенок растет. (БА) (Р)

ПРОТИВОРЕЧИЯ

(С. 111)

ЧН (ЗК₂₉)

У “Гнедича” все идет как по маслу – творчества нет, он сам о нем не помышляет и нас не заставляет. У Ремизова – только и дума, что о цельном творчестве, постоянное спотыканье, один рассказ от злости и бессилия сотворить цельное – прямо переходит в белиберду. Все – неравномерно, отрывисто, беспокойно – хотя гораздо уже плавнее, чем в прежних книгах. Да еще бы, откуда этой плавности взяться ◊ Ее и у Достоевского не было. Ремизов – не Толстой, чтобы сидя в деревне, спокойно и важно нарисовать блистательные, валяжные главы, за главами – части, и таких частей – *восемь* (!). И все – цельно¹. Но Ремизов зато и не Гнедич². Простой, удивительно простой ключ ко всему “творчеству” фотографа Гнедича³ – весь ключ в том, что творчества вовсе нет, оно устранено. Откуда почерпнул г. Гнедич такое спокойствие душевное, такую “эпичность” – остается неизвестным. Ясно – не у Гомера. Не у героя ли своего – чиновника особых поручений “Выдыбаева”? Как бы то ни было – Ремизов и Гнедич – небо и земля, антиподы, обоим друг на друга вероятно без смеху взглянуть невозможно.

Один – писатель, в “муке творчества”, ищущий... Другой – литератор, без творчества, чиновник особых поручений при литературе.

¹ и страшно / и странно (БА)

¹ Фраза вписана.

² и не Гнедич, / не Гнедич,

³ фотографа Гнедича / фотографа

ВЕРА ФЕДОРОВНА КОММИССАРЖЕВСКАЯ

(С. 117)

Варианты газеты «Речь»

- С. 117. 14 на фоне белого / на фоне громадного

ПАМЯТИ В.Ф. КОММИССАРЖЕВСКОЙ

(С. 118)

Варианты БА (СПбГМТМИ)

- С. 118. Заглавие Памяти В.Ф. Коммиссаржевской / Памяти В.Ф. Коммиссаржевской (Речь, сказанная на вечере, посвященном памяти В.Ф. К. 7 марта 1910 года в зале Городской Думы в Петербурге)
- 14 ресторане оркестр ~ увеселяет / в плохоньком ресторанном оркестре ~ увеселяют
- Стихотворение*
- С. 120. 28 Хоть похорон(ный) факел – в ночь. ◇

Варианты Ежегодника Императорских театров

- С. 118. 9 Слова Бывают скрипки ~ настроенные. *следуют без абзаца.*
- С. 119. 8–10 простой глаз; ~ Андерсена. Оттого / простой глаз; оттого
- Стихотворение *Деление на строфы отсутствует.*

ПАМЯТИ ВРУБЕЛЯ

(С. 120)

Варианты ЧА первой редакции (ИРЛИ)

- С. 248 27–28 мы хороним еще одного художника – ген(иального) худ(ожника) Врубеля. / ^а ушел от нас и этот гениальный художник, которого мы хороним. ^б *Как в тексте.*
- 29 не встречал М.А. Врубеля / ^а не встречал Мих. Александр. Врубеля лично ^б не встречал Мих. Александр. Врубеля
- 29 почти ничего не слышал о нем. / почти не слышал о нем рассказов.

- 29–30 Его жизнь, болезнь и смерть закрыты от меня, почти так же, / И жизнь его, и болезнь и смерть почти закрыты от меня – почти так же закрыты,
- 31 И для них, и для меня – / Как для них, так и для меня –
- 31–32 чем здесь жил Врубель, только сказка. / ^а чем жил Врубель здесь, только сказка, только легенда. ^б чем жил Врубель здесь, только сказка.
- 32–33 похоже гораздо более на сказку, / ^а похоже на сказку и на легенду гораздо более, ^б похоже на сказку гораздо более, ^в обыкновенного человека. / обыкновенного смертного¹.
- 33 *После этих слов вычеркнуто:*
И я никогда не слышал², чтобы при жизни художника уже слагалась легенда вокруг его творчества. Может быть, это случилось³ с такими художниками, как Леонардо⁴, или Веласкес. Я думаю, что Врубель принадлежал именно к этому роду людей –людей ли только?
- После этих слов на л. 3 над фразой Я знаю одно ~ приоткрывают простым карандашом знак v.*
- 34 О творчестве Врубеля уже при жизни его сложилась легенда. / ^а По кр(айней) мере о его главной картине⁵ я слышал настоящую легенду⁶. ^б Как в тексте.
- 35–36 случайно пришедший / ^а пришедший ^б Как в тексте
- С. 249. 1 Я знаю одно: / ^а Я знаю только, что ^б Как в тексте.
- 1–2 открывают людям раз в сто лет, / ^а приоткрывают передо мной раз в столетие (может быть, раз в несколько столетий) – ^б приоткрывают перед человечеством раз в столетие –
- 2 лишь трепетать. / ^а только трепетать. ^б Как в тексте.
- 2–3 мы не знаем, / мы не видим,
- 3 заставляет нас произносить бледное слово “гениальность”. / ^а подсказывает нам бледное, невыразительное слово: “гениальность”. ^б заставляет нас произнести бледное, невыразительное слово “гениальность”.
- 4 что же это? / ^а но о чем это? ^б но что это?
- 4 о чем? Так можно / о чем – так можно
- 6 доносить к нам обрывки и шепотов и слов / доносить до нас обрывки каких-то шепотов и каких-то слов.
- 7 а мы так и не услышим. / ^а и так мы и не услышим ^б Как в тексте.

¹ Над фразой сверху л. 2 вписано синим карандашом: К стр. 2 “О творчестве Врубеля уже при жизни его сложилась легенда”.

² не слышал, / не был свидетелем того,

³ случилось / было

⁴ Леонардо, / Леонардо да Винчи,

⁵ главной картине / Демоне

⁶ Против фразы на л. 4 знак v простым карандашом.

- 7 лишь тот, / только тот
 8 сквозь ветер / сквозь этот ветер
 9 *После слов не проходит даром. вписано простым карандашом:*
 Уже ск(учные) п(есни) земли не могут тогда заменить звуков небес.
- 10 не могут заменить / не могут тогда заменить
 11–12 Да, нить жизни В(рубеля) мы потеряли не тогда, когда он сошел с ума, а гораздо раньше, когда он создавал мечту своей жизни – Демона. / ^a При всей кропотливости исследований, мы всегда теряли где-то на самом важном месте нить жизни великих художников, если когда-нибудь и держали ее в руках. Принято думать, что нить жизни Врубеля⁷ мы потеряли там, где она перешла в то, что мы называем “безумием”. Я думаю, что это не так. Мы потеряли ее еще тогда, когда он творил, и венец его творения – Демон – уже совершенно вне нашего зрения. ^b Нить жизни В(рубеля) мы потеряли не тогда, когда он сошел с ума, но гораздо раньше, когда он создавал⁸ мечту всей своей жизни – Демона.
- 13 Небывальный закат / ^a Вспоминаю: небывальный закат золотит ^b *Как в тексте.*
 14 слепили Врубеля / ^a ослепляли Врубеля ^b ослепили Врубеля ^c *Как в тексте.*
 15 нет названья. / нет еще названья.
 15 Они – лишь знак или символ / Эти цвета – лишь обозначенье, символ
 16 житель гор: / ^a житель этих гор: ^b *Как в тексте.*
 17 заключена лишь в трех цветах. / ^a в этих трех цветах. ^b *Как в тексте.*
Далее зачеркнуто начало абзаца:
 Я не знаю, кто первый создал Демона – Лермонтов или Врубель, знаю только, что более согласных и более сходных по мощи художника и поэта трудно найти.
- 17 У самого Демона / ^a У Демона ^b *Как в тексте.*
 18 но оно было когда-то – прекрасное, юношеское тело. / ^a только *было* когда-то чудовищно-прекрасное тело. ^b но *было* когда-то чудовищно-прекрасное тело.
 19 глубина и скорбь огромных очей. / ^a громада печальных очей. ^b глубина печальных очей.
 20 Так и на картине: день / ^a День ^b И у Вруб(еля) день
 21 но снизу уже ползет / ^a а снизу уже ползет ^b но снизу ползет

⁷ Принято думать, что нить жизни Врубеля / Нить жизни Врубеля

⁸ создавал / творил

- 21 Конечно, и тут побеждает ночь. / ^а *начато*: И потому это
^б Конечно, ночь догнала. ^в Конечно, ночь побеждает.
- 22 Конечно, сине-лиловые миры рушатся и затопляют окрестность. / ^а Сине-лиловые миры обрушились и затопили окрестность. ^б *Как в тексте*.
- 23 свершается обычное – побеждает то, / ^а победило то, ^б свершилось обычное, победило то, ^в *Как в тексте*.
- 23–24 так было и есть в искусстве, / ^а как всегда было и бывает в искусстве, ^б так было и есть пока в искусстве,⁹ ^в *Как в тексте*.
- 25 но и пророки. / ^а *Как в тексте*. ^б но уже и пророки.
- 26 нас – в его творчестве / ^а нас именно тем, что в его творчестве ^б нас, ибо в его творчестве
- 26–27 мы видим, как синяя ночь медлит, колеблется / ^а мы уже видим, как ночь колеблется ^б мы видим, как синяя ночь медлит и колеблется
- 27 предчувствуя, быть может, свое поражение. / ^а как она предчувствует свое грядущее поражение. ^б предчувствуя, быть может, свое грядущее поражение.
- 27–28 *Фраза Недаром ~ Беллини. вписана.*
- 28 божественный, золотой Беллини. / золотой Беллини.
- 29 непризнанный и гонимый, / непонимаемый и гонимый,
- 29 В(рубель) вызывает самого Демона, / ^а он заклинает ее ^б он вызывает Демона, ^в он вызывает самого Демона,
- 30 ясностью дивного лика, / ^а блеском дивного лика ^б *Как в тексте*.
- 30 блеском крыльев / блеском крыл
- 31 перед синими чарами ночного зла. / ^а *начато*: перед синевой ^б перед синими чарами этого зла. ^в *Как в тексте*.
- 31–32 говорю образно / ^а говорю туманно ^б *Как в тексте*.
- 32–33 и не может еще быть сказано логично, / ^а еще и не может быть сказано ясно, ^б еще и не может быть сказано логично, слов еще нет, слова будут. / ^а слов нет, слова будут скоро. ^б *Как в тексте*.
- 33 *После этих слов вычеркнуто:*
Творец и создание – оба уже не люди. Но они еще и не¹⁰ Боги. Один только¹¹ – художник заклинатель, другой – только падший¹² ангел. Страшно быть тем и другим, страшно и увидеть¹³ эти горы и залечь в этих горах. Но
- 35 эти небывалые миры, / ^а миры этих гор, ^б миры этих небывалых гор,

⁹ *Против слов в искусстве на полях знак ?*

¹⁰ еще и не / еще не

¹¹ Один только / Один

¹² только падший / падший

¹³ и увидеть / увидеть

- 36 *оттуда* измеряются времена и сроки; / ^а. *начато*: *оттуда*
мы ^б. *оттуда* измеряются сроки; ^в *Как в тексте*.
- 37 вестники древней трагедии, / ^а. вестники – ^б. вестники древ-
них трагедий –
- 37–38 приходят оттуда к нам, в размеренную / ^а. приходят к нам в
нашу размеренную ^б. *Как в тексте*.
- 38–39 Врубель пришел с безумным, но блаженным лицом, с ве-
стью / ^а. Врубель пришел с вестью ^б. *Как в тексте*.
- 39–40 что в глубине лиловой мировой ночи таятся / ^а. *начато*: что
нам ^б. что в лиловую мировую ночь вкраплено
- 41–42 Слов “Он был похож на вечер ясный” нет.
После слов ни свет”. вычеркнуто: Художник обезумел, его
застигла ночь искусства, потом ночь Смерти.
- С. 250. 1 Печальный Ангел – ясный вечер – / ^а. Печальный Демон
^б. Печальный Ангел ясного вечера
- 1–2 побеждать заклитием ночь. / заклинять ночь.
- 3–4 Фраза Потому что скучные ~ зв(уков) небес. *вписана*.
- 4 написал однажды голову небывалой красоты – / ^а. *начато*:
написал некогда ^б. написал однажды какую-то чудесную го-
лову – ^в. *Как в тексте*.
- 5 в “Тайной Вечере”. / в “Тайной Вечере” – голову Христа.
^б. *Как в тексте*.
- 5–6 Да, он должен быть ~ он пел. / ^а. Он покоится мирно – с ним
Христос, ибо он должен быть ~ он пел. ^б. *Как в тексте*.

БА первой редакции (ИРЛИ)

⟨РЕЧЬ ПАМЯТИ ВРУБЕЛЯ⟩

В этот страшный год “смертей и болезней” мы хороним еще одного худ-
ожника – ген(иального) худ(ожника) Врубеля.

Я никогда не встречал М.А. Врубеля и почти ничего не слышал о нем. Его
жизнь, болезнь и смерть закрыты от меня почти так же, как от будущих по-
колений. И для них, и для меня – все, чем здесь жил Врубель, только сказ-
ка. Да и то немного, что я слышал о нем, как о человеке, похоже гораздо бо-
лее на сказку, чем на жизнь обык(овенного) человека

О творчестве Врубеля уже при жизни его сложилась легенда: говорят, он
переписывал голову Демона до сорока раз, и однажды кто-то, случайно при-
шедший к нему, увидел голову неслыханной красоты. Потом он уничтожил
ее, переписал опять, – и то, что мы видим теперь в Третьяковской галерее, –
только слабая память о том, что было создано.

Я знаю одно: перед тем, что Врубель и ему подобные открывают людям
раз в сто лет, я умею лишь трепетать. Тех миров, которые видели они, мы не
знаем, и это заставляет нас произносить бледное слово “гениальность”. Да,

гениальность, – что же это? О чем, о чем? Так можно промечтать и промучиться все дни и все ночи, – и все дни и все ночи будет налетать глухой ветер из тех миров, доносить к нам обрывки и шепотов и слов на незнакомом языке, а мы так и не расслышим главного. М(ожет) б(ыть), гениален лишь тот, кому удалось расслышать сквозь ветер целую фразу, из отдельн(ых) звуков сложить слово: “Вечность”. Но такая дерзость не проходит даром. Уже “*скучные песни земли*” не могут “*заменить звуков небес*”.

Да, нить жизни В(рубеля) мы потеряли не тогда, когда он сошел с ума, а гораздо раньше, когда он создавал мечту своей жизни – Демона.

Небывалый закат озолотил небывалые сине-лиловые горы. Это только наше название тех преобладающих трех цветов, которые слепили Врубеля всю жизнь и которым нет названия. Они – лишь знак, или символ того, что таит в себе житель гор: “и зло наскучило ему”. Вся громада этой мысли Врубеля–Лермонтова – заключена лишь в трех цветах. У самого Демона уже нет тела – но оно было когда-то – прекрасное, юношеское тело. Осталась только глубина и скорбь огромных очей. “*Он был похож на вечер ясный – ни день, ни ночь, ни мрак, ни свет*”. Так и на картине: день еще светит на вершинах, но снизу уже ползет синий мрак ночи. Конечно, и тут побеждает ночь. Конечно, сине-лиловые миры рушатся и затопляют окрестность. В этой борьбе золота и синевы свершается обычное – побеждает то, что темнее; так было и есть в искусстве, пока искусство – одно. Но у Врубеля уже брежит иное, как у всех гениев, ибо они не только художники, но и пророки. Врубель потрясает нас – в его творч(естве) мы видим, как синяя ночь медлит, колеблется побеждать, предчувствуя, быть может, свое поражение. Недаром учителем Врубеля был божественный, золотой Дж. Беллини. Один во всей вселенной, непризнанный и гонимый, В(рубель) вызывает самого Демона, чтобы заклинать ночь ясностью дивного лика, павлиньим блеском крыльев, своею божественной скукой перед синими чарами ночного зла. (Я говорю образно, но то, что я хочу сказать о Врубеле, кажется, еще и не может быть сказано логично, слов еще нет, слова будут).¹

Худ(ожник) – заклинатель и падший ангел – страшно быть с ними: страшно и увидеть эти небывалые миры, и залечь в этих горах. Но *только оттуда* измеряются времена и сроки; иных средств, кроме иск(usstва), мы еще не имеем. Художники, как вестники древней трагедии – приходят оттуда к нам, в размеренную жизнь, с печатью безумия и рока на лице. Врубель пришел с безумным, но блаженным лицом, с вестью о том, что в глубине *лиловой* мировой ночи таится *золото* ясного вечера. Его и Лермонт(овский) Демон и есть символ наших времен: “*Он был похож на вечер ясный²: ни день, ни ночь, ни мрак, ни свет*”.

Печальный Ангел – ясный вечер – остается с нами – побеждать заклятиями ночь. Художник обезумел, его застигла ночь искусства, потом – ночь смерти, потому что *скучн(ые) песни земли* уже не могли³ заменить *звуков не-*

---

¹ Фраза (Я говорю ~ слова будут). обведена рамкой.

² Фраза вписана простым карандашом.

³ уже не могли / не могли

бес; но ведь он написал однажды голову небывалой красоты – мож(ет) б(ыть), ту, которая не удалась Леонардо в “Тайной вечере”. Да, он должен быть в том раю, о котором он пел:

Он пел о блаженстве безгрешных духов
Под кущами райских садов,
О Боге великом он пел – и хвала
Его непритворна была.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО МЕРЕЖКОВСКОМУ ПО ПОВОДУ ЕГО СТАТЬИ «РЕЛИГИЯ И БАЛАГАН», НАПЕЧАТАННОЙ В «РУССКОМ СЛОВЕ» 14 СЕНТ(ЯБРЯ)

(С. 134)

Варианты ЧА (ИРЛИ)

- С. 134. 37 в тяжелых условиях / в условиях
С. 135. 5 Я совсем не хочу / *начато*: Я хочу говорить
5–6 потому, что многие / потому что и многие
19 рвущегося из правовых пут / рвущегося из пут
21 дышит то существо, / дышит существо,
26 когда здоров и здрав, / когда здоров,
28 не отвечает он / он не отвечает
32–33 быть некогда покинутой, / быть покинутой,
33 сын ее, человек, / сын
36 и тихо радуется. / и радуется.
37 но, однако, читаем / но ведь читаем
39–40 мало крыльев / мало еще крыльев
42–43 от авиатора, берущего / от авиатора, побивающего
- С. 136. 1 Родина подобна своему сыну – человеку. / *а. начато*: Суще-
ство, которому имя Родина, когда она здорова *б* Родина по-
добна человеку.
2 все ее тело / ее организм
5 диапазон их / диапазон чувств
6–7 подобного и милого нам существа? / подобного нам и мило-
го нам существа?
10 тончайших и главнейших органов / тончайших и главных
органов
13 так и есть теперь. / так и теперь.
22 можно было сказать по-другому / можно сказать по-другому
25 но знаешь, / *а Как в тексте. б начато*: Но чу(вствуешь)
27 больна, и безумна, и мы, ее мысли и чувства, вместе с нею.
/ больна, и мы вместе с нею.

28 все чувства / все существо
30–31 все это многообразие выражается / все это выражается
32–33 ничто вокруг не кричало, / ничто в нем кричать не могло,
33–34 своей собственной, некогда подлинной муки, / своей некогда подлинной муки,
35 оркестр, которому он вторил, замолк. / оркестр замолк.

РЫЦАРЬ-МОНАХ

(С. 136)

ЧН (ИРЛИ)

В передней перед панихидой (глаза)¹. На площадке лестницы, когда выносили гроб, и тетя Саша повисла на нем. За гробом на улице впереди меня с непокрытой головой, ушедшей в поднятые плечи, и серая сталь волос на потертом буром воротнике² шубы. Замечание Ад(ама) Фел(иксовича) Кубл(ицкого).

В то время в средн(их) Пб кругах³ особенно ненавидели Вл. Соловьева. О нем распространяли мелкие и наивные сплетни.

Потом – рассказы о пророчестве об Антихристе в Городской Думе; лицо⁴ и проникновенный голос; однако известный публицист счел остроумным упасть со стула.

Потом скоро – смерть. Потом – потоки дружеских воспоминаний, где рассказывались все исключительное чудные и странные поступки. Эти воспоминания мелькают в журналах и до сих пор. Особенно – о хохоте. Б(ольшей) ч(астью)⁵ говорят, что хохот был странный, иногда – обидный, добродушный, акающий,⁶ почти мальчишеский; одна известная писательница⁷, впрочем, говорила мне обратное: что хохот был страшный, что виден был огромный черный рот (хохотал, зияя черным ртом).

Все непохожее на обыкновенное всегда странно и обидно⁸, а в лучшем случае – отвратительно и страшно⁹. Непохожих принято уничтожать.

---

¹ перед панихидой (глаза). / перед панихидой.

² на потертом буром воротнике / на воротнике

³ в средних Пб кругах / в Пб

⁴ лицо / *начато*: когда лицо

⁵ Б(ольшей) ч(астью) / Некоторые

⁶ был странный, иногда – обидный, добродушный, акающий, / был добродушный,

⁷ *Над строкой надпись*: Зин(аида) Ник(олаевна) (Гиппиус. – *Сост.*). *Под строкой надпись*: (впрочем, “кто-то”)

⁸ странно и обидно, / странно,

⁹ отвратительно и страшно. / страшно.

СОДЕРЖАНИЕ РЕЧИ В ПАМЯТЬ В.С. СОЛОВЬЕВА ПОД ЗАГЛАВИЕМ (РЫЦАРЬ-МОНАХ)

БА (РГАЛИ)

Необыкновенный юбилей. Обычный прием чествования – демонстрация¹ видимого (умственного и душевного) образа в увеличенном и раскрашенном виде на экране волшебного фонаря; отсутствие единодушия в таком чествовании по отнош(ению) к Вл. Соловьеву (вкратце – действительные и мнимые минусы его деятельности²). Его мнимый романтизм. Одинаковая ценность наивного реализма и романтизма по существу. Несколько личных впечатлений³. Внутренний, духовный образ⁴ Вл. Соловьева как рыцаря-монаха, имевшего действительные видения. Перемещение его внешних заслуг на этой картине. Значение его романтизма. Внешняя деятельность Вл. Соловьева – лишь средство, как щит и меч для рыцаря, добрые дела – для монаха. Поэма “Три свидания” как простое свидетельство о виденном. Об обязанностях, налагаемых видением. Значение видений – как подтверждение того, что душа природы и история⁵ вневременна и внепространственна. Забвение этого – единственный источник человеческой пошлости.

Варианты БАП (ИРЛИ)

- С. 136. 38 провожал гроб умершей / шел в процессии за гробом умершей ◇
- С. 137. 3–4 на окружающее. / на все окружающее. ◇
- 6 среди кучки обыкновенных / среди обыкновенных ◇
- 10 что испытал / что я испытал ◇
- 11 Соловьева, который он / Соловьева, с которым он ◇
- 34 забывал в пустыне жизни, – / забывал в пустыне, –
- 36–37 Зрелые, деловые люди уважают смерть и готовы выразить свое сожаление о гибели; но успение и конец ненавистны им, / Успение и конец ненавистны для зрелых деловых людей, они уважают смерть ◇
- 39 земные дела / все земные дела ◇
- твердить одно и то же о гениальности / твердить о гениальности ◇
- 40 успение и конец самого Толстого. / успение самого Толстого. ◇

¹ демонстрация / назойливая (?) демонстрация

² его деятельности / его умственной деятельности

³ Фраза вписана над строкой.

⁴ Внутренний, духовный образ / Внутренний образ

⁵ душа природы и истории / природа и история

- С. 138.
- 4 За шумом ненависти и поклонения / За шумом этой ненависти и этого поклонения ◇
- 6-7 обозначился новый век. / определился новый век ◇
- 8 шумно забывая / забывая ◇
- 9 Здесь легко торжествовать / Здесь торжествовать ◇
- 13-14 Это – как бы флаги, / *начато*: Всякий любит ◇
- 18-19 это – ночное небо / это – черное ночное небо ◇
- 22-23 ревниво скрывают, / ревниво прячут ◇
- 24 по крышке пустого гроба; / по крышке гроба; ◇
- 25 отверните край / *начато*: поднимите ◇
- 34 одни из нас / ведь одни из нас ◇
- 36 не священную, а государственную – во имя политической розни; другие / не священную, а во имя политической розни; а другие
- 40-41 Тут – непомерное разнообразие / Тут мы видим непомерное разнообразие ◇
- 41-42 не сходят со страниц журналов. / встречаются в журналах. ◇
- 42-43 противоречивых анекдотов о “странных” поступках и словах, / противоречивых анекдотов? ◇
- 43-44 о “странном”, а для некоторых – страшном, хохоте, / о “странном хохоте” ◇
- С. 139.
- 2-3 они прощали этому романтическому чудаку его дикие выходки. / они прощали дикие выходки этому романтическому чудаку. ◇
- 4-5 Образ крупного мыслителя / Образ великого (?) мыслителя ◇
- 7-8 единодушного признания за ним этих качеств в полной мере – / ^{а.} единодушного признания за ним этих качеств – ^{б.} единодушного и полного признания за ним этих качеств – ◇
- 8-9 Значит, празднование его земной памяти / ^{а.} Значит, воспоминание о нем ^{б.} значит, празднование его памяти ◇
- 9 всегда легко может обратиться / легко может обратиться ◇
- 11 и над горизонтом философии и науки взойдут новые звезды, – / и явятся новые философы и ученые, – ◇
- 20-21 хорошо знал это ласковое чудовище – льстивое и страшное время. / хорошо знал, какое ласковое чудовище – страшное время. ◇
- 22 чтобы нападать на врага / чтобы бороться с врагом ◇
- 26-27 дань уважения метафизическому маккиавелизму – / ^{а.} *начато*: дань уважения перед ^{б.} дань уважения этому метафизическому маккиавелизму – ◇
- 28 был лишь умным слугою / только слугою ◇
- 29 *Фраза* Это был “честный воин Христов”. *вписана*.
- 30 видели сияние, / видели это сияние ◇
- 32 писал умные книги / писал книги ◇

- 34 Забудем на минуту / Забудем на время ◇
 35–36 Мы должны вспомнить / *а. начато*: Вспомн(им?) *б.* Мы хотим вспомнить ◇
 40 иного, незаемного света. / иного света ◇
 С. 140. 3 мерцает панцирь, круг щита и лезвие меча / мерцает панцирь и лезвие меча
 20 есть невнятно шелестящее знамя, / есть то невнятно шелестящее знамя ◇
 21 Простая надпись / Эта простая надпись ◇
 33 в жизни мира. / в мировой жизни ◇
 36–37 на гробнице среди базилики св. Аполлинария / на алтаре в храме св. Аполлинария ◇
 С. 141. 10–11 но утверждением всей картины: / но утверждением картины: ◇
 12–13 где начинается жизнь; / где начинается эта жизнь; ◇
 14 исходить из нее; / спускаться от нее; ◇
 19–20 писались слова, / *начато*: писались пророч(еские) ◇
 24 необыкновенной скрытностью: / необыкновенной, иезуитской скрытностью: ◇
 25–26 и заставляя их забывать о сущем, / и этим заставляя забывать о сущем, ◇
 29–30 определив идею человечества, как Св. Софии Премудрости Божией – у О. Конта, / развернув идею человечества О. Конта ◇
 33 нового и всемирного. / всемирного и нового ◇
 35 недаром мы видели, / недаром мы были свидетелями того, ◇
 37 нам промечтались и умудрили / нам промечтались, умудрили ◇
 С. 142. 1 и сбросить с себя / и радостно сбросить с себя ◇

ОТ ИБСЕНА К СТРИНДБЕРГУ

(С. 142)

СТРИНДБЕРГ (И ИБСЕН)

ЧН (ИРЛИ)

Март 1912

На Ибсена – художника мы смотрим снизу вверх, – не оттого ли иногда хочется посмотреть сверху вниз на Ибсена – человека. Стриндбергу мы всегда смотрим прямо в лицо, как равному, как человек человеку; разумеется, впрочем, в его глаза можно глядеть лишь человеческими глазами, – иначе – как бы мужественная улыбка снисхождения не заиграла на его лице.

Голова Ибсена – голова небывалой птицы над фьордом, или – снежный ком, обломок¹ скатившейся лавины. Голова Стриндберга – голова человека, голова *мужчины*, у него жесткие усы, и глубокие мужественные морщины избороздили его лицо.

Рукопожатие Ибсена, вероятно, легкий нажим львиной лапы, белой, бескровной руки, которая вечно держит одно перо и вечно вписывает на скрижали² одним пером повесть жизни. – Рукопожатие Стриндберга, вероятно, рукопожатие рабочего, или атлета, едва ли есть какая-либо мягкость в его руке, которая, ломая перья, постоянно сменяет их новыми, и потом берет тигель и покрывается ссадинами и болячками в возмездие за добывание золота алхимическим путем?

Государство, которому Ибсен и Стриндберг не принесли никакой пользы, выражаясь мягко, могло бы рассуждать так: шея Ибсена слишком нежна для веревки, зато шея Стриндберга выдержит всякую веревку (а не наоборот)³. В этом нет ни смешного, ни нереального.

Оккультных наук, теософии, алхимии, мистики, таинственного – боятся только от природы усталые, вырожденные умы (средний ученый), или односторонние, грубые умы. Так же, как декаденты боятся науки, позитивных методов мышления. Стриндберг – пример ума сильного, не боящегося противоречий*. Лаборатория Стриндберга веселая, но сам-то он – печальный, “несчастный” (Вельзунг).

Относительно наследия многих писателей, даже великих, бывают досады. Например, Толстой оставил много скучного. Наследие Стриндберга, при всей громадности, веселое, не угнетает.

Варианты ЧА (ИРЛИ)

- С. 142.   16   городок. / городок Скиен. ◇
                   16–18   жителей. Разговаривают все о коммерции. Везде щелкают
                           счета – кроме тех мест, где нечего считать и не о чем раз-
                           говаривать; зато там также нечего есть / жителей; разгова-
                           ривают все о коммерции и щелкают на счетах.
                   18–19   Иногда, пожалуй, читают Библию. / ^а. Пожалуй, читают
                           Библию иногда. ^б Пожалуй, иногда читают Библию.
                   19   неприличными; да вряд ли там кто и знает, что у людей бы-
                           вают другие занятия. / считаются неприличными.
                   21–22   купец с семьей. / купец с семейством.

¹ обломок / кусок

² вписывает на скрижали / вписывает

³ веревку (а не наоборот). / веревку.

* Противоречие – понятие, созданное слабыми умами, которые боятся богатства, предпочитают нищету.

- 26 Странные звуки, странный вид из окна, / Странный вид из
окна, странные звуки,
26–27 не для нас, впрочем; / ^а. только не для нас; ^б. впрочем, не для
нас;
27–28 каждый из нас непростительно солжет, если скажет, что не
видал в жизни / ^а. мы, современные люди, непростительно
солжем, если скажем, ^б. мы непростительно солжем, если
скажем, что не видали в жизни
29–30 что какая-нибудь “высокая паперть” вечным тупиком не
упиралась в его окно; что он не слышал ничего / какой-ни-
будь “высокой паперти”, с вечной тупостью упирающейся в
наше окно; что не слышали чего-нибудь
32 Все это мы видали / Все это видали мы
34–35 звуки, – объясняет он впоследствии, – / звуки, объясняет
последствии Ибсен, –
35 Читая о гильотине, / Читая впоследствии о гильотине,
37 воспоминаний и у нас / воспоминаний у нас у всех
37–39 Для многих из нас – жить среди современной жестокости и
нелепости, “у позорного столба, под стон лесопилок”, – /
^а. *начато*: Для нас ^б. Для многих из нас деятельно жить ^в.
Для многих из нас жить
39–40 значит ожесточить то, что в душе должно быть нежным,
С. 142–143. 1–3 размягчить то, что должно быть твердым: живую ткань
сердца превратить в железное сито, легко отбрасываю-
щее от себя людские пени; огонь воли залить водой, опу-
стить руки, решить, что жизнь есть роковая, хотя и тяже-
лая, необходимость. / значит 1) ожесточиться, живую
ткань сердца превратить в железо и 2) умертвить¹ волю,
опустить руки, взглянуть на этот мир как на роковую не-
обходимость.
С. 143. 4–5 *Фразы* Но – “с волками жить – по-волчьи выть” *нет*.
5–6 С Ибсеном этого не случилось. Будущее его покажет нам,
сохранил ли он нежную ткань сердца. / С уроженцем ма-
ленького Скиена не случилось этого: Генрих Ибсен сохра-
нил нежную ткань сердца (полно, так ли? Будущее покажет
нам это яснее);
6–7 Возрос и возмужал он, по крайней мере, в воззрениях чело-
веческих, / ^а. *начато*: воля его стала ^б. по крайней мере,
Генрих Ибсен возрос в воззрениях “гуманных”,
7–8 путь, напоминающий, хотя и смутно и неполно, путь героя.
/ ^а. путь, сужденный всякому большому писателю; путь,
смутно и неполно, но напоминающий первые шаги “ге-
роя” – Зигфрида. ^б. путь, сужденный всякому большому

¹ умертвить / потерять

- писателю; путь, хотя и смутно и неполно, однако напоминающий первые шаги “героя”.
- 9–10 что с Зигфридом; только не ~ Валькирии, – / что происходило с Зигфридом, но не ~ спящей дочери Хаоса,
- 10–11 а в нашем будничном и сером свете / ^a а в сером будничном свете. ^b а в нашем сером, будничном свете.
- 11–13 **Фразы:** (припомним, однако: ~ в Рейне скучно плещутся глупые рыбы). *нет.*
- 14 с последовательностью, конечно, роковой, / с последовательностью неуклонной и, конечно, роковой,
- 15 делать; в самом / делать. В самом
- 16–17 (о коммерции, о сельдях) и варит сыну мерзкое зелье – готовит ему торговую карьеру. / (о коммерции), вечно жлет и варит сыну ядовитое зелье – готовит торговую карьеру.
- 17 Ибсен ушел. / Зигфрид ударил мечом. Ибсен ушел.
- 18–19 родной городишко, он как бы в награду или в предвестие увидал впервые Северное море. / родной Скиен, Ибсен, как бы в награду, увидал впервые Северное море около Гримстада.
- 20 не различил сначала / сначала не различил
- 23–24 Ибсен с тою же роковой последовательностью покидает и *родину* и *общество*. / Ибсен покидает и родину и общество.
- 24–25 по полю жизни!..” – восклицает он. Конечно, / по полю жизни!..” Конечно,
- 25–26 кто такие норвежцы, как не “общество” злых и корявых Нибелунгов, пребывающих в домашних спорах? / кто такие норвежцы? “Общество” Нибелунгов, корявых, дряблых, вечно решающих домашние дела.
- 28 своих карликов. / своих прислужников.
- 29 лавочку торгаша / лавочку мелочного торгаша
- 30 поднимает над своими Нибелунгами бич сатиры: / Ибсен поднял над своими “нибелунгами” сатирический бич.
- 30–33 “Я поднял бич сатиры над любовью и браком, потому вполне в порядке вещей, что раздалось столько воплей в защиту и брака, и любви” (из предисловия к “Комедии любви”). Нибелунги разозлились и восстали. / Нибелунги закопошились и восстали. От его² удара не спаслась ни одна интимная сторона общественной жизни. «Я, пишет Ибсен в предисловии к “Комедии любви”, поднял бич сатиры над любовью и браком, потому вполне в порядке вещей, что раздалось столько воплей в защиту и брака, и любви»
- 34–35 Зигфрид, я ведь всегда от души тебя ненавидел и хочу срубить тебе голову”, – говорит глупый Миме Зигфриду. В от-

² От его / От моего

вет он получает удар меча. / Зигфрид, говорит лицемерный Миме, я ведь всегда³ тебя ненавидел”. Зигфрид в ответ убивает его мечом.

36–37 Родительский дом, родина, общество – / Теперь родительский дом, родина, общество, родная земля –

37–38 Так кончается *первый период* деятельности Ибсена, такова его жизнь до / Такова – действительная жизнь Ибсена вплоть до его

38–39 Не правда ли, она подобна первым шагам героя саги? / Да, она подобна первым шагам героя.

40 *Фраза* Что же происходит теперь? *заканчивает предыдущий абзац.*

41 *Бранда.* Его воля / Бранда. Воля его

41 до предела. Его мозг / до последнего предела. Мозг его
42–43 о личности, о жертве, о народе, о национальности. / о личности, жертве, народе, национальности.

43–44 Его сердце знает сомнения и любовь, ужас и сладость одиночества. / ^а. Он знает любовь, сомнения, и ужас одиночества. ^б. Он знает любовь, сомнения, и ужас, и сладость одиночества.

44–45 Впрочем, более одиноким, чем теперь, он не был никогда – как среди друзей, так и среди врагов: он прославленный писатель. Ему под сорок лет. / Более одиноким, чем теперь, он, впрочем, никогда не был. Теперь Ибсен – зрелый женатый человек, ему под сорок лет. По положению – он прославившийся писатель, следовательно, равно одинокий среди друзей и среди врагов.

С. 144. 1–2 невесте”, носитель “королевской мысли” о духовной жизни Норвегии, – говорит биограф Ибсена. / невесте”, говорит его биограф; это – носитель “королевской мысли” о народе, о духовной жизни Норвегии. Он – в ореоле славы. Гонения и нужда позади.

3 происходит коренной переворот. / наступил роковой переворот.

4–5 пришел конец. Наступают события. / наступил конец. Приходят события.

6–7 гибнет в горах, во мраке метели. Отвергнутую церковь земную заменила ему “снежная церковь” – лавина. Перед гибелью является ему призрак / гибнет где-то в горах, в “снежной церкви”, во мраке, раздавленный лавиной; перед смертью является ему видение

10 умирает усталый, убаюканный песней Сольвейг – песней Вечности. / на смертном одре его убаюкивает Сольвейг.

³ Я ведь всегда / Я всегда

- 11 Так Зигфрид, / В это самое время и Зигфрид,
 11–12 свою любовь и гибель близ дочери Хаоса, которую он раз-
 будил. / свою любовь и свою гибель, дочь Хаоса, убаюкан-
 ную разгневанным отцом.
- 14–15 *Абзац* Страшен холод вершин. ~ (Deus Caritatis)? *отсут-*
ствует.
- 16–17 Здесь я ставлю вопросительный знак: может быть, с этой
 минуты пути героя и человека расходятся: юноша / С этой
 минуты пути Генриха Ибсена и героя расходятся. Юноша
 17 вступает на свой / идет на свой ◊
- 18 *крестный*, не омрачаемый даже изменой, / ясный и крест-
 ный путь ◊
- 19–20 *который нам до сих пор непонятен.* Мы еще его не изме-
 рили. / *которого мы еще не понимаем*, да будет сказано так.
 20 Это – путь, самим Ибсеном названный / Это – путь,⁴ кото-
 рый самим Ибсеном назван
- 21–22 путь, может быть, *тоже ясный и крестный.* Но этот путь
 соблазнил многих из нас. / ^{a.} путь в лучах писательской сла-
 вы, торжественный, но многих из нас соблазнивший. ^{b.} путь
 в лучах писательской славы, торжественный и, может
 быть, тоже – ясный и крестный. Но это – путь, соблазнив-
 ший многих из нас.
- 23–24 В горах с Брандом и в лесу с Пер Гюнтом произошло нечто,
 стоящее вне известных нам измерений. / ^{a.} Недаром про-
 изошло что-то в горах. Произошло то, о чем⁵ мы, вероят-
 но, и доселе не знаем. ^{b.} Недаром произошло что-то в горах.
 Произошло то, о чем мы и доселе только догадываемся.
- 24–25 “матерьяльным” следствием этих *событий* / “матерьяль-
 ным” и осязаемым последствием каких-то *событий*
- 26 не таким, каким уезжал. / не так и не таким, каким уезжал.
 26–27 сухой и злой Ибсен, / сухой, вежливый, злой Ибсен
- 27 в щегольском и всегда застегнутом скюртуке и перчатках. /
 в щегольски застегнутом скюртуке и в перчатках.
- 28 Он говорит, / Ибсен говорит
- 28–29 какой зловещий и... красивый образ!). / не правда ли,
 есть зловещее⁶ в этом красивом и небрежно уроненном об-
 разе?).
- 33 *Абзац* Итак, Ибсен возвращается ~ микроскоп и скальпель
следует после слов поэтический дар”?
- 33 к “родной и близкой” (как говорится) действительности. / к
 родной и близкой действительности.

⁴ путь, / долгий путь,

⁵ о чем / что

⁶ есть зловещее / что-то зловещее есть

34 “язвы общества”. В руках / язвы общества. Ибсен – психолог. В руках
После слов микроскоп и скальпель *следует*:
Теперь он может проронить такие бездонные, многозначные, *разно понимаемые и не всем одинаково понятные*⁷ слова:

Знакома мне паденья глубина;
Весенних басен книга прочтена,
Мне время есть размыслить о морали.

38 он еще в ранней юности / он в ранней юности

40 Мораль и польза! Виват! / О морали! Виват!

41 К нему бросается свора публицистов, критиков. / К Ибсену бросается целая свора публицистов, критиков, психологов.

42–43 “Кукольный дом” – два! “Доктор Стокман” – три. / “Нора” – два! “Доктор Стокман” – три! Нате, ешьте!
Фразы Голодные критики хапают, не разбирая, нет ли в каком-нибудь из этих вкусных “вопросов” – кусочка иглы.
нет.

44 Пятьдесят Нор выходят из себя, / Пятьдесят Нор во всей Европе выходят из себя,

С. 145.

1 талантливее изобразить / талантливей изобразить

2–3 галантный Ибсен даже меняет конец “Норы” (шутка сказать – наоборот!). / вежливый Ибсен даже изменяет конец “Кукольного дома” (ни много, ни мало – наоборот!).

4–7 *Текст* К назойливо лезущему не вовремя гостю ~ и гость сконфужен. *отсутствует.*

7–8 наберется достаточно народу, она отдергивает занавеску: взорам зевак / наберется довольно народу, она отдергивает занавес окна, и взорам толпы

9 *После слов* погруженный в работу. *следует текст*: Слышите ли вы грохот лавины, погребавшей под собою Бранда? Голос Сольвейг, баюкающей усталого путника? Понимаете ли, что значит “глубина паденья”? – Нет, и до сих пор, вероятно, мы этого не понимаем.

19 Вот он опять на своей бессолнечной родине, но в какой-то / Он вернулся опять к бессолнечной родине в какой-то

21–23 *Текст* Он весь закован был в броню.

Оруженосец – Смерть... *отсутствует.*

23–24 Изменились темы и приемы Ибсена, изменились даже наружность и почерк. / Изменились его методы, его темы, даже наружность, даже почерк.

24–25 Отказавшись быть “женихом в брачной одежде”, он стал “великим чернорабочим”. / Он, отказавшийся “быть жени-

⁷ не всем одинаково понятные / не всем понятные

- хом в брачной одежде” (в виду “трупа в трюме”!) стал великим чернорабочим.
- 25–26 Какою мерою излить толпе и слугам ее, критикам, / Боже мой! Какою мерою излить “толпе” и ее “критикам”
- 26–27 который “отрезвел” и, “как все”, занялся женским и всеми прочими вопросами? / за то, что он “отрезвел”, за то, что и он, как все, занялся женским вопросом и многими⁸ прочими вопросами, за то, что он “для дела” забыл... “сладкие звуки и молитвы”?..
- 28 Ибсен проходит эту *вторую часть* своего пути. / проходит *вторая часть* пути Ибсена.
- 29 Наступает “действие третье”. / Но была еще третья.
- 30–32 Внешним образом ничто не переменяется. То же приличие, любезность, речи, перебиваемые иногда “нелюдимостью” или “странностями” писателя (“странностями” называются просьбы не приставать с глупостями). / Любезность, приличие, речи продолжают. Ибсен выходит к назойливому гостю с пером в руках, Ибсен изысканно⁹ дает понять что он... занят.
- 32–34 И вдруг (для публики “вдруг“, потому что годы дум и сомнений – для публики один миг) / И вдруг... впрочем, не вдруг, а постепенно – годами... но ведь года раздумий и мучений писателя – для публики и критики “один миг“...
- 34 Ибсен опять превращается во что-то новое и перестает быть понятным. / Итак, действительно, вдруг, так что публика и критика успевают только ахать, Ибсен опять превращается во что-то иное. Ибсен перестает быть понятным.
- 35–38 *Текста* Иначе говоря, не ~ Публика и критики начинают ахать и давиться. *нет*.
- 38–40 Теперь в драмах Ибсена явственно бьет какой-то незнакомый ключ. Его происхождение объясняют на все лады. Но ведь и мы не знаем доселе, сколько в этом ключе живой и сколько мертвой воды... / ^{а.} *начато*: Он перестает быть понятным медленно... ^{б.} *начато*: В его драмы просачивается какая-то новая струя, которая не только непонятна для ^{в.} В его драмы просачивается какая-то новая струя, которая не только чужда *той* современной публике и служанке ее – критике,¹⁰ но непонятна нам¹¹ и доселе, правда, иначе, чем публике.
- 41 Кто это – Гедда Габлер? / *Гедда Габлер* – кто это?

⁸ и многими / и всеми

⁹ изысканно / вежливо

¹⁰ и служанке ее – критике, / и критике,

¹¹ нам / и нам

- 42–43 Что такое “белые кони” Росмерсгольма? / *Росмесгольм*, какие белые кони?
- 43 И гибель от рока, тяготеющего над домом? / Что значит гибель от рока, тяготеющего над домом?
- 43–44 Бывают разве Женщины моря? / *Дочь моря* – разве бывают женщины моря?¹²
- 44 Разве это не бесполые наяды, глупые рыбы с ликами прекрасных дев? / *а*. Нет, там только наяды. *б*. Разве они не наяды, бесполые рыбы в образе прекрасных дев? *в*. Разве они не наяды, бесполые рыбы с ликами прекрасных дев?
- С. 146. 1–2 Почему Эллида бежит по берегу моря и, как птица, хлопает обрезанными крыльями? Почему она вдруг, именно как птица, смешно и неуклюже бросается назад в клетку? / И почему Эллида, действительно, как птица, бежит по берегу моря и хлопает обрезанными крыльями, и потом так смешно и неуклюже, именно как птица, вдруг бросается в клетку?
- 3–4 Действительно ли сумасшедший или только притворяется таким Строитель Сольнес? / *Строитель Сольнес* – действительно ли он сумасшедший?
- 4–6 Почему какая-то глупая девчонка, стучащая в дверь, заставляет воздвигать нелепую башню, требует какое-то “королевство на стол” и при этом называется “юностью”? / Кто такая Гильда, “Юность”, стучащая в дверь, заставляющая строить какую-то нелепую башню, требующая¹³ какое-то королевство на стол?
- 6–7 *Фраза* Или мозг Строителя разгорячен, и все это только его бред? *отсутствует*.
- 8–10 Мы побывали “где-то там” и уже не принадлежим к разряду тех крепколобых, которые до сих пор объясняют все это “по-норвежски”, или “по-международному”, или психологией, или моралью, или... женским вопросом. / Пусть тот, кто берется объяснить все это сколько-нибудь однородно, однозначно, “по-норвежски”, что ли, или хоть “психологически”, или “философски”, на международных языках, – попробует... Мне и доселе приходится встречать такие “крепкие” головы, которые гнут все это к морали или к женскому вопросу, или... не знаю еще к чему.¹⁴
- 10–21 *Текст* Но, побывав там, мы возвратились сюда. ~ Куда ты нас завел? *отсутствует*.
- 22–23 Современный Ибсену критик Шлентер говорит по поводу последней драмы (“Когда мы, мертвые, пробуждаемся”): /

¹² женщины моря? / морские женщины?

¹³ требующая / *начато*: требующую столь(ко)

¹⁴ не знаю еще, к чему. / не знаю, к чему.

Западные критики, кажется¹⁵, поумнели гораздо прежде: по крайней мере, современный¹⁶ Ибсену критик Шленгер писал:

- 23 “Если бывали вообще / “Если вообще бывали
24 *После слов* новейшие драмы Ибсена”. *следует:*
Коварные, да, и соблазнительные:¹⁷ я думаю, до сих пор соблазнительные для всех нас. Разве на два, на три из брошенных мной сейчас вопросов ответим мы с уверенностью “да” и “нет”. Это касается Ибсена “третьего периода” в той же мере, как Ибсена Бранда и Пер-Гинта и, если хотите, еще дальше...¹⁸ Ибсена “Воителей в Гельголанде” и “Комедии любви”.
- То, что я хочу сказать, значит только: *весь путь* Ибсена определяется как *символический*, с начала и до конца.
- 24 *Текст* Можно прибавить: новейшие драмы Ибсена обнаружили только, ~ говорил Ибсен. *отсутствует*.
- 29–30 Все творчество его многозначно, все говорит о будущем, о несказанном – и потому соблазнительно. / Все это – многозначно, все говорит о будущем, все чревато несказанным и потому... соблазнительно.
- 30–31 Великая благодарность и хвала Ибсену за соблазны! / Хвала Ибсену, великая благодарность за соблазны.
- 31–32 Если он соблазнил кого, то ведь соблазняются только путники. / Без соблазнов путей нет. И бесконечная благодарность Ибсену за то, что он – один из тех, кто соблазнял и нас!
- 32–34 *Текст* Стоящие же на месте ~ лбами над пустотой. *отсутствует*.
- 35 Еще вчера Россия пережила неповторимые года. / Россия вчера еще перенесла неслыханные потрясения.
- 35–36 В те годы мы шли по следам Ибсена именно третьего, особенно опасного, периода. / Русские символисты были с ней и в те годы. Русские символисты в те годы именно¹⁹ бросились по следам Ибсена третьего периода, периода самого сложного²⁰.
- 36–37 Имя Ибсена красовалось на нашем знамени, оно красуется на нем и до сих пор. / Его имя украшало наше знамя, его имя и до сих пор красуется на нем!
- 39–40 *Текст* Мы еще по-новому вернемся к нему. ~ полный ужаса путь. *отсутствует*.

¹⁵ кажется, / давно уже, кажется,

¹⁶ современный / еще современный

¹⁷ Коварные, да, и соблазнительные: / Коварны, да, и соблазнительны:

¹⁸ еще дальше... / дальше

¹⁹ в те годы именно / в те годы

²⁰ третьего периода, периода самого сложного. / третьего периода.

- 40–41 Он был суров и жесток с нами; быть может, многими страшными днями мы обязаны ему. / Но Ибсен был жесток с нами, как жесток со всеми.
- 42 в нем. И – Бог с ней. / ^а в нем, но и Бог с ней! ^б в нем, но Бог с ней.
- 43–44 делают свое дело; они его сделали и с Ибсеном, делают и с нами. / неуклонно делают свое дело – они его сделали и с Ибсеном.
- 44–45 Ужас воспоминаний жизни претворился для Ибсена в грохот Брандовой лавины и в голос Вечности в лесу. / Ибсен на всю жизнь запомнил грохот Брандовой лавины и голос Вечности в лесу. Для того, чтобы узнать это, надо было покинуть²¹ и родину, и домашний очаг.
- 45 Сам он остался на свете, долго еще присматривался ко всему зорким оком, и понемногу седеющая голова его превратилась в мохнатую / Но нужны были жестокие зрелища и звуки девятнадцатого века, чтобы ожесточить сердце, постепенно превратить седеющую голову – в мохнатую
- С. 147. 3 Орел летит и летит. Озираясь назад, он манит нас за собою. / Орел летит, летит, все оглядывается²² назад и манит за собой.
- 4–5 Близится море. Близится конец века. Мы изнемогаем. / Мы изнемогаем. Уже близится море. Близится конец века.
- 6 на недоступной скале. / на недоступной нам скале.
- 6–8 Мы слышим между скалами какие-то непонятные, почти безумные слова “о цветах и листьях”. / Мы слышим какие-то речи²³ – непонятные, почти безумные речи – о “цветах и листьях”²⁴.
- 8 Говорят Ирена и Рубек – призраки. / ^а Говорят Ирена и Рубек – кто это? ^б Говорят Ирена и Рубек – где и кто они?
- 9 *Фраза Век на исходе. отсутствует.*
- 10 Вдруг грохот лавин, свист бури и мрак. И во мраке – голос Вечности. / Вдруг – грохот лавины, мрак, свист бури и голос Вечности.²⁵
- 12 среди ночи, / ночью.
- 13 обрываясь и вновь цепляясь за скалы. / цепляясь за скалы, обрываясь.
- 14–15 оставленной земли, на ней пробивается трава. / не виданной земли, побеги травы на нем.

²¹ надо было покинуть / надо покинуть

²² летит, все оглядывается / летит, оглядывается

²³ какие-то речи – / грохот лавины

²⁴ о “цветах и листьях”. / о каких-то “цветах и листьях”.

²⁵ голос Вечности. / голоса Вечности.

- 16–17 безначального воздуха и огня! / воздуха, огня.
 17–18 выходит человек с горькой складкой страданий под жесткими усами, с мужественным взором серых глаз. / выходит измученный мужественный человек.
 18–19 Наконец, – после орлего лика – человеческое лицо! / Наконец-то человеческое, светлое человек(еское) лицо...

Варианты БА и КГ (ИРЛИ)

- С. 142. 19 вряд ли там кто / вряд ли кто (БА) ◇
 22 против окна – / против окон – (БА)
 32 Все это мы видали / Все это видали мы (БА)
 37 Таких “благодарных” воспоминаний и у нас / Таких “благодарных” воспоминаний у нас (БА) ◇
- С. 143. 6–7 в воззрениях человеческих, / в воззрениях человекных (БА)
 8–9 то же, что с Зигфридом, / то же, что и с Зигфридом, (БА)
 10 Валькирии, / Валкирии (БА), (КГ)
- С. 144. 6 в горах, во мраке метели. / в горах, во мраке. (БА) ◇
 10 песней Сольвейг – песней Вечности. / песней Сольвейг – Вечности. (БА) ◇
- С. 145. 37–38 он еще в ранней юности / он в ранней юности (БА) ◇
 1 большое, талантливее / большое и талантливей (БА)
 16 Слышите грохот лавины, / Слышите, как будто грохот лавины, (БА) ◇
 17 под собой Бранда? / под собою Бранда? (БА)
 18 Ибсен уходил / Ибсен уходит (БА)
 19 Вот он опять на / *начато*: Вот он опять в (БА) ◇
 28 проходит эту *вторую* / проходит *вторую* (БА) ◇
 29 Наступает “действие третье”. / Но была еще третья. (БА) ◇
 35–36 для публицистов, / для публициста (БА)
 37 что в кусках, / и что в кусках (БА) ◇
- С. 146. 41 *После слов* или ненавидит ее автор в БА знак абзаца Z.
 5 заставляет воздвигать / заставляет строить (БА) ◇
 7 это – только его бред? / это – его бред? (БА) ◇
 9 объясняют все это / объясняют это (БА)
 11 Сегодня мы *здесь*. / Мы *здесь*. (БА) ◇
 20–21 не совсем ясно видели твое лицо и не совсем отчетливо слышали твое слово... / не совсем ясно видим твое лицо и не совсем отчетливо слышим твои слова... (БА)
 25 драмы Ибсена обнаружили / драмы Ибсена показывают (БА) ◇
 26 подобно стремительному бурному потоку, / подобно¹ стремительному и бурному потоку, (БА)

¹ подобно / *начато*: подобному

- 31 то ведь соблазняются / то соблазняются (БА) ◇
33 кинувшись с разных сторон в объятия / кинувшись в объ-
тия (БА) ◇
35 В те года мы шли по следам / Русские символисты, бывшие
и в те² года с ней, шли (БА) (КГ) ◇
39 *Фраза Мы еще по-новому вернемся к нему. вписана в БА.*
С. 147. 8 Ирена и Рубек – призраки. / Ирена и Рубек – эти призра-
ки.(БА) ◇
10 грохот лавин, / грохот лавины,
14 зеленеют лощины / зеленеет лощина (БА) ◇
17 с горькой складкой страданий / с глубокими морщинами
страданий (БА) ◇
18 взором серых глаз. / взором. (БА) ◇

ПАМЯТИ АВГУСТА СТРИНДБЕРГА

(С. 147)

Первая редакция (ИРЛИ)

Товарищ мой, вернувшийся из Стокгольма за день до кончины Стриндберга, привез мне большой портрет старого Августа.

“Старый Август”, – именно так хочу я назвать его, когда смотрю на это лицо: на большой упрямый лоб, на сердитые брови, на упорный взгляд строгих глаз, перед которым, кажется, должно притихнуть¹ все нечестное, мелкое² и дряблое, не умеющее сказать ни на что своего определенного “да” и “нет”.

Эти линии и морщины так определены³ и значительны! Немногие лица достойны того, чтобы над ними столько трудился жестокий художник – время; но в работе над этим лицом время явило себя художником действительно великим: какая верная рука, какой уверенный резец положил эти темные тени на щеках и жесткие складки около рта!

В наше переходное время, когда пути человечества явно обновляются, но ломка старых ценностей далеко не закончена,⁴ когда человеческая душа загромождена старым хламом, слишком часто⁵ убивающим молодые ростки, – в наше время культура выпустила из своей лаборатории временный, так сказать, “пробный” тип: тип, в котором смешано мужское и женское в пропор-

---

² и в те года / в те года

¹ притихнуть / задрожать и притихнуть

² нечестное, мелкое / мелкое

³ так определены / определены

⁴ далеко не закончена, / все еще далеко не закончена,

⁵ часто / часто еще

циях самых разнообразных. Этот тип мы встречаем⁶ во всех⁷ областях нашей жизни и деятельности; в литературе, кажется, чаще всего. Приходится сказать, что литературное развитие XX века началось “при ближайшем участии” именно этого типа, так что литературное будущее⁸ еще и до сих пор находится в его руках, и от более или менее удачного воплощения его зависит наше величие или наш упадок.⁹

Уродства, неизбежные при образовании всякого нового типа, положили свою печать на всю европейскую литературу нашего века: наши “порнографии”, наши неуверенности и колебания, порождающие не гнев и не ломку, а только вялую измену, ренегатство исподтишка, – всем этим литература молодой Европы и, особенно, молодой России, обязана тому, что душа нового человека колеблется между началами мужским и женским; слишком часто наша мужественная воля парализуется какой-то бабьей вялостью, и обратно: гибкость и обаяние,¹⁰ – незаменимые иногда проводники¹¹ культуры, которые приходится называть, однако, началами женственными, – слишком часто обеспложиваются бесцельным¹² и неглубоким рационализмом, который есть начало не мужественное, а только “мужское”.

Август Стриндберг, на долю которого выпали редкая слава и редкое счастье – осветить¹³ своими маяками не только дали XIX, но и дали XX века – представляет¹⁴ и в этом, как и во всех других отношениях, – исключение. При всем его упрямстве, при той огромной роли,¹⁵ которую он приписывал рассудку, – мы должны признать его великим мужчиной, не утратившим благодати женственного влияния; именно эта благодать дала ему право быть “женоненавистником”, каким¹⁶ он издавна прослыл; но не женственное, а только женское¹⁷ и бабье ненавидела его пламенная и деятельная воля; мужчина, “только мужчина” легко может подпасть под влияния расслабляющие и размягчающие; Август Стриндберг, никогда таким влияниям не подпавший, доказал тем самым, что он в себе самом носил этот мягкий и добрый свет; добрый свет струится из его глаз¹⁸ – суровых, прямо глядящих, и, может быть, часто гневных¹⁹. Ведь только злоба есть злоба, а гнев, и даже сама жестокость иногда, суть – добро²⁰.

⁶ встречаем / встречаем нередко

⁷ во всех / в самых

⁸ литературное будущее / будущее

⁹ наше величие или наш упадок. / величие или упадок.

¹⁰ гибкость и обаяние, – / то гибкое, которое во многих случаях –

¹¹ незаменимые иногда проводники / незаменимые проводники

¹² бесцельным / сухим бесцельным

¹³ осветить / поставить

¹⁴ представляет / представляет, как и во вс(ем)

¹⁵ при той огромной роли, / при той роли,

¹⁶ каким / которым

¹⁷ а только женское / а женское

¹⁸ из его глаз / из этих глаз

¹⁹ часто гневных / часто злых

²⁰ гнев, и даже сама жестокость / ^а гнев, жестоко(сть) ^б гнев и даже жестокость ^в гнев и сама жестокость

Кем же²¹ для нас является²² “старый Август”²³ в эти горькие и высокие дни, когда мы поминаем его, только что от нас отошедшего? И почему хочется назвать его именно таким, опрощающим и близким именем?

Есть вечные имена²⁴, принадлежащие всем векам: это – имена брата, друга, учителя; Стриндберг²⁵ и есть и долго будет для нас и братом, и другом, и учителем. Братом – всем беспокойным, всем мятежным; горе тому человеку, который успокоится в наше время; и, может быть тому, кто засыпает от усталости в эти дни²⁶, мелькнет молниеносная мысль: “Я больше не брат Стриндбергу” – и под молнией этой мысли он проснется опять²⁷ и опять увидит, что²⁸ слишком много энергии требует мир для того, чтобы мог безнаказанно заскучать тот, кто призван к творчеству.

И другом явится Стриндберг современным людям; он, который так любил дружбу и так часто нуждался в ней; он, который был всегда и больше всего – человеком.

Учителем будет Стриндберг многим и многие годы; человек, носивший в себе такую бескорыстную и высокую любовь к науке, притом к самой чистой и самой бескорыстной науке о природе; человек, так много знавший, так много мировоззрений носивший в себе; наконец, просто исследователь²⁹, сделавший несколько научных открытий,³⁰ – разве не может быть учителем этот человек?

Все это так, но есть еще одно имя, может быть, не вечное, ибо мы не помним его на заре нашей культуры, и также можем мысленно представить себе время, когда мир не будет в нем больше нуждаться; зато это имя так нужно и так близко нам теперь; его произносим мы³¹ от всего сердца, с ним связаны для нас наши заветные мысли³² о демократии, о народе, которому уже передана внутренне, и только медлит передаться внешне, вся власть и вся сила.

Это имя – самое человеческое имя сейчас: имя товарища.³³ Брат, друг, учитель – это всегда; товарищ – это сейчас; в этом имени – открытый взгляд, честность, правда, высказываемая легко в глаза, правый мир и правая ссора, пожатие³⁴ широкой и грубой руки; товарищеские отношения – это независимость человека от человека в лучшем смысле, никакой выдумки, никакой навязчивости. Пока люди таковы, каковы они есть, ребячески неискренние, бо-

---

²¹ Кем же / Кем

²² Над словом вписано: приходится

²³ “старый Август” / этот “старый Август”

²⁴ вечные имена / вечные слова

²⁵ Перед Стриндберг зачеркнуто: наверно (?) хочется

²⁶ засыпает от усталости в эти дни, / засыпает в наши дни,

²⁷ проснется опять / опять проснется

²⁸ и опять увидит, что / и увидит, в скольких

²⁹ исследователь / ученый

³⁰ несколько научных открытий, – / несколько открытий, –

³¹ мы / мы теперь

³² наши заветные мысли / надежды

³³ имя товарища. / товарищ.

³⁴ пожатие / рукопожатие

язливые в выражении своих мыслей и чувств, – прекрасна форма общения, выражаемая словом “товарищ”.

Счастлив тот, кто³⁵ в Августе Стриндберге, истинном демократе, истинно честном и прямом человеке, может почувствовать товарища, кроме всего остального.

А остальное наследие – громадно. Его первый и несомненно радостный признак тот, что оно – общедоступно; в эту огромную лабораторию, заваленную книгами, чертежами, колбами, инструментами, заваленную и освещенную ярким солнцем, которое играет веселой радугой³⁶ в пыльном столбе, имеет право войти всякий. Сюда нет доступа скупому наследнику, это – “сокровища”, которые не могут протечь сквозь “атласные дырявые карманы”, потому что они – бескорыстны. Чем жил старый Август, что он думал, – все было достоянием гласности, он не хранил своей души. Правда, есть в этой лаборатории заветный угол, где лежит огромный старый том Сведенборга. Но тот, кто войдет сюда, почувствует сам, что не надо ему касаться этого тома, пока не узнал он многого и многого из странствий великой души владельца лаборатории. Работайте, эта комната свободна,³⁷ а том Сведенборга пусть пока лежит нераскрытый; пусть видом своим он говорит³⁸ вам без слов, почему в гробу у старого Августа на груди его лежит Библия. Остальное – вы поймете одной честностью ума, одной любовью: почему покоится Август на кладбище среди бедных; почему он похоронен без пастора и без прочей грязи; почему недавно шли мимо его одинокого балкона толпы рабочих, и красный свет их факелов освещал его величественную седую голову; почему даже правительственная, не только общественная Швеция печально спустила свои флаги в день его кончины.

В лабораторию любого великого учителя, и только учителя, доступ открыт только посвященным. В эту пыльную и веселую рабочую комнату может войти всякий желающий работать. Пусть идут сюда все горячие умы, все мечтающие об общественном благе, студенты, веселая надежда и молодость всех стран.³⁹

Мы не сомневаемся, что русская молодежь именно теперь пойдет в эту лабораторию с особенным чувством.⁴⁰ Слишком много в ней живого и трепещущего.⁴¹ Всякому входящему с честным и бодрым духом улыбнется великая тень старого Августа. Нам всем предстоит⁴² огромная и благодарная задача – реализовать его наследство. Спасибо Стриндбергу,⁴³ он дает нам много бодрости и сил⁴⁴ на дорогу.

---

³⁵ Счастлив тот, кто / И

³⁶ играет веселой радугой / играет радугой

³⁷ эта комната свободна, / комната пуста,

³⁸ говорит / обещает

³⁹ надежда и молодость всех стран. / молодость стран.

⁴⁰ лабораторию с особенным чувством. / лабораторию.

⁴¹ в ней живого и трепещущего. / живет в ней и трепещет.

⁴² всем предстоит / предстоит

⁴³ Стриндбергу, / ему,

⁴⁴ много бодрости и сил / много сил

МАСКИ НА УЛИЦЕ

(С. 153)

ЧН (ЗК₂₅)

Звонки и хрипы автомобилей – ведь это все от отчаянья – назло. Такими сотворил их Город. Скоро он задушит нас всех.

Выхожу из кафэ – автомобильное сипенье. Повозка. Люди везут труп на рессорах. Впереди человек с факелом. Провезли через площадь Duomo и заперли ворота. Сейчас вытащили, волочатся мертвые ноги, раздевают – так ова Флоренция с другой стороны. Это – ее правда. Никто из *следующих* прохожих не знает, что за этими воротами раздетый труп¹. Мигают фонари.

Первая редакция (ИРЛИ)

MISERICORDIA

Из кафе на площади¹ Флорентийского Duomo² видна часть фасада собора,³ часть баптистерии и начало уродливой⁴ улицы Calzajoli, которая служит основанием безвозвратно испорченного центрального квартала и соединяет площадь собора с площадью Синьории.⁵

Под вечер, когда зной спал, фонари горят довольно тускло, народ покрывает всю площадь и очертания современных зданий сглаживаются, – здесь можно с уютностью⁶ совершенно потеряться в толпе, в криках⁷ извозчиков и продавцов и в звоне трамваев.

Внезапно над самым ухом раздается⁸ сипенье автомобиля; оборачиваюсь и вижу странную процессию, бегом огибающую паперть Santa Maria del⁹ Fiore.

Впереди бежит¹⁰ человек с капюшоном низко опущенным¹¹ на лицо, даже без прореза¹² для глаз. Факел, который он держит высоко в руке, раздувается от ветра. За ним бегут двое таких же людей с закрытыми лицами и волокут длинную черную повозку на двух больших колесах. Колеса на резине, все бесшумно, только тревожно сипит¹³ автомобильный рожок. Перед про-

¹ раздетый труп / труп

¹ на площади / против

² Duomo / собора

³ фасада собора, / фасада,

⁴ уродливой / мучительной

⁵ с площадью Синьории, / с Синьорией.

⁶ можно с уютностью / может быть уютно

⁷ в криках / и в криках

⁸ над самым ухом раздается / я слышу над самым ухом

⁹ Santa Maria del / Свята Мария дель

¹⁰ Бежит / бегут

¹¹ низко опущенным / опущенным

¹² даже без прореза / без прореза

¹³ тревожно сипит / сипит

цессией расступаются. Повозка имеет форму человеческого тела – на трех обручах натянута толстая ткань, дрожащая и свойством дрожи указывающая, что повозка не пуста.

Братья Милосердия (Misericordia – это они) быстро вкатывают повозку на собственную “паперть”¹⁴ перед домом на улице Calzajoli. Так же быстро распахиваются ворота, и все видение скрывается¹⁵ в мелькнувшей на мгновение большой комнате-сарайе нижнего этажа.

Это делается¹⁶ так торопливо, что не успеешь ни удивиться, ни испугаться. Кажется, сама чума не могла бы требовать большей¹⁷ быстроты и аккуратности в уборке трупов.

Теперь ворота закрыты, будто ничего не случилось.¹⁸ Может быть, там вынимают¹⁹ труп, раздевают. Но уже никто из *следующих* прохожих (а новая волна гуляющих офицеров, дам, проституток, продавцов все вливается на площадь из улицы Calzajoli) не подозревает, что сейчас здесь²⁰ почти галопом промчался мертвец.

Летучая мышь, испуганная, несчастная, мечется, чуть не задевая за головы гуляющих, совершенно сбита с толку перекрестными лучами электрических огней. Такова ночная правда Флоренции. На следующее утро уже ее не забудешь, сколько ни смотри на обугленные солнцем черепицы и на небо синее, синее..., а, в сущности, всегда черное, черное, что прекрасно понимал Леонардо да Винчи.

Только ирисы в Кашинах – голубые, и в них²¹ нет обмана. Их любишь длинной безнадежной любовью. Клонит их ветер, не смягчающий зноя. И вдруг они все простираются в одну сторону, точно хотят улететь.

ИСКУССТВО И ГАЗЕТА

(С. 154)

Черновые фрагменты (ИРЛИ)¹

Л 13² Искусство никого не “обманет”, широких кругов к нему в наше время все равно не привлечешь.³ Искусство – не тот материал, с которым можно заигрывать, или фамильярничать; его нельзя

---

¹⁴ на собственную “паперть” / на паперть

¹⁵ все видение скрывается / все скрываются

¹⁶ Это делается / Все делается

¹⁷ большей / такой

¹⁸ не случилось. / и не было.

¹⁹ там вынимают / *начато*: там тр(уп)

²⁰ здесь / *начато*: здесь про(мчался)

²¹ и в них / в них

¹ Текст перечеркнут красным карандашом.

² Авторская зачеркнутая пагинация – 7.

³ Фраза следовала после слов и в газете. Обведена простым карандашом и перенесена в начало абзаца.

превозносить, им нельзя поступаться⁴ для чего бы то ни было,⁵ как в книге,⁶ так и в журнале, так и в газете. Чин⁷ отношения к искусству должен быть везде – медленный, важный, несуетливый,⁸

Л. 14⁹ Если, например,¹⁰ автор передовых политических статей чужд мистики, то это, может быть, может служить украшением газеты в данный политический момент; но из этого отнюдь не следует, что в литературном отделе можно согласиться¹¹ брать под подозрение мистику. Преемство литературное и преемство политическое не имеют между собой ничего общего. Жизнь и искусство до сих пор антиномичны, это трагедия. Житейское явление¹² и художественное произведение антиномичны – это драма. Читатель воспитывается антиномичностью нескрываемой.

Л. 15¹³ Но можно ли вообще говорить на языке искусства в газете, которая служит политике по преимуществу?

Я думаю, что можно сделать такой опыт, которого никто еще не пробовал производить в целом. Не нужно говорить много, но нужно говорить *важно*,¹⁴ и, притом, именно так, чтобы язык отделов художественного, литературного и театрального ничем не походил¹⁵ на язык отдела телеграмм¹⁶ и хроник. Для этого¹⁷ необходимы люди, качественно отличающиеся от других сотрудников газеты.

Л. 16¹⁸ превратился в стальное чудовище, сжимающее в когтях своих людей (“что делаешь, делай скорее”), – то в деревне в десяти верстах от города должна являться иная жизнь, там можно и должно не суетиться,¹⁹ там заметен²⁰ первый снег и первые фиалки.

Пусть лучше газетный читатель оставит без внимания художественный отдел, в котором должно говорить просто и понятно, но

---

⁴ его нельзя превозносить, им нельзя поступаться / который можно превозносить или которым можно поступаться. Слово поступаться вписано красным карандашом.

⁵ чего бы то ни было, / чего-либо,

⁶ Слова как в книге, вписаны.

⁷ Начато: Потому

⁸ важный, несуетливый, / важный, неторопливый, несуетливый, торже(ственный)

⁹ Авторская зачеркнутая пагинация – 19.

¹⁰ Если, например, / Если

¹¹ можно согласиться / согласатся

¹² Житейское явление / Житейское

¹³ Авторская пагинация зачеркнута нрзб. {18?}

¹⁴ Подчеркнуто синим карандашом.

¹⁵ ничем не походил / не походил

¹⁶ отдела телеграмм / телеграмм

¹⁷ Для этого / Для этих отделов

¹⁸ Авторская зачеркнутая пагинация – 38.

¹⁹ можно и должно не суетиться, / может про[ис]ходить жизнь человеческая, не суетливая,

²⁰ заметен / может быть заметен

Л. 17²¹ непременно *не* популярно, и непременно не хлестко, не подлаживаясь²² под общегазетный язык. В таком случае только может прекратиться²³ этот ежедневный *обман*, который мы наблюдаем, эта чудовищная *вульгаризация* ценностей, которая уже принесла свои плоды, извратив для публики²⁴ смысл многих явлений в области искусства.

Может быть, газета окажется даже более удобным местом для разговоров об искусстве, чем толстый журнал,²⁵ который редко чему дает оттенение, ибо каждый²⁶ N его, в большинстве случаев, весь *серый*. На фоне газетной²⁷ спешки, чудовищной злободневности, быть может,²⁸ получит особое оттенение, особым знаком отметится неторопливый²⁹ и чинный тон речей об искусстве и литературе.

Варианты ЧА (ИРЛИ)

- С. 155. 40–41 В большинстве ~ взорам нашим представляется необыкновенно пошлая, но зато очень / то, что она хочет уничтожить. В большинстве ~ взорам представляется необыкновенно бездарная, но зато необыкновенно ◊
- 44 не секут и не унижают, / не секут, ◊
- 45 представляемый с успехом / представляемый теперь с успехом ◊
- С. 156 4 отдел искусства представляет / отдел искусства, который представляет ◊
- 11 принудила его выбрать / принудила выбрать ◊
- 12–13 другой ~ литературную критику / а другой ~ художественную критику ◊
- 13–14 секут жестоко самих себя, сами того не ведая / секут жестоко, сами того не ведая, самих себя ◊
- 17–18 тогда, наконец, когда сами / тогда, когда, наконец, сами ◊
- 21 потому что именно они / потому что они ◊
- 24 те знакомые нам пустоцветы революции, которые не / все еще пустоцветы революции, которые все еще ◊
- 26 исполненные того особого / исполненные особого ◊
- 29 с другой. / с другой стороны. ◊

²¹ Авторская зачеркнутая пагинация – 25.

²² и непременно не хлестко, не подлаживаясь / не подлаживаясь

²³ прекратиться / прекратиться обман

²⁴ извратив для публики / ^a. отпугнув русскую публику ^b извратив

²⁵ толстый журнал, / журнал,

²⁶ каждый / где

²⁷ газетной / устроенной (?)

²⁸ быть может / может быть

²⁹ неторопливый / медленный

- 30 бедствиями, болезнями, чумой. / бедствиями, чумой. ◇
 32 с собой в ряды литературы отряд / привело с собою отряд ◇
 36 убеждают ее в этом / убеждают ее в этом, но у публики ◇
 38 другие, здоровые / другие, вечные здоровые ◇
 41 ведь их похвалы / ибо их похвалы ◇
 42 порицаний; публика же полагает, / порицаний, полагая ◇
 С. 157. 2-3 “рассейское” или еврейское, талантливое или бездарное,
 более и менее разлагающее / “рассейское”, еврейское, та-
 лантливое, бездарное, более разлагающее ◇
 5-6 за собою ослабление интереса, подозрительность к произ-
 ведениям искусства и литературы вообще – / ведет за со-
 бою постепенно к ослаблению интереса и подозрительно-
 сти к искусству и литературе ◇
 7-8 только понижается общий уровень / но понижается уровень ◇
 10-11 всю эту безыдейную / всю безыдейную ◇
 17 о художествах, настроенными / о художествах, подделанны-
 ми ◇

Текст газеты «Русская молва»

Многие люди любят красивое. Красивое “в порядке вещей”, оно – наше, здешнее. Не любить красивого просто очень трудно, для этого нужно – или быть уже очень забитым, замученным жизнью, или... знать что-нибудь о том, что больше, чем красивое, и больше, чем безобразное: о Прекрасном.

Прекрасного не любит почти никто. Точнее, Прекрасного не взять силами той любви, которой люди любят красивое, или умное, или доброе, или правдивое; которой они любят закат солнца, красивую женщину, стройную диалектику, добрые дела.

Как все красивое в мире есть только блестящий покров, раскинутый над чем-то иным, к чему красивое относится как условный знак, – так сквозь все многообразные силы любви может пробиться струя иной силы, которую, может быть, и нельзя назвать силою любви; так сквозь все слова о красивом, о добром, о правдивом можно расслышать иные слова, по отношению к которым вся россыпь внешних слов окажется лишь покровом; так россыпь звезд, звездная риза, о которой говорят поэты, кроет за собою иное, о чем звезды только рассказывают нам на языке своих мерцаний.

Красивые звезды, на которые смотрит девушка с балкона, когда ночь благоухает розами и сеном; умные звезды, на которые смотрел Гейне; добрые звезды, которые указывали путь мореходам; все они – только покров, и за этим покровом сквозит Прекрасное; Прекрасное снится и девушке, и Гейне, и мореходу.

Прекрасное – вот мир тех сущностей, с которыми имеет дело искусство. Вот почему искусство нельзя любить как природу, как женщину, как диале-

ктику. Оно – не тот материал, с которым можно заигрывать или фамильярничать; его нельзя превозносить, им нельзя поступаться для чего бы то ни было. Им нельзя поступиться, от него можно только отступить. Оно – величаво. Об этом думал Пушкин, когда говорил:

Служенье Муз не терпит суеты.
Прекрасное должно быть величаво.

Только – величаво. Величавой может быть жизнь, величавой может быть смерть, величавой может быть гибель даже. Что несут с собою те миры, которые называются на нашем языке мирами искусства, какими бурями они нас ослепят, какие звуки преобладают в этом неведомом нам мировом оркестре, – мы не знаем; знаем мы лишь одно:

Прекрасное должно быть величаво.

Искусство никого не обманет, не надо же им обманываться. Широкие круги публики к нему никогда не влеклись и теперь не влекутся, – и не надо им об этом знать; лучше человеку не слышать о Данте, Эхиле, Шекспире, Пушкине, чем разминивать их на мелкие монеты, пленяться их правдами, их нравственностями, их красотами.

Чин отношения к искусству должен быть – медленный, важный, не суетливый, не рекламный. Речи об искусстве обязаны быть таковыми, и если они таковыми не будут, рано или поздно зачинщики суеты будут наказаны, на голову их падет та медленная кара, которая тяжелее всех скорых людских кар. Искусство мстит само за себя, как древнее божество или как народная душа, испепеляя, стирая с лица земли все, в чем лежит признак суеты, что пытается своими маленькими, торопливыми, задыхающимися ритмами – заглушить его единственный и мерный ритм.

Газета по самой природе своей тороплива и буйна; чем быстрее ритм жизни, тем бешенее кричит политическая и всякая иная повседневность.

Является вопрос, можно ли в самом деле говорить на газетных страницах об искусстве, которое не имеет ничего общего с политикой, которое даже не враждует с ней, потому что миры искусства, до сей поры никогда в мире вполне не воплощавшиеся, относятся к политике приблизительно так же, как море относится к кораблю. Я говорю, конечно же, не о содержании отношения, а указываю только масштабы.

По морю плывет рыбак в Исландию или Титаник в Америку – все равно. Это – маленькая цивилизация, в которую вкраплены, как всегда, редкие бриллианты великих культур.

Поднимается буря или встречается ледяная гора – это неизвестная стихия, подобная стихии искусства, до сих пор не исследованная даже мировыми гениями, которые, даже величайшие из них, были несовершенными сравнительно “инструментами божества”, не могли, отвлеченные, как все люди, заботами, услышать *весь* голос стихий.

В минуту бури или столкновения с ледяной горой над морем, над стихией возникает видение Креста, как в бретонских легендах. Это – религия,

которая исполняет предчувствием и мирит со стихией, вероятно, и до сих пор скорее некультурных рыбаков, чем цивилизованных миллиардеров с “Титаника”.

Этой схемой, очень приблизительной, я хочу только указать на химический состав того воздуха, которым, по моему мнению, дышит и должен дышать как всякий художник, так и всякий толкующий о искусстве, художественный критик. Ясное дело, что меньше всего в его душе “цивилизации”, выборов в парламент, партийных интересов, банковских счетов.

Итак, душа искусства, которая во все времена имеет целью, пользуясь языком, цветами и формами нашего мира как средством, воссоздавать “миры иные”, – и душа газеты, которая имеет целью борьбу и заботы только нашего мира, или еще уже – нашей родины, или еще уже – нашего государства, – что им друг до друга? И можно ли вообще говорить на языке искусства в газете, которая служит злобе дня?

Я думаю, что пора сделать такой опыт, которого никто еще не пробовал производить в целом. Не надо говорить много, надо говорить *важно*. Язык художественного отдела ничем не должен походить на язык телеграмм и хроник. Об искусстве должны бы говорить люди, *качественно* отличающиеся от людей, говорящих о политике, о злобах дня. Ведь преемство литературное и преемство политическое не имеют между собою ничего общего, и, в зависимости от этого, речи о политике и речи об искусстве не должны согласовываться друг с другом.

Нечего скрывать ни от себя, ни от кого, что существует противоречие вечное и трагическое между искусством и жизнью, что мосты между ними до сих пор в мире были только легкими, воздушными, радужными мостами, которые исчезали, едва проходили те великолепные грозы, которые создавали их, едва умирали те мировые гении, которые лишь силой своей гениальности создавали эти мосты, соединяя в самих себе и жизнь и искусство лишь на краткий и чудесный миг.

Постройка этих мостов неумелыми руками есть или безумие, или, что чаще всего, отсутствие подлинного чутья как к искусству, так и к жизни, или – дурной воспитательный прием, которым едва ли можно обмануть *настоящего свежего* человека.

Мне думается, что в России уже существует довольно таких читателей, которым смертельно надоело выискивание в произведениях искусства политических, публицистических и иных идей, которые понимают, что противоречия жизни, культуры, цивилизации, искусства, религии – не разрешаются ни словами, ни теориями, ни ироническим отходом от их разрешения; что эти противоречия сами по себе глубоко поучительны и воспитательны; что каждый несет их на своих плечах, насколько хватает у него сил; что разрешение их – дело будущего и дело соборное.

Такого-то читателя, по-моему, и должны иметь в виду те люди, которые хотят говорить на языке искусства, хотя бы – со страниц газет; они должны говорить не сентиментальничая, не политиканствуя и не иронизируя.

Политика и искусство в газете – это как город и деревня. Если в городе должно переносить запах фабричной гари и, может быть, желать даже, чтобы город скорее превратился в стальное чудовище, сжимающее в когтях своих людей (“что делаешь, делай скорее”), то в деревне, в десяти верстах от города, должна являться иная жизнь, там можно и должно не суетиться, там заметен первый снег и первые фиалки.

Лишь при таком отношении к искусству можно наложить строгое и решительное veto художника на тот обман, который мы наблюдаем ежедневно, на ту чудовищную вульгаризацию ценностей, которая уже принесла свои плоды, извратив в умах читающей и интересующейся искусством публики смысл многих явлений и области Прекрасного.

ПЛАМЕНЬ

(По поводу книги Пимена Карпова «Пламень» –
из жизни и веры хлеборобов. СПб., 1913)

(С. 160)

Первая редакция газеты «День»

О том, что книга Пимена Карпова “Пламень” стоит вне литературы, уже было сказано на страницах “Литературы, искусства и науки”. Мало сказать, что “Пламень” – это не роман, и не повесть, и не бытовые очерки; это – нечто бесформенное во всех смыслах, не только в литературном.

Несмотря на это, а, пожалуй, именно благодаря этому, книгу Карпова нельзя обойти молчанием; ведь Карпов вовсе не “пробует перо”; он не похож на более или менее “обещающего автора”; он не предается столь модным недавно “исканиям”, более или менее “мятежным”.

Кто же такой автор “Пламени”? Он – *никто*. Книга его – вовсе не книга. Не надо смущаться тем, что “Пламень” напечатан типографской краской, тем, что на обложке его художник аккуратно насажал каких-то гольшей в аккуратном терновом венчике. Все это – одна условность.

Читая “Пламень” на любой странице, с конца ли, с начала ли, я думаю: вот человек, который чувствует, что на него возложена какая-то обязанность; обязанность не личная вовсе: он исполняет некий родовой завет; может быть, он испробовал уже много путей для того, чтобы исполнить этот завет; теперь он выбрал вот этот путь – путь “книжный”; если же и этот путь не приведет его к цели, он будет искать других путей; и что, всего важнее, если не найдет их он, если погибнет он, не найдя ответа, – дело его перейдет к следующему за ним: другой “никто” возьмется за тот же плуг, и тот, как и этот, будет только звеном цепи, исполнителем завета бесконечного рода “хлеборобов”, который тянется через всю русскую жизнь; не будет этому роду конца до тех пор, пока не разрешится самое большое, самое сокровенное и самое страшное дело в России.

Вот почему книга посвящена “пресветлому духу отца, страстотерпца и мученика, сожженного на костре жизни”: плохая аллегория, суконный язык и... святая правда. Вот почему и молчать о “Пламени” не приходится.

Что же такое “Пламень”? Автор не видит в русской жизни ничего, кроме рек крови и моря огня; страсть, насилие, убийства, казни, все виды мучительств душевных и телесных, – это фон “повести”; на таком фоне борются два начала: начало тьмы, сам дьявол, олицетворяемый помещиком, “камергером-деторастлителем” Гедеоновым, который сам себя называет “железным кольцом государства”; и начало света, олицетворяемое хлыстом Крутогоровым, который сквозь мрак и страдание идет к Светлому Граду. Все остальные лица – мужики, хлысты, “злыдота”, колдунья – Люда, светлая Мария, родственники камергера, монахи и пр., и пр. – такие же “олицетворенные начала”, как два основных лица; не лица, а отпрыски двух родов – светлого и проклятого; чуть начинают сквозить личные черты, – и вот уже нет их, они стираются, исчезают; выступают черты родовые; но стираются и родовые черты – перед нами опять только “начала”; автор не может видеть иначе; кровь и огонь окрасили все в глазах его одним цветом.

Критики “Пламени” твердят на разные лады о том, что это – “бред”; одни говорят о бреде с брезгливостью, другие – с похвалой; слово, во всяком случае, считается найденным. Они правы, если слово “бред” что-нибудь определяет. Ничего нет легче, чем взять на себя “литературную”, “медицинскую” или “психологическую” экспертизу в деле Пимена Карпова; взявший на себя такую экспертизу, тем самым признает, что повесть “Пламень” есть уголовщина только, но не всякие формы “бреда” можно раскрыть и объяснить уголовным процессом; также нельзя объяснить и “бред” П. Карпова экспертизой литературной или медицинской.

Бред автора “Пламени” не тот, который у больных проходит от лечения, у декадентов – от возраста, у пьяниц – от того, что они кладут зарок; играя словами, можно сказать, что это “непроходимый бред”, или бред неизлечимый. Один из рецензентов полагает даже, что бред автора будет увенчан, и “над его головой зашумят лавры”. До лавров ли автору “Пламени”? Лавры над этой несчастной головой, какая горькая насмешка!

Критики говорят еще, по поводу Карпова, об Андрее Белом. Один говорит, что Карпов подражает ему, другой – что язык Карпова гораздо сильнее языка А. Белого. Впрочем, оба говорят о подражании А. Белому как о чем-то непозволительном и неприличном.

Чтобы убедиться в том, что Карпов подражает А. Белому, стоит сличить любую страницу “Пламени” с любой страницей “Серебряного Голубя” или “Петербурга”. Что же в этом неестественного? Именно у А. Белого найдет П. Карпов ответ на многие муки свои; он найдет его в той самой музыке, в том ладе, которыми проникнуты речи А. Белого о России. Что же странного в том, что сам он стремится (может быть, бессознательно даже) настроить свою речь именно на этот лад? Дело, конечно, не в “технике”, ко-

торой так владеет А. Белый и до которой нет дела П. Карпову (я не буду упрекать его в этом). Есть что-то трогательное и значительное в том, что “отверженец” Карпов со своим делом, которое многим приходится не ко двору, ищет поддержки в *музыке* самого отверженного из современных писателей – А. Белого.

Впрочем, ведь и “подражание” А. Белому лишь условно, как условен самый факт существования самой книги Карпова. Неблагодарная задача – литературные сравнения, наблюдения над стилем или языком, отыскивание характеров. В XVI веке (например) – была кровь, топор и красный петух над Россией; в XX-ом – стала “книга”; а в XXI-ом, может быть, опять будет и кровь и топор и красный петух.

Были книги, подобно “Пламени” Карпова: например, “Записки Анны” Надежды Санжарь. От них, как от книг, не сохранилось ничего; сохранилось лишь нечто, что выразить и оформить невозможно: как память о физической боли, как мимолетное и сильное впечатление, зрительное или слуховое. С таким впечатлением не расстанешься.

Так из “Пламени” нам придется, рады мы или не рады, запомнить кое-что – о России. Пусть приложится это к “познанию России”; лишний раз вздохнем мы, вспоминая, что наш бунт, так же, как был, может быть опять “бессмысленным и беспощадным” (Пушкин); что не все можно предугадать и предусмотреть; что кровь и огонь могут придти и заговорить, когда их никто не ждет, что есть Россия, которая, вырвавшись из одной революции, уже жадно смотрит в глаза другой, может быть, более страшной.

1913

Варианты РИ₂-Кор 1

С. 160.	18–19	тянущегося рода / тяжущегося рода ◊
	30	и начало света / а начало света ◊
С. 161.	1	журналисты ~ проявляют / журналист ~ проявляет ◊
	9–10	за ценности / за ценность ◊
	14	они сами по себе интересны / она сама по себе интересна ◊
С. 162.	20	“уголовщина”, но / “уголовщина” только, но ◊
	12	жадно смотрит / заодно смотрит ◊

〈О ЛЬВЕ ТОЛСТОМ〉

(С. 167)

Варианты ЧА (ЗК₂₂)

- С. 167. 35 Нам трудно оценить и понять / Этого мы не можем еще ни
оценить, ни понять, ◇
35 это как следует. / как следует. ◇
36 Сознание, что чудесное было рядом / ^{а.} Сознание того, что
чудесное рядом ^{б.} Сознание того, что чудесное было рядом
36 всегда приходит / часто приходит
- С. 168. 1 Надо всегда помнить, / ^{а.} Но мы должны помнить, ^{б.} Нача-
то: Нам ^{в.} Надо помнить
1-2 что сама жизнь гения есть непрерывное излучение света /
^{а.} *начато*: что всякий гений есть тот свет, который даже
близоруких ^{б.} что самое существование гения есть излуче-
ние света ^{в.} что самое существование гения есть непрерыв-
ное излучение света
2 Этот свет остерегает от опасностей и близоруких: / ^{а.} А
свет этот и самым близоруким показывает самые глубокие
ямы. ^{б.} А свет этот и самых близоруких остерегает по
кр(айней) мере от самых глубоких ям. ^{в.} Свет этот и близо-
руких остерегает по кр(айней) мере от самых опасных ям.
Свет этот и близоруких остерегает по кр(айней) мере от
опасности.
3 мы сами не понимаем / ^{а.} Может быть, мы сами не понима-
ем, ^{б.} Мы сами не понимаем,
3 на страшные уклонения жизни / ^{а.} на самые страшные укло-
нения наши ^{б.} на страшные уклонения наши
3-4 от истинного пути, / ^{а.} от жизни, ^{б.} от истинной жизни ◇
4 мы минуем счастливо / ^{а.} *начато*: мы еще не вышли в ^{б.} мы
еще минуем ^{в.} мы еще минуем счастливо
4 самые глубокие пропасти; / самые страшные пропасти;
4-5 что этим счастьем, / ^{а.} *начато*: только благодаря ^{б.} что это-
му счастью, ◇
5 которое всегда твердит нам: / ^{а.} которое говорит нам всегда:
^{б.} которое твердит нам всегда:
5 мы обязаны, может быть / мы обязаны исключительно ◇
6 только недремлющему и незаходящему солнцу / только не-
дремлющему и незакатывающемуся ◇
7 Интеллигенции надо торопиться / ^{а.} *начато*: Толстого надо
^{б.} *начато*: Надо торо(питься) ◇
7 понимать Толстого в юности, / понимать Толстого с юно-
сти,

- 7-8 пока наследственная болезнь / чтобы привычная наследственная болезнь ◊
 8 призрачных “дел” / призрачных дел
 8-9 не успела ослабить / не успела еще ослабить ◊

Варианты БА-2 (ГАРФ)

- С. 167.* 36 Сознание, что / Сознание того, что
 36 всегда приходит / часто приходит
С. 168. 1 Надо всегда помнить, / Надо помнить,
 1-2 что сама жизнь гения / что самое существование гения
 2 остерегает от опасностей и близоруких: / остерегает и близоруких от самых опасных мест.
 3 мы сами / Мы сами
 3 на страшные уклонения / на наши страшные уклонения
 3-4 от истинного пути, / от единственного пути жизни,
 4 минуем счастливо самые глубокие пропасти; / еще счастливо минуем самые страшные пропасти;
 5 которое всегда / которое как бы всегда
 5 обязаны, может быть, только недремлющему и незаходящему солнцу Толстого. / обязаны недремлющему солнцу Толстого; может быть, только ему.
 7 Интеллекции надо / Интеллекту надо
 7 торопиться понимать Толстого в юности, / торопиться в юности понять Толстого,
 8 призрачных “дел” / призрачных дел

**ОТВЕТ НА АНКЕТУ
 О ЛУЧШИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ 1913 ГОДА**

(С. 177)

Первая редакция (ИМЛИ)

Важнейшими литературными произведениями этого года я считаю два романа: “Петербург” Андрея Белого и “Туннель” Бернгарда Келлермана. А. Белый говорит о судьбах России, Келлерман – о судьбах Америки и Европы; А. Белого вдохновляет близкое прошлое, Келлермана – близкое будущее; у писателей этих, принадлежащих к различным расам, нет ни одной общей точки зрения, ни одного общего приема, даже недостатки их (поражающие – у А. Белого) совершенно различны. Тем не менее, оба произведения отмеченные печатью необычайной значительности, говорят о величии нашего времени.

Александр Блок

СЛЕДУЕТ ЛИ АВТОРАМ ОТВЕЧАТЬ КРИТИКЕ?

(С. 178)

ЧН (ИРЛИ)

Может ли писатель¹ отвечать своему критику?² Мне кажется, это вопрос совсем не принципиальный.³ Современность. Самолюбие. Торопливость. В старину не было. Если критик все это мог пережить – пожалуй. В противном случае – нет. Вообще же – лучше не отвечать, потому что писателю надо как м(ожно) меньше впутывать себя в свое дело.

Флобер и Сент-Бев.⁴

Варианты ЧА (ИРЛИ)

- С. 178
- 3 никакой принципиальной остроты. / ^а ничего принципиального, а значит, и никакой остроты. ^б ничего принципиального, а значит, в нем нет и никакой остроты.
- 5 в будущем, как / в будущем, когда ◇
- 5 и в старину / в старину ◇
- 6 неестественной / той неестественной
- 6-7 которая охватила ~ литературу. / которая вообще характерна для сегодняшней литературы.
- 8 Если любишь / *начато*: Когда перестанет ◇
После слов пульс ее, *вычеркнуто*:
но и любя, надо знать¹, что это – лихорадка, что лихорадка должна пройти.
- 8-9 разве ~ в лихорадке / разве в эти годы можно быть здоровым?
- 11 значит поститься / ^а. Как в тексте. ^б. это значит поститься
- 12 Создание / Вообще – создание
- 13 есть совершенно особый / есть особый ◇
- 13 *После слов* вид труда *вычеркнуто*:
на который способны только определенные люди.
- 13 и если он затрачен / ^а. Произведение это то, что ^б. Труд, затраченный
- 14 он дает художнику / дает ему и
- 14-15 *Особое* ~ от всего. / особое удовлетворение.

¹ Может ли писатель / ^а имеет ли право писатель ^б надо ли писателю

² отвечать своему критику? / ^а выступать с ответом критику? ^б отвечать критику?

³ совсем не принципиальный, / не принципиальный,

⁴ *Прписано красным карандашом.*

¹ знать / помнить

- 15–16 Значительно ~ не художнику; / Значительно или незначи-
тельно произведение, над которым работал художник, – су-
дить не ему;
- 16–17 но если ~ затрачен, – художник / но сам он знает про себя,
что соответствующий вид² труда затрачен, он
17 имеет право / мож(ет) ◇
- 19–20 Критика ~ соответствующего / Раздается голос критики. В
большинстве случаев, разумеется, она мало умеет сказать
соответствующего
- 20–21 побывали в мире ~ путь творчества; / прошли путь худож-
ника, чтобы они побывали в его мире;
22 критики. Если же / критики; но, если
23–24 на рецензию, / на рецензию о его произведении,
24 что и он / *а. если б. что он*
24 к тому миру / к его миру
24 то он может ~ переговоры; / *а. то отчего же не ответить*
ему, *б. то отчего же не вступить с ним в переговоры,*
25 уяснению / разъяснению
27 Я вспоминаю / Мне припом(инается) ◇
27 Флобера, который / Флобера, это ◇
Фраза значит, мог ~ к его миру. *вписана.*
- 28–29 написал враждебную рецензию. / написал рецензию, враж-
дебную Флоберу
- 30–31 ответил большим письмом; / ответил ему длинным пись-
мом;
31 это целая статья, самостоятельный труд; / *а. начато:* на ко-
торое было *б.* на которое потратил много труда; он защитил
по всем пунктам *в* на которое потратил много труда; пись-
мо это – целая статья;
32 не было предназначено / не предназначено ◇
- 32–33 о его существовании / о существовании письма
33 из переписки Флобера, которая была опубликована, когда /
из переписки Флобера, когда
34 ни критика / *а. Как в тексте. б* ни его критика
34 а роман “Саламбо” / *а.* и когда “Саламбо” *б.* и когда роман
“Саламбо”
36 но письмо автора романа / но самозащиту Флобера
37 мы все-таки имеем / мы имеем
38 Лучше писателю воздержаться. / Лучше воздержаться
38–39 Лучше ~ своей жизни. / и не впутывать свое самолюбие в
свое дело.

² что соответствующий вид / что вид

КОММЕНТАРИИ

ПРОЗА АЛЕКСАНДРА БЛОКА в 1908–1916 гг.

В 8-м томе Полного (академического) собрания сочинений печатаются лирико-публицистические и критические произведения Блока 1908–1916 гг.: статьи, доклады и рефераты, речи, некрологи, рецензии, заметки, ответы на анкеты, а также неоконченные черновые наброски и подготовительные материалы к статьям. В составе тома впервые публикуются следующие тексты: резюме «Содержание речи памяти В.С. Соловьева под названием “Рыцарь-монах»» (1910), библиографические заметки “Strindbergiana” (1912), вступительная заметка к III части “Переписки” Г. Флобера (1916); впервые в состав собрания сочинений включаются наброски “Сказка” и <Запись в альбоме А.Г. и М.К. Максимо-вых> (“Что делаешь – делай скорее...”). В научный обиход впервые вводятся следующие источники: *БА* речи на похоронах Врубеля (1910), *БА* статьи “От Ибсена к Стриндбергу” (1912), наличие которого позволило внести важные коррективы в основной текст, первая редакция “Ответа на анкету о лучших произведениях 1913 года”, *АК* статьи “Россия и интеллигенция” рукой А.А. Кублицкой-Пиотух, прояснившая некоторые вопросы творческой истории цикла “Россия и интеллигенция”.

В состав тома не включена неоконченная книга статей “Молнии искусства”, традиционно, в предыдущих собраниях сочинений, печатавшаяся в томах дореволюционной прозы (см. об этом также т. 7 наст. изд., с. 233). Хотя работа над этим циклом была начата еще в 1909 г. после поездки в Италию, а одна из этих статей – “Маски на улице” – в 1913 г. была напечатана в журнале “Маски” (в настоящем томе она печатается вне цикла), однако лишь в 1918–1920 гг. замысел книги приобретает концептуальную законченность, связывается с культурно-философской проблематикой таких статей Блока, как “Крушение гуманизма”, “О назначении поэта” и др. Лишь в послереволюционный период важнейшей теме служения искусству была противопоставлена тема государственной службы, что выглядело бы анахронизмом в контексте дореволюционной публицистики.

Предисловия и комментарии Блока к его стихотворным сборникам были напечатаны в приложениях к соответствующим томам лирики. Предисловие к переводу пьесы “Действо о Теофиле” помещено в том переводов (т. 12), статья “Роза и Крест (К постановке в Художественном театре)” – в приложениях к тому драматургии (т. 6), все автобиографии – в приложении к Дневнику (т. 11).

Рукописи статей Блока этого периода сохранились не полностью. Почти все они, за немногими исключениями, хранятся в *Рукописном отделе ИРЛИ*. Подробное описание рукописных источников см. в комментариях к отдельным текстам. Большинство статей печатается по тексту первой (почти всегда являющейся и последней) прижизненной публикации. Исключение составляют пять статей, входивших в цикл “Россия и интеллигенция” (1918): “Народ и интеллигенция”, “Стихия и культура”, “Ирония”, “Дитя Гоголя”, “Пламень”, которые Блок в 1918 г. подверг значительной авторской правке и трижды напечатал в исправленном виде (*ЗТ*, *РИ*₁, *РИ*₂), что является непреложным выражением последней авторской творческой воли. Тексты, при жизни Блока не публиковавшиеся, печатаются по верхнему слою автографов. Статья “Искусство и га-

зета” – по реконструируемому тексту, состоящему из текста газетной публикации и сохранившейся в архиве Блока (*ИРЛИ*) части статьи, выброшенной против воли автора по настоянию редактора газеты “Русская молва”. Статья, в предыдущих изданиях печатавшаяся под названием *〈Ответ Мережковскому〉*, в настоящем издании печатается под названием *〈Открытое письмо Д. Мережковскому по поводу его статьи “Религия и балаган”, напечатанной в “Русском слове”〉*, которое дано самим Блоком в “Списке моих работ”.

1

Период 1908–1916 гг. охватывает несколько этапов творческой эволюции Блока-прозаика, неоднородных как по своей интенсивности, так и по направленности духовных поисков.

1908–начало 1909 г. – время наибольшей активности Блока-публициста и литературного критика: продолжают “хроники” в журнале “Золотое руно” (“Письма о поэзии”, “Вопросы, вопросы и вопросы”). Блок выступает с чтением публичных лекций и рефератов (“О театре”, “Генрих Ибсен”), делает доклады в Санкт-Петербургском Религиозно-философском обществе (“Народ и интеллигенция”, “Стихия и культура”), печатает на страницах газет (“Речь”, “Слово”, “Русская молва”, “День”, “Биржевые ведомости”) и журналов (“Золотое руно”, “Аполлон”, “Современник”, “Труды и дни” и др.) рецензии и критические этюды об отдельных авторах или произведениях (“Солнце над Россией”, “Бальмонт”, “Мережковский”, “Об одной старинной пьесе” и др.), а также небольшие, но существенные для понимания его идеологической позиции в этот период публицистические статьи (“Три вопроса”, “Ирония”, “Душа писателя”, “Дитя Гоголя”). В постановке наиболее общей проблемы этого периода – проблемы “народа” и “интеллигенции” – находят свое воплощение стержневые темы предшествующего этапа творчества Блока в целом: трагическое отчуждение личности от народной “стихии”, кризис индивидуализма, поиски путей преодоления этого отчуждения, размышления о месте художника в современном мире.

В этот период особенно заметным становится тяготение Блока к традиции русского “шестидесятничества”, демократической эстетики. По формулировке З.Г. Минц, «Блок напитывается настроениями, неудержимо повлекшими его к недавно столь чуждым ему “позитивистам”-шестидесятникам, а также к революционной и демократической поэзии прошлого века. Наиболее важно, что речь идет не просто о количественном возрастании линий творческой переклички: впервые возникает основа для *целостного* сопоставления поэтического мироощущения Блока и системы представлений демократической публицистики и литературы XIX в.» (*Минц З.Г. Александр Блок и традиции русской демократической литературы // Минц З.Г. А. Блок и русские писатели. СПб.: Искусство-СПб., 2000. С. 282*). Тема социального неблагополучия, предчувствие близкого взрыва, критика элитарной замкнутости современного “нового” искусства, апелляция к наследию Д.И. Писарева, Н.А. Добролюбова, Н.Г. Чернышевского, Н.К. Михайловского, Г.И. Успенского, к творчеству М. Горького – все это резко выделяет публицистику Блока в контексте символистской критики.

Ведущим жанром в творчестве Блока-прозаика в 1907 г. был жанр “хроники” – критического обзора современной литературы. Однако эмпирический характер обзора вскоре перестает удовлетворять Блока. Потребность идеологического самоопределения рождает тяготение к жанру лирико-публицистических статей, которые в 1908 г. постепенно вытесняют жанр “хроники”. Уже 15 апреля 1908 г. секретарь редакции “Золотого руна” Г.Э. Тастевен обращается к Г.И. Чулкову с просьбой взять на себя ведение литературных хроник, поясняя, что “Блок, по-видимому, регулярно уже не будет вести их” (*ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 333*). Действительно, напечатав в 1908 г. три “хроники” – “О театре”, “Письма о

поэзии”, “Вопросы, вопросы и вопросы”, Блок уже больше никогда не обращался к этому жанру. Сомнения в его продуктивности появились у Блока после первых же статей в 1907 г. 1 сентября 1907 г. он записывает: «NB – для *Золотого руна*: скоро пора бросить нудную современную литературу. Ведь все одно и то же – о Скитальце два раза не поговоришь. Брошу, да и займусь “историко-литературной” статьёй – о продолжателях славянофилов и западников теперь. Оно и полезней, и интересней; да и “программно” (!)» (ЗК₁₇).

8 января 1908 г. в письме к матери Блок еще более определенно формулирует задачи своей публицистической деятельности в предстоящем году: «Я должен установить свою позицию и свою разлуку с декадентами путем ряда статей (о театре, о критике, об Ибсене) хотя бы в “Золотом руне”». Острая полемика с критиками “Весов” (З.Н. Гиппиус, Д.С. Мережковским, Андреем Белым, Эллисом) приводит Блока все к большему осознанию самостоятельности собственных духовных поисков.

Выходя за рамки корпоративных установок “школы”, Блок пытается найти опору в живых традициях русской классической литературы и общественной мысли XIX в. “Между прочим (и, может быть, главное) – растет передо мной понятие *гражданин*, и я начинаю понимать, как освободительно и целебно это понятие, когда начинаешь открывать его в собственной душе”, – пишет он 13 сентября 1908 г. Е.П. Иванову. Продолжая печататься в “Золотом руне” и лояльно относящихся к символистам газетах (“Речь”, “Слово”), Блок начинает мечтать о журнале принципиально иного типа, о публицистике, непосредственно смыкающейся с активной общественной деятельностью. 12 сентября 1908 г. в ЗК₂₂ появляется запись: «Мечты о журнале с традициями добролюбивского “Современника”. Две интеллигенции. Дряньность “западнических” кампаний (“Весы”, мистический анархизм и т.п.). *Единственный манифест и строжайшая программа*. Чтоб не пахло никакой порнографией, ни страдальческой, ни хамской. Распрощаться с “Весами”. Бойкот западной литературы. Революционный завет: презрение». О том же, судя по ответному письму З.Н. Гиппиус от 20 сентября 1908 г., он писал ей в ответ на ее предложение о сотрудничестве в журнале “Образование” и газете “Утро”, а также о несуществующем проекте нового журнала: «Вашим письмом Вы доставили мне (и всем нам) редкую и самую реальную радость, – должна прибавить, “нечаянную”; ибо со всем тем, что Вы пишете, ехали мы в Россию, но не чаяли найти никакого отклика, и менее всего в новейших кругах литературных, где, как казалось нам, безнадежно поселились: дешевое гениальничанье, ребяческое легкомыслие, стилизованная порнография, некультурное словесничанье и *выдуманнные* трагедии. (...) Ваше письмо так ярко формулировало самые близкие наши мысли и надежды, что, поверив этому, Вы поймете и нашу радость. (...) Столь же прямо, как и Вы, я скажу Вам, что мы намерены ни с кем не ссориться, оставляя при этом за собою право свободного, *серьезного* литературно-критического слова. Перед нами стоит очень трудная задача: ведь сейчас происходит выбор *имен*, а не произведений, мы же этого не хотим. Вы сам пишете о “строгом манифесте”, вот и мы об этом мечтаем» (БС-4. С. 159–160). О “большом журнале с широкой общественной программой, “внутренними обозрениями” (...) для очень широких слоев населения” говорится и в письме Блока В.И. Стражеву 14 сентября 1908 г. Poleмический подтекст блоковской программы журнала по отношению к символистской периодике, отвергавшей традиционный “толстый” журнал как “малоподвижный” и “отживший” и культивировавшей “тонкий” журнал, “типа западноевропейских revue” (см.: НП. 1903. № 1. С. 8), раскрыт современными исследователями творчества Блока (Мицк З.Г. Александр Блок и традиции русской демократической литературы. С. 289–290). Показательна также потребность Блока в значительном расширении читательской аудитории. Даже свое вступление в Религиозно-философское общество 29 октября 1908 г. Блок мотивирует необходимостью “иметь дело с новой аудиторией, вопрошать ее какими бы то ни было путями. Хотя бы прочтением доклада и выслушивания возражений свежих людей” (ЗК₂₃).

В то же время в исследовательской литературе отмечается и радикальное отличие миропонимания Блока от позитивистской “шестидесятичной” традиции: «Блоку по-прежнему чужды материализм, типичная для “шестидесятников” вера в разум, прогресс науки, промышленности» (*Минц З.Г.* Александр Блок и традиции русской демократической литературы. С. 282). Резко критикуя символистское искусство, Блок в своих глубинных философско-эстетических посылах остается близок символистской теории и художественной практике. Для писателей и критиков “демократического” направления он остается представителем чужой школы. Все это делает совершенно закономерным его новый поворот к символизму в конце 1909-го – 1910 г.

Полемика вокруг статей о народе и интеллигенции, в целом отрицательная их оценка со стороны как символистских, так и марксистских, народнических и либеральных критиков и, наконец, очевидная невозможность прямого обращения к широкой демократической аудитории приводят Блока к постепенному разочарованию в результатах своей публицистической деятельности. “Рефераты для меня очень мучительны, стоили много и, кажется, бесцельны”, – признается он в письме к матери 4 января 1909 г. 23 февраля в письме ей же публицистика уже явно с отрицательным знаком противопоставляется поэтическому творчеству как нечто ему чуждое и даже враждебное: “Вообще подумываю о том, чтобы прекратить всякие статьи, лекции и рефераты, чтобы не тратиться по пустякам, а возвратиться к искусству. (...) Можно писать разве изредка для народа и очень изредка – фельетоны, – и то, если это не повредит ощутительно. (...) Болтливая зима и все прочее привела меня опять к опустошению, у меня не хватает творчества на четыре стиха. Надеюсь – не навсегда”.

“Опустошение”, о котором говорится в письме, усугублялось в связи с пережитой личной драмой: рождением и смертью ребенка Л.Д. Блок в феврале 1909 г. Путешествие в Италию летом 1909 г. стало для Блока периодом “переоценки ценностей”. На фоне политической реакции в России и стихии самодовольного мещанства, с которой Блок соприкасается в Европе, единственной реальной ценностью, способной противостоять дисгармоничной и уродливой современности, становится для поэта искусство, которое, как он вспоминал позднее, “обожгло” его в итальянской поездке. В Италии, размышляя о своей литературной деятельности, Блок дает ей резко отрицательную оценку и мучительно ищет иного направления своего писательского пути: “Вот уже три-четыре года я втягиваюсь незаметно для себя в атмосферу людей, совершенно чужих для меня, политиканства, хвастливости, торопливости, гешефтмахерства. (...) Надо резко повернуть, пока еще не потерялось сознание, пока не совсем поздно. Средство – совсем отказаться от литературного заработка. (...) А искусство – мое драгоценное, выколачиваемое из меня старательно моими мнимыми друзьями – пусть оно остается искусством”, – пишет он 12 июня 1909 г. (*ЗК*₂₆). “Писать, по-видимому, надолго не надо, невозможно – ничего крупного”, – записывает он через два дня, 15 июня (*Там же*). Однако, вернувшись в Россию, Блок все же не прекращает публицистической деятельности, хотя интенсивность ее заметно снижается и, самое главное, иной становится ее проблематика.

2

Для статей 1908–1909 гг. ведущими символами-категориями были “народ”, “интеллигенция”, “Россия”, “долг”, “стихия”, “культура”. Анализ содержания этих категорий см. в работах: *Максимов Д.Е.* Критическая проза Блока // *Максимов И. С.* 134–521; *Поценна Д.М.* Проза Александра Блока: Стилистические проблемы Л., 1976. В статьях 1910 г. (“Памяти Врубеля”, “Вера Федоровна Коммиссаржевская”, “Памяти В.Ф. Коммиссаржевской”, “О современном состоянии русского символизма”, “Открытое письмо Д.С. Мережковскому”, “Рыцарь-монах”) структурообразующую роль играют символы-категории “художника”, “мирового оркестра” и связанные с ними “малые” символы – “музыкальный инструмент”, “скрипка”, “барабанщик”. Все эти символы важны в этот период не только для про-

зы, но и для лирики, и для драматургии Блока (см. прежде всего стихотворения циклов “Страшный мир”, “Арфы и скрипки”, “Кармен”, драмы “Песня Судьбы” и “Роза и Крест”). В творчестве 1910-х годов они связываются в некоторую цельную картину мира.

По мнению В.М. Жирмунского, символ “мирового оркестра” возникает у Блока как результат развития метафоры “скрипки”, в свою очередь возникшей как оживление стертой метафоры “сердечные струны”: «В своем частом повторении, в своеобразном метафорическом оживлении мотив скрипки становится постоянной символической принадлежностью известной душевной настроенности. Отсюда уже бесспорно иносказательное заглавие целого отдела “Арфы и скрипки” или такие стихи, в которых символическое значение этого мотива выступает совершенно ясно, например, в изображении иступленной страсти: “Я слепнуть не хочу от молнии грозовой, Ни слушать скрипок вой (неистовые звуки!)”, – или надвигающейся смерти: “Чтоб в пустынном вопле скрипок Перепуганные очи Смертный сумрак погасил” (<...>) Или, наконец, в философской символике стихотворения “Голоса скрипок”, в котором тютчевский “мыслящий тростник” (“Певучесть есть в морских волнах...”) заменен более привычным для Блока метафорическим иносказанием» (*Жирмунский В.М. Поэзия Александра Блока. Пг.: Картонный домик, 1922. С. 79–80*). Однако в действительности дело обстояло иначе: символ “мирового оркестра” появился у Блока в 1908 г. в драме “Песня Судьбы”, а все цитируемые Жирмунским тексты созданы позднее, в 1909–1910 гг.: Блок шел скорее от символического осмысления “мирового оркестра” к “метафорическому оживлению” образов скрипок.

З.Г. Минц, говоря о “полигенетичности” блоковских символов, указывает на несколько источников, под влиянием которых оформился символ “мирового оркестра”: «Образ “мирового оркестра”, музыки как духовной основы бытия первоначально возникает у Блока под впечатлением событий 1905 г., преломленных сквозь призму трех литературных источников: “Происхождения трагедии из духа музыки” Ницше (законспектированного Блоком в записной книжке 1906 г.), интерпретации ницшеанских идей в символистской критике (прежде всего – у Вячеслава Иванова) и воспринятых через прозу и поэзию Гоголя романтических концепций музыки как наиболее “духовного” искусства» (*Минц З.Г. Блок и Гоголь // Минц З.Г. Александр Блок и русские писатели. С. 66*). Однако ни в одном из этих источников нет образа “мирового оркестра” как такового.

Появление образа “мирового оркестра” в ремарках драмы “Песня Судьбы”, где события, происходящие на сцене, в частности встреча и соединение Германа и Фаины, получают отклик в музыке “мирового оркестра”, указывает еще на один вероятный источник: музыкальные драмы Р. Вагнера, в особенности – чрезвычайно значимая для Блока тетралогия “Кольцо нибелунга”, где оркестр выступает не только основным носителем музыкального содержания, но и является аналогом мирового универсума, символом “Первоединого” (см. подробнее: *Магомедова Д.М. О генезисе и значении символа “мирового оркестра” в творчестве А. Блока // Вестник Московского университета. Сер. 10: Филология. 1974. № 5. С. 10–19*). В музыкальной драматургии Вагнера, благодаря своеобразной “космической” роли оркестра, внутренний мир героев, частные явления и события (“микромоменты”), при всей их видимой автономности, постоянно соотношены со всем мировым целым, со всеобщими глубинами бытия, с “макрокосмом”. Это понимание роли оркестра было осознанно воспринято Блоком (см. его заметку в *ЗК₂₆* после прослушивания оперы Вагнера в Бад-Наугейме: “Каждый оркестровый момент есть изображение системы звездных систем – во всем ее мгновенном многообразии и текучем. (<...>) Музыка предшествует всему, все обуславливает”).

Таким образом, символ “мирового оркестра” у Блока выражает идею органического, универсального единства космического, исторического и индивидуального бытия. С образом мира – оркестра соотносятся и образы личности – музыкального инструмента (“скрипка”, “арфа”, “барабан” и т.д.). По самой структуре этих символов, участие личности в жизни “мирового оркестра” означает не только влияние мировых законов на отдельную личность, но и обратное влияние отдельной личности, отдельного события на общее состояние мира

(см. противопоставление “настроенных” и “расстроенных” скрипок в статье “Памяти В.Ф. Коммиссаржевской”, с которым перекликаются утверждения о соотношенности личной судьбы художника с судьбой России в статье “О современном состоянии русского символизма” и “Открытое письмо Мережковскому”). Участие в “мировом оркестре” означает, на языке Блока, усиление нравственной ответственности личности, в первую очередь – художника.

Иными словами, прозаическое творчество Блока 1909–1911 гг., при всем внешнем несхождении с предшествующим периодом, обращается к тому же кругу проблем, но на ином, над-социологическом, субстанциональном уровне: речь идет о поисках выхода из кризиса индивидуализма, о поисках путей к неотчужденному, общезначимому творчеству.

3

Изложив в статьях 1909–1910 гг. свое понимание сущности искусства, роли художника в современной жизни, соотношения личного и всеобщего бытия, Блок вновь приходит к мысли оставить систематическую критическую и публицистическую деятельность.

Уже в день чтения доклада “О современном состоянии русского символизма”, 8 апреля 1910 г., Блок писал матери: “Надеюсь потом замолчать надолго, т.е. не писать статей и не теоретизировать”. О своей потребности “поставить крест” “над статьями вообще” он пишет 13 апреля 1910 г. В.И. Кривичу. О том же – (9–14) апреля Л.Я. Гуревич: “Я и вообще забрасываю статьи на долгое время”, предваряя эти слова замечанием: “Я до того заболтался в последнее время и недоволен всеми своими писаниями, особенно в прозе”.

Действительно, начиная с 1911 г. Блок все реже выступает в печати со статьями. В 1911 г. он публикует рецензию на “Собрание стихов” Д.С. Мережковского, в 1912 – пять статей, в 1913 – одну статью, затем, вплоть до 1915 г., он ограничивается небольшими заметками, письмами в редакцию, ответами на анкету. В 1915 г. он помещает в книге “Стихотворения Аполлона Григорьева. Собрал и примечаниями снабдил Александр Блок” (М., 1916) статью “Судьба Аполлона Григорьева”, последнюю большую статью предреволюционного периода (будет помещена в томе филологических работ Блока).

Снижение интенсивности прозаического творчества имеет и внешние, и более глубокие внутренние причины.

К внешним причинам следует отнести смерть отца А.А. Блока и получение большого денежного наследства в конце 1909 г., что освободило поэта от необходимости “поденной” литературной работы, подобно “микрорецензиям”, написанным по случайным поводам в газете “Речь”. В 1909 г. прекратили свое существование важнейшие символистские периодические издания, в которых регулярно печатался Блок, – “Весы” и “Золотое руно”. Однако показательно, что все попытки возобновить систематическую публицистическую и критическую деятельность в эти годы терпят крах.

Так, по воспоминаниям В.А. Пяста, в конце 1910 г. Е.В. Аничков подсказал ему идею создания нового символистского журнала: “Выходило, что Аничков, Блок и я должны были быть его редакторами-издателями” (*Пяст Вл. Встречи / Сост., вступ. ст., коммент. Р.Д. Тименчика. М.: НЛО, 1997. С. 127*). Проект нового журнала активно обсуждался Пястом с Блоком и Вяч. Ивановым. По словам Пяста, «Блок серьезно и горячо принял к сердцу мысль о журнале. В течение всей зимы мы обсуждали ее на все лады (...). Мы сейчас же согласились относительно “периферийной” редакционной коллегии, решив привлечь к ней Вяч. Иванова, Ю. Верховского, А. Ремизова и В. Княжнина. Московским членом коллегии был выбран нами обоими А. Белый» (*Там же. С. 128*). 17 января 1911 г. Блок писал А. Белому: «Здесь затевается журнал. Ближайшие сотрудники: Вячеслав Иванов, Аничков, Пяст, Верховский, Ремизов, Княжнин и я. Затеею все Пястом. Все это – проба, и притом с внешней точки зрения – очень непрактичная, потому что денег почти нет. Я лично считаю, что этот журнал будет только бескорыстным застрельщиком – наметит главные точки и расчистит место для будущего. Все мы принципиально изгоняем литературизм, “декадентство”, (...) хулиганство, и т.д., и т.д.».

Однако обсуждение проекта будущего журнала выявило не “единомыслие”, а глубокие расхождения среди его предполагаемых участников. 21–22 января 1911 г. Блок сообщил матери: “Журнал (т.е. проект его) влечит довольно жалкое существование под напоном Вяч. Иванова и его несогласий. Я не могу разобрать, охладел я окончательно или не охладел. После всех литературных чтений (...) руки опускаются, и перестаешь понимать, зачем и для чего и для кого пишешь и читаешь”. 23 января 1911 г. Блок пишет Пясту: «Все эти дни я искал “в себе” журнала – и не нашел ни следа. Прочной связи нет. Из всех сотрудников (исключая Вячеслава Ивановича, который окончательно против, – сегодня я опять получил от него письмо) связаны *только* мы с Вами – но не журнально (о Княжине не знаю). Рассказы Ремизова, Зиновьевой-Аннибал, Ивана Странника могут быть везде. В Верховском мы уже возбудили несвойственные ему чувства. С Аничковым нам не связаться никак». По воспоминаниям Пяста, «дело сводилось к тому, что А. Блок в скором времени мне написал, что по его, Блока, мнению, “ни мне, ни ему, Блоку, не подобает играть руководящие роли в журнале”» (*Пяст Вл.* Встречи. С. 129), однако письмо Блока с таким текстом не выявлено. 6 февраля 1911 г. в письме Блоку Пяст резюмировал: «Во мне нет журнала. “Нашего” журнала нет. (...) Когда меня выгонят со службы, буду затевать свой журнал. Вас в редакцию впутывать не буду» (*ЛН.* Т. 92. Кн. 2. С. 204). О проекте неосуществившегося журнала см. также: А.А. Блок: Письма к Вяч. Иванову / Публ. Е. Белькинд // *БС-2.* С. 377.

Вяч. Иванов, отказавшись от участия в будущем журнале, сразу же предложил собственный проект. 20 января 1911 г. он писал Блоку: «Мне *только* что пришло в голову вот что, – и мне захотелось немедленно же сообщить это Вам, и без всяких разъяснений, потому что смысл моего предложения должен быть и будет Вам ясен без лишних слов. Если Вам думается, что Вам рано писать Дневник Писателя одному и ради этого Вы оглядываетесь по сторонам, ища – не найдется ли, хотя бы напрокат, какого-либо “мы”, то... давайте издавать Дневник трех поэтов, в котором мы на первом месте заявим, что пишем вместе, под одним заголовком, потому что просто так хотим, но не стремимся ни к единогласию, ни даже к гармонии трех безусловно не зависящих один от другого отделов, – не боимся даже и тройных повторений одной мысли, если таковые случатся, одним словом – *не читаем друг друга*, и все это потому, что знаем, что жили и живем *об одном*» (Из переписки Александра Блока с Вяч. Ивановым / Публ. Н.В. Котрелева // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. Т. 41. 1982. № 2. С. 173–174). Однако и этот проект не осуществился, хотя Блок в письме к матери от 21–22 января признал: “Этот последний план всех заманчивей, конечно”. По мнению В.А. Пяста, «из этой мысли вышли “Дневники писателей”, но не трех, а многих, с Федором Сологубом во главе (кажется, уже во время войны), а также “Записки мечтателей”, издававшиеся С.М. Алянским в последний год жизни Блока и недолго после его смерти» (*Пяст Вл.* Встречи. С. 129–130).

Второй попыткой создания нового периодического символистского органа было появление в 1912 г. в издательстве “Мусагет” журнала “Труды и дни” под редакцией Андрея Белого и Э.К. Метнера и, как было сказано в объявлении о подписке, “при ближайшем участии Александра Блока и Вячеслава Иванова”. А.В. Лавров связывает создание этого журнала с тем же проектом “дневника трех поэтов” Вяч. Иванова (см.: *Лавров А.В.* “Труды и дни” // *Русская литература и журналистика начала XX века. 1905–1917: Буржуазно-либеральные и модернистские издания.* М.: Наука, 1984. С. 196), который действительно в цитированном письме от 20 января предполагал: «Может, издание возьмет на себя “Мусагет”. Ведь “Мусагет” и я давно, как Вы знаете, подумывали о периодическом издании совсем иного, чем обычно бывает, порядка» (Из переписки Александра Блока с Вяч. Ивановым. С. 174).

На этот раз с просьбой о сотрудничестве к Блоку обратился Белый. (28 или 29 сентября) 1911 г. он сообщил Блоку: «В Каире узнал о Вашем плане “Дневник Поэтов”. Ввиду молчания Вячеслава, Твоего отсутствия из России, а также ввиду необходимости сейчас же приступить к организации, я взял на себя инициативу того, что сейчас сложилось в “Труды

и дни” (подраз(умеваю) наши)» (*Белый и Блок*. С. 412). По словам Белого в том же письме, содержащем развернутый план будущего журнала, он рассчитывал на участие Блока в журнале как одного из его руководителей, ожидая от него статей в первом разделе, формулирующем теоретические обоснования символизма (“Твои статьи были бы *очень, очень, очень и очень желанны*”). О втором отделе Белый писал: «*Второй отдел прямо погибнет без Тебя и Вячеслава (...)* В этом отделе вижу лирические статьи à la твоей о “Символизме”, напечатанной в Аполлоне (“О современном состоянии русского символизма”. – *Сост.*), верней, не статьи, а признания. Вижу наброски мыслей, страницы, вырванные из дневника Твоего, Вячеслава, вижу афоризмы. (...) Допускаю даже в принципе напечатанные отрывки из писем, которыми мы обменялись и обменяемся о предметах важных (кстати, за неимением тебя в первом №, не разрешишь ли *напечатать какой-либо фрагмент из Твоих писем мне*, разумеется, касающийся не наших отношений, а предмета искусства, литературы, мистики?» Третий отдел, по мысли Белого, должен был содержать критические обзоры, которые он также связывал с авторством Блока: “Ты читаешь книги: три, четыре книги совершенно *особенно* поразили Тебя: *то, чем поразили*, Ты делаешь стержнем обзора, а книги лишь рекомендация Твоя” (*Белый и Блок*. С. 413). 25 января 1912 г. Блок отвечал Белому: “Я менее, чем когда-либо, подготовлен к журналу. Быть сотрудником, прислать статью я могу. Но я один, измучен и особенно боюсь трио (с В. Ивановым)”.

Первый же номер журнала, вышедший в марте 1912 г., резко отталкивает Блока и еще более утверждает его в обреченности всяких попыток реального объединения символистов, а само понятие символизма как литературной школы ощущается им как нечто эфемерное. В письме к А. Белому от 16 апреля 1912 г. он с раздражением писал: “Первый № сразу заведен так, чтобы говорить об искусстве и школе искусства, а не о человеке и художнике. Этим обязаны мы Вячеславу Иванову. (...) Над печальными людьми, над печальной Россией в лохмотьях он с приятностью громыхнул жестяным листом”. Еще более резко оценивается в письме программная статья Вяч. Иванова “Мысли о символизме”, порожденная, по мнению Блока, “ивановским желанием властвовать над какой-то страной даже при отсутствии поданных”. Опубликовав в № 2 “Трудов и дней” первую часть задуманной статьи “От Ибсена к Стриндбергу”, Блок полностью отошел от журнала и даже отказался от написания второй части статьи (см. подробнее с. 435 наст. тома).

Столь же разочаровывающие результаты имели попытки Блока вернуться к систематическому сотрудничеству в газетах. Несмотря на усилия петербургского представителя московской газеты “Русское слово” А.В. Руманова, стремящегося ввести в нее Блока в качестве “грандиозного публициста” (*Бекетова*. С. 123), Блок зафиксировал начало эпистолярного диалога с Румановым в дневнике 23 декабря 1911 г.: «Предложение писать короткие (100–150–200 строк) статьи в “Русском слове”». Дальнейшие дневниковые записи позволяют восстановить первый этап переговоров. 26 декабря: «Думаю о сотрудничестве в “Русском слове”». 30 декабря, после визита А.В. Руманова: «Тираж “Русского слова” – 224 000, т.е. считая 10 человек на № (это *minimum*), – около 2 500 000 читателей. Газета идет вокруг Москвы и на восток, кончая Сибирью.

Газета *не нуждается* ни в ком (из “имен”), держится чудом (мое) – чутьем Ивана Дмитриевича Сытина, пишущего деньги через Ъ, близкого с Сувориным (самим стариком), не стесняющегося в средствах (...).

“*Жизнь русского духа*”.

Язык газеты. Ее читатели. Ее внутренняя противоречивость и известная патриархальная косность, благополучие.

Меня приглашает Руманов по *своей инициативе*».

31 декабря: «Дополнения о “Русском слове” (по словам Руманова). “Русское слово” полагает, что Россия – *национальное* и ГОСУДАРСТВЕННОЕ целое, которое можно держать *другими* средствами, кроме нововременских и правительственных. Есть нота мира и кротости, которая способна иногда застывать в благополучной обывательщине. Тревожится – сам И.Д. Сытин.

Руманов относится отрицательно к социалистам всех оттенков (“неразборчивость средств”, “жестокость”, “нереальный нарост” <...>)

Рерих в “Русском слове” заведует отделом искусства. Искусство для “Русского слова” – только небольшой угол».

2 января 1912 г.: «Если я попаду в “Русское слово” или хотя бы сумею сосредоточиться на своей работе, я оставляю *окончательно* всякие “академии” и “цехи”, а также – болтовню, когда она просто болтовня».

По воспоминаниям В.А. Пяста, А.В. Руманов с самого начала стремился “задать” публицистике Блока несвойственную ей идеологическую направленность: “Катковское наследие, – буркал впоследствии сблизившийся со мной журналист. – Вы понимаете?” (*Воспоминания*, I. С. 381). По мнению Пяста, именно эта идеологическая заданность послужила причиной отказа Блока сотрудничать с газетой: “Но мы все-таки тогда совсем не понимали всей правоты заданий почтенного редактора! Более года не отказывался от них (Руманов) и, наконец, махнул рукой. В газете стали появляться блоковские стихи. Поэту это было невыгодно, конечно, – но когда же поэт держится за свою выгоду?” (*Там же*).

Однако, как показывают воспоминания Н. Валентинова (Н.В. Вольского), публициста социалистического толка, члена меньшевистской фракции РСДРП, служившего в то время в “Русском слове” помощником редактора, а фактически – заменившего ее номинального редактора Ф.И. Благова, дело было не в блоковском отказе от сотрудничества. Н. Валентинов откровенно рассказывает о собственных усилиях не допустить Блока в газету: «Главнейшим из моих прав я считал требование, чтобы ни одна руководящая политическая статья без моей санкции не проходила и без моего согласия ни один новый сотрудник не мог быть приглашен. <...> Я хотел из “Русского слова”, газеты с огромным тиражом, но политически на обе ноги хромавшей (Дорошевич этого не чувствовал), способной давать дурно пахнувшие статьи, сделать уважаемую, с большим весом, демократическую газету и этого, кстати сказать, за время пребывания в ней достиг. <...> Из сказанного понятно, что, когда я узнал, что, минуя меня, кто-то (я не знал, что это Руманов) проводит в постоянные сотрудники Блока, я встал на дыбы. Попытки включить в постоянные сотрудники других лиц делались уже не раз, и я считал, что, если уступить в случае с Блоком, придется уступить и в других случаях, и от моего оберегания газеты от нежелательных лиц ничего не останется. <...> Я никогда не входил в обсуждение <...> какой гонорар предназначается сотрудникам, но я обратил внимание на то, что поэта Блока, хотя и пригласить давать газете не стихи, а какие-то сенсационного характера статьи, а меня буквально тошнило от его писаний в прозе, особенно после такого его “шедевра”, как статья “О современном состоянии русского символизма”. К этому присоединялось несомненно – я этого не скрываю – отталкивание от Блока вообще как человека (Валентинов не был лично знаком с Блоком. – *Сост.*). После того, что я слышал о нем с мельчайшими подробностями от А. Белого, Блок возбуждал во мне отвращение и нежелание иметь с ним какие-либо отношения. Упорное давление на меня с целью непременно пригласить Блока шло со всех сторон. Об этом, к моему удивлению, заговорил Бирон, обработывавший в Москве информацию, передаваемую из Петербурга Румановым. Начал хлопотать за Блока В.И. Сытин, сын издателя. Он заведовал отделом детских книг, и там были изданы сказки Блока. О приглашении Блока как бы мимоходом заговорил со мною и редактор газеты Ф.И. Благов. После второго разговора с ним на эту тему я иронически сказал ему, что статьи такого специалиста по воспеванию “Прекрасных Дам”, “лиловых миров” и “помрачений синих призраков”, как Блок, несомненно будут полезны “Русскому слову”, когда я газету покину. Благов понял мой намек и больше о Блоке со мной не заговаривал. <...> Руманов сделал все, чтобы широко открыть ему двери в “Русское слово”, я их захлопнул, и, пока я был в газете, ни одна статья Блока в ней не появилась. Но когда я ушел, в ней появилась <...> не статья, а стихотворение “Новая Америка”» (*Валентинов Н. [Вольский Н.] Два года с символами*. М., 2000. С. 364–367).

Неудачей закончилась и попытка начать сотрудничество в ноябре 1912 г. в новой газете “Русская молва”, вокруг которой ее издатель и редактор А.В. Тыркова стремилась собрать художников символистского круга (см. подробнее с. 445–446 наст. тома). Блок принял активное участие в обсуждении проекта газеты и в организационных заседаниях редакции. Однако он не мог примириться с изъятием из его статьи “Искусство и газета”, которую редакция была готова счесть программной для отделов искусства, главной, по его мнению, части: “История статьи по крайней мере чрезвычайно поучительна и позорна”, – записывал он в дневнике 6 декабря 1912 г. Блок сразу же отстранился от активного участия в этой газете, считая неприемлемым для себя путь компромисса, чьей бы то ни было идеологической коррективы его собственной, выношенной позиции.

Однако наиболее глубокие, внутренние причины отказа Блока от активной публицистической и критической деятельности заключаются в том, что с конца 1909 г. он все более сосредотачивается на двух крупных художественных замыслах. Речь идет о поэме “Возмездие” и, с 1912 г., о драме “Роза и Крест”. Ощущение чрезвычайной значительности этих замыслов, их этапности в его художественной судьбе заставляет, в конечном счете, отказаться от всего, что может увести в сторону от важнейшей для него художественной задачи: «И хочу, и боюсь писать статьи, – признается он в письме Л.Я. Гуревич 17 января 1911 г., – до того они меня отбивают от “своего” писания». “На художественном пути, как мне и до сих пор думается, могу я сделать больше всего. Голоса проповедника у меня нет”, – пишет он 26 августа 1912 г. И.П. Брихничеву. Ощущение необходимости прямого публицистического обращения к широкой читательской аудитории вновь появляется у Блока лишь после 1917 г., когда все его прозаическое творчество достигает своего расцвета, богатства и интенсивности.

4

Отклики современников на прозаические произведения Блока 1908–1916 гг., носящие характер того или иного обобщения, группируются по преимуществу вокруг двух его сквозных тем: народа и интеллигенции и судеб русского символизма.

Статьи 1908 г. о народе и интеллигенции дали критике различных направлений повод заговорить о “неонародничестве” в современной русской литературе и проявлении этих тенденций в творчестве Блока.

Вяч. Иванов в статье “О русской идее” (ЗР. 1909. № 1) писал: “Наблюдая последние настроения нашей умственной жизни, нельзя не заметить, что вновь ожили и вошли в наш мыслительный обиход некоторые старые слова-лозунги, а следовательно, и вновь предстали общественному сознанию связанные с этими словами-лозунгами проблемы. (...) Разве не архаизмом казались еще так недавно вопросы об отношении нашей европейской культуры к народной стихии, об отчуждении интеллигенции от народа, об обращении к народу за Богом или о служении народу как некоему Богу?” (С. 85). Далее Вяч. Иванов дает характеристику блоковского “народничества”, предлагая характерное для его статей “синтезирующее” разрешение проблемы народа и интеллигенции, примиряя Блока с Горьким и акцентируя религиозный аспект проблемы: «Если оба поэта-народника (А. Блок и А. Белый. – *Сост.*) не ведают, по-видимому, ходов к народу, кроме приобщения к его отчаянию, и не ведают выхода для народа, хотя и согласны, конечно, оба, что единственным решением проблемы было бы решение религиозное, – quasi-религиозную концепцию народничества находим мы там, где менее всего могли бы считать ее вероятной. Правоверный большевик Максим Горький завел речь в “Исповеди” о народобожии. Итак, можно говорить о народничестве не только символистов, но, что еще парадоксальнее, социал-демократов. (...) В соборной душе раствори и потеряй душу свою, – учит Горький-народник, как мечтает народник-Блок. Для интеллигенции как носительницы сознания, отдельного от сознания народной массы, равно не остается в этих мирозерцаниях места; ей нет внутреннего оправдания; она опять и по-новому провозглашается безбожной, поскольку она всенародна» (С. 89–90).

Критик-марксист В. Базаров в статье “Богоискательство и богостроительство” (Вершины. Кн. I. СПб.: Прометей, 1909) скептически оценивает попытки сблизить “старое” и “новое” народничество, усматривая между ними “глубокую принципиальную противоположность”. «Народники при всей своей “самобытности” были типичнейшими интернационалистами, горячими и совершенно девственными, платоническими поклонниками всемирной культуры» (С. 365). “Неонародничество” же, по мнению В. Базарова, возникает из пресыщенности культурой, наукой, философией и искусством: «На почве этой пресыщенности и возникает современная мистическая тяга к прекрасному незнакомцу – народу, к его религиозным устоям, к его изумительной жизненной цепкости в самых ужасных условиях существования. Дело идет, строго говоря, вовсе не о народе, а об исцелении загнившей интеллигентской души. Еще нет никакой веры, а есть только страстная, бессильная жажда веры. Народ должен добыть нам эту веру. “Ен достанет”, он достал нам культурный комфорт, – он избавит нас и от тлетворных последствий культурного пресыщения; своим прирожденным мистицизмом он оплодотворит наше омертвевшее, наше религиозно-импотентное сердце. (...) Я должен, впрочем, отметить, что в такой наивно-примитивной форме надежда на целебную силу народной мистики свойственна далеко не всем представителям радикального мистицизма. Это настроение характерно для новообращенных: для г. Блока и быть может для большинства той интеллигентной массы, которая лишь за самое последнее время ощутила жажду религиозного просветления» (С. 336–337).

Социал-демократ М. Неведомский (М.П. Миклашевский) в статье “Модернистское похмелье” (Вершины. Кн. I.) полагал, что статьи Блока о народе и интеллигенции “свидетельствуют о настоящем переломе, происходящем в этом писателе” (С. 404). «В словах г. Блока, безусловно, звучит что-то подлинное, что-то надломленное. (...) Оглядка и похмелье – очевидные. (...) И совершенно понятно это настроение в поэте, который задумался об “интеллигенция” и “народе”, который испытал “огромную скуку” (это из реферата) на высотах своего декадентского или индивидуалистического отъединения» (С. 406).

Критик социал-демократ В. Львов-Рогачевский в статье “Лирика современной души” (СоверМ. 1910. № 9) считает, что статьи Блока свидетельствуют о «крушении эстетизма, культя формы и антиобщественности. Начался поворот от европейских “Весов” к заветам русской литературы, начался новый период» (С. 125).

Многие критики усматривали в статьях Блока страх перед народной стихией. Вяч. Иванов в статье “О русской идее” писал: “Чувство страха внушило Блоку брошенное им в лицо общества *meemento mori*” (С. 89). Г. Чулков в статье “Лицом к лицу” (ЗР. 1909. № 1) расценил статьи Блока как попытку «“напугать” читателя союзом сектантов и революционеров» и, полемизируя со статьей “Стихия и культура”, писал: “А тот, кто боится, тот не с народом и не с интеллигенцией. Блок называет это страшным оптимизмом. Не знаю, может быть это и оптимизм, но дело тут не в словах, а в их сущности. (...) Наша интеллигенция – глаза и уши народной массы. Она рассеяна и по деревням и по городам, и всегда готова примкнуть к восстанию. Разве она не доказала этого?” (С. 106).

С. Г. Чулковым перекликается В.В. Розанов в статье “Попы, жандармы и Блок” (НВ. 1909. 16/29 февраля. № 11899): «“Интеллигенция разошлась с народом” ... Какая интеллигенция? – Блок? Еще какая? Зин. Ник. Гиппиус? (...) С народом не расходится и никогда не расходилось *талантливое* в образованном нашем классе, а разошлось с ним единственно *бесталанное* в нем, что себя и выделило и противопоставило *народу* под пошлым боборыкинско-милюковским словом “интеллигенция”. (...) И мрачный демонизм, напр(имер), декадентов, происходит просто оттого, что они пишут плохие стихи».

Тему “страха перед народом”, связывая статьи Блока с концепцией авторов сборника “Вехи” (1909), развивает Вл. Боцяновский в статье “Нечто о трусливом интеллигенте” (Новая Русь. 1909. 8 мая. № 124): «Как известно, А. Блок один из первых испугался народа... В течение целого года он, как мог, везде и всюду кричал: “Перед нами чудище обло” –

народ. Народ этот нас не пощадит: “спасайся, кто может”... И успел напугать. Большинство “смиранных” сразу спрятались под сень тюрем и штыков.

– Делайте, что хотите, посадите всю Россию в тюрьму, только спасите нас, – закричали они.

Блок, хотя и испугался, но до потери рассудка не дошел. Он сразу уразумел, что посадить весь народ в тюрьму трудно, если и вообще возможно. У него не хватило мужества на такую меру. Он тоже “смирился” и решил пойти прямо в пасть народу.

Авось помилует и выведет на настоящую дорогу».

М. Горький, оценивая в 1926 г. книгу А.Я. Цинговатова “А.А. Блок. Жизнь и творчество” (М.: Л.: Госиздат, 1926), писал ее автору: «Думается мне, что Вами недостаточно подчеркнута “народо- и жизнебоязнь”, свойственная многим людям поколения Блока, поколения, отравленного дедами и отцами, которые изображали народ огромным и страшно требовательным нищим. Отсюда его: “мы бросаемся прямо под ноги...” Он слишком много придал значения “золотым словам” мужика: “О, какое бесконечно окаянное горе сознавать, что без вас *пока* не обойдешься”, он не решился вычеркнуть совершенно лишнее “пока”. Ибо они без Блоков *никогда* не обойдутся и должны будут создавать своих Блоков. И уже пытаются создавать» (ЛН. Т. 70. С. 625).

Говоря о статьях Блока 1910 г., посвященных символизму, современники отмечали отход его от “общественных” настроений. Т.Н. Гиппиус писала А. Белому 27 января 1910 г.: “Он как-то более отошел от вопросов, занимавших его в прошлом году, сильно опять ушел в себя, вернулся в свое неизреченное” (ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 362).

В. Львов-Рогачевский в статье “Быть или не быть русскому символизму” (СоврМ. 1910. № 10. 2-я паг.) оценил статью Блока как “отступление” от народнических позиций: «Был момент, когда поэты-символисты попытались стать неонародниками, по слову своего учителя (Д.С. Мережковского. – *Сост.*), бросились они засыпать пропасть между интеллигенцией и народом, бросились с трубами и литаврами, с медью звенящей и кимвалом бряцающим и – ничего из этого не вышло. И да и не могло выйти. (...) Пошумели, посустились, поахали и возвратились в дом свой, расплываясь в “лиловых туманах” мистического отчаянья и мертвого отрицания» (С. 77).

С. Адрианов в статье “Критические наброски” (Вестник Европы. 1910. № 10) расценивает статьи о символизме как “сознание кризиса и даже крушения в их верованиях. (...) В призывах петербургских символистов к смирению перед жизнью, историей, народом, к самообузданию и ученичеству мне чудится поворот как раз в ту сторону, в которую шел наш старый и столь плодотворный идеализм, видевший свою силу во внимании к миру реальному” (С. 396).

Блок в Автобиографии 1915 г. называет главными темами своих статей темы об «“интеллигенции и народе”, о театре и о русском символизме», отводя статьям именно данного периода самое значительное место в своем дореволюционном творчестве. Единственная прижизненная книга статей “Россия и интеллигенция” сформирована главным образом из статей этого времени. Из семи статей пять – “Народ и интеллигенция”, “Стихия и культура”, “Ирония”, “Дитя Гоголя”, “Пламень” – созданы между 1908–1913 гг.

* * *

Тексты произведений, входящих в том, подготовила, вступительную статью к тому и комментарии написала Д.М. Магомедова. Указатель имен и названий составили А.Л. Гришунин, Е.В. Глухова, О.А. Лекманов, Д.М. Магомедова.

Редакторы тома А.М. Долотова, А.Л. Гришунин

СТАТЬИ

ТРИ ВОПРОСА

(С. 7)

Автограф неизвестен. Корректурные гранки из *ЗР* с надписью рукой Блока: “Иск(усство) и жизнь” – *ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 2. № 229.

Впервые напечатано: *ЗР*. 1908. № 2. С. 55–59. Подпись: “Александр Блок”.

В Собрание сочинений впервые включено: *СС-12₉*. С. 58–65.

Печатается по тексту первой публикации со смысловыми исправлениями:

С. 9, стр. 29: в драме Катилины *вместо*: в драме Катилина.

С. 11, стр. 6: прекрасное – бесполезным, полезное – некрасивым, *вместо*: прекрасное – бесполезным, бесполезное – некрасивым.

Замысел статьи возникает у Блока в начале января 1908 г., среди важнейших, программных тем, названных им в письме к матери 8 января 1908 г.: «Я должен установить свою позицию и свою разлуку с декадентами путем ряда статей (о театре, о критике, об Ибсене) хотя бы в “Золотом руне”». Статья закончена не ранее 11 февраля 1908 г. – в тексте есть ссылка на статью Д.С. Мережковского “Цветы мещанства”, вышедшую 10(23) февраля 1908 г. в газете “Речь”.

Противопоставление вопросов “как” и “что” неоднократно встречалось в символистской критике, до и после статьи Блока. Один из первых precedентов – статья Антона Крайнего (З.Н. Гиппиус) “Что и как: I. Вишневые сады; II. Триптих” (*НП*. 1904. № 5. С. 251–267). Перепечатано: *Антон Крайний (Гиппиус З.)*. Литературный дневник (1899–1907). СПб.: М.В. Пирожков, 1908. Книга вышла между 1–8 февраля 1908 г., в период работы Блока над статьей. В библиотеке Блока не сохранилась (*ББО-3*. С. 219). В статье Гиппиус затрагиваются проблемы современного театра, упоминается Ибсен, однако заявленное в заглавии противопоставление в статье не эксплицировано. Противопоставление «дионисийского “как” аполлиническому “что”» неоднократно проводилось в статьях Вяч. Иванова (“Ницше и Дионис”, 1904; «О “Химерах” Андрея Белого», 1905; “Две стихии в современном символизме”, 1908 и др.). Ср., напр.: «Дионисийское начало, антиномичное по своей природе, может быть многообразно описываемо и формально определяемо, но вполне определяется только в переживании, и напрасно было бы искать его постижения – исследуя, что образует его живой состав. Дионис приемлет и вместе отрицает всякий предикат; в его понятии *a не-а*, в его культе жертва и жрец объединяются как тождество. Одно дионисийское *как* являет внутреннему опыту его сущность, не сводимую к словесному истолкованию, как существо красоты или поэзии. (...) Музыкальная душа Ницше знала это “как”. Но его другая душа искала вызвать из этого моря, где “сладко крушение”, ясное видение, некоторое зрительное “что”, потом удержать, пленить его, придать ему логическую определенность и длительную устойчивость, как бы окаменить его» (*Иванов Вяч.* Ницше и Дионис // *В*. 1904. № 5. С. 21–23). Андрей Белый полемизировал с Ивановым в памфлете “Химеры” и в статье “На перевале. XII. Realiora” (*В*. 1908. № 5. С. 59–62. Подпись: “Б.Н. Бугаев”), связывая эти вопросы с проблемой “религиозного творчества”: «Как люди, имеющие свою религию, мы требуем также, чтобы туман мистической бесформенности, вносимый в сферу искусства, не навязывался нам, как религия, ибо предмет религии “realissima res”, т.е. он есть определенное “что” (образ Бога, его Имя), а не дионисическое “как”, превращающее всякую “res” либо в фонтан иллюзионистических переживаний, либо в фонтан риторических, только риторических утверждений религиозного творчества” (*Там же*. С. 62). При этом у обоих оппонентов “как” означает не форму, а не сводимое к

формальным определениям “переживание”, а с формой парадоксально связано “что” – единичное образное воплощение “переживания” в творческом акте.

В статье Блока вопросы “как” и “что” введены в контекст иной проблематики и связаны с соотношением содержания и формы художественного творчества. Добавление третьего вопроса “зачем”, вопроса о “пользе” и “долге”, демонстративно сближает позицию Блока с традициями демократической народнической критики, от Д.И. Писарева до Н.К. Михайловского. Символистская критика неизменно осуждала утилитарные концепции искусства. Д.С. Мережковский в лекции “О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы” (1892) критически оценивал публицистическую дидактику Л.Н. Толстого после 1880 г.: «Польза! Польза! Чей светлый ум не помрачало это слово в наш век?... (...) От утилитарного ригоризма, от этого вечного, унылого припева: “Польза! польза!” – сердце человеческое холодеет и сжимается” (*Мережковский Д.С. О причинах упадка и новых течениях современной русской литературы // Мережковский Д.С. Л. Толстой и Достоевский: Вечные спутники. М., 1995. С. 542*). В Брюсов начал программную статью “Ключи тайн” (*В. 1904. № 1. С. 3–21*) полемическими выпадами против теорий “полезного” искусства: «Упрямство поборников “полезного искусства”, несмотря на все удары, нанесенные им европейской мыслью последнего столетия, не скудеет до наших дней и, вероятно, не иссякнет до последних дней, пока будут существовать споры о искусстве. Всегда останется возможность указать в том или ином пользе искусства. Но мало ли как можно использовать тот и другой предмет, ту и другую силу! (...) В повести Марка Твена о принце и нищем бедный Том, попав во дворец, пользуется государственной печатью для того, чтобы колоть ею орехи. Может быть, Том колот орехи очень удачно, но все назначение государственной печати – иное» (С. 8). В то же время В.С. Соловьев в своих эстетических трактатах пытался соединить утилитарную эстетику “шестидесятников” с “теургическими” заданиями художественного творчества. Статью “Красота в природе” начинается с утверждения правоты утилитаристов: “...если не смущаться грубыми, а иногда и совсем нелепыми выражениями новейшего эстетического реализма (и утилитаризма), а вникнуть в существенный смысл его требований, то в них именно и окажется безотчетное и противоречивое, но тем более дорогое признание за красотой мирового значения: ее кажущиеся гонители усвоят ей как раз эту самую задачу спасти мир. Чистое искусство, или искусство для искусства, отвергается как праздная забава; идеальная красота презирается как произвольная и пустая прикраса действительности. Значит, требуется, чтобы настоящее искусство было *важным делом*, значит, признается за истинною красотой способность глубоко и сильно воздействовать на реальный мир” (*Соловьев В.С. Собр. соч.: В 9 т. СПб.: Изд. т-ва “Общественная польза”, 1904. Т. 6. С. 30. Пометы Блока в тексте статьи – ББО-2. С. 259*).

Как полемический выпад против блоковского понимания “долга” (“ответственности и связи с народом и обществом”) может быть воспринято предисловие С. Соловьева к сб. “*Scurifragium*” (М., 1908. См. отзыв Блока об этой книге в статье “Письма о поэзии”. С. 52, 53 наст. тома): “Долг поэта перед родиной и народом не в том, чтобы писать стихи на революционные темы, а в том, чтобы очищать родники вдохновений, ковать вечные и прекрасные формы переживаний. Уклонение от работы над формой есть уклонение от долга” (С. XII).

Статья Блока была сочувственно отмечена именно критикой социал-демократического лагеря. В Львов-Рогачевский в статье “Лирика современной души: Русская литература и группа символистов” (*СоврМ. 1910. № 9*) связывал статью “Три вопроса”, как и последующие его “народнические” статьи, с крушением “эстетизма, культа формы и антиобщественности”, с поворотом символистов «от европейских “Весов” к заветам русской литературы. (...) На место “как” молодые поэты выдвигают вопросы “что” и “зачем”. Уже европейская культура с ее техникой не удовлетворяет нашу группу символистов» (С. 125).

Проблема, поставленная в статье, и после ее напечатания оставалась для Блока актуальной, о чем свидетельствует краткая запись в *ЗК*₂₄: “Польза и красота (24 ноября, ночь)”.

В (Плане собрания сочинений) включена в раздел “Искусство и (техника)”, вместе со статьями “Душа писателя” и “Искусство и газета”. Однако против названия статьи стоит знак (?).

С. 7. *В те дни ~ Вопрос “как”, вопрос о формах искусства мог быть боевым лозунгом.* – В характеристике раннего этапа развития русского символизма Блок опирается на описание символистской школы в статьях Д.С. Мережковского, В.Я. Брюсова и К.Д. Бальмонта. В лекции “О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы” Д.С. Мережковский называет “три главных элемента нового русского искусства: мистическое содержание, символы и расширение художественной впечатлительности” (Мережковский Д.С. Л. Толстой и Достоевский: Вечные спутники. С. 538). В.Я. Брюсов в предисловии к второму выпуску сборника “Русские символисты” требует отделить от характеристики символизма “случайные примеси”, к которым относит мистицизм, а также “стремление реформировать стихосложение” и “полуспиритические теории” Сара Пеладана. Позитивная характеристика символистских произведений в трактатке Брюсова касается прежде всего особенностей поэтической формы: “1. Произведения, дающие целую картину, в которой, однако, чувствуется что-то недорисованное, недосказанное (...) 2. Произведения, которым придана форма целого рассказа или даже драмы, но в которых отдельные сцены имеют значение не столько для развития действия, сколько для известного впечатления на читателей или зрителя. 3. Произведения, которые представляются Вам бессвязным набором образов” (Брюсов В.Я. Ответ // Брюсов В.Я. Собр. соч.: В 7 т. М., 1975. Т. 6. С. 29). Ср. также характеристику символистской поэзии в трактате К.Д. Бальмонта “Элементарные слова о символической поэзии”: “...она говорит своим особым языком, и этот язык богат интонациями; подобно музыке и живописи, она возбуждает в душе сложное настроение, – более, чем другой род поэзии трогает наши слуховые и зрительные впечатления” (Бальмонт К.Д. Горные вершины: Сборник статей. Книга первая. М., 1904. С. 79).

...предисловие к “Собранию стихов” или к сборнику “Urbi et Orbi”... – Блоку принадлежат две рецензии на книгу стихов В.Я. Брюсова “Urbi et Orbi” (М.: Скорпион, 1904), написанные сразу же по выходе сборника (при жизни Блока опубликована только вторая). См.: Т. 7 наст. изд. С. 139–144, 352–359. В первой рецензии он называет книгу “воинствующей”, а вторую рецензию начинает цитатой из Предисловия Брюсова к сборнику: “Книга стихов должна быть не случайным сборником отдельных стихотворений, а именно книгой, замкнутым целым, объединенным одной мыслью” (Брюсов В. Urbi et Orbi. С. 1). В рецензии особо подчеркивается “совершенство формы” стихов, входящих в сборник (Т. 7 наст. изд. С. 141). В 1908 г. выходят в свет первые два тома из трехтомного Собрания стихов В.Я. Брюсова “Пути и перепутья” (М.: Скорпион, 1908). Во второй том была помещена вторая редакция “Urbi et Orbi” под названием “Риму и миру”. В Предисловии к первому тому Брюсов отмечает, что отбросил около трети стихотворений, входивших в первые сборники: “Многое в моей юношеской поэзии показалось мне наивным и неверным, многие приемы творчества бессильными и неудачными” (Брюсов В. Пути и перепутья: Собрание стихов. Т. 1. С. 1). Оба тома были подарены автором Блоку с надписью: “Александру Александровичу Блоку дружески. Валерий Брюсов. 1907” (ББО-1. С. 110). Блок 8 апреля 1908 г., поблагодарив Брюсова за подаренный второй том, писал: “Хочу писать об обоих томах, книгах, сыгравших такую большую роль для меня”. Однако ни статьи, ни рецензии на эти книги Блок не написал.

Пришли новые дни “признания”, всеобщего базарного сочувствия и ополчения искусства. – Середина 1900-х годов в истории русского символизма стала временем его расцвета (выход в свет лучших стихотворных сборников и альманахов, активная деятельность издательств и журналов), что повлекло за собой первую волну массового эпигонства. Об опасности измельчания символистской литературы неоднократно писали

критики “Весов”. Ср.: «Большинство “молодых талантов”, выросших за последнее время, как грибы, оказалось из породы несъедобных; не стоит и трогать их; сами табаком рассыплются. Впрочем, как в революции, появились экспроприаторы, так появились они и в литературе, с тою разницею, что вторые – экспроприаторы и притом рекламисты» (*Антон Крайний [Гиппиус З.Н.]*. Анекдот об испанском короле: “*Mercure de France*”, 15 juin, lettres russes // *В.* 1907. № 8. С. 74); “Когда мы уединимся в тишину и будем размышлять о проблемах искусства, будем анализировать формы творчества (вне базарных криков модерн-комиссионеров по поставке толпе новинок); когда мы освежим сопоставленные проблемы в свете психологии и теории познания, – только тогда мы поймем, что такое проблемы символизма. Но на этих вершинах мысли слышен свист холодного урагана, которого так боятся Митрофанушки модерна, нежно насвистывающие похоронный марш символизму” (*Бугаев Б. [Белый Андрей]*. На перевале. IX. Детская свистулька // *В.* 1907. № 8. С. 55).

С. 7. *...вечный спутник...* – Обыгрывание названия книги Д.С. Мережковского “Вечные спутники” (СПб., 1897).

С. 8. *...вопрос “что” был выдвинут на первый план, вместо вопроса “как”, Андреем Белым, в его первых статьях.* – Андрей Белый в статье “На перевале. XII. Realiora” дает сходную характеристику своим статьям (см. выше, с. 295), называя и цитируя при этом статью “О теургии” (*НП.* 1903. № 9), “Апокалипсис в русской поэзии” (*В.* 1905. № 4).

...сам “взыскательный” художник... – Из стих. А.С. Пушкина “Поэту” (1830).

Д.В. Философов в статье своей “Тоже тенденция” (см. предыдущий № “Золотого руна”) не понял меня. – В статье “Тоже тенденция” (*ЗР.* 1908. № 1) Д.В. Философов полемизировал со статьей Блока “О лирике”, охарактеризовав позицию Блока как эстетизм: “Но можно ли поставить знак равенства между поэтом и человеком? Не выше ли звание человека, чем поэта? Для Блока поэт, очевидно, выше человека” (С. 74). См. подробнее: Т. 7 наст. изд. С. 294.

...и просят хлеба и получают камень... – Неточная цитата из Мф 7: 9.

...“настроениями” (как часто приходится убеждаться, что очень многие до сих пор вожжаются с этим термином!)... – О термине “настроение” как одном из ключевых понятий символистской теории см.: *Геворкян А.В.* О двух толкованиях понятия “настроение” в русском символизме: (В. Брюсов, А. Белый) // *Вестник Московского университета.* Сер. 9: Филология. 1998. № 6. С. 24–33.

...он видит в городе – “дьявола”, а в природе – “прозрачность” и “тишину”. – Демонизация города в творчестве русских символистов восходит к традиции русской романной прозы (Пушкин, Гоголь, Достоевский), а также к французской символистской поэзии (Ш. Бодлер, П. Верлен, Э. Верхарн, А. Рембо и др.). См. подробнее: Т. 2 наст. изд. С. 716–724, а также: *Ханзен-Лёве А.* Дьяволический город и анти-природа // *Ханзен-Лёве А.* Русский символизм: Система поэтических мотивов. Ранний символизм. СПб., 1999. С. 299–309. В конце 1906 г. журнал “Золотое руно” под председательством Н. Рябушинского проводил конкурс произведений на тему “Дьявол”, Блок входил в жюри конкурса вместе с В.Я. Брюсовым, Вяч. Ивановым и А.А. Курсинским (см. об этом в письме Блока к Белому от 6 декабря 1906, а также: *ЛН.* Т. 85. С. 687–688; *ЛН.* Т. 92. Кн. 3. С. 262–263). Обыгрываются также названия стихотворных сборников Вяч. Иванова “Прозрачность” (СПб., 1903) и К. Бальмонта “Тишина” (СПб., 1898).

С. 9. *Вопрос о необходимости и полезности художественных произведений.* – В символистской и околосимволистской публицистике проблема пользы неизменно связывалась с наследием “шестидесятников”. Блоку несомненно была знакома статья В.В. Розанова «Шестидесятые годы и утилитарная критика (Маленькое возражение Н.А. Энгельгардту на его проект “переоценки ценностей” лит(ератур)ных» (*НП.* 1903. № 2), в которой давалась своего рода религиозная интерпретация проблемы “пользы”: «Шестидесятые годы были такою монотеистическою эпохою, “об одном Боге” (...) Таким идеалом в шестидесятые годы была “польза”. Но какая польза? Не меркантильная, не

польза своего “я”, не польза как сумма удобств жизни. Преподносился взору людей того времени “золотой сон будущего” (...), который должен настать для всего человечества, и притом разом, и именно материально, вещественно, здесь, на земле» (С. 136). О проблеме “пользы” в искусстве Блок также размышлял уже в 1903 г. См. его запись в ЗК₆ 14 августа 1903 г.: «Я не боюсь больше слов. Даже “польза” не страшна». В статье “Поэзия заговоров и заклинаний” (1906; см.: Т. 12 наст. изд.) Блок обращает внимание на равноценность красоты и пользы в архаическом народном искусстве: “В первобытной душе – польза и красота занимают одинаково почетные места. Они находятся в единстве и согласии между собою; союз их определим словами: прекрасное – полезно, полезное – прекрасно”. См. сопоставление эстетической позиции Блока с эстетикой “шестидесятников”: *Мицц З.Г.* Блок и традиции демократической литературы // *Мицц З.Г.* Александр Блок и русские писатели. СПб., 2000. С. 261–336.

С. 9. ...«*Вопрос “зачем?” бывает часто относительно художественного творчества лишен всякого смысла*». – *Михайловский Н.К.* Г.И. Успенский: Литературная характеристика // *Михайловский Н.К.* Собр. соч.: В 6 т. СПб., 1897. Т. 5. С. 100.

...*Ибсен – знамя нашей эпохи, последний мировой писатель...* – Творчество Г. Ибсена становится для Блока значительным событием творческого сознания в 1906 г., во многом под влиянием постановок Ибсена в театре В.Ф. Коммиссаржевской (“Строитель Сольнес”, “Гедда Габлер”). Образы ибсеновских драм возникают в лирике Блока 1906–1908 гг. (см.: Т. 2 наст. изд. С. 669–671, 704). В статье “О драме” (1907) Блок называет Ибсена “последним великим драматургом Европы” (Т. 7 наст. изд. С. 83). В 1908 г., помимо статьи “Три вопроса”, Блок обратится к Ибсену в лекции “О театре” (С. 11–35 наст. тома) и реферате “Генрих Ибсен” (С. 64–70 наст. тома). В библиотеке Блока сохранилось Полное собрание сочинений Г. Ибсена в 8-ми т. (М.: Изд. С. Скирмунта, 1904–1907) с многочисленными пометами (*ББО-1*. С. 286–292). См.: *Шарыткин Д.М.* Блок и Ибсен // *Скандинавский сборник*. VI. Таллин, 1963. С. 159–176; *Родина Т.М.* А. Блок и русский театр начала XX века. М., 1972. С. 196–205.

...*в прошении к королю...* – В “Прошении к королю” Г. Ибсена говорится о борьбе “за дело пробуждения народного самосознания и указания народу великих целей” (Полн. собр. соч. Генрика Ибсена. М.: Изд. С. Скирмунта, 1906. Т. 8. С. 147).

...*в стихах, где он вопрошает норвежских поэтов, “не на пользу ли народа дан им поэтический дар...* – Стихотворение Г. Ибсена “Норвежским скальдам” на русский язык не переводилось. Блок цитирует его прозаический пересказ по статье А. и П. Ганзен “Жизнь и литературная деятельность Генрика Ибсена”, помещенной в Полном собрании сочинений Генрика Ибсена (М., 1907. Т. 1 С. 31): «В стихотворении, посвященном “Норвежским скальдам” и относящемся к 1850 г., Ибсен вопрошает поэтов: зачем они все грезят о далеких временах прошлого, о “похороненной старине”, копаются в “истлевших памятниках”? Разве поэтический дар дан им не для служения “на пользу народу, который требует, чтобы восторженные уста скальда истолковывали его (народа) горести, его радости и его порывы”?»

...*в драме Катилины – заговорица с социалистическим духом.* – В 1918 г. Блок вновь обратился к ранней драме Г. Ибсена “Катилина”. См. статью “Катилина” в т. 9 наст. изд.

“*Каждый художник, я думаю, должен быть публицистом в душе*”, – говорил *Михайловский*. – *Михайловский Н.К.* Г.И. Успенский: Литературная характеристика. С. 82.

С. 10. ...*он твердо пойдет по этому пути к той вершине ~ наших долинах...* – Мотив восхождения к вершинам из долин как символ духовного очищения и обретения красоты неоднократно используется в драмах Г. Ибсена (“Бранд”, “Когда мы, мертвые, пробуждаемся”). Блок использовал этот мотив в наброске неосуществленной драмы “Дионис Гиперборейский” (ЗК₁₅. 29 декабря 1906 г.).

Новейшие исследователи говорят нам о том, что польза и красота совпадали в народном творчестве ~ рабочая песня – была неразрывно, ритмически связана с производимой работой. – См. коммент. выше. Говоря о научных исследованиях, Блок

имеет в виду классическую работу Карла Бюхера “Работа и ритм” (отдельное издание: *Bücher K. Arbeit und Rhythmus. Leipzig, 1899*). См. также изложение и развитие концепции Бюхера в статье Ф. Зелинского “Рабочая песенка” (*Зелинский Ф. Из жизни идей. СПб., 1904. Т. 1; 3-е изд. СПб., 1916*). Последнее издание было в библиотеке Блока, ныне его местонахождение неизвестно (*ББО-З. С. 227*).

С. 10. Творчество Ибсена говорит нам, поет, кричит, что ритм нашей жизни – долг. – Долг – одна из ведущих тем в творчестве Г. Ибсена (См., напр., драмы “Бранд”, “Борьба за престол”, “Комедия любви”, “Катилина”).

...между Сциллой красивых, легких пьяных струй, за которыми легко хмелеющую душу дразнит недостижимый призрак прекрасного, и Харибдой тяжелых, недвижных и непроницаемых скал... – В греческой мифологии – чудовища, жившие у пролива между Италией и Сицилией. Проход между ними был чрезвычайно опасен. См. воспроизведение этого мифа в “Одиссее” Гомера (Песнь XII).

Что ты сделал, что ты сделал? / Исходя слезами, / О, подумай, что ты сделал / С юными годами! – Из стих. П. Верлена “Синева небес над кровлей...” (1873. Пер. Ф. Сологуба). 2 декабря 1907 г., в ответ на полученный от Сологуба сборник П. Верлена “Стихи, избранные и переведенные Ф. Сологубом” (СПб., 1908), Блок писал, что это стихотворение было для него “одним из первых острых откровений новой поэзии”. По словам Блока, оно было связано для него “с музыкой композитора С.В. Панченко” (о взаимоотношениях Блока и Панченко см.: *Миц З.Г., Лавров А.В. Письма С.В. Панченко к Блоку / Предисл. и коммент. А. Лаврова // БС-14. С. 208–274*).

...вмешательство какого-то Демидурга, который истолчет в одном глубоком чане душу красивой бабочки и тело полезного верблюда... – По предположению Н. Пустыгиной, «в этих рассуждениях Блока содержатся идеи, ведущие к литературно-философской повести Тургенева “Довольно”», в которой красота, искусство сравнивается с “бабочкой, которой и не нужно бесконечно жить (...) ей довольно и одного мгновенья” (*Пустыгина Н. “Тургеневские истоки” в творчестве Блока // БС-14. С. 123–124*).

С. 11. Чтобы слово стало плотью... – Парафраза евангельских слов “И Слово стало плотью, и обитало с нами, полное благодати и истины, и мы видели слову Его, славу, как единородного от Отца” (Ин 1:14).

“Собрание, книга стихов ~ для других не нужными”. – Гиппиус З. Необходимое о стихах // Гиппиус З. Собрание стихов. 1889–1903. М., 1904. С. I, III.

...“все игра, усмешка на все, сомнения во всем – последняя мудрость мещанства”, как недавно удивительно глубоко писал Мережковский. – Мережковский Д.С. Цветы мещанства // Р. 1908. № 35. 10(23) февр.

С. 11. ...волнует нас “театр будущего”... – Проблема “театра будущего” активно обсуждалась в символистской эстетике. Под воздействием теоретических трактатов Р. Вагнера “Опера и драма”, “Искусство и революция”, а также книги Ф. Ницше “Рождение трагедии из духа музыки”, в статьях Вяч. Иванова, А. Белого развивались идеи преобразования старого театра и его слияния с религиозным творчеством. Ср., напр.: «Бесплодные попытки установить связь между проблемой рампы и вопросом: что должно быть предметом грядущей драмы? Ибо всему должно быть в ней простор: трагедии и комедии, мистерии и лубочной сказке, мифу и обществу. Все дело не в “что?”, а в “как?”, – “как”, понятом равно в смысле музыкальном и психологическом и в смысле выработки форм, внутренне способных нести динамическую энергию будущего театра» (*Иванов Вяч. Предчувствия и предвестия: Новая органическая эпоха и театр будущего // ЗР. 1906. № 4, 5/6*).

...неустающий рог заблудившегося героя. – Имеется в виду герой тетралогии Р. Вагнера “Кольцо нибелунга” Зигфрид (ср. появление этого образа в ранних редакциях драмы “Песня Судьбы”. См.: Т. 6 наст. изд.). Звук рога – один из тембровых лейтмотивов Зигфрида в партитуре тетралогии (см. подробнее: *Магомедова Д.М. Блок и Вагнер // Магомедова Д.М. Автобиографический миф в творчестве А. Блока. М., 1997. С. 96–101*).

О ТЕАТРЕ

(С. 11)

Автограф неизвестен.

ЗР – авторские экземпляры журнала (1908. № 3/4; № 5) в библиотеке Блока с его пометами и исправлениями опечаток (ББО-3. С. 175) – ИРЛИ. В № 5 на с. 58 отчеркнуты на полях простым карандашом слова: “Только почуяв почву ~ против нас”; и “Лишь тогда, когда за наши рамплы ~ актерскими дарованиями”.

Впервые напечатано: ЗР. 1908. № 3/4. С. 78–86; № 5. С. 51–59. Подпись: Александр Блок.

В Собрание сочинений впервые включено: СС-Берлин. Т. 7. С. 94–106.

Печатается по тексту первой публикации с учетом авторского исправления опечаток, а также со следующими смысловыми исправлениями:

С. 12, стр. 22: и ставящих их *вместо*: и ставящие их

С. 21, стр. 18: Картина очень неприглядная. *вместо*: Критика очень неприглядная.

С. 22, стр. 1: отдали роль *вместо*: отдала роль

С. 27, стр. 41: внутренне равнодушной *вместо*: внутренне радушной

С. 33, стр. 13: посторонними искусству соображениями, *вместо*: постороннему искусству соображениями,

Статья представляет собой текст лекции, прочитанной Блоком 18 марта 1908 г. в зале Театрального клуба (Литейный проспект, 42).

Работа над текстом была начата не позднее середины февраля 1908 г. и продолжалась до 18 марта 1908 г. Впервые концепция статьи в целом излагается в письме к Л.Д. Блок 23 февраля. В письмах к матери и жене в феврале–марте 1908 г. Блок сообщает о работе над статьей-лекцией и о возможной дате ее публичного чтения: “В конце третьей или четвертой недели я читаю лекцию о театре” (письмо к Л.Д. Блок от 27 февраля 1908); “Лекция моя почти решена – в Благовещенье (вторник 4-ой недели). Ты непременно послушай” (письмо к матери 2 марта 1908); “Неужели ты не приедешь на мою лекцию? Она – во вторник, 18-ого, без прений, это уже всюду напечатано, и билеты продаются, сейчас мне привезли афишку (...). Сижу и готовлюсь к лекции” (письмо к матери 5 марта 1908); “Все время готовлюсь к ней, она почти кончена” (письмо к матери 12 марта 1908). Правка текста шла, очевидно, до последнего дня перед выступлением. 17 марта Блок упоминает в ЗК₂₀ о работе над переделкой текста статьи в лекцию (см. с. 307 наст. тома).

О выходе в свет майской книжки “Золотого руна” Блок сообщает матери 13 июля 1908 г.: “Вышло Руно с концом статьи о театре”.

* * *

Замысел статьи возник у Блока еще в конце 1906 г., как это явствует из записи 29 декабря (ЗК₁₅): «Большую статью о театре, все выдающиеся мнения последних лет, выводы, надежды. Сюда же попадет искусство и революция, что пора выяснить. Г-н “Гидони” со своими “прокламациями со сцены”, по рассказу Пяста. Анкета Чуковского. Дымов о “земле”. Статья Г.И. Чулкова о Метерлинке и мне в “Молодой жизни” (№ 4)».

Обсуждая с В.Я. Брюсовым осенью 1907 г. свое возможное участие в предполагаемом издании “Литературных приложений” к газете “Голос Москвы”, Блок пишет 20 октября: «В ближайшем будущем мне хочется на страницах “Голоса Москвы” возвратиться к театру Коммиссаржевской в особенности и к некоторым другим петербургским постановкам». В ответ на уточнение В.Я. Брюсова в письме к Блоку (между 20 и 26 октября), что газете необходимы “статьи, а не отчеты” (ЛН. Т. 92. Кн. 1. С. 504), Блок в письме от 26 октября конкретизирует свой замысел: «О театре я совсем не думал давать

отчетов, но, напротив, принципиально обсудить “мейерхольдию” и кое-что еще (антрепризы Санина, Красова) – сравнительно». Издание “Литературных приложений” к “Голосу Москвы” не осуществилось (см. об этом: *ЛН*. Т. 92. Кн. 1. С. 505–506). Однако мысль о большой работе, посвященной проблемам современного театра в связи с его историей, остается для Блока актуальной. Осенью 1907 г. он начинает заниматься историей театра: в *ЗК*₁₇ содержится библиографический список по этому вопросу. В начале 1908 г. Блок называет задуманную статью в числе важнейших программных произведений этого периода. 8 января 1908 г. Блок пишет матери: «Я должен установить свою позицию и свою разлуку с декадентами путем ряда статей (о театре, о критике, об Ибсене) хотя бы в “Золотом руне”».

Внешним поводом к осуществлению замысла явилось предложение принять участие в лекциях, организованных Театральным клубом. Ср. анонс в газете “Свободные мысли” (1908. № 43. 3 марта. Рубрика “Календарь писателя”): «В Театральном клубе организован целый ряд лекций по искусству и театру, начиная с 7-го марта по вторникам и пятницам. Лекторами явятся: 7-го марта – С.К. Маковский (“Родэн и современная скульптура”), 11-го марта – Н.К. Рерих (“Начало искусства”), 14-го марта – А.Р. Кугель – Homo Novus – (“Мысли о театре”) 18-го марта – Александр Блок (“О театре”), 21-го марта – Иван Рукавишников (“Искусство – религия”), 25-го марта – А.А. Ростиславов и В.Я. Курбатов (“Красота старины”), 28-го марта – О.Г. Эттингер (“Генрих Ибсен”) и 1-го апреля – Л.С. Бакст (“Будущая живопись и ее отношение к античному искусству”)». См. также объявление и афишу-листовку в разделе “Театр и музыка” газеты “Речь” (1908. № 66. 18 марта).

В письме к Л.Д. Блок 23 февраля 1908 г. Блок излагает тезисы будущей лекции: «Вкратце – вот в чем дело:

Интеллигентный театр приходит к концу. Та интеллигенция, для которой играете теперь вы и остальные, – одинаково не может быть показателем реальности театрального дела. Современный репертуар от Шпажинского до Метерлинка – может быть подвергнут критике и подлинному суду – *не* перед лицом этой интеллигенции, для которой *все* равно, забавно или скучно, а только перед лицом будущего: 1) отдаленного; тогда – нужно слушать Вагнера, Ницше, Ибсена, социалистов, философов и т.д., 2) перед лицом *ближайшего* будущего, в котором единственно реальным и имеющим почву учреждением по части театра будет *народный театр*. Только народ покажет истинную ценность той драматургии, о которой умирающая интеллигенция может судить только случайно и необоснованно. Вот почему так остро стоит вопрос о *мелодраме*, о *пользе* (русский утилитаризм), о *содержании*.

Статистика показала с очевидностью, что 1) театр необходим для народа, и в России развивается очень успешно народный театр, 2) что народу чужды и отвратительны какие бы то ни было тенденции и поучения со сцены, 3) что народ способен воспринимать и ценить именно тот пафос высокой драмы и трагедии (например, “Гроза”) и высокой комедии (например, “Женитьба”), который более не воодушевляет современную театральную публику, но о котором мечтают передовые люди эпохи.

Только в том театре, который имеет реальную почву перед собой, 1) *сам собою* разрешится совершенно спорный для *нас* вопрос о нужности или ненужности Метерлинка, Гофманстала, Ведекинда и т.д., 2) сами собою отпадут *модные* и *тоже* неразрешимые теперь вопросы о первенстве режиссера или автора, об актерских соревнованиях и интригах, доходящих до абсурда, и т.д.

Реальную почву может иметь теперь, конечно, только *народный театр* в самом широком смысле (фабричный, сельский, солдатский и т.д.), потому что только *свежая* публика достойна уважения, а без публики – нет театра (независимо от всех возможных “студий”, которым можно предоставить самое широкое развитие). Потому необходимо приглашать всех вас (стоящих) к этой работе, в которой место нудных вопросов о количестве таланта, техники, голоса и т.д. – занимает *живая работа*.

На эту тему я, вероятно, и прочту лекцию...»

В цитированном письме находят свое отражение почти все проблемы будущей лекции-статьи: критика современного репертуара, вопрос о народном театре, о необходимой театру “свежей публике”, о неразрешимости в современном “интеллигентном театре” вопросов об истинной ценности драматургии, о взаимоотношениях автора, режиссера и актера.

О возможных дополнениях к лекции-статье Блок продолжал размышлять даже в день ее публичного чтения. 18 марта 1908 г. он записывает в *ЗК₂₀*: “Об элементах будущей драмы в современной драматургии (герой и т.д.). О том, что кинематограф не заменит. О слабых ростках и больших обещаниях. Кинематография – забвение, искусство – напоминание”. Текст лекции, ее план, очевидно, существенно не отличался от опубликованного, поскольку программа, аннотированная на афише (*РГАЛИ*; воспроизведена: *ЛН*. Т. 89. С. 233), совпадает с текстом подзаголовка статьи.

Судя по структуре заглавия статьи (ср.: “О реалистах”, “О лирике”, “О драме”), Блок отчасти связывал ее с продолжением своих “хроник” в “Золотом руне”. Ввиду большого объема статьи, Блок был вынужден при публикации разделить ее на две части. Однако Г.Э. Гастевен, секретарь журнала “Золотое руно”, сообщая Г.И. Чулкову о скором выходе майского номера журнала, писал: “Мне кажется, что большой недостаток статей Иванова и Блока – это их большой объем, который прямо давит №” (*ЛН*. Т. 92. Кн. 3. С. 328).

Отзывы прессы и читателей относятся как к лекции Блока, так и к тексту, напечатанному в “Золотом руне”.

Еще 4 марта 1908 г., в газете “Обозрение театров” Н. Шебуев в заметке о Театральном клубе откликнулся на опубликованное в газете “Свободные мысли” расписание будущих лекций (см. с. 304 наст. тома): “...я порадовался теперь, когда опубликованы программы чтений (...) Все чтения отданы театру и искусству; о театре читают: А.Р. Кугель, Александр Блок. (...) Наконец-то Театральный клуб получит духовную связь с театром. И за эту связь надо ухватиться обеими руками” (Обозрение театров. 1908. № 349. 4 марта). Отчет о лекции в газете “Биржевые ведомости” представляет собой краткое изложение основных тезисов доклада. По мнению рецензента, современное положение театра “рисуетя г. Блоку в довольно мрачных красках” (*М.Б.* ⟨Манасевич-Мануйлов И.Ф.⟩. *БВ*. 1908. № 10411. 19 марта. Веч. вып.). Рецензент “Речи” пишет: “Вряд ли кто-нибудь из пришедших на лекцию ожидал встретить в мирном поэте Савонаролу театра, презирающего лицедея, режиссера, а больше всего зрителя, бестолкового и неумеренного в своих требованиях”. Рецензента “поражает вывод лектора о необходимости народного театра, куда будет ходить не пресыщенная буржуазия, а демократическая интеллигенция, которая выйдет из крестьянской и рабочей среды”. В заключение рецензент отмечает: “Лекция успеха не имела, и, оставаясь верной себе, публика, откуда не пришел народный театр, была холодна и сдержанна” (*Ир.* ⟨Гликман В.Я.⟩. Лекция Александра Блока // *Р*. 1908. № 68. 20 марта). Анонимный рецензент газеты “Русь” в отчете о лекции, изложив ее тезисы, отметил: “Во всей лекции ни слова критики в адрес драматургов” (Русь. 1908. № 79. 20 марта).

Присутствовавший на лекции журналист М. Лев (Максим Михайлович Асс) прислал Блоку письмо ((март–апрель 1908)), в котором сообщал: «Я разделяю многие положения, высказанные Вами в недавней лекции “О театре”. Уверенный, что Вы, уважаемый поэт, человек, далекий от неврастенической “интеллигенции”, увлекающейся Мережковскими несуразностями, Ибсеновской сухостью, Пшибышевским и Ведехиндом, я охотно поделился бы с Вами многими чаяниями и надеждами о воссоздании театра “большого действия и сильных страстей”» (*РГАЛИ*. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 315а).

После выхода в свет полного текста статьи рецензент “Речи” в разделе “Художественные вести”, обзревая последние номера журналов, отмечает: «Интересны статьи Блока “О театре”, Вяч. Иванова “Две стихии в современном символизме” и “Ответ Д.В. Философову” художника Бенуа» (*Р*. 1908. № 159. 2(15) июля). Газета “Столичная

молва” помещает заметку С.Б. “В тупике: Кризис декадентства”: «Брат восстал на брата, “Весы” на “Золотое руно” и обратно. Но изредка и прозвучит в этой полемике верное слово, блеснет верная дорожка. В этом отношении последняя (5-я) книжка “Золотого руна” очень поучительна.

Вы там прочтете осуждение, отрицание декадентства, редакция стремится откреститься от этого ярлычка и поминутно кричит:

– Просим не смешивать! Остерегаться подделок!

Дальше г. Блок посмеивается над “стилизацией” Мейерхольда (о, неблагодарный!) (...)

А что как не “маска ученого мастерства, как удочка для легковерной толпы”, рассуждения г. Блока о том, что театральная публика почти целиком состоит из обреченных смерти и что мы, художники, никогда не примем их суда над своим истинно-живым вдохновением».

Актер и театралный критик Б. Глаголин откликнулся на статью фельетоном “Театральная тайна” (Журнал театра литературно-художественного общества. 1908. № 9. Подпись: “-нэ”; перепечатано под названием: “О театральной лекции А. Блока” в кн.: *Глаголин Б.* За кулисами моего театра. СПб., 1911. С. 24–27), в котором упрекал Блока в непонимании специфики взаимоотношений актера, режиссера и драматурга, в преувеличении роли автора в театре: “Это ужасно старая вещь – лезть со своим уставом в чужой монастырь, и господа авторы из модернистов неоднократно попадают в этой банальности. Мнить себя хозяином театра, т.е. не признавать за ним самостоятельности, – это попросту не быть хозяином своей специальности.

Подумаешь, какая тревога, что его не так поймут, извратят, поставят не в той обстановке! Если вы настоящий драматург, то извольте вообразить себя Шекспиром в гробу: от вас никаких ни пояснений, ни руководств не требуется; кроме талантливой пьесы – ничего! В ней вы весь, и вне ее вы уже ничто или того хуже – посредственность. Всякое искусство требует своего специального таланта, и если это театр, то и дайте ему ваши книги в руки. Все, что в пьесе есть драматического, все в ней и останется и перейдет за рампу, невзирая на плохое исполнение” (С. 11).

В 1910 г. В. Львов-Рогачевский в статье «“Лирика современной души”: Русская литература и группа символистов» связывал статью “О театре” с общими усилиями младших символистов к преодолению элитарной замкнутости художественного творчества: «На этих избранных, на “культурное общество”, на меценатов, на тех, “кто к вечным жемчужинам духа относится как к новым сортам сигар”, обрушиваются Александр Блок, Андрей Белый, Эллис, З. Гиппиус и другие. (...) В своей статье “О театре” Александр Блок, переживший постановку своего “Балаганчика”, жаждет новой публики, новой интеллигенции, ибо “публика наших дней состоит почти целиком из ‘обреченных смерти’”. Он восторгается свежими зрителями народных театров, рабочими и крестьянами. (...) Нужно правду сказать, порвать со старым заказчиком, с обреченными смерти, с пресытившимися, и связаться с пролетариатом, с народом, нашей группе символистов не удалось: она была гораздо ярче, она умела находить тон и крылатое слово. Когда пела о переживаниях своей уединенной души; но ее причитания, душеспасительные хлопоты о народе, ее гражданские вздохи никого не трогали, более того – раздражали и оскорбляли» (*СоврМ.* 1910. № 9. С. 128).

В 1913 г. В. Львов-Рогачевский вновь ссылается на этот фрагмент статьи Блока уже в связи с поисками нового героя современной литературы: «Но где же новые герои, где новый человек, где сильные люди, закаленные и не уступающие?»

Нет их среди ультраиндивидуалистов, переутомленных утонченников, нет их среди опускающихся и кающихся интеллигентов, ушедших в свое “уединенное”, в свои интимные переживания. Там нет темы и нет героя. И это почувствовали даже художники модернисты, наиболее талантливые и искренние» (*Львов-Рогачевский В.* Без темы и без героя // *СоврМ.* 1913. № 1. С. 116).

Работа над текстом лекции оказалась для Блока поводом для размышлений над стилем его прозаических сочинений. 17 марта, за день до выступления в Театральном клубе, он писал в ЗК₂₀: “Переправляя статью о театре для завтрашней лекции, увидел, что пишу втрое длинней, чем надо: жидко. Если соберусь выпустить книгу, будет плодотворная работа сокращения: тут и вырабатывается стиль – не газетный и даже не журнальный, а – книжный: краткий, острый язык”.

Блок остался доволен впечатлением от лекции. В письме к Л.Д. Блок 21 марта 1908 г. он сообщает: “Моя лекция имела, в сущности, большой успех. Читал я хорошо”. О том же – в письме к Белому 25 марта 1908 г.: “Читал лекцию о театре – успешно. Во многих мыслях мы с тобой сходимся”.

В (Плане собрания сочинений) включена в раздел “Театр”.

С. 12. Пускаться в общие рассуждения о театре далекого прошлого и отдаленного будущего у меня нет охоты. – Полемиический выпад против утопических теорий (Вяч. Иванова, Г. Чулкова, В. Гофмана), апеллирующих к опыту античного театра и требующих превращения современного театра в культовое действо. В своем неприятии этих теорий Блок смыкается с критиками “Весов” (см., напр., статью Элліса “Что такое театр”: “Когда у тебя ровно ничего нет в настоящем, когда плохо представляешь прошедшее и нечего ждать от ближайшего будущего, остается одно – пророчествовать в стиле plusquamfuturum” (В. 1908. № 4. С. 86). В то же время в позитивной части своей статьи Блок расходится с московскими символистами (см. ниже).

“История” П.О. Морозова... – Морозов П.О. История русского театра до половины XVIII столетия. СПб., 1889. Книга сохранилась в библиотеке Блока, на полях имеются пометы (См.: ББО-2. С. 161–162).

...труда Божерянова... – Божерянов И.Н., Карпов Н.Н. Иллюстрированная история русского театра XIX века. СПб., 1903.

...русские писатели, хотя и не специалисты ~ ставящих их в связь с общими вопросами культуры. – Имеются в виду прежде всего статьи писателей-символистов. См., напр.: Брюсов В. Ненужная правда // Мир искусства. 1902. № 4. С. 67–74; Белый Андрей. Символический театр: К гастроллям театра Коммиссаржевской // Утро России. 1907. № 1. 16 сент.; Символический театр: По поводу гастролей Коммиссаржевской // Утро России. № 11. 28 сент.; Смерть или возрождение: “Жизнь Человека” Л. Андреева // Литературно-художественная неделя. 1907. № 1. 17 сент.; Иванов Вяч. О веселом ремесле и умном веселии // ЗР. 1907. № 5. С. 47–55; Антон Крайний [Гиппиус З.Н.]. Что и как // НП. 1904. № 5. С. 251–267 и др. См. также статьи, входящие в сб. “Театр: Книга о новом театре” (СПб., 1908).

...обманчивая прелесть “чеховщины” ~ театра Коммиссаржевской в течение полоторых сезонов... – Блокская характеристика современного состояния театра совпадает с оценкой А.В. Луначарского в статье “Социализм и искусство” (см. в кн.: Театр: Книга о новом театре). Ср.: «Если бы случайное совпадение с расцветом драматургии Чехова не придало репертуару театра чуточку “чеховщины”, то репертуар этот был бы прямо тем, что называется с бору и с сосенки. Театр отказывается от роли культурного проводника тех или иных настроений культурного порядка. (...) Он внес новые приемы постановки, но не внес культурной струи» (С. 37). “Как театр бегства от действительности – театр Коммиссаржевской поработил самую душу драматического искусства, – движение, борьбу, страсти, – пластике и живописи: тона, пятна, позы – вот за чем гонялись, и жизнь превращена была в какой-то медленный танец бескровных теней. (...) При подобном направлении театр Коммиссаржевской (...) не мог бы привлечь в свои стены новую свежую публику, ту, при соприкосновении с которой оживет драма, оживет сцена” (С. 38–39).

С. 13. ...надменные слова лорда Байрона ~ равеннская трагедия... – Блок цитирует по изданию, сохранившемуся в его библиотеке: Байрон Д.-Г. [Сочинения]. Т. 1–3. СПб.: Изд.

Брокгауз-Ефрон, 1905. Т.2. С. 159–160. (Б-ка великих писателей / Под ред. С.А. Венгерова). См.: ББО-1. С. 16.

С. 14. *“Недавно шел дождь ~ пятнышка”* (из воспоминаний Паульсена). – Воспоминания Д. Паульсена цитируются во вступительной статье А. и П. Ганзен *“Жизнь и литературная деятельность Генрика Ибсена”* к Полному собранию сочинений Генрика Ибсена в 8-ми т. (М.: Изд. Скирмунта, 1907. Т. 1. С. 208). Издание сохранилось в библиотеке Блока. Цитируемый фрагмент отчеркнут на полях и подчеркнут в тексте синим карандашом (ББО-1. С. 289).

...когда актеров спрашивали ~ ничего не говорил”. – Отрывок из воспоминаний норвежского писателя Й. Паульсена (Там же. С. 80). Цитируемый фрагмент отчеркнут (ББО-1. С. 287).

Актриса Вольф вспоминает ~ упрямство и злость. – Там же. С. 80–81. Цитируемый фрагмент отчеркнут (ББО-1. С. 287).

“Приходится брать людей театра, каковы они есть. Когда-нибудь да опомнятся”. – Цитата из дневника немецкого литератора М.-Г. Конрада приводится по статье А. и П. Ганзен *“Жизнь и литературная деятельность Генрика Ибсена”* (С. 230). Цитируемый фрагмент подчеркнут (ББО-1. С. 289).

“Не может быть, чтобы такие артисты играли плохо ~ лучшими”, – сказал раз Ибсен мемуаристу. – Фрагмент из воспоминаний Йозефсона (Там же. С. 234). Цитируемый фрагмент подчеркнут (ББО-1. С. 289).

С. 14–15. *Говорят, он знал и помнил в совершенстве ~ мечте*. – Пересказ воспоминаний Й. Паульсена в статье А. и П. Ганзен *“Жизнь и литературная деятельность Генрика Ибсена”*: *“Ибсен ведь тысячу раз видел пьесу в своем воображении, – пишет Паульсен, – знал каждое лицо с головы до пят, и наружность его, и платье, и осанку, и жесты, и привычки, и слабости. Он знал, например, – высокого или маленького роста Нора, блондинка или брюнетка, какая у нее походка – быстрая или медленная, он изучил каждую малейшую особенность ее существа. {...} А на самом спектакле разработанной воображением Ибсена в мельчайших подробностях картине приходится вступать в борьбу с сценической действительностью. И ему тяжело видеть, как сценическое воображение разрушает его мечты”* (С. 233–234). Цитируемый фрагмент отчеркнут (ББО-1. С. 289).

С. 16. *...по слову Писания, “свяжут руки и поведут туда, куда не хочешь”*. – Неточная цитата из Евангелия: *“А когда состареешься, то прострешь руки твои, и другой препояшет тебя, и поведет, куда не хочешь”* (Ин 21: 18).

...многое уж невозможно ныне: ~ Как Ангелы про Бога говорят. – Из стих. Вл. Соловьева *“Имману-Эль”*. В библиотеке Блока имелось издание: *Соловьев Вл. Стихотворения*. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1900. Цитируемое стихотворение на с. 63 отмечено знаком косоугольного креста, первые две строки подчеркнуты (см.: *Максимов Д.Е. Ал. Блок и Вл. Соловьев: (По материалам из библиотеки Ал. Блока) // Творчество писателя и литературный процесс: Межвузовский сборник научных трудов. Иваново, 1981. С. 144).*

...“исполнением всякой правды”... – Неточная цитата из Евангелия. В ответ на слова Иоанна Крестителя *“Мне надобно креститься от Тебя, и Ты ли приходишь ко мне?”* Иисус говорит: *“Оставь теперь; ибо так надлежит нам исполнить всякую правду”* (Мф 3: 14/15).

С. 17. *...(вроде молодого Сальвини или Цаккони)...* – Густав Сальвини (1859–1930) – знаменитый итальянский трагик, сын великого актера Томазо Сальвини (1829–1915). Эрmete Цаккони (1857–1948) – итальянский трагик, неоднократно гастролировавший в России (Блок мог видеть его на сцене во время гастролей в 1898 г.).

...слышны звонкие удары человеческого молота. ~ идет к своему возрождению... – Данный фрагмент восходит по меньшей мере к двум источникам. Первый – эпизод *“ковки меча”* из оперы Р. Вагнера *“Зигфрид”* (III часть тетралогии *“Кольцо нибелунга”*), символизирующему для Блока героическое самоопределение личности (см. об этом:

Магомедова Д.М. Блок и Вагнер // Магомедова Д.М. Автобиографический миф в творчестве А. Блока. С. 91–92). Второй – эпизод из повести Л.Н. Андреева “Тьма” (1907). Душевный кризис, переживаемый героями повести, революционером-террористом и проституткой из публичного дома, описан следующим образом: “И он рассказывал дальше. И удивительное дело: лед превращался в огонь, в похоронных отзвуках его прощальной речи для девушки с открытыми горящими глазами вдруг зазвучал благовест новой, радостной, могучей жизни. Слезы быстро накопились на ее глазах и сошли, словно на огне; взволнованная мятежно, она жадно слушала, и каждое тяжелое слово, как молот по горячему железу, ковало в ней новую звонкую душу. Равномерно опускался молот, и все звонче становилась душа, – и вдруг в душном сраде комнаты громко прозвучал новый, незнакомый голос – голос человека” (Андреев Л.Н. Собр. соч.: В 6 т. М., 1990. Т.2. С. 301). См. подробнее об отношении Блока к этому рассказу: С. 356 наст. тома, а также т. 6 наст. изд.).

С. 17. *Элида* – героиня пьесы Г. Ибсена “Женщина моря”.

...“старая кляча, идущая ломать своего Шекспира”... – Из пьесы А. Дюма-сына “Кин, или Беспутство и гений” (д. IV, сд. 8). В качестве эпиграфа использовано в стих. “Балаган” (см. подробнее: Т. 2 наст. изд. С. 702).

С. 19. “Обновление началось в сердцах режиссеров ~ возрождения игры актера”. – Из статьи: Аничков Е.В. Традиция и стилизация // Театр: Книга о новом театре. С. 63.

“Режиссер теперь самодержец театра, – говорит А. Белый. ~ быть мистагогом толп”. – Белый Андрей. Театр и современная драма // Там же. С. 286.

...“А. Блок боится, что актеры такого театра ~ верно понял режиссера”. – Мейерхольд Вс. Театр: (К истории техники) // Там же. С. 286.

С. 20. ...погасла сама страсть, по уверениям по крайней мере Мориса Метерлинка. – В статье “Новая драма” (пер. Н.М. Минского), вошедшей в книгу “Двойной сад”, М. Метерлинка писал: “Нельзя отрицать, что на современной сцене разыгрывается гораздо менее бурных и необыкновенных приключений, чем на прежней. Кровь проливается все реже и реже. Страсти становятся все менее буйными, героизм – все менее суровым, мужество – все менее диким и менее материальным” (цит. по совр. изд.: Метерлинк М. Разум цветов. М., 1995. С. 51). В библиотеке Блока имелось французское издание: Maeterlinck M. Le Double Jardin. P., 1905). В составленном Блоком каталоге книг его библиотеки на иностранных языках против заглавия помета: “продано” (ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 3. № 102. Л. 50).

...человек эпохи “крушения индивидуализма”. – Отсылка к названию доклада К.И. Чуковского “Крушение индивидуализма в современной русской литературе”, прочитанном 22 декабря 1907 г. в Санкт-Петербургском Литературном обществе (Календарь писателя // Свободные мысли. 1907. № 32. 24 дек.).

С. 22 ...как одно действующее лицо в “Призраках” Леонида Андреева. – Студент, эпизодическое лицо рассказа.

...заведется тоска и запоет вблизи, как шарманчик на дворе... – Автореминисценция из стих. “Хожу, брожу понурый...” (1906). См.: Т. 2 наст. изд. С. 132.

С. 23. ... (“Царь Голод”, начало четвертой картины). – По воспоминаниям С. Сергеева-Ценского, Блок присутствовал на первом авторском чтении пьесы “Царь Голод” 9 октября 1907 г. на квартире Андреева (см.: Сергеев-Ценский С. Воспоминания // Октябрь. 1965. № 9. С. 212–213). Пьеса вышла отдельным изданием в феврале 1908 г.: Андреев Л. Царь Голод. СПб.: Шиповник, 1908. 7 марта 1908 г. Блок писал жене: “Андреев прислал мне Царь Голод с очень хорошей надписью. Это – очень замечательное произведение”. По сообщению В.Н. Орлова, Андреев сделал следующую дарственную надпись: “Дорогому Александру Александровичу Блоку – с крепкой верой в его прекрасный талант и светлое будущее. Леонид Андреев” (ЛН. Т. 89. С. 223). В ББО-1–3 описание книги отсутствует.

...статья “нищим духом”. – Мф 5: 3.

С. 23. *“Надо же человеку, чтобы было, куда пойти”*, – говорил Достоевский. – Слова Мармеладова из романа “Преступление и наказание” (Ч. I. Гл. 2).

С. 24. *Кто-то строгий отпустил наконец рабов своих, но отпустил не с миром...* – Неточная цитата из Евангелия: “Тогда был в Иерусалиме человек, именем Симеон. Он был муж праведный и благочестивый, чающий утешения Израилева; и Дух Святы́й был на нем. Ему было предсказано Духом Святым, что он не увидит смерти, доколе не увидит Христа Господня. И пришел он по вдохновению в храм: и, когда родители принесли младенца Иисуса, чтобы совершить над Ним законный обряд; Он взял Его на руки, благословил Бога, и сказал: Ныне отпускаешь раба Твоего, Владыко, по слову Твоему, с миром” (Лк 2: 25–29). В то же время данный фрагмент отсылает и к статье Андрея Белого “Вольноотпущенники”, где при описании утраты критериев истинного и ложного в искусстве использована та же метафора отпущенного раба: “Ныне талант окружен ореолом из рабов. Раб знает, что любезнейший из друзей патрон отпускает на волю. А вольноотпущенник в наши дни – это первый претендент на литературный трон патрона. Об этом постарается и патрон, и его критики. Об этом позаботится сам вольноотпущенник. Потому что как же иначе? Вольноотпущенник закупит себе рабов. У вольноотпущенника будут свои вольноотпущенники. (...) Отсюда мораль: не отпускай на волю рабов – не правда ли? Нет, не правда: не имей рабов, не останавливайся в покоренной стране, оставайся воином вольным; все вперед, все вперед. (...) Посмотрите на молодую русскую литературу: каждый месяц восходит в ней новая звезда; и в следующий месяц она закатывается. Легко восходит и легко ниспадает; это все потому, что в новейшей литературе русской уже нет почти воинов: есть вольноотпущенные рабы и вольноотпущенники вольноотпущенников” (В. 1908. № 2. С. 70).

...*“лесная топь”*. – Название рассказа С. Сергеева-Ценского (см. о нем в статье “О реалистах” – Т. 7. наст. изд. С. 56).

...*морская прогулка беклиновских кентавров, речное веселье красивых наяд*. – Излюбленными темами картин швейцарского художника-символиста Арнольда Бёклина (1827–1901) были мифологические, исторические и аллегорические сюжеты. Ему принадлежат циклы картин о кентаврах (“Кентавр и нимфы”, “Битва кентавров”, “Кентавр у кузнеца”, “Несс и Деянира”) и о наядах (“Наяда”, “Игры наяд”, “Игры в воде”). На популярность Бёклина в России в 1900–1910-х годах указывает тот факт, что одно из писем Андрея Белого к Блоку от 23 сентября 1903 г. послано на открытке с изображением картины “Кентавр в кузнице” (РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 148). В предисловии “От автора” к мемуарам “Начало века” (1933) Белый писал: «Ну кто станет затевать в полях “галоп кентавров”, как мы, два химика и этнограф (я, С.Л. Иванов, В.В. Владимиров)? Но “кентавр”, “фавн” для нас были в те годы не какими-нибудь “стихийными духами”, а способами восприятия, как Коробочка, Ячница, образы полотен Штука, Клингера, Бёклина; музыка Грига, Ребикова; стихи Брюсова, мои полны персонажей этого рода; поэтому мы, посетители выставок и концертов, в наших шутках эксплуатировали и Бёклина, и Штука, и Грига; и говорили: “Этот приват-доцент – фавн”» (*Белый Андрей*. Начало века. М., 1990. С. 18–19).

...*бьет бичом Судьбы...* – Автореминисценция из 5-й картины пьесы “Песня Судьбы”, над которой Блок работает в этот период.

...*“ведет его туда, куда он не хочет”*... – См. выше, с. 308 наст. тома.

...*новое “разрушение эстетики”*. – “Разрушение эстетики” – название статьи Д.И. Писарева (1865).

С. 24–25. ...*глубокое противоречие: мука о красоте. ~ Чему сказать свое прямое “да”? Кому крикнуть свое честное “нет”?* – Данный фрагмент статьи полемически соотносится со статьей Ф. Сологуба “Театр одной воли”. Ср. его размышления о трагедии: «Она утверждает всякое противоречие, всякому притязанию жизни, правому ли, нет ли, одинаково говорит ироническое “Да!”. Ни добру, ни злу не скажет лирического “Нет!”» (Театр: Книга о новом театре. С. 191).

С. 25. ...где приклонить голову. – Евангельская цитата: “Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову” (Мф 8: 20; Лк 9: 58). Использована Блоком в стих. “Ты отошла, и я в пустыне...” (1907). См.: Т. 3 наст. изд. С. 167.

Нас приглашают к гносеологическому обоснованию наших суждений. – Имеется в виду статья Андрея Белого “Театр и современная драма”: “Гносеология освобождает субъект от времен и сроков теоретически. Задача человечества практически осуществить эту свободу” (Театр: Книга о новом театре. С. 278).

...слово “стилизация” – достоянием распивочных листков... – Возможно, речь идет о вывесках распивочных – питейных заведений, в которых спиртные напитки распивались на месте продажи. Сравнение с “распивочными листками”, вероятно, возникло у Блока под воздействием обсуждений феномена стилизации в массовой прессе. Ср.: «Теперь всякая девица – даже не в прическе Боттичелли, а радикально взлохмаченная, – увидев рисунок, где изображено нечто, непохожее на то, к чему привык ее глаз, говорит: “Это стилизация”. Как будто всякое творчество не есть стилизация; как будто возможно противопоставлять стилизацию реализму, ведь если есть реальный стиль, – есть, стало быть, реальная стилизация» (*Горнфельд А. Смерть быта* // Товарищ. 1907. № 263. 11(24) мая). См. также анонимный фельетон “Дневник театрала” в журнале “Весна”: «Все интервью с Мейерхольдом можно бы свести к такой формуле:

– С?..

– С!..

Т.е.:

– Намерены ли вы вести дело со стилизацией или без оной?

– Со стилизацией.

Но что такое стилизация, этого ни один интервьюирующийся и ни один интервьюируемый не понимает.

Интервьюеру “Биржевых ведомостей” В.Н. Давыдов ответил:

– Стилизация – это путаница, которая губит театр» (Весна. 1908. № 2. С. 15).

...как мне уже приходилось писать... – В статье “Три вопроса”, выдвигающей вопрос о “пользе” в качестве обязательного для современного художника (см. с. 7 наст. тома).

С. 25–26. “Театр не вышел из своего угнетенного состояния. ~ убивание времени, как винт”. – Луначарский А. Социализм и искусство // Театр: Книга о современном театре. С. 30. Курсивы принадлежат Блоку. Мнение Блока о данной статье резко расходится с суждениями символистской критики. Ср., напр., статью Эллиса “Что такое театр”, в которой работа Луначарского названа “косолопой и вульгарной” (В. 1908. № 4. С. 87).

С. 26. ...*Лессинга, который говорит в “Гамбургской драматургии”*: “Хорошо ~ под влиянием других побуждений”. – В библиотеке Блока сохранилось издание: *Лессинг Г.Э. Гамбургская драматургия* / Пер. с нем. И.П. Рассадина. М.: Изд. К.Т. Солдатенкова, 1883 (см.: *ББО-1*. С. 70). Однако цитируемый фрагмент Блок приводит в собственном переводе.

...“добросовестный художник, – говорит Вагнер, ~ яд его соков”. – *Вагнер Р. Искусство и революция* / Пер. с предисл. И.М. Эллена. СПб.: Горизонт, 1906. С. 13. Курсивы принадлежат Блоку. В экземпляре, принадлежавшем Блоку, данная фраза подчеркнута (*ББО-1*. С. 118).

...“которое в настоящее время ~ противоположенного”... – Там же. С. 16–17. Курсивы принадлежат Блоку. В блоковском экземпляре данные абзацы отчеркнуты, первый – двумя чертами, второй – одной чертой (*ББО-1*. С. 118).

...недавно вышедшая “Книга о новом театре” (изд. “Шиповника”). – В этой книге (СПб: Шиповник, 1908) были напечатаны статьи: *Луначарский А.* Социализм и искусство; *Белый Андрей.* Театр и современная драма; *Аничков Е.В.* Традиция и стилизация; *Мейерхольд Вс.* Театр: (К истории техники); *Сологуб Ф.* Театр одной воли; *Брюсов В.* Реализм и условность на сцене; *Бенуа А.* Беседа о балете; *Горнфельд А.* Дузе, Вагнер и Станиславский. Книга сохранилась в библиотеке Блока (*ББО-2*. С. 308).

С. 27. ...Вяч. Иванова (изложившего свои взгляды в ряде статей, ~ помещенных не в этой книге). – См., напр., статьи “Новые маски” (В. 1904. № 7), “Вагнер и Дионисово действо” (В. 1905. № 2).

...в будущую “органическую” эпоху... – В статьях Вяч. Иванова неоднократно проводилось противопоставление “органических” и “критических” эпох в развитии человечества (см. полное название статьи, упомянутой Блоком: Предчувствия и предвестия: Новая органическая эпоха и театр будущего // ЗР. 1906. № 4, 6). Ср.: «Мы пережили свою критическую эпоху, свою эпоху дифференциации – тот круг, когда искусство наше было “интимным”. Мы вступили в круг искусства “келейного”, искусства отшельников, сверх-индивидуалистов, преодолевших в принципе старый индивидуализм, внешне уединенных, внутренне соединенных с миром, людей не личного, а вселенского воления и устремления в плане личной свободы. Искусство келейников есть уже искусство универсальное, но лишь в форме скрытой энергии и потенциально. Станут ли они органами мифотворчества, т.е. творцами и ремесленниками всенародного искусства? Осуществление этой возможности означало бы наступление органической эпохи в искусстве» (ЗР. 1906. № 4. С. 71).

С. 28. ...Далматов играл “Короля Лира”; мне повезло быть на представлении... – Василий Пантелеймонович Далматов (Лучич, 1852–1912) – знаменитый петербургский драматический артист. По воспоминаниям М.А. Бекетовой, Блок был увлечен Далматовым с ранней юности: “Весной 1898 года он кончил курс гимназии, после чего снялся в той самой фотографии Мрозовской на Невском, где выставлены были прекрасные портреты Далматова в роли короля Лира. Саша был большой поклонник этого артиста” (Воспоминания, 1. С. 54). В переписке с З.Н. Гишпиус осенью 1902 г. Блок вспоминал о Далматове в роли короля Лира в связи с размышлениями о возможном соединении человека и художника в личности актера и высоком предназначении театра: «Мне странно то, что Вы пишете о сцене, о том, что с нее нельзя говорить о будущем. Мне иногда кажется, что, несмотря на все внешнее опошление современного театра, стоит актеру иметь талант (<...>), чтобы сейчас запахло литургией. И даже в самой закулисной личности актера иногда заметна священная черта, какое-то внутреннее бескорыстие и глубокая важность, медлительность и привычка быть королем, жрецом... и немного пророком. Право, это мне думается не отвлеченно, а на основании виденных мной даже не знаменитых итальянцев, а просто наших русских актеров Императорской и частных сцен, например, г-на Далматова в “Короле Лире”. Никогда не забуду ему этой роли, да и вообще она ему зачтется впоследствии, потому что такие моменты никогда не проходят даром» (письмо к З.Н. Гишпиус от 8 сентября 1902 г.). См. анализ этого круга идей в работах: Родина Т.М. А. Блок и русский театр начала XX века. М., 1972. С. 98–101; Минц З.Г. А. Блок в полемике с Мережковскими // БС-4. С. 130–131.

Играет Дузе ~ которая посетила Петербург... – Гастроли Элеоноры Дузе состоялись в Петербурге с 9 по 24 января 1908 г. Блок, очевидно, смотрел “Даму с камелиями” А. Дюма-сына 14 января (см. его письмо Е.П. Иванову от 10 января 1908 г. о намерении быть на спектакле: Письма А. Блока к Е.П. Иванову. Л., 1936. С. 63, 120).

Идет в театре Коммиссаржевской “Строитель Сольнес” Ибсена... – 2 и 21 ноября Блок прочел в театре В.Ф. Коммиссаржевской реферат об Ибсене и его драме перед представлением “Строителя Сольнеса” (см. с. 64 наст. тома).

Идет “Пеллеас и Мелизанда” Метерлинка. – Свое отношение к этой постановке Блок высказал в статье “Пеллеас и Мелизанда”, которая не была опубликована при его жизни (Т. 7 наст. изд. С. 103–106).

...горбуновские анекдоты. – И.Ф. Горбунов (1831–1896), зачинатель жанра устного рассказа, актер и прозаик, создал ряд юмористических сценок из театральной жизни (“Сара Бернар”, “Белая зала”, “Травиата”).

Идет в Александринке “Вторая молодость” Невежина. ~ Говорят: “Савина”. – Пьеса П.М. Невежина “Вторая молодость” шла в Александринском театре с 1887 г. В

спектакле были заняты В. Мичурина, А. Южин, М. Писарев, В. Далматов и др. М.Г. Савина играла роль Готовцевой (см.: А. О-въ. Александринский театр: “Вторая молодость” П.М. Неvejeина // С. 1906. № 350. 11 янв.). Ср. отзыв Блока на постановку этой пьесы в 1918 г. на сцене театра Петербургской Коммуны (Народного Дома) в статье “О репертуаре коммунальных и государственных театров” (Т. 9 наст. изд.), где отмечается интерес публики к пьесе.

С. 28. *Идут у Красова “Черные вороны”*... – Речь идет о постановке пьесы В.В. Протопопова “Черные вороны” в Петербургском Театре Н.Д. Красова (преьера состоялась в октябре 1907 г., режиссер – Н. Арбатов). Конст. Э(рберг) в рецензии на спектакль иронически писал, что эта пьеса “имеет лишь внешний облик драматического произведения, не обладая его душою”, а успех спектакля объяснял “исключительностью сюжета: из пяти действий три посвящены интимному быту святых и пророков” (Товарищ. 1907. № 398. 16 окт.).

...*говорит старый привратник у Шекспира ~ короля Дункана.* – В. Шекспир. “Макбет” (д. II, сц. 3).

...*“Некто в сером”, который сделался предметом беззубых газетных пародий...* – См., напр.: Ардов Т. Жизнь Человека, или Двадцать две неприятности // Раннее утро. 1907. № 23. 14 дек. “Некто в Сером” назван “Некто в гороховом”. В той же газете (1907. № 312. 23 дек.) опубликован фельетон “Несчастье Человека” за подписью “Некто в черном”.

...*“Смотрите и слушайте вы, пришедшие сюда для забавы и смеха, вы – обреченные смерти”.* – Из пьесы Л.Н. Андреева “Жизнь Человека” (Пролог).

С. 29. *Мне случилось смотреть представление “Жизни Человека” со сцены.* – Блок видел пьесу Андреева в постановке В.Э. Мейерхольда со сцены театра В.Ф. Коммиссаржевской в феврале–марте 1907 г. По воспоминаниям актрисы театра В.П. Веригиной, «постановка произвела потрясающее впечатление на Блока, он приходил почти на каждый спектакль и большей частью смотрел из-за кулис. Ему особенно нравилось находиться у самой декорации. Кулис обычных не было: темные провалы, которые казались бесконечными, колонны, мебель в пятнах электрического освещения. Освещенный диван, стол, стулья или кровать, а кругом безграничный мрак. Блок говорил, что тут он ощущает себя “в сферах»» (Веригина В.П. Воспоминания об Александре Блоке // *Воспоминания*, 1. С. 440–441).

Есть забавная картинка ~ “Эрнани” V. Hugo (1830 г.). – Возможно, имеется в виду рисунок А. Беснара (A. Besnard) «Преьера “Эрнани»» (Hugo V. Théâtre: Т. 1–6. Р.: L. Nachette et C°, 1858. Т. 1. См.: ББО-3. С. 99–100).

С. 30. ...*“увенчать красоту и низвергнуть безобразие”.* – Слова героини драмы Ф. Сологуба “Победа Смерти” Мальгисты (д. I). Пьеса была поставлена в 1907 г. В.Э. Мейерхольдом в театре В.Ф. Коммиссаржевской. Первая публикация – альманах “Факелы” (Кн. 3), февраль 1908 г.

...*“слово становится плотью”.* – Ин 1: 14.

...*утверждения нашей критики о “смерти событий”*... – Критика 1900-х годов противопоставляла “быт” и “события”, говоря о театре М. Метерлинка, А.П. Чехова, Л.Н. Андреева. З.Н. Гиппиус сформулировала эти различия в статье “Быт и события” (1904) следующим образом: “...это не только не одно и то же, но это два понятия друг друга исключают. Быт начинается с точки, на которой прерывается жизнь, и, в свою очередь, только что вновь начинается жизнь – исчезает быт. (...) Жизнь – события, а быт – лишь вечное повторение, укрепление, сохранение этих событий в отлитой, неподвижной форме. Быт – кристаллизация жизни. Поэтому именно жизнь, то есть движение вперед, нарастание новых и новых событий, – только она одна – творчество, и это творчество исключает быт, движение круговое, повторительное, почти инстинктивное охранение завоеванного, без рассуждений, без желаний” (Антон Крайний. Быт и события // Литературный дневник. СПб.: Изд. М.В. Пирожкова, 1908. С. 284. Первая публ.: НП. 1904. № 9. С. 280–292). Сборник статей З.Н. Гиппиус вышел в свет в феврале 1908 г., в период работы Блока над статьей. Ср.

также формулу “смерть быта”, используемую в критике этого времени: “Вот все говорят: быт умер. Фраза – логически бессмысленная, потому что быт не может умереть, покуда существует какая-нибудь форма общества человеческого. А что театральный интерес к русскому быту временно заслонился некоторыми течениями индивидуалистической моды, это – облако на луне. (...) Какой символизм и индивидуализм не разводи, но – раз хочешь остаться во времени и пространстве, бытовой-то фон писать надо. (...) Совсем не умер быт, а разве что – географически переместился. У нас исторически сужено представление о бытовом творчестве, оттого и говорят о мнимой его смерти” (*Амфитеатров А.* Минуты // Театр Литературно-художественного общества. 1907. 18 нояб.). См. также название цитированной выше статьи А. Горнфельда (С. 311 наст. тома).

С. 31. ...*далекий, беспокойный рог заблудившегося героя.* – О происхождении и семантике этого образа, появившегося впервые в первой редакции драмы “Песня Судьбы” в видениях Германа, см. коммент. к статье “Три вопроса” (С. 302 наст. тома).

...*герой, шествующий в крылатом шлеме, с мечом на плече...* – Зрительный образ героя, по воспоминаниям Е.Ф. Книпович, навеян иллюстрацией, помещенной в изд.: *Шекспир В.* Полное собрание сочинений: В 5 т. СПб.: Изд. Брокгауз–Ефрон, 1903. Т. 3. Ср.: «В третьем томе переводов сочинений Шекспира (...) есть целый ряд “маленьких рисунков в тексте”, изображающих великих исполнителей роли Макбета в XVIII и начале XIX века. (...) Но среди них во весь лист, как вкладыш, стоит изображение Шенри Ирвинга – автора постановки и исполнителя главной роли в спектакле в лондонском театре Лисеум в 1888 году, Ирвинг – Макбет – герой “от головы до пят” (...) В крылатом шлеме, с мечом на плече, он стоит на фоне шотландских холмов, и в памяти того, кто думал о “своем Шекспире” Блока, естественно встает и статья “О театре” (...) В том, что герой видения Германа – это Ирвинг – Макбет, я “уличила” Блока в 1919 году, когда отдельным изданием в “Алконосте” вышел переработанный вариант “Песни Судьбы”.

“Как вы догадались?” – удивился он» (*Книпович Е.Ф.* Об Александре Блоке: Воспоминания. Дневники. Комментарии. М., 1987. С. 125–126).

...*“пузырей земли” ~ “мнимых, как воздух”.* – Неточное воспроизведение фрагмента диалога Банко и Макбета из трагедии В. Шекспира “Макбет” (д. I, сц. 3) при появлении трех ведьм:

Б а н к о: Земля, как и вода, содержит газы –
И это были пузыри земли.
Куда они исчезли?
М а к б е т: В воздух. Ветер
Разнес их мнимые тела, как вздох.

(Пер. А.И. Кронеберга)

Блок использовал словосочетание “Пузыри земли” в качестве заглавия стихотворного раздела во II томе “лирической трилогии”, а также в стих. “Она пришла к мороза...” (см.: Т. 2 наст. изд. С. 199, 558–559, 860).

...*новому гламисскому тану.* – То есть Макбету.

...*театр “мира и красоты без слез”, “un théâtre de paix et de beauté sans larmes”.* – См. с. 309 наст. тома.

...*лавина, которая погребла под собою даже Ирэну и Рубека...* – Имеется в виду финал драмы Г. Ибсена “Когда мы, мертвые, пробуждаемся”. Блок ссылается на текст этой драмы в статье “От Ибсена к Стриндбергу” (1912). См. с. 147 наст. тома.

...*расплющит его картонный домик...* – “Картонный домик” – название повести М. Кузмина, опубликованной в альманахе “Белые ночи: Петербургский альманах” (СПб., 1907), рядом с подборкой стихотворений Блока.

С. 32. ...*г. Гофмансталь – воскресителем античной трагедии...* – См., напр., отзыв корреспондента “Весов” о пьесе Гофмансталя “Электра”: “Гуго фон Гофмансталь – лучшая надежда немецкого театра (...) С царственным произволом немецкий поэт

переделал греческую драму. Он вдохнул чувства наших дней в античные статуи, и мраморы Софокла, как Галатя на заклинания Пигмалиона, сошли со своих подножий” (*Maximilian Schick*. Письмо из Берлина // *В. 1904. № 1. С. 55–56*). Ср. также анонимную заметку «К постановке “Электры” Гофманстала» в [Театре товарищества драматических артистов под упр. А.А. Санина в Петербурге]: “Пьеса немецкого поэта произвела своего рода революции. В театральных сферах. Автор задался целью оживить античные мраморы, вдохнуть жизнь – бурную и страстную в героев древности, он срывает с них трагические маски, являя зрителю их искаженные скорбью и гневом черты” (Товарищ. 1907. № 394. 11 окт.).

С. 32. ...г. Ведекинд – проповедником новой морали. – Подробнее о репутации Ф. Ведекинда в современной Блоку критике см. в коммент. к статье “Пробуждение весны” (Т. 7. наст. изд. С. 313–315).

...русский народный театр менее чем за сорок лет своего существования... – Сведения по истории русского народного театра (т.е. профессионального театра для народной публики) Блок мог почерпнуть из следующих источников: 1) брошюры “Народный театр” (М., 1896), в которой излагается история создания народного театра в 1872 г. в Москве на Политехнической выставке под руководством А.Ф. Федотова. Приведены, в частности, слова А.Ф. Федотова, полемизирующего с представлениями о развлекательном характере народного театра: “Простой русский зритель сумел показать, что он далеко не так прост, как его считают господа филантропы, (...) утверждающие, что (...) достаточно масленичных балаганов” (С. 12); 2) книги: *Щеглов И.Л.* В защиту народного театра. СПб., 1903 (имелась в библиотеке Блока, ныне местонахождение неизвестно – *ББО-3. С. 271*). В книге отстаивалась необходимость жанра мелодрамы для народного театра, излагалась история постановок пьес А.Н. Островского и Н.В. Гоголя.

...(цитирую по статье Луначарского в той же книге “О новом театре”). – Луначарский А.В. Социализм и искусство. С. 34.

С. 33. ...“интимных театров”... – Об “интимных” театрах шла речь в статье Ф. Сологуба “Театр одной воли”: “Не говорю о театре интимном, наиболее для нас дорогим и желанном, но о котором говорить так трудно” (Театр: Книга о новом театре. С. 192).

С. 34. ...“неизменен и размерен событий трепет роковой”. – Из стих. В. Брюсова “Голос”, вошедшего в посвященный В.Ф. Коммиссаржевской цикл “Обреченный” (*В. 1908. № 1. С. 8*):

Ты многим клялся – буду верен!
Ты многим говорил: я – твой!
Но неизменен и размерен
Событий трепет роковой.
Что было – только предвещанья,
Что было – лишь знаменованья
Того, что быть должно со мной

...как платоновский ἀνάμνησις... – О значении для Блока платоновского мифа о “прапамяти” см. с. 376 наст. тома. В статье Евг. Аничкова “Традиция и стилизация” эта тема настойчиво связывается со спецификой театра: “Театр полон воспоминаниями. Без них он не может жить. Без воспоминаний он не мыслится и в будущем. (...) Подождите, вы непременно увидите Островского не только на сцене Художественного театра, но в театре Мейерхольда, Вячеслава Иванова, если таковому суждено осуществиться, даже – Александра Блока” (Театр: Книга о новом театре. С. 43–44).

...в садах “обществ народных развлечений”. – Подробнее об увеселительных садах Петербурга см.: *Уварова Е.Д.* Как развлекались в столицах. СПб., 2004. С. 39–87.

“Уж не снятся мне, Варя, как прежде, ~ либо на тройке на хорошей, объявишь...” – Слова Катерины из драмы А.Н. Островского “Гроза” (д. I, явл. 7).

С. 35. *Юность – это возмездие.* – О значении для Блока слов Сольнеса из драмы Г. Ибсена “Строитель Сольнес” (д. I; пер. А. и П. Ганзен) см.: Т. 5 наст. изд. С. 406–407.

ПИСЬМА О ПОЭЗИИ

(С. 35)

Автограф неизвестен.

Впервые напечатано: *ЗР.* 1908. № 7/9. С. 94–99; № 10. С. 46–51.

В Собрание сочинений впервые включено: *СС-12₁₀*. С. 152–175.

Печатается по тексту первой публикации со следующими исправлениями:

С. 36, стр. 45: *песней народной вместо: песней народной (исправление опечатки в цитате).*

С. 38, стр. 4: *любовь всепобедная вместо: любовь всепобедно (исправление опечатки в цитате).*

Статья является одной из последних “хроник” Блока для “Золотого руна”. Работа над ней началась в июле 1908 г. Первоначально Блок собирался писать лишь о Минском и Сологубе, что явствует из письма к нему секретаря журнала Г.Э. Тастевена (июль 1908): “Жду с нетерпением Вашей статьи о Минском и Сологубе, может быть, также коснетесь других сборников, вышедших за последнее время, напр(имер), Кузмина” (*РГАЛИ.* Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 424). 4 августа 1908 г. Блок сообщает матери: “Кончаю статью в Руно (о Минском и Сологубе, – первый уже выруган)”.

М. Кузмин откликнулся на статью письмом 14 ноября 1908 г.: «Благодарю Вас (...) за статью в “Зол(отом) Руне”. Благодарю Вас и за упреки, потому что больше, чем кто-либо, знаю их справедливость и потому что, м(ожет) б(ыть), стараюсь несколько сделать их менее заслуженными. Я думаю, Вы сами это знаете, посылая Ваши расположенные замечания» (*ЛН.* Т. 92. Кн. 2. С. 150).

В (Плане собрания сочинений) включена в раздел “Литерат(урная) критика”. В *СпМ* ошибочно указаны номера “Золотого Руна”: 3/4 и 5.

С. 35. “Холодные слова” – “Холодные слова (Рождественская фантазия)” – название стихотворного диалога Н.М. Минского, вошедшего в раздел того же названия в т. 4 (с. 105) рецензируемого Блоком издания: *Минский Н.* Полное собрание стихотворений. СПб.: Изд. М.В. Пирожкова, 1907. Т. 1–4.

Потому ли, что Минский – философ? – Н.М. Минский, автор философских трактатов “При свете совести. Мысли и мечты о цели жизни” (СПб., 1897), “Религия будущего. Философские разговоры” (СПб., 1905) (рецензию Блока на эту книгу см.: Т. 7. наст. изд. С. 176–179), создатель философской теории “мэонизма” (ее изложение в заметке Блока, посвященной публичной лекции Минского “Нравственная проблема наших дней”, см.: *Там же.* С. 144–125).

...стихи Минского созданы в очень “прозаические” годы? – Н.М. Минский дебютировал в конце 1870–начале 1880-х годов, когда наблюдалось значительное снижение интереса к современной поэзии и спад поэтической критики. С.А. Андреевский поставил эпиграфом к программной статье “Вырождение рифмы” слова Пушкина “Лета к суровой прозе клонят” и прокомментировал: “Так говорили гиганты нашей поэзии. Слова их оказались пророческими. Их чудные песни были почти последними. В настоящее время, казалось бы, уже вполне ясно, что возраст европейской изящной литературы должен заставить ее понемногу отказаться от рифмы, как от нарядов молодости, ибо ничто не в силах отвлечь этого законного течения вещей” (*Андреевский С.А.* Литературные очерки. СПб., 1902. С. 427–428).

С. 35. ...*“гражданских песен” до “песен любви”*... – Речь идет об эволюции Н.М. Минского, начинавшего в русле традиций народнической поэзии и ставшего в конце 1880–начале 1890-х годов пропагандистом “нового искусства”. “Гражданские песни” – название раздела, входящего в 1-й том Полного собрания стихотворений. “Песни любви” – общее заглавие стихотворений, входящих в 4-й том того же издания.

...*преподносимая на блюде, в виде прекрасного творения искусства, пресыщенной и надменной толпе – Иродиаде...* – Отражение библейского сюжета о дочери царицы Иродиады, Саломее, потребовавшей от Ирода, по наущению матери, в награду за свою пляску голову Иоанна Крестителя, а затем подавшей ее на блюде Иродиаде (Мф 14: 3–11). Этот сюжет воплощен в стихотворении цикла “Итальянские стихи” “Холодный ветер от лагуны...” (1909) (Т. 3 наст. изд. С. 71, 734–737), а также в Прологе поэмы “Возмездие” (Т. 5 наст. изд. С. 23, 414).

С. 36. ...*стихи Сергея Маковского, Рафаловича?* – Сергей Константинович Маковский (1877–1962), поэт и художественный критик, к 1908 г. издал сборник “Собрание стихов: Книга первая” (СПб., 1905). В.Я. Брюсов, отметив “утонченный эстетизм” автора, писал: “Поэзия г. Маковского холодна и бесстрашна, и души поэта в ней почти не чувствуется” (В. 1905. № 4. С. 65). Сергей Львович Рафалович (1875–1943), поэт, прозаик и драматург, в 1906 г. выпустил сборник “Светлые песни” (СПб., 1906). Брюсов писал о его поэзии: «В ней нет порыва, нет прозрений, к ней всего менее подходили бы слова Фета о “даре безумных песен”» (В. 1905. № 12. С. 77).

...*“закованные в латы”*, стихи Валерия Брюсова? – Источник цитаты не установлен.

...*“здесь человек сгорел”*... – Неточная цитата из стих. А.А. Фета “Когда читала ты мучительные строки...” (1887.). У Фета: “Там человек сгорел”.

...*не примет “пшибышевщины”*... – Польский писатель-модернист Станислав Пшибышевский (1868–1927) переводился в России с 1898 г., однако именно в 1908–1911 гг. его популярность достигает высшей точки. В символистском издательстве “Скорпион” было издано его собрание сочинений (1905–1906), в журнале “Весы” напечатана его пьеса “Вечная сказка” (В. 1906. № 3/4; в том же году поставлена в театре В.Ф. Коммиссаржевской), помещались многочисленные рецензии на его произведения. Однако для “младших” символистов его имя стало связываться с вульгаризированным нищезаисством и вырождением модернистского мировосприятия. См. статью Андрея Белого “Пророк безличия” (1909), открывающую книгу статей “Арабески” (М.: Мусагет, 1911). См. негативные высказывания Блока о Пшибышевском в статьях “О драме”, “Пеллеас и Мелисанда”, “Литературные итоги 1907 года” (Т. 7 наст. изд. С. 83, 105, 115, 120).

...*хотел “сказаться душой”*... – Из стих. А.А. Фета “Как мошки зарею...” (1844). У Фета: “О если б без слова / Сказаться душой было можно!”

...*“отмечать розовым ногтем”*... – Неточная цитата из “Евгения Онегина” (гл. VII, строфа XXII). У Пушкина: “Отметку резкую ногтей”. С. 1). Цитата сокращена.

Румянцем чахоточным слабо горя, ~ Нет блеска в цветах... – Из стих. Н.М. Минского “Ночь первая” (Т. 1. Раздел “Белые ночи”. С. 1). Цитата сокращена.

...*песни Минского, “зачатые в черные дни” ~ Нельзя исчерпать нашей песней нарядной.* – Там же. С. 4.

С. 38. ...*добрая, бледная, ~ В девственно скромных глазах...* – Из стих. Н.М. Минского “Ночь третья” (Там же. С. 9).

Полно шептать мне слова бесполезные, ~ Нежной слезоу разбить. – Там же. С. 10.

...*“жилища грязные труда и нищеты” и велит “почитать их как храмы”.* ~ с судьбою пахаря, трудящегося “над нивою сердец”, ~ “таинственном народе”, который кажется ему “Танталом”, а Россия – “библейскою вдовой”. – Цитаты из стих. Н.М. Минского “Ночь пятая”, “Среди полей”, “На чужом пиру” (Т. 1. С. 15, 140, 42).

Вот приближается он к спящей Дездемоне: ~ И чайками в грозу, платки в руках взвились... – Из стих. Н.М. Минского “Брат и сестра” (Т. 1. С. 58–59).

С. 38–39. *Увы, дрожащий лист осины ~ О, кто ответит?* – Из стих. Н.М. Минского “Песнь первая” (Там же. Цикл “Песни о родине” в разделе “Гражданские песни”. С. 21).

С. 39. ...скрывается еще лукавая улыбка, говорящая: “мы – крестьяне, а вы – господа, мы у себя в деревне, а вы у себя в городе”. – Ср. противопоставление “усмешки себе на уме” человека из народа интеллигенту в статье “Народ и интеллигенция” (С. 72, 73 наст. тома).

Прощай, прощай, страна невыплаканных слез! / Прощай, о сфинкс! Прощай, отчизна!.. – Из стих. Н.М. Минского “Песнь первая” (Т. 1. Цикл “Песни о родине” в разделе “Гражданские песни”. С. 24).

Когда готов был вспыхнуть залп огней, ~ Скончалась ночь и отлетела тьма. – Из стих. Н.М. Минского “Казнь” (Там же. С. 117).

...писать безвкусную и трескучую рабочую Марсельезу. – Имеется в виду стих. Н.М. Минского “Гимн рабочим” (Там же. С. 118).

С. 39–40. *И вдруг упал мой взор ~ В ней будет слышаться сквозь крики отрицанья...* – Из цикла стихотворений Н.М. Минского “Три музы” (Т. 3. Раздел “Просветы”, стих. III. С. 30–31).

С. 40. “*Портрет*” – стих. Н.М. Минского “Портрет” входит в “Цикл третий” раздела “Песни любви” (Т. 4. С. 4).

...в “богофильство” и “богофобство” Волинского... – Критик Аким Львович Волинский (Флексер) (1821–1926) в книге “Ф.М. Достоевский” (СПб., 1908) основной “философской и психологической задачей” творчества Достоевского называет изображение борьбы “коренных начал” человеческой души – богофобства (богоборчества) и богофильства (религиозности).

...в “верхнюю и нижнюю бездну” Мережковского... – См. коммент. к статье “О реалистах” (Т. 7 наст. изд. С. 288).

...в “два пути добра” Минского? – “О двух путях добра” – название статьи Н.М. Минского (Северные цветы на 1903 год: Третий альманах книгоиздательства “Скорпион”. М., 1903). Тема “двух путей добра” развивается и в стих. “Два пути” (1901) (Т. 4. С. 223):

Нет двух путей добра и зла,
Есть два пути добра. (...)
Проклятье в том, что не дано
Единого пути.
Блаженство в том, что все равно
Каким путем идти.

Чем ниже я падаю в бездну порока, / Тем ярче твой образ в душе у меня. – Начало стихотворения Н.М. Минского из “Цикла первого” раздела “Песни любви” (Т. 3. С. 118).

Святая без стыда, вакханка без страстей. – Из стих. Н.М. Минского “Портрет” (Т. 4. С. 4).

Смеются лишь боги, скорбят лишь рабы. – Из стих. Н.М. Минского “Чем ниже я падаю в бездну порока...” (Т. 3. С. 118).

С. 41. *Как сон, пройдут дела и помыслы людей. ~ Среди пустыни бесконечной.* – Стихотворение Н.М. Минского процитировано с сокращениями (Т. 4. С. 173–175).

“*Пламенный круг*” – сборник стихов Ф. Сологуба “Пламенный круг: Стихи, книга восьмая” (М.: [Золотое руно], 1908). Книга сохранилась в библиотеке Блока с дарственной надписью автора: “Сердечно любимому Александру Александровичу Блоку Федор Сологуб” (ББО-1. С. 276).

С. 42. *...с того времени, как “Мелкий бес” появился в печати отдельным изданием (на днях вышло уже третье издание романа).* – Отдельным изданием роман “Мелкий бес” вышел в марте 1907 г. (СПб.: Шиповник). См. об этом в статье “О реалистах” (Т. 7 наст. изд. С. 58, 292). Книга сохранилась в библиотеке Блока с дарственной надписью автора: “Александру Александровичу Блоку Федор Сологуб” (ББО-1. С. 276).

...такие книги, как “Жало смерти” и особенно “Истлевающие личины” и “Книга разлук”... – Имеются в виду следующие издания: Сологуб Ф. Жало смерти. Земле земное. Обруч. Баранчик. Красота. Утешение: Рассказы. М.: Скорпион, 1907 (книга находилась в

библиотеке Блока, ныне ее местонахождение неизвестно) (ББО-3. С. 258); Сологуб Ф. Истлевающие личины: Книга рассказов. М.: Гриф, 1907 (книга сохранилась в библиотеке Блока с дарственной надписью автора: “Милому Александру Александровичу Блоку искренно любящий его автор Федор Сологуб”) (ББО-1. С. 276); Сологуб Ф. Книга разлук: Рассказы. СПб.: Шиповник, 1908.

С. 42. ...Пушкин мог шутиливо рифмовать розу с морозом. – “Евгений Онегин”, гл. IV, строфа XLII:

И вот уже трещат морозы
И серебрятся среди полей...
(Читатель ждет уж рифмы *розы*;
На, вот, возьми ее скорей!)

Вспоминая “Тени”, “Третью и четвертую книгу стихов” и даже благоуханные переводы Верлэна, вышедшие прошлой зимой... – Имеются в виду следующие книги: Сологуб Ф. Тени: Рассказы и стихи. СПб., 1896. Кн. 2; Сологуб Ф. Собрание стихов. 1897–1903. М.: Скорпион, 1904. Кн. 3/4 (книги находились в библиотеке Блока, ныне их местонахождение неизвестно) (ББО-3. С. 259); Верлэн П. Стихи, избранные и переведенные Федором Сологубом. СПб.: Факелы, 1908. Кн. 7 (книга сохранилась в библиотеке Блока с дарственной надписью Сологуба, датированной ноябрем 1907 г. и с пометами на полях и в тексте стихотворений) (ББО-1. С. 122).

Мы – “пленные звери” – давно забыли, “что в зверинце зловонно и скверно”. – Из стих. Ф. Сологуба “Мы – пленные звери...” (1905) (С. 47).

...к стране “вотще обетованной”... – Из стих. Ф. Сологуба “Суровый звук моих стихов...” (1899) (С. 50). У Сологуба:

И нет пути передо мной
К стране, вотще обетованной.

С. 42–43 ...“измученного безлепицей” сердца. – Неточная цитата из стих. Ф. Сологуба “Неустанное в работе...” (1902) (С. 46). У Сологуба:

Я безлепицей измучен.
Житие кляню мое.
Твой тяжелый стук мне сучен,
Сердце бедное мое.

С. 43. ...всё проходит, гаснут страсти, ~ Носить иль снять не в нашей власти. – Из стих. Ф. Сологуба “Забыв о родине своей...” (1898) (С. 65).

Умереть или жить, ~ Всё равно – умереть или жить? – Из стих. Ф. Сологуба “Он не знает, но хочет...” (1902) (С. 183).

...странного миру”, “всегда для всех чужого”... – Из стих. Ф. Сологуба “Мечтатель, странный миру...” (1894) (С. 80).

...очарованье без красоты. – Из стих. Ф. Сологуба “Порочный отрок, он жил один...” (1902) (С. 82).

...“легко и просто открывать свою душу”... – Из предисловия Ф. Сологуба к книге “Пламенный круг”: “Рожденный не в первый раз и уже не первый завершая круг внешних преобразений, я спокойно и просто открываю мою душу” (С. 7).

В село из леса она пришла, ~ Она упала – и умерла. – Стих. Ф. Сологуба “В село из леса она пришла...” (1902) приведено полностью (С. 96).

...“легкая, как сон”, и “всемирному томленью подобная” жизнь. – Неточная цитата из стих. Ф. Сологуба “Если б я был к счастью приневолен...” (1898). У Сологуба: “Жизнь моя, всемирному томленью / Ты подобна, легкая, как сон” (С. 86).

...“злого бытия”... – Из пьесы Ф. Сологуба “Литургия Мне” (В. 1907. № 2. С. 25).

С. 43–44. *Ход к пещере никем не иден, ~ Я должен здесь умереть.* – Из стих. Ф. Сологуба “Я живу в темной пещере...” (1902) (С. 94).

С. 44. “*Приди ко Мне, люби Меня*”. – Из стих. Ф. Сологуба “В последнем свете злого дня...” (1903) (С. 185). Этими словами заканчивается и авторское предисловие к сборнику “Пламенный круг” (С. 7).

Елисавета, Елисавета, ~ В стране отцов. – Из стих. Ф. Сологуба “Елисавета, Елисавета...” (1902) (С. 191).

Ты не бойся, что темно. ~ Всё легко и всё забвенно... – Из стих. Ф. Сологуба “Ты не бойся, что темно...” (1902) (С. 148).

...от “*Харрана, где дожил до долгих седин, и от Ура, где детские годы текли*”. – Неточная цитата из стих. В.С. Соловьева “В землю обетованную” (1886). У Соловьева: “От Харрана, где дожил до поздних седин, И от Ура, где юные годы текли”.

С. 45. “*Сети*” Кузмина. – Кузмин М.А. Сети: Первая книга стихов. М.: Скорпион, 1908. В письме М.А. Кузмину 13 мая 1908 г. Блок писал об этом сборнике: “Господи, какой Вы поэт и какая это книга! Я во все влюблен, каждую строку и каждую букву понимаю”. Книга сохранилась в библиотеке Блока с пометами на полях и дарственной надписью: “Милому Александру Александровичу Блоку с любовью М. Кузмин. 1908 г. Май” (ББО-2. С. 41).

...разлука с “*милою жизнью*”. Из стих. М.А. Кузмина “Я спрашивал мудрецов вселенных...” (цикл “Мудрость”) (С. 181).

С. 46. ...“*внося в позу денди всю наивность молодой расы*”... – Из стих. М.А. Кузмина “Мои предки” (1907) (С. 3).

...“*патентом на благородство*”, по вульгарнейшему выражению незабвенного Фета. – Из стих. А.А. Фета “На книжке стихотворений Тютчева” (1883).

С. 47. ...человека “*древнего благочестия*”... – Формула “древнее (древлее) благочестие” использовалась с XVII в. старообрядцами для самоименования.

Светлая горница – моя пещера, ~ Простясь с тяжелым, темным томлением. – Стихотворение М.А. Кузмина из цикла “Радостный путник” (С. 95).

...в его “*Александрийских песнях*” и в “*Вожатом*”. – Названия стихотворных циклов, входящих в сборник “Сети”.

Венок за головой, открыты губы, ~ Ни смутный зов куда-то в край иной. – Из стих. М.А. Кузмина “Мой портрет” (цикл “Прерванная повесть”) (С. 31).

...“*москвич*”, не “*в гарольдовом плаще*”... – “Евгений Онегин”, гл. VII, строфа XXIV.

Вся надежда – край одежды ~ Вы покажете носок. – Из стих. М.А. Кузмина “Прогулка на воде” (цикл “Радостный путник”) (С. 66).

С. 48. ... («*Жалко, что вы не любите “Вены”, но отчего трепещу я какой-то измены? Приходите завтра, приходите с Сапуновым*»)... – Из стих. М.А. Кузмина “Счастливыи день” (С. 37).

Лишь на вечер те тюрбаны ~ “милый, хрупкий мир загадок”? – Из стих. М.А. Кузмина “Маскарад” (цикл “Прерванная повесть”) (С. 65).

...когда-то модного французика Пьера Луиса. – По мнению исследователя творчества М.А. Кузмина Г.Г. Шамова, «...Блок напрасно видел у Кузмина влияние Пьера Луиса, к которому Кузмин относился весьма отрицательно: еще в 1897 г. он писал Чичерину: “За Bilitis (“Песни Билитис”) я тебе очень благодарен, но ею крайне разочарован и даже возмущен. Во всем этом – ни капельки древнего духа, везде бульвар, кафешантан или еще хуже; и тем недостойней, что античность треплется для прикрытия подобной порнографии. Ну какой же это VI век!» (Шамов Г.А. Блок и Кузмин: (Новые материалы) // БС-2. С. 350).

С. 49. *Стихи Бунина.* – Бунин И. Собрание сочинений. СПб.: Знание, 1908. Т. 4. По поводу данного раздела статьи в “Золотом руне” было сделано примечание: “Редакции расходятся с автором в общей оценке книги Бунина”.

С. 49. *В подземный мир ведет на суд Отца ~ Бог Озирис, бог мертвых, строго судит.* – Неточная цитата из стих. И.А. Бунина “За гробом” (1906). У Бунина: “В подземный мир введет на суд Отца” (С. 5).

Пой, соловей! Они томятся ~ В узор ветвей глядит луна. – Из стих. И.А. Бунина “Розы Шираза” (1906–1907) (С. 63).

С. 50. *Люблю неясный винный запах (?) ~ И вас, и вас, дагерротипы...* – Из стих. И.А. Бунина “Люблю цветные стекла окон...” (1906) (С. 23).

Мы из речки – на долину ~ по жемчугу по сизому росы! – Из стих. И.А. Бунина “Петров день” (1906) (С. 24).

На задворках, за ригами ~ Одиннадцать веков. – Из стих. И.А. Бунина “Пугало” (1907). (С. 26).

С. 51. *И шлем ты снял – и холод счастья / По волосам твоим прошел.* – Из стих. И.А. Бунина “Геймдаль искал родник божественный...” (1906) (С. 40).

И звучный гул бродил в колоннах, ~ С кистями, в купол, к небесам. – Из стих. И.А. Бунина “Христос” (1907) (С. 9).

Мир – бездна бездн. И каждый атом в нем ~ Единою всемирною душою. – Из стих. И.А. Бунина “Джордано Бруно” (1906) (С. 76–78).

...дань провокации, хулиганству, легкомыслию и другим явлениям литературной жизни, приводящим в ужас почтенного критика “Весов”, г-на Эллиса. – Блок иронически оценивал критическую деятельность Эллиса, в частности, его стремление противопоставить “своих” и “чужих”, “весовцев”-москвичей и “петербуржцев”, его полемику против “мистического анархизма”, профанации символизма. См. статью Эллиса в “Весакх”: “Пантеон современной пошлости” (В. 1907. № 6. С. 55–62), “Поворот” (В. 1907. № 8. С. 65–68), “Наши эпигоны” (В. 1908. № 2. С. 60–68), “Еще о соколах и ужах” (В. 1908. № 7. С. 53–58) и др. Блок использует излюбленные инвективы Эллиса. О литературных и личных взаимоотношениях Блока и Эллиса см. публикацию: Письма Эллиса к Блоку (1907) / Вступ. ст., публ. и коммент. А.В. Лаврова // ЛН. Т. 92. Кн. 2. С. 273–291.

...и вообще “российской словесности” (пока ~ я строго держусь терминологии Андрея Белого и Бориса Бугаева). – Имеется в виду рецензия Андрея Белого на драму Г.И. Чулкова “Тайга”, где Белый иронически назвал Блока “корифеем российской словесности” (В. 1907. № 6. С. 70). Под своим настоящим именем, Борис Бугаев, Белый в 1907–1909 гг. опубликовал в “Весакх” цикл статей под общим заглавием “На перевале”.

Сергей Соловьев и Петр Потемкин. – Сопоставление этих имен представляет острополюемический выпад по отношению к “Весам”. Сергей Соловьев – ведущий сотрудник “Весов”, представитель и пропагандист высокой классической и религиозно-мистической поэзии. Рецензируемый Блоком сборник “Scurifragium” (М., 1908) был положительно оценен Андреем Белым в “Весакх” в рецензии за подписью: “В. Быков” (1908. № 9. С. 69–70). Петр Петрович Потемкин (1886–1926) – поэт-сатириконец, автор пародий на символистов, в том числе на “Незнакомку” Блока. По воспоминаниям А. Белого, в кругу “Весов” он был причислен к “огарочникам”, “калифам на час”, дискредитирующим русскую литературу (*Белый Андрей*. Между двух революций. М., 1990. С. 176, 179).

С. 52. ...*П. Потемкин написал “Смешную любовь”... – Потемкин П.* Смешная любовь: Первая книга стихов. СПб.: Изд. Г.М. Попова, 1908.

...”*Scurifragium*” (в словаре Шульца не встречается, а другого у меня нет). – Имеется в виду гимназический латинско-русский словарь Г.Ф. Шульца.

Чуть не ослеп, едва открыл предисловие... – Предисловие в сборнике “Scurifragium” набрано мельчайшим шрифтом (нонпарелью).

Читал прежде первую книгу С. Соловьева, критиковал ее и за это получил такой нагоняй во второй книге... – См. характеристику сборника С. Соловьева “Цветы и ладан:

Первая книга стихов” (М., 1907) в статье “О лирике” (Т. 7 наст. изд. С. 75–79). Об отношении Блока к поэзии С. Соловьева см.: *Котрелев Н.В., Лавров А.В.* Переписка Блока с С.М. Соловьевым // *ЛН*. Т. 92. Кн. 1. С. 308–327; *Лавров А.В.* “Продолжатель рода” – Сергей Соловьев // Соловьев С.М. Воспоминания. М., 2003. С. 5–32. С. Соловьев в статье “Г-н Блок о земледелях, долгобородых арийцах, паре пива, обо мне и о многом другом” называет статью Блока “несвязным лепетом” и “бредом” (“*Scurifragium*”, С. 162). В письме к матери 21 апреля 1908 г. Блок пишет: “В только что вышедшей статье Сережи – целая очень уловимо хамская статья обо мне”. В письме к Андрею Белому 24 апреля 1908 г. Блок замечает: «Что касается Сережиной “полемики” (?), то я должен сказать, что он понял меня и то, что писал, столь же тонко, сколько может понять любой высокомерный директор департамента».

С. 52. ...*читал стихи С. Соловьева в № 8 “Весов”*. – Речь идет о цикле “Сельская цевница” (В. 1908. № 8. С. 7–16), в который вошли 7 стихотворений: “Возвращение весны”, “Подражание Шенье”, “Элегия”, “ΕΙΔΥΛΛΙΟΝ!”, “Лесному богу”, “Галатея”, “Привет осени”. См. иронический отклик на эти стихи также в первой редакции статьи “Ирония” (С. 224 наст. тома).

...*мысли мои сочетаются по законам первичных ассоциаций*”, как утверждает С. Соловьев... – “*Scurifragium*”. С. 162.

“Мы – два Аякса, два Аякса, два Аякса – вдруг!” – Из оперетты Ж. Оффенбаха (либретто А. Миляка и Ф. Галеви).

...*Немезиана...* – Немезиан Аврелий Олимп, латинский поэт (вторая половина III в. до н. э.) в Карфагене.

...*утруженный заботами о стилистических проблемах, поставленных Андреем Белым, и об орфографических новшествах в виде широкого употребления ижицы...* – Ср. автокомментарий С. Соловьева к сборнику: «Рассказ “Веснянка” явился результатом работы над стилистической проблемой, которую поставил Андрей Белый» (“*Scurifragium*”, С. XV); “Упомяну о маленьком орфографическом новшестве, которое я допустил при печатании моей книги. Разумею более широкое употребление буквы γ, нежели принятое в современном правописании” (*Там же*).

...*левец Шапшала, Оттомана и часов Омега*. – Известные торговые фирмы. Упоминаются в стих. “В конке” (С. 18), а также в стих. “Хлопья первого снега” (С. 23).

...*Сиранузы, козье млеко...* – Иронически обыгрывается стих. С. Соловьева “Три девы”: “Только пастух через берег прогонит веселое стадо / Коз белорунных с отвислым, полным сладкого млека / Выменем” (“*Scurifragium*”, С. 114).

...*прочие “тихоулыбчивые” угодня...* – Эпитет из стих. С. Соловьева “Червонный потир” (“*Scurifragium*”, С. 59).

...*“ноги, груди и уста”, которые “между влажными корнями раскинулись по дуброве”*... – Блок цитирует стих. С. Соловьева “Возвращение весны” из цикла “Сельская цевница” (В. 1908. № 8. С. 7–8).

...*воспевает папирску, которая не курится...* – Из стих. П. Потемкина “Ночью” (С. 17).

...*“Musick” в черной папке...* – Из стих. “В конке” (С. 18).

...*Паулину и “Квисисану”*... – См. коммент. к статье “Вопросы, вопросы и вопросы” – (С. 360 наст. тома). Упоминаются в стих. “Будут вечером витрины...” (С. 22).

С. 53. ...*ученик Квинтилиана и Сатирикона...* – Марк Фабий Квинтилиан (ок. 35–ок. 96 г. н.э.) – римский писатель, теоретик ораторского искусства. “Сатирикон” – большое повествовательное произведение (“*Satiricon libri*”), приписываемое Петронию Арбитру (I в. н.э.).

Автограф неизвестен.

Первые напечатано: ЗР. 1908. № 7 / 9. С. 113–114.

В Собрание сочинений впервые включено: СС-12₉. С. 165–167.

Статья, написанная к 80-летию со дня рождения Л.Н. Толстого, первоначально предназначалась для газеты “Слово”. 4 августа 1908 г. Блок писал матери: «Сегодня зовут в редакцию “Слова” обсуждать юбилейный Толстовский № газеты. Не пойду – я не газетный человек». Ср. запись в ЗК₂₂ 19 августа 1908 г.: «Фельетон о Льве Толстом – к 28 августа (гений действует на современность своим присутствием, независимо от своего сознания; это не страх, не стыд, но неизъяснимое – в “Слово”)». Помимо этой статьи, Блок написал небольшую заметку о Толстом (см. с. 167 наст. тома). Об эволюции отношения Блока к Толстому см.: Минц З.Г. Ал. Блок и Л.Н. Толстой // Минц З.Г. Александр Блок и русские писатели. СПб., 2000. С. 113–144.

На образную структуру статьи, по признанию Блока, оказал известное влияние роман ирландского писателя Брэма Стокера “Вампир – граф Дракула”. По мнению Х. Барана, Блок читал роман в изд.: Корелли М. Вампир – граф Дракула / Пер. с англ. Е.Ф. Крапоткиной (СПб., 1902), зная, однако, имя настоящего автора (Баран Х. Некоторые реминисценции у Блока: вампиризм и его источники // Баран Х. Поэтика русской литературы начала XX века. М., 1993. С. 281). 3 сентября 1908 г. Блок писал Е.П. Иванову: «Прочел я Вампира – графа “Дракула”. Читал две ночи и боялся отчаянно. Потом понял еще и глубину этого, независимо от литературности и т.д. Написал в “Руно” юбилейную статью о Толстом под влиянием этой повести. (...) Это – два главные впечатления (кроме мрачных юбилейных газет)». Таким образом, статья была написана не ранее 19 августа и не позднее 3 сентября 1908 г.

В (Плане собрания сочинений) включена в раздел “Некрологи и памятки” под названием “Юбилей Толстого (1908)”.

С. 53. Когда в 1881 году Победоносцев убедил правительство повесить пятерых “цареубийц”... – Речь идет о казни народовольцев-“первомартовцев” А.И. Желябова, С.Л. Перовской, Т.М. Михайлова, Н.И. Кибальчича, Н.И. Рысакова, Г.М. Гельфман, осужденных за участие в покушении на Александра II и повешенных 3 апреля 1881 г. Ср. опубликованные в “Биржевых ведомостях” (1908. № 10381. 1 марта. Веч. вып.) воспоминания за подписью “И.М.”: “Стоя во главе ведомства, которое по идее своей должно исповедовать любовь ко всем и сострадание, Победоносцев отличался жестокостью. (...) Когда Л.Н. Толстой в своем письме ходатайствовал о даровании жизни виновникам злодеяния 1 марта 1881 года, то К.П. в письме к великому писателю доказывал то положение, что смертная казнь не противоречит учению Христа”.

...Лев Толстой написал просьбу о помиловании их и просил Победоносцева передать эту просьбу. – Письмо Л.Н. Толстого Александру III, написанное в дни суда над участниками покушения 8–15 марта 1880 г., сохранилось только в черновике. Убеждая императора помиловать цареубийц, Толстой писал: “Только одно слово прощения и любви христианской, сказанное и исполненное с высоты престола, и путь христианского царствования, на который предстоит вступить Вам, может уничтожить то зло, которое точит Россию. Как воск от лица огня, растает всякая революционная борьба перед царем – человеком, исполняющим закон Христа” (Толстой Л.Н. Собр. соч.: В 20 т. М., 1965. Т. 17. С. 529). Обращаясь к К.П. Победоносцеву, Толстой писал 15 (?) марта 1881 г.: “Я знаю Вас за христианина и, не помяная всего того, что я знаю о Вас, мне этого достаточно, чтобы смело обратиться к Вам с важной и трудной просьбой передать государю письмо,

написанное мною по поводу страшных событий последнего времени” (*Там же*. С. 530). К.П. Победоносцев отказался передать письмо императору, ответив Толстому спустя несколько месяцев, 15 июня 1881 г.: “Прочитав письмо моему императору, я увидел, что Ваша вера одна, а моя и церковная другая, и что наш Христос – не Ваш Христос. Своего я знаю мужем силы и истины, исцеляющим расслабленных, а в Вашем показались мне черты расслабленного, который сам требует исцеления. Вот почему я по своей вере и не мог исполнить Ваше поручение” (Цит. по: *Бирюков П.И.* Биография Л.Н. Толстого. М., 1923. Т. II. С. 176–177).

С. 53. *...письмо дошло до царя (через генерала Черевина)*. – В настоящее время известно, что письмо Толстого было переслано им Н.Н. Страхову, который передал его Александру III через Великого князя Сергея Александровича (*Толстой Л.Н.* Собр. соч.: В 20 т. Т. 17. С. 531–532).

...в знаменитом заседании Государственного Совета 8 марта Победоносцев произнес свою историческую речь... – На заседании Государственного Совета 8 марта 1881 г. К.П. Победоносцев подверг острой критике проект Конституции, подготовленный М.Т. Лорис-Меликовым, и назвал реформы Александра II “преступной ошибкой”.

Старый упырь теперь в могиле. – К.П. Победоносцев умер в 1907 г. Ср. его образ в поэме “Возмездие” (Т. 5 наст. изд. С. 45, 424, 427). В книге А.В. Амфитеатрова и Е.В. Аничкова “Победоносцев как человек и общественный деятель. Победоносцев и православная церковь” (СПб.: Шиповник, 1907) отмечалось, что «Победоносцева часто обзывают и рисуют в карикатурах “вампиром” России. Либо – “змием”» (С. 38). Одна из анонимных карикатур этого времени воспроизведена в изд.: Александр Блок в портретах, иллюстрациях и документах / Сост. А.М. Гордин. Л., 1972. С. 40. Х. Баран указал, что на ассоциативную связь между образом Победоносцева и романом Б. Стокера “Вампир – граф Дракула” могло оказать воздействие неоднократное использование вампирического мотива «в антиправительственной полемике в период революции 1905 г. Так, в начале 1906 года появилось восемь номеров художественно-сатирического еженедельника “Вампир”, редактировавшегося Б. Катловкером. Обложка первого номера изображала запятнанное кровью чудовище, склонившееся над телом девы-России, с надписью: “Кажется, успокоил”. В журнале были также напечатаны несколько статей самого Катловкера, подписанных псевдонимом “Упырь”» (*Баран Х.* Некоторые реминисценции у Блока: вампиризм и его источники. С. 281–282). См. также: *Миц З.Г.* Ал. Блок и Л.Н. Толстой. С. 704.

...усталой, “горестной”, но все той же великой России... – Эпитет “горестный” по отношению к России взят из стих. В.Я. Брюсова “Цусима” (1905): “Да вместе призрак величавый, / Россия, горестная, твой”. Эта цитата использована также в статье “Об одной старинной пьесе” (с. 59 наст. тома).

...под знакомый аккомпанемент административных распоряжений и губернаторско-уряднических запрещений... – Незадолго до юбилея Л.Н. Толстого Министерство внутренних дел разослало циркуляр губернаторам, в котором предписывалось не допускать собраний и манифестаций, посвященных Толстому – общественному деятелю. Об исполнении тех или иных положений этого циркуляра широко писали газеты того времени. См., напр., заметку “По поводу акта Св. Синода (Из бесед)” за подписью “Г.-т.”: “То, что Синод сделал официально, объявив по всем городам и весям о своем воспрещении чествовать юбилей гр. Л.Н. Толстого, министерство внутренних дел и министерство народного просвещения сделало конфиденциально” (*Р.* 1908. № 209. 27 авг.).

Толстому дарят плуг и самовар. – Блок использует газетные материалы. Ср.: «Сегодня официанты театра “Фарс” отправляют в Ясную Поляну мельхиоровый самовар с вырезанными на нем своими фамилиями» (Накануне праздника русской мысли: к 80-летию Л.Н. Толстого // *БВ.* 1908. № 10670. 23 авг. Веч. вып.).

Кто пришел сосать кровь умирающего Гоголя? – Вероятно, имеется в виду священник Матвей Константиновский, духовный отец Гоголя в последние годы его жизни.

В своем суждении о роковой роли о. Матвея Блок исходит из освещения этой проблемы в работах Д.С. Мережковского. 18 апреля 1902 г. Мережковский прочел на Заседании X Петербургских религиозно-философских собраний доклад “Гоголь и отец Матвей”, который затем вошел в большую работу “Судьба Гоголя” (НП. 1903. № 1–3), внимательно прочитанную Блоком. В принадлежащих ему журнальных экземплярах в тексте и на полях этой работы имеются сквозные пометы. В частности, отчеркнуто суждение: “От Пушкина – жизнь, от о. Матфея – смерть Гоголя, и жизнь явно побеждена смертью” (НП. 1903. № 3. С. 139. См.: ББО-З. С. 185–187).

С. 53. ...увел Достоевского на Семеновский плац и в мертвый дом? – Семеновский плац – место казни петрашевцев, среди которых был Ф.М. Достоевский. Мертвый дом – каторга, на которую был осужден Достоевский, в последний момент заменившая смертную казнь на гражданскую.

С. 55. ...все ничего, все еще просто и не страшно сравнительно, пока жив Лев Николаевич Толстой. – Этот фрагмент статьи перекликается с целым рядом опубликованных 28 августа газетных юбилейных статей о Толстом. Ср.: “Когда в литературе есть Толстой, то легко и приятно быть литератором. Даже сознавать, что ничего не сделал и не делаю, – не так страшно, так как Толстой делает за всех. Его деятельность служит оправданием всех упований, какие на литературу возлагаются” (слова А.П. Чехова см.: БВ. 1908. № 10678. 28 авг. Веч. вып.). “Жив Толстой – воплощение русской совести и правды, прекрасное даже в своих ошибках и противоречиях (...) Велика радость и велико счастье жить с Толстым. Страшно жить без Толстого” ([Б.п.] Праздник духа // БВ. 1908. № 10677. 28 авг. Утр. вып.).

Ничего, что нам запретил радоваться святейший Синод... – 23 августа 1908 г. в газетах было опубликовано “Определение святейшего Синода от 20 августа сего года, за 5492, по вопросу о готовящемся чествовании дня рождения графа Льва Николаевича Толстого”, в котором содержался призыв к верующим: “...воздержаться от участия в чествовании графа Льва Николаевича Толстого и тем избавить себя от суда Божия”.

Толстой идет – ведь это солнце идет. – Ср. концовку юбилейной статьи о Толстом “Праздник духа”: “Слава нашему солнцу высокому” (БВ. 1908. № 10677. 28 авг. Утр. вып.).

Дай Господи долго еще жить нас Льву Николаевичу Толстому. – Ср. текст юбилейного приветствия Г. Ибсену шведского поэта Леввертина: “Да будет дано Генриху Ибсену еще долго жить и трудиться среди нас” (Полное собрание сочинений Генрика Ибсена. М.: Изд. Скирмунта, 1907. Т. 7. С. 281).

ВЕЧЕРА «ИСКУССТВ»

(С. 55)

Автограф неизвестен.

Впервые напечатано: Р. 1908. № 259. 27 октября. Подпись: “Александр Блок”.

В Собрание сочинений впервые включено: СС-12₉. С. 66–70.

Печатается по тексту первой публикации со следующим исправлением:

С. 58, стр. 25: нельзя приучать публику вместо: нельзя приучить публику

Статья была написана между 12 и 19 октября 1908 г. 11 октября состоялся “Вечер северной свирели”, послуживший поводом для написания статьи (см. с. 328 наст. тома). 20 октября в ЗК₂₃ Блок отмечает: «Галичу (Л.Е. Габриловичу, сотруднику “Речи”. – Сост.) передал вчера “Вечера искусств»».

Замысел статьи возникает у Блока значительно раньше. 9 декабря 1907 г. он писал матери: «Твое письмо о ненужности чтения на концертах совпало с большим вечером

“Нового искусства”, после которого мы втроем (А.А. Блок, Л.Д. Блок, Н.Н. Волохова. – *Сост.*) решили, что я больше читать не стану. Я отказываюсь категорически и с 30 ноября нигде не читал». 21 января 1908 г. в газете “Свободные мысли” публикуется письмо Блока в редакцию, где подтверждается его принципиальное нежелание участвовать в литературных вечерах “нового искусства” (с. 165 наст. тома).

Сюжет статьи получает окончательное оформление под впечатлением “Вечера северной свирели”, на котором присутствовал Блок (см. с. 326 наст. тома). В перечне предполагаемых статей в *ЗК₂₃* значится: «*Написать*: О литературных вечерах, и, в частности – о вечере “Северной свирели”».

В день выхода статьи, 27 октября, А.М. Ремизов откликнулся на нее полемическим письмом: «Я с Вами согласен: читать не нужно. А почему не нужно, я совсем по-другому думаю, и не думаю, а на этот счет чувствую. Так что сказать не могу, почему я нахожу читать не нужно. Когда я читаю, я никого не вижу, ничего не слышу, а вижу свою книгу и слышу свой голос, произносящий русские слова. А так как я люблю русские слова, то мне приятно произносить их. Так что, кажется, выходит по всему, что мне нужно читать, раз мне приятно это, а в то же время, уходя с вечеров, я испытываю какое-то неприятное чувство, словно бы я сделал что-то такое, чего мне не следовало бы делать. Но тут-то я ничего не могу сказать. Те люди, которые идут на вечера, они в глубине своего сердца прекрасно знают, зачем они идут. И когда слышат, скажем, мои русские слова, они остаются к ним совершенно безразличны, как оставались бы безразличны к словам Достоевского, Толстого и Пушкина. Вечер для каждого входящего на вечер имеет только тот смысл, что в данный промежуток времени в известном месте произойдет или не произойдет, совершится так или по-другому то дело, какое входящий несет с собой – дело его жизни. Как вечер с моими русскими словами, так и вечер с Достоевским никого ничему научить не может, не может ни поправить что-нибудь, ни испортить что-нибудь. Всё останется по-прежнему. Боже мой! – После Эдипа и Гамлета разъезжаются по публичным домам. (...) Вот почему в вашем “почему читать не нужно” я чувствую какую-то неправду, что-то такое сочиненное, “не правдошное» (*ЛН*. Т. 92. Кн. 2. С. 86–87).

Блок, отвечая Ремизову, писал 31 октября 1908: «Знаю, почему Вы упрекаете меня в “сочиненности” (относительно вечеров), но и Вы знаете, почему я с этим не соглашусь. Это – только поэтический способ сказать в газете то, что я чувствую, а не то только, о чем я размышляю».

Критик “Русского богатства” А. Пешехонов в статье “На очередные темы: В поисках”, процитировав последний абзац статьи Блока, выражал сомнение в серьезности ее антимодернистского пафоса: «Знает ли теперь г. Блок, чего он хочет? Я не решусь сказать это про человека, который “не читает”, но пишет. Потом, быть может, он убедится, что не только читать, но и писать такие статьи “вредно”, что это тоже “способствует размножению породы людей стилиа модерн”, что общество и без того “довольно пропитано ядами косности и праздности”... Может быть, и то ему дастся лишь “путем очень неприятного и слишком продолжительного опыта”, а может быть и сразу он это сообразит. Бывает просияние такое. (...) Возвращаясь к “очаровательному по своей наивности” г. Блоку, я могу лишь присоединиться к пожеланию, уже высказанному Антоном Крайним, а именно, “чтобы этот новый рыцарь не был рыцарем только на час”. И это ведь бывало и бывает... Бывает, что человек захочет одного, захочет другого, а потом вдруг: “ничего я не хочу, ничего не желаю» (*РБ*. 1908. № 11. Паг. 2-я. С. 55–56). Через несколько месяцев он вновь вернулся к этой статье при обсуждении современной литературной моды: «Припомните, например, “вечера молодого искусства”. Теперь сами участники вспоминают о них с отвращением, – г. Блок даже публично каялся. А год тому назад на эти самые вечера публика валом валила» (*Пешехонов А. На очередные темы: Времяпрепровождение // РБ*. 1909. № 5. Паг. 2-я. С. 116–117).

П. Пильский в статье “Конец легенде”, упомянув «Вечера “искусств”», констатировал: “Должно быть, наболело у человека в душе, если приходится страстно молить читателя (...) о молчанье и скромности как о великой милости” (Межа. 1908. № 3. 3 нояб.).

В том же номере газеты Саша Черный опубликовал стихотворный “маленький фельетон” “Александр Блок, умоляющий братьев-писателей” с эпиграфом из статьи: “Я обращаюсь к писателям, художникам, устроителям с горячим призывом не участвовать в деле, разлагающем общество”:

Молил поэта
Блок-поэт:
“Во имя Фета
Дай обет –
Довольно вить с эстрады
Гнусавые баллады!

Искусству вреден
Гнус и крик,
И нищ и бледен
Твой язык,
А publicum гогочет
Над тем, кто их морочит”.

Поэт на Блока
Заворчал:
“Мерсі! Урока
Я не ждал –
Готов читать хоть с крыши
Иль в подворотной нише!

Мелькну, как дикий,
Там и тут,
И шум, и крики
Всё растут,
Глядишь, меня в итоге
На час зачислят в боги.

А если бы дома
Я торчал
И два-три тома
Натачал,
Меня б не покупали
И даже не читали...”

Был в этом споре
Блок сражен.
В наивном горе
Думал он:
“Ах! нынешние Феты
Как будто не поэты...”

(Вошло в сб.: *Черный Саша*. Сатиры. СПб., 1913. С. 87, без заглавия, в разд. “Литературный цех”).

М. Неведомский (М.П. Миклашевский) в статье “Модернистское похмелье” поставил «Вечера “искусств”» в один ряд с “народническими” статьями Блока, которые, по мнению критика, “свидетельствуют о настоящем переломе, происходящем в этом писателе”. Особое внимание критик уделил сделанному Блоком сопоставлению старых и новых вечеров искусства. По мнению Неведомского, оно констатирует “ту смуту внутреннюю, то похмелье, которое царит теперь в этом недавно еще столь бодро и гордо державшем голо-

ву лагере (символистов. – *Сост.*). Продолжая намеченное Блоком противопоставление, размышляя о причинах различной реакции публики на выступления поэтов на прежних и современных Блоку литературных вечерах, М. Неведомский ставит вопрос “о художественной ценности завоеваний модернизма, о художественных заслугах его адептов”. Выдвигая критерий “цельности, единства авторской духовной физиономии”, “адекватности” творчества “самой интимной сути авторской души”, критик пишет: «В этом последнем смысле даже микроскопический Плещеев головой выше современных “вершин”. И вот эту-то адекватность, составляющую основную и глубочайшую предпосылку подлинного художества, всякая толпа любит и ценит. И если она не совсем почтительно относится на “вечерах искусств” к современному его жрецам, хотя бы они были в десять раз более одарены, чем Плещеев и даже Апухтин, то она права, – не потому только, что “чистосердечно ничего не понимает”, а потому, что чутьем *понимает* именно эту первооснову подлинного художества, и значит – именно перед искусством, перед поэзией – она права!» (Вершины. Литературно-критические и философско-публицистические сборники. СПб., 1909. Кн. 1. С. 406–407).

В (Плане собрания сочинений) входит в раздел “Лирич(еские) статьи”.

С. 55. *Вечера “искусств”*. – Открытые публичные чтения и дискуссии под названием “Вечера искусства” начались с декабря 1906 г. по инициативе “Кружка молодых”, основанного студентами С.-Петербургского университета при участии Блока. Успех “вечеров искусства” у широкой публики породил множество подражаний, вечера становились все более театрализованными, приближаясь к жанру артистических кабаре (см. подробнее: *Галанина Ю.Е.* Блок и “вечера искусства” // Тр. Гос. музея истории Санкт-Петербурга. Вып. 4. Музей-квартира А. Блока: Материалы научных конференций. СПб., 1999. С. 171–194).

...прошлой зимой свирепствовала литературно-музыкально-вокальная эпидемия... – Об “эпидемии” вечеров см. заметку С. Ауслендера “Из Петербурга” (*ЗР.* 1908. № 2. С. 65–67).

С. 56. ...“убогую роскошь своего наряда”. – Перефразированные слова из стих. Н.А. Некрасова “Убогая и нарядная” (1859). Возможно, использование цитаты из стихотворения Некрасова является откликом на заметку о “Вечере северной свирели” в газете “Слово”: “Убого и нарядно (...) Много претензий, мало вкуса” (*Михайлов А.* Театр искусств: “Вечер северной свирели” // С. 1908. № 588. 13 окт.).

На одном из реформированных представлений под названием “Вечер северной свирели” мне привелось быть. – Вечер состоялся 11 октября в “Театре искусств” В. Гардина и А. Воротникова в зале Дервиз. Вечер был поставлен режиссером А. Воротниковым и С. Городецким. См. объявление в газете “Речь” (1908. № 2243. 11 (24) окт.): «Сегодня в “Театре искусств” состоится первый художественный вечер “Северной свирели”. Представлены будут: “Башня горбуна” Александра Рославлева и “Песнь”, поэма Григория Новицкого. Исполнители: И.И. Валевская, Н.В. Маргаритов. Арфа – В. Андреев. В третьем отделении – “Пчелы” Алексея Ремизова (прочтет автор), “Сказка старая” Сергея Городецкого (прочтет автор), “Песня Мелсанды” Мориса Метерлинка, музыка Габриэля Фабра (споет А. Дейбнер, арфа – В. Андреев, рояль – С. Лемницкая)». См. также краткий отчет о вечере: *Р.* 1908. № 247. 15(28) окт.

...было кое-что уже выходящее вон из ряда по неприличию и внутреннему уродству, нечто вопиющее и требующее литературной кары... – Среди номеров, исполненных на вечере, наиболее шокирующее впечатление на публику произвела поэма Г. Новицкого “Песнь песней”, названная критиками “искренней пошлостью” (*Б.л.* “Вечер северной свирели” // *БВ.* 1908. № 10755. 13 окт. Веч. вып.). Вл. Боцяновский писал: «Если бы г. Новицкий предупредил, что он написал шарж, карикатуру на “Песнь песней” Соломона или же на “Суламифь” Куприна, это было бы еще понятно. Сказали бы – неважный шарж, но все же хотя не было бы недоумения.

А ведь это было всерьез. На темной сцене, откуда-то из-за дивана, громко кричали два голоса, мужской и женский, громко, нараспев произносили тирады, библейские сравнения великого поэта Соломона, уложенные в странные вирши г. Новицкого.

Публика хохотала, и жалко было, что так профанируется не только Соломон, [но] и новейшее искусство, за представителя которого выдали г. Новицкого устроителя вчерашнего вечера» (*Анчар* (Боцяновский В.Ф.) Вечер северной свирели // Новая Русь. 1908. № 59. 13 окт.). Отмечено: Галанина Ю.Е. Блок и “вечера искусств”. С. 181–182.

С. 56. ...декорации даже в театре Коммунарской, например в “Пеллеас и Мелисанда”? – Оценка постановки В.Э. Мейерхольда пьесы М. Метерлинка “Пеллеас и Мелисанда” в Драматическом театре В.Ф. Коммунарской и декораций к ней В.И. Денисова дана Блоком в статье “Пеллеас и Мелисанда” (Т. 7 наст. изд. С. 103–106).

С. 57. ...дались мне путем очень неприятного и слишком продолжительного опыта, ибо я сам не раз читал на вечерах “нового” и не нового искусства... – Блок в 1907 г. неоднократно выступал с чтением своих стихов на литературных вечерах в Петербурге, а также в октябре 1907 г. в Киеве (см. подробнее: Галанина Ю.Е. Блок и “вечера искусств”. С. 176).

...хотя бы сам г. Вавич декламировал там стихи из своей книги “Зажженные бездны” или г. Григорий Новицкий пел куплеты из “Ночи любви” (впрочем, извиняюсь, я немного спутал, но поправлять как-то рука не поднимается)... – Блок намеренно путает: Михаил Иванович Вавич (1881–1931) – опереточный актер, исполнитель цыганских песен, “Ночи любви” – оперетта В.П. Валентинова. Григорий Новицкий – поэт-модернист, автор книги стихов “Зажженные бездны” (СПб., 1908).

С. 58. ...прав Достоевский, когда с эстрады “жег сердца людей” “Пророками” Пушкина и Лермонтова. – См. воспоминания А.Г. Достоевской о людях, «которые по прошествии двух десятков лет помнили, как поразительно хорошо удавалось прочесть Федору Михайловичу стихотворение А.С. Пушкина “Пророк»» (*Достоевская А.Г.* Воспоминания. М., 1971. С. 353. Ср. также С. 357–363).

...“явления” Достоевского “народу”... – Парафраза названия картины А.П. Иванова “Явление Христа народу”.

...Плещев в серебряных сединах, зовущий “вперед без страха и сомненья”? – Из стих. А.Н. Плещеева “Вперед! Без страха и сомненья...” (1848).

...когда Н.А. Морозов читал свои стихи... – Освобождение народовольца Н.А. Морозова по амнистии в 1905 г. из Шлиссельбургской крепости было восторженно встречено всей демократической Россией. Н.А. Морозов вспоминал: “Редакторы тогдашних либеральных и радикальных газет наперебой приглашали меня сотрудничать... Устроители публичных лекций и литературных вечеров спешили заручиться моим согласием прочесть у них что-нибудь” (*Морозов Н.А.* Повести моей жизни. М., 1961. Т. 2. С. 486).

...нельзя приучать публику любоваться на писателей, у которых нет ореола общественного... – Возможно, Блок откликается на скандальное происшествие на вечере, о котором писал репортер газеты “Слово”: «Посмотреть за свои деньги на живых писателей, выступающих ныне на вечерах, очевидно, и без благотворительной цели, решилось не много публики. При этом произошел занятный эпизод: одному из читавших сидя крикнули: “встаньте”, а когда он встал – его попросили сесть, что он и исполнил. Публика совершенно права. Раз молодая литература, не обладая декламаторскими талантами, читает на подмостках, а, следовательно, лишь демонстрирует свою наружность и голос, – она должна показаться публике и сидя, и стоя, – как той больше понравится» (*Михайлов А.* Театр искусств. “Вечер северной свирели” // С. 1908. № 588. 13 окт.). Отмечено: Галанина Ю.Е. Блок и “вечера искусств”. С. 183.

ОБ ОДНОЙ СТАРИННОЙ ПЬЕСЕ

(С. 59)

Автограф утрачен.

Впервые напечатано: *Р.* 1908. № 280. 17(30) ноября. Подпись: “Александр Блок”.

В Собрание сочинений впервые включено: *СС-Берлин.* Т. 9. С. 69–79.

Статья представляет собой переработку предисловия к изданию пьесы Ф. Грильпарцера “Праматерь”, перевод которой выполнен Блоком в январе–мае 1908 г. (см. текст и комментарий в т. 11 наст. изд.). 28 апреля 1908 г. Блок сообщает Ф.Ф. Коммиссаржевскому, который готовил пьесу к постановке: «Одновременно с постановкой *Ahnfrau* выйдет отдельной книгой (в “Пантеоне”) со статьями и примечаниями (и с виньетками Бенуа)». Первоначально Блок намеревался в качестве предисловия поместить перевод вступительной статьи Г.-Ф. Гофмансталя к трагедии Грильпарцера “Волны моря и любви”. 24 июля 1908 г. он пишет матери: «Передай, что на днях я пришлю ей (М.А. Бекетовой, выполнившей подстрочный перевод “Праматери”. – *Сост.*), наконец, паршивого Гофмансталя с просьбой перевести его со страшной быстротой». Однако уже в письме матери 31 июля сообщает: “Передай тете, что Гофмансталя не будет. Этот идиот написал четыре странички рассуждений о любви и назвал это предисловием к пьесе Грильпарцера. Я написал статью сам и на днях сдаю всю готовую книгу в типографию”. В предисловии к “Праматери” Блок упомянул статью Гофмансталя в качестве “курьеза”: “Здесь ни о трагедии, ни об авторе ее по существу не говорится ни слова” (Т. 11 наст. изд.).

7 августа Блок писал матери: «Послезавтра (...) – беседа в театре, я буду читать актерам свою статью о “Праматери”». По воспоминаниям актера А. Дьяконова (Ставрогина), «9 августа Блок читал всей группе пьесу и вступление к ней “Несколько мыслей о значении “Праматери” для нашего времени и краткие сведения о Грильпарцере” – ту самую, только что написанную им “маленькую статью»» (*Дьяконов (Ставрогин) А.* Александр Блок в театре Коммиссаржевской // *О Коммиссаржевской. Забытое и новое: Воспоминания. Статьи. Письма.* М., 1965. С. 101–102).

Решение Блока переработать текст предисловия в самостоятельную статью зафиксировано в *ЗК₂₂*. 19 августа 1908 г. появляется запись: «Фельетон об “*Ahnfrau*” (политическая реакция в Австрии) – в “Слово”». В списке предполагаемых статей в сентябре–ноябре 1908 г. (*ЗК₂₃*) значится: «О “Праматери”». Перерабатывая предисловие в статью для газеты, Блок, помимо некоторой стилистической правки, полностью меняет ее композицию и вводит необходимый для читателя пересказ содержания пьесы, а также меняет заглавие статьи. Эти композиционные перестановки были сделаны и в тексте Предисловия, при подготовке “Праматери” к переизданию (см.: Т. 11 наст. изд.). Причины, по которым статья была напечатана не в “Слове”, а в “Речи”, неизвестны.

Авторская оценка (“Хорошая статья”) содержится в письме к матери 7 августа 1908 г. В “Списке моих работ” против названия статьи помета: «(Праматерь). 1) “Речь”. 2) часть статьи – предисл(овие) к “Праматери” (изд. Пантеон 1908 г.). Печ(атная вырезка) из газ(еты). Чернов(ик) (1 пропал)». В (Плане собрания сочинений) включена в раздел “Иностран(ая) литерат(ура)” под названием: “Об одной старинной пьесе (Грильпарцер) (1908)”.

С. 59. ...между прочим – у Мейнингенцев. – Группа знаменитого Мейнингенского театра (из немецкого города Мейнинген) гастролировала в России в 1885 и 1890 гг., оба раза включая в гастрольный репертуар “Праматерь” (см. об этой постановке в брошюре: *Кориандер Э.* Мейнингенцы. СПб., 1890. С. 41–43, 67–68). А.Н. Бенуа, принимавший активное участие в постановке “Праматери” в театре В.Ф. Коммиссаржевской в 1908 г.,

гимназистом видел постановки Мейнингенцев во время их петербургских гастролей. По его воспоминаниям, он пытался по памяти воспроизводить в рисунках сценографию этих постановок, в частности, «сделал вырезанную макету главной декорации страшной привиденческой трагедии Грильпарцера “Die Ahnfrau”» (Бенуа А.Н. Мои воспоминания: В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 553).

С. 59. *Собрание сочинений Грильпарцера выдержало шесть изданий.* – См. перечень этих изданий в предисловии Блока к трагедии “Праматерь” (Т. 11 наст. изд.).

...на русский язык была переведена только одна (“Сафо”, перевод Арбенина в журнале “Артист” 1895 года)... – В 1918 г., готовя “Праматерь” к переизданию, Блок обнаружил свою ошибку. В ЗК₅₆ 6 апреля он отметил: «Кажется, открытие: Ободовский перевел в 1829 г. “Прародительницу”». Тогда же Блок внес в текст предисловия уточнение: «Что касается “Праматери”, то она, под названием “Прародительница”, шла с успехом на петербургской казенной сцене в 1830 году в переводе Ободовского» (Т. 11 наст. изд.). Кроме этого перевода, существовал прозаический перевод Д.А. Мансфельда, выполненный в 1890 г., разрешенный цензурой к представлению в 1903 г. и в 1904 г., выпущенный “Литографией Московской театральной библиотеки С.Ф. Рассохина” (цензурные экземпляры хранятся в отделе театральной цензуры Театральной библиотеки С.-Петербурга). Трагедия “Сафо” была переведена на русский язык в 1891 г.

...эту пьесу играла у нас М.Н. Ермолова. – Премьера постановки пьесы Грильпарцера “Сафо” состоялась в Малом театре 3 февраля 1892 г., в бенефис М.Н. Ермоловой.

...скоро появится в русском переводе, а потом пойдет на русской сцене... – См. подробную творческую и сценическую историю “Праматери” в т. 11 наст. изд. Премьера постановки состоялась 29 января 1909 г.

С. 61. ...не вечная трагедия, как “Эдип” или “Макбет”... – Выбор пьес “Царь Эдип” Софокла и “Макбет” Шекспира для сопоставления с Грильпарцером продиктован “Предисловием немецкого издателя” к трагедии “Праматерь”, на которое Блок ссылается и в заключительных абзацах (см. коммент. ниже).

...хотя бы к острой, короткой и блестящей “Истории немецкой литературы” Куно Франке. – Блок имеет в виду издание: Франке К. История немецкой литературы в связи с развитием общественных сил (с V века до настоящего времени). СПб.: Кн-во М.В. Пирожкова, 1904. Книга сохранилась в библиотеке Блока (см. описание помет: ББО-2. С. 359–360).

...“величавый призрак горестной России”... – Неточная цитата из стих. В.Я. Брюсова “Цусима” (1905). У Брюсова: “Да вместе призрак величавый, / Россия горестная, твой”.

...когда старое все еще не может умереть, ~ а новое все не может окрепнуть... – Возможно, неосознанно воспроизводятся слова декабриста Оболенского об эпохе 1861 г.: “Старое не хочет умереть, а новое еще не окрепло” (приведено в кн.: Головачев П.М. Декабристы. М., 1907). В библиотеке Блока этой книги не было, однако она обсуждалась в кругу Мережковских, вновь в этот период сблизившихся с Блоком. Д.С. Мережковский написал об этой книге, процитировав приведенные слова, позднее, в 1915 г.: Мережковский Д. Декабристы в 60-е годы // БВ. 1915. № 15191. 5 нояб. Веч. вып.

С. 62. ...“во мраке и сырости старых садов”. – Из стих. Д.С. Мережковского “Веселые думы” (Северные цветы на 1902 г., собранные издательством “Скорпион”. М., 1902). Блок цитирует это стихотворение также в статье “Мережковский” (С. 96 наст. тома).

...эти трагедии относятся к “Праматери” примерно так, как сама “Праматерь” к “Эдипу”, как говорят доброжелательные критики и историки? – См. “Введение немецкого издателя”, переведенное М.А. Бекетовой и помещенное в кн.: Грильпарцера Ф. Праматерь. СПб.: Пантеон, 1908: «Пьеса просто насыщена (...) фатальным настроением (...) Уже это одно составляет ее существенное отличие от софокловского “Царя Эдипа” (...) Но, конечно, “24 февраля” (драма Вернера. – Сост.) или Мюльнеровскую драму

отделяет от “Траматери” по меньшей мере такое же расстояние, как эту трагедию от софокловского “Эдипа”» (С. 30).

С. 63. *Лучше бы и не будить “уснувших дум”: ведь хаос – “из смертной рвется он груди и с беспредельным жаждет слиться”*. – Неточная цитата из стих. Ф.И. Тютчева “О чем ты воешь, ветр ночной...” (1836). У Тютчева: “Из смертной рвется он груди, / Он с беспредельным жаждет слиться”.

...*рождая “светлых своих дочерей”* ... – Парафраза строк из стих. В.С. Соловьева “На Сайме зимой” (1894). В принадлежащем Блоку томе “Стихотворений” В.С. Соловьева стихотворение отмечено знаком + (См.: *Максимов Д.Е.* Ал. Блок и Вл. Соловьев: (По материалам из библиотеки Ал. Блока) // Творчество писателя и литературный процесс. Иваново, 1981. С. 142).

ГЕНРИХ ИБСЕН

(С. 64)

ЧА – с правкой черными чернилами, красным, синим и простым карандашом – *ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. № 181. На л. 1 надпись: «1908. Генрих Ибсен. Читано в театре Коммиссаржевской 2 и 21 ноября перед утренними представлениями “Строителя Сольнеса” и в Психоневрологическом институте 30 ноября. Использовано для статьи о Стриндберге в 1912 г.». На л. 33 – такая же надпись, на л. 34 помета – “Не напечат(ано)”. На л. 6 об. зачеркнуто: “В своем вступит(ельном) слове об Ибсене я не”.

При жизни Блока не публиковалась.

Впервые напечатано: *СС-129*. С. 133–141.

Печатается по верхнему слою ЧА.

Текст представляет собой реферат, прочитанный Блоком в театре В.Ф. Коммиссаржевской. Работа над ним началась не позднее 29 октября и в целом завершена к 2 ноября – дню первого чтения реферата. Ряд ситуативных поправок, снимающих отсылки к предстоящему спектаклю, внесен в текст перед чтением 30 ноября в Психоневрологическом институте.

Л.Д. Блок упоминает о начале работы над рефератом в письме к А.А. Кублицкой-Пиоттух 29 октября 1908 г.: “И Неволин (артист театра В.Ф. Коммиссаржевской. – *Сост.*) был, пригласил Сашу читать реферат об Ибсене на утреннике; Саша его пишет теперь” (*ЛН*. Т. 92. Кн. 3. С. 336). В тот же день появилось объявление в газете “Речь”: «В воскресенье утром в театре Коммиссаржевской идет “Строитель Сольнес” Ибсена с г-жой Коммиссаржевской в роли Гильды и г. Бравичем в роли Сольнеса. Перед спектаклем Александр Блок прочтет реферат о Генрике Ибсене» (*Р*. 1908. № 261. 29 окт.).

Размышления о значении творчества Ибсена для судеб современной ему русской и европейской культуры Блок относит к числу принципиально важных тем своих критических сочинений 1908 г. (см. об этом: *Шарыпкин Д.М.* Блок и Ибсен // Скандинавский сборник. VI. Таллин, 1968. С. 159–175). В письме к матери от 8 января 1908 г. он писал: “Я должен установить свою позицию и свою разлуку с декадентами путем ряда статей (о театре, о критике, об Ибсене)”. Тема Ибсена является ключевой в статьях “Три вопроса” (С. 7 наст. тома) и “О театре” (С. 11 наст. тома).

Поводом для написания реферата явилось возобновление в театре В.Ф. Коммиссаржевской спектакля “Строитель Сольнес” в октябре 1908 г. Одновременно с сообщением о возобновлении постановки “Речь” помещает анонс: “С 12 октября по воскресеньям и праздникам в театре В.Ф. Коммиссаржевской будут даваться по утрам общедоступные спектакли. Перед спектаклями будут рефераты,

посвященные Софоклу, Кальдерону, Пушкину, Андрееву, Гофмансталю и др.” (Р. 1908. № 236. 4(17) окт.).

По воспоминаниям актера и летописца театра Коммиссаржевской А. Дьяконова (Ставрогина), театр оказался в тяжелом материальном положении после внезапного запрещения “Саломеи” О. Уайльда. Для поднятия сборов было решено “сопровождать рефератами воскресные утренники, шедшие преимущественно для учащейся молодежи. Почин в этом направлении был сделан при участии Блока” (Дьяконов А. (Ставрогин). Александр Блок в театре Коммиссаржевской // О Коммиссаржевской: Забытое и новое. М., 1965. С. 107).

Фактическим материалом для реферата послужила вступительная статья А. и П. Ганзен “Жизнь и литературная деятельность Генрика Ибсена” к Полному собранию сочинений Г. Ибсена в 8-ми томах (Т. 1. М.: Изд. С. Скимунта, 1907). Это издание сохранилось в библиотеке Блока (см. описание многочисленных помет на его страницах: ББО-1. С. 286–292).

Правка в ЧА носит исключительно стилистический характер и отчетливо разделяется на слои. Нижний слой правки, отражающий первоначальную работу над текстом, сделан черными чернилами. Небольшие позднейшие поправки, уже по завершеному тексту, сделаны синим карандашом. Красным карандашом проставлены знаки, членящие текст на абзацы и более крупные смысловые отрезки (L, //, |, v, ≡). Наконец, простым карандашом вычеркнуты непосредственные обращения Блока к театральной публике, ссылки на предстоящее представление Сольнеса. Очевидно, эта правка была ориентирована на выступление в Психоневрологическом институте.

Выступлением в театре Блок остался недоволен: “Чтение об Ибсене было, по-моему, очень серое (по крайней мере для меня). Сказать мне удалось мало” (письмо к матери 5–6 ноября 1908 г.). Чтение реферата в Психоневрологическом институте также не удовлетворило Блока: “Сегодня читал я реферат об Ибсене в каком-то поддельном высшем учебном заведении неизвестно в чью пользу. (...) Это разозлило меня страшно” (письмо к матери 30 ноября 1908 г.). Почти в тех же выражениях сообщает об этом чтении Л.Д. Блок: “Разозлился на них Саша очень – фармацевты – на что им Ибсен?” (письмо к А.А. Кублицкой-Пиотух 30 ноября 1908 г. // ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 340).

Вероятно, именно непонимание зрительской аудитории явилось одной из причин, по которым этот реферат не появился в печати, хотя поначалу Блок намеревался его опубликовать. Сообщая 12 ноября в письме к матери о предполагавшейся публикации статьи “России и интеллигенции” в “Русской мысли”, он добавляет: “Ибсен не знаю где, просят туда же”.

Вся биографическая часть реферата, почти без изменений, в 1912 г. вошла в статью “От Ибсена к Стриндбергу” (С. 142 наст. тома). Учитывая это обстоятельство, Блок колебался, включать ли реферат в собрание сочинений. В (Плане собрания сочинений) он входит в раздел “Иностран(ная) литерат(ура)” под название “Ибсен (1908)”. От названия статьи проведена большая скобка к названию статьи “От Ибсена к Стриндбергу”.

С. 64. *...его пафос, говоря привычным языком русской критики.* – Понимание “пафоса” как своеобразия того или иного художественного феномена установилось в русской критике начиная с работ В.Г. Белинского. См. определение пафоса: Белинский В.Г. Сочинения Александра Пушкина. Статья пятая // Белинский В.Г. Соч.: В 4 т. СПб.: Тип. т-ва “Общественная польза”, 1896. Т. 3. Стб. 462–466.

С. 65. *“Первый вид на мир”...* – Слова из автобиографических записок Г. Ибсена цитируются Блоком по вступительной статье А. и П. Ганзен “Жизнь и литературная деятельность “Генрика Ибсена” к Полному собранию сочинений Генрика Ибсена (Т. 1. С. 4). Эти строки отчеркнуты в экземпляре тома, принадлежащего Блоку (ББО-1. С. 286).

...“еще чем-то вроде то хриплых, то визгливых, то стонущих женских криков. ~ об этих лесопилках”. – Там же.

С. 65. ...*в жестокий, железный век*. – Найденная Блоком формула была использована в Первой главе поэмы “Возмездие” (“Век девятнадцатый, железный, / Воистину жестокий век”). О генезисе этой формулы, восходящей к поэзии А.С. Пушкина, Е.А. Баратынского, Я.П. Полонского, Д.С. Мережковского, см.: Т. 5 наст. изд. С. 417–418, а также ст.: Магомедова Д.М. “Век девятнадцатый, железный...” // Магомедова Д.М. Комментируя Блока. М., 2004. С. 81–87.

...*воля его стала как железный, разящий меч. ~ но произошло не в дремучем лесу, не в молниях и радугах Валгаллы, не в огненном кольце спящей Валькирии, дочери Хаоса...* – Весь фрагмент построен на реминисценциях из тетралогии музыкальных драм Р. Вагнера “Кольцо нибелунга”. *Разящий меч* – Нотунг, символ героической, творческой, свободной человеческой воли; эпизод “ковки меча” многократно отражается в творчестве Блока, в стихотворениях “Поет, краснея, медь...” (1904), “Вот, в изнурительной работе...” (1904) (Т. 2 наст. изд. С. 41, 45), а также в Прологе к поэме “Возмездие” (Т. 5 наст. изд. С. 21); *герой, носитель мировой воли* – Зигфрид; *в дремучем лесу* – в лесу проходит детство и возмужание Зигфрида; здесь содержится и намек на сцену “шелеста леса” из III части тетралогии “Зигфрид”, в которой герой, вкусив крови убитого им дракона, обретает мудрость и прозревает тайну собственной судьбы; *Валгалла* – созданный верховным богом Вотаном прекрасный и светлый чертог богов и героев, погибших в сражениях; *огненное кольцо спящей Валькирии, дочери Хаоса* – валькирии – дочери Вотана и Эрды-Земли (Хаоса). Валькирия Брингильда, согласно сюжету II части тетралогии “Валькирия”, в наказание за нарушение приказа Вотана и помощь отцу Зигфрида была усыплена на вершине скалы, окруженной кольцом огня. Освобождение Валькирии – второй, после убийства дракона, подвиг Зигфрида. Этот эпизод отразился в стих. “Бред” (1904) (Т. 2 наст. изд. С. 68, 659). Вагнеровские реминисценции становятся существенной частью символического языка Блока начиная с 1904 г. (см. подробнее: Магомедова Д.М. Блок и Вагнер // Магомедова Д.М. Автобиографический миф в творчестве А. Блока. М., 1997. С. 85–110). Прочтение биографии Ибсена через призму вагнеровского и одновременно гностического мифов впервые проведено в некрологе Андрея Белого “Генрик Ибсен”: “Белоглавая, громодарная туча, проплывая, точно колесница, загрохочет по ясному небу. Это помчится с павшим траурный катафалк прямо в Валгаллу. Это пал герой, всю жизнь воевавший с чудовищами, чтобы освободить спящую красавицу – душу – от плена” (ЗР. 1906. № 6. С. 73).

Покидая родной Скиен шестнадцати лет от роду, он видит впервые, как бы в награду, Северное море (около Гримстада). – Ср.: “И тут же раскинулось море, могучее, свободное море, которое несет деньги, обломки судов и новейшие парижские моды маленькому городку из большого, беспокойного, далекого света” (Ганзен А. и П. Жизнь и литературная деятельность Генрика Ибсена. С. 19).

...с “духом компромисса”, *Ибсен разрывает связь с обществом, заноса над ним тяжелый бич своей сатиры*. – Ср.: “В промежуток между закрытием стортинга 1848 г. и новым открытием его в 1851 г. произошло многое, что не могло особенно воодушевить смирную вообще норвежскую оппозицию. (...) Ибсен был разочарован. (...) В первый раз он стал лицом к лицу с духом компромисса. (...) Первое разочарование создало его первую сатиру” (Ганзен А. и П. Жизнь и литературная деятельность Генрика Ибсена. С. 54. В экземпляре книги из библиотеки Блока эти строки отчеркнуты, подчеркнуты слова “духом компромисса” (ББО-1. С. 287).

“Я в своей комедии поднял бич сатиры ~ в защиту брака и любви”. – Из предисловия Ибсена ко второму изданию “Комедии любви” (1867) (Полное собрание сочинений Генрика Ибсена. М.: Изд. С. Скимунта, 1906. Т. 8. С. 75). Эти строки отчеркнуты Блоком (ББО-1. С. 292).

...*“повертывает свои корабли кормами к северу”*. – Из стих. Г. Ибсена “Сожженные корабли”. Блок отчеркнул в принадлежащем ему т. 1 Полного собрания сочинений

Генрика Ибсена (С. 468) строки:

Повернул он свои корабли,
Стали к северу гордо кормами,
От холодной родимой земли
Он за новыми поплыл богами (см.: ББО-1. С. 290).

Ср. также: «Его душили гнев и презрение, и он решил “повернуть свои корабли кормами к северу”, бежать из той страны, которая заставила его пережить ряд горьких разочарований» (Ганзен А. и П. Жизнь и литературная деятельность Генрика Ибсена. С. 113–114. Строки также отчеркнуты Блоком: ББО-1. С. 287).

С. 65. ...это “женых, идущий навстречу невесте”, как говорит биограф... – Цитата из воспоминаний биографа Ибсена Д. Паульсена приведена по статье А. и П. Ганзен “Жизнь и литературная деятельность Генрика Ибсена” (С. 208). Блок ссылается на этот фрагмент также в статье “О театре” (см. с. 14 и коммент. на с. 308 наст. тома). Строки отчеркнуты Блоком: ББО-1. С. 289).

...“королевской мысли” о народе... – Ганзен А. и П. Жизнь и литературная деятельность Генрика Ибсена. С. 44–45. Слова “королевская мысль” на с. 45 подчеркнуты (см.: ББО-1. С. 287). Выражение “королевская мысль” неоднократно употребляется Ибсеном в драме “Борьба за престол” (Полное собрание сочинений Генрика Ибсена. М.: Изд. С. Скирмунта, 1904. Т. 3).

С. 66. Бранд остался в горах один, лицом к лицу с “Богом милосердия” (*Deus caritatis*)... – Имеется в виду заключительная сцена драмы Ибсена “Бранд” (д. V):

“Б р а н д (*Извиваясь под надвигающейся на него лавиной, кричит вверх*):

Боже, ответь хоть в час смерти моей:
Легче ль песчинки в деснице твоей
Воли людской quantum satis?

(*Лавина погребает его и засыпает всю долину*).

Г о л о с (*сквозь раскаты грома*):

Бог, Он – Deus Caritatis”.

(Полное собрание сочинений Генрика Ибсена. Т. 3. С. 521)

...не будь Ибсена “Дочери моря”, “Гедды Габлер”, Сольнеса, – мы не ценили бы так Ибсена Бранда или Ибсена Штокмана. – Блок сопоставляет поздние пьесы Ибсена (“Дочь моря” – 1888, “Гедда Габлер” – 1890, “Строитель Сольнес” – 1892) с более ранними (“Бранд” – 1866, “Доктор Штокман” – 1882).

Самый одинокий человек сошел с горы к людям. – Ср.: “Для каждого пророка наступает момент, когда он чувствует необходимость спуститься с горы, из своего величавого уединения, вниз, к людям. Для Ибсена этот момент наступил, когда он закончил свою последнюю философскую драму” (ст. Нилься Кьэра из “Юбилейного литературного сборника, посвященного Ибсену и поднесенного ему в день 70-ой годовщины его рождения” цит. по: Ганзен А. и П. Жизнь и литературная деятельность Генрика Ибсена. С. 291–292).

...нельзя “влачить корабль к светлому будущему”, когда есть “труп в трюме”... – Из стих. Г. Ибсена “Письмо в стихах” (Полное собрание сочинений Генрика Ибсена. Т. 1. С. 473). Ср. также прозаический пересказ этого стихотворения в указанной статье А. и П. Ганзен: «Если “труп в трюме” влачит за собою на пути к будущему все человечество, то влачит и норвежский народ» (С. 186). Строки отчеркнуты Блоком (ББО-1. С. 288).

...твердить о “третьем царстве”, ~ узкие двери тяжелого и черного труда. – Данная мысль была высказана Г. Ибсеном в “Речи на празднестве в Стокгольме” (24 января 1887 г.) (Полное собрание сочинений Генрика Ибсена. Т. 8. С. 98). Ср. также: «Убедившись,

что современному человечеству далеко еще до цели, (...) Ибсен решил отказаться (...) от прямой проповеди “третьего царства” или указания горных высот идеалов и посвятить себя тяжелому и черному труду исследования низин и провалов жизни» (Ганзен А. и П. Жизнь и литературная деятельность Генрика Ибсена. С. 185). “Третье царство” – образ “лучшего будущего для лучшего человечества”, развиваемый в драме Ибсена “Кесарь и Галилеянин” (Ч. I: “Отступничество Цезаря”). Мистик Максим, один из персонажей драмы, говорит о “трех царствах”: – первом, “которое зиждилось на древе познания”, втором, “которое зиждилось на древе креста”, и третьем, “которое должно утвердиться на древе познания и на древе креста вместе: ибо оно ненавидит и любит и то и другое” (Полное собрание сочинений Генрика Ибсена. М.: Изд. С. Скирмунта, 1905. Т. 4. С. 469).

С. 66. Ибсен возвращается к “родной” и близкой действительности, он анализирует, он врачует язвы общества, он вооружился микроскопом и скальпелем. – Ср.: “Ибсен подошел со своим беспощадным скальпелем к родной современной действительности” (Ганзен А. и П. Жизнь и литературная деятельность Генрика Ибсена. С. 185).

...что “для житейского волнения” он забыл “сладкие звуки и молитвы”. – Реминисценции из стих. А.С. Пушкина “Поэт и толпа” (1828). У Пушкина:

Не для житейского волнения,
Не для корысти, не для битв,
Мы рождены для вдохновения,
Для звуков сладких и молитв.

...не вопрошал он в ранней юности “норвежских скальдов”, не “на пользу ли народу” дан им поэтический дар? – Из стих. Г. Ибсена “Норвежским скальдам” (1850). На русский язык не переводилось. Блок познакомился с его прозаическим пересказом по указанной статье А. и П. Ганзен: «В стихотворении, посвященном “Норвежским скальдам”, Ибсен вопрошает поэтов (...) “разве поэтический дар дан им не для служения на пользу народу?”» (С. 31).

...“увидать солнце”, – которого “он дома никогда не видел”. – Перефразированные слова героя драмы Г. Ибсена “Бранд” (д. II). Ср. также: «У Ибсена явилось такое чувство, что вся его жизнь в Норвегии была сплошной жизнью во мраке. Он (...) мог от души сказать то, что вложил потом в уста Бранду: “Я солнца дома никогда не видел”» (Ганзен А. и П. Жизнь и литературная деятельность Генрика Ибсена. С. 126).

...Изменились его методы, его темы, даже наружность, даже почерк... – Ср.: «Четырехлетнее пребывание в Риме отразилось на всем складе личности Ибсена. (...) Дитрихсон (...) говорят следующее: “...Весной 1869 г. я получил в Стокгольме письмо из Дрездена, куда Ибсен только что переехал из Рима, с адресом, написанным совершенно незнакомым мне почерком. (...) Я с любопытством вскрыл конверт и к изумлению своему увидел, что письмо от Ибсена, который, таким образом, совершенно изменил свой почерк. (...) Не менее незнакомым показалось мне и лицо, смотревшее на меня с вложенной в письмо фотографической карточки» (Ганзен А. и П. Жизнь и литературная деятельность Генрика Ибсена. С. 124–125).

...отказался быть “женихом в брачной одежде” и стал великим чернорабочим. – Ср.: «Ибсен решил отказаться от своего выжидательного положения “жениха в брачном наряде” (...) и посвятить себя тяжелому черному труду» (Ганзен А. и П. Жизнь и литературная деятельность Генрика Ибсена. С. 105).

С. 67. Знакома мне паденья глубина; ~ Мне время есть размыслить о морали. – Из XVIII стихотворения юношеского цикла Г. Ибсена “В картинной галерее”. На русский язык не переводилось. Блок приводит цитату по указ. статье А. и П. Ганзен (С. 100–101).

Он имел одно виденье, ~В сердце врезалось ему. – Из стих. А.С. Пушкина “Легенда” (1829–1835).

...была ли Генриikka Гольст, эта маленькая Рикка, ~ была ли Сусанна Торесен, жена Ибсена, прототипом таких героинь, как Йордис. – О Генрикке Гольст и Сусанне Торесен

как прототипах героинь Ибсена см.: Ганзен А. и П. Жизнь и литературная деятельность Генрика Ибсена. С. 67–72. Йордис – героиня драмы Г. Ибсена “Воители в Гельголанде”, воплощающая женскую верность, мужество и силу характера.

С. 67. ...“в надежде, вере и любви” которой пребывал даже такой взбалмошный и мятущийся герой Ибсена, как Пер-Гюнт. – Слова Сольвейг из драмы Г. Ибсена “Пер Гюнт” (д. IV):

Пер Гюнт:

Так говори же!

Где был самим собою я, – таким,

Каким был создан быть, – единым, цельным,

С печатью Божьей на челе?

Сольвейг:

В моей

Надежде, вере и любви моей.

(Полное собрание сочинений Генрика Ибсена. Т. 4. С. 242).

В экземпляре тома из библиотеки Блока строки отчеркнуты красным карандашом (ББО-1. С. 291).

...она открыла ему солнечный путь. – Имя Сольвейг в переводе с норвежского (sol – “солнце”, vei – “дорожка”). Это значение обыграно в стих. “Сольвейг! О Сольвейг! О солнечный путь!...” (1906). См.: Т. 2 наст. изд. С. 90, 704.

...за Гильдой, Геддой, Эллидой... – Гильда, героиня драмы “Строитель Сольнес”, Гедда – героиня драмы “Гедда Габлер”, Эллида – героиня драмы “Дочь моря”.

С. 68. Ибсен и сам называл свою жизнь “долгой-долгой страстной неделей”. – Из речи Г. Ибсена на торжественном обеде в Стокгольме 13 апреля 1898 г. (Полное собрание сочинений Генрика Ибсена. Т. 8. С. 103–104).

В “Строителе Сольнесе” есть, например, почти двадцатиминутный диалог между Гильдой и Сольнесом... – “Строитель Сольнес”, д. I.

Еще Морис Метерлинка пытался когда-то открыть секрет этого диалога, дать ключ к искусству Ибсена, – и не мог добиться. – См. статью Метерлинка “Трагедия каждого дня” (в кн. “Сокровище смиренных”, 1896): «Что, спрашивал я, внес поэт в “Сольнеса” для того, чтобы жизнь казалась нам столь странной, глубокой, столь волнующей под своей внешней детской простотой? Не легко это открыть, и старый мастер хранит не одну тайну. (...) Гильда и Сольнес, кажется мне, первые герои, которые осознают себя в атмосфере души, и эта открытая ими в себе необходимая жизнь, за пределами обыкновенной жизни, ужасает их. (...) Слова их не похожи ни на что до сих пор слышанное нами, потому что поэт попытался соединить воедино диалог внешний и внутренний» (пер. Н.М. Минского). Блок читал Метерлинка по изд.: Maeterlinck M. Le trésor des Humbles. P.: Soc. du Mercure de France, 1904. См. его пометы на полях статьи – ББО-3. С. 110.

...свидетельствует о многострунности души, если можно так выразиться, о “многобожии” писателя, о демонизме его. – О противопоставлении символов “многострунности” и “однострунности” Блок неоднократно говорит в переписке с Андреем Белым в 1903 г., в рецензии на кн. К.Д. Бальмонта “Будем как солнце” и “Только любовь”, в ст. “О драме” (Т. 7 наст. изд. С. 131, 83). См. подробнее: Кузнецова О.А. Понятие “однострунность – многострунность” у Блока: (К вопросу о формировании лирической “трилогии”) // БС ИРЛИ-1. С. 69–78.

С. 69. Он себе на шею четки ~ Ни пред кем не поднимал. – Из стих. А.С. Пушкина “Легенда” (1829–1835).

...δαμόνιον – таинственный внутренний голос, который позволял Сократу безошибочно различать добро и зло. – О “демоне” Сократа упоминается в ряде диалогов Платона (“Апология Сократа”, 31 d; “Федр”, 242 c).

С. 69. *Можно любить Ибсена, можно ненавидеть его. Но ни ненависть, ни любовь к нему не могут быть бесстрастны.* – Данная мысль принадлежит немецкому критику С. Задгеру. Эти слова приведены по-немецки в качестве эпиграфа к статье И.Б. Гальворсена “Мировая слава Ибсена”: “Man kann ihn verehern oder befehlen, aber Eines ist ausgeschlossen: kalt und gleichgultig lässt er Niemanden (D-r S. Sadger. Neue Freie Presse, 4 Febr. 1896)”. См.: Полное собрание сочинений Генрика Ибсена. Т. 1. С. 364.

...*оно ударяет по всем сердцам “с неведомою силой”.* – Из стих. А.С. Пушкина “Ответ анониму” (1830).

...*“юность – это возмездие”.* – Слова Сольнеса из I действия драмы Г. Ибсена “Строитель Сольнес”.

...*“оставивит первую любовь свою”.* – Откр 2: 4. Мотив забвения или утраты “первой любви” становится в творчестве Блока этого периода одним из наиболее значимых. С ним связывается тема “утраченного рая”, ухода из Дома, измены первоначальным высоким ценностям, юности-возмездия. См. особенно стихотворные циклы “Страшный мир”, “Возмездие”, “Через двенадцать лет”, поэму “Возмездие”, упоминание о “заре первой любви” в статье “О современном состоянии русского символизма”. О роли этого мотива в творчестве Блока см.: *Тагер Е.Б.* Мотивы “Возмездия” и “Страшного мира” в лирике Блока // *ЛН.* Т. 92. Кн. 1. С. 85–97; *Минц З.Г.* “Первая любовь” // *Минц З.Г.* Поэтика Александра Блока. СПб., 1999. С. 222–245.

С. 70. *“Королевство на стол, Строитель!”* – Слова Гильды из I действия драмы Г. Ибсена “Строитель Сольнес”.

НАРОД И ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

(С. 70)

ЧА – под заголовком «“Россия и интеллигенция”. II. “Народ и интеллигенция”», с современной правкой черными чернилами, красным, синим и простым карандашом (1908–1917) – *ИРЛИ.* Ф. 654. Оп. I. № 182. На л. 1 – надпись рукой Блока: «“Россия и интеллигенция” (Осень 1908). Напечатано в “Зол(отом) Руне” 1909, № 1. Перед тем – Струве отказался принять в “Рус(скую) мысль”. Читано в рел(игиозно)-фил(ософском) обществе в нач(але) ноября (пристав запретил прения, которые были, однако, в след(ующем) заседании – 25 ноября). Читано в литер(атурном) общ(естве) 12 декабря 1908 г. (Предс(едатель) – Короленко).

Говорили: Мейер, Мережковский, Чулков, Мякотин, Рейснер, Филатов, Мирский, Галич, Столпнер, Базаров (?). Мое послесловие (см. записн(ая) книжка № 24).

Исправлено в 1917 году¹.

(Приложены газетные статьи и рецензии по поводу реферата. Еще: статья Чулкова в “Зол(отом) Руне”)².

На л. 2 красным зачеркнут подзаголовок: “Доклад, читанный в СПб. Религиозно-философском и в СПб. Литературном обществе”.

На л. 7 зачеркнут вариант заглавия: «[Россия и интеллигенция] М. Горький и народ. (По поводу “Исповеди” Горького)». В углу страницы надпись простым карандашом: “По январь”.

На л. 39 – отдельная запись: “Нам, интеллигентам, уже нужно торопиться, мож(ет) быть, вопросов теории и быть уже не может, сама практика насущна и страшна.

(С такую мыслью я вступил в рел(игиозно)-фил(ософское) общ(ество) 29 окт(ября) 1908 года”.

¹ Фраза приписана красным карандашом.

² Фраза вычеркнута синим карандашом.

На л. 37об. – запись простым карандашом: “Мне хотелось бы читать этот доклад не с тем чувством, с каким читают в театрах [и вообще, зрелищах], даже не с тем, с каким приступаешь к чтению публичной лекции. Мне хотелось бы, чтобы главное внимание было обращено на содержание тех вопросов, какие я ставлю, близ(айшим) образом, на отношения интеллигенции и России, а не на форму моего изложения, не на те эстет(ические) и д(ругие) особенности лирического (?) стиля, без которых я не могу, [если] хоть иной раз и хотел бы, обойтись, и за которые я извиняюсь заранее перед искренностью и непосредственностью того восприятия моих слов, [какую] которую [мне] я хотел бы найти в [вас] [собравшихся] сегодняшней аудитории”.

АК – датирована 1918 г., под заголовком: “Россия и интеллигенция. III. Народ и интеллигенция”, рукой А.А. Кублицкой-Пиоттух, заголовок и подпись рукой Блока – *ИМЛИ*. Ф. 12. Оп. 1. Ед. хр. 31.

МакРИ₂. В конце текста зачеркнута подпись “Александр Блок” и исправлена дата: “1908” вместо: “1908–1918”. Изменен порядковый номер: II *вместо*: III.

РИ₂-Кор 1 с проставленной на л. 17 датой: “Конец января 1919”.

Впервые напечатано: *ЗР*. 1909. № 1. С. 78–85, под заголовком “Россия и интеллигенция”. Подпись: Александр Блок. Прижизненные публикации: *ЗТ*. 1918. № 136. 19 (6) февр., под заголовком: “Россия и интеллигенция. III. Народ и интеллигенция”. Дата – 1908–1918; *РИ₁*. С. 10–17, под номером II. Дата: 1908; *РИ₂*. С. 16–28. Под номером II. Дата – 1908.

В Собрание сочинений впервые включено: *СС-Берлин*. Т. 7. С. 80–93.

Печатается по *РИ₂* со следующими исправлениями:

С. 70, *стр.* 10: много сору *вместо*: много сора (по *ЧА*, *ЗР*, *АК*, *ЗТ*, *МакРИ₂*, *РИ₁*).

С. 71, *стр.* 33: вслед за всею русской литературой *вместо*: вслед за русской литературой (по *ЧА*, *ЗР*, *АК*, *ЗТ*, *МакРИ₂*, *РИ₁*).

С. 74, *стр.* 26: страшно и непонятно интеллигентам то, что он любит *вместо*: страшно и непонятно то, что он любит (по *ЧА*, *ЗР*).

С. 75, *стр.* 2: “Как полюбить братьев? *вместо*: Как полюбить братьев? (по *ЧА*. Данные слова – цитата из “Выбранных мест из переписки с друзьями” *Н.В. Гоголя*).

С. 75, *стр.* 31–32: интеллигенция осуждена бродить, двигаться, вырождаться *вместо*: интеллигенция осуждена бродить, двигаться, вращаться (по *ЧА*, *ЗР*, *АК*, *ЗТ*, *МакРИ₂*, *РИ₁*, *РИ₂-Кор 1*. В *МакРИ₂* слово вырождаться подчеркнуто синим карандашом).

Статья написана в начале ноября 1908 г. 5 ноября в *ЗК₂₃* (1908) сделаны выписки из “Исповеди”, цитируемые в статье, с краткими комментариями:

“Стр. 21. Близость к Богу отводит далеко от людей (о церковном).

Стр. 103. Неподвижны сомнения его, ибо мертвы они... Да и зачем полумертво-му Бог?

Стр. 104. Бог есть сон твоей души, повторяю я, но спорить с этим нужды не чувствую, – легкая мысль.

Стр. 115–116 – цитировано у Баронова”.

Концепция статьи излагалась Блоком в письме к А.А. Кублицкой-Пиоттух 5–6 ноября 1908 г. Во второй половине этого письма с отдельной датой “6 ноября” Блок сообщал: “На эту тему приблизительно я и пишу сегодня реферат для религиозно-философского собрания 11 ноября”. К 11 ноября реферат был написан (ср. письмо Л.Д. Блок к А.А. Кублицкой-Пиоттух от 12 ноября: “Он (Блок) уже читал его на предварительном совещании у Мережковских вчера”) (*ЛН*. Т. 92. Кн. 3. С. 338). В начале 1909 г. (надпись “По январь” на л. 7 *ЧА*), при подготовке к публикации в “Золотом руне”, текст подвергся авторской правке. В 1917 г. Блок вернулся к тексту статьи для републикации в “Знамени труда” в составе цикла “Россия и интеллигенция”, изменил заглавие и внес значительную стилистическую правку. В “Знамени труда” проставлена дата: “1908–1918” (вторая дата относится к вре-

мени публикации в газете). Однако, готовя текст для публикации в *РИ*₂, Блок в макете оставил лишь дату “1908”, очевидно желая подчеркнуть, что наиболее существенные идеи статьи оформились уже в дореволюционный период и остались неизменными ко времени последней публикации. Дата на *РИ*₂-*Кор 1* “Конец января 1919” отмечает время последнего авторского вмешательства в текст статьи.

Первоначальный замысел статьи относится к июлю 1908 г. и связан с выходом в свет в июне 1908 г. XIII сборника “Знания” (СПб., 1908) с повестью М. Горького “Исповедь”. 5 июля 1908 г. Блок сообщает А.А. Кублицкой-Пиотгух: «“Исповедь” Горького (это повесть), говорят, замечательна. Я, вероятно, буду писать сейчас о ней и о Повешенных (в “Руно”)³. Блок был намерен писать об “Исповеди”, как и о повести Л.Н. Андреева “Расказ о семи повешенных”, в очередной “хронике” в “Золотом руне”. Однако в дальнейшем тема статьи перерастает литературную проблематику. На сохранившемся в *ИРЛИ* титульном листе повести над заглавием – надпись рукой Блока, обращенная к А.А. Кублицкой-Пиотгух: “Остальное в этой книжке Знания³, кажется, не примечательно. А это ты мне верни в Шахматове. Писать я об этом не сумею сейчас. 24. VII. 08. СПб.” (*ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. I. Ед. хр. 175. Л. 98).

12 сентября Блок в *ЗК*₂₂ формулирует замысел статьи следующим образом: “Написать доклад о единственном возможном преодолении одиночества – приобщение к народной душе и занятие общественной деятельностью. Только чувствуя себя гражданином – и т.д.”.

На окончательное оформление творческого замысла повлияли письма Н.А. Клюева к Блоку в августе–сентябре 1908 г. и приложенная к одному из них статья “С родного берега”. 13 сентября Блок писал Е.П. Иванову: “Если бы ты знал, какое письмо было на днях от Клюева (...) Это – документ огромной важности (о современной России – народной, конечно), который еще и еще утверждает меня в моих заветных думах и надеждах”. 5–6 ноября, кратко пересказывая письмо Клюева в письме к матери, Блок заключает: «Следовательно (говоря очень обобщенно, и не только на основании Клюева, но и мн(огих) др(угих) моих мыслей): между “интеллигенцией” и “народом” есть “недоступная черта”. Для нас, вероятно, самое ценное в них враждебно, то же – для них. Это – та же пропасть, что между культурой и природой, что ли. Чем ближе человек к народу (Менделеев, Горький, Толстой), тем яростней он ненавидит интеллигенцию» (см. также комментарий к статьям “Литературные итоги 1907 года”. – Т. 7 наст. изд. С. 322–337; “Стихия и культура” – С. 370–371 наст. тома). Составляя перечень тем предполагаемых статей осенью 1908 г., Блок упоминает: “Чувство родины” (*ЗК*₂₄).

Поводом к написанию статьи явилось вступление Блока в Религиозно-философское общество осенью 1908 г. Возобновление религиозно-философских собраний после летнего перерыва сопровождалось заявлениями руководителей Общества о радикальном изменении их характера, об обращении его членов к “общественности, к русской действительности” (*Философов Д.* Религиозно-философские собрания // С. 1908. 20 окт. См. также ст.: “Вопросы, вопросы и вопросы” – С. 76 наст. тома).

На первом заседании 29 октября были зачитаны тезисы доклада Г.А. Баронова «О демонизме (Обожествление народа в “Исповеди” Горького)», тезисы которого были прочитаны на I (10) закрытом заседании Религиозно-философского общества. Сразу же после заседания Блок начинает работу над собственным рефератом.

На втором публичном заседании Религиозно-философского общества 13 ноября был заслушан полный текст доклада Баронова. Блок выступил с чтением реферата “Россия и интеллигенция”, в котором содержалась полемика с автором доклада. Текст реферата не вполне совпадал с текстом статьи, которая позднее была опубликована в “Золотом руне”.

Л. 7–38 (арх. паг.) *ЧА* имеют двойную авторскую пагинацию, что позволяет с достаточной точностью восстановить первоначальный текст реферата, читавшегося на заседании:

³ Слово вписано.

под цифрой “6” авторской пагинации (красный карандаш) просматривается цифра “1” (чернила).

В верхней части л. 7 зачеркнуты варианты заголовка: «Россия и интеллигенция. По поводу “Исповеди” Горького», «М. Горький и народ (по поводу “Исповеди” Горького)». Нижний слой ЧА на этой странице начинается словами: «Только что прочитанный реферат – о “демотеизме” представляется мне интересным, главным образом, как литературная статья» (см. далее варианты ЧА – С. 205 наст. тома). Безусловно, это и была первая страница реферата, а приведенные слова – его первой фразой.

Конец реферата обозначен самим Блоком. На л. 37 (арх. паг., авторская, двойная – 36 [31]) после слов “является насущнейшим вопросом для всех и, особенно, [по-моему,] мне кажется, для собраний религиозно-философского общества”, – следует подпись: «Александр Блок. Конец реферата “Россия и интеллигенция” (Чит(ал) 14. XI. в рел(игиозно)-фил(ософском) общ(естве). Прения запрещены)».

Л. 2–6 (паг. арх.) имеют авторскую пагинацию “1а–5а”. Следовательно, текст “На первом собрании ~ несколько слов о Горьком” (С. 70–71 наст. тома) дописан Блоком позднее, либо для чтения доклада в Литературном обществе 12 декабря, либо при подготовке текста к публикации в “Золотом руне” в январе 1909 г. (запись “По январь” на л. 7 паг. арх. как дата переработки реферата в статью).

Правка в ЧА сделана чернилами, синим, красным и простым карандашами, что позволяет четко разграничить ее слои и время авторской работы над текстом. Тексту “Золотого руна” соответствует авторская правка чернилами, синим и простым карандашами.

В конце 1917 г., при подготовке цикла статей “Россия и интеллигенция”, Блок внес в текст ряд изменений. Так как название статьи стало названием всего цикла, статья получила новое заглавие. Тексту в “Знамени труда” и последующих прижизненных публикаций в ЧА соответствует правка красным карандашом. Именно с этого верхнего слоя ЧА сделана АК, которая, вероятно, служила наборной рукописью в “Знамени труда”. Правка 1917 г. обширна, однако носит только стилистический характер, ничего не меняя в смысловых акцентах текста.

* * *

На первом заседании Религиозно-философского общества 29 октября 1908 г. Блок заявил о своем вступлении в него (см. текст его речи в ЗК₂₃, запись 29 окт. 1908): “Я захотел вступить в Религиозно-философское общество с надеждой, что оно измен(и)тся в корне. (...) Я чувствую кругом такую духоту, такой ужас во всем происходящем и такую невозможность узнать что-нибудь от интеллигенции, что мне необходимо иметь дело с новой аудиторией, вопрошать ее какими бы то ни было путями. Хотя бы прочтением доклада и выслушиванием возражений свежих людей. (...) Я хочу, чтобы зерно истины, которое я, как один из думающих, мучающихся и т.д. интеллигентов, несомненно ношу в себе, – возросло, попало на настоящую почву и принесло плод – пользу”.

Сам Г.А. Баронов на втором заседании не присутствовал. Однако его доклад был прочитан Д.С. Мережковским. Текст повестки заседания:

«Петербургское Религиозно-философское общество.

II-е заседание

В четверг, 13 ноября 1908 года

в зале Географического общества (Фонтанка, у Чернышева моста) в 8 1/2 час. вечера состоится заседание Религиозно-философского общества (вход по повесткам).

Предметы занятий:

“Обожествление народа” (по поводу “Исповеди” М. Горького) доклад Г.А. Баронова прочтет Д.С. Мережковский.

«Россия и интеллигенция» (по поводу доклада Г.А. Баронова) прочтет А.А. Блок».

Все газеты писали об инциденте, разразившемся после чтения доклада: прения были внезапно запрещены полицией по распоряжению градоначальника. Д.С. Мережковский в интервью газете «Биржевые ведомости» (1908. № 10811. 14 нояб. Веч. вып.) сообщил: «Доклады были рассчитаны на прения. (...) Реферат Блока прямо вопросом и кончается. Мы и рассчитывали во время прений дать посильные ответы. Для сего были заготовлены речи у свящ. К.М. Аггеева, у меня и у многих других. А главное, мы рассчитывали услышать голоса гостей. Войдите в мое положение! По болезни Баронова доклад его прочел я. С многими положениями этого интересного доклада я абсолютно не согласен. Например, я не разделяю отношения докладчика к кадетам и социал-демократам. Но, зная, что в зале присутствуют видные кадеты, например, П.Б. Струве, член Гос. Думы В.А. Степанов, а также марксисты, и что они могут сказать свое веское слово, я, не смущаясь, прочел доклад. Результаты получились самые грустные. Мы поставили вопросы, совершили нападение на врагов, – и не дали возможности им высказаться». Аналогичные соображения были высказаны в отчетах о заседании в других газетах. См.: [Б.н.] Интеллигенция и народ // Петербургский листок. 1908. № 314. 14 нояб.; А.В. В религиозно-философском обществе // Новая Русь. 1908. № 92. 15 нояб.; [Б.н.] Новые формы // Р. 1908. № 278. 15 нояб.; Жилкин И. Странички жизни // С. 1908. № 622. 16 нояб.

Как отмечалось в заметке «Новые формы» (Р. 1908. № 278. 15 нояб.), внезапное запрещение прений в публичных собраниях превратилось осенью 1908 г. в одну из распространенных административных «мер пресечения». В октябре–ноябре было зарегистрировано несколько случаев подобных запретов, в том числе – при обсуждении докладов, далеких от какой бы то ни было политической проблематики, например о реформе русской орфографии: «Допуская публичные собрания, администрация теперь начинает ставить условия относительно хода самого порядка занятий, нигде в законе не предусмотренные. Принятие этих условий и невозможность обжаловать их обеспечивается простой ссылкой на чрезвычайную охрану, которая дает возможность несогласие на поставленные условия считать основанием для окончательного запрещения собраний. В последнее время все чаще и чаще допущение публичного собрания обуславливается тем, что оно должно ограничиться выслушиванием доклада заранее определенного лица. Эта форма собраний – без прений – становится излюбленной в административной практике».

П. Перцов недоумевал: «Любопытно было бы узнать, как сами “запретители” мотивируют свое необъяснимое усердие? Чтобы “не было разговоров”? Но разговоры все равно будут – на частных квартирах, на улице, в вагоне трамвая, – разговоры на те же темы и в том же “духе”, но с понятным оттенком раздражения и негодования. Речи предполагались “неблагонамеренными”? Но из двух прочитанных рефератов один содержал нападение на социал-демократию, другой обвинял интеллигенцию в небрежном отношении к народным идеалам. Это, кажется, не сотрясает основ? (...) И почему возможное во времена Плеве и Победоносцева оказывается невозможным при с позволения сказать “конституции”? Впрочем, вернее всего, что это просто “запретительная инерция”: запретили прения на “славянских” собраниях, запрещают и на философских. Привычка просить “честью разойтись” при виде всякого “сборища”...

И разошлись, конечно, “не солоно хлебавши” и поминая теплыми словами удобства “конституционного” строя» (Перцов П. В религиозно-философском (обществе) // НВ. 1908. № 11740. 16 нояб.).

Прения по докладу состоялись лишь 25 ноября 1908 г. на закрытом заседании Религиозно-философского общества. По сообщению газеты “Речь”, «на очереди стоял реферат В.В. Розанова “О народобожии”. Реферат этот по существу являлся возражением В.В. на доклад Баронова на тему об отношении интеллигенции к народу. (...) По поводу прочитанного выступили с речами: В.А. Тернавцев, свящ. К.М. Аггеев, Д.С. Мережковский, Л.Е. Галич и др.» (Р. 1908. № 633. 27 нояб.).

23 ноября Блок получил письмо от С.А. Венгерова с предложением повторить доклад в Литературном обществе (*РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 1. № 186*). 24 ноября Блок отвечал С.А. Венгеру: «Вчера я уже сговорился с Е.Д. Кусковой и повторю с великой готовностью доклад у Вас в Литературном обществе 12 декабря». По предложению С.А. Венгерова в письме 3 декабря доклад был объявлен под заглавием «Обожествление народа в литературе» (*Там же*).

Заседание Литературного общества подробно описано в письме Л.Д. Блок к А.А. Кублицкой-Пиоттух от 14 декабря: «Я чуть не ушла в начале прений. Так возмутительно, нагло и нахально начали обращаться ораторы-пошляки из с(оциал)-д(емократов) не только с рефератом, но и с Сашей. Ненаучно, неопределенно, по-детски, наивно, “где был во время обществ(енного) движения?” “увидел бы, как интеллигенция умирала заодно с народом”. (...) Чулков еще подбавил ужаса – вздумал защищать от предшественника (Рейснера) (говорил вторым), что, мол, как вы не видите, что реферат написан кровью, ничего, что наивный (...) Говорил, что Блок должен говорить только о лириках, себе подобных, оторванных от национальной стихии, а не об интеллигенции, и надо приветствовать, что вот лирик обратился к обществуности. (...) Еще говорили глумящиеся ораторы; и вот Мережковский заговорил. Очень горячо, просто, из глубины (...). Тут-то и пошли более серьезные ораторы, стало по-настоящему интересно. На него (Мережков(овского)) очень нападали и было очень обидно и больно, что в этих словах правда – это об его постоянном переходе от одних убеждений к другим, от царя к революции и “где же дела?” А вот неверующая обвиняемая интеллигенция уже сделала революцию, проливала кровь. Столпнер очень хорошо говорил; вот немного-немного, и он понял бы, о чем Саша, и защищал бы его так же горячо, как нападал. А нападал на декадентов вообще за то, что во всех их исканиях и поступках, ему кажется, одно оригинальничанье от скуки, от оторванности от жизни. Сначала хотели уединенности, непонимания, искусства для искусства, а когда за ними это право признали, они увидели, что очутились вдвоем с буржуазией, как ее забавники, а это им не нравится; теперь обращаются к народу и все это декадентская фраза, а не религия.

Но все это таким серьезным, глубоко задетым и взволнованным тоном, что становилось хорошо. Так же Мякотин. (...) Но вот к чему мне хочется скорей придти – это Короленко и другие старики – Анненский, Венгеров – как они отнеслись. Короленко был председателем и говорил заключительное слово, ах, как хорошо. Так чисто и “высоко держа знамя”, он, напр(имер), не может сказать слово “путь”, оно ему не звучит без слова “вперед”, и это “вперед” всегда с волнением и благоговением. А потом он процитировал Гейне в применении к Саше и его реферату – что значит лирика и лирик – “если в сердце поэта трещина, то потому, что раскололся мир”. И в заключение благодарил его за так ярко выбранную тему» (*ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 341–342*).

В письме к матери 14 декабря 1908 г. Блок сообщает: «Оживление было необычайное. Всего милее были мне: речь Короленко, огненная ругань Столпнера, защита Мережковского и очаровательное отношение ко мне стариков из “Русского богатства” (Н.Ф. Анненского, Г.К. Градовского, Венгерова и пр.). Они кормили меня конфетами, аплодировали и относились как к любимому внуку, с какою-то кристальной чистотой, доверием и любовью».

* * *

Попытки Блока опубликовать реферат встретили значительные трудности. В письме к матери 12 ноября 1908 г. Блок сообщал: «Мой реферат р(елигиозно)-ф(илософскому) собр(анию) будет в № 1 “Русской мысли”». Однако редактор “Русской мысли” П.Б. Струве после доклада Блока в Религиозно-философском обществе в резкой форме выступил против публикации: «К Мережковским приходил Струве, совершенно возмущенный моим рефератом. И намекал, что он, как редактор, имеет право не пропустить такой “наивной”

статьи “только что проснувшегося человека” в “Русскую мысль”. Ближайшим последствием этого может быть разрыв Мережковских с “Русск(ой) мыслью”. Они говорят, что будут стоять за мою статью, как за свою» (письмо Блока к матери 16 ноября 1908). З.Н. Гиппиус 3 декабря писала Блоку из Москвы: «Мы разошлись с “Русск(ой) М(ыслью)” (...) Предлог, т.е. повод, который выявил нашу полную несходимость и вообще бессмыслицу этого предприятия, – была Ваша статья. (...) Таким образом, я посылаю Вам рукопись, которую очень советую отдать поскорее Кусковой. Ее газета мне вообще нравится» (БС-4. С. 164).

З.Н. Гиппиус имела в виду новую политическую, литературную и экономическую еженедельную газету “Правда жизни”, по направлению близкую кадетам (выходила с декабря 1908 по апрель 1909). В письме к матери 6 декабря Блок говорит о публикации в газете как о решенном деле: «Моя “Россия и интеллигенция” появится фельетоном 15 декабря в № 3 “Правды Жизни” (прежний Товарищ – купи 5 коп.)». Но 14 декабря ей же пишет: «В “П(равде) Ж(изни)” мой доклад не будет, потому что – длинен. (...) Где напечатаю “Россия и интеллигенцию”, – еще не знаю».

Судя по письму Блока к публицистке и издательнице Е.Д. Кусковой 11 декабря 1908 г., Блок настаивал на публикации текста без каких-либо купюр: “Если невозможно поместить статью целиком, воротите ее мне, пожалуйста. Эта статья для меня очень важна, не могу ничего выбросить из нее” (см. освещение этого эпизода: *Примочкина Н.Н.* Неизданное письмо А.А. Блока // Из истории русской и советской литературы: Новое и забытое. М., 1980. С. 111–117). В тот же день он пишет издателю и главному редактору “Шиповника” С.Ю. Коппельману: “Многие издания под разными предлогами уже отказываются помещать мои вещи, где высказываются идеи, которыми я отдаю все более и более, которые для меня значительны, как жизнь и смерть, быть вне которых было бы для меня компромиссом”. Среди этих идей и вопросов Блок в первую очередь называет вопрос “о России и интеллигенции, в котором я не уступлю ни пяди” (*РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. № 119*).

23 декабря 1908 г. в письме к матери Блок сообщает: «Мой реферат, если опять не надуют, пойдет скоро в “Слове”, в двух №№». Однако и эта публикация не состоялась. Лишь в начале 1909 г. статья Блока была принята в “Золотое руно”. В (конце января–начале февраля 1909) секретарь “Золотого руна” Г.Э. Тастевен вел переписку с Г.И. Чулковым по поводу публикации в № 1 журнала его статьи “Лицом к лицу (По поводу заседания Петербургского религиозно-философского общества 30-го декабря 1908 года)”, в которой содержалась полемика с Блоком. В первом письме Тастевен писал: “Получил Вашу статью, но мне очень хотелось бы отложить ее до следующего №, т(ак) к(ак) в этом номере пойдет статья Блока и может получиться впечатление разлада между членами группы, а мне кажется, теперь бы этого тактически не следовало бы особенно подчеркивать”. Из второго письма становится очевидным, что Чулков все же поначалу настоял на публикации в № 1, а затем попытался ее изъять: «Я лично думаю, что в № 1 не следовало помещать статью Блока вместе с Вашей: это получается какая-то война всех против всех, какой-то “адогматизм”, во всяком случае, теперь уже ничего нельзя сделать; думаю, что № 1 все-таки будет очень интересным» (*ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 347–348*).

* * *

Доклад Блока и опубликованная затем статья активно обсуждается и на заседаниях Религиозно-философского и Литературного общества, и в близких Блоку кругах, и в печати.

О реакции слушателей на предварительном чтении доклада 11 ноября 1908 г. у Мережковских сообщает Л.Д. Блок в письме к А.А. Кублицкой-Пиоттух 12 ноября: “Там он понравился страшно, говорят, что чуть ли не до драки может дойти на собрании” (*ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 338*). Кроме Мережковских, на этом чтении присутствовал Вяч. Иванов, что явствует из его письма к Блоку 12 ноября 1908 г., в котором осторожно указано различие

между религиозно-этическим подходом к проблеме народа и интеллигенции у самого Вяч. Иванова и определенной ориентацией на русскую демократическую традицию (“старые мехи”) у Блока: «Мне кажется, что и в народничестве Вашем – новое вино, зачем же старые мехи? В общем, опять чувствую опасность (на которую уже указывал): опасность, прозревая и страстно влюбляясь в женскую стихию темной русской Души, отдать ей свое мужское, не осверхливив его светом Христовым... Ведь Вы не цитируете Тютчева до конца: “удрученный ношей крестной...” А эта строка – не старые мехи» (Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. Т. 41. 1982. № 2. С. 168).

М. Либерсон, одна из основательниц кружка “Одиноких”, писала Блоку: “Вчерашний реферат еще лишний раз показал мне, как бездонно глубок вопрос об одиночестве и как назрел он теперь в обществе.

Александр Александрович, может быть, роковая черта между интеллигенцией и народом так непреходима потому, что еще более резкая черта существует теперь между одним интеллигентом и другим? Может быть, интеллигенту нет дороги к народу потому, что интеллигент так бесконечно одинок?! М.б. единственный путь к душе народа – это борьба с одиночеством и разобщенностью интеллигенции?

Вы вчера сами сослались на самоубийц, которые подтверждают Ваше положение, что так жить очень тяжело, почти невозможно.

А от каких бы причин человек не уходил из жизни, – в момент самоубийства он несомненно глубоко одинок” (*РГАЛИ*. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 311. Б.д. Дата, проставленная Блоком, – “Весна 1908 г.”, безусловно, ошибочна. Скорее всего – 13 декабря 1908 г., после чтения доклада в Литературном обществе).

Л.Д. Блок в письме к А.А. Кублицкой-Пиоттух 19 декабря 1908 г. пишет о восприятии реферата И.Д. Менделеевым: «Я очень ценю его мнение о реферате; прочитал, хлопнул рукой и выразился так, что “вот это дело, это тебе не спустят, все всполошатся”, и очень радовался постановке этого вопроса, Шашиным мыслям и чувствам по этому поводу» (*ЛН*. Т. 92. Кн. 3. С. 343).

В письме к матери 14 декабря 1908 г. Блок упоминает о спорах по поводу доклада: «10-го спорил с Чулковым не на жизнь, а на смерть – о “России и интеллигенции”. 11-го объяснялся по тому же поводу с Городецким».

О содержании спора с С.М. Городецким можно судить по его письму 9 декабря 1908 г.: “Вражда – святая – у нас есть, но не там, где ты видишь. (...) Ты мне тягостен словами о пропасти между поэтом и народом. Я ее не ощущаю. Ее нет. И хочу, чтоб ты ощутил так же.

Тягостен мне и союз твой с мертвыми.

На словопрение (т.е. на заседание Литературного общества. – *Д.М.*) я не приду, потому что мне рано говорить, а когда заговорю, то исповедуя, а не возражая” (*ЛН*. Т. 92. Кн. 2. С. 36).

В печатных откликах на чтение доклада в Религиозно-философском обществе отмечалась принципиальная разница в тоне и содержании докладов Г.А. Баронова и Блока. Рецензент газеты “Слово” И. Жилкин писал, что доклад Баронова “был пропитан странным повышенным задором, насмешкой, почти издевательством над интеллигентными исканиями, досталось почти всем. (...) Доклад обрывается эффектным щелчком по адресу эс-деков. В ином тоне, скорбном, лирическом написан доклад Блока. Художник сказался в нем на первых же строках доклада. (...) Мысль художника вечно в туманах и ярких красках наплывающих образов. Здесь и наивные иллюзии, здесь и внезапные предчувствия, далекие прозрения, недоступные теоретику. Потому-то, может быть, г. Блок глубже г. Баронова взглянул на творчество родственного ему художника Горького и своим докладом шевельнул смутные, но ценные струны в душе слушателя” (*Жилкин И.* Странички жизни // С. 1908. № 622. 16 нояб.).

Рецензент “Нового времени” П. Перцов писал о докладах: «Первый (г. Баронова) был посвящен “Исповеди” Горького и тому своеобразному “обожествлению народа” (вернее бы сказать: рабочего класса), на котором Горький пытается теперь утвердить “мистиче-

ски” свой социализм, видимо, разочаровавшись в достаточности его прежних “реальных” оснований. Докладчик справедливо указал на суррогатность такой мистики и ее внутреннюю несостоятельность, но в то же время отметил этот религиозный уклон писателя-материалиста как характерный “признак времени”. К сожалению, несколько наивный, “кружковый” тон доклада мешал его аргументации. Второй доклад – известного поэта Александра Блока – касался старой, но вечно новой в России темы о разрыве между интеллигенцией и народом. Докладчик, по следам Достоевского и Тютчева, призывал интеллигенцию к смирению и ожиданию слова, которое таит в себе народ» (*Перцов П. В религиозно-философском обществе*) // *НВ. 1908. № 11740. 16 нояб.*

Корреспондент газеты “Новая Русь” отмечал: “Эстетическая сила реферата А.А. Блока заставила слушателей почувствовать, что это не просто повторение старого вопроса о розни между интеллигенцией и народом. Здесь слышалось новое раздумье, новый, более глубокий ужас пред давно осознанной, но на время забытой страшной правдой” (*А.В. В религиозно-философском обществе // Новая Русь. 1908. № 92. 15 нояб.*).

По мнению рецензента газеты “Петербургский листок”, в докладах Г.А. Баронова и Блока “подводились итоги, так сказать, тому, что пережило наше общество за последние три года, проходили перед слушателями те надежды, которыми питалось общество, и намечались те цели в нашей теперешней серой и грустной действительности, к которым должны совместно устремиться и интеллигенция, и народ” (*Б.л.] Интеллигенция и народ // Петербургский листок. 1908. № 314. 14 нояб.*).

Д.С. Мережковский в статье “Интеллигенция и народ” (*Р. 1908. № 279. 16(29) нояб.*) соглашается, что «надо признать “не только два понятия, но две реальности», как говорит А. Блок в своем реферате. Реален поэтому и вопрос о их взаимоотношениях». Однако, при внешнем согласии с Блоком, для статьи Мережковского характерно стремление смягчить остроту и трагизм поставленной Блоком проблемы: «Ведь обе “реальности”, оставаясь на своих местах, выросли, изменились, куда-то двинулись, – может быть, навстречу друг другу. Произошли еще не видимые, но глубочайшие духовные перестройки. Ведь говоря об интеллигенции и народе, об их различии и близости, не о двух “классах” я говорю, – смешно даже упоминать об этом, – но о двух мирах, двух волях, двух половинах одной души». По мнению Мережковского, современная интеллигенция ближе к народу, чем интеллигенция эпохи Белинского: “От чего-то праведно-ненавистного нам, – уже отказывается народ, от чего-то праведно-ненавистного народу, – готовы отказаться мы”. Для Мережковского главной причиной, отделяющей интеллигенцию от народа, является “позитивизм ярый, озлобленный, ограниченный и твердый”. В основе же “неонародничества” лежит “все больший и больший отказ интеллигенции от материалистического миропонимания”. В то же время, по Мережковскому, “не у одной интеллигенции смердит покойник, у народа есть свой. И народ в такой же обратной опасности. Среди нас – черный труп интеллигенции, среди народа – труп черных сотен”.

В.Е. Беклемишева, жена совладельца и главного редактора издательства “Шиповник” С.Ю. Копельмана, вспоминает о заседании и о своем впечатлении от доклада: «Зал полон народа. Блок читает, отчеканивая каждое слово, и мне жутко: в коротких, мерных словах темное пророчество.

И Блоку веришь, если бы не верил сам, не говорил бы. (...)

Выхожу как в тумане. Где-то рядом истерическое кликушество Мережковского: “Петербургу быть пусту” и спокойно-трагический голос поэта: “Повисла над нами косматая грудь коренника и готовы опуститься тяжелые копыта»» (*Беклемишева В.Е. Встречи. – РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. № 119*).

М.А. Бекетова вспоминала о выступлениях на заседании: «Здесь была публика нарочито интеллигентская. С.А. Венгеров заявил добродушно, что это уж не доклад, а стихи. Зато проф. М.А. Рейснер (ученик Ал. Льв. Блока) объявил, что Ал. Ал. *опозорил* своим докладом имя глубокоуважаемого родителя. На что молодая социал-демократка с улыбкой возражала: “Зачем стрелять из пушек по воробьям? Это такие миленькие серенькие

птички. Чирикают и никому не мешают»» (Бекетова М.А. Александр Блок: Биографический очерк // Бекетова. С. 84).

Новая волна печатных откликов на доклад Блока появилась после его чтения и обсуждения в Литературном обществе.

Корреспондент «Речи» С. М-ой следующим образом описывал прения: «Большинство возражавших указывали на необоснованность и бездоказательность главных его положений. Некоторые отметили, что основным мотивом доклада является “нытье”, “лирические напевы” и т.д. Д.С. Мережковский, отвечая оппонентам Блока, заметил, между прочим, что недостаток доклада заключается в том, что у его автора “не хватило голоса”, чтобы сказать настоящую правду, которую люди не могут услышать. А. Блок говорил: “неблагополучно”, “страшно”. Ему же ответили “благополучно” и призвали на помощь логику, которая преобразует, а не создает ценности.

Г. Чулков видит положительные стороны доклада в повороте его автора от индивидуальных поисков к универсальному.

Б. Столпнер, возражавший докладчику, удивляется, что у декадентов постоянно, выражаясь словами Д.С. Мережковского, “не хватает голоса”, и заметил, что у А. Блока многие положения являются продуктом оригинальничанья.

В заключение В.Г. Короленко красиво и обстоятельно резюмировал речи всех выступивших на собрании» (С. М-ой. В СПб. Литературном обществе // Р. 1908. № 307. 14 дек.).

Сергей Горный (А.А. Оцуп) отмечал неожиданность появления темы народа и интеллигенции в творчестве Блока для большинства слушателей: «Как очутилась она здесь, муза Блока? Где “Незнакомка”, снежные вихри, метели, густые хлопья, скрывавшие жизнь, которая, оказалось, была здесь, тут же под боком, так близко... (...)»

Слова падали тоскующие, недоуменные, мятущиеся.

Но за ними дрожала мука их рождения, боль искания, страх и ужас перед сложностью, пред загадочностью и неизбежностью того Платона Каратаева, который идет там, где-то во тьме» (Горный С. Обоожествление в литературе (Реферат А. Блока в Литературном обществе) // БВ. 1908. № 10860. 13 дек. Веч. вып.; То же. № 10861. 14 дек. Утр. вып.).

Г.И. Чулков возражал Блоку в статье “Memento mori”* (Р. 1908. № 315. 22 дек.). По мнению Чулкова, говорить о докладе Блока следует не с “историко-социологической”, а с “жизненно-практической” точки зрения. Особое внимание критика вызвало признание Блока, что, возможно, речь идет не обо всей интеллигенции, а об ее части: “Такая постановка изменяет в известной мере и ее сущность”. Характеристика интеллигента, влюбленного в “индивидуализм, эстетику, отчаяние”, как считает критик, приложима не к интеллигенции, а к декадентству, которое “полярно по отношению к интеллигенции”: “Образ двойника заслонило Блоку образ интеллигенции, и печать смерти на лице этого двойника Блок принял за печальный знак гибели всего нашего общества. Но напрасно Блок волнуется за судьбу всех этих юношей и девушек, которые рассеяны теперь среди народа – всех этих учителей, врачей, статистиков, газетных работников, пропагандистов, агитаторов – все они органически связаны с народом. Они умеют и жить с народом и умирать за народ”. В то же время Чулков считает, что тема доклада Блока имеет реальные основания: «Я думаю, что рознь действительно существует, но существует она между декадентами с одной стороны и народной стихией, с другой. Я разумею под декадентами не только литераторов и – пожалуй даже – менее всего их, а тех случайных, почти всегда талантливых, но погибающих “лириков жизни”, которые возникают перед нами как живой укор за идеи крайнего индивидуализма, идеи, вскормленные Фридрихом Ницше, Бодлером и Оскаром Уайльдом.

Но при чем тут русская интеллигенция? (...)»

И этот разлад декадентов с народом (...) значителен и глубоко интересен, потому что психология такого оторвавшегося от народной стихии человека – злоеший симптом не

---

* Помни о смерти (лат.). – Ред.

для русской интеллигенции, которая еще девственна и стихийна, как и народ наш, а для личности вообще.

Тема, поставленная Блоком, тема универсальная, а не национальная».

Позднее Г.И. Чулков, вспоминая о полемике с Блоком, писал: «Доклад Блока был весьма примечателен своим пророческим духом. Поэт в самом деле с необычайной острою предчувствовал стихийный характер надвигающейся революции. (...) Чувство катастрофичности всегда было присуще и мне – и не эти предчувствия вызвали мое возражение Блоку. Мне был неприятен в его докладе тот невыносимый удушающий пессимизм, который веяло от всего этого мистического косноязычия. (...) Теперь, конечно, я бы иначе возражал ему, но от сущности моего тогдашнего возражения я и теперь не отказываюсь» (Чулков Г.И. Александр Блок и его время // *Письма Александра Блока*. С. 112–113).

Блок ответил на возражения Чулкова в статье «Стихия и культура» (С. 90 наст. тома).

М. Горький, ознакомившись с материалами заседаний Религиозно-философского и Литературного обществ по газетным отчетам, присланным на Капри, писал в начале января 1909 г. Е.П. Пешковой: «Идут беседы об “Исповеди” в Религиозно-философском обществе: что это за пошлость, что за нищета мысли, лицемерие!» (Архив А.М. Горького. Т. 9. Письма к Е.П. Пешковой. М., 1966. С. 59).

В.Г. Короленко, доброжелательно оценивший доклад Блока в своем резюме на заседании Литературного общества, позднее скептически оценивал и реферат, и поворот символистов к “народничеству”. 24 мая 1909 г. он писал В.Е. Чешихину (Ветринскому): «О том, что модернисты интересуются Успенским – знаю. Они ведь вообще теперь почему-то становятся “народниками”. Мне пришлось присутствовать в Петербурге на докладе Блока в литературном обществе, это была какая-то окрошка из славянофильства, гоголевской переписки и пророчества (гибель интеллигенции от народного урагана. Более всего – искусственности и риторики)» (Новое и забытое. Сб. 1. М., 1966. С. 142. См. также: *Петрова М.Г.* Блок и народническая демократия // *ЛН*. Т. 92. Кн. 4. С. 107–112).

Доклад Блока в Литературном обществе нашел отклики и в провинциальной печати. А. Косоротов пересказал содержание доклада следующим образом: Блок «публично под председательством Короленко прокликает свои заблуждения, тоскует, рвется “в народ” (...), но (...) никогда не покинет своего столичного кабинета». По мнению критика, “все это – лишь (...) запретный прием жонглирования идеями, настроениями, словесными комбинациями” (*Косоротов А.* Петербургские очерки // *Приазовский край*. (Ростов н/Д.). 1909. № 28. 30 янв.). М. Могилянский отметил непонимание доклада со стороны аудитории. По его мнению, в докладе “было грустное поэтическое раздумье, была постановка вопроса, была интимная исповедь, вопль сердца, истекающего кровью, изнеможение под ношей крестной, было тemento mori! (...) Увы, эта сущность для многих выступивших осталась за семью печатями” (*Могилянский М.* В Петербургском Литературном обществе // *В мире искусств*. (Киев). 1909. № 1. С. 38).

В 1909 г. отклики читателей и критиков относятся уже к тексту статьи в “Золотом руне”.

Ф.Г. Васильев-Черников писал Блоку 20 марта 1909 г.: “Мне кажется, что Вы глубже других писателей чувствуете гибельную пучину, разделяющую интеллигенцию и народ. Один Вы правдивы до конца” (*РГАЛИ*. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 185).

Вопрос о “народничестве” Блока активно обсуждался критиками демократического лагеря. Вл. Боцяновский писал о статье Блока дважды, в заметках, публикуемых в газете “Новая Русь” под общим названием “Литературные наброски”. 24 ноября 1909 г. (№ 322) он писал об «общем испуге, который за последнее время охватил весь экзотический кружок нашей интеллигенции. Александр Блок пришел в ужас от русского народа. Ему послышались громкие бубенчики гоголевской тройки, он испугался загадочной улыбки “себе на уме”, замеченной им на устах непонятного и потому страшного сфинкса русского народа. Испугавшись, он закричал, а потом благоразумно сдал себя на руки этому народу, поверив, что он его не только пощадит, но и выведет на дорогу». 21 декабря (№ 350) он вновь возвращается к той же теме и продолжает: «И Белого, и

Блока, и других им подобных испугало одиночество. От народа они всегда были далеки, близко стоящая около них интеллигенция сильно разжижена, а новой интеллигенции, выходящей из того, что принято называть “народом”, и давно уже перекинутый мостик через тот провал, перед которым у них кружится голова, они еще не видят. Пора уже бросить это деление людей на народ и интеллигенцию. (...) Теперь и народ и интеллигенция, после продолжительной совместной борьбы, действительно сплелись в нечто цельное, неделимое. “Нас нельзя разлучить...” Мы не враги друг другу. И совершенно напрасно наши “богоискатели” стараются расколоть эту здоровую массу, самодовлеющую и самоценную».

В. Базаров (В.А. Руднев) в статье “Богоискательство и богостроительство” писал, что слова Блока «только по внешности напоминали искания революционного народничества. Революционное народничество, несмотря на всю свою веру в самобытные устои мужицкой жизни, несмотря на все свое презрение к буржуазной культуре “Запада” было носителем именно этой “западной” европейской, вернее, всемирной культуры. (...) Мистические стороны мужицкой души, ее традиционные верования рассматривались как порождения внешнего гнета и невежества, которым предстоит растаять в огне всенародного революционного пожара. (...) Что касается г. Блока, упорно выступающего в нынешнем году в роли мистика-народоискателя, то для него самая мысль о том, что с социализмом можно связывать какие-либо горячие, задушевные надежды, совершенно дика и непонятна» (Вершины: Литературно-критические и философско-публицистические сборники. СПб.: Прометей, 1909. Кн. 1. С. 333, 335).

М. Неведомский (М.П. Михлашевский) в статье “Модернистское похмелье” писал по поводу слов Блока о “пропасти” между народом и интеллигенцией: «Само собою разумеется, что первый ответ, который вызывал реферат Блока, был следующий: “Parlez pour vous, monsieur, или messieurs!»*.

А впечатление – буквально такое, будто каким-нибудь марсианам удалось пробраться на нашу грешную планету: такую интимную осведомленность проявляли эти господа по части умонастроения и судеб нашей злополучной интеллигенции!» (Там же. С. 418). В то же время, по мнению критика, “реферат и некоторые его (Блока. – Сост.) статьи свидетельствуют о настоящем переломе, происходящем в этом писателе” (Там же. С. 404).

В.В. Розанов в фельетоне “Попы, жандармы и Блок”, написанном по поводу главным образом двух позднейших статей – “Стихия и культура” и “Мережковский” (см.: С. 90 и 96 наст. тома), вернулся к обозначенной в “России и интеллигенции” проблеме трагического расхождения интеллигенции и народа, отказываясь признать ее реальность: «“Интеллигенция разошлась с народом”... Какая интеллигенция, – Блок? Еще какая? Зин. Ник. Гиппиус? Но Менделеев не расходился с народом, он написал “К познанию России” (...) С Россией и народом русским не расходился художник Нестеров, потому что он талант. Вот начало понимания вопроса о расхождении с народом интеллигенции. Не разошелся с Русью и Пушкин, он написал “Бориса Годунова” и сказки, не разошелся Лермонтов, он написал “Купца Калашникова”, не разошелся Гоголь. С народом не расходится и никогда не расходилось *талантливое* в образованном нашем классе, а разошлось с ним единственно *бес-талантное* в нем, что себя и выделило и *противопоставило* народу под пошлым боборыкинско-милюковским словом “интеллигенция”. Образованные люди в России трудились и создавали, надеялись и успевали, часто не успевали, страдали, и все-таки и тогда не проклинали, а завещали детям, внукам так же работать. Талант всегда утешителен в себе самом, приносит веселье, радость, даже и при неудачах: он есть упоение в себе самом. И мрачный демонизм, напр., декадентов, происходит просто оттого, что они пишут плохо стихи» (НВ. 1909. № 11829. 16 февр.).

---

* Говорите о себе, господин, или господа! (фр.). – Ред.

Суммируя первые впечатления от обсуждения реферата, Блок писал матери 16 ноября 1908 г.: “У меня самое лучшее впечатление от моего реферата. Я увидел, что были люди, которым я нужен и которые меня услышали”.

Однако непонимание и неприятие основных идей доклада, проявившееся как в ряде неудачных попыток опубликовать его текст, так и в устных и печатных откликах, в корне меняют первое впечатление поэта. 11 декабря, накануне заседания Литературного общества и после получения письма от Е.Д. Кусковой (в настоящее время не разыскано), Блок записывает: «Прекрасна судьба “России и интеллигенции”. Сегодняшнее письмо г-жи Кусковой, отзыв г-на Струве. Мучительное желание наорать в Литературном обществе завтра: *есть литературное общество и нет литературы!* Бараны, ослы, скоты! Дело идет не о почках или тонкой кишке, а о жизни и смерти (“Смерть Ивана Ильича”). Но – не надо: *терпение. Гневной зрелости* еще долго ждать. (...) А пока – “стать выше” этих кадетов, этой дряхлой и глубокоуважаемой сволочи. Быть *художником*. (...) Пусть даже *все* под разными предлогами отказываются пропечатывать мои идеи. Это – доказательство, что идеи – живые. Живое всегда враждебно умирающему» (ЗК₂₄).

В ЗК₂₄ 22 декабря 1908 г. Блок отметил ряд важных для себя отзывов в “Резюме некоторых религиозно-философских и литературных прений (по поводу меня)”:

«1) *Мережковский*. Фельетон его “Интеллигенция и народ”.

В народе такой же раскол, как в нас, – желание и невозможность веры. Мое противопоставление сводится к противопоставлению творческой интуиции и интеллекта. Бергсон. “Истинно-детский”, “истинно-народный” реферат. Перейти *внутреннюю Неправду*. Народ в революции был *не с нами*.

2) *Мейер* (внутреннее родство революционной и религиозной деятельности – идея *катастрофы*).

Народ – неопределенное понятие с точки зрения *социологической*, но не с точки зрения *психологии* человека. Есть “активные” и “пассивные” работники культуры. Пассивные – это масса (*народ* – “в зипунах, как во фраках” – *№?*), активные – интеллигенты, и эти две категории *всегда будут существовать*. Если бы интеллигенты отказались от себя, – они стали бы народом, но они *не могут* отказаться. Они *обречены на культуру*. Когда приходит революция, они (*за исключением* отдельных личностей, способных к изменению, способных подлинно предчувствовать и идти вместе с народом) уступают *первое место народу* (не связанному – культурой), а сами отходят на второй план.

3) *Чулков*. Статья в “Речи” (22 дек.); надо говорить о *лириках* мне подобных, а не о народе. Мое волнение объясняется общим эстетическим и психологическим кризисом – “кризисом индивидуализма”. Душа лирика оторвана от национальной стихии (?). Поворот от крайнего индивидуализма к универсализму. Я вынес тему в слишком аморфном виде.

4) *Мякотин* не понимает, что такое интеллигенция и народ.

5) О г. Рейснере, Филатове, Мирском – не стои разговоривать.

6) *Л. Галич*. Фельетон в “Речи” (7 ноября) – “Народ и мы”.

7) *Столпнер* (Борис Григорьевич). Стремление к истине – постулат не разума, а совести. Оправдание позитивизма. “Воля к жизни” (к народу) ослабляет общественную совесть. Декадентской фразой заражены не одни декаденты. – Нападки на Мережковского – неприличные и понятные.

8) Я говорил в Литературном обществе: хочу сказать только в защиту не свою, а своей темы. Она слишком вечна, слишком громадна, слишком не нова. Будто Толстой или Успенский не задавали себе тех же проклятых вопросов, и тоже в форме неудовлетворяющей требованиям науки. Я не умею ответить, *в чем* пропасть, ни определить, *что такое*

народ и интеллигенция. Верю, что, кто хочет понять, – поймет. Пусть никто не отвечал мне полностью; но все, я уверен, или мучились, или будут мучиться тем же вопросом. Я заключаю об этом по возбужденности сегодняшних речей. Мне ясно одно: *ПРОПАСТЬ*, недоступная черта между интеллигенцией и народом, – *ЕСТЬ*. Та часть интеллигенция, которой закрыты пути к народу, громадна, она растет, она – *не только лирики, декаденты, она – ежедневные самоубийцы* (например).

I. Тем, кто говорит мне: *нет* черты, нет больше ни интеллигенции, ни народа, – я хочу сказать: вы не признаетесь в этом только потому, что это *слишком страшно*. Если *есть* эта черта между народом и (все растущей) частью интеллигенции, – значит – многие осуждены на *гибель*. И черта есть.

II. Тем, кто предлагает лечить болезни, кто строит мосты от интеллигенции к народу (хотя бы религиозные – ?), я хочу сказать словами Толстого: “Не в блуждающей почке тут дело, а в жизни и смерти” (“Смерть Ивана Ильича”).

III. Если мой доклад наивен с точек зрения науки, социологии, политики, – пусть так. Я не принимаю только двух упреков: в “кощунственном реакционерстве” (Рейснер) и в ненависти к Белинскому (Неведомский). Верю, что, если даже неотчетливо поставлен мой вопрос, – кто-нибудь другой скоро поставит его лучше меня – этот страшный, реальный, первый наш вопрос.

IV. Пусть, наконец, самый ход моего рассуждения неверен, пусть я сам даже бессознательно заражен декадентством, словесностью, иронией (только на днях я говорил об этом в печати), – *не я один этим болен*. Все это не важно сейчас для меня. Мне важнее всего, чтобы в теме моей услышали реальное и страшное *memento mori*”.

Блок неоднократно подчеркивал принципиальную значимость статьи в собственном творчестве. Поясняя замысел реферата в письме С.А. Венгеру 4 декабря 1908 г., Блок писал: “Собственно, литературная часть его – о Горьком – для меня дело десятое. На первый план я ставлю вопрос о том, как интеллигенции найти связь с народом. (...) Таким образом, тема моя, может быть, слишком выходит за пределы литературы и каждым словом своим я стремлюсь подчеркнуть свой панический страх перед словесностью в этом именно вопросе”.

В письме к К.С. Станиславскому 9 декабря 1908 г. Блок, посылая текст статьи, связывал ее с кругом идей, выраженных в пьесе “Песня Судьбы” и прежде всего – с темой России: “Моя тема, тема о России (вопрос об интеллигенции и народе, в частности). Этой теме я сознательно и бесповоротно посвящаю жизнь. (...) Прилагаемую статейку просмотрите. (...) Я посылаю ее только в дополнение и разъяснение моих мыслей о России, набросанных в этом письме”.

В письме к Е.Д. Кусковой 11 декабря 1908 г. Блок подчеркивал особую важность статьи: “Верю в ее реальность и держусь за нее, как ни за одну из своих статей. (...) Для меня – в ней речь идет о жизни и смерти, о гибели или спасении, и не о моем, а о всеобщем”.

С. 70. ...был прочитан доклад Германа Баронова... – В.А. Пяст, знавший Г.А. Баронова (1883–после 1941) с гимназических времен, вспоминал: «С Блоком он не был даже знаком. Он был вовсе не поэт. Родом из Перми, родной внук старшего его ровно на сто лет (род. в 1783 г.) декабриста барона Штейнгеля, сын его сына, родившегося, после отбытия Штейнгелем каторги, в Сибири от крестьянки, на которой женился в ссылке барон (за которым жена на каторгу не последовала), – Герман Андреевич Баронов вместе с братом приехал учиться в Петербург, где и окончил гимназию на Выборгской стороне. Выдержал в 1903 году конкурсный экзамен в Технологический институт, пробыл там зиму и лето проездил на практике машинистом, но с осени 1904-го бросил высшее, казалось ему привилегированное, учебное заведение и, как это случалось тогда с некоторыми, особенно совестливыми людьми, “поступил народным учителем”. В университете он показался в 1905 году; затем отбывал какое-то наказание (из чувства товарищества: сам отнюдь не был революционером по убеждениям). В 1908 году он опять немного позанимался в университе-

те как словесник, но тут подошла болезнь... Из всех “вечных студентов”, какие встречались мне за мою долгую жизнь, ⟨...⟩ Г.А. Баронов, несомненно, был *наиболее вечным*. Лишь в 1921 году окончил он в Томске как филолог-словесник... Дикий, лесной человек по натуре, охотник в лесах и тундрах ближней Сибири, Баронов теперь – по иронии судьбы! – служит в Губфинотделе города Омска» (*Пяст Вл.* Встречи. М., 1997. С. 108. См. сведения о нем в примечаниях Р. Тименчика (*Там же*. С. 320), а также в анонимной заметке “Герман Баронов, внук барона” (Алтайская правда. 2003. № 81–83 (24334–24336). 23 марта). В 1941 г. был репрессирован, осужден на 5 лет и умер в заключении. Реабилитирован посмертно в 1988 г. Доклад Баронова известен только по кратким изложениям в газетах “Речь”, “Слово”, “Новое время”, описывающих заседание Религиозно-философского общества.

С. 70. ...отождествляет мировоззрение этого писателя с мировоззрением социал-демократов, в частности, Луначарского... – А.В. Луначарский в 1907–1909 гг. был увлечен теорией “богостроительства” (см. ст.: *Луначарский А.В.* Будущее религии // Образование. 1907. № 10–11; а также кн.: *Луначарский А.В.* Религия и социализм: В 2 ч. СПб., 1908–1911). Согласно этой теории, Бог – не Абсолютное, объективно существующее вне человека начало, а высший результат творящей энергии свободного человеческого коллектива. В повести М. Горького “Исповедь” главный герой Матвей приходит к этой идее после долгих поисков Бога в церкви и вне церкви. Луначарский высоко оценил эту повесть в статье “Литературный распад и концентрация интеллигенции” (Литературный распад. Кн. 2. СПб., 1909). Сопоставление “богостроительства” Луначарского с идеями “Исповеди” М. Горького было весьма распространено в критике этого периода. См.: *Плеханов Г.В.* О так называемых религиозных исканиях в России: “Исповедь” как проповедь “новой религии” // *СоврМ.* 1909. № 9–10. С. 188–200; *Львов-Рогачевский В.* Новая вера // Образование. 1908. № 7. Отд. II. С. 19; *Философов Д.В.* Евсей и Матвей // Московский еженедельник. 1908. № 29. 26 июля (перепечатано: *Философов Д.* Слова и жизнь. СПб., 1909) и др.

С. 71. ...выражения его, вроде “строителей жизни”... – Слова, принадлежащие одному из героев-идеологов повести Горького “Фома Гордеев” Якову Маякину. “Строителями жизни” Маякин называет купечество – самую активную и многообещающую силу в России: “Включите нас в строители оной самой жизни! И как только он нас включит – тогда-то мы и должны будем единым махом очистить жизнь от всякой скверны и разных лишков” (“Фома Гордеев”, гл. IV). “Это мы всё сделали! – кричал Яков Тарасович, указывая на реку. – Наше всё! Мы жизнь строили!” (*Там же*, гл. XIII). В то же время герой повести Фома использует эту формулу полемически: “Строители жизни! Гуцин – подаешь ли милостыню племяшам-то? Подавай хоть по копейке в день – немало украл ты у них... ⟨...⟩ – Вы не жизнь строили – вы помойную яму сделали! Грязищу и духоту развели вы делами своими. Есть у вас совесть? Помните вы Бога? Пятак – ваш бог! А совесть вы прогнали... Куда вы ее прогнали?” (гл. XIII).

К нам Горький неизменно обращен лицом художника, ~ готова опять слушать его, когда он заговорит художественным языком. – Символистская критика после выхода “Исповеди” заговорила о возрождении Горького-художника (обзор критических отзывов см.: *Горький М.* Полн. собр. соч.: Художественные произведения: В 25 т. М., 1971. Т. 9. С. 541–544). В своей характеристике Горького Блок сближается с Андреем Белым. Ср.: «Перед нами – “Исповедь” Горького; в ней просыпаются вновь лучшие стороны дарования Горького; с радостью убеждаемся мы, что Горький – Жив, что он – художник. ⟨...⟩ И, забывая растянutosть фабулы, несовершенство многих страниц, веришь Горькому, что любит он Россию, что слушает он “мать сыру-землю”» (*Белый Андрей.* На перевале. XII. Слово правды // В. 1908. № 9. С. 60).

С. 72. ...“черная, как обрывок тучи в ветреный день”. – Упоминается эпизод из повести Горького “Исповедь” (*Горький М.* Исповедь // Горький М. Полн. собр. соч.: Художественные произведения: В 25 т. Т. 9. С. 327).

С. 72. ...“не поймет и не заметит гордый взор иноплеменный”. – Из стих. Ф.И. Тютчева “Эти бедные селенья...” (1856).

“Хорошая кровь ~ легкая мысль”... – Горький М. Исповедь. С. 297. Приведенные в статье цитаты выписаны у Блока в ЗК₂₃ (5 ноября 1908).

С. 72–73. Собирали и собирают материалы для изучения “фольклора”; ~ обрядности, свадьбы и похороны... – О недостаточности изучения народа и народной духовной жизни интеллигенцией в сходном тоне писал исследователь русского сектантства А.С. Пругавин, чьи работы о русском расколе внимательно изучались Блоком в 1907 г. (см.: Т. 7. наст. изд. С. 324, 328). Ср.: “Все помнят, конечно, услуги, сделанные в этом отношении нашими славянофилами, но помнят и их ошибки, их односторонность, помнят те груды сборников, народных песен, былин, пословиц, преданий, поговорок, сборников, которые были единственным результатом этого изучения. (...) Несмотря на это, духовная, религиозно-нравственная, интеллектуальная жизнь народа осталась и, нужно сказать, остается до сих пор очень мало известною” (Пругавин А.С. Раскол и сектантство в русской народной жизни. М., 1905. С.7).

С. 73. ...на ту иронию, которой научили нас Гейне и еврейство... – Блок работал над статьей “Ирония” параллельно с докладом “Россия и интеллигенция” осенью 1908 г. В статье цитируется фраза из “Путешествия на Гарц” Г. Гейне: “Я не могу понять, где кончается ирония и начинается небо” (С. 89 наст. тома). Тема иронии затронута в статье “Вопросы, вопросы и вопросы” (С. 82 наст. тома), заметке “О Льве Толстом” (С. 167 наст. тома), стих. “Друзьям” (Т. 3 наст. изд. С. 88, 771–773), а также в письме к Л.Д. Блок 23 июля 1908 г.

...на гоголевский смех сквозь слезы... – Перефразированные слова Н.В. Гоголя: “Сквозь видный миру смех и незримые, неведомые ему слезы” (“Мертвые души”. Т. 1, гл. VII).

...на соловьевский хохот... – О “странном” смехе В.С. Соловьева упоминали многие пишущие о нем мемуаристы. Блок особо выделил тему смеха у Соловьева в письме к Г.И. Чулкову от 23 июня 1905 г.: «К последним трем годам относится и наибольшая интенсивность Соловьева как поэта, и апофеоз того смеха (дарящего, а не разлагающего), который он точно от всех Соловьевых по преимуществу вобрал в себя, воплотил, “заключил”, сделал законным это захлебывание собственным хохотом до икоты; этот смех – один из необходимейших элементов “соловьевства”, в частности, Вл. Соловьева; (...) Соловьев постиг тогда, в период своих главных познаний и главных несказанных веселий, ту тайну игры с тоской смертной, которую, мне сейчас кажется, тщетно взваливает на свои плечики Мережковский... Он так хохотал, играючи, что могло (и может) казаться, что львенок рычит или филин рыдает». В 1908 г. вышли по меньшей мере две важные для Блока статьи о Соловьеве. Сестра философа М.С. Безобразова в мемуарном очерке “Воспоминания о брате Владимире Соловьеве” (Минувшие годы. 1908. № 5/6) говорит о смехе Соловьева как проявления его мягкого и светлого нрава: “...очень много было в нем детского, способность же смеяться и дурачиться – совершенно исключительная, так что иногда достаточно было пустяка, чтоб заставить его закатиться самым задушевным, захлебывающимся смехом, разносившимся на далекое пространство кругом. И думается, вспоминая этот смех, что надо было быть или очень несчастным, или бесприсветно злым, чтоб не стало весело и не явилось желания смеяться самому, услышав этот смех” (совр. изд.: Безобразова М.С. Воспоминания о брате Владимире Соловьеве // Книга о Владимире Соловьеве. М., 1991. С. 80). Откликаясь на публикацию этого очерка, Д.С. Мережковский в статье “Немой пророк” дал иное толкование соловьевского смеха: «Существует два рода писателей: одни, подобно Л. Толстому и Пушкину, в своих произведениях открываются, другие, как Лермонтов и Гоголь, за ними скрываются. (...) Кажется, к последнему роду писателей принадлежит и Вл. Соловьев. Все они более или менее умеют “делать хорошее лицо при скверной игре”. Когда же становится невмочь, то смеющиеся, подобно Гоголю, начинают плакать, а плачущие, подобно Вл. Соловьеву, – смеяться; но даже в эти минуты величайшей откровенности, когда, кажется, вот-вот готовы они выплакать и высмеять себя до конца, окружающие подозревают их в притворстве, в юродстве, и никто не верит ни это-

му жуткому плачу, ни этому еще более жуткому смеху. (...) Сестра уверяет, что этот смех был “заразительно веселый”. “Заразительный”, пожалуй, как истерика, но едва ли “веселый”, говорю это по собственному точному и незабвенному воспоминанию. (...) До какого одурения тоски, до какого надрыва надо было дойти, чтобы так смеяться! Сквозь торжественную симфонию “Оправдания добра” или “Чтение о Богочеловечестве” мне слышится порою этот страшный смех, и чудится тогда, как в тургеневском сне: хорошо, хорошо, а быть худу!» (Р. 1908. № 192. 10 авг. – Блок отметил выход этой статьи в ЗК₂₂). См. также коммент. к статье “Рыцарь-монах” (С. 430 наст. тома).

С. 73. ...*такой гул, какой стоял над татарским ~ гуси и лебеди.* – Блок опирается на текст “Сказания о Мамаевом побоище” (II ред.): “Князь же великии Дмитрией Ивановичь (...) став посреди обоих полков и обратися на полкъ татарской и слыша стоук велик и кличь, аки торги снимаются, аки гради зижоуще, аки трубы гласящее, и бѣ назади их грозно волцы воющее велми. По десной же стране ворони кличют и бы глас велик птич, вранове же играют по рѣце той, аки горы колыбашеся, по рѣце той по Непрядвѣ гоуси и лебеди непрестанно крылы плещущее, необычную грозу подают” (*Шамбинаго С. Повести о Мамаевом побоище.* СПб., 1906. С. 25. Ср. также с. 60–61). Тема Куликовской битвы как символического события русской истории разрабатывалась Блоком в пьесе “Песня Судьбы”, а также в стихотворном цикле “На поле Куликовом” (Т. 3 наст. изд. С. 170–173, 910–929).

...*над станом Дмитрия Донского стояла тишина; ~ далекая и зловеющая зарница.* – Ср. отрывки из “Сказания о Мамаевом побоище”: «И бы тихость велика. И речь великому кнзю: “что слышаста, гѣе”. Он же речь: “ничто ж, токмо видехом огневи многи и зари мнози снимахоуся” (...) И сниде с коня, и пад на десное ухо и приниче на землю и предлежа на долгъ час, и восста, и абие пониче. И реч емоу князю великии Дмитрией Иванович: “что есть брате”. Он же не хоте сказати. Княз же великии много ноудив его. Он же реч: “едина ты ексть на ползу, а другая не на ползу: слышах, землю плачюшоуся на двы: аки жена нѣкая вдовица, а другая страна аки нѣкая дѣца, аки свирель просопе плачевным гласом”» (*Шамбинаго С. Указ. соч. С. 25*).

...*“племени, наречий, состояний”* ... – Из поэмы А.С. Пушкина “Братья-разбойники” (1821–1822).

С. 74. ...*в ночь после битвы, и еще семь ночей подряд, она текла, красная от русской и татарской крови.* – Ср.: “А река Дон текла кровию три дни три нощи” (*Шамбинаго С. Повести о Мамаевом побоище. С. 122*).

...*прав был Самарин, когда писал Аксакову о “недоступной черте”, существующей между “славянофилами” и “западниками”.* – Отрывки из письма Ю.Ф. Самарина к К.С. Аксакову Блок цитирует по кн. Н.П. Барсукова “Жизнь и труды М.П. Погодина” (СПб., 1893. Т. 7. С. 472).

...*интеллигенция, ~ относилась с явной и тайной ненавистью к Менделееву.* – В 1880 г. кандидатура Д.И. Менделеева была забаллотирована на выборах в Российскую академию наук. Возможно, Блок имеет в виду и реакцию либеральной интеллигенции на общественную позицию Д.И. Менделеева, выраженную в двух итоговых книгах – “Заветные мысли” (СПб., 1903–1904) и “К познанию России” (СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1906). Обе книги сохранились в библиотеке Блока с пометами на полях (ББО-2. С. 149–150).

...*“недоступная черта” (пушкинское слово)...* – Из стих. А.С. Пушкина “Под небом голубым страны своей родной...” (1826). Возможно, использование этой цитаты в качестве символа непреодолимых противоречий между народом и интеллигенцией было подсказано Блоку письмом Ю.Ф. Самарина к К.С. Аксакову о непримиримости западников и славянофилов. Ср.: “Неприступная черта меж нами есть, а наше согласие никогда не было искренно, то есть не было прочным, жизненным согласием” (цит. по кн.: Барсуков Н. Жизнь и труды М.П. Погодина. Т.7. С. 472). Блок приводит эту цитату в статье “Вопросы, вопросы и вопросы” (С. 79 наст. тома).

С. 74. ...в непримиримости двух начал – менделеевского и толстовского... – Блок нигде не разъясняет своего противопоставления, хотя намечает его также в ЗК₂₂ (записи от 25 и 28 сентября): «Менделеев и Толстой. Острейшее сомнение (противоречие). Не могу принять: ни двух бездн, Бога и дьявола, двух путей добра, – “две нити вместе свиты” (мистика, схоластика, диалектика, метафизика, богословие, филология), ни теории познания (Белый), ни иронии (интеллигентский мистический анархизм), ни “всех гаваней” (декадентство). Гениальничать же не собираюсь». “Сложнейшие думы. Менделеев, Толстой, Тургенев, Добролюбов, Венгеров, вампир граф Дракула. Ключев”. Ср., однако, цитированное выше (С. 340 наст. тома) письмо Блока к матери 5–6 ноября, где имена Менделеева, Толстого и Горького названы в общем ряду (“чем ближе человек к народу”). Противопоставление Толстого и Менделеева могло проводиться Блоком в нескольких аспектах: неприятие науки и проповедь “религиозного сознания” у Толстого и убежденная вера в науку, научный позитивизм Менделеева; отрицание современного государства и идеализация патриархального строя жизни, воплощающего “вечные ценности”, у Толстого и вера в промышленный, технический прогресс, признание необходимости для России капиталистического пути у Менделеева и т.д.

...противоположность между Толстым и Достоевским, указанная Мережковским. – Противопоставление Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского Д.С. Мережковский разработал в трехчастном труде “Л. Толстой и Достоевский” (в библиотеке Блока было издание: Мережковский Д.С. Л. Толстой и Достоевский: В 2 т. Пб.: Мир искусства, 1901–1902. Местонахождение ныне неизвестно. См.: ББО-3. С. 240). По Мережковскому, “в русской литературе нет писателей, более внутренне близких и в то же время более противоположных друг другу, чем Достоевский и Л. Толстой” (Мережковский Д.С. Л. Толстой и Достоевский: Вечные спутники. М., 1995. С. 11). Противоположность Толстого и Достоевского сформулирована в книге следующим образом: “Так же, как Л. Толстой в бездну плоти, заглянул Достоевский в бездну духа, и показал, что верхняя бездна равняется нижней {...} Таковы они в своем вечном противоречии и вечном единстве – эти два демона русского Возрождения – тайновидец плоти, Л. Толстой, тайновидец духа, Достоевский; один – стремящийся к одухотворению плоти, другой – к воплощению духа” (Там же. С. 140).

С. 75. ...Нужно любить Россию... – Название письма XIX из “Выбранных мест из переписки с друзьями” (1847) Гоголя (Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: В 14 т. М., 1952. Т. 8. С. 300). О переключках прозы Блока с поздней публицистикой Гоголя см.: Минц З.Г. Блок и Гоголь // Минц З.Г. Александр Блок и русские писатели. СПб., 2000. С. 55–64. Впервые – БС-2. С. 167–179.

...нужно “проездиться по России”... – Название письма XX из “Выбранных мест из переписки с друзьями” (Гоголь Н.В. Указ. соч. Т. 8. С. 301).

«Как полюбить братьев? ~ “начало любви”»... – Из письма XIX “Нужно любить Россию” (Там же. С. 300).

“Монастырь наш – Россия! ~ для русского Россия!” – Из письма XX “Нужно проездиться по России” (Там же. С. 301). У Гоголя – “Монастырь ваш – Россия”. Формула “все-го себя умертвивши для себя, но не для нее”, использована Блоком также в статье “Ирония” (С. 89 наст. тома).

...кричал на Гоголя Белинский, “отец русской интеллигенции”. – В 4А и “Золотом руне” Белинский назван: “самый характерный русский интеллигент” (С. 214, 222 наст. тома). Формула “отец русской интеллигенции” появилась в статьях Н.А. Бердяева и С.Н. Булгакова, опубликованных в сб. “Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции” (М., 1909), вышедшем в марте 1909 г. Ср.: “Западничество и славянофильство – не только публицистические, но и философские направления. Белинский, один из отцов русской интеллигенции, плохо знал философию и не обладал философским методом мышления, но его всю жизнь мучили проклятые вопросы, вопросы порядка мирового и философского” (Бердяев Н.А. Философская истина и интеллигентская правда // Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 14). “Атеизм есть общая вера, в которую крещаются вступающие в лоно церкви интеллигентно-гума-

нистической, и не только из образованного класса, но и из народа. И так повелось изначально, еще с духовного отца русской интеллигенции Белинского” (*Булгаков С.Н. Героизм и подвижничество (Из разъяснений о религиозной природе русской интеллигенции) // Вехи. Из глубины. С. 37*). Появление этой формулы в последней редакции текста статьи – свидетельство внимания Блока к концепции авторов “Вех”, о котором он никогда не высказывался прямо (сборник сохранился в библиотеке Блока. См.: *ББО-1. С. 130*). Говоря о “крике” Белинского, Блок имеет в виду реакцию Белинского на “Выбранные места из переписки с друзьями”. Критик высказался о книге дважды: в рецензии, опубликованной в “Современнике” (1847. № 2), и в “Письме к Гоголю” (написано 15 июля 1847, впервые опубликовано под названием “Ответ В. Белинского” в альманахе “Полярная звезда на 1855”, Лондон, Женева). Блок вернулся к оценке письма Белинского к Гоголю в статье “Что надо запомнить об Аполлоне Григорьеве” (1918): “Пусть Белинский был велик и прозорлив во многом; но, совершив великий грех перед Гоголем, он, может быть больше чем кто-нибудь, дал толчок к тому, чтобы русская интеллигенция покатила вниз по лестнице своих российских западных надрывов, больно колотясь головой о каждую ступеньку; а всего больнее – о последнюю ступеньку, о русскую революцию 1917–1918 годов” (см. т. 9 наст. изд.).

С. 75. ...*нам непонятны слова ~ “умертвить всего себя для себя”*. – По поводу этого фрагмента статьи Б. К(ремнев) (Г.И. Чулков) писал: «Недавно один из современных поэтов цитировал отрывки из “Переписки”, стараясь сблизить свои мысли о разладе между интеллигенцией и народом с мыслями Гоголя о России. Напрасное сближение. И худо, если современность пойдет за этим искаженным призраком Гоголя, потерявшего связь с подлинной Россией. В этот час Белинский был ближе России, чем Гоголь. (...) Мы будем искать связь между Гоголем и Россией не в статье “Надо проездиться по России”, а в рыданиях поэта над полями русскими, когда он мчался на тройке от деревни до деревни и перед ним возникали ужасные маски Плюшкина, Коробочки, Собакевича, Ноздрева» (*Б.К. О Гоголе // ЗР. 1909. № 2/3. С. 111*).

...*вопрос о Боге – кажется “самый нелюбопытный вопрос в наши дни”, как писал Мережковский...* – С этой фразы начинается книга Д.С. Мережковского “Не мир, но меч” (СПб., 1908).

...*“человека девятнадцатого века”, о котором писал Гоголь...* – В письме XXXII “Выбранных мест из переписки с друзьями” – “Светлое Воскресение”: “Все позабыто человеком девятнадцатого века, и отталкивает он от себя брата, как богат отталкивает покрытого гноем нищего от великолепного крыльца своего” (*Гоголь Н.В. Указ. соч. Т. 8. С. 415*).

...*“один исполинский образ скуки, ~ могила повсюду” (Гоголь)*. – Там же. С. 416.

С. 76. ...*“Русь, куда ж несешься ты? Дай ответ”*. Но ответа нет, только “чудным звоном заливается колокольчик”. – Н.В. Гоголь. “Мертвые души”. Т. 1, гл. IX.

...*“гремит и становится ветром разорванный воздух”...* – Там же.

...*вокруг уже господствует тьма?* – Мотив темноты, “тьмы”, в которую погружается современная жизнь, в ЧА подчеркивался резче в связи с творчеством М. Горького. После фразы “Горький отказывается проповедовать; он только смятенно ищет” следовало: “Теперь так темно кругом, что, пожалуй, трудно разглядеть во тьме кричащего человека. Слышен только его голос. Голос Горького – один из самых страстных и сильных голосов, но лица его, как и лиц других кричащих, мы не видим, потому что отделены друг от друга непроницаемой тьмой” (С. 206 наст. тома). Мотив этот, очевидно, восходит к рассказу Л.Н. Андреева “Тьма” (1907). Герой рассказа, революционер-террорист Алексей, переживающий нравственный кризис, отрекается от своих прежних убеждений, отказывается от революционной деятельности под влиянием случайной встречи с проституткой и ее слов: “Стыдно быть хорошим”. Герой декларирует: “Если нашими фонариками не можем осветить всю тьму, так погасим же огни и все полезем во тьму” (*Андреев Л.Н. Собр. соч.: В 6 т. М., 1990. Т. 2. С. 298*). При этом Алексей родом из старообрядцев, хотя давно не верует в Бога. Отречение от своего революционного настоящего он ощущает

как возвращение к своим подлинным истокам: “Словно с каждой выпитой рюмкой он возвращался к какому-то первоначалу своему – к деду, к прадеду, к тем стихийным первобытным бунтарям, для которых бунт был религией и религия – бунтом” (*Там же*. С. 297). Блок слышал этот рассказ еще до его публикации в 1907 г. 28 сентября 1907 г. он писал матери: «Мы с Любой были на первой его (Л.Н. Андреева. – *Сост.*) “среде” (26-го) (...) У Андреева болел зуб, потому новый рассказ его читал я. (...) Новый рассказ Андреева большой, называется “Тьма”, написан на тему “стыдно быть хорошим”, не из лучших для Андреева. Есть великолепные места». По воспоминаниям С.Н. Сергеева-Ценского, присутствовавшего на чтении, “Блок читал благоговейно, скандируя каждое слово”. В ответ на просьбу Андреева высказать свое мнение, «Блок, тем же торжественным тоном, каким и читал, только с каким-то священным трепетом в голосе ответил, поднявшись с места: – Леонид Николаевич! (Не “Николаич”, а именно “Николаевич”) Вы – гениальный писатель... Все, что написано вами до сего времени, – гениально. Но в этой вещи вы превзошли сами себя... “Тьма” является самым гениальным из ваших произведений» (*Там же*. С. 536). Рассказ упомянут в статье “Литературные итоги 1907 года” (Т. 7. наст. изд. С. 119). См. также: *Беззубов В.И.* Леонид Андреев и традиции русского реализма. Таллин, 1984. С. 167–170.

С. 76. ...повисла косматая грудь коренника, и готовы опуститься тяжелые копыта. – Образ “тройки” в статьях Блока ведет происхождение не только от гоголевских “Мертвых душ”. В исследовательской литературе говорится о полигенетичности этого образа, о его связи с пушкинским “Медным всадником” (“Куда ты скачешь, гордый конь, / И где опустишь ты копыта?”) (*Мицк З.Г.* Блок и Гоголь. С. 61–62). Выражение “бешеная тройка” восходит к стих. Н.А. Некрасова “Тройка” (“Не нагнать тебе бешеной тройки”). Ср. также речь прокурора в “Братьях Карамазовых” Ф.М. Достоевского: “Роковая тройка наша несется стремглав и, может, к погибели. И давно уже в целой России простирают руки и взывают остановиться бешеную, беспардонную скачку” (*Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1976. Т. 15. С. 150). Среди возможных источников этого образа – стих. Л. Семенова “Священные кони несутся...”, приведенное Блоком в рецензии на его “Собрание стихотворений” (Т. 7 наст. изд. С. 176):

Все ближе, все ближе их топот
И фырканье гордых ноздрей!
Спасайся, кто может и хочет!
Но свят, кто в пути устоит:
Он алою кровью омочит
Священную пыль от копыт.

Отмечено: *Бураго С.Б.* Александр Блок: Очерк жизни и творчества. Киев, 1981. С. 166.

ВОПРОСЫ, ВОПРОСЫ И ВОПРОСЫ

(С. 76)

Автограф неизвестен.

Впервые напечатано: *ЗР*. 1908. № 11 / 12. С. 62–69. Подпись: “Александр Блок”.

В Собрание сочинений впервые включено: *СС-Берлин*. Т. 7. С. 47–66.

Печатается по тексту первой публикации.

Статья была написана в конце октября–первой половине ноября 1908 г. (начата не позднее 20 октября, завершена не ранее 16 ноября). Датировка основана на времени выхода из печати статей, на которые ссылается Блок. Цитируемые в тексте статьи Д.В. Философова и Л.Е. Галича появились в печати 20 октября и 7 ноября. В *ЗК*₂₃, между 26 и 27 но-

ября, вслед за наброском стих. “Я пригвожден к трактирной стойке...” (Т. 3 наст. изд. С. 116, 406, 836) помещен набросок раздела “Тройка” (С. 222 наст. тома). О завершении работы над статьей Блок упоминает в письме к матери 12 ноября: «Галичу я уже возражаю в очередной статье в “Руно”». Последнее добавление в текст было сделано не ранее 16 ноября, уже в корректуре: речь идет о подстрочном примечании, относящемся к статье Д.С. Мережковского “Интеллигенция и народ”, вышедшей 16 ноября 1908 г. в газете “Речь” (Блок упоминает, что его статья уже “была набрана”). – С. 78 наст. тома).

Первоначальный замысел статьи возник у Блока еще в сентябре 1907 г.: «...займусь историко-литературной статьей – о продолжателях славянофилов и западников теперь. Оно и полезней, и интересней; да и “программно” (!)» (ЗК₁₇. 1 октября 1907 г.). Однако в 1907 г. статья не была написана. В сентябре 1908 г. он вновь вернулся к этому замыслу, который вошел теперь в контекст размышлений Блока о преемственности духовных исканий русской культуры XIX в. и русской интеллигенции начала XX в., а также об опасности опошления и обесценивания этих идей, их вырождения, превращения в безответственную “словесность” (см. об этом подробнее: Минц З.Г. Лирика Александра Блока. Вып. 3. Гарту, 1973. С. 55–67; то же, под заглавием: Блок и традиции русской демократической литературы // Минц З.Г. Александр Блок и русские писатели. СПб., 2000. С. 286–291).

В ЗК₂₂ между 17 и 21 сентября 1908 г. Блок формулирует тему будущей статьи: “Вкусная интеллигентская жвачка – Шедрин, Белинский, Добролюбов (Глеб Успенский?)”. Так же формулируется тема в перечне будущих статей в ЗК₂₃ (сентябрь–ноябрь 1908): “Интеллигентская жвачка (все жуем)”. 28 сентября в ЗК₂₂ появляется запись, также относящаяся к замыслу будущей статьи: “Сложнейшие думы. Менделеев, Толстой, Тургенев, Добролюбов, Венгеров, вампир граф Дракула. Клюев. Маленькие современные писатели – Лазаревский, Куприн, Бунин, Кондурушкин”.

Непосредственным поводом для написания статьи явилось возобновление петербургских религиозно-философских собраний 29 октября 1908 г. после летнего перерыва. Задачи Религиозно-философского общества активно обсуждались в прессе. А. Мейер в статье “Интеллигенция и религия” (Р. 1908. № 261. 29 окт.) писал: “На религиозно-философские собрания смотрели и смотря с какой-то надеждой, от них ждут серьезного дела. (...) Жизнь, по-видимому, навязывает ему (Религиозно-философскому обществу. – *Сост.*) роль, которой оно первоначально не думало играть. Если так, то оно не вправе отказываться от этой роли. Открыв широкий доступ в свои собрания интеллигенции, оно тем самым вступило на путь общественного служения”. Л. Галич (Л.Е. Габрилович) в статье “Народ и мы” (Р. 1908. № 270. 7(20) ноября) возражал против придания религиозно-философским собраниям “общественного” характера и особенно – против постановки проблемы “народа” и “интеллигенции” на заседаниях (Блок процитировал Галича в тексте статьи как “очень характерного интеллигента”). В полемику с Галичем вступил Д.С. Мережковский в статье “Интеллигенция и народ” (Р. 1908. № 279. 16(29) нояб.), что также было зафиксировано в тексте статьи Блока. См. также коммент. к статье “Народ и интеллигенция”: С. 346 наст. тома. Блок, как это явствует из процитированного выше письма к матери от 12 ноября, воспринимал свою статью как продолжение этой полемики.

В авторском экземпляре “Золотого руна” (ИРЛИ. В ББО-3 не отмечено) на с. 69 отчеркнуты на полях простым карандашом следующие фразы:

“декадентская будка. А сколько вреда и путаницы вносит тот, кто и продолжает сидеть в ней, несмотря на то, что его так и тянет на свежий воздух”.

“никто, в сущности, ни с кем не соединялся и не разъединялся и настоящей школы не было никогда”;

“Сергеев-Ценский существует, лишь поскольку не подражает Андрееву, Лазаревский – Чехову, а Рославлев – Брюсову”.

Как видно из содержания отчеркнутых фрагментов, Блок выделяет в тексте статьи проблему творческой индивидуальности писателя, не сводимой к его принадлежности к той или иной литературной школе.

В (Плане собрания сочинений) находится в разделе “Лирич (еские) статьи”, однако отмечена знаком “?”.

С. 76. В Петербурге возобновляются религиозно-философские собрания. – Первое заседание Религиозно-философского общества состоялось 29 октября 1908 г. (см. коммент. к ст. “Народ и интеллигенция”, с. 337 наст. тома).

...писал и я, ровно год тому назад, на страницах “Золотого руна”... – Блок говорил о возобновлении религиозно-философских собраний в Петербурге в статье “Литературные итоги 1907 года”. См.: Т. 7 наст. изд. С. 110–124.

Вот что пишет об этой реформе Д.В. Философов... – *Философов Д.* Религиозно-философские собрания // С. 1908. № 595. (?) 20 окт.

С. 78. ...Леонид Галич, по моему мнению, очень характерный интеллигент... – Критик и публицист Л.Е. Галич (1878–1953), приват-доцент СПб. Университета по кафедре философии широко публиковался в газетах и журналах либерального направления, заведовал отделом в первой легальной большевистской газете “Новая жизнь”, читал рефераты на “башне” Вяч. Иванова, посещал салоны символистов, имел репутацию “утонченного эстета социал-демократии” (Д.С. Мережковский). В статье “Народ и мы” Галич категорически отрицал раскол народа и интеллигенции, называя его “старым поэтическим мифом”.

...как в “Потоке” А. Толстого... – Неточная цитата из баллады А.К. Толстого “Поток-богатырь” (1871). У Толстого: «Но к нему патриот: «Ты народ, да не тот!»».

...появилось в газете “Речь” возражение Л. Галичу Д.С. Мережковского. – См. выше, с. 356.

В первом публичном собрании религиозно-философского общества был прочитан и мой доклад “Россия и интеллигенция”... – См. коммент. к статье “Народ и интеллигенция”, с. 338 наст. тома.

...прения в этом заседании были внезапно запрещены... – Об истории запрещения прений см. с. 342 наст. тома.

С. 79. “Я по натуре жид”, – пишет Белинский... – Слова из письма В.Г. Белинского к А.И. Герцену были приведены Герценом в дневнике. Блок цитирует по книге Н. Барсукова “Жизнь и труды М.П. Погодина” (СПб., 1893. Т. 7. С. 438). По наблюдениям З.Г. Минц, эта книга явилась для Блока важнейшим источником сведений “о перипетиях борьбы западников и славянофилов” (Минц З.Г. Блок и традиции русской демократической литературы С. 291).

“Пора домой”, то есть в “исключительную” допетровскую Русь, – восклицает К. Аксаков. – Из программного стих. К.С. Аксакова “Возврат”:

...Пора домой! И, песни повторяя
Старинные, мы весело идем.
Пора домой! Нас ждет земля родная,
Великая в страдании немом.

Цит. по: Поэты кружка Н.В. Станкевича. М.; Л.: Сов. писатель, 1964. С. 391 (Библиотека поэта. Б.с.). Интерпретация этих слов как возвращения к “допетровской”, “московской” Руси содержится в статье И.С. Аксакова “Пора домой”, написанной после убийства Александра II: “Да, в Москву... Пора домой! Пора покончить с петербургским периодом русской истории, со своими кровавыми преданиями переворотов, измен, крамол XVII и XIX веков! Пора наконец средоточию государственной власти переместиться с крайней окраины государства в историческое средоточие русской земли, – то средоточие, которое создало саму власть, дало ей историческое бытие, оправдание и освящение...” (Русь. 1881. 10 марта).

...“Мы, как двуглавый Янус, смотрели в разные стороны, но сердце у нас билось одно”, – говорит Герцен... – Неточная цитата из статьи А.И. Герцена “Константин Сергеевич Аксаков”. У Герцена: “И мы, как Янус, или как двуглавый орел, смотрели в разные

стороны, в то время как сердце билось одно”. Блок читал Герцена по изд: *Герцен А.И.* Собр. соч.: В 7 т. СПб.: Изд Ф. Павленкова, 1905 (обл. 1906). *ББО-1*. С. 223–224.

С. 79. “Что сказать тебе о твоей размолвке с Герценом и Грановским? ~ Неприступная черта меж нами есть, а наше согласие никогда не было искренно, то есть не было прочным, жизненным согласием”. – Из письма Ю.Ф. Самарина К.С. Аксакову; Блок цитирует по кн.: *Барсуков Н.* Жизнь и труды М.П. Погодина. Т.7. С. 472.

“Мы похожи на вас, как левая рука похожа на правую: ~ а в сокровеннейшей воле нашей мы – мистики”. – Из предисловия Д. Мережковского. к кн.: *Le Tsar et la Révolution, par D. Merejkowsky, Z. Hippus, D. Philosophoff.* P., 1907. P. 6. Оригинал по-французски. Слова обращены не к русским западникам, а к носителям европейской культуры.

С. 79–80. “Дело не в готовом ответе, ~ оно сделает громадное, воистину культурное дело”. – Из статьи Д. Философова “Религиозно-философские собрания”.

С. 80. ...не стереть “недоступной черты” ... – Из стих. А.С. Пушкина “Под небом голубым страны своей родной...”. См. использование этой цитаты в статье “Народ и интеллигенция” (С. 354 наст. тома).

Что действительнее – “меч или слово”? – спрашиваем мы опять, вослед за Пушкиным. – Неточная цитата из стих. А.С. Пушкина “Бородинская годовщина” (1831). У Пушкина: “Кому венец, мечу иль крику?”

В 1884 году Владимир Соловьев пишет Страхову ~ о котором молится Победоносцев... – Письмо цитируется по изд.: Письма Владимира Сергеевича Соловьева. СПб., 1908. Т. 1. С. 21. Книга сохранилась в библиотеке Блока (*ББО-2*. С. 269).

С. 81. ...явление индийской нимфы “Пора-спати” (по счастливому и неизменно каламбурному выражению того же Вл. Соловьева). – Из письма В.С. Соловьева к Н.Я. Гроту (Там же. С. 87). В экземпляре книги из библиотеки Блока слова «индийская нимфа “Пора-спати”» подчеркнуты (*ББО-2*. С. 269).

“Какой вздор, – воскликнул Гегель, – звезды – это только блестящая сыпь на лице неба!” ~ “Да, какой вздор ~ Коперник идет насмарку!” – Имеется в виду раздел “Относительное и абсолютное движение” в кн.: *Пуанкаре А.* Наука и гипотеза. СПб., 1906.

Кстати, об этом в другом письме Соловьева к Страхову (того же 1884 года) ~ А как же Пуанкаре? – Письмо В.С. Соловьева Н.Н. Страхову цит. по кн.: Письма Владимира Сергеевича Соловьева. Т. 1. С. 19. В экземпляре книги из библиотеки Блока цитируемый фрагмент отчеркнут с двух сторон, фраза “Я в принципе ~ астроному” подчеркнута, на полях надпись: “Пуанкаре” (*ББО-2*. С. 269).

С. 82. И от одной Квисисаны до другой... – “Квисисана” (“Quisisana”), ресторан с буфетом-автоматом на Невском проспекте в Петербурге близ Аничкова моста.

...мысли от дум надо различать строго, как говорил еще Тургенев... – Источник цитаты не установлен.

...наступает “комментативный период” ~ рождение новых схолиастов, новой Александрии... – Параллель между декадентской культурой рубежа XIX–XX вв. и Александрийской эпохой проводится в статье Вяч. Иванова “О веселом ремесле и умном поселии” (*ЗР*. 1907. № 5. С. 47–55), особенно в главах “Александрийство и варварское возрождение на Западе” и “Александрийство и варварское возрождение у нас”. В экземпляре журнала в библиотеке Блока отчеркнуты фрагменты, в которых говорится о наступлении «нового “александрийского периода” истории», «когда впервые в человечестве возник тип “теоретического человека”»; когда обособленные отрасли творчества религиозного, научного и художественного окончательно и различно определили свои частные задачи” (С. 53). См.: *ББО-3*. С. 174.

...журнал “Старые годы” ... – “Старые годы” (1907–1916), петербургский ежемесячный иллюстрированный журнал для любителей искусства и старины. Редакторы – В.А. Верещагин, с 1908 – П.П. Вейнер, бывший фактически его издателем. В числе сотрудников были выдающиеся историки, искусствоведы, музейные работники, художники, литераторы, библиографы: А.Н. Бенуа, В.А. Верещагин, Н.Н. Врангель, И.Э. Грабарь, Е.Е. Лансере,

П.П. Муратов, Н.К. Рерих, С.Н. Тройницкий, С.К. Маковский, С.П. Яремич и другие. Журнал публиковал статьи и материалы по истории русской культуры, пропагандировал необходимость охраны памятников культуры и старины (подробнее см.: *Вейнер П.П.* “Старые годы”, их история и критика // *Памятники культуры: Новые открытия.* Л., 1988). Блок был подписчиком журнала (см. запись в дневнике 23 декабря 1911 г.). В статье “Памяти Леонида Андреева” (1919) Блок назвал “Старые годы”, вместе с “Аполлоном”, “замечательными русскими журналами”, но сразу же оговорился, что они “были какими-то сумасшедшими начинаниями”: “Перелистывая сейчас эти перлы типографского искусства, я серьезно готов сойти с ума, задавая себе вопрос, как сумели их руководители не почувствовать, во что превратимся мы, чем станем через три-четыре года” (см. т. 9. наст. изд.).

С. 82. *Назовем, пожалуй, класс фармацевтов...* – Уничжительное значение, придаваемое Блоком этому слову, по воспоминаниям О.Н. Высотской, “пошло от Мейерхольда” (*Высотская О.Н.* Мои воспоминания. – *ИРЛИ.* РІ. Оп. 4. Ед. хр. 200. Л. 40). Впоследствии, с 1912 г., это слово стало обозначением чужих посетителей-обывателей у завсегдатаев артистического кафе “Бродячая собака”, в частности у Н.Н. Сапунова (см.: *Парнис А.Е., Тищенко Р.Д.* Программы “Бродячей собаки” // *Памятники культуры.* Новые открытия. Л., 1985. С. 165, 238). В контексте статьи Блока слово “фармацевт” связывается с опшлением всякой радикальной идеологии. В 1908 г. источником такого словоупотребления мог стать сатирический газетный рассказ В. Дорошевича “Смерть Человека (Святочная чертовщина)” (*Русское слово.* 1908. № 2. 3(16) янв.). Рассказ начинается словами: “Умер один Фармацевт”. Далее выясняется, что Фармацевт был марксистом, после смерти попал в ад, пытался проповедовать “богоборчество” Бруту, Вильгельму Теллю, Дантону, а также чертям: “Товарищи! Вы должны требовать восьмичасового рабочего дня и жарить грешников только восемь часов в сутки!” Встретив К. Маркса, Фармацевт сообщает: «Мне так много приходилось спорить по поводу Вашего “Капитала”, что я не имел времени его прочитать». От громкого смеха Маркса Фармацевт просыпается: “Затем с приятностью закурил папиросу.

И улыбнулся себе в зеркало:

– А все-таки и на том свете, товарищ, вы вели себя корректно”.

Ср. также в письме Л.Д. Блок к А.А. Кублицкой-Пиоттух 30 ноября 1908 г. по поводу чтения Блоком реферата об Ибсене на благотворительном вечере: “Разозлился Саша на них очень – фармацевты – на что им Ибсен” (*ЛН.* Т. 92. Кн. 3. С. 341).

...запоём ругают и запоём читают “Санина” Арцыбашева... – Об эволюции отношения Блока к творчеству М. Арцыбашева от сочувственного интереса в период написания “Вольных мыслей” в 1907 г. к охлаждению к осени 1908 г. см.: *Лавров А.В.* Блок и Арцыбашев // *Лавров А.В.* Этюды о Блоке. СПб., 2000. С. 11–33.

...“Синяя птица” ... – М. Метерлинк передал право первой постановки своей пьесы “Синяя птица” (“L’oiseau bleu”, 1908) К.С. Станиславскому. Премьера состоялась 30 сентября 1908 г. на сцене Московского Художественного театра. См.: *Эллис.* Голубая птица: По поводу постановки Московского Художественного театра // *В.* 1908. № 12. С. 95–103. В 1920 г. Блок написал для актеров Большого Драматического театра в Петрограде речь «О “Голубой птице” Метерлинка» (см. т. 9 наст. изд.).

...вспоен и вскормлен на той страшной иронии, которая заполонила русское общество и породила чуть не всю современную литературу... – Эту тему Блок развивает в статье “Ирония” (С. 87 наст. тома).

С. 83. ...“Исповедь” Горького, знаменующая собою очень резкий поворот этого писателя... – Об отношении Блока к повести Горького “Исповедь” см. коммент. к статье “Народ и интеллигенция” (С. 352 наст. тома).

...“Рассказ о семи повешенных” Леонида Андреева, вызвавший массу подражаний и комментариев... – Рассказ Л. Андреева, посвященный Л.Н. Толстому, был опубликован в мае в Литературно-художественном альманахе издательства “Шиповник” (СПб., 1908. Кн. 5. С. 153–240). Сразу же после выхода рассказ получил широкий общественный резо-

нанс. Вл. Кранихфельд назвал рассказ “большим литературным событием” (*Кранихфельд Вл. Литературные отклики: “Рассказ о семи повешенных Леониде Андреева” // СоврМ. 1908. № 6. Паг. 2. С. 93–111*). Эллис выделил рассказ как “наиболее жизненное, наиболее пережитое из всего, что написано им за последнее время” (*Эллис. Литературный невод: Литературно-художественные альманахи “Шиповник”. Книги четвертая и пятая. СПб., 1908 // В. 1908. № 10. С. 81–86*). Г. Чулков сопоставил постановку проблемы смерти у Андреева с произведениями И.А. Тургенева, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского (*Чулков Г. Казни // С. 1908. № 460. 18 мая*).

С. 83. ...*рассказы Куприна, пользовавшиеся распространением, может быть не заслуженным, но, однако, очень характерные для наших дней...* – В 1908 г. А.И. Куприн опубликовал следующие произведения: повесть “Суламифь” (альманах “Земля”. М., 1908), рассказы “Морская болезнь” (альманах “Жизнь”. СПб., 1908. Кн. 1), “Ученик” (Сборник товарищества “Знание”. СПб., 1908. Т. 31); цикл очерков “Листригоны” (Новый журнал для всех. 1908. № 1). Кроме того, вышли пять томов рассказов А.И. Куприна: *Куприн А.И. Собр. соч. [В 12 т.]. М.: Московское книгоиздательство, 1908. Т. 1–5*.

...*роман Брюсова...* – Роман В. Брюсова “Огненный ангел” вышел в двух выпусках, в январе и декабре 1908 г., в издательстве “Скорпион”.

...*драма Мережковского...* – В марте драма была опубликована в Германии: *Мережковский Д.С. Смерть Павла I: Драма. Берлин: Изд-во И.П. Ладыжникова, 1908*. Одновременно драма вышла в России: *Мережковский Д.С. Павел I. СПб.: Изд-во М.В. Пирожкова, 1908*.

...*стихи Сологуба...* – В 1908 г. Ф. Сологуб издал сборник: *Пламенный круг: Стихотворения. М.: Изд. журнала “Золотое руно”, 1908. Кн. 8. См. отзыв Блока в статье “Письма о поэзии” (С. 41 наст. тома)*. Кроме того, вышел сборник переводов: *Верлэн П. Стихи, избранные и переведенные Федором Сологубом. СПб.: Факелы, 1908. Кн. 7*.

...*знаменитый процесс “кошкодавов” вызывает на размышления общего свойства...* – В августе–сентябре 1908 г. в газетах много писалось о процессе, начатом обществом покровительства животным против ряда журналистов и писателей, якобы участвовавших в истязаниях кошек на квартире купца Г.М. Попова. Л. Галич так описывал происходившее: «Взяв мешок, лакей начинает обходить дворы, подъезды, подвалы, повсюду ищет кошек. Поймав кошку, или двух, лакей возвращается домой (к одному из покровителей “молодых”, молодому меценату-купцу).

Кошек привязывают к столу, к роялю, к дивану или в саду к дереву и выпускают двух-трех фокстерьеров. Собак раззадоривают, бьют, щиплют, доводят почти до бешенства и бросают на кошек. Начинается свалка, лай, визг, крики, возня. Лица и глаза присутствующих наливаются кровью, горят зрачки, ноздри расширяются... Иногда компания вторично посылает на охоту за кошками и вновь начинается травля». Среди привлеченных по этому делу названы: «Юдин, бывший товарищ прокурора, Баранов, член попечительства о бедных, член человеколюбивого общества и т.д., Лапко-Губер, сотрудник “Петербургского листка”, Ялгубцев, сотрудник газеты “Вечер”, Котылев, сотрудник “Торгово-Промышленной газеты” и парижской газеты “Aurore”, Потемкин, поэт-модернист, петербургский 2-й гильдии купец Попов и Трофим, лакей Попова. Свидетелями вызываются: писатель Каменский, писатель Куприн, сотрудник “Петербургской газеты” Жуков, журналист Стечкин, поэт Рукавишников, журналист Трозинер, драматург Булацель, писатель Свирский, 8 человек дворников и 6 частных лиц. Предстоит “литературный процесс”» (*Галич Л. Литераторы // Р. 1908. № 198. 20 авг. (2 сент.)*). См. также анонимную заметку “Истязатели животных” (*Р. 1908. № 200. 22 авг. (4 сент.)*), ст. И. Агапова “Небывалый процесс” (*БВ. 1908. № 10656. 16 авг. Веч. вып.*). См. также письма в редакцию газеты “Биржевые ведомости” И. Рукавишникова и И.М. Булацеля, авторы которых отрицают факт своего присутствия или участия в истязаниях животных у Г.М. Попова (*БВ. 1908. № 10670. 23 авг. Веч. вып.*).

О том, что у нас есть писатели, но нет литературы, говорили многие старые русские критики. – Подобная мысль высказывалась в статьях А.А. Бестужева (Марлинского)

“Взгляд на русскую словесность в течение 1824 и начале 1825 годов”, Н.И. Надеждина “Литературные опасения за будущий год” (1828), В.Г. Белинского “Литературные мечтания” (1834) и др.

С. 84. *Нынче у всех на языке “дифференциация” в “новом искусстве”*. – Речь идет о проблеме раскола, выявлении нескольких направлений внутри символистской школы, наметившихся к этому времени. Проблема “дифференциации” широко обсуждалась в критике 1907–1908 гг. Андрей Белый в статье “Об итогах развития нового русского искусства” писал: “В настоящее время мы присутствуем при дифференциации первоначально небольшого кружка писателей-символистов: одно течение стремится выйти из сферы искусства, облекая свои образы в новые формы жизни. Другое же течение с большей осторожностью относится к широким лозунгам, углубляясь в изучение конкретных приемов творчества. Представители этого течения начинают подозрительно относиться к широким лозунгам символистов, усматривая здесь незаметные уклонения в сторону отживших форм утопического догматизма” (В мире искусств. 1907. № 17/18. Вторично: *Белый Андрей*. Арабески. М., 1910. С. 262). В. Бакулин (В. Брюсов), отвечая на статью А. Горнфельда “Торжество победителей” (Товарищ. 1907. № 352. 23 авг.) о дифференциации стилей как признаке силы поэтической школы, замечал, что “это явление в декадентстве мы видим с несомненностью” (*Бакулин В.* Торжество победителей // *В.* 1907. № 9. С. 55). Эллис в статье “Еще одна корона” утверждал, что единственный способ противостояния пошлости и эпигонству в литературе – “дифференциация и аристократическая обособленность всех тех, у кого еще крест на шее” (*В.* 1908. № 8. С. 63).

...площадные слова вроде “обозной сволочи”... – Слова из статьи Андрея Белого “На перевале. X. Вольноотпущенники”. Говоря о первом поколении символистов времен “Мира искусства” и “Нового пути”, Белый писал: «Фаланга прошла вперед. Она жива и теперь: из ее рядов выйдут и новые борцы. Но за ней потянулась *обозная сволочь*, кричащая в уши павшим, теперь безвредным, врагам о том, что “красота – красива”, “искусство – свободно»» (*В.* 1908. № 2. С. 71). Ср. письмо Блока к Белому 24 апреля 1908: «...ужасно неприятное впечатление от Твоих рецензий в “Весах” о Сологубе, Гипшиус, “обозной сволочи”».

...Антонович ~ “бессовестная рожа” по адресу... Писарева. – См. статьи М.А. Антоновича “Промахи” (1865) и “Лжереалисты” (1865).

С. 86. *“Русь, куда ж несешься ты? ~ разорванный в куски воздух”*. – Н.В. Гоголь. “Мертвые души” (т. 1, гл. XI).

Так и ты, встречая Бога, ~ Тишину... – Из стих. Вяч. Иванова “Менада” (1906).

ИРОНИЯ

(С. 87)

Автограф неизвестен.

МакРИ₂ – Л. 1–16, с правкой рукой Блока: исправлена дата: 1908 *вместо*: 1908–1918, изменен порядковый номер: IV *вместо*: V.

РИ₂-Кор 2 – Там же. Л. 17–51.

Впервые напечатано: *Р.* 1908. № 300. 7(20) дек. Подпись: “Александр Блок”. Прижизненные публикации: *ЗТ.* 1918. № 151. 8 марта. Под заголовком: Россия и интеллигенция. V. Ирония. Подпись: “Александр Блок”. Дата: 1908–1918. *РИ₁* – С. 24–27. *РИ₂* – С. 41–46. Дата: 1908. Порядковый номер: IV.

В Собрание сочинений впервые включено: *СС-Берлин*. Т. 7. С. 107–113.

Печатается по тексту последней прижизненной публикации *РИ₂*.

Размышления о теме будущей статьи отразились в заметке в ЗК₂₂ (июль–октябрь 1908). 22 июля, выписывая в процессе работы над переводом трагедии Ф. Грильпарцера “Праматерь” некоторые цитаты из “Путешествия на Гарц” Г. Гейне, Блок отмечает № слова: “Еще рано, солнце совершило только половину своего пути, а мое сердце благоухает уже так сильно, что голова моя пьянеет, и я не могу понять, где оканчивается ирония и начинается небо” (Гейне Г. Полное собрание сочинений: В 6 т. Изд. 2 / Под ред. и с биограф. очерком П. Вейнберга. СПб.: Изд. А.Ф. Маркса, 1904. Т. 1. С. 172 – выделенные слова подчеркнуты. ББО-1. С. 194). Позднее эти слова были использованы в тексте статьи. 25 сентября тема иронии возникает в записи, свидетельствующей о напряженном духовном самоопределении Блока: «Не могу принять: ни двух бездн, Бога и дьявола, двух путей добра, – “две нити вместе свиты” (мистика, схоластика, диалектика, метафизика, богословие, филология), ни теории познания (Белый), ни иронии (интеллигентский мистический анархизм), ни “всех гаваней” (декадентство)» (ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. № 342). Тема иронии, как это видно из контекста, была связана для Блока с идеей “неприятия мира”, развиваемой в статьях Вяч. Иванова и Г.И. Чулкова.

О замысле статьи впервые упоминается в ЗК₂₃ (сентябрь–ноябрь 1908). В перечне тем предполагаемых статей в сентябре 1908 г. упомянуто: “Написать {...} о смехе, каким теперь смеемся” (ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. № 343). В конце ноября 1908 г. в ЗК₂₄ Блок записывает: «О современном смехе – “Речь”» (Там же. № 344). В наброске неосуществленного замысла автобиографической пьесы, сделанном 19–20 ноября, Блок упоминает о “формуле Ибсена и Гоголя”, о которой идет речь в конце статьи: “И не понимает преследующей и мучительной для него формулы Ибсена и Гоголя. Или лучше: понимая (как и всё), не принимает. Испорчен (интеллигент)” (Там же).

Текст статьи был окончен в последних числах ноября, о чем свидетельствует письмо Блока к матери от 30 ноября 1908 г.: «Все еще читаешь ты “Речь”? Завтра утром – мой фельетон там будет (“Ирония”)». Однако 6 декабря в письме к ней же уточняет: “1 дек(абрь) фельет(она) в Речи не было за неим(ением) места. Будет, вероятно, послезавтра”.

При переработке статьи в конце 1917–начале 1918 г. Блок исключает из ее текста почти весь злободневный литературно-критический материал, что существенно изменило ее жанровую природу: из литературно-критического “фельетона” “Ирония” превратилась в лирико-публицистическую статью. Это позволяет рассматривать текст первой публикации в качестве самостоятельной редакции (С. 222 наст. тома).

Тема иронии, по признанию современников, была одной из ведущих в модернистском искусстве и эстетике. Д.С. Мережковский в книге “Л. Толстой и Достоевский” (1900–1902), писал о “внезапном демоне иронии”, овладевавшем время от времени Петром I: «...по лицу точно из бронзы изваянного “чудотворца-исполина” пробегает какая-то жалкая, смешная и страшная судорога; вдруг становится он беспредельно насмешливым и даже прямо кощунственным отрицателем, разрушителем всей вековой народной святости, самым ранним из русских “нигилистов” {...} Как будто и в Петре сказывается иногда эта, отмеченная в русских людях творцом “Братьев Карамазовых”, потребность отрицания, “отрицания всего, самой главной святости сердца своего”, всей народной святости во всей ее “полноте”, потребность в замирающем ощущении, дойдя до пропасти, свеситься в нее наполвину и заглянуть в самую бездну – “круговорот судорожного и моментального самоотрицания и саморазрушения”» (Мережковский Д.С. Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники. М., 1995. С. 268).

По воспоминаниям Г.И. Чулкова, “эта жуткая ирония, которая всегда присутствует в романтической поэзии, была культивируема всеми нами в ту петербургско-декадентскую эпоху. Эта ирония казалась необходимой, как соль к трапезе. Без нее нельзя было прочитать стихотворения, прочесть доклад, поговорить за ужином с приятелем. Даже влюбляться без иронии казалось многим чем-то вульгарным и неприличным” (Чулков Г. Александр Блок и его время // Воспоминания, 1. С. 361).

Тема иронии ставилась также в статьях Ф. Сологуба. В статье “Демоны поэтов” Лирика и Ирония рассматриваются как два полюса поэтического творчества: “Один полюс –

лирическое забвение данного мира, отрицание его скудных и скучных двух берегов, вечно текущей обыденности и вечно возвращающейся ежедневности, вечное стремление к тому, чего нет. (...) Я влекусь ныне к тому полюсу поэзии, где вечно слышится *да* всякому высказыванию жизни. (...) Подойти покорно к явлениям жизни, сказать всему *да*, принять и утвердить до конца все являемое – дело великой трудности. На этом пути трудно пройти далеко, потому что его стережет Дракон Вечного противоречия. Но познавший великий закон тождества совершенных противоположностей не убоится Дракона и бестрепетно вступит в область Вечной Иронии” (П. 1907. № 7. С. 50–51).

С. Рогожин отозвался на статью в заметке “В антракте”: “Поэт, замкнутый в безысходном одиночестве, обессилел и внутренне разложился (...) и (...) выходит из своего внутреннего одиночества только для того, чтобы рассказать, как он осквернил алтари” (С. 1908. № 645. 9 дек.).

К.И. Чуковский откликнулся на статью Блока в двух фельетонах. В фельетоне “О хихикающих” (Р. № 313. 20 дек.) он писал: «Все патетическое ушло из наших книг, осталось одно “хи-хи”. Смерть – хи-хи! Любовь – хи-хи! Трагедия – хи-хи! (...) Поэт Александр Блок – вы заметили? – восстал в “Речи” против этого странного хихиканья, но это потому, что он должно быть позабыл свою же милую пьесу “Балаганчик”. Там, помнится, он на каждом шагу говорил: кровь сердца моего – это клюквенный квас, хи-хи! Весь мир – это, хи-хи, балаган. А мои страдания – что это, как не клоунада? Хи-хи-хи! (...) Теперь он кается и зарекается, но виноваты ли мы, если и в покаянных его словах нам слышится то же: хи-хи». Блок в ЗК₂₄ 21 декабря 1908 г. записывает: «*Чуковский* – его фельетон о хихиканье (“Речь” 20 дек.) (...) “Что хочет он на освященном месте”? Легкомысленное порхание, настоящее хамство. Привязывается к модным темам, сам ничего не понимая. Лезет своими одесскими глупыми лапами в нашу умную петербургскую боль» (ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. № 344).

В статье “Веселое кладбище” (Р. 1909. № 72. 15 марта) К. Чуковский цитирует слова Блока: “Не верьте никому из нас, верьте тому, что за нами”, – и заключает: “Тот адогматизм, который вдруг стал свирепствовать среди нас и *который в сущности и привел художников к такому кощунственному буренинству над своими же святынями*, этот адогматизм – не есть ли он явление слишком громадное, чтобы, по желанию г. Блока, можно было устранить все его проявления? Да к тому же Блок, кажется, единственная кающаяся Магдалина нашего адогматизма. Остальные купаются в нем, как рыба в воде”.

Л.Я. Гуревич в письме к Блоку 14 декабря 1908 г. выражала намерение написать об “Иронии” (РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 236), однако этот замысел не осуществился.

И. Василевский (Не-Буква) упомянул статью в качестве иллюстрации к собственным размышлениям о безликости современной литературы (Утро. Понедельник. 1909. № 30. 18 мая).

В (Плане собрания сочинений) первоначально была в разделе “Лирич(еские) статьи”, затем перенесена в раздел “Интел(лигенция) и народ”.

С. 87. *Я не люблю иронии твоей.* – Из стих. Н.А. Некрасова “Я не люблю иронии твоей...” (1850).

...“звонкого” *смеха, о котором говорил Владимир Соловьев...* – Из стих. В.С. Соловьева “Посвящение к неизданной комедии” (1880):

Таков закон: все лучшее в тумане,
А близкое иль больно, иль смешно.
Не миновать нам двойственной сей грани:
Из смеха звонкого и из глухих рыданий
Созвучие вселенной создано.

В принадлежащем Блоку экземпляре книги (Соловьев В.С. Стихотворения. Изд. 3, доп. СПб.: Изд. М.М. Ледерле и К°, 1895) стихотворение отмечено сдвоенным косым крестом, процитированный стих отчеркнут (см.: Максимов Д.Е. Ал. Блок и Вл. Соловьев: (По

материалам из библиотеки Блока) // Творчество писателя и литературный процесс. Иваново, 1981. С. 144).

С. 87. ...*Недотыкомка Сологуба*. – Фантастический персонаж романа Ф. Сологуба “Мелкий бес” (1905–1907), воплощение злого наваждения, преследующего главного героя, Передонова. См. также стих. Сологуба “Недотыкомка серая...” (1899). В статье “Творчество Федора Сологуба” Блок пишет о Недотыкомке: «Это – и существо и нет, если можно так выразиться – “ни два ни полтора”; если угодно – это ужас житейской пошлости и обыденщины, а если угодно – угрожающий знак страха, уныния, отчаянья, бессилия» (Т. 7. наст. изд. С. 82). Противопоставление Вечной Женственности Недотыкомке см. также в статье “О реалистах” (Т. 7 наст. изд. С. 60–61)

Винная истина, “*in vino veritas*” ... – Истина в вине (*лат.*). См. использование этого крылатого выражения в стих. “Незнакомка” (1906) (Т. 2. наст. изд. С. 122, 764).

С. 87–88. *Перед лицом проклятой иронии ~ Так мне угодно, ибо я пьян*. – Данный фрагмент, вероятно, полемически соотносится со статьей Ф. Сологуба “Демоны поэтов” (см. выше, с. 362–363), в которой одновременное отрицание и утверждение мира рассматривается как неотъемлемое свойство поэтического творчества: «В накуренной и запыленной биргалке сидит буржуа с насандаленным носом; перед ним кружка пива и сосиски. Он курит вонючую сигару, слушает пьяный гам и блаженствует, витая в золотом сне (...) Идет в мир на улицу, встречает деву

“С улыбкой розовой, как молодого дня
За рощей первое сиянье...”

На взгляд постороннего и трезвого, это – просто грубая и неряшливая девица... женщина... может быть, небеспорочная... может быть, совсем порочная. Но для лирика с насандаленным носом она – прелестная Дульцинея (...) Я же хочу быть покорным до конца. Я влекусь ныне к тому полюсу поэзии, где вечное слышится да всякому высказыванию жизни» (*Сологуб Ф. Демоны поэтов*. С. 50–51).

Очевидна и полемическая направленность данного фрагмента против статьи Вяч. Иванова “Идея неприятия мира и мистический анархизм” (вступ. ст. к кн.: *Чулков Г. О мистическом анархизме*. СПб.: Факелы, 1906), в которой пафос “неприятия мира” связывался с идеей “крушения формальной морали, ознаменовавшем собою судьбы индивидуализма” (С. 22).

С. 88. ...*захочу – “приму” мир весь целиком*, ~ *захочу – “не приму” мира...* – Полемический отклик на теорию “мистического анархизма” Г.И. Чулкова и С.М. Городецкого, отрицающего наличие твердых этических критериев для художника: “Что такое мир для поэта? Восход солнца и лицо самоубийцы, яблоневый цвет и рука нищего, глаз красавицы и рот цынготного, жест деспота и вопль народа – не семена ли это видений поэта, и только семена? А если все равно и ценно постольку, поскольку прорастает, и существует поскольку сеет, то какая власть властна и какая цепь цепка? (...) Не знаю, что такое нельзя и можно, мораль и право, закон и заповедь, Бог и деспот. (...) Два голоса у мистического анархизма. Один говорит: не принимаю такого мира; чудо невозможно; о, смерть избавительница! Другой говорит: не принимаю такого мира; грядите, чудеса! О жизнь преобразенная! Первый голос пессимистический. Второй – оптимистический” (*Городецкий С. На светлом пути // Факелы*. СПб., 1907. Книга вторая. С. 193–194).

...*это – как укусы упыря; ~ отрастают клыки*. – См. коммент. к статье “Солнце над Россией” (С. 324 наст. тома).

Век, который хорошо назван “беспламенным пожаром” у одного поэта... – Из стих. В. Брюсова “Фонарики” (1904): “О ты! Век девятнадцатый, беспламенный пожар!” Впервые опублик.: Stephanos. Венок. Стихи 1903–1905 года. М.: Скорпион, 1906. См. рецензии Блока на этот сборник в т. 7. наст. изд., с. 179, 189.

...“*железный коробок*” – поезд железной дороги – обогнал “необгонимую тройку”, в которой “Гоголь олицетворял всю Россию”, как сказал Глеб Успенский. – См.: *Успен-*

ский Г.И. Крестьянин и крестьянский труд (1880). Гл. V: “Смягчающие вино обстоятельства” в кн.: Успенский Г.И. Собр. соч.: В 9 т. М., 1956. Т. 5. С. 52.

С. 88. *Еще Добролюбов говорил, что “во всем ~ иронию, то наивно-открытую, то сдержанно-желчную”.* – Неточная цитата из статьи Н.А. Добролюбова “Собеседник любителей русского слова” (1856). В принадлежащем Блоку томе: Добролюбов Н.А. Сочинения. Изд. 7. СПб.: Изд. П.П. Сойкина, [б.г.]. Т. 1. – процитированные слова на с. 5 подчеркнуты (ББО-1. С. 263).

...*многие хорошие остроты “Победоносцевского периода”*... – Блок называл “Победоносцевским периодом” годы, когда К.П. Победоносцев (1827–1907) после покушения на Александра II, будучи обер-прокурором Св. Синода, фактически определял направление внутренней политики России. Ср. характеристику Победоносцева в статье “Солнце над Россией” (С. 53 наст. тома), а также в поэме “Возмездие” (Т. 5 наст. изд. С. 37, 45, 424).

...*Андреевского “красного смеха”*... – “Красный смех” – название рассказа Л.Н. Андреева (1905). Ср. письмо Блока к С.М. Соловьеву: «Читая “Красный смех” Андреева, захотел пойти к нему и спросить: *когда* всех нас перережут. Близился к сумасшествию, но утром на следующий день (читал ночью)пил чай». Рассказ упоминается в статьях Блока “О драме” (1907) (Т. 7 наст. изд. С. 96), а также “Памяти Леонида Андреева” (1919) (Т. 9 наст. изд.).

С. 89. ...*двоиников (“Черные маски”)*... – “Черные маски” (1908), философская драма Л.Н. Андреева. В письме к матери 24 ноября 1908 г. Блок сообщал: «На днях курсистки приносили мне “Черные маски” Андреева с тем, чтобы я прочел о них реферат на курсах. Я отказался, прочтя “Черные маски”, – это пьеса опять очень плохая». 11 декабря 1908 г. Блок записывает в ЗК₂₄: «Андрееву в “Черных масках” просто и прежде всего – *темно*. Только мы, идиоты, не понимаем этого, а публика понимает».

...*всенародного провокатора (“Царь-Голод”)*... – Пьеса Л.Н. Андреева “Царь-Голод” вышла из печати в феврале 1908 г. Блок писал о ней в статье “О театре” (см. с. 29 наст. тома).

...*космическую провокацию”, которой проникнута “Жизнь Человека” ~ свечи человеческой жизни.* – Слова из Пролога к пьесе Л.Н. Андреева “Жизнь Человека” (см. отзывы Блока об этой пьесе в статьях “О драме” (Т. 7 наст. изд. С. 96–100, 310–313), “О театре” (С. 29 наст. тома)).

...*чаровник Сологуб, иронический “русский Верлэн”.* – Ф. Сологуб был одним из наиболее заметных переводчиков П. Верлена. В конце 1907 г. вышла книга переводов: *Верлэн П. Стихи, избранные и переведенные Федором Сологубом*. СПб.: Факелы, 1908. Кн. 7. В предисловии переводчика говорится, что стихи отобраны по личному вкусу: “Переводил потому, что любил его. А любил в нем то, что представляется мне в нем наиболее чистым проявлением того, что я назвал бы мистическою ирониею” (С. 3). В рецензии М. Волошина сказано: “Переводы Сологуба из Верлена – это осуществленное чудо. Ему удалось осуществить то, что казалось невозможным и немислимым: передать в русском стихе голос Верлена. С появлением этой небольшой книжки, заключающей в себе тридцать семь переводов, выбранных не по системе, а по капризу любви из различных книг поэта, Верлэн становится русским поэтом” (*Волошин Макс. Лики творчества // Русь*. 1907. № 343. 22 дек.). Книга сохранилась в библиотеке Блока с дарственной надписью Сологуба, датированной ноябрем 1907 г. и с пометами на полях и в тексте стихотворений (ББО-1. С. 122).

“*Я не могу понять, где оканчивается ирония и начинается небо!*” – См. выше, с. 364 наст. тома.

Не слушайте нашего смеха, слушайте ту боль, которая за ним. – Сходные мысли высказаны в статье Ф. Сологуба “Театр одной воли”: “Всякий фарс в наше время становится трагедиею, смех наш звучит для чуткого уха ужаснее нашего плача, и восторгу нашему предшествует истерика. В старину смеялись веселые и здоровые. Смеялись побе-

дители. Победенные плакали. У нас смеются печальные и безумные. Смеется Гоголь... У Моего безумия – веселые глаза” (*Сологуб Ф.* Театр одной воли // Театр: Книга о новом театре. СПб., 1908. С. 196).

С. 89. “Отрекист от себя для себя, но не для России” (*Гоголь*). – Неточная цитата из “Выбранных мест из переписки с друзьями” (1845). У Гоголя: “Монастырь наш – Россия! Облеките же себя умственно рясой чернеца и, всего себя умертвивши для себя, но не для нее, ступайте подвизаться в ней” (из письма ХХ “Нужно проездиться по России”. См.: *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч.: В 14 т. М., 1952. Т. 8. С. 301). Эта формула используется Блоком также в статье “Народ и интеллигенция” (С. 75 наст. тома).

“Чтобы быть самим собою, надо отречься от себя” (*Ибсен*). – Неточная цитата из драматической поэмы Г. Ибсена “Пер Гюнт” (д. 4). У Ибсена:

Но здесь, насколько понимаю я,
Самим собой быть – значит отрешиться
От собственного “я”?

(Пер. А. и П. Ганзен. – Полное собрание сочинений Генрика Ибсена. Т. 4. С. 169).

“Личное самоотречение не есть отречение от личности, а есть отречение лица от своего эгоизма” (*Вл. Соловьев*). – Из работы В.С. Соловьева “Национальный вопрос в России” (1883–1891). Гл. III: “Любовь к русскому народу и русский народный идеал: (Открытое письмо к И.С. Аксакову). 1884” (*Соловьев В.С.* Собр. соч.: В 9 т. СПб.: Изд. т-ва “Общественная польза”, 1902. Т. 5. С. 42–43. В экземпляре тома в библиотеке Блока данный фрагмент отчеркнут на полях и подчеркнут в тексте. – *ББО-2*. С. 258).

С. 90. ...наступит настоящий “кризис индивидуализма”. – “Кризис индивидуализма”, – название статьи Вяч. Иванова (Вопросы жизни. 1905. № 9. С. 86–102).

Первая редакция

(С. 222)

С. 223. ...книжонки о каких-нибудь “зажженных безднах” ... – Имеется в виду сб.: *Новицкий Г.* Зажженные бездны: Стихи. СПб., 1908. Название книги иронически обыгрывается также в статье «Вечера “искусств”» (С. 55. наст. тома).

...ходить на литературные вечера... – Об отношении Блока к литературным вечерам см. написанную в октябре 1908 г. статью «Вечера “искусств”» (С. 55 наст. тома), а также: *Галанина Ю.Е.* Блок и вечера “искусств” // Тр. Гос. музея истории Санкт-Петербурга. Вып. IV: Музей-квартира А. Блока: Материалы научных конференций. СПб., 1999. С. 1711–194.

С. 224. Пьяный человек, как недавно сообщено в “Сатириконе”, спотыкается и об экватор. – Первый номер “еженедельного литературно-художественного журнала сатиры и юмора” “Сатирикон” вышел в апреле 1908 г. Редактор – А.А. Радаков, с № 9 – А.Т. Аверченко. В журнале сотрудничали С. Городецкий, Саша Черный, А. Кугель, Тэффи, П. Потемкин, Ф. Сологуб и др.

Таковы иные общественные деятели (слишком очевидный пример – *Пуришкевич*). – *Пуришкевич Владимир Митрофанович* (1870–1920), политический деятель, один из создателей и лидеров праворадикальных организаций – Союза русского народа (1905) и выделившегося из него Русского народного союза имени Михаила Архангела (1908). Депутат II, III и IV Государственной Думы. Пользовался скандальной известностью благодаря постоянным хулиганским выходкам и эпатирующему поведению. По воспоминаниям современников, “он не задумается с кафедры бросить стакан с водой в голову Милюкова. Необузданный в словах, за что нередко был исключаем из заседаний, он не подчинился

председателю и требовал вывода себя силой. Когда охрана Гаврического дворца являлась, он сел на плечи охранников, скрестивши руки, и в этом кортеже выезжал из зала заседаний” (*Глинка Я.В.* Одиннадцать лет в Государственной думе. 1906–1917: Дневник и воспоминания. М., 2001. С. 51), мог появиться на заседаниях Государственной думы с красной гвоздикой в застёжке брюк, устраивал скандалы в общественных местах, писал эпиграммы и сатирические стихи на своих политических противников, выражение “язык Пуришкевича” стало обозначать на российских ярмарках всевозможные трещотки (см. подробнее: *Любош С.Б.* Русский фашист Владимир Пуришкевич. Л., 1925; *Архипов И.* Кривое зеркало Российского парламентаризма. Традиция “политического скандала”: В.М. Пуришкевич // *Звезда*. 1997. № 10. С. 112–113).

С. 224. ...нельзя без смеха читать последних стихов Бальмонта, некогда такого чистого и высокого поэта... – Об эволюции отношения Блока к творчеству К.Д. Бальмонта см. коммент. к статье “Бальмонт” (С. 388 наст. тома).

“Плачет бедный Кеочипили” (“Зов древности”), “Я – священный крокодил” (там же), “Выходи, дочь моя, чтоб тебя кто-нибудь, пав на грудь, ел, любя” (там же)... – Цитируются стихотворения из сб.: *Бальмонт К.Д.* Зовы древности: Гимны, песни и замыслы древних. СПб., 1908.

“Ушли фараоны... А сфинкс – все есть сфинкс неразгаданный” (“Весы”)... – Из стих. К.Д. Бальмонта “Египет” (В. 1908. № 7. С. 8).

...молодым поэтом Сергеем Соловьевым, который сообщает, например, о том, как “раскидались по дубраве руки, ноги и уста” (“Весы”). – Из стих. С. Соловьева “На проталине весенней”, открывающем цикл “Сельская цевница” (В. 1908. № 8. С. 7–8). Блок цитировал это стихотворение в статье “Письма о поэзии” (С. 51 наст. тома).

С. 225. Не “пир” ли это “во время чумы”? ~ Быть может, полное чумы... – Слова из трагедии А.С. Пушкина “Пир во время чумы” (1830).

СТИХИЯ И КУЛЬТУРА

(С. 90)

ЧА – *ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. I. № 183, с правкой чернилами. На л. 1 надпись: «Стихия и культура (зима 1908). Напечатано 1) в благотворительном альманахе “Шиповника” “Италии”; 2) в сокращенном виде – в “Нашей газете” (6 января 1909 г.). Читано в рел(игиозно)-фил(ософском) общ(естве) 30 (31?) декабря 1908. (Прилож(ены) газ(етные) рецензии 1908–9 гг.)». На л. 32 – надпись синим карандашом: “Стихия и Культура: ([осень] 1908 зима)”.

МакРИ₂. Л. 1–16. С правкой рукой Блока: изменен порядковый номер (III вместо IV), зачеркнута сноска на л. 1: “Доклад, читанный в Петр(оградском) Религиозно-философском обществе”. В конце зачеркнута подпись: “Александр Блок” и исправлена дата: 1908 вместо: 1908–1918.

РИ₂-Кор 2. Л. 17–51.

Впервые напечатано: Наша газета. 1909. № 6. 6(19) янв. Подпись: “Александр Блок” (в сокращении). Впервые полностью: Италия: Литературный сборник в пользу пострадавших от землетрясения в Мессине. СПб.: Шиповник, 1909. С. 208–218. Подпись: “Александр Блок”.

Прижизненные публикации: *ЗТ*. 1918. № 145. 1 марта. Под заголовком: “Россия и интеллигенция. IV. Стихия и культура”. Подпись: “Александр Блок”. Дата: 1908–1918. *РИ₁*. С. 17–24. Порядковый номер: IV. *РИ₂*. С. 29–40. Порядковый номер: III.

В Собрание сочинений впервые включено: *СС-Берлин*. Т. 7. С. 94–106.

Печатается по *РИ₂* со следующими исправлениями:

С. 93, стр. 27: в 40 секунд вместо: в 10 секунд (по тексту ЧА, “Нашей газеты, “Италии”, ЗТ. Цифра 10 появилась в результате типографской небрежности в ЗТ: текст на краю колонки срезан, отчего цифра 40 выглядит как 10).

* * *

В основе статьи лежит текст доклада, прочитанного Блоком на заседании Религиозно-философского общества 30 декабря 1908 г.

О сроках доклада идет речь в письме Д.В. Философова к Блоку 9 декабря 1908 г.: «Сегодня на заседании решено в ближайшую очередь пустить доклад Мейера “Религия и культура”. И след(ующим) докладом 30 декабря пойдет доклад В.И. Иванова “Русская идея” и Ваш» (РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 2. Ед. хр. 70). Судя по письмам к А.А. Кублицкой-Пиоттух, доклад был написан лишь в последних числах декабря, хотя название его возникло у Блока раньше: «30-ого читаю еще, вероятно, “Культуру и стихию” в Р(елигиозно)-ф(илософском) о(бществе)» (письмо от 14 декабря). В письме от 23 декабря: «30-ого буду читать (...) “Стихию и культуру”, которая еще не написана. (...) Сегодня вечером иду с Женей к Мережковским обсуждать свой предполагаемый доклад».

26 декабря в ЗК₂₄ Блок набрасывает план будущего доклада. Следовательно, текст был написан между 26 и 30 декабря.

Статья подверглась стилистической правке в конце 1917–начале 1918 г., вместе с остальными статьями цикла “Россия и интеллигенция”. Дата “1908–1918” в “Знамени труда” отражает реальную творческую историю статьи, от ее написания до публикации в “Знамени труда”. Однако в 1919 г. в МакРИ₂ Блок оставляет лишь дату “1908”: как и во всех других статьях цикла, отказывается от даты переработки, подчеркивая принадлежность этой статьи, всего комплекса ее идей, к дореволюционному творчеству. РИ₂-Кор 2 датирована: “Конец января 1919 г.”. Исправление опечаток в РИ₂-Кор 2. – последнее авторское вмешательство в текст статьи.

Первоначальный замысел доклада связан с продолжающейся устной и печатной полемикой вокруг реферата “Россия и интеллигенция” (см. коммент. на с. 344–351 наст. тома). Очевидно, Блок намеревался построить свои возражения оппонентам, опираясь на собственную переписку с Н.А. Клюевым. Осенью 1908 г. он сообщал своим корреспондентам (матери 2 ноября и 5–6 ноября) о сильнейшем впечатлении, которое произвели на него последние письма Клюева, а также присланная им заметка “С родного берега” (о взаимоотношениях Блока с Н.А. Клюевым, а также полный текст статьи см.: Клюев Николай: Письма к Александру Блоку. 1907–1915 / Публ., вводн. ст., коммент. К.М. Азадовского. М., 2003). “Это – документ огромной важности (о современной России – народной, конечно), который еще и еще утверждает меня в моих заветных думах и надеждах”, – писал он Е.П. Иванову 13 сентября. В письме к Г.И. Чулкову 18 сентября он называет корреспонденцию от Клюева “поразительной”, а в письме матери 2 ноября подытоживал: “Письмо его вообще опять настолько важно, что я, кажется, опубликую его”.

Вторым импульсом, формирующим замысел нового доклада, были контакты с сектантами, возникшие после первого прочтения реферата “Россия и интеллигенция” в Религиозно-философском обществе. 16 ноября 1908 г. он сообщал матери: “На собрании слушали меня очень хорошо, после собрания обступили сектанты – человек пять, и зовут к себе. Пойду”. По свидетельству М.М. Пришвина, на собрании присутствовал Михаил Рябов, лидер петербургской общины “Новый Израиль” (см.: Пришвин М.М. Собр. соч.: В 8 т. М., 1982. Т. 8. С. 63). О посещении вместе с А.М. Ремизовым хлыстовской секты “Начало века” 29 ноября 1908 г. Блок писал матери: “Пошли к сектантам, где провели несколько хороших часов. Это – не в последний раз. Писать об этом – как-то не напишешь” (см. подробнее о сектантской теме у Блока: Эткинд А. Русская мистика в прозе Александра Блока // Studia Slavica Finlandensia. 1994. Т. 2. С. 21–76; Он же. Хлыст: Секты, литература и революция. М., 1998; Любимова О.Е. Блок и сектантство:

“Песня Судьбы”. “Роза и Крест” // Александр Блок: Исследования и материалы. СПб., 1998. С. 69–89).

Блок действительно использовал присланную Клюевым статью “С родного берега”, а в финале статьи-доклада сектанство трактуется им как важнейший элемент народной стихии, наряду с бунтарским началом. Однако после 15 декабря 1908 г. (день страшного разрушительного землетрясения в Мессине и Калабрии) текст доклада претерпевает значительную трансформацию, наполняется осколочными цитатами из газетных сообщений, а ведущую роль в структуре доклада получает параллель между народной и природной стихией. План будущего доклада в ЗК₂₄ включает в себя все его тематические элементы. Отдельные мотивы (отсылки к выступлению В. Базарова, к творчеству К. Гамсуна и С. Пшибышевского) остались нереализованными в письменных редакциях (возможно, они прозвучали в устном докладе). Изменение структуры заглавия (“Стихия и культура” вместо “Культура и стихия”, как был назван доклад в письме к матери 14 декабря и в перечне тем предполагаемых статей в ЗК₂₄), возможно, произошло под воздействием заглавия доклада А.А. Мейера “Религия и культура”, прочитанного в Религиозно-философском обществе 16 декабря. Ср. замечание рецензента “Нашей газеты”: «Доклад явился красивым дополнением к докладу, прочитанному А.А. Мейером на предыдущем заседании под названием “Религия и культура”» [Б.л.] В Религиозно-философском обществе // Наша газета. 1909. № 1. 1 янв.).

В первых числах января 1909 г. Блок сокращает текст статьи для публикации в “Нашей газете”, издававшейся близким к кадетской партии Культурно-просветительным товариществом “Наша жизнь”. В сокращенной газетной редакции (С. 231 наст. тома) Блок почти полностью исключает полемику с оппонентами вокруг реферата “Россия и интеллигенция”. На первый план выдвигается основная тема статьи: чувство катастрофы, присущее всей современной культуре, и противопоставление “деятелей культуры” “стихийным людям” из народа. При этом из сокращенного текста статьи изъяты и отрывки из статьи Клюева, и письмо сектанта, что лишает образ “стихийных людей” какой бы то ни было социально-исторической конкретности.

Степень авторского участия в создании сокращенной редакции статьи установить трудно, так как ни автограф этой редакции, ни свидетельства Блока и современников о работе над ней в настоящее время неизвестны. Однако можно с уверенностью сказать, что все сокращения были вынужденными, поскольку в том же 1909 г. Блок публикует полный текст статьи в сборнике “Италии”, совпадающий с верхним слоем ЧА.

В январе 1918 г., готовя текст для публикации в “Знамени труда”, в составе цикла “Россия и интеллигенция”, Блок подвергает текст стилистической правке, учитывая только полный текст статьи и оставляя в стороне сокращенную газетную редакцию.

* * *

На заседании Религиозно-философского общества 30 декабря 1908 г. вместе с докладом Блока читался доклад Вяч. Иванова “О русской идее”. Текст повестки (РНБ. Ф. 816. № 185):

“Совет С.-Петербургского Религиозно-философского общества просит Вас пожаловать на очередное закрытое заседание Общества во вторник, 30 декабря, 1908 г., в 8^{1/2} часов вечера, в помещении Польского общества любителей изящных искусств (Фонтанка, 83)

ПРОГРАММА

Доклад В.И. Иванова на тему:
Русская идея
Доклад А.А. Блока на тему:
Стихия и культура”.

Анонимный корреспондент газеты “Новая Русь” в отчете о заседании отмечал, что в “прениях по этим докладам принимали участие Д.С. Мережковский, Г.И. Чулков и П.Б. Струве” (Б.н. В религиозно-философском обществе // Новая Русь. 1909. № 2. 3 (16) янв.). См. также аналогичную информацию в отчете: Б.н. В религиозно-философском обществе // Наша газета. 1909. № 1. 1 янв.

При жизни Блока статья была опубликована пять раз. В *ЗК*₂₄ отмечены две первые публикации (запись без даты, вероятно, – конец декабря 1908 г.–начало января 1909 г.): «Культура и стихия (для Религиозно-философского общества 30 дек.) – “Наша газета”, “Италии”».

Полный текст статьи был впервые опубликован в сборнике “Италии: Литературный сборник в пользу пострадавших от землетрясения в Мессине” (СПб.: Шиповник, 1909). Составитель сборника В.Е. Беклемишева, жена совладельца и главного редактора издательства “Шиповник” С.Ю. Копельмана, вспоминает: «Странно теперь, после всего пережитого за войну и революцию, вспоминать то гнетущее волнение, с которым многие из нас переживали Мессинское землетрясение. Лично я была буквально больна от того, что сообщалось в газетах.

Муж мой знал, что помочь мне может только работа, и предложил собрать материал для сборника “Италии”, доход от которого должен был быть послан пострадавшим. Материал был мною собран самое большее в неделю.

Александр Александрович (после моего разговора с ним по телефону) прислал цикл стихов “К Мэри”. Мемуаристка не называет статьи “Стихия и культура”, однако и стихи, и статья были опубликованы в этом сборнике. По свидетельству Беклемишевой, блоковские автографы в 1919 г. «погибли вместе с большей частью архива изд (ательств)ва “Шиповник”» (*РНБ*. Ф. 1000. Оп. 2. № 119).

После Октябрьской революции, “Стихия и культура”, как и все статьи цикла “Россия и интеллигенция”, была опубликована трижды: в “Знамени труда” (в *ЗК*₅₆ отмечено: «Мой 4-й фельетон в “Знамени труда” (“Стихия и культура”)», в *РИ*₁ и *РИ*₂.

В “Знамени труда” был допущен ряд существенных опечаток, среди них смысловая: “письмо сектанта” названо “письмом солдата”). Эти опечатки были повторены в *РИ*₁. В письме к Иванову-Разумнику 18 февраля 1919 г. Блок писал о *РИ*₁: “Текст не вполне исправлен”. Опечатки были исправлены только в *РИ*₂, в подготовке издания которого Блок принимал непосредственное участие, от создания макета до последней корректуры.

* * *

Наибольшее количество печатных откликов вызвал доклад Блока, сделанный на заседании Религиозно-философского общества.

В первых газетных откликах подробно описывалось заседание и выступления присутствующих по поводу доклада. В “Нашей газете” (1909. № 1. 1(14) янв.) в анонимной заметке “В религиозно-философском обществе” корреспондент отметил указанный в речи Д.С. Мережковского “паразитальный контраст между настроением доклада А.А. Блока и настроением доклада В.И. Иванова: в первом докладе звучит пророческая тревога, предчувствие великой, грозной опасности, во втором – чувство полного благополучия. И это чувство благополучия в настроении В.И. Иванова кажется оратору самой непонятной и в то же время очень опасной вещью. Это та страшная тишина, которая более, чем что-либо другое, способна заглушить спасительные призывы колокола, предупреждающего нас о грозной опасности”.

Выступление Г.И. Чулкова изложено в “Нашей газете” следующим образом: “Г.И. Чулков посвятил свои возражения только докладу А.А. Блока. По мнению оратора, в докладе этом необходимо разделить две стороны: во-первых, рассуждения и доказательства, против которых можно спорить, противопоставляя доказательствам другие доказательства, и, во-вторых, известное настроение, которое можно разделять и не разделять, но

которого нельзя, конечно, опровергнуть. В плоскости логической аргументации Г.И. Чулков усматривает у Блока весьма существенные дефекты в установлении понятий народа и интеллигенции. Настроение же Блока, определяемое предчувствием грозных катастроф, в значительной мере разделяется и оратором. Но Г.И. Чулков видит опасность идейной позиции Блока в совершенном отсутствии руководящей идеи: у него есть сознание опасности, но нет никакого представления о том, где спасение и куда идти. Позицию Блока приходится признать безыдейной, и в этом смысле – анархичной. Когда-то Блок отказался причислить себя к мистическому анархизму. Теперь его настроение можно определить как анархический мистицизм”.

В газете “Новая Русь” (1909. № 2. 3(16) янв.) в анонимной заметке “В религиозно-философском обществе” позиция Г.И. Чулкова несколько конкретизируется: “Г.И. Чулков (...) настаивал на высказанных им в печати мнениях об отчужденности от народа лишь части интеллигенции”.

О выступлении П.Б. Струве в “Нашей газете” сообщается, что он говорил “не специально по поводу прочитанных докладов, а вообще по поводу последних выступлений религиозно-философского общества”. В газете “Новая Русь” уточняется, что “П.Б. Струве подчеркнул общую черту всех современных религиозных исканий, горячо отстаивающих идеи и чаяния, абсолютно несовместимые с современным сознанием”.

Г.И. Чулков продолжил полемику с Блоком в печати. В статье “Лицом к лицу: (По поводу заседания Религиозно-философского общества 30-го декабря 1908 года)”, представляющей обработку его выступления на заседании, он писал: “Возражая Блоку, я утверждал, что интеллигенция органически связана с народом. Под интеллигенцией я разумел прежде всего тех, кто активно участвовал и участвуют в жизни народа, – я разумел Рылева и Герцена, Добролюбова и Глеба Успенского, я разумел тысячи земских учителей и земских врачей, о которых с таким барственным сожалением говорит Блок, я разумею, наконец, всех тех казенных, тени которых бродят среди нас. Все они, и живые и мертвые – я говорю: и живые и мертвые – не боятся предсказаний Блока. (...) Про какую же интеллигенцию говорит Блок? Не про ту ли, которая составляет большинство Третьей Думы? В таком случае я отказываюсь понимать язык Блока. На моем языке это называется буржуазией и привилегированным дворянством, а не интеллигенцией. (...) Но если мы забудем притязания Блока на идейную направленность и вслушаемся в ритм его переживаний, непосредственно раскрытых в его докладе, мы должны будем признать, что ритм этот, порывистый и торопливый, воистину предвещает великий бунт. Как чайка, предчувствуя бурю, носится низко над водой, ища в чуждой ей стихии защиты от вихрей, поэт, смущенный надвигающимися грозами, обращается к народу, народности, России” (ЗР. 1909. № 1. С. 106).

В.Е. Беклемишева, цитируя заключительную часть доклада, пытается связать мировоззрение Блока с определенной партийной программой: «Блок, конечно, человек вне партий и программ, но не ясное ли для него самого сознание, что “земля одна”, земля – достояние всего народа, не любовь ли к крестьянской России подводят его ближе всего к идеологии с.-р.? Сам он в длительной беседе со мной на политические темы сказал, что он близок им» (Беклемишева В.Е. Встречи).

Д. Герценштейн в статье “Богоискательские развлечения (По поводу новейших докладов и диспутов)” выделяет Блока из среды “богоискателей” как “единственного из них, кто произвел на меня и других впечатление искренности, действительной тоски, волнения чувств”. Основной пафос реферата автор видит в отрицании науки и апологии мистицизма: «Г. Блок с присными зовет всех бросить науку и поклоняться другой силе. В противном случае он грозит интеллигенции опасностями “жизни меж двух костров распалившейся мести”». Герценштейн возражает: «Хорошо, наука бессильна, она предсказала землетрясение “только стрелкою сейсмографа”, а мистицизм устранил или хотя бы предсказал его? Ведь в этом примере, на котором любовно играет г. Блок, как нельзя лучше сказались именно бессилие мистицизма». Приводя цифровые данные о погибших при стихийных бед-

ствиях, автор пишет: “И этим неимоверным ужасом вы желаете склонить человечество к вашей мистике? Этим страхом вы желаете заменить науку? Раболепие перед слепой, безгранично жестокой силой – вместо каждого мужественного сознания, созданного тысячекратней культурой? (...) Ваш призыв никогда не осуществится, потому что он принижает дух человеческий, уничтожает возможность всестороннего развития. Вы зовете к смиренности и подчинению, потому что над ними подняты бичи и скорпионы, а люди, вооруженные наукой и культурой, хотят изучить эти бичи и сделать их безвредными” (Новая Русь. 1909. № 25. 26 янв.).

В.В. Розанов писал о “Стихии и культуре” в двух фельетонах: “Литературные симулянты” (Новое время. 1909. № 11794. 11 (24) янв.) и “Попы, жандармы и Блок” (*Там же*. № 11829. 16 февр.). Сопоставляя в “Литературных симулянтах” доклад Блока с выступлением Д.С. Мережковского, говорившего о Цусиме, Розанов пишет о заседании: «В “стилизованном” представлении декадентов, данном на месте религиозно-философских собраний, – могила бедных, скромных моряков, как и другая, еще более страшная могила мессинцев, послужила пунцовым букетом в руках декадентской Маргты, которым она опахивала увядшее лицо свое, как веером. И публика, вместо восторга, могла бы, опустив глаза, сказать безмолвно: “Вечная память! Зачем потревожили их прах? Для такой чуждой, им ненужной цели, как тема о русской интеллигенции?! И зачем эта старая кокетка топчется на всяком месте, куда ей взбрдет в голову пойти, – в театре Коммиссаржевской, в Польском клубе, на религиозных собраниях, и, наконец, даже вот пришла топтаться на могиле людей, уснувших вечным сном в Мессине и Японском море. Нет, это не сторожевые собаки, воющие о пожаре (Розанов ссылается на слова из выступления Д.С. Мережковского: “Мы те собаки, которые воют перед пожаром”. – *Сост.*): в Мессину ночью прокрадывались какие-то женщины и мужчины и шарили около трупов, ища, чем поживиться. Вот сравнение, которое не пришло на ум красноречивому оратору, но невольно толкается в голову, так как ведь действительно Цусима и несчастье в Мессине что-то такое прибавили к славе петербургских литераторов?” (...)

Друзья, и Блок и Мережковский, что вам Цусима – как не лишнее литературное впечатление? (...) Друзья мои, что вам до России?»

В фельетоне “Попы, жандармы и Блок” Розанов неточно цитирует фразу из “Стихий и культуры”: “половины Сицилии нет”, – и комментирует ее следующим образом: «Я помню эту ошибку и задумался, откуда произошла она? От глубокой безжалостности поэтического сердца. Ученые, да и весь свет меряет каждую сажень земли, которую пощадило землетрясение, снимают фотографии, снимают подробности, и любуются, и радуются: “Вот там уцелело, вот этот дом не разрушен”. Так поступают обыватели и ученые, – те обыватели и те ученые, к “пошлости” которых и к “науке” которых Блок на чтении своем проявил такое презрение. (...) Но петербуржец Блок скачет через головы всех этих и объявляет, – “чего жалеть”, – что половина Сицилии разрушена. Почему это он так сказал? Да потому, что ему все равно, а задача чтения – внушение ужаса слушателям – требовала, чтобы разрушилось как можно больше! Мне кажется, раз произошло такое несчастье, кощунственно даже в мысли, даже в слове сколько-нибудь его увеличить. (...) Суть-то декадентов в том и состоит, что они ничего не чувствуют и что “хоть половина Сицилии провалится, то тем лучше, потому что тем апокалиптичнее”. Им важен Апокалипсис, а не люди; и важно впечатление слушателей, а не разрушение жилищ и гибель каких-то там жителей. Важна картина, яркость и впечатление. Отсюда и “тоска” их (“мы – тоскующие”), о которой проговорился Блок: это – тоска объединения, одиночества, глубокого эгоизма! И только...»

После прочтения обоих фельетонов, 17 февраля 1909 г. Блок писал Розанову: «...Надеюсь ответить подробно на все в печати, если дадут место в “Речи”». Однако статья написана не была, и Блок объяснил свою позицию в двух письмах к Розанову, от 17 и 20 февраля (см. подробнее об истории этой переписки, а также ответное письмо

Розанова: *Беляев С.А., Флейшман Л.С.* Из блоковской переписки // *БС-2*. С. 398–406). По поводу обвинений в “бесчувственности” Блок писал Розанову 17 февраля: «Вы неверно меня цитируете в обоих случаях; кроме того, знаю я эту любовь к мелочам быта, люблю ее в Вас лично ужасно и боюсь ее в Вас как в писателе. Позвольте мне, в числе многих других и как бы уже не от своего лица, сказать Вам, что этой любовью, этой прелестью и нежностью невольно прикрываются самые страшные ямы – сентиментальность и жестокость – родные сестры. Уж лучше, я думаю, быть “бесчувственным”».

Вяч. Иванов, публикуя свой доклад “О русской идее” (*ЗР*. 1909. № 1), включил в его текст неоднократные отсылки к докладу Блока. Вопросы о культуре и стихии, народе и интеллигенции Вяч. Иванов трактует как “последовательно единый вопрос – о нашем национальном самоопределении” (С. 86). Возрождение “народничества” в творчестве Блока рассматривается как «какой-то национальный буддизм наш, один из уклонов нашего подлинного христианства: влюбленное сердце опять, хотя иначе, чем прежде, хочет “гибели”. Личность не знает, что ей делать, одно знает, что броситься надо в темное море, и не может противопоставить сладкой Сирене Стихии!» (С. 89). В то же время сделанное Блоком сопоставление Вяч. Иванов склонен интерпретировать в духе собственной мессианистской концепции: «Мистики Востока и Запада согласны в том, что именно в настоящее время славянству, и, в частности, России, передан некий светоч; вознесет ли его наш народ или выронит – вопрос мировых судеб. Горе, если выронит, не для него одного, но и для всех; благо для всего мира, если вознесет. Мы переживаем за человечество – человечество переживает за нас – великий кризис. И сделанное А. Блоком сближение калабрийской и сицилийской катастрофы с нашими судьбами – не простое уподобление. Поистине, “всякий за всех и за все виноват”, и наша хотящая и не могущая освободиться страна подвизается и изнемогает за всех» (С. 92). При публикации этой статьи в сборнике “По звездам” (СПб.: Оры, 1909) отсылки к докладу Блока из текста исключены.

Впечатления Блока от обсуждения доклада на заседании Религиозно-философского общества отражены в *ЗК*₂₄ (запись от 30 декабря): «Отвратительно. Один. *Струве* с “мистическим изолятором” (“религиозный индивидуализм”). Впрочем, он и предсмертного антихриста Соловьева считает детским вздором. Принимаю упрек *Чулкова* в “анархическом мистицизме” – но сам-то он что? Раз не покаяться, ничего не сказал, все даром, мимо. – Глупости и кощунственные смешки над итальянским землетрясением *Городецкого*. *Мережковский* о колоколе моем и сравнительном спокойствии (бесстрастии) Вячеслава Иванова. Тошно».

В июле 1917 г., размышляя о возможных путях революции, о народной стихии, о судьбе русской культуры, Блок в дневнике вновь возвращается к теме этой статьи: «Большевизм (стихия) – к “вечному покою” († покосившийся). Это ведь только сначала – кровь, насилие, зверство, а потом – клевер, розовая кашка. Туда же – и чувственность (Распутин). Буйство идет от вечного покоя и завершается им. Мои “Народ и интеллигенция”, “Стихия и культура”. Сковывая железом, не потерять этого драгоценного буйства, этой неусталости. Да, не так страшно. “Тяжкий млат, дробя стекло, кует булат”. Эта последовательность метаний, способность жить в вечном разногласии с собой... Лава под корой...» (запись от 30 июля).

25 декабря 1917 г., составляя (План собрания сочинений), Блок включил статью в цикл “Интел(игенция) и народ”, куда вошли все статьи будущего цикла “Россия и интеллигенция”.

С. 90. ...было сделано много возражений... – Обзор полемики вокруг доклада см. с. 344–351 наст. тома.

...не хватило голоса (как сказал Д.С. Мережковский)... – Слова, сказанные Д.С. Мережковским в прениях по докладу “Обожествление народа в литературе” (“Россия

и интеллигенция) на заседании Литературного общества 12 декабря 1908 г. (см. с. 348 наст. тома).

С. 90. ...о “недоступной черте”... – Цитата из стих. А.С. Пушкина “Под небом голубым страны своей родной...” (1826) впервые приведена Блоком в качестве характеристики отчуждения между народом и интеллигенцией в докладе “Россия и интеллигенция” (см. с. 74 наст. тома).

...в стенах “третьих” Дум... – III Государственная Дума была созвана осенью 1907 г. после роспуска II Государственной Думы и ареста ее социал-демократической фракции. Выборам в III Думу предшествовало принятие нового избирательного закона, перераспределившего удельный вес отдельных социальных групп в составе Думы в пользу крупных землевладельцев и так называемых “цензовых” горожан. Кроме того, новый закон значительно сокращал представительство национальных окраин (Польши, Кавказа), а население Средней Азии было признано “не созревшим” для выборов.

...в сердцах людей последних поколений залегло неотступное чувство катастрофы... – О чувстве катастрофы, присущем современной культуре, говорилось в докладе А.А. Мейера “Религия и культура” на заседании Религиозно-философского общества 16 декабря 1908 г. Ср. изложение доклада: “Живые религии несли с собой идею катастрофы; те религии, которые не несут идеи катастрофы, не могут быть религиозными; умирающие религии переносят эту идею в мир потусторонний и рекомендуют терпеливо ждать; у них все идет постепенно: для чуда нет места.

Творческая сила нашей культуры иссякает, и всеми чувствуется близость катастрофы. Уничтожая старую культуру, новая религия открывает новое небо, новое откровение. Когда откровение начинает забываться, падает и творчество; необходима новая религия, чтобы поднять творчество.

На протяжении истории наблюдаются постоянные волны падения и восхождения. (...) Волны бывают большие (христианство) и малые: прояснения человеческого сознания о неизбежности катастрофы; к числу последних надо отнести все революции. Революция есть катастрофа – в ней сильно ощущение близости конца, в ней есть область веры и чаяния; деятели ее проникнуты гуманитарными целями, но их религиозность не подлинная; их моральный подвиг, пафос, фанатизм, самопожертвование – не религиозные признаки; их подъем есть подъем к мистическим высотам, а не к идеалу человеческой культуры. Таким образом, получается примирение чуда с отрицанием чуда – бессмыслица с точки зрения гуманиста. (...) Интеллигенция активна и не может принять веры, она – носительница культуры и потому не может дать новой веры; народ пассивно религиозен, он верит в чудо, и потому только народ может принести новое откровение.

Примирять и приближать народ с интеллигенцией нельзя: это значит тормозить духовный рост земли. Здесь нет путей для примирения и быть не должно” (Кудрявцев К. Интеллигенция и народ: (По поводу заседаний Религиозно-философского общества) // Вестник теософии. 1909. № 1. С. 72–73).

Рефериря 22 декабря в ЗК₂₄ прения по докладу в Религиозно-философском обществе, Блок особо отметил: “Мейер (внутреннее родство революционной и религиозной деятельности – идея катастрофы)”.

...видят сны от “множества забот”, как говорит Экклезиаст... – Еккл 5: 2. В принадлежащем Блоку экземпляре Библии этот стих отчеркнут двумя чертами, на полях знак NB (ББО-1. С. 74).

...мучается воспоминанием и не могут припомнить... – Мотив “воспоминания”, “припоминания”, восходящий к учению Платона (диалоги “Менон” и “Федон”), важен как для поэзии, так и для системы символов-категорий прозы Блока. По Платону, воспоминание (ἀνάμνησις) – единственная связь души смертного с истинным идеальным миром, из которого она явилась на землю. По наблюдениям Д.Е. Максимова, «такое же “древнее воспоминание” вело Блока к темным, “довременным” хаотическим корням

душевной жизни. <...> Однако какое бы место ни занимал в поэтических созерцаниях Блока трансцендентный вариант “памяти” или христианская “вечная память”, ее имманентная, общечеловеческая функция все же оставалась в блоковском творчестве основной и всеопределяющей. <...> “Память” в ее понимании Блоком – это неизменное присутствие в душе знания о высоком, выходящем за пределы индивидуальности: об идеале, о мире, о людях, о долге» (Максимов-И. С. 126). См. также: Т. 3 наст. изд. С. 646.

С. 91. ...пульки, которую англичане придумали для усмирения индусов. – Имеются в виду разрывные пули “дум-дум” со смещенным центром тяжести (названы по наименованию предместья Калькутты, где находилась производящая их фабрика). Согласно Международной декларации в Гааге (1899) употребление пуль “дум-дум” было запрещено, однако англичане применяли их в англо-бурской войне (1898–1902).

...высверлены аккуратные трещины между человеком и природой ~ разум и воля. – Представление о современном состоянии мира как всеобщем отчуждении и раздробленности восходит к учению Вл. Соловьева о Богочеловечестве. Отпадение Софии (мировой души) от Божественного начала сопровождается утратой единого духовного центра: “Когда же мировая душа перестает объединять собою всех, – все теряют свою общую связь, и единство мироздания распадается на множество отдельных элементов, всемирный организм превращается в механическую совокупность атомов. <...> С обособлением же мировой души, когда она, возбуждая в себе свою особенную волю, тем самым отделяется ото всего, – частные элементы всемирного организма теряют в ней свою общую связь и, предоставленные самим себе, обрекаются на разрозненное эгоистическое существование, корень которого есть зло, а плод – страдание” (Соловьев В.С. Чтения о Богочеловечестве // Соловьев В.С. Соч.: В 2 т. М., 1989. Т. 2. С. 133).

Г. Чулков заявил печатно... – См. статью Г.И. Чулкова “Memento mori” (С. 347 наст. тома).

С. 92. ...“дело не в блуждающей почке, а в жизни и смерти”. – Неточная цитата из повести Л.Н. Толстого “Смерть Ивана Ильича” (1886). Блок объединяет две фразы из разных глав: “Не было вопроса о жизни Ивана Ильича, а был спор между блуждающей почкой и слепой кишкой” (Гл. IV); “...Опять вместо реального вопроса о жизни и смерти, который уже теперь один стоял перед ним, выступил вопрос о почке и слепой кишке” (Гл. VIII). Блок дважды повторил эти слова в качестве ответа оппонентам в ЗК₂₄ (записи 11 и 22 декабря).

...мне говорили, что нет раскола, да и нечему раскалываться. – См. суждения Г.И. Чулкова, Вл. Боцяновского, М. Неведомского (М.П. Миклашевского), В.В. Розанова по поводу реферата “Россия и интеллигенция” (С. 344–351 наст. тома).

...мне отвечали: “Мы сами – Россия”. – Ср.: “Все мы – сама Россия” (Чулков Г.И. Memento mori // Р. 1908. № 315. 22 дек.)

Когда ступишь ногой на муравейник... – Сравнение современной цивилизации с “муравейником” содержится в статье Д.С. Мережковского “В обезьяньих лапах”. В статье Блока “Мережковский” (С. 96 наст. тома) имеются неоднократные отсылки к ее тексту: «Выдержит ли человек всемирное разрушение, не погибнет ли “голый, на голой земле”, или, хуже того, не вернется ли к старому, не начнет ли снова строить разоренный муравейник, вавилонскую башню прогресса?» (РМ. 1908. № 1. Паг. I. С. 75–98; вторично: Мережковский Д.С. В тихом омуте. СПб., 1908. С. 41).

...В таком же сне – бабочка, танцующая у пламени свечи. – Символика бабочки, сгорающей в пламени свечи, восходит к восточной суфийской традиции. В мистическом учении суфиев бабочка, сгорающая в пламени свечи, символизировала добровольное саморастворение личного начала в Абсолюте. В то же время смерть личности во временном мире означала ее возрождение в вечности, в Божестве. Блоку эта символика могла быть знакома, благодаря стихотворению И.В. Гёте из “Западно-восточного дивана” “Seelige Sehnsucht” (“Блаженное томление”), где смысл этого символа нашел

афористичную формулировку (“Stirb und werde” – “Умри и восстань”):

Keine Ferne macht dich schwierig,
Kommst geflogen und gebannt,
Und zuletzt, des Lichts begierig,
Bist du Schmetterling verbrannt.

Und so lang du das nicht hast,
Dieses: *Stirb und Werde!*
Bist du nur ein trüber Gast
Auf der dunklen Erde*.

В библиотеке Блока сохранилось немецкое издание Гёте: *Goethe I.W. Gedichte. Neue Ausg. Stuttgart, 1862 (ББО-3. С. 68)*, а также русскоязычное издание: *Гёте И.В. Собрание сочинений в переводах русских писателей, изданных под ред. Н.В. Гербеля. СПб., 1878–1880. Т. 1–10. (ББО-1. С. 226)*. Суфийская символика была важна для Вяч. Иванова, особенно в период 1906–1907 гг., когда на “башне” был создан “кружок друзей Гафиза” (см.: *Богомолов Н.А. Петербургские гафизиты // Серебряный век в России: Избранные страницы. М., 1993. С. 167–210*). В докладе Вяч. Иванова “О русской идее” был использован тот же символ, при этом суфийский мотив добровольного самосожжения оказывается здесь одновременно связан как с мотивом жертвенности Диониса, так и с упоминанием о русских самосжигающихся раскольниках: “Интеллигенция тяготилась быть классом господствующим и образованным и явила исключительный в истории пример воли к обнищанию, самоупраждению, нисхождению. Везде и во все эпохи мы наблюдаем в культурном процессе обратное явление: каждая возвысившаяся группа охраняет себя самое, защищает достигнутое ею положение, бережет и отстаивает свои ценности, ими гордится, их утверждает и множит: наши привлекательнейшие, благороднейшие устремления запечатлены жаждою саморазрушения, словно мы тайно обречены необоримым чарам своеобразного Диониса, творящего саморасточение вдохновительнейшим из упоений, словно другие народы мертвенно-скупы, мы же, народ самосжигателей, представляем в истории то живое, что по слову Гете, как бабочка – Психея, тоскует по огненной смерти” (*Иванов Вяч. Собр. соч. Брюссель, 1979. Т. 3. С. 332*).

С. 92. *...ведут мировые хороводы...* – Мотив “хоровода” генетически восходит к книге Ф. Ницше “Рождение трагедии из духа музыки”, а также к интерпретирующим ее идеи статьям и стихотворениям Вяч. Иванова, С.М. Городецкого. Статья Вяч. Иванова “О веселом ремесле и умном веселии” завершалась утопической картиной воссоединения художника и народа в недалеком будущем: “Страна покроется орхестрами и фимелами, где будет плясать хоровод, где в действе трагедии или комедии, народного дифирамба или народной мистерии воскреснет истинное мифотворчество (ибо истинное мифотворчество – соборно), – где самая свобода найдет очаги своего безусловного, беспримесного, непосредственного самоутверждения (ибо хоры будут подлинным выражением и голосом народной воли)” (*ЗР. 1907. № 5. С. 47–55*). Образ “хоровода” как символа “соборного” начала полемически переосмыслился и в стих. Блока “Усталость” (1907) (Т. 3 наст. изд. С. 91, 706).

* Дух окрепнет, крылья прянут,
Путь нетруден, не далек,
И уже, огнем притянут,
Ты сгораешь, мотылек.

И доколь ты не поймешь:
Смерть для жизни новой,
Хмурым гостем ты живешь
На земле суровой.

(Перевод Н. Вильмонта)

С. 92. ...*во хмелю*. – Мотив “хмель”, активно развивавшийся в лирике Блока 1906–1908 гг. (“Незнакомка”, “Там дамы щеголяют модами...”, цикл “Снежная Маска” и др.) связывается с ницшеанской концепцией “дионисийского” экстаза, растворения личного начала в стихии (см.: Т. 2 наст. изд. С. 790). Однако у Ницше “сон” и “хмель” осмыслены как антиномия: хмель связывается с Дионисом, сон – с Аполлоном. В словоупотреблении Блока эти мотивы становятся синонимами, хотя, судя по конспекту книги Ницше в ЗК₁₅, он хорошо понимал ницшеанское противопоставление этих начал (см. ниже, следующий коммент.).

Говоря термином Ницше – “аполлинический сон”. – Ср. отрывок из конспекта книги Ф. Ницше “Рождение трагедии из духа музыки”, сделанного Блоком в декабре 1906 г. (ЗК₁₅): “Искусства пластические – Аполлон, не пластические (музыка) – Дионис. Два мира: сон и опьянение. Во сне (относится к Аполлону) совершенно понятен всякий образ, ни к чему не относимся равнодушно. Приятная необходимость поучаться во сне. (...) Понятия, соответствующие духу Аполлона, – только завеса, скрывающая царство Диониса. Аполлон – отец богов, так как боги – торжествующее бытие, созданное, чтобы закрыть ужас и гнусность бытия, ведомые грекам”. О воздействии на Блока ницшеанских идеологом см: Kluge R.-D. Westeuropa und Russland im Weltbild Aleksandr Bloks. München, 1967; Labry R. Aleksandre Blok et Nietzsche // Revue des études slaves. P., 1951. Т. 27. P. 201–208; Паперный В. Блок и Ницше // Типология русской литературы и проблемы русско-эстонских литературных связей. Тр. по рус. и слав. филол.: Литературоведение. 31. Тарту, 1979 (УЗ ТГУ. Вып. 491).

Солнце восходит и солнце заходит... – Неточная цитата из Еккл 1: 5: “Восходит солнце и заходит солнце, и спешит к месту своему, где оно восходит”. В принадлежащем Блоке экземпляре Библии против этого и предыдущего стиха на полях крестик (ББО-1. С. 74).

...в недрах земли поет руда, покорная человеческой кирке... – Образ “поющей” руды восходит к стих. Г. Ибсена “Рудокоп” (пер. А. Ганзен): “Надо путь пробить туда, // Где поет, звенит руда” (Полное собрание сочинений Генрика Ибсена: В 8 т. М.: Изд. С. Скимунта, 1907. Т. 1. С. 396–397. Издание сохранилось в библиотеке Блока с многочисленными пометами – ББО-1. С. 286–290). Позднее Блок использовал этот образ в стих. “В огне и холоде тревог...” (1910–1914) (См.: Т. 3 наст. изд. С. 63–64, 714).

С. 92–93. ...*император германский надменно обнимает ~ завоевателя воздуха...* – Речь идет о немецком конструкторе-авиаторе, изобретателе дирижаблей с плотным корпусом графе Ф. фон Цеппелине (1838–1917). В день своего 70-летия, 1 июня 1908 г., Цеппелин совершил беспрецедентный полет над Швейцарией. Его приземление отмечалось в Германии как национальный праздник. По предположению Т.Н. Бедняковой (см.: Блок А. О литературе. М., 1980. С. 325), Блок откликается и на другое сообщение в русской газетной периодике: после нового полета Цеппелина 4 августа 1908 г., который закончился неудачей, германский император Вильгельм II пожертвовал изобретателю полмиллиона марок на новый дирижабль. См.: [Б.л.] Германский кронпринц в воздушном корабле // БВ. 1908. № 10650. 11 авг. Веч. вып.

...“чудотворного строителя”... – Слова Евгения из поэмы А.С. Пушкина “Медный всадник” (1833), обращенные к памятнику Петра I (“Добро, строитель чудотворный! – / Шепнул он, злобно задрожав, – / Ужо тебе!...”), переадресованные к немецкому конструктору-авиатору Ф. фон Цеппелину (см. следующий коммент.), переводят пушкинский конфликт (бессилие “маленького человека” перед природной стихией и перед вневещевой силой государства) в тему противостояния стихии и “демонической” силы цивилизации, обращающейся против природы и естественных начал в народе.

С. 93. ...*отклоняется в обсерватории стрелка ~ не выжжет огонь*. – Здесь и далее в тексте доклада используются газетные сообщения. Ср. тексты телеграмм собственных корреспондентов русских газет: “Сейсмографы в Пулковской обсерватории вчера утром, в самый момент землетрясения в Калабрии, отчетливо отметили стихийное явление” (БВ.

1908. № 10864. 16 дек. Веч. вып.); “Мессины больше не существует” (Там же. 1908. № 10870. 19 дек. Веч. вып.); “Громадная морская волна прошла над Мессиной. (...) Пожар заканчивает дело разрушения” (Там же. № 10865. 17 дек. Утр. вып.).

С. 93. ...древние Харибда и Скилла... – Ср.: “Неподалеку от Мессины, приблизительно в 20 верстах, находится знаменитый проход между Скиллой и Харибдой, место, испокон веков грозное для моряков” (БВ. 1908. № 10867. 18 дек. Утр. вып.). “Мессина лежит у пролива того же имени, с которым связано древнее предание о Скилле и Харибде” (Р. 1908. № 311. 18 (31) дек.).

...броненосец приспускает флаг до половины флажштока... – Ср.: “Обещали отправить меня на броненосце. (...) Уходит судно. Оно идет на всех парах, флаг приспущен” (Р. Страшные дни // Р. 1908. № 318. 25 дек.).

Ученые сказали только, что югу Италии и впредь угрожают землетрясения; что там еще не отвердела земная кора. – Ср.: “Известный геолог профессор Палаццо (...) предсказывает землетрясения и в будущем, до тех пор, пока земная кора в этих местах не затвердеет окончательно” (Р. 1908. № 311. 18 (31) дек.).

Король воротился с охоты, папа отменил аудиенцию. – Ср.: “Король узнал о катастрофе, будучи на охоте. Он немедленно возвратился в Рим. (...) Папа отменил прием римской аристократии, назначенный на 22 декабря и предписал совершение торжественного заупокойного богослужения по жертвам катастрофы” (Р. 1908. № 311. 18 (31) дек.).

Все ~ послы выразили соболезнование, военные суда спустили флаги. – Ср.: “Все послы и посланники посетили сегодня министра иностранных дел, чтобы выразить ему от имени своих правительств соболезнования по случаю катастрофы” (Р. 1908. № 312. 19 дек.). “Национальные флаги приспущены в знак траура” (Там же. № 317. 24 дек.).

Судно, отправленное на розыски города, не нашло места, где он был. – Ср.: «По словам “Secolo” (Калабрия), Реджио – город с 40-тысячным населением, стерт с лица земли. Посланное на помощь военное судно посетило то место, где прежде стоял город, тщетно искало его и возвратилось, ничего не найдя» (Р. 1908. № 312. 19 дек.).

Русские матросы – “popolo d’eroi” – являют чудеса самоотвержения... – Ср.: «Геройское мужество моряков русского военного судна “Адмирал Макаров” вызывает всеобщую признательность» (Р. 1908. № 312. 19 дек.); “Русские оказывали чудеса самоотвержения” (Там же. № 317. 24 дек.); «Много раз под клики “Viva Russia!”, “Viva il popolo d’eroi!” нам, посторонним людям, жали руки» (Р. Страшные дни // Р. 1908. № 318. 25 дек.).

...архиепископ носит мощи св. Агаты... – Ср.: “Архиепископ, чтобы успокоить массы, обещал понести в церковной процессии набальзамированный труп св. Агаты, по преданию, усмиряющей подземные силы” (Р. 1908. № 312. 19 дек.).

...у нас не хватает известии, чтобы засыпать бывшую Мессину. – Ср.: “Чтобы предупредить эпидемию, для Мессины и Реджио требуются огромные количества извести, – такие количества, каких за короткое время нет никакой возможности доставить” (БВ. 1908. № 10879. 24 дек. Утр. вып.).

...слова газетных телеграмм приобретают силу древних итальянских хроник... – Возможно, имеется в виду анонимная заметка “Кончина мира”: «Одна из жителейниц Мессины, спасаясь в числе немногих и находящаяся в настоящее время в Катании, рассказывая о пережитых ужасах, говорила: “Мы думали, что наступила кончина мира”. И действительно, то, что происходило в Мессине, могло внушить такую мысль не одним только верующим людям. Все стихии восстали на людей. Земля разверзлась. Море поднялось и шло стеною на город. Небо пылало заревом, а затем покрылось густыми облаками, из которых полились потоки дождя. Ветер хлестал в лицо и кружил во все стороны. Казалось, сейчас раскроется бездна и всех поглотит. Из разрушающихся домов сыпались на голову камни. Море ревело, гремел гром, раздавались взрывы газа. Да, это была кончина мира, сопровождавшаяся выступлением против человека всех адских сил» (БВ. 1908. № 10869. 19 дек. Утр. вып.); ср. также: “Все удары, следовавшие друг за другом, заняли в общем не более полуминуты. Но в течение этого полумгновения город

превратился в дантовский ад. Подземные удары сопровождались страшными атмосферическими явлениями. Небо превратилось в гигантский пылающий очаг. Из туч сыпались молнии. Земля казалась поколебленной в далеких глубинах своих. Люди, усеявшие улицы густыми толпами, представлялись бежавшими из домов для умалишенных. Сотни их, не понимая что они делают, укрывались в разрушавшиеся дома и там находили смерть под развалинами” (*Б.л.*) Дантовский ад в Мессине // *Там же*).

С. 93. ...а из Этны вырываются столбы желтого дыма. – Ср.: “Из кратера Этны валят густые клубы дыма” (Р. 1908. № 317. 24 дек.).

С. 94. Всякий деятель культуры – демон, проклинающий землю, измышляющий крылья, чтобы улететь от нее. – В характеристике демонического деятеля культуры, изобретающего крылья, Блок опирается на второй роман трилогии Д.С. Мережковского “Христос и Антихрист” – “Воскресшие боги (Леонардо да Винчи)” (1900). Один из сквозных сюжетных мотивов романа – тщетные попытки Леонардо изобрести крылья для человека. Слова Леонардо из второй книги романа: “Если тяжелый орел на крыльях держится в редком воздухе, если большие корабли на парусах движутся по морю, – почему не может и человек, рассекая воздух крыльями, овладеть ветром и подняться на высоту победителем”, – трактуется в шестой книге одним из его учеников как доказательство демонизма учителя: “...сам он всю жизнь только и стремился к невозможному, только и желал недостижимого. Ну, скажи на милость: изобретать такие машины, чтобы люди как птицы летали по воздуху, как рыбы под водой плавали, – разве это не значит стремиться к невозможному? (...) Механика нужна ему для чуда, – чтобы на крыльях взлететь к небесам, чтобы, владея силами естественными, устремить их к тому, что сверх и против естества человеческого, сверх и против закона природы – все равно, к Богу или к дьяволу, только бы к неиспытанному, к невозможному!” Противопоставление демоническому деятелю культуры русской народной стихийной мудрости в статье Блока также перекликается с романом Мережковского. В конце романа Леонардо встречается с русским иконописцем Евтихием и, рассматривая лики Иоанна Предтечи, по русской традиции изображаемого с крыльями, неожиданно понимает, что подлинние крылья человеку дает не механика, а духовный полет: «Особенно поразили художника два лика Иоанна Предтечи Крылатого: у одного в левой руке была золотая чаша с Предвечным Младенцем, (...) другой – “с усекновением”, вопреки законам природы, имел две головы: одну живую, на плечах, другую, мертвую, в сосуде, который держал в руках, как бы в знак того, что человек, только умертвив в себе все человеческое, достигает окрыления сверхчеловеческого: лик у обоих был страшен и страшен: взор широко открытых глаз похож на взор орла, вперенный в солнце; борода и волосы развевались, как бы от сильного ветра; косматая верблужья риза напоминала перья птицы; кости исхудалых, непомерно длинных, тонких рук и ног, едва покрытые кожей, казались легкими преображенными для полета, точно пустыми, полыми внутри, как хрящи и кости пернатых; за плечами два исполинских крыла подобны были крыльям лебеды или той *Великой Птицы*, о которой всю жизнь мечтал Леонардо». В библиотеке Блока сохранилось издание: *Мережковский Д.С. Христос и Антихрист: Трилогия.* СПб., 1902, Ч. 1–2, с пометами на полях второй части (ББО-2. С. 151).

...“всему свое время и время всякой вещи под небом ~ и время строить” (*Экклезиаст*). – Еккл 3: 1–3. В принадлежащем Блоку экземпляре Библии эти и следующие стихи отчеркнуты на полях (ББО-1. С. 74).

...о храмах, рассеянных по лицу ее, о монастырях, где стоит статуя Николая Чудотворца за занавесью, не виданная никем... – Пересказ этой легенды см. в ЗК₂₁, запись от 23 июня 1908 г.: “Князев рассказывает: (...) В женском монастыре в Вятке – статуя Христа за занавеской (только для любопытных). Есть статуи Христа и Николая Чудотворца – деревянные и высеченные из камня”.

...о том, что, когда ветер ночью клонит рожь, – это “Она мчится по ржи”... – О поверье “Она мчится по ржи”, поразившем Блока еще в юности, он упоминает в

дневнике 1902 г. (январская запись): «24 июля 1901 года. В Боблове поверье: “она” “мчится по ржи”». 26 июня того же года он записывает “перед ночью”: «Но ужаснее и “глубиннее” всего поверье о том, что “она” “мчится” по ржи. Как оно попало в народ? Кто занес эту страшную легенду? С нами крестная сила». В (июле) 1902 г. он пишет о том же З.Н. Гиппиус: «Здесь в одной из соседних деревень ходит странное (и уж исторически совсем необъяснимое) поверье: “она мчится по ржи” (буквально – и больше ничего). Кажется, что теперь эта “она” исчезла до времени. Тут есть ведь совпадение, какая-то трудно уловимая, но ощутительно одна мечта и с тем Петербургом, который “поднимется с туманом” у Достоевского, и с Вашим “невидимым градом Китежем”: все они возвратятся *иными* “в последний день”». Работая в 1904 г. над курсовым сочинением “Болотов и Новиков”, Блок вновь вспоминает об этом поверье в связи с рассказом в “Записках” А.Т. Болотова о народном поверье, именуемом “коровьей смертью”, которое мемуарист считает доказательством “грубому невежеству и глупости нашего подлого народа”: “Андрос вез хлеб с поля, а она бежит-бежит по нашей роще и тотчас рассыпалась, как скоро Андрос ее увидел”. На полях “Записок” Блок сделал надпись: «...не “она ли мчится по ржи”? (коровья смерть). Древнее...» (БС-4. С. 82). Авторы публикации черновых материалов реферата предполагают, что от этой записи протягиваются первые нити к статьям о народе и интеллигенции, где «в трактовке поверья появляется теперь новый аспект: “она” – это не только знак “судного дня”, но и отражение исконной стихийной силы, носителем которой является народ, ощущающий грядущие апокалиптические перемены острее, чем обладающая культурой интеллигенция» (Владимирова И. [Душечкина И.В.], Григорьев М. [Альтшуллер М.Г.], Кумпан К.А. А. Блок и русская культура XVIII века // БС-4. С. 40–41).

С. 94. ...о том, что доски ~ пруд этот – “отдушина океана”. – Легенда, пересказанная Блоком в той же записи 23 июня 1908 г. (ЗК₂₁): “В озере под деревней Сергиевской нет дна. Иногда всплывают доски с иностранными надписями – обломками кораблей. Это – отдушина океана (рассказывал Владимир Ястребов лесничему Сергею Ермолаевичу Князеву)”.

...настроение одной из северных губерний... – Блок цитирует отрывки из статьи-письма Н.А. Клюева “С родного берега” (см. с. 370 наст. тома).

...другое – письмо сектанта, адресованное Д.С. Мережковскому. – Блок упоминает об этом письме 26 декабря в плане будущего доклада (ЗК₂₄): “Письмо из Баку расколника Мережковскому (лава)”. Судя по письму З.Н. Гиппиус к Блоку 28 января 1909 г., Блок в период работы над докладом и статьей на некоторое время брал письма этого корреспондента у Мережковских: «Я спуталась и не могу понять, когда же Вы успели вернуть нам самое-то замечательное из “писем сектанта”, одно из последних – “старец об Александре Добролюбове”? Читали? Что скажете? По-моему, это *самое* потрясающее. А Вы о нем не пишете» (БС-4). Личность корреспондента не установлена, однако, судя по инициалам “М.С.” (см. варианты ЧА, с. 231 наст. тома), им мог быть основатель “голгофского христианства”, епископ старообрядческий Михаил (Семенов Павел Васильевич), бывший иеромонах, участник первых Религиозно-философских собраний 1901–1903 гг. Блоку могло быть неизвестно, что светское имя Михаила – Павел.

С. 95. ...“пеньем сладкозвучным сердца погибших привлекают”. – Источник цитаты не установлен.

Ты любовь, ты любовь ~ Кровью политая. – Источник цитаты не установлен.

С. 96. У нас ножики литые ~ За тебя немножко. – Текст песни приводится в статье Н.А. Клюева “С родного берега”. Блок цитирует в сокращении. С.П. Каблуков, секретарь С.-Петербургского Религиозно-философского общества, неодобрительно отметил в дневнике 14 апреля 1909 г.: «А вот и другая песенка русского босяка-хулигана, приведенная Александром Блоком в его докладе “Стихия и культура”», – и, процитировав текст песни, иронически заключил: “Редкий пример порядочности” (РНБ. Ф. 322. № 4. Л. 181–182).

С. 96. ...“стальной щетиною”... – Из стих. А.С. Пушкина “Клеветникам России” (1831).

...в сердце нашем уже отклонилась стрелка сейсмографа. – Ср.: “Удары, потрясшие Сицилию, отметил и записал сейсмограф в Петербурге, отстоящий от места катастрофы на 2 700 километров – так чувствительны нынешние физические приборы! Но есть нечто еще более чувствительное: это – человеческое сердце” ([Б.л.] Люди – братья // БВ. 1908. № 10868. 18 дек. Веч. вып.).

МЕРЕЖКОВСКИЙ

(С. 96)

Автограф неизвестен.

Впервые напечатано: Р. 1909. № 30. 31 января. Подпись: “Александр Блок”.

В Собрание сочинений впервые включено: СС-12₁₀. С. 176–182.

Печатается по тексту первой публикации.

Замысел статьи возникает в середине декабря 1908 г. 1908–1909 гг. – время нового сближения Блока с Мережковскими, после значительного отдаления в годы первой русской революции (см. об этом: Минц З.Г. А. Блок в полемике с Мережковскими // БС-4. С. 116–222: перепечатано: Минц З.Г. Александр Блок и русские писатели. СПб., 2000. С. 537–620). 15 декабря в ЗК₂₄ появляется заметка, написанная под впечатлением фельетона Д.С. Мережковского “Борьба за догмат” (Р. 1908. № 307. 14 дек.): «Впечатление от фельетона Мережковского “Борьба за догмат” (схоластика и раскольничий огонь). Почему все не любят Мережковского? Оттого ли, что он знает что-то, или оттого, что он не сходил в ад? Или – только за “надменность”. Читаешь “В тихом омуте” – и вспоминается... Тэн (плоскость), – а рядом – самые сокровенные и неподдельные чаяния.

За что Мережковский бранит “нас” (Городецкий, Чулков, я)?.. Оттого, что мы не нашли, или оттого, что он пришел куда-то, где ему страшно одному.

Вчера говорил ему, зачем он множит фельетоны с Булгаковым, Струве, Лурье, Евг. Трубецким, Эрном и пр. – Он отвечает, что нет у него права говорить о самом живом (в этом роде).

Крестоносцы на пути к Гробу Господню».

В заметке намечены основные темы будущей статьи: положение и репутация Мережковского в литературной и читательской среде, сочетание “плоскости” и “неподдельных чаяний” в его последней книге “В тихом омуте” (СПб., 1908), наконец, сравнение его отношения к культуре с духовным кризисом крестоносцев в Риме.

Статья была написана по просьбе самого Мережковского, о чем Блок сообщал матери 23 декабря 1908 г.: «Писать буду ближайшее – о Мереж(овском) в “Речь” (он просил)».

В.В. Розанов поддержал критическую часть статьи Блока. В статье “Трагическое остроумие” (НВ. 1909. № 11822. 9 (22) февр.) он писал: «Безо всякого намерения быть остроумным, поэт Блок невольно сострил; и верно оттого, что самое дело, о котором он пишет, заключает остроумие внутри себя, остроумно само по себе... В статье с приглашающим названием “Мережковский” он пишет...» Далее Розанов цитирует второй абзац статьи Блока и комментирует: «Подвернулось же название поэту и другу... Именно как “Какао” и “Угрин” тычутся вам в глаза, когда вы подъезжаете к городу отнюдь не затем, чтобы напиться там какао, а за чем-то нужным, дельным, важным, наконец, тревожным, и оно никому не нужно, кроме торгующего ими, – так точно и Мережковский поступает с религиею, страшно ее понижая, страшно от нее отталкивая. Своим невольно

удачным сравнением (дело за себя говорит) Блок чрезвычайно много разъяснил и сделал почти излишним тот комментарий, о каком просит поднявшееся вокруг Мережковского недоумение. Именно, как “Угрин”, “Какао”, “Угрин”, “Какао”, чередуются священные имена... Гадко, невыносимо».

Во второй статье – “Попы, жандармы и Блок” (НВ. 1909. № 11829. 16(29) февр.) В.В. Розанов обращает критику уже не против Мережковского, а против Блока. Прочитывая начало статьи (третий и четвертый абзацы), Розанов пишет: «Ужасно мрачно пишет Блок. Так мрачно, как Надсон в минуты самого трагического настроения. Мрачно, гневно и презрительно. Боже мой, кого не презирает Блок? И почему он не играет Демона в опере Рубинштейна? Было бы так натурально, ибо это был бы Демон не подмалеванный, а настоящий. Но разберемся в мыслях печального Демона.

“Такая заслуга”, – заговорил о Боге светский человек...

Но ведь был у нас Владимир Сергеевич Соловьев.

Был у нас Николай Николаевич Страхов.

Был Константин Сергеевич Леонтьев.

Была “Русь” Аксакова, в каждом еженедельном номере говорящая о Боге. Были славянофилы. (...) Почему же о них всех позабыл Блок? (...)

О, эти христиане-индивидуалисты, без языческого “культа предков”, без чувства рода, племени, родины! В тысячный раз приходится убедиться, до чего невозможно обойтись без этих языческих чувств, до чего с пресловутым “индивидуализмом”, *оторванностью* личной души мы приходим не якобы к углублению ее, а иногда к простой торговой бессовестности. “Никого не было; все я один” (...)

Все “мы”... “До нас были попы, говорившие о смирении с эскортом жандармов с саблями наголо”... Какое мрачное зрелище, но где видал это Блок? Сера наша родина, но уж не до такого же ужаса».

Блок намеревался отвечать Розанову печатно, однако ограничился личным письмом 17 февраля 1909 г.: “Не мальчишество, не ребячливость, не декадентский демонизм, но моя кровь говорит мне, что смертная казнь и всякое уничтожение и унижение личности – дело страшное, и потому я (это непосредственный вывод, заметьте, тут ни одной посылки для меня не пропущено) не желаю встречаться с Пуришкевичем или Меньшиковым, мне неловко говорить и нечего делать со сколько-нибудь важным чиновником или военным, я не пойду к пасхальной заутрене к Исакию, потому что не могу различить, что блестит: солдатская каска или икона, что болтается – жандармская епитрахиль или поповская нагайка. Все это мне по крови отвратительно”.

В (Плане собрания сочинений) включена в раздел “Литер(атурная) критика”.

С. 96. ...“*Вы не слушайте, что он говорит, а посмотрите, где он стоит*”. – В статье: Розанов В. Оконченная “трилогия” г. Мережковского // НВ. 1905. № 10470. 28 апр.

Особенно – последние его книги. – В 1906–1908 гг. вышли в свет следующие книги Д.С. Мережковского: Гоголь и черт (М., 1906); Грядущий Хам. Чехов и Горький (СПб., 1906); Пророк русской революции: К юбилею Достоевского (СПб., 1906); Теперь или никогда. О церковном соборе (М., 1906); В тихом омуте (СПб., 1908); Не мир, но меч: К будущей критике христианства (СПб., 1908).

С. 97. ...*даже как будто начинателем нового метода критики в России...* – В лекции “О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы” (1892, отд.изд. – СПб., 1893) Д.С. Мережковский посвятил состоянию русской критики III раздел – “Современные русские критики”, указав на существование двух важнейших направлений в европейской критике – “научный” метод, связанный с именем И. Тэна, и “субъективно-художественный”, в котором “критик превращается в самостоятельного поэта”, связанный с именами Сент-Бева, Гердера, Брандеса, Лессинга, Карлейля. Второму течению Мережковский отдавал предпочтение: “Субъективно-художественный метод критики, кроме поэтического, может иметь и большое научное значение. Тайна

творчества, тайна гения иногда более доступна поэту-критику, чем объективно-научному исследователю. Случайная заметка о прочитанной книге в письмах, дневниках Байрона, Стендаля, Флопера, Пушкина одним намеком обнаруживает большую психологическую глубину и проникновение, чем добросовестнейшие статьи профессиональных критиков. Если художник читает произведение другого художника, происходит опыт, который соответствует тому эксперименту в научных лабораториях, когда исследуется химическая реакция одного тела на другое” (*Мережковский Д.С. О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы // Мережковский Д.С. Л. Толстой и Достоевский: Вечные спутники. М., 1995. С. 531*).

С. 97. В последнее время особенно неотступно вопрошают Мережковского, в чем его вера? ~ когда Мережковский молчит в ответ на прямые вопросы, всё больше негодуют на него... – Ср. описание той же ситуации в статье Андрея Белого “Д.С. Мережковский. Христос и Антихрист. Часть I. Смерть богов. – Часть II. Воскресшие боги. – Часть III. Антихрист. Новое издание М. Пирожкова. СПб. 1906–7” (В. 1908. № 1). По мнению Белого, Мережковский в ответ на прямой вопрос “Что мне делать?” “ничего не ответил. Не знает, что сказать. А ведь поэзию, мистику, критику, историю – все превратил Мережковский в ореол вокруг какого-то нового отношения к религии – теургического” (С. 75).

...“отсылание к пятнадцати томам сочинений”... – В начале 1909 г. Мережковский еще не выпустил ни одного собрания сочинений. Скорее всего, Блок имеет в виду все вышедшие к этому времени книги Мережковского.

С. 98. Все слышали о “двух безднах”... – “Верхняя” и “нижняя” бездны, по излюбленной терминологии Д.С. Мережковского, – мистически истолкованная телесная и духовная жизнь человека. Ср. характеристику “схематизма” Мережковского в статье Андрея Белого “Д.С. Мережковский. Христос и Антихрист. Часть I. Смерть богов. – Часть II. Воскресшие боги. – Часть III. Антихрист. Новое издание М. Пирожкова. СПб. 1906–7”: “Во всем раздвоение: между хаосом и космосом, плотью и духом, язычеством и христианством, бессознательным и сознанием, Дионисом и Аполлоном, Христом и Антихристом. Противоположение между верхней и нижней бездной раздваивает, в свою очередь, каждую антиномию” (В. 1908. № 1. С. 76).

*...“ревность по Дому”... – Ин 2: 17. Формула “Ревность по дому” использована Блоком в стих. “Ну что же? Устало заломлены слабые руки...” (Т. 3 наст. изд. С. 28, 614). См. также исследование генезиса и семантики этой формулы в ст.: *ХомUTOва Е. “Ревность по дому” // Литературное обозрение. 1980. № 11. С. 30.**

...омертвел, как дерзкий воздухоплаватель, погибший среди крыльев воздушного корабля (в одном рассказе Андрея Белого). – Речь идет о лирическом отрывке в прозе “Аргонавты” (Белый Андрей. Золото в лазури. М., 1904. С. 197–210).

*...оглянуться назад, как Орфей? Но тогда Евридика – культура опять станет тихо погружаться в тени Аида. – Блок воспроизводит древнегреческий миф об Орфее: спустившись в подземное царство – Аид, чтобы вывести оттуда умершую жену Евридику, Орфей нарушил запрет – оглянулся на шедшую за ним спутницу, и она навсегда осталась в царстве мертвых. Блок неоднократно использовал этот миф в своем творчестве – стих. “Дома растут, как желанья...” (Т. 1 наст. изд. С. 131), рецензии на книги В. Брюсова “Urbi et Orbi” и “ΣΤΕΦΑΝΟΣ” (Т. 7 наст. изд. С. 139, 181), а также в письмах А.В. Гиппиусу 23 августа 1901 г. и Г.И. Чулкову 23 июня 1905 г. О возможной связи этого мифа для Блока с гностическим мифом о пленной мировой душе см.: *Магомедова Д.М. Автобиографический миф в творчестве А. Блока. М., 1997. С. 66.**

С. 99. ...как, например, Базаров (“Литературный распад”, кн. 2-я) с его отчетливостью и внимательностью. – Имеется в виду статья В. Базарова (В.А. Руднева) “Христиане Третьего Завета и строители Башни Вавилонской” (Литературный распад: Критический сборник. СПб., 1909. Кн. 2). Кроме В. Базарова, во втором сборнике “Литературный распад” участвовали Л. Войтоловский, В. Фриче и В. Шулятиков. Ю. Стеклов и А. Луначарский участвовали в первом сборнике (СПб., 1908).

С. 99. ...говоря о Мережковском, едва ли можно упустить из виду то, что он художник. – В контексте современной Блоку символистской критики данное утверждение звучит полемично. Ср.: «Я нарочно старался разложить “Трилогию” на схоластику и археологию, чтобы иметь право сказать о Мережковском то, что думаю: – он – не художник. Но он и не “не-художник”. Он не художник только» (Белый Андрей. Д.С. Мережковский. Христос и Антихрист. Часть I. Смерть богов. – Часть II. Воскресшие боги. – Часть III. Антихрист. Новое издание М. Пирожкова. СПб. 1906–7. С. 80).

...от “слезинки ребенка”... – Слова Ивана Карамазова из романа Ф.М. Достоевского “Братья Карамазовы” (Кн. V. Гл. 4).

...с подробной брезгливостью исчисляет стилистические грехи Леонида Андреева ~ “без русского языка и русской революции не сделаешь”... – Мережковский Д.С. В обезьяньих лапах: О Леониде Андрееве // Мережковский Д.С. В тихом омуте. СПб., 1908. С. 11.

С. 99–100. ...вдохновенное слово о звездах, видимых днем только в черной воде бездонных колодезь... – Там же. С. 20.

С. 100. ...за “мистическое хулиганство”... – Там же. С. 61–62.

...“взыскующий Града”... – “Не имамы бо зде пребывающего града, но грядущего взыскуем” (“Ибо не имеем здесь постоянного града, но ищем будущего” (Евр 13: 14); под “грядущим градом” в Евангелии разумеется “царство небесное”. На рубеже XIX–XX вв. так именовали себя сектанты, старообрядцы, паломники по “святым местам”).

...говорит о луче, о мече, пронизающем мрак... – Мережковский Д.С. Борьба за догмат // Р. 1908. № 307. 14 дек.

...“бледные радуги”... – Из статьи Д.С. Мережковского “Петербургу быть пусты” (Р. 1908. № 314. 21 дек.).

Без веры давно, без надежд, без любви ~ Унылая яркость последних цветов. – Из стих. Д.С. Мережковского “Веселые думы” (Северные цветы на 1902 г., собранные издательством “Скорпион”. М., 1902).

ДУША ПИСАТЕЛЯ

(Заметки современника)

(С. 101)

Автограф неизвестен.

Впервые напечатано: С. 1909. № 722. 28 февраля. Подпись: “Александр Блок”.

В Собрание сочинений впервые включено: СС-12₉. С. 71–75.

Печатается по тексту первой публикации.

Статья была написана не ранее 22 и не позднее 27 февраля 1909 г. В ЗК₂₅ (февраль–май 1909 г.) 22 февраля содержится первый набросок статьи (см. с. 239 наст. тома).

Замысел статьи возникает в контексте размышлений Блока о путях преодоления отчуждения интеллигенции от народа. Запись от 12 сентября 1908 г.: “Написать доклад о единственном возможном преодолении одиночества – приобщение к народной душе и занятие общественной деятельности. Только чувствуя себя гражданином – и т.д.” – может быть истолкована не только как приближение к теме “Народ и интеллигенция”, но и как тематическое зерно данной статьи.

Заглавие “Душа писателя” появляется в перечне задуманных статей в ЗК₂₄ в феврале 1909 г. В заметке в ЗК₂₅ замысел получает конспективное оформление, в ней отражены основные положения будущей статьи: характеристика “современного момента”

“умственной и нравственной жизни” как “потери ритма”, мысль о существовании “народной стихии” и о необходимости для современного художника найти “утраченный ритм”. В печатном тексте получает воплощение важнейшая, центральная для Блока идея пути как последовательного творческого духовного развития художника (см.: Максимов Д.Е. Идея пути в поэтическом мире Ал. Блока // Максимов И. С. 5–151).

Статья развивает программные положения эстетики Блока, символы-категории “пути” и “мирового оркестра” становятся ведущими для его прозы 1909–1910 гг. (см. статьи “Дитя Гоголя”, “Памяти В.Ф. Коммиссаржевской”, “Памяти Врубеля”, “О современном состоянии русского символизма”), а также для его послеоктябрьского творчества. Однако основной смысл статьи не был воспринят современной критикой.

Единственный отклик на статью – анонимная заметка “Литература и городской” – содержит иронический пересказ ее положений, которые названы “туманными грезами”. Особое неприятие вызвала у рецензента характеристика современной литературы: «Так говорит о литературе литератор, но он ничего не говорит о своей роли в этой “уличной давке”. Он просто спешит воспеть хвалу “городовому”, который оказывается у него единственным “принципиальным” лицом в такой “беспочвенной” толпе. (...) Упоенный деятельностью городского, г. Блок все же помнит, что случается городовому, усмирять хулиганов, помнить и живую душу, а, может быть, и навеки ее искалечить. (...) Но это мало смущает восторженного юношу, недавно воспевавшего “Прекрасную Незнакомку”, а теперь воспевающего “городового”. Лишь бы воспевать – уж такая певучая у него душа. И если хулиганством отдает иное воспевание, то хулиганство это искреннее, да его и не замечает г. Блок» (Столичная молва. 1909. № 46. 3 марта).

В (Плане собрания сочинений) включена в раздел “Искусство и (техника)”, вместе со статьями “Три вопроса”, “Искусство и газета” и “Ответ Философову” (“Непонимание или нежелание понять”).

С. 101. ...“безмолвие народа”. – Перефразированная заключительная ремарка трагедии А.С. Пушкина “Борис Годунов” (1825).

С. 102. ...характер “домашних дел” и “дрягз”... – Намек на название статьи Д.В. Философа “Дела домашние” (Товарищ. 1907. № 379. 23 сент.), в которой “отречения” Блока и Вяч. Иванова от теории “мистического анархизма” названы “мелкими домашними дрягзами”. Ср. также ироническое замечание Философа: “Декаденты страшно боятся, чтобы их не перепутали”, – со словами Блока: “Собственный голос начинает смешиваться с голосами близких соседей”. Весь данный фрагмент статьи (до слов: “чтобы не принять случайное – за постоянное и наоборот”) свидетельствует о стремлении Блока еще раз осмыслить только что отшумевшие споры о “мистическом анархизме”, ответить своим оппонентам в этой полемике, определить собственный критерий оценки писателя.

С. 103. ...“мировой оркестр” души народной... – Об образе-символе “мирового оркестра” см. преамбулу к наст. тому, с. 288–290.

БАЛЬМОНТ

(С. 104)

Автограф неизвестен.

Вырезка из *P* с пометой рукой Блока – ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 2. № 33.

Впервые напечатано: *P*. 1909. № 59. 2 (15) марта. Подпись: “Александр Блок”.

В Собрание сочинений впервые включено: СС-12₁₀. С. 183–186.

Печатается по тексту первой публикации.

Блок посвятил творчеству К.Д. Бальмонта раздел в статье “О лирике” (Т. 7 наст. изд. С. 64–66) и пять рецензий: на стихотворные сборники “Будем как солнце” и “Только любовь” (1904) (Т. 7 наст. изд. С. 131–133), “Собрание стихов” (1905) (Там же. С. 149–153), “Литургия красоты. Стихийные гимны” (1905) (Там же. С. 169–171), “Фейные сказки. Детские песенки” (1906) (Там же. С. 191), а также сборник статей “Горные вершины” (1904) (Там же. С. 135–137). О Бальмонте упоминается также в статье “Ирония” (см. первую редакцию, с. 222 наст. тома). Его отношение к поэзии Бальмонта за шесть лет резко изменилось: от восторженных первых рецензий 1903–1904 гг. до уничтожающей статьи 1909 г.

Анонимный рецензент газеты “Новая Русь” (В. Боцяновский – ?) писал: «Жестокие нынче пошли литераторы. А. Блок предлагает сегодня читателям собирать последние томы сочинений Бальмонта и... уничтожать, “содействовать истреблению книг Бальмонта”. Для “истории” останется несколько экземпляров, а остальные... “собрать бы книги все да сжечь” (...) Мы не раз, много раз отмечали уродливость последних произведений Бальмонта... Но чем виновата книга, что ее осуждают на ауто-да-фе?! Эта фамусовщина особенно жестока в устах А. Блока, которого самого упрекают в том, что муза его не всегда дружит с грамматикой и ясностью мысли. (...) Все, что мертво, не требует, чтобы его убивали... Мертвые не воскресают. Дурные приемы литературной пинкертоновщины напрасно вызывают к подражанию наших “молодых”. Увеличивается не яркость мысли, а только ее аляповатая разухабистость, достаточно-таки отталкивающая» ([Б.л.] Книги и писатели // Новая Русь. 1909. № 60. 3 марта).

Газета “Киевская мысль” откликнулась на статью фельетоном Гарольда (И. Левинского) “Арабески”, а также басней-пародией Дезесперанто (А. Ачкасов) “Из летописи Парнаса” (“Однажды Бальмонта стихи читая Блок...”) (Киевская мысль. 1909. № 67. 8 марта).

С. Городецкий в статье “Ближайшая задача русской литературы” (ЗР. 1909. № 4) иронически упоминал о статье “Бальмонт”, не называя имени автора: “Один молодой критик, которого во всем можно упрекнуть, кроме отсутствия поэтического чутья, серьезно советует читателям сжечь все последние книги Бальмонта” (С. 68).

К.И. Чуковский в обзоре русской литературы за 1909 г. соглашается с блоковской оценкой творчества Бальмонта: «Теперь читать его стихи можно только из сострадания. Это, даже по словам тишайшего Александра Блока, “почти исключительно нелепый вздор, просто – галиматья”» (Р. 1910. № 1. 1 янв.).

К.Д. Бальмонт упоминает о статье Блока в письме к В.Я. Брюсову 3 августа 1910 г.: “Стихов пишу так мало, что даже Блок, столь неприлично и публично обижающийся на меня, что много пишу, был бы, наверно, доволен” (ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 371).

Резкий тон статьи смутил не только критику, но и самого Блока и его близких: “Сегодня утром получил твое письмо. Да, статья о Бальмонте скверная. Точно так же бранила меня Люба. Я написал утром и снес в Речь, не прочитав как следует”, – писал он матери 4 марта 1909 г.

В *СМ* сопровождается пометой: «“Речь” 2 марта 1909). Печ(атный оттиск) из газ(еты)».

В (План собрания сочинений) не включена.

С. 104. *“Имею спокойную уверенность ~ одуванчик лучше или хуже орхидеи”*. – Автобиографию Бальмонта Блок цитирует по изд.: Книга о русских поэтах последнего десятилетия. СПб., 1909. С. 35–36.

С. 104–105. ...*“Злые чары”* (изд. *“Золотого руна” 1906 года*) и *“Жар-птицу”* (изд. *“Скорпиона” 1907 года*) ~ (этим занимался и я на страницах *“Золотого руна”* два года назад). – Речь идет о сборниках: Злые чары. Книга заклятий. [М.]: Золотое руно, 1906; Жар-птица. Свирель славянина. М.: Скорпион, 1907. В 1907 г. Блок посвятил книге “Жар-птица” 3-й раздел статьи “О лирике” (Т. 7 наст. изд. С. 64–67).

С. 105. “Птицы в воздухе” и “Зеленый вертоград” (изд. “Шиповника”), “Зовы древности” (изд. “Пантеона”) и, наконец, на днях вышедший “Том десятый полного собрания стихов” (изд. “Скорпиона”)... – Речь идет о следующих сборниках Бальмонта: Птицы в воздухе. Строки напевные. СПб.: Шиповник, 1908; Зеленый вертоград. Слова поцелуйные. СПб.: Шиповник, 1909; Зовы древности: Гимны, песни и замыслы древних. Египет. – Мексика. – Майя. – Перу. – Халдея. – Ассирия. – Индия. – Иран. – Кятай. – Япония. – Скандинавия. – Эллада. – Бретань. СПб.: Пантеон, 1908 (“Мировая литература”); Бальмонт К.Д. Полное собрание стихов. М.: Скорпион, 1909. Т. 10: Хоровод времен

Лен-голубой он и белый ~ Семь засветилось, живет сталактит. (“Русск(ая) м(ысль)” № 2). – Бальмонт К. Лен // РМ. 1907. № 2. С. 125.

...в своей автобиографии он обещает издать 93 тома сочинений. – “Итак, в 1960 году будет издано собрание моих сочинений в 93 томах, или свыше” (Книга о русских поэтах последнего десятилетия. С. 36).

ДИТЯ ГОГОЛЯ

(С. 106)

БА – ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. № 185. На л. 1 надпись: «Дитя Гоголя (Речь, произнесенная на Гоголевском вечере 19 марта 1909 года в Зале Дворянского собрания). Напечатано – в газете “Речь” 20 марта 1909». На л. 2 зачеркнут заголовок “Гоголь и Россия”. На л. 17 – надпись синим карандашом: “Душа Гоголя (Гоголь и Россия). Весна 1909”. На л. 14–16 сделаны выписки из произведений Гоголя (см. раздел “Приложения”, с. 189 наст. тома).

МакРИ₂. Изменен порядковый номер: V вместо: VI. Вместе даты: 1908–1918 поставлено: “1909”.

РИ₂-Кор1.

Часть корректуры РИ₂ с пометой: “Не испр(авлено). Кор(ректурa) получена 26 I 1919” – ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 2. № 61.

Впервые напечатано: Р. 1909. № 77. 20 марта (2 апреля). Подпись: “Александр Блок”.

Неделя “Современного слова”: Литературное приложение. 1909. № 51. С. 410–411.

Подпись: “Александр Блок”.

ЗТ. 1918. № 151. 8 марта (23 февраля). Под заголовком: “Россия и интеллигенция. VI. Дитя Гоголя”. Дата: 1909–1918. Подпись: “Александр Блок”.

РИ₁ – С. 27–30.

РИ₂ – С. 47–51. Порядковый номер – V.

В Собрание сочинений впервые включено: СС-Берлин. Т. 7. С. 94–106.

Печатается по тексту РИ₂, последней прижизненной публикации.

Статья представляет собой текст речи Блока на Гоголевском вечере, устроенном 19 марта 1909 г. Лигой образования в честь 100-летия со дня рождения Н.В. Гоголя. Работа над статьей шла между 7 и 17 марта 1909 г. 7 марта Блок получает от Вяч. Иванова приглашение принять участие в этом вечере и в тот же день отвечает: «Приглашение Лиги образования я принимаю с радостью и считаю это большой для себя честью. (...) Я хочу, разумеется, говорить около темы “Гоголь и Россия”, об истинном “патриотизме” Гоголя. Если будете мне писать, сообщите еще, не хотите ли, чтоб я приехал к Вам сговориться: боюсь совпасть с Вами чуть не текстуально, а это уже будет нехорошо. Если же мы будем говорить различно, но в области одной темы, это будет даже лучше». Одновременно 7 марта Блок сообщает матери: “Я буду читать (...) 19-ого – в Двор(янском) Собрании – речь о Гоголе. В первом отделении будут речи Нест(ора) Котляревского и Макс(има) Ковалевского, во втором – актеры, в третьем – Куприн и Чириков от реалистов, а

Вяч. Иванов и я – от символистов. Устраивает Лига образования”. Готовясь к написанию речи, Блок сделал ряд выписок из изд.: *Гоголь Н.В.* Полное собрание сочинений: В 4 т. 5-е изд. М.: Тип. Т.И. Гаген, 1884 (С. 189 наст. изд. См. описание помет: *ББО-1*. С. 234).

Однако 13 марта в письме к матери Блок пишет: “На Гогол(евском) веч(ере) не буду читать, что-то расстроилось”. 14 марта в письме Вяч. Иванову признается: “Расстройство Гоголевского вечера меня скорее радует: я взялся было за работу, и уже чувствовал себя гимназистом, которому задали характеристику”. Но речь все же была написана, и Блок произнес ее на вечере. 17 марта он пишет матери: «19-ого буду читать Гоголевскую речь. 20-ого ты ее прочтешь в “Речи”».

После Октябрьской революции, как и все статьи цикла “Россия и интеллигенция”, была опубликована трижды: в “*Знамени труда*” (в *ЗК₅₆* отмечено: «Мои фельетоны (V, VI, VII) в “Знамени труда”», в *РИ₁* и *РИ₂*. При подготовке к публикации статьи в “Знамени труда”), Блок подверг ее текст стилистической правке.

В газетных отчетах юбилейный вечер Лиги образования назвали “скучным”. Ср.: “Гоголевский вечер, устроенный Лигой образования, собрал большую публику, но едва ли публику эту удовлетворил. Было скучно. Н. Котляревский сообщил, что у Гоголя был смех сквозь слезы и что смех этот со времен Гоголя умер... М.М. Ковалевский отметил целый ряд мест из сочинений Гоголя, показывающих, что мы не так уж далеко ушли от времен Гоголя (...) Затем читал А. Блок о Гоголе и его символической тройке. Н. Кульман старался уяснить душевную драму Гоголя” (Новая Русь. 1909. № 77. 20 марта).

Анонимный рецензент газеты “Новое время” так описывает этот вечер: “Пережевавшийся утомительными, как у г. Кульмана, или прямо странными, как у г. Блока, речами, вечер вышел скучноватым, мало интересным и еще меньше Гоголевским. Публика стала расходиться задолго до окончания чествования” ([Б.л.] К чествованию памяти Н.В. Гоголя // *НВ*.1909. № 11861. 20 марта).

Некоторые рецензенты выделили речь Блока. Анонимный рецензент московской газеты “Русское слово” писал: “Красивую речь произнес поэт Александр Блок. – Гоголь говорил о неизвестной земле, о возрожденной России. Он предвидел ее точно в сказке. И мы все еще ждем этой неизвестной России – России будущего” ([Б.л.] Гоголевские торжества. СПб., 19 марта; соб. кор., тел. // Русское слово. 1909. № 65. 20 марта). В анонимной информационной заметке о вечере корреспондент газеты “Новая Русь” писал: “Александр Блок сказал несколько красивых слов о тройке Гоголя” ([Б.л.] Сцена // Новая Русь. 1909. № 78. 21 марта).

Секретарь С.-Петербургского Религиозно-философского общества С.П. Каблуков, перечисляя в дневниковой записи 21 марта 1909 г. наиболее значительное и интересное из написанного о Гоголе за последние несколько лет (работы Д.С. Мережковского и В.В. Розанова), включает в этот перечень и статью Блока: «Недурна и речь о Гоголе Ал. Блока “Дитя Гоголя” (...) Это все, что я принимаю, утверждаю» (*РНБ*. Ф. 322. № 3. Л. 152). На л. 146 этого дневника вклеена вырезка из газеты “Речь” со статьей Блока.

В (Плане собрания сочинений) включена в цикл “Интел(игенция) и народ”. В *СпМ* перечислена среди статей 1909 г. Против названия надпись: «Юбилейная речь, сказанная в Двор(янском) Собрании 19 марта. 1) “Речь” 20 марта 1909; 2) “Знамя труда” 8 Ш (23 П) 1918. № 151 (с вар(иантами). Рук(опись) и печ(атный оттиск) из “Знам(ени) Труда”».

С. 106. ...душа его гляделась в другую душу мутными очами старого мира... – В своей характеристике Гоголя Блок переключается со статьей Андрея Белого “Луг зеленый” (В. 1905. № 8), в которой Россия отождествлена с пани Катериной в плену у Колдуна. См. о ней в коммент. к статье “Безвременье” – Т. 7 наст. изд. С. 265, а также в статье: Минц З.Г. Блок и Гоголь // Минц З.Г. Александр Блок и русские писатели. СПб., 2000. С. 62. В то же время Блоку была известна фольклорная традиция, согласно которой “мутный взгляд” входит в обязательные портретные черты колдуна (Забылин М. Русский народ, его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. М., 1880. С. 213). Блок использует

этот образ в статье “Поэзия заговоров и заклинаний” (1906), а также в стихотворении “Русь” (“Ты и во сне необычайна...”) (1906). См.: Т. 2 наст. изд. С. 79, 682. Отождествление Гоголя с образом колдуна из “Страшной мести” проведено также в статье В.В. Розанова “Загадки Гоголя”, опубликованной за подписью “В. Варварин” в двух номерах газеты “Русское слово” 12 и 14 марта, т.е. в период работы Блока над собственной статьей. Ср.: «...как мертвый Гоголь напоминает панночку-колдунью из “Вия”, живой и вдохновенный Гоголь напоминает пана-колдуна из “Страшной мести”, ходившего, несмотря на казацкое происхождение, в турецком наряде» (Русское слово. 1909. № 58. 12 марта).

С. 106. ...“становился как-то скучным разумный возраст человека”. – Н.В. Гоголь. “Мертвые души”. Т. II. Гл. I.

...в “Портрете” о какой-то черте ~ живое из жизни... – См. Подготовительные материалы к статье, с. 189 наст. тома. Выписки сделаны по изданию: Гоголь Н.В. Сочинения. Т. 1–5. – 11-е изд. / Ред. Н.С. Тихонравов. СПб.: Изд. т-ва А.Ф. Маркс, 1893. Римская цифра обозначает том, арабская – страницу. В библиотеке Блока издание не сохранилось (ББО-3. С. 219).

...мечтал о “великих трудах” и звал “пободрствовать своего гения”... – Из статьи Гоголя “1834”, написанной в 1833 г. (Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: В 14 т. М.; Л., 1937–1952. Т. 9. С. 17, 56).

С. 106–107. ...“осветить ее всю минувшим ~ в беспечность забубенных веков”... – Неточная цитата из “Набросков драмы из украинской истории” (1839) (Там же. Т. 5. С. 199).

С. 107. ...как у русалки, чернела в его душе “черная точка”. – Перефразированные слова из повести Гоголя “Майская ночь, или Утопленница” (1831). Гл. 5: “Утопленница”.

“Спасите меня! Возьмите меня!” кричит замученный Поприщин; ~ Матушка, спаси твоего бедного сына!” – Слова Поприщина, героя повести Гоголя “Записки сумасшедшего” (1835).

“Русь! Русь! Какая непостижимая, тайная сила влечет к тебе? ~ Какая непостижимая связь таится между нами?” – Н.В. Гоголь. “Мертвые души”. Т. I. Гл. IX.

...как корибанты, заглушая крики матери бога... – Корибанты – фригийские жрецы, совершавшие служение Кибеле (“Великой матери”), сопровождавшиеся громкой музыкой и экстатическим пением и танцами.

“У, какая сверкающая, чудная, незнакомая даль!.. ~ разорванный в куски воздух”. – Н.В. Гоголь. “Мертвые души”. Т. I. Гл. IX.

...хомяковская, “недостойная избранья” Россия: ~ И игом рабства клеймена. – Из стих. А.С. Хомякова “Россия” (1852).

С. 108. “За Киевом показало неслыханное чудо: ~ и тучи пристают и ночуют там”. – Из повести Гоголя “Страшная месь”. Гл. XIV.

...не выдержав “очерствения жизни”, глухой “могилы повсюду”... – Из книги Гоголя “Выбранные места из переписки с друзьями” (1847), письмо XXXIII – “Светлое Воскресение” (Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. Т. 8. С. 416). Эти же слова цитируются Блоком в статье “Народ и интеллигенция” (С. 75 наст. тома).

Перед смертью он кричал что-то о “лестнице” ~ в творческом сне. – Эти факты изложены в статье Д.С. Мережковского “Судьба Гоголя” (НП. 1903. № 3). Ср.: «Часу в одиннадцатом ночи умирающий Гоголь закричал громко: “Лестницу! поскорее, давай лестницу!” Это были последние слова его. Почти те же слова о лестнице сказал перед смертью великий русский подвижник св. Тихон Задонский. Гоголь много думал о таинственных ступенях, о духовной “лестнице” другого подвижника – Иоанна Лествичника. В последней главе “Переписки” – “Светлое Воскресение”, Гоголь также говорит о лестнице: “Бог весть, может быть, за одно желание (любви воскрешающей) уже готова сброситься с небес нам лестница и протянуться рука, помогающая взлететь по ней» (С. 152). В свою очередь, Мережковский опирался на книгу В.И. Шенрока “Материалы к биографии Н.В. Гоголя” (М., 1897. Т. 4. С. 862): «Часу в одиннадцатом он закричал громко: “Лестницу, поскорее давай лестницу”». Ср. также образ лестницы в повести Гоголя

“Майская ночь, или Утопленница” (Гл. I: “Ганна”). Этот эпизод из биографии Гоголя неоднократно упоминался при обсуждении доклада Д.С. Мережковского “Гоголь и о. Матвей” на Религиозно-философских собраниях в С.-Петербурге в 1903 г., которые посетил Блок. См.: Записки Религиозно-философских собраний в С.-Петербурге. 10-е религиозно-философское собрание 18 апреля // *НП*. 1903. № 5. С. 232.

С. 108. ...*в музыке мирового оркестра...* – Подробнее о значении и генезисе символа “мирового оркестра” в творчестве Блока см. на с. 288–290 наст. тома.

“Если же и музыка нас покинет, что будет тогда с нашим миром?” – Неточная цитата из статьи Гоголя “Скульптура, живопись и музыка” (1831). У Гоголя: “Но если и музыка нас оставит, что будет тогда с нашим миром?”

...“*украинский соловей*”... – Слова из повести Гоголя “Майская ночь, или Утопленница” (см. выписки Блока в Подготовительных материалах к статье, с. 189 наст. тома).

ГОРЬКИЙ О МЕССИНЕ

(С. 108)

Автограф неизвестен.

Впервые напечатано: *Р*. 1909. № 294. 26 октября. Подпись: “Александр Блок”.

В Собрание сочинений впервые включено: *СС-Берлин*. Т. 7. С. 139–144.

Печатается по тексту первой публикации.

Статья представляет собой отклик на книгу М. Горького и В. Мейера “Землетрясение в Калабрии и Сицилии” (СПб.: Знание, 1909). Книга включала очерки Горького “Землетрясение в Калабрии и Сицилии” и Мейера “В разрушенной Мессине”. Сбор от продажи поступил в пользу пострадавших от землетрясения. 24 октября Блок писал матери: “Присылают массу книг – для отзыва и honoris causa. Бывают хорошие (Горького о землетрясении”.

В *СпМ* против названия помета: «(“Речь” 26 окт.). Печ(атный оттиск) из газ(еты)».

В (План собрания сочинений) не включена.

С. 108. ...“*вется да вертится*” *вокруг Недотыкомка, “истомила присядкою зыбкою*”. – Из стих. Ф. Сологуба “Недотыкомка серая...” (1899). *Недотыкомка* – в поэзии и романе “Мелкий бес” Сологуба – демоническое существо, символ хаоса земного бытия (см. коммент. к статье “Творчество Федора Сологуба” (Т. 7 наст. изд. С. 307)).

...*об итальянской катастрофе...* – См. статью “Стихия и культура” (С. 90 наст. изд.).

Австрийцы приплели сюда неслыханно циничную политику... – Отношения между Австро-Венгрией и Италией обострились еще до землетрясения в связи с вопросом о сферах влияния на Балканах. Правительство Австро-Венгрии, воспользовавшись землетрясением, подорвавшим экономику Италии, не выполнило ряд обязательств по отношению к ней, аннексировав Боснию и Герцеговину.

С. 109. ...*точно на мощных фресках Синьорелли ~ “свержения антихриста” ~ на эту страшную земную суматоху.* – Картина мессинского землетрясения сопоставляется с фреской Луки Синьорелли (1450–1523) “Падение Антихриста” в Орвьетском соборе.

С. 110. *Тоску и грусть, страданье, самый ад – / Все в красоту она преобразила.* – Слова Лаэрта об Офелии из трагедии В. Шекспира “Гамлет” (Д. IV. Сц. 5) цитируются в пер. А. Кронеберга.

С. 111. *Он не Передонов...* – Персонаж романа Ф. Сологуба “Мелкий бес”.

...*не корчится ни перед какими “железными воротами”...* – Речь идет о первой картине философской драмы Л.Н. Андреева “Анатэма” (1909), в октябре 1909 г. вышедшей отдельным изданием и поставленной в Художественном театре (премьера

состоялась 2 октября). “Железные ворота”, по Андрееву, знаменуют “предел умопостигаемого мира”. Перед “железными воротами” “мечется в безмолвных корчах” Анатаэма – символ бессилия человеческого духа перед “Великим Разумом вселенной”.

С. 111. ...не капризничает перед двумя, тремя, четырьмя и т.д. Анфисами. – Речь идет о герое пьесы Л.Н. Андреева “Анфиса” (1909) Федоре Ивановиче Костомарове. О готовящейся постановке “Анфисы” в Новом Драматическом театре и о выходе пьесы из печати сообщала газета “Речь” (1909. № 280. 12 окт.). Сцены, упоминаемые Блоком, в сокращении публиковались в “Речи” 2 октября 1909 г.: “Федор Иванович Костомаров увлечен младшей сестрой своей жены, гимназисткой Ниной. Анфиса, другая сестра, любви которой он раньше страстно домогался, не нужна ему больше”. Весь абзац статьи содержит полемические выпады против последних пьес Л.Н. Андреева – Блок присоединяется к критическим отзывам о нем, недавно помещенным в той же газете: «Судьба Андреева постигла многих писателей. Не он первый, не он последний. Но, повторяю, писатель прежде всего человек. Страшно смотреть, как все, кому дорога литература, кому дорога душа писателя, в один голос твердят: “Одумайся, остановись”, а он, зажмуривши глаза, несется на руках сорока тысяч интервьюеров в трактиры с фонографами» (Философов Д. Мания величия // Р. 1909. № 269. 1(14) окт.). 2 октября 1909 г. Блок писал Философову: «О Л. Андрееве, кажется, никто еще так обидно не “выражался”, как Вы, но Люб(овь) Дмитриевна находит, что и этого еще мало».

ПРОТИВОРЕЧИЯ

(С. 111)

ЧН первого раздела – ЗК₂₉ – ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. № 347.

Автограф полного текста статьи неизвестен.

Впервые напечатано: Р. 1910. № 31. 1 (14) февраля. Подпись: “Александр Блок”.

В Собрание сочинений впервые включено: СС-12₁₀. С. 187–194.

Печатается по тексту первой публикации.

Замысел статьи относится к концу ноября 1909 г. В ЗК₂₉ – запись 30 ноября–1 декабря, сделанная Блоком в поезде, по дороге в Варшаву к умирающему отцу, ЧН первого раздела, противопоставляющего А.М. Ремизова, писателя “в муке творчества”, П.П. Гнедичу, “литератору без творчества, чиновнику особых поручений при литературе” (см. с. 241 наст. тома).

Статья не вызвала откликов в критике.

З.Н. Гиппиус писала Блоку 11 февраля 1910 г.: “Нам *очень* понравился фельетон Ваш, сильно и хорошо написан” (БС-4. С. 179).

А.А. Кондратьев, близко знавший В.Л. Полякова, писал В.Я. Брюсову о книге, которая анализируется Блоком в статье: “Она заслуживает, чтобы быть прочитанной и отмеченной (не так, конечно, как это сделал Блок, при жизни как будто побаивавшийся Полякова и не очень любивший его)” (РГБ. Ф. 386. К. 90. № 8. Л. 13).

В СМ против заглавия помета: “(Ремизов и Гнедич, Городецкий и Поляков)”. В (Плане собрания сочинений) входит в раздел “Литер(атурная) критика”.

С. 111–112. “Горел Петербург. ~ лошадь не выдержит”. – Из рассказа А.М. Ремизова “Рысак”, вошедшем в кн.: Ремизов А.М. Рассказы. СПб., 1910. Отдел “Бедовая доля”.

С. 112. ...“вычур и слов ненужных” ... – Неточная цитата из комедии А.С. Грибоедова “Горе от ума” (Д. Ш. Явл. 21), У Грибоедова: “вычур, слов кудрявых”.

С. 112. ...от влияния С. Пушкинского, которое некогда связывало его. – О влиянии С. Пушкинского на творчество А.М. Ремизова Блок писал в статье “Литературные итоги 1907 года” (Т. 7 наст. изд. С. 120).

...“даль свободного романа”, которую он “сквозь магический кристалл еще неясно различал”... – “Евгений Онегин”. Гл. 8. Строфа L.

...его первый, самый мучительный и самый “корявый” роман – “Пруд”. – Роман Ремизова “Пруд” (1902) впервые был напечатан в ВЖ в 1905 г. (№ 4–5, 11). Блок писал Ремизову 31 октября 1908 г.: «Вы знаете, что Вы испортили себя для меня “Прудом” года на два. Только этим летом поистине зачитался “Чертовым логом” и “Часами”, к которым боялся приступить после “Пруда”». Ср. также характеристику “Пруда” в статье “Литературные итоги 1907 года” как вещи “тяжелой, угарной и мучительной!” (Т. 7 наст. изд. С. 120, 334). Подробнее об отношении Блока к Ремизову см.: Минц З.Г. Переписка [Блока] с Ремизовым // Минц З.Г. Александр Блок и русские писатели. СПб., 2000. С. 647–671, первое изд.: ЛН. Т. 92. Кн. 2. С. 63–82.

Такие рассказы, как “Суд Божий”, “Жертва”, “Царевна Мымра”, “По этапу”... – Рассказы, вошедшие в рецензируемый сборник Ремизова.

...такие драмы, как “Бесовское действо”... – О драме А.М. Ремизова “Бесовское действо над неким мужем, а также смерть грешника и смерть праведника, сиречь прение живота со смертию. Представление в 3-х действиях с прологом и эпилогом” (1908) Блок писал также в статье “Литературные итоги 1907 года” (Т. 7 наст. изд. С. 120, 335).

Роман этот – “Стан половецкий” (начатый печатанием в первой книжке “Русской мысли”)... – РМ. 1910. № 1. Паг. I. С. 115–149.

С. 113. ...нетрагическим мировым трагедиям Л. Андреева, всегда очень длинным и похожим на плохой перевод с чужого языка. – Об эволюции отношения Блока к творчеству Л.Н. Андреева см. коммент. к статье “Горький о Мессине” (С. 393 наст. тома).

...я плохо верю в Анатэму. – Персонаж драмы Л.Н. Андреева “Анатэма” (1908), воплощающий современного Мефистофеля.

...“доволен собой, своим обедом и женой”? – “Евгений Онегин”. Гл. I. Строфа XII.

...почтенного, пожилого и даже маститого нашего беллетриста П.П. Гнедича... – Историк искусства, театральный деятель, критик, переводчик Петр Петрович Гнедич (1855–1925) выступал в печати также как прозаик и драматург. Критика, как правило, отмечала в его рассказах “бесхитростное фотографирование действительности” (см., напр., рец. А.М. Скабичевского в газете “Сын отечества”. 1899. 24 дек.).

... (“Песьи мухи. Из записок моего соседа Скалопендрова”, том II, издание Маркса)... – Книга П.П. Гнедича была напечатана в 1909 г.

С. 113–114. Вот она – истинная одиннадцатая верста, безмолвное убежище для неизлечимых сумасшедших... – С 1832 г. на одиннадцатой версте Петергофского шоссе в бывшей летней резиденции князя П. Потемкина находилась лечебница “Всех скорбящих” для душевнобольных.

С. 114. “Айда, тройка! Снег пушистый, ночь морозная кругом!” – Начало популярного романса (слова и музыка М. Штейнберга).

“Тихо и плавно качаясь, горе забудем вполне”. – Слова из оперетты Ф. Легара “Веселая вдова” (1905), русское либретто М.В. Шевлякова и В.Е. Серебрякова.

...и чичиковские звуки летят из ее хриплой глотки. – Намек на сцену в конце 7-й главы I тома “Мертвых душ”.

...каждая человеческая мразь – “Текуба”... – Обыгрывается крылатое выражение из монолога Гамлета (В. Шекспир. “Гамлет”. Д. 2, сц. 2).

Среди последних стихов обращают на себя внимание “Стихотворения” В. Полякова и второе издание “Яри” С. Городецкого. – Рецензируются издания: Поляков В. Стихотворения. СПб.: Сириус, 1909; Городецкий С. Собрание стихов. Кн. 1–2. СПб., 1910. Т. 1.

С. 114. С этим печальным ~ юношей я встречался за несколько лет до его смерти у одного из наших общих литературных приятелей. – Вместе с В.Л. Поляковым Блок посещал литературный студенческий кружок Б.В. Никольского, оба в 1903 г. поместили свои первые стихи в “Литературно-художественном сборнике” (см. об этом: *Беззубов В.И., Исаков С.Г.* Блок – участник студенческого сборника // *БС-1. С. 325–332; Иезуитова Л.А., Скворцова Н.В.* Александр Блок в Петербургском университете // *Очерки по истории Ленинградского университета. IV. Л., 1982. С. 66–75*). Блок встречался с Поляковым и в доме А.А. Кондратьева в 1903–1904 гг. Ср. письмо А.А. Кондратьева к В.Я. Брюсову (1917): “Я вспоминаю молчаливого, как бы из камня изваянного, Полякова, эпиграмм которого так боялся А.А. Блок” (*РГБ. Ф. 386. К. 90. № 11. См. также: ЛН. Т. 92. Кн. 1. С. 553–554*).

С. 115. Теперь только собрали его стихи и издали с большим изяществом и любовью. – Стихи В.Л. Полякова были изданы на средства семьи с предисловием Б.В. Никольского (см.: *Иванова Е.В., Скворцова Н.В.* Поляков Виктор Лазаревич // *Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М., 2007. Т. 5. С. 64*).

...тем, что Фет называл в поэзии “стразой”. – В предисловии к третьему выпуску сборника “Вечерние огни” (М., 1888) Фет писал: “Счастлив художник, способный исправлять свои произведения согласно указаниям знатоков. Но и тут есть известные границы и опасности. Можно, что называется, записать картину. Это случалось даже с позднейшими изданиями Тютчева, где алмазные стихи появились замененные стразами” (Совр. изд.: *Фет А.А.* Вечерние огни. М., 1971. С. 242). Страза – искусственный стеклянный камень, имитирующий драгоценный.

“Лишь поэтам был я другом”, – говорит В.Л. Поляков. – Из стих. “Стансы читателю” (С. 3).

... все они для него – “унылые глупцы”. – Из стих. В. Полякова “Не славе я молось: дворцы...”

... “К толпе” ... – С. 9.

О “Яри” исписано бумаги раз в десять больше, чем потребовала сама “Ярь” ... – Первая книга С. Городецкого “Ярь” (СПб., 1907) имела бурный успех у читателей и критиков, о ней восторженно писали Вяч. Иванов, К.И. Чуковский, А.А. Кондратьев. Блок в 1906 г. назвал “Ярь” “величайшей из современных книг” (письмо к матери 21 декабря 1906 г.). См. отзывы о книге Городецкого “Перун” в статье “О лирике” (Т. 7 наст. изд. С. 64, 299). В дальнейшем Блок оценивал стихи Городецкого значительно строже (см. рецензию на сб. “Русь” – с. 171 наст. тома).

С. 116. ...вынужденного обстоятельствами разделения на “Ярь” и “Перуна”. – В издании 1910 г. Городецкий объединил сборники “Ярь” (1-е изд. – СПб.: Кружок молодых, 1907) и “Перун” (1-е изд. – СПб.: Оры, 1907) в одну книгу.

“Мы ведь можем, можем, можем!” ~ “Расколдуем мирозданье!” “Древний хаос потревожим, космос скованный низложим!” – Из стих. С. Городецкого “Беспредельна даль поляны...” (1906), цитирующегося в предисловии к рецензируемому сборнику.

Песни спеть, перепеть ~ Безразлично серой скуки. – Стих. В. Полякова приведено целиком (С. 49).

ВЕРА ФЕДОРОВНА КОМИССАРЖЕВСКАЯ

(С. 117)

Автограф неизвестен.

Вырезка из Р с правкой Блока – *ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 2. № 36*.

Первые напечатано: Р. 1910. № 42. 12 (25) февраля. Подпись: “Александр Блок”; Современное слово. 1910. 12 февраля. Подпись: “Александр Блок”.

В Собрание сочинений впервые включено: *СС-Берлин. Т. 9. С. 85–87*.

Печатается по тексту первой публикации с исправлением согласно авторской правке в газетной вырезке:

С. 117, стр. 14: на фоне белого театрального зала *вместо:* на фоне громадного белого театрального зала

10 февраля 1910 г. В.Ф. Коммиссаржевская скоропостижно скончалась во время гастролей в Ташкенте от черной оспы. Блок пережил ее смерть как символическое событие, вместе со смертями М.А. Врубеля и Л.Н. Толстого знаменующее конец большой эпохи русской духовной жизни. В Предисловии к поэме “Возмездие” в 1919 г. Блок писал: “С Коммиссаржевской умерла лирическая нога на сцене; с Врубелем – громадный личный мир художника (...) С Толстым умерла человеческая нежность – мудрая человечность” (Т. 5 наст. изд. С. 48).

Блок принял участие в вечерах памяти В.Ф. Коммиссаржевской и, помимо данного некролога, написал стих. “На смерть Коммиссаржевской” (Т. 3 наст. изд. С. 128–129), а также статью “Памяти В.Ф. Коммиссаржевской” (С. 118 наст. тома).

С. Ауслендер откликнулся на некролог в собственной мемориальной заметке: «А. Блок, один из самых близких этому театру поэтов, написал о всеобщей влюбленности в Коммиссаржевскую. Да, это было так, (...) она действительно была “Прекрасной Дамой”, своим высоким примером вдохновлявшей рыцарей» (Ап. 1910. № 6 (март). С. 22).

В. Буренин негативно оценил оба отклика на смерть актрисы. С особым раздражением он писал о статье Блока, “заскрипевшей на могиле” В.Ф. Коммиссаржевской «еще противнее, чем скрипит г. Ауслендер в “Аполлоне”» (Буренин В. Критические очерки // *НВ*. 1910. № 12247. 16 апр.).

Л.Я. Гуревич процитировала отрывок из некролога (“Конечно, все мы были влюблены в Веру Федоровну Коммиссаржевскую ~ в роли Гильды”) в своей статье “В.Ф. Коммиссаржевская” (Бодрое слово. 1910. № 3/4. С. 74) в подтверждение своей мысли об особом “успехе (...) у интеллигентной молодежи”, которым пользовалась актриса в спектакле “Строитель Сольнес”. Посылая Блоку этот номер “Бодрого слова”, Л.Я. Гуревич писала о “почти дословном” совпадении “не только мыслей”, но “формулировок” ее статьи с мнением Блока о роли Коммиссаржевской “в символическом искусстве” (Письмо Л.Я. Гуревич к Блоку 12 марта 1910 г. – *РГАЛИ*. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 236).

В *СпМ* против названия статьи помета: “(Заметка по пов(о)ду) ее смерти”. В ⟨Плане собрания сочинений⟩ находится в разделе “Некрологи и памятки” (возможно, однако, Блок имел в виду статью “Памяти В.Ф. Коммиссаржевской”. С. 118 наст. тома).

С. 117. Едва узнав из газет весть о кончине Веры Федоровны Коммиссаржевской... – См. сообщения о смерти В.Ф. Коммиссаржевской: *Измайлов А.* Памяти В.Ф. Коммиссаржевской // *БВ*. 1910. № 34. 11 февр.; *Колосов Андрей.* Коммиссаржевской не стало // *Там же*. В газете “Речь” (1910. № 41 (1279). 11(24) февр.) опубликованы телеграмма собственного корреспондента, заметка Влад. Азова “Телеграф принес нелепое известие...”, сообщения родственников о последних часах актрисы, информация об отмене спектакля в Новом театре (СПб.).

И вот, в предреволюционный год, открылись перед нами высокие двери... – Драматический театр В.Ф. Коммиссаржевской был открыт 15 сентября 1904 г. Блок посвятил деятельности театра ряд статей – “Театр В.Ф. Коммиссаржевской”, “Пеллеас и Мелисанда”, “Пробуждение весны” (Т. 7 наст. изд. С. 38, 100, 103). В этом театре была поставлена его пьеса “Балаганчик” (1906), а также трагедия Ф. Грильпарцера “Праматерь” (1909), переведенная Блоком по просьбе Коммиссаржевской. Осенью 1908 г. Блок написал реферат “Генрих Ибсен” для чтения перед спектаклем “Строитель Сольнес” (С. 64 наст. тома). См.: *Дьяконов А. (Ставрогин).* Александр Блок в театре Коммиссаржевской // *О Коммиссаржевской: Забытое и новое.* М., 1965: *Веригина В.П.* Воспоминания об Александре Блоке // *Воспоминания, 1.* С. 410–462.

“Пожалуйста, вы ничего не забыли. Вам просто стыдно немножко. Таких вещей не забывают... Подайте мне мое королевство, строитель. Королевство на стол!” – Неточная цитата из драмы Г. Ибсена “Строитель Сольнес” (Полное собрание сочинений Генрика Ибсена. М.: Изд. С. Скирмунта, 1904. Т. 7. С. 50, 52).

ПАМЯТИ В.Ф. КОММИССАРЖЕВСКОЙ

(С. 118)

БА озаглавленный: “Памяти В.Ф. Коммиссаржевской (Речь, сказанная на вечере, посвященном памяти В.Ф.К. 7 марта 1910 года в зале Городской Думы в Петербурге)”, подписанный: “Александр Блок”, – *СПБГМТМИ. ОРУ 2506* (Из бумаг Е.П. Карпова).

Оттиск из “Ежегодника Императорских театров” – *ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 2. № 26.*

ЧА – не сохранился. В ⟨Списке рукописей и других материалов, оставшихся в Шахматово⟩ значится: “Речь памяти Комм(иссаржевской) (черновик)” – *ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 192. Л. 2.*

Впервые напечатано: Ежегодник Императорских театров. СПб., 1910. Вып. 2. С. 97–101. Подпись: “Александр Блок”. Вторично: Сборник памяти В.Ф. Коммиссаржевской / Под ред. Е.П. Карпова. СПб., 1911. С. 422–428.

В Собрание сочинений впервые включено: *СС-Берлин. Т. 9. С. 80–84.*

Печатается по тексту последней прижизненной авторизованной публикации – “Сборнику памяти В.Ф. Коммиссаржевской”.

Статья была задумана в середине февраля, написана не позднее 6 марта 1910 г. В письме С.К. Маковскому 21 февраля 1910 г., в ответ на предложение написать о Коммиссаржевской для “Аполлона”, Блок сообщал: «Я обещал уже Ф.Ф. Коммиссаржевскому написать статью для сборника, посвященного памяти В.Ф. Независимо от этого у меня была уже заметка в “Речи”. Потому, во избежание повторений, мне приходится, к сожалению, отказаться от Вашего любезного предложения написать заметку для “Аполлона”» (*РНБ. Ф. 124. № 508*).

7 марта текст был прочитан Блоком на вечере памяти В.Ф. Коммиссаржевской в зале Петербургской городской думы. 14 марта Блок пишет барону Н.В. Дризену, редактировавшему “Ежегодник Императорских театров”: “На днях пришло Вам мою заметку и стихи памяти В.Ф.К.” (*РНБ. Ф. 263. Ед. хр. 87*). Письмо свидетельствует о продолжении работы над текстом после его произнесения на вечере. 16 апреля, отсылая корректуру статьи, Блок пишет в ответ на редакторские замечания Н.В. Дризена: “Спасибо Вам за вторую корректуру, я нашел порядочно много ошибок, которые и исправил” (*Там же*).

Текст предназначался одновременно и для публикации, и для устного выступления. Первоначально Блок намеревался принять участие в вечере памяти В.Ф. Коммиссаржевской, задуманном актрисой М.В. Ильинской. В письме к Вяч. Иванову 13 февраля 1910 г. Блок сообщает: «Сегодня она обратилась ко мне с просьбой способствовать устройению литературного отделения перед спектаклем, причем имеет в виду именно наш кружок (<...> Кроме Вас, я имею в виду Аничкова, Городецкого, Чулкова и себя (<...> Мы представим, т(аким) о(бразом) “субботы” Коммиссаржевской и скажем каждый краткое слово, посвященное ее памяти». Этот вечер был анонсирован в газете “Речь” (1910. № 48. 18 февр.): “Артистка Императорских театров М.В. Ильинская устраивает в начале поста спектакль, посвященный памяти В.Ф. Коммиссаржевской. Перед спектаклем предполагается литературное отделение с участием Е.В. Аничкова, А.А. Блока, С.М. Городецкого, Вяч. И. Иванова и Г.И. Чулкова”.

Однако 25 февраля в “Речи” появилось объявление о другом вечере памяти В.Ф. Коммиссаржевской, с иными организаторами, измененной программой и расширенным составом участников: “7 марта в зале Городской Думы театральной секцией народного университета устраивается траурный вечер в память В.Ф. Коммиссаржевской. Вечер откроется рекемием Моцарта, после чего произнесут речи А.И. Гучков, Г.И. Чулков, Н.Н. Евреинов, А.А. Блок, А.Л. Волынский, бар. Унгерн, Н.А. Котляревский и Н.Е. Эфрос. Чистый сбор поступает на стипендии имени покойной и памятник” (Р. 1910. № 55. 25 февр.).

7 марта в “Речи” было помещено объявление: “Напоминаем об интересном вечере в память В.Ф. Коммиссаржевской, устраиваемом сегодня в зале Городской Думы театральной секцией общества народных университетов” (Р. 1910. № 64. 7(20) марта). 9 марта “Речь” опубликовала отчет Л. В(асилевского) “Вечер памяти В.Ф. Коммиссаржевской”: “Только такое всем равно дорогое и светлое имя, как В.Ф. Коммиссаржевская, могло объединить в одной и той же программе таких разнородных ораторов”. В заметке реферируются речи Вяч. Иванова, Е.П. Карпова, Г.И. Чулкова, Н.Н. Евреинова, Андрея Белого, сообщается об отсутствии А.Л. Волынского, А.И. Гучкова, Н.А. Котляревского и А.П. Зюнова, “участие которых предполагалось заранее”. В пересказе текста речи Блока имеются некоторые расхождения с печатным текстом: “белые монахини” вместо “бледные”, “мир призрачен” вместо “прозрачен”. Эти расхождения могут быть объяснены либо ошибочной записью со слуха (см. комментарий Е.Л. Белькинд к письмам Блока к Вяч. Иванову – ВС-2. С. 381), либо неизвестным ныне ранним вариантом текста: «В благородно-изысканной и в то же время сдержанно-нежной речи Блока, чисто лирической по содержанию, раскрывалась благоуханная душа В.Ф. Коммиссаржевской, душа символиста – синоним художника, – который “видит мир призрачным”. Которую “могли бы хоронить высокие белые монахини” где-нибудь за крутым обрывом горы; в тишине и безмолвии могли бы нести ее душу белые ангелы» (Р. 1910. № 66. 9(22) марта).

Готовя текст к публикации в “Ежегоднике Императорских театров”, Блок обсуждал возможную правку текста с Н.В. Дризенем: «За слово “рыдучий” я бы держался, как за народное (в заговорах: “три тоски тоскучие, три рыды рыдучице”), но, если Вам не нравится, вычеркните его» (письмо к Н.В. Дризену от 16 апреля 1910 г.). Редактор “Ежегодника”, в соответствии с желанием Блока, оставил слово “рыдучий” в тексте статьи.

Последние изменения были внесены в текст статьи при подготовке ее второй публикации в “Сборнике памяти В.Ф. Коммиссаржевской”. Этот этап работы над текстом отражает БА, где впервые появляется сравнение В.Ф. Коммиссаржевской с героем сказки Г.Х. Андерсена.

Отзывы современников относятся по преимуществу к выступлению Блока на вечере 7 марта 1910 г.

Рецензент “Речи” Л. В(асилевский) в цитированном выше отчете, высоко оценив речь Блока, отмечал: «Интересна, хотя и очень спорна, следующая мысль оратора: живи В.Ф. не среди нас, не на “мертвом полюсе”, а в стране смеха и радости, она также заразила бы нас высоким и торжественным смехом, как теперь заражала высокими и торжественными слезами».

Анонимный рецензент “Петербургской газеты” писал: “Вслед за г. Карповым поэт А. Блок сказал несколько слов об увлечении покойной школой декадентов. Оратор сумел не только защитить светлый образ В.Ф. от нападок за увлечение модернизмом, он сделал больше – он доказал, что Коммиссаржевская, как истинный художник, не могла не подражать новому течению в области искусства. Свою речь поэт закончил стихом, посвященным печальному акту смерти великой художницы” ([Б.л.] Вечер в память В.Ф. Коммиссаржевской // Петербургская газета. 1910. № 65. 8 марта).

По признанию Л.Я. Гуревич, речь Блока оказала определенное влияние на некоторые формулировки ее собственной статьи “Мечта и мысль о новой драме” (РМ. 1910. № 4). В письме к Блоку 12 марта 1910 г. она писала о своей статье: “Некоторые страницы имеют

прямое отношение к нашей с Вами встрече на этих же похоронах, а другие страницы почти дословно совпадают с теми, что Вы говорили на вечере в память Коммиссаржевской о символическом искусстве” (*РГАЛИ*. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 236).

Получив через год вышедший из печати “Сборник памяти В.Ф. Коммиссаржевской”, Блок пишет матери 10 февраля 1911 г.: “Она не только не забывается, но выросла за год. Там хорошие портреты и моя речь”.

В (Плане собрания сочинений) входит в раздел “Некрологи и памятки” под названием “Коммиссарж(евская) (1910)”. Возможно, однако, имелась в виду статья “Вера Федоровна Коммиссаржевская” (С. 117 наст. тома).

С. 118. ...в стройную музыку мирового оркестра... – О значении символа “мирового оркестра” см. преамбулу к наст. тому, с. 288–290, а также коммент. к статье “Душа писателя”. См. также коммент. к стих. “Голоса скрипок” (Т. 3 наст. изд. С. 129, 852–853).

С. 119. ...в ее глазах был кусочек волшебного зеркала, как у мальчика Кая в сказке Андерсена. – Сюжет сказки Г.Х. Андерсена “Снежная королева” переосмыслен Блоком: “кусочек волшебного зеркала” у Андерсена мешал мальчику видеть в мире доброе и красивое, искажал все окружающее.

...из этого “мира печали и слез”. – Из стих. М.Ю. Лермонтова “Ангел” (1831).

ПАМЯТИ ВРУБЕЛЯ

(С. 120)

ЧА речи Блока на похоронах М.А. Врубеля с правкой чернилами и карандашом – *ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. № 188. Впервые опубликовано: *СС-129*. С. 222–223.

БА речи Блока на похоронах М.А. Врубеля, с незначительной правкой карандашом – *ИРЛИ*. Ф. 411. № 9. Публикуется впервые.

Автограф статьи неизвестен.

Впервые напечатано: *Искусство и печатное дело*. Киев. 1910. № 8/9. С. 307–309.

В Собрание сочинений впервые включено: *СС-Берлин*. Т. 7. С. 196–200.

Печатается по тексту первой публикации.

Речь Блока на похоронах Врубеля была написана между 1 апреля (день смерти художника) и 3 апреля (день похорон) 1910 г. Текст речи был переработан в журнальную статью в мае–начале июня (3 июня Блок сообщил матери: “Я послал, наконец, статью о Врубеле в Киев”).

3 апреля газета “Речь” сообщала: “Смерть известного художника М.А. Врубеля последовала от крупозного воспаления легких. Последние годы М.А. находился в лечебнице для душевнобольных д-ра Бари. Здесь он провел 2 1/2 года. (...) В лечебницу д-ра Бари покойный был помещен после того, как он потерял зрение в 1905 г. (...) Похороны состоятся 3-го апреля в Новодевичьем монастыре” (*Б.л.*) Последние минуты М.А. Врубеля // *Р*. 1910. № 91. 3(16) апр.).

4 апреля в той же газете появилось сообщение о похоронах: “3-го апреля на кладбище Новодевичьего монастыря преданы земле останки М.А. Врубеля. (...) Среди присутствующих, кроме родных и близких, между прочим, были В.А. Беклемишев, В.А. Серов, гр. П.Ю. Сюзор, Александр Н. Бенуа, Н.К. Рерих, А.А. Блок, Б.М. Кустодиев, И.Я. Гинзбург, В.В. Матэ, Л.Н. Бенуа, В.А. Покровский, К.Я. Крыжицкий, А.А. Ростиславов, В.Я. Курбатов, С.П. Дягилев, Л.С. Бакст, К.С. Петров-Водкин, А.В. Прахов, Е.Е. Лансере, М.В. Добужинский, И.Я. Билибин, Г.К. Лукомский, И.И. Бродский, Я.Ф. Ционглинский и др. (...) Первое надгробное слово произнес А.А. Блок. В.А. Беклемишев прочитал затем полученные им из Москвы две телеграммы”.

4 апреля Блок писал матери: “Ты знаешь из газет, что 1 апр(еля) умер Врубель. Я видел его в гробу – в первый раз. У него – маленькое лицо, все сжатое страданием – плотно сжаты глаза и рот под белокурыми усами. Последние месяцы он изнурил себя окончательно тем, что решил, что, если он простои́т 17 дней, Бог даст ему изумрудные глаза. Приходил перед одной из панихид Ге и просил меня от имени своей матери говорить речь на могиле. Я и сказал единственную речь, которую ты, вероятно, прочтешь в газетах. Художники не говорили, преимущественно от неумения говорить, но присутствовали все <...> Писателей почти не было. Странно, что отпевали в Академии и гроб всю дорогу (верст 5) несли ученики А(кадемии) Х(удожеств)”.

Мысль о переработке речи в статью возникла у художника С.П. Яремича, издававшего в Киеве журнал “Искусство и печатное дело”, сразу же после похорон. 5 апреля Н.П. Ге, посылая Блоку для ознакомления журнал с иллюстрациями Врубеля, писал: “Мы с Яремичем думаем прийти к Вам в среду <...> Надо будет поговорить о журнале. Яремич говорит, не напишете ли Вы о Врубеле для этого журнала. Он бы хотел, чтобы Вы туда дали и Вашу речь – это лучше, чем в газету” (РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 210).

8 апреля Блок пишет матери: “Мне нужно будет еще только развить свою речь о Врубеле, но это не относится к статьям. Она пойдет в очень хорошем киевском журнале, редактируемом Яремичем, который весь год будет посвящен Врубелю. С Врубелем я связан жизненно и, оказывается, похож на него и лицом (вчера Яремич приносил много рисунков и автопортрет его)”. 12 апреля Блок вновь пишет матери о намерении значительно переработать текст речи: “Я ее совершенно переделаю”. Однако, судя по письму Н.П. Ге к Блоку 9 мая, Блок не сразу приступил к работе и, возможно, колебался, сможет ли превратить речь в статью: “Яремич еще раз просит, чтобы Вы написали о Врубеле, если не выйдет новое – то чтобы послали хотя бы речь” (РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 210).

Перерабатывая текст речи, Блок подверг ее значительной стилистической правке, развил тему “легендарной” биографии Врубеля, ввел в ее текст отсылки к работе А.П. Иванова (художественного критика, брата Е.П. Иванова) “Михаил Александрович Врубель. Опыт биографии” (Искусство и печатное дело. 1910. № 4, 6/7). О присылке Блока этого номера журнала упоминается в письме Н.П. Ге 5 апреля: “Александр Александрович, вот Вам журнал с иллюстрациями Врубеля” (РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 210). По сравнению с текстом речи, Блок усиливает в статье тему неумирающих “вечных форм”, сохраняющих свое идеальное бытие независимо от материального существования произведений искусства, – мысль, возникшая в 1909–1910 гг., развиваемая в статьях “О современном состоянии русского символизма” (С. 123 наст. тома), “Рыцарь-монах” (С. 136 наст. тома) и чрезвычайно важная для блоковской философии культуры, интенсивно развиваемая затем в послереволюционной прозе.

Речь Блока вызвала интерес у его близких, не присутствовавших на похоронах. В письмах к матери говорится о пересылке ее черного и белого автографов. В письме 5 апреля: “Вот тебе моя вялая речь”. В письме 12 апреля: “Если тебе не нужно, пришли мне назад речь о Врубеле, и Женя (Е.П. Иванов. – *Сост.*) хочет ее иметь. Или – пошли ему прямо, как хочешь”. В письме 16 апреля: “Речь о Врубеле не посылай Жене, если тебе жалко, я ему дам черновик”.

О впечатлении от речи Блока на похоронах пишет Ек. Ге в статье “Последние годы жизни Врубеля”: «Его речь, длинная, красивая, похожа, может быть, на картины Врубеля. Блок говорит, что он покойного не знал, что рассказы о нем точно сказки, что он слышал, что Врубель 40 раз переписывал Демона и один раз лицо было неописанной красоты, что Врубель гений, который видел то, чего никто не видит, и ему скучны были песни земли, что он сложил слово “Вечность»» (Искусство и печатное дело. 1910. № 10. С. 430).

В Предисловии к поэме “Возмездие” (1919) Блок назвал смерть Врубеля, наряду со смертями В.Ф. Коммиссаржевской и Л.Н. Толстого, в числе важнейших рубежных событий 1910 г., знаменующих завершение большой эпохи в русской духовной жизни:

“С Коммиссаржевской умерла лирическая нота на сцене, с Врубелем – громадный личный мир художника, безумное упорство, ненасытность исканий – вплоть до помешательства” (Т. 5 наст. изд. С. 48).

В *СМ* против названия статьи помета: «(Речь, произнесенная на могиле в день похорон), напеч(атана) в измен(енном) виде в журнале “Искусство и печатное дело” (Киев). Чернов(ая) рукопись». В ⟨Плане собрания сочинений⟩ отнесена к разделу “Некрологи и памятки”.

С. 121. ...А.П. Иванов пишет именно так, как писалось о старых великих мастерах... – Имеется в виду статья: *Иванов А.П.* Михаил Александрович Врубель: Опыт биографии // Искусство и печатное дело. 1910. № 4, 6/7. В № 5 этого журнала была также помещена статья А.П. Иванова “У гроба Врубеля”, в которой говорилось: “В воображении нашем он постепенно становился героем некоей современной легенды” (С. 154).

...говорят, он переписывал голову Демона до сорока раз... – Блок приводит этот рассказ в *ЗК₂₀* 6 марта 1908 г.: “Раз сорок Врубель рисовал голову Демона (...). Раз пришли и увидали совсем гениальное лицо. Потом, говорят, он опять испортил его. Хотя бы – легенда”.

...“золотой век в кармане” ... – Название раздела в “Дневнике писателя” (1876. Январь. Глава первая) Ф.М. Достоевского.

...поворот тела апостола в “Сошествии Св. Духа”... – Фреска М.А. Врубеля, написанная в 1884 г. для Кирилловской церкви в Киеве. См. рассказ об участии Врубеля в реставрации древних фресок Кирилловской церкви: *Иванов А.П.* Михаил Александрович Врубель: Опыт биографии. С. 214–218.

...рассказ о какой-то англичанке из кафешантана... – Ср.: «Однажды в городском саду “Шато” он увидел молоденькую англичанку, выступавшую на сцене вместе со своим отцом, сестрой и маленьким братом; лицо ее произвело на Врубеля большое впечатление; он был совершенно пленен. Он познакомился с этим семейством и часто у них бывал; его принимали радушно, но англичанка мало обращала внимания на Врубеля. Скоро англичане переехали на гастроль в другой город; он непременно хотел сопровождать их, к большому огорчению своих знакомых; однако потом он оставил это намерение» (*Иванов А.П.* Михаил Александрович Врубель: Опыт биографии. С. 238).

...сны Врубеля, его бред, его разговоры, его покаяния... – О снах, галлюцинациях и покаяниях Врубеля писалось во многих статьях и заметках, опубликованных сразу после смерти художника. А.Н. Бенуа в статье “Врубель” (*Р.* 1910. № 91. 3(16) апр.) писал о последних месяцах его жизни: «Он выстаивает целые дни и ночи на ногах, упорно вымаливая себе прощение за свою ужасную, как он утверждал, греховность. Наказанный демон, пронзенный насквозь страданиями, смирился, молил о пощаде, “просился назад в отцов обитель”». Характеристика Блока перекликается с рассказом А.П. Иванова: “С тех пор, как Врубель ослеп, его видели только близкие; для остальных же он как бы ушел из жизни, унеся с собою реальный свой облик. Доходили слухи о необычности его безумия, о чудесных и величественных галлюцинациях, его посещавших; о том, как он целые ночи напролет проставал на ногах в надежде через этот искус вернуть себе зрение; мы изумлялись его величию даже в самом безумии” (*Иванов А.П.* У гроба Врубеля. С. 154).

С. 121–122. ...и на горе Синае, и в светлице Пречистой Девы ~ на костре собственного вдохновения. – Данный отрывок отсылает по меньшей мере к четырем текстам-источникам: двум библейским сюжетам – а) исходу евреев из Египта в Палестину (землю Ханаанскую), обещанную (обетованную) Богом; б) смерти Моисея на рубеже обетованной земли; евангельскому сюжету Благовещения и строкам их стихотворения А.А. Фета “Когда мои мечты за гранью прошлых дней...”, давшему название

журнальному стихотворному циклу Блока 1908 г. (*ЗР*. 1908. № 1. С. 31–40), а также стихотворному сборнику 1920 г. (Т. 5 наст. изд. С. 13–44): “Я плачу сладостно, как первый иудей / На рубеже земли обетованной”.

С. 122. ...“скучные песни земли” уже не могут заменить “звуков небес”. – Из стих. М.Ю. Лермонтова “Ангел” (1831).

...озолотил небывалые сине-лиловые горы. Это только наше название тех преобладающих трех цветов... – В переписке Блока и Белого 1903 г. неоднократно обсуждалась символика цветов. См. письма Белого к Блоку от (24 или 25 февраля 1903 г.) и 14 июля (1903 г.) (*Белый и Блок*. С. 43–44, 80–81). См. также написанную в том же году, но опубликованную позднее статью Белого “Священные цвета” (*Белый Андрей*. Арабески. М., 1911. С. 115–129), а также не опубликованную при жизни Белого, но прочитанную Блоком статью «О религиозных переживаниях: К письму художника А.Б. и ответу Д.С. Мережковского “Новый путь”, февраль» (*Литературное обозрение*. 1995. № 4/5. С. 4–9). В совместном символическом истолковании цветов синий и лиловый относились к сфере демонического, золотой – один из сакральных софийных цветов (ср. название сборника Андрея Белого “Золото в лазури”, 1904).

...“нет названья”... – Из стих. А.А. Фета “О не зови: страстей твоих так звонок...” (1847). По воспоминаниям Н.А. Нолле-Коган, Блок читал ей это стихотворение в 1921 г.: “Внезапно в памяти моей всплыли строфы Фета:

Передо мной дай волю сердцу биться
И не лукавь.
Я знаю край, где все, что может сниться,
Трепещет въявь...

Вспомнить дальше я не могла. Блок улыбнулся и продолжил:

Скажи, не я ль, на первые воззванья
Страстей в ответ
Искал блаженств, которым нет названья
И меры нет.

Так прочел он до конца все стихотворение” (*Воспоминания*, 2. С. 377–378).

...“И зло наскучило ему”. – Из поэмы М.Ю. Лермонтова “Демон”. Ч. I. Гл. II (1839).

У Падшего уже нет тела, – но оно было когда-то, чудовищно-прекрасное. ~ отошедшей земной Тамары. – Данный фрагмент статьи является описанием картины М.А. Врубеля “Демон поверженный”. Блок впервые мог видеть эту картину в марте 1902 г., на Четвертой выставке картин журнала “Мир искусства” в Петербурге, в залах Пассажа.

...Он был похож на вечер ясный – / Ни день, ни ночь, ни мрак, ни свет. – Из поэмы М.Ю. Лермонтова “Демон”. Ч. I. Гл. XVI.

...недаром учителем Врубеля был золотой Джованни Беллини. – О влиянии на Врубеля итальянского художника эпохи Ренессанса Дж. Беллини (1430–1516) говорится в работе А.П. Иванова “Михаил Александрович Врубель: Опыт биографии”: “Пленительно и гармонично соединена в творениях Беллини и его сподвижников торжественная и спокойная монументальность стиля с юношеским ясновидением живой природы. Венецианцы не случайно завладели столь могущественно воображением молодого Врубеля: он почувствовал в них родственное сходство со своим собственным гением, ибо, как свидетельствует весь путь его творчества, его основными стремлениями были глубокая верность природе и искание новых монументальных приемов техники” (С. 239).

...может быть, ту, которая не удалась в “Тайной вечере” Леонардо. – Ср. в ЧА (Речи на похоронах Врубеля): “голове Христа” (С. 246 наст. тома).

С. 123. Он пел о блаженстве безгрешных духов ~ Его непритворна была. – Из стих. М.Ю. Лермонтова “Ангел” (1831).

БА первой редакции

(С. 246)

С. 246. ...“смертей и болезней” ... – Из стих. Андрея Белого “Отчаянье” (сб. “Пепел”, СПб.: Шиповник, 1909).

О СОВРЕМЕННОМ СОСТОЯНИИ РУССКОГО СИМВОЛИЗМА

(С. 123)

Автограф неизвестен. В *СпМ* отмечено: “Черновик взял себе Вяч. Иванов (Мой черновик – у Вяч. Иванова”. В списках статей Блока, составленном Л.Д. Блок (*ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 8. № 2), в разделе “Рукописи в чужих руках” против названия статьи помета: “Черн(овик) у В. Иванова”.

Оттиск из *Ап* с исправлением опечатки рукой Блока – *ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 2. № 38.

Впервые напечатано: *Ап*. 1910. № 8. С. 21–30 (Паг. I), под заглавием: «О современном состоянии русского символизма (По поводу докл. В. Иванова “Заветы символизма)»». Подпись: “Александр Блок”. Вторично, отдельной брошюрой: О символизме. Пб.: Алконост, 1921. Заглавие в тексте: “О современном состоянии русского символизма (Прочитано в Обществе ревнителей художественного слова 8 апреля 1910 г.)”.

В Собрание сочинений впервые включено: *СС-Берлин*. Т. 7. С. 181–194, под заглавием: “О современном состоянии русского символизма (По поводу доклада В.И. Иванова)”.

Печатается по тексту последнего прижизненного издания со следующим исправлением:

С. 124, стр. 27: пребывает теург; вместо: пребывает теург:

Статья представляет собой текст доклада, прочитанного 8 апреля 1910 г. в Обществе ревнителей художественного слова (альтернативные названия: Академия поэтов, Поэтическая академия) при редакции журнала “Аполлон”. 26 марта на заседании Академии Вяч. Иванов прочитал доклад, который затем, в переработанном виде, был опубликован в “Аполлоне” под заглавием “Заветы символизма” вместе со статьей Блока. Блок был письменно приглашен на заседание 25 марта 1910 г. Вяч. Ивановым: «Дорогой Александр Александрович, приходите завтра в “Академию”, – я буду говорить о современном состоянии символизма и есть ли еще символизм (то, что вызвало “сенсацию” в наших кругах в Москве и идейный раскол с Брюсовым)» (Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. Т. 41. 1982. № 2. С. 170).

Доклад Вяч. Иванова в первый раз был прочитан в Москве на заседании Общества свободной эстетики 17 марта 1910 г. “Идейный раскол”, упоминаемый в письме Иванова, был зафиксирован и Брюсовым в мартовской дневниковой записи 1910 г.: «В Москве был Вяч. Иванов. Сначала мы очень дружили. Потом Вяч. Иванов читал в “Эстетике” доклад о символизме. Его основная мысль, что искусство должно служить религии. Я резко возражал. Отсюда размолвка. За В.И. стояли Белый и Эллис. Расстались с В.И. холодно» (*Брюсов В.Я. Дневники. Письма. Автобиографическая проза*. М., 2002. С. 162, с уточнением текста по автографу). См. также письмо Брюсова к П.П. Перцову от 23 марта 1910 г.: «В нашем кругу, у ех-декадентов, великий раскол: борьба “кларистов” с “мистиками”. Кларисты – это “Аполлон”, Кузмин, Маковский и др. “Мистики” – это московский “Мусагет”, Белый, Вяч. Иванов, Соловьев и др. В сущности, возобновлен

дряхлый-предряхлый спор о свободном искусстве и тенденции. “Кларисты” защищают ясность мысли, слога, образов, но это только форма, а в сущности они защищают “поэзию, коей цель – поэзия” (...) Мистики проповедуют “обновленный символизм”, “мифотворчество” и т. п., а в сущности хотят, чтобы поэзия служила их христианству, была бы ancilla theologiae. Недавно у нас в “Свободной Эстетике” была великая баталия по этому поводу. Результат, кажется, тот, что “Мусагет” решительно отложился от “Скорпиона” в идейном отношении. Я, как Вы догадываетесь, всей душой с “кларистами”» (Брюсов В.Я. Письма к П.П. Перцову. 1903–1910 // Печать и революция. 1926. № 7. С. 46). Таким образом, уже выступление Иванова в Москве, как отмечено Н.В. Котрелевым, “знаменовало собою начало новой перегруппировки сил и новой полемики внутри русского символизма и модернизма в целом” (Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. Т. 41. 1982. № 2. С. 170).

Текст доклада Вяч. Иванова не идентичен его статье “Заветы символизма” (отмечено: Белькинд Е.Л. Блок и Вячеслав Иванов // БС-2. С. 370). В опубликованном варианте нет тех фрагментов текста доклада, на которые ссылается Блок. В ЗК₃₀ (опубликовано с небольшими неточностями: ЗК. С. 167–170) содержится сделанный Блоком конспект, позволяющий реконструировать выступление 26 марта 1910 г., на которое он и отвечал в своем докладе 8 апреля:

«Теза.

Мир волшебен – противупол(ожность) позитивизму и утилитар<изму>.

Ты свободен – божественн(ость), все позволено, дерзай.

Есть correspondances* во всем – стройность мира.

Отсюда – усиленная гармонизация новой школы (в противуп(оложность) одной мелодии старой школы).

Для этого характ(ерны) особ(енно) Бальмонт и Брюсов.

О теургич(еском) искусстве:

Закрытие хаоса –

“Стихи о Пр(екрасной) Д(аме)” –

Уже этика, уже общественн(ость).

Поэзия – только часть целого.

Личность выше художника [и произведения (?)]. Этим утвержд(ается) уже все дальнейшее.

Символизм вторгся в то, что каз(алось) ему не свойственно – не только в иск(усстве).

В России началась японская война и освоб(одительное) движение.

Антитеза. Мир – хаос – можешь ли ты принять его? – Дифференциация и масса пестрых явлений – указат(ель), что симв(олизм) – живая школа. Здесь революционизм Мережковского. И у меня – затемнение образа П(реkrасной) Д(амы) – нечто другое, как антитеза. – Перед созд(анием) символистов встало непримиримое нет. Все перессорились – как и следовало быть.

Едва ли “реакция” – усил(енная) внутр(енняя) жизнь, громадная скрытая работа, брожение умов – либо умир(ание), либо отрезвление.

Обращение к канону.

Это – третий период символизма. Потребность в строгом отчете. Канон чисто формальный (огранич(енный) произвол искусства, всеобщие законы искусства,

---

* Соответствия (фр.) – Ред.

искусство – язык для общего понимания, растет хороший вкус) и внутренний – в душе поэзии культ канона. Символизм (миги, отдельные соответствия) – юношеское. Мы уже хотим другого – планомерное искание внутр(еннего) синтеза своего мирозерцания.

Стар(ый) символизм – окончился.

Мы переходим в синтетич(еский) период символизма.

Желат(ельный) символизм:

Символ должен стать

динамическим –

– обратиться в *миф*.

Переход от символизации – к символике.

Теургич(еское) искусство – закономерно и не во имя свое, а во имя Святое, строящее мир.

Планомерно – а *realibus ad realiora**.

Миф – синтетическое суждение, где подлежащее – символ, а сказуемое – глагол (или что-либо интуитивно новое).

Символизм – есть воспоминание поэзии о ее первонач(альных) целях и задачах (срвн., например, Веселовский), а именно – ПРАКТИЧЕСКИХ. Искусство – практическая цель! Поэзия практична и была первонач(ально) практичной. И все искусство.

“Медный всадник” – все мы находимся в вибрациях его меди.

От соврем(енного) художника – подвига. Полное образование – знать свой канон (а внешний канон – омертвит, уничтожит внешний** канон) – и аморфность опасна (продолж(ение) антигезы – отчасти Городецкий).

[Не сразу универ(альный) – еще один национ(альный)]

Начин(ается) период кризиса и страшного суда. Или слово – станет красивым и бездушным (или внутр(енне) анархичным) – или станет живым и *практическим*.

Вся тема: существует ли символизм как поэт(ическая) школа или его более нет. Т(очка) зр(ения) Вяч. Ив(анова) – он может и должен существ(овать) в виде нового синт(етического) символизма.

Должное будущее символизма – *большой стиль* в против(уположность) “маленькому стилю” символизма. Это, когда мы будем знать *о чем* мы говорим (что – А.Б.!) и почему *Aller Verg(ängliche ist nur ein) Gleichniss****. Большой стиль (Фауст, напр(имер)) – уже миф (для Вяч. Ив(анова))».

Доклад Вяч. Иванова вызвал в Академии столь же бурную полемику, как и в московском Обществе свободной эстетики. Вопросы и выступления слушателей излагаются как в записи Блока в *ЭК₃₀*, так и в конспекте Вяч. Иванова, сохранившемся в его архиве, где излагаются выступления С.Л. Рафаловича, Н.С. Гумилева, Н.В. Недоброво, А.А. Кондратьева, С.М. Городецкого, В.М. Жирмунского, К.А. Сюннерберга, Вл.В. Гиппиуса, Ю.Н. Верховского, С.К. Маковского (*ИРЛИ*. Ф. 607. № 141. Частично опубликовано: *Кузнецова О.А.* Дискуссия о состоянии русского символизма в “Обществе ревнителей художественного слова” // *Русская литература*. 1990. № 1. С. 200–207). См. также: *Богомолов Н.А.* К реконструкции обсуждения доклада Вяч. Иванова о символизме // *Богомолов Н.А.* *Русская литература первой трети XX века: Портреты. Проблемы. Разыскания.* Томск, 1999. С. 435–437; *Он же.* К истолкованию статьи Блока “О современном состоянии русского символизма” // *Богомолов Н.А.* *Русская литература начала XX века и оккультизм.* М., 1999. С. 186–202; *Он же.* Из разысканий к истории дискуссии о символизме 1910 года // *Богомолов Н.А.* *От Пушкина до Кибирова.* М., 2004. С. 84–103.

* От реального к реальнейшему (*лат.*) – *Ред.*

** Возможно, у Блока *описка*, правильно – *внутренний*. – *Сост.*

*** Все преходящее только подобие (*нем.*). – *Ред.*

Блок принял участие в обсуждении доклада на заседании 26 марта, заданные им вопросы и замечания зафиксированы в ЗК₃₀:

«Я задаю вопросы

об ужасном в искусстве – о его проклятии,
о том, следоват(ельно), будет ли искусством то желаемое – ([истинный]
[теургический] миф).

Или: нам не совладать с этим желанным (не свершить подвига), а с ним совладеет НАРОД.

Т.е. – только художник может ли совладать с подвигом – (Леонардо – черный фон. Злые чары культуры. Князь мира сего. Fallere voce Diu.* Врубель).

Замечание Вяч. Ив(анова). Символизм хочет говорить правду, парнассизм – под знаком le gève.

“А что такое правда?” спросил Кондратьев.

И Гумилев делает замечание».

Вопросы Блока о “проклятии” искусства, о возможности преодоления кризиса символизма внутренними средствами искусства и усилиями отдельных художников, заданные в процессе обсуждения, очевидно, сразу же обнаружили возможность развития темы в самостоятельном докладе.

Судя по записке Блока Вяч. Иванову 31 марта 1910 г., после заседания было решено, что Блок выступит с ответным докладом на следующем заседании, 2 апреля. Однако из-за неожиданного переноса заседания на 1 апреля доклад был прочитан лишь через неделю, 8 апреля (ср.: «Сейчас пришла повестка из Академии, а я твердо рассчитывал на пятницу. Кроме того, что завтра мне мистически необходимо слышать “Зигфрида”, я не успел бы написать Вам ответ. Кажется, что это и к лучшему. Хотя мне ясно уже, что говорить, но я затрудняюсь еще в формулировке»). О сомнениях Блока в необходимости его выступления свидетельствует и письмо к матери от 5 апреля 1910 г.: “Я терзаюсь статьями, мне тошно от рассуждений, хочется быть художником, а не мистическим разговорщиком и не фельетонистом (...) Может статься, что я брошу начатый фельетон и ответ Вячеславу”. Вероятно, эти сомнения были высказаны им и Вяч. Иванову, о чем свидетельствует письмо последнего 3 апреля 1910 г.: «Прошу Вас – непременно читайте в четверг в “Академии” о символизме, как потому, что все этого с нетерпением ждут и хотят, так и потому, что это нужно и важно» (Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. Т. 41. 1982. № 2. С. 171). В день выступления Блок пишет матери: “Сегодня я буду говорить в Академии – довольно пространно, не особенно живо, и надеюсь потом замолчать надолго, т.е. не писать статей и не теоретизировать”.

Приведенные письма показывают, что над текстом доклада Блок начал работать не ранее 27 марта и окончил его не позднее 7 апреля 1910 г. Образная система статьи в значительной степени была подготовлена в надгробной речи Блока на похоронах М.А. Врубеля, скончавшегося 1 апреля 1910 г. (см. статью “Памяти Врубеля”. С. 120 наст. тома). Поскольку ЧА не выявлен, судить о дальнейшей правке текста при его подготовке к публикации невозможно.

Сразу же после заседания Блок получил предложение опубликовать доклад в “Аполлоне” вместе с докладом Вяч. Иванова, что явствует из письма к Е.А. Зноско-Боровскому 12 апреля 1910 г.: «Мое сообщение никак не следует печатать. Ведь это – “дела домашние”. Публике решительно не должно быть дела до того, как мы живем, ей нужны результаты, и напечатанное – потеряет последнее, что было; для меня – это сухой Бедкер, а для публики – тарбарская грамота. Другое совсем дело – доклад Вяч. Иванова, на который я ведь только отвечал; там – математическая формула, здесь – ученический рисунок (...) Право, не надо печатать». Однако редакции все же удалось убедить Блока в

---

* Голосом Бога смутить (лат.). – Перевод Блока. – Ред.

необходимости публикации доклада, и уже 22 апреля он пишет Вяч. Иванову: “Посылаю статью о символизме в Аполлон”. Корректуря статьи правилась Блоком уже в Шахматово, в мае, как это видно из его письма к Е.А. Зноско-Боровскому 23 мая 1910 г.: “Спасибо (...) за корректуря, которую прилагаю”.

В 1921 г. Блок опубликовал статью отдельной брошюрой, изменив только подзаголовок, уточняющий место и время произнесения доклада.

Статья вызвала многочисленные отклики в печати. Полемика вокруг статей Блока и Иванова выявляет острый кризис русского символизма, окончательный его раскол как единой школы.

В.Я. Брюсов в статье «О “речи рабской” в защиту поэзии», отождествляя позиции Блока и Вяч. Иванова, резко возражал против “теургической” концепции искусства: “Быть теургом, разумеется, дело очень и очень недурное. Но почему же из этого следует, что быть поэтом – дело зазорное” (*Брюсов В.Я.* Собр. соч.: В 7 т. М., 1975. Т. 6. С.177; впервые: *Ап.* 1910. № 9. С. 31–34). Брюсов настаивал на определении символизма как “метода искусства”: “Искусство автономно: у него свой метод и свои задачи. Когда же можно будет не повторять этой истины, которую давно пора считать азбучной! Неужели после того, как искусство заставляли служить науке и обществу, теперь его будут заставлять служить религии! Дайте же ему, наконец, свободу!” (*Там же.* С. 178). «Не осуждая несколько того пути духовного развития, который в легко истолковываемых иносказаниях изобразил в своей статье А. Блок, никак нельзя и признать этот путь типическим для современного поэта. Тех грехов, в которых кается А. Блок, “символизм” за собой не признает. Символисты останутся поэтами, какими они и были всегда» (*Там же.* С. 179).

Редакция “Аполлона” в этой полемике встала на сторону Брюсова. С.К. Маковский писал Брюсову 30 июля 1910 г.: “...все симпатии молодой редакции на стороне тех взглядов на поэзию и литературу, которые Вы высказываете” (*ЛН.* Т. 92. Кн. 3. С. 369).

Блок отвечал Брюсову 3 сентября 1910 г.: «На Вашу статью в “Аполлоне” я могу ответить Вам по всем пунктам, но ведь не стоит затягивать печатные споры. Такие статьи, по-моему, всегда роковым образом догматичны, а вписанные между их строками личные правды убедительны для постороннего читателя только один раз, когда он делает выбор между тем или иным мироотношением. И уже этот выбор – навеки».

В полемику с Брюсовым на стороне Блока и Вяч. Иванова включился Андрей Белый. После двухлетнего перерыва он восстановил дружеские отношения с Блоком. В (конце августа–начале сентября) 1910 г. он писал Блоку: «Теперь, только что прочитав твою статью в “Аполлоне”, я почувствовал долг написать Тебе, чтобы выразить Тебе мое глубокое уважение за слова огромного мужества и благородной правды, которой... ведь почти никто не услышит, кроме нескольких лиц, как услышало эту *правду* несколько лиц в Москве. (...) Ты нашел слова, которые я уже вот год ищу, все не могу найти; а Ты – сказал (...) не только за себя, но и за всех нас» (*Белый и Блок.* С. 367). Блок отвечал Белому 6 сентября: «Мне очень дорого Твое отношение к моей статье. Оно меня поддержит более, чем чье-либо мнение; когда я писал эту статью (и не одну эту), я внутренно, почти бессознательно, справлялся у Тебя, отсутствующего: “так ли? не так ли?” Да, по-братски. Ну, так правда торжествует» (*Там же.* С. 368). В кругах, близких к Белому и Иванову, доклад Блока был оценен как свидетельство нового сближения позиций обоих поэтов. Ср. письмо А.Р. Минцловой к Белому от 13 апреля 1910 г.: “В(ячеслав) мне сегодня прочел его (Блока. – *Сост.*) дивную речь (записанную уже и закрепленную) в ответ на сообщение В(ячеслава). – – – И в этой речи Блок *всцело* присоединяется к В(ячеславу) – – – упоминает об А. Белом в выражениях, дающих ясное указание его *несомненного* отношения к Вам, внутреннего” (*ЛН.* Т. 92. Кн. 3. С. 365).

Белый выступил в печати со статьей “Венок или венец”, в которой он назвал статью Блока “прекрасной” и “глубоко прочувствованной”. Полностью отождествляя позиции Блока и Вяч. Иванова, Белый защищал принципы “теургического” искусства: “Венок

лавровый, стыдливо покрывший жреческий венец, символисты сорвали с себя в лице Ницше, Ибсена; религиозные искания Бодлера, Верлэна, Уайльда, Гюисманса, Стриндберга, В. Иванова, Блока не заглушить анкетами о свободном стихе; в мучениях совести, в борьбе за дальние горизонты жизни не только любовь к искусству проявилась у современных поэтов-символистов. (...) На алтарь своего божества, веруя в магическую силу творчества как начала преобразования жизни, – бросают В. Иванов и Блок свою деятельность как литераторов” (Ап. 1910. № 11. С. 1). Блок писал Белому 29 сентября 1910 г.: «Я очень рад, что Ты отвечаешь Брюсову в “Аполлоне”, но сам не хотел, по моему, в статье Брюсова много просто наивного; было слишком известно, что он скажет, но тяжеловесные колкости показывают, что он очень рассердился, а это ценно».

С Блоком полемизировал также С.М. Городецкий в статье “Страна реверансов и ее пурпурно-лиловый Бедекер” (Против течения. 1910. № 1. 15 окт.). По мнению Городецкого, Блок в своей статье «ничего иного не делает, как пересказывает свои стихи. Занятие заведомо обреченное на неудачу, но все-таки успевает при этом отречься от своего, так хорошо носимого им до сих пор, звания живого поэта и, убежав за кулисы, переодется в бутафорский костюм теурга, выскочить с обалделым лицом и наброситься на “почтенную критику и публику” с просьбой не тратить время “на непонимание моих стихов” (...) Как нехороши все эти жесты! Блок похож на поэта-автора в “Балаганчике”, и хотелось бы нам в данный момент быть рукой, утягивающей его за фалды за кулисы». Городецкий резко возражал против тезиса Блока об опасности смешения искусства и жизни: “Жизнь и искусство одно... Поэт всегда поэт, и когда читает стихи, и когда ест кашу” (С. 3).

В том же еженедельнике Городецкий опубликовал заметку без подписи “О прошлой статье”, в которой говорилось: «Там, при передаче впечатлений от статьи Блока, проскользнуло выражение “обалделое лицо” и, может быть, еще что-нибудь. Отнюдь не от полемического задора, не от хулиганской вседозволенности идет резкость выражения. Она идет от горячности схватки, от яркой любви к защищаемому. Не великое тут распинается в торжестве мелкого, а мелочи не замечаются перед великим» (Против течения. 1910. № 3. 29 окт. С. 3). В письме Блоку 20 сентября 1910 г. Городецкий писал: «Если бы я хоть слово получил от Тебя раньше, я не так бы написал кое-что про Тебя в одной статье. Меня очень рассердило бедекерство по Вячеславу. Печатая свою статью в “Ап(оллоне)”, Ты упустил из виду одно. Ее, мож(ет) б(ыть), можно было *слушать*, читаемую *Твоим* голосом, но читать ее напечатанной невозможно. Там много неверного» (ЛН. Т. 92. Кн. 2. С. 46). 27 ноября в письме Блоку Городецкий продолжает обсуждение своей статьи: “Резкостей в моей статье не вижу. Недоумения кратки и поддаются точному обсуждению. Против тебя имею только две тезы: 1) искусство и жизнь – одно, 2) Ты – *реалист(ический)* символист” (Там же. С. 49).

Д.С. Мережковский в статье “Балаган и трагедия” (Русское слово. 1910. № 211. 14(27) сент.) обвинил Блока и Вяч. Иванова в измене “абсолютному” и “святому” в русской революции 1905 года: «По мнению декадентов, русская революция – балаган, на котором Прекрасная Дама – Свобода – оказалась “картонной невестой”, “мертвой куклой” и человеческая кровь – клюквенным соком. Так вот что значит: “мы сделали революцию!” И декаденты уверены, что превращение трагедии в балаган произошло не только в их собственной душе, но и в душе России (...) Но если так, то что же значит “были пророками, пожелали стать поэтами”? Балаган делают шуты, а не пророки. (...) И от какого подвига эти нмные пророки бежали? И не лучше ли быть просто поэтом, чем шутовским пророком?» Заключительную часть статьи Блока Мережковский оценивает как “воздержание от общественности”, отождествляет позиции Иванова и Блока с концепцией авторов сборника “Вехи” (М., 1909), для которых «революция – хуже, чем балаган – “хулиганское зверство”, “интеллигентская бесовщина”. И для декадентов так же? (...) Я, по крайней мере, ничуть не удивлюсь, если завтра Вяч. Иванов, Ал. Блок и прочие “обескрылевшие, остепенившиеся романтики” окажутся не только поэтами, но и

“пророками” вместе с Илиодорами и Гермогенами. Все там будем! Ну, если не все, то многие из тех, которые пока все еще кобелятся в “лиловых туманах”. Что делаешь, делай скорее.

Начали гладью, кончили гадью».

Блок намеревался отвечать Мережковскому печатно, однако статья «Открытое письмо Д. Мережковскому по поводу его статьи “Религия и балаган”, напечатанной в “Русском слове” 14 сентября» осталась незавершенной (см. подробнее с. 424 наст. тома).

Л.Я. Гуревич в статье «От “быта” к “стилю”» (*РМ*. 1911. № 9) оценивает доклады Вяч. Иванова и Блока как свидетельство кризиса символистской школы: “Сами символисты почувствовали замешательство и неудовлетворенность собой и друг другом. И какой-то очистительной правдой прозвучало в (...) статьях Вяч. Иванова и А. Блока их откровенное признание в том, что символисты не исполнили взятой на себя задачи и что настоящий, переходный момент застаёт их среди безбрежного моря: уже далеки берега, от которых отплыл их корабль, но еще не видны, совсем неразличимы берега обетованной страны” (С. 94).

В отзывах критиков, далеких от символизма, звучало недоумение и неприятие всей полемики в целом. Критик журнала “Всеобщий ежемесячник” Гудаш (М. Морозов) оценил статью Блока как “реверанс” Вяч. Иванову: “Написано непонятно, вникнуть в смысл можно только искусной догадкой, особливим прозрением” (*Гудаш*. Среди журналов // Всеобщий ежемесячник. 1910. № 9. С. 123–124).

Как свидетельство “конца” символистской школы оцениваются доклады Блока и Иванова, а также полемика вокруг них в статье В.Л. Львова-Рогачевского “Быть или не быть русскому символизму” (*СоврМ*. 1910. № 10). Критик называет статью Блока “истерической” и “поражающей своей растерянностью”. «Поэт, пожелавший стать “теургом”, задался целью написать иллюстрацию к докладу Вяч. Иванова “Заветы символизма”, просит отнестись к его словам как к Бедкеру, но на самом деле пишет туманные иллюстрации к собственным туманным произведениям и делает сцену публике, которая его не понимает. Тон статьи А. Блока красноречиво свидетельствует о “конце”. Поэт кается в великом грехе и этот грех видит в том, что “были пророками”, пожелали стать “поэтами”, с тоской вопрошает: “поправимо или непоправимо то, что произошло с нами” и зовет к послушанию, подвигу и пророческому служению. Это – полный разрыв с жизнью и с художественным творчеством. (...) Всегда наступает после пира – похмелье, но разве в этом покаянии, в призыве к покаянию и в отказе от поэзии не красноречивое отрицание русского символизма как литературной школы, когда-то пришедшей сменить другую литературную школу» (С. 78, 79).

С.А. Адрианов в статье “Критические наброски” (*Вестник Европы*. 1910. № 10) дифференцирует свое отношение к докладам Вяч. Иванова и Блока. Излагая точку зрения В.Я. Брюсова, С. Адрианов пишет: “В возражении В. Брюсова есть и правда, и талантливость, и язвительность; но его удары только отчасти попадают в его противников и бьют их не по самому существенному месту. Конечно, от статьи Вячеслава Иванова сильно отдает доктринерским теоретизмом, и он, пожалуй, в самом деле собирается навалить на себя и на своих последователей гибельные для поэзии вериги внешних заданий. Восстание против такого попираания автономности поэзии, конечно, справедливо. Но распространить такое же обвинение на Александра Блока я бы уже затруднился: слишком уж много искренней муки в его исповеди, слишком уж ясно, что вся она выросла не из теоретических построений, а из непосредственного опыта, житейского и художественного. Кто умеет так мучиться, тот вряд ли успокоится на мякине тенденциозной лже-поэзии” (С. 392).

Статья Блока обсуждалась не только в печати, но и в переписке современников, в кругах, близких к символизму. А.Д. Скалдин в письме к Блоку от 30 июня 1910 г. интерпретирует его статью с неохристианских позиций, отождествляя культ Прекрасной Дамы с культом Марии-Церкви в восточном и западном христианстве: «Под впечатлением Вашей статьи вылилось у меня стихотворение “Памяти Врубеля”. Сказать то же, что говорили

Вы, я органически не сумел, да и не должен был суметь, ибо мне, в противоположность Вам, не приходилось спрашивать (что, на мой взгляд, исключительно важно): “Почему Христос?” Преобразить Пресвятую Деву Марию я мог бы только не зная Христа, не чувствуя глубины его дела. Ваш окончательный, практический, так сказать, вывод о необходимости послушания как единственного приемлемого выхода из создавшегося положения есть в то же время и вывод моего доклада» (*РГАЛИ*. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 401). Блок отвечал лишь 17 октября 1910 г.: «Не отвечаю я Вам потому, что нахожусь совсем в другом круге идей и переживаний, чем те, о которых говорит Ваше письмо, для меня дорогое. Дорогое потому, что в нем заключено “да”, которого я ни от кого не ждал».

Н.А. Клюев 5 ноября 1910 г. писал Блоку: «Статью Вашу о современном состоянии русского символизма прочел, но по темноте своей многого не уразумел, не понял отдельных неизвестных мне слов вроде: теурга, Бедекера, конкретизировать, тезы и анти-тезы, Беллини и Беато, Синьорелли, но чувствую что-то роковое в ней для вообще символистов, какой-то трубный звук над полем костей. Отсюда заключаю, что в области русского художественного слова что-то, действительно, неладно. Насколько я знаком с этим словом, а знаком я с ним очень смутно, оно, по-моему, за малым исключением, выдумывается людьми, не сообразующимися со средствами своего таланта, стремящимися сказать больше своего пониманья, людьми, одержимыми злой грезой построить башню до небес. При таком положении дела, т.е. когда вместо, как предполагалось, величественного здания вырастают только бесчисленные “шаткие леса”, и происходит то, что Вы зовете “глухой полночью искусства”, – смешение языков, такое состояние, при котором внешний человек перестает понимать внутреннего и наоборот» (*Клюев Н. Письма к Александру Блоку. 1907–1915* / Публ., введн. ст., коммент. К.М. Азадовского. М., 2003. С. 224).

Переводчица и критик Е.К. Герцык в письме к Вяч. Иванову от 5 июля 1910 г. сообщает: «Вчера пришел “Аполлон”, и я со страшным волнением читала потрясающую и прекрасную исповедь Блока. Как ни страшно то, что он говорит, но внутренне не только хочешь, но знаешь, что он спасен, что как Фауста его вознесут Силы. У него впереди Новый Мир, потому что он верит в Нее» (*ЛН*. Т. 92. Кн. 3. С. 368).

Д.С. Навашин в письме к В.Я. Брюсову от 9 июля 1910 г. оценивает статью Блока отрицательно: “Мне она кажется очень непонятной, т.е., прямо говоря, бредом. Но она говорит об агонии, и ее страшно читать, тем страшнее, что Блок пытается скрыть свое отчаяние” (*ЛН*. Т. 92. Кн. 3. С. 369). В другом письме к Брюсову от 15 августа 1910 г. он пишет: “И за неясными утверждениями, и за мечущимися покаяниями гг. Блока и Иванова стоит одно, к сожалению, несомненное: это роковое смешение искусства и жизни” (*Там же*. С. 371).

Н.С. Гумилев писал Брюсову 2 сентября 1910 г. по поводу его полемики с Вяч. Ивановым: «С теоретической частью ее я согласен вполне, также и с полемической, когда дело идет о Вячеславе Ивановиче, но я несколько иначе понимаю статью Блока. Может быть, под влиянием разговора с ним я вынес то впечатление, что он стремится к строгому искусству, которое ему нравится называть религией, от произвольных загадок, выкриков и подмигивания (“Земля в снегу”), что он конечно совсем неосознанно называет поэзией» (*ЛН*. Т. 92. Кн. 3 С. 372).

Вяч. Иванов вспоминал о совместном выступлении с Блоком в статье “Взгляд Скрябина на искусство” (1915) (при жизни не публиковалась, но неоднократно читалась публично): «...я признаюсь, что после тех споров о смысле символизма, когда мы с Александром Блоком защищали на страницах “Аполлона” теургический постулат, я был (...) все же глубоко удручен сознанием нашего одиночества. Нам, затосковавшим в плену безответственной, но и бездейственной свободы, как в вертограде запечатленном, по освобождающему действию, – ставили в вину, будто бы мы хотим сделать девственную царицу вертограда, Музу, – служанкою какой-то религии; никто не умел ни расслышать нас, ни разгадать» (*Иванов Вяч. Собр. соч. Брюссель, 1979. Т. 3. С. 182–183*).

После выхода статьи в 1921 г. отдельной брошюрой отклики на нее приобретают иной характер. А. Рашковская в рецензии на брошюру пишет: «Эта пленительная и странная исповедь – поэма, раскрывающая какие-то неизведанные глубины гениального человеческого духа, особенно значительна в наши дни увлечения формами и только формами искусства. Это презрение к “стихам”, исходящее от поэта наиболее совершенного, “первого”, по признанию современников – знаменательно: должен быть пророком поэт, – а не машиной для производства стихов» (Утренники. Пб., 1922. Кн. 1. С. 112–113).

Поначалу Блок был недоволен своим докладом: “Я читал в Академии доклад, за который меня хвалили и Вячеслав целовал, но и этот доклад плохой и словесный. От слов, в которых я окончательно запутался и изолгался, я, как от чумы, бегу в Шахматово” (письмо к матери 12 апреля 1910 г.). Посылая, после некоторых колебаний, статью в журнал, Блок 22 апреля 1910 г. писал Вяч. Иванову: “Отношусь к ней по-прежнему нехорошо. Во всех моих словах есть какая-то тайная ложь – отзвуки того беспорядка, который ношу в себе”.

После публикации статьи Блок, по его признанию, меняет свое отношение к ней. 17 октября 1910 г. он пишет А.Д. Скалдину: “Сам себя я знаю мало, или, скорее, – слишком подробно знаю. Не ясно сознавал и свою статью (о символизме), которая только в печати прозвучала для меня неожиданно важно”.

В письме к Белому от 22 октября 1910 г. Блок подчеркнул особую личную жизненную значимость своей статьи: «...продолжаешь ли Ты относиться к моей статье о символизме с прежним доверием? (...) Я уверен, что Ты понял статью как никто, взвесил все выводы из нее, как только возможно; и, однако, *достаточно ли* ясна она для Тебя? Т.е. учел ли Ты то обстоятельство, что статья *не есть покаяние*, отречение от своей *породы*; я мог бы назвать ее “исповедью”, если бы то мое лицо, от которого она исходит, могло исповедаться (...) Это – я сам, неизменный и *никогда не противоречивший себе*. Исповедь есть размягчение душевное, желание “исправиться”; но *там* я говорю холодно, жестоко (и к самому себе), прямолинейно, без тени психологии: “вот что произошло со мной в частности и, по моему наблюдению, также и с теми, о ком я могу сказать “мы”, символисты”. Происшедшее – совершившийся факт, хорошо или плохо – другой вопрос (т.е. лучше сказать – *более чем плохо*, вне категорий “плохого” и “хорошего”). Но это “более чем” (или эту *гибель*) я лично люблю”. (...) Теперь, когда мы можем стоять лицом к лицу, веришь ли Ты мне, *всему* моему “я”, или только тому, от которого исходит статья о символизме, понятая Тобой лишь *частично* – (так как, мож(ет) быть, она написана неясно, и в ней не видно всего, хотя она и исходит от *всего* меня – человека)?»

В 1916 г., 28 июня, перед призывом в действующую армию, подводя предварительный итог своей творческой деятельности, Блок заносит в ЗК₄₈: “Том статей собирать не стоит. Лучшая статья – о символизме”. Показателен факт переиздания этой статьи отдельной брошюрой в 1921 г.

В (Плане собрания сочинений) отнесена к разделу “Религия”.

С. 123. ...“сказаться душой без слова”, по выражению Фета... – Неточная цитата из стих. А.А. Фета “Как мошки зарею...” (1844). У Фета: “О, если б без слова / Сказаться душой было можно!” Н.А. Клюев отозвался на этот фрагмент статьи в цитированном выше письме от 5 ноября 1910 г.: “Бог же и Мировая душа не могут быть предметом каких бы то ни было художественных описаний, которые только запутывают, затемняют и порождают ложные мысли о величайшей тайне в Мире. Тайну эту нельзя выразить ни аллегорией, ни так наз(ываемыми) новыми словами, ни тонкостью образов, ничем, по единственной причине ее несказанности. Сказаться же душой без слова, о чем, как Вы говорите, мечтает каждый художник, – может только Сын разума – Человек, уразумевший единую душу во всем, прозревший, что весь род человеческий – одно, что отдельные видимые люди – есть бесчисленные, его же собственные отражения в зеркале единой души (хоть это и не точно)” (Клюев Н. Письма к Александру Блоку. 1907–1915. С. 225).

С. 123. ...как к Бедекеру... – Бедекер – название популярных путеводителей по разным странам, составляемых и издаваемых Карлом Бедекером.

С. 124. ...к описанию тезы и антитезы русского символизма... – Блок сохраняет в этой части своего доклада логику изложения Вяч. Иванова в его докладе, прочитанном 26 марта (см. конспект доклада в ЗК₃₀, с. 404–405 наст. тома).

Теза: “ты свободен в этом волшебном и полном соответствий мире”. – Цитата из доклада Вяч. Иванова (см. с. 404 наст. тома). *Соответствия* – важнейшая категория символистской эстетики и поэтики, обозначающая цель ассоциаций и семантических связей, окружающая тот или иной предмет или явление. Генетически восходит к сонету Ш. Бодлера “Соответствия” (“Correspondances”). В статье “Две стихии в современном символизме” (1908) Вяч. Иванов дает собственный подстрочный перевод сонета, называя его “основоположительным учением и как бы исповеданием веры новой поэтической школы” для “пионеров новейшего символизма”. Источниками идеи “соответствий” как “общения высших и низших миров” Иванов называет “мистическое исследование скрытой правды о вещах, откровение о вещах более вещных, чем самые вещи (*res reales*)” (Иванов Вяч. По звездам: Статьи и афоризмы. СПб.: Оры, 1909. С. 247–308). В экземпляре из библиотеки Блока данные фрагменты отчеркнуты (ББО-1. С. 296).

“Пойми, пойми, все тайны в нас, в нас сумрак и рассвет” (Брюсов). – Неточная цитата из поэмы В.Я. Брюсова “Царю Северного полюса” (1896–1900). Глава IX: “Голос”. У Брюсова: “Пойми – весь мир, все тайны в нас, / В нас Сумрак и Рассвет”.

“Я – бог таинственного мира, весь мир – в одних моих мечтах” (Сологуб). – Из стих. Ф. Сологуба “Я – бог таинственного мира...” (1896).

Ты – одинокий обладатель клада... – Мотив клада, дающего безграничную власть над миром, восходит к сюжету тетралогии Р. Вагнера “Кольцо нибелунга”. В первой сцене первой музыкальной драмы – “Золото Рейна” – золотой клад, символизирующий первоединую мудрость, силу и любовь, похищает со дна реки нибелунг Альберих, решившись на проклятие любви. Вслед за первым грехопадением (нарушение перволюбви) следует цепь обманов и убийств, золото, превращенное в кольцо, переходит из рук в руки. В третьей драме – “Зигфрид” – клад стережет дракон Фафнер, пока его не убивает свободный и не знающий страха герой Зигфрид, который и становится единоличным обладателем кольца (о значении вагнеровской мифологии для Блока см.: Kluge R.-D. Westeuropa und Russland im Weltbild Aleksandr Bloks. München, 1967; Бураго С.Б. Блок и Вагнер (Концепция человека и эстетическая позиция) // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. Т. 43. 1984. № 6. С. 522–536; Магомедова Д.М. Блок и Вагнер // Магомедова Д.М. Автобиографический миф в творчестве А. Блока. М., 1997. С. 85–110). См. выше (С. 406) записку Блока к Иванову о “мистической необходимости” слышать “Зигфрида” 1 апреля 1910 г., во время работы над текстом доклада.

...между этим миром и “мирами иными” ... – Важнейший для образной системы символизма мотив связи земного мира и “миров иных” восходит к поучениям старца Зосимы в романе “Братья Карамазовы” Ф.М. Достоевского: “Многое на земле от нас скрыто, но взамен того даровано нам тайное сокровенное ощущение живой связи нашей с миром иным, с миром горным и высшим, да и корни наших мыслей и чувств не здесь, а в мирах иных. Вот почему и говорят философы, что сущности вещей нельзя постичь на земле. Бог взял семена из миров иных и посеял на сей земле и взрастил сад свой, и взросло всё, что могло взойти, но взращенное живет и живо лишь чувством соприкосновения своего таинственным миром иным; если ослабевает или уничтожается в тебе сие чувство, то умирает и взращенное в тебе” (Часть вторая. Книга шестая. Русский инок. Ш. Из бесед и поучений старца Зосимы). В библиотеке Блока в издании: Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы: роман в 4-х ч. с эпилогом. Т. 1–2. СПб., 1881 соответствующий фрагмент (С. 503) отчеркнут, подчеркнут, на полях крестик (ББО-1. С. 270).

...лезвие таинственного меча уже приставлено к груди... – Мотив меча в поэзии и прозе Блока полигенетичен. Ближайший и наиболее вероятный источник – тетралогия

Р. Вагнера “Кольцо нибелунга”, в которой волшебный меч является символом действительной творческой воли и подвластен только герою, не знающему страха. Сцена ковки меча из третьей драмы тетралогии – “Зигфрид” – многократно отражена в поэтическом творчестве Блока (см. стих. “Поэт, красная, медь. Над горном...”, 1904; “Вот, в изнурительной работе...”, 1904; “Когда я создавал героя...”, 1907 – Т. 2 наст. изд. С. 41, 45, 94, а также коммент.: С. 604, 614, 712; см. Пролог к поэме “Возмездие” – Т. 5 наст. изд. С. 21, а также коммент. С. 411–412). В то же время меч, приставленный к груди, – один из этапов масонского обряда инициации. Блок был хорошо знаком с описанием этого обряда по книге А.И. Незеленова “Литературные направления в Екатеринбургскую эпоху (СПб., 1875. С. 136–137). См. краткий конспект этого источника и анализ других источников по истории масонства: *Владимирова И. (Душечкина И.В.), Григорьев М. (Альтшуллер М.Г.), Кумпан К. А.А.* Блок и русская культура XVIII века // *БС-4*. С. 62–65.

С. 124. ...символист уже изначально – теург, то есть обладатель тайного знания... – Понятие *теургии* (theurgia – греч. – божественное творчество) – одна из центральных категорий символистской эстетики. Впервые в русской эстетической мысли это понятие сформулировано В.С. Соловьевым в работах “Философские начала цельного знания” (1877) и “Критика отвлеченных начал” (1880). По Соловьеву, задача искусства как “свободной теургии” состоит в том, чтобы “пересоздать существующую действительность, на место данных внешних отношений между божественным, человеческим и природным элементами установить в общем и в частности, во всем и каждом, внутренние, органические отношения этих трех начал” (*Соловьев В.С. Критика отвлеченных начал // Соловьев В.С. Сочинения: В 2 т. М., 1988. Т. 1. С. 744*). Акцент на понимании задач теургического искусства как пересоздания жизни был подхвачен “младшими” символистами, для которых творчество новых форм жизни было столь же важно, как и создание художественных произведений (см. подробнее о понятии теургии: *Бройтман С.Н. Теургия // Дискурс: Коммуникативные стратегии культуры и образования. 1998. № 7. С. 96–99*). По наблюдениям Н.А. Богомолова, понятие “теург” в докладе Блока не совпадает с толкованием этого понятия в докладе Иванова, где теург назван “религиозным устройтелем жизни, истолкователем и укрепителем божественной связи сущего”, а дополняет и развивает его, соотнося понятие “теургии” с представлениями об эзотерических доктринах (*Богомолов Н.А. К истолкованию статьи Блока “О современном состоянии русского символизма” // Богомолов Н.А. Русская литература начала XX века и оккультизм. М., 1999. С. 193*).

...над которым расцветает цветок папоротника в июньскую полночь... – Согласно славянским народным поверьям, папоротник расцветает раз в году (в ночь на Ивана Купала). Нашедшему цветок папоротника открываются клады, он становится обладателем тайных магических знаний. Однако найти этот цветок и удержать его в руках почти невозможно. Ср., например, изложение легенды в труде А.Н. Афанасьева “Поэтические воззрения славян на природу”: «До сих пор во всех славянских землях верят, что без огненного цвета папоротника ни за что нельзя добыть клад. (...) О папоротнике рассказывают, что цветочная почка его разрывается с треском и распускается золотым цветком или красным, кровавым пламенем, и притом столь ярким, что глаза не в состоянии выносить чудного блеска; показывается это цветок в то же самое время, в которое и клады, выходя из земли, горят синими огоньками. Так в ночь на Светло-Христово Воскресенье, когда започуют в церквях “Христос Воскресе!” – развертывается дивный цветок во всей своей красе и в тот же миг увядает (...) Другая ночь, когда цветет папоротник, бывает среди лета – на Ивана Купалу» (*Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственными народов: В 3 т. М., 1995. Кн. 2. С. 192–192*). Блок читал Афанасьева на втором курсе университета, поскольку на лекциях И.А. Шляпкина это исследование рекомендовалось для чтения и реферировалось. Отсылки к труду Афанасьева содержатся и в статье “Поэзия заговоров и заклинаний” (Т. 12 наст. изд.). См.: *Померанцева Э.В.* Блок и фольклор // *Русский фольклор: Материалы и исследования. М.; Л., 1958. Т. 3. С. 209*;

Кумпан К.А. Заметки об источниках “Поэзии заговоров и заклинаний” // БС-5. С. 33. Это поверье отражено в стих. Блока 1899 г. “Накануне Иванова дня...” (Т. 4 наст. изд. С. 83–84), а также в стих. 1907 г. “Иванова ночь” (Т. 2 наст. изд. С. 73. См. также коммент. С. 668–669).

С. 124. *...хочет сорвать в голубую полночь – “голубой цветок”.* – Голубой цветок – символ недостижимого идеала у немецких романтиков, центральный образ романа Новалиса “Генрих фон Офтердинген” (1802), где этот образ связан с мотивами мистической любви к далекой возлюбленной. В первой главе романа герой вспоминает о слышанных им рассказах встречного чужестранца: “Нет, не клады пробудили во мне столь несказанное влечение, – говорил себе юноша. – Я далек от корысти: по голубому цветку я тоскую, увидеть бы мне только голубой цветок!” Далее описывается сон, в котором герой, пройдя сквозь испытания, видит себя у ключа рядом с расцветающим голубым цветком: “Ничто, однако, не влекло его с такой силой, как высокий светло-голубой цветок с большими, сверкающими листьями, окропленными родником. <...> Он вознамерился было подойти к цветку, когда цветок затрепетал и начал преобразовываться, <...> и цветок стал клониться к юноше, и над лепестками, как над голубым воротничком, возникли нежные черты”. В той же главе отец героя, видевший в молодости подобный сон, вспоминает слышанные им от своего спутника слова: “...если ты в Иванов день, когда свечереет, снова побываешь здесь и помолитесь Богу, чтобы Он даровал тебе уразумение этого сна, ты сподобишься высочайшего земного удела; только ты не пропусти голубого цветка, найди и сорви его здесь, а дальнейшее смиренно предоставь провидению” (Новалис. Генрих фон Офтердинген / Сост., пер., ст. В.Б. Микушевича. М., 2003. С. 8–9, 12). Тема Новалиса в значительной степени инспирирована студиями Вяч. Иванова, который с 1908 г. неизменно упоминал Новалиса в числе духовных предшественников символизма. В 1909 г. Иванов создал стихотворные переложения “Гимнов к ночи”, объединив их в стихотворный цикл “Лирика Новалиса”. 23 ноября 1909 г. он прочел о Новалисе лекцию в Петербурге под названием “Голубой цветок”. С.А. Ауслендер писал об этой лекции: «И расцветал таинственный “Голубой Цветок” в этих неожиданных вдохновенно-импровизированных словах о потерянном в столетиях и вновь найденном, нужном и близком нам Новалисе» (Ан. 1909. № 3. С. 41–42). См. подробнее: *Wachtel M.* Russian Symbolism and Literary Tradition: Goethe, Novalis and the Poetics of Vyacheslav Ivanov. Madison, 1994; *Богомолов Н.А.* Из предистории “Лирики Новалиса” Вяч. Иванова // *Богомолов Н.А.* Русская литература начала XX века и оккультизм. С. 203–210; *Силард Л.* Новалис и русская мысль начала XX века // Силард Л. Герметика и герменевтика. СПб., 2002. С. 136–147; *Дьендеши М.* Образы и идеи Новалиса в творчестве Блока // Дьендеши М. А. Блок и немецкая культура: Новалис, Гейне, Ницше, Вагнер; то же в сб.: *A. Blok und die deutsche Kultur: Novalis, Heine, Nietzsche, Wagner.* Frankfurt a.M.: Peter Lang, 2004. С. 19–58.

...“моря и реки, и дальний лес, и выси снежных гор”... – Из поэмы В.С. Соловьева “Три свидания” (1896).

Лишь забудешься днем, иль проснешься в полночи ~ Угадаешь ли ты? (Вл. Соловьев)... – Из стих. В.С. Соловьева “Лишь забудешься днем...” (1898). Прописные буквы, курсив в последних двух стихах проставлены Блоком (См.: *Максимов Д.Е.* Ал. Блок и Вл. Соловьев. (По материалам из библиотеки Ал. Блока) // Творчество писателя и литературный процесс. Иваново, 1981. С. 149).

...(здесь возникает первое глубокое знание о цветах)... – Символика цвета обсуждалась в переписке Блока и Белого 1903 г. См. письма Белого к Блоку от 24 или 25 февраля 1903 г.) и 14 июля (1903 г.) (*Белый и Блок.* С. 43–44, 80–81). См. также написанную в том же году, но опубликованную позднее статью Белого “Священные цвета” (*Белый Андрей.* Арабески. М., 1911. С. 115–129), а также не опубликованную при жизни Белого, но прочитанную Блоком статью «О религиозных переживаниях: К письму художника А.Б. и ответу Д.С. Мережковского “Новый путь”, февраль» (Литературное обозрение. 1995. № 4/5. С. 4–9).

С. 124. ...цвет, который мне всего легче назвать пурпурно-лиловым... – В письме Белого 14 июля (1903 г.) даются следующие пояснения: “В Христовом лике для меня три цвета: бархатнобелый (Св. Дух, человекобожеское) фон, переливающийся в голубое и наконец совершенно голубые, ослепительные пролеты (Сын Божий, богочеловечество). И все это резко очерчено узкими полосками *пурпура* (Отец). (...) *Пурпурное* – символ Отца на воплощенном плане. Он замыкает спектр” (*Белый и Блок*. С. 80–81). Чертеж спектра в письме Белого в форме замкнутого круга и одновременно в виде лестницы начинается с цвета “фиол(етовый) + пурпур”, далее следуют “син(ий), гол(убой), зол(отой), жел(тый), ор(анжевый), кр(асный)”. Согласно комментарию Белого: “До грехопадения так и было со спектром: он был замкнутой линией. Грехопадение – ошибка благодаря смешению *огненно-красного* с *огненно-пурпурным*, и отсюда срыв. Пурпур – тот огонь Отца, которым Христос сожжет землю и который для праведных будет восторгом, а для грешных *озеро огненное*, в которое будут повержены вместе со смертью” (*Там же*. С. 81).

С. 126. ...сквозить лицо среди небесных роз... – Ср. интерпретацию розового цвета в письме Белого к Блоку от 14 июля (1903 г.): «Она – Лучезарная Подруга манит нас к себе *розовым*. *Розовое* или 1) белое + красное, 2) белое + пурпурное. *Красное* – багряница страданий, сжигание греха, искупление, I-ое пришествие; *белое* (Св. Дух Утешитель, Предтеча II пришествия) – розовое – узел между Христом II пришествия и I-ого пришествия. Она не узел ли между Христом и нами – окно мира, дверь, “*Дева Радужных Ворот*” и т.д.» (*Там же*). В поэме В.С. Соловьева “Три свидания” (1898) третье видение Софии является герою в окружении роз. Ср.:

И я уснул; когда ж проснулся чутко, –
Дышали розами земля и неба круг.

И в пурпуре небесного блистанья
Очами, полными лазурного огня,
Глядела ты, как первое сиянье
Всемирного и творческого дня.

...он говорит: “*Не трижды ль Ты далась живому взгляду? – Твое лицо явилось, но всю Тебя хочу я увидеть*”. – *Голос говорит: “Будь в Египте*”. – В поэме В.С. Соловьева “Три свидания” герою трижды является видение Софии. Слова “*Не трижды ль ты далась живому взгляду*” звучат во вступлении к поэме, слова “*Твое лицо явилось, / Но всю тебя хочу я увидеть*” герой произносит в 3-й части поэмы. Последняя реплика – неточная цитата из той же главы: «“В Египте будь!” – внутри раздался голос». Блок цитирует эту строфу в письме к Белому (3 февраля 1903 г.), описывая собственные видения (*Белый и Блок*. С. 38).

...уже ясно предчувствуя изменение облика... – Автореминисценция из стих. “Предчувствую Тебя. Года проходят мимо...” (1901) (Т. 1 наст. изд. С. 60). Мотив “изменения облика”, воплощения небесного в земное, демоническое, отмечен в автокомментарии к “Стихам о Прекрасной Даме” в дневнике 1918 г. как “необыкновенно важный” (запись 30 (17) августа).

...предвидя приближение каких-то огромных похорон... – Мотив похорон связан с сюжетом последней драмы тетралогии Р. Вагнера “Кольцо нибелунга” “Гибель богов”, в которой после убийства Зигфрида звучит похоронный марш, предвещающий скорую эсхатологическую катастрофу: от погребального костра зажигается мировой пожар, в котором гибнут боги и герои.

В эту ночь золотисто-пурпурную ~ Уловил я во взоре Твоем. – Из стих. В.С. Соловьева “Июньская ночь на Сайме” (1896). В принадлежащем Блоку томе стихотворений Вл. Соловьева (3-е изд. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1900) стихотворение отмечено тремя знаками (√, χ, ≡), все стихотворение отчеркнуто, первые две строки подчеркнуты красным карандашом. Заглавная буква (“Во взоре твоём”) проставлена Блоком.

С. 126. ...*сине-лиловый мировой сумрак (лучшее изображение всех этих цветов – у Врубеля) при раздирающем аккомпанементе скрипок и напевов, подобных цыганским песням.* – Соединение имени Врубеля с темой “цыганщины” при описании кризисного этапа духовной и творческой эволюции у Блока ориентировано на давнее письмо ((18–19 декабря 1904 г.)) к нему Белого: «Опять началось. И на этот раз самый страшный бой: “зверь” набелился, нарумянился и незаметно присоединил свой голос к пиршеству лазури (цыганство, цыганский хаос) (...) Пахнуло “жертвенным врубелизмом”, а потом вдруг появились отовсюду радостные единороги, затанцевавшие вальс, они кричали: “Здравствуй” и радовались, что я проглядел их под маской безбурности. Но это был первый порыв бури, настоящая гроза только приближалась» (*Белый и Блок.* С. 188). Блок откликнулся на это письмо 23 декабря 1904 г.: “Слов не найду все равно, но знаю, знаю...” (*Там же.* С. 193), – восприняв символику Белого уже в 1904 г. как часть общего “мифа о мире”. Ср. также наблюдения А. Ханзен-Лёве о сравнительно поздней “демонизации” лилового цвета в символистском спектре под влиянием живописи Врубеля: “*Фиолетовая или лиловая окраска начинает приобретать значение только в переломный момент для мифопоэтического символизма, на переходе к карнавальной деструкции (...)* Здесь невольно приходят на ум преобладание фиолетово- и коричнево-золотистых тонов в символистской живописи, к примеру, Врубеля – в точности таких же, что и на деструктивной палитре Блока. У Бальмонта и Городецкого этот процесс еще скрыт в равноценной многоцветности мира красок, где *лиловый* цвет фиалки – лишь один из многих значений цветов; у Блока, Белого и Волошина *фиолетовый* (лиловый) – поначалу самое общее отражение некоего демонического потемнения синего и голубого” (*Ханзен-Лёве А. Русский символизм: Система поэтических мотивов. Мифопоэтический символизм начала века. Космическая символика.* СПб., 2003. С. 448–449).

...*мертвая кукла с лицом, смутно напоминающим то, которое сквозило среди небесных роз.* – Мотив превращения возлюбленной в куклу, означающий омертвление, травестию и отчуждение идеала, восходит к романтической традиции, прежде всего – к творчеству Э.-Т.-А. Гофмана (“Автоматы”, “Эликсиры Сатаны”, “Песочный человек”, “Щелкунчик и мышиный царь” и др.). В библиотеке Блока сохранилось издание: *Гофман Э.-Т.-А. Собрание сочинений.* СПб., 1896–1899. Т. 1–8 (*ББО-1.* С. 241–242) с пометами Блока в ряде томов, а также отдельное издание: *Гофман Э.-Т.-А. Житейская философия Кота Мура* с отрывками из биографии Йоганна Крейсера в отдельных местах макулатурной бумаги: В 2 т. / Пер. М.А. Бекетовой. СПб., 1894 (*ББО-1.* С. 243). На формирование образа куклы на катафалке, возможно, повлияли впечатления Блока от петербургского паноптикума (Невский пр. 86, в котором была выставлена кукла-автомат, изображающая египетскую царницу Клеопатру с жалаящей ее грудь черной змейкой в руке. См. стих. 1908 г. “Клеопатра” (Т. 2. наст. изд. С. 138, а также коммент. С. 775–777). Упоминание о Клеопатре в данной статье см. ниже, с. 131 наст. тома.

...*он полон многих демонов (иначе называемых “двойниками”).*... – Мотив демонического двойничества по отношению к художнику также восходит к традициям романтизма. См. подробный обзор развития этой темы в западной и русской литературе: *Максимов Д.Е. Об одном стихотворении (“Двойник”) // Максимов-И. С. 152–182; а также коммент. к стих. “Двойник” – Т. 3 наст. изд. С. 589).*

С. 127. ...*балаганом, где сам я играю роль наряду с моими изумительными куклами.*... – Тема “балагана” отсылает к этапу “антитезы” 1906–1907 гг., времени написания и постановки пьесы “Балаганчик” (Т. 6 наст. изд.), а также стихотворений “балаганной” тематики: “Потеха! Рокочет труба...”, “Балаганчик”, “Поэт”, “У моря”, “Балаган” (Т. 2 наст. изд. С. 56–59, 88, а также коммент. С. 632–637, 700–703).

...*(ecce homo!).* – Се человек! (*лат.*). Слова, с которыми Понтий Пилат вывел Иисуса Христа к первосвященникам (Ин 19: 5).

...*(мгновенье, остановись!).* – Перефразированные слова Фауста из трагедии И.В. Гёте (Ч. I. Сц. 4). По уговору Фауста и Мефистофеля, эти слова, обозначающие по-

кой, блаженство, довольство жизнью, должны были отдать душу Фауста во власть силам ада. По поводу этих слов Н.А. Клюев писал Блоку 5 ноября 1910 г.: «Когда утрачен мысленный чертеж постройки, а упорные думы не хотят вспомнить его. Страшный, зловещий час (Мгновенье – остановись!). Безмолвие, холод и дым. И над бездной жалкие и жадные строители. Если действительно это так, то строителям ничего не остается делать, как “спасаться”, – побросать циркули и молотки, все предумышленные вычисления и схемы, спуститься в зеленый дол и, не оглядываясь, рассеяться каждому в свою отчизну» (Клюев Н. Письма к Александру Блоку. 1907–1915. С. 224).

...то, что я (лично) называю “Незнакомкой”... – Образ Незнакомки как многократного земного воплощения Души мира впервые появляется у Блока в 1903 г., в письме к Белому от 3 февраля. Пытаясь описать одно из своих “видений” и цитируя тот же отрывок из поэмы В.С. Соловьева “Три свидания”, что и в данной статье (“Я ей сказал: Твое лицо явилось...”), Блок писал: “В каком-то пятне (опять не зрительное и т.д.) мелькает и дрожит, то расширяя, то сжимая самую себя, сущность и цель. (...) Рассматриваю и созерцаю Незнакомку. Вот здесь – Ее спокойное, а здесь – вихревое. Это – Ее время – история (так сменялась Она в истории – отдыхала в греческих мраморах и разметала торговые города на Средиземном море во время крестовых походов). Это – ее пространство – догма (так сменяется Она пространственно – здесь вот взмахнула крыльями и приняла контур горы, а здесь – легла и распласталась в пустыню, манящей попой указав сама свою подчиненность – женское, а не Женственное). Но все это – только одно, и знаю, что это победится Иным. Здесь – мучительные придатки и убьли Вечно-Женственной, когда же и где же она сама?” (Белый и Блок. С. 38). Позднейшее воплощение этого образа в 1906 г. – пьеса “Незнакомка” (Т. 6 наст. изд.) и стихотворения “Незнакомка” и “Там дамы щеголяют модами...” (Т. 2 наст. изд. С. 122, 126, а также коммент. С. 759–764).

...дьявольский сплав из многих миров... – Эта формула была использована Блоком в 1914 г. в финальном стихотворении цикла “Кармен” “Нет, никогда моей, и ты ничьей не будешь...”: “Там – дикий сплав миров, где часть души вселенской / Рыдает, исходя гармонией светил” (Т. 3 наст. изд. С. 155).

Шлейф, забрызганный звездами ~ Вихрем поднятый костер. (“Земля в снегу”)... – Т. 2 наст. изд. С. 78.

Там, в ночной завывающей стуже ~ Бубенцами призывной брэнча. (“Нечаянная Радость”) ... – Т. 2 наст. изд. С. 65.

С. 128. ...“зарницу меж бровями туч” Вакха (“Эрос” Вяч. Иванова)... – Неточная цитата из стих. Вяч. Иванова “Вызывание Вакха” (1906) из кн.: Иванов Вяч. Эрос. М.: Оры, 1907. У Иванова: “Под бровями туч зарница”. Книга сохранилась в библиотеке Блока с авторской дарственной надписью (ББО-1. С. 297).

...различаю перламутры крыльев (Врубель – “Демон”, “Царевна-Лебедь”)... – О символическом восприятии образа Царевны-Лебеди в творчестве Врубеля и о ее связи с образом Фаины из драмы “Песня Судьбы” см.: Гордин А.М., Гордин М.А. Александр Блок и русские художники. Л., 1986. С. 169–175.

...слышу шелест шелков (“Незнакомка”). – Один из постоянных атрибутов “стихийной” демонической героини лирики и драматургии Блока периода “антитезы” – “черное шелковое платье” (см. стих. “Незнакомка” (т. 2 наст. изд.), драмы “Незнакомка” и “Песня Судьбы” (т. 6 наст. изд.), прозаическую “Сказку о той, которая не поймет ее” (т. 7 наст. изд.) и др.).

...возникают вопросы о проклятии искусства, о “возвращении к жизни”, об “общественном служении”, о церкви, о “народе и интеллигенции”. – Блок перечисляет темы своих статей 1907–1909 гг.: “Литературные итоги 1907 года”, “Вопросы, вопросы и вопросы”, “Народ и интеллигенция”, “Стихия и культура” и др.

С. 128. Как сорвалось что-то в нас, так сорвалось оно и в России. ~ и перед нами. – Д.С. Мережковский в статье “Балаган и трагедия” (Русское слово. 1910. № 211. 14 сент.), ссылаясь на эти слова Блока, писал: «И не видят они, что если в душе у них “сорвалось”, то в России продолжается трагедия, и что надо быть черною сотнею, чтобы считать человеческую кровь за клюквенный сок» (полемику Блока с Мережковским см. в статье “Открытое письмо Мережковскому”. С. 134 наст. тома).

...в лучах этой новой (вовсе не некрасовской, но лишь традицией связанной с Некрасовым) гражданственности... – Поворот Блока и Белого к социальной и гражданской тематике 1907–1909 гг. сопровождался усилением роли некрасовских реминисценций, тематических и стилистических переключек. Сборник Андрея Белого “Пепел” (СПб.: Шиповник, 1909) был посвящен памяти Некрасова и сопровождался эпиграфом из его стихотворения “Что ни год, уменьшаются силы...” (1861). Блок сделал некрасовского Коробейника персонажем своей драмы “Песня Судьбы” и завершил цитатой из “Коробейников” предисловие к сборнику “Земля в снегу” (М., 1908). – См.: Т. 2 наст. изд. С. 218. При получении этой книги Вяч. Иванов писал Блоку 12 ноября 1908 г.: “Некрасовщина Вам также не к лицу – *tempi passati**... Не знаю, понятен ли я? Мне кажется, что и в народничестве Вашем – новое вино: зачем же старые мехи?” (Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. Т. 41. 1982. № 2. С. 170).

...помимо воли пославшего их... – Парафраза евангельских слов: “творить волю Пославшего Меня” (Ин 4: 34). Ср. фразу, записанную в ресторане “Яр” 20 января 1910 г. и повторенную 11 марта: “Скрипки жаловались помимо воли пославшего их” (ЗК₃₀).

...(это в полях тоскует мировая душа)... – Данный фрагмент воспроизводит гностический миф о тоскующей Душе мира – Софии, низвергнутой на землю, разлученной с Мировым Умом и заключенной в плен земного телесного бытия (см. об этом также в статье “Рыцарь-монах”. С. 141–142 наст. тома). Подробнее о значении гностической мифологии для Блока см.: Магомедова Д.М. Блок и гностики // Магомедова Д.М. Автобиографический миф в творчестве А. Блока. М., 1997. С. 70–85.

...последнее предостережение – хвостатая звезда. – В 1910 г. к Земле возвращалась комета Галлея, появляющаяся с периодичностью 75 1/2 лет. О комете активно писали в периодической печати, обсуждая возможность катастрофических последствий ее сближения с Землей. В январских письмах к матери (11, 13 и 27 января) Блок неоднократно упоминал об угрозе гибели от кометы: “Известно ли тебе, что кроме кометы Галлея (безопасной, вроде Нат. Ник.), идет другая неизвестная – настоящая незнакомка? Хвост ее, состоящий из синерода (отсюда – синий взор) может отравить нашу атмосферу, и все мы, помирившись перед смертью, сладко заснем от горького запаха миндаля в тихую ночь, глядя на красивую комету” (Письмо от 11 января). Этой теме посвящено стих. “Комета” (Т. 3 наст. изд. С. 95, а также коммент. С. 784–786). Образ кометы появляется и во вступлении к Первой главе поэмы “Возмездие” (Т. 5 наст. изд. С. 25).

...(несколько иначе об этом – см. моя пьеса “Песня Судьбы”). – Блок ссылается на вступительную ремарку и монолог Германа, открывающие последнюю, Седьмую, картину пьесы “Песня Судьбы” (1908): “Хмурый морозный день. Пустая равнина, занесенная снегом. (...) Ветер свистит и грозит метелью; сквозь ветер звенят как будто далекие, удалые бубенцы. (...)”

Герман

Все миновало. Прошлое – как сон.
Холодный, бледный день. Душа, как степь,
Не скованная ни единой цепью,
Свободная от края и до края (см. т. 6 наст. изд.).

* Устарело (итал.). – Ред.

С. 129. ...а у нас лица обожжены и обезображены лиловым сумраком. – Образ художника, прошедшего сквозь ад, возникает у Блока в речи “Памяти Врубеля” (С. 120 наст. тома), а также в стихотворении 1913 г. “Как свершилось, как случилось?..” (Т. 3 наст. изд. С. 52). См. прослеженные параллели в тексте этого стихотворения с данной статьей в комментарии – Т. 3 наст. изд. С. 666–669.

Тем, кто величает нас “апостолами сна и смерти” ... – Источник цитаты не установлен.

...крещены “огнем и духом” символизма. – Парафраза слов Иоанна Крестителя: “Я крещу вас в воде в покаяние; но Идущий за мною сильнее меня; я не достоин понести обувь Его; Он будет крестить вас Духом Святым и огнем” (Мф 3: 26).

...Врубель видел сорок разных голов Демона... – Ср. заметку в ЗК₂₀ 6 марта 1908 г.: “Раз сорок Врубель рисовал голову Демона (...) Раз пришли и увидали совсем гениальное лицо. Потом, говорят, он опять испортил его. Хотя бы – легенда”.

Недаром В. Брюсов завещал художнику: “Как Данте, подземное пламя должно тебе щеки обжечь”. – Из стих. В.Я. Брюсова “Поэту” (1907) (см.: Брюсов В.Я. Пути и перепутья: Собрание стихов. М.: Скорпион, 1909. Т. 3: Все напевы. 1906–1909).

По бессчетным кругам Ада может пройти, не погибнув, только тот, у кого есть спутник, учитель и руководительная мечта о Той, которая поведет туда, куда не смеет войти и учитель. – Речь идет о сюжете “Божественной комедии” Данте Алигьери. Проведя Данте через Ад и Чистилище, Вергилий оставляет его: в Раю Данте встречается и сопровождает Беатриче. Ср. тот же мотив в стих. “Песнь Ада” (Т. 3 наст. изд. С. 10), а также в авторских примечаниях к строке из него “Где спутник мой? О, где ты, Беатриче? – Иду один”: “Современность не обладает не только райской спутницей, Божественной Мудростью, но и земною мудростью язычника Вергилия, который сопровождал Данту в Аду и у райской двери передал его Беатриче (Inferno I, 112–114)” (Т. 3 наст. изд. С. 196).

Восторг души – расчетливым обманом ~ Он заменил и обманул глупцов. – Из стих. В.С. Соловьева “Восторг души расчетливым обманом...” (1885).

С. 130. ...лиловые миры захлестнули и Лермонтова, который бросился под пулю свою волей... – Блок неоднократно отмечал “связь демонов Лермонтова и Врубеля” (Т. 3 наст. изд. С. 196). В своем суждении о свойственной Лермонтову демонической игре со смертью Блок переключается с Д.С. Мережковским (“Лермонтов – поэт сверхчеловечества” (1908–1909), первая публикация: РМ. 1909. № 3). Полемизируя со статьей В.С. Соловьева “Лермонтов”, Мережковский писал: «Самое тяжелое, “роковое” в судьбе Лермонтова – не окончательное торжество зла над добром, как думает Вл. Соловьев, а бесконечное раздвоение, колебание воли, смешение добра и зла, света и тьмы. (...) Вот почему у Лермонтова так поразительно сильно чувство вечной необходимости, чувство рока – “фатализм”. Все, что было во времени, будет в вечности; нет опасного, потому что нет случайного.

Кто близ небес, тот не сражен земным.

Отсюда – бесстрашие Лермонтова, его игра со смертью. (...)

“Никогда не забуду того спокойного, почти веселого выражения, которое играло на лице его перед дулом пушечного, уже направленного на него”, – рассказывает кн. Васильчиков о последних минутах Лермонтова» (Мережковский Д.С. В тихом омуте: Статьи и исследования разных лет. М., 1991. С. 395–396).

...Гоголя, который сжег себя самого, барахтаясь в лапах паука... – См. коммент. к статье “Солнце над Россией” (С. 324 наст. тома).

...безумие Врубеля, гибель Коммунарской... – Блок неоднократно писал о собственном восприятии смертей М.А. Врубеля (1 апреля 1910 г.), В.Ф. Коммунарской (10 февраля 1910 г.) и Л.Н. Толстого (7 ноября 1910 г.) как о событиях, завершающих зна-

чительный этап в жизни русской культуры (см. об этом в предисловии к поэме “Возмездие” – Т. 5 наст. изд. С. 48, а также с. 118–121 наст. тома).

С. 130. ...Леонардо заранее przygotowляет черный фон, чтобы на нем выступали очерки Демонов и Мадонн... – Мотив “черного воздуха”, “черного неба”, связанный с темой хаоса, появляется у Блока в записях во время итальянского путешествия 1909 г. Первая запись сделана во Флоренции 16 мая: “Вижу флорентийские черепицы и небо. Вот они – черные пятна. Я еще не отрезвел вполне – и потому правда о черном воздухе бросается в глаза” (ЗК₂₅). Тогда же появляется набросок стихотворения “Жгут раскаленные камни...” (Т. 3 наст. изд. С. 74), в котором упоминается “черное небо Италии”. 18 мая во время посещения флорентийской галереи Питти (Палатинская, или Дворцовая галерея) Блок записывает: «Монахиня срисовывает “Благовещенье” Леонардо... А он понимал, кажется, что воздух – черный» (ЗК₂₅).

...Каррьер – из серой сетчатой мглы. – Французский портретист Эжен Каррьер (Eugène Carrière, 1849–1906) в 1890-е годы отказался в своем творчестве от цветовой палитры и четкой линии. В некрологе “Карриер” М. Волошин писал: “В нем нет ничего законченного, ни одной определенной линии – одни световые волокна, кругообразные вихри, точно звезды туманности, из которых складываются человеческие лица и фигуры” (ЗР. 1906. № 4. С. 74). Картины Каррьера демонстрировались в России, в частности на первой международной художественной выставке “Мира искусства” в 1899 г.

“А небо? ~ Ей, не бойся, не в воздухе ты...” – Повесть Белого “Серебряный голубь” впервые была опубликована в “Вессах” (1909. № 3, 4, 6, 7, 10, 11, 12). Цитированный фрагмент из Главы первой “Целебеево” (подглавка “Дарьяльский”) приведен в сокращении.

Предчувствую Тебя. Года проходят мимо. ~ Но страшно мне: изменишь облик Ты... – Т. 1 наст. изд. С. 60.

“Ты дал неложное обетование, что блаженные младенцы будут в Царствии Твоем”. – Требник. Ч. I. Гл. 20. Песнь 3.

“Да воскреснет”. – Пс 67: 2.

...заря той первой любви. – О значении мотива “первой любви” см. коммент. к статье “Генрих Ибсен”, с. 338 наст. тома.

С. 131. Все мы как бы возведены были на высокую гору, откуда предстали нам царства мира в небывалом сиянии лилового заката... – Данный фрагмент соотносится с евангельским сюжетом искушения Христа. Ср.: «И, возведши Его на высокую гору, диавол показал Ему все царства вселенной во мгновение времени. И сказал Ему диавол: Тебе дам власть над всеми сими царствами и славу их; ибо она предана мне, и я, кому хочу, даю ее. Итак, если Ты поклонись мне, то все будет Твое. Иисус сказал ему в ответ: отойди от Меня, сатана; написано: “Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи”» (Лк 4: 5–8; ср. также: Мф 4:8–10).

Мы растворили в мире “жемчужину любви”. Но Клеопатра ~ страсть заставила ее положить на грудь змею. – Согласно пересказанным Плутархом преданиям о египетской царице Клеопатре (68–30 в. до н.э.), она растворила бесценную жемчужную подвеску в чаше вина и выпила ее на пиру перед римским полководцем Марком Антонием, желая показать свое безразличие к роскоши и богатству. После того как войска Антония и Клеопатры были разбиты в битве при Акциуме, вначале покончил с собой Антоний, а затем Клеопатра дала укусь себя змее.

Я никогда не знал, что может ~ в чем наш весь простор. – Из стих. О. Уайльда “Баллада Рэдингской тюрьмы” в переводе К.Д. Бальмонта.

...от “играющего случая”... – Из стих. В.Я. Брюсова “Грядущие гунны” (1904):

И что, под бурей летучей,
Под этой грозой разрушений,
Сохранит играющий случай
Из наших заветных творений?

С. 131. Скакун на волю господина ~ Его во мраке догнала. – Неточная цитата из поэмы М.Ю. Лермонтова “Демон” (Ч. I. Гл. XIII). У Лермонтова: “Скакун лихой, ты господина / Из боя вынес, как стрела”.

...*созерцать все священные разговоры (“santa conversazione”)*... – “Santa conversazione” или “sacra conversazione” – особый жанр алтарной живописи, возникший в XV в. в Италии, – композиция, в центре которой изображается Богоматерь с младенцем, а по сторонам святые и музицирующие ангелы. Блок видел картину Дж. Беллини “Madonna col bambino e santi” в галерее Академии в Венеции (отмечено в ЗК₂₅ (между 1 и 8 мая) 1909 г.).

...и *свержение Антихриста, как Беллини и Беато*. – Имеется в виду фреска Луки Синьорелли в Новой Капелле Орвьетского собора “Свержение Антихриста”. В Примечаниях к III₃ Блок пишет: “Художники Возрождения любили изображать себя самих на своих картинах, в качестве свидетелей или участников. Одни – сладострастно подсматривают из-за занавески, как старцы за купающейся Сусанной; другие – только присутствуют в качестве равнодушных участников (...); присутствие третьих, по-видимому, необходимо и имеет уже характер какого-то таинственного действия: так, на фреске в Новой Капелле Орвьетского собора, изображающей свержение с небес антихриста, автор фрески Лука Синьорелли изобразил себя самого и фра Джиованни Анжелико – свидетелями великого события; оба художника стоят спокойно, в темных одеждах, со сложенными руками, напоминая позами ангелов (на других фресках той же капеллы), которые так же спокойно взирают с небес на толпу грешников, обреченных на вечные муки геенны, а перед ними волнует целое море обнаженных тел и напряженных мускулов” (Т. 3 наст. изд. С. 197).

...*паломничество Синьорелли, который, придя на склоне лет в чужое скалистое Орвьето, смиренно попросил у граждан позволить ему расписать новую капеллу*. – Судя по (Списку итальянских тем) (Т. 9. наст. изд.), составленному Блоком в 1909 г., при начале работы над задуманной и неоконченной книгой “Молнии искусства”, первоначально он намеревался посвятить Новой Капелле особый очерк: в перечне тем значится: “Capella Nuova (Fra Angelico e Signorelli)” (ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. № 230. Л. 3об.). На осмысление этой темы, возможно, повлияло чтение книг по итальянскому Возрождению летом 1909 г. (см. список в ЗК₂₆). 20 августа Блок писал Е.П. Иванову: “Я все читаю книги о Возрождении и вычитал много замечательного”. Сюжет о Новой Капелле излагается в кн.: *Зайчик Р.* Люди и искусство итальянского Возрождения (СПб., 1906): «5 апреля 1899 г. Лука Синьорелли появился в “Opera del Duomo” в Орвието и предложил закончить плафон в капелле С. Бризио, начатый пятьдесят лет тому назад Беато Анжелико, но оставшийся недоконченным. Синьорелли, которому в то время было около шестидесяти лет, обладал уже известностью не только в своем родном городе Кортоне, но и в других городах Италии (...) Его фрески в “Capella Nuova” в Орвието – высшее выражение его художественной личности, потому что здесь ему представился подходящий сюжет, над которым первобытная сила его дарования могла работать в полной мере. Всем этим фигурам осужденных и блаженных, дьяволов и ангелов, небес и преисподней свойственно движение и вместе с тем пластическая ясность. Скелеты, пробуждающиеся к жизни, борьба демонов с их жертвами, смелый полет вниз дьявола с женщиной на спине, падение антихриста и гибель мира – все это производит драматическое впечатление» (С. 250–251). В экземпляре книги из библиотеки Блока весь фрагмент отчеркнут на полях красным карандашом. – ББО-1. С. 282.

Автограф неизвестен.

Впервые напечатано: *Р.* 1910. № 100. 12(25) апреля. Подпись: “Александр Блок”.

В Собрание сочинений впервые включено: *СС-12₁₀*. С. 195–198.

Печатается по тексту первой публикации со следующим исправлением:

С. 134, стр. 17: станет тем, чем только и может быть *вместо:* станет тем, что только может быть

Первоначальный замысел статьи возникает у Блока в конце января 1910 г., после получения книг от Н.Д. Санжарь и П.И. Карпова. В письме 14 января Н.Д. Санжарь, посылая свою автобиографическую повесть “Записки Анны” (СПб., 1910), просила Блока: “Прочитайте хоть Вы ее так, как надо... Я много наслушалась о ней всякой всячины и устно, и печатно – в провинции в особенности ее отметили, – но чего-то главного, главного я до сих пор не слышу” (Письма Н.Д. Санжарь к А.А. Блоку / Вступ. ст., публ., примеч. А.Е. Заблочки // Лица: Биографический альманах. 7. М.: СПб., 1996. С. 93).

Двумя неделями позже, 26 января, Блок получил книгу статей П.И. Карпова “Говор зорь” (СПб., 1910). Книга сохранилась в библиотеке Блока (*ББО-2*. С. 16). В сопроводительном письме Карпов просил: «Не можете ли Вы написать о моей книжке в “Речи” (...) желательнее было бы знать Ваше мнение, которое я высоко ценю» (Блок и П.И. Карпов / Вступ. ст., публ. и коммент. К.М. Азадовского // *БС ИРЛИ-II*. С. 255). 27 января Блок отвечал Карпову: “Я бы хотел отнестись к Вашей книжке совершенно свободно и, значит, прошу Вас не настаивать на том, чтобы я писал о ней сейчас же. Может быть, напишу и скоро, может быть, и не напишу; главное же, верю, что книжка эта не пройдет для меня бесследно”. В ответном письме 28 января Карпов высказывает мысль о внеличном значении своего литературного творчества, которая была сочувственно воспринята и развита Блоком не только в данной статье, но и в статье “Пламень” (С. 160 наст. тома): “Моя личность в данном случае ни при чем, и меня вовсе не интересует, что будут писать лично обо мне или моих писаниях. Говоря совершенно откровенно, я хотел даже издать книжку без подписи, просто как голос из народа, дабы не было обвинения в самозванстве и рекламе. (...) В том-то и дело, что книжка издана с целью защиты народа от клеветы и поклепа. Можно даже не упоминать не только моего имени, но и названия книжки, лишь бы было громко заявлено о чаяниях и думах народа. (...) Иногда нет сил терпеть при виде только одной неправды. Сердце разрывается на части! (...) О срочности не может быть и речи. Я полагаюсь во всем на Вас” (Блок и П.И. Карпов. С. 257–258).

Статья была написана в начале апреля, одновременно с докладом “О современном состоянии русского символизма” (С. 123 наст. тома). Влияние концепции доклада ощущается в концовке статьи, где Блок цитирует доклад Вяч. Иванова “Заветы символизма”. О своей работе над статьей Блок упоминает в письме к матери 5 апреля 1910 г.: “Я терзаюсь статьями, мне тошно от рассуждений, хочется быть художником, а не мистическим разговорщиком и не фельетонистом. (...) Может статься, что я брошу начатый фельетон и ответ Вячеславу”.

Статья явилась последней в 1910 г. публикацией в газете “Речь”, завершившей регулярные выступления Блока-критика в печати. Сам Блок воспринимал публикацию этой статьи как конец газетной поденщины. 12 апреля 1910 г., в день выхода статьи, он писал матери: “Я тут разделался с фельетонами”. В письме к В.И. Кривичу 13 апреля 1910 г. он сообщал: «С “Речью” я все равно разделался до осени, Бог с ней. Лучше, когда приду в себя, буду думать о статье для какого-нибудь журнала, если не поставлю креста над статьями вообще, в чем чувствую большую потребность».

В *СпМ* против названия статьи помета: “(Бунин, Бальмонт и другие)”. В (Плане собрания сочинений) завершает раздел “Литературная критика”.

С. 132. Я говорю, разумеется, об И.А. Бунине. Этот образованный, спокойный, умный и тонкий поэт очень уж не вяжется с академией... – 1 ноября 1909 г. И.А. Бунин был избран почетным академиком по разряду изящной словесности Академии наук. Блок писал о Бунине в статьях “О лирике” (Т. 7 наст. изд. С. 68–70), “Письма о поэзии” (С. 49 наст. тома).

“Тяжкий млат” надробил “стекла” слишком достаточно, а булата и по сю пору не сковал. – Перефразированные строки из поэмы А.С. Пушкина “Полтава”, Песнь первая (1828).

...можно ли говорить о “третьих томах” Скитальцев или Ратгаузов... – Речь идет о следующих изданиях: *Скиталец*. Собрание сочинений. СПб.: Знание, 1907. Т. 3: Рассказы. – Этапы. – Стихотворения; *Ратгауз Д.* Полное собрание стихотворений. СПб.: Изд. т-ва Вольф, 1906. Т. 3: Тоска Бытия. Блок сочувственно отозвался о повести Скитальца “Огарки” в статье “О реалистах” (Т. 7 наст. изд. С. 49–50). Но уже 1 сентября 1907 г. записал: “Ведь все одно и то же: о Скитальце два раза не поговоришь” (*ЗК₁₇*).

С. 133. ...откроем его новую книжку “После Голгофы” ... – Фофанов К.М. После Голгофы: (Мистерия-поэма). СПб., 1910.

Зачем так безбожно неярливо относиться к русскому языку, произнося слова “слышно” и “стерта” с ударениями на последнем слоге? – Упреки в небрежности стиля были распространены в критической литературе о Фофанове. Ср.: “... Фофанов совершенно лишен способности отделять свои стихотворения, и сборники его полны поразительных недостатков и прямых курьезов” (*Венгеров С.А.* Этапы неоромантического движения // *Русская литература XX века (1890–1910)*: В 2 кн. / Под ред. проф. С.А. Венгерова. М., 2000. Кн. 1. С. 54.

...пошлость, вроде незабвенных “дачки” и “балкончика”... – Из стих. К.М. Фофанова “На даче”. В.Г. Короленко писал Н.К. Михайловскому по поводу этого стихотворения 2 января 1888 г.: “Дачный вечер, дачная луна, стакан чаю и булка, свежая булка. Как это близко и как это понятно петербургскому гомункулу. И он желал бы, чтобы писатели ограничили все свои фантазии улицей, извозчиком, дачей, а в качестве идиллии – чай ароматный и свежая булка. Это реально” (В.Г. Короленко о литературе. М., 1957. С. 466).

Такова, видно, нововременская культура. Соседство с М. Ивановыми, Кравченками и Вильде... – К.М. Фофанов регулярно печатал стихи в охранительно-консервативной газете “Новое время”. В день закрытия этой газеты по распоряжению Временного правительства 29 августа 1917 г. Блок отметил в дневнике: “...уничтожено место, где несколько десятков лет развращалась русская молодежь и русская государственная мысль”. *Михаил Михайлович Иванов* (1849–1927) – музыкальный критик и композитор, заведующий музыкальным отделом “Нового времени”. *Николай Иванович Кравченко* (1867–1941) – художник, художественный критик, постоянный корреспондент газеты. *Николай Николаевич Вильде* (2-я пол. 1860-х годов–1918) – журналист, драматург, прозаик, постоянный сотрудник “Нового времени”.

...не литература, а “человеческие документы”. – Выражение “человеческий документ” в литературной критике начала XX в. означало “подлинный (или псевдоподлинный) фрагмент автобиографического характера, осмысляемый автором как своеобразный документ эпохи” (*Заблоцкая А.Е.* “Автобиографический документ” в творчестве А. Блока 1918–1921 годов // *БС ИРЛИ-III*. С. 179). Блок пользовался этим выражением также в статьях “Пламень” (С. 160 наст. тома), “Дневник женщины, которую никто не любил” (Т. 9 наст. изд.).

...это вся “больная Россия” (и этой ли России посвящена последняя книга *Мережковского*)?... – *Мережковский Д.С.* Больная Россия. СПб., 1910.

...“Записки Анны” *Надежды Санжарь* и “*Говор зорь*” *Пимена Карпова*. – Сопоставление книг П.И. Карпова и Н.А. Санжарь см. также в статье “Пламень” (С. 161 наст.

тома). О взаимоотношениях Блока и Н.А. Санжарь см.: Письма Н.Д. Санжарь к А.А. Блоку. С. 79–111.

С. 133. ...новая книга Бальмонта – “Морское свечение”. – Бальмонт К. Морское свечение. СПб.; М.: Изд. т-ва Вольф, 1910.

С. 134. ...за его “малые зерна” и “рдяные звезды”... – Названия критических статей Бальмонта, входящих в книгу “Морское свечение”. Первые публикации: Малые зерна. Мысли и ощущения // В. 1907. № 3. С. 47–60; Рдяные звезды. Мысли и ощущения // ЗР. 1907. № 7/8/9. С. 91–99.

“Мир волшебен! Ты свободен! Дерзай!”. – Слова из доклада Вяч. Иванова “Заветы символизма” (см. конспект доклада в ЗК₃₀, 26 марта). См. также: Ап. 1910. № 8. С. 15.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО МЕРЕЖКОВСКОМУ
ПО ПОВОДУ ЕГО СТАТЬИ «РЕЛИГИЯ И БАЛАГАН»,
НАПЕЧАТАННОЙ В «РУССКОМ СЛОВЕ» 14 сент(ября)

(С. 134)

ЧА – без даты, заглавия, подписи – ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. № 187.

При жизни Блока не публиковалось. Впервые напечатано: Русский современник. 1924. № 3. С. 150–152, под названием: “Набросок статьи”.

В Собрание сочинений впервые включено: СС-2. Т. 2. Под названием: “(Ответ Мережковскому)”.

Печатается по верхнему слою ЧА. Заглавие статьи дано по СпМ.

Статья представляет собой неоконченный ответ на статью Д.С. Мережковского “Балаган и трагедия” (Русское слово. 1910. № 211. 14 (27) сент.) по поводу докладов Вяч. Иванова “Заветы символизма” и Блока “О современном состоянии русского символизма”, опубликованных в журнале “Аполлон” (1910. № 8). См. с. 406–407 наст. тома. О том, что Мережковский пишет статью об этих докладах, сообщает Блоку З.Н. Гишпиус 15 июля 1910 г., не вдаваясь, однако, в существо дела: “Дм(итрий) Серг(еевич) пишет о Вашей статье в Аполлоне. Для Русск(ого) Слова” (БС-4. С. 182). 31 июля она вновь упоминает о статье: “Статью Дм(итрия) Серг(еевича) о Вас и о символизме надо было поправить в смысле цензурном, оттого вышла задержка. На днях она будет напечатана” (Там же. С. 183).

В октябре до Блока, находившегося в Шахматове, начинают доходить неблагоприятные слухи о статье Мережковского, и он делает несколько попыток получить ее текст: «Не попадалась ли Вам статья Мережковского из “Русского слова”, где он, кажется, пробирает меня за “символизм”? Если она у Вас есть случайно, пришлите, пожалуйста, я Вам возвращу в целостности; старался письменно добыть у Зинаиды Николаевны, но безрезультатно» (Из письма А.Д. Скалдину 17 октября 1910 г.). Как вспоминал А.Д. Скалдин, статья “кажется, и была ему послана” (Письма Александра Блока. С. 190). С аналогичной просьбой Блок обращается к Е.П. Иванову, который в письме к Блоку 29 октября 1910 г. сообщает о своих безуспешных поисках газеты и заключает: “Право, тебе остается одно: ехать в Москву в контору. И там купить. Но стоит ли? Охота тебе все с кем-то сражаться, отгрызаться, а не идти прямо своим путем” (ИРЛИ. Ф. 662. № 42). 22 октября Блок пишет Белому: «Недавно (...) я прочел выдержки из фельетона Мережковского о статьях Вяч. Иванова и моей. К сожалению, могу только догадываться о том, что пишет Мережковский, но, кажется, я прав: Мережковский ничего не захотел понять (или действительно не понял? оттого я спрашиваю, ясно ли написана статья). Сверх того, Мережковский решил, что статьи суть проявление “мании величия” на почве больной русской общественности. Если это так, то мне больно, что Мережковский отнесся так именно к той статье, которая наиболее исходит от меня – человека; пока я “получеловечно” писал о промежу-

точном – об “интеллигенции”, например, или о Л. Андрееве и Городецком, – Мережковский принимал; когда заговорил человек, он закричал о мании величия. Но это – уклонение в сторону; дело в том, что я заподозрил на основании фельетона Мережковского ясность своей статьи». Андрей Белый пишет Блоку в (конце октября) 1910 г., пересказывая финал статьи: “Статья Мережковского есть *позор и гадость*; слышать о ней не хочу; после этой статьи, как и многого другого, я просто без всякого объяснения отвернулся от Мережковских; (...) полемизировать и бороться с ними не хочу, как не хочу вообще никакой полемики; просто фактически молчаливо я ушел от них. Статья же о Тебе и Иванове есть форменная провокация; смысл: символисты “начали гладью – кончили гадью” (слова Мережковского). Блок изобразил революцию в виде “*Балаганчика*” (это – донос читателям “*Русск (ого) Слова*”)» (Белый и Блок. С. 375–376).

22 ноября 1910 г., уже из Петербурга, Блок сообщал матери: “Я решил отвечать Мережковскому на его гадости. Лучше хоть поздно. Написал письмо и буду опровергать печатно. Когда сделаю это, пришлю тебе его фельетон. (...) Я вообще чувствую себя уравновешенно, но сегодня изнервлен этими отписками Мережковскому. Это просто противно.

Восьмидесятники, не родившиеся символистами, но получившие по наследству символизм с Запада (Мережковский, Минский), растратили его, а теперь пинают ногами то, чему обязаны своим бытием. К тому же они мелкие люди – слишком любят слова, жертвуют им людьми живыми – погружены в настоящее, смешивают все в одну кучу (религию, искусство, политику и т.д. и т.д.) и предаются истерике. Мережковскому мне просто пришлось прочесть нотацию. Они уже больше, кажется, ничего не чувствуют и не понимают”.

Д.С. Мережковский в ответ на неизвестное письмо Блока писал ему 24 ноября 1910 г.: «Я не могу согласиться с Вами, что я Вас “оклеветал” в моей статье. Клевета предполагает сознательный и злостный умысел, которого у меня не было. Я понял Вас так, как это написал в моей статье, и если неверно понял, то в этом виновата моя бездарность, *глупость сердца*, которую я в себе в высшей степени сознаю. Но желания причинить Вам вред у меня не было вовсе. (...) Общественной вины моей я перед Вами не понимаю и сейчас. Но если Вы мне ее разьясните, то я готов заранее согласиться с Вами. В чем я Вас обвинял печатно, то скажу Вам и с глазу на глаз в этом письме. У Вас есть, м(ожет) б(ыть) бессознательная, но все же вменяемая измена тому святому, абсолютному (не *символическому*, а *воплощенному*), что [есть в] было в русской революции и для Вас когда-то было. Все наше глубочайшее, вовсе не личное и даже не общественное, а *религиозное* разногласие заключается в том, что для Вас наивысшее – Символ, а для меня есть высшее, чем символ, – Воплощение, и я принесу ему в жертву все символы (...) Если Вы напишете мне печатное возражение, то я его прочту внимательно, без малейшего предубеждения и постараюсь всеми силами (...) *печатно* же ответить Вам так, чтобы признать мою вину перед Вами, т.е. *невнимание к Вашей личности*. Если окажется, что Вы общественно правы, что Вы вовсе не желали оскорбить святого в революции, я первый буду этому рад». В постскрипуме Мережковский выражает готовность помочь Блоку с публикацией его статьи: “Если Вам почему-либо трудно будет пристроить Ваш ответ мне в газеты, то я готов Вам в этом помочь, *как бы резко и даже грубо Вы мне ни ответили*. В Русск(ом) Слове не согласятся поместить Ваш ответ, но в Русскую мысль и в Речь я могу написать письмо, прося, как личной для себя услуги, чтобы они поместили Ваш ответ, *ничего не смягчая*” (БС-4. С. 184–186).

29 ноября 1910 г. Блок пишет матери: «26-ого я получил длинный ответ от Мережковского. Лучше бы он не писал вовсе, я окончательно разозлился. Письмо христианское, елейное, с уверениями в “искренности” и “взволнованности”, с объяснениями, мертвыми по существу. На это я ему написал еще длиннее и еще резче (...) Печатно возражать не буду – поздно и Женя отговорил. Во всяк(ом) случае, с этим покончены счеты» (см. освещение этого конфликта в статье: *Мицн З.Г.* А. Блок в полемике с Мережковскими // БС-4. С. 116–222; перепечатано: *Мицн З.Г.* Александр Блок и русские писатели. СПб., 2000. С. 537–620).

По двум последним цитированным письмам к матери как будто бы уточняется дата написания статьи: между 22 и 29 ноября 1910 г. Однако обращает на себя внимание неточное название фельетона Мережковского в тексте статьи Блока – “Религия и балаган”, вместо “Балаган и трагедия”, – и весьма приблизительное изложение ее содержания (в фельетоне Мережковского нет слов о “сатанинской гордости”). Даже слова собственного доклада Блок фактически не цитирует (“Как Россия...”), оставляя место для того, чтобы вписать цитату, приводимую Мережковским в фельетоне. Все это дает основания предположить, что статью Блок начал писать, не имея перед глазами полного текста статьи “Балаган и трагедия”, т.е. не в Петербурге, в ноябре, а еще в октябре, в Шахматове.

М.А. Бекетова утверждала, что фельетон спровоцировал временный разрыв с Мережковскими: “...с Мережковскими произошел временный, но острый разрыв. Еще летом 1910 года Мережковский написал фельетон, рассердивший Блока, которого он осыпал едкими упреками, касавшимися и вообще символистов. Обвинения были направлены по обыкновению в сторону недостатка общественности. По тону и по характеру нападок фельетон был так неприятен, что Ал. Ал. рассердился не на шутку, даже против обыкновения, и написал Мережковскому накануне его отъезда в Париж резкое письмо”. Получив ответное письмо и “написав ответ еще более резкий, Ал. Ал. истратил весь запас своего гнева и не стал возражать Мережковскому печатно, несмотря на то, что собирался сделать это непременно. Гнев его остыл” (Бекетова. С. 100–101).

В *СлМ* фигурирует под названием «Открытое письмо Мережковскому по поводу его статьи “Религия и балаган”, напечатанной в “Русском слове” 14 сент(ября)» и сопровождается примечанием: “(Ненапечатано). Черновики выброшены”. В (План собрания сочинений) не включена.

С. 134. ...цитировал мою фразу: “Как Россия...” – Имеется в виду следующее место в докладе “О современном состоянии русского символизма”: “Как сорвалось что-то в нас, так сорвалось оно и в России. Как перед народной душой встал его же созданный синий призрак, так встал он и перед нами. И сама Россия в лучах этой новой (вовсе не Некрасовской, но лишь традицией связанной с Некрасовым) гражданственности оказалась нашей собственной душой” (С. 128 наст. тома).

С. 135. Так пел человека еще Софокл... – Блок ссылается на знаменитый хор из стасима первого трагедии Софокла “Антигона” (V в до н.э.): “Много в природе дивных сил, / Но сильней человека нет” (Пер. Ф.Ф. Зелинского). В библиотеке Блока сохранилось издание: Софокл. Антигона / Пер. с греч. Д.С. Мережковского в стихах. СПб.: Т-во “Знание”, 1902 (ББО-2. С. 277).

...мало крыльев из полотна и стали, некогда крылья Духа понесут нас в объятия Вечности. – Противопоставление материальных искусственных крыльев, которые пытается сконструировать Леонардо да Винчи, крыльям Духа, связанным с русской православной иконописной традицией, содержится во втором романе трилогии Д.С. Мережковского “Христос и Антихрист” “Воскресшие боги. Леонардо да Винчи”. В библиотеке Блока сохранилось издание с пометами Блока: *Мережковский Д.С. Христос и Антихрист: Трилогия. Ч. 1–2.* СПб., 1902 (ББО-2. С. 151).

...так далеко, как звезды от авиатора, берущего мировой рекорд высоты. – Интерес Блока к полетам первых авиаторов начинается весной 1910 г., когда он стал свидетелем Первой международной авиационной недели на Коломяжском ипподроме в Петербурге (апрель–май 1910 г.). Впечатления от авиационных соревнований, а также от газетных сообщений об авиационных катастрофах нашли отражение в стихотворении “Авиатор” (1910–1912) (Т. 3 наст. изд. С. 20). См.: *Чурсина Л.И. Блок и авиация: (По материалам периодики начала XX в.) // БС ИРЛИ-П. С. 221–227.* Данный фрагмент статьи переключается со строками: “Он близок, миг рукоплесканий / И жалкий мировой рекорд”.

С. 136. Многие недоумевали и негодовали на мое описание “лиловых туманов”... – См. полемику вокруг доклада Блока в коммент. к статье “О современном состоянии русского символизма” (С. 408 наст. тома).

С. 136. *Этим криком был одно время Л. Андреев...* – Об эволюции отношения Блока к творчеству Л.Н. Андреева см. коммент. к статье “Горький о Мессине” (С. 393 наст. тома).

...когда оркестр, которому он вторил, замолк. – О значении символа “мирового оркестра” см. преамбулу к наст. тому (С. 288–290), а также коммент. к статье “Душа писателя” (С. 387 наст. тома).

РЫЦАРЬ-МОНАХ

(С. 136)

БАП – ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. № 189. На л. 2 помета синим карандашом: “Осень 1910”. В той же папке на л. 16 выписка: “Вл. Соловьев. VI. 233”. (С. 189 наст. тома). С БАП сделана копия рукой Л.А. Дельмас – ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. № 190.

ЧН плана будущей статьи и выписка “Вл. Соловьев. VI. 233” – Там же. Л. 14–16. (С. 189 и 251 наст. тома).

БА заметки «Содержание речи в память В.С. Соловьева под заглавием “Рыцарь-монах”» – РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 90 (С. 252 наст. тома).

Впервые напечатано: О Владимире Соловьеве. М.: Путь, 1911. Сб. 1. С. 96–103.

В Собрание сочинений впервые включено: *СС-Берлин*. Т. 7. С. 201–211.

Печатается по тексту первой публикации со следующим исправлением по БА:

С. 139, стр. 40: иного, незаемного света. *вместо*: иного, неземного света.

В ноябре 1910 г. Блок почти одновременно получает два приглашения принять участие в вечерах памяти В.С. Соловьева (по случаю 10-летия его смерти) в Москве и Петербурге. В Москве намечалось юбилейное заседание Московского Религиозно-философского общества. На это заседание Блока пригласил философ В.Ф. Эрн в устной форме. Ср. его письмо к Вяч. Иванову 18 декабря 1910 г.: “Весь Совет нашего Общества с большим сочувствием поддержал мое приглашение А. Блока на юбилейное заседание в память Соловьева. (...) Заседание будет, очевидно, в феврале” (*ЛН*. Т. 92. Кн. 3. С. 374). О вечере в Петербурге газета “Речь” писала 5 (18) декабря 1910 г. (№ 334): «14 декабря литературный фонд устраивает в концертном зале Тенишевского училища вечер в память Владимира Сергеевича Соловьева по случаю исполнившегося недавно десятилетия его смерти. На вечере будет сделано пять докладов. Академик Н.А. Котляревский сообщит свои воспоминания о покойном В(ладимире) Сергеевиче, Ф.Д. Батюшков будет говорить “О значении В.С. Соловьева в современной жизни и его общественных заслугах” в связи с учением Л. Толстого и Ницше, сестра покойного П.С. Соловьева изложит теорию любви Вл(адимира) Серг(еевича), Вячеслав Иванов будет говорить о философских идеях Вл. Соловьева, а А. Блок даст характеристику его поэтического творчества».

25 ноября 1910 г. Блок сообщает матери: “24-ого (...) вечером приятно проводил время у Вячеслава Ив(анова) с Аничковым и Эрном. В Москве и Петербурге будут этой зимой торжественные заседания памяти Вл. Соловьева. Я буду читать на обоих. В Пбг. – стихи (его или свои), а в Москве – речь о его стихах”. 27 ноября Блок отвечает Ф.Д. Батюшкову, предложившему ему выступить на вечере в Петербурге: “Очень благодарю Вас за приглашение участвовать на вечере памяти В.С. Соловьева. Участие мое могло бы выразиться только в небольшой речи, которую я буду говорить в заседании Московского Рел(игиозно)-фил(ософского) Общества. Она еще не написана, но, если устроители ничего не имеют против, я мог бы написать ее теперь же и представить Вам (для получения полицейского разрешения) за несколько дней до вечера. Что касается чтения стихотворений, то своего, посвященного памяти В.С. Соловьева, у меня нет, а его стихотворений, раз Вы поручаете чтение их артисткам Импер(аторских) Театров, не могу читать. Если Вы найдете

возможным мое участие в вечере в такой форме, прошу Вас сообщить мне об этом, чтобы я мог приступить к составлению речи”.

В цитированной заметке “Речь” 5 декабря 1910 г. о будущем выступлении Блока на петербургском вечере сообщалось: “А. Блок даст характеристику его (Соловьева. – *Сост.*) поэтического творчества”. В тот же день Блок пишет Ф.Д. Батюшкову: «Сегодня в “Речи”, в заметке о вечере памяти В.С. Соловьева, я прочитал, что я сделаю “характеристику поэтической деятельности” Соловьева. Спешу уведомить Вас, что тема моей речи – другая, и к поэзии относится только косвенно. Если надо заглавие, можно назвать “Невидимый образ Вл. Соловьева”. На днях пришлю Вам конспект».

Время написания речи определяется по двум сообщениям Блока в письмах к матери. 3 декабря: “Пишу речь для вечера памяти Вл. Соловьева”. 13 декабря: «Сегодня я дописал, наконец, речь, которую буду читать завтра под заглавием “Рыцарь-монах”».

Цитата, выписанная Блоком из статьи В.С. Соловьева “О лирической поэзии. По поводу последних стихотворений Фета и Полонского” (С. 189 наст. тома) свидетельствует о том, что первоначально Блок действительно намеревался говорить о соотношении поэзии и философии Соловьева. На полях Т. 6 Собрания сочинений В.С. Соловьева (СПб.: Общественная польза, 1904) данный фрагмент отчеркнут с обеих сторон и сопровождается замечанием Блока: “Это касается и Вл. Соловьева” (*ББО-2*. С. 260). Однако затем происходит трансформация замысла. В основном тексте речи эта цитата не приводится, хотя мысль философа о стихах как свидетельстве мистического опыта учитывается при анализе поэмы “Три свидания”.

Первым наброском текста речи следует считать *ЧН* – его материалы соотносятся лишь с первыми абзацами основного текста (личные воспоминания Блока о Соловьеве).

Текст заметки «Содержание речи в память В.С. Соловьева под заглавием “Рыцарь-монах”», скорее всего, и есть обещанный Ф.Д. Батюшкову в письме 27 ноября конспект речи. Тезисы выступления для представления в цензуру требовались также от участников юбилейного заседания Московского Религиозно-философского общества. Ср. письмо одного из устройств вечера Н.А. Бердяева к Вяч. Иванову 19 января 1911 г.: “Молю Вас как можно скорее выслать тезисы Вашего доклада о Вл. Соловьеве (...) Кроме Вас, участвуют еще Блок, Эрн и я” (*ЛН*. Т. 92. Кн. 3. С. 378).

Логика изложения материала в заметке отражает второй этап работы над текстом речи. Перечислены все главные тезисы основного текста, однако их композиционное расположение отличается от последней редакции. Так, “несколько личных впечатлений” открывают текст речи, в заметке же предполагалось ввести этот материал в середине статьи.

Поскольку черновой автограф речи не сохранился, воспроизвести полностью динамику становления текста не представляется возможным. Однако изложение речи Блока в заметке “Чествование памяти Вл.С. Соловьева” (*Р*. 1910. № 344. 15 (28) дек.) позволяет заключить, что ее тематическая композиция уже полностью совпадает с последней редакцией: «Литературный вечер, устроенный литературным фондом в память Вл.С. Соловьева 14 декабря в Тенишевском училище, привлек массу публики. Среди присутствовавших были профессоры: Гревс, Ростовцев, Пергамент, ак. Радлов и др., писатели: Пантелеев, Луговой, Рышков и много учащейся молодежи.

После вступительного слова Ф.Д. Батюшкова сделал доклад о Вл. Соловьеве как религиозном мыслителе Вяч. Иванов. (...)»

Следующую речь о В. Соловьеве произнес А. Блок. Оратор начал с воспоминания о Владимире Сергеевиче, которого впервые встретил 12 лет тому назад. Впечатление от этой встречи у оратора было то, что В.С. человек не от мира сего, что к нему не подходят все наши мерки, наши обыденные понятия, наши чествования и поминки. Это был Божий избранник, перед которым мы все до сих пор стоим в недоумении, не будучи в состоянии постигнуть его пророческой души. Ни один публицистический стан не примет В. Соловьева без оговорок, по тому одному, что Соловьев утверждал “священную войну во имя свя-

щенной любви”, но оратор призывает вспомнить, что сущность мира от века вневременна и внепространственна, и пожелать, чтобы каждый из нас был верен древнему мифу о Персее и Андромеде и принял участие в освобождении плененной хаосом души.

Затем сестра покойного философа П.С. Соловьева говорила о взглядах Владимира Соловьева на смерть и любовь (...) После речей артистки М.А. Ведринская, Д.М. Мусина и А.П. Есипович продекламировали с большим успехом несколько стихотворений В.С. Соловьева (...)

От организаторов литературного вечера в память Вл. С. Соловьева 14 декабря в зале Тенишевского училища градоначальник ген.-м. В.Д. Драчевский потребовал представления докладов Ф.Д. Батюшкова, Вяч. Иванова, А. Блока и П. Соловьевой для предварительного просмотра».

Блок остался недоволен вечером. В письме от 16 декабря 1910 г. он сообщал матери: “Соловьёвский вечер прошел вяло, так что лучше бы его не было. Нагнали актрис, а потом сами жалели. (...) Я начал второе отделение, думая все время, как бы выпить чаю и промочить горло. Публика, встретившая и проводившая хлопками, не понимала или пряталась в себя, так что я стал сокращать. Единственно хороша была Поликсена Сергеевна”. О том же – в письме Л.Д. Блок к А.А. Кублицкой-Пиотух 19 декабря 1910 г.: “О Соловьёвском вечере Вы уже знаете – хорошая Сашина речь рассеялась в пустых ушах зала” (*ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 7. № 24).

После вечера в Тенишевском училище Блок получил приглашение повторить свою речь на заседании Петербургского Религиозно-философского общества. См. письмо секретаря Религиозно-философского общества С.П. Каблукова к Вяч. Иванову от 31 декабря 1910 г.: “Уговорите Ал. Ал. Блока (...) прочесть о Вл. Соловьёве на заседании Р(елигиозно)-ф(илософского) О(бщества) в память Влад(имира) Серг(еевича). Т.к. Вы уже дали свое согласие, то сговоритесь с А. Блоком относительно времени заседания, я полагаю сделать его в один из дней 12–22 января” (*ЛН*. Т. 92. Кн. 3. С. 377). В недатированной записке С.П. Каблуков сообщает Вяч. Иванову: “Заседание наше состоится в среду, 19 января, в 8 1/2 часов (вечера) в Польском клубе” (*Там же*).

На заседании Религиозно-философского общества, кроме Блока, выступили Вяч. Иванов и Б. Кутыловский (*НВ*. 1911. № 12523. 22 янв.). Готовясь к заседанию, Блок, по его словам, вносит в текст некоторые исправления: “Около 15 я буду повторять свою речь о Соловьёве (с некоторыми) переменами) в рел(игиозно)-фил(ософском) обществе – здесь” (письмо к матери от 17 января 1911 г.). О том же – в письме к матери 17 января: “Речь переделана”.

Чтением в Религиозно-философском обществе Блок также остался недоволен: “После всех литературных чтений (как третьего дня), руки опускаются, и перестаешь понимать, зачем и для кого пишешь и читаешь?” (Письмо к матери от 21 января 1911 г.).

Блок надеялся на лучшую организацию Соловьёвского вечера в Москве. 19 декабря 1910 г. он писал Белому: “Соловьёвский вечер здесь не удался – лучше было бы совсем не устраивать. В Москве, надеюсь, будет лучше и строже”. В январе он неоднократно сообщил о своем намерении лично прочесть доклад в Москве: “Я почти решил ехать в Москву на Соловьёвский вечер (между 2 и 12 февраля)” (письмо к матери от 13 января 1911 г.). 30 января писал ей же: “О. Дымов приглашал меня поминать Коммиссаржевскую в ее театре (...) Я, конечно, отказался, тем более, что в этот самый день (10 февраля) читаю в Москве”. Однако на заседании Московского Религиозно-философского общества 10 февраля Блок не смог приехать по нездоровью. А.А. Кублицкая-Пиотух писала М.П. Ивановой 9 февраля: “Я рада, что он не поехал. Не люблю, когда одна и та же речь повторяется сто раз. Это ее обесценивает” (*ЛН*. Т. 92. Кн. 3. С. 378). Доклад Блока в Москве был прочитан М.И. Сизовым. 12 февраля Блок писал матери: “Я все радуюсь, что не поехал в Москву. Мой доклад кто-то прочитал за меня (из газеты)”.

В ряде отзывов слушателей в Петербурге и Москве речь Блока оценивается как лучшая среди прочитанных на обоих заседаниях.

Е.П. Безобразова, племянница В.С. Соловьева, писала Б.А. Садовскому о вечере в Тенишевском училище 20 декабря 1910 г.: “14-го был вечер, посвященный памяти Владимира Соловьева. Не очень весело было и на нем (...) Хорошо говорили только Блок и моя теть. Просто и понятным языком” (*ЛН*. Т. 92. Кн. 3. С. 376).

Т.А. Тургенева описывает заседание в Москве в письме к А.А. Тургеневой: “Вяч. Иванов гнусил, гнусил, я ничего не поняла. Бердяев читал так и так страшно высовывал язык, что я чуть не заснула. Эрн читал очень вежливо. (...) Потом вышел Михаил Иванович (Сизов. – *Сост.*) (...) и прочел очень хорошую статью Блока, который не приехал” (*ЛН*. Т. 92. Кн. 3. С. 379).

Т.А. Рачинская в письме Г.А. Рачинскому 12 февраля 1911 г. пишет: “Очень жаль, что не приехал Блок, и потому его реферат в чтении Сизова вышел менее интересным” (*ЛН*. Т. 92. Кн. 3. С. 380). С.П. Бобров сообщает А. Белому 16 февраля: “Я на этом вечере не был, а vox populi говорит приблизительно следующее: Эрн – бессодержателен был, Бердяев длинновато и больше о себе, чем о Соловьеве, Вяч. Иванов был интересен, Блок тоже” (*Там же*). В тот же день А.С. Петровский пишет Г.А. Рачинскому: “Самым крупным событием был за последние дни приезд Иванова и Соловьевский вечер. Блок был болен и не приехал, реферат его – далеко лучший из всех прочитанных, потрясающий священной правдой и прямоотой, поистине достойный и Блока и Соловьева – прочитан был за него Сизовым” (*Там же*).

В то же время московский рецензент оценил речь Блока негативно: после речей Эрна, Бердяева, Вяч. Иванова, “во всяком случае основанных на серьезных изысканиях, было довольно дико слушать младенческий лепет А. Блока, прочитанный с кафедры каким-то замещающим его молодым человеком” (*Иич*. Четверо о пятом // *Голос Москвы*. 1911. № 34. 12 февр.).

В переговорах с В.Ф. Эрном было сразу же решено, что тексты речей, произнесенных на заседании в Москве, будут опубликованы в сборнике “О Владимире Соловьеве”. В.Ф. Эрн сообщал Вяч. Иванову 18 декабря 1910 г.: “Сборник о Соловьеве уже дело, решенное окончательно (статьи Вяч. Иванова, А. Блока, кн. Е. Трубецкого, С.Н. Булгакова, Н.А. Бердяева, Волжского и В. Эрна.

Предполагается, что он выйдет в конце февраля, т.е., другими словами, нужно бы приготовить рукописи к началу февраля. Но т.к. редактором сборника (не официальным, а деловым) будет Рачинский, он еще должен будет Вам написать” (*ЛН*. Т. 92. Кн. 3. С. 374). Именно этим сборником впервые заявило о себе московское издательство “Путь”. С.Н. Булгаков, бывший в то время одним из активных его сотрудников, писал А.С. Глинке-Волжскому: “В издательстве постановлено издать сборник статей, посвященных В. Соловьеву, в память 10-летия. (...) Сотрудники Евг. Трубецкой, Булгаков, Бердяев, Эрн, Вяч. Иванов, А. Белый, А. Блок (говорят, он очень религиозно теперь настроен) и Вы” (*Там же*. С. 375).

В *СпМ* против названия статьи помета: «(Речь, читанная на вечере в память Вл. Соловьева по случаю десятилетней годовщины смерти в Тениш(евском) училище), “Сборник памяти Вл.С.”, изд. “Путь”, Москва. [1] Черн(овик) 2]) 1) Бел(овик). [2]3) Копия Л.А.Д(ельмас)».

В (Плане собрания сочинений) включена в раздел “Религия”.

С. 136. Рыцарь-монах. – Слова из стих. С.М. Соловьева “Свете тихий!” (*Соловьев С.М. Цветы и ладан.* М., 1903. С. 39). Ср. в письме Блока к Белому от 1 октября 1907 г.: «Там (в статье “О лирике”. – *Сост.*) прямо высказано мое бережное и тихое знание о “рыцаре-монахе”, что закован в железо».

...я провожал гроб умершей... – Речь идет о выносе тела Н.М. Дементьевой, старшей сестры О.М. Соловьевой, во время проводов гроба на вокзал (похороны состоялись в Москве). Это событие произошло 10 февраля 1900 г. (*НВ*. 1900. № 8604. 9 февр.). См.: *ЛН*. Т. 92. Кн. 3. С. 170. См. также описание этого эпизода в письме Блока к Г.И. Чулкову от 23 июня 1905 г.

С. 137. *Рядом со мной генерал...* – А.Ф. Кублицкий-Пиоттук, муж тетки Блока, С.А. Бекетовой (см.: *ЧН*. С. 251 наст. тома).

...человека уже не было... – В тот же день В.С. Соловьев присутствовал на чествовании А.М. Жемчужникова (*НВ*. 1900. № 8606. 11 февр.; Россия. 1900. № 287. 11 февр.), что, очевидно, помешало ему проводить процессию до вокзала (*ЛН*. Т. 92. Кн. 3. С. 170).

Когда ~ пророчествовал о панмонголизме в зале городской Думы, один известный мистик счел остроумным упасть со стула. – Речь идет о чтении В.С. Соловьевым “Повести об Антихристе” в качестве публичной лекции в зале Городской думы 26 февраля 1900 г. *Известный мистик* – В.В. Розанов. Ср. упоминание этого эпизода в письме Д.С. Мережковского к П.П. Перцову от 18 марта 1900 г.: “Да, Петр Петрович, нас с Вами, кажется, можно поздравить с русским XX веком: сначала сочувствие бурам и негодование на англичан (...); потом лекция В. Соловьева об Антихристе и стул, распадающийся под В.В. Розановым” (*ИРЛИ*. Р. III. Оп. 2. № 1325–1376. Л. 71). О том же вспоминал Э. Голлербах в статье “Соловьев и Розанов”: “Нашумевшая лекция Соловьева об Антихристе показала Розанову просто скучной. Он реагировал на речь прославленного оратора весьма своеобразно: задремал и упал со стула” (Стрелец. Пг., 1922. Сб. 3. С. 131).

как ἀνάρτησις... – См. коммент. к статье “О театре”. С. 315, а также 376 наст. тома.

...знаменует близость смыкания круга... – О символике “смыкания круга” см. коммент. к стих. “Ты отходишь в сумрак алый...” (Т. 1 наст. изд. С. 464–465), а также статью: *Силард Л.* К символике круга у Блока // Силард Л. Герметизм и герменевтика. СПб., 2002. С. 202–225.

...успление и конец самого Толстого. – См. коммент. на с. 400 наст. тома.

С. 138. *Известная философская школа подвергнет сомнению систему мистической философии Вл. Соловьева по отсутствию в ней законченной теории познания.* – Философия В.С. Соловьева критиковалась русскими кантианцами. Возможно, Блок опирается на суждение Э.Л. Радлова: “Есть также пробел, который никогда не будет заполнен, я имею в виду отсутствие гносеологии в системе Соловьева” (*Радлов Э.Л.* Биографический очерк // Соловьев В.С. Собр. соч. СПб.: Общественная польза, 1907. Т. 9. С. II). См. также: *Введенский А.И.* О мистицизме и критицизме в теории познания В.С. Соловьева // *Вопросы философии и психологии*. 1901. Кн. 56. С. 12.

... Соловьев утверждал “священную войну” во имя “священной любви” ... – Соловьев писал о своем понимании смысла войны в книге “Оправдание добра” (1897) и трактате “Три разговора” (1899–1900). Судя по пометам Блока в Т. 7 Собрания сочинений В.С. Соловьева (*ББО-2*. С. 260–262), а также по его письму к Е.П. Иванову от 15 июня 1904 г., он не прочел полностью “Оправдание добра”, однако очень высоко ценил “Три разговора” (см.: *Максимов Д.Е.* Ал. Блок и Вл. Соловьев: (По материалам из библиотеки Ал. Блока) // *Творчество писателя и литературный процесс*. Иваново, 1981. С. 164–165).

Он не заметил Ницше... – В статье “Первый шаг к положительной эстетике” (1894) Соловьев, доказывая наличие нравственного прогресса в человеческой истории, в качестве парадоксального аргумента использовал факт общеевропейского увлечения философией Ницше: “Явился в Германии талантливый писатель (к сожалению, оказавшийся душевнобольным), который стал проповедовать, что сострадание есть чувство низкое, недостойное уважающего себя человека; что нравственность годится только для рабских натур; что человечества нет, а есть господа и рабы, полубоги и полускоты, что первым все позволено, а вторые обязаны служить орудием для первых и т.п. И что же? Эти идеи, в которые некогда верили и которыми жили подданные египетских фараонов и царей ассирийских, – идеи, за которые еще и теперь из последних сил бьются Беганзин в Дагомее и Лобэнгула в земле Матэбельской, – они были встречены в нашей Европе как нечто необыкновенное, оригинальное и свежее и в этом качестве повсюду имели grand succès de surprise. Не дока-

зывает ли это, что мы успели не только пережить, а даже забыть то, чем жили наши предки, так что их мирозерцание получило для нас уже прелесть новизны?” (Соловьев В.С. Собр. соч. СПб.: Общественная польза, 1904. Т. 6. С. 427). Блок отчеркнул этот фрагмент в принадлежащем ему томе Соловьева и написал на полях: “Позорная страница!” (ББО-2. С. 260. См. также: Максимов Д.Е. Ал. Блок и Вл. Соловьев: (По материалам из библиотеки Ал. Блока). С. 180).

С. 138. ...он односторонне оценил Пушкина и Лермонтова. – На полях статей В.С.Соловьева “Судьба Пушкина” и “Лермонтов” (Соловьев В.С. Собр. соч. СПб., 1902. Т. 8) – вопросительные и восклицательные знаки, свидетельствующие о несогласии Блока с моралистскими критериями оценок Соловьева (см.: Максимов Д.Е. Ал. Блок и Вл. Соловьев: (По материалам из библиотеки Ал. Блока). С. 178–180).

...о “странном”, а для некоторых – страшном, хохоте... – О “странном” смехе Соловьева Блок пишет также в письме к Г.И. Чулкову 23 июня 1905 г., упоминает о нем в статье “Ирония” (С. 187 наст. тома). Ср. свидетельство мемуариста: «Сестра (М.С. Безобразова. – Сост.) уверяет, будто бы смех этот был “заразительный и веселый”. “Заразительный”, пожалуй, как истерика, но едва ли “веселый”, говорю это по собственному, точному и незабвенному воспоминанию. (...) До какого одурения тоски, до какого надрыва надо было дойти, чтобы так смеяться! Сквозь торжественную симфонию “Оправдания добра” или “Чтений о Богочеловечестве” мне слышится, как в тургеневском сне: “хорошо, хорошо, а быть худу”» (Мережковский Д.С. Немой пророк // Р. 1908. № 190. 10 (23) авг.).

С. 139. ...век прощает все грехи вплоть до греха против Духа Святого... – Перефразированная цитата из Мк 3: 28–29: “Истинно говорю вам: будут прощены сынам человеческим все грехи и хуления, какими бы ни хулили; Но кто будет хулить Духа Святого, тому не будет прощения вовек”.

...“честный воин Христов”. – Формула, характерная для стилистики акафистов. Ср., напр.: “Избранному защитнику, поборителю и низложителю нечестия, новоявленному мученику и честному воину Христову, яко солнце восточней церкви возсиявшему, и веселия верных исполнившему, ныне от вся души благодарственные и похвальные пения приносим, с любовью поюще: Радуйся, Иоанне Великомучениче Христов” [Акафист Святому Иоанну Новому (Сочавскому)].

Он занес над врагом золотой меч. – О символике “золотого меча” см. коммент. к статье “О современном состоянии русского символизма” (С. 412 наст. тома).

...“слишком человеческое” ... – Парафраза заглавия книги Ф. Ницше “Человеческое, слишком человеческое”.

...благодарного ученика фетовской поэзии... – Ученическая зависимость поэзии Соловьева от лирики Фета одним из первых отметил В.Я. Брюсов в статье “Поэзия Владимира Соловьева” (1900), более позднее название – “Владимир Соловьев. Смысл его поэзии”: “Вл. Соловьев в стихотворстве был учеником Фета. Его ранние стихи до такой степени перенимают внешние приемы учителя, что их можно было бы почти нечувствительно присоединить к сочинениям Фета, как к собраниям стихов Овидия присоединяют стихи его безмянных подражателей...” (Брюсов В.Я. Собр. соч.: В 7 т. М., 1975. Т. 6. С. 220).

Смерть и время царят на земле ~ Неподвижно лишь солнце любви. – Из стих. В.С. Соловьева “Бедный друг! Истомил тебя путь...” (1887).

С. 140. ...“сгорел душою”? – Из стих. А.С. Пушкина “Легенда” (1829–1835).

...дело освобождения пленной Царевны, Мировой Души, страстно тоскующей в объятиях Хаоса и пребывающей в тайном союзе с “космическим умом”. – Блок излагает гностический миф об Эннойе, душе мира, – Софии, низвергнутой на землю и заключенной в земное тело. Этот миф неоднократно воспроизводится в творчестве Блока (циклы “Фаина”, “Кармен”, пьесы “Незнакомка”, “Песня Судьбы”), лежит в основе макросюжета блоковского “романа в стихах”, проецируется на область личных отношений. Гностический

миф о Софии лежит и в основе философии Соловьева (см.: Магомедова Д.М. Блок и гностики // Магомедова Д.М. Автобиографический миф в творчестве А. Блока. М., 1997. С 70–83).

С. 140. “Бедный рыцарь” ... – Из стих. А.С. Пушкина “Легенда”.

...“самое значительное из того, что случилось с Соловьевым в жизни”. – Из примечания В.С. Соловьева к поэме “Три свидания”.

Поэма, напечатанная в томике стихов, изданном со всем демократизмом современности... – Единственный прижизненный сборник, в который вошла поэма “Три свидания”, – “Стихотворения Владимира Соловьева. Изд. 3., доп. СПб., 1900”. Книга была подарена Блоку А.А. Кублицкой-Пиоттух на Пасху 1901 г. Описание помет см.: Максимов Д.Е. Ал. Блок и Вл. Соловьев: (По материалам из библиотеки Ал. Блока). С. 125–150.

...на гробнице среди базилики св. Аполлинария в окрестностях Равенны... – Блок посетил церковь св. Аполлинария 12 мая 1909 г. Впечатления от увиденного отражены в письме к матери 13 мая 1909 г.: “... древнейшая церковь, в которой при нас отрывали из-под земли мозаичный пол IV–VI века. Сыро, пахнет как в туннелях железной дороги, и всюду гробницы. Одну я отыскал под алтарем, в темном каменном подземелье, где вода стоит на полу. (...) Удивительные латинские надписи”. Цитируемая надпись скопирована Блоком в ЗК₂₅. См. также авторское примечание и коммент. к стих. “Равенна” (Т. 3. наст. изд. С. 197, 726).

...“Я, Владимир Соловьев, уроженец Москвы ~ в пустыне близ Каира, в начале 1876 года... – Праздничный пересказ поэмы В.С. Соловьева “Три свидания”.

С. 141. *Еще невольник суетному миру ~ И ощутил сиянье Божества.* – Из поэмы В.С. Соловьева “Три свидания”.

Золотом и киноварью писались слова, исходящие из уст Гавриила: “Ave, gratiae plena”. – Сюжет Благовещения неоднократно отражается в творчестве Блока: см. стих. “Благовещение” из цикла “Итальянские стихи” (Т. 3 наст. изд. С. 80, 758–761), автокомментарий к нему (*Там же.* С. 198), а также статью “Немые свидетели” (Т. 9 наст. изд.). В ЗК₂₆ во время путешествия по Италии (3 июня) 1909 г. Блок скопировал надпись в соборе в Сполето: “Gabriel angelus locutus est Mariae, dicens: Ave gratiae plena, dominus te cum Benedicta tu inter mulieres”^{*}.

Как Соловьев открыл истинное лицо “отца позитивизма”, определив идею человечества, как Св. Софии Премудрости Божией – у О. Конта... – Блок говорит о статье В.С. Соловьева “Идея человечества у Августа Конта” (Соловьев В.С. Собр. соч. СПб., 1902. Т. 8. С. 225–245). В экземпляре тома из библиотеки Блока статья испещрена сквозными пометами (ББО-2. С. 263).

...не можем не видеть истинного лица “отца натурализма” – Э. Золя. – О соприкосновении блоковской концепции “концентрических кругов” – связей личного и исторического бытия – с теорией “экспериментального романа” Золя см. коммент. к поэме “Возмездие” (Т. 5 наст. изд. С. 434–435).

С. 142. *...чтобы каждый из нас был верен древнему мифу о Персее и Андромеде...* – Миф о пленной царевне Андромеде, спасенной от морского чудовища героем Персеем, Блок отождествляет с гностическим мифом о плененной Мировой душе вслед за В.С. Соловьевым (см. его стих. “Три подвига”).

И в этот миг незримо свиданья ~ Ты отряхнешь, тоскуя и любя. – Из стих. В.С. Соловьева “Зачем слова? В безбрежности лазурной...”.

---

^{*} Ангел Гавриил сказал Марии: “Радуйся, благодатная, Господь с тобою, благословенна ты в женах” (лат.). – Ред.

ЧА с правкой черными чернилами, красным, синим и простым карандашом – *ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. № 191. Л. 3–17. На л. 3 (авт. паг. – 1) надпись: «“От Ибсена к Стриндбергу”». См. статью об Ибсене 1908 г. Исправлено и дополнено». На л. 17 об. надпись синим и простым карандашом: «“От Ибсена к Стриндбергу”. 1912. Исправл(ено) и дополн(ено) для “Трудов и дней” Мусар(ета) № 2».

БА – *РГБ*. Мус. XLVIII. 2. На л. 1 надписи красным карандашом: “ТрДни” и “Всего – 12 страниц”. На л. 12 подпись: “Александр Блок”.

КГ журнала “Труды и дни” с правкой рукой Блока – *ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. № 191. Л. 18–20.

Впервые напечатано: Труды и дни. 1912. № 2. С. 8–14. Подпись: “Александр Блок”.

В Собрание сочинений впервые включено: *СС-12*, С. 144–151.

Печатается по тексту первой публикации со следующими исправлениями по БА и ЧА:

С. 143, стр. 8: смутно и неполно *место*: смутно и нелепо

стр. 22: Через несколько *место*: Через несколько

С. 144, стр. 32: в широкие врата *место*: в широкие ворота

стр. 38: вне родины? *место*: вне родных?

стр. 43: Он швыряет им: *место*: Он повторяет им:

С. 145, стр. 7: Fru Ibsen *место*: Frau Ibsen

стр. 19: “дома никогда не видел”. *место*: “дома никогда не видал”.

стр. 28: эту *вторую часть* своего пути. *место*: эту *вторичную часть* своего пути.

В “Автобиографии” (1915), перечисляя особенно сильно повлиявшие на него события и явления, Блок называет “знакомство с творениями покойного Августа Стриндберга (первоначально – через Вл. Пяста)” (Т. 12 наст. изд.). См. подробное освещение этой темы: *Пяст Вл.* Воспоминания о Блоке. Письма Блока. Пб.: Атеней, 1923. С. 44; *Он же.* Встречи. М.: Федерация, 1929. С. 222–234 (совр. изд.: *Пяст Вл.* Встречи. М., 1997. С. 145–157; а также: *Шарыткин Д.М.* Блок и Стриндберг // Вестник ЛГУ. Сер. яз. и лит. Вып. 1. 1963. № 2. С. 82–91; *Миц З.Г.* Стихотворение Ал. Блока “Женщина” // Поэзия А. Блока и фольклорно-литературные традиции: межвузовский сборник научных трудов. Омск, 1984. С. 65–77; *Иванов Вяч. Вс.* Блок и Стриндберг // *ЛН*. Т. 92. Кн. 5. С. 402–417; *Магомедова Д.М.* Блок и Стриндберг (Заметки к теме) // Магомедова Д.М. Автобиографический миф в творчестве А. Блока. М., 1997. С. 164–172.

В письме к В.А. Пясту 29 мая 1911 г. Блок говорил о Стриндберге: “Положительно думаю, что в нем *теперь* нахожу то, что *когда-то* находил для себя в Шекспире”. В письме к Андрею Белому 25 января 1912 г. Блок пишет, что находится “под знаком Стриндберга”. Белый, увлеченный идеей создания нового журнала символистов “Труды и дни”, который, в его представлении, должен был заново утвердить символизм как реально существующее объединение философов и художников, просил Блока (8 или 9 марта 1912 г.): “Может быть, Ты захотел для 3 номера дать свои мысли о Стриндберге. Стриндберг нам близок *очень и очень*. Если можешь, скажи о нем: ведь первый отдел допускает *все*. И не прозвучат, верь, все твои слова” (*Белый и Блок*. С. 444).

Блок в этот период составляет библиографические заметки о Стриндберге (“Strindbergiana”. С. 190 наст. тома). Как творчество Стриндберга, так и его личность воспринимаются Блоком в сравнении с творчеством и личностью Г. Ибсена. Это сопоставление прослеживается еще в “Strindbergian’e”, где Блок на полях отмечает параллельные этапы развития обоих художников. В марте 1912 г. Блок пишет заметку “Стриндберг (и Ибсен)” (С. 252 наст. тома), содержащую противопоставление Ибсена-максималиста,

носителя абстрактных идеалов, и Стриндберга-человека, – очевидно, конспект будущей статьи. Согласно ретроспективной авторской датировке, статья была написана в апреле: 30 мая 1912 г. Блок в дневнике перечисляет написанное им “до июня 1912 г.” и называет «3) “От Ибсена к Стриндбергу” (апрель) – “Труды и дни” (май)». Однако эта датировка требует уточнения: уже 4 (17) апреля Белый пишет Блоку из Брюсселя: «Вчера получил весть от Ахрамовича, что Ты статью для № 2 прислал: как Тебя благодарить, милый! Это “От Ибсена к Стриндбергу”? Спасибо» (*Белый и Блок*. С. 448). Это позволяет утверждать, что статья была получена в Москве не позднее 2 апреля и, следовательно, писалась во второй половине марта и могла быть послана в Москву не позднее 1 апреля.

Хотя в архиве Блока сохранились корректурные гранки (С. 263 наст. тома), текст в “Трудах и днях” вышел с большим количеством незамеченных опечаток, которые повторялись при переизданиях во всех собраниях сочинений. В этом издании поправки в текст вносятся по сохранившимся автографам.

Широко используя в статье фактический материал реферата “Генрих Ибсен” (1908). (см. с. 64 наст. тома), Блок иначе осмысляет его. Апологетический тон реферата по отношению к Ибсену исчезает; Блок подробно говорит о противоречиях последнего периода творчества Ибсена, об излишней абстрактности его идеалов. Характерно нежелание Блока подчеркивать в статье свою принадлежность к символистской школе: единственная фраза о символистах в корректуре заменена на менее определенное “мы”. В письме к Белому от 16 апреля 1912 г. Блок, критикуя первый номер журнала “Труды и дни”, мотивировал направленность своей статьи: «Первый № сразу заведен так, чтобы говорить об искусстве и школе искусства, а не о человеке и художнике. Этим обязаны мы Вячеславу Иванову. (...) Ведь для “вочеловечивания” сходимся мы в “Трудах и днях”; а все, что есть пока в первом отделе, могло бы быть и в “Аполлоне”. Первый № – номер Вячеслава Иванова; над печальной Россией в лохмотьях он с приятностью громыхнул железным листом. (...) И потому бросаюсь я от этого жестяного грохота к умной и страстной статье Метнера, пускай – на тему далеку мне: за ней я вижу это печальное человеческое лицо гонимого судьбой. Оттого-то я сам хочу говорить о Стриндберге».

Нельзя не заметить, что текст статьи не вполне соответствует ее названию: заданное в наброске “Стриндберг (и Ибсен)” противопоставление двух художников в статье почти не реализовано. Оно заявлено лишь в последнем ее абзаце, где единственный раз упомянут Стриндберг. Между тем замысел статьи был связан именно с намерением Блока написать о Стриндберге – об этом говорят все процитированные письма Блока и Белого этого периода. Но последнее письмо Блока написано уже после отсылки статьи в редакцию – 16 апреля. И все же в нем по-прежнему говорится именно о намерении автора (“Хочу говорить о Стриндберге”). В дневниковой записи от 30 мая 1912 г. после перечисления сделанного до июня Блок составляет список будущих литературных дел (“Что должно быть сделано”), в котором упоминается «Стриндберг – для “Трудов и дней” (к августу)». Не замечая противоречия в датах, комментатор дневника В.Н. Орлов указывает в примечании, что речь идет о статье “От Ибсена к Стриндбергу” (Труды и дни. 1912. № 2) (СС-87. С. 486). Та же ошибка повторяется в комментариях А.Л. Гришунина (*Блок А. Дневник*. М., 1989. С. 387). Иначе интерпретирует эту запись А.В. Лавров, предполагая, что Блок намеревался “написать туда же вторую статью, специально посвященную Стриндбергу” (*Лавров А.В. “Труды и дни” // Русская литература и журналистика начала века. 1905–1917*. М., 1984. С. 203).

Однако скорее всего речь шла не о новой статье, а о задуманном втором разделе статьи “От Ибсена к Стриндбергу”, так как только в этом случае замысел статьи оказывался бы полностью реализованным, а название пришло бы в соответствие с текстом.

Но раздел о Стриндберге написан не был. Возможно, одной из причин была смерть Стриндберга 1 мая 1912 г., после которой Блок написал статью “Памяти Августа Стриндберга”, проговорив в ней все, что намеревался в то время сказать о писателе. Можно предположить также, что Блок не только опасался самоповторов, но и все боль-

ше ощущал чуждость своего замысла, своего пафоса “вочеловечивания” с каждым номером усиливавшегося “гелертерскому” направлению “Трудов и дней”. Поэтому статья “От Ибсена к Стриндбергу” не только осталась единственной статьей Блока, напечатанной в этом журнале, но и не была им завершена (см. подробнее: *Магомедова Д.М.* Окончена ли статья “От Ибсена к Стриндбергу”? // *Магомедова Д.М.* Комментируя Блока. М., 2004. С. 16–21).

Э.К. Метнер 18 июня 1912 г., получив статью для журнала, писал Блоку: “Ваша статья – очень хороша и являлась весьма кстати. – Пишите для журнала больше” (*БС ИРЛИ-III*).

Андрей Белый ознакомился с текстом статьи в конце апреля. 1 (14) мая 1912 г. он писал Блоку из Брюсселя: «В это время, когда писал это письмо, приходит Твоя статья “От Ибсена к Стриндбергу”. Статья прекрасна и значительна: прочтя статью, я обрадовался, что написал то, что написал» (*Белый и Блок*. С. 461).

А.В. Руманов писал Блоку 16 (29) июня 1912 г.: “Ваше об Ибсене прочитал. Как, должно быть, мучительно дается Вам такое писание” (*РАЛИ*. Ф. 55. Оп. 2. Ед. хр. 59).

В *СпМ* против названия статьи помета: «(Использована статья об Ибсене 1908 г.). “Труды и дни” № 2. Корр(ектура) из журн(ала)». В (Плане собрания сочинений) помещена в раздел “Иностран(ная) литерат(ура)”. Название статьи объединено скобкой с названием статьи “Ибсен (1908)”.

С. 142. ...Против окна – церковь с высокой папертью; ~ “еще чем-то вроде то хриплых, то визгливых, то стонущих женских криков”. – Слова из автобиографических записок Г. Ибсена цитируются Блоком по вступительной статье А. и П. Ганзен к Полному собранию сочинений Ибсена “Жизнь и литературная деятельность Генрика Ибсена” (М., 1907. Т. 1. С. 4). Эти строки отчеркнуты в экземпляре тома, принадлежащего Блоку (*ББО-1*. С. 286). См. коммент. к статье “Генрих Ибсен” (С. 333 наст. тома).

С. 143. С Ибсеном произошло то же, что с Зигфридом; только не в дремучем лесу, не в молниях и радугах Валгаллы, не в огненном кольце Валькириш... – См. коммент. к статье “Генрих Ибсен” (С. 334 наст. тома).

...(припомним, однако: полуденная скука в дремучем лесу; Зигфрид тупо строгают прутик; зевки Фафнера в пещере; в Рейне скучно плещутся глупые рыбы). – Ср. соответствующие эпизоды в либретто музыкальных драм Р. Вагнера: “Действие второе. Глухой лес (...) Зигфрид срезает мечом тростниковый стебель и режет из него дудку”. *Фафнер* – персонаж тетралогии, великан, в образе дракона стерегущий золото Рейна в пещере. Услышав звуки рога Зигфрида, Фафнер выползает из пещеры и “издает сильный звук, напоминающий зевоту” (*Вагнер Р.* Зигфрид: Опера в 3-х д. 2-е изд. / Муз. Р. Вагнера. Пер. И. Тюменева. М.: Изд. П. Юргенсона, 1901. С. 25, 26). В прологе первой музыкальной драмы тетралогии “Золото Рейна” дочери Рейна Воглинда, Вельгунда, Флосхильда плавают в реке: “Со смехом и шутками сестры носятся, подобно рыбкам, от скалы к скале” (*Вагнер Р.* Золото Рейна: Вступление к трилогии “Кольцо нибелунга” 3-е изд. / Пер. И. Тюменева. М.: Изд. П. Юргенсона, 1906. С. 3). Обе книги сохранились в библиотеке Блока (*ББО-1*. С. 117).

...что делать “герою” со старым карлой ~ и варит сыну мерзкое зелье... – Сюжетные мотивы музыкальной драмы “Зигфрид”. Карлик Миме, воспитывавший Зигфрида, который остался сиротой, рассчитывает с его помощью добыть золото Рейна, а затем убить его, дав выпить ядовитого зелья.

...он как бы в награду или в предвестие увидел впервые Северное море. – См. коммент. к статье “Генрих Ибсен” (С. 334 наст. тома).

Так Зигфрид, впервые прислушавшийся к шуму леса, не различил сначала отдельных голосов, только остановился очарованный. – Отсылка к сцене “шелеста леса” в Действии втором (сц. 2) музыкальной драмы “Зигфрид”: “Полная тишина. Усиливающийся шум леса. Внимание Зигфрида привлечено, наконец, пением лесных птиц” (*Вагнер Р.* Зигфрид. С. 25). Эта сцена упомянута Блоком в письме к Белому (3 января 1903 г.): «Разве не одура-

юще святы Зигмунд и Зиглинда и голос птички, “запевающей” Зигфриду, “манящей”, inferнальной...».

С. 143. “Будут норвежцы брести еле-еле по полю жизни!..” – Слова монаха из Пятого действия драмы Ибсена “Борьба за престол” (Ибсен Г. Полн. собр. соч. М.: Изд. С. Скирмунта, 1906. Т. 3. С. 273).

...Фафнер – Альбериха, Альберих – Миме, Миме – своих карликов. – Персонажи тетралогии “Кольцо нибелунга”. Нибелунг Альберих – карлик, завладевший золотом Рейна ценой проклятия любви. Верховный бог Вотан обманом отнимает у него золото и передает великану Фафнеру. Карлик Миме – младший брат Альбериха, работает на него и заставляет работать других карликов-нибелунгов – добывать золото под землей.

Купец Олаксен строит спичечную фабрику и для этого разрушает лавочку торговца Торлаксена. – Источник данного фрагмента не установлен.

“Я поднял бич сатиры над любовью и браком ~ столько воплей в защиту и брака, и любви” (из предисловия к “Комедии любви”). – См. коммент. к статье “Генрих Ибсен” (С. 334 наст. тома).

“Слушай, сыночек Зигфрид ~ срубить тебе голову” ~ В ответ он получает удар меча. – Имеется в виду Действие третье (сцена 3) музыкальной драмы “Зигфрид”.

...“повертывает свои корабли кормами к северу” – См. коммент. к статье “Генрих Ибсен” (С. 334 наст. тома).

С. 144. Это – “жених, идущий навстречу невесте”... – См. коммент. к статьям “О театре” и “Генрих Ибсен” (С. 308 и 335 наст. тома).

...носитель “королевской мысли” о духовной жизни Норвегии, – говорит биограф Ибсена. – См. коммент. к статье “Генрих Ибсен” (С. 335 наст. тома).

Отвергнутую церковь земную заменила ему “снежная церковь” – лавина. Перед гибелью является ему призрак мертвой жены. – Имеется в виду ремарка из Действия пятого драмы Ибсена “Бранд”: “Глядит вверх, там показывается мерцающее пятно, которое расплывается в облако, и в нем вырисовывается женский образ в светлой одежде, в наброшенной на плечи мантии” (Ибсен Г. Полн. собр. соч. М.: Изд. С. Скирмунта, 1904. Т. 3. С. 510). Ср. также диалог Бранда и Герда в той же сцене:

Г е р д
Знаешь ли, где ты?
Б р а н д
(озираясь) Пстой же,
Вот поредеет туман...
Г е р д
... и скала
Черная в небо упрется!..
Вот она!
Б р а н д
(взглянув вверх)
“Снежная церковь!” Ледник!
Г е р д
Все-таки к церкви пришел ты! (Там же. С. 519).

Какой-то взбалмошный бродяга Пер Гюнт достигает лесной хижины и умирает усталый, убаюканный песней Сольвейг – песней Вечности. – Имеется в виду Действие четвертое драмы Г. Ибсена “Пер Гюнт”.

Так Зигфрид, понявший голос птицы ~ близ дочери Хаоса, которую он разбудил. – Пересказ конца 2-й–начала 3-й сцены Действия третьего “Зигфрида” (ср. стих. “Бред”. Т. 2 наст. изд. С. 68. См. также коммент. к статье “Генрих Ибсен”. С. 334 наст. тома).

С. 144. ...с теми, кто остается там один, лицом к лицу с “Богом милосердия” (*Deus Caritatis*)? – См. коммент. к статье “Генрих Ибсен” (С. 335 наст. тома).

...юноша Зигфрид вступает на свой последний, ясный и крестный, не омрачаемый даже изменой пути. – Речь идет о последней музыкальной драме тетралогии “Кольцо нибелунга” – “Гибель богов”, в которой Зигфрид гибнет и вместе со всем миром богов и героев сгорает в “мировом пожаре”, после чего восстанавливается изначальная целокупность бытия.

...самим Ибсеном названный “долгой-долгой Страстной неделей”... – См. коммент. к статье “Генрих Ибсен” (С. 337 наст. тома).

...было возвращение писателя Ибсена на родину. – Блок неточен, говоря о возвращении Ибсена на родину. В 40 лет Ибсен приезжает в Норвегию лишь на короткое время. Окончательное возвращение произошло в начало 1890-х годов, т.е. относится к третьему периоду жизни и творчества Ибсена.

...в щегольском и всегда застегнутом сюртуке и перчатках. – Ср. “Во внешности его (...) произошла некоторая перемена: живописно-изящный бархатный пиджак (...) уступил место строгому черному сюртуку, застегнутому на все пуговицы” (*Ганзен А. и П. Жизнь и литературная деятельность Генрика Ибсена // Ибсен Г. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 155*).

Он говорит, что “нельзя влечь корабль к светлому будущему, когда есть труп в трюме”... – См. коммент. к статье “Генрих Ибсен” (С. 335 наст. тома).

...вечно твердить о “Третьем царстве”... – См. коммент. к статье “Генрих Ибсен” (С. 335 наст. тома).

Итак, Ибсен возвращается “к родной и близкой” ~ В руках у него – микроскоп и скальпель. – См. коммент. к статье “Генрих Ибсен” (С. 336 наст. тома).

...не вопрошал он еще в ранней юности норвежских скальдов, “не на пользу ли народу дан им поэтический дар”? – См. коммент. к статье “Генрих Ибсен” (С. 336 наст. тома).

С. 145. ...галантный Ибсен даже меняет конец “Норы” (шутка сказать – наоборот!). – Ибсен изменил конец драмы “Нора” (“Кукольный дом”) по требованию немецкой актрисы Гедвиг Ниман-Раабе. В новой редакции Нора не покидала мужа, а оставалась в семье.

К назойливо лезущему не вовремя гостю *Herr Ibsen* выходит с пером в руках. С пера капают чернила. – Данный эпизод описан в дневнике немецкого литератора Конрада: “Дверь отворил мне сам хозяин, держа в руке ручку от пера с невысохшими еще на кончике чернилами, – знак, что он встал прямо из-за письменного стола” (*Ганзен А. и П. Жизнь и литературная деятельность Генрика Ибсена. С. 227*).

Знакома мне паденья глубина. ~ Мне время есть размыслить о морали. – См. коммент. к статье “Генрих Ибсен” (С. 336 наст. тома).

...чтобы увидеть солнце, которого он “дома никогда не видел”. – См. коммент. к статье “Генрих Ибсен” (С. 336 наст. тома).

Он весь закован был в броню. / Оруженосец – Смерть... – Источник цитаты не установлен.

Отказавшись быть “женехом в брачной одежде”, он стал “великим чернорабочим”. – См. коммент. к статье “Генрих Ибсен” (С. 336 наст. тома).

Что такое “белые кони” *Росмерсгольма*? – Через всю пьесу Ибсена “*Росмерсгольм*” проходит предание о том, что “мертвецы возвращаются на землю в образе вихрем пронесшихся белых коней” (*Ибсен Г. Полн. собр. соч. М., 1904. Т. 6. С. 209*).

И гибель от рока, тяготеющего над домом? – Имеется в виду сюжет пьесы Ибсена “Привидения”.

С. 145–146. Бывают разве Женщины моря? ~ Почему Эллида ~ Почему она вдруг, именно как птица, смешно и неуклюже бросается назад в клетку? – Имеется в виду финал пьесы Ибсена “Женщина моря”. Ср. также цитату из работы немецкого критика Лотара, приведенную в статье А. и П. Ганзен: «Гильда говорит: “Захочет ли дикая пти-

ца в клетку?” – а Сольнес договаривает: “Да, лучше реять кругами по воздуху”; Эллида же была такою дикой птицей в клетке» (*Ганзен А. и П. Жизнь и литературная деятельность Генрика Ибсена. С. 247*).

С. 146. Почему какая-то глупая девчонка ~ “королевство на стол” и при этом называется “юностью”? – См. коммент. к статьям “О театре” (С. 316 наст. тома), “Генрих Ибсен” (С. 338 наст. тома), “Памяти В.Ф. Коммиссаржевской” (С. 397 наст. тома).

Современный Ибсену критик Шленгер говорит ~ “Если бывали ~ так это новейшие драмы Ибсена”. – Цитата приведена по ст.: Ганзен А. и П. Жизнь и литературная деятельность Генрика Ибсена. С. 297.

“Люди полагают, что я с течением времени менял свои взгляды ~ шло вполне последовательно”, – говорил Ибсен. – Слова, сказанные Ибсеном Л. Дитрихсону, который приводит их в воспоминаниях “Минувшие времена”, цитируются по ст.: Ганзен А. и П. Жизнь и литературная деятельность Генрика Ибсена. С. 218.

С. 147. ...понемногу седеющая голова его превратилась в мохнатую голову горного орла. – Образ орла неоднократно используется в творчестве Ибсена. См. песню Фалька в “Комедии любви”: “По ветру мой парус распущен крылом; / Над морем житейским несусь я орлом” (Полное собрание сочинений Генрика Ибсена. Т. 3. С. 140). Ср. также стих. “Терье Виген” (Там же. Т. 8. С. 426).

Мы слышим между скалами какие-то непонятные, почти безумные слова “о цветах и листьях”. Говорят Ирена и Рубек – призраки. – Герои пьесы Ибсена “Когда мы, мертвые, пробуждаемся”. Слова, взятые в кавычки, не являются цитатой. Блок лишь намекает на содержание диалога Ирены и Рубека в конце Действия второго пьесы (Полное собрание сочинений Генрика Ибсена. Т. 7. С. 352–353).

ПАМЯТИ АВГУСТА СТРИНДБЕРГА

(С. 147)

БАП первой редакции с правкой – ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. № 191. Л. 37–55. На л. 37 надпись: «Памяти Августа Стриндберга (написано для “Современника”). (Май 1912)». ПРАВКА синим, красным и простым карандашами. Впервые опубликован: БС-1. С. 554–556.

Отгиск из журнала “Современник” с карандашной пометой рукой Блока: “1912. № 5” – Там же.

Вырезка из журнала “Современник” с карандашной пометой рукой Блока: “1912. № 5” – Там же.

Впервые напечатано: Современник. 1912. № 5. С. 377–381. Подпись: “Александр Блок”.

В Собрание сочинений впервые включено: СС-12₉. С. 152–159.

Печатается по тексту первой публикации.

В дневнике Блока 1912 г. имеется запись от 3 мая: “1-го мая (по русскому стилю) в 4 часа 30 минут Август Стриндберг скончался...” (Т. 13 наст. изд.). В тот же день Блок получил письмо от Б.А. Садовского, сотрудничавшего в журнале “Современник”: «У меня к Вам большая просьба. Не напишете ли для майской книжки “Современника” заметку о Стриндберге. Сроку неделя, т.е. к 10-му мая» (РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 391). Блок ответил 3 мая: “Постараюсь все исполнить и прийти в редакцию в среду (...) Заметка о Стриндберге, если удастся, будет небольшая”. 10 мая Блок отметил в дневнике: «Вчера я снес в “Современник” статью о Стриндберге, которую писал эти дни» (Т. 13 наст. изд.). Текст первой редакции (С. 266 наст. тома) значительно отличается от текста в “Современнике”. В исследовательской литературе высказано предположение, что “напечатать статью в окончательно завершённом виде Блоку помешали цензурные соображения. В окончательную редакцию не попали те фразы и абзацы черновика, которые в политическом отношении звучали слишком резко” (Шарыткин Д.М. Первоначальная редакция статьи

Блока “Памяти Августа Стриндберга” // *БС-1*. С. 553). Предположение подтверждается воспоминаниями Б.А. Садовского: «Из статьи Блока о Стриндберге Дутик (прозвище Е.А. Ляцкого, редактировавшего “Современник”. – *Сост.*) хотел выбросить половину; с трудом я уладил дело» (*Садовской Б. Записки (1881–1916) // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.*). М., 1991. Вып. 1. С. 171).

В *СпМ* сопровождается пометой: «(“Современник” 1912 V). Печ(атный оттиск) из журнала». В (Плане собрания сочинений) входит в раздел “Иностран(ная) литература”.

С. 147. Товарищ мой, вернувшийся из Стокгольма за день до кончины Стриндберга, привез мне его большой портрет. – Ср. запись в дневнике Блока 1 мая 1912 г.: “Вечером (...) пришел Пяст, приехавший из Стокгольма, привез мне портрет Стриндберга и подробные рассказы о его дочерях и зятях”. Поездку В.А. Пяста в Стокгольм к умирающему Стриндбергу организовал Блок через представителя московской газеты “Русское слово” А.В. Руманова. Однако Пясту не удалось встретиться с Стриндбергом – умирающий писатель уже никого не принимал. О своих впечатлениях от встреч с близкими Стриндберга и от его похорон Пяст рассказал в мемуарной книге “Встречи” (М.: Федерация, 1929. С. 222–234. Совр. изд: *Пяст Вл. Встречи / Сост., вступит. ст., научн. подгот. текста, коммент. Р. Тищенко. М., 1997. С. 145–157*).

С. 148. ...“пробный” тип человека, в котором в различных пропорциях смешано мужское и женское начало. – По замечанию Вяч. Вс. Иванова, «проблематика соотношения мужского и женского начал в личности очень широко обсуждалась в России, как во всей Европе, после выхода в свет книги Вейнингера “Пол и характер” (1903). Из писателей, за статьями и книгами которых Блок следил, достаточно назвать Розанова, чьи “Люди лунного света” целиком написаны под влиянием Вейнингера (...) Размышления на эту тему есть и у самого Стриндберга, в поздних своих сочинениях упоминающего в этой связи и Вейнингера, и его самоубийство» (*Иванов Вяч. Вс. Блок и Стриндберг // ЛН. Т. 92. Кн. 5. С. 405*). Эта проблематика обсуждалась также в статье З.Н. Гиппиус “Зверобог” (Образование. 1908. № 8. С. 19–27) и в заметке Андрея Белого “Вейнингер о поле и характере” (*В. 1909. № 2. С. 77–81. Подпись: “Борис Бугаев”*).

С. 151. ...“атласные дырявые карманы”... – А.С. Пушкин. “Скупой рыцарь”. Слова из монолога Барона (ср. 2).

...один необщедоступный том – Сведенборга. – Увлечение Стриндберга оккультизмом, алхимией и теософией, мистикой отмечены Блоком в наброске “Стриндберг (и Ибсен)” (С. 253 наст. тома) и в библиографических заметках “Strindbergiana” (С. 190 наст. тома). В романе Стриндберга “Ад” (“Inferno”) упоминается труд шведского мистика и теософа Эммануила Сведенборга “Arcana Coelestia” (“Небесные тайны”).

Первая редакция

(С. 264)

С. 267. ...почему он похоронен без пастора и без прочей грязи; ~ почему даже правительство, не только общественная Швеция печально спустила свои флаги в день его кончины. – Сведения о похоронах Стриндберга почерпнуты Блоком из устных рассказов и газетных публикаций В.А. Пяста (*Пяст Вл. Встречи. М., 1997. С. 349–350*).

ПАМЯТИ К.В. БРАВИЧА

(С. 151)

Автограф неизвестен.

Впервые напечатано: Театр. 1912. № 78. 15 (28) нояб. Подпись: “Александр Блок”.

В Собрание сочинений впервые включено: *СС-Берлин. Т. 9. С. 88–91*.

Печатается по тексту первой публикации.

Драматический актер и режиссер Казимир Викентьевич Бравич (Баранович) скончался 13 ноября 1912 г. 14 ноября Блок сообщил матери о написании некролога: «Я писал воспоминания о Бравиче, их уже унесли – в газету “Театр”». О том же – дневниковая запись 15 ноября: «Вчерашний день – полный. Утром пишу некролог Бравича, за которым присылают из газеты “Театр”. Потом – брожу с нервами, напряженными и замученными».

В *СнМ* против названия статьи помета: “Печ(атная вырезка) из газеты”. В *Плане собрания сочинений* первоначально была включена в раздел “Некрологи”, затем вычеркнута.

С. 151. ...так неожиданно скончавшегося Казимира Викентьевича Бравича! – После перехода К.В. Бравича из театра В.Ф. Коммиссаржевской в труппу Московского Художественного театра Блок не поддерживал с ним личных отношений. Между тем о болезни Бравича стало известно уже в октябре 1912 г. Ср. заметку в журнале “Весь мир” (1912. № 43 (138). Окт.): “Заболел артист московск(ого) Художественного театра К.В. Бравич. Врачи определили, что артист страдает нервным расстройством на почве переутомления и истощения” (С. 27).

Который-то из девяностых годов... – Скорее всего, речь идет о 1898 г., когда Блок был студентом I курса юридического факультета.

...в Суворинском театре на Фонтанке. – Речь идет о частном театре Литературно-художественного общества, именованном также Суворинским и Малым (1895–1917). Владелец и руководителем театра был А.С. Суворин. К.В. Бравич играл в Суворинском театре в 1897–1903 гг.

...Викторьен Сарду вместе с Евтихием Карповым... – Викторьен Сарду (1831–1908) – популярный французский драматург. Евтихий Павлович Карпов (1857–1926) – драматург и режиссер. Ср. блоковские характеристики этих авторов. В *Докладе в коллегия театрального отдела* (1919) Блок упоминает о Сарду как об авторе, для которого характерен “глубокий идейный нигилизм” и “убожество мысли”. В то же время Блок отмечал: “Скриб и Сарду – все-таки мастера, и мастера квалифицированные, потому что они, работая над негодным материалом, служат тому же искусству, совершенствуя формы, которые легли в основу европейской драматургии” (Т. 10 наст. изд.). В “Письме о театре” (1918) Блок пишет: «Искусство кончается там, где начинается Евт. Карпов. Так начинается все, что угодно: педагогика, “светлые идеалы” и прочие болезни. “Здоровье” же пропадает и путей к нему оттуда нет» (*Там же*).

...жду в коридоре В.П. Далматова... – Василий Пантелеймонович Далматов (Лучич) (1852–1912) – актер, режиссер, антрепренер. В 1890-х годах играл в Суворинском театре. По воспоминаниям близких, Далматов был кумиром Блока в юности: “Он только что поступил в университет и увлекался театром. (...) И держать себя старался по-актерски. Его кумиром был Далматов, игравший в то время в Суворинском театре Лира и Ивана Грозного. Александр Александрович причислялся как Далматов (плоско на темени и пышно на висках), говорил далматовским голосом (сквозь зубы цедил глуховатым баском)” (*Блок Г. Из очерка «Герои “Возмездия”» // Воспоминания, 1. С. 97*).

...“ударить по сердцам с неведомой силой” ... – Из стих. А.С. Пушкина “Ответ анониму” (1830).

Представляют “Термидор” Сарду. – Анти-якобинская пьеса В. Сарду “Термидор” (1891) была поставлена в театре Литературно-художественного общества.

С. 152. ...длинный нос, усыпанный крупными рябинами, как у Бравича! – Аберрация Блока: К.В. Бравич перенес оспу в июне 1908 г. Ср. сообщение Блока в письме к Л.Д. Блок 14 июня 1908 г.: “У Бравича – оспа”.

“Субботы” у Коммиссаржевской, предшествовавшие открытию ее театра. – О “субботах” в театре В.Ф. Коммиссаржевской см. коммент. к статье “Генрих Ибсен” (С. 333 наст. тома).

С. 152. “Здесь хорошо, выпал снег, но холод собачий”, – пишет он мне с какой-то станции Финляндской дороги. – В ЗК₂₁ – адрес К.В. Бравича: “Бравич – Ф(инляндская) ж(елезная) д(орога), Пенярви, или Куза” (ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. № 339). Цитированное выше письмо Бравича хранится – РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 172.

...между двумя актами “Вечной сказки” Пшибышевского... – Пьеса С. Пшибышевского “Вечная сказка” была поставлена в театре В.Ф. Коммиссаржевской в сезон 1906/1907 г.

“Жизнь Человека” Андреева. Бравич – “Некто в сером”. – См. отзыв Блока о постановке пьесы Л.Н. Андреева “Жизнь Человека” в статье “О театре” (С. 29 наст. тома)

“Строитель Сольнес”. ~ реплики строителя – Бравича. – О постановке драмы Г. Ибсена “Строитель Сольнес” в театре В.Ф. Коммиссаржевской см. в статьях “Генрих Ибсен” (С. 64 наст. тома), “Вера Федоровна Коммиссаржевская” (С. 117 наст. тома).

МАСКИ НА УЛИЦЕ

(С. 153)

ЧА – под названием “Misericordia” (С. 270 наст. тома), первая редакция статьи, – ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. № 230. Л. 8об. – 10об. На л. 8об. (л. 1 авт. паг.) надпись: «Переписано и передано для журнала “Маски”. Ок(оло) Рождества 1912».

БА – под названием “Маски на улице” – ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. № 230. Л. 8–10. На л. 8 (л. 1 авт. паг.) – надпись красным карандашом: «“Маски”, журнал, № 4 (1913, начало)».

Впервые напечатано: Маски. 1912/13. № 4. С. 20–21.

В Собрание сочинений впервые включено: СС-Берлин. Т. 7. С. 173–175.

Печатается по тексту прижизненной публикации с исправлениями по БА:

С. 153, стр. 4: Calzajoli вместо: Calzaioli

стр. 6: Синьории вместо: Синьори

стр. 16: даже без прореза вместо: даже и без прореза

стр. 33: танцующим галопом вместо: танцующих галопом

Тема статьи восходит к записи в ЗК₂₅ от (15 мая) 1909 г., воссоздающей уличную сценку во Флоренции (С. 268 наст. тома). Первая редакция статьи под названием “Misericordia” была написана в октябре–ноябре 1909 г., одновременно с первыми редакциями других статей (дата на обложке. См. выше). Под этим заглавием статья фигурирует в обоих списках итальянских тем.

Поводом для переработки и публикации статьи послужила просьба Ф.Ф. Коммиссаржевского дать статью в редактируемый им театральный журнал “Маски” в ноябре 1912 г. Подвергнув первую редакцию статьи стилистической правке, Блок изменил ее заглавие, приспособив к названию журнала. Не исключено, однако, что тема “маски” была акцентирована и под влиянием чтения книги П. Муратова “Образы Италии” в январе 1912 г. (дневниковая запись от 23 января). Судя по многочисленным пометам на полях книги в библиотеке Блока, особенно внимательно им была прочтена именно глава “Век маски” (ББО-2. С. 165–166). В разделе, посвященном творчеству венецианского художника XVIII в. Пьетро Лонги, Блок подчеркивает слова: “Маска, свеча и зеркало – вот образ Венеции XVIII века”. Отчеркнуто на полях на той же странице описание картин Лонги: «В залах сумрачно, несмотря на блеск свечей в многочисленных люстрах, свешивающихся с потолка. Кое-где слабо мерцают зеркала. У стен стоят столы, за которыми видны патриции в больших париках. Толпа масок наполняет залы. “Баутты” проходят одна за другой, как фантастические и немного зловещие птицы. Резкие тени подчеркивают огромные но-

сы и глубокие сквозные впадины масок, большие муфты из горностая увеличивают впечатление сказки, какого-то необыкновенного сна. Среди толпы “баутт” встречаются женщины-простолоудинки в коротких юбках и коротких корсажах с забавными, совершенно круглыми масками коломбины на лицах, встречаются дети, одетые маленькими арлекинами, страшные замаскированные персонажи в высоких шляпах и люди, напоминающие своими нарядами восточные моря. Все это образует группы неслыханной красоты, причудливости и мрачной пышности. Наш ум отказывается верить, что перед нами только жанровые сценки, аккуратно списанные с жизни.

В сценах из жизни Ридотто Лонги коснулся самых фантастических сторон Венеции XVIII века. Как будто около игорных столов та жизнь заражалась магизмом, всегда скрытом в картах и в золоте, и ее образы становились образами, стоящими на границе с бредом, с галлюцинацией» (*Муратов П.* Образы Италии. М.: Научное слово, 1911. Т. 1. С. 41–42).

Ф.Ф. Коммиссаржевский в письме от 12 ноября 1912 г. безуспешно пытался уговорить Блока расширить статью: «Спасибо Вам, дорогой Александр Александрович, за Вашу статью, но хочется еще попросить Вас: не сделаете ли ее побольше, не припишете ли еще 4–5 листиков, кот(оторые) мы присоединим к имеющимся о том, чем для Вас является “Маска на улице”, какое значение она имеет в уличной жизни с точки зрения искусства. Мы были бы очень Вам признательны, п(отому) ч(то) очень жаль, что такая интересная статья так коротка и что Вам в нашем журнале будет отведено так мало места. Вам это не трудно сделать, а нам очень будет приятно. Если не пришлете, то будет грустно (обязательно к 1-му декабря), но надеюсь пришлете» (*РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 1. № 280*).

Статья была анонсирована в № 2 журнала. На титульном листе значилось: “В декабрьской книжке журнала будут напечатаны ст(атьи) Л. Андреева, А. Блока (...)” (*Маски. 1912. № 2*). Однако в № 3 статья опубликована не была, хотя на обложке журнала значилось ее название, что и было подмечено в прессе. В газете “День”(1913. № 3. 4 февр.) в “Литературной хронике” анонимный обозреватель недоумевал: «В № 3 московского журнала “Маски” статья А. Блока “Маски на улице” числится только на обложке».

После выхода статьи из печати К.А. Сюннерберг в письме к Блоку от 25 февраля 1913 г. указал на ряд опечаток в опубликованном тексте: «1) Via dei Calzajoli (улица чулочников) или сокращенно – Via Calzajoli, а не Calzaioli, как это напечатано в последнем номере “Масок”. 2) Площадь Синьории (della Signoria), а не Синьори» (*Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 год. Л.: Наука, 1979. С. 158*). Блок написал на письме: “Я не отвечаю за опечатки” (*Там же*), – и ответил К.А. Сюннербергу 26 февраля 1913 г.: «Ну чем я виноват, что “Маски” печатают без авторских корректур и даже без корректора, по-видимому. Статья вся испещрена опечатками».

С. 153. ...часть баптистерия... – Баптистерий – помещение для обряда крещения.

Santa Maria del Fiore – главный собор Флоренции, созданный на рубеже XIII–XIV вв. архитектором Арнольдо ди Камбио и увенчанный куполом работы Брунеллески.

...в том же безумном галопе ~ летучая мышшь. – Ср. сходный мотив в стих. “Голубоватым дымом...” (“Итальянские стихи”, цикл “Флоренция”): “Он мимо, мимо, мимо / Летучей мышью бросится / Под уличный фонарь” (Т. 3 наст. изд. С. 76).

*Всё – древний намек на что-то, давнее воспоминание... – Мотив “древнего воспоминания”, “прапамяти”, восходящий к платоновскому учению и активно развиваемый в символистской эстетике (см., напр., статью Вяч. Иванова “Поэт и Чернь”. – В. 1904. № 3), постоянно присутствовал как в поэзии, так и в драматургии (“Незнакомка”, “Песня Судьбы”) и в прозе Блока. Актуализация этого мотива в его творческом сознании произошла во время поездки в Италию. Ср. запись от 29 июня 1909 г. в ЗК₂₆, сделанную сразу по возвращении из поездки: “Вагнер в Бад-Наугейме – нечто вполне невыразимое: Напоминание – ἄναμνησις”. См. подробнее: *Максимов Д.Е.* О мифопоэтическом начале в лирике Блока: (Предварительные замечания) // *БС-3. С. 11–15: Искржицкая И.Ю.* Категория памяти в литературе русского символизма // *Collegium: Международный научно-художественный журнал.**

⟨Киев⟩. 1997. № 1. С. 94–99. О связи темы “маски” и темы “древнего воспоминания” говорится в разделе “Век маски” книги П. Муратова “Образы Италии”: «Во всяком воспоминании есть благодарность, есть убаюкивающее очарование. Прошлое одевается убором, сотканным из тончайшей душевной пряжи. Оно является воображению в особой игре света и тени, после которой слишком будничным и скучным кажется изучение его при дневном свете книжной истории. (...) Никогда и нигде жизнь не была так похожа на театральное зрелище, как в Италии XVIII века. Что иное, как не сознание себя участником какой-то вечной комедии, разыгрываемой на улицах и площадях, в виду моря, гор и садов, заставляло итальянцев тех времен с такой страстью рядиться и с такой радостью надевать маску в дни карнавала. В этой “ненастоящей” жизни было все, чтобы создать Гофмана» (Муратов П. Образы Италии. Т. 1. С. 33, 37. Прочитанные слова в экземпляре библиотеки Блока отчеркнуты – ББО-2. С. 165–166). Вероятность влияния книги Муратова на развитие этой темы у Блока тем выше, что в первой редакции статья эти мотивы отсутствуют.

С. 153. ...голубые ирисы в Кашинах... – Кашины – парк в пригороде Флоренции. Мотив “ирисов” неоднократно используется Блоком в “Итальянских стихах”: “Флоренция, ты ирис нежный...”, “Страстью длинной, безмятежной...”, “Жгут раскаленные камни...”. Ср. запись от 16 мая в ЗК₂₅: “Мы уехали наконец с отвратительно гремучей Calzajoli и поселились в тихом пансионе вблизи от Кашин и Арно”.

Первая редакция

MISERICORDIA

(С. 268)

С. 271. ...небо синее ~ черное, что прекрасно понимал Леонардо да Винчи. – Замечание о “черном воздухе” впервые появляется в записях от 16 мая 1909 г. в ЗК₂₅ (“Я еще не отрезвел вполне – и потому правда о черном воздухе бросается в глаза. Не скрыть ее”), от 18 мая («Монахиня срисовывает “Благовещенье” Леонардо... А он понимал, кажется, что воздух – черный»). Ср. также стихотворения из “Итальянских стихов” “Жгут раскаленные камни...” (“В черное небо Италии / Черной душою гляжусь...” – Т. 3 наст. изд. С. 74), “Умри, Флоренция, Иуда...” (“Где Леонардо сумрак ведал” – Т. 3 наст. изд. С. 73). См. также статью “О современном состоянии русского символизма” (С. 130 наст. тома, а также коммент. С. 420).

ИСКУССТВО И ГАЗЕТА

(С. 154)

Автограф полного текста статьи неизвестен.

ЧА – остатки черного автографа с пометами и исправлениями красным, синим и черным карандашом – ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. № 194. Арх. паг. – л. 1–12, авт. паг. – л. 13–22. На обложке надписи рукой Блока: “Искусство и жизнь” (карандашом). “1) Искусство и газета. 2) Непонимание или нежелание понять (декабрь 1912)”. На л. 2 надпись: “Остатки, остальное – переработано и отдано в газету – 2 дек(абря). А [остальное и самое] кроме того – здесь находится то, что составляет центр статьи и от чего под тысячько предлогов отказалась любезная редакция 28 страниц”. На л. 3 – надпись поперек листа: “13–22 стр. – самое важное, суть статьи, остальное – только украшение. Украшение только и нужно газетке”.

ЧН – разрозненные черновые страницы ранней редакции, перечеркнутые красным карандашом, – Там же. Л. 13–17 арх. паг.

Вырезка из газеты “Русская молва” (1912. № 1. 9 дек.) – Там же. После слов “Что им друг до друга” – знак ✓ и надпись: “Здесь-то и начиналась статья. Следует – заключение”.

Вырезка из газеты “Русская молва” (1912. № 1. 9 дек.) – Там же. Простым карандашом заключены в квадратные скобки следующие фрагменты текста:

С. 154, стр. 24–27: Оно не тот материал ~ для чего бы то ни было.

стр. 37–38: Искусство никого не обманет ~ и теперь не влекутся.

С. 155, стр. 1–2: Чин отношения ~ не суетливый.

С. 157, стр. 19–26: И можно ли вообще говорить ~ ничего общего.

С. 158, стр. 8–11: превратился в стальное чудовище ~ первые фиалки.

стр. 12–16: Лишь при таком ~ в области прекрасного.

С. 157, стр. 20: После слов “служит злобе дня?” знак ✓.

Впервые напечатано: Русская молва. 1912. № 1. 9 дек., со значительными купюрами редактора.

В Собрание сочинений впервые включено: СС-12₉. С. 92–98.

Печатается по тексту первой публикации с восстановлением текста, изъятого редактором против воли автора, по ЧА, в соответствии с правкой Блока на вырезке из газеты.

18 ноября 1912 г. в дневнике Блока впервые упоминается о создаваемой по инициативе журналистки и писательницы А.В. Тырковой газете “Русская молва”: «Дважды разговор с А.М. Ремизовым по телефону – насчет газеты Тырковой. Хорошее дело, которое некоторым образом может стать в связь с “Сирином”» (Т. 12 наст. изд.). К участию в “Русской молве” были привлечены писатели и критики, близкие к символизму. 22 ноября Блок в дневнике перечисляет приглашенных к сотрудничеству. Кроме А.М. Ремизова, названы Б.А. Садовской, В.А. Пяст, А.П. Иванов, Н.П. Ге, В.Н. Княжнин, В.Н. Соловьев.

Идея нового объединения символистов вокруг печатного органа на некоторое время увлекла Блока. Узнав, что А.М. Ремизов зовет Б.А. Садовского заведовать литературным отделом газеты, он пишет ему 18 ноября 1912 г.: “Приезжайте Вы опять сюда, может быть, дел наделаем! Горячо присоединяюсь к зову Алексея Михайловича”. 27 ноября в письме к Л.Я. Гуревич он просит дать ему адрес драматурга и театрального критика В.Н. Соловьева для приглашения его в театральный отдел. Упоминания о переговорах с возможными сотрудниками будущей газеты содержатся в дневниковых записях 20, 21, 22, 24, 25, 26, 27 ноября. 24 ноября Блок записывает в дневнике: «Вчера писал докладную записку Тырковой по поводу газеты (“Искусство и газета”)». В тот же день состоялось редакционное заседание, на котором Блок прочел текст своей докладной записки: “Присутствуют А.В. Тыркова, англичанин (журналист Г. Вильямс, муж А.В. Тырковой. – *Сост.*), проф. Адрианов, мы с Ремизовым и приглашенные нами – А.П. Иванов, Вл.Н. Княжнин, Вл.А. Пяст, Н.П. Ге и Б.А. Садовской. Я читаю свою докладную записку об отношении искусства к газете и превращаюсь в какого-то лидера” (Т. 12 наст. изд.).

На заседании было решено опубликовать текст докладной записки в первом номере газеты в качестве программной статьи: “Мою статью хотят сделать определяющей отношение газеты к искусству” (запись в дневнике 24 ноября). 3 декабря Блок переработал текст докладной записки в статью: “Днем – масса телефонов – сквозь писанье статьи к газетному вечеру”, – записывает он в дневнике. На состоявшееся вечером того же дня редакционное заседание Блок прочел переработанный текст, встреченный неодобрительно руководством газеты. А.В. Тыркова вспоминала: “Мы ждали символических взлетов, размаха, красоты, а вместо этого услышали резкие выпады (...) Это было так неожиданно, что мы растерялись. Блок кончил и важно обвел нас холодным взглядом. Точно вызов бро-сил. Я его приняла:

– Александр Александрович, так нельзя.

Он перевел строгий взгляд на меня. На правильном лице греческого бога не было ни тени улыбки.

– Нельзя? Я так и знал, что вы не примете” (*Тыркова-Вильямс А. Тени минувшего // Возрождение. Париж, 1955. № 41. С. 87*).

В другом мемуарном очерке писательница изложила суть разногласий с Блоком: “Блок защищался парадоксально, но метко. Потом уступил. Согласился выбросить всю политическую часть и дать нам только литературную половину. Но все-таки в разговоре со мной с горькой яростью доказывал, что у русских нет инстинкта самосохранения, что надо с мечом в руках защищать национальные ценности, и прежде всего русский язык” (*Тыркова А. Беглые встречи // Руть. Берлин, 1921. № 256. 20 сент.*).

Как свидетельствует письмо А.В. Тырковой к Блоку от 6 декабря и заметки, сделанные Блоком на полях этого письма (*РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 2. Ед. хр. 69*), спор не завершился на редакционном заседании: “По-моему, сейчас следует вынуть из статьи *много*: из 13–22 листка, т.е. всю середину”, – писала А.В. Тыркова (ср. совпадающую авторскую пагинацию сохранившегося фрагмента *ЧА*). “Это и есть суть статьи, а остальное – украшение”, – отметил Блок на полях против этой фразы. “Но в той же части, – продолжала А.В. Тыркова, – есть вещи, которые надо бы так или иначе сказать, главное то, что Вы пишете о здоровых свойствах русской души”. Блок на полях иронически заметил: “Т.е. пококетничать лишний раз с этой здоровой душой”. А.В. Тыркова стремилась изъять из текста статьи характеристику современного газетного мира: «Не знаю, можно ли это сейчас оторвать от части *отрицательно политической*, направленной против газетчиков и той еврейской неврастении, что они несут с собой. Об этом сейчас не надо говорить в статье, где цитируется “Служенье Муз не терпит суеты...” А о потребности даже среднего человека к настоящему надо бы. Но это, конечно, дело Ваше».

Все высказывания Блока свидетельствуют о его резко отрицательном отношении к редакторскому вмешательству в текст статьи. 6 декабря он пишет в дневнике: “История статьи по крайней мере чрезвычайно поучительна и *позорна*. Все, что касается журналистов (...) должно быть исключено. Оставлено должно быть высокопарное рассуждение об искусстве и это, как говорится в чрезвычайно любезном письме, *нужно газете*”. 9 декабря Блок в дневнике отмечает: «В “Русской молве” (I) (...) моя искалеченная статья». В “Списке моих работ” против названия статьи надпись: “Главное выкинуто”.

Так как, по мнению Блока, изъятая редактором часть статьи была ее смысловым центром, составители *СС-12* реконструировали текст статьи путем контаминации текста первой публикации и *ЧА* изъятю фрагмента. Место, где была сделана купюра, указано Блоком в вырезке из газеты “Русская молва”.

В дневниковых записях Блок отметил некоторые отзывы о чтении статьи на редакционном заседании. Присутствовавший на заседании 24 ноября В.А. Пяст говорил, по словам Блока, о своем намерении писать статьи «и на “заказанную” тему, и “sub specie aeternitatis”, в духе моей “декларации”». 25 ноября Блок записывает: “Совещание с А.М. Ремизовым, который хвалит мое вчерашнее выступление”.

После публикации статьи в газете Блок 16 декабря 1912 г. отметил в дневнике: «Телефон (...) с Д.В. Философовым: он будет полемизировать со мной в “Речи” по поводу “эстетики” “Русской молвы”».

В статье “Уединенный эстетизм” (*Р. 1912. № 347. 18 дек.*) Д.В. Философов охарактеризовал позицию Блока как антидемократическую: “Боясь вульгаризации, Блок бьет по демократии, уходит в аристократическое уединение и этим как раз содействует превращению Прекрасного в красоту, любезную современным состоятельным мещанам. (...) Подлинное искусство всенародно”.

Д.С. Мережковский, подключившись к полемике, в статье “О черных колодцах” (*Русское слово. 1913. № 59. 12 марта; перепечатано: Мережковский Д.С. Было и будет. Дневник 1910–1914. Пг., 1915. С. 311–322*) сформулировал главную мысль статьи Блока следующим образом: “Не внешняя, эмпирическая противоположность, а внутренняя, метафизи-

ческая противоречивость, антиномичность искусства и жизни (...) Жизнь говорит о временном, здешнем, человеческом, искусство – о вечном, божественном, нездешнем”. Позиция Блока представляется Д.С. Мережковскому глубоко противоречивой: «Я так понял и, кажется, иначе нельзя понять. Одного не понимаю: если Блок доволен таким положением вещей, зачем же он все-таки идет с “искусством” в “газету”, в политику, в общественность, в жизнь?»

Блок отвечал Д.В. Философову в статье “Непонимание или нежелание понять?” (С. 158 наст. тома). См. комментарий к этой полемике: *Мицц З.Г.* А. Блок в полемике с Мережковскими // *БС-4*. С. 208–209. Перепечатано: *Мицц З.Г.* Александр Блок и русские писатели. СПб., 2000. С. 614–615.

В (Плане собрания сочинений) включена в раздел “Искусство и (техника)” под заглавием “Иск(усство) и газета” (1912) (над заглавием надписан вариант: “Иск(усство) и политика”.

С. 154. ...умные звезды, на которые смотрел Гейне... – Имеется в виду стих. Г. Гейне “Умные звезды”.

Служенье Муз не терпит суеты. / Прекрасное должно быть величаво. – Из стих. А.С. Пушкина “19 октября” (“Роняет лес багряный свой убор...”) (1825).

...в этом неведомом нам мировом оркестре... – См. о семантике этого символа в преамбуле к тому, с. 288–290.

...лучше человеку не слышать о Данте, Эсхиле, Шекспире, Пушкине, чем разменивать их на мелкие монеты, пленяться их правдами, их нравственностями, их красотами. – Д.В. Философов отвечал на это замечание Блока: “Всякая газета, – конечно, улица, улица городская, с запахом, если не фабричной гари, то, по крайней мере, типографской краски. И если ей дорого будущее, а это будущее по внешности будет насквозь демократично, то самая культурная ее задача – донести до грядущей демократии накопленные ценности. Сохранить нетронутым золотой, неизменный фонд Дантов и Шекспиров. Шекспиры никогда не разменяются на мелкую монету. Наоборот, засияют новым блеском полновесного золота, потому что появится новая, одухотворенная аристократия, свободная от проклятой, повседневной борьбы за кусок хлеба” (*Философов Д.В.* Уединенный эстетизм).

С. 155. По морю плывет рыбак в Исландию или “Титаник” в Америку... – О трагической гибели трансатлантического роскошного корабля-города “Титаник”, совершавшего свое первое плавание и столкнувшегося с ледяной глыбой, русские газеты сообщали 3–5 апреля 1912 г.: «Мрачная драма на море. Гибель “Титаника”. – Погибло 1525 человек» (БВ. 1912. № 12867. 3 апр. Веч. вып.); “Лодки с пассажирами в течение многих часов носились по морю при большом холоде и буре” (Р. 1912. № 92. 5 апр.). 5 апреля Блок отметил в дневнике: “Гибель Titanic’a, вчера обрадовавшая меня несказанно (есть еще океан)”. По мнению А.В. Лаврова, блоковское восприятие гибели “Титаника”, представляющего образом-символом современной цивилизации, находилось в русле эсхатологических представлений о торжестве “стихий”, «трансцендентной по своей природе субстанции, растворяющей в себе и аннигилирующей все ценности, смыслы и знаки имманентной “культуры”» (Лавров А.В. Блок и “Титаник” // Лавров А.В. Этюды о Блоке. СПб., 2000. С. 198–199).

...несовершенными сравнительно “инструментами божества”... – Источник цитаты не установлен.

...возникает видение Креста, как в бретонских легендах. – С бретонскими легендами, отразившимися впоследствии в драме “Роза и Крест”, Блок начал знакомиться в июле–августе 1911 г., во время поездки в Бретань, в Абервраке. Изучение их продолжилось в 1912 г. в процессе работы над драмой. В “Розе и Кресте” этот мотив возникает в монологах Бертрана в начале и в конце пьесы: “Странная песня о море / И о кресте, горящем над вьюгой” (Действие первое, сц. I); “Ревет океан, / Крест горит над вьюгой” (Действие четвертое, сц. V) (Т. 6 наст. изд.). Легенды, упоминавшие о кресте над бурей или вьюгой, в письменных источниках, которыми пользовался Блок, не зафиксированы (см. их пере-

чень: *Жирмунский В.М.* Драма Александра Блока “Роза и Крест”. Литературные источники // *Жирмунский В.М.* Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л., 1977. С. 244–322, 390–402). Скорее всего, этот образ представляет собой контаминацию легенды о потонувшем городе Кэр-Исе, чьи колокола рыбаки слышат в бурю, и собственно блоковского мотива креста над выюгой, появившегося впервые в цикле “Снежная Маска” (1907). Ср.:

И поют, поют рога.
Над парами злой воды
Выюга строит белый крест,
Рассыпает снежный крест
Одинокий смерч.

(“И опять снега”. – Т. 2 наст. изд. С. 157)

Г а з т а н

Моргана мчится по волнам... Смотри:
Над нею крест заносит Гвеннолэ!

(“Роза и Крест”. Действие третье, сц. III. – Т. 6 наст. изд.)

С. 155. ...*меньше всего в его душе “цивилизации”* ... – Противопоставление “стихий” и “культуры” к 1912 г. преобразовалась у Блока в более сложное соотношение: “стихия” – “культура” – “цивилизация”, где лишь цивилизация представляла собой радикальную оппозицию “стихий”. В 1919 г. Блок развил эту схему в докладе “Крушение гуманизма” (Т. 9 наст. изд.)

...*воссоздавать “миры иные”* ... – О мифологеме “миров иных” см. в коммент. к статье “О современном состоянии русского символизма” (С. 412 наст. тома).

С. 156. ...*“напрасные таланты”, как выразился на днях в одной из своих статей Меррежковский...* – В статье “Осел и розы” (Р. 1912. № 308. 9 нояб.).

С. 158. *Если в городе должно ~ замечен первый снег и первые фиалки.* – По поводу этого фрагмента статьи Д.В. Философов писал: «И неужели Блок не чувствует, что его “пастораль”, его жажда “первых фиалок” есть, прежде всего, жажда горожанина? В деревню мы, конечно, вернемся, но через город, в деревню преобразованную (...) Наконец, почему не привозить в город первых фиалок? Когда в Париже усталые работницы выходят из своих прокопченных мастерских, они с радостью, за одно су, покупают у прохожей старушки первые фиалки. Лиловые букетики доставляют им постоянную радость, вносят свежесть садов на скучный, грязный асфальт. Не знаю, “величавы” ли эти фиалки. Но в их нежном увядании на груди смеющейся работницы есть нечто воистину прекрасное» (*Философов Д.В.* Уединенный эстетизм).

...*“что делаешь, делай скорее”* ... – Ин 13: 27. Слова Христа, обращенные к Иуде. См. заметку <Запись в альбоме А.Г. и М.К. Максимовых> (С. 185 наст. тома). Эта формула использована в стих. “Ну что же? Устало заломлены слабые руки...” (Т. 3 наст. изд. С. 28).

НЕПОНИМАНИЕ ИЛИ НЕЖЕЛАНИЕ ПОНЯТЬ?

(С. 158)

Автограф неизвестен.

Впервые напечатано: Русская молва. 1912. № 15. 23 декабря.

В Собрание сочинений впервые включено: СС-12₉. С. 99–101.

Печатается по тексту первой публикации.

Статья написана в ответ на статью Д.В. Философова “Уединенный эстетизм” (Р. 1912. № 347. 18 дек.), полемизирующую со статьей “Искусство и газета” (см. коммент. к данной статье, с. 444 наст. тома). 16 декабря 1912 г. в дневнике Блока появляется запись: «Телефон (...) с Д.В. Философовым: он будет полемизировать со мной в “Речи” по поводу

“эстетики ‘Русской молвы’ ”». 18 декабря Блок записывает: “Утром (...) возражение мне Философова” (*Там же*). 19–20 декабря Блок упоминает о работе над ответной статьей: “Ответ Философому, прерванный на самом интересном месте” (*Там же*). «День изнервляющий (...), ответ Философому для “Русской молвы”». 23 декабря в дневнике фиксируется выход статьи в свет: «В “Русской молве” – мой ответ Философому. Разговор с А.М. Ремизовым и З.Н. Гиппиус – по телефону (З.Н. довольна ответом). Телефон с Мережковским. Страшно хвалит меня за статью, говорит, что она хорошо написана, что у меня есть “критический стиль”. Ясность» (*Там же*).

Несмотря на положительный устный отзыв, Д.С. Мережковский вскоре стал писать возражение на статью Блока, заранее сообщив ему об этом (см. запись в дневнике 9 января 1913 г.: “Мережковский (...) пишет обо мне статью”). Статья Мережковского под названием “В черных колодцах” была опубликована только в марте (Русское слово. 1913. № 59. 12 марта). Настаивая на тезисе о религиозном искусстве как единственном пути преодоления индивидуализма и эстетства, Мережковский писал, что позиция Блока напоминает положение человека, который попал на дно колодца и «хватается и лезет на стену и зовет на помощь (...) А все-таки спасибо Блоку за то, что он опомнился и ужаснулся в своем черном колодце. Может быть, и другие ужаснутся, закричат от ужаса, “полезут на стену”. Дай Бог! Только бы не молчали, не покорялись тому страшному демону, о котором сказано:

И сторожит молчанья демон
Колодцы черные свои».

Комментируя статью Мережковского, анонимный рецензент газеты “Русская молва” в обзоре печати писал: “Неужели мы и впрямь молчим? Кажется, наоборот, охрипли мы от криков, от повторения все тех же слов. Только претворить их в дело не умеем” (Русская молва. 1913. № 92. 14 марта).

Блок, несмотря на предложения А.В. Тырковой и А.В. Руманова, отказался от продолжения полемики в печати. См. комментарий к этой полемике: *Мицц З.Г.* А. Блок в полемике с Мережковскими // *БС-4*. С. 208–209. Перепечатано: *Мицц З.Г.* Александр Блок и русские писатели. СПб., 2000. С. 614–615.

В *СпМ* против названия статьи помета: «(Ответ Философому на статью “Уединенный эстетизм” в “Речи”). “Русская молва” № 15 (23. XII); ответ(ная) ст(атья) Мережковского “О черных колодцах” (“Рус(ское) слово”, 12. III. 1912). Печ(атный оттиск) из газ(еты)». В *Пл(ане собрания сочинений)* входит в раздел “Искусство и (техника)” под названием “От-вет Ф(илософому)”.

С. 158. ...Д.В. Философов излагает вкратце мою статью, пропуская несколько существенных мест. – Д.В. Философов пересказывает статью “Искусство и газета” следующим образом: «А.А. Блок, нежный поэт с глубокой печалью на сердце, выступил в “Русской Молве” с программной статьей “Искусство и газета”. Весь смысл статьи в том, что искусство ни одним боком с газетой не связано. Широкие круги публики к искусству никогда не влеклись и теперь не влекутся – и не надо им об этом знать: лучше человеку не слышать о Данте, Эсхиле, Шекспире, Пушкине, чем разменивать их на мелкие монеты...

Газета по самой природе своей, тороплива и буйна; чем быстрее ритм жизни, тем бешенее кричит политическая и всякая иная повседневность. А чин отношения к искусству должен быть медленный, важный, не суетливый, не рекламный. Язык художественного отдела ничем не должен походить на язык телеграмм и хроник. Связывать искусство с жизнью – сплошная нелепость. Это – дело далекого будущего. Таковы, вкратце, итоги статьи».

...мною же он не сделан не потому, что я его “боюсь”, как говорит Д.В. Философов... – Имеется в виду суждение Философова: «Вывод (...) тот, что искусство должно уйти с улицы, “твориться” избранными для избранных. Но этого вывода Блок боится, а потому, вопреки логике, связывает искусство с “бешеной” газетой. Он верит, что в Рос-

сии уже появился читатель, который требует в повседневной политике – городской суеты, а в искусстве – деревенской тиши, с первым снегом и первыми фиалками. Он думает, что при помощи таких читателей ему удастся искоренить вульгаризацию ценностей, отделить прекрасное от красоты, которую суетливые люди подменяют величавое искусство».

С. 159. ...недаром Карлейль говорил так призывно о “демократии, опоясанной бурей” – Слова из кн.: *Карлейль Т.* Французская революция. СПб., 1907. С. 31. Книга сохранилась в библиотеке Блока, процитированные слова подчеркнуты (ББО-2. С. 7). Блок впервые прочитал книгу в 1911 г. (см. его письмо к В.А. Пясту от 6 июня 1911 г.). Блок цитирует эти слова также в статье “Интеллигенция и революция” (Т. 9 наст. изд.). Подробнее о влиянии концепции истории Т. Карлейля на культурфилософию Блока см.: *Аверин Б.В., Дождикова Н.А.* Блок и Т. Карлейль // *БС ИРЛИ-I*. С. 89–116.

ПЛАМЕНЬ

(По поводу книги Пимена Карпова «Пламень» –
из жизни и веры хлеборобов. СПб., 1913)

(С. 160)

Автограф неизвестен.

Вырезка из газеты “День” с пометой, исправлением опечаток и библиографическими заметками рукой Блока – *ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 2. № 41. На полях статьи помета: «“Литература, искусство и наука” (приложение к “Дню” (№ 292) пон(е)дельник, 28 октября 1913 (№ 4)» и надпись: «Срвн.: 1. А. Столыпин. Хлыст о хлыстах (“Новое время” 26 и 29. X, 1913 г.; 2. Kisch, 27 октября (телеграмма “Речи”); 3. Д. Философов. Бред (“Речь” 14. X. 1913); 4. И. Ясинский. О бреде (“Веч(ерние) Бирж(евые) ведомости” 16. X. 1913); 5. Он же. Власть тьмы и жаба (“Утр(енние) Бирж(евые) вед(омости)” 29. X. 1913); 6. Е. Лундберг. П. К(арпов). “Пламень” (“День” 21. X. 1913); 7. С. Патрашкин. О крови (“День” 24. X. 1913); 8. В. Бонч-Бруевич. Статья в “Киевской мысли”».

Вырезка из *ЗТ*. 1918. № 151. 8 марта – *ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 2. № 47. На полях помета рукой Блока: “1913 X”.

Мак РИ₂ с правкой рукой Блока.

РИ₂-Кор 1 с правкой Блока – Там же.

РИ₂-Кор 2 с пометой: “Не испр(авлено). Корр(ектура) получена 26 I 1919”.

Впервые напечатано: Литература, искусство, наука: Приложение к газете “День” (№ 292). 1913. № 4. 28 окт. С. 1–2. Подпись: “Александр Блок”.

Прижизненные публикации: *ЗТ*. 1918. № 151. 8 марта; *РИ₁*. С. 30–32. Дата: 1914; *РИ₂*. С. 52–56.

В Собрание сочинений впервые включено: *СС-Берлин*. Т. 7. С. 119–123.

Печатается по тексту *РИ₂* со следующим исправлением:

С. 160, стр. 5–6: не роман, не повесть, не бытовые очерки *вместо*: ни роман, ни повесть, ни бытовые очерки (по *ЗТ* и *РИ₂-Кор 1*).

О творчестве Пимена Карпова Блок впервые писал в 1910 г. в статье “Литературный разговор” (С. 132 наст. тома), где прозвучали некоторые мысли, развитые затем в статье “Пламень”: уже в 1910 г. Блок утверждал, что творчество П. Карпова – это “не литература” (С. 133 наст. тома), подчеркивая мысль о “безличности” подобных произведений, говорил о “мученичестве” писателя и сопоставлял книгу “Говор зорь” с книгой Н. Санжарь “Записки Анны”. Подробнее о взаимоотношениях Блока и П. Карпова см.: *Азадовский К.М.* Блок и П.И. Карпов // *БС ИРЛИ-II*. С. 234–280).

В начале октября 1913 г. вышла в свет книга П. Карпова “Пламень. Из жизни и веры хлеборобов” (СПб., 1913). Книга была подарена Блоку автором (в библиотеке не сохранилась, известная дарственная надпись: “Чистому сердцем Александру Александровичу Блоку. Автор. 9 окт. 1913 г.” (ББО-З. С. 229)). 12 октября, уезжая из Петербурга, больной П. Карпов писал Блоку: «Я убираюсь, если хватит на дорогу сил, в Курскую губ(ернию), но перед этим хотел просить Вас, чтобы Вы заступились в печати за мою книгу – мой “Пламень”, за мое святое святых. Ибо на свой “Пламень” я смотрю не как на беллетристику, а как на голос из иного мира, как на русскую крестьянскую Библию, где сходятся все начала и концы, и где, из тьмы мук и небытия, вырастает Светлый Град... Вся сложность идеи “Пламени”, выраженную фразами, здесь не рассказать. Вы меня поймете лучше моих объяснений... И вот то, что выстрадано годами, что является плодом не одних моих дум и исканий, а исканий, дум и мук целого поколения...

Александр Александрович! Вы знаете мое сердце, мне не нужно ни “имени”, ни “славы”, ни тем более денег, (...) но я хочу одного, чтобы голос мой, голос народа, был услышан и чтобы слышавшие уразумели; если же вместо этого встретишь глумление и презрительное молчание, то как не возмутится этим сердце, взыскующее града?» (БС ИРЛИ-II. С. 260).

До Карпова доходят слухи о появившихся в печати недоброжелательных отзывах о книге, и 15 октября 1913 г. он пишет Блоку: «Александр Александрович! Неужели Вы не заступитесь за меня? Философов в “Речи”, говорят (мне газеты не дают товарищи), что-то намекает, будто я из черносотенцев. Говорят, галиматей книжкою назвал и бредом. Александр Александрович! Бред, по понятиям мужиков (а все мужики – поэты, чистые сердцем, мистики), – это Наитие. Как жаль, что никто не знает жизни – пытки моей. Тогда бы все стало понятно. Я ведь сам сектант. Весь род Карповых – сектанты. Философов должен же был бы обратить внимание на посвящение, где говорится об отце моем. Он сгорел на религиозном огне. Да что отец! Вся моя семья погибла так – и я рад этому. Теперь очередь за мною. Все, что приведено в книге, – пережито мною, через все это я прошел; оттого так опалена душа моя. Напишите об этом, заступитесь.

Какой же бред, когда 1905 г., все ужасы усмирения, крепостничество – у всех на памяти. (...) Напишите Вы в “Дне”: мой “Пламень” горит в религиозном огне» (БС ИРЛИ-II. С. 261).

Многие мысли, высказанные в этом письме, нашли отражение в тексте статьи Блока: Блок полемизирует с рецензентами “Пламени”, в частности со статьями Д.В. Философова “Бред” и И. Ясинского “О бреде”, не называя в первой публикации имен критиков, обращает внимание на посвящение в книге, особо подчеркивает родовую принадлежность автора “Пламени”. 29 октября Блок пишет П.И. Карпову: «Наконец я собрался написать о “Пламени”. Надеюсь, что моя заметка будет помещена в следующий понедельник в “Дне”».

Блок вернулся к тексту статьи при подготовке цикла “Россия и интеллигенция” к публикации в “Знамени труда”, а затем в РИ₁ и РИ₂ в конце 1917–начале 1918 г.

В ЗК₅₆ Блок отмечает 2 января 1918 г.: «“Пламень” (перделка статьи). Помимо стилистической переработки, Блок усиливает в статье полемическую часть (возможно, отвергнутую в 1913 г. редакцией газеты “День»), более подробно излагает точки зрения оппонентов Карпова, цитирует статьи, опубликованные уже после выхода из печати первой редакции “Пламени”. В “Знамени труда” изменена дата: “1913–1918”.

8 марта 1918 г. Блок фиксирует в ЗК₅₆: «Мои фельетоны (V, VI, VII) (“Ирония”, “Дитя Гоголя”, “Пламень”. – *Сост.*) в “Зн(а)мени Тр(уда)». В МакРИ₂ была восстановлена прежняя дата: “1913”, изменен порядковый номер: “VI”. В РИ₂-Кор 1 Блоком исправлены существенные опечатки, допущенные в “Знамени труда”.

После публикации статьи Блока П. Карпов писал ему из Москвы (на письме помета Блока: “Получ(ено) из Москвы 30. X. 1913”): «Набрел в чайной Об(щ)ества трезвости на

“День” и прочел Вашу статью о “Пламени”. Спасибо Вам великое, что поняли душу мою. Но... неужели книга моя так безнадежна, что она действительно вне литературы? Если так, то я не смею говорить о чаяниях и страданиях народа, о своей боли. Ибо литературу я понимаю не как “мороженое из сирени”, не как средство для “лавров” и “триумфа”, но как крест, как костер, через который надо пройти и очиститься. Литература – это Синай, откуда должны снисходить молния, бури и мраки... (я говорю об истинной литературе)» (*БС ИРЛИ-II*. С. 262).

В письме к А.А. Измайлову 1 января 1914 г. Карпов, жалуясь на непонимание критиков, отмечал: «Меня, спасибо, поддержали Блок в “Дне”, Станкевич в “Юж(ном) Крае”, Келейник в “Очарованном страннике” и другие, а то было бы печально» (*ИРЛИ*. Ф. 115. Оп. 3. № 14). В том же письме Карпов упоминает о конфискации книги и о том, что его самого предадут суду.

В рецензии на сборник стихов П. Карпова “Русский ковчег” (М., 1922) А. Руднев писал: «“Пламень” не приняли. Побоялись огненности. (...) Только Александр Блок разгадал в нем нутро и семя земли родной и вял ее голосу (...) Одна тема о разноликой “России” у Александра Блока и Пимена Карпова» (*Руднев А. Беспашашный // Вестник литературы*. 1922. № 2–3 (38–39). С. 19).

С.М. Городецкий в “Воспоминаниях об Александре Блоке” связывает интерес Блока к Карпову с его вниманием к писателям “из народа” или “ушедших в народ”: «Мы часто говорили с ним об Александре Добролюбове, “ушедшем в народ”. Он любил Ивана Коневского. И при редких приходах в город Леонида Семенова, тоже ушедшего в деревню, он всегда с ним виделся. Его взволновал Пимен Карпов. В Клюева он крепко поверил» (*Воспоминания*, 1. С. 338).

А. Сумароков в своих мемуарах “Моя встреча с Блоком” воспроизводит разговор о Карпове, состоявшийся в 1918 г. (по *ЭК₅₆* точно восстанавливается дата: 27 января). В ответ на слова Сумарокова: «Я считаю Карпова весьма талантливым писателем-самородком. Его “Пламень” – большое произведение, хотя в нем есть некоторые недостатки, свойственные всем произведениям начинающих. Главное, он не шаблонен, а сам по себе, свой», – Блок возражает: «Вполне согласен с Вами относительно “Пламени”. Но мне кажется, Карпов принадлежит к категории таких писателей, которые высказываются как-то сразу, в одном произведении. Затем, после идут лишь повторения, другие варианты сказанного. Мне Карпов нравится еще как вечный бунтарь, с его резкой отповедью интеллигенции. А эту тему никогда не исчерпаешь вполне» (*Воспоминания*, 2. С. 190).

В *СпМ* сопровождается пометой: «“Пламень” (по пов(о)ду книги П. Карпова). 1) “День” 1913, прилож(ение) 28 окт(ября), № 34; 2) “Знамя Труда” 1918 г. 8 Ш (29 П). № 151 [2]. Печ(атный оттиск) из “Дня”». В *⟨Плане собрания сочинений⟩* входит в раздел “Интел(лигенция) и народ” под названием “Пламень (Карпова) (1913)”.

С. 160. Книга, озаглавленная “Пламень”, не может быть отнесена ни к какому роду литературных произведений... – Та же мысль проводится в заметке Е. Лундберга «Пимен Карпов. “Пламень”» (Литература, искусство, наука: Приложение к газете “День” (№ 285). 1913. № 3. 21 окт.), на которую Блок, не называя автора, ссылается в первой редакции статьи (см. с. 275 наст. тома).

...автор “Пламени” – никто... – Еще 28 января 1910 г. Карпов писал Блоку о своей книге «Говор зорь. Страницы о народе и “интеллигенции”» (СПб., 1909): “Я Вам скажу, глубокоуважаемый Александр Александрович, что моя личность в данном случае ни при чем и меня вовсе не интересует, что будут писать лично обо мне или моих писаниях. Говоря совершенно откровенно, я хотел даже издать книжку без подписи, просто как голос из народа, дабы не было обвинения в самозванстве и рекламе (...) В письме к Д.С. Мережковскому я просил, не касаясь меня, *заступиться за народ*, оклеветанный и оплеванный” (*БС ИРЛИ-II*. С. 257). Позиция Блока по отношению к Кар-

пову резко отличается от позиции большинства критиков. Вяч. Иванов писал Карпову 1 декабря 1910 г.: «Дурной, скажу прямо, прием, говорить как бы не от своего лица и не на свой страх, а не более не менее как от лица некоего множества, которое Вы называете “народом”, в противоположность другому мнимому коллективу – “интеллигенции”, точнее же и определеннее – от лица крестьянства. Это самозванное, простите, представительство Ваше я отвергаю» (РНБ. Ф. 124. № 1791. Отмечено: Азадовский К.М. Блок и П.И. Карпов. С. 240–241).

С. 160. ...книга Карпова посвящена “пресветлому духу отца, страстотернца и мученика, сожженного на костре жизни”... – На значение этого посвящения Карпов обращал внимание не только Блока в цитированном выше письме 15 октября 1913 г., но и И.И. Ясинского в письме к нему 14 октября 1913 г.: “Укажите скотине Философову, что он должен был бы обратить внимание на посвящение, где говорится о сожженном моем отце... Да что отец! Вся семья моя сожжена на огне религиозных мук и погибла... Теперь за мною очередь...” (РНБ. Ф. 901. № 318. Отмечено: Азадовский К.М. Блок и П.И. Карпов. С. 261–262).

...взбудоражила критиков, которые писали о ней очень много... – Ср. приведенные выше библиографические заметки Блока (С. 450 наст. тома). Статья В.Д. Бонч-Бруевича “Новый ритуалист” напечатана в газете “Киевская мысль” (1913. № 297. 27 окт.). Там же 28 ноября напечатана рецензия Л. Войтоловского на “Пламень”.

...отвратительный (со всех сторон) процесс Бейлиса... – В марте 1911 г. в Киеве было найдено тело 12-летнего мальчика Андрея Юшинского, убитого с особой жестокостью (на полностью обескровленном теле насчитали 47 колотых ран). В убийстве был обвинен приказчик кирпичного завода Мендель Бейлис. Обвинение пыталось доказать, что убийство совершено с целью получения крови для еврейских ритуальных обрядов. Следствие длилось два года. К суду над Бейлисом было приковано внимание русской и европейской прессы. Либеральная общественность протестовала против поднятой в охранительной прессе антисемитской кампании. В 1911 г. Блок подписал воззвание “К русскому обществу. По поводу кровавого навета на евреев”, под которым стояли фамилии М. Горького, В.Г. Короленко, Д.С. Мережковского, З.Н. Гиппиус, Вяч. Иванова, Ф. Сологуба, А.И. Куприна, а также крупнейших русских ученых, журналистов, политиков, студенческой молодежи. Во время следствия произошло немало странных эпизодов, о которых сообщала пресса: были отстранены уличенные во взятках следователи, умерли то ли от дизентерии, то ли вследствие отравления дети одной из главных свидетельниц обвинения Веры Чеберяковой, говорилось о том, что ей самой была предложена большая сумма денег за изменение показаний. Бейлиса защищали лучшие адвокаты – О.О. Грузенберг, Н.П. Карабчевский, В.А. Маклаков, А.С. Зарудный, Д.Н. Григорович-Барский. Суд присяжных, среди которых были только крестьяне и мелкие мещане, оправдал Бейлиса, однако признал доказанным ритуальный характер убийства. Процесс длился с 24 сентября по 28 октября 1913 г. Статья Блока была написана до вынесения приговора, и в первой редакции о деле Бейлиса ничего не говорилось. Приговор был вынесен в день публикации статьи. Сразу после вынесения приговора Блок написал заметку, в которой приветствовал оправдание Бейлиса (текст не известен, заметка не разыскана). Но лишь в 1917 г., участвуя в допросах Чрезвычайной следственной комиссии, Блок получил доказательства того, что дело было сфабриковано правительственными кругами и отметил в ЗК₄₉ 17 мая: “Нет, я была прав, когда подписывал воззвание за Бейлиса и писал заметку о том, что рад оправдательному приговору. Сам Белецкий (директор департамента полиции, товарищ министра внутренних дел. – Сост.) признает, сколько там было натяжек, т.е. грязи”. См.: Дело Бейлиса: Стенографический отчет. С приложением алфавитного поименного указателя. Т. 1–3. Киев: Т-во “Печатня С.П. Яковлева”, 1913; Тагер А.С. Царская Россия и дело Бейлиса. М., 1933; Современное изд.: Тагер А.С. Царская Россия и дело Бейлиса. М.: Терра, 1996. (Тайны истории в романах, повестях и документах. Век 20).

С. 160. ...по поводу “легенды об употреблении крови” ... – Ср.: *Патрашкин С.* О крови // *День.* 1913. № 319. 24 нояб.; *Бонч-Бруевич В.Д.* Новый ритуалист // *Киевская мысль.* 1913. № 297. 13 окт. Тема “употребления крови” появилась в критических статьях в связи с тем, что в романе “Пламень” была изображена сцена ритуального убийства, совершенного сектантами (отмечено: *Азадовский К.М.* Блок и П.И. Карпов. С. 244). П. Карпов категорически отрицал связь “Пламени” с киевским делом Бейлиса. Ср. в цитированном письме А.А. Измайлову: «В наше проклятое время каждую секунду рискуешь быть обвиненным в таких ужасах, о которых страшно говорить. Напр(имер), Бонч-Бруевич инсинуирует, будто я своей книгой пытался подлить масла в огонь “ритуального пожара”. Между тем, роман мой написан три года тому назад (об этом в 1910 году была заметка в “Речи”). Никаких “ритуальных” сцен у меня нет, а есть символическое изображение мира, жестокого, материального, глупого (причастники крови) и мира просветленного, духовного (причастники пламени)» (*ИРЛИ.* Ф. 115. Оп. 3. № 141).

С. 161. ...одни – с брезгливостью... – Д. Философов писал, что автор книги – “вышел из черносотенных недр мужицкой России, откуда-то из глубин Курской губернии и притом в эпоху самых смутных дней. (...) Пимен Карпов – дикарь с полупроснувшимся сознанием. Обостренное чувство личности выталкивает его из среды. Но инстинктивно он за среду свою цепляется (...) навязывает без того темному и несчастному крестьянству русскому какие-то небывалые мысли и чувства, подобранные в туманной промозглой атмосфере петербургского декадентства”. Говоря о книге, Философов назвал ее “болезненной галиматей” и “сплошной клеветой”. В то же время Философов отделил характеристику книги с точки зрения профессиональной литературы от характеристики ее с точки зрения социально-психологической: “А как человеческий документ – она глубоко поучительна и ужасна. Она показывает, до какого бреда может дойти выходец из народа, прививая к своей подлинной, святой ненависти яд городской полулитературной культуры модернизма” (*Философов Д.* Бред // *Р.* 1913. № 285. 14 окт.).

...другие – с похвалой... – Наиболее сочувственно о “Пламени” отзывался И.И. Ясинский, посвятивший Карпову три статьи: Костомаров, Хвольсон, Пимен Карпов и сатанайлы // *БВ.* 1913. 10 окт. № 13796. Веч. вып.; О бреде // *БВ.* 1913. 17 окт. № 13807. Утр. вып.; Власть тьмы и жаба // *БВ.* 1913. 29 окт. № 13823. Утр. вып. В статье “О бреде” Ясинский писал, что книга Карпова – “книга великой народной ненависти, порожденной безысходной тьмой подземелья, в которое загнана русская душа”.

Один из рецензентов полагает даже, что бред автора будет увенчан... – И.И. Ясинский в статье “О бреде”.

Один, – что Карпов подражает... – Речь идет о статье Д.В. Философова “Бред”.

...другой, – что язык Карпова гораздо сильнее языка А. Белого. – И.И. Ясинский в статье “О бреде” особо отмечал “сильный и страстный язык, в сравнении с которым бедный язык Андрея Белого кажется лепетом”.

...например, “Антихрист” В. Свенцицкого... – Герой романа Валентина Павловича Свенцицкого “Антихрист (записки странного человека)” (1908) – интеллигент, одержимый религиозными исканиями.

...“Записки Анны” Н. Санжарь. – См. сопоставление книги П. Карпова “Говор зорь” и романа “Записки Анны” Н. Санжарь в статье “Литературный разговор” (С. 132 наст. тома).

С. 162. ...к “познанию России” ... – Блок обыгрывает название книги Д.И. Менделеева “К познанию России” (СПб.: А.С. Суворин, 1906).

...“бесмысленным и беспощадным” (Пушкин)... – Из повести А.С. Пушкина “Капитанская дочка” (1836).

РЕЦЕНЗИИ, ЗАМЕТКИ, ПИСЬМА В РЕДАКЦИИ, ОТВЕТЫ НА АНКЕТЫ

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ (ГАЗЕТЫ «СВОБОДНЫЕ МЫСЛИ»)

(С. 165)

Автограф неизвестен.

Впервые напечатано: Свободные мысли. 1908. № 37. 21 января.

В Собрание сочинений впервые включено: СС-85. С. 676.

9 декабря 1907 г. Блок писал матери в ответ на ее несохранившееся письмо: «Твое письмо о ненужности чтения на концертах совпало с большим вечером “Нового искусства”, после которого все мы втроем (Блок, Л.Д. Блок, Н.Н. Волохова. – *Сост.*) решили, что я больше читать не стану. Я отказываюсь категорически и с 30 ноября нигде не читал. Только в январе и феврале прочту, потому что чувствую обязанность помочь». 19 января 1908 г. Блок отвечал А.Н. Чеботаревской на ее просьбу помочь в организации литературного вечера: “Действительно, одно время я соглашался устроить вечер. Но сейчас, право, чувствую, что несмотря на всю симпатию к устроителям, не могу этого сделать. Я переживаю очень трудный кризис и мучительно пишу большую вещь, потому не только не могу больше читать на вечерах свои вещи, к которым отношусь очень скептически, но и людей вижу мало (...) Надо сначала покончить с тем, что засело внутри и лежит тяжелым камнем”. 25 марта Блок писал Белому: “Трижды звали меня в Москву – читать (...), но не могу и как-то не хочется”. В октябре 1908 г. Блок мотивировал свое нежелание принимать участие в вечерах нового искусства в статье «Вечера “искусств”» (С. 55 наст. тома).

В *СпМ* и (План собрания сочинений) не включено.

(ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «ВЕСНА»)

(С. 165)

Автограф неизвестен.

Впервые напечатано: Весна. 1908. № 12. С. 14.

В Собрание сочинений включается впервые.

Печатается по тексту первой публикации.

Петербургский журнал “Весна” под редакцией Н.Г. Шебуева возник в 1908 г. под девизом “В политике – вне партий, в литературе – вне кружков, в искусстве – вне направлений” (Весна. 1908. № 1), почти сразу получив репутацию бульварного издания. В рецензии на 15 поэтов Блок назвал журнал “складским листком” (С. 168 наст. тома). 12 сентября 1908 г. в газете “Речь” (№ 218. Отдел “Литературная летопись”) появилось сообщение: «Редакцией журнала “Весна” объявлены три конкурса: 1) Рассказ на 100 строк. Премия 25 рублей. Прием до 1 октября. 2) Рисунок *blank et noir* для первой страницы “Весны”. Премия 25 рублей. 3) Романс на 24 такта. Премия 25 рублей. Прием до 1 ноября». Список рассказов, поданных на конкурс (рассказы подавались анонимно или под девизом), был опубликован в № 6 журнала (С. 2). Там же было напечатано уведомление: «Присланные на конкурс произведения (...) будут напечатаны в ближайших номерах “Весны”. Затем номера с

конкурсными произведениями будут разосланы выдающимся критикам Петербурга (состав жюри будет объявлен особо) с просьбой отметить три лучших рассказа». Мнения критиков, входящих в жюри, были напечатаны в декабрьском номере журнала.

В начале 1909 г. в № 17 журнала были подведены итоги: «“Весна” объявила 7 конкурсов. Дело с ними обстоит следующим образом:

1. *Конкурс из рассказов в 100 строк* вполне окончен. Жюри, состоящее из А.А. Измайлова, Петра Пильского, Александра Блока, А. Вознесенского и Н. Шебуева, признало лучшим рассказ “Король” Т.Г. Эйдус. Отдельные голоса поданы за “Ad libitum” – М.П. Ладыгина, “Я убила его” – К.А. Суховых (автор, как выяснилось из распечатанного конверта, отбывает в тюрьме трехгодичное заключение), “У гроба” – Н. Мишева, “Жизнь” – В. Вегенева. Приз присужден Т.Г. Эйдус» (С. 7).

В *СпМ* не упоминается. В ⟨План собрания сочинений⟩ не включено.

С. 165. ...“Я убила его” (в № 7)... – Автор рассказа, напечатанного под девизом “Я люблю только то, что написано кровью”, Константин Александрович Суховых (1881–?), журналист, прозаик, драматург, в 1900–1910-е годы печатался главным образом в провинциальной периодике (“Бессарабская жизнь”, “Киевский вестник”, “Кубанский курьер”, “Приазовский край” и др.). Как установлено Н. Григорьевым, в основе рассказа лежит действительный факт, произошедший в провинциальном городе: «Революционерка-террористка явилась на прием к генералу и выстрелом из пистолета убила его. Автор додумывает предысторию убийства. В результате – по рассказу – женщина исполняет приговор революционного кружка во имя спасения своего любимого, который как самый достойный среди товарищей должен был взять на себя исполнение приговора. Свой поступок, внутренне мотивированный любовью, героиня товарищам и своему избраннику объясняет долгом (“Ты сила, ты нужен...”»)» (Григорьев Н. Забытые строки Блока // Нева. 1969. № 2. С. 208).

...“Ах, как я ее любил” (в № 6)... – Рассказ посвящен отношению интеллигенции к революции.

Эмиль Верхарн. МОНАСТЫРЬ

Перевод с французского Эллиса.

Предисловие Андрея Белого.

Книгоиздательство «Польза», «Универсальная библиотека», № 60

(С. 165)

Автограф неизвестен.

Впервые напечатано: Образование. 1908. № 7. С. 74–76 (паг. 3–я).

В Собрание сочинений впервые включено: *СС-12*₁₀. С. 306–308.

Печатается по тексту первой публикации.

О переводах Верхарна Блок дважды писал в 1906 г. в рецензиях на “скорпионовское” издание “Стихов о современности” в переводе В. Брюсова (см.: Т. 7. наст. изд. С. 198–200, 204–205, 418–419, 421–422). Данная рецензия написана в период ожесточенной полемики Эллиса-критика с писателями, “профанирующими” задачи “чистого символизма”, к которым он относил не только Блока, но и Вяч. Иванова, Г.И. Чулкова, С.М. Городецкого, А.М. Ремизова и др. (см. также раздел “Два Аякса” в статье “Письма о поэзии” и коммент. к нему, с. 51, 321 наст. тома). Об истории литературных и личных взаимоотношений Блока и Эллиса см.: Письма Эллиса к Блоку (1907) / Вступит. ст., публ. и коммент. А.В. Лаврова // *ЛН*. Т. 92. Кн. 2. С. 273–281. См. также: *Willich H. Lev L. Kobylinskij-Ellis: Vom*

Symbolismus zur ars sacra: Eine Studie über Leben und Werk. München: Verlag O. Sagner, 1996. S. 45–47. Блок воспринимал собственную рецензию как одно из звеньев этой полемики, как это видно из реплики в письме к матери 7 августа 1908 г.: “Прочти, как я выругал Бюрю и Эллиса”. Позднее он писал ей же, что был “взбешен Эллисовским переводом” (письмо от 11 июня 1910 г.).

Рецензия упомянута в *СпМ* среди написанного в 1908 г. В (План собрания сочинений) не включена.

С. 165. Об Эмиле Верхарне заговорили в России всего четыре года назад. – Имеется в виду рецензия В. Брюсова на сборник Э. Верхарна “Города-спруты”: Брюсов В. О книгах: Emile Verhaeren. Les Villes tentaculaires. Paris, 1904 // В. 1904. № 3. С. 54–55. Рецензия стала первым развернутым отзывом о творчестве Верхарна в русской критике.

...двух стихотворений, вошедших в третью книгу стихов Валерия Брюсова (“*Tertia vigilia*”, 1900 г.). – В сборнике “*Tertia vigilia*” (М.: Скорпион, 1900) помещены переводы стихотворений Верхарна “Женщина на перекрестке” и “К Северу”.

С. 165–166. С тех пор переведено ~ некоторые статьи Верхарна. – Библиография переводов Верхарна помещена в рецензированной Блоком кн.: Верхарн Э. Стихи о современности / Пер. В. Брюсова. М.: Скорпион, 1906.

С. 166. ...назвать перевод Эллиса художественным... – Андрей Белый в кратком предисловии называет “художественный перевод Эллиса” “ценным материалом для театра” (Верхарн Э. Монастырь / Пер. с фр. Эллиса; предисл. Андрея Белого. М.: Польша, (1908). С. 4).

〈О ЛЬВЕ ТОЛСТОМ〉

(С. 167)

ЧА – ЗК₂₂. Подпись: “Александр Блок”. Дата: “18. IX”.

БА-1 – Государственный музей Л.Н. Толстого (Москва). Подпись: “Александр Блок”.

БА-2 – ГАРФ. Ф. 539. Под заглавием: “Заметка для сборника, посвященного Льву Николаевичу Толстому”. Подпись: “Александр Блок”. Опубликовано: ЛН. Т. 92. Кн. 4. С. 12.

Впервые напечатано: СС-12₉. С. 168.

Печатается по БА-1.

Заметка предназначалась для несостоявшегося сборника в честь 80-летнего юбилея Л.Н. Толстого. 22–25 июня в Петербурге прошел Первый всероссийский съезд журналистов (другие названия: Съезд периодической печати, Съезд русской печати, Толстовский съезд, Съезд писателей). На съезде был избран Комитет, в который вошли М.М. Ковалевский (председатель), С.А. Венгеров, П.Н. Милуков, В.Г. Короленко, Ф.Д. Батюшков, Л.Н. Андреев, Г.В. Плеханов и др. Секретарем Комитета был избран В.В. Водовозов. В “Постановлениях и пожеланиях” съезда третьим параграфом значилось: “От имени печати решено издать сборник, всецело посвященный личности чествуемого писателя, мнениям о нем и характеристике его произведений. Сборник должен быть составлен из отзывов и статей, полученных от русских и иностранных писателей, особо приглашенных к Толстовскому изданию сборника” (цит. по: Бойко А.Н. Блок о Льве Толстом (Новонайденный автограф) // ЛН. Т. 92. Кн. 4. С. 11).

Черновая редакция заметки появилась в ЗК₂₂ 18 сентября 1908 г. В тот же день Блок сообщил Г.И. Чулкову: «Перечитываю Толстого и Тургенева. Изумляюсь. Написал о Толстом в “Руно” и в сборник, издаваемый в Петербурге, – маленькие заметки».

Заметка, посланная Блоком секретарю Комитета В.В. Водовозову (БА-2), хранилась в его фонде в ГАРФ в почтовом конверте и была обнаружена А.Н. Бойко в 1978 г. Одна-

ко, судя по письму Блока к С.А. Венгеру 24 ноября 1908 г., заметка затерялась, и С.А. Венгер вновь обратился к Блоку с просьбой прислать текст: «Д.С. Мережковский передавал мне то, что Вы просили его напомнить – относительно заметки для Толстовского сборника. Дело в том, что я уже давно (в сентябре) послал такую краткую заметку (...) (в “Комитет съезда представителей русской печати”). Если она пропала (хотя я послал заказным), то у меня есть черновик». 4 декабря Блок сообщил С.А. Венгеру: “Страничку о Толстом я переписал и (...) занес Вам сегодня”. Переписывая заметку для С.А. Венгеру, Блок внес в текст ряд поправок. Именно этот текст ныне хранится в Государственном музее Л.Н. Толстого (БА-1). Таким образом, предположение А.Н. Бойко, что в фонде В.В. Водовозова «находилась последняя, окончательная редакция “Заметки”», не соответствует действительности. Дата на почтовом штемпеле – “19.09.08” – показывает, что БА-2 является промежуточной редакцией между ЧА и БА-1.

1. Порфи́ров. СТИХОТВОРЕНИЯ (за 15 лет). 2. Alexander. ПО БЕЗДОРОЖЬЮ.
3. Алекc. Струве. КΥΚΛΟΣ*.
4. Николай Третьяков. СБОРНИК СТИХОТВОРЕНИЙ. Кн. первая.
5. Сергей Грустный. В БЕССОННЫЕ НОЧИ.
6. Александр Вознесенский. ПАУТИННЫЕ ТКАНИ.
7. Алекc. Колчужский. АККОРДЫ. 8. М. Топорский. СТИХОТВОРЕНИЯ.
9. Н.В. Корецкий. ПЕСНИ НОЧИ.
10. А.М. Красовицкий. МИНУТЫ ПРОШЛОГО.
11. К. Тальявин. БЕЗБУРНОСТЬ. 12. Вадим Гарднер. СТИХОТВОРЕНИЯ.
- 13 и 14. Л. Барский и П. Лучанский. ЗАВЯЗЬ.
15. Ф. Аккерман. ПЕРВАЯ КНИГА СТИХОВ

(С. 168)

Автограф неизвестен.

Впервые напечатано: РМ. 1909. № 1. С. 1–3 (паг. 3-я).

В Собрание сочинений впервые включено: СС-12₁₀. С. 309–312.

Печатается по тексту первой публикации.

Блок впервые упоминает о рецензии в ЗК₂₃ в планах на <сентябрь–ноябрь> 1908 г.: “Написать: (...) 15 поэтов”. Второе упоминание содержится в ЗК₂₄ – перечисляя написанное и задуманное в <конце ноября 1908–феврале 1909>, Блок отмечает: «15 поэтов – “Русская мысль”».

Сотрудничество с “Русской мыслью” было предложено Блоку З.Н. Гипшиус, хлопотавшей осенью 1908 г. об активном участии Мережковских в публицистическом отделе журнала. 20 октября она сообщает Блоку: «Мы окончательно вошли в “Русскую мысль”» (БС-4. С. 163). Блок надеялся напечатать в журнале текст своего доклада “Россия и интеллигенция” (см. подробнее с. 344 наст. тома). 27 ноября З.Н. Гипшиус посылает Блоку открытку: “Еще ничего не знаю. Присылайте рецензии!” (БС-4. С. 164). 3 декабря, получив от редактора “Русской мысли” отказ опубликовать статью Блока и объявив о своем расхождении с журналом, З.Н. Гипшиус добавляет в постскриптуме: “Ваша рецензия о 15 поэтах очень мне понравилась. Мы отдали ее в редакцию, наверно они ею воспользуются. Но теперь мы больше никаких рецензий не заказываем, пусть они как хотят” (БС-4. С. 164).

* Латинская транскрипция греческого слова κύκλος – круг. – Ред.

С.М. Городецкий 22 января 1909 г. писал Блоку: “Твоя рецензия прелестна” (ЛН. Т. 92. Кн. 2. С. 38).

В *СпМ* не упоминается. В (План собрания сочинений) не включена.

С. 168. ...*складочных листков вроде “Весны”*. – Журнал “Весна” (ред. Н.Г. Шебуев) возник в 1908 г. и сразу приобрел репутацию бульварного издания. В конце 1908 г. Блок входил в жюри конкурса на лучший рассказ из 100 строк, проводимый редакцией этого журнала в см. (Письмо в редакцию журнала “Весна”, с. 165 наст. тома).

С. 169. *П о р ф и р о в. “Стихотворения” (за 15 лет)*. – Порфиоров П.Ф. Стихотворения. Посмертное издание с портретом и факсимиле автора и биографическим очерком А.А. Коринфского. 1888–1903. СПб.: Типогр. М.И. Акинфиева, 1909.

...*беседовал частенько с Вл. Соловьевым покойный Величко (см. его воспоминания)*. – Имеется в виду книга: Величко В.Л. Владимир Соловьев. Жизнь и творения. СПб., 1902. Ср. пренебрежительное “у глупейшего Велички” в письме Блока Г.И. Чулкову 23 июня 1905 г.

A l e x a n d e r. “По бездорожью”. ~ преимущественно Валерия Брюсова. – Alexander. По бездорожью. М., 1907. Под этим псевдонимом печатался Александр Яковлевич Брюсов (1885–1966), младший брат В.Я. Брюсова.

Имя Alexander’a, помнится, мелькало в “Перевале”... – В 1906–1907 гг. А.Я. Брюсов печатал в “Перевале” стихи (1907. № 7) и рецензии (1906. № 1, № 2; 1907. № 8/9).

А л е к с. С т р у в е. “Kúklos”. – Струве Александр. Kúklos. М.: Фрам, 1908.

Н и к о л а й Т р е т ь я к о в. “Сборник стихотворений”. Книга первая. – Третьяков Н. Сборник стихотворений. М.: Тип. И. Кошнерев и К°, 1908. Кн. 1.

С е р г е й Г р у с т н ы й. “В бессонные ночи”. – Грустный Сергей. В бессонные ночи: Стихотворения. М.: Тип. Русского товарищества, 1908. Под псевдонимом “Сергей Грустный” печатался поэт и юрист Сергей Михайлович Архангельский (1859–1921).

А л е к с а н д р В о з н е с е н с к и й. “Паутинные ткани”. – Вознесенский А. Паутинные ткани. М.: Лилия, 1908.

Контур обольстительный ~ Жаждущая мук. – Из стих. А. Вознесенского “Контур обольстительный...” (С. 24).

А л е к с. К о л ч у ж с к и й. “Аккорды”. – На обложке: Калчужский Алекс. Аккорды. М., 1908.

...*“грустно видеть, как гибнут посевы на некультурных полях”*... – Из стих. А. Калчужского “Грустно мне видеть, как гибнут посевы...” (С. 160).

...*“печаль губит зачатки счастья”*... – Из стих. “Не верьте тем, кто говорят...” (С. 161). Точная цитата: “Что видит лишь во всем печаль, / В себе зачатки счастья губит”.

...*“счастлив, кто верует...”* – Плагиат из комедии А.С. Грибоедова “Горе от ума” (д. 1, явл. 7): “Блажен, кто верует, / Тепло ему на свете”. Из стих. Калчужского “Не верьте тем, кто говорят...”. Точная цитата: “Счастлив, кто верует и любит!” (С. 161).

М. Т о п о р с к и й. “Стихотворения”. 316 страниц. Рисунки Каразина. – Топорский М. Стихотворения. М., 1908. Под псевдонимом “М. Топорский” печатался поэт и инженер Михаил Капитонович Приоров (1842–?).

В ночи бессонные, в ночи тяжелые / Думы стоят предо мной... – Первая строка стихотворения (С. 13).

Пусть даже время рукой беспощадно / Нам доказало, что было в вас ложного. – Из стих. А.Н. Апухтина “Ночи безумные, ночи бессонные...” (1876).

С. 170. *Н. В. К о р е ц к и й. “Песня ночи”*. – Корецкий Н.В. Песня ночи: Стихотворения. СПб.: Пробуждение, 1908.

А. М. К р а с о в и ц к и й. “Минуты прошлого”. – Красовицкий А.М. Минуты прошлого. СПб.: Тип. К. Далина, 1906.

С. 170. “Поэтом я себя не мнил”. – Из стих. А.М. Красовицкого “Друзьям” (С. 7).
К. Талявина. “Безбурность”. “Прелюдии”. Стихи первые. – Талявин К. Безбурность. Прелюдии. М.: Т-во тип. А.И. Мамонтова, 1908.

“Стихи написаны в тюрьме, в одиночном заключении, и вель почему доминирующее (?) настроение сборника – самодовлеющая безбурность” (?) – См. авторское предисловие К. Талявина (С. 9).

Вадим Гарднер. “Стихотворения”. Сборник первый... – Гарднер В. Стихотворения: Сборник 1. СПб., 1908.

13 и 14) Л. Барский и П. Лучанский. “Завязь”... – Барский Л., Лучанский П. Завязь: Стихотворения. СПб.: Изд. П.П. Скороходова, 1908.

Ф. Аккерман. “Первая книга стихов”. – Аккерман Ф. Первая книжка стихов. Тифлис: Труд, 1908.

Нюночка ~ С сердцем, но без слов. – Из стих. Ф. Аккермана “Нюночка...” (С. 128).

Мой дух сидит во мне. Никто его не тронет. – Первая строка из стих. Ф. Аккермана, входящего в раздел “Настроения и фанстамагории” (так! – Сост.) (С. 124).

Сергей Городецкий. РУСЬ. ПЕСНИ И ДУМЫ

Изд. Сытина, Москва. Цена 25 коп.

(С. 171)

Автограф неизвестен.

Впервые напечатано: Р. 1909. 12 (25) октября. № 280.

В Собрание сочинений впервые включено: СС-12₁₀. С. 313–314.

Печатается по тексту первой публикации.

Рецензия написана не позднее 8–9 октября 1909 г. Дата устанавливается по письму к Блоку А.А. Городецкой (9–10 октября), в ответ на несохранившееся письмо Блока, в котором он предуведомлял С.М. Городецкого о своей рецензии и, судя по всему, ознакомил его с текстом.

Отношение Блока к творчеству Городецкого на протяжении трех лет претерпело значительные изменения. В статье “Краски и слова” он полностью привел его стихотворение “Зной”, назвав его “совершенным по красочности и конкретности словаря” (Т. 7 наст. изд. С. 16). Первый сборник Городецкого “Ярь: Стихи лирические и лиро-эпические” (СПб.: Кружок молодых, 1907) Блок, как и большинство критиков-символистов, встретил восторженно, охарактеризовав его сразу же после выхода, 21 декабря 1906 г. в письме к матери, как “величайшую книгу современности”. После выхода второго сборника Городецкого “Перун: Стихотворения лирические и лирико-эпические” (СПб.: Оры, 1907) Блок в статье “О лирике” оценил Городецкого как “звезду первой величины” (Т. 7 наст. изд. С. 71). Однако уже 20 августа 1907 г., размышляя в ЗК₁₇ о конфликте критиков “Весов” и “Золотого руна”, Блок отмечал: “Городецкий совсем не установился, и Бугаев (Андрей Белый. – Сост.) глубоко прав, указывая на опасность – погибнуть от легкомыслия и беспочвенности”. Последующие сборники Городецкого встречались критикой все более сдержанно. Постоянные метания Городецкого между разными течениями и объединениями объясняются именно стремлением вернуть себе прежний литературный успех. Сборник “Русь” (1909), свидетельствующий об очередном программном повороте Городецкого от “первобытного язычества” к “жизнерадостной дионисийско-христианской идеологии” (ЗР. 1909. № 7/8/9. С. 148), по сообщению автора, был “отпечатан двумя изданиями, роскошным (25 коп.) и простым (по 15 коп.) в количестве, превосходящем обычные тиражи стихотворных сборников” (Там же. С. 149). Сборник встретил холодный отклик не только

со стороны Блока. Вяч. Иванов, ознакомившись с книгой в рукописи, писал Городецкому 10 августа: "...если написана она не для сбыта через книгонош, то я ограничусь критикой, если же для книгонош, то уже негодую. Не думал я, что так легко и поверхностно ты отнесешься к великой задаче внушить *народу* несколько лирических намеков. Ведь я верил в тебя не на шутку, и не таким народным певцом рисовала мне тебя моя любимая мечта. (...) Ни народной музыки, ни народной молитвы, ни народной надежды нет" (*ЛН*. Т. 92. Кн. 3. С. 352). В дневнике Вяч. Иванова впечатления от чтения рукописи выражены еще резче: "Кажется, что с Сергеем уже случился, как с художником, аналогичный бальмонтовскому маразм" (*Там же*. С. 353).

Отзыв Блока стал причиной острого конфликта не только с С.М. Городецким, но и с его женой, А.А. Городецкой. (9–10) октября, очевидно, после прочтения рецензии в рукописи, она писала Блоку: «Когда вышла Ваша "Песня Судьбы", кот(орая) как в художественном, так и обществ(енном) смысле ниже самой снисходительной критики, (...) и Сергею предложили в нек(оторых) газетах и журналах дать отзыв – он отказался, не желая ругать Вас в печати. Он ограничился только разговором с *Вами*. Это поступок друга, а не иезуита или фарисея.

Вы же, зная, что в Пет(ербурге), кроме "Речи", нет другой газеты, хотя бы "Слова", где в противовес Вашей *ругани* была бы другая статья, Вы, конечно, зная это, нашли для себя *удобным* тиснуть свою рецензию.

Это поступок друга, как Вы называете себя в письме! Вы могли бы лично Сергею высказать свое негодование по поводу "Руси".

Сергей не нуждается ни в этом (...), ни в Ваших похвалах, у него есть солидные доказательства значения "Руси", но ему горько и противно, что и "друзья" не выше евреев-дельцов, что держат "литературные лавочки"» (*ЛН*. Т. 92. Кн. 2. С. 39).

С.М. Городецкий в тот же день, (10 октября), писал Блоку: «Я не ожидал иного отношения к своей книге от петербуржцев. Но *их* мнением я не интересуюсь и твоей рецензии читать не буду. Также не буду с тобой ссориться, потому что не придаю значения тебе как критику и общественному дельцу. Люблю тебя как лирика и ненавижу все иные виды. Что же касается взаимных чувств наших, то ты их оскорбил тупо и жестоко поспешностью и неумением сдержать свой "критический" порыв, хотя бы до первого свидания.

"Песни и думы" – только первый выпуск "Руси", а будет второй, третий и четвертый, в 910, 11 и 12 г., и только тогда ты мог бы судить о замыслах и соответствиях. Издание, по-моему, очень изящное, особенно которое для дам. А цена такая, какую могут платить все, кто хотел меня читать и до сих пор не мог. Имею уже свидетельства, ценнейшие всего, что сумеют сказать литераторы. От всей души желаю тебе получить возможность издаваться именно так. Огорчил ты меня очень» (*ЛН*. Т. 92. Кн. 2. С. 40–41).

Выполняя просьбу Блока, Городецкий все же прочел рецензию в газете и (13 октября) вновь вернулся к ее обсуждению в переписке с Блоком: "Действительно, в рецензии по внешности все прилично. Но внутренне она скверна передо мной. Говоря образно, ты налагаешь в ней на меня бархатную лапу декадентизма. Пахнет Вячеславкой. (...) Книжки же ты просто не прочел толком. Не посмотрел года и не увидел ее души. За что надо, поругал, а за что надо хвалить свыше меры, промолчал. Уж такой ты критик" (*Там же*. С. 42).

Блок писал матери 15 октября 1909 г.: "С Городецким – бесплодная переписка, которая ничем, кажется, не кончится".

Упоминается в *СпМ* в перечне 1909 г.: «Рецензии (в газ. "Речь" за окт(ябрь) и ноябрь)» с пометой: "Печ(атный оттиск) из газеты". В (План собрания сочинений) не включена.

С. 171. ...*"дожди ушли столбами"*... – Из стих. С. Городецкого "Печальник" (С. 54–55). Цитата приведена неточно. У Городецкого: "Прошумели дожди и столбами ушли" (С. 54).

...*гроза "просвистела" дождями...* – Из стих. С. Городецкого "Гроза" (С. 53). У Городецкого: "Над землей дождями свежими / Просвистев".

С. 171. ...“свирельный гимн по небу плыл и падал в тихие снега на занесенные луга” ... – Из стих. С. Городецкого “Свирель в метелях” (С. 45).

...выпускающий книгу за книгой с неестественной быстротой. ~ работа Пушкина. – С. Городецкий отвечал в письме (13 октября 1909 г.): “Кому пот, а кому лёт, и не все верхком смеряешь, хотя бы и пушкинским” (ЛН. Т.92. Кн. 2. С. 42).

...заоблачный “витязь”... – Имеется в виду стих. С. Городецкого “Витязь” (С. 14–16).

...русский Христос, “Золотой Спас”... – Имеются в виду стихотворения “Золотой Спас” (С. 31) и “Христова невеста” (С. 36–37).

...“где сияет солнце жарче”, чем на Руси? – Из стих. С. Городецкого “Русь” (С. 5).

...“девушками-цветами”... – Из стих. С. Городецкого “Русь” (С. 6): “У тебя по вешним селам / Ходят девушки-цветы”.

М. Пришвин. У СТЕН ГРАДА НЕВИДИМОГО

Москва, 1909

(С. 172)

Автограф неизвестен.

Впервые напечатано: Р. 1909. 19 октября (1 ноября). № 287. Подпись: “А.Б”.

В Собрание сочинений впервые включено: СС-12₁₀. С. 315.

Печатается по тексту первой публикации.

О работе над рецензиями Блок упоминает в письме к матери 15 октября 1909 г.: «Пишу рецензии в “Речь”, но, кажется, брошу это и поищу чего-нибудь менее бессмысленно». Отношение Блока к творчеству Пришвина и история их взаимоотношений рассматривается в работах: Блок и Пришвин / Вступит. ст. Н.В. Реформатской // ЛН. Т. 92. Кн. 4. С. 322–327; Письмо Блока Пришвину / Публ. В.Д. Пришвиной // Там же. С. 327–328; Блок в дневнике Пришвина и новонайденное письмо Блока Пришвину / Публ. В.В. Круглеевской и Л.А. Рязановой // Там же. С. 328–336. См. также: Эткинд А. Хлыст: Секты, революция и литература. М.: НЛО, 1998. С. 454–486.

Упомянута в СлМ среди перечня 1909 г.: «Рецензии (в газ. “Речь” за окт(ябрь) и ноябрь)». В (План собрания сочинений) не включена.

С. 172. ...свою вторую книгу... – Рецензируемая книга является третьей в творчестве М. Пришвина. Первая – “В краю испуганных птиц” (СПб.: Изд. Девриена, 1907), вторая – “За волшебным колобком: Из записок на крайнем севере России и Норвегии” (СПб., 1908).

...“За волшебным колобком”... – 7 января (1909) г. М.М. Пришвин фиксирует в дневнике свою встречу с Блоком в религиозно-философском собрании в Петербурге: “Я попросил его прочесть мою книгу, обратить внимание на стиль и сказать мне о книге так, чтоб мне что-нибудь осталось для себя” (ЛН. Т. 92. Кн. 4. С. 329). В позднейшей дневниковой записи 9 августа (1922) г. Пришвин вспоминал: «Блок, прочитав “Колобок”, сказал:

– Это не поэзия, то есть не одна только поэзия, тут есть еще что-то.

– Что?

– Я не знаю.

– В дальнейшем нужно освободиться от поэзии или от этого чего-то.

– Ни от того, ни от другого не нужно освобождаться» (Там же. С. 330).

...такого же “дневника” З. Гиппиус ~ в книге “Алый меч”... – НП. 1904. № 1, 2; Гиппиус З. Алый меч: Четвертая книга рассказов. СПб.: Изд. М.В. Пирожкова, 1906. С. 349–419.

М. Премиров. НЕМЫЕ ДАЛИ

Рассказы. Изд. «Общественной пользы», СПб., 1909

(С. 172)

Автограф неизвестен.

Впервые напечатано: *Р.* 1909. 19 октября (1 ноября). № 287.

В Собрание сочинений впервые включено: *СС-12*₁₀. С. 314.

Печатается по тексту первой публикации.

Упомянута в *СпМ* в перечне рецензий 1909 г.: «Рецензии (в газ. “Речь” за окт(ябрь) и ноябрь)». В (План собрания сочинений) не включена.

Сергей Кречетов. ЛЕТУЧИЙ ГОЛЛАНДЕЦ

Вторая книга стихов.

Книгоиздательство «Гриф», Москва

(С. 173)

Автограф неизвестен.

Впервые напечатано: *Р.* 1909. 26 октября (8 ноября). № 294.

В Собрание сочинений впервые включено: *СС-12*₁₀. С. 316.

Печатается по тексту первой публикации.

Под псевдонимом Сергей Кречетов печатался владелец издательства “Гриф”, редактор журналов “Искусство” и “Перевал” поэт Сергей Александрович Соколов (1878–1936). Подробнее о личных и литературных взаимоотношениях Блока и С.А. Соколова см.: Переписка Блока с С.А. Соколовым (1903–1910) / Предисл., публ., коммент. К.Н. Суворовой // *ЛН.* Т. 92. Кн. 1. С. 527–551.

Упомянута в *СпМ* в перечне рецензий 1909 г.: «Рецензии (в газ. “Речь” за окт(ябрь) и ноябрь)». В (План собрания сочинений) не включена.

С. 173. ...сказались еще в первой “Алой книге”... – Речь идет об издании: Кречетов Сергей. Алая книга: Стихотворения. М.: Гриф, 1907. Отзыв Блока об этой книге содержится в статье “О лирике” (Т. 7 наст. изд. С. 80). См. также его отзыв о Кречетове-поэте в письме к А. Белому от 8 марта 1904 г.: “Вполне бездарен”.

Н. Тимковский. ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

Том VI, Москва, 1910

(С. 174)

Автограф неизвестен.

Впервые напечатано: *Р.* 1909. 2 (15) ноября. № 301.

В Собрание сочинений впервые включено: *СС-12*₁₀. С. 317.

Печатается по тексту первой публикации.

Упомянута в *СпМ* в перечне написанного в 1909 г.: «Рецензии (в газ. “Речь” за окт(ябрь) и ноябрь)». В (План собрания сочинений) не включена.

«ВЗМАХИ». ОРГАН МОЛОДЫХ.

Выпуск 1. Москва, 1909–1910

Павел Сухотин. АСТРЫ. Поэмы отошедшему

Москва, 1909

(С. 175)

Автограф неизвестен.

Впервые напечатано: *Р.* 1909. 9 (22) ноября. № 308.

В Собрание сочинений впервые включено: *СС-12*₁₀. С. 318.

Печатается по тексту первой публикации.

По сообщению Н.С. Ашукина, П.С. Сухотин вскоре после выхода сборника “Астры” из печати его “уничтожил, так как нашел его слишком слабым” (Письма Александра Блока к П.С. Сухотину / Публ. и вступит. ст. Н.С. Ашукина // *БС-1*. С. 545). О встречах Сухотина с Блоком см.: *Сухотин П.* Памяти Блока // *Воспоминания*, 2. С. 80–90.

Рецензия вызвала раздраженный отклик врача С.М. Калмансона: «Но что говорит уму читателя или что может почерпнуть из вашей критики злополучный автор, если вся заметка Ваша ограничивается, напр(имер), следующими словами: “Автору принадлежат новые слова “вуально” и “глушина”? Я уже не говорю о том, что Ваша критика может решить в некоторых отношениях судьбу начинающего писателя”».

Упоминается в *СпМ* в перечне 1909 г.: «Рецензии (в газ. “Речь” за окт(ябрь) и ноябрь)». В (План собрания сочинений) не включена.

С. 175. “Полеты творческого духа ~ не успев взлететь...” – Из предисловия Светлогора “Читателю, критике” (С. 2).

“Открывается новая дверь...” – Там же.

...“вуально” и “глушина”. – Из цикла “Белой хижине” (С. 3).

“Тяжело на душе: ~ пусто кругом”. – Из миниатюры Ясного “Тоска” (С. 18).

...новые рифмы: “абажура – Шура” ... – Из стих. П. Сухотина “Ночь. За окнами шумит...”. С. 12.

...“плечи – гречи” ... – Из стих. П. Сухотина “Цветы” (С. 13).

...“локон червонной липы”, “золотая гниль” ... – Из стих. П. Сухотина “На даче” (С. 5).

...“броженные аллеи” ... – Из стих. П. Сухотина “Печальное” (С. 8).

...“ветер листья сгрудил”. – Из стих. П. Сухотина “На бульваре”. Цитата приведена неточно. У Сухотина: “Спадают листья. Ветер их сгрудил” (С. 19).

А. Бурнакин. ТРАГИЧЕСКИЕ АНТИТЕЗЫ

Изд-во «Сфинкс», Москва, 1910. Цена 1 р.

(С. 175)

Автограф неизвестен.

Впервые напечатано: *Р.* 1909. 16 (29) ноября. № 315. Подпись: “А.Б”.

В Собрание сочинений впервые включено: *СС-12*₁₀. С. 318.

Печатается по тексту первой публикации.

Анатолий Андреевич Бурнакин (?–1932), журналист, критик, поэт, к 1909 г. получил репутацию одного из самых одиозных публицистов, “литературного хулигана”, сочетавшего в своих статьях безграмотность с “беспардонной руганью” (*Брюсов В. Всем сестрам по серьгам // В. № 1. С. 93*), “бьющего на скандал и живущего только скандалом” (Письмо С.А. Соколова к И.Ф. Анненскому от 23 февраля 1909 г. – *РГАЛИ. Ф. 6. Оп. 1. № 364*). В марте 1908 г. во время поездки в Петербург Бурнакин пытался привлечь к сотрудничеству в своем альманахе “Белый камень” Блока, обещая в своих статьях, “не изменяя своим боевым наклонностям, быть (...) весьма сдержанным” (Письмо А. Бурнакина к Блоку от 22 марта 1908 г. – *РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 1. № 177*). Блок от сотрудничества отказался, назвав Бурнакина в письме к Белому от 25 марта 1908 г. “хулиганским издателем”.

В 1909 г. Бурнакин прекратил литературные контакты с символистами и резко изменил идеологическую и эстетическую ориентацию, обратившись к идеям охранительной публицистики. Книга “Трагические антитезы” стала свидетельством этого поворота. Во вводном разделе автор заявлял о своем “покаянии”, “самопроклятии” и возвращении к своему “коренному мировоззрению” (С. 12–13). Статьи в книге распределены по четырем разделам: “Тоголь и мы”, “Идеализм и нигилизм”, “Интеллигенция и народ”, “Реализм и модернизм”. Обращаясь к активно обсуждавшейся в 1907–1909 гг. проблематике, эпигонски эксплуатируя идеи славянофильской и символистской публицистики, Бурнакин обвинял интеллигенцию в “безрелигиозности”, “презрении к русскому, (...) к государственным и религиозным святыням, к быту и обычаям” (С. 50), особенно резко атакуя на “народничество” символистов и выдвигая идеал “братского слияния” народа и интеллигенции “на фундаменте нашей самобытной культуры, триединая формула которой: Земля, Народ, Христос” (С. 52).

Рецензия упомянута в *СнМ* в перечне написанного в 1909 г.: «Рецензии (в газ. “Речь” за окт(ябрь) и ноябрь)». В (План собрания сочинений) не включена.

С. 175. “Просто не могу молчать ~ взбудоражить”. – Из первой статьи “Трагических антитез” “Pro domo sua” (С. 3).

*...идеи г-на Бурнакина принадлежат также не ему, а как раз тем, на кого он гневается. – Склонность Бурнакина к идейному плагиату отмечена и в рецензии В.Я. Брюсова “Всем сестрам по серьгам” (В. 1908. № 1) на первый выпуск альманаха Бурнакина “Белый камень” (М., 1907): «Собственное их (авторов альманаха. – *Сост.*) творчество обнаруживает не только крайнее бессилие, но и крайнюю подражательность. Все стихи и рассказы, пропечатанные в альманахе, не более как жалкие перепевы и пересказы тех самых “старых” и особенно “новых” писателей, которых альманах третирует столь свысока. Местами подражательность доходит чуть не до плагиата» (С. 96).*

Константин Шрейбер. ТИХИЕ КАНУНЫ

Москва, 1910

(С. 176).

Автограф неизвестен.

Впервые напечатано: *Р.* 1909. 23 ноября (6 декабря).

В Собрание сочинений впервые включено: *СС-12*₁₀. С. 319.

Печатается по тексту первой публикации.

Упомянута в *СнМ* в перечне рецензий 1909 г.: «Рецензии (в газ. “Речь” за окт(ябрь) и ноябрь)». В (План собрания сочинений) не включена.

Автограф неизвестен.

Впервые напечатано: Р. 1911. № 3. 3 (16) января.

В Собрание сочинений впервые включено: СС-12₁₀. С. 319–320.

Печатается по тексту первой публикации.

В *СнМ* рецензия завершает перечень написанного за 1910 г.: «Рецензии: Мережковский. Собрание стихотворений. “Речь”. 3 янв(аря) 1911. Печ(атный) оттиск из газ(еты)». В (План собрания сочинений) не включена.

С. 176. ...историческую трилогию и исследование о Толстом и Достоевском... – Речь идет об историсофских романах, входящих в трилогию Д.С. Мережковского “Христос и Антихрист” (1895–1905): “Смерть богов (Юлиан Отступник)” (1895–1896), “Воскресшие боги (Леонардо да Винчи)” (1899–1900), “Петр и Алексей” (1904–1905), а также о двухтомном исследовании “Л. Толстой и Достоевский” (1900–1902).

С. 177. ...“эллинство” (которое принимал несколько отвлеченно, по-майковски... – С именем А.Н. Майкова (1821–1897) связана традиция русской антологической лирики. Д.С. Мережковский в очерке “Майков” (1891), вошедшем в книгу “Вечные спутники” (1897), противопоставляет античный (классический) и христианский идеалы, называя Майкова “истинным классиком, не только по форме, но и по содержанию”: “Античный мир в самых совершенных художественных образах воплотил ту нравственную систему, в которой земное счастье является крайним пределом желаний. Христианство протестовало против античной нравственности: оно противопоставляло земному счастью – счастье неземное и бесконечное, устремило волю человека за пределы видимого мира, за границу явлений. Спор христианской и античной нравственности до сих пор нельзя считать законченным” (*Мережковский Д.С. Вечные спутники // Мережковский Д.С. Полн. собр. соч. СПб.: М.: Изд. т-ва М.О. Вольф, 1911. Т. XIII. С. 265, 266*).

...как думали до Ницше и до последних ученых исследований... – Книга Фридриха Ницше “Рождение трагедии из духа музыки” (1872), законспектированная Блоком в ЗК₁₅ в 1906 г., опровергала классические “винкельмановские” представления об античном мире как мире “чистой и безболезненной красоты, величаво сияющей в своем спокойствии и простоте” (см. подробнее: *Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии. М., 1930. Т. 1. С. 15; Аверинцев С.С. Образ античности в западноевропейской культуре XX века: Некоторые замечания // Новое в современной классической филологии. М., 1979. С. 5–40*). Ницшеанская концепция античности с ее оппозицией антиномичных начал (Аполлон и Дионис) основана на ощущении двойственной трагической природы античной культуры: “Грек знал и ощущал страх и ужасы существования: чтобы быть вообще в силах жить, он принужден был заслонить себя от них блестящим порождением грез – олимпийцами” (*Ницше Ф. Рождение трагедии // Ницше Ф. Полн. собр. соч. М., 1912. Т. 1. С. 49*). У Блока в конспекте этот фрагмент выглядит следующим образом: “Аполлон – отец богов, так как боги – торжествующее бытие, лучезарное, созданное, чтобы закрыть ужас и гнусность бытия, ведомые грекам”. См. также: *Паперный В.М. Блок и Ницше // Типология русской литературы и проблема русско-эстонских литературных связей: Тр. по русской и славянской филологии. XXXI. Тарту, 1979; Магомедова Д.М. Блок и античность // Магомедова Д.М. Автобиографический миф в творчестве А. Блока. М., 1997.*

С. 177. ... среди глубокой тьмы ~ Холод утра – это мы. – Из стих. Д.С. Мережковского “Дети ночи” (1894). В первой публикации (РМ. 1894. № 9. С. 204) – “Пред зарею”. См. отмеченные тематические и лексические переклички с образом петуха в лирике Блока в коммент. к стих. “Все бежит, мы пребываем...” (Т. 2 наст. изд. С. 607), “Насмешница” (Там же. С. 810), “Шаги Командора” (Т. 3 наст. изд. С. 664), а также упомянутое в коммент. (Т. 2 наст. изд. С. 810) описание совместного с Блоком визита А. Белого к Мережковским и разговора о значении этого стихотворения: «Блок – в позе непонимающего каприза:

Ночь глуха.
Ночь не может понимать
Петуха.

(Блок)

Это – его ответ на разговорную тему, поднятую Мережковским: “Петуха ночное пенье. Холод утра; это – мы”; З.Н. – на ту же тему:

Ты пойми: мы – ни здесь, ни тут:
Наше дело такое бездомное...
Петухи – поют, поют.
Но лицо небес еще темное.

Молчание Блока бесит: “Не соглашайся, оспаривай, доказывай несостоятельность петушиного пенья!” И быстрым движеньем выхватываю из камина щипцы; взмах ими в воздухе: раскаленный кончик щипцов рисует красный зигзаг; и я – усовываю щипцы в багряно-золотой жар; “петух”, – Мережковский, – старается; а потухающий жар – в пепельных пятнах. Не то!» (Белый Андрей. Между двух революций. М., 1990. С. 71–72).

⟨НАД ЧЕМ РАБОТАЮТ ПИСАТЕЛИ⟩

(С. 177)

Автограф неизвестен.

Впервые напечатано: Огонек. 1912. № 1. С. 17.

В Собрание сочинений впервые включено: СС-85. С. 677.

Печатается по тексту первой публикации.

В конце 1911 г. редакция газеты “Биржевые ведомости” разослала обращения к известным писателям, датированные 19 декабря: «Редакция “Биржевых ведомостей” намерена дать своим читателям сообщение о том, какою работою и какими замыслами заняты сейчас наиболее интересные представители нашей литературы.

Не откажите в любезном сообщении, какая литературная работа сейчас занимает Вас. Так как анкета оглашается на этих же днях, а ответ не предполагается пространный (что и невозможно по техническим условиям), то Редакция позволяет себе просить Вас прислать просимое в кратчайший срок, какой только для Вас возможен» (ИРЛИ. Ф. 289 (Ф. Сологуб). Оп. 3. Ед. хр. 300). Текст типографский, имена писателей вписывались от руки.

Анкеты были опубликованы в еженедельном иллюстрированном журнале “Огонек”, также принадлежавшем владельцу “Биржевых ведомостей” С.М. Пропперу.

В СпМ не упоминается. В ⟨План собрания сочинений⟩ не включена.

С. 177. Я работаю над поэмой... – Речь идет о поэме “Возмездие” (Т. 5 наст. изд. С. 21–73).

С. 177. ...редактирую новое издание своих стихов, последний, третий том которого выйдет из печати в январе. – Третий том издания: Блок А. Собрание стихотворений: Кн. 1–3. М.: Мусажет, 1911–1912. Кн. 3: Снежная ночь (1907–1910) – вышел в свет в апреле 1912 г.

ОТВЕТ НА АНКЕТУ О ЛУЧШИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ 1913 ГОДА

(С. 177)

БА-1 – текст первой редакции – ИМЛИ. Ф. 12. Оп. 1. Ед. хр. 32. Дата: “19. XII. 1913”. К тексту приложен конверт: «Его Высокородию Павлу Елисеевичу Щеголеву / Городское. Пет(роградская) ст(орона). Широкая ул. 23 (От Ал. Блока – для газ. “День»)».

БА-2 – ИМЛИ. Ф. 12. Оп. 1. Ед. хр. 52. К тексту приложено письмо к П.А. Щеголеву от 19 декабря (в письме ошибочно: “октября») 1913 г.

Впервые обе редакции напечатаны: *Немеровская О., Вольпе Ц.* Судьба Блока: Воспоминания. Письма. Дневники. Л., 1930. С. 177–178.

Печатается по БА-2.

Историк литературы и критик П.Е. Щеголев в 1913 г. редактировал литературный отдел газеты “День”. Анкета о лучших литературных произведениях 1913 г. проводилась по его инициативе, однако по неизвестным причинам в газете не появилась. Отослав 19 декабря 1913 г. первую редакцию отзыва, Блок в тот же день его переделал и вновь послал П.Е. Щеголеву, сопроводив пояснением: “Извините, пожалуйста, сегодня я Вам послал листок с моим мнением о лучших романах этого года и, уже после того, как опустил в ящик, сообразил, что все это написано каким-то суконным нерусским языком. Объясняется это тем, что я весь день сегодня писал стихами, а потому в прозе окончательно охромел. Пожалуйста, бросьте тот листок, вот Вам другой, вместо него” (ИМЛИ. Ф. 12. Оп. 1. Ед. хр. 52).

С. 177. ...роман Андрея Белого “Петербург”... – Роман Андрея Белого “Петербург” вышел в трех выпусках в сборниках издательства “Сирия” (в октябре и декабре 1913 г. и в марте 1914 г.). Текст романа был знаком Блоку в рукописи, так как именно ему Белый присылал из-за границы части романа для передачи в издательство и именно благодаря случайным хлопотам Блока роман был принят и напечатан. Ср. его переписку с Белым в январе–мае 1913 г. (*Белый и Блок.* С. 482–505), а также запись в дневнике 23 февраля после получения первых трех глав романа: «Я принес рукопись первых трех глав “Петербурга”, пришедшую днем из Берлина. Очень критиковали роман, читали отдельные места. Я считаю, что печатать необходимо все, что в соприкосновении с А. Белым, у меня всегда – повторяется: туманная растерянность; какой-то личной обиды чувство; поразительные совпадения (места моей поэмы); отвращение к тому, что он видит ужасные гадости; злое произведение; приближение отчаянья (если и вправду мир таков...); не нравится свое – перелистал “Розу и Крест” – суконный язык. – И, при всем этом – неизмерим А. Белый, за двумя словами – друг притаится иное, все становится иным. Какова будет участь романа в “Сирине” – беспокоит меня» (Т. 12 наст. изд.).

...роман Бернгарда Келлермана “Туннель”. – Экспериментальный социально-фантастический роман немецкого писателя Б. Келлермана (1879–1951) “Туннель” (“Der Tunnel”) Блок, скорее всего, читал в оригинале, русский перевод появился лишь в 1915 г. В “Азбучном указателе” библиотеки, составленном Блоком, имеется ссылка на издание: *Келлерман Б.* Туннель: Роман / Пер. Э. Пименовой. М., 1915. Сделана помета: “Унесли Клюев и Есенин в 1916 г.” (ББО-3. С. 229).

СЛЕДУЕТ ЛИ АВТОРАМ ОТВЕЧАТЬ КРИТИКЕ?

(С. 178)

ЧН – ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. № 197. Л. 2 (арх. паг.). Правка чернилами и припиской красным карандашом.

ЧА – Там же. Л. 3–6.

Впервые напечатано: *БВ.* 1915. № 15252. 5 декабря. Веч. вып. Подпись: “Александр Блок”.

В Собрание сочинений впервые включено: *СС-12₁₀.* С. 327–328.

Печатается по тексту первой публикации.

Анкета “Следует ли авторам отвечать критике?” проводилась газетой “Биржевые ведомости” в начале декабря 1915 г. (номера газеты за 5, 6 и 8 декабря). Заметка датируется по двум записям в *ЗК₄₅*. 3 декабря отмечено: «Интервью “Биржевки”», 4 декабря вновь запись: «Для “Биржевки” вечерней – интервью». Среди ответивших на анкету – Н.Н. Евреинов, Д.С. Мережковский, А.М. Ремизов, Ф. Сологуб, Тэффи, Ан. Чеботаревская и др.

В *СпМ* сопровождается пометой: «(Ответ на анкету) (“Веч(ерняя) Биржевка”, 5 декабря)». В (План собрания сочинений) не включена.

С. 178. Когда вышел в свет роман “Саламбо”, Сент-Бев написал враждебную рецензию. – Блок не вполне точен. Ш.-О. Сент-Бев написал о романе Г. Флобера “Саламбо” (1862) три статьи в газете “Конститусьонель” (5, 15 и 22 декабря 1862 г.), и лишь вторая отличалась раздраженным тоном и содержала большое количество критических замечаний и полемических выпадов.

Флобер ответил большим письмом... – Речь идет о письме Флобера Сент-Беvu (23–24) декабря 1862 г. Дружеских отношений между критиком и писателем полемика не нарушила. Блок занимался редактированием перевода писем Флобера, выполненного А.А. Кублицкой-Пиоттух в 1914–1915 гг. (см. его предисловия к томам переписки, с. 179, 180 наст. тома).

...была опубликована, когда ни автора, ни критика уже не было в живых... – Письмо Флобера было опубликовано Сент-Бевом в 1865 г. См.: *Флобер Г.* О литературе, искусстве, писательском труде: Письма. Статьи: В 2 т. М., 1984. Т. 2. С. 402–404.

(ЗАЯВЛЕНИЕ В РЕДАКЦИИ «БИРЖЕВЫХ ВЕДОМОСТЕЙ» И «ТЕАТРАЛЬНОЙ ГАЗЕТЫ»)

(С. 179)

Автограф неизвестен.

Впервые напечатано: *БВ.* 1915. № 15264. 11 декабря. Веч. вып. Перепечатано со ссылкой на *БВ:* Театральная газета. 1915. № 51. 20 декабря. С. 17.

Печатается по тексту первой публикации.

25 октября 1915 г. в разделе “Московская хроника” “Театральной газеты” (№ 43) появилось сообщение о том, что кинорежиссер Я.А. Протазанов приступил к съемкам фильма по стихотворению Блока “На железной дороге”. 29 ноября в той же газете (№ 48) сообщалось, что съемка фильма закончена. 9 декабря Блок отметил в *ЗК₄₅*: «Телефон от “Биржевых ведомостей” (Фрид)». Судя по тому что заявление Блока помещено в “Биржевых ведомостях” в заметке, подписанной Фри-Дик (псевдоним С. Фрида), со ссылкой на интервью по телефону, письменного текста, скорее всего, не существует. См. также коммент. к стих. “На железной дороге” (Т. 3 наст. изд. С. 942).

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ
〈ГАЗЕТЫ «БИРЖЕВЫЕ ВЕДОМОСТИ»〉

(С. 179)

Автограф неизвестен.

Впервые напечатано: *БВ*. 1916. № 15328. 17 января. Утр. вып. Подписи: “Поликсена Соловьева (*Allegro*), З.Н. Гиппиус, Д.В. Философов, Александр Блок”.

В Собрание сочинений впервые включено: *СС-12₁₀*. С. 346.

Печатается по тексту первой публикации.

Письмо было составлено 16 января 1916 г., сразу же после выхода утреннего выпуска “Биржевых ведомостей” с интервью В.Н. Сперанского. В тот же день Блок написал текст заявления и заручился согласием остальных участников коллективного заявления. Посылая заявление в газету, Блок в сопроводительном письме на имя редактора 16 января 1916 г. писал: «Милостивый Государь Господин Редактор! Покорнейше прошу Вас дать место на страницах завтрашнего утреннего выпуска номера “Биржевых ведомостей” прилагаемому письму в редакцию. Те три лица, подпись которых стоит под письмом, уполномочили меня подписаться за них» (*РГАЛИ*. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 5).

В *СпМ* названо «Письмо в ред(акцию) “Веч(ерней) Биржевки”» и сопровождается пометой: “Заступались за Горького против проф(ессора) Сперанского (подпис(али) П. Соловьева, З. Гиппиус, Философов и я)”. В 〈План собрания сочинений〉 не включено.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОТ РЕДАКТОРА ПЕРЕВОДА

〈Предисловие к переводу писем
Г. Флобера к Каролине Комманвиль〉

(С. 179)

Автограф неизвестен.

Впервые напечатано: *Флобер Г.* Полн. собр. соч. СПб., [1915]. Т. 8. Ч. 1. С. [7]. Подпись: “А.Б”. Печатный оттиск без авторской правки хранится: *ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 3. № 47.

Печатается по тексту первой публикации.

В Собрание сочинений включается впервые.

О значении Г. Флобера в своей творческой биографии Блок упоминал неоднократно как в художественных, так и в документальных текстах. В Автобиографии (1915) он упомянул о том, что его бабушка, Е.Г. Бекетова, переводила Флобера (в частности, ею переведен роман “Сентиментальное воспитание”), а его отец, “знаток изящной литературы и тонкий стилист”, “считал себя учеником Флобера”, что, по мнению Блока, роковым образом сказалось на результатах его научного творчества: судорожные поиски “сжатых форм” для выражения идей не позволили отцу завершить главный труд его жизни. Об отношении Бекетовых-Блоков к Флоберу подробнее см.: *Бекетова М.А.* Шахматово. Семейная хроника // *ЛН*. Т. 92. Кн. 3. С. 663, а также комментарий к поэме “Возмездие” – Т. 5 наст. изд. С. 426, 441. См. также: *Приходько И.С.* Легенда о святом Юлиане Странноприимце. Перевод А.А. Блока // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1991 год. СПб., 1994. С. 171–178.

В январе 1914 г. Блок получил предложение от издательства “Шиповник” принять участие в издании Собрания сочинений Г. Флобера. Переводом писем Флобера занималась

А.А. Кублицкая-Пиоттух. Блоку было предложено перевести “Легенду о святом Юлиане Странноприимце”, а также стать редактором томов переписки. О переговорах с издательством упоминается в ЗК₄₁ (запись 11 января 1914 г.: “Телефон с Копельманом (владельцем издательства. – Сост.) о переводе Флобера”). 11 февраля в ЗК₄₁ упоминается об отправке заказного письма в “Шиповник”, 12 февраля Блок записывает там же: «“Шиповник” согласен с договором».

Дата, указанная в «Договоре с издательством “Шиповник” на издание сочинений Г. Флобера», предшествует действительному сроку его подписания – 10 февраля 1914 г. (Копия договора – ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 3. № 1):

«п. 1. Издательство “Шиповник” приобретает право на издание (...) перевода с французского языка сочинений Флобера: 1 и 2) “Переписка” (два тома (...)), 3) Письма к племяннице моей – Каролине (один том в размере не более 15 листов (...)) и 4) “Сен Жюльен” (“Легенда о святом Юлиане”. – Сост.). (...)

п. 2. Перевод двух томов “Переписки” и одного тома “Писем к племяннице моей – Каролине” должен быть сделан под редакцией А.А. Блока, а перевод “Сен Жюльен” самим А.А. Блоком. (...)

п. 5. А.А. Блок обязуется доставить изд-ву “Шиповник” в окончательно готовом виде: три тома “Писем” (все равно в каком порядке) и “Сен Жюльен” в следующие сроки: один том “Писем” и “Сен Жюльен” не позже сентября 1914 г., второй том “Писем” – не позже декабря 1914 г. и третий том писем – не позже января 1915 года».

К договору приложен лист, фиксирующий позднейшие изменения условий:

«п. 5. А.А. Блок обязуется доставить изд-ву “Шиповник” в окончательно готовом виде: три тома “Писем” (все равно в каком порядке) и “Сен Жюльен” в следующие сроки: один том “Писем” и “Сен Жюльен” не позже ноября 1914 г., второй том “Писем” – не позже февраля 1915 г. и третий том писем – не позже мая 1915 года».

Работа над редактированием перевода, выполненного А.А. Кублицкой-Пиоттух, велась Блоком летом и осенью 1914 г. 1 декабря 1914 г. в ЗК₄₄ отмечено: “Корректуря Флобера”. Последнее упоминание о корректуре – 18 февраля 1915 г.

А.А. Кублицкая-Пиоттух и Блок подготовили к печати все три тома переписки Флобера (VIII, IX, X в нумерации “Шиповника”). Все рукописные тома с правкой Блока хранятся: ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 3. № 48, 51. Однако лишь том 8 (Ч. 1) Собрания сочинений Флобера вышел из печати. Возможно, выход томов прекратился в связи с финансовыми сложностями, возникшими в годы Первой мировой войны.

Рецензент газеты “Речь” Андрей Левинсон отзывался о переводе критически: “Радуюсь прекрасной книге, (...) нельзя не указать на серьезные недостатки перевода, сделанного заслуженной переводчицей, под редакцией известного поэта; при стремлении к ненужной буквальности, допущен ряд отступлений от действительного смысла оригинального текста” (Р. 1915. № 302. 2 ноября).

В СнМ упоминается: «Флобер, Переписка, I (“ред.”)». В ⟨План собрания сочинений⟩ не включено.

С. 179. ...Коннардовского восемнадцатитомного издания Флобера... – Перевод выполнен по изданию: *Flaubert G. Correspondance: 1–5 sér. Paris: L. Conard, 1910. (Oeuvres complètes)*. Издание сохранилось в библиотеке Блока с многочисленными пометами на полях и в тексте (ББО-3. С. 56–66).

Гюстав Флобер. ПЕРЕПИСКА

Часть третья (Письма. 1854–1880 годы)

Перевод А.А. Кублицкой-Пиоттух. Под редакцией Александра Блока

(С. 180)

БА – ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 3. № 51.

Публикуется впервые.

Печатается по БА.

Том из печати не вышел. Творческую историю редакторской работы Блока над томами переписки Г. Флобера см. с. 470–471 наст. тома.

К ИЗБИРАТЕЛЯМ

(С. 181)

Автограф неизвестен.

Впервые напечатано: *БВ*. 1916. № 15384. 14 (27) февраля. Утр. вып.

В Собрание сочинений впервые включено: *СС-12_г*. С. 233.

В *СпМ* не упомянута. В (План собрания сочинений) не включена.

Выборы в Петроградскую городскую думу состоялись 15 февраля 1916 г. Победила партия “стародумцев”.

С. 181. Обновленческая партия... – Партии “обновленцев” и “стародумцев” представляли в Петроградской городской думе левое и правое крыло.

Из отчета о деятельности городских попечительств, составленного Л.Я. Гуревич... – Гуревич Л.Я. Обзор деятельности городских попечительств о бедных за первый год войны 1914–1915 гг. Пг., 1916.

... “ленивы и нелюбопытны” – по слову Пушкина... – Пушкин А.С. “Путешествие в Арзрум” (1829).

НЕЗАВЕРШЕННОЕ

(ЗАПИСЬ В АЛЬБОМЕ А.Г. и М.К. МАКСИМОВЫХ)

(С. 185)

БА – запись в альбоме А.Г. и М.К. Максимовых, составленном в 1907–1908 гг. – *РНБ*. Ф. 459. № 2. Л. 32.

Впервые напечатано: Новый мир. 1955. № 11. С. 152–153. Публикация В.Н. Орлова.

В Собрание сочинений включается впервые.

С. 185. “Что делаешь – делай скорее”. – Слова Иисуса, обращенные к Иуде (Ин 13: 27). Блок неоднократно использовал эту формулу. Ср. стих. “Ну что же? Устало заломлены слабые руки...” (Т. 3 наст. изд. С. 28, 612–614), в письме Л.Д. Блок 21 марта 1908.

СКАЗКА

(С. 185)

ЧА – ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. № 14. набросок – простым карандашом, заголовок – синим карандашом.

Впервые напечатано: СС-8₃. С. 362.

По свидетельству Иванова-Разумника (*Иванов-Разумник*. Л. 288), отрывок был приложен к ЧА стихотворений “Часовая стрелка движется к полночи...” и “Старинные розы...” (Т. 3 наст. изд. С. 117, 839), вместе с фрагментами “Сказки о венгерской графине” (Т. 7 наст. изд. С. 213), записан на однотипной бумаге. Предполагаемая дата написания – между 29 июля 1907 г. и 4 ноября 1908 г.

В СпМ и ⟨План собрания сочинений⟩ не включено.

⟨НАЧАЛО ПРЕДПОЛАГАЕМОГО ОТВЕТА ЧУКОВСКОМУ⟩

(С. 185)

ЧА – ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. № 193. Правка чернилами, красным и черным карандашом. Надписи рукой Блока на л. 1.: “Начало предполагаемого ответа Чуковскому”. “Ответил Философов, по обыкновению брезгливо высмеяв, не без основания и остроумия, но мимо, пусто”.

Впервые напечатано: Красная газета. 1927. 7 августа. Веч. вып. Под заглавием: “Набросок статьи 1911 года” / Публ. и предисл. П.Н. Медведева.

В Собрание сочинений впервые включено: СС-12₈. С. 231.

Печатается по верхнему слою автографа.

В СпМ не упомянута. В ⟨План собрания сочинений⟩ не включена.

С. 185. В 1908–9 годах главной ~ об “интеллигенции и народе”. – См. коммент. к статье “Народ и интеллигенция”, “Стихия и культура”, С. 336–355, 367–381 наст. тома.

С. 186. ...К.И. Чуковского (см. его фельетон № “Речи” “Мы и они”). – К.И. Чуковский опубликовал эту статью дважды: 1 октября 1911 г. в газете “Современное слово” и 29 октября 1911 г. в газете “Речь” (№ 297). Чуковский обратил внимание на появление новой социальной группы в современном обществе: «Вас много, недоучек и недорослей, несметное полчище, – всяких приказчиков и юнкеров, фельдшеров, писарей, парикмахеров, телеграфистов, дантистов (...) Они уже не народ, но еще не интеллигенция, – это новая огромная секта, растущая с каждым днем: полуинтеллигенция и даже “четверть-интеллигенция”, до чего же она не похожа на нас, тех, кого зовут интеллигентами». Отметив свойственные этой группе “экзальтированное” стремление к самообразованию, веру в науку, “повышенную бодрость, активность, надежды”, Чуковский с тревогой фиксирует зарождающуюся враждебность между “полуинтеллигентами” и образованной интеллигенцией: “И есть уже знаменья, что близка между ними битва”. Особенно показательны для автора статьи настроения так называемых “людей из низов” с их резко выраженной антиинтеллигентской направленностью: «Стоит только “человеку из народа” дорваться теперь до пера и чернил, как он непременно, фатально выведет на клочке бумаги: “интеллигенту анафема!” – и часто с такою экспрессией, будто удар кулака». Обзор полемики вокруг этой проблемы см.: Азадовский К.М. Блок и П.И. Карпов // БС ИРЛИ-II. С. 234–237.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ДИТЯ ГОГОЛЯ

⟨Подготовительные материалы⟩

(С. 189)

См. коммент. на с. 389, 392 наст. тома.

РЫЦАРЬ-МОНАХ

⟨Подготовительные материалы⟩

(С. 189)

См. коммент. на с. 428 наст. тома.

STRINDBERGIANA

(С. 190)

ЧА – ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. № 191. Л. 27–35.

Публикуется впервые. Публикация фрагментов: *Магомедова Д.М.* Окончена ли статья “От Ибсена к Стриндбергу”? // *Магомедова Д.М.* Комментируя Блока. М., 2004. С. 16–19.

Печатается по автографу.

В *СнМ* в 1912 г. отмечено: “Начало Strindbergian’ы” (Л. 9). Рукопись хранится в одной папке с автографами статей “От Ибсена к Стриндбергу”, “Памяти Августа Стриндберга” и заметкой “Стриндберг (и Ибсен)”. Работа над библиографическими заметками связана с начавшейся в 1911 г. волной увлечения творчеством шведского писателя А. Стриндберга (см. коммент. к статьям “От Ибсена к Стриндбергу”, “Памяти Августа Стриндберга”. С. 330, 434 наст. тома).

Материалы “Strindbergian’ы” разделяются на три части. Первая представляет собой набросок синхронистической таблицы, где этапы жизни Стриндберга, от рождения в 1849 до смерти в 1912 г., сопоставляются с отдельными фактами творческой биографии Г. Ибсена и Б. Бьернсона, а также с некоторыми вехами развития духовной жизни Западной Европы. Материалом для этой части служили книги Г. Брандеса “Скандинавская литература” (Киев, 1902. Ч. 1–2) (см. описание помет Блока на полях: *ББО-1*. С. 107–108). Блок систематически ссылается на страницы этой книги, приводит небольшие цитаты или кратко пересказывает отдельные фрагменты. Вторая часть представляет собой библиографические заметки о переводах Стриндберга на русский язык и статьях о нем в русских изданиях. Третья часть является описанием 15-томного русскоязычного Собрания сочинений Стриндберга в издательстве “Современные проблемы” (см. описание помет Блока на полях отдельных томов: *ББО-2*. С. 292–300).

С. 190. *Портрет его отца, матери (т. VIII)*. – Портреты родителей Стриндберга помещены в изд.: *Стриндберг А.* Полное собрание сочинений: В 15 т. М.: Современные проблемы, 1909–1911. В библиотеке Блока сохранились 1–9, 13–15 тома (см.: *ББО-2*. С. 292).

Представл(ение) его первой одноактной пьесы “В Риме”. (Юбилей – 100-летие Торвальдсена)... – Эта и последующие записи восходят к кн.: *Брандес Г.* Скандинавская литература. Киев, 1902. Ч. 2: Шведские и датские писатели. Ср.: «Стриндберг выступил впервые на поэтическое поприще небольшою одноактною пьесой “В Риме”, дававшейся в 1870 г. в день празднования столетнего юбилея Торвальдсена» (С. 135–136). В экземпляре из библиотеки Блока данный фрагмент отчеркнут на полях, название пьесы подчеркнuto в тексте (*ББО-1*. С. 108).

С. 190. *“Изгнанник”* (драма, язык(еская) Исландия)... – Ср.: «Действие происходит в Исландии вскоре после введения в ней христианства; пьеса носит заглавие “Изгнанник” и описывает язычника того времени во всей его упорной, стойкой самоуверенной силе» (Брандес Г. Указ. соч. С. 136). В экземпляре из библиотеки Блока подчеркнуто название пьесы (ББО-1. С. 108).

Мастер Улоф ~ в прозе... – Ср.: «В большой драме “Мастер Олуф” (так! – *Сост.*) от 1872 г., написанной прозой, можно впервые разглядеть настоящее лицо Стриндберга» (Брандес Г. Указ. соч. С. 137). В экземпляре из библиотеки Блока подчеркнуто название пьесы (ББО-1. С. 108).

Бьернс(он) ~ Столпы общества. – Ср.: «В Норвегии Генрих Ибсен уже в тридцатых годах в “Комедии любви” и в “Союзе молодежи” изобразил с сатирической точки зрения своих современников и занялся обработкою современных тем, но он мало-помалу сделался любимцем консерваторов как в своей родине, так и в Швеции, и только в 1877 г. своими “Столпами общества” вступил открыто в ряды оппозиции. Бьернсон с 1875 г. занялся современностью» (Брандес Г. Указ. соч. С. 127). В экземпляре из библиотеки Блока данный фрагмент отчеркнут на полях (ББО-1. С. 108).

Мастер Улоф ~ in quarto. – Ср.: “В 1878 г. появилась последняя ее переработка в стихах в великолепном издании in quarto” (Брандес Г. Указ. соч. С. 137). В экземпляре из библиотеки Блока название пьесы подчеркнуто (ББО-1. С. 108).

Красная комната (“Некот(орое)” антихрист(ианство) ~ уравн(ение) прав. – В записи сконтаминированы два фрагмента работы Брандеса, в которых говорится о романе “Красная комната”: «Только в 1879 г. появилась книга Стриндберга “Красная комната”, которая показала, что Швеция не желает никак примириться с учением о вечности адских мук и с учением о двойственной природе Иисуса» (Брандес Г. Указ. соч. С. 128). “Во многих своих сочинениях он выступал в защиту освобождения женщины, уравнения ее в правах с мужчиною, возможности и необходимости совместной жизни на свободе обоих полов” (Там же. С. 130).

С. 191. *К 70-м годам – “Тайна пира” ~ зависть между художниками...* – Ср.: «Одною из наиболее важных работ этих ранних лет является “Тайна пира”, историческая драма, сюжетом которой служат исключительно личные отношения. Тема заключается в зависти, царящей между художниками, и в борьбе действительного таланта против соперников, не брезгающими никакими средствами для достижения своих целей» (Там же. С. 137). В экземпляре из библиотеки Блока название пьесы подчеркнуто (ББО-1. С. 108).

“Политика” (атеистическая басня в марте, а в декабре он был “дейстом”). – Ср. «В 1886 г., в “Политике” появилась басня, которая, если понимать ее в буквальном значении, должна быть признана атеистическою. Я прочитал эту басню за границею, подумал, что в нее вкралась корректурная ошибка, и написал в редакцию газеты, что в басне, по всей вероятности, пропущено слово *не* или что-нибудь подобное, так как в том виде, в каком она напечатана, басня выражает чисто атеистические взгляды. Мне ответили, что никаких ошибок не произошло: Стриндберг был дейстом в декабре, а теперь, в марте, он атеист» (Брандес Г. Указ. соч. С. 147).

Сближение с Ницше, устроенное Брандесом... – Ср.: “В 1888 произошло сближение между Августом Стриндбергом и Фридрихом Ницше. Это сближение суждено было устроить мне. Газетные отчеты о ряде лекций, которые я прочитал о сочинениях Ницше, привели в сильнейшее волнение Стриндберга, который в то время жил в Копенгагене. (...) Когда я познакомил обоих выдающихся и оригинальных писателей, между ними завязалась переписка” (Там же. С. 148).

С. 192. *В эти годы Гюисманс ~ боли в груди.* – Ср.: “В Париже он сблизился с представителями таинственных наук, изучающими так называемую естественную магию, действие на расстоянии и т.д. Это было то время, когда Гюисманс обвинил открыто маркиза Гуанта в том, что он, живя в Париже, вызывал у Гюисманса боль в груди в Лионе” (Там

же. С. 150). В экземпляре из библиотеки Блока данный фрагмент подчеркнут (ББО-1. С. 108).

С. 192. “В 90-х годах по всему северу прошел водоворот безумия” (Брандес). – Брандес Г. Указ. соч. С. 150.

Появление Сара Пеладана и Розенкрейцера ~ черной магией. – Ср.: «Во Франции засияли имена “магов” Сар Пеладан и Розенкрейцер; Верлен раскаялся в своих грехах и выступил в роли средневекового католика, Гюисманс занялся изучением черной магии» (Там же. С. 151). В экземпляре из библиотеки Блока данный фрагмент отчеркнут, про- тив – знак NB (ББО-1. С. 108).

В Норвегии Арне Гарборг ~ (Сообщение ~ червя). – Ср.: «В Норвегии Арне Гарборг уже давно занимался вертящимися столами, спиритизмом и переселением душ. (...) В журнале “Samtiden” за февраль–март 1893 г. Гарборг привел в восторг читающий мир своими увлекательными сообщениями о черве, который шесть раз являлся на землю в образе человека, последний раз в образе Эллота, индусского миссионера († в 1675 г.), в пятый раз в образе аббата Ворма в городе Ганновере († в 1268 г.), в четвертый раз в образе Иоанна Крестителя, в третий раз как Будда, во второй раз как Конфуций, и в первый как царь Иеремия № 4 династии Иеремия в Египте» (Брандес Г. Указ. соч. С. 152).

Сообщения пастора Янсона. Дневники “Из мира духов”. – Ср.: “В 1894 г. в Христиа- нии избранная публика в переполненном зале слушала не менее интересные сообщения пастора Кристофа Янсона из мира духов и встретила их с живейшим одобрением. Датские читатели (...) были особенно поражены трогательным сообщением об одном русском ев- рее, который в 1865 г. умер в Париже и после своей смерти явился г. Янсону” (Там же. С. 152).

Antibarbarus ~ алх(имия). – Ср.: «Относясь с полным пренебрежением к методу сов- ременной химии, Стриндберг, настроенный все более и более на мистический лад, вернул- ся к средневековой алхимии и написал (по-немецки) книгу “Antibarbarus” (1894), направ- ленную против современных химиков. В ней он сообщил свои предполагаемые открытия. Он называл себя учеником Аристотеля и старался оправдать его воззрения о переходе воды в воздух, что, конечно, не могло не ужаснуть современных ему химиков (...) Будучи убежденным поклонником единства, Стриндберг чувствовал себя неприятно пораженным при виде большого числа основных элементов. И это чувство побуждало его выступать в роли алхимика» (Там же. С. 149).

С. 195. Рецензия М.Р. – Под этим псевдонимом в “Весакх” печатался Юргис Казими- рович Балтрушайтис.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ, ПРИНЯТЫЕ В НАСТОЯЩЕМ ТОМЕ

АРХИВОХРАНИЛИЩА

- ГАРФ* – Государственный архив Российской Федерации (Москва)
ГЛМ – Государственный литературный музей (Москва)
ИМЛИ – Институт мировой литературы РАН. Отдел рукописей (Москва)
ИРЛИ – Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Рукописный отдел (С.-Петербург)
РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства (Москва)
РГБ – Российская государственная библиотека. Отдел рукописей (Москва)
РНБ – Российская национальная библиотека им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Отдел рукописей и редких книг (С.-Петербург)
СПбГМТМИ – Государственный музей театрального и музыкального искусства (С.-Петербург)

РУКОПИСНЫЕ И АВТОРИЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

- ДН₁₋₁₀* – дневники (1901–1921) (*ИРЛИ*)
ЗК₁₋₆₂ – записные книжки (1901–1921). Из 62 сохранилось 47 – *ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. – 321–367. Подробное описание записных книжек см. т. 13–14 наст. издания
МакРИ₂ – макет сборника “Россия и интеллигенция” (П.: Алконост, 1919), составленный Блоком в 1918 г. Вырезки из газеты “Знамя труда”, наклеенные на листы оберточной бумаги с правой рукой Блока (*РГАЛИ*. Ф. 55. Оп. 1. № 83)
⟨План собрания сочинений⟩ – *ЧН* рукой Блока, датированный 25 декабря 1917 г. с позднейшей правкой. Содержит распределение материала по томам, а также подробный план 7–9 томов, названных “Проза”¹ (*ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 373)
РИ₂-Кор1 – корректурные гранки сборника “Россия и интеллигенция” с правкой Блока (*РГАЛИ*. Ф. 55. Оп. 1. № 83)
РИ₂-Кор2 – корректура с правкой Блока. На тит. л. надпись рукой Блока: “Конец января 1919” (*РГАЛИ*. Ф. 55. Оп. 1. № 83)
СлМ – “Список моих работ” (хронологический указатель драматических и прозаических произведений (в том числе пропавших или уничтоженных), составленный Блоком. Содержит сведения о времени написания, первых и последующих публикациях, наличии автографов, отгисков или вырезок из газет и журналов, рукописях в чужих руках. Некоторые названия снабжены краткими автокомментариями. Приложен список музыкальных произведений на слова Блока и список изданий его произведений. Первая датированная запись – “IV 1918”, последняя – “25 мая” 1921 г. (*ИРЛИ*. Ф. 654. Ед. хр. 373)

---

¹ Опубликовано: *ЛН* 27/28. С. 536–538.

ПЕЧАТНЫЕ ИСТОЧНИКИ

- Ап.* – Аполлон. Художественно-литературный журнал. СПб., 1909–1917
- ББО-1-3* – Библиотека А.А. Блока. Описание. Л., 1984, 1985, 1986. Кн. 1–3
- БВ* – Биржевые ведомости. Ежедневная политическая, общественная и литературная газета. 1880–1917
- Бекетова – Бекетова М.А.* Воспоминания об Александре Блоке. М., 1990
- Бекетова I – Бекетова М.А.* Александр Блок: Биографический очерк. Пг.: Алконост, 1922
- Бекетова I₂ – Бекетова М.А.* Александр Блок: Биографический очерк. 2-е изд. Л.: Academia, 1930
- Бекетова II – Бекетова М.А.* Александр Блок и его мать: Воспоминания и заметки. Л., 1925
- Белый, 1-4 – Белый Андрей.* Воспоминания об Александре Блоке // Эпопея. Москва; Берлин: Геликон, 1922. № 1–4
- Белый и Блок* – Андрей Белый и Александр Блок. Переписка: 1903–1919. М., 2001
- Блок и Белый* – Александр Блок и Андрей Белый. Переписка. М., 1940
- БС-1* – Блоковский сборник [1]: Тр. науч. конф., посвящ. изуч. жизни и творчества А.А. Блока. Тарту, 1964
- БС-2* – Блоковский сборник [2]: Тр. Второй науч. конф., посвящ. изуч. жизни и творчества А.А. Блока. Тарту, 1972
- БС-3* – Творчество А.А. Блока и русская культура XX века: Блоковский сборник [3]. Тарту, 1979 (*УЗ ТГУ*. Вып. 479)
- БС-4* – Наследие Блока и актуальные проблемы поэтики: Блоковский сборник [4]. Тарту (*УЗ ТГУ*. Вып. 535)
- БС-5* – Мир А. Блока: Блоковский сборник [5]. Тарту (*УЗ ТГУ*. Вып. 657)
- БС-6* – А. Блок и его окружение: Блоковский сборник [6]. Тарту, 1985 (*УЗ ТГУ*. Вып. 680)
- БС-7* – А. Блок и основные тенденции развития литературы начала XX века: Блоковский сборник [7]. Тарту, 1986 (*УЗ ТГУ*. Вып. 735)
- БС-8* – Ал. Блок и революция 1905 года: Блоковский сборник [8]. Тарту, 1988 (*УЗ ТГУ*. Вып. 813)
- БС-9* – Биография и творчество в русской культуре начала XX века: Блоковский сборник [9]. Тарту, 1989 (*УЗ ТГУ*. Вып. 857)
- БС-10* – А. Блок и русский символизм: Проблемы текста и жанра: Блоковский сборник. 10. Тарту, 1990 (*УЗ ТГУ*. Вып. 881)
- БС-11* – Блоковский сборник. 11. Тарту, 1990 (*УЗ ТГУ*. Вып. 917)
- БС-12* – Блоковский сборник. 12. Тарту, 1993
- БС-13* – Русская культура XX века: Метрополия и диаспора: Блоковский сборник. 13. Тарту, 1996
- БС-14* – К 70-летию З.Г. Минц: Блоковский сборник. 14. Тарту, 1998
- БС-15* – Русский символизм в литературном контексте рубежа XIX–XX вв.: Блоковский сборник. 15. Тарту, 2000
- БС-16* – Александр Блок и русская литература первой половины XX века: Блоковский сборник. Тарту, 2003
- БС-17* – Русский модернизм и литература XX века: Блоковский сборник. Тарту, 2006
- БС ИРЛИ-I* – Александр Блок: Исследования и материалы. Л., 1987
- БС ИРЛИ-II* – Александр Блок: Исследования и материалы. Л., 1991
- БС ИРЛИ-III* – Александр Блок: Исследования и материалы. СПб., 1998
- В* – Весы. М.: Скорпион, 1904–1909 (журнал)
- ВЖ* – Вопросы жизни. СПб., 1905 (журнал)
- Воспоминания, 1-2* – А.А. Блок в воспоминаниях современников / Сост., подг. текста В. Орлова. М., 1980. Т. 1–2
- ЖМНП* – Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1834–1917

- ЗК* – Блок А.А. Записные книжки. 1901–1920 / Подг. текста и примеч. В. Орлова. М., 1965
- ЗМ* – Записки мечтателей. Пг.: Алконост, 1919–1920 (журнал)
- ЗР* – Золотое руно. М., 1906–1909 (журнал)
- ЗТ* – Знамя труда, орган ЦК партии левых социалистов-революционеров. М., 1917–1918 (газета)
- ЛН* – Литературное наследство (сборники)
- Максимов I* – Максимов Д.Е. Поэзия и проза Ал. Блока. Л., 1975
- Максимов II* – Максимов Д.Е. Поэзия и проза Ал. Блока. 2-е изд. Л., 1981
- Милиц-1999* – Милиц З.Г. Поэтика Александра Блока. СПб., 1999
- НВ* – Новое время. Ежедневная газета. СПб., 1868–1917
- НП* – Новый путь. СПб., 1903–1904 (журнал)
- П* – Перевал. М., 1906–1907 (журнал)
- Перцов* – Перцов П.П. Ранний Блок. М.: Костры, 1922
- Письма к родным. I–2* – Письма Александра Блока к родным. М.; Л.: Academia, 1927, 1932. Т. 1–2
- Псл* – Понедельники газеты “Слово”. СПб., 1906 (еженедельное литературное приложение к газете)
- Р* – Речь. Ежедневная газета, орган партии кадетов. СПб., 1906–1917
- РБ* – Русское богатство. Ежемесячный литературный и научный журнал. 1876–1914
- РИ₁* – Блок А. Россия и интеллигенция (1907–1918) / Предисл. авт. М.: Революционный социализм, 1918 (Сборник статей)
- РИ₂* – Блок А. Россия и интеллигенция (1907–1918) / Предисл. авт. 2-е изд. Пб.: Алконост, 1919 (Сборник статей)
- РМ* – Русская мысль. Ежемесячный литературно-политический журнал. М., 1880–1918
- С* – Слово. Ежедневная общественно-литературная газета. СПб., 1903–1906
- СоврМ* – Современный мир. Ежемесячный литературно-общественный журнал. СПб., 1906–1918
- СС-Берлин* – Блок А. Собрание сочинений. Берлин: Алконост, 1923; часть тиража: Берлин: Эпоха, 1923
- СС-12₁₋₁₂* – Блок А. Собрание сочинений: В 12 т. Л.: Изд. писателей в Ленинграде, 1932–1936
- СС-2* – Блок А. Сочинения: В 2 т. М.: Гослитиздат, 1955
- СС-8₁₋₈* – Блок А. Собрание сочинений: В 8 т. М.; Л., 1960–1963
- Тезисы* – Тезисы Всесоюзной (Ш) конференции “Творчество А.А. Блока и русская культура XX века”. Тарту, 1975
- УЗ ТГУ* – Ученые записки Тартуского государственного университета

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Фронтиспис

А. Блок. Фотография Д. Здобнова

По тексту

Титульный лист книги Н.М. Минского	37
“Заметка о Толстом”. 1908 г.	54
Групповой шарж. Ф. Сологуб, В.Я. Брюсов, Вяч. Иванов, К.Д. Бальмонт, М.А. Кузмин, А.М. Ремизов, Л.Н. Андреев, А.А. Блок, А.И. Куприн, С.М. Городецкий, М.П. Арцыбашев. 1909 г.	125

Альбом

А. Блок. Фотография. 1916 г.

Эллис. Фотография. Начало 1900-х годов

Вяч. Иванов. Портрет работы К.А. Сомова. 1906 г.

А. Блок. Портрет работы А.И. Колобова (?). 1910-е годы

Г. Ибсен. Фотография

А. Стриндберг. Фотография

В.Ф. Коммиссаржевская. Фотография

Похороны М.А. Врубеля. Фотография

Ф. Сологуб и А.Н. Чеботаревская. Фотография

А.М. Ремизов, Ф. Сологуб, А.А. Блок, Г.И. Чулков. Фотография

Вл. Соловьев. Фотография

Д.С. Мережковский. Фотография

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН И НАЗВАНИЙ К VII И VIII ТОМАМ*

- А. Б. – см. Богданович Ангел Иванович
- А.В., рецензент газеты “Новая Русь” – VIII: 342, 346
“В религиозно-философском обществе” – VIII: 342, 346
- А. О-въ (псевдоним; см. Осипов Андрей Андреевич)
«Александринский театр: “Вторая молодость” П.М. Невежина», ст. – VIII: 313
- Абрамов Иван Спиридонович (1874–1960), этнограф, фольклорист, публицист – VII: 129, 130, 340
“В культурном скиту (среди неплюевцев)” (1903), кн. – VII: 129, 130
- Абрамович Владимир Яковлевич (1877–1937), прозаик, поэт (псевдоним: Вл. Ленский) – VII: 123, 336
“В тишине весенних вечеров”, стих. – VII: 336
“Май”, стих. – VII: 336
“Осенняя вода”, стих. – VII: 336
“Утренние звоны. Стихи” (1907), сб. стих. – VII: 123, 336
- Абрамович Николай Яковлевич (1881–1922), критик – VII: 331, 333, 394
“Лекция Минского” (напечатана под псевдонимом Аратов), ст. – VII: 394
Рец. на сб. А. Блока “Нечаянная радость” – VII: 331
- Аброскина Ирина Ивановна, архивист, историк литературы – VII: 340
- Аверин Борис Валентинович, историк литературы – VIII: 450
“Блок и Т. Карлейль” (в соавт. с Н.А. Дождиковой), ст. – VIII: 450
- Аверинцев Сергей Сергеевич (1937–2004), филолог, философ – VII: 253; VIII: 466
“Образ античности в западноевропейской культуре XX века. Некоторые замечания”, ст. – VIII: 466
“Системность символов в поэзии Вячеслава Иванова”, ст. – VII: 253
- Аверченко Аркадий Тимофеевич (1881–1925), рус. писатель-сатирик – VIII: 368
- Агапов И., журналист – VIII: 362
“Небывалый процесс”, ст. (1908) – VIII: 362
- Агтеев Константин Маркович (1868–1921), протоиерей, магистр богословия, член совета Религиозно-философского общества в Петербурге – VII: 323; VIII: 342
- Агтеенко (Агиенко Александр Федорович? (1889–?)), участник сборника “Взмахи. Орган молодых” (см.) – VIII: 175
- Адрианов Сергей Александрович (1871–1941), профессор Петербургского ун-та, литературный критик, сотрудник журнала “Вестник Европы”, участник религиозно-философских собраний – VIII: 296, 409, 444
“Критические наброски” – VIII: 296, 409
- Азадовский Константин Маркович, историк литературы – VII: 321, 327; VIII: 370, 410, 422, 450, 453–454, 473
“Блок и А.М. Добролюбов”, ст. – VII: 321
“Блок и П.И. Карпов”, ст. – VIII: 422, 450, 453–454, 473

---

* Указатель включает в себя материалы не только VIII, но и VII тома, чтобы исправить допущенные в нем досадные ошибки и неточности.

- “Письма Н. Клюева к Блоку”, ст. – VII: 327, 370, 410–411
 “Путь Александра Добролюбова”, ст. – VII: 321
- Азов Владимир (наст. имя Ашкеназидзе Владимир Александрович, 1873–1948), критик – VIII: 396
 “Телеграф принес нелепое известие”, заметка – VIII: 396
- Айзман Давид Яковлевич (1869–1922), прозаик, драматург – VII: 51, 289, 332, 361
 “Ледоход”, рассказ – VII: 361
 “Сердце бытия”, рассказ – VII: 289
- Айхенвальд Юлий Исаевич (1872–1928), историк литературы, критик – VII: 108, 116, 320, 330, 331, 333
 “Силуэты русских писателей”, сб. статей – VII: 116, 320, 330
- Аккерман Федор Николаевич, поэт – VIII: 168, 170, 458, 460
 “Ниночка”, стих. – VIII: 460
 “Первая книга стихов” (1908) – VIII: 168, 170, 458, 460
- Аксаков Иван Сергеевич (1823–1886), публицист, поэт, журналист-издатель, обществ. деятель, идеолог славянофильства – VIII: 384
- Аксаков Константин Сергеевич (1817–1860), публицист, критик, поэт; лингвист, историк, идеолог славянофильства – VII: 115; VIII: 74, 79, 354, 359–360, 384
 “Возврат”, стих. – VIII: 359
 “Пора домой”, ст. – VIII: 359
- Александр II Николаевич (1818–1881), российский император с 1855, убит народовольцами – VII: 264, 371, 377; VIII: 324, 367
- Александр III Александрович (1845–1894), российский император с 1881 – VIII: 53, 323–324
 “Александр Блок в портретах, иллюстрациях и документах” (1972), кн. – VIII: 324
- Александр Македонский (356–323 до н.э.), царь Македонии, др.-греч. полководец – VII: 42
- Алкей (конец VII–1-я пол. VI в.), др.-греч. поэт-лирик – VII: 14, 258
- Аллой Владимир Ефимович (1954–2001), издатель, историк, журналист – VII: 427
- Альтшуллер Марк Григорьевич, историк литературы – см. Григорьев М.Г.
- Алянский Самуил Миронович (1891–1974), книгоиздатель, владелец издательства “Алконост” – VII: 236; VIII: 291
- Амфитеатров Александр Валентинович (1862–1938), писатель, поэт, публицист – VII: 280, 282; VIII: 314, 324
 “Минуты”, ст. – VIII: 314
 “Победоносцев как человек и общественный деятель. Победоносцев и православная церковь” (совм. с Е.В. Аничковым) (1907), кн. – VIII: 324
 “Святые отцы революции” (1906), кн. – VII: 280, 282
- Анакреонт (Анакреон) (ок. 570–478 до н.э.), др.-греч. поэт – VII: 233
- Анаксагор из Клазомен в Малой Азии (ок. 500–428 до н.э.), др.-греч. философ – VII: 131, 342
- Андерсон Владимир Максимилианович (1880–1931), историк, библиограф – VII: 41, 280, 281
 “Борцы освободительного движения. М.А. Бакунин” (1906), кн. – VII: 41, 280–282
- Андерсен Ганс Христиан (1805–1875), датский писатель-сказочник – VIII: 119, 398–399
 “Снежная Королева”, сказка (1844) – VIII: 242, 398–399
- Анджелико (Фра Джованни да Фьезоле, прозванный Беато Анджелико) (1387–1455), итал. живописец – VIII: 131, 410, 421
- Андреев В., арфист – VIII: 328
- Андреев Леонид Николаевич (1871–1919), прозаик, драматург, публицист (псевдоним Д. Линч) – VII: 22, 23, 45, 48, 49, 53–55, 59, 88, 90, 96–100, 107, 108, 114, 117, 119, 121, 146–149, 221, 238, 241, 262, 267, 283–286, 288–291, 310–313, 315, 320, 331–333, 335, 361, 390–391, 392; VIII: 22, 36, 83, 85, 87, 89, 99, 101, 113, 125, 136, 152, 225, 309, 313, 333, 340, 356–357, 358, 361–362, 367, 392–394, 424, 427, 442–443, 457

- “Анатэма”, драма – VIII: 392, 394
 “Ангелочек”, рассказ – VII: 22, 23, 267, 391
 “Анфиса”, драма – VIII: 393
 “Бездна”, рассказ – VII: 54
 “Большой шлем”, рассказ – VII: 262
 “Вор”, рассказ – VII: 121, 147, 148
 “Губернатор”, рассказ – VII: 121
 “Елеазар”, рассказ – VII: 117
 “Жизнь Человека”, драма – VII: 47, 48, 88, 96–101, 105, 107, 119, 121, 288, 291, 311–313, 315, 320, 333; VIII: 29, 36, 89, 152, 225, 313, 367, 442
 “Иуда Искариот и другие”, повесть – VII: 45–48, 107, 283, 288, 319, 320
 “К звездам”, драма – VII: 96
 “Красный смех”, повесть – VII: 96; VIII: 367
 “Памяти Владимира Мазурина”, некролог – VII: 332
 “Призраки”, рассказ – VIII: 22
 “Под впечатлением художественного театра” (Джемс Линч (псевдоним), Сергей Гла-
 голь) – VII: 99, 313
 “Рассказ о семи повешенных”, повесть – VIII: 83, 340, 361
 “Рассказы. Т. 1–4”. (1902–1907), собр. соч. – VII: 267
 “Рассказы и пьесы” (1907), сб. – VII: 335
 “Савва”, драма – VII: 96
 “Так было”, рассказ – VII: 121
 “Тьма”, повесть – VII: 119, 333; VIII: 356–357
 “Царь-Голод”, драма – VIII: 23, 89, 225, 309, 367
 “Черные маски”, драма – VIII: 89, 225, 367
- Андреева-Дельмас Л.А. – см. Дельмас Любовь Александровна
 Андреевский Сергей Аркадьевич (1847–1918), поэт, литературный критик, адвокат – VII:
 364; VIII: 316
 “Вырождение рифмы: (Заметки о современной поэзии)”, ст. (1901) – VII: 364; VIII:
 316
 “Литературные очерки” (1902), книга – VIII: 316
- Аничков Евгений Васильевич (1866–1937), историк литературы, фольклорист, критик –
 VII: 67, 115, 116, 284, 330, 333, 354; VIII: 19, 290, 309, 311, 315, 324, 397, 427
 “Историческая поэтика Веселовского”, ст. – VII: 371
 “История русской литературы” (1908), кн. – VII: 67, 116, 330
 “Литературные образы и мнения” (1904), кн. – VII: 354
 “Традиция и стилизация”, ст. – VIII: 309, 311, 315
- Анна (леди Анна) – см. Мильбэнк Анабелла
 Анненкова-Бернар (рожд. Анна Павловна Бернард) Нина Павловна (1864–1927), драма-
 тург, актриса – VII: 252
 “Дочь народа” (1903), кн. – VII: 252
- Анненский Иннокентий Федорович (1855–1909), поэт, критик, драматург, переводчик, пе-
 дагог (псевдоним Ник. Т-о) – VII: 108, 115, 191–192, 241, 242, 320, 329, 364, 367, 391,
 412–413, 415, 418; VIII: 343, 465
 “Бесконечность”, стих. – VII: 413
 “В дороге”, стих. – VII: 192
 “Далеко... далеко...”, стих. – VII: 192
 “Двойник”, стих. – VII: 192
 “Июль”, стих. – VII: 192
 “Кипарисовый ларец” (1910), сб. стих. – VII: 242
 “Книги отражений” (1906), сб. статей – VII: 320, 364
 “Листы”, стих. – VII: 192

- “Меланиппа-философ”, трагедия – VII: 412
 “О современном лиризме”, ст. – VII: 367
 “Опять в дороге”, стих. – VII: 192
 “Под зеленым абажуром”, стих. – VII: 192
 “С четырех сторон чаши”, стих. – VII: 192
 “Сентябрь”, стих. – VII: 192
 “Там”, стих. – VII: 413
 “Тихие песни” (1904), сб. стих. – VII: 191, 391, 412
 “У гроба”, стих. – VII: 192
 “Царь Иксион”, трагедия – VII: 412
- Анненский Николай Федорович (1843–1912), публицист, экономист, обществ. деятель – VIII: 343
- д’Аннунцио Габриеле (1863–1938), итал. поэт, прозаик, драматург, полит. деятель – VII: 83; VIII: 68, 202
- Ан-ский Семен Акимович (псевдоним; наст. имя Шлойме Зейнвил Раппопорт) (1863–1920) – прозаик, драматург, публицист, обществ. деятель – VII: 332
- Антон Крайний – см. Гипшиус З.Н.
- Антоний (Михаил Флоренсов), епископ (1847–1918), с 1898 проживал на покое в Донском монастыре, духовный наставник о. Павла Флоренского и молодого Андрея Белого – VII: 405
- Антоний Великий, св. (ок. 250–356), основатель христианского монашества, отшельник в Египте – VII: 36
- Антоний Марк (ок. 83–30 до н.э.), римск. гос. деятель, полководец – VIII: 420
- Антонович Максим Алексеевич (1835–1918), критик, публицист, философ – VIII: 84, 363
 “Лжереалисты”, ст. – VIII: 363
 “Прوماхи”, ст. – VIII: 363
- Апокалипсис – см. Откровение св. Иоанна Богослова
- Аполлинер Гийом (псевдоним; наст. имя Вильгельм Альберт Владимир Александр Аполлинарий Вонж-Костровицкий) (1880–1916), фр. поэт и художественный критик, прозаик – VII: 366
- “Аполлон”, иллюстрированный ежемесячный журнал по вопросам изобразительного искусства, музыки, театра и литературы (СПб., 1909–1917); редактор – С.К. Маковский – VII: 239; VIII: 286, 292, 361, 396–397, 403, 406–408, 410, 424, 435
- Апулей Люций, 385 (ок. 125 – ок. 180 н.э.), др.-римск. писатель – VII: 167–168, 383, 384, 386
 “Амур и Психея”, сказка – VII: 167, 168, 383
 “Метаморфозы”, роман – VII: 127, 167, 168
- Апухтин Алексей Николаевич (1840–1893), поэт, прозаик – VII: 159–160, 368; VIII: 328, 459
 “Астрал”, стих. – VII: 368
 “Дорожная дума”, стих. – VII: 368
 “Ночи безумные, ночи бессонные”, стих. (1876) – VIII: 459
- Арбатов (наст. фам. Архипов) Николай Николаевич (1869–1926), режиссер – VIII: 313
- Арбенин (наст. фам. Гильдебрандт) Николай Федорович (1863–1906), актер и переводчик – VIII: 59
- Ардов Т. (наст. имя Гардов Владимир Геннадьевич) (1879–1938), дипломат, специалист по иранистике, журналист, поэт, переводчик; после 1917 преподаватель Ин-та востоковедения; расстрелян по ложному обвинению в шпионаже, посмертно реабилитирован – VII: 122, 333, 335; VIII: 313
 “Вечерний свет” (1907), сб. стих. – VII: 122, 335
 “Жизнь Человека, или Двадцать две неприятности”, фельетон – VIII: 313
- Аренский Антон Степанович (1861–1906), рус. композитор, пианист, дирижер – VII: 362
- Аристотель (384–322 до н. э.), др.-греч. философ – VIII: 192, 476

- Аркадьев Андрей Иванович (1867–1923), актер театра В.Ф. Коммиссаржевской – VII: 275, 313
- Арне Гарборг (1851–1924), норв. писатель – VIII: 476
- Арнольд Владимир Максимилианович, журналист, художник – VII: 333
- Аронсон Наум Львович (1872–1943), скульптор – VII: 135
 “Étude d’enfant” (“Этюд ребенка”), скульптура – VII: 135
 “Sagesse” (“Мудрость”), скульптура – VII: 135
- “Артист”, театральный музыкальный и художественный журнал (1889–1895) – VIII: 59
- Архангельский Александр Семенович (1854–1926), историк русской литературы, профессор – VII: 162, 376
- Архангельский Александр Андреевич (1846–1924), хоровой дирижер и композитор – VII: 275
- Архипов Игорь Леонидович, историк – VIII: 369
 “Кривое зеркало Российского парламентаризма”, ст. – VIII: 369
- Арцыбашев Михаил Петрович (1878–1927), прозаик, драматург – VII: 52–54, 57, 58, 121, 290, 291, 331, 332, 335; VIII: 82, 125, 361
 “Кровавое пятно”, рассказ – VII: 52, 290
 “Рассказы”, сб. – VII: 52, 290
 “Санин”, роман – VII: 55, 121, 291, 335; VIII: 82
 “Смерть Ланде”, повесть – VII: 54, 55, 290
 “Тени утра”, рассказ – VII: 53–55
 “Человеческая жизнь”, рассказ – VII: 53–55
- Асафьев Борис Владимирович (1884–1949), музыковед, композитор – VII: 362
- Аскольдов Сергей Алексеевич (наст. фам. Алексеев) (1871–1945), философ, критик – VII: 244, 323, 325, 327
 “О старом новом религиозном сознании”, ст. – VII: 325
- Аскочский Виктор Ипатьевич (наст. фам. Оскошный, затем Отскоченский) (1813–1879), прозаик, журналист, историк – VII: 186, 406
- Астров Павел Иванович (1866–1919), юрист, публицист, член Московского окружного суда – VII: 404
 “О Г.С. Петрове”, доклад – VII: 404
 “О Дарвине”, доклад – VII: 404
- Ауслендер Сергей Абрамович (1886 или 1888–1937) – писатель, драматург, литературный и театральный критик – VIII: 328, 396, 414
 “Из Петербурга”, заметка – VIII: 328
- Афанасьев Александр Николаевич (1826–1871), фольклорист, историк, литературовед – VII: 161, 374; VIII: 413
 “Поэтические воззрения славян на природу” (т. 1–3. 1866–1869), кн. – VII: 374; VIII: 413
- Ахрамович (Ашмарин) Витольд Францевич (1882–1930), литератор, секретарь издательства “Мусагет” – VIII: 435
- Аш Шолом (1880–1957), еврейский прозаик, драматург – VII: 92, 310
 “Времена Мессии (на пути в Сион)”, пьеса (1907) – VII: 92, 310
- Ашешов Николай Петрович (псевдоним Ожегов Ал.) (1866–1923), журналист. – VII: 355, 363
 «Рец. на кн. В.Я. Брюсова “Urbi et Orbi”» – VII: 355
 «Рец. на кн.: Бальмонт К.Д. “Собрание стихотворений”» – VII: 363
- Ашукин Николай Сергеевич (1890–1972), историк литературы, критик, поэт – VIII: 464
 “Письма Александра Блока к П.С. Сухотину” – VIII: 464
- Бабенчиков Михаил Васильевич (1890–1957), литературный и художественный критик, литератор – VII: 278
 “Отважная красота”, мемуарный очерк – VII: 278

- Базаров В. (Владимир Александрович Руднев) (1874–1931), философ, критик – VIII: 99, 295, 338, 349, 371, 385
 “Богоискательство и богостроительство”, ст. – VIII: 295, 349
 “Христиане Третьего Завета и строители Башни Вавилонской”, ст. – VIII: 385
- Байрон Джордж Ноэл Гордон (1788–1824), англ. поэт – VII: 115, 145, 329; VIII: 13, 49, 115, 307, 385
 “Каин”, драматическая поэма – VIII: 49
 “Марино Фалиеро, дож Венеции”, трагедия (1821) – VIII: 13
 “Сочинения” (Т. 1–3. 1904–1905) – VII: 329; VIII: 307
- Бакст (наст. фам. Розенберг) Лев Самуилович (1866–1924), живописец, график, театральный художник; член художественной группы “Мир искусства” – VII: 119, 298; VIII: 304, 399
 “Будущая живопись и ее отношение к античному искусству”, лекция – VIII: 304
- Бакулин В. – псевдоним В.Я. Брюсова (см.)
- Бакунин Михаил Александрович (1814–1876), революционер, философ, публицист – VII: 40–42, 243, 276–283
 “Бог и государство” (1906), кн. – VII: 280
 “Государственность и анархия” (1871–1873), трактат – VII: 281
 “Народное дело. Романов, Пугачев или Пестель”, ст. – VII: 278
 “Письма к А.И.Герцену и Н.П. Огареву” – VII: 280
 “Реакция в Германии”, ст. – VII: 283
- Бакунин Павел Александрович (1820–1900), публицист, философ, брат М.А. Бакунина, розенкрейцер – VII: 283
- Бакхилид (Вакхилид) из Кеоса (V в. до н.э.), греч. лирический поэт – VII: 138, 352, 412
- Балицкий Григорий Васильевич (1880–1938), соц.-демократ, автор брошюр о рабочем движении – VII: 329
- Балтрушайтис Юргис Казимирович (1873–1944), рус. и литов. поэт, переводчик, дипломат – VII: 329, 350, 353; VIII: 476
- Бальмонт Константин Дмитриевич (1867–1942), поэт, критик, эссеист, переводчик – VII: 64–67, 79, 107, 109, 115, 118, 122, 123, 131–133, 135, 136, 149–153, 156, 160, 169, 170, 188, 189, 191, 201, 203, 239, 285, 297–300, 310, 319–321, 323, 329, 332, 333, 335, 341–350, 353, 355, 361–365, 368, 384–388, 391, 408, 409, 411, 413, 420, 424, 429; VIII: 68, 104–106, 125, 133, 134, 170, 202, 224, 300, 337, 369, 388, 416, 420, 423–424
 “Аромат солнца”, стих. – VII: 364–365
 “Безвременье”, стих. – VII: 387
 “Бездомные”, стих. – VII: 364
 “Боль”, стих. – VII: 344
 “Будем как солнце” (1903), сб. стих. – VII: 65, 66, 109, 131–133, 149–153, 249, 299, 300, 310, 321, 341, 342, 362, 363, 368; VIII: 337, 388
 “В безбрежности” (1895), сб. стих. – VII: 149, 151, 299, 363, 364
 “Ванда”, стих. – VII: 301
 “Вольга”, стих. – VII: 300
 “Все равно мне, человек плох или хорош”, стих. – VII: 343
 “Гений открытия. Эдгар По”, ст. – VII: 349
 “Горные вершины” (1904), сб. статей – VII: 135, 249, 297, 347–350, 362, 408, 420; VIII: 299, 388
 “Горящие здания. Лирика современной души” (1900), сб. стих. – VII: 149, 151, 153, 299, 342, 364, 365, 420; VIII: 105
 “Греза”, стих. – VII: 387
 “Далеким близким”, стих. – VII: 343
 “Две реки”, стих. – VII: 300
 “Двойная жизнь”, стих. – VII: 343
 “Египет”, стих. – VIII: 369

- “Жар-птица: Свирель славянина” (1900), сб. стих. (1907) – VII: 64–66, 299, 301, 321; VIII: 104, 325, 388
- “Жизни податель, светлый создатель”, стих. – VII: 412
- “Заговор на зеленую дуброву”, стих. – VII: 301
- “Заговор матери”, стих. – VII: 301
- “Звезда пустыни” – VII: 363
- “Зеленый вертоград. Слова поцелуйные” (1909), сб. стих. – VIII: 105, 389
- “Злые чары. Книга заклятий” (1906), сб. стих. – VII: 65, 300; VIII: 104, 388
- “Зовы древности” (1908), сб. стих. – VIII: 105, 369, 389
- “Из записной книжки 1904 г.” – VII: 150, 364
- “Из записной книжки 1899 г.” – VII: 365
- “Испанский цветок”, стих. – VII: 342
- “Испанские народные песни”, ст. – VII: 350
- “К Елене”, стих. – VII: 387
- “Кинжальные слова”, стих. – VII: 299, 364
- “Крик часового”, стих. (1899) – VII: 153, 364
- “Лемуры. Правдивая сказочка” – VII: 386
- “Лен”, стих. – VIII: 389
- “Литургия красоты. Стихийные гимны” (1905), сб. стих. – VII: 65, 150, 169, 170, 250, 300, 362–363, 368, 385–387, 393; VIII: 388
- “Малые зерна. Мысли и ощущения”, заметки – VIII: 424
- “Мировое причастие”, стих. – VII: 387
- “Млечный путь”, стих. – VII: 365
- “Морская душа”, стих. – VII: 364
- “Морское свечение” – VIII: 424
- “На разных языках”, стих. – VII: 343
- “Над болотом”, стих. – VII: 344
- “Начистоту”, стих. – VII: 300
- “О русских поэтах”, ст. – VII: 135, 348
- «О “Цветах зла»», ст. – VII: 349
- “Огонь приходит с высоты...”, стих. – VII: 368
- “Осень”, стих. – VII: 387
- “Отречение”, стих. – VII: 346
- “Отсветы зарева”, цикл стих. – VII: 153, 364
- “Певец личности и жизни”, ст. – VII: 320
- “Первая любовь”, стих. – VII: 364
- “Песни мстителя” (1907), сб. стих. – VII: 300
- “Под северным небом. Элегии, стансы, сонеты” (1894), сб. стих. – VII: 149, 299, 361, 363
- “Полное собрание стихов”, (1909) – VIII: 389
- “Поэзия стихий”, ст. – VII: 362, 363
- “Поэзия Оскара Уайльда”, ст. – VII: 350
- “Поэзия ужаса”, ст. – VII: 348
- «Поэт “Пана»», ст. – VII: 350
- “Призрак меж людей. Шелли”, ст. – VII: 136, 348, 349
- “Проклятие человекам”, стих. – VII: 386
- “Прости”, стих. – VII: 364
- “Птицы в воздухе. Строки напевные” (1908), сб. стих. – VIII: 105, 389
- “Рдяные звезды. Мысли и ощущения”, заметки – VIII: 424
- “Русалки”, стих. – VII: 364
- “Саламандра”, стих. – VII: 301
- “Самоутверждение”, стих. – VII: 170, 386
- “Сборник стихотворений”, 1890 – VII: 361

- “Световит”, стих. – VII: 301
 “Смерть Дмитрия Красного”, стих. – VII: 365
 “Собрание стихотворений”, 1904–1909 – VII: 149, 249, 250, 362–364; VIII: 388
 “Соловей Будимирович”, стих. – VII: 301
 “Стихии”, стих. – VII: 160
 “Стихотворения” (1906), сб. – VII: 300, 363
 “Тип Дон-Жуана в русской литературе”, ст. – VII: 348
 “Тишина. Лирические поэмы” (1898), сб. стих. – VII: 149, 151–153, 299, 361, 363, 364; VIII: 300
 “Только любовь. Семицветник” (1903), сб. стих. – VII: 65, 131, 133, 150, 153, 300, 341–344, 362, 363; VIII: 337, 388
 “Трубадур”, стих. – VII: 152, 364
 “Уходит светлый май. Мой небосклон темнеет...”, стих. – VII: 363
 “Фейные сказки. Детские песенки” (1905), сб. стих. – VII: 191, 408, 411; VIII: 388
 “Фея”, отдел сб. “Фейные сказки” – VII: 413
 “Хочу”, стих. – VII: 122, 335
 “Художник-дьявол”, поэма – VII: 409, 424
 “Цветок”, стих. – VII: 151
 “Целебная криница”, стих. – VII: 67, 301
 “Челн томленья”, стих. – VII: 363
 “Человечки”, стих. – VII: 386
 “Что слышно в горах?”, стих. – VII: 364
 “Чувство личности в поэзии”, ст. – VII: 136, 297, 349
 “Элементарные слова о символической поэзии”, ст. – VII: 135, 348
 “Эльзи”, стих. – VII: 152
 “Я в этот мир пришел, чтоб видеть солнце”, стих. – VII: 299
 “Я не знаю мудрости, годной для других”, стих. – VII: 343, 386
 “*Rex hominibus bonae voluntatis*”, стих. – VII: 387
 Бальмонт Нина Константиновна (в замуж. Бруни) (1901–1989), дочь К.Д. Бальмонта – VII: 412
 Банг Герман Иоахим (1858–1912), датский прозаик, критик, театральный деятель (у Блока: Банк Г.) – VII: 117, 332
 “Ее высочество”, рассказ – VII: 332
 “Предисловие” – VII: 332
 “Четыре беса”, рассказ – VII: 332
 Баран Хенрик, американский славист – VIII: 323–324
 “Некоторые реминисценции у Блока: вампиризм и его источники”, ст. – VIII: 323–324
 “Поэтика русской литературы начала XX века” (1993), кн. – VIII: 323
 Баранов, член попечительства о бедных, член “человеколюбивого общества”, проходил по делу о “кошкодавах” – VIII: 362
 Баранцевич Казимир Станиславович (1851 – 1927), прозаик – VII: 333
 Баратынский (Боратынский) Евгений Абрамович (1800–1844), поэт – VII: 190, 308, 410, 412; VIII: 334
 “Надпись”, стих – VII: 308
 Бари Адольф Эдуардович (1870–1937), врач, директор петербургской лечебницы для душевнобольных – VIII: 399
 Баронов Герман Андреевич (1883–1941?), внук декабриста барона В.И. Штенгеля; филолог, публицист – VIII: 70–72, 74, 78, 204, 205, 207, 212, 215–217, 219, 339–342, 345–346, 351–352
 «О демотеизме (Обожествление народа в “Исповеди” Максима Горького)», доклад (1908) – VIII: 70, 340–341

- Барский Л., поэт – VIII: 168, 170, 458, 460
 “Завязь” (совм. с П. Лучанским), сб. стих. (1908) – VIII: 168, 170, 458, 460
- Барсков Яков Лазаревич (1863–1937), историк – VII: 415
 “Список трудов акад. А.Н. Пышина. 1853–1903” – VII: 415
- Барсуков Николай Платонович (1838–1906), историк, археограф, библиограф – VIII: 354, 359–360
 “Жизнь и труды М.П. Погодина” (1888–1910), изд. в 22-х кн. – VIII: 354, 359–360
- Бархин Константин Борисович (1876–1938), филолог, языковед – VII: 289, 332
- Бать А., одесский поэт – VII: 322
- Батюшков Павел Николаевич (1864 – ок. 1930), теософ, научный сотрудник библиотеки Румянцевского музея, востоковед – VII: 354, 405, 457
- Батюшков Федор Дмитриевич (1857–1920), литературный и театральный критик, историк литературы, журналист, общественный деятель – VII: 160, 312, 357, 364, 370, 372; VIII: 427–428
 «“Жизнь Человека” Леонида Андреева», ст. – VII: 312
 “Новые побеги русской поэзии”, ст. – VII: 364
 «Рец. на кн. В.Я. Брюсова “Urbi et Orbi”» – VII: 357
- Башкин Василий Васильевич (1880–1909), поэт, прозаик – VII: 80, 305
 “Стихотворения. Гражданские мотивы: Лирика” (1907), сб. стих. – VII: 80, 305
- Беато, см. Анджелико – VIII: 131, 410, 421
- Беатриче (1266–1290), дочь флорентийского купца Портинари, героиня поэзии Данте Алигьери – VIII: 69, 87, 88, 223, 224
- Бедекер Карл (1801–1859), немецкий издатель; основатель фирмы, издающей путеводители по различным городам и странам – VIII: 123, 406, 409, 412
- Беднякова Татьяна Николаевна, историк литературы – VIII: 379
- Беззубов Валерий Иванович (1929–2004), историк литературы – VII: 288, 312; VIII: 357, 395
 “Александр Блок и Леонид Андреев”, ст. – VII: 288, 312
 “Блок – участник студенческого сборника (совм. с Исаковым С.Г.)”, ст. – VIII: 395
 “Леонид Андреев и традиции русского реализма” – VIII: 357
- Безобразова Елизавета Павловна (ум. 1917), племянница Вл.С. Соловьева – VIII: 430
- Безобразова Мария Сергеевна (1863–1919), сестра Вл.С. Соловьева – VIII: 353, 430
 “Воспоминания о брате Владимире Соловьеве”, мемуарный очерк – VIII: 353
- Безродный Михаил Владимирович, историк литературы – VII: 265, 268
 «Серпантини – кто она? (Из комментария к драме “Незнакомка”)», ст. – VII: 265, 268
- Бейлис Менахим Мендель (1874–1934), приказчик кирпичного завода в Киеве, в 1911 г. был ложно обвинен в ритуальном убийстве русского мальчика Андрея Ющинского – VII: 249; VIII: 160, 453
- Бейнинген Ф.К. ван, петербургский отставной полковник, проповедник, литератор – VII: 127, 238
 “Близость второго пришествия Спасителя”, брошюра (1903) – VII: 127, 238
- Бекетова Елизавета Григорьевна (1836–1902), переводчица, бабушка А.А. Блока – VIII: 470
- Бекетова-Краснова Екатерина Андреевна (1855–1892), сестра матери поэта, писательница, переводчица – VII: 370
- Бекетова Мария Андреевна (1862–1938), литератор, переводчица; тетка и биограф А.А. Блока – VII: 337, 345, 365, 369; VIII: 292, 312, 330–331, 346–347, 416, 426, 470
 “Александр Блок. Биографический очерк” (1930), кн. – VII: 337; VIII: 347
 “Воспоминания об Александре Блоке” (1990), кн. – VII: 365, 369; VIII: 312
 “Шахматово. Семейная хроника”, мемуарный очерк – VIII: 470
- Бекетова Софья Андреевна – см. Кублицкая-Пиоттух Софья Андреевна
- Бекетовы, родственники Блока по материнской линии – VII: 369
- Беклемишев Владимир Александрович (1861–1920), скульптор – VIII: 399

- Беклемишева (в замуж. Копельман) Вера Евгеньевна (1881 – 1944), жена совладельца и главного редактора издательства “Шиповник” С.Ю. Копельмана – VIII: 346, 372–373
- Бёклин Арнольд (1827–1901), швейцарский живописец, представитель стиля “модерн” – VII: 16, 260–261; VIII: 310
- “Игры в воде”, картина – VIII: 310
- “Игры наяд”, картина – VIII: 310
- “Кентавр и нимфа”, картина – VIII: 310
- “Кентавр в кузнеце”, картина – VIII: 310
- “Кентавр у кузнеца”, картина – VIII: 310
- “Лесная тишина”, картина – VII: 16, 260
- “Наяда”, картина – VIII: 310
- “Несс и Деямира”, картина – VIII: 310
- Белецкий Степан Петрович (1873–1918), тайный советник, сенатор, директор департамента полиции; участвовал в подготовке убийства Г.Е. Распутина – VIII: 453
- Белинский Виссарион Григорьевич (1811–1848), критик, публицист – VII: 43, 115, 264, 280, 283, 329, 365; VIII: 53, 75, 79, 81, 212, 220, 333, 351, 355–356, 358–359, 363
- “Литературные мечтания”, ст. – VIII: 363
- “Письмо к Гоголю”, ст. – VIII: 356
- “Статьи о русской народной поэзии. Статья IV-я и последняя” – VII: 365
- “Сочинения Александра Пушкина. Статья пятая” – VIII: 333
- Беллини Джованни (ок. 1430–1516), итал. живописец – VIII: 122, 131, 245, 247, 402, 410, 421
- “Madonna col bambino e santi”, картина – VIII: 421
- Белоконовский Иван Петрович (1855–1931), публицист, земский статистик – VII: 240
- “Белые ночи”, альманах (1907) – VII: 117, 269, 333; VIII: 314
- Белый Андрей (наст. имя Бугаев Борис Николаевич) (1880–1934), прозаик, поэт, критик, литературовед, мемуарист – VII: 24, 25, 48, 63, 64, 80, 104, 109, 113, 119, 128, 130, 141, 150, 183, 185, 186, 201, 202, 240, 241, 243–245, 247, 251–252, 255, 259–261, 263–266, 268, 272, 273, 280, 283–286, 288, 289, 292–296, 298, 299, 307, 310–312, 318–320, 322, 325–327, 332, 334, 338–343, 347, 348, 351, 353, 355, 356, 359, 361, 362, 367, 369, 385, 386, 395–401, 403–407, 411, 412, 420, 423, 424, 427–429; VIII: 7, 19, 51, 52, 98, 130, 161, 165–167, 177, 276, 277, 279, 287, 290–294, 296–297, 300, 307, 309–311, 317, 321–322, 334, 337, 352, 355, 363, 385–386, 390, 398, 402–403, 407, 411, 414–416, 418, 420, 424–425, 429–430, 434–435, 440, 454–457, 460, 463, 468
- “Апокалипсис в русской поэзии”, ст. – VII: 263, 264, 385, 404, 410; VIII: 300
- “Арабески” (1911), кн. статей – VII: 259, 334; VIII: 317, 363, 390, 414
- “Аргonautы”, отрывки в прозе – VIII: 385
- “Блок и Белый. Переписка” (1940), кн. – VII: 243, 252, 259, 260, 266, 268, 269, 284–285, 293, 325, 326, 340–341, 427, 430; VIII: 292, 402, 407, 414–417, 425, 434–436
- “В защиту от одного нарекания”, ст. (1905) – VII: 386
- “Вейнингер о поле и характере”, рец. – VIII: 440
- “Венец лавровый”, ст. – VII: 399, 410
- “Весенняя элегия”, стих. – VII: 405
- “Возмездие”, стих. – VII: 341
- “Вольноотпущенники”, ст. – VIII: 310
- “Воспоминания о Блоке” – VII: 244, 251, 255, 404, 407, 424
- “Генрик Ибсен”, ст. (1906) – VIII: 334
- “Георгий Чулков. Тайга. Драма”, рец. – VII: 322
- “Д.С. Мережковский. Христос и Антихрист”, рец. – VIII: 385
- “Злая страсть”, стих. (1906) – VII: 420
- “Золотое Руно”, стих. – VII: 386

- “Золото в лазури” (1904), сб. стих. – VII: 255, 310, 341, 351, 356; VIII: 385, 402
- “К. Д. Бальмонт”, ст. – VII: 348, 362
- “Луг зеленый”, ст. – VII: 24, 265, 268, 397
- “Маг”, стих. – VII: 356
- “Материал к биографии (интимный), предназначенный для изучения после смерти автора” – VII: 338
- “Между двух революций” (1933), кн. – VII: 283, 284, 427; VIII: 321, 467
- “Мы ждем его возвращения”, рассказ – VII: 405
- “На перевале (Против музыки)”, ст. – VII: 293, 296, 298
- “На перевале. VII. Штемпелеванная калоша”, ст. (1907) – VII: 322, 428
- “На перевале. IX. Детская свистулька”, ст. – VIII: 300
- “На перевале. X. Вольноотпущенники”, ст. – VIII: 363
- “На перевале. XII. Realiora”, ст. – VIII: 297, 300
- “На перевале. XII. Слово правды”, ст. (1908) – VIII: 352
- “На рельсах”, стих. – VII: 25, 268
- “На рубеже двух столетий” (1931), кн. – VII: 266
- “Начало века” (1989), кн. – VII: 252, 261, 307, 343, 351, 369, 386, 405; VIII: 310
- «О книге К.Д. Бальмонта “Фейные сказки”», рец. – VII: 411
- “О критических перлах”, ст. – VII: 319
- “О научном догматизме”, ст. – VII: 405
- “О пессимизме”, ст. – VII: 405
- «О религиозных переживаниях: К письму художника А.Б. и ответу Д.С. Мережковского “Новый путь”, февраль» – VIII: 402, 414
- “О субъективном и объективном”, ст. – VII: 420
- “О теургии”, ст. – VII: 263; VIII: 300
- “Об итогах развития нового русского искусства”, ст. – VIII: 363
- “Общественная совесть”, ст. – VII: 405
- “Окно в будущее”, ст. – VII: 252
- “Отчаянье”, стих. – VIII: 403
- “Пепел” (1909), сб. стих. – VII: 268; VIII: 403, 418
- “Петербург”, роман – VIII: 468
- “Поэзия Валерия Брюсова”, ст. – VII: 410
- “[Предисловие]. А.Л. Миропольский. Ведьма. Лествица” – VII: 403
- “Против музыки”, ст. – VII: 298
- “Пророк безличия” – VIII: 317
- “Психология и теория знания”, доклад – VII: 405
- “Религиозное основание индивидуализма”, ст. – VII: 420
- “Священные цвета”, ст. – VII: 259; VIII: 402, 414
- “Северная симфония (1-я героическая)” – VII: 183, 266, 339, 340, 341, 400
- “Серебряный голубь”, повесть – VIII: 130, 161, 276, 420
- “Символический театр”, ст. – VII: 104, 334; VIII: 307
- “Симфония (2-я драматическая)” – VII: 128, 338, 339
- «Смерть или возрождение? “Жизнь Человека” Леонида Андреева», ст. – VII: 312; VIII: 307
- “Театр и современная драма”, ст. – VIII: 309–311
- “Уж этот сон мне снился”, стих. – VII: 339
- “Формы искусства”, ст. – VII: 259
- “Химеры”, эссе – VII: 252, 298; VIII: 297
- “Цветник Ор. Кошница первая”, рец. – VII: 298, 322, 327
- “Шоссе”, стих. – VII: 25, 268
- “Белый камень” (1907), альманах – VIII: 465
- Белькинд Елена Львовна, историк литературы – VII: 247, 252; VIII: 291, 398, 404
- “А.А. Блок: Письма к Вяч. Иванову” – VIII: 291

- “Блок и Вячеслав Иванов” – VII: 247, 252; VIII: 398, 404
- Беляев С.А., историк литературы – VIII: 375
- “Из блоковской переписки” (в соавт. с Л.С. Флейшманом) – VIII: 375
- Бенарье Д. – см. Маневич Д.Л.
- Бенуа Александр Николаевич (1870–1960), художник, историк искусства и художественный критик, идеолог художественного объединения “Мир искусства” – VII: 119, 298; VIII: 305, 311, 330–331, 360, 399
- “Беседа о балете”, ст. – VIII: 311
- “Врубель”, ст. – VIII: 401
- “Мои воспоминания” – VIII: 331
- “Ответ Д.В. Философову”, ст. – VIII: 305
- Бенуа Леонтий Николаевич (1856–1928), архитектор – VIII: 399
- Бенфей Теодор (1809–1881), нем. лингвист, санскритолог – VII: 161, 368, 374, 375
- “Панчатантра”, перевод – VII: 374
- Бер Борис Владимирович (1871–1921), поэт, переводчик – VII: 80, 305–306
- “Сонеты и другие стихотворения” (1907), сб. стих. – VII: 80, 305–306
- Беранже Пьер-Жан (1780–1857), фр. поэт – VII: 297, 310
- “Безумцы”, стих. – VII: 310
- Берг Николай Васильевич (1823–1884), поэт-переводчик, журналист, историк – VII: 282
- “Морская экспедиция повстанцев 1863 года” – VII: 282
- Бергсон Анри (1859–1941), философ-интуитивист – VIII: 350
- Бердслей (Бёрдсли) Обри (1872–1898), англ. рисовальщик и график, представитель стиля “модерн” – VII: 188, 311
- “Под холмом”, новелла – VII: 311
- Бердяев Николай Александрович (1874–1948), философ, литератор, публицист, обществ. деятель – VII: 187, 210, 276, 327, 331, 392, 406, 428; VIII: 355, 428, 430
- “Дневник публициста. Культура и политика”, ст. – VII: 406
- “Ивановские среды”, ст. – VII: 276
- “О новом религиозном сознании”, ст. – VII: 392, 406
- “Философская истина и интеллигентская правда”, ст. – VIII: 355
- Березин А. – см. Миропольский А.Л.
- Берков Павел Наумович (1896–1969), историк литературы – VII: 237
- “Издания русских поэтов XVIII века: История и текстологические проблемы”, ст. – VII: 237
- Беснар Поль Альберт (1849–1934), фр. живописец и график, с 1913 по 1921 год возглавлявший французскую академию в Риме – VIII: 313
- «Премьера “Эрнани”», рисунок – VIII: 313
- Бестужев (Марлинский) Александр Александрович (1797–1837), писатель и критик, один из зачинателей русской романтической прозы – VIII: 362
- “Взгляд на русскую словесность в течение 1824 и начале 1825 годов”, ст. – VIII: 363
- Бестужев Николай Александрович (1791–1855), декабрист, прозаик, художник, мемуарист – VII: 329
- Бетулини М., писатель – VII: 332
- Бецкий Михаил Александрович (наст. фам. Кобецкий, 1883–1937 ?), актер – VII: 275, 313
- Бианки Л., писатель, переводчик – VII: 332
- Библия – VII: 127, 164, 396
- Билибин Иван Яковлевич (1876–1942), живописец, театральный художник, график – VII: 261; VIII: 399
- Билит Яков Гершович (1877–?), художник – VII: 135
- “Оркестр”, картина – VII: 135

- “Биографический словарь профессоров и преподавателей СПб. университета” (1896) – VII: 162, 376
- “Биржевые ведомости”, ежедневная политическая, общественная и литературная газета (1880–1917) – VIII: 286, 291; VIII: 305, 311, 323, 342, 362, 467, 469–470
- Бирон (псевдоним), сотрудник газеты “Русское слово” – VIII: 293
- Бирюков Павел Иванович (1860–1931), литератор, биограф Л.Н. Толстого, обществ. деятель – VII: 113, 328; VIII: 324
- “Биография Л.Н. Толстого” – VIII: 324
- “Духоборцы” (1906), кн. – VII: 328
- “Религиозные движения в России. Вып. 1. Малеванцы” (1907), брошюра – VII: 328
- Бисмарк Отто Эдуард Леопольд фон Шёнхаузен (1815–1898), нем. политический и гос. деятель, 1-й рейхсканцлер Германской империи в 1871–1890 гг. – VII: 35
- Битовт Юрий (Георгий) Юлианович (1860-е – не ранее 1914), библиограф и букинист – VII: 116, 330
- “Книга о книгах. Толковый указатель книг для самообразования по всем областям знания” (1907), кн. – VII: 116, 330
- Благов Федор Иванович (1866–1934) – редактор газеты “Русское слово” – VIII: 293
- Благов Федор Федорович (1883–1957), поэт-пародист, прозаик, драматург – VII: 333
- Благовещенская Мария Павловна (1863 – после 1953) – писательница и переводчица скандинавской литературы – VII: 291; VIII: 195, 196
- Благоволينا Юлия Павловна (1928–2005), архивист – VII: 344
- “Архив В.Я. Брюсова: Материалы, поступившие после 1966 года”, ст. – VII: 344
- Блейк (Блэк) Вильям (Blake) (1757–1827), англ. поэт и художник – VII: 136, 349
- Блок Александр Александрович (1880–1921), поэт
- “А. Белый. Симфония (2-я Драматическая)”, рец. – VII: 308–309
- «А.Л. Мировольский “Ведьма. Лестница»», рец. – VII: 250
- «А.Н. Веселовский “В.А. Жуковский»», рец. – VII: 250
- “Автобиография” (1915) – VII: 371; VIII: 434
- “Арфы и скрипки”, цикл – VIII: 289
- “Балаган”, стих. – VIII: 309, 416
- “Балаганчик”, драма – VII: 105, 298, 324, 396, 398; VIII: 306, 396, 416
- “Бальмонт”, ст. – VIII: 286, 369, 388
- “Без божества, без вдохновенья”, ст. – VII: 246
- “Безвременье”, ст. – VII: 31–38, 221, 235, 241, 259, 262, 264, 390, 395, 398, 402, 427
- “Бейнинген Ф. Близость второго пришествия Спасителя”, рец. – VII: 127, 238, 308
- “Благовещение”, стих. – VIII: 433
- “Болотов и Новиков”, университетское соч. – VII: 233, 249, 377, 378; VIII: 382
- “Бред”, стих. – VII: 395; VIII: 437
- «В. Брюсов “Urbi et orbi»», рец. – VII: 249
- «В. Брюсов “ΣΤΕΦΑΝΟΣ»», рец. – VII: 250
- «В. Брюсов “Земная ось»», рец. – VII: 250
- «В.В. Сиповский “История русской словесности»», рец. – VII: 250
- “В густой траве пропадешь с головой...”, стих. – VII: 403
- “В огне и холоде тревог...”, стих. – VIII: 379
- “В углу дивана”, стих. – VII: 317
- “Вера Федоровна Коммиссаржевская”, ст. – VIII: 288, 399, 442
- “Вечера искусств”, ст. – VII: 235; VIII: 325
- “Владимир Соловьев и наши дни”, ст. – VII: 264
- “Влюбленность”, стих. – VII: 272
- “Возмездие”, поэма – VII: 371; VIII: 294, 317, 324, 334, 338, 367, 396, 400, 413, 418, 420, 433, 450, 467
- “Вольные мысли”, цикл. – VIII: 361
- “Вопросы, вопросы и вопросы”, ст. – VII: 235; VIII: 286–287, 322, 340, 353–354, 416

- “Вот, в изнурительной работе...”, стих. – VIII: 334, 413
- “Все бежит, мы пребываем”, стих. – VII: 270; VIII: 467
- “Выхожу я в путь, открытый взорам...” (“Осенняя воля”), стих. – VII: 269
- «Вяч. Иванов. “Прозрачность»», рец. – VII: 249
- “Гармоника, гармоника...”, стих. – VII: 390
- “Генрих Ибсен”, ст. – VII: 249, 309; VIII: 286, 301, 420, 436–439
- “Героини Овидия”, рец. – VII: 337–338
- “Голоса скрипок”, стих. – VIII: 399
- “Голубоватым дымом...”, стих. – VIII: 443
- “Горький о Мессине”, ст. – VIII: 427
- “Двойник”, стих. – VIII: 416
- “Девушка розовой калитки и муравьиный царь”, ст. – VII: 31–38, 222, 235, 241, 271, 272, 370, 401, 416
- “Дионис Гиперборейский”, набросок драмы – VIII: 301
- “Дитя Гоголя”, ст. – VII: 235; VIII: 285–286, 296, 386, 389–390, 451, 474
- “Дневник” – VI: 233
- “Дневник женщины, которую никто не любил”, ст. – VIII: 423
- “Дома растут, как желанья...”, стих. – VIII: 385
- “Драматический театр В.Ф. Коммиссаржевской”, ст. – VII: 38–40, 274–276, 319
- “Друзьям”, стих. – VIII: 353
- “Душа писателя”, ст. – VII: 235; VIII: 286, 299, 386, 399, 427
- “Жгут раскаленные камни...” – VIII: 444
- “Заключение огнем и мраком”, стих. цикл – VII: 390
- “Заметка о Гамлете” – VII: 233
- “Заметки о выездных спектаклях Театра музыкальной драмы” – VII: 233
- «Заявление, помещенное в журнале “Золотое Руно»» – VII: 428–429
- “Зеленый сборник”, рец. – VII: 250, 311
- “Земля в снегу”, сб. – VII: 294; VIII: 417–418
- «Записка о “Двенадцати»», ст. – VII: 233
- “Значение Вука Караджича в сербской литературе”, реферат – VII: 233
- “И я опять затих у ног...”, стих. – VII: 316
- “И я провел безумный год...”, стих. – VII: 316
- “Ибсен и Стриндберг”, набросок ст. – VII: 236
- “Иванова ночь”, стих. – VIII: 414
- “Интеллигенция и революция”, ст. – VII: 234, 235, 254, 324, 415, 450
- “Ирония”, ст. – VII: 323; VIII: 285–286, 296, 323, 353, 355, 361, 388, 451
- “Искусство и газета”, ст. – VII: 235; VIII: 285, 294, 299, 386, 444, 449
- “Искусство и революция. (По поводу творчества Рихарда Вагнера)”, ст. – VII: 278
- “Исповедь язычника”, ст. – VII: 415
- “Итальянские стихи”, цикл – VIII: 317, 433, 443–444
- «К.Д. Бальмонт “Будем как солнце»», рец. – VII: 249
- «К.Д. Бальмонт “Горные вершины»», рец. – VII: 249
- «К.Д. Бальмонт “Собрание стихов»», рец. – VII: 250
- «К.Д. Бальмонт “Литургия красоты»», рец. – VII: 250
- “К Мэри”, цикл – VIII: 372
- “Как свершилось, как случилось?..”, стих. – VIII: 419
- “Кармен”, цикл стих. – VIII: 289, 417, 432
- “Катилина”, ст. – VII: 238; VIII: 297
- “Клеопатра”, стих. – VIII: 416
- “Когда я создавал героя...”, стих. – VIII: 413
- “Комета”, стих. – VIII: 418

“Краски и слова”, ст. – VII: 15–18, 221, 235, 241, 259, 260, 264, 265, 399
 “Крушение гуманизма”, ст. – VII: 248, 425; VIII: 285, 448
 “Крылья”, стих. – VII: 317
 “Лермонтов”, ст. – VII: 233
 “Лирические драмы” (1908), сб. – VII: 430
 “Литературные итоги 1907 года”, ст. – VII: 110–124, 234, 242, 291, 307, 312, 319, 322–336, 428; VIII: 317, 340, 357, 359, 394, 416
 “Литературный разговор”, ст. – VIII: 454
 “Маг простерт над миром бранным”, стих. – VII: 403
 “Маски на улице”, ст. – VII: 233, 234; VIII: 285, 442
 “Мережковский”, ст. – VII: 263, 326; VIII: 286, 349
 “Мережковский. Вечные спутники. Пушкин”, рец. – VII: 241, 263
 «Мирэ “Жизнь”», рец. – VII: 250, 389
 “Михаил Александрович Бакунин”, ст. – VII: 236, 249, 276, 278
 “Молитвы”, стих. цикл – VII: 359
 “Молнии искусства”, цикл ст. – VII: 40–42, 233, 234, 238; VIII: 285
 «Н.К. Козмин “О переводной и оригинальной литературе конца XVIII и начала XIX века...”», рец. – VII: 250
 “На железной дороге”, стих. – VIII: 469
 “На поле Куликовом”, цикл – VIII: 354
 “На смерть В.Ф. Коммиссаржевской”, стих. – VIII: 396
 “На страже”, стих. – VII: 317
 “Накануне Иванова дня...”, стих. – VIII: 414
 “Народ и интеллигенция”, ст. – VII: 271; VIII: 285–286, 296, 318, 361, 368, 375, 386, 416, 473
 “Насмешница”, стих. – VIII: 467
 “Незнакомка”, драма – VII: 265, 306; VIII: 321, 417, 443
 “Незнакомка”, стих. – VIII: 366, 379, 417, 432
 “Немые свидетели”, ст. – VIII: 433
 “Несколько слов о религиозных собраниях”, фрагмент ст. – VII: 324
 “Нет исхода...” – VII: 268
 “Нет, никогда моей, и ты ничьей не будешь...”, стих. – VIII: 417
 “Нечаянная радость”, сб. стих. – VII: 233, 265, 298, 331, 354; VIII: 417
 “Новая Америка”, стих. – VII: 402; VIII: 293
 “Ночная”, стих. – VII: 358–359
 «О “Голубой птице” Метерлинка», ст. – VIII: 361
 “О драме”, ст. – VII: 83–100, 242, 288, 297, 307, 315, 333, 426–427; VIII: 301, 305, 317, 337, 367
 “О лирике”, ст. – VII: 61–81, 242, 292–308, 321, 335, 342, 368, 427, 429; VIII: 300, 305, 322, 388, 395, 423, 463
 “О Льве Толстом”, ст. – VIII: 353
 “О любви, поэзии и государственной службе”, диалог – VII: 235, 236
 “О Мережковском”, ст. – VII: 234
 “О назначении поэта”, ст. – VII: 234, 411; VIII: 285
 “О реалистах”, ст. – VII: 43–61, 242, 283–292, 307, 312, 320, 334, 411, 427; VIII: 305, 310, 318, 366, 423
 “О репертуаре коммунальных и государственных театров”, ст. – VIII: 313
 “О современной критике”, ст. – VII: 107–109, 242, 292, 307, 319–322, 327, 342, 428
 “О современном состоянии русского символизма”, ст. – VII: 234–236, 242, 245, 249, 308, 312; VIII: 288, 290–291, 338, 386, 400, 403, 424, 426, 432, 444, 448
 “О списке русских авторов”, ст. – VII: 309
 “О театре”, ст. – VII: 236, 242, 308; VIII: 286, 301, 304–305, 312, 314, 332, 335, 367, 431, 437, 439, 442

- “Об одной старинной пьесе”, ст. – VII: 235, 249; VIII: 286, 330
 “Он мимо, мимо, мимо...”, стих. – VIII: 443
 “От Ибсена к Стриндбергу”, ст. – VII: 235, 249; VIII: 285, 292, 314, 333, 434, 436, 474
 “Она пришла с заката...”, стих. – VII: 316
 “Ответ на вопрос о красной печати”, ст. – VII: 233, 238
 “Ответ на анкету о лучших произведениях 1913 года” – VIII: 285
 “Ответ Философову”, ст. – VIII: 387
 “Открытое письмо Д. Мережковскому”, ст. – VII: 249; VIII: 285, 288–289, 409, 418, 424, 426
 “Очерк литературы о Грибоедове”, ст. – VII: 233, 249
 “Памяти Августа Стриндберга”, ст. – VII: 235; VIII: 435, 439–440, 474
 “Памяти В.Ф. Коммиссаржевской”, ст. – VII: 234; VIII: 290, 386, 396, 439
 “Памяти Врубеля”, ст. – VII: 234, 249, 262; VIII: 288, 386, 406, 409, 419
 “Памяти К.В. Бравича”, ст. – VIII: 441
 “Памяти Леонида Андреева”, ст. – VII: 312, 361; VIII: 361, 367
 “Педант о поэте”, ст. – VII: 18–21, 241, 250, 261–262
 “Пеллеас и Мелисанда”, ст. – VII: 103–106, 225, 236, 318, 334; VIII: 317, 396
 “Песельник”, стих. – VII: 269
 “Песнь Ада”, стих. – VIII: 419
 “Песня Судьбы”, драма – VII: 265, 273, 296, 430; VIII: 289, 310, 314, 351, 354, 416, 418, 432, 443, 461
 “Письма о поэзии”, ст. – VII: 235, 242, 310, 327, 360; VIII: 286, 298, 362, 369, 423
 (Письмо в редакцию журнала “Весы”) – VII: 299, 322, 428–429
 “Письмо о театре”, ст. – VIII: 441
 “Пламень”, ст. – VII: 235, 246; VIII: 285, 296, 423, 451
 (План собр. соч.) (1917) – VII: 266, 272, 286, 295, 306, 308, 324, 341, 360, 361, 365, 366, 368, 393, 395, 409, 413, 414, 417, 418, 419, 421, 422
 “По городу бегал черный человек...”, стих. – VII: 341
 “Поэт, краснея, медь...”, стих. (1904) – VIII: 334, 413
 “Последние дни императорской власти”, кн. (1921) – VII: 233, 238
 “Потеха! Рокочет труба...”, стих. – VIII: 416
 “Поэзия заговоров и заклинаний”, ст. – VII: 67, 233, 234, 249, 270, 272, 274, 301, 371, 374; VIII: 391, 413
 “Поэт”, стих. – VIII: 416
 «Предисловие к переводу “Легенды о прекрасной Пекопене...”» – VII: 274
 «Предисловие к переводу пьесы “Действо о Теофиле”», ст. – VIII: 285
 “Предчувствую тебя. Года проходят мимо”, стих. – VIII: 415
 “Признания”, анкета – VII: 369
 “Призрак Рима и Monte Luca”, ст. – VII: 233, 234
 “Пробуждение весны”, ст. – VII: 100–101, 236, 312–315, 329, 426; VIII: 396
 “Противоречия”, ст. – VII: 391
 “Публий Овидий Назон. Героини”, рец. (1903) – VII: 238
 “Пузыри земли”, стих. – VII: 260; VIII: 314
 “Пусть розы здесь цветут”, перевод – VII: 332
 “Работай, работай, работай...”, стих. – VII: 390
 “Равенна”, стих. – VIII: 433
 “Религиозные искания и народ”, ст. – VII: 234, 236, 323
 “Роза и Крест”, драма – VII: 244, 273; VIII: 289, 294, 447, 468
 “Роза и Крест (К постановке в Художественном театре)”, ст. – VIII: 285
 “Россия и интеллигенция” (1919), сб. статей – VII: 234, 235, 238, 242, 248, 249, 323; VIII: 285, 296, 333, 339–342, 345, 349, 353, 372, 377, 390, 458
 “Русские дэнди”, ст. – VII: 238

- “Русь”, стих. – VII: 270; VIII: 291
 “Рыцарь-монах”, ст. – VII: 235, 249; VIII: 288, 354, 400, 418, 427–428, 474
 “Свободная совесть”, рец. – VII: 250
 “Сижу за ширмой. У меня...”, стих. – VII: 273
 “Синхронистические таблицы” – VII: 233
 “Сказка о венгерской графине”, набросок – VII: 213–214, 233, 238, 429–430; VIII: 473
 “Сказка о той, которая не поймет ее” – VII: 101–103, 236, 237, 315–317
 “Сказка”, набросок – VII: 238; VIII: 285
 “Снежная маска”, стих. цикл – VII: 316, 379; VIII: 448
 “Собрание стихотворений. Кн. 3: Снежная ночь” (1912), сб. стих. – VIII: 468
 “Сограждане”, ст. – VII: 238
 «Содержание речи памяти В.С. Соловьева под названием “Рыцарь-монах”», заметка – VIII: 285
 “Солнце над Россией”, ст. – VIII: 286, 366–367, 419
 “Сольвейг! О Сольвейг! О солнечный путь!”, стих. – VIII: 337
 “Старинные розы...”, стих. – VIII: 473
 “Стихи о Прекрасной Даме” (1904), сб. стихов – VII: 252, 255, 256, 410, 415
 “Стихия и культура”, ст. – VII: 235, 242, 248, 249; VIII: 285–286, 295–296, 340, 349, 372, 375, 416, 473
 “Сторожим у входа в терем...”, стих. (1904) – VII: 387
 “Страстью длинной, безмятежной...” стих. – VIII: 444
 “Страшный мир”, стих. цикл – VII: 289; VIII: 338
 “Судьба Аполлона Григорьева”, ст. – VII: 233–236, 243; VIII: 290
 “Сусальный ангел”, стих. – VII: 267
 “Там дамы щеголяют модами...”, стих. – VIII: 379, 417
 “Там, в ночной завывающей службе...”, стих. – VII: 268
 “Твое лицо бледней, чем было...”, стих. – VII: 316, 317
 “Творчество Вячеслава Иванова”, ст. – VII: 236, 239, 241, 249, 251
 “Творчество Федора Сологуба”, ст. – VII: 81–82, 306–307; VIII: 366
 “Театр” (1916), сб. – VII: 233, 236
 “Театр В.Ф. Коммиссаржевской”, ст. – VIII: 396
 “Три вопроса”, ст. – VII: 235, 294; VIII: 286, 298, 301, 311, 313, 332, 386
 “Ты отошла, и я в пустыне...”, стих. (1908) – VII: 296; VIII: 311
 “Ты отходишь в сумрак алый...”, стих. – VIII: 431
 “У моря”, стих. – VIII: 416
 “Умри, Флоренция, Иуда...”, стих. – VIII: 444
 “Усталость”, стих. – VIII: 378
 “Утро в Москве”, стих. – VII: 430
 “Фаина”, стих. цикл – VII: 316; VIII: 432
 “Флоренция”, стих. цикл – VIII: 443
 “Флоренция, ты приск нежный...”, стих. – VIII: 444
 “Хожу, брожу понурый...”, стих. – VIII: 309
 “Часовая стрелка движется к полночи...” – VIII: 473
 “Через двенадцать лет”, стих. цикл. – VIII: 338
 “Что делаешь – делай скорее...” – VIII: 285
 “Что надо запомнить об Аполлоне Григорьеве”, ст. – VIII: 356
 “Шаги Командора”, стих. – VIII: 467
 “Шлейф, забрызганный звездами...”, стих. – VII: 316, 317
 “Юбилейное приветствие М. Кузмину” – VII: 389
 “Юрию Верховскому”, стих. – VII: 389
 “Я был смущенный и веселый...”, стих. – VII: 317
 “Я в дольний мир вошла, как в ложу...”, стих. – VII: 316, 317
 “Я миновал закат багряный...”, стих. – VII: 317, 430

- “Я пригвожден к трактирной стойке...”, стих. – VIII: 358
 “Ямбы”, стих. цикл – VII: 271
 “Opuscula”, рец. – VII: 305
 “Strindbergiana” – VIII: 285, 474
- Блок Александр Львович (1852–1909), юрист и философ, профессор Варшавского ун-та, отец А.А. Блока – VII: 381; VIII: 346
- Блок Георгий Петрович (1888–1962), двоюродный брат Блока, литературовед, историк, писатель – VIII: 441
 «Герои “Возмездия”», ст. – VIII: 441
- Блок (рожд. Менделеева) Любовь Дмитриевна (1881–1939), жена А.А. Блока (с 1903), актриса – VII: 236, 252, 272, 274, 284, 293, 307, 314, 334, 345, 347, 353, 380; VIII: 288, 303–304, 307, 326, 333, 339, 343–345, 353, 361, 403, 441, 455
- Бобринская Варвара Николаевна, графиня (1865–1940), писательница и публицистка – VII: 185, 188, 405, 407, 420
 “Из пережитого. Мысли и настроения”, эссе – VII: 405, 407
- Бобров Сергей Павлович (1889–1971), поэт, критик, стиховед – VIII: 430
- Боброк-Волынский Дмитрий Михайлович, князь (2-я пол. XIV в.), воевода Дмитрия Донского – VIII: 73, 210
- Богаевский Константин Федорович (1871–1943), живописец – VII: 346
- Богданов Д., писатель, участник сб. “Отзвуки” (см.) – VII: 333
- Богданович Ангел Иванович (1860–1907), (псевдоним А.Б.), критик, публицист, деятель революционного движения; фактический редактор журнала “Мир Божий” – VII: 271, 331, 363, 409, 411
- Богомолов Николай Алексеевич, историк литературы – VII: 327; VIII: 378, 405, 413–414
 “Гофман Модест Людвигович”, ст. – VII: 327
 “Из предыстории “Ляры Новалиса” Вяч. Иванова», ст. – VIII: 414
 “Из разысканий к истории дискуссии о символизме 1910 года”, ст. – VIII: 405
 «К истолкованию статьи Блока “О современном состоянии русского символизма”», ст. – VIII: 405, 413
 “К реконструкции обсуждения доклада Вяч. Иванова о символизме”, ст. – VIII: 405
 “От Пушкина до Кибирова” (2004), кн. – VIII: 405
 “Петербургские гафизиты”, ст. – VIII: 378
 “Русская литература первой трети XX века” (1999), кн. – VIII: 405
 “Русская литература начала XX века и оккультизм” (1999), кн. – VIII: 405, 413
- Богораз Владимир Германович (1865–1936), (один из псевдонимов – Тан), этнограф, лингвист, поэт, прозаик, публицист, обществ. деятель – VII: 332
- “Бодрое слово”, двухнедельный журнал (СПб., 1908–1910), ред. И.М. Бикерман – VIII: 396
- Бодлер (Бодлэр) Шарль (1821–1867), фр. поэт – VII: 80, 187, 188, 192, 349, 407; VIII: 300, 347, 408, 412
 “Соответствия” (“Correspondances”), стих. – VIII: 412
 “Spleen (Quand le ciel bas et lourd...)”, стих. – VII: 192
- Боженянов Иван Николаевич (1852–1919), искусствовед, историк театра – VIII: 307
 “Иллюстрированная история русского театра XIX века” (совм. с Н.Н. Карповым), (1903) – VIII: 307
- Бойко А.Н., историк литературы – VIII: 457–458
 “Блок о Льве Толстом (Новонайденный автограф)”, ст. – VIII: 457
- Боккаччо Джованни (1313–1375), итал. писатель, гуманист раннего Возрождения – VII: 160
 “Декамерон”, сб. новелл (1350–1353) – VII: 160
- Болотов Андрей Тимофеевич (1738–1833), писатель, мемуарист, философ-моралист – VII: 163, 164, 233, 234, 240, 249, 377, 378; VIII: 382
 “Записки (Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные им для своих потомков)” – VII: 377

- “К весне во время еще первейших зимою талей”, стих. – VII: 240
 “К дерновой канаве”, стих. – VII: 240
- Бонди Владимир Александрович (псевдоним Вальди) (1870–1934), прозаик – VII: 120, 334
 “Миражи” (1907), сб. рассказов – VII: 120, 334
- Бонч-Бруевич Владимир Дмитриевич (1873–1955), гос. деятель, этнограф и литератор, историк религии и сектантства – VIII: 160, 450, 453, 454
 “Новый ритуалист”, ст. – VIII: 453, 454
- Бороздин Александр Корнилевич (1863–1918), историк литературы, приват-доцент Петербургского ун-та – VII: 116, 330
- Боттичелли (Боттичелли) Сандро (наст. имя Алессандро Филипепи) (1445–1510), итал. живописец – VII: 192; VIII: 311
- Боцяновский Владимир Феофилович (1869–1943), критик, драматург, историк литературы (псевдоним Анчар) – VII: 100, 313; VIII: 295, 328–329, 348, 377, 388
 “Вечер северной свирели”, ст. – VIII: 295
 “Леонид Андреев” (1903), кн. – VII: 100, 313
 “Нечто о трусливом интеллигенте”, ст. – VIII: 329
- Бравич (наст. фам. Баранович) Казимир Викентьевич (1861–1912), актер и режиссер – VII: 236, 275, 313; VIII: 151–152, 332, 441, 442
- Брам А. (наст. имя Крыленко Николай Васильевич) (1885–1938), юрист, историк, советский гос. деятель – VII: 332
- Брандес Георг Моррис Коган (1842–1927), датский литературный критик, историк литературы – VII: 193, 413; VIII: 190–194, 384, 474–476
 “Артур Шницлер”, ст. – VII: 413
 “Скандинавская литература” (Т. 1–2, 1906) – VIII: 474
- Бредихин Федор Александрович (1831–1904), астроном, академик Петербургской АН (с 1890) – VIII: 81
- Брентано Клеменс Мария (1778–1842), нем. поэт-романтик, писатель – VIII: 59
- Брихничев Иона Пантелеймонович (1879–1968), священник, расстриженный за революционную деятельность, поэт, публицист, издатель журналов “голгофских христиан” “Новая земля”, “Новое вино” – VII: 243; VIII: 294
- Бродский Исаак Израилевич (1883 (по н. ст. 1884)–1939), живописец и график – VIII: 399
- Бройтман Самсон Наумович (1937–2005), литературовед – VII: 394, 395; VIII: 413
 «Источники формулы “нераздельность и неслиянность” у Блока», ст. – VII: 394
 “Теургия”, ст. – VIII: 413
- Брокгауз Фридрих Арнольд (1772–1823), нем. издатель, основатель издательской фирмы Ф.А. Брокгауза в Лейпциге – VII: 127
- Брунеллески Филиппо (1377–1446), итал. архитектор эпохи Возрождения – VIII: 443
- Брут Марк Юний (85–42 до н.э.), др.-римск. политический деятель, убийца Цезаря – VII: 181; VIII: 361
- Брюнетьер Фердинанд (Brunetière) (1849–1906), фр. критик, историк и теоретик литературы – VII: 194, 415
- Брюсов Александр Яковлевич (псевдоним Alexander) (1885–1966), поэт, переводчик, критик, брат В.Я. Брюсова – VIII: 168, 169, 458–459
 “По бездорожью” (1907), сб. стих. – VIII: 168, 169, 458–459
- Брюсов Валерий Яковлевич (1873–1924), поэт, прозаик, драматург, критик, литературовед, переводчик, литературно-общественный деятель – VII: 64, 66, 80, 85, 93, 101, 104, 109, 116, 118, 119, 123, 124, 139–144, 150, 169, 179–180, 183, 189, 190, 198–200, 204, 206–209, 237–241, 243–244, 247, 249–250, 252, 253, 255, 261, 265, 284, 289, 291, 293, 297–301, 309, 313, 318–321, 330–334, 336, 340, 341, 344–346, 351–360, 362, 365, 367, 386–387, 389, 391, 395–403, 408–413, 419–427, 429; VIII: 7, 9, 36, 50, 52, 68, 83, 85, 124, 125, 129, 165, 185, 202, 298–300, 303, 307, 310–311, 315, 317, 324, 331, 358, 362–363, 366, 385, 388, 395, 403–404, 407, 409–410, 412, 419, 432, 456–457, 459, 465

- «Андрей Белый. “Золото в лазури”; Вяч. Иванов “Прозрачность”», рец. – VII: 255, 351
- “Адам и Ева”, стих. – VII: 396
- “Андрею Белому”, стих. – VII: 355
- “Ахиллес у алтаря”, стих. – VII: 396
- “Бальмонт”, ст. – VII: 362, 363, 365
- “Бальмонт. Фейные сказки”, рец. – VII: 412
- “В защиту от одной похвалы”, ст. – VII: 385, 410
- “В зеркале”, рассказ – VII: 207, 208, 425
- “В моих словах бесстыдство было”, стих. – VII: 357
- “В подземной тюрьме”, рассказ – VII: 208, 426
- “Веселая”, стих. – VII: 357
- “Веги I. Страсть”, ст. – VII: 396, 426
- “Вечеровые песни”, цикл стих. – VII: 183, 190, 398, 411
- “Всем сестрам по серьгам”, ст. – VIII: 465
- “Вступление”, стих. – VII: 141, 354, 357
- «Вяч. Иванов. “Кормчие звезды”», рец. – VII: 255
- “Гесперидовы сады”, стих. – VII: 291
- “Голос”, стих. – VIII: 315
- “Город”, стих. – VII: 333
- “Грядущие гунны”, стих. – VIII: 420
- “Данте современности”, ст. – VII: 419
- “Два голоса”, стих. – VII: 397
- “Детская”, стих. – VII: 357
- “Дневник” – VII: 402
- “Дневники. Письма. Автобиографическая проза” – VIII: 403
- “Европейская литература в 1904 году”, ст. – VII: 391
- “Ему же”, стих. – VII: 359
- “Еще сказка”, стих. – VII: 357
- “Замкнутые”, поэма – VII: 140, 144, 355, 359, 426
- “Земля”, драма – VII: 85, 101, 207–209, 309, 424–426
- “Земная ось” (1907), сб. рассказов – VII: 206, 208, 250, 422–426
- “Знакомая песнь”, стих. – VII: 397
- “И опять беспощадности радостей...”, стих. – VII: 357
- “И снова ты, и снова ты ...”, стих. – VII: 357
- “Из ада изведенные”, стих. цикл в сб. “ΣΤΕΦΑΝΟΣ” – VII: 190, 411
- “Иванов Вяч. Прозрачность”, рец. – VII: 351
- “Ивану Коневскому”, стих. – VII: 400
- “Искушение”, стих. – VII: 359
- “Италия”, стих. – VII: 140, 144, 355, 357, 359
- “К близкой”, стих. – VII: 142, 357
- «К.Д. Бальмонт “Фейные сказки”», рец. – VII: 412
- “К.Д. Бальмонту”, стих. – VII: 38, 386–387
- “К олимпийцам”, стих. – VII: 397
- “К счастливым”, стих. (1905) – VII: 309
- “Каменщик”, стих. – VII: 355
- “Карл V. Диалог о реализма в искусстве”, ст. – VII: 321
- “Ключи тайн”, ст. – VII: 298; VIII: 298
- “Ко всем, кто ищет”, стих. – VII: 400
- “Криптомерии”, стих. цикл – VII: 300
- “Крысолов”, стих. – VII: 398
- “Лев Святого Марка”, стих. – VII: 359

- “Люблю я линии верность...”, стих. – VII: 321
 “Мирэ. Жизнь”, рец. – VII: 390
 “Младшим”, стих. – VII: 143, 355, 358, 359
 “Мне грустно оттого, что мы с тобой не двое...”, стих. – VII: 357
 “Мой песенник”, цикл стих. – VII: 357
 “Мраморная головка”, рассказ – VII: 209, 425–426
 “Мысли”, стих. цикл – VII: 357
 “На журчащей Годавери”, стих. – VII: 300, 321
 “Наполеон”, стих. – VII: 359
 “Ненужная правда”, ст. – VIII: 307
 “О книгах: Emile Verhaeren. Les Villes tentaculaires. Paris, 1904”, рец. – VIII: 457
 «О “речи рабской” в защиту поэзии», ст. – VIII: 407
 “О русском стихосложении”, ст. – VII: 355
 “Огненный ангел”, роман – VIII: 85, 362
 “Одиночество”, стих. – VII: 118
 “Орфей и Аргонавты”, стих. – VII: 397
 “Орфей и Эвридика”, стих. – VII: 253, 265, 396, 399
 “Осенний день был тускл и скуден”, стих. – VII: 141, 357
 “Ответ”, ст. – VIII: 299
 “Ответ г. Андреевскому”, ст. – VII: 355, 410, 412
 “Отзывы В.С. Соловьева о спиритизме и о Ренане”, ст. – VII: 357
 “Отрывки из поэмы” – VII: 355, 357, 360
 “Пеплум”, стих. – VII: 359
 “Письма к Л.Н. Вилькиной” – VII: 367
 “Письма к П.П. Перцову. 1903–1910” – VIII: 404
 “По поводу Tertia Vigilia”, ст. – VII: 357
 “Побег”, стих. – VII: 139, 354
 “Побледневшие звезды дрожали”, стих. – VII: 399
 “Подземная тюрьма”, рассказ – VII: 208, 426
 “Последние мученики”, рассказ – VII: 208, 425–426
 “Правда вечная кумиров”, стих. цикл из сб. “ΣΤΕΦΑΝΟΣ” – VII: 190, 396, 411
 “Поэзия В.С. Соловьева”, ст. – VII: 357; VIII: 432
 “Поэту”, стих. – VIII: 419
 “Пути и перепутья. Собрание стихов” (1906–1909) – VIII: 299, 419
 “Работа”, стих. – VII: 359
 “Реализм и условность на сцене”, ст. – VIII: 311
 “Республика Южного Креста”, повесть – VII: 207, 209, 424, 425
 “Сборщиков”, стих. – VII: 357
 “Священная жертва”, ст. – VII: 410
 “Сестры. Из судебных загадок”, рассказ – VII: 207, 209, 425
 “Слава толпе”, стих. – VII: 397
 “Солдатская”, стих. – VII: 357
 “Тезей Ариадне”, стих. – VII: 397, 398
 “Теперь, когда я проснулся... (Записки психопата)”, рассказ – VII: 207, 208, 425
 “Тишина”, стих. – VII: 398
 “Торжество победителей”, ст. – VIII: 363
 “У земли”, стих. – VII: 358
 “У себя”, стих. – VII: 355, 359
 “Фабричная” (“Как пойду я по бульвару”), стих. – VII: 357, 359
 “Фабричная II” (“Есть улица в нашей столице”), стих. – VII: 357, 359
 “Фонарики”, стих. – VIII: 366
 “Царица”, стих. (1901) – VII: 143, 355, 358

- “Царю Северного полюса”, поэма – VIII: 412
 “Цусима”, стих. – VII: 398; VIII: 324, 331
 “Эмил Верхарн как человек и поэт”, ст. – VII: 419
 “Я взойду при первом дне...”, стих. – VII: 357
 “Я имени тебе не знаю...”, стих. – VII: 357
 “Я к вам вернусь, о, люди, вернусь, преображен”, стих. – VII: 357
 “Яростные птицы с огненными перьями”, стих. – VII: 357
 “Athenaeum о европейской литературе за 1904 г.” – VII: 362, 365
 “Chefs d’oeuvre” (1895), сб. стих. – VII: 300, 399, 410
 “Habet illa in alvo”, стих. – VII: 357
 “In hac lacrimarum valle!”, стих. – VII: 359
 “Lacrimarum valle”, стих. – VII: 357
 “L’ennui de vivre”, стих. – VII: 357
 “Me eum esse” (1907), сб. стих. – 183, 355, 395, 398–399
 “Mon rêve familier”, стих. – VII: 142, 358
 “Tertia Vigilia” (1900), сб. стих. – VII: 139, 190, 354, 410, 423; VIII: 165, 457
 “Urbi et Orbi” (1903), сб. стих. – VII: 139, 140, 144, 169, 179, 190, 209, 249, 309, 352–359, 386–387, 396, 409–410, 426; VIII: 7, 299, 385
 “ΣΤΕΦΑΝΟΣ” (1906), сб. стих. – VII: 179, 189, 190, 209, 250, 309, 321, 395–400, 403, 408, 410–411, 424, 426; VIII: 366, 385
- Будда (священное имя Сидхарта (Сиддхарта) Гаутамы) (ок. 560 до Р.Х. – ок. 480), сын индийского царя Судгоданы из рода Сакья (Sakja), основатель индийской религии буддизма – VII: 277; VIII: 476
- Булацель Иван Михайлович (1845–1918), журналист, драматург – VIII: 362
- Булгаков Сергей Николаевич (1871–1944), философ, богослов, экономист, критик, публицист – VII: 327, 331; VIII: 355–356, 383, 430
 “Героизм и подвижничество (Из размышлений о религиозной природе русской интеллигенции)”, ст. – VIII: 356
- Булгаков Федор Ильич (1852–1908), журналист, историк литературы, художественный критик – VII: 167, 168, 385
- Булгарин Фаддей Венедиктович (1789–1859), журналист, писатель – VII: 308, 355
 “Воспоминания о незабвенном А.С. Грибоедове” – VII: 308
- Бунин Афанасий Иванович (ум.1791), тульский помещик, отец В.А. Жуковского – VII: 163
- Бунин Иван Алексеевич (1870–1953), прозаик, поэт, переводчик – VII: 68–70, 79, 80, 240, 249, 301, 305, 333; VIII: 49–51, 132, 320, 358, 423
 “Астма”, рассказ – VII: 333
 “Геймдаль искал родник божественный”, стих. – VIII: 320
 “Дагестан”, стих. – VII: 69
 “Джордано Бруно”, стих. – VIII: 320
 “За гробом”, стих. – VIII: 320
 “Зеленый стяг”, стих. – VII: 68, 301
 “Канун Купалы”, стих. – VII: 301
 “Листопад”, сб. стих. – VII: 68, 301
 “Люблю цветные стекла окон”, стих. – VIII: 320
 “Новые стихотворения” (1902), сб. стих. – VII: 68, 301
 “Огонь на мачте”, стих. – VII: 305
 “Одиночество”, стих. – VII: 70
 “Песня”, стих. – VII: 69, 301
 “Петров день”, стих. – VIII: 320
 “Пугало”, стих. – VIII: 320
 “Розы Ширази”, стих. – VIII: 320
 “Сапсан”, стих. – VII: 301

- “Собрание сочинений” – VIII: 320
 “Стихотворения” (1903), сб. стих. – VII: 68, 301
 “Тайна”, стих. – VII: 301
 “У истока дней”, рассказ – VII: 333
 “Христос”, стих. – VIII: 320
- Буолье (Сен Жорж де Буэль, 1876–1947), фр. писатель и драматург – VII: 119, 333, 334
 “Король без венца”, драма – VII: 119, 333, 334
- Бурого Сергей Борисович (1945–2000), историк литературы – VII: 248, 290, 321; VIII: 357, 412
 “Александр Блок. Очерк жизни и творчества” (1981) – VII: 290, 321; VIII: 357
 “Блок и Вагнер (Концепция человека и эстетическая позиция)”, ст. – VIII: 412
 “Стиль художественно-философского мышления и позиция Александра Блока”, ст. – VII: 248
- Буренин Виктор Петрович (1841–1926), литературный и театральный критик, поэт, сотрудник газеты “Новое время” (псевдонимы: Граф Алексис Жасминов, Зеленый А.) – VII: 64, 108, 189, 299, 363, 375, 408–409; VIII: 396
 “Безответные вопросы”, ст. – VII: 410
 “Водолей. Журнал крылатых полетов по самым новым спиральям и зигзагам мыслей”, ст. – VII: 409
 “Голубые звуки и белые поэмы” (1895), сб. пародий – VII: 299, 409
 “Горе от глупости: Драматическая сатира. Чтения в обществе “Бедлам-модерн” (1905), кн. – VII: 299, 409
 «Из “Книги ахинея”. На песке», пародия – VII: 410
 “Критические очерки”, ст. – VIII: 396
 “Поэтические козерог и скорпионы” (1905), сб. пародий – VII: 299
- Бурже Поль Шарль Жозеф (1852–1935), фр. писатель – VII: 129, 154
- Бурлюк Давид Давидович (1882–1967), поэт-футурист, живописец, теоретик искусства – VII: 346
- Бурнакин Анатолий Андреевич (? – 1932), поэт, литературный критик, журналист – VIII: 175, 464–465
 “Гоголь и мы”, ст. – VIII: 465
 “Идеализм и нигилизм”, ст. – VIII: 465
 “Интеллигенция и народ”, ст. – VIII: 465
 “Письмо А. Бурнакина к Блоку” – VIII: 465
 “Реализм и модернизм”, ст. – VIII: 465
 “Трагические антитезы” (1909), сб. статей – VIII: 175, 464–465
- Бурцов Владимир Львович (1862–1942), публицист, редактор журнала “Былое” – VII: 332
- Буслаев Федор Иванович (1818–1897), языковед, фольклорист, литературовед, историк искусства – VII: 161, 194, 373–375, 416
 “Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков” (1862), кн. – VII: 416
 “Русская хрестоматия. Памятники древнерусской литературы и народной словесности” (1870), кн. – VII: 194, 416
- Бухарев Александр Матвеевич (архимандрит Феодор) (1824–1871), богослов, публицист, критик – VII: 186, 405–406
 “Три письма к Гоголю, писанные в 1848 году” (1860) – VII: 406
- Бухарева Анна Сергеевна, жена А.М.Бухарева – VII: 188, 406
 “Александр Матвеевич Бухарев. Из материалов для биографии” – VII: 406
- Бычков Иван Афанасевич (1858–1944), историк литературы и библиограф – VII: 162, 376
 “Бумаги В.А. Жуковского, поступившие в Публичную библиотеку в 1884 г.”, соч. (1887) – VII: 376
- Бьёрнсон Бьёрнстjerne Мартинус (1832–1910) – норв. драматург, прозаик, поэт VIII: 14, 190, 474–475

- Бэкон Френсис Веруламский (1561–1629), англ. философ и гос. деятель – VIII: 71
- Бюхер Людвиг (1824–1899), нем. экономист – VIII: 302
- “Работа и ритм” (“Arbeit und Rhythmus”) (1899), кн. – VIII: 302
- “В мире искусств”, иллюстрированный журнал, посвященный вопросам искусства, музыки, театра (Киев, 1907–1910) – VII: 322
- Вавич Михаил Иванович (1881–1931), артист оперетты, исполнитель цыганских песен – VIII: 57, 329
- Вагнер Рихард (1813–1883), нем. композитор, дирижер, писатель, драматург, публицист – VII: 248, 274, 279, 313, 394, 407; VIII: 26, 141, 289, 302, 304, 308, 311, 334, 412–413, 436, 443
- “Валькирия”, муз. драма, вторая часть тетралогии “Кольцо нибелунга” – VII: 313
- Вельзунг – в тетралогии Р. Вагнера “Кольцо нибелунга” – герой Зигмунд, принадлежащий к древнему роду Вельзунгов, обреченному на гибель – VIII: 253
- “Гибель богов”, муз. драма, четвертая часть тетралогии “Кольцо нибелунга” – VII: 279; VIII: 438
- “Зигфрид”, муз. драма, третья часть тетралогии “Кольцо нибелунга” – VII: 279, 394; VIII: 308, 412–413, 436–437
- “Золото Рейна”, муз. драма, первая часть тетралогии “Кольцо нибелунга” – VIII: 412, 436
- “Искусство и революция”, трактат (1849) – VIII: 302, 311
- “Кольцо нибелунга”, тетралогия музыкальных драм (1846–1874) – VII: 279, 407; VIII: 289, 302, 308, 334, 412–413, 437–438
- “Моя жизнь. Мемуары” (1911) – VII: 279
- “Опера и драма”, трактат – VIII: 302
- “Тристан и Изольда”, муз. драма – VII: 274
- Вайнберг Иосиф Ирмович, историк литературы – VII: 247
- “А. Блок и М. Горький”, ст. – VII: 247
- Валевская И.И., актриса – VIII: 328
- Валентинов (псевдоним; наст. фам. Соболевский) Валентин Петрович (1871–1929), куплетист, автор обзоров, оперетт-мозаик, режиссер, переводчик – VIII: 329
- “Ночи любви”, оперетта – VIII: 329
- Валентинов Н. (псевдоним; наст. имя Вольский Николай Владиславович) (1879–1964), публицист, философ, социал-демократ (меньшевик) – VII: 245, 246; VIII: 293
- “Два года с символистами” (1969), кн. – VII: 245, 246; VIII: 293
- Валлет Альфред (1858–1935) – фр. литератор, владелец издательства Société du Mercure de France, создатель и редактор символистского журнала “Mercure de France” – VII: 366
- “Вампир”, художественно-сатирический еженедельник (1906), ред. Б. Катловкер – VIII: 324
- Ван Лерберг Шарль (1861–1907), бельгийский поэт – VII: 332
- Вандервельде Эмиль (1866–1938), бельгийский социалист, реформист – VII: 154
- Варварин В. – см. Розанов В.В.
- Варнеке Борис Васильевич (1874–1944), филолог-классик, историк театра, педагог, мемуарист – VII: 337
- Василевский Илья Маркович (псевдоним Не-Буква) (1883–1938), фельетонист, издатель, критик – VIII: 365
- Васильев-Черников Федор Григорьевич, корреспондент Блока – VIII: 348
- Васильчиков Александр Илларионович, князь (1818–1881), секундант на дуэли М.Ю. Лермонтова с Мартыновым – VII: 270
- Введенский Александр Иванович (1856–1925), философ, профессор Петербургского ун-та – VIII: 431
- “О мистицизме и критицизме в теории познания В.С. Соловьева”, ст. – VIII: 431

- Вегенев В., участник конкурса журнала “Весна” – VIII: 456
 “Жизнь”, рассказ – VIII: 456
- Ведекинд Франк (1864–1918), нем. писатель, драматург – VII: 100, 101, 115, 313–315, 329; VIII: 32, 304–305, 315
 “Пробуждение весны”, драма – VII: 100, 101, 313–315, 318; VIII: 315
 “Пьесы” (1908), кн. – VII: 329
- Ведринская Мария Андреевна (1877–1947), актриса театра В.Ф. Коммиссаржевской и Александринского театра – VIII: 429
- Вейдемоллер Карл Людвигович (псевдоним Мих. Днепров) (1871–?), журналист, один из редакторов еженедельного критико-библиографического журнала “Книга” – VII: 331
- Вейнберг Петр Исаевич (1831–1908), поэт, переводчик, историк литературы – VII: 373; VIII: 364
- Вейнер Петр Петрович (1879–1931), обществ. деятель, музейный работник, коллекционер, ред. журнала “Старые годы” – VIII: 360, 361
 «“Старые годы”, их история и критика», ст. – VIII: 361
- Вейнингер Отто (1880–1903), австрийский философ – VIII: 440
 “Пол и характер” (1902), кн. – VIII: 440
- Векилов Герасим Давидович, офицер, шурин философа В.Ф. Эрна (см.), участник сборника “Вопросы религии” – VII: 327
- Веласкес Диего де Сильва-и-Веласкес (1599–1660), исп. художник – VIII: 121, 243
- Величко Василий Львович (1860–1903), поэт, литературный критик – VIII: 169, 459
 “Владимир Соловьев. Жизнь и творчество” (1902), кн. – VIII: 459
- Вельзунг – см. Вагнер Рихард
- Венгеров Семен Афанасьевич (1855–1920), историк русской литературы и общественной мысли, библиограф – VII: 115, 162, 203, 276, 328–330, 362, 363, 376, 400, 421; VIII: 308, 343, 346, 351, 358, 423, 457–458
 “Бальмонт”, ст. – VII: 363
 “Источники словаря русских писателей” (1900), ст. – VII: 162, 376
 “Критико-библиографический словарь русских писателей и ученых” (1904), кн. – VII: 362
 “Очерки по истории русской литературы (С эпохи Белинского до наших дней)” (1907), кн. – VII: 115, 330
 “Этапы неоромантического движения”, ст. – VIII: 423
- Венгерова Зинаида Афанасьевна (1867–1941), литературный критик, историк западноевропейской литературы, переводчица – VII: 93, 309, 310; VIII: 194, 196
- Венгров Натан (наст. имя Файвелевич Моисей Павлович) (1894–1962), историк литературы, критики, детский писатель – VII: 247
 “Блок и М.Горький”, ст. – VII: 247
- Вергилий (Виргилий) (Публий Вергилий Марон) (70–19 до н.э.), римский поэт – VII: 170, 194, 386, 416; VIII: 419
 “Буколики”, поэма – VII: 386
 “Поллион (четвертая эклога)” – VII: 386
 “Энеида”, поэма – VII: 416
- Вересаев Викентий Викентьевич (наст. фам. Смидович) (1867–1945), прозаик, критик, поэт-переводчик – VII: 121, 332, 335
 “Записки врача” (1901), кн. – VII: 335
- Верещагин Василий Андреевич (1861–1931), действ. статск. советник, библиофил, редактор журнала “Старые годы” в 1907 – VIII: 360
- Веригина (в замуж. Бычкова) Валентина Петровна (1882–1974), драматическая актриса; подруга Л.Д. Блок – VII: 275, 295, 312, 313, 326; VIII: 313
 “Воспоминания об Александре Блоке” (1961), мемуарный очерк – VII: 275, 295, 312, 313, 326; VIII: 313
- Верлен (Верлэн) Поль (1844–1896), фр. поэт-символист – VII: 121, 197, 198, 229, 252, 418; VIII: 42, 89, 192, 225, 300, 302, 319, 367, 408, 476

- “Раскаianie”, стих. – VIII: 192
- “Стихи, избранные и переведенные Ф. Сологубом” (1908), кн. – VII: 335, 319, 367, 418
- “Синева небес над кровлей”, стих. – VIII: 302
- “Art poétique”, стих. – VII: 198, 229, 418
- “Colloque sentimental”, стих. – VII: 192
- “Mon rêve familial”, стих. – VII: 198, 418
- “Poésies religieuses”, стих. – VII: 252
- Вермель Самуил Матвеевич (1892–1972), поэт, театральный критик, режиссер; постановщик драмы А.А. Блока “Незнакомка” – VII: 249
- Верн Жюль Габриэль (1828–1905), фр. писатель, классик приключенческой литературы – VII: 188
- Вернер Э. (наст. имя Элизабет Бюрстенбиндер, 1838–1918), нем. писательница и драматург – VIII: 62, 331
- “24 февраля”, драма – VIII: 331
- Верхарн Эмиль (1855–1916), бельг. поэт и драматург – VII: 123, 124, 154, 197–200, 204, 205, 241, 332, 333, 366, 418–419, 421–422; VIII: 165–167, 300, 456–457
- “Банкир”, стих. – VII: 419
- “Голова”, стих. – VII: 419
- “Города и поле”, стих. – VII: 419, 422
- “Города-спруты” (“Les Villes tentaculaires”) стих., сб. стих. – VIII: 457
- “Женщина на перекрестке”, стих. – VII: 419, 422; VIII: 457
- “К морю”, стих. – VII: 200, 419
- “К северу”, стих. – VII: 422; VIII: 457
- “Кузнец”, стих. – VII: 419
- “Лондон”, стих. – VII: 419
- “Монастырь”, стих. – VIII: 165–167, 456–457
- “Мор”, стих. – VII: 419
- “Мятеж”, стих. – 419
- “Свиньи”, стих. – VII: 200
- “Стихи о современности” (1906), сб. стих. – VII: 198, 204, 333, 421; VIII: 456
- “Трибун”, стих. – VII: 419
- “Фламандские картины” (“Les Flamandes”) (1883), сб. стих. – VII: 419
- “Числа”, стих. – VII: 419
- Верховский Вадим Никандрович (1873–1947), химик, педагог, брат Ю.Н. Верховского – VII: 388
- Верховский Юрий Никандрович (1878–1956), поэт, переводчик, историк литературы – VII: 171, 388–390; VIII: 290, 405
- “В память Александра Блока” – VII: 388–390
- “Восхождение”, ст. – VII: 390
- “О сапожнике, которого застал царский писец молящимся в церкви Святой Богородицы в Халкопратии”, поэма – VII: 388, 389
- “Вершины” (1909), сб. статей – VIII: 328, 349
- Веселовская Мария Васильевна (1877–1937), переводчик, критик – VII: 332
- Веселовский Александр Николаевич (1838–1906), филолог, историк и теоретик литературы – VII: 115, 160–164, 194, 250, 366, 368, 370–373, 375–381, 415
- “Бокаччо Дж. Декамерон”, перев. (1891) – VII: 372
- “Бокаччо и Овидий”, ст. – VII: 371
- “Бокаччо о мифологии и поэзии”, ст. – VII: 371
- “Бокаччо, его среда и сверстники” (1893–1894), кн. – VII: 372
- «В.А. Жуковский. Поэзия чувства и “сердечного воображения»» (1904), кн. – VII: 160, 366, 368, 370, 376
- “Введение в Божественную Комедию Данте”, литографированная лекция – VII: 372

- “Данте и символическая поэзия католичества”, ст. – VII: 372
- “Из введения в историческую поэтику”, ст. – VII: 375
- “Из истории романа и повести”, ст. – VII: 161, 370, 375
- “Из истории эпитета”, ст. – VII: 375
- “Историческая поэтика” (1989), кн. – VII: 371, 375
- “История или теория романа?”, ст. – VII: 375
- “Нерешенные, нерешительные и безразличные Дантовского Ада”, ст. – VII: 372
- “О методе и задачах истории литературы, как науки”, ст. – VII: 161, 370, 373, 375
- “Опыты по истории русской христианской легенды”, ст. – VII: 370
- “От певца к поэту”, ст. – VII: 375
- “Петрарка в поэтической исповеди Canzoniere”, ст. – VII: 372
- “Психологический параллелизм и его формы в отражениях поэтического стиля”, ст. – VII: 371, 375
- “Разыскания в области русского духовного стиха” (1881), брошюра – VII: 370
- “Синкретизм древнейшей поэзии и начало дифференциации поэтических родов”, ст. – VII: 375
- “Сказки об Иване Грозном”, ст. – VII: 370
- “Сравнительная мифология и ее метод”, ст. – VII: 370
- “Три главы из исторической поэтики” – VII: 370
- “Указатель к научным трудам А.Н. Веселовского” – VII: 161, 376
- “Учители Бокаччо”, ст. – VII: 371
- “Южнорусские былины” (1881), брошюра – VII: 370
- “Il Paradiso degli Alberti e gli ultimi trecentisti /Вилла Альберти и последние тречентисты)”, магистерское соч. (1868) – VII: 160, 372
- Веселовский Алексей Николаевич (1843–1918), историк литературы, брат Александра Николаевича Веселовского – VII: 115, 330
- “Этюды и характеристики”, сб. статей (1912) – VII: 115, 330
- “Весна”, литературный журнал (1908, 1911, 1914), ред. Н.Г. Шебуев – VII: 233, 239; VIII: 165, 168, 311, 455, 459
- “Вестник Европы” (СПб., 1866–1918), “журнал исторический, политический и литературный. Основатель, редактор-издатель М.М. Стасюлевич, с 1906 по 1916 – проф. М.М. Ковалевский, с 1916 по 1918 – Д.Д. Grimm и Д.Н. Овсяннико-Куликовский – VII: 116, 161, 194, 355, 363, 409
- “Весы” (М., 1904–1909), ежемесячный литературно-художественный журнал, орган символистов, владелец-редактор С.А. Поляков, фактический редактор В.Я. Брюсов – VII: 7, 8, 24, 107, 109, 150, 155, 209, 237–243, 265, 277, 284, 289, 292, 311, 327, 331, 404, 423, 429; VIII: 51, 52, 166, 193–195, 224, 287, 290, 295, 298–299, 306–307, 314, 317, 322, 363, 420, 460, 476
- “Весь мир” (СПб., 1910–1917), литературный, художественный, общественный и популярно-научный еженедельный журнал – VIII: 441
- “Вехи” (1909), сб. статей – VIII: 175, 295, 355, 408
- “Вечер” (СПб., 1908–1909), ежедневная газета – VIII: 362
- “Взмахи. Орган молодых” (1909–1910), сб. – VIII: 464
- Вигель Филипп Филиппович (1786–1856), литератор, мемуарист – VII: 164, 378
- “Воспоминания” – VII: 164, 378
- Вильгельм II (1859–1941), германский император (1888–1918) – VIII: 379
- Вильде Николай Николаевич (2-я пол 1860-х гг. – 1918), журналист, драматург, прозаик, постоянный сотрудник “Нового времени” – VIII: 133, 423
- Вилькина Людмила Николаевна (1873–1920), поэтесса, прозаик, переводчица, жена поэта Н. Минского – VII: 367
- Вильмонт (Вильям-Вильмонт) Николай Николаевич (1902–1986), переводчик, литературовед – VIII: 378

- Вильямс Гарольд (1876–1928), корреспондент “Таймс”; муж А.В. Тырковой – VIII: 444
- Виндельбанд Вильгельм (1848–1915), нем. философ, глава баденской школы неокантианства – VII: 342, 354
- “История древней философии” (1888), кн. – VII: 342, 354
- Винокур Григорий Осипович (1896–1947), филолог, лингвист – VII: 237
- “Критика поэтического текста” (1927), кн. – VII: 237
- Владимиров Василий Васильевич (1880–1931), художник, друг Андрея Белого – VIII: 310
- Владимилова И.В. (Душечкина Ирина Владимировна), историк литературы – VII: 248, 369; VIII: 382, 413
- “Александр Блок и русская культура XVIII века” (в соавт. с Григорьевым М.Г. (Альтшуллер М.Г.), Кумпан К.А.) (1981), ст. – VII: 248, 369; VIII: 382, 423
- Водозов Василий Васильевич (1864–1933), секретарь Комитета представителей русской печати – VIII: 457–458
- Воейков Александр Федорович (1778/79–1839), поэт, переводчик, критик, издатель, журналист – VII: 379
- Воейкова Александра Андреевна (рожд. Протасова) (1795–1826), сестра М.А. Протасовой, жена Воейкова А.Ф. – VII: 165, 379
- Вознесенский Александр Николаевич (1879–1937?), поэт – VIII: 168, 169, 456, 458–459
- “Контур обольстительный...” стих. – VIII: 169, 459
- “Паутинные ткани” (1908), сб. стих. – VIII: 168, 169, 458–459
- Войтоловский Лев Наумович (1876–1941), журналист, литературный критик – VIII: 385, 453
- Волжский (наст. имя Глинка Александр Сергеевич) (1878–1940), писатель, критик, философ – VII: 326, 327; VIII: 430
- “Из мира народных исканий” (1906), кн. – VII: 327
- “Мистический пантеизм В. В. Розанова”, ст. – VII: 326
- Волков Николай Дмитриевич (1894–1965), театровед, секретарь редакции журн. “Культура театра” (1921) – VII: 312
- “Мейерхольд” (1929), кн. – VII: 312
- Волохова (рожд. Анциферова, в замуж. Крамова) Наталия Николаевна (1878–1966), драматическая актриса – VII: 275, 313, 316; VIII: 326, 455
- Волошин (наст. фам. Кириенко-Волошин) Максимилиан Александрович (1877–1932), поэт, критик, художник, переводчик – VII: 118, 243, 260, 299, 333, 346, 429; VIII: 367, 420
- “Лица творчества” (1989), сб. статей – VIII: 367
- “Скелет живописи”, ст. – VII: 260
- Волынский Аким Львович (наст. имя Флексер Хаим Лейбович) (1861–1926), литературный и балетный критик, историк и теоретик искусства – VII: 111, 203, 327, 343, 362, 363, 409, 412, 420; VIII: 40, 318, 398
- “Борьба за идеализм” (1900), сб. статей – VII: 363, 409
- “Книга великого гнева” (1904), сб. статей – VII: 343, 363, 412
- “Современная русская поэзия” (1902), статьи – VII: 362, 420
- “Ф.М. Достоевский” (1906), кн. – VII: 327; VIII: 318
- Волынец Владимир Фаддеевич (псевдоним Южанин Вл.) (1886 – не ранее 1915), писатель и поэт, журналист – VII: 332
- Волькенштейн Владимир Михайлович (1883–1974), поэт, драматург, теоретик театра – VII: 171, 388
- “Во мгле”, стих. – VII: 388
- “До неба лес возрос, дубовый, вековой...”, стих. – VII: 388
- “Залив оцепенел под белыми снегами”, стих. – VII: 388
- “Зимой”, стих. – VII: 388
- “Из северных записок...”, стих. – VII: 388

- Вольтер (наст. имя Франсуа Мари Аруэ) (1694–1778), фр. писатель и философ-просветитель – VII: 116; VIII: 115
 “Орлеанская дева”, поэма – VII: 164
- Вольф Люция, норв. актриса, автор воспоминаний об Ибсене – VIII: 14, 308
- Вольф Теодор (1868–?), нем. журналист, редактор (с 1907) газеты “Берлинер Тагеблат” – VII: 332.
 “Иенс Петер Якобсен”, ст. – VII: 332
- Вольф Фридрих Август (1759–1824), нем. филолог – VII: 161, 373
 “Prolegomena ad Homerum”, соч. (1795) – VII: 161, 373
- Вольфинг – см. Метнер Э.К.
- “Вопросы жизни”, литературный, философский и общественно-политический журнал (СПб., 1905) – VII: 10, 58, 120, 187, 239–241, 251, 261, 292, 360–361, 365, 368–370, 389–393, 412, 414, 417; VIII: 42, 195
- “Вопросы религии”, сб. статей (1906, 1908) – VII: 111, 117, 327
- “Вопросы теории и психологии творчества” (1907), сб. статей – VII: 115, 330
- “Вопросы философии и психологии”, журнал, основанный проф. Н.Я. Гротом и А.А. Абрикосовым (М., 1889–1918) – VII: 171, 388
- Ворм, аббат – VIII: 476
- Воробьев Н.Н., художник по костюмам – VII: 275
- Воротников Антоний Павлович (1857–1937), драматург, прозаик, переводчик – VIII: 196, 328
- Врангель Николай Николаевич (1880–1915), искусствовед и издатель – VIII: 360
- Врубель Михаил Александрович (1856–1910), живописец – VII: 62, 134, 248, 267, 296; VIII: 120–123, 126–128, 130, 242–248, 285, 396, 399, 401–402, 406, 416, 418
 “Демон поверженный”, картина (1902) – VII: 62, 296; VIII: 121–123, 127, 128, 243–247, 402, 417
 “Портрет Н.И. Забелы-Врубель...”, картина (1898) – VII: 267
 “Сошествие Св. Духа”, фреска – VIII: 401
 “Царевна-Лебедь”, картина (1900) – VII: 267; VIII: 128, 417
- “Всеобщий ежемесечник” (СПб., 1910–1911), журнал, приложение к “Всеобщей газете”, редактор Н.П. Рябов – VIII: 409
- Вульпиус Христиан Август (1762–1827), нем. писатель – VII: 166, 382
 “Бобелина”, роман – VII: 382
 “Глорioso, или Атаман патриотов”, роман – VII: 382
 “Густав Моральдино”, роман – VII: 382
 “Прекрасная Шарлота”, роман – VII: 382
 “Ринальдо Ринальдини”, роман – VII: 382
- “Вы жертвою пали в борьбе роковой...”, революционная песня (автор А. Архангельский) – VII: 50
- Высотская Ольга Николаевна (1885–1966), актриса – VIII: 361
- Вьеле-Гриффен (Viele-Griffin) Франсис (1864–1937), фр. поэт – VII: 197, 230, 418
- Вяземский Петр Андреевич, князь (1792–1878), поэт, критик, мемуарист – VII: 165, 379, 380
- Вяткин Георгий Андреевич (1885–1941), поэт, прозаик, журналист – VII: 122, 335
 “Стихотворения” (1907) – VII: 335
- Габилев Н.А., критик, искусствовед, участник сборника “Грядущий день” (см.), автор журнала “Старые годы” – VII: 332
- Гаккебуш Михаил Михайлович (сменил фам. на Горелов) (1874–1929), журналист, ред. журнала “Новое слово” – VII: 238
- Галанина Юлия Евгеньевна, историк литературы – VIII: 328–329, 368
 «Блок и “вечера искусства”», ст. – VIII: 328–329, 368
- Галахов Алексей Дмитриевич (1807–1892), историк литературы, критик, прозаик, педагог – VII: 194, 382, 415

- “История русской словесности, древней и новой” (1888), кн. – VII: 382, 415
- Галеви Людовик (1834–1908), фр. драматург, либреттист, прозаик, один из создателей жанра оперетты – VIII: 322
- Галич Леонид Евгеньевич (наст. фам. Габрилович) (1878–1953), физик; критик, публицист; приват-доцент Петербургского ун-та; сотрудник газеты “Речь”; корреспондент Блока – VIII: 325, 338, 342, 350, 357–359, 362
- “Литераторы”, ст. – VIII: 362
- “Народ и мы”, ст. – VIII: 338, 358–359
- Галунов Александр, писатель, художник, искусствовед (? – не ранее 1932) – VII: 120, 334
- “Вереница этюдов” (1907), кн. – VII: 120, 334, 416
- Гальворсен Иенс Брааге (1845–1900), норв. критик – VIII: 338
- “Мировая слава Ибсена”, ст. – VIII: 338
- Гамсун Кнут (наст. фам. Педерсен) (1859–1952), норв. прозаик, поэт, драматург – VII: 55, 115, 117, 136, 291, 329, 349; VIII: 68, 202, 371
- “Под осенними звездами”, пер. Р. Тирапольской, роман – VII: 291
- “Под осенней звездой”, пер. М.П. Благовещенской, роман – VII: 291
- Ганзен Анна Васильевна (1869–1942), переводчица, жена П.Г. Ганзена – VII: 398; VIII: 196, 308, 333–337, 368, 436
- Ганзен Петр (Петер Эммануэль) Готфридович (1846–1930), переводчик – VII: 398; VIII: 196, 308, 333–337, 368, 436
- “Жизнь и литературная деятельность Генрика Ибсена” (совм. с А.В. Ганзен), ст. – VIII: 301, 308, 333–337, 436, 438–439
- Гансон (Хансон) Ола (1860–1925), швед. прозаик – VII: 117
- Гарборг Арне, норв. писатель, спирит (1851–1924) – VIII: 192, 476
- Гардин Владимир Ростиславович (псевдоним, наст. фам. Благоднаров) (1877–1965), актер, режиссер, сценарист – VIII: 328
- Гарднер Вадим Данилович (наст. фам. де Пайва-Перера Гарднер) (1880–1956), поэт – VIII: 168, 170, 458, 460
- “Стихотворения” (1908), ст. – VIII: 168, 170, 458, 460
- Гарин (Гарин–Михайловский) Н. (наст. имя Николай Егорович Михайловский) (1851–1906), прозаик, публицист, инженер-путеец – VII: 119, 332, 333
- “Когда-то”, рассказ – VII: 333
- Гарнак Адольф (1851–1930), нем. теолог, историк церкви – VII: 200–202, 420
- “О сущности христианства”, лекции (1906) – VII: 200, 420
- Гарольд (псевдоним; наст. имя Левинский Исаак Маркович), киевский журналист, критик – VIII: 388
- “Арабески”, ст. – VIII: 388
- Гарт Сем. Сем. (Зусман Самуил Соломонович) (1880 – не ранее 1937), журналист – VII: 314
- Гарцфельд М., историк скандинавской литературы – VIII: 194
- “Скандинавская литература”, СПб., 1899, кн. – VIII: 194
- Гаршин Всеволод Михайлович (1855–1888), прозаик, критик – VIII: 36, 71
- Гарэтто Эльда, итальянский славист – VII: 351
- Гаспаров Михаил Леонович (1935–2005), филолог, стиховед, переводчик, писатель – VII: 258
- “Очерк истории русского стиха” (1984) – VII: 258
- Гауптман Герхарт (1862–1946), нем. драматург и прозаик – VII: 83, 312
- Гауш Александр Федорович (1873–1947), художник, участник объединения “Мир искусства” – VII: 346
- Ге (рожд. Забела) Екатерина Ивановна (1859–1918), мать Н.П. Ге, сестра жены М.А. Врубеля – VIII: 400
- “Последние годы жизни Врубеля”, мемуарный очерк – VIII: 400
- Ге Николай Петрович (1884–1920), художественный критик; внук Н.Н. Ге – VIII: 400, 444

- Геворкян Армен Варужанович, историк литературы – VIII: 300
 “О двух толкованиях понятия “настроение”, ст. – VIII: 300
- Гегель Георг Вильгельм Фридрих (1770–1831), нем. философ – VIII: 81, 360
- Гегидзе Борис Михайлович (1880–?), выпускник витебской гимназии, студент Петербургского ун-та – VII: 121, 335
 “В университете: наброски студенческой жизни” (1901), кн. – VII: 335
- Гейне Генрих (1797–1856), нем. поэт, прозаик, публицист – VII: 373, 398; VIII: 59, 61, 89, 154, 170, 218, 225, 226, 272, 343, 353, 364, 447
 “Путешествие на Гарц”, кн. – VIII: 353, 364
 “Романтическая школа”, кн. – VII: 373
 “Умные звезды”, стих. – VIII: 447
- Гелескул Анатолий Михайлович, переводчик – VII: 418
- Гельфман Гезя Мировна (Мееровна) (1856–1882), народоволец, участница покушения на Александра II марта 1881 г. – VIII: 323
- Гераклит Эфесский (конец VI – начало V в. до н.э.), др.-греч. философ-диалектик, представитель ионийской школы – VII: 79, 354
- Герасимов Юрий Константинович (1923 – 2003), историк литературы – VII: 290, 392
 “Об окружении Александра Блока во время первой русской революции”, ст. – VII: 290, 392
- Гербель Николай Васильевич (1827–1883), поэт, переводчик, издатель – VIII: 378
- Гердер Иоганн Готфрид (1744–1803), нем. философ, критик, эстетик – VII: 161, 373; VIII: 59, 384
- Гермоген (в миру Долганов Георгий Ефремович) (1858–1918), епископ, член Св. Синода (исключен в 1912 г.), участвовал в интриге против Г.Е. Распутина, за поддержку арестованной царской семьи казнен большевиками, в 2000 г. причислен к новомученикам Православной церкви – VIII: 409
- Герцен Александр Иванович (1812–1870), писатель, обществ. деятель – VII: 41, 115, 278, 280–282, 328, 329, 406; VIII: 79, 81, 359–360, 373
 “Былое и думы”, кн. – VII: 280–282
 “Инквизитор В. Аскоченский и его жертва”, ст. – VII: 406
 “Константин Сергеевич Аксаков”, ст. – VIII: 359
 “М. Бакунин и польское дело”, ст. – VII: 280, 281
 “Сборник посмертных статей А.И. Герцена” (1870) – VII: 280–282, 328
 “Сочинения и переписка с Н.А. Захарьиной” – VII: 329
- Герценштейн Давид Маркович (1848–1916), врач, участник революционного движения, публицист – VIII: 373
 “Богоискательские развлечения (По поводу новейших докладов и диспутов)”, ст. – VIII: 373
- Герцык (Лубны-Герцык) Евгения Казимировна (1878–1944), переводчица и критик – VIII: 410
- Гёте Иоганн Вольфганг (1749–1831), нем. писатель, поэт, философ – VII: 43, 116, 273, 296, 369, 383; VIII: 59, 77–78, 416
 “Западно-восточный диван”, сб. стихов – VIII: 377
 “Лесной царь”, баллада – VII: 383
 “Собрание сочинений”, в переводе русских писателей – VIII: 378
 “Фауст”, трагедия – VII: 273; VIII: 45
 «Seelige Sehnsucht (“Блаженное томление)», стих. – VIII: 377
- Гибрман, переводчик А. Стриндберга на русский язык – VIII: 194
- Гидони Александр Иосифович (1885–1942), прозаик, драматург, критик – VII: 93, 311; VIII: 303
 “В мансарде”, драматич. этюд – VII: 93, 311
- Гильфердинг Александр Федорович (1831–1872), славист, собиратель русских былин – VII: 375

- Гинзбург (Гинцбург) Илья Яковлевич (1859–1939), скульптор – VIII: 399
- Гиппиус Александр Васильевич (1878–1942), юрист, поэт, университетский друг Блока – VII: 345, 347, 353; VIII: 385
- Гиппиус Владимир Васильевич (1876–1941), поэт, литературный критик, педагог – VIII: 405
- Гиппиус Зинаида Николаевна (в замуж. Мережковская), печаталась под псевдонимами Антон Крайний, Товарищ Герман (см.) (1869–1945), поэтесса, литературный критик, прозаик – VII: 29, 109, 176, 239, 243, 247, 267, 268, 270, 277–278, 285, 287–291, 298, 299, 309, 311, 312, 322, 325, 336, 338, 343, 345, 353, 355, 388, 391, 405, 420, 423, 426–427, 429; VIII: 11, 79, 172, 179, 249, 287, 295, 297, 300, 302, 306–307, 312–313, 326, 344, 349, 363, 382, 393, 424, 440, 449, 453, 458, 462, 470
- “Алый меч” (1906), сб. рассказов – VII: 270; VIII: 172, 462
- “Анекдот об испанском короле”, ст. – VII: 322; VIII: 300
- “Без мира”, ст. – VII: 420
- “Братская могила”, ст. – VII: 287, 289, 311
- “Быт и события” – VII: 267; VIII: 313
- “Вечерняя заря”, стих. – VII: 270
- “Все кругом...”, стих. – VII: 290
- “Два зверя”, ст. – VII: 343
- “Дмитрий Мережковский”, кн. – VII: 325, 405
- «Засоборились (Новый *сoup d'état* в “Золотом Руне»)», ст. – VII: 243, 427, 428
- “Зверобог”, ст. – VIII: 440
- “Летние размышления”, ст. – VII: 391
- “Литературный дневник (1899–1907)”, книга (1908) – VII: 268, 343; VIII: 297, 313
- “Мисс Май”, рассказ – VII: 29
- “Необходимое о стихах”, ст. – VIII: 302
- “Нужны ли стихи?”, ст. – VII: 343
- “О Шиповнике. Человек и болото”, ст. – VII: 288, 312
- “Ограда”, стих. – VII: 268
- “Пауки”, стих. – VII: 267
- “Проза поэта”, ст. – VII: 426
- «Рец. на “Перевал»» – VII: 277
- “Собрание стихов” – VIII: 302
- “Сонет” (“Один я в келии неосвященной...”) – VII: 30, 271
- “Трихина”, ст. – VII: 109, 243, 277, 322, 429
- “Что и как: I. Вишневые сады; II. Триптих” – VII: 297; VIII: 307
- “Яблони цветут”, рассказ – VII: 29
- “*Suor Maria (Intermezzo)*”, рассказ – VII: 270
- Гиппиус Татьяна Николаевна (1877–1957), художница, сестра З.Н. Гиппиус – VII: 285; VIII: 296
- Глаголин (Гусев) Борис Сергеевич (1879–1948), драматург, актер и театральный критик – VIII: 306
- “За кулисами моего театра” (1911), кн. – VIII: 306
- “О театральной лекции А. Блока”, ст. – VIII: 306
- “Театральная тайна”, ст. – VIII: 306
- Глаголь Сергей – см. Голоушев Сергей Сергеевич
- Глебова (Глебова-Судейкина) Ольга Александровна (1885–1945), актриса – VII: 275
- Глинка Александр Сергеевич (псевдоним Волжский) (1878–1940), литературный критик, публицист, литературовед – VII: 326, 327
- “Из мира литературных исканий” (1906), кн. – VII: 327
- Глинка Яков Васильевич (1870–1950), руководитель канцелярии Государственной думы, действительный статский советник – VIII: 369

- “Одиннадцать лет в Государственной думе. 1906–1917” (2001), кн. – VIII: 369
- Глиэр Рейнгольд Морицевич (1874/75–1956), композитор, музыкальный деятель, педагог – VII: 362
- Глухова Елена Валерьевна, историк литературы – VIII: 296
- Гнедич Петр Петрович (1855–1925), прозаик и драматург, переводчик, художник, критик, театральный деятель, редактор “Ежегодника Императорских театров”, автор 4-томной “Истории искусств” (1885) – VIII: 113, 114, 241, 393–394
 “Песнь мухи. Из записок моего соседа Скалопендрова” (1909), сб. рассказов – VIII: 113, 114
- Гоген Поль (1848–1903), фр. живописец-постимпрессионист – VII: 16, 261
 “Ноа–Ноа” (1900), кн. – VII: 261
- Гоголь Николай Васильевич (1809–1852), писатель – VII: 27–30, 115, 163, 165, 186, 205, 246, 266–267, 269, 270, 276, 290, 380, 403; VIII: 21, 32, 42, 53, 72, 75, 76, 80, 86, 88, 89, 106–108, 130, 189, 207, 212, 220, 224, 226, 239 – 240, 300, 315, 324, 339, 349, 353, 355–356, 363–364, 366, 368, 389–392, 419
 “Выбранные места из переписки с друзьями” (1847) – VII: 186, 246; VIII: 220, 339, 355, 356, 368, 391
 “Женитьба”, драма – VIII: 21, 32, 304
 “Записки сумасшедшего”, повесть – VIII: 106, 391
 “Майская ночь, или Утопленница”, повесть – VIII: 189, 391–392
 “Мертвые души” – VII: 268; VIII: 45, 106, 353, 356, 357, 363, 391, 394
 “Наброски драмы из украинской истории” – VIII: 391
 “Портрет”, повесть – VIII: 106, 189
 “Ревизор”, комедия – VII: 290
 “Скульптура, живопись и музыка”, ст. – VIII: 189, 392
 “Сорочинская ярмарка”, повесть – VIII: 106
 “Страшная месть”, повесть – VII: 28, 265, 269; VIII: 108, 391
 “Тарас Бульба”, повесть – VII: 270
 “1834”, ст. – VIII: 391
- Годвин Уильям (1756–1836), англ. писатель, историк, публицист – VII: 280
- Годин Яков Владимирович (1887–1954), поэт – VII: 332
- Гойя Франсиско Хосе де (1746–1828), исп. живописец, гравер – VII: 136, 188, 348
- Голицына Вера Николаевна, историк литературы – VII: 247
 “К вопросу об эстетических взглядах А. Блока”, ст. – VII: 247
- Голлербах Эрих Федорович (1895–1945), литературный критик, искусствовед, поэт, публицист – VIII: 431
 “Соловьев и Розанов”, ст. – VIII: 431
- Головачев Петр Михайлович (1862–1913), историк, географ, публицист – VIII: 331
 “Декабристы”, кн. (1907) – VIII: 331
- Головачева-Панаева – см. Панаева А.Я.
- “Голос Москвы”, ежедневная политическая газета (1906–1915), орган “октябристов”, создатель и первый редактор А.И. Гучков – VII: 244; VIII: 303, 304
- Голоушев Сергей Сергеевич (псевдонимы: Глаголь, С. Сергеевич) (1855–1920), критик, писатель, художник – VII: 313, 333
 “Под впечатлением Художественного театра” (кн. Джеймса Линча и С. Глаголя) (1902) – VII: 313
- Голубев Андрей Андреевич (1881–1961), актер, театральный деятель – VII: 275, 318
- Гольберг Людвиг (1684–1754), датский писатель и драматург – VIII: 14
- Гольдберг Ю. В., банкир, редактор журнала “Поэт” – VII: 306
- Гольденов Петр Львович (1866 – после 1913), поэт, журналист – VII: 333
- Гольцев Виктор Викторович (1901–1955), критик, историк литературы – VII: 236, 246–247, 353, 358

- “Александр Блок как литературный критик”, ст. – VII: 247
- “В. Брюсов и Блок: По неопубликованным материалам”, ст. – VII: 353, 358
- Гомер (точные сведения о времени рождения и смерти отсутствуют), первый из дошедших древнегреческих поэтов, предполагаемый автор поэм “Илиада” и “Одиссея” – VII: 7, 8, 194, 416; VIII: 241, 302
- “Илиада” – VII: 417
- “Одиссея” – VII: 165, 380, 416; VIII: 302
- Гончаренко Юрий Иванович (1877 – 1940), поэт – VII: 122
- “Вечерние огни” (1907, сб. стих.) – VII: 122
- Гораций (Квинт Гораций Флакк) (65 г. до н.э. – 8 до н.э.), римский поэт – VII: 122; VIII: 52
- Горбунов Иван Федорович (1831–1896), писатель, актер, зачинатель жанра устного рассказа – VIII: 28, 312
- “Белая зала”, юмористич. сценка – VIII: 312
- “Сара Бернар”, юмористич. сценка – VIII: 312
- “Травиата”, юмористич. сценка – VIII: 312
- Гордин Аркадий Моисеевич, историк культуры – VII: 296, 394; VIII: 417
- “Блок и русские художники” (совместно с Гординым М.А.) (1986), кн. – VII: 296, 394; VIII: 417
- Гордин Михаил Аркадьевич, писатель, историк культуры – VII: 296, 395; VIII: 417
- Горн Фредерик Винкель, филолог, историк литературы – VIII: 194
- “История скандинавской литературы. От древнейших времен до наших дней” (пер. К. Бальмонта. М., 1894) – VIII: 194
- Горнфельд Аркадий Георгиевич (1867–1941), критик, переводчик, историк литературы – VII: 43, 44, 58–60, 115, 203, 286, 287, 292, 320, 418, 421; VIII: 311, 314, 363
- “Дузе, Вагнер и Станиславский”, ст. – VIII: 311
- “Кончился ли Горький?”, ст. – VII: 43, 286–287
- “Литературные беседы XXII. Недотыкомка”, ст. – VII: 58, 292
- “Муки слова” (1906), сб. статей – VII: 203, 421
- “Смерть быта”, ст. – VIII: 311
- “Торжество победителей”, ст. – VII: 320, 363
- Горный Сергей (Александр-Марк Авдеевич Оцуп) (1882–1948), прозаик, поэт, мемуарист – VIII: 347
- “Обожествление в литературе”, ст. – VIII: 347
- Городецкая (рожд. Козельская) Анна Алексеевна (1889(?) – 1945), жена С.М. Городецкого – VIII: 460
- Городецкий Сергей Митрофанович (1884–1967), поэт, прозаик, переводчик, драматург – VII: 16, 64, 71, 72, 75, 79, 108, 118, 210, 221, 238, 259–260, 265, 272, 275, 284, 285, 289–290, 292, 293, 299, 301, 320, 332, 333, 413, 429; VIII: 50, 56, 114–116, 125, 171, 328, 345, 366, 368, 375, 378, 383, 388, 393–395, 397, 405, 408, 416, 424, 452, 456, 458, 460–462
- “Беспредельна даль поляны...”, стих – VII: 292; VIII: 395
- “Ближайшая задача русской литературы”, ст. – VIII: 388
- “Весна”, стих. – VIII: 171
- “Витязь”, стих. – VIII: 462
- “Воспоминания об Александре Блоке”, мемуарный очерк – VII: 238, 284; VIII: 452
- “Встреча”, стих. – VII: 302
- “Гость”, стих. – VII: 302
- “Гроза” – VIII: 461
- “Журавль”, стих. – VII: 302
- “Заледенелая”, стих. – VII: 303
- “Змей”, стих. – VII: 302
- “Зной”, стих. – VII: 16, 259, 260

- “Золотой Спас”, стих. – VIII: 171, 462
 “Искушение”, стих. – VII: 302
 “Колдунок”, цикл стих. – VII: 302
 “Лестница”, стих. – VII: 302
 “Лица”, стих. – VII: 302
 “Лунный старик”, цикл стих. – VII: 302
 “Месяц”, стих. – VII: 302
 “Метель”, стих. – VII: 303
 “На каторгу”, стих. – VII: 302
 “На массовку, стих. – VII: 302
 “На светлом пути (Поэзия Федора Сологуба с точки зрения мистического анархизма)”, ст. – VII: 108, 320, 327; VIII: 366
 “Некоторые течения в современной русской поэзии”, ст. – VII: 413
 “О прошлой статье”, ст. – VIII: 408
 “Огневка”, стих. – VII: 302
 “Первая четверть”, стих. – VII: 302
 “Перун”, стих. – VII: 302, 303
 “Перун” (1907), сб. стих. – VII: 71, 73, 75, 299, 301; VIII: 116, 395, 460
 “Печальник”, стих. – VIII: 461
 “Полнолуние”, стих. – VII: 302
 “Полночь”, стих. – VII: 302
 “Прачка”, стих. – VII: 302
 “Русь”, стих. – VIII: 460, 462
 “Русь. Песни и думы” (1909), сб. стих. – VIII: 171, 395, 460–461
 “Свирель в метелях”, стих. – VIII: 171, 462
 “Сказка старая” – VIII: 328
 “Сосунок”, стих. – VII: 302
 “Старик”, стих. – VII: 302
 “Страна реверансов и ее пурпурно-лиловый Бедекер”, ст. – VIII: 408
 “Узница”, стих. – VII: 302
 “Хозяйка”, стих. – VII: 302
 “Христова невеста”, стих. – VIII: 462
 “Часы”, стих. – VII: 302
 “Шарманка”, стих. – VII: 302
 “Яга”, стих. – VII: 302
 “Ярь” (1907), сб. стих. – VII: 71, 73, 260, 290, 299, 301; VIII: 114–116, 394–395, 460
- Горский Иван Константинович, историк литературы – VII: 371
 “Александр Веселовский и современность” (1975), кн. – VII: 371
 “Сравнительно-историческое литературоведение” (1975) (совм. с Шаталовым С.Е.), кн. – VII: 373
- Горький Максим (наст. имя Алексей Максимович Пешков) (1868–1936), писатель, драматург, обществ. деятель – VII: 43–45, 49, 50, 62, 87–90, 96, 107, 108, 114, 115, 117, 149, 172, 187, 247, 248, 284, 286–288, 297, 300, 308–310, 319, 361, 391; VIII: 70–72, 74, 83, 108 – 111, 179, 204–208, 216–218, 286, 294, 296, 338–341, 345, 348, 351–353, 356, 361, 392, 453
 “Варвары”, драма – VII: 89
 “Враги”, драма – VII: 89, 287, 310
 “Дачники”, драма – VII: 89, 309
 “Дети Солнца”, драма – VII: 89
 “Детство”, повесть – VIII: 179
 “Жрец морали”, памфлет – VII: 43, 287
 “Землетрясение в Калабрии и Сицилии”, ст. (1909) – VIII: 109–111, 392
 “Исповедь”, повесть – VIII: 70–72, 83, 85, 204–208, 217, 218, 294, 338–341, 345, 348, 352–353, 361

- “Король, который высоко держит свое знамя”, ст. – VII: 287
 “Мальва”, рассказ – VIII: 71
 “Мать”, повесть – VII: 43, 88, 287; VIII: 71, 206, 216
 “Мещане”, драма – VII: 87, 89, 309
 “Мои интервью”, цикл очерков – VII: 43, 287
 “На дне”, драма – VII: 88, 297, 310
 “О пользе грамотности”, ст. – VII: 308
 “Один из королей республики”, памфлет – VII: 287
 “Песня о Буревестнике”, стих. – VII: 391
 “Прекрасная Франция”, памфлет – VII: 287
 “Рассказ Филиппа Васильевича”, рассказ – VII: 361
 “Товарищ”, сказка – VII: 43, 287
 “Трое”, повесть – VII: 88
 “Фома Гордеев”, повесть – VIII: 352
 “Челкаш”, рассказ – VII: 45; VIII: 71
 “Человек”, поэма – VII: 319, 391
- Гоувальд Кристоф-Эрнст (1778–1845), нем. поэт и драматург – VIII: 62
- Гофман Виктор (Виктор-Бальтазар-Эмиль) Викторович (1884–1911), поэт, прозаик, критик, переводчик – VII: 156, 361, 365, 366; VIII: 307
 “Безнадежность”, стих. – VII: 366
 “В городе”, стих. – VII: 156
 “Вдоль длинных зданий”, стих. – VII: 366
 “Книга вступлений. Лирика” (1904), сб. стих. – VII: 156, 361, 365, 366
 “Меж лепестков”, стих. – VII: 366
 “Нежность”, стих. – VII: 366
 “Остров русалок”, стих. – VII: 156
- Гофман Модест Людвигович (1887–1959), поэт, историк литературы – VII: 109, 111, 116, 124, 306, 322, 327, 330, 337
 “Книга о русских поэтах последнего десятилетия” (1907), кн. – VII: 116, 330, 388, 389
 “Кольцо. Тихие песни скорби” (1907), сб. стих. – VII: 124, 337
 “Соборный индивидуализм” (1907), кн. – VII: 322
- Гофман Эрнст Теодор Амадей (1776–1822), нем. прозаик, писатель-романтик – VII: 224; VIII: 416, 444
 “Автоматы”, рассказ – VIII: 416
 “Житейская философия кота Мура...”, роман – VIII: 416
 “Песочный человек”, повесть – VIII: 416
 “Щелкунчик и мышиный царь”, повесть-сказка – VIII: 416
 “Эликсиры Сатаны”, повесть – VIII: 416
- Гофмансталь Гуго фон (1874–1929), австр. драматург, прозаик, критик – VII: 83, 331; VIII: 32, 202, 304, 314, 330, 333
 “Электра”, трагедия – VIII: 314
- Грабарь Игорь Эммануилович (1871–1960), художник, искусствовед, музейный деятель – VIII: 360
- Градовский Григорий Константинович (1842–1915), публицист – VIII: 343
- Грановский Тимофей Николаевич (1813–1855), историк, профессор Московского ун-та – VIII: 79, 360
- Гревс Иван Михайлович (1860–1941), историк, профессор Высших женских (Бестужевских) курсов, затем профессор Санкт-Петербургского ун-та – VIII: 428
- Грег Фернан (1873–1960), фр. поэт и критик – VII: 197
- Гречанинов Александр Тихонович (1864–1956), композитор – VII: 362
- Гречишкин Сергей Сергеевич, историк литературы – VII: 334
- Гржебин Зиновий Исаевич (1869–1929), издатель; совладелец издательства “Шиповник”, художник – VII: 238, 262, 342, 361

- Грибоедов Александр Сергеевич (1795 или 1790–1829), драматург, поэт, дипломат – VII: 233, 234, 249, 308; VIII: 393, 459
 “Горе от ума”, комедия – VII: 85, 308; VIII: 393, 459
- Григ Эдвард (1843–1907), норв. композитор, пианист, дирижер – VII: 261; VIII: 310
- Григорович-Барский Дмитрий Николаевич (1871–1958), адвокат, судебный деятель, участвовал в расследовании дела Бейлиса – VIII: 453
- Григорьев Аполлон Александрович (1822–1864), литературный и театральный критик, поэт, переводчик, мемуарист – VII: 115, 233, 235, 243, 246, 327, 328; VIII: 290
 “Сочинения” (1876) – VII: 328
 “Стихотворения Аполлона Григорьева. Собрал и примечаниями снабдил Александр Блок” (1916), сб. – VIII: 290
 “Цыганская венгерка”, стих. – VII: 327
- Григорьев Виктор Петрович (1925–2007), лингвист, автор трудов по лингвистической поэтике – VII: 333
- Григорьев М.Г. – см. Альтшуллер М.Г.
- Григорьев Н., историк литературы – VIII: 456
 “Забытые строки Блока”, ст. – VIII: 456
- Грильпарцер Франц (1791–1872), австр. драматург и поэт – VII: 235; VIII: 59–63, 330–331, 364, 396
 “Волны моря и любви”, трагедия – VIII: 330
 “Праматерь”, трагедия – VIII: 59–63, 330–331, 364, 396
 “Сафо”, трагедия – VIII: 59, 331
- Гримм Яков (1785–1863), нем. филолог, один из основоположников мифологической школы в фольклористике, собиратель и издатель народных сказок – VII: 161, 373, 374
 “Deutsche Mythologie” (“Немецкая мифология”) – VII: 373, 374
 “Kleinere Schriften” (“Малые произведения”) – VII: 373
- “Гриф” (1903–1905, 1914), альманах – VII: 159, 351
 “Гриф”, книгоиздательство (1903–1913) – VII: 82, 131, 135, 169, 183, 191; VIII: 463
- Грифцов Борис Александрович (1885–1950) (псевдоним Лель), филолог – VII: 314
- Гришунин Андрей Леопольдович (1921–2006), историк литературы, текстолог – VII: 250; VIII: 296, 435
- Громов Александр Александрович (1881 – после 1935), филолог, студенческий товарищ Блока – VII: 369
 “Очерк научной деятельности И.А. Шляпкина” (1907), кн. – VII: 369
- Громов Павел Петрович (1914–1982), историк литературы, критик, поэт – VII: 238
 “А. Блок, его предшественники и современники” (1986), монография – VII: 238
- Грот Николай Яковлевич (1852–1899), философ, психолог – VIII: 360
- Грузенберг Оскар Осипович (1866–1940), адвокат по делу Бейлиса, присяжный поверенный – VIII: 453
- Грузинский Алексей Евгеньевич (1858–1930), филолог, переводчик, педагог – VII: 380, 381
- Грузинский (наст. фам. Грудзинский) Дмитрий Яковлевич (1865–1923), актер – VII: 275
- Грустный Сергей (наст. имя Сергей Михайлович Архангельский) (1859–1921), поэт, юрист – VIII: 168, 169, 458–459
 “В бессонные ночи” (1908), сб. стих. – VIII: 168, 169, 458–459
- “Грядущий день. Сборник 1. СПб.: Изд. СПб. Литературного студенческого кружка, 1907”, сборник – VII: 51, 117, 289, 332
- «Грядущий день. Сборник 2. Под ред М.П. Арцыбашева. СПб.: Изд. СПб. Литературного кружка “Грядущий день”, 1907», сборник – VII: 51, 117, 289, 332
- Г.-т., корреспондент газеты “Речь” – VIII: 324
 “По поводу акта Св. Синода”, ст. – VIII: 324
- Гуант, маркиз – VIII: 192, 475
- Губернатис Анджело де (1840–1913), итал. фольклорист – VII: 161, 374
 “Mithologie zoologique” – VII: 374

- Гудаш (Морозов Михаил Владимирович) (1868–1938), журналист и литературный критик – VIII: 409
 “Среди журналов”, ст. – VIII: 409
- Гумбольдт Карл Вильгельм, фон (1767–1835), нем. ученый, филолог, гос. деятель – VII: 203
- Гумилев Николай Степанович (1886–1921), поэт, критик, переводчик – VII: 241; VIII: 405–406, 410
- Гуревич Любовь Яковлевна (1866–1940), литературный и театальный критик, писательница – VII: 242; VIII: 181, 290, 294, 365, 396, 398, 409, 444, 472
 “В.Ф. Коммиссаржевская”, ст. – VIII: 396
 “Мечта и мысль о новой драме”, ст. – VIII: 398
 “Обзор деятельности городских попечительств...” (1916), брошюра – VIII: 472
 «От “быта” к “стилю»», ст. – VIII: 409
- Гурмон Реми де (1858–1915), фр. литературный критик, эссеист, поэт; один из основателей и редактор журнала “*Mercur de France*” – VII: 83, 84, 104, 155, 308, 318, 366
 “Книга масок” (“*Le livre de masques*”), сб. статей – VII: 84, 155, 308, 318, 366
- Гучков Александр Иванович (1862–1936), промышленник, полит. деятель – VIII: 398
- Гюго Виктор (1802–1885), фр. поэт, драматург, прозаик, публицист – VII: 36, 274; VIII: 29
 “Легенда о прекрасном Пекопене и прекрасной Больдур” (1823) – VII: 36, 274
 “Эрнани”, драма (1830) – VIII: 29
 “*Théâtre*”, сб. – VIII: 313
- Гюйсманс Жорис Карл (Шарль Жорж Мари) (1848–1907), фр. писатель – VIII: 192, 194, 408, 475–476
- Д.М. – см. Мережковский Д.С.
- Давидовский Константин Алексеевич (1882–1939), актер – VII: 315
- Давыдов Владимир Николаевич (наст. имя Иван Николаевич Горелов) (1849–1925), актер – VIII: 311
- Давыдов (Давидов) Иосиф Александрович (1866–1942), экономист, философ-эмпириомонист – VII: 327
 “Индивидуалистический анархизм М. Штирнера”, ст. – VII: 327
- Давыдович Г., писатель, участник сборника “Грядущий день. Сборник 2” (СПб., 1907) – VII: 332
- Далматов Василий Пантелеймонович (псевдоним; наст. фам. Лучич) (1852–1912), актер – VIII: 28, 151, 152, 312–313, 441
- Даманская Августа (Августина) Филипповна (1875–1959), переводчица, писательница – VII: 333
- Данилов Кирша (Кирилл Данилович) (XVIII в.), предполагаемый составитель первого сборника русских былин, исторических, лирических и духовных песен – VII: 67, 301
 “Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым” (1818), сб. – VII: 301
- Данте Алигьери (1265–1321), итал. поэт, создатель итальянского литературного языка – VII: 9, 160, 187, 199, 204, 255, 369, 405, 406; VIII: 69, 87, 129, 154, 166, 199, 223, 273, 419, 447, 449
 “Божественная Комедия”, поэма – VII: 255, 406; VIII: 419
- Дантес Жорж Шарль (1812–1895), кавалергардский офицер; убит на дуэли А.С. Пушкина – VIII: 53
- Дантон Жорж-Жак (1759 – 1794), полит. деятель эпохи Великой французской революции, адвокат – VIII: 361
- Дарвин Чарлз Роберт (1809–1882), англ. естествоиспытатель – VII: 415
- Дашкевич Николай Павлович (1852–1908), историк литературы, фольклорист, академик – VII: 160, 372
- Дворникова Людмила Яковлевна, архивист, историк литературы – VII: 388, 390

- “Автор одного романа (Письма В.Р. Менжинского к В.Н. Верховскому)”, ст. – VII: 388, 389
- Девисон В., писатель – VII: 217, 432
 “Богатыри”, рассказ – VII: 217
 “Нервы”, рассказ – VII: 217
 “Полночный звон”, рассказ – VII: 217
 “Чужестранец”, сб. рассказов (1906) – VII: 217, 432
 “Узнали”, рассказ – VII: 217
- Дезесперанто (псевдоним; наст. имя Ачкасов Алексей Николаевич) (1870–?), журналист, поэт и писатель – VIII: 388
 “Из летописи Парнаса” (“Однажды Бальмонта стихи читая Блок...”), стихотворная пародия – VIII: 388
- Дейбнер А., певец – VIII: 328
- Декарт Рене (Картезий) (1596–1650), фр. философ, математик, физик, физиолог, родоначальник рационализма – VII: 425
- Делиль Жак (1738–1813), фр. поэт – VII: 163, 377
 “Сады”, поэма – VII: 377
 “Сельский житель, или французские Георгики”, поэма – VII: 377
- “Дело Бейлиса: Стенографический отчет. С приложением алфавитного поименного указателя Т. 1–3” (1913) – VIII: 453
- Дельвиг Антон Антонович, барон (1798–1831), поэт, критик, журналист, лицейский друг А.С. Пушкина – VII: 332
- Дельмас–Андреева (рожд. Тишинская) Любовь Александровна (1884–1969), певица, адресат цикла “Кармен” – VIII: 427, 430
- Дементьева (рожд. Коваленская) Наталья Михайловна (1852–1900), старшая сестра О.М. Соловьевой (см.) – VIII: 430
- Дени Морис (1870–1943), фр. художник, живописец, график, один из основателей группы “Наби”, теоретик искусства – VII: 294
- Денисов Василий Иванович (1862–1922), художник, декоратор – VII: 105, 313, 318; VIII: 329
- Денисюк Николай Федорович (1864– после 1926), библиограф, музыкальный критик, певец – VII: 116, 330
 “Критическая литература о произведениях А.Н. Островского” (1906–1907). В 4 вып., кн. – VII: 330
- “День” (СПб., 1912–1916), ежедневная газета с иллюстрированными приложениями – VII: 246; VIII: 160, 275, 286, 443, 452, 468
- Державин Гаврила Романович (1743–1816), поэт, гос. деятель – VII: 376
- Десницкий Василий Алексеевич (1878–1958), историк литературы, педагог, участник революционного движения – VII: 247
- Дешарт Ольга (псевдоним; наст. имя Шор Ольга Александровна) (1894–1978), секретарь и издатель Вяч.И. Иванова – VII: 256, 276, 351
 “Введение” к Собр. соч. Вяч. Иванова (Т. I, Брюссель, 1971) – VII: 256, 276, 351
- Джонсон Бенджамин (1573–1637), англ. драматург, поэт, теоретик драмы – VII: 349
- Диккенс Чарльз (1812–1870), англ. писатель, романист, журналист – VII: 135, 348, 408, 425
- Дикман Мина Исаевна (1910–1989), редактор, историк литературы – VII: 247
 “Блок-критик”, ст. – VII: 247
- Дикс Борис – см. Леман Б.А.
- Динесман Татьяна Георгиевна, историк литературы – VII: 419
- Диоген Лаэртский (1-я пол. 3 в.), др.-греч. философ – VII: 342
 “О житии, учениях и изречениях знаменитых философов” – VII: 342
- Дитрихсон Лоренц (Lorents-Henrik-Segelcke Dietrichson) (1834–1917) – поэт, норв. историк искусства и литературы, друг Ибсена – VIII: 439
 “Минувшие времена”, мемуарный очерк – VIII: 439

- Дмитриева (в замуж. Ершова) Валентина Иововна (1859–1947), прозаик, детская писательница – VII: 51, 289
 “Один”, рассказ – VII: 289
- Дмитрий Донской (1350–1389), великий князь московский и владимирский, сын Ивана II – VIII: 73, 210, 218
- “Дневники писателей” (1913–1914) – журнал, издававшийся Ф. Сологубом и А.Н. Чеботаревской (вышло 4 номера) – VIII: 291
- Д’Ор О.Л. – см. Оршер И.Л.
- Добролюбов Александр Михайлович (1876–1945), поэт, основатель секты “добролюбовцев” – VII: 108, 207, 321, 420, 425; VIII: 373, 382, 452
- Добролюбов Николай Александрович (1836–1861), литературный критик, публицист – VII: 328; VIII: 53, 80–82, 88, 224, 286, 355, 358, 367
 “Собеседник любителей русского слова”, ст. – VIII: 367
- Доброхотова Н., участница сборника “Грядущий день. Сборник 2” (СПб., 1907) – VII: 332
- Добужинский Мстислав Валерианович (1875–1957), график и театральный художник; член художественного объединения “Мир искусства” – VII: 119; VIII: 399
- Дождикова Надежда Александровна, историк литературы – VIII: 450
 “Блок и Т. Карлейль”, ст. – VIII: 450
- Долгополов Леонид Константинович (1928–1995), историк литературы – VII: 310
 «М. Горький и проблема “Детей солнца”», ст. – VII: 310
- Долотова Аполлинария Михайловна (1925–1995), историк литературы – VII: 250; VIII: 296
- “Домашняя беседа”, еженедельный журнал (1858–1877), издавался В.И. Аскоченским – VII: 186, 406
- Донгаров Р.Б., историк литературы – VII: 342, 348, 361, 362, 364
 “Блок – редактор Бальмонта”, ст. – VII: 342, 348, 361, 362
- Дорошевич Влас Михайлович (1864–1922), журналист, публицист, театральный критик – VIII: 361
 “Смерть Человека (Святочная чертовщина)”, фельетон – VIII: 361
- Достоевская Анна Григорьевна (1846–1918), жена Ф.М. Достоевского, автор мемуаров о нем, издатель его произведений – VIII: 329
- Достоевская Любовь Федоровна (1869–1926), дочь Ф.М. Достоевского, беллетристка, мемуаристка, редактор-издатель произведений отца – VII: 329
- Достоевский Федор Михайлович (1821–1881), писатель – VII: 21, 22, 27, 29, 30, 54, 59, 91, 113, 115, 129, 135, 146, 174, 188, 193, 205, 221, 248, 263, 266, 269, 270, 290, 326–328, 340, 342, 348, 393, 401, 408, 424; VIII: 23, 36, 53, 58, 74, 88, 89, 141, 176, 211, 219, 225, 241, 300, 310, 325–326, 329, 346, 355, 357, 362, 385–386, 401
 “Бесы”, роман (1871) – VII: 129, 174, 290, 340, 342, 393, 412
 “Братья Карамазовы”, роман (1880) – VIII: 357, 386, 412
 “Дневник писателя 1876 г.” – VII: 21, 266; VIII: 401
 “Идиот”, роман (1868) – VII: 267, 270
 “Мальчик у Христа на елке” (1876) – VII: 21, 22, 266
 «Объявление о подписке на журнал “Время” на 1861 год» – VII: 328
 “Подросток”, роман (1875) – VII: 269, 329
 “Преступление и наказание”, роман (1866) – VII: 266; VIII: 310
 “Ряд статей о русской литературе. I. Введение” – VII: 270
 “Село Степанчиково и его обитатели”, повесть (1859) – VII: 59
- Драгоманов Михаил Петрович (1841–1895), публицист, критик, обществ. деятель, историк, фольклорист – VII: 41, 280–283
 “Бакунин М.А. Письма к А.И. Герцену и Н.П. Огареву” (1906), кн. – VII: 280
 “Герцен, Бакунин, Чернышевский и польский вопрос” (1906), кн. – VII: 280
 “Михаил Александрович Бакунин. Критико-библиографический очерк” (1906), кн. – VII: 280–283

- Драчевский Даниил Васильевич (1858 – 1918), градоначальник Санкт-Петербурга (с 1907 по 1914), генерал-майор – VIII: 429
- Дризен Николай Васильевич, барон (1868–1935), театральный критик, историк театра, цензор Главного управления по делам печати, основатель Старинного театра (1907), редактор “Ежегодника императорских театров” (1909–1915); педагог – VIII: 397–398
- Дузе Элеонора (1858–1924), итал. драматическая актриса – VIII: 28, 29, 31, 312
- Дункан Айседора (1878–1927), американская танцовщица свободного стиля, одна из основоположниц школы танца модерн – VII: 221, 259, 265
- Дурнов Модест Александрович (1868–1928), художник, архитектор – VII: 401
- Дымов Осип (псевдоним; наст. имя Иосиф Исидорович Перельман) (1878–1959), прозаик, драматург, журналист – VII: 92, 108, 310, 332, 394; VIII: 303, 429
- “Долг”, драма – VII: 92
- “Слушай, Израиль! (Schma, Israel!)”, драма – VII: 92, 310
- “Солнцеворот” (1905), сб. рассказов – VII: 92, 310
- Дьендьеши Мария, венгерский славист – VIII: 414
- “Блок и немецкая культура (Новалис, Гейне, Ницше, Вагнер)” (2004), кн. – VIII: 414
- “Образы и идеи Новалиса в творчестве Блока”, ст. – VIII: 414
- Дьякова Елена Александровна, историк литературы – VII: 248, 249
- “Александр Блок и литературно-эстетическая мысль первых послеоктябрьских лет” (Автореферат дис. ... канд. филол. наук, 1991) – VII: 248
- Дьяконов Александр Петрович (псевдоним Ставрогин) (1873–1943), актер, писатель, критик – VII: 275, 314; VIII: 330, 333, 396
- “Александр Блок в театре Коммиссаржевской”, мемуарный очерк – VII: 275; VIII: 330, 333, 396
- “Дневник репетиций и спектаклей Драматического спектакля В.Ф. Коммиссаржевской” – VII: 314
- Дьяконова Елизавета Александровна (1874–1902), публицист – VII: 121, 335
- “В университете”, мемуарный очерк – VII: 335
- “Дневник русской женщины” (1905), кн. – VII: 335
- “На высших женских курсах”, мемуарный очерк – VII: 335
- Дюкре-Дюминиль Франсуа (1761–1819), фр. поэт и романист – VII: 166, 382
- “Виктор, или Дитя в лесу”, роман – VII: 382
- Дюма Александр (1802–1870), фр. прозаик, драматург – VII: 41; VIII: 17
- Дюма-сын Александр (1824–1895), фр. прозаик, драматург – VII: 85; VIII: 309
- “Дама с камелиями”, драма – VIII: 31, 312
- “Кни, или Беспутство и гений”, драма – VIII: 17, 309
- Дягилев Сергей Павлович (1872–1929), театральный и художественный деятель, один из создателей и руководителей художественного объединения и журнала “Мир искусства” – VII: 298, 309; VIII: 399
- Е.И. (Рерих Елена Ивановна? 1879–1955), жена Н.К. Рериха, писательница, религиозный философ и публицист – VII: 129, 130
- “Просветы и настроения” (1903), кн. – VII: 129, 130
- Евреинов Николай Николаевич (1879–1953), драматург и режиссер, теоретик театра – VIII: 398, 469
- Егоров Иоанн Феодорович (1872–1920), священник, законоучитель Смольного института благородных девиц, участник Религиозно-философских собраний, член группы “32-х” (“Союз ревнителей церковного обновления”) – VII: 327
- Екатерина II Алексеевна (1729–1796), российская императрица с 1762 г. – VII: 376
- Елизавета I (1558–1603), английская королева – VII: 349
- Елизавета Петровна (1709–1761/62), российская императрица с 1741 г., дочь Петра I – VIII:

- Ельчанинов Александр Викторович (1881–1934), православный священник, педагог – VII: 327
- Енишерлов Владимир Петрович, историк литературы – VII: 247
 “Александр Блок – критик”, ст. – VII: 247
- Ермаков А.Ф., историк литературы – VII: 331
 “Образование”, ст. – VII: 331
- Ермилова Елена Владимировна, историк литературы – VII: 252
 “Теория и образный мир русского символизма” (1989), кн. – VII: 252
- Ермолова (по мужу Шубинская) Мария Николаевна (1853–1928), актриса Малого театра (1871–1921) – VIII: 59, 331
- Ернефельт Арвид (1861–1932), финский писатель – VII: 173, 390, 392
 “Три судьбы” (1904), кн. – VII: 173, 390, 392
- Есенин Сергей Александрович (1895–1925), поэт, драматург, прозаик – VIII: 468
- Есипович (Есипович-Гонзаль) Анна Петровна (1888–1970), актриса Александринского театра – VIII: 429
- Ефимов Н., писатель, участник сборника “Грядущий день” (1907) – VII: 289, 332
- Жаков** Каллистрат Фалалеевич (1866–1926), прозаик, поэт, ученый, педагог – VII: 171, 388
 “Песни Пама-Бур-Морта”, стих. – VII: 388
 “Понятие бесконечности в алгебре, в геометрии, в философии, проблема бесконечности пространства, проблема бесконечности вещества” (1902), ст. – VII: 388
- Жданов Иван Николаевич (1846–1901), филолог, фольклорист, ученик А.Н. Веселовского – VII: 160, 372
- Желябов Андрей Иванович (1851–1881), революционер, один из основателей “Народной воли”, участник покушения на Александра II 1 марта 1881 г. – VIII: 323
- Жемчужников Алексей Михайлович (1821–1908), поэт, писатель, один из авторов коллективного псевдонима “Козьма Прутков” – VIII: 431
- Женя – см. Иванов Евгений Павлович
- Жилкин Иван Васильевич (1874 – 1958), журналист, публицист, обществ. деятель – VIII: 342, 345
 “Странички жизни”, заметка – VIII: 342, 345
- Жильнен Иван (1858–1924), бельг. поэт – VII: 332
- Жип (наст. имя Сибиль Габриэль Мари Антуанет де Рикети де Мирабо, графиня де Мартель де Жанвиль) (1849–1932), фр. писательница – VII: 154
- Жирмунский Виктор Максимович (1891–1971), филолог – VII: 273, 371; VIII: 289, 405, 448
 “Веселовский и сравнительное литературоведение”, ст. – VII: 371
 «Драма Александра Блока “Роза и Крест”. Литературные источники» (1964), монография – VII: 273; VIII: 448
 “Поэзия Александра Блока” (1921), кн. – VIII: 289
 “Сравнительное литературоведение” (1979), кн. – VII: 371
 “Теория литературы. Поэтика. Стилистика” (1972), кн. – VII: 273; VIII: 448
- Жиро Альбер (Мари Эмиль Альбер Кайенберг) (1860–1929), бельг. поэт – VII: 332
- Жихарева Ксения Михайловна (1873 – 1953), переводчица – VIII: 196
- Жуков Виктор Васильевич (1856–1908), сотрудник “Петербургской газеты”, поэт-сатирик, проходивший как свидетель в процессе “кошкодавов” – VIII: 362
- Жуковский Василий Андреевич (1783–1852), поэт, переводчик – VII: 162–166, 249, 287, 292, 369–371, 376–381, 383
 “Агасфер”, поэма – VII: 378
 “Александру Ивановичу Тургеневу в ответ на его письмо”, стих. (1913) – VII: 378
 “Богатырь Алеша Попович, или Страшные развалины”, комич. опера – VII: 162
 “Громобой”, поэма – VII: 379
 “Две были и еще одна”, поэма – VII: 287

- “19 марта 1823 года”, стих. – VII: 379
- “Дневники” – VII: 376
- “Замок Смальгольм, или Иванов вечер”, баллада – VII: 369
- “Из Апокалипсиса”, стих. – VII: 380
- “К Ив. Ив. Дмитриеву”, стих. – VII: 377
- “К мимопролетевшему знакомому гению”, стих. – VII: 379
- “Камознс”, поэма – VII: 378
- “Капитан Бопп”, поэма – VII: 380
- “Лалла-Рук”, стих. – VII: 164, 378
- “Лесной царь”, баллада – VII: 383
- “На смерть А.И. Тургенева”, стих. – VII: 378
- “Одиссея”, перевод – VII: 300
- “Орлеанская дева”, перевод трагедии Ф. Шиллера – VII: 164
- “Платок графини Самойловой”, стих. – VII: 379
- “Светлана”, баллада – VII: 379, 383
- “Сказка о царе Берендее, о сыне его Иване Царевиче, о хитростях Кощея Бессмертного и о премудростях Марьи Царевны, Кощеевой дочери”, стихотворная сказка – VII: 376
- “Сказка об Иване Царевиче и сером волке”, стихотворная сказка – VII: 376
- “Теон и Эсхин”, стих. – VII: 377
- “Ундина”, стих. – VII: 292, 380
- “Царскосельский лебедь”, стих (1851) – VII: 380
- “Явление поэзии в виде Лалла-Рук”, стих – VII: 378
- Журавский И., писатель, участник сборника “Грядущий день (Первый сборник Петербургского литературно-научного студенческого кружка)” (1907) – VII: 51, 289, 332
- “Гасители”, рассказ – VII: 290
- “Журнал для всех” (СПб., 1896–1906, с № 4 в 1903 г. – под заглавием “Ежемесячный журнал для всех”), ежемесячный иллюстрированный литературный и научно-популярный журнал, издатель В.С. Миролюбов – VII: 240, 249
- “Журнал министерства народного просвещения” (СПб., 1834–1916), ежемесячный журнал – VII: 161, 415
- “Журнал театра литературно-художественного общества” (СПб., 1907–1910), выходил нерегулярно, 2–3 раза во время театрального сезона; редакторы Б.С. Глаголин, А.С. Суворин – VIII: 306
- Журов Петр Алексеевич (1885 – 1987), историк литературы, исследователь Шахматовской библиотеки Блока – VII: 279
- “Шахматовская библиотека Бекетовых-Блока”, ст. и публ. материалов – VII: 279
- Забела-Врубель Надежда Ивановна (1868–1913), певица, жена М. Врубеля – VII: 267
- Забелин Иван Егорович (1820 – 1908), историк, археолог, коллекционер, организатор музейного дела – VIII: 390
- “Русский народ, его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия”, кн. – VIII: 390
- Заблочкая Алиса Евгеньевна, историк литературы – VII: 244; VIII: 422–423
- «“Автобиографический документ” в творчестве А. Блока 1918–1921 годов» – VIII: 423
- “Письма Н.Д. Санжарь к А.А. Блоку”, ст. и публикация – VIII: 422–424
- Заварзина Н.Ю., историк литературы – VII: 263
- “Заветы”, ежемесячный литературно-политический журнал (1912–1914), издатель С.А. Иванчин-Писарев – VII: 244
- Загарин П. (псевдоним) – см. Поливанов Л.И.
- Задгер С. (S. Sadger), нем. критик – VIII: 338
- Зайцев Борис Константинович (1881–1972), прозаик, переводчик – VII: 58, 119, 285, 291, 292, 332, 333

- “Май”, рассказ – VII: 333
 “Полковник Розов”, рассказ – VII: 58, 292, 333
 “Рассказы” (1906), сб. рассказов – VII: 291
 “Сестра”, рассказ – VII: 333
- Зайчик Роберт (1867/68–1965), швейцарский немецкоязычный историк искусства, художественный критик – VIII: 421
 “Люди и искусство итальянского Возрождения” (1903), кн. – VIII: 421
- Закушняк Александр Яковлевич (1879–1930), актер, чтец – VII: 318
 Зальцман, художник-карикатурист – VII: 134
 “Записки мечтателей”, петроградский журнал-альманах издательства “Алконост” (1919–1922) – VIII: 291
 “Записки С.-Петербургского Религиозно-философского общества” (1908), кн. – VII: 323–326; VIII: 392
- Зарин Андрей Ефимович (1862–1929), прозаик, журналист – VII: 128, 129, 339, 340
 “Спирит” (1902), роман – VII: 128, 339, 340
- Зарницын Александр Иванович (1871–1937), священник – VII: 332
 Зарудный Александр Сергеевич (1863–1934), адвокат по делу Бейлиса, обществ. деятель, присяжный поверенный – VIII: 453
- Захарьина (в замуж. Герцен) Наталья Александровна (1814–1852), кузина и жена А.И. Герцена – VII: 329
- Зейдлиц Карл Карлович (1798–1885), друг и биограф В.А. Жуковского, мемуарист, врач, научный и обществ. деятель – VII: 162, 163, 376
 “Жизнь и поэзия В.А. Жуковского” (1883), кн. – VII: 376
 “Зеленый сборник стихов и прозы” (1905), альманах – VII: 95, 171, 250, 311, 387–390, 393
- Зелигман О., писатель, участник сб. “Грядущий день. Сборник 1” (СПб.: Изд. СПб. студенческого кружка, 1907) – VII: 332
- Зелинский Василий Аполлонович (1853 – ?), педагог, критик, филолог – VII: 330
 “Критический комментарий к сочинениям Ф.М. Достоевского. Собрание критических статей” (1907), кн. – VII: 330
 «Критический комментарий к сочинениям Ф.М. Достоевского. Ч. IV. “Братья Карамазовы”» (1907), кн. – VII: 330
 «Критические разборы романов Ф. Достоевского “Преступление и наказание”» (1907) – VII: 330
 “Сборник критических статей о Некрасове. Ч. I. 1840–1864 гг.” (1906), кн – VII: 330
- Зелинский Фаддей Францевич (1859–1944), филолог, переводчик, педагог – VII: 116, 167, 221, 253, 261, 266, 273, 330, 384, 385, 416; VIII: 302, 426
 “Гермес Трижды Величайший”, ст. – VII: 253
 “Елена Прекрасная”, ст. – VII: 273
 “Золотой век”, ст. – VII: 266
 “Из жизни идей: Соперники христианства” (1905), кн. – VII: 253, 266, 273, 384; VIII: 302
 “Общий курс истории античной словесности” (1909–1910) – VII: 416
 “Рабочая песенка”, ст. – VIII: 302
- Зилов Лев Николаевич (1883–1937), поэт, прозаик, автор книг для детей – VII: 333
- Зиновьева-Аннибал Лидия Дмитриевна (наст. фам. Зиновьева, во втором браке Иванова) (1865–1907), прозаик, драматург – VII: 108, 120, 333, 334, 390; VIII: 291
 “Трагический зверинец” (1907), сб. рассказов – VII: 120, 334
 “Тридцать три уroda” (1907), сб. рассказов – VII: 120, 334
- “Знамя труда”, петербургская, затем московская газета левых эсеров (1917–1918) – VII: 324, 325; VIII: 109, 339, 341, 370–372, 390, 451
- “Знание”, сборники товарищества “Знание”, выходявшие под руководством и при участии М. Горького (1904–1913) – VII: 43, 45, 49–51, 90, 92, 117, 121, 146, 240, 284–287, 310, 320, 360, 391

- Зноско-Боровский Евгений Александрович (1884 – 1954), писатель, журналист, шахматист – VIII: 406–407
- Золотарев Алексей Алексеевич (1879–1950), писатель, критик, публицист – VII: 244
- “Золотое руно” (М., 1906–1909), символистский иллюстрированный литературный и художественный журнал – VII: 114, 209, 239–242, 244, 249, 260, 264, 283–284, 286, 287, 289, 292, 305, 307, 313, 319, 323, 325, 326, 391, 396, 418, 421, 424, 426–427, 429; VIII: 76, 105, 286–287, 290, 297, 300, 303–306, 316, 320, 338–341, 344, 348, 355, 460
- Золя Эмиль (1840–1902), фр. прозаик, теоретик натурализма – VII: 145, 293; VIII: 141, 433
- Зонов Аркадий Павлович (1875–1922), режиссер, актер театра В.Ф. Коммиссаржевской, театральный деятель – VIII: 398
- Ибсен Генрик (Генрих) (1828–1906), норв. драматург и поэт – VII: 39, 83, 85–87, 96, 105, 248, 275, 276, 289, 309, 398; VIII: 9, 10, 13–15, 27, 28, 64–70, 89, 117, 142–146, 185, 190–193, 199–203, 226, 252–264, 297, 301–302, 304, 308–309, 314, 316, 325, 332–338, 364, 368, 379, 397, 408, 434, 437, 442, 474–475**
- “Борьба за престол”, драма – VIII: 302
- “Бранд”, драма – VII: 289; VIII: 66, 143, 261, 301, 335–336, 437
- “В картинной галерее”, стих. цикл – VIII: 336
- “Воители в Гельголанде”, драма – VIII: 261, 337
- “Гедда Габлер”, драма – VII: 39, 105, 275, 276, 319; VIII: 66, 145, 192, 201, 259, 301, 335, 337
- “Доктор Штокман (Враг народа)”, драма – VIII: 66, 144, 191, 258, 335
- “Дочь моря”, драма – VIII: 66, 201, 260, 335, 337
- “Женщина моря”, драма – VIII: 145, 309, 438
- “Катилина”, трагедия – VIII: 301–302
- “Кесарь и Галилеянин”, драма – VIII: 336
- “Когда мы, мертвые, пробуждаемся”, драма – VIII: 146, 193, 260, 301, 314, 439
- “Комедия любви”, драма – VII: 105, 318; VIII: 65, 143, 255, 302, 334, 439, 475
- “Кукольный дом” (“Нора”), драма – VIII: 66, 144, 145, 258, 438
- “Маленький Эйольф”, драма – VII: 398; VIII: 192
- “Нора”, драма – VII: 438; VIII: 145, 190, 258
- “Норвежским скальдам”, стих. – VIII: 301, 336
- “Пер Гюнт”, драматическая поэма – VIII: 337, 368, 437
- “Письмо в стихах”, стих. – VIII: 335
- “Полное собрание сочинений” – VIII: 301, 308, 333–338, 368, 379, 397, 439
- “Привидения”, драма – VIII: 191, 438
- “Прошение к королю” – VIII: 301
- “Речи на празднестве в Стокгольме” – VIII: 335
- “Росмерсгольм”, драма – VIII: 145, 191, 260, 438
- “Рудокон”, стих. – VIII: 379
- “Сожженные корабли”, стих. – VIII: 334
- “Союз молодежи”, драма – VIII: 475
- “Строитель Сольнес”, драма – VII: 28, 66, 68, 69, 117, 146, 152, 192, 201–203, 260, 301, 312; VIII: 316, 332, 335, 337–338, 396–397, 442
- “Столпы общества”, драма – VIII: 66, 144, 190, 475
- “Терье Виген”, стих. – VIII: 439
- Иванов Александр Андреевич (1806–1858), художник – VIII: 329
- “Явление Христа народу”, картина – VIII: 329
- Иванов Александр Павлович (1876–1933), писатель, художник, критик, брат Е.П. Иванова – VIII: 121, 400–402, 444
- “Михаил Александрович Врубель. Опыт биографии” – VIII: 121, 400–401
- “У гроба Врубеля”, ст. – VIII: 401–402

Иванов Вячеслав Всеволодович, филолог – VIII: 434, 440

“Блок и Стриндберг”, ст – VIII: 434, 440

Иванов Вячеслав Иванович (1866–1946), поэт, критик, филолог, переводчик – VII: 7–14, 39, 85, 107, 108, 118, 137–139, 202, 210, 239, 242–243, 247, 249, 251–259, 271, 275, 276, 284–285, 293, 296, 298, 299, 309, 311, 313, 322, 327, 332, 333, 346, 347, 350, 351, 359, 367, 391, 397, 420, 423, 429; VIII: 27, 52, 123, 125, 128, 134, 289–292, 294–295, 298, 300, 302, 305, 307, 312, 315, 344–345, 359–360, 363–364, 366, 368, 370–372, 375, 378, 387, 389–390, 395, 397–398, 403, 405–412, 414, 418, 422, 424, 427–430, 435, 453, 456, 461

«Александр Блок. “Стихи о Прекрасной Даме»», рец. – VII: 252, 256

“Аполлон влюбленный”, стих. – VII: 351

“Аспекты”, стих. – VII: 351

“В челне по морю”, стих. цикл – VII: 11

“Вагнер и Дионисово действо”, ст. – VII: 252, 397; VIII: 312

“Взгляд Скрябина на искусство”, ст. – VIII: 410

“Воззревшие”, стих. – VII: 351

“Встреча”, стих. – VII: 11, 256

“Вступление”, стих. – VII: 259

“Вызывание Вакха”, стих. – VIII: 417

“Голубой цветок”, лекция – VIII: 414

“Две любви”, стих. – VII: 351

“Две стихии в современном символизме”, ст. – VIII: 305, 412

“День и ночь”, стих. – VII: 11, 256

“Днепровье”, стих. – VII: 258

“Душа сумерек”, стих. – VII: 351

“Железная осень”, стих. – VII: 351

“Заветы символизма”, ст. – VIII: 409, 422, 424

“Звезда морей (Maris Stella)”, стих. – VII: 11, 256

“Золотые завесы”, стих. цикл – VII: 118

“Идея неприятия мира и мистический анархизм”, ст. – VIII: 366

“Копье Афины. Поскольку мы индивидуалисты?”, ст – VII: 252, 254, 255, 398

“Кормчие звезды” (1903), кн. стихов – VII: 9, 11–14, 251, 255, 256

“Красота”, стих. – VII: 12, 13, 258

“Кризис индивидуализма”, ст. – VIII: 368

“Лазаре, гряди вон”, стих. – VII: 11, 12, 257

“Лилия”, стих. – VII: 138, 351

“Лира Новалиса” – VIII: 414

“Менада”, стих. – VIII: 363

“Миры возможного”, поэма – VII: 256

“Мистика”, стих. – VII: 255

“Мысли о символизме”, ст. – VIII: 292

«Н.П. Анненкова-Бернард “Дочь народа»», рец. – VII: 252

“На высоте”, стих. – VII: 12, 257

“На крыльях зари”, стих. – VII: 257

“Наполеон”, стих. – VII: 257

“Нарцисс”, стих. – VII: 352

“Небо живет”, стих. – VII: 258, 352

“Ницше и Дионис”, ст. – VII: 252, 254; VIII: 79, 297

“Нищ и светел”, стих. – VII: 296

“Новая повесть о богоборстве”, ст. – VII: 252

“Новые маски”, ст. – VII: 252; VIII: 312

“Ночь в пустыне”, стих. – VII: 11, 256

“О веселом ремесле и умном веселии”, ст. – VII: 252, 253; VIII: 307, 360, 378

- «О “красном смехе” и “правом безумии»», ст. – VII: 252
 «О любви дерзающей», ст. – VII: 327
 «О Моммзене», ст. – VII: 252
 «О несприятии мира», ст – VII: 322, 429
 «О русской идее», ст. – VII: 294–295, 370–371, 375; VIII: 378
 «О “Химерах” Андрея Белого», ст. – VIII: 297
 «Озимь», стих. – VII: 10, 256
 «Орфей растерзанный», стих. – VII: 14, 258
 «Парижские эпиграммы», стих. цикл – VII: 10, 256
 «Песни Дафниса», стих. цикл – VII: 351
 «По звездам: Статьи и афоризмы» (1909), кн. – VIII: 375, 412
 «Покорность», стих. – VII: 256
 «Поликсена Соловьева (Allegro)», ст. – VII: 367
 «Поэт и чернь», ст – VII: 7, 8, 13, 252, 257–259, 397, 398; VIII: 443
 «Поэты духа», стих. – VII: 258
 «Предчувствия и предвестия», ст. – VIII: 27, 302
 «Примечание о дифирамбе» – VII: 258, 352
 «Пробуждение», стих. – VII: 10, 256, 257
 «Прозрачность», стих. – VII: 13, 251, 258; VIII: 300
 «Прозрачность. Вторая книга лирики» (1903), сб. стих. – VII: 9, 12–14, 137, 249, 251, 255–259, 346, 350, 351
 «Псалом солнечный», стих. – VII: 420
 «Разрыв», стих. – VII: 258
 «Райская мать», стих. – VII: 257
 «Рассказы тайновидца», ст. – VII: 252
 «Рубин», стих. – VII: 351
 «С пути», стих. – VII: 352
 «Стих о Святой Горе», стих. – VII: 12, 258
 «Сфинкс», поэма – VII: 12, 257
 «Тантал», трагедия – VII: 85, 309
 «Тебе благодарим», стих. – VII: 257
 «Тезей. Дифирамб Бакхилида», стих. – VII: 258, 352
 «Темница», стих. – VII: 351, 352
 «Товарищам», стих. цикл – VII: 351
 «Тризна Диониса», стих. – VII: 256
 «Увенчанные», стих. – VII: 351
 «Фуга», стих. – VII: 351
 «Хмель», стих. – VII: 351
 «Художник и поэт», стих. – VII: 352
 «Царство прозрачности», стих. цикл – VII: 351
 «Цветы сумерек» – VII: 11, 256
 «Цикады», стих. – VII: 351
 «Чудо св. Антония. (Das Wunder des heiligen Antonius)», рец. на пьесу М. Метерлинка – VII: 252
 «Эллинская религия страдающего бога», трактат – VII: 8, 252, 253, 255–258
 «Эрос» (1907), сб. стих – VII: 118, 293; VIII: 417
 «Fio, ergo non sum», стих. – VII: 14, 258
 «Maris Stella», стих. – VII: 256
 «Maurice Maeterlinck “Das Wunder des heiligen Antonius”», рец. – VII: 252
 «Maurice Maeterlinck “Les double Jardin”», рец. – VII: 252
 «Paul Verlaine “Semiramis: Poésies religieuses”», рец. – VII: 252
 «Péladan “Sémiramis: Tragedie en quatre actes”», рец. – VII: 252
 «Tancrede de Visan “Paysages Introspektifs”», рец. – VII: 252

- Иванов Евгений Павлович (1879–1942), публицист, детский писатель, мемуарист – VII: 118, 237, 240, 251, 264, 265, 269, 277, 284–285, 325, 367, 394, 399, 402, 424, 426; VIII: 287, 312, 323, 340, 370, 400, 421, 424, 431
 “Воспоминания об Александре Блоке”, мемуарный очерк – VII: 269
 “Всадник. Нечто о городе Петербурге”, ст. – VII: 118, 269
 “Письма А. Блока к Е.П. Иванову” – VIII: 312
- Иванов Михаил Михайлович (1849–1927), музыкальный критик и композитор, заведующий музыкальным отделом “Нового времени” – VIII: 133, 423
- Иванов Михаил Филиппович (1869–1930), художник – VII: 346
- Иванов-Разумник (наст. имя Разумник Васильевич Иванов) (1878–1946), критик, публицист, историк литературы и обществ. мысли – VII: 244, 261; VIII: 372, 473
 “Роза и Крест (Поэзия Александра Блока)”, ст. – VII: 244
- Иванов Сергей Леонидович (1880 – ?), студенческий приятель Андрея Белого, ботаник – VIII: 310
- Иванова Вера Викторовна (1880 – после 1917), актриса – VII: 275
- Иванова Евгения Викторовна, историк литературы – VII: 236; VIII: 395
 “О принципах издания блоковской прозы”, ст. – VII: 236
 “Поляков Виктор Лазаревич” (совм. с Н.В. Скворцовой), ст. – VIII: 395
- Иванова Мария Павловна (1873–1941), врач, сестра Е.П. и А.П. Ивановых, близкая приятельница и многолетняя корреспондентка А.А. Кублицкой-Пиоттух – VIII: 429
- Ивинский Борис Иванович (1881–?), прозаик, журналист – VII: 120, 334
 “Рассказы” (1907), кн. – VII: 334
- Игнатов Илья Николаевич (1858–1921), критик и публицист – VII: 309
- Иезуитова Людмила Александровна, историк литературы – VII: 266, 369; VIII: 395
 “Александр Блок в Петербургском университете” (в соавт. с Н.В. Скворцовой), ст. – VII: 266, 369; VIII: 395
- “Известия книжных магазинов товарищества М.О. Вольф по литературе, наукам и библиографии” (1897–1917), ежемесячный, с 1904 г. двухнедельный иллюстрированный литературный, библиографический и научный журнал, издававшийся в СПб. – VII: 306
- Измайлов Александр Алексеевич (1873–1921), литературный критик, поэт, прозаик, пародист – VII: 310, 311, 354, 355; VIII: 396, 452, 454, 456
 “Литературные заметки” (1903), ст. – VII: 354, 355
 “Памяти В.Ф. Коммиссаржевской”, ст. – VIII: 396
- Илиодор (Сергей Михайлович Труфанов) (1880–1952), иеромонах-проповедник, один из лидеров “Союза русского народа” – VII: 288, 312; VIII: 409
- Ильёв Степан Петрович, историк литературы – VII: 348, 397
 “Бальмонт – обозреватель русской литературы конца XIX века”, ст. – VII: 348
 «Книга Валерия Брюсова “Земная ось” как циклическое единство», ст. – VII: 397
- Ильинская Мария Васильевна (наст. фам. Мазурина), актриса Императорских театров с 1878 г., покинула сцену в 1892 г. – VIII: 397
- Иммерман Карл Лебрехт (1796–1840) – нем. театральный деятель, писатель – VIII: 59
- Иозефсон Эрнст (1851–1906), швед. художник, поэт – VIII: 308
- Иолшина (наст. фам. Чирикова) Валентина Георгиевна (1875–1966), актриса театра В.Ф. Коммиссаржевской – VII: 275
- Ирвинг Джон Генри (1838 – 1905), англ. актер – VIII: 314
- Ир(ецкий) (наст. имя Гликман Виктор Яковлевич) (1882 – 1936), критик, журналист, писатель – VIII: 305
 “Лекция Александра Блока”, ст. – VIII: 305
- Искржицкая Ирина Юрьевна, историк литературы – VIII: 443
 “Категория памяти в литературе русского символизма”, ст. – VIII: 443

- “Искусство” (М., 1905), ежемесячный художественный и художественно-критический журнал под руководством художника Н.Я. Тароватого и С.А. Соколова – VII: 239–241, 259, 260, 395; VIII: 463
- “Искусство и печатное дело” (Киев, 1909–1910, в 1911 г. был переименован в “Искусство. Графика. Художественная печать”; в 1913–1914 г. выходил под названием “Искусство в Южной России”), художественный журнал под руководством В.С. Кульженко и С.П. Яремича – VII: 239; VIII: 400
- Истомин А., писатель, участник сб. “Отзвуки” (Харьков, 1907) – VII: 333
- “Историко-революционный альманах” (1907) – VII: 117, 332
- История русской литературы. Под ред. Е.В. Аничкова, проф. А.К. Бороздина и проф. А.Н. Овсяннико-Куликовского. М., изд. Т-ва И.Д. Сытина и Т-ва “Мир”, 1908 – VII: 67, 116, 330
- “Италия: Литературный сборник в пользу пострадавших от землетрясения в Мессине” (1909) – VIII: 369, 372
- Йодко Онуфрий Сильвестрович**, петербургский издатель (1900-е гг.) – VII: 279, 280
- Каблуков Сергей Платонович** (1881–1919), гимназический учитель математики, знаток церковной музыки, секретарь С.-Петербургского Религиозно-философского общества – VIII: 382, 390, 429
- Казаков Е.**, писатель, участник сборника “Хризопрас” (1906/7) – VII: 333
- Калиостро Александр** (наст. имя Иосиф Бальзамо) (1743–1795), авантюрист – VIII: 192
- Каллаш Владимир Владимирович** (1866–1919), историк литературы и библиограф – VII: 329
- Калмансон Соломон Моисеевич**, врач – VII: 244; VIII: 464
- Кальдерон де ла Барка Педро** (1600–1681), исп. драматург – VII: 136, 347; VIII: 333
- Каляев Иван Платонович** (1877–1905), поэт, эсер-террорист, член “боевой организации”, убийца вел. кн. Сергея Александровича – VII: 280
- Камбио Арнольдо ди** (1240–1310), итал. архитектор XIII–XIV вв. – VIII: 443
- Каменский Анатолий Павлович** (1876–1941), прозаик, драматург – VII: 57, 121, 122, 284, 286, 291, 336; VIII: 362
- “Леда”, рассказ – VII: 122, 336
- “Рассказы” (1907), кн. – VII: 291
- “Четыре”, рассказ – VII: 57
- Кандинский Василий Васильевич** (1866–1944), живописец и график, один из основоположников абстрактного искусства – VII: 134, 346
- “Всадники”, картина – VII: 134
- “На берегу”, картина – VII: 134
- “Поэты”, картина – VII: 134
- Кант Иммануил** (1724–1804), нем. философ, родоначальник нем. классической философии – VII: 34, 178, 227, 272, 273, 319
- “Критика чистого разума” – VII: 319
- Карабчевский Николай Платонович** (1851–1925), адвокат по делу Бейлиса, присяжный поверенный – VIII: 453
- Караджич Вук Стефанович** (1787–1864), сербский обществ. деятель, филолог – VII: 233
- Каразин Николай Николаевич** (1842–1908), прозаик, художник – VIII: 169
- Карамзин Николай Михайлович** (1766–1826), прозаик, поэт, историк – VII: 163, 164
- Кардовский Дмитрий Николаевич** (1866–1943), график и живописец – VII: 134, 346
- “Амазонки”, картина – VII: 134
- Кардуччи Джозуэ** (1835–1907), итал. поэт, обществ. деятель – VII: 80
- Карелины**, родственники Блока по материнской линии – VII: 369
- Карлейль Томас** (1795–1881), англ. историк, публицист, философ – VIII: 159, 384, 450
- “Французская революция” (1907), кн. – VIII: 450

- Каролина – см. Лем Каролина
- Карпентер Эдуард (1844–1929), англ. историк и философ-моралист – VII: 121, 335
- Карпов Евтихий Павлович (1857–1926), драматург, режиссер, театральный деятель – VIII: 151, 398, 441
- Карпов Николай Николаевич (1877–1942), историк театра, журналист, драматург – VIII: 307
- “Иллюстрированная история русского театра XIX века” (совм. с И.Н. Божеряновым) (1903) – VIII: 307
- Карпов Пимен Иванович (1884–1963), прозаик, драматург, публицист – VII: 235; VIII: 133, 160–162, 275–277, 422–423, 450–454
- «Говор зорь. Страницы о народе и “интеллигенции”» (1909), кн. – VIII: 133, 422–423, 452, 454
- “Пламень – из жизни и веры хлеборобов”, роман (1913) – VIII: 160–162, 275–277, 450–452, 454
- “Русский ковчег” (1922), сб. стихов – VIII: 452
- Каррьер Эжен (Eugène Carrière) (1849–1906), фр. портретист – VIII: 130, 420
- Карташев Антон Владимирович (1875–1960), историк церкви, профессор Духовной академии, один из руководителей Религиозно-философского общества в Петербурге – VII: 405
- Катенин Павел Александрович (1792–1853), поэт, драматург, литературный критик, переводчик – VII: 383
- Катков Михаил Никифорович (1818–1887), публицист, критик, издатель, обществ. деятель – VII: 41, 42, 281, 282
- Катловкер Бенедикт Авраамович (1872 – ?), редактор художественно-сатирического еженедельника “Вампир” – VIII: 324
- Каутский Карл (1854–1938), один из лидеров и теоретиков германской социал-демократии – VIII: 28
- Кауфман Ольга Александровна (1898–?), слушательница Петербургских Высших женских курсов, корреспондентка Блока в 1916–1918 гг. – VII: 325
- Кафieri Карло, итал. социалист – VII: 282
- Квинтилиан Марк Фабий (ок. 35 – ок. 96 г. н.э), римский оратор и теоретик ораторского искусства – VIII: 322
- Квятковская (в замуж. Бакунина) Антонина Ксаверьевна, жена М. Бакунина – VII: 281
- Кеведо-и-Вильегас Франсиско (1580–1645), исп. писатель – VII: 136, 349
- Келдыш Всеволод Александрович, историк литературы – VII: 333
- «Альманахи издательства “Шиповник”», ст. – VII: 333
- Келейник (псевдоним) – см. Крючков Дмитрий Александрович
- Келлерман Бернгард (1879–1951), нем. писатель – VIII: 177, 279, 468
- “Туннель” (1913), роман – VIII: 177, 279, 468
- Кибальчич Николай Иванович (1854–1881), народоволец, участник покушения на Александра II – VIII: 323
- “Киевская мысль” (Киев, 1906–1918), ежедневная газета с еженедельными иллюстрированными приложениями – VIII: 160, 388, 453
- Кин Эдмонд (1787–1833), англ. драматич. актер – VIII: 17, 309
- Кирилл Туровский (1130–1182), церковный деятель и писатель – VII: 194, 416
- “Слово в неделю первую по Пасце” – VII: 416
- Кирпичников Александр Иванович (1845–1903), филолог, ученик А.Н. Веселовского – VII: 160, 372
- Кистяковский Богдан (Федор) Александрович (1868–1920), юрист, обществ. деятель, журналист, редактор журналов “Освобождение”, “Критическое обозрение”, в 1909 г. – участник сборника “Вехи” – VII: 331

- Клеванов Александр Семенович (1826–1889), переводчик с древних языков, историк-компильатор – VII: 127, 337
 “Сочинения П. Овидия Назона все, какие до нас дошли”, перевод – VII: 337
- Клейст Кристиан-Эвальд (1715–1759), нем. поэт – VII: 163, 377; VIII: 59
 “Весна”, поэма – VII: 377
 “Новые стихотворения” (1758), сб. стихов – VII: 377
 “Стихотворения” (1756), сб. стихов – VII: 377
- Клеопатра (69–30 гг. до н.э.), последняя царица Египта с 51 г. до н.э., из династии Птолемеев – VIII: 131, 420
- Клинггер Макс (1857–1920), нем. живописец, график и скульптор – VII: 167, 168, 261; VIII: 310
- Клопшток Фридрих Готлиб (1724–1803), нем. поэт – VIII: 59
- Клычков Сергей Антонович (1889–1937), поэт, прозаик – VII: 333
- Клюев Николай Алексеевич (1887–1937), поэт, прозаик – VII: 323, 325, 327; VIII: 94, 230, 340, 355, 358, 370–371, 382, 410, 411, 417, 452, 468
 “Письма к Александру Блоку” (1907–1915) – VII: 327; VIII: 370, 410–411, 417
 “С родного берега”, ст. – VIII: 370–371, 382
- “Книга” (СПб., 1906–1907), еженедельный критико-библиографический журнал, издаваемый книжным складом “Земля” – VII: 116, 330
- “Книга о Владимире Соловьеве” (1991) – VIII: 353
- “Книжки недели”, еженедельный бесцензурный литературный журнал под ред. П.А. Гайдебурова, выходивший как приложение к газ. “Неделя” (1878–1901) – VII: 365
- Книпович Евгения Федоровна (1898–1988) – литературный критик, историк литературы – VIII: 314
 “Об Александре Блоке: Воспоминания. Дневники. Комментарии” (1987), кн. – VIII: 314
- Кнопф Фернанд (1858–1921), бельгийский живописец, рисовальщик, график – VII: 198, 205
- Княжнин Владимир Николаевич (наст. фам. Ивойлов) (1883–1942), поэт, литературовед, дальний родственник и биограф А.А. Блока – VII: 246; VIII: 290–291, 444
 “Александр Александрович Блок” (1922), кн. – VII: 246
- Князев Сергей Ермолаевич, лесничий в Шахматово – VIII: 381–382
- Кобылинский Лев Львович – см. Эллис
- Ковалевский Максим Максимович (1851–1916), историк и социолог – VIII: 389–390, 457
- Коваленская Александра Григорьевна (рожд. Карелина) (1829–1914), детская писательница; двоюродная бабушка А. Блока – VII: 283
- Коваленские, родственники Блока по материнской линии – VII: 369
- Коган (Нолле) Надежда Александровна (1883–1966), жена П.С. Когана – VIII: 402
- Коган Петр Семенович (1872–1932), историк литературы, критик, переводчик – VII: 116, 247, 330
 “Очерки по истории древних литератур. Греческая литература” (1907), кн. – VII: 116, 330
 “Очерки по истории западно-европейских литератур” (1903–1910), кн. – VII: 330
- Козлов Иван Иванович (1779–1840), поэт, переводчик – VII: 165, 379
 “К Светлане”, стих. – VII: 379
- Козмин Николай Кирович (1873–1942), историк литературы – VII: 166, 250, 367, 368, 381–383
 “О переводной и оригинальной литературе конца XVIII и начала XIX века в связи с поэзией В.А. Жуковского”, кн. (1904) – VII: 166, 367, 368, 381–383
- Коккьяра Джузеппе – VII: 374
 “История фольклористики в Европе” (1960) – VII: 374
- Кокосов Владимир Яковлевич (1845–1911), врач, писатель-демократ – VII: 328
 “Не наш (Из воспоминаний врача о Карийской каторге)” – VII: 328
- Коленда Виктор Константинович (1872–1942), театральный художник – VII: 275

- “Колокол” (Лондон, 1857–1867), бесцензурная газета, издаваемая Вольной русской типографией под руководством А.И. Герцена и Н.П. Огарева – VII: 406
- Колосов Андрей, журналист – VIII: 396
- “Коммиссаржевской не стало”, заметка – VIII: 396
- Колосова Наталья Павловна, историк литературы – VII: 416
- “Блок и А.К. Толстой”, ст. – VII: 416
- Колчужский (Калчужский) Александр, поэт – VIII: 168, 169, 458–459
- “Аккорды”, сб. стих. (1908) – VIII: 168, 169, 458–459
- “Грустно мне видеть, как гибнут посевы...”, стих. – VIII: 459
- Кольцов Алексей Васильевич (1809–1842), поэт – VII: 77, 194, 416; VIII: 52
- Комманвиль (Commanville) Каролина (по второму мужу – Franklin Grout) (1846–1924), племянница и корреспондент Гюстава Флобера – VIII: 179, 180
- Коммиссаржевская Вера Федоровна (1864–1910), актриса, в 1904 г. создала в Петербурге “Новый драматический театр” – VII: 38, 39, 104, 241, 243, 248, 275, 295, 307, 309, 311, 314, 318; VIII: 12, 28, 56, 117–121, 130, 152, 242, 301, 303, 307, 312–313, 315, 329, 332–333, 374, 396, 398, 400, 419, 429, 441–443
- “Памяти Веры Федоровны Коммиссаржевской”, некролог – VII: 318, 397, 399
- Коммиссаржевский Федор Федорович (1882–1954), режиссер, педагог, теоретик театра, брат В.Ф. Коммиссаржевской – VII: 233; VIII: 330, 397
- Кондаков Никодим Павлович (1844–1925), ученый-византист, академик, писатель – VII: 289, 332
- Кондратьев Александр Алексеевич (1876–1967), поэт, прозаик, юрист, университетский товарищ А. Блока – VII: 305; VIII: 393, 395, 405–406
- Кондурушкин Степан Семенович (1874–1919), писатель и журналист – VIII: 358
- Коновской Иван (наст. имя Иван Иванович Ореус) (1877–1901), поэт, критик – VII: 28, 109, 183, 184, 270, 322, 353, 399–403, 405, 425; VIII: 452
- “Везде”, стих. – VII: 401
- “Всхлипывания (Из финских голосков)”, стих. – VII: 403
- “Две народные стихии”, ст. – VII: 401, 402
- “К исследованию личности Александра Добролюбова”, ст. – VII: 426
- “Ликующие волны-звери”, стих. – VII: 402
- “Мировоззрение поэзии Н.Ф. Щербины”, ст. – VII: 404
- “Песнь изгнанника (на мотив из Калевалы)”, стих. – VII: 403
- “С Коневца”, стих. – VII: 402
- “Среда”, стих. – VII: 28, 270, 401
- “Стихи и проза” (1904), сб. – VII: 322, 399, 402
- Конрад Михаэль Георг (1846–1927), нем. писатель – VIII: 14, 308, 438
- Конрад Павел Павлович (1874–1916), прозаик, театральный критик – VII: 171, 388
- “Чудило”, рассказ – VII: 388
- Константиновский Матвей Александрович (1791–1857), священник, духовник Н. Гоголя – VIII: 324–325
- Конт Огюст (1798–1857), фр. философ и социолог – VIII: 141, 252
- Конфуций (Кун Фу-Цзы, лат. Confucius) (ок. 1551–479 до н.э.), китайский мыслитель и философ – VIII: 476
- Кончаловский Петр Петрович (1876–1956), художник – VII: 346
- Копельман Соломон Юльевич (1881–1944), совладелец (вместе с З.И. Гржебиным) и главный редактор издательства “Шиповник” – VIII: 344, 346, 372, 471
- Коперник Николай (1473–1543), польский астроном, создатель гелиоцентрической системы мира – VIII: 81, 360
- “Корабли” (1907), альманах – VII: 117, 332
- Корелли Мэри (1855–1924) – англ. писательница-фантаст – VIII: 323

- “Вампир – граф Дракула”, роман Б. Стокера, выходящий также под именем М. Корелли – VIII: 323
- Корецкая Инна Витальевна (1921–2005), историк литературы – VII: 239, 298, 325, 343, 350, 391, 425
- “Вопросы жизни”, ст. – VII: 239, 325, 343
- “Горький в восприятии Блока”, ст. – VII: 391
- “Импрессионизм в поэзии и эстетике символизма”, ст. – VII: 350
- «К истории “Грядущих гуннов” Брюсова», ст. – VII: 425
- “Мир искусства”, ст. – VII: 298
- “Новый путь”, ст. – VII: 239, 325, 343
- Корецкий Николай Владимирович (1869–1938), поэт, автор драматических сочинений, издатель – VIII: 168, 170, 458–459
- “Песни ночи” (1908), сб. стихов – VIII: 168, 170, 458–459
- Кориандер Эмиль Васильевич (? – после 1890) – горный инженер, переводчик и литератор VIII: 330
- “Мейнингенцы”, брошюра (1890) – VIII: 330
- Коринфский Аполлон Аполлонович (1868–1937), поэт, переводчик, журналист – VII: 420; VIII: 169, 459
- Корнель Пьер (1606–1684), фр. драматург – VII: 369
- “Сид”, трагедия – VII: 369
- Корнилов Александр Александрович (1862–1925), писатель – VII: 278
- “Молодые годы Михаила Бакунина: Из истории русского романтизма” (1915), кн. – VII: 278
- Короленко Владимир Галактионович (1853–1921), прозаик, публицист, обществ. деятель – VIII: 338, 343, 347–348, 423, 457
- “Корона” (1908), альманах – VII: 117, 453
- Корчагина-Александровская Екатерина Павловна (1874–1951), актриса – VII: 275
- Корш Валентин Федорович (1823–1883), журналист, историк литературы, издатель – VII: 337, 385
- “Всеобщая история литературы”, под ред. В. Корша (1881), кн. – VII: 337
- Корш Федор Адамович (1852–1923), театральный деятель; основатель московского частного театра Корша – VII: 314
- Косорогов Александр Иванович (1868–1912), драматург – VIII: 348
- “Петербургские очерки” – VIII: 348
- Костомарова Александра Коронатовна (1868–1936), поэтесса, драматург – VII: 240, 249, 412
- Котелов Н.П., переводчик с древних языков (работал в 1860–1880-е гг.) – VII: 168
- Котляревский Нестор Александрович (1863–1925), историк литературы, критик, публицист – VII: 18–21, 185, 261, 262–264, 384; VIII: 389–390, 398, 427
- “Литературные направления Александровской эпохи” (1907), кн. – VII: 262
- “М.Ю. Лермонтов. Личность поэта и его произведения”, кн. (1915) – VII: 18, 262
- “Мировая скорбь в конце прошлого и начале нашего века. Ее основные этические и социальные мотивы и их отражение в художественном творчестве” (1898), кн. – VII: 262
- “Сочинения К.К. Случевского” (1902), кн. – VII: 262
- “Старинные портреты” (1908), кн. – VII: 262
- Котляревский Сергей Андреевич (1873–1939), историк, земский деятель, приват-доцент Московского ун-та – VII: 405
- “Свобода совести” (1906), сб. – VII: 405
- Котрелев Николай Всеволодович, историк литературы – VII: 252, 322, 303, 330, 334; VIII: 291, 404
- “Из переписки Александра Блока с Вяч. Ивановым”, ст. – VII: 252; VIII: 291

- “Переписка Блока с С.М. Соловьевым” (совм. с А.В. Лавровым), ст. – VII: 303; VIII: 322
- “Письма Н.Е. Пяркува к Блоку”, предисл., публ., коммент. (совм. с Т.М. Хромовой) – VII: 330
- Котылев Александр Иванович, сотрудник “Торгово-Промышленной газеты” и парижской газеты “Aurore”, проходил по делу о “кошкодавах” – VIII: 362
- Кравченко А., писатель, участник сборника “Грядущий день (Первый сборник петербургского литературно-научного студенческого кружка)” – VII: 289, 332
- Кравченко Николай Иванович (1867–1941), художник, художественный критик, сотрудник газеты “Новое время” – VIII: 133, 423
- Крайний Антон – см. Гипшиус З.Н.
- Крамер Карл Готтлиб (1758–1817), нем. писатель – VII: 166, 382
- “Езуит, или Герой своего времени” (1807), роман – VII: 382
- “Жизнь, мнения и странные приключения Эразма Шлейхера” (1802), роман – VII: 382
- “Жизнь, мысли и странные приключения Павла Изоба” (1814), роман – VII: 382
- “Феликс, или Сын любви” (1906), роман – VII: 382
- Крандиевская Наталья Васильевна (в замужестве Крандиевская-Толстая) (1888–1963), поэтесса, мемуарист, жена А.Н. Толстого – VII: 309
- Кранихфельд Владимир Павлович (1865–1918), литературный критик, публицист – VII: 310; VIII: 362
- «Литературные отклики: “Рассказ о семи повешенных” Леонида Андреева», ст. – VIII: 362
- “Красная газета” (1918–1939), ежедневная газета, орган Петроградского совета – VIII: 473
- Краснов Платон Николаевич (1866–1924), переводчик, муж Е.А. Бекетовой – VII: 354, 365
- “Литературное обозрение”, ст. – VII: 354
- “Неоромантическая и мистическая поэзия”, ст. – VII: 365
- “Русский неоромантизм”, ст. – VII: 365
- Красов (наст. фам. Некрасов) Николай Дмитриевич (1867–1940), актер и режиссер, антрепренер – VIII: 28, 304, 313
- Красовицкий Александр Михайлович, поэт – VIII: 168, 170, 458–460
- “Друзьям”, стих. – VIII: 460
- “Минуты прошлого” (1905), сб. стих. – VIII: 168, 170, 458–459
- Крашенинников Николай Александрович (1878–1941), прозаик, драматург – VII: 333
- Кречетов Сергей – см. Соколов Сергей Александрович
- Кривич Валентин Иннокентиевич (наст. фам. Анненский) (1880–1936), поэт, прозаик, мемуарист, сын И.Ф. Анненского – VII: 242; VIII: 290, 422
- “Критическое обозрение”, критико-библиографический журнал (1907–1909) – VII: 116, 330
- Кро Шарль (1842–1888), фр. поэт, музыкант и ученый – VII: 192
- “Сушеная селедка”, стих. – VII: 192
- Кронеберг Андрей Иванович (1815/1816–1855), переводчик – VIII: 314, 392
- Кропоткин Петр Алексеевич, князь (1842–1921), революционер, теоретик анархизма – VII: 277, 280
- “1. Анархия, ее философия и идеал. 2. Воспоминания о М.А. Бакунине” (1906), кн. – VII: 280
- Крук Иван Трофимович, историк литературы – VII: 269
- “Блок и Гоголь”, ст. – VII: 269
- Крыжицкий Константин Яковлевич (1859–1911), художник – VIII: 399
- Крыленко Николай Васильевич (1885–1938), участник революционного движения, сов. гос. деятель, прокурор РСФСР, обвинитель на политических процессах 1930-х гг. – VII: 332
- Крылов Иван Андреевич (1769–1844), баснописец, драматург, журналист – VII: 152
- Крючков Дмитрий Александрович (1887–1938), поэт, критик – VIII: 452

- Кублицкая-Пиоттух (рожд. Бекетова, в первом браке Блок) Александра Андреевна (1860–1923), мать А.А. Блока; переводчица и детская писательница – VII: 269, 274, 283, 284, 307, 308, 314, 361, 367, 391; VIII: 180, 285, 332–333, 339–340, 343–344, 361, 370, 429, 433, 469, 471–472
- Кублицкая-Пиоттух (рожд. Бекетова) Софья Андреевна (1857–1919), тетка Блока – VIII: 431
- Кублицкий-Пиоттух Адам Феликсович (1855–1932), директор горного департамента, брат отчима А. Блока, муж его тетки С.А. Бекетовой – VIII: 249, 431
- Кугель Александр (Авраам) Рафаилович (1864–1928), театральный критик, публицист, журналист, мемуарист (печ. под псевдонимом Ното Novus, Негорев Ник. и др.) – VII: 310; VIII: 304–305, 368
- “Мысли о театре”, лекция – VIII: 304
- “О русском писателе”, ст. (1904) – VII: 310
- Кугель Елена Сергеевна (?–1913), переводчица – VII: 314
- Кудрявцев Константин Дмитриевич (псевдоним Мирянин), автор работ по теософии – VIII: 376
- “Интеллигенция и народ: (По поводу заседаний Религиозно-философского общества)”, ст. – VIII: 376
- Кузмин Михаил Алексеевич (1872–1936), поэт, прозаик, критик, драматург, переводчик, композитор – VII: 88, 94, 95, 118, 171, 284, 295, 299, 308, 311, 333, 387–390, 429; VIII: 45–49, 125, 314, 316, 320, 403
- “Александрийские песни”, стих. цикл – VII: 94, 295, 311; VIII: 47, 48, 320
- “Вожатый”, стих. цикл – VIII: 47, 320
- “История рыцаря д’Алесслио”, поэма – VII: 95, 171, 389
- “Картонный домик”, повесть – VII: 94, 311; VIII: 314
- “Комедия: О Евдокии из Гелиополя. О Алексее, человеке Божьем. О Мартиниане” (1908) – VII: 311
- “Комедия о Евдокии из Гелиополя, или Обращенная куртизанка” (1907) – VII: 88, 94, 95, 118, 311
- “Крылья”, повесть – VII: 94, 311
- “Маскарад”, стих. – VIII: 320
- “Мои предки”, стих. – VIII: 320
- “Мой портрет”, стих. – VIII: 320
- “Моряки старинных фамилий”, стих. – VIII: 320
- “Прерванная повесть”, стих. цикл – VIII: 48, 320
- “Приключения Эме Лебефа”, повесть – VII: 94, 311
- “Прогулка на воде” – VIII: 47, 320
- “Радостный путник”, стих. цикл – VIII: 320
- “Ракеты”, стих. цикл – VIII: 48
- “Сети” (1908), кн. стих. – VIII: 45, 46, 48, 320
- “Солнце, солнце...”, стих. (1904) – VII: 295
- “Счастливый день”, стих. – VIII: 320
- “XIII сонетов” – VII: 389
- “Я спрашивал мудрецов вселенных...”, стих. – VIII: 320
- Кузнецова Ольга Александровна, историк литературы – VIII: 337, 405
- «Дискуссия о состоянии русского символизма в “Обществе ревнителей художественного слова”», ст. – VIII: 405
- «Понятие “однострунность – многострунность” у Блока...», ст. – VIII: 337
- Кульман Николай Карлович (1871–1940), филолог, профессор Высших Бестужевских курсов – VIII: 390
- Кульчицкий Людвиг Станиславович (1866–?), историк революционного движения – VII: 41, 279, 280, 282
- “М.А. Бакунин, его идеи и деятельность” (б.г.), кн. – VII: 41, 279, 280, 282

- Кулюс Светлана Константиновна, историк литературы – VII: 357
 “Ранний Брюсов о поэзии и философии Вл. Соловьева”, ст. – VII: 357
- Кумпан Ксения Андреевна, историк литературы – VII: 248, 274, 369–371, 374, 415, 417; VIII: 414
 “Александр Блок – выпускник университета”, ст. – VII: 369, 370, 374, 415, 417
 Александр Блок и русская культура XVIII века” (в соавт. с И.В. Владимировой, М.Г. Григорьевым (М.Г. Альтшуллер)), ст. – VII: 248, 369; VIII: 382, 423
 «Заметки об источниках “Поэтики заговоров и заклинаний”», ст. – VII: 248, 270, 273, 371, 374; VIII: 414
- Кун Адальберт (1812–1881), нем. языковед, санскритолог, фольклорист – VII: 161, 374
 “Die Herabkunft des Feuers und Ursprung des Götterstranks” (“Происхождение огня и возникновение божественного нектара”, нем.) (1859), кн. – VII: 374
- Купер Джеймс Фенимор (1789–1851), американский прозаик – VII: 41
- Куприн Александр Иванович (1870–1938), прозаик – VII: 119, 240, 249, 332, 333; VIII: 83, 125, 328, 358, 362, 389, 453
 “Бред”, рассказ – VII: 333
 “Изумруд”, рассказ – VII: 333
 “Листригоны”, цикл очерков – VIII: 362
 “Морская болезнь”, рассказ – VIII: 362
 “События в Севастополе”, ст. – VII: 332
 “Суламифь”, повесть – VIII: 328, 362
 “Ученик”, рассказ – VIII: 362
- Купчинский Филипп Петрович (1844–?), поэт и публицист – VII: 333
- Курбатов Владимир Яковлевич (1878–1957), краевед и искусствовед – VIII: 304, 399
 “Красота старины”, лекция – VIII: 304
- Курсинский Александр Антонович (1873–1919), поэт, редактор литературного отдела журнала “Золотое Руно” – VII: 264, 423; VIII: 300
- Кускова Екатерина Дмитриевна (рожд. Есипова) (1869–1958), публицистка, издательница, общественно-политический деятель – VIII: 343–344, 350, 351
- Кустодиев Борис Михайлович (1878–1927), живописец – VII: 134, 346; VIII: 399
- Кутыловский Б. (Кутыловский Богдан Фортун ?), юрист, журналист, бывший редактор польской газеты “Край”, участник заседаний С.-Петербургского Религиозно-философского общества – VIII: 429
- Кушлина Ольга Борисовна, историк литературы – VII: 334
 “Зиновьева-Аннибал Лидия Дмитриевна”, ст. – VII: 334
- Кьер Нильс (1870–1924), норв. писатель и критик – VIII: 335
- Л.М. В<асилевский> (Василевский Лев Маркович) (1876–1936), поэт, журналист, переводчик – VIII: 398
 “Вечер памяти В.Ф. Коммиссаржевской”, ст. – VIII: 398
- Лавров Александр Васильевич, историк литературы – VII: 242, 244, 260, 274, 277, 284, 291, 334, 335, 397, 401, 402, 427, 430; VIII: 291, 321, 361, 435, 447, 456
 “Блок и Арцыбашев”, ст. – VII: 291, 335; VIII: 361
 «Блок и “Титаник”», ст. – VIII: 447
 “Весы” (совм. с Д.Е. Максимовым), ст. – VII: 284
 “Золотое Руно”, ст. – VII: 242, 260, 428
 “Маргиналии к блоковским текстам”, ст. – VII: 397
 “Милые старые миры и грядущий век”. Штрихи к портрету М. Кузмина (совм. с Р. Тименчиком), ст. – VII: 311
 «Мифотворчество “аргонавтов”», ст. – VII: 387
 “Переписка Блока с С.М. Соловьевым” (совм. с Н.В. Котрелевым), ст. – VII: 303; VIII: 322

- “Переписка Г.И. Чулкова с Блоком”, ст. – VII: 274, 430
 “Письма Элліса к Блоку”, ст. – VIII: 321, 456
 “Продолжатель рода – Сергей Соловьев”, ст. – VIII: 322
 “Труды и дни”, ст. – VIII: 291, 435
 “Этюды о Блоке”, кн. – VIII: 447
- Лагерлеф Сельма (Сельма Оттилия Ловиса Лагарлеф) (1858–1940), швед. писательница, член Шведской академии (1914), лауреат Нобелевской премии по литературе (1909) – VII: 117, 332
 “Семь смертных грехов” – VII: 332
- Ладыгин М.П., прозаик, участник конкурса журнала “Весна” – VIII: 456
 “Ad libitum”, рассказ – VIII: 456
- Ладыжников Иван Павлович (у Блока: Ладыженский) (1874–1945), издатель, партийный работник – VII: 107, 320
- Лазаревский Борис Александрович (1871–1936), писатель – VIII: 85, 358
- Ламеннэ (Ламенне) Фелисите Робер де (1782–1854), фр. публицист и философ, проповедник христианского социализма – VII: 200, 420
 “Слова верующего” (1834), основной труд Ламенне, по выходе в свет осужденный папской энцикликой – VII: 200, 420
- Ламотт-Фуке – см. Фуке Фридрих де ла Мотт
- Лансере Евгений Евгеньевич (1875–1946), живописец и график, член “Мира искусства” – VII: 298; VIII: 360, 399
- Лапко-Губер, сотрудник “Петербургского листка”, проходил по делу о “кошкодавах” – VIII: 362
- Латри Михаил Пелопидович (1875–1941), художник, внук И.К. Айвазовского – VII: 346
- Лацарус Морис (1824–1903), нем. философ, психолог один из основателей психологического направления в языкознании – VII: 203
- Леблон Мариус-Ари – этим общим именем подписывались два французских писателя Жорж Атена (1877–1953) и Эме Мерло (1880–1958) – VII: 419
- Лев М. (псевдоним; наст. имя Асс Максим Михайлович) (1874–1941), журналист – VIII: 305
- Левертин Оскар Ивар (1862–1906), швед. писатель и литературовед – VII: 332; VIII: 325
- Левинсон Андрей Яковлевич (1887–1933), театральным и художественным критик – VIII: 471
- Легар Франц (1870–1948), венг. композитор – VIII: 394
 “Веселая вдова” (1905), оперетта – VIII: 394
- Лейбниц Готфрид Вильгельм (1646–1716), нем. философ, математик, физик, языковед – VII: 296
- Лекманов Олег Андершанович, историк литературы – VIII: 296
- Леконт Себастьян Шарль (Leconte Sebastien Charles) (1865–1934), фр. поэт – VII: 195–197, 241, 417
 “Цирцея”, стих., пер. А.А. Блока – VII: 417
 “Le pocos de l’Amazone”, цикл стихотворений из сб. “Кровь медузы” – VII: 197
 “Le sang de meduse” (Кровь медузы), сб. стих. – VII: 195
- Леман Борис Алексеевич (1882–1945), поэт, критик, педагог, антропософский деятель (псевдоним Дикс Борис) – VII: 116, 124, 330, 337
 “Ночные песни” (1907), сб. стих. – VII: 124, 337
- Лемке Михаил Константинович (1872–1923), историк литературы, публицист – VII: 237, 331
- Лемницкая С., пианистка – VIII: 328
- Ленау Николаус (наст. имя Франц Нимбш Эдлер фон Штреленау) (1802–1850), австр. поэт – VII: 150
- Ленский Владимир – см. Абрамович В.Я.
- Леонардо да Винчи (1452–1519), итал. живописец, скульптор, архитектор, ученый, инженер – VII: 7, 13; VIII: 122, 130, 243, 248, 269, 402, 406, 420, 426, 444

- “Благовещение” – VIII: 420
 “Джиоконда, портрет Моны Лизы” – VII: 7, 13
 “Тайная вечеря”, фреска (1495–1497) – VIII: 122, 246, 248
- Леонтьев Константин Николаевич (1831–1891), философ, писатель, критик, публицист – VIII: 384
- Лермонтов Михаил Юрьевич (1814–1841), поэт, прозаик, драматург – VII: 8, 18–20, 27, 29, 30, 62, 68, 135, 136, 142, 143, 145, 233, 248, 254, 260–264, 270, 296, 309, 358, 369, 417; VIII: 58, 72, 80, 115, 122, 130, 131, 138, 244, 247, 329, 349, 353, 399, 402–403, 419, 421
 “Ангел”, стих. – VIII: 399, 402–403
 “Демон”, стих. – VII: 296; VIII: 122, 247, 402, 421
 “Дума”, стих. – VII: 260
 “Из-под таинственной, холодной полумаски...”, стих. – VII: 270
 “Как часто, пестрою толпою окружен...”, стих. – VII: 264, 270, 358
 “Маскарад”, драма – VII: 261, 262
 “Не смейся над моей пророческой тоскою...”, стих. – VII: 27, 270
 “Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова”, поэма – VIII: 349
 “Пророк”, стих. – VIII: 58, 329
 “Смерть поэта”, стих. – VII: 262
 “Сон”, стих. – VII: 28, 270
 “Станный человек”, драма – VII: 263
 “Я видел тень блаженства”, стих. – VII: 263
- Лернер Николай Осипович (1877–1934), литературовед-пушкинист – VII: 116, 330
- Лесневский Станислав Стефанович, критик, издатель – VII: 279
- Лессинг Готхольд Эфраим (1729–1781), нем. драматург, теоретик искусства, критик – VII: 161, 373; VIII: 26, 59, 311, 384
 “Гамбургская драматургия”, кн. – VIII: 26, 311
- Леткова-Султанова Екатерина Павловна – см. Султанова Е.П.
- Либерсон Мария Даниловна (1890–1944), литератор, основательница Кружка одиноких, автор кн. “Страдания одиночества” (1909), корреспондент А. Блока. Мать переводчицы Л.З. Лунгиной, бабушка режиссера П.С. Лунгина – VIII: 345
- Ликиардопуло Михаил Федорович (1883–1925), переводчик, критик, журналист; секретарь редакции журнала “Весы” – VII: 333
- Линдеман Агнесса Эдуардовна, художница – VII: 135
 “В детской”, акварель – VII: 135
 “Старушка”, акварель – VII: 135
 “Цветы”, акварель – VII: 135
- Линин Анатолий Михайлович (1901–1938), историк литературы, критик – VII: 247
 “Блок-критик”, ст. (1932) – VII: 247
- Линч Джемс – псевдоним Л. Андреева (см.)
- Липшиц Анна, переводчица – VIII: 196
 “Литературно-художественная неделя”, газета, организованная молодыми поэтами и критиками В.И. Стражевым, Б.А. Грифцовым, П.П. Муратовым и Б.К. Зайцевым. Вышло 4 номера в сентябре 1907 г. – VII: 286, 314
 “Литературный распад” (1909), литературно-философский сборник – VIII: 99, 385
- Лиштанберже Анри (1864–1941), основатель французской германистики, автор книг о Ф. Ницше, Р. Вагнере, И.В. Гете – VII: 279
 “Рихард Вагнер как поэт и мыслитель” (1905), кн. – VII: 279
- Лобачев Леонид Тимофеевич (псевдоним [Н.] Степанов) (1882 – не ранее 1931), писатель-самоучка, поэт, прозаик, сотрудник журналов “Народное благо”, “Журнал для всех”, “Раннее утро” и др. Репрессирован в 1931 г., реабилитирован в 1990 – VII: 333

- Лонги Пьетро (1702–1785), итал. художник – VIII: 442
- Лонгфелло Генри Уодсворт (1807–1882), американский поэт – VIII: 49
 “Золотая легенда”, поэма – VIII: 49
- Лопатин Лев Михайлович (1855–1920), философ – VII: 388
- Лорис-Меликов Михаил Тариелович, граф (1825–1888), гос. и военный деятель, генерал от кавалерии (1875), министр внутренних дел, почетный член Петербургской АН (1880) – VIII: 324
- Лосев Алексей Федорович (1893–1988), рус. философ, филолог-классик – VII: 297; VIII: 466
 “Очерки античного символизма и мифологии. Т. 1” (1930), кн. – VIII: 466
 “Эстетика Возрождения” (1978), кн. – VII: 297
- Лотман Юрий Михайлович (1922–1993), литературовед, культуролог, семиотик – VII: 262, 268
 “Пиковая дама” и тема карт и карточной игры в русской литературе XIX века, ст. – VII: 262
 “Человек природы” в русской литературе XIX века и “цыганская тема” у Блока, (совм. с Э.Г. Минц), ст. – VII: 268
- Луговой А. (наст. имя Тихонов Алексей Алексеевич) (1853–1914), писатель – VIII: 428
- Луис Пьер (1870–1825), фр. писатель – VIII: 48, 320
 “Песни Биляйтис”, сб. стих. – VIII: 320
- Лукомский Георгий Крескентьевич (1884–1952), художник, историк живописи и архитектуры – VIII: 399
- Лукиянов Александр Александрович (1871–1942), поэт, автор водевилей – VII: 332
- Луначарский Анатолий Васильевич (1875–1933), сов. партийный и гос. деятель, первый нарком просвещения, критик, публицист, искусствовед, драматург, переводчик – VII: 278, 284, 332, 391; VIII: 26, 27, 32, 70–72, 99, 205, 307, 311, 315, 352, 385
 “Будущее религии”, ст. – VIII: 352
 “Первая всероссийская забастовка”, ст. – VII: 332
 “Религия и социализм” (1908–1911), сб. статей в 2 частях – VIII: 352
 “Социализм и искусство”, ст. – VIII: 307, 311, 315
- Лундберг Евгений Германович (1883–1965), прозаик, критик, издатель, один из лидеров группы “Скифы” (1917–1919) – VIII: 450, 452
 «П. Карпов». “Пламень”, ст. – VIII: 450, 452
- Лурье Семен Владимирович (1867–1927), публицист, переводчик – VIII: 383
 “Луч”, с.-петербургский еженедельный журнал (вышло всего 2 номера в 1907 г.) – VII: 237, 239, 313–315, 318
- Лучанский П. (? – после 1917), поэт – VIII: 168, 170, 458, 460
 “Завязь”, сб. стих. (совм. с Л. Барским) – VIII: 168, 170, 458, 460
- Лучицкая Мария Викторовна (1852 – 1924), переводчица – VIII: 194
- Львов Павел Юрьевич (1770–1825), прозаик, переводчик, публицист – VII: 382
 “Александр и Юлия, истинная русская повесть” (1801) – VII: 382
- Львов-Рогачевский Василий Львович (наст. фам. Рогачевский) (1874–1930), литературный критик, публицист – VII: 289–290, 294, 312; VIII: 295–296, 298, 306, 352, 409
 “Без темы и без героя”, ст. – VIII: 306
 “Быть или не быть русскому символизму”, ст. – VII: 296; VIII: 409
 “Лирика современной души. Русская литература и группа символистов”, ст. – VII: 294; VIII: 295, 298
 “Новая вера”, ст. – VIII: 352
 “Они идут”, ст. – VII: 289–290
 “Шаги смерти: (По поводу представления Л. Андреева “Жизнь Человека” и рассказа Л. Андреева “Елеазар”, ст. – VII: 312
- Любимова Ольга Евгеньевна, историк литературы – VIII: 370–371
 «Блок и сектанство: “Песня Судьбы”, “Роза и Крест”», ст. – VIII: 370–371

- “Любовь к трем апельсинам”, журнал экспериментальной студии В.Э. Мейерхольда (1914–1916), ст. – VII: 249
- Любош Александр Семенович (1885–1954), актер, режиссер, драматург – VII: 275
- Любошин Семен Борисович (1859–1926), журналист – VIII: 369
- “Русский фашист Владимир Пуришкевич”, ст. – VIII: 369
- Лютер Мартин (1483–1546), нем. реформатор церкви – VIII: 95
- Лядов Анатолий Константинович (1855–1914), рус. композитор, дирижер – VII: 40, 275
- Ляцкий Евгений Александрович (1868–1942), историк литературы, критик; редактор журнала “Современник” – VII: 331, 343, 355, 363; VIII: 286, 440
- Рец. на кн. К.Д. Бальмонта “Будем как Солнце”, “Только Любовь” – VII: 343, 363
- «Рец. на кн. В.Я. Брюсова “Urbi et Orbi”» – VII: 355
- Магомедова Дина Махмудовна, историк литературы – VII: 248, 250, 265, 273, 313, 384, 407; VIII: 289, 296, 302, 309, 334, 385, 412, 418, 433–434, 436, 466, 474
- “Автобиографический миф в творчестве А.А. Блока” (1997), кн. – VII: 265, 273, 407; VIII: 302, 309, 334, 385, 412, 418, 433–434, 466
- “Блок и античность: к постановке вопроса”, ст. – VII: 265, 384; VIII: 466
- “Блок и Вагнер”, ст. – VII: 313, 408; VIII: 302, 309, 334, 412
- “Блок и гностики”, ст. – VIII: 418, 433
- “Блок и Стриндберг”, ст. – VIII: 434
- “Век девятнадцатый, железный...”, ст. – VIII: 334
- “Комментируя Блока” (2004), кн. – VIII: 334, 436, 474
- «Концепция “музыки” в мировоззрении и творчестве Блока», автореф. дис. ... канд. филол. наук – VII: 248
- «О генезисе и значении символа “мирового оркестра” в творчестве А. Блока», ст. – VIII: 289
- «Окончена ли статья “От Ибсена к Стриндбергу?”», ст. – VIII: 436, 474
- “Переписка как целостный текст и источник сюжета”, ст. – VII: 273
- Маздрин, переводчик – VII: 314
- Майков Аполлон Николаевич (1821–897), поэт – VII: 133, 344; VIII: 466
- “Два мира”, драма – VII: 344
- “Очерки Рима”, стих. цикл – VII: 344
- “Три мира”, драма – VII: 344
- Майков Леонид Николаевич (1839–1900), историк литературы, библиограф – VII: 415; VIII: 58
- Макаров Степан Осипович (1848–1904), флотоводец, вице-адмирал – VIII: 110
- Македонская Вера Александровна, актриса театра В.Ф. Коммиссаржевской – VII: 313
- Маклаков Василий Алексеевич (1869–1957), адвокат, политический деятель, член Государственной думы II, III и IV созывов – VIII: 453
- Маковский Сергей Константинович (1877–1962), поэт, художественный критик, редактор журнала “Аполлон”, мемуарист – VII: 240, 249, 394, 417; VIII: 36, 304, 317, 361, 397, 403, 405, 407
- “Родэн и современная скульптура”, лекция – VIII: 304
- Максимов Дмитрий Евгеньевич (1904–1987), историк литературы – VII: 233, 236, 237, 242, 247, 248, 262, 263, 268, 313, 316, 319–320, 324, 325, 357, 387, 395, 398; VIII: 288, 308, 332, 365, 376, 387, 414, 416, 431–433, 443
- “Ал. Блок и Вл. Соловьев: по материалам из библиотеки Ал. Блока”, ст. – VII: 313, 387, 395, 398; VIII: 308, 332, 365, 414, 431–433
- “Брюсов. Поэзия и позиция” (1968), кн. – VII: 357
- “Идея пути в поэтическом мире Ал. Блока”, ст. – VIII: 387
- “Из прошлого русской журналистики” (совм. с В. Евгеньевым-Максимовым) (1930) – VII: 325

- “Критическая проза Блока”, ст. – VII: 247, 324; VIII: 288
 “Лермонтов и Блок”, ст. – VII: 262
 “Новый Путь”, ст. – VII: 325
 “О мифопоэтическом начале в лирике Блока: (Предварительные замечания)”, ст. – VIII: 443
 “О спиралевидных формах развития литературы (К вопросу об эволюции Блока)”, ст. – VII: 233
 «Об одном стихотворении (“Двойник”)», ст. – VIII: 416
 “От редакторов пятого и шестого томов (совм. с Г.А. Шабельской)” – VII: 236
 “Поэзия Лермонтова” (1964) – VII: 262
- Максимовы А.Г и М.К., коллекционеры, в составе коллекции которых оказался альбом с автографом А.А. Блока – VIII: 185, 448, 472
- Малеванный Кондратий Алексеевич (1844–1913), основатель христианской секты “малеванцев”, возникшей на Украине в конце XIX в. – VII: 114
- Малкина Екатерина Романовна (1899–1945) – VII: 247
 “Александр Блок о Максиме Горьком”, ст. – VII: 247
- Малларме (Маллармэ) Стефан (1842–1898), фр. поэт, критик, теоретик символизма – VII: 188
- Мамонтов Савва Иванович (1841–1918), купец, промышленник, меценат, владелец имения Абрамцево – VII: 298
- Манасевич-Мануйлов Иван Федорович (1869–1918), журналист, агент Охранного отделения, личный секретарь Г.Е. Распутина, авантюрист – VIII: 305
- Маневич Давид Львович (1878–?) (псевдоним Бенарье Д.), драматург – VII: 332
- Манн Александр Ипполитович (1864–1922), композитор и филолог, переводчик – VII: 167, 168
- Мансфельд Дмитрий Августович (1851–1909), драматург, переводчик, журналист – VIII: 331
- Маргаритов Николай Васильевич (1886–1933), актер Театра искусств, Литейного театра – VIII: 328
- Марк Антоний – см. Антоний Марк
- Марков Николай Владимирович (1884 – ?), студент, приятель Андрея Белого и С.М. Соловьева – VII: 339
- Марковская В.Ф., в 1907 г. была редактором-издателем журн. “Книжное обозрение” – VII: 331
- Маркс Адольф Федорович (1838–1904), рус. издатель, книгопродавец – VIII: 113
- Маркс Карл (1818–1883), философ, экономист, политический деятель – VII: 278, 319
 “Капитал” – VII: 319; VIII: 361
- Марло Кристофер (1564–1593), англ. драматург – VII: 136, 349
- “Марсельеза” (1792), песня Великой Французской революции, автор – Клод Жозеф Руже де Лиль; ныне гимн Франции – VII: 50
- Мартынов Николай Соломонович (1816–1876), майор, убил на дуэли М.Ю. Лермонтова – VII: 270; VIII: 53
- “Маски. Ежемесячник искусства театра”, театральные журналы (1912–1915), редактор М.В. Орлов (№ 1–3), Ал.Н. Вознесенский – VII: 233, 239
- Мате (Матэ) Василий Васильевич (1856–1917), художник, гравёр – VIII: 399
- Маттерн Эмилий Эмильевич (1854–1938), переводчик – VIII: 196
- Маттисон Фридрих фон (1761–1831), нем. поэт – VII: 163, 377
- Матюшин Михаил Васильевич (1861–1934), художник, искусствовед – VII: 346
- Машков Илья Иванович (1881–1944), живописец – VII: 346
- Маяковский Владимир Владимирович (1893–1930), поэт, драматург, публицист, теоретик футуризма – VII: 247
- Медведева Ксения Александровна, историк литературы – VII: 252
 «Послание Блока “Вячеславу Иванову”», ст. – VII: 252

- Медведков А., писатель, участник сборника “Грядущий день. Сборник 1” (СПб.: Изд. СПб. Литературного студенческого кружка, 1907) – VII: 332
- Мей Лев Александрович (1822–1862), поэт, драматург, переводчик – VII: 115, 328
 “Полное собрание сочинений” – VII: 328
- Мейер (псевдоним Ветров) Александр Александрович (1875–1939), религиозный мыслитель, философ, историк, участник “Вольфилы” – VIII: 338, 350, 358, 370–371, 376
 “Интеллигенция и религия”, ст. – VIII: 358
 “Религия и культура”, доклад – VIII: 370–371, 376
- Мейер Вильгельм (1853–1910), швейц. астроном-популяризатор, профессор – VIII: 109–111, 228, 236, 392
 “В разрушенной Мессине”, очерк – VIII: 392
 “Землетрясение в Калабрии и Сицилии”, совм. с А.М. Горьким (1909), кн. – VIII: 109–111, 392
- Мейерхольд Всеволод Эмильевич (1874–1940), режиссер, актер, театральный деятель – VII: 39, 98, 101, 104, 105, 225, 249, 275, 308, 311–313, 315, 318; VIII: 19, 28, 306, 309, 311, 313, 315, 329, 361
 “Театр: (К истории техники)”, ст. – VIII: 309, 311
- Менделеев Дмитрий Иванович (1834–1907), химик, обществ. деятель; тесть А.А. Блока – VII: 167, 384; VIII: 74, 80, 92, 233, 340, 349, 354–355, 358, 454
 “Заветные мысли” (1903–1904), кн. – VII: 354, 384
 “К познанию России” (1906), кн. – VIII: 349, 354, 454
- Менделеев Иван Дмитриевич (1883–1936), брат Л.Д. Блок (Менделеевой) – VIII: 345
- Менделеева Любовь Дмитриевна – см. Блок Л.Д.
- Менжинская Вера Рудольфовна (1906–1998), мемуарист, сестра В.Р. Менжинского – VII: 390
 “Дореволюционные годы В.Р. Менжинского”, мемуарный очерк – VII: 390
- Менжинский Вячеслав Рудольфович (1874–1934), в 1900-е гг. – участник революционного движения, член РСДРП; по образованию юрист; литератор, знакомый И. Коневского, участник кружка Ю.Н. Верховского, дебютировавший одновременно с М. Кузминым в “Зеленом сборнике” (1905). После 1917 г. один из руководителей ЧК, с 1926 г. председатель ОГПУ – VII: 172, 388, 389
 “Роман Демидова”, роман (1905) – VII: 172, 390
- Меньшиков Михаил Осипович (1859–1919), литературный критик и публицист – VII: 108
- Мережковские, супруги: З.Н. Гиппиус и Д.С. Мережковский – VII: 251, 285, 325; VIII: 344, 370, 384
- Мережковский Дмитрий Сергеевич (1865–1941), прозаик, поэт, критик, публицист, философ, переводчик – VII: 16, 18, 44, 49, 108, 111, 113, 186, 187, 205, 239, 243, 247, 251, 263, 267, 276, 284–288, 290, 298, 299, 309, 321, 325, 326, 331, 333, 341, 343, 344, 353, 357–359, 395, 405, 406, 420, 423, 429; VIII: 11, 40, 74, 75, 78, 79, 83, 90, 94, 96–100, 133–135, 156, 176–177, 212, 220, 248, 286–287, 290, 296–299, 302, 305, 318, 325, 331, 334, 338–339, 341–343, 346–347, 350, 353, 355–356, 358–360, 362, 364, 372, 374–375, 377, 381–386, 390–391, 408–409, 418–419, 423–426, 431–432, 446–447, 449, 452–453, 458, 466–467, 469
 “Асфодели и ромашки”, ст. – VII: 285
 “Балаган и трагедия”, ст. – VIII: 408, 418, 49, 426
 “Большая Россия” (1910), кн. – VIII: 423
 “Борьба за догмат”, фельетон (1908) – VIII: 383, 386
 “Было и будет. Дневник 1910 – 1914” (1915), кн. – VIII: 446
 “В тихом омуте” (1908), кн. – VII: 285; VIII: 377, 383–384, 386, 419
 “В обезьяньих лапах”, ст. – VIII: 377, 386
 “Веселые думы”, стих. – VIII: 331, 386
 “Вечные спутники: Портреты из всемирной литературы” (СПб., 1897), кн. – VII: 108, 205, 241, 263, 321, 333, 344, 422; VIII: 466

- “Все против всех”, ст. – VII: 406
 “Гоголь и о. Матвей”, доклад – VIII: 325, 392
 “Гоголь и черт”, ст. – VII: 422; VIII: 384
 “Грядущий Хам”, ст. – VII: 287
 “Грядущий Хам. Чехов и Горький” (1907), сб. статей – VII: 108, 287, 290, 321; VIII: 384
 “Декабристы в 60-е годы”, ст. – VIII: 331
 “Декадентство и общественность”, ст. – VII: 407
 “Дети ночи”, стих. – VIII: 467
 “За или против?”, ст. – VII: 359
 “Интеллигенция и народ”, ст. – VIII: 358
 “Л.Н. Толстой и Достоевский” – VII: 111, 287, 326, 422; VIII: 298–299, 355, 364, 466
 “М.Ю. Лермонтов. Поэт сверхчеловечества”, ст. – VII: 263; VIII: 419
 “Майков”, ст. – VIII: 466
 “Молитва о крыльях”, стих. – VII: 395
 “Не мир, но меч. К будущей критике христианства” (1908), кн. – VIII: 356, 384
 “Немой пророк”, ст. – VIII: 432
 “О новом религиозном действии (Открытое письмо Н.А. Бердяеву)” – VII: 406
 “О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы”, лекция (1892), брошюра (1893) – VIII: 298–299, 385
 “О черных колодцах”, ст. – VIII: 446, 449
 “О Чехове”, ст. – VII: 406
 “Осел и розы”, ст. – VIII: 448
 “Павел I”, драма – VIII: 362
 “Петербургу быть пусто”, ст. (1908) – VIII: 386
 “[Предисловие] *Le Tsar et la Révolution*”. Paris, 1907. – VIII: 79, 360
 “Пророк русской революции. К юбилею Достоевского” – VIII: 384
 “Религия и балаган”, ст. – VIII: 248
 “Смерть Павла I”, драма – VIII: 362
 “Собрание стихов” (1883–1910) – VIII: 176, 290, 466
 “Судьба Гоголя”, ст. – VII: 267, 276; VIII: 325, 391
 “Теперь или никогда. О церковном соборе”, ст. – VII: 406; VIII: 384
 “Цветы мецанства”, ст. – VII: 297; VIII: 302
 “Христос и Антихрист: ч.1. Смерть богов. Юлиан Отступник” (1896), роман – VII: 111, 288, 326, 422; VIII: 385, 466
 “Христос и Антихрист: ч. 2. Воскресшие боги. Леонардо да Винчи” (1901), роман – VII: 111, 288, 326, 422; VIII: 381, 426, 466
 “Христос и Антихрист: ч.3. Антихрист. Петр и Алексей” (1905), роман – VII: 288, 326, 422, 466
 Мериме Проспер (1803–1870), фр. писатель – VII: 136, 348
 “Души чистилища”, новелла – VII: 348
 Метерлинка Морис (Maeterlinck) (1862–1949), бельгийский драматург, поэт, теоретик символизма – VII: 39, 40, 83–86, 98, 101, 104, 105, 115, 187, 193, 197, 198, 229, 240, 249, 252, 275, 276, 293, 308, 309, 312, 319, 329, 332, 366; VIII: 20, 27, 28, 31, 32, 48, 68, 202, 303–304, 309, 312–313, 328–329, 337, 361
 “Двойной сад” (“*Le double jardin*”), кн. – VII: 85, 252, 308; VIII: 308, 309
 “Пеллеас и Мелисанда”, пьеса – VII: 103, 104, 106, 225, 318; VIII: 28, 56, 312, 328, 329
 “Полное собрание сочинений” – VII: 329
 “Разум цветов”, кн. (1995) – VIII: 309
 “Сестра Беатриса”, пьеса – VII: 39, 40, 275, 276, 308
 “Синяя птица”, пьеса – VIII: 82, 361
 “Сокровище смиренных” (“*Le trésor des Humbles*”), кн. (1896) – VIII: 337
 “Сочинения” – VII: 329

- “Трагедия каждого дня”, ст. (1896) – VIII: 337
- “Чудо св. Антония. (Das Wunder des heiligen Antonius)”, драма – VII: 252
- “La drame moderne. Современная драма”, ст. – VII: 85, 309
- Метнер Эмилий Карлович (псевдоним Вольфинг) (1872–1936), музыкальный критик, журналист, философ; руководитель издательства “Мусагет” – VII: 298; VIII: 291, 435, 436
- Меттерних Клемент Венцель Лотар, фон (нем. Klemens Wenzel Lothar von Metternich) (1773–1859) – австр. гос. деятель, дипломат, министр – VIII: 61
- Микеланджело (Микель-Анжело) Буонарроти (1475–1564), итал. скульптор, живописец, архитектор, поэт – VII: 293
- Миклашевский Михаил Петрович (псевдоним Неведомский М.) (1866–1943), критик социал-демократического лагеря – VII: 294, 310; VIII: 295, 327, 349, 350, 377
- «В защиту искусства, о наших “модернистах”, “мистиках”, “мифотворцах” и т.д.», ст. – VII: 294
- “Модернистское похмелье”, ст. – VIII: 295, 327–328, 349
- Милиотти Василий Дмитриевич (1875–1943), живописец – VII: 206, 275
- Миллер Орест Федорович (1833–1889), литературовед, фольклорист и обществ. деятель – VII: 35, 273, 375
- Мильтон Джон (1608–1674), англ. поэт, политический деятель – VII: 349
- Мильтяк (Мельяк) (Meilhaç) Анри (1831–1897), фр. драматург и либреттист – VIII: 322
- Милоков Александр Петрович (1817–1897), литературный критик, историк литературы – VIII: 368, 457
- Минский Николай Максимович (наст. фам. Виленкин) (1855–1937), поэт, драматург, философ, критик, переводчик – VII: 108, 144, 149, 176–179, 226–228, 241, 298, 309, 321, 325, 360, 361, 394, 396, 420, 422; VIII: 35–41, 309, 316–318, 337, 425
- “Брат и сестра”, стих. – VIII: 317
- “Гимн Интернационала”, стих. – VII: 321
- “Гимн рабочих”, стих. – VII: 321; VIII: 318
- “Два пути”, стих. – VII: 360; VIII: 318
- «Казнь (отдел “Гражданские песни”)», стих. – VIII: 318
- “На чужом пиру”, стих. – VIII: 317
- “Ночь первая”, стих. – VIII: 317
- “Ночь третья”, стих. – VIII: 317
- “Ночь пятая”, стих. – VIII: 317
- “Нравственная проблема наших дней”, лекция – VII: 360; VIII: 316
- “О двух путях добра”, ст. – VIII: 318
- “Перед зарею”, стих. – VII: 321
- “Песни о родине”, стих. цикл – VIII: 317–318
- “Песнь первая”, стих. – VIII: 318
- “Полное собрание стихотворений”. Т. 1. – VII: 361; VIII: 37, 316–317
- “Портрет”, стих. – VIII: 40, 318
- “Посвящение”, стих. – VII: 321
- “При свете совести. Мысли и мечты о цели жизни” (1890, 1897), кн. – VIII: 316
- “Просветы”, стих. цикл – VIII: 318
- “Религия будущего (философские разговоры)”. СПб., 1906, кн. – VII: 176, 226, 360, 394; VIII: 316
- “Среди полей”, стих. – VIII: 317
- “Три музы”, стих. – VIII: 318
- “Холодные слова (Рождественская фантазия)”, стих. – VIII: 316
- “Цикл третий”, стих. цикл – VIII: 318
- “Чем ниже я падаю в бездну порока”, стих. – VIII: 318
- Милиц Зара Григорьевна (1928–1990), историк литературы – VII: 239, 246, 247, 251, 252, 257, 265–270, 279, 288, 290, 353, 392–393, 399, 403, 424; VIII: 286–289, 301, 312, 323–324, 338, 355, 357, 358, 359, 383, 390, 425, 434, 447, 449

- “А. Блок и В. Иванов”, ст. – VII: 252, 257
- “А. Блок в полемике с Мережковскими”, ст. – VII: 239, 247; VIII: 312, 383, 425, 447, 449
- “Ал. Блок и Л.Н. Толстой”, ст. – VIII: 323–324
- “Александр Блок и русские писатели” (2000), сб. статей – VII: 289, 301; VIII: 286, 323, 355, 358, 383, 390, 394, 425, 447, 449
- “Александр Блок и традиции русской демократической литературы”, ст. – VIII: 286–288, 301, 358
- “Блок и Гоголь”, ст. – VII: 265, 268, 269, 288, 290; VIII: 289, 355, 357, 390
- “Блок и Достоевский”, ст. – VII: 267, 270
- «Вступительная заметка к автобиографическим запискам Л.Д. Семенова “Грешный грешным?”» – VII: 290
- “Граф Генрих фон Оттергейм и московский ренессанс”, ст. – VII: 403
- “Лирика Александра Блока”, спецкурс – VII: 268; VIII: 358
- «О “Беседах с поэтом В.И. Ивановым” М.С. Альтмана», ст. – VII: 251
- “Первая любовь”, ст. – VIII: 338
- “Переписка Блока с В.Я. Брюсовым”, ст. – VII: 353
- “Переписка [Блока] с Ремизовым”, ст. – VIII: 394
- “Письма С.В. Панченко к Блоку” (совм. с А.В. Лавровым), ст. – VIII: 302
- “Поэтика Александра Блока” (2004), сб. статей – VIII: 338
- «Семенов-Тянь-Шанский и его “Записки”», ст. – VII: 392–393
- «Стихотворение Ал. Блока “Женщина”», ст. – VIII: 434
- «“Человек природы” в русской литературе XIX века и “цыганская тема” у Блока» (совм. с Ю.М. Лотманом), ст. – VII: 268
- Минцлов Сергей Рудольфович (1870–1933), историк-библиограф, археолог, писатель-фантаст – VII: 280
- “Четырнадцать месяцев свободы печати”, ст. – VII: 280
- Минцлова Анна Рудольфовна (1865–1910?), теософка, оккультистка – VIII: 407
- “Мир Божий”, ежемесячный литературный и научно-популярный журнал, близкий к “легальным марксистам” (1892–1906), редакторы В.П. Острогорский, Ф.Д. Батюшков, издатели А.А. Давыдова, М.К. Куприна, фактический руководитель А.И. Богданович. После цензурного запрета возобновился в 1908 г. под названием “Современный мир” – VII: 271, 320, 331, 409, 411
- “Мир искусства”, художественно-литературный журнал и художественное объединение (Петербург, 1898–1904), до 1901 г. выходил дважды в месяц, с 1901 ежемесячно; редактор С.П. Дягилев, в 1904 г. – А.Н. Бенуа – VII: 63, 135, 150, 176, 177, 298, 309, 394; VIII: 363, 402, 420
- Мирбо Октав (1848/50–1917), фр. прозаик, драматург – VII: 115, 329
- “Полное собрание сочинений” – VII: 329
- Миролюбов Виктор Сергеевич (1860–1939), редактор-издатель “Журнала для всех” – VII: 240
- Миропольский А.Л. (наст. имя Ланг Александр Александрович; также печатался под псевдонимом А. Березин) (1872–1917), поэт, участник сборников “Русские символы” – VII: 183, 184, 250, 399–404
- “Ведьма. Лествица” (1905), кн. – VII: 183–185, 250, 399–404
- “Великому брату”, стих. – VII: 402
- “Одиноким труд. Статья и стихи” (под псевдонимом А. Березин, 1899), кн. – VII: 399
- “Песнь похода”, стих. – VII: 402
- “Песня гуслира”, стих. – VII: 402
- Мирский (Святополк-Мирский) Дмитрий Петрович, князь (1890–1939), литературовед, поэт, литературный критик, публицист – VII: 247; VIII: 338, 350
- Мирэ (наст. имя Александра Михайловна Моисеева) (1874–1913), прозаик, переводчица – VII: 172, 250, 389–392
- “Две из многих”, рассказ – VII: 172

- “Жизнь. Нижний Новгород” (1904), кн. – VII: 172, 250, 389–392
- “Лиен”, рассказ – VII: 172
- “На мостовой”, рассказ – VII: 172
- “Томазо”, рассказ – VII: 390
- “Художник”, рассказ (Жизнь) – VII: 172
- Митюрников Иван Иванович, петербургский книгопродавец – VII: 306
- Михайлов А<поллон Тимофеевич?> (1864–1933), писатель-фантаст, критик, журналист, рецензент газ. “Слово” – VIII: 328–329
- «Театр искусств. “Вечер северной свирели”», рец. – VIII: 328–329
- Михайлов Михаил Адольфович (псевдоним; наст. фамилия Дмоховский) (1843–1914), актер театров Литературно-художественного общества, В.Ф. Коммиссаржевской и др. – VII: 275
- Михайлов Тимофей Михайлович (1859–1881), революционер, народовец, участник покушения на Александра II – VIII: 323
- Михайловский Николай Константинович (1842–1904), публицист, литературный критик, идеолог народничества – VIII: 9, 80, 286, 298, 301, 423
- “Г.И. Успенский. Литературная характеристика”, ст. – VIII: 301
- Мичурин (Самойлова) Вера Аркадьевна (1866–1948), актриса Александринского театра – VIII: 313
- Мишев Николай, писатель, участник конкурса журнала “Весна” – VIII: 456
- “У гроба”, рассказ – VIII: 456
- М-на З., критик – VII: 314
- «Детская трагедия (Театр Корша. Спектакль 21 сентября). “Пробуждение весны” Ведыкинда» – VII: 314
- Могилянский Михаил Михайлович (1873 – 1942), украинский публицист и критик – VIII: 348
- “В петербургском Литературном обществе”, ст. – VIII: 348
- Модестов Василий Иванович (1839–1907), историк литературы – VII: 385
- Мойер Иван Филиппович (1786–1858), хирург, профессор Дерптского ун-та; был женат на племяннице Жуковского, М.А. Протасовой – VII:164
- “Молодая Бельгия” (1908), сборник – VII:117, 332
- “Молодая жизнь” (СПб., 1906–1907), еженедельная “общественно-политическая” газета; редактор-издатель М.Я. Шницер – VIII: 303
- Мольер (Жан Батист Поклен) (1622–1673), фр. комедиограф, создатель классической европейской комедии – VIII: 18
- Моммзен Теодор (1817–1903), нем. историк, автор работ по истории Древнего Рима и римскому праву – VII: 351
- Мордерер Валентина Яковлевна, историк литературы – VII: 322, 399, 401, 402
- “Блок и Иван Коневской”, ст. – VII: 322, 399, 401, 402
- Мореас Жан (наст. имя Янис Пападиамандопулос) (1856–1910), фр. поэт, теоретик символизма – VII: 197
- Морозов Николай Александрович (1854–1946), обществ. деятель, революционер-народник, ученый, прозаик, поэт, с 1882 по 1905 г. провел в заключении в Шлиссербургской крепости – VIII: 58, 329
- “Повести моей жизни” (1912), кн. – VIII: 329
- Морозов Петр Осипович (1854–1920), литературовед-пушкинист, историк театра – VIII: 307
- “История русского театра до половины XVIII столетия” (1889), кн. – VIII: 12, 307
- Мрозовская-Княжевич Елена Лукинична (? – после 1920 г.), фотограф, владелица фотоателье в Санкт-Петербурге – VIII: 312
- Муйжель Виктор Васильевич (1880–1924), прозаик – VII: 119, 120, 332, 333
- “Аренда”, рассказ – VII: 119

- “Пока”, рассказ – VII: 119, 333
 “Рассказы” (1908), кн. – VII: 120, 334
- Мунт (Мундт) Голубева) Екатерина Михайловна (1875–1954), актриса театра В.Ф. Комиссаржевской – VII: 275, 314, 315
- Муравьев-Амурский Николай Николаевич (1809–1881), гос. деятель, дипломат, генерал-губернатор Восточной Сибири – VII: 281
- Муратов Павел Павлович (1881–1950), искусствовед, эссеист, переводчик – VII: 246; VIII: 361, 442–444
 “Образы Италии” (т. 1–3, 1911–1917), кн. – VIII: 442–444
- Мурашко Александр Александрович (1875–1919), украинский живописец – VII: 134, 346
 “В сумерках”, картина – VII: 134
- Мурильо Бартоломе Эстебан (1618–1682), исп. живописец – VII: 281
 “Мусагет”, издательство московских символистов (1910–1917) – VIII: 291, 403–404
- Мусина (Мусина-Пушкина; по первому мужу Глебова, по второму – Озаровская, по третьему – Алушкина) (1873 – 1947) Дарья Михайловна, актриса Александринского театра – VIII: 429
- Мушина Ирина Борисовна (1942–1984), историк литературы – VII: 370
 “Блок и Жуковский”, ст. – VII: 370
- Мюллер Макс (1823–1900), англ. филолог-санскритолог, историк литературы и религии – VII: 161, 374
 “Религия как предмет сравнительного изучения” (1887), кн. – VII: 374
 “Сравнительная мифология” (1863), кн. – VII: 374
 “Essais sur la mythologie” (1874), кн. – VII: 374
 “Leben und Religion” (“Жизнь и религия”) (1906), кн. – VII: 374
 “Oxford’s Essays” (1869–1876), сб. трудов – VII: 374
- Мюльнер Адольф (1774–1829), нем. драматург – VIII: 62
- Мюссе Альфред де (1810–1857), фр. поэт, прозаик, драматург – VII: 198
- Мякотин Венедикт Александрович (1867–1937), историк и публицист – VIII: 338, 343, 350
- Мяковский Николай Яковлевич (1881–1950), композитор, педагог, музыкально-общественный деятель – VII: 362
- Мятежный, писатель, участник сб. “Грядущий день. Сборник 1” (СПб.: Издание СПб. Студенческого литературного кружка, 1907) – VII: 332
- Навашин Дмитрий Сергеевич (1889 – 1937), поэт, прозаик, переводчик – VIII: 410
- Надеждин Николай Иванович (1804–1856), литературный и театральный критик, журналист – VII: 153; VIII: 363
 “Литературные опасения за будущий год”, ст. – VIII: 363
- Надсон Семен Яковлевич (1862–1887), поэт – VII: 151, 249; VIII: 35, 36, 104, 384
- Наживин Иван Федорович (1874–1940), прозаик – VII: 113, 114, 121, 328, 335
 “В долине скорби”, кн. (1907) – VII: 121, 335
 “Леда”, рассказ – VII: 57, 121, 122
 “Мене... Тэкэл... Фарес...”, роман – VII: 121, 335
 “Упрощение жизни”, ст. – VII: 335
 “Что такое сектанты и что они хотят” (с предисл. И.Ф. Наживина), брошюра – VII: 114, 328
- Найденов Сергей Александрович (наст. фам. Алексеев) (1868–1922), драматург – VII: 87, 90, 91, 309, 310, 333
 “Блудный сын”, пьеса – VII: 90, 310
 “Богатый человек”, пьеса – VII: 310
 “Дети Ванюшина”, пьеса – VII: 87, 309, 310
 “Нумер тринадцатый”, пьеса – VII: 310
 “Стены”, пьеса – VII: 90
- “Накануне праздника русской мысли: к 80-летию Л.Н. Толстого”, анонимная заметка – VIII: 324

- Наполеон I Бонапарт (1769–1821), император Франции (1804–1814, март–июнь 1815) – VII: 42, 44, 143, 167, 279, 285, 288
- “Народный театр” (1896), кн. – VIII: 315
- “Научное слово”, московский научно-популярный иллюстрированный журнал (1903–1905), редактор – профессор Н.А. Умов – VII: 160
- “Наша газета” (СПб., 1907–1909), ежедневная политическая, литературная и экономическая газета; редакторы Н.П. Коньков, А.А. Гусаков – VII: 242; VIII: 231, 371–372
- Неведенский С. – см. Щегловитов Семен Григорьевич
- Неведомский М. – см. Миклашевский М.П.
- Невежин Петр Михайлович (1841–1919), писатель, драматург – VIII: 28, 312–313
- “Вторая молодость” (1887), драма – VIII: 28, 312–313
- Неволин Борис Семенович, артист и режиссер театра В.Ф. Коммиссаржевской, руководитель Санкт-Петербургского Интимного театра миниатюр – VIII: 332
- Негорев – см. Кугель Александр Рафаилович
- Негри Ада (1870–1945), итал. актриса – VII: 333
- Недоброво Николай Владимирович (1882–1919), поэт, литературный критик – VIII: 405
- Незеленов Александр Ильич (1845–1896), историк литературы – VIII: 413
- “Литературные направления в Екатерининскую эпоху” (1889), кн. – VIII: 413
- Некрасов Николай Алексеевич (1821–1878), поэт, прозаик, драматург, критик – VII: 62, 113, 116, 194, 253, 289, 296, 416; VIII: 38, 50, 72, 87, 128, 208, 222, 328, 357, 365, 418, 426
- “В больнице”, стих. – VII: 289
- “Коробейники”, поэма – VII: 62, 296–297; VIII: 418
- “Рыцарь на час”, поэма – VII: 253
- “Тройка”, стих. – VIII: 357
- “Убогая и нарядная”, стих. – VIII: 328
- “Что ни год, уменьшаются силы...”, стих. – VIII: 418
- “Я не люблю иронии твоей...”, стих. – VIII: 365
- Немезиан Аврелий Олимп, латинский поэт (втор. пол. III в. до н. э.) – VIII: 52, 322
- Немеровская Ольга Александровна (1904–1951), историк литературы – VIII: 468
- “Судьба Блока: Воспоминания. Письма. Дневники” (совм. с Ц. Вольпе) (1930) – VIII: 468
- Неплюев Николай Николаевич (1851–1908), писатель, обществ. и религиозный деятель, основатель Крестовоздвиженского трудового братства (1889) – VII: 129, 130, 340
- Нерадовский Петр Иванович (1875–1962), художник – VII: 346
- Нестеров Михаил Васильевич (1862–1942), живописец – VII: 261, 393, 402; VIII: 349
- “Дмитрий-царевич убиенный”, картина – VII: 393
- “Нива. Журнал литературы, политики и общественной жизни”, еженедельный журнал для семейного чтения с приложениями (СПб., 1870–1918, изд. А.Ф. Маркса) – VII: 108, 162, 320; VIII: 169
- Никитин Иван Саввич (1824–1861), поэт, прозаик – VII: 113, 194, 416
- Никитина Марина Алексеевна (1949–2004) – VII: 331
- “Русская мысль”, ст. – VII: 331, 333
- Николаев Николай Николаевич (1866 – не ранее 1912), поэт-самоучка – VII: 122, 335
- “На старый лад. Стихотворения” (1907), кн. – VII: 122, 335
- Николай I Павлович (1796–1855), российский император с 1825 г. – VII: 41, 283
- Николай II Александрович (1868–1918), последний российский император (с 1894 г.) – VII: 280
- Никольская Татьяна Львовна, историк литературы – VII: 334
- “Творческий путь Л.Д. Зиновьевой-Аннибал”, ст. – VII: 334
- Никольский Борис Владимирович (1870–1919), профессор римского права, филолог, член “Союза русского народа”, доцент, руководитель студенческого литературного кружка, который посещал А.А. Блок – VII: 392; VIII: 395
- Нилендер Владимир Оттонович (1883–1965), филолог-классик, переводчик – VII: 333
- Нилус Петр Александрович (1869–1943), живописец – VII: 333

- Ниман-Раабе Гедвиг (1844–1905), нем. актриса – VIII: 438
- Нинов Александр Алексеевич (1931–1998), историк литературы – VII: 348
 “Так жили поэты”, ст. – VII: 348
- Ницше Фридрих (1844–1900), нем. философ, филолог и писатель – VII: 80, 254, 288, 301, 319, 336, 361, 391, 412; VIII: 92, 138, 141, 177, 191, 196, 233, 289, 302, 304, 347, 378, 379, 408, 431, 466, 475
 “Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей” (1901), кн. – VII: 336, 361
 “Происхождение трагедии. Об Антихристе” (1900), кн. – VII: 288
 “Рождение трагедии из духа музыки” (1872), кн. – VIII: 302, 378, 379, 466
 “Человеческое, слишком человеческое” (1878), кн. – VIII: 432
- Нич, псевдоним – VIII: 430
 “Четверо о пятом”, ст. – VIII: 430
- Новалис (наст. имя Фридрих фон Гарденберг) (1772–1801), нем. писатель-романтик – VIII: 414
 “Генрих фон Офтердинген”, роман – VIII: 414
 “Гимны к ночи”, стих. цикл – VIII: 414
- “Новая книга: Критико-библиографический еженедельник” (1907), ред. Н.Л. Вейдемюллер, выходил после закрытия журнала “Книга” (см.) – VII: 116, 331
- “Новая Русь”, ежедневная газета (1903–1905, 1906–1908), ред. А.А. Суворин (1903–1905), М.М. Крамалей (1906–1908), С.А. Изнар (1908) – VIII: 346, 348, 372–373, 388, 390
- Новицкий Григорий Петрович (1885 – после 1950), поэт, критик – VIII: 57, 328–329, 368
 “Зажженные бездны”, сб. стих. (1908) – VIII: 57, 329, 368
 “Песнь”, поэма – VIII: 328
- “Новое время”, ежедневная политическая и литературная газета охранительного направления (СПб., 1868–1917); с 1876 г. редактор А.С. Суворин – VII: 107, 245, 261, 326, 408; VIII: 160, 161, 194, 345, 352, 390, 423
- “Новое общество художников” (СПб., 1903–1917), художественное объединение, созданное учениками И.Е. Репина и А.И. Куинджи и ставящее своей задачей поддержку выпускников Академии художеств – VII: 134, 345, 346
- “Новое слово. Товарищеские сборники” (1907), альманах – VII: 117, 238, 333
- “Новое слово” (СПб., 1908–1914), ежемесячный журнал, приложение к газете “Биржевые ведомости”, редактор И.И. Ясинский – VII: 238
- “Новые веянья: Первый еврейский сборник” (1907), альманах – VII: 51, 117, 289
- “Новый путь” (СПб., 1903–1904), журнал Санкт-Петербургского Религиозно-философского общества и орган символистов – VII: 8, 52, 108, 154, 183, 238–241, 249, 331, 340, 344–347, 350; VIII: 42, 172, 194–196, 363
- “Новь” (СПб., 1884–1898), иллюстрированный двухнедельный “Вестник современной жизни, литературы, науки и прикладных знаний”; издатель и отв. ред. А.М. Вольф – VII: 168
- Нолле-Коган Н.А. – см. Коган-Нолле Н.А.
- Нувель Вальтер Федорович (1871–1949), музыкальный критик, член объединения “Мир искусства” – VII: 284, 298
- Нурок Альфред Павлович (1863–1919), художественный критик, член объединения “Мир искусства” – VII: 298
- “О Владимире Соловьеве” (1911), сб. – VIII: 430
- “О Коммиссаржевской. Забытое и новое” (1965), кн. – VIII: 330
- Ободовский Петр Григорьевич (1803–1864), драматург, поэт, переводчик – VIII: 331
- “Обозрение преподавания наук на историко-филологическом факультете... на осеннее полугодие 1903 года / весеннее полугодие 1904 года” – VII: 416
- “Обозрение театров”, еженедельная иллюстрированная газета (СПб., 1906–1918) – VIII: 305

- “Образование”, журнал (СПб., 1892–1909), редактор-издатель В.Д. Сиповский, фактический руководитель А.Я. Острогорский – VII: 50, 51, 57, 116, 239, 320; VIII: 287
- Овидий Публий Назон (43 до н.э. – ок. 18 н.э.), римский поэт – VII: 127, 167, 168, 233, 238, 337, 384–386, 393, 432
- “Героини”. Пер. с лат. Д. Шестакова. Казань, 1902 – VII: 127, 238
- “Метаморфозы” – VII: 393
- “Наука любви” – VII: 167, 168, 386
- “Сочинения П. Овидия Назона все, какие до нас дошли” – VII: 337
- Овсяннико-Куликовский Дмитрий Николаевич (1853–1920), филолог, литературовед – VII: 115, 330
- “Тоголь” (1899), кн. – VII: 330
- “История русской интеллигенции: Вехи русской художественной литературы XIX века” (Т. 1–3, 1906–1911), кн. – VII: 115, 330
- Огарев Николай Платонович (1813–1877), поэт, публицист – VII: 280
- Оловин Николай Андреевич (1876–1928), художник – VII: 346
- Оленина-д’Альгейм Мария Алексеевна (1869–1970), певица, вместе с мужем П. д’Альгеймом руководила Московским домом песни – VII: 352
- Олигер Николай Фридрихович (1882–1919), прозаик – VII: 120, 334
- “Рассказы. Т. 1” (1907), кн. – VII: 120, 334
- “Судный день”, рассказ – VII: 120, 334
- Онегин Александр Федорович (Отто) (1845–1925), коллекционер рукописей – VII: 379
- Орлов Владимир Николаевич (1908–1985), историк литературы – VII: 233, 234, 236, 247, 371, 430, 431; VIII: 309
- «История одной “дружбы-вражды”», ст. – VII: 247
- “Литературное наследство Александра Блока”, ст. – VII: 236, 371
- “Неосуществленный замысел Блока”, ст. – VII: 431
- Орлова Елизавета Николаевна (1861–1940), художница, деятельница народного просвещения, редактор-издатель “Критического обозрения”, внучка декабриста М.Ф. Орлова – VII: 331
- Оршер Иосиф Лейбович (1879–1942), прозаик-сатирик, журналист (псевдоним д’Ор О.Л.) – VII: 291
- Осипов Андрей Андреевич (1868–1910) – писатель, журналист, рецензент газеты “Слово” – VIII: 313
- Осипов Н., писатель, участник московского сборника “Новые веяния. Первый еврейский сборник” (1907) – VII: 332
- “Остафьевский архив князей Вяземских” (В 4 т. 1899) – VII: 162, 376
- Островский Александр Николаевич (1823–1886), рус. драматург – VII: 86, 309; VIII: 21, 32, 35, 315
- “Гроза”, драма – VIII: 21, 32, 304, 315
- Острогорская Ад. Д. (псевдоним; наст. имя Острогорская (Острогорская-Малкина) Анна Яковлевна) (1863 – ?), переводчица, редактор журнала “Юный читатель” (с 1899), по образованию врач – VII: 332
- “Отечественные записки”, ежемесячный “учено-литературный” журнал (СПб., 1823–1884, с перерывами), перед закрытием властями журналом руководили М.Е. Салтыков-Щедрин и Н.К. Михайловский – VII: 331
- “Отзвуки” (1907), литературный сборник – VII: 116, 333
- “Откровение св. Иоанна Богослова” (Апокалипсис) – VII: 46, 127, 128, 165, 268, 396, 407
- Оффенбах (наст. имя Якоб Эбершт) Жак (1819–1880), фр. композитор и дирижер – VIII: 322
- “Прекрасная Елена”, оперетта (1864) – VIII: 322
- Очарованный странник: Альманах интуитивной критики и поэзии (М., 1913–1916), выпускался одноименным издательством, редактор В.Р. Ховин – VIII: 452

- П.Я. (псевдоним; наст. имя Якубович (Якубович-Мельшин) Петр Филиппович) (1860–1911), революционер-народоволец, поэт, писатель – VII: 108
- Павлович Надежда Александровна (1895–1980), поэт, критик, переводчица, мемуаристка, приятельница Блока в 1920–1921 гг. – VII: 246
 “Воспоминания об Александре Блоке”, мемуарный очерк – VII: 246
- “Памяти академика А.Н. Веселовского. По случаю десятилетия со дня его смерти (1906–1916)” (1921), сб. статей – VII: 371
- “Памяти Александра Блока” (1922), сб. статей – VII: 234
- “Памяти Веры Федоровны Коммиссаржевской” (1911), сб. статей и материалов – VII: 318
- “Пантеон” (1907–1912), петербургское книгоиздательство (руководитель З.И. Гржебин), выпускавшее шедевры мировой литературы в переводах русских писателей – VIII: 105
- Пантелеев Георгий Фомич (1843–1901), издатель – VII: 189, 408
- Пантелеев Лонгин Федорович (1840–1919), мемуарист, публицист, обществ. деятель – VIII: 428
- Пантюхов Михаил Иванович (1880–1910), прозаик – VII: 120, 334
 “Тишина и старик”, повесть – VII: 120, 334
- Панченко Семен Викторович (1867–1937), композитор, дирижер – VII: 418; VIII: 302
- Паперный Владимир Матвеевич, историк литературы – VII: 248; VIII: 379, 466
 “Блок и Ницше”, ст. – VII: 248; VIII: 379, 466
- Парнис Александр Ефимович, историк литературы – VII: 387; VIII: 361
 «Программы “Бродячей собаки”» (совм. с Р.Д. Тименчиком), ст. и публикация материалов – VIII: 361
 «“Рыцарь грезы заповедной...” Воспоминания и стихи К. Бальмонта о Блоке», ст. – VII: 387
- Патрашкин Сергей Тимофеевич (1875–1953), писатель, журналист – VIII: 160, 450, 454
 “О крови”, рец. на кн. П. Карпова “Пламень” (1913) – VIII: 160, 450, 454
- Паульсен Йон (Джон) (1851 – ?), норв. писатель, автор воспоминаний об Ибсене – VIII: 335
- Пеладан Жозефен (Сар Пеладан, Peladan) (1859–1918), фр. прозаик, драматург, художественный критик – VII: 252; VIII: 14, 192, 299, 308, 476
 “Semiramis Tragedie en quatre actes” (“Семирамида. Трагедия в 4 актах”) – VII: 252
- Пергамент Михаил Яковлевич (1866–1932), декан юридического факультета Высших (Бестужевских) женских курсов в Петербурге – VIII: 428
- “Перевал. Журнал свободной мысли”, ежемесячный литературно-общественный журнал, выпускаемый изд. “Триф”, под ред. С.А. Соколова (Москва, 1906–1907) – VII: 48, 109, 237, 239, 240, 243, 274–277, 306, 322, 391, 418, 422, 423; VIII: 169, 459, 463
- Первалов П., писатель, участник сборника “Отзвуки” (Харьков, 1907) – VII: 333
- Перетц Владимир Николаевич (1870–1935), академик, историк литературы – VII: 414, 415, 417
 “Сиповский. Некролог” – VII: 414, 415, 417
- Перец П., еврейский писатель (Перец Ицхак Леон (Лейбуш, 1851–1914)?) – VII: 289, 332
- Перовская Софья Львовна (1853–1881), член партии “Народная воля”, участница покушения на Александра II 1 марта 1881 г. – VIII: 323
- Перуджиа Жанна, итал. шансонетная певица – VIII: 110
- Перцов Петр Петрович (1868–1947), литературный критик, публицист, поэт, издатель и соредатор журнала “Новый путь” – VII: 239, 241, 249, 261, 262, 331, 337–342, 344–347, 350, 356, 358, 375, 399, 401, 408–411, 412–415, 417, 432; VIII: 342, 345–346, 403, 431
 «Брюсовское стихотворение “Младшим”», ст. – VII: 358
 “В религиозно-философском обществе”, ст. – VIII: 342, 346
 “Литературные воспоминания. 1890–1902 гг.” (2002), кн. – VII: 342, 375, 401
 “Ранний Блок” (1922), кн. – VII: 241, 338–342
- Пестель Павел Иванович (1793–1826), декабрист, мыслитель, один из пяти участников декабрьского восстания 1814 г., приговоренных к смертной казни – VII: 278

- “Петербургская газета” (СПб., 1867–1918), ежедневная политическая и литературная газета – VIII: 362, 398
- “Петербургский листок” (СПб., 1864–1918), ежедневная “городской жизни и литературная” газета – VIII: 346, 362
- Петёфи Шандор (1823–1849), венгерский поэт – VII: 332
- Петрарка Франческо (1304–1374), итал. поэт, глава старшего поколения гуманистов – VII: 160, 347, 369, 372, 380
- Петров-Водкин Кузьма Сергеевич (1878–1939), художник – VIII: 399
- Петров-Леонидов (наст. имя Успенский Петр Леонидович) (1869–1934), харьковский заводчик, толстовец – VII: 333
- Петров Николай Филиппович (1872–1941), художник – VII: 346
- Петрова Мира Геннадьевна, историк литературы – VIII: 348
 “Блок и народническая демократия”, ст. – VIII: 348
- Петровская (в замуж. Соколова) Нина Ивановна (1879–1928), прозаик, критик, переводчица; первая жена С.А. Соколова (Кречетова) – VII: 351
 “Воспоминания”, мемуарный очерк – VII: 351
- Петровский Алексей Сергеевич (1881–1958), переводчик, библиограф, сотрудник Румянцевского музея – VIII: 430
- Петроний Гай Арбитр (I в.н.э.) – VIII: 322
 “Сатирикон”, роман – VIII: 322
- Пешехонов Алексей Владимирович (1867–1933), публицист, редактор журнала “Русское богатство” – VIII: 326
 “На очередные темы. В поисках”, ст. – VIII: 326
 “На очередные темы. Времяпрепровождение”, ст. – VIII: 326
- Пешкова (рожд. Волжина) Екатерина Павловна (1887–1965), обществ. деятель; жена А.М. Горького – VII: 309; VIII: 348
- Пильский Петр Моисеевич (1879–1941), литературный критик, прозаик, фельетонист – VII: 120, 286, 291, 334; VIII: 327, 456
 “Конец легенде”, ст. – VIII: 327
 “Палка хромого”, ст. – VII: 286, 291
 “Рассказы” (1907), кн. – VII: 334
- Пирогов Николай Васильевич (1872–1913), художник – VII: 346
- Пирожков Михаил Васильевич (1867–1927), издатель, глава “Издательства М.В. Пирожкова” – VII: 115
- Пирумова Наталья Михайловна, историк – VII: 281
 “Бакунин” (1970), кн. – VII: 281
- Писарев Дмитрий Иванович (1840–1868), литературный критик и публицист – VII: 286; VIII: 84, 298, 310, 363
 “Разрушение эстетики”, ст. – VIII: 310
- Писарев Модест Иванович (1844–1905), актер Александринского театра – VIII: 313
- Платон (428 или 427–348 или 347 до н.э.), др.-греч. философ, создатель первой классической системы объективного идеализма – VII: 8, 254, 277, 407; VIII: 69, 199, 337, 376
 “Апология Сократа”, диалог – VIII: 337
 “Менон”, диалог – VIII: 376
 “Федон”, диалог – VII: 254; VIII: 376
 “Федр”, диалог – VIII: 337
- Плеве Вячеслав Константинович фон (1846–1904), министр внутренних дел и шеф жандармов в 1902–1904 гг. – VII: 51; VIII: 342
- Плетнев Петр Александрович (1792–1865), поэт, критик, издатель – VII: 162, 376
 “О жизни и сочинениях В.А. Жуковского”, ст. – VII: 376
- Плеханов Георгий Валентинович (1856–1918), политический деятель, марксист, публицист, критик – VII: 277, 287, 310; VIII: 352, 457

- «О так называемых религиозных исканиях в России: “Исповедь” как проповедь “новой религии”», ст. – VIII: 352
- Плещеев Алексей Николаевич (1825–1893), поэт, переводчик – VIII: 58, 328–329
 “Вперед! Без страха и сомненья...”, стих. – VIII: 329
- Плутарх из Хероней (ок. 45 – ок. 127) – др.-греч. историк, писатель – VII: 256; VIII: 420
- По Эдгар Аллан (1809–1849), американский поэт, прозаик, критик – VII: 24, 96, 135, 136, 188, 189, 268, 348, 407, 408, 412, 425
 “Гоп-Фрог”, рассказ – VII: 268
 “Золотой жук”, рассказ – VII: 408
 “Свидание”, рассказ – VII: 189
- Победоносцев Константин Петрович (1827–1907), гос. деятель, юрист, обер-прокурор Синода в 1880–1905 гг., публицист – VIII: 53, 80, 88, 214, 221, 323–324, 342, 367
- Покровский Владимир Алексеевич (1871–1931), архитектор, профессор Академии художеств – VIII: 399
- Поленова Наталья Васильевна (рожд. Якунчикова) (1858–1951), художница, жена художника В.Д. Поленова – VII: 134
- Поливанов Лев Иванович (1839–1899), педагог, основатель и директор частной гимназии, литературовед-пушкинист, переводчик (псевдоним П. Загарин) – VII: 162, 376, 382
 “В.А. Жуковский и его произведения. 1783–1883” (1883), брошюра – VII: 376, 382
- Полонский Яков Петрович (1819–1898), поэт, прозаик – VII: 64, 69, 70, 150, 160; VIII: 58, 72, 208, 334
 “Глухая степь”, ст. – VII: 160
 “Колокольчик”, ст. – VII: 160
- Полтавцев А., писатель – VII: 51, 289–290, 332
 “В голоде” – VII: 290
- “Полезьа” (1906–1918), московское издательство просветительской направленности, выпустившее серию “Универсальная библиотека”; владелец В.М. Антик – VIII: 165
- Поляков Виктор Лазаревич (1881–1906), поэт – VIII: 114–116, 393–395
 “К толпе”, стих. – VIII: 115
 “Не славе я молюсь: дворцы...”, стих. – VIII: 395
 “Стансы читателю”, стих. – VIII: 395
 “Стихотворения” (1909), кн. – VIII: 394
- Поляков Сергей Александрович (1874–1942), владелец издательства “Скорпион” и издатель журнала “Весы”, поэт, переводчик – VII: 329
- “Полярная звезда”, еженедельный журнал (1905–1906), редактор П.Б. Струве – VII: 185, 410; VIII: 356
- Померанцева Эрна Васильевна (1899–1980), фольклорист – VII: 371, 374; VIII: 413
 “Александр Блок и фольклор”, ст. – VII: 371, 374; VIII: 413
- Понсон дю Террайль Пьер Алексис (1829–1871), фр. романист – VII: 282
 “Похождения Рокамболя”, роман – VII: 282
- Понтий Пилат, римский прокуратор Иудеи с 26 по 36 г.н.э., приговорил к распятию Иисуса Христа – VII: 47
- Попов Анатолий Александрович (1884–?), поэт, литературный критик – VII: 330
- Попов (псевдоним Мизгирь) Борис Михайлович (1883–1941), поэт, журналист, музыкальный критик – VII: 368
 “Астры”, стих. – VII: 368
- Попов Георгий Михайлович, сын книгоиздателя М.В. Попова, второй гильдии купец, получивший известность “делом о кошкодавах” – VIII: 362
- Попов Н., поэт – VII: 122, 335
 “Стихотворения” (1907) – VII: 335
- Порфиоров Петр Федорович (1870–1903), поэт – VIII: 168, 169, 458–459
 “Стихотворения” (1908) – VIII: 168, 169, 458–459

- Порфирьев Иван Яковлевич (1823–1890), историк литературы – VII: 194, 415, 416
 “История русской словесности” (1879–1904) – VII: 415, 416
- Потапова Галина Евгеньевна, историк литературы – VII: 263
- Потебня Александр Афанасьевич (1835–1891), филолог-славист, теоретик литературы, фольклорист, этнограф, языковед – VII: 115, 203
- Потемкин Петр Петрович (1886–1926), поэт-сатириконец, драматург, переводчик, либреттист, балетный обозреватель – VII: 332; VIII: 51–53, 321, 362, 368, 394
 “Смешная любовь” (1908), сб. стих. – VIII: 52, 321
- Поцепня Дина Михайловна, лингвист – VII: 248, 288; VIII: 288
 “Проза А. Блока: стилистические проблемы” (1976), кн. – VII: 248, 288; VIII: 288
- “Поэт”, журнал (1907–1908), редактор-издатель Ю.В. Гольдберг – VII: 81, 306
- Поярков Николай Ефимович (1877–1918), поэт, литературный критик – VII: 116, 330
 “Письма Н.Е. Пояркова к Блоку” – VII: 330
 “Поэты наших дней: Критические этюды” (1907), кн. – VII: 116, 330
- “Правда жизни” (СПб., 1908–1909), политическая, экономическая и литературная еженедельная газета; редактор-издатель Ф.А. Кириллов – VII: 242, 244; VIII: 344
- “Правительственный вестник” (СПб., 1869–1917), газета, издававшаяся Главным управлением по делам печати; редакторы (в разное время) К.К. Случевский, С.П. Татищев, С.П. Урусов, А.А. Башмаков и др. – VII: 245
- Прахов Адриан Викторович (1846–1916), историк искусства, критик – VIII: 399
- Премиров Михаил Павлович (1878–1935), писатель – VIII: 172, 173, 463
 “Немые дали” (1909), сб. рассказов – VIII: 172, 463
- Примочкина Наталья Николаевна, историк литературы – VII: 242; VIII: 344
 “Неизданное письмо А.А. Блока”, ст. – VII: 242; VIII: 344
- Приходько Ирина Степановна, историк литературы – VIII: 470
 “Легенда о святом Юлиане Странноприимце” (2007), кн. – VIII: 470–471
- Пришвин Михаил Михайлович (1873–1954), писатель – VIII: 172, 370, 462
 “Блок в дневнике Пришвина и вновь найденное письмо Блока Пришвину” – VIII: 462
 “В краю непуганых птиц” (1907), кн. – VIII: 462
 “За волшебным колобком. Из записок на крайнем севере России и Норвегии” (1908), кн. – VIII: 172, 462
 “Письма Блока к Пришвину” – VIII: 462
 “У стен Града Невидимого. Светлое озеро” (1909), кн. – VIII: 172, 462
- “Проблемы идеализма” (1903), сб. статей под ред. П.И. Новгородцева – VII: 186
- Прокофьев Сергей Сергеевич (1891–1953), композитор, пианист и дирижер – VII: 362
- Пронин Борис Константинович (1875–1946), актер, режиссер, основатель кабаре “Бродячая собака” – VII: 275
- “Проталина” (1907), литературный сборник – VII: 117, 333
- Протасова Марья Андреевна (в замуж. Мойер) (1793–1823), племянница В.А. Жуковского – VII: 164, 165, 378, 379
- Протейкинский Виктор Петрович (? – не ранее 1914), учитель математики, родственник Д.В. Философова; член Религиозно-философского общества в Петербурге – VII: 323
- Протопопов Виктор Викторович (1866–1916), драматург – VIII: 28, 29, 313
 “Черные вороны”, драма – VIII: 28, 29, 313
- Протопопов Михаил Алексеевич (1849–1915), критик, публицист – VII: 343, 363
- Протопопов Михаил Васильевич (1746–1800), переводчик – VII: 378
 “Письма о литературе (письмо одиннадцатое)”, ст. – VII: 343
- Пругавин Александр Степанович (1850–1920), публицист, этнограф, исследователь старообрядчества и сектанства, революционер-народник – VII: 113, 324, 328; VIII: 353
 “Раскол вверху. Очерки религиозных исканий в привилегированной среде” (1909), кн. – VII: 324
 “Раскол и сектантство в русской народной жизни” (1905), кн. – VII: 328; VIII: 353
 “Религиозные искания в обществе и народе”, ст. – VII: 324

- Прутков Козьма Петрович (коллективный псевдоним А.К. Толстого и бр. Жемчужниковых), вымышленный автор-маска, писатель, поэт, объединивший ряд юмористических и сатирических произведений его создателей – VIII: 88, 225
- Пуанкаре Жюль Анри (1854–1912), фр. математик, физик, философ – VIII: 81, 82, 360
 “Наука и гипотеза” (1906), кн. – VIII: 360
- Пугачев Емельян Иванович (1740/1742–1775), предводитель Крестьянской войны 1773–1775, донской казак – VII: 278
- Пуришкевич Владимир Митрофанович (1870–1920), политический деятель, депутат II, III и IV Государственной думы – VIII: 224, 368–369, 384
- Пустыгина Надежда Григорьевна, историк литературы – VIII: 302
 «“Тургеневские истоки” в творчестве Блока», ст. – VIII: 302
- Пушкин Александр Сергеевич (1799–1837) – VII: 8, 17–18, 113, 115, 117, 123, 124, 127, 135, 136, 140, 149, 160, 163, 165, 190, 205, 233, 254, 255, 262, 263, 280–285, 287, 297, 305, 308, 320, 329, 333, 336–338, 348, 355, 362, 366, 377, 380, 381, 385, 397, 398, 410, 412, 417, 420, 424; VIII: 42, 50, 52, 58, 74, 80–82, 104, 115, 138, 154, 162, 181, 211, 273, 277, 300, 316–317, 319, 326, 329, 333–334, 336–338, 349, 353–354, 360, 369, 376, 379, 383, 385, 387, 423, 440, 447, 449, 454, 472
 “Альманашик”, ст. – VII: 117, 333
 “Бесы”, стих. – VII: 160
 “Борис Годунов”, трагедия – VIII: 349, 387
 “Бородинская годовщина”, стих. – VIII: 360
 “Братья-разбойники”, поэма – VIII: 354
 “Герой”, стих. – VII: 320
 “19 октября” (“Роняет лес багряный свой убор...”), стих. – VII: 366; VIII: 447
 “Евгений Онегин”, роман в стихах – VII: 280, 308, 336, 355, 420; VIII: 45, 317, 319–320, 394
 “Жил на свете рыцарь бедный...”, стих. – VII: 273
 “К портрету Жуковского”, стих. – VII: 381
 “Капитанская дочка”, повесть – VIII: 454
 “Клеветникам России”, стих. – VIII: 383
 “Легенда”, стих. – VIII: 336–337, 432–433
 “Медный всадник”, поэма – VII: 205; VIII: 357, 379
 “Моцарт и Сальери”, трагедия – VII: 336
 “На Стурдзу”, стих. – VII: 380
 “Наполеон”, стих. – VII: 287
 “На холмах Грузии...”, стих. – VII: 305
 “Осень”, стих. – VII: 255
 “Ответ анониму” – VIII: 338, 441
 “Пиковая дама” – VII: 261, 262
 “Пир во время чумы”, трагедии – VIII: 369
 “Под небом голубым страны своей родной...”, ст. – VII: 397; VIII: 354, 360, 376
 “Полтава”, поэма – VIII: 423
 “Поэт и толпа” (“Чернь”), стих. – VII: 254, 297; VIII: 336
 “Поэту”, стих. – VIII: 300
 “Пророк”, стих. – VIII: 58, 329
 “Путешествие в Арзрум”, путевые записки – VIII: 472
 “Скупой рыцарь”, трагедия – VIII: 440
 “Собрание насекомых”, стих. – VII: 398
 “Цыганы”, поэма – VII: 337, 338, 385
 “Чернь” (“Поэт и толпа”), стих. – VII: 354
- Пшибышевский Станислав (1868–1927), польский прозаик, драматург – VII: 83, 105, 115, 120, 319, 323, 329, 397, 424–425; VIII: 68, 112, 152, 202, 305, 317, 371, 394, 442

- “Вечная сказка”, пьеса – VII: 105; VIII: 152, 317, 442
- “Сыны земли. Предисловие к русскому изданию” – VII: 397
- Пыпин Александр Николаевич (1833–1904), историк литературы и общественной мысли, этнограф, фольклорист – VII: 162, 372, 373, 376, 415
- “История русской литературы” (в 4 т.) (1902–1903) – VII: 415
- “История русской этнографии...” (1891) – VII: 162, 372, 373
- “Список трудов акад. А.Н. Пыпина”. 1853–1903; сост. Я.Л. Барсков – VII: 416
- Пяст Владимир (наст. имя Пестовский Владимир Алексеевич) (1886–1940), поэт, переводчик, стиховед, мемуарист – VII: 116, 118, 202, 245, 330, 387, 409, 420; VIII: 147, 264, 290–291, 293, 303, 351–352, 434, 440, 444–445
- “Воспоминания о Блоке”, мемуарный очерк – VII: 245, 387; VIII: 293, 434
- “Встречи”, мемуары – VII: 409; VIII: 290–291, 352, 408, 434, 440
- “Милая, лента скамейки”, стих. – VII: 420
- Рабле (Раблэ) Франсуа (1494–1553), фр. писатель – VII: 167**
- Радаков Алексей Александрович (1879–1942), художник, поэт, сотрудник журналов “Сатирик” и “Новый сатирик” – VIII: 368
- Радищев Александр Николаевич (1749–1802), прозаик, обществ. деятель – VII: 115, 329
- “Полное собрание стихотворений” (1907) – VII: 329
- Радклиф Анна (1764–1823), англ. писательница – VII: 381–383
- “Итальянец, или Поведная черных кающихся”, роман – VII: 381–382
- “Лес, или Сент-Клерское аббатство”, роман – VII: 381–382
- “Таинства Удольфския” (“Тайны Удольфского замка”), роман – VII: 381–382
- “Юлия, или Подземелье Мадзини”, роман – VII: 381–382
- Радлов Эрнест Львович (Леопольдович) (1854–1928), философ – VIII: 428, 431
- “Биографический очерк” – VIII: 428, 431
- Растопчин (Ростопчин) Федор Васильевич (1763–1826), гос. деятель, в 1812 г. главнокомандующий Москвы – VII: 279
- Ратгауз Даниил Максимович (1868–1937), поэт, сотрудник газеты “Новое время” – VIII: 132, 423
- Рафалович Сергей Львович (1875–1943), поэт, драматург – VII: 92, 93, 310; VIII: 36, 317, 405
- “Отвергнутый Дон-Жуан”, пьеса – VII: 92, 310
- “Светлые песни” (1906), сб. стих. – VIII: 317
- Рафаэль Санти (1483–1520), итал. живописец и архитектор – VII: 281
- “Сикстинская мадонна”, картина – VII: 281
- Рахманинов Сергей Васильевич (1873–1943), композитор, пианист, дирижер – VII: 362
- Рачинская (рожд. Мамонтова) Татьяна Анатольевна (1864–1920), жена Г.А. Рачинского – VIII: 430
- Рачинский Григорий Алексеевич (1859–1939), литератор, переводчик, философ; председатель Религиозно-философского общества в Москве – VII: 185, 293, 405; VIII: 430
- “Из духовных песнопений”, ст. – VII: 405
- Рашильд А.Г. (псевдоним; рожд. Маргарита Эмери, в замуж. – г-жа Альфред Валлет Валет) (1860–1953), фр. романистка и драматург – VII: 153–155, 361, 365
- “Подпочвенные воды (Le dessous)”. Роман. Изд. т-ва Вольф. СПб., 1904 – VII: 153–155, 361, 365
- “Продавец солнца”, пьеса – VII: 154
- Рашковская Августа Натановна (1898–1988), критик – VIII: 411
- Ребиков Владимир Иванович (1866–1920), композитор, пианист – VII: 261; VIII: 310
- Редкин Петр Григорьевич (1808–1891), историк, правовед; профессор Петербургского ун-та – VII: 408
- Рейсер Соломон Абрамович (1905–1989), историк литературы – VII: 237
- “Основы текстологии” (1978), кн. – VII: 237

- Рейснер Михаил Андреевич (1868–1928), юрист, публицист, профессор Санкт-Петербургского ун-та – VIII: 338, 346, 350–351
- Рейтерн Елизавета Алексеевна (в замуж. Жуковская) (1821–1856), дочь немецкого художника Рейтерна, жена В.А. Жуковского – VII: 165, 380
- Рембо Артюр (1854–1891), фр. поэт-символист – VII: 366; VIII: 300
- Рембрандт Харменс ван Рейн (1606–1669), голландский живописец, рисовальщик, офортист – VII: 198, 205; VIII: 130
- Ремизов Алексей Михайлович (1877–1957), прозаик, драматург, мемуарист – VII: 120, 154, 333–335, 387, 388–392, 414; VIII: 49, 56, 112–114, 125, 241, 290–291, 326, 328, 393–394, 444–445, 449, 456, 469
- “Бесовское действо...”, пьеса – VII: 120, 335; VIII: 112, 394
- “Встречи. Петербургский буерак. Шурум-бурум”, мемуары – VII: 388
- “Жертва”, рассказ – VIII: 112, 394
- “Лимонарь, сиречь: луг духовный” (1907), кн. – VII: 120
- “По этапу”, рассказ – VIII: 394
- “Посолонь” (1907), сб. – VII: 120, 335
- “Пруд”, роман – VII: 120, 334, 391; VIII: 112, 394
- “Пчелы”, рассказ – VIII: 328
- “Рассказы” (1910) – VIII: 393
- “Рысак”, рассказ – VIII: 393
- “Стан половецкий”, роман – VIII: 112
- “Суд Божий”, рассказ – VIII: 112, 394
- “Царевна Мырма”, рассказ – VIII: 112, 394
- “Часы”, роман – VIII: 394
- “Чертов лог и Полуночное солнце: Рассказы и поэма” (1908), кн. – VIII: 394
- Ремизова (рожд. Довгелло) Серафима Павловна (1876–1943), жена А. М. Ремизова – VII: 390
- Ремизовы – VII: 390
- Ренье Анри Франсуа Жозеф де (1864–1936), фр. поэт и прозаик – VII: 196, 197, 417
- Рерих (Рёрих) Николай Константинович (1874–1947), живописец и театральный художник, археолог, писатель, философ; участник художественного объединения “Мир искусства” – VII: 119; VIII: 293, 304, 361, 399
- “Начало искусства”, лекция – VIII: 304
- “Речь”, ежедневная политическая, экономическая и литературная газета (СПб., 1906–1917); орган кадетской партии – VII: 107, 108, 237, 239, 244, 245, 249; VIII: 11, 78, 158, 160, 186, 222, 286–287, 290, 297, 304–305, 325, 328, 330, 332, 347, 350, 352, 358, 364, 374, 383, 390, 393, 397–398, 422, 427, 448, 451, 454–455, 461, 463–464, 471, 473
- Решетников Федор Михайлович (1841–1871), писатель – VIII: 82
- Риссельберг Тео ван (1862–1926), бельгийский художник – VII: 198, 204, 418, 421
- Робеспьер Максимилиен (1758–1794), деятель Великой французской революции, лидер якобинцев – VII: 181, 397
- Рогожин С., журналист, сотрудник газеты “Слово” – VIII: 365
- “В антракте”, заметка – VIII: 365
- Роденбах Жорж (1855–1898), бельгийский прозаик, поэт – VII: 197, 332; VIII: 48
- Родина Татьяна Михайловна, историк театра и литературы – VIII: 301, 312
- “А. Блок и русский театр начала XX века” (1972), кн. – VIII: 301, 312
- Рожков Егор, ссыльно-каторжный, сектант – VII: 114, 328
- Розанов Василий Васильевич (1856–1919) (псевдоним В. Варварин), прозаик, критик, публицист, философ – VII: 45, 54, 107, 108, 111, 239, 263, 268, 288–290, 320, 323–327, 406; VIII: 96, 295, 300, 342, 349, 374–375, 377, 383–384, 390–391, 431, 440
- «Автор “Балаганчика” о петербургских религиозно-философских собраниях», ст. – VII: 324, 326

- “Аскоченский и архимандрит Феодор Бухарев”, ст. – VII: 406
 “Вечно печальная дуэль”, ст. – VII: 263
 “Загадки Гоголя”, ст. – VIII: 391
 “Заметки на полях непрочитанной книги”, ст. – VII: 289
 “Литературные симулянты”, ст. – VIII: 374
 “О народобожии”, доклад – VIII: 342
 “О письме гр. С.А. Толстой”, ст. – VII: 290
 “О сладчайшем Иисусе и горьких плодах мира”, ст. – VII: 326
 “Около церковных стен” (1906), кн. (в 2 т.) – VII: 406
 «Оконченная “трилогия” г. Мережковского», ст. – VIII: 384
 “Попы, жандармы и Блок”, ст. – VIII: 295, 349, 374, 384
 «Русский “реалист” об евангельских событиях и лицах», ст. – VII: 320
 “Трагическое остроумие”, ст. – VIII: 383
 “Шестидесятые годы и утилитарная критика...”, ст. – VIII: 300
 Розанов Иван Никанорович (1874–1959), историк литературы – VII: 262
 “Блок – редактор поэтов”, ст. – VII: 262
 Розенфельд М. (Морис?) (1862–1923), еврейский рабочий поэт – VII: 332
 Роланд-Гольст Генриэтта (1869–1952), голландская писательница-социалистка – VII: 84, 308; VIII: 67, 336
 “Мистицизм в современной литературе П. Метерлинка” (1905), кн. – VII: 308
 Ронсар Пьер де (1524–1585), фр. поэт, глава поэтического объединения “Плеяда” – VIII: 52
 Рославлев Александр Степанович (1883–1920), поэт, прозаик, публицист – VII: 57, 123, 124, 291, 309, 336; VIII: 56, 85, 328, 358
 “Башня горбуна”, пьеса – VIII: 328
 “В башне”. Стихи. Кн. 1. СПб., 1907. – VII: 123, 336
 “В городе”, стих. – VII: 291
 “Ночь”, стих. – VII: 336
 “Поэт”, стих. – VII: 336
 “Учитель”, стих. – VII: 336
 “Философия в доме Бессеменова”, ст. – VII: 309
 Росетти Данте Габриэль (1828–1882), англ. живописец и поэт, основатель “Братства пре-рафаэлитов” (1848) – VII: 16, 188, 261
 “Россия” (СПб., 1905–1914), ежедневная проправительственная газета, орган Министерст-ва внутренних дел – VII: 245
 Ростиславов Александр Александрович (1860–1920), художник – VIII: 304, 399
 “Красота старины”, лекция – VIII: 304
 Ростовцев Михаил Иванович (1870–1952), историк и экономист, профессор, писатель, член Петербургской академии наук – VIII: 428
 Ростокский Болеслав-Норберт Иосифович (1912–1981), историк театра, критик – VII: 318
 “Модернизм в театре” (1968), кн. – VII: 318
 Рубинштейн Антон Григорьевич (1829–1894) композитор, пианист, дирижер – VIII: 384
 Руге Арнольд (1802–1880) – нем. писатель и политический деятель – VII: 283
 Руднев А.А., критик, рецензент журнала “Вестник литературы” (Пг., 1922) и альманаха “Утренники” (Пг., 1922). По предположению К.М. Азадовского – псевдоним П.И. Кар-пова (см.: *БС ИРЛИ-II*. С. 150–151) – VIII: 452
 “Бесшабашный”, рец. – VIII: 452
 Рукавишников Иван Сергеевич (1877–1930), поэт, прозаик – VII: 108; VIII: 304, 362
 “Искусство – религия”, лекция – VIII: 304
 Руманов Аркадий Вениаминович (1878–1960), журналист, редактор петербургского отде-ла газеты “Русское слово”, юрист, коллекционер, меценат – VII: 245; VIII: 292, 293, 436, 440, 449
 Руммель Н.С., детская писательница – VII: 336
 “Приключения зайчика” (1912), кн. – VII: 336

- “Русская молва”, ежедневная газета (СПб., 1912–1913), орган “прогрессистов” и правых кадетов, редактор-издатель А.В. Тыркова – VII: 243, 246; VIII: 272, 286, 294, 444–445, 448–449
- “Русская мысль”, ежемесячный литературно-политический журнал (1880–1917) (СПб., с 1912 – М.) – VII: 51, 55, 116, 239, 242, 244, 271, 291, 320, 331; VIII: 105, 112, 338, 343–344, 458
- “Русские символисты”, сб. (1895) – VII: 399, 409, 423; VIII: 299
- Русский (псевдоним), писатель – VII: 240, 249, 412
- “Русское богатство”, ежемесячный литературный и научный журнал (1876–1914) (М., с 1879 – СПб.) народнического направления; идейные руководители: Н.К. Михайловский, В.Г. Короленко – VII: 51, 116, 119, 130, 356; VIII: 326, 343
- “Русское знамя” (СПб., 1905–1917), ежедневная политическая газета, орган Союза русского народа, издатель А.И. Дубровин – VII: 108, 245
- “Русское обозрение” (М., 1890–1898), журнал консервативного направления, первый издатель Н. Боборыкин, редактор Д.Н. Цертелев – VII: 326
- “Русское слово” (М., 1894–1914), ежедневная газета без предварительной цензуры, издатель И.Д. Сытин – VII: 243, 245, 309, 325, 331; VIII: 134, 248, 286, 292, 293, 390–391, 424–425, 449
- Руссо Жан Жак (1712–1778), фр. писатель, философ, публицист – VII: 114, 164, 377
- “Новая Элоиза”, роман – VII: 377
- “Русь” (М., 1880–1886), еженедельная/двухнедельная газета славянофильского направления; редактор-издатель И.С. Аксаков – VIII: 384
- “Русь” (СПб., 1903–1908, с перерывами), ежедневная газета; редактор-издатель А.А. Суворин – VII: 284, 353
- Рыбников Павел Николаевич (1831–1885), фольклорист – VII: 273, 274
- “Песни, собранные П.Н. Рыбниковым”. Ч. I–IV. СПб., 1867 – VII: 273, 274
- Рылеев Кондратий Федорович (1795–1826), поэт-декабрист – VII: 115, 329; VIII: 373
- “Собрание сочинений и переписка с биографиями” (1906), кн. – VII: 329
- Рысаков Николай Иванович (1862–1881), народоволец, участник покушения на Александра II – VIII: 323
- Рышков Виктор Александрович (1863–1926), писатель, драматург – VIII: 428
- Рюккерт Фридрих (1788–1866), нем. поэт – VIII: 59
- Рябов Михаил, лидер петербургской общины “Новый Израиль” – VIII: 370
- Рябушинский Николай Павлович (1876–1951), меценат, издатель журнала “Золотое руно”, художник-дилетант – VII: 241, 283, 427; VIII: 300
- Рядов А., писатель, участник сб. “Грядущий день. Сборник 2”, под ред М.П. Арцыбашева. СПб.: Изд. СПб. Литературного кружка “Грядущий день”, 1907 – VII: 332
- С.Б., сотрудник газеты “Столичная молва” – VIII: 306
- “В тупике: Кризис декадентства”, ст. – VIII: 306
- С.Л. (псевдоним; наст. имя Либрович Сигизмунд Феликсович (?), 1855–1818), журналист, историк, писатель, рецензент “Известий книжных магазинов товарищества М.О. Вольф по литературе, наукам и библиографии” – VII: 306
- “Творчество Федора Сологуба в оценке Александра Блока”, рец. – VII: 306
- С. М-ой, репортер газеты “Речь” – VIII: 347
- “В СПб. литературном обществе”, заметка – VIII: 347
- Саблин Владимир Михайлович (1872 – 1916), издатель и переводчик – VII: 115, 193, 329; VIII: 194
- Савина (Молчанова) Мария Гавриловна (1854–1915), актриса Александринского театра – VIII: 28, 312, 313
- Саводник Владимир Федорович (1874–1940), историк русской литературы, критик – VII: 116, 330
- “Очерки по истории русской литературы XIX века” (1906) – VII: 116, 330

- Савонарола Джироламо (1452–1498), итал. проповедник, религиозно-политический деятель, монах-доминиканец, поэт – VII: 62, 297
- Савченко Савелий, писатель – VII: 290, 332
 “Бывальщина”, рассказ – VII: 290
- Садовской (наст. фам. Садовский) Борис Александрович (1881–1952), поэт, прозаик, критик, историк литературы – VII: 233, 241, 333, 371; VIII: 430, 440, 444
 “Записки (1881–1916)” – VIII: 440
 “Солдатская сказка” – VII: 233
- Сайтов Владимир Иванович (1849–1938), историк литературы, текстолог, библиограф – VII: 376, 415
- Салтыков-Шедрин Михаил Евграфович (1826–1889), писатель – VII: 115, 129, 328; VIII: 358
- Сальвини Густав (1859–1930), итал. трагик, сын Т. Сальвини – VIII: 17, 308
- Сальвини Томазо (1829–1915), итал. актер – VIII: 308
- Сальха (Турчанинова Елизавета Дементьевна (?–1811)), турчанка, мать В.А. Жуковского – VII: 163
- Самарин Юрий Федорович (1819–1876), публицист, философ, обществ. деятель, один из идеологов славянофильства – VIII: 74, 79, 354, 360
- Самойлова Софья Александровна (1797–1866), фрейлина, адресат стих. В.А. Жуковского – VII: 164, 165, 379
- Санд (Занд) Жорж (наст. имя Амантина Аврора Дюпен, баронесса Дюдеван) (1804–1876), фр. писательница – VIII: 179
- Санжарь Надежда Дмитриевна (1875–1932), писательница (псевдоним Бриллиант) – VII: 244, 246; VIII: 133, 161, 277, 422–424, 450, 454
 “Записки Анны” (1910), роман – VIII: 133, 161, 277, 422–423, 450, 454
 “Письма Н.Д. Санжарь к А.А. Блоку” – VII: 244; VIII: 422–424
- Санин (Шенберг) Александр Акимович (1869–1955), режиссер, управлял Театром товарищества драматических артистов в Петербурге – VIII: 304, 315
- Сапунов Николай Николаевич (1880–1912), живописец, театральный художник – VII: 105, 275; VIII: 48, 361
- Сапфо (Сафо) (7–6 вв. до н.э.), др.-греч. поэтесса – VII: 14, 258; VIII: 59
- Сарду Викторьен (1831–1908), фр. драматург – VIII: 151, 441
 “Термидор”, драма – VIII: 151, 441
- Сарнецкая Мария Александровна, актриса театра В.Ф. Коммиссаржевской – VII: 275
- “Сатирикон”, еженедельный юмористический журнал (СПб., 1908–1914); редакторы: А.А. Радаков, А.Т. Аверченко – VIII: 368
- Сведенборг Эммануэль (1688–1772), шведский философ-мистик – VIII: 151, 267, 440
 “Arcana Coelestia” – VIII: 440
- Свенцицкий (Свентицкий) Валентин Павлович (1879–1931), прозаик, драматург, публицист, церковный писатель – VII: 187, 327, 407; VIII: 161, 454
 “Антихрист (Записки странного человека)”, роман – VIII: 454
 “Смерть и бессмертие. По поводу трех драм Метерлинка”, ст. – VII: 407
- Светлогор (псевдоним; наст. имя Агиенко Александр Федорович) (1889–?), поэт, литературный критик, участник сб. “Взмахи” (1909–1910) – VIII: 175, 464
- Свирский Алексей Иванович (1865–1942), писатель – VIII: 362
- “Свободная совесть”. Литературно-философские сборники (1907, 1908). – VII: 117, 185–188, 200–203, 250, 404–406, 419–420
- “Свободные мысли” (СПб., 1907–1908, 1911), еженедельная политическая, общественная и литературная газета; первый редактор-издатель Ф.Б. Давидсон – VII: 291, 323; VIII: 165, 304, 326, 455
- “Северные сборники”, серия сборников, вышедших в изд. “Шиповник” (1907–1911) – VII: 117, 332

- “Северные цветы”, альманахи издательства “Скорпион” (1903, 1905, 1906, 1911) – VII: 116, 140, 141, 144, 309, 332, 400; VIII: 100, 318, 331, 386
- “Северные цветы ассирийские” (1905), альманах – VII: 202
- Северюхин Дмитрий Яковлевич, историк искусства – VII: 346
- “Золотой век художественных объединений в России и СССР” (1820–1932): Справочник (совм. с О.Л. Лейкиндром) – VII: 346
- Северянин Игорь (наст. имя Игорь Васильевич Лотарев) (1887–1941), поэт – VII: 249
- Семенов Евгений Петрович (наст. имя Соломон Моисеевич Коган) (1861–1944), журналист, переводчик – VII: 299, 428–429
- “Le mysticisme anarchique” (“Анархический мистицизм”, фр.), статья – VII: 299, 428
- Семенов (Семенов Тянь-Шанский) Леонид Дмитриевич (1880–1917), поэт, прозаик – VII: 52, 174–176, 209, 240, 269, 290, 321, 392–393; VIII: 357, 452
- “Видения. Стража вторая”, стих. – VII: 393, 394
- “Земля”, стих. – VII: 394
- “К Мессии”, стих. – VII: 393
- “Около тайны” – VII: 52
- “Он”, стих. – VII: 393, 394
- “Проклятие”, рассказ – VII: 52
- “Священные кони несутся”, стих. – VII: 394; VIII: 357
- “Собрание стихотворений” (1905) – VII: 290, 392; VIII: 357
- “Царевич”, стих. – VII: 393
- Семенов Павел Васильевич (епископ Михаил) (1874 – 1916), архимандрит, духовный писатель, участник первых религиозно-философских собраний – VIII: 382
- Сен-Жермен, граф (?–1784), фр. путешественник, алхимик, оккультист – VII: 261
- Сен-Жорж де Буэлье (наст. имя Стефан Жорж Лепетелье де Буалье) (1876–1947), фр. прозаик, поэт, эссеист, драматург – VII: 119, 333, 334
- “Король без венца”, пьеса – VII: 119, 333, 334
- Сен-Симон Клод Анри де Рувруа (1760–1825), фр. мыслитель – VIII: 191
- Сент-Бёв Шарль Августин (1804–1869), фр. писатель и литературный критик – VIII: 178, 280, 384, 469
- Серафимович Александр (наст. имя Александр Серафимович Попов) (1863–1949), прозаик – VII: 51, 119, 289, 332, 333, 361
- “В пути”, рассказ – VII: 289
- “Заяц”, рассказ – VII: 289, 361
- “Он пришел”, рассказ – VII: 289
- “Песни”, рассказ – VII: 333
- “Похоронный марш”, рассказ – VII: 289
- “Рассказы”. Т. 1. СПб., 1903 – VII: 289
- “Рассказы”. Т. 2. СПб., 1907 – VII: 51, 289
- “У обрыва”, рассказ – VII: 333
- Сергеев-Ценский (наст. фам. Сергеев) Сергей Николаевич (1875–1958), прозаик – VII: 54, 56–58, 119, 120, 284, 291, 309, 333, 334; VIII: 85, 309–310, 357–358
- “Воспоминания”, мемуарный очерк – VIII: 309
- “Дифтерит”, рассказ – VII: 56
- “Лесная топь”, рассказ – VII: 56, 291, 333
- “Маска”, рассказ – VII: 56
- “Рассказы”. Т. 1. СПб., 1907 – VII: 291, 334
- “Рассказы.” Т. 2. СПб., 1908. – VII: 120, 334
- “Сад”, рассказ – VII: 57
- “Скука”, рассказ – VII: 56
- “Тундра”, рассказ – VII: 291
- “Убийство”, рассказ – VII: 291
- “Уголок”, рассказ – VII: 56, 291

- Сергей Александрович (1857–1905), великий князь, сын императора Александра II; был убит И.П. Каляевым – VII: 280; VIII: 324
- Сергиевский Иван Васильевич (1905–1954), историк литературы – VII: 247
 “Горький и Блок”, ст. – VII: 247
- Сергий, архимандрит (Тихомиров) (1871–1945), ректор Петербургской духовной семинарии; с 1931 г. митрополит – VII: 405
- Сергий, епископ Ямбургский (Страгородский Иван Николаевич) (1867–1944), в 1900-е гг. епископ Ямбургский, доктор богословия, ректор Петербургской духовной академии, впоследствии патриарх Московский и всея Руси – VII: 405
- Серебряков В.Е., соавтор русского либретто оперетты Ф. Легара “Веселая вдова” – VIII: 394
- Серов Валентин Александрович (1865–1911), художник – VIII: 299
- Сидни (Сидней) Филип (1554–1586), англ. поэт, прозаик – VII: 349
- Сидоров Юрий Ананьевич (1887–1909), поэт – VII: 333
- Сизов Михаил Иванович (1884–1956), физиолог, педагог, критик, переводчик (псевдонимы: М. Седлов, Мих. Горский) – VII: 404; VIII: 429–430
 “Лунный танец философии”, ст. – VII: 404
- Сикорский Иван Алексеевич (1845–1918), психиатр, психолог, педагог, профессор Киевского ун-та – VII: 114
- Силард Лена, венгерский славист P VIII: 414, 431
 “К символике круга у Блока”, ст. – VIII: 431
 “Новалис и русская мысль начала XX века”, ст. – VIII: 414
- Симони Павел Константинович (1857–1939), библиограф – VII: 371, 375
 “Библиографический список учено-литературных трудов Александра Николаевича Веселовского” (1921) – VII: 371, 375
- Синьорелли Лука (ок. 1450–1523), итал. художник – VIII: 131, 392, 410, 421
 “Падение Антихриста”, фреска – VIII: 392, 421
- Сиповский Василий Васильевич (1872–1930), историк литературы – VII: 193–195, 250, 412, 414, 416
 “Записка члена ученого совета В.В. Сиповского...” – VII: 416
 “Из истории русского романа XVIII века: Ванька Каин”, ст. – VII: 414
 “Изучение народной поэзии”, глава из кн. “История русской словесности” – VII: 194
 “Историческая хрестоматия по истории русской словесности” (1905), кн. – VII: 414, 417
 “История литературы как наука”, ст. – VII: 414
 “История русской словесности” (1906), кн. – VII: 193, 194, 250, 414–417
 “История русского романа XVIII века”, курс лекций – VII: 415
 “Итальянский театр в С.-Петербурге при Анне Иоанновне (1733–1735)”, ст. – VII: 414
 «Н.М. Карамзин как автор “Писем русского путешественника”», ст. – VII: 414
 “Пушкинская юбилейная литература 1899–1900 гг. Критический обзор”, ст. – VII: 414
 “Русские повести XVII–XVIII вв.” Под ред. и с предисл. В.В. Сиповского (1905), кн. – VII: 414
- “Сирин”, символистское книгоиздательство (1912–1915), руководитель М.И. Терещенко, крупный промышленник и меценат – VII: 249; VIII: 468
- Сирота Н., писатель, участник литературного сборника “Отзвуки” (Харьков, 1907) – VII: 333
- Скабичевский Александр Михайлович (1838–1911), критик, историк литературы и публицист – VIII: 394
- Скалдин Алексей Дмитриевич (1889–1943), поэт, прозаик – VIII: 409, 411, 424
- Скатов Николай Николаевич, историк литературы – VII: 296
 “Россия у Александра Блока и поэтическая традиция Некрасова”, ст. – VII: 296

- Скворцова Людмила Александровна, историк литературы – VII: 331
 “Современный мир”, ст. – VII: 331
- Скворцова Наталья Владимировна, историк литературы – VII: 255; VIII: 395
 “Александр Блок в Петербургском университете” (в соавт. с Л.А. Иезуитовой), ст. – VIII: 395
 “А.С. Хомяков в поэтической памяти Блока”, ст. – VII: 255
- Скиталец (наст. имя Петров Степан Гаврилович) (1869–1941), прозаик, поэт – VII: 49, 50, 107, 242, 285–286, 289, 333, 361; VIII: 132, 287, 423
 “Кандалы”, рассказ – VII: 361
 “Огарки”, повесть – VII: 49, 50; VIII: 423
 “Рассказы и песни”. Т. 2. СПб., 1907 – VII: 49, 289
 “Собрание сочинений”. Т. 3: Рассказы. Этапы. Стихотворения (1907) – VIII: 423
- “Скорпион”, символистское издательство (1899–1915), основанное С.А. Поляковым, В.Я. Брюсовым, Ю.К. Балтрушайтисом – VII: 68, 115–117, 128, 130, 131, 137, 139, 141, 179, 183, 188, 189, 198, 203, 204, 353, 420; VIII: 104, 105, 317, 362, 404
- Скотт Вальтер (Scott) (1771–1832), англ. прозаик, поэт – VII: 186, 406
- Слезкин Юрий Львович (1885–1947), прозаик – VII: 51, 289, 332
 “В волнах прибоя”, повесть – VII: 51
- “Словарь книжников и книжности Древней Руси” (1987) – VII: 416
- “Слово”, ежедневная политическая, общественная и литературная газета (СПб., 1903–1909), первый редактор-издатель В.П. Быков – VII: 237, 239–241, 244, 249, 261, 276, 408, 413, 419; VIII: 286–287, 323, 328–329, 330, 344–345, 352, 461
 «Литературные приложения к газете “Слово»» («Понедельники газеты “Слово»») (1906) – VII: 239, 241, 244, 409
- Смородский Федор Александрович (1883–1919), поэт (псевдоним Ф. Ладосветогорский) – VII: 133, 134, 344, 345
 “Бедна душа моя”, стих. – VII: 345
 “Грехотворные наши желанья”, стих. – VII: 345
 “Миры обновятся”, стих. – VII: 345
 “Новые мотивы” – VII: 133, 345
 “О бледность мирозданья”, стих. – VII: 345
 “Слава, ты за гробом”, стих. – VII: 345
 “Ужели разумно”, стих. – VII: 345
 “Упивался ветерок”, стих. – VII: 345
 “Я растерял мечты”, стих. – VII: 345
- Соболевский Алексей Иванович (1856/7–1929), лингвист, академик Петербургской АН – VII: 195, 416–417
 “Лекции по истории русского языка” (1888), кн. – VII: 195, 416–417
- “Современник”, журнал Н.А. Некрасова и И.И. Панаева (1847–1866) – VII: 189, 239, 331; VIII: 84, 287, 356
- “Современник” (СПб., 1911–1915), ежемесячный (с 1914 – двухнедельный) журнал “литературы, политики, науки, истории, искусства и общественной жизни”. Редакторы: А.В. Амфитеатров, Н. Суханов (Н.Н. Гиммер) – VII: 239; VIII: 439–440
- “Современный мир” (СПб., 1906–1917), ежемесячный журнал (см. также “Мир Божий”) – VII: 51, 55, 116, 121, 291, 331
- “Содружество”, издательство (1905–1906), созданное по инициативе С.К. Маковского – VII: 174
- Соковнина Екатерина Михайловна, юношеская любовь Андрея Тургенева – VII: 378
- Соколов Сергей Алексеевич (печатался под псевдонимом Кречетов Сергей (см.)) (1878–1936), поэт, критик, издатель, владелец издательства “Триф”, редактор журнала “Перевал” – VII: 80, 237, 240, 241, 259, 260, 264, 275–277, 292, 305, 306, 319, 333, 394, 417, 418, 421, 423; VIII: 173, 463, 465
 “Алая книга: Стихотворения” (1907) – VII: 80, 305; VIII: 463

- “Дровосек”, стих. – VIII: 173
 “Корсар”, стих. – VIII: 173
 “Летучий голландец. Вторая книга стихов” (1909) – VIII: 173, 463
 “Младшим судьям”, стих. – VIII: 173
 “Переписка Блока с С.А. Соколовым” – VIII: 463
 Соколова Ольга Константиновна, героиня статьи Блока “Дневник женщины, которую никто не любил” – VII: 391
 Сократ (470/469 – 399 до н.э.), др.-греч. философ – VII: 8, 201, 254; VIII: 69
 “Солнще России”, газета (1910–1916) – VII: 249
 Соловьев Владимир Николаевич (1887–1941), театровед, режиссер – VIII: 444
 Соловьев Владимир Сергеевич (1853–1900), философ, богослов, поэт, критик, публицист – VII: 10, 42, 128, 129, 142, 143, 159, 182, 185–187, 201, 202, 248, 255, 256, 263–265, 272, 277, 282, 283, 294, 313, 338–340, 356–359, 371, 387, 395, 397–399, 405–408, 411, 420, 424; VIII: 16, 35, 80–82, 87–89, 116, 124, 126, 129, 137–142, 169, 189, 223, 226, 249–252, 298, 308, 320, 332, 353, 360, 365, 368, 375, 377, 384, 413–416, 419, 427–433, 459
 “Бедный друг, истомил тебя путь...”, стих. – VII: 270, 397; VIII: 432
 “В землю обетованную”, стих. – VIII: 320
 “В стране морозных вьюг, среди седых туманов”, стих. – VII: 395
 “Вижу очи твои изумрудные”, стих. – VII: 358
 “Восторг души расчетливым обманом”, стих. – VIII: 419
 “Зачем слова? В безбрежности лазурной...”, стих. – VII: 358; VIII: 433
 “Земля владычица! К тебе чело склонил я...”, стих. – VII: 358
 “Идея человечества у Августа Конта”, ст. – VIII: 433
 “Имману-Эль”, стих. – VIII: 308
 “Июньская ночь на Сайме”, стих. – VII: 339, 367; VIII: 415
 “Когда в свою сухую ниву...”, стих. – VII: 420
 “Красота в природе”, ст. – VIII: 298
 “Краткая повесть об Антихристе” – VII: 264; VIII: 431
 “Критика отвлеченных начал”, ст. – VIII: 413
 “Лермонтов”, ст. – VII: 263; VIII: 419, 432
 “Лишь забудешься днем, иль проснешься в полночи”, стих. – VII: 399; VIII: 414
 “Мы сошлись с тобой недаром...”, стих. – VIII: 313
 “На Сайме зимой”, стих. – VII: 398; VIII: 332
 “Национальный вопрос в России”, ст. – VIII: 368
 “Нильская дельта”, стих. – VII: 143, 272, 358
 “Оправдание добра”, кн. – VIII: 431
 «Отзыв на “Песни из уголка»», стих. – VII: 338
 “Первый шаг к положительной эстетике”, ст. – VIII: 431
 “Письма Владимира Сергеевича Соловьева” – VIII: 360
 “Посвящение к неизданной комедии”, стих. – VIII: 365
 “Стихотворения.” (1900) – VII: 313, 358, 387, 397–399; VIII: 308, 332, 365
 “Судьба Пушкина”, ст. – VIII: 432
 “Три подвига”, стих. – VII: 265; VIII: 433
 “Три разговора”, философский диалог – VII: 264, 340, 431
 “Три свидания”, поэма – VII: 143, 333, 340, 358; VIII: 136, 415–416, 433
 “Философские начала цельного знания”, ст. – VIII: 413
 “Чтения о Богочеловечестве”, кн. – VIII: 377, 432
 “Что этой ночью с тобою свершилось?”, стих. – VII: 339
 “La Russie et l’Eglise universelle (Россия и вселенская церковь)”, кн. – VII: 186, 405, 407
 “Les revenantes (Привидения)”, стих. – VII: 339
 Соловьев Евгений Андреевич (1867–1905) (псевдоним Андреевич), историк литературы, критик – VII: 115, 330
 “Очерки из истории русской литературы XIX в.” (1907), кн. – VII: 330

- Соловьев Михаил Сергеевич (1862–1903), педагог, переводчик, брат Вл. С. Соловьева – VII: 283
- Соловьев Сергей Михайлович (1885–1942), поэт, прозаик, религиозный публицист, переводчик, священник, сын М.С. Соловьева – VII: 64, 75, 78–80, 202, 203, 252, 265, 279, 283, 293–297, 299, 303, 304, 333, 338, 339, 342, 351, 353, 354, 358, 362, 369–371, 378, 403, 406, 420, 429; VIII: 51–53, 224, 298, 321, 322, 367, 369, 403, 430
- “Ахиллес”, стих. цикл – VII: 304
- “Белица”, стих. – VII: 303
- “В конке”, стих. – VIII: 322
- “В ответ на Στέφανος”, стих. – VII: 303
- “Валерию Брюсову”, стих. цикл – VII: 303
- “Веснянка”, рассказ – VIII: 322
- “Вечерняя молитва”, стих. – VII: 76, 303, 304
- “Возвращение весны”, стих. – VIII: 322
- “Воспоминания об Александре Блоке” – VII: 294, 342, 369
- “Г.А. Рачинскому”, стих. – VII: 303
- “Г-н Блок о земледелах, долгобородых арийцах, паре пива, обо мне и о многом другом”, ст. – VII: 293, 295; VIII: 322
- “Галатея”, стих. – VIII: 322
- “Геркулес на распутье. Старая картина”, стих. – VII: 303
- “Гимн осени”, стих. – VII: 303, 304
- “Двоеженец”, стих. – VII: 304
- “Дидона и Эней”, стих. – VII: 202
- “Женщине”, стих. – VII: 304
- “Иаков”, стих. – VII: 303
- “Ио”, стих. – VII: 303, 304
- “Лесному богу”, стих. – VIII: 322
- “Москва”, стих. – VII: 303, 304
- “На балконе”, стих. – VII: 303
- “На проталине весенней”, стих. – VIII: 369
- “Нимфа весны”, стих. – VII: 304
- “Пастораль”, стих. – VII: 303, 304
- “Перед Иерусалимом”, стих. – VII: 303
- “Пирам и Фисба”, стих. – VII: 78, 304
- “Подражание Шенье”, стих. – VIII: 322
- “Пресвятая Дева и Бернард”, стих. – VII: 78
- “Привет осени”, стих. – VIII: 322
- “Раба Христова”, стих. – VII: 303, 304
- “Родные страны”, стих. – VII: 304
- “Ромео и Джульетта”, стих. – VII: 303
- “Саул и Давид”, поэма – VII: 202, 420
- “Свете тихий”, стих. – VII: 202, 420; VIII: 430
- “Святой путь”, стих. – VII: 303, 304
- “Сельская цевница”, стих. цикл – VIII: 322, 369
- “Три девы”, стих. – VIII: 322
- “У пруда”, стих. – VII: 202, 420
- “Успокоенность”, стих. – VII: 303
- “Хлопья первого снега”, стих. – VIII: 322
- “Храм”, стих. – VII: 303
- “Цветы и ладан”. Первая книга стихов. М., 1907 – VII: 75, 299, 303; VIII: 321, 430
- “Червонный потир”, стих. – VIII: 322
- “Элегия”, стих. – VIII: 322

- “Стурифрагиум” (1908), сб. – VII: 293; VIII: 52, 298, 321–322
 “ΕΙΔΥΛΛΙΟΝ” стих. – VIII: 322
- Соловьева Ольга Михайловна (рожд. Коваленская) (1855–1903), художница, переводчица, двоюродная сестра матери А.А. Блока; жена М.С. Соловьева – VII: 283; VIII: 430
- Соловьева Поликсена Сергеевна (псевдоним Allegro) (1867–1924), поэтесса, детская писательница, редактор-издатель – VII: 157, 333, 366, 367–368; VIII: 179, 427, 429, 470
 “Белая сирень”, стих. – VII: 367
 “В зимнюю ночь”, стих. – VII: 367
 “Иней”, стих. – VII: 367
 “Иней” (1905), сб. стих. – VII: 157, 159, 366–368
 “Тайна смерти”, стих. – VII: 367
 “Чем печальней и чем безнадежнее”, стих. – VII: 367
- Сологуб Федор (псевдоним; наст. имя Тетерников Федор Кузьмич) (1863–1927), поэт, прозаик, драматург, критик, переводчик, публицист, педагог – VII: 30, 58–60, 79, 81, 82, 108, 109, 118, 119, 121, 241, 244, 247, 271, 275, 289, 292, 298, 299, 304, 306–307, 314, 320, 322, 323, 332, 333, 335, 353, 391, 418, 429; VIII: 41–45, 83, 87–89, 103, 124, 125, 223, 225, 302, 310–311, 313, 315–316, 318–319, 362–364, 366–368, 392, 412, 453, 469
 “Безумием окована земля”, стих. – VII: 304
 “В день погрома”, стих. – VII: 307
 “В плену”, рассказ – VII: 121
 “В последнем свете злого дня”, стих. – VIII: 320
 “В село из леса она пришла”, стих. – VIII: 319
 “Верлэн II. Стихи, избранные и переведенные Ф. Сологубом” (1908) – VII: 335, 362, 367; VIII: 42
 “Веселая народная песня”, стих. – VII: 307
 “Веселая пролетария”, стих. – VII: 307
 “Ворона”, сказка – VII: 322
 “Два готика”, рассказ – VII: 121
 “Демоны поэтов”, ст. – VIII: 364, 366
 “Дикий бог”, рассказ – VII: 121
 “Догорало восстание”, ст. – VII: 307
 “Елисавета, Елисавета”, стих. – VIII: 42, 320
 “Если б я был к счастью приневолен”, стих. – VIII: 319
 “Жало смерти: Земле земное. Обруч. Баранчик. Красота. Утешение” (1904), сб. рассказов – VII: 271; VIII: 42, 318
 “Забыв о родине своей”, стих. – VIII: 319
 “Звезда Маир”, стих. цикл – VII: 271
 “Земле”, стих. – VII: 307
 “Змий. Стихи.” (1907), сб. – VII: 79, 121, 304, 335
 “Искали дочь...”, стих. – VII: 307
 “Истлевающие личины. Книга рассказов” (1907) – VII: 121, 335; VIII: 42, 318–319
 “Книга разлук: Рассказы” (1908) – VII: 335; VIII: 42, 318–319
 “Книга сказок” (1905) – VII: 82
 “Литургия мне”, пьеса – VIII: 319
 “Маленький человек”, рассказ – VII: 121
 “Мелкий бес”, роман – VII: 58–60, 82, 121, 271, 289, 335; VIII: 42, 45, 318, 366, 392
 “Мечтатель, странный миру”, стих. – VIII: 319
 “Мы – плененные звери”, стих. – VIII: 319
 “Недотыкомка серая”, стих. – VII: 82, 271, 289, 307; VIII: 366, 392
 “Неустанное в работе”, стих. – VIII: 319
 “Нюренбургский палач”, стих. – VIII: 45
 “Он не знает, но хочет...”, стих. – VIII: 319

- “Пламенный круг” (1908), сб. стих. – VIII: 41, 42, 318–319, 362
 “Победа смерти”, пьеса – VII: 121, 318, 335; VIII: 313
 “Порочный отрок, он жил один”, стих. – VIII: 319
 “Простая песенка”, стих. – VII: 307
 “Родине: Стихи, книга пятая” (1906) – VII: 82
 “Рождественский мальчик”, рассказ – VII: 121
 “Суровый звук моих стихов”, стих. – VIII: 319
 “Творимая легенда”, роман – VII: 119, 333
 “Театр одной воли”, ст. – VIII: 310, 311, 315, 367–368
 “Тело и душа”, рассказ – VII: 121
 “Тени: Рассказы и стихи” (1896) – VIII: 319
 “Ты не бойся, что темно”, стих. – VIII: 44
 “Тяжелые сны”, роман – VII: 82
 “Тяжелыми одеждами”, стих. – VII: 307
 “Утешение”, рассказ – VII: 30, 271
 “Чудо отрока Линна”, рассказ – VII: 121
 “Шут”, стих. – VII: 307
 “Я – бог таинственного мира”, стих. – VII: 271; VIII: 412
 “Я живу в темной пещере”, стих. – VIII: 320
 “Я ухо приложил к земле”, стих. – VII: 271
- Соломон, иудейск. царь, легендарный правитель Израильского царства в 965–928 гг. до н.э. – VIII: 328–329
 “Песнь песней” – VIII: 328
- Сомов Константин Андреевич (1869–1939), художник, член объединения “Мир искусства” – VII: 298
- Сомов М.П., переводчик М. Метерлинка, А. Стриндберга – VII: 40
 “София. Журнал искусства и литературы”, издатель К.Ф. Некрасов, редактор П.П. Муратов (1914) – VII: 246, 259
- Софокл (ок. 495–405 до н.э.), др.-греч. драматург – VIII: 135, 315, 331, 333, 426
 “Антигона”, трагедия – VIII: 426
 “Царь Эдип”, трагедия – VIII: 331–332
- Спенсер Эдмунд (1552–1599), англ. поэт – VII: 349
- Сперанский Валентин Николаевич (1877–1957), профессор, историк философии – VIII: 179, 470
- Спиноза Бенедикт (Барух) (1632–1677), нидерландский философ-пантеист – VIII: 71
 “Сполохи” (1907), альманах – VII: 117, 333
 “Ссылным и заключенным” (1907), литературный сборник – VII: 117, 332
- Станиславский (наст. фам Алексеев) Константин Сергеевич (1863–1938), режиссер, актер, педагог, теоретик театра – VII: 39; VIII: 351, 361
- Станкевич Владимир Бенедиктович (1884–1968, с 1944 – Vladas Stanka), литов. и рус. полит. и обществ. деятель, юрист, публицист. С 1912 г. сотрудник журнала “Современник”. В 1919–1920 гг. создал в Берлине группу “Мир и труд”, редактировал журнал “Жизнь”, руководил издательством “Знание”. Автор историко-философских трудов на русском, английском и литовском языках. С 1949 г. жил в США – VIII: 452
- Станкевич Николай Владимирович (1813–1840), обществ. деятель, философ, поэт, организатор литературно-философского кружка – VIII: 359
- Старк Александр Александрович (?), переводчик А. Стриндберга – VIII: 196
 “Старые годы”, петербургский ежемесячный иллюстрированный журнал (1907–1916); редактор В.А. Верещагин, с 1908 г. – П.П. Вейнер – VIII: 82, 360–361
- Стасов Владимир Васильевич (1824–1906), художественный и музыкальный критик, историк искусства, почетный член Петербургской АН (1900) – VII: 161, 375
 “Происхождение русских былин”, ст. – VII: 161, 375

- Стасюлевич Михаил Матвеевич (1826–1911), историк, обществ. деятель, публицист, редактор журнала “Вестник Европы” в 1866–1903 гг. – VII: 116
- Стеклов (наст. фам. Нахамкис) Юрий Михайлович (1873–1941), участник революционного движения, сов. гос. деятель, историк, публицист – VIII: 99, 385
- Стендаль (наст. имя Анри Мари Бейль) (1783–1842), фр. писатель – VIII: 385
- Степанов Василий Александрович (1871 или 1873–1920), полит. деятель, депутат Государственной думы III и IV созывов – VIII: 342
- Степанов Николай Леонидович (1902–1972), историк литературы – VII: 333
- Стернин Григорий Юрьевич, историк искусства – VII: 346
 “Из истории русской художественной жизни на рубеже 1900-х и 1910-х гг.: К проблеме неоклассицизма”, ст. – VII: 346
- Стечкин (Сергей Яковлевич (1864–1913)?), журналист, проходил свидетелем в процессе “кошкодавов” – VIII: 362
- Стокер Брэм (1847–1912), англ. писатель – VIII: 323–324
 “Вампир граф Дракула”, роман – VIII: 323, 324
- Столица (рожд. Ершова) Любовь Никитична (1884–1934), поэтесса – VII: 300
- “Столичная молва” (М., 1908–1916), еженедельная политическая и литературная газета – VIII: 306
- “Столичное утро” (М., 1907), ежедневная “общественно-литературная” газета – VII: 244, 427
- Стоппнер Борис Григорьевич (1871–1967), философ, переводчик – VIII: 338, 343, 347, 350
- Столыпин Александр Аркадьевич (1863–1925), публицист, брат П.А. Столыпина – VIII: 160, 161, 450
 “Заметки”, рец. на кн. П. Карпова “Пламень”, ст. – VIII: 160
 “Хлыст о хлыстах”, ст. – VIII: 450
- Столыпин Петр Аркадьевич (1862–1911), гос. деятель, с 1906 г. министр внутренних дел и председатель Совета министров – VII: 112
- Стороженко Николай Ильич (1836–1906), историк западноевропейских литератур, профессор Московского ун-та, председатель “Общества любителей российской словесности” – VII: 347
- Стравинский Игорь Федорович (1882–1971), композитор – VII: 362
- Стражев Виктор Иванович (1879–1950), поэт, прозаик, критик – VII: 79, 159, 160, 286, 304, 305, 333, 366–368; VIII: 287
 “В дороге (Из заброшенного дневника)”, стих. – VII: 368
 “Вечер зимний длиться, длиться...”, стих. – VII: 305
 “Вечор один, бродя без цели...”, стих. – VII: 305
 “Воспоминания о Блоке”, мемуарный очерк – VII: 368
 “Гераклит”, стих. – VII: 305
 “Золотистой паутиной...”, стих. – VII: 305
 “О печали светлой”, кн. 2 (1907) – VII: 79, 304, 368
 “Полдень, марный и ленивый...”, стих. – VII: 305
 “Уходит день в плаще багряном”, стих. – VII: 305
 “Цветы”, стих. – VII: 368
 “Opuscula. Стихотворения и эскизы” (1904), кн. – VII: 79, 159, 305, 367, 368
- Страниц Иван (наст. имя Аничкова Анна Митрофановна) (1868–1935), прозаик, критик, переводчица, жена Е.В. Аничкова – VIII: 80, 81, 291
- Страхов Николай Николаевич (1828–1896), философ, публицист, литературный критик – VIII: 80, 81, 360, 384
- Стриндберг Август Юхан (1849–1912), швед. прозаик и драматург – VII: 117, 248, 331; VIII: 147–151, 190–196, 252, 253, 264–267, 332, 408, 434–435, 440, 474–476
 “Ад”, роман – VIII: 194, 195, 440
 “В Риме”, пьеса – VIII: 474

- “Готические комнаты”, роман – VIII: 193, 194, 195
 “Графиня Юлия”, пьеса – VIII: 191, 196
 “Густав Ваза”, пьеса – VIII: 193, 195
 “Жена рыцаря Бенгта”, пьеса – VIII: 191
 “Жизнь обитателей шхер” (“На шхерах”), роман – VIII: 192
 “Изгнанник”, пьеса – VIII: 475
 “Исповедь глупца”, роман – VIII: 191, 194, 195
 “История Швеции”, цикл новелл – VIII: 191
 “Королева Христина”, пьеса – VIII: 193, 195
 “Красная комната”, роман – VIII: 190, 195, 475
 “Кредиторы”, пьеса – VIII: 194
 “Легенды”, автобиографическая книга – VIII: 194, 196
 “Мастер Улоф”, пьеса – VIII: 190, 196, 475
 “На шхерах”, роман – VIII: 192, 194, 195
 “Одиночество” (“Одинокие”), роман – VIII: 193, 194, 196
 “Отец”, пьеса – VIII: 171, 196
 “Писатель”, роман – VIII: 196
 “Пляска смерти”, пьеса – VIII: 193, 196
 “Путешествие Пера-Счастливого” (“Пер-Счастливчик”), роман – VIII: 191
 “Развитие одной души”, роман – VIII: 196
 “Разрыв”, повесть – VIII: 196
 “Романтический пономарь”, повесть – VIII: 196
 “Самуил”, пьеса – VIII: 196
 “Сказки”, цикл – VIII: 193, 195
 “Сомнамбулы”, стих. – VIII: 191
 “Судьбы и приключения Швеции”, цикл новелл – VIII: 191
 “Сын служанки”, роман – VIII: 191, 194, 195
 “Тайна пира”, пьеса – VIII: 191, 475
 “Трагикомедия брака”, цикл рассказов – VIII: 196
 “Уединение”, рассказ – VIII: 194
 “Утопии в действительности”, сб. новелл – VIII: 191, 194, 195
 “Чандала”, повесть – VIII: 194, 195
 “Черные знамена”, роман – VIII: 193, 196
 “Энгельбрехт” (“Поэма об Энгельбрехте”) – VIII: 195
 “Antibarbarus”, трактат – VIII: 192, 475
 Струве Александр Филиппович (1875–ок. 1939), поэт – VIII: 168, 169, 458–459
 “ΚΥΚΛΟΣ” (1908), сб. стих. – VIII: 168, 169, 458–459
 Струве Петр Бернгардович (1870–1944), экономист, историк, публицист, редактор журнала “Русская мысль” (1880–1918) (М., с 1912 г. – М. и СПб.), ежемесячный литературно-политический журнал; редакторы В.М. Лавров (1880–1905), В.А. Гольцев и П.Б. Струве (с 1906) – VII: 331; VIII: 338, 342–343, 350, 372–373, 375, 383
 Стурдза Александр Скарлатович (1791–1854), дипломат, религиозный публицист – VII: 165, 380
 Суворин Алексей Сергеевич (1834–1912), издатель, драматург, театальный критик, публицист, владелец газеты “Новое время”, основатель журнала “Исторический вестник”, издатель серий “Дешевая библиотека”, “Научная дешевая библиотека” – VIII: 292, 441
 Суворова Клара Николаевна (1928–1992), архивист – VII: 388, 390
 “Несмотря на все, жить прекрасно...” Письма А.А. Блока к Ю.Н. Верховскому, ст. – VII: 388, 390
 Судейкин Сергей Юрьевич (1882–1946), живописец, театальный художник – VII: 275
 Сульцер (Зульцер) Иоганн Георг (1720–1779), нем. философ, эстетик – VII: 164, 378
 “Разговоры Сульцера о красотах естества” (1771), русский перевод трактата – VII: 378

- “Moralische Betrachtungen über die Werke der Natur” (“Моральные наблюдения над созданиями природы”), трактат – VII: 378
- Сумароков Александр Дмитриевич (1883 – после 1937), поэт, школьный учитель в г. Шуя, Ивановской области – VIII: 452
- “Моя встреча с Блоком”, мемуарный очерк – VIII: 452
- Сумбатов-Южин Александр Иванович (1857–1927), драматург, актер и руководитель (с 1909) Малого театра – VIII: 313
- Суриков Иван Захарович (1841–1880), поэт – VII: 113
- Сухово-Кобылин Александр Васильевич (1817–1903), драматург – VII: 86, 309
- “Дело”, пьеса – VII: 309
- “Свадьба Кречинского”, пьеса – VII: 309
- “Смерть Тарелкина”, пьеса – VII: 86, 309
- Суховых Константин Александрович (1881–?), журналист, прозаик, драматург – VIII: 165, 456
- “Я убила его”, рассказ – VIII: 165, 456
- Сухотин Павел Сергеевич (1884–1935), поэт, прозаик, драматург – VIII: 175, 464
- “Астры. Поэмы отшедшему” (1909), сб. стих. – VIII: 464
- “На бульваре”, стих. – VIII: 464
- “На даче”, стих. – VIII: 464
- “Ночь. За окнами шумят...”, стих. – VIII: 464
- “Памяти Блока”, мемуарный очерк – VIII: 464
- “Печальное”, стих. – VIII: 464
- “Письма Александра Блока к П.С. Сухотину” – VIII: 464
- “Цветы”, стих. – VIII: 464
- “Сын Отечества”, исторический, политический и литературный еженедельный журнал; первый редактор-издатель Н.И. Греч (СПб, 1812–1844, 1847–1852, 1856–1861) – VII: 383, 394
- Сытин Василий Иванович, издатель, сын издателя И.Д. Сытина – VIII: 293
- Сытин Иван Дмитриевич (1851–1934), издатель – VII: 67; VIII: 292
- Сюзор Павел Юльевич (1844 – 1919), архитектор – VIII: 399
- Сюлли-Прюдом (Рене Франсуа Арман Прюдом) (1839–1907), фр. поэт, член группы “Парнас” – VII: 197, 417
- Сюннерберг Константин Александрович (1871–1942), теоретик искусства, критик, поэт (псевдоним Конст. Эрберг) – VII: 314; VIII: 313, 405, 443
- Тагер Александр Семенович (1888–1939), юрист – VIII: 453
- “Царская Россия и дело Бейлиса” – VIII: 453
- Тагер Евгений Борисович (1906–1984), историк литературы – VIII: 338
- «Мотивы “Возмездия” и “Страшного мира” в лирике Блока», ст. – VIII: 338
- Таиров Александр Яковлевич (1885–1950), театральный режиссер, организатор и руководитель Камерного театра – VII: 275
- Тальяни Константин (? – после 1923), поэт – VIII: 168, 170, 458, 460
- “Безбурность. Прелюдии” (1908), кн. – VIII: 168, 170, 458, 460
- Тан – см. Богораз Владимир Германович
- Танеев Сергей Иванович (1856–1915), композитор, музыковед, профессор и директор Московской консерватории – VII: 362
- Тарасов Евгений Михайлович (1882–1943), поэт – VII: 122, 123, 336
- “Зеленые дали. Вторая книга стихов” (1906) – VII: 122, 336
- “Отчего умираю”, стих. – VII: 336
- “Стихи”. 1903–1905 – VII: 336

- Тастевен Генрих Эдмундович (1880–1915), литературный критик, журналист, секретарь редакции журнала “Золотое руно” – VII: 241–242, 289, 323, 325; VIII: 286, 305, 316, 344
 “О культурной критике” – VII: 289
- Твен Марк (наст. имя Сэмюэл Лэнгхорн Клеменс) (1835–1910), американский писатель – VIII: 298
- “Творчество писателя и литературный процесс”, (1981), сб. – VIII: 308, 365
- “Театр: Книга о новом театре” (1908), сб. статей – VIII: 307, 309–311, 315
- “Театральная газета” (М., 1913–1918), еженедельная газета – VIII: 179, 469
- Телешов Николай Дмитриевич (1867–1957), прозаик, организатор литературного кружка “Среда” – VII: 51, 240, 249, 284, 289, 332, 333, 361
 “Крамола”, рассказ – VII: 289
 “Черной ночью”, рассказ – VII: 361
- Телль Вильгельм (к. XIII – нач. XIV в.), легендарный народный герой Швейцарии – VIII: 361
- Тенишева Мария Клавдиевна, княгиня (рожд. Пятковская) (1861–1929), коллекционер, меценат, художница – VII: 298
- Теннисон Альфред (1809–1892), лорд, англ. поэт – VIII: 49
 “Годива”, поэма – VIII: 49
- Тернавцев Валентин Александрович (1866–1940), писатель-богослов, деятель Религиозно-философского общества в Петербурге; чиновник особых поручений при обер-прокуроре Синода – VII: 405; VIII: 342
- Теснер А.А., художник, один из основателей “Нового общества художников” – VII: 346
- Тетмайер (Пшерва-Тетмайер) Казимеж (1865–1940), польский прозаик, поэт, драматург – VII: 115, 119, 329, 334
 “Революция”, драма (1906) – VII: 119, 334
- Тименчик Роман Давидович, историк литературы – VII: 379; VIII: 290, 352, 440
 «“Милые старые миры и грядущий век”: Штрихи к портрету М. Кузмина» (совм. с А.В. Лавровым), ст. – VII: 311
 «Программы “Бродячей собаки”» (совм. с А.Е. Парнисом), ст. и публ. материалов – VIII: 361
 «Сны Блока и “петербургский текст” начала XX века» (совм. с В.Н. Топоровым, Т.В. Цивьян), ст. – VII: 379
- Тимковский Николай Иванович (1863–1922), прозаик, драматург – VII: 332, 333; VIII: 174, 463
 “Повести и рассказы” (1910), сб. – VIII: 174, 463
- Тираспольская Р., переводчица К. Гамсуна – VII: 291
- Тирсо де Молина (наст. имя Габриель Тельес) (ок. 1583–1648), исп. драматург и прозаик – VII: 136, 348
 “Севильский обольститель, или Каменный гость”, пьеса – VII: 348
- Тихомиров Б., писатель, участник сборника «Грядущий день. Сборник 2. Под ред М.П. Арцыбашева. СПб.: Изд. СПб. Литературного кружка “Грядущий день”, 1907» – VII: 332
- Тихонравов Николай Саввич (1832–1893), литературовед, археограф, представитель культурно-исторической школы, академик Петербургской АН – VII: 67, 162, 376
 “В.А. Жуковский и его произведения. 1783–1883, сочинение П. Загарина (псевдоним)” – VII: 376
- “Товарищ”, ежедневная газета (СПб., 1906–1907), редактор-издатель Л.В. Ходский – VII: 43, 58, 318
- Товарищ Герман – см. Гипсиус Зинаида Николаевна
- Тойбнер Б.Г., нем. книгоиздатель – VII: 385
- Толстая Софья Андреевна (рожд. Берс) (1844–1919), жена Л.Н. Толстого – VII: 54, 290
 “Письмо в редакцию” – VII: 290

- Толстой Алексей Константинович, граф (1817–1875), поэт, драматург, прозаик – VII: 35, 194, 195, 273, 340, 416–417; VIII: 78, 359
 “Великодушные смягчают сердца”, стих. – VII: 129, 340
 “Поток-богатырь”, стих. – VIII: 78, 359
- Толстой Алексей Николаевич (1882–1945), прозаик, драматург, поэт – VII: 123, 176
 “Подражание”, стих. – VII: 176
- Толстой Лев Николаевич (1828–1910) – VII: 44, 52, 86, 113, 144, 205, 248, 263, 288, 293, 309, 319, 321, 424; VIII: 53–55, 71, 74, 80–82, 92, 136, 141, 167, 168, 176, 200, 232, 233, 241, 250, 253, 278, 279, 323–326, 340, 350–351, 353, 355, 358, 361–362, 377, 385, 396, 400, 419, 431, 457–458
 “Анна Каренина”, роман – VII: 86
 “Война и мир”, роман – VII: 288, 319, 326; VIII: 92, 136, 233
 “Воскресение”, роман – VIII: 200
 “О Шекспире и о драме”, ст. – VII: 86, 309
 “Смерть Ивана Ильича”, повесть – VIII: 92, 232, 350–351, 377
 “Что такое сектанты и чего они хотят”. Вып. 1. С предисл. И.Ф. Наживина – VII: 114
- Томсон Джеймс (1700–1748), англ. поэт – VII: 163, 377
 “Времена года”, поэма – VII: 377
- Топоров Владимир Николаевич (1928–2005) – VII: 369
 “Блок и Жуковский: к проблеме реминисценций”, ст. – VII: 369
 “Из исследования в области поэтики Жуковского”, ст. – VII: 369
 «Сны Блока и “петербургский текст” начала XX века» (совм. с Р.Д. Тименчиком, Т.В. Цивьян), ст. – VII: 379
- Топорский М. (наст. имя Приоров Михаил Капитонович) (1842 – после 1905), поэт и инженер – VIII: 458–459
 “Стихотворения” (1908), сб. – VIII: 458–459
- Торвальдсен Бертель Альберт (1768/70–1844), датский скульптор – VIII: 474
- “Торгово-Промышленная газета” (СПб., 1893–1918), ежедневная газета, выходила при “Вестнике финансов, промышленности и торговли”, имела “Литературное приложение”; редактор М.М. Федоров – VIII: 362
- Торесен Сусанна (1832–1914), жена Ибсена – VIII: 67, 145, 336
- Третьяков Николай, поэт – VIII: 168, 169, 458–459
 “Сборник стихотворений” (1908) – VIII: 168, 169, 458–459
- Тривус Моисей Львович (псевдоним Шми) (1865 – после 1907), писатель и обществ. деятель – VII: 289, 332
- Трифонов Николай Алексеевич (1906–2000), историк литературы – VII: 278
 “Луначарский и Александр Блок”, ст. – VII: 278
- Трозинер Федор Федорович (? – 1919), журналист – VIII: 362
- Тройницкий Сергей Николаевич (1882–1948), искусствовед, сотрудник Эрмитажа – VIII: 361
- “Тропинка” (СПб., 1906–1912), иллюстрированный журнал для детей среднего возраста; редакторы: П.С. Соловьева, Н.И. Манасейна – VII: 367
- Трубецкой Евгений Николаевич, князь (1863–1920), философ, профессор Московского ун-та – VIII: 383, 430
- Трубецкой Сергей Николаевич, князь (1862–1905), религиозный философ, публицист, обществ. деятель – VII: 354
 “История древней философии. Лекции, читанные на Историко-филологическом факультете Московского университета и на Высших женских курсах в 1902–1903 ак. году” (1903), кн. – VII: 354
- “Трудовой путь” (1907–1913), бывший “Журнал для всех”, закрытый цензурой в 1906 г.; ежемесячный иллюстрированный литературный и научно-популярный журнал – VII: 52, 53, 290

- “Труды и дни”, символистский журнал (1912–1916); редактор Э.К. Метнер, издательство “Мусарет” – VII: 239, 243, 246; VIII: 286, 291–292, 434–435
- Тургенев Александр Иванович (1784–1845), историк, писатель брат Андрея Ивановича Тургенева – VII: 378, 380
- Тургенев Андрей Иванович (1781–1803), русский поэт и переводчик, литературный деятель – VII: 164, 165, 378
- Тургенев Иван Петрович (1752–1807), ректор Московского ун-та – VII: 378
- Тургенев Иван Сергеевич (1818–1883), писатель – VIII: 80, 82, 355, 358, 362, 457
- Тургенев Николай Иванович (1789–1871), обществ. деятель, экономист, декабрист, брат Андрея и Александра Тургеневых – VII: 378
- Тургенева Анна Алексеевна (Ася) (1890–1966), художница, первая жена Андрея Белого – VIII: 430
- Тургенева Татьяна Алексеевна (1896–1966), сестра А.А. Тургеневой, жена С.М. Соловьева – VIII: 430
- Тхоржевский Иван Иванович (1878–1951), поэт, переводчик, литературовед – VII: 197, 198, 229, 417, 418, 421
- “Tristia”. Переводы И. Тхоржевского из новейшей французской лирики: Сюлли-Прюдом, Верлэн, Метерлинка, Роденбах, Анри де Ренье, Верхарн, Грег, Вьеле-Гриффен, Мореас (1906), кн. – VII: 197, 198, 229, 230, 417
- Тынянов Юрий Николаевич (1894–1943), историк и теоретик литературы – VII: 246
- “Блок и Гейне”, ст. – VII: 246
- Тыркова (в замуж. Борман; Вильямс) Ариадна Владимировна (1869–1962), журналистка, публицистка, писательница; член ЦК партии кадетов – VIII: 294, 444–445, 449
- “Беглые встречи”, мемуарные очерки – VIII: 445
- “Тени минувшего”, мемуарный очерк – VIII: 445
- Тэн Ипполит (1828–1893), фр. философ, эстетик, писатель – VIII: 383–384
- Тэффи (псевдоним; наст. имя Надежда Александровна Бучинская) (1872–1952), писательница – VIII: 368
- Тютчев Федор Иванович (1803–1873), поэт – VII: 7–10, 18, 61, 70, 136, 253, 254, 255, 263, 295, 299, 348, 398, 410; VIII: 42, 72, 332, 344, 346, 353, 469
- “К.Н.”, стих. – VII: 263
- “Н.Ф. Щербине”, стих. – VII: 9, 255
- “Не верь, не верь поэту дева...”, стих. (1839) – VII: 295
- “О чем ты воешь, ветр ночной?” стих. – VII: 263, 398; VIII: 332
- “Поток сгустился и тускнеет”, стих. – VII: 10, 255
- “Тени сизые смешались...”, стих. – VII: 299
- “Цицерон”, стих. – VII: 7, 253
- “Эти бедные селенья...”, стих. – VIII: 353
- “Silentium”, стих. – VII: 254
- Уайльд Оскар (1854–1900), англ. прозаик, поэт, драматург, эссеист – VII: 115, 137, 329, 350; VIII: 68, 194, 202, 347, 408, 420
- “Баллада Рэдингской тюрьмы”, поэма – VIII: 420
- Уваров Сергей Семенович, граф (1786–1855), гос. деятель, почетный член и президент Петербургской академии наук; в 1833–1849 гг. министр народного просвещения; создатель охранительной идеологии “православие, самодержавие, народность” – VII: 370
- Уварова Елизавета Дмитриевна, историк театра – VIII: 315
- “Как развлекались в столицах” (2004), кн. – VIII: 315
- Уитмен (Уитман) Уолт (1819–1892), американский поэт – VII: 107, 319–320
- Уланд Иоанн Людвиг (1787–1862), нем. поэт, историк литературы и вюртембергский политический деятель – VIII: 59

- Унгери фон Штернберг Рудольф Альфредович (ум. после 1940), литератор и режиссер – VIII: 398
- Унковский Владимир Николаевич (1888–1964), врач, прозаик, лит. критик, журналист – VII: 333
- Уралов И.М. (наст. имя Коньков Илья Матвеевич) (1872–1920), актер – VII: 275
- Урванцев Николай Николаевич (1893–1985), актер – VII: 275
- Урусов Александр Иванович, князь (1843–1900), юрист, адвокат, обществ. деятель, театральный критик, меценат – VII: 121, 203, 335, 420
 “Записки губернатора. Кишинев 1903–1904” (1907), кн. – VII: 335
 “Очерки прошлого. Т. 1” (1907), кн. – VII: 335
 “Письмо князя А.И. Урусова”, ст. – VII: 420
- Усок Ираида Ефимовна (1935–2008), историк литературы – VII: 250, 262
 «О вступительной статье Блока к “Избранным сочинениям” М.Ю. Лермонтова», ст. – VII: 262
- Успенский Глеб Иванович (1843–1902), прозаик, очеркист – VIII: 36, 72, 81, 87, 208, 224, 286, 350, 358, 366–367, 373
 “Крестьянин и крестьянский труд”, очерки (1880) – VIII: 367
 “Утро. Понедельник” (СПб., 1908–1909), еженедельная “общественно-литературная и политическая” газета; редактор Д.Г. Мунтянов, с № 30 – И.М. Василевский – VIII: 287
 “Утро России” (1907, 1909–1918), ежедневная газета, орган “прогрессистов”; основатель П.П. Рябушинский, редактор С.Ф. Плевако – VII: 104, 314, 315
 Уэллс (Уэльс) Герберт Джордж (1866–1946), англ. писатель – VII: 188
- Фабр Габриэль (1858–1921), фр. композитор – VIII: 328
 “Факелы”, альманах (1906–1908), орган “мистических анархистов”, выходивший под редакцией Г.И. Чулкова – VII: 108, 111, 121, 320, 327; VIII: 313
- Федер Г., переводчик драмы Ф. Ведекинда “Пробуждение весны” – VII: 314
- Федоров Александр Митрофанович (1868–1949), писатель, поэт, драматург – VII: 80, 120, 122, 305, 333–335
 “Башня безмолвия”, стих. – VII: 305
 “Камни”, роман – VII: 120, 334
 “Песни земли: Стихотворения.” М.: б.г., кн. – VII: 334
 “Природа”, роман – VII: 120, 334
 “Рассказы” (1908), кн. – VII: 120
 “Сириус”, стих. – VII: 305
 “Сонеты” (1908), кн. – VII: 80, 305, 334, 335
 “Спокойствие”, стих. – VII: 305
 “Стихи” (1908), кн. – VII: 334
- Федотов Александр Филиппович (1841–1895), актер, руководитель народного театра в Москве – VIII: 315
- Феодор, архимандрит – см. Бухарев А.М.
- Феона Алексей Николаевич (1879–1949), актер и режиссер оперетты, в 1905–1910 гг. служил в театре В.Ф. Коммиссаржевской – VII: 275
- Фет (Шеншин) Афанасий Афанасьевич (1820–1892), поэт, переводчик, мемуарист – VII: 64, 113, 127, 136, 150, 183, 201, 263, 288, 297, 298, 327, 338, 348, 371, 398, 410; VIII: 46, 81, 115, 123, 139, 189, 317, 320, 395, 401–402, 411
 “Вечерние огни” (1883, 1885, 1888, 1891), сб. стих. в 4 выпусках – VIII: 395
 “Как мошки зарею...”, стих. – VIII: 317, 411
 “Когда мои мечты за гранью прошлых дней...”, стих. – VII: 398; VIII: 401
 “Когда читала ты мучительные строки...”, стих. – VIII: 317
 “Метаморфозы” П. Овидия Назона: XV книг превращений. В пер. и с объясн. А. Фета (1887), кн. – VII: 338
 “На книжке стихотворений Ф.И. Тютчева”, стих. – VIII: 320

- “О не зови! Страстей твоих так звонок...”, стих. – VII: 288; VIII: 402
- “О, этот сельский день...”, стих. – VII: 327
- “Памяти Н.Я. Данилевского”, стих. – VII: 297
- “Tristia” (Скорби Овидия). Пер. А. Фета (1893), кн. – VII: 338
- Фигнер Вера Николаевна (1852–1942), участница революционного движения, член исполкома “Народной воли”, писательница – VII: 332
- Фидус – см. Хешенер Гуго
- Филатов Всеволод Владимирович (1879–1938), журналист, публицист, обществ. деятель – VIII: 338, 350
- Филишова Екатерина Васильевна, актриса – VII: 275
- Филонов Андрей Григорьевич (1831 – после 1902), историк литературы, педагог – VII: 194, 382
- “Учебник по словесности” (1890), кн. – VII: 382
- Философов Дмитрий Владимирович (1872–1940), публицист, литературный критик – VII: 43–45, 47, 59, 63, 210, 284–288, 291, 294, 296, 298–299, 309, 312, 327, 331, 391, 405, 429; VIII: 8, 76, 78, 79, 158–160, 179, 300, 305, 340, 352, 357, 359–360, 370, 387, 393, 446–451, 453–454, 470
- “Бред” (рец. на кн. П. Карпова “Пламень”) – VIII: 450–451, 454
- “Весенний ветер”, ст. – VII: 285, 288, 298, 312
- “Декадентские мужики”, ст. – VII: 327
- “Дела домашние”, ст. – VIII: 387
- “Евсей и Матвей”, ст. – VIII: 352
- “Завтрашнее мещанство”, ст. – VII: 309, 391
- “Конец Горького”, ст. – VII: 43, 44, 286
- “Мания величия”, ст. – VIII: 393
- “Мистический анархизм: декадентство, общественность и мистический анархизм”, ст. – VII: 299
- “Разложение материализма”, ст. – VII: 43, 287, 288, 291
- “Религиозно-философские собрания”, ст. – VIII: 340, 359
- “Слова и жизнь” (1908), кн. – VII: 287; VIII: 352
- “Тоже тенденция”, ст. – VII: 294, 296; VIII: 8, 300
- “Уединенный эстетизм”, ст. – VIII: 446–449
- Флобер Гюстав (1821–1880), фр. прозаик, драматург – VII: 145, 170, 387, 425; VIII: 178, 179, 180, 280, 281, 285, 385, 469–471
- “Легенда о святом Юлиане Странноприимце”, повесть – VIII: 470
- “О литературе, искусстве, писательском труде: Письма. Статьи” (1984), кн. – VIII: 469
- “Переписка. Часть третья (Письма 1854–1880 годы)”. Пер. А.А. Кублицкой-Пиоттук (том переписки, не вышедший из печати) – VIII: 179, 180, 285, 472
- “Саламбо”, роман – VIII: 178, 180, 281, 469
- “Сентиментальное воспитание”, роман – VII: 180, 425
- Флоренский Павел Александрович (1882–1937), священник, богослов, философ, искусствовед, математик, поэт – VII: 183, 327, 400, 403
- “Спиритизм как антихристианство”, ст. – VII: 400, 403
- Флориан Жан Пьер Клари де (1755–1794), фр. баснописец и прозаик – VII: 166, 382
- “Валерия”, повесть – VII: 382
- “Вильгельм Телль, или Освобожденная Швейцария”, роман – VII: 382
- “Галатея, пастушеская повесть”, роман – VII: 382
- “Гонзальв Кордуанский”, роман – VII: 382
- “Нума Помпилий, второй царь римский”, роман – VII: 382
- “Эстелла, пастушеская повесть”, роман – VII: 382
- Фокин Николай Михайлович (1869–1908), художник – VII: 134, 346
- “Тишина сумерек”, картина – VII: 134

- Фомин Александр Григорьевич (1887–1939), книговед, библиограф – VII: 116, 330, 362
 “Библиография новейшей русской литературы” (1915) – VII: 362
 “Чехов в русской критике. Опыт библиографического указателя” (1907), кн. – VII: 330
- Фонтена Андре (1865–1948), бельгийский поэт – VII: 332
- Фофанов Константин Михайлович (1862–1911), поэт – VIII: 133, 423
 “На даче”, стих. – VIII: 423
 “После Голгофы”, мистерия-поэма – VIII: 133, 423
- Франк Семен Людвигович (1877–1950), религиозный философ, публицист – VII: 331, 409
 “Революция и культура”, ст. – VII: 409
- Франке Куно (1855–1930), историк немецкой литературы – VIII: 61, 331
 “История немецкой литературы в связи с развитием общественных сил (с V в. до настоящего времени)” (1904), кн. – VIII: 331
- Франс Анатолий (наст. имя Анатолий Франсуа Тибо) (1844–1924), фр. прозаик, литературный критик, публицист – VII: 425
- Франциск Ассизский (Franciscus Assisiensis) (1181 или 1182–1226), монах, основатель ордена францисканцев – VII: 191, 412; VIII: 166, 167
 “Цветочки Фраициска Ассизского” – VII: 412
- Фрелих Катарина (1800 – ?), знакомая австрийского драматурга Ф. Грильпарцера – VIII: 59
- Френкель М., писатель, участник сб. “Грядущий день. Сборник 1. СПб.: Изд. СПб. Литературного студенческого кружка, 1907” – VII: 290
 “В чаду”, рассказ – VII: 290
- Фрид Самуил Борисович (псевдоним Фри-Дик) (1884–1962), журналист – VIII: 469
- Фриче Владимир Максимович (1870–1929), литературовед, критик, искусствовед – VIII: 194, 195, 385
- Фуке Фридрих де ла Мотт (Ламотт-Фуке) (1771–1843), нем. писатель – VII: 292; VIII: 59
 “Ундина”, повесть – VII: 292
- Ханзен-Лёве Ааге, немецкий славист – VIII: 300, 416
 “Русский символизм: Система поэтических мотивов. Мифопоэтический символизм начала века. Космическая символика” (2003). Кн. – VIII: 300, 416
- Харузина Вера Николаевна (1866–1931), этнограф, писательница – VII: 188, 407, 420
 “Камни”, рассказ – VII: 407
 “У меннонита”, рассказ – VII: 420
- Хепенер Гуго (псевдоним Фидус) (1868–1948), австр. график-модернист – VII: 133, 344
- Холодьяк Иван Ильич (1857–1913), филолог-классик – VII: 416
 “Вергилий как миссионер цезаризма в избранных эпизодах Энеиды, курс лекций” – VII: 416
- Хомутова Елена, историк литературы – VIII: 385
 “Ревность по дому”, ст. – VIII: 385
- Хомяков Алексей Степанович (1804–1860), религиозный философ, публицист, критик, поэт; один из основоположников славянофильства – VII: 10, 255; VIII: 72, 107, 391
 “Россия”, стих. – VIII: 391
- “Хризопрас” (1906–1907), художественно-литературный сб. – VII: 117, 333, 420, 422
- Хромова Т.М., историк литературы – VII: 330
 “Письма Н.Е. Пояркова к Блоку”, предисл., публ., коммент. (совм. с Н.В. Котрелевым) – VII: 330
- Цаккони Эрmete (1857–1948), итал. драматич. актер – VIII: 17, 308
 “Цветник Ор” (1907), альманах – VII: 94, 117, 118, 272, 298, 311, 333
- Цензор Дмитрий Михайлович (1877–1947), поэт – VII: 80, 289, 305, 332
 “Старое Гетто” (1907), сб. стих. – VII: 80, 305

- Цепелин Фердинанд фон (1838–1917), нем. конструктор-авиатор – VIII: 92–93, 379
- Цивьян Татьяна Владимировна, филолог, историк литературы – VII: 379
 «Сны Блока и “петербургский текст” начала XX века» (совм. с Р.Д. Тименчиком, В.Н. Топоровым), ст. – VII: 379
- Цинговатов Алексей Яковлевич (1885–1943), историк литературы – VIII: 296
 “А.А. Блок. Жизнь и творчество” (1926), кн. – VIII: 296
- Ционглинский Иван Францевич (1857–1912), художник – VIII: 399
- Чайковский Модест Ильич** (1850–1916), драматург, либреттист, литературный критик; брат П.И. Чайковского – VII: 261
- Чайковский Петр Ильич (1840–1893), композитор – VII: 261
 “Пиковая дама”, опера – VII: 261
- “Час”, ежедневная политическая, общественная и литературная газета. М., 1907–1908; редактор-издатель В.А. Беляев; с № 102 редактор А.М. Полонский – VII: 238, 239, 242, 292, 319
- Чеберякова Вера Владимировна, жительница Киева, проходившая одной из главных свидетельниц по делу Бейлиса – VIII: 453
- Чеботаревская Анастасия Николаевна (1876–1921), писательница, жена Ф.К. Соллогуба – VIII: 455, 469
- Черевин Петр Александрович (1837–1896), генерал-адъютант Александра III – VIII: 53, 324
- Черемнов Александр Сергеевич (1881–1919), поэт, прозаик, переводчик, участник сборников т-ва “Знание” – VII: 108, 320
- Черепнин Лев Владимирович (1905–1977), историк – VII: 248
 “Александр Блок и история”, ст. – VII: 248
- Чернобаев Евгений Иванович (1869–1905), поэт – VII: 122, 335
 “Стихи” (1907) – VII: 335
- Чернов Игорь Аполлонович, историк литературы – VII: 246
- Черный Саша (наст. имя Александр Михайлович Гликберг) (1880–1932), поэт – VIII: 327, 368
 “Александр Блок, умоляющий братьев-писателей”, стих. – VIII: 327
 “Сатиры” (1913), кн. – VIII: 327
- Чернышевский Николай Гаврилович (1828–1889), революционер-демократ, ученый, публицист, прозаик, литературный критик – VII: 95, 97, 115, 329; VIII: 80, 81, 84, 286
 “Что делать?”, роман – VII: 95, 97
- Черч Альфред Джон (1829–1912), англ. филолог, историк, переводчик – VII: 337
 “Овидий” (1877), кн. – VII: 337
- Чехов Антон Павлович (1860–1904), писатель – VII: 44, 45, 49, 53–55, 85, 87, 88, 90, 92, 117, 168, 187, 285, 309, 319, 333, 385; VIII: 12, 71, 72, 85, 101, 207, 313, 325, 358
 “Учитель словесности”, повесть – VII: 385
 “Чайка”, пьеса – VII: 99, 309
- Чехов Михаил Павлович (1865–1936), прозаик, переводчик, брат А.П. Чехова – VII: 333
- Чешихин (псевдонимы: Ветринский, Чешихин-Ветринский) Василий Евграфович (1867–1923), историк литературы, переводчик, критик – VIII: 348
- Чириков Евгений Николаевич (1864–1932), прозаик, драматург – VII: 85, 91, 107, 284, 308, 310, 332, 333, 361; VIII: 389
 “Иван Миронович”, пьеса – VII: 361
 “Красные огни”, драматическая фантазия – VII: 91, 308, 310
 “Легенда старого замка”, драматическая фантазия – VII: 308
 “Мужики”, драма – VII: 91, 310
 “О крестьянском союзе”, ст. – VII: 332
 “Пьесы” (1907), кн. – VII: 308, 310

- Чичерин Георгий Васильевич (1872 – 1936) – сов. гос. деятель, дипломат, историк – VIII: 320
- Чуковский Корней Иванович (наст. имя Николай Васильевич Корнейчуков) (1882–1969), литературный критик, детский писатель, переводчик, историк литературы – VII: 107, 108, 261, 319–320, 336, 409, 411; VIII: 185–186, 303, 309, 365, 388, 395, 473
- “Александр Блок как человек и поэт (Введение в поэзию Блока)” (1924), кн. – VII: 261
- “В защиту Шелли”, ст. – VII: 319
- “Веселое кладбище”, ст. – VIII: 365
- “Крушение индивидуализма в современной русской литературе”, доклад – VIII: 309
- “Мы и они”, фельетон – VIII: 186
- “О короткомыслии”, ст. – VII: 320
- “О мозаике”, ст. – VII: 320
- “О пользе брома”, ст. – VII: 319
- “О хихикающих” – VIII: 365
- “Об Иуде Искариоте и Скитальце”, ст. – VII: 320
- “Петербургские театры”, ст. – VII: 320
- “Революция и литература. О Валерии Брюсове”, ст. – VII: 409
- “Русская Whitmaniana”, ст. – VII: 319
- “Третий сорт”, фельетон – VII: 336
- “Циферблат г. Бельтова”, ст. – VII: 409, 411
- Чулков Георгий Иванович (1879–1939), прозаик, поэт, критик – VII: 38, 85, 93, 109, 118, 240–243, 249, 261, 272, 274, 275, 277, 282–285, 292, 298, 299, 305, 308, 310, 311, 313–315, 318, 322, 325, 327, 333, 347, 356, 361, 365–368, 384–386, 388–394, 410, 412, 415, 417, 420, 423, 425, 429; VIII: 91, 228, 236, 286, 295, 303, 305, 307, 321, 338, 344–345, 347–348, 350, 353, 362, 364, 366, 370, 372–373, 375, 377, 383, 397–398, 430, 432, 456–457, 459
- “Александр Блок и его время”, ст. – VIII: 348, 364
- “Весною на Север. Лирика” (1908), кн. – VII: 274
- “Весною на север”, поэма – VII: 118
- “Гагара”, стих. – VII: 38, 274
- “Годы странствий” (1930), кн. – VII: 389, 391
- “Достоевский и революция”, ст. – VII: 282
- “Из текущей литературы”, ст. – VII: 410
- “Казни”, ст. – VIII: 362
- “Лицом к лицу (По поводу заседания...)”, ст. – VIII: 295, 344, 373
- “О мистическом анархизме” (1906), кн. – VII: 277, 282, 283, 322, 429; VIII: 366
- “О софианстве”, ст. – VII: 282
- “Об утверждении личности”, ст. – VII: 327
- “Обручение”, стих. цикл – VII: 118
- “Переписка Г.И. Чулкова с Блоком” – VII: 274, 430
- “Петербургские письма. I. О грехах Петербурга”, ст. – VII: 315
- «Рец. на кн.: Сборник товарищества “Знание” за 1903 год» – VII: 391
- “Тайга”, драма – VII: 93, 310; VIII: 321
- “Тайна любви”, ст. – VII: 327
- «Театр В.Ф. Коммиссаржевской. Открытие сезона. “Пробуждение весны” Ведында», ст. – VII: 315
- “Memento mori”, ст. – VIII: 347, 377
- Чулкова Надежда Григорьевна (рожд. Степанова) (1874–1961), жена Г.И. Чулкова – VII: 239, 390
- “Вспоминая о моей жизни с Г.И. Чулковым и о встречах с замечательными людьми”, мемуары – VII: 239, 390

- Чурсина Л.И., историк литературы – VIII: 426
 “Блок и авиация: (По материалам периодики начала XX в.)” – VIII: 426
- Шабельская Галина Александровна**, историк литературы – VII: 236
 “От редакторов пятого и шестого томов”, ст. (совм. с Д.Е. Максимовым) – VII: 236
- Шаликов Петр Иванович**, князь (1768–1852), поэт, издатель, журналист – VII: 163, 377
- Шамбинаго Сергей Константинович** (1871–1948), филолог – VIII: 354
 “Повести о Мамаевом побоище” (1906) – VIII: 354
- Шамиссо Адельберт фон** (1781–1838), нем. писатель и естествоиспытатель – VIII: 59
- Шапир Ольга Андреевна** (1850–1916), писательница – VII: 240
- Шарыпкин Дмитрий Михайлович** (1937–1978) – VIII: 301, 332, 434
 “Блок и Ибсен”, ст. – VIII: 301, 332
 “Блок и Стриндберг”, ст. – VIII: 434
 «Первоначальная редакция статьи Блока “Памяти Августа Стриндберга”», ст. – VIII: 439
- Шаталов Станислав Евгеньевич**, историк литературы – VII: 373
 “Сравнительно-историческое литературоведение” (совм. с Горским И.К.), ст. – VII: 373
- Шахов Александр Александрович** (1850–1877), историк литературы – VII: 116, 330
 “Вольтер и его время” (1907), кн. – VII: 330
 “Гете и его время” (1906), кн. – VII: 330
- Шварц Вильгельм** (1821–1899), нем. этнограф и фольклорист, исследователь обычаев и сказаний Северной Германии – VII: 161, 374
 “Der Ursprung der Mythologie” (“Происхождение мифологии”) (1859), кн. – VII: 374
 “Poetische Anschauungen der Deutschen” (“Поэтические воззрения немцев”) (1864–1879), кн. – VII: 374
- Шебуев Николай Григорьевич** (1874–1937), журналист, издатель – VIII: 305, 455, 459
- Шевляков Михаил Викторович** (1865–1913), прозаик, драматург, журналист – VIII: 394
- Шекспир Вильям** (1564–1616), англ. драматург и поэт – VII: 80, 86, 115, 136, 186, 296, 329, 344, 349, 355, 406; VIII: 14, 17, 18, 27–29, 31, 154, 166, 273, 309, 313–314, 331, 392, 394, 434, 447, 449
 “Гамлет”, трагедия – VII: 344; VIII: 17, 392, 394
 “Король Лир”, трагедия – VII: 355; VIII: 312
 “Макбет”, трагедия – VII: 86; VIII: 313–314, 331
 “Ромео и Джульетта”, трагедия – VII: 108
- Шелли Перси Биши** (1792–1822), англ. поэт, драматург, публицист, философ – VII: 80, 107, 136, 319–320, 329, 349
- Шенрок Владимир Иванович** (1853–1910), филолог – VIII: 291
 “Материалы к биографии Н.В. Гоголя”, кн. (1897) – VIII: 391
- Шерр Иоганн** (1817–1886), нем. литературовед – VIII: 194
 “Человеческая трагикомедия” (рус. изд. 1877), кн. – VIII: 194
- Шестаков Дмитрий Петрович** (1869–1937), поэт, филолог и переводчик – VII: 127, 168, 238
- Шиллер Иоганн Фридрих** (1759–1805), нем. поэт, драматург, теоретик искусства, историк – VII: 115, 378; VIII: 32, 59
 “Орлеанская Дева”, трагедия – VII: 378
- Шиловская Эмилия Леонидовна** (1884–1952), актриса театра В.Ф. Коммиссаржевской – VII: 275
- “Шиповник”, книгоиздательство и альманахи (1906–1918); владелец С.Ю. Коппельман – VII: 51, 56, 58, 82, 115, 117–119, 122, 238, 291–292, 311, 333; VIII: 26, 105, 344, 346, 361, 369, 372, 470–471
- Шкляревский Анатолий Орестович** (1869–1902), учитель гимназии, минеролог – VII: 404
 “О Хомякове”, доклад – VII: 404

- Шлегель Август Вильгельм (1767–1845), нем. историк литературы, критик, переводчик, поэт, теоретик романтизма – VII: 86
- Шленгер Пауль (1854–1916), нем. литературный критик и театральный деятель – VIII: 146, 260
- Шляпкин Илья Александрович (1858–1918), филолог, профессор Петербургского ун-та – VII: 308, 369–371, 373–375, 381, 414–415; VIII: 413
 “История русской словесности (Программа университетского курса с подробной библиографией)” – VII: 370, 373, 381, 415, 416
 “Лекции по истории русской литературы, читанные в 1902/1903 уч. году. III курс”. СПб., Б.г. – VII: 370, 373–375
- Шмаков Геннадий Григорьевич (1940–1988), историк литературы, поэт, переводчик – VII: 389; VIII: 320
 “Блок и Кузмин”, ст. – VII: 389; VIII: 320
- Шми – см. Тривус Моисей Львович
- Шницлер Артур (1862–1931), австр. прозаик, драматург – VII: 83, 193, 412, 413
 “Женщина с кинжалом”, драма – VII: 193
 “Забавы”, драма – VII: 193
 “Зеленый попугай”, драма – VII: 193
- Шолом Алейхем (наст. имя Шолом Нахумович Рабинович) (1859–1916), еврейский писатель – VII: 289, 332
- Шопенгауэр Артур (1788–1860), нем. философ, теоретик искусства – VII: 100, 145, 259
- Шпажинский Ипполит Васильевич (1848–1917), драматург – VII: 193; VIII: 27, 304
- Шпис Христиан Генрих (1755–1799), нем. писатель – VII: 166, 382
 “Горные духи”, роман – VII: 382
 “Двенадцать спящих дев”, роман – VII: 382
 “Дух покровитель несчастных”, роман – VII: 382
 “Замок, или Вертеп духов в дремучем лесу”, роман – VII: 382
 “Иоанн Хейлинг”, роман – VII: 382
 “Приключения рыцаря Бенно фон Эльзенбурга”, роман – VII: 382
 “Рыцари Льва”, роман – VII: 382
 “София, или Сумасшедшая от любви”, роман – VII: 382
 “Таинства древних египтян”, роман – VII: 382
 “Федюша, или Маленький савоец в оверньских горах”, роман – VII: 382
- Шрейбер Константин Симонович (1888–1954), поэт – VIII: 176, 465
 “Тихие кануны” (1910), сб. стих. – VIII: 176, 465
- Шрейфогель Йозеф (1768–1832), австр. театральный деятель – VIII: 59
- Штейн Сергей Владимирович фон (1882–1955), поэт, филолог, редактор литературного отдела газеты “Слово” – VII: 277–278, 418
 “Воспоминания об А.А. Блоке”, мемуарный очерк – VII: 277
- Штейнберг Максимилиан Осеевич (1883–1946), композитор – VIII: 394
- Штейнгель Владимир Иванович, барон (1783–1862), декабрист, подполковник, член Северного общества – VIII: 351
- Штраус Давид Фридрих (1808–1874), нем. философ, историк, теолог и публицист – VIII: 195
- Штук Франц фон (1863–1928), нем. живописец, скульптор и график, представитель стиля “модерн” – VII: 261; VIII: 310
- Штурман Александр Иванович (1869–1945), художник – VII: 346
- Шульц Георгий Федорович (1853–1908), филолог-классик, составитель латинско-русского словаря – VIII: 52, 321
- Шулятиков Владимир Михайлович (1872–1912), критик-марксист – VIII: 385
- Шумихин Сергей Викторович, историк литературы – VII: 233
 “Мнимый Блок?”, ст. – VII: 233

- Щеглов Иван Леонтьевич (наст. фам. Леонтьев) (1856–1911), прозаик, драматург – VIII: 315
 “В защиту народного театра” (1903), кн. – VIII: 315
- Щегловитов Семен Григорьевич, юрист (псевдоним Неведенский С.) – VII: 281
 “Катков и его время” (1888), кн. – VII: 281
- Щеголев Павел Елисеевич (1877–1931), историк, литературовед – VIII: 468
- Щербина Николай Федорович (1821–1869), поэт – VII: 9, 115, 176, 328
 “Эпиталама”, стих. – VII: 176
- Щусев Алексей Викторович (1873–1949), архитектор, художник – VII: 134, 346
- Эврипид (Еврипид) (ок. 480–406 до н.э.), др.-греч. драматург – VII: 115, 266, 329
 “Вакханки”, трагедия – VII: 266
 “Театр Еврипида”, пер. И. Анненского. – VII: 329
- Эйдус Т.Г., победитель конкурса журнала “Весна” 1908 г. – VIII: 456
 “Король”, рассказ – VIII: 456
- Экстер Александра Александровна (1882–1949), живописец – VII: 346
- Эленшлегер Адам Готлиб (1779–1850), датский писатель-романтик – VIII: 14
- Эллиот, индусский миссионер – VIII: 476
- Эллис (наст. имя Кобылинский Лев Львович) (1879–1947), поэт, переводчик, критик – VII: 117, 187, 188, 202, 243, 277–278, 285, 293, 298, 322, 327, 332, 333, 355, 405–407, 419, 420, 423, 425; VIII: 51, 53, 165–167, 287, 306–307, 311, 321, 361–362, 403, 456–457
 “Анатомический театр”, стих. – VII: 202, 420
 “Венец Данте”, ст. – VII: 406–407
 “Голубая птица. По поводу постановки Московского Художественного театра”, ст. – VIII: 361
 “Еще о соколах и ужах”, ст. – VII: 285; VIII: 321
 “Золотой город”, стих. – VII: 202, 420
 “Корабли. Сборник стихов и прозы”, рец. – VII: 277, 322
 «Лебедь “Молодой Бельгии”. Жорж Роденбах (Основные мотивы его творчества)», рец. – VII: 332
 «Литературный невод: Литературно-художественные альманахи “Шиповник”», ст. – VIII: 362
 “Наши эпигоны (О стиле Л. Андреева, Бориса Зайцева и многом другом)” – VII: 285; VIII: 321
 “О Данте”, доклад – VII: 405
 “Пантеон современной пошлости”, ст. – VII: 322, 327; VIII: 321
 “Письма Эллиса к Блоку”, ст. – VIII: 321, 456
 “Поворот”, ст. – VIII: 321
 “Рай Данте”, стих. – VII: 420
 “Русские символисты. Константин Бальмонт. Валерий Брюсов. Андрей Белый” – VII: 355, 423
 “Фаэтон”, стих. – VII: 202, 420
 “Что такое театр” ст. – VII: 285; VIII: 307, 311
- Эмцбахер П. – VII: 280
 “Анархизм: Изложение учений Годвина, Прудона, М.Штирнера, Бакунина, Кропоткина, Туккер и Л.Толстого” (1906), кн. – VII: 280
- Энгельгардт Михаил Александрович (1861–1915), переводчик, публицист – VII: 189, 408
- Энгельгардт Николай Александрович (1867–1942), поэт, прозаик, переводчик, публицист, историк литературы – VII: 115, 329; VIII: 300
 “История русской литературы XIX столетия: Критика, роман, поэзия и драма” – VII: 329
- Энсор Джеймс (1860–1949), англо-бельгийский живописец, писатель и композитор – VII: 198, 205

- “Эпоха”, книгоиздательство. Возникло в 1922 г. в Берлине как филиал петроградского издательства; руководитель – С.Г. Каплун-Сумский – VII: 236
- Эрберг К. – см. Сюннерберг К.А.
- Эредиа Жозе Мария (1842–1905), фр. поэт – VII: 80
- Эрн Владимир Францевич (1881–1917), религиозный философ, историк философии, публицист – VII: 327; VIII: 383, 427, 430
- Эртель Михаил Александрович (умер в нач. 1920-х гг.), историк, член кружка “аргонавтов” – VII: 404
- “Об Юлиане”, доклад – VII: 404
- Эссвейн Герман (Esswein Hergmann), историк немецкой культуры – VIII: 194, 195
- Эсхил (525–456 до н.э.), др.-греч. драматург – VII: 201; VIII: 154, 199, 273, 447, 449
- Эткинд Александр Маркович, историк культуры – VII: 248; VIII: 370, 462
- “Русская мистика в прозе Александра Блока”, ст. – VII: 248; VIII: 370
- “Хлыст: Секты, революция и литература” (1998), кн. – VIII: 370, 462
- Эттингер Осип Григорьевич, театральный критик, журналист – VIII: 304
- “Генрих Ибсен”, лекция – VIII: 304
- Эфрос Николай Ефимович (1867–1923), театральный критик, историк театра, журналист – VIII: 398
- Юдин**, бывший товарищ прокурора, проходил по делу о “кошкодавах” – VIII: 362
- Южный край (Харьков, 1901–1916), ежедневная газета – VIII: 452
- Юлова Антонина Павловна, историк литературы – VII: 335
- Юшкевич Семен Соломонович (1868–1927), прозаик, драматург – VII: 40, 91, 275, 310, 332, 333
- “В городе”, драма – VII: 40, 91, 156, 275, 310
- “Голод”, драма – VII: 91, 310
- “Король”, драма – VII: 91, 310
- Юшинский Андрей (1899–1911) – мальчик, убийство которого вызвало подозрения в ритуальном жертвоприношении и стало причиной знаменитого процесса Бейлиса (1911–1912) – VIII: 453
- Ягодин** А[лексей Николаевич (?)] (1868–1941), поэт, прозаик, драматург – VII: 133, 344
- “Друг Калигулы”, драма – VII: 344
- “Из древнего Рима” (1903), кн. – VII: 133, 344
- “Певец Нерона”, драма – VII: 344
- “Сирий и Мессалина” драма – VII: 344
- Языков Николай Михайлович (1803–1846), поэт – VII: 165, 379
- “Забуду ль вас когда-нибудь...”, стих – VII: 379
- “На петербургскую дорогу”, стих. – VII: 379
- Якобсен Иенс (Енс) Петер (1847–1885), датский прозаик – VII: 117, 332
- “Могенс”, рассказ – VII: 332
- “Пусть розы здесь цветут”, рассказ – VII: 332
- Якубович Петр Филиппович (псевдонимы П.Я., Л. Мельшин и др.) (1860–1911), революционер-народоволец, поэт, прозаик, журналист – VII: 108, 332, 343, 355–356, 363
- «Рец. на кн. К.Д. Бальмонта “Будем как Солнце” и “Только Любовь”» – VII: 343, 363
- “Русская муза”. Сост. П.Ф. Якубович-Мельшин – VII: 356
- Ялгубцев М.П., сотрудник газеты “Вечер”, проходил по делу о “кошкодавах” – VIII: 362
- Ямпольский Исаак Григорьевич (1902/3–1992) – VII: 400
- “Письма А. Миропольского к И. Коневскому” – VII: 400
- Янсон Кристоф, датский пастор – VIII: 476

- Янтарев Ефим Львович (наст. фам. Бернштейн) (1880–1942), поэт, журналист, издатель “Московской газеты” – VII: 333
- Яремич Степан Петрович (1869–1939), художник, искусствовед – VIII: 361, 400
- Ярцев Петр Михайлович (1871–1930), театральный критик, режиссер, драматург – VII: 275, 276
- “О старом и новом театре”, ст. – VII: 276
- Ясинский Иероним Иеронимович (1850–1931) (псевдоним Максим Белинский), поэт, писатель, литературный критик, журналист – VIII: 160, 450–451, 453–454
- “Власть тьмы и жаба”, ст. – VIII: 450, 454
- “Костомаров, Хвольсон, Пимен Карпов и сатанаилы”, ст. – VIII: 454
- “О бреде”, рец. на кн. П. Карпова “Пламень”, ст. – VIII: 160, 450–451, 454
- Ясный, поэт, участник сб. “Взмахи. Орган молодых” (1909–1910) – VIII: 175
- Alexander – см. Брюсов Александр Яковлевич
- “Archiv für slavische Philologie” (“Архив славянской филологии”) (1876–1929), нем. научный журнал по славистике, основанный профессором В. Ягичем в Берлине – VII: 160, 372
- “Athenaeum” (“Атенеум”) (1828–1921), англ. литературный журнал, ставивший своей задачей публикацию лучших литературных произведений – VII: 362
- “Aurore” (“Орор”, “Заря”) (Париж, 1897–1914), ежедневная газета, в 1898 г. опубликовавшая письмо Э. Золя “Я обвиняю” о деле Дрейфуса – VIII: 362
- Bever Adolf van (1871–1925), фр. критик, библиограф, секретарь журнала “Mercure de France”, в 1904 г. рецензент журнала “Весы” – VII: 155
- Conard Louis (Конар Луи), фр. издатель – VIII: 180
- “Deutsche Jahrbücher” (“Немецкий ежегодник”) (1841–1843), сокращенное название литературно-философского журнала младогегельянцев “Deutsche Jahrbücher für Wissenschaft und Kunst” (“Немецкий ежегодник по вопросам науки и искусства”); журнал издавался в виде ежедневных листков в Лейпциге – VII: 283
- Flaubert Gustave – см. Флобер Гюстав – VIII: 471
- Gourmont Remi de – см. Гурмон Реми де – VII: 318
- “Le livre des masques. Portraits symbolistes...” (“Книга масок”) (1896) – VII: 318
- Hachette (Édition Hachette Littératures), фр. и англ. издательский дом, существующий с 1820 г. Одно из важнейших направлений – издание книг карманного формата и недорогих популярных серий – VII: 154
- Kluge Rolf-Dieter, нем. славист – VIII: 379, 412
- “Westeuropa und Russland im Weltbild Aleksandr Bloks” (“Западная Европа и Россия в картине мира Александра Блока”) (1967), кн. – VIII: 379, 412
- Labry Raul (Лабри Рауль), фр. славист – VIII: 379
- “Aleksandre Blok et Nietzsche” (“Александр Блок и Ницше”), ст. – VIII: 379
- Leconte Sébastien Charles – см. Леконт С.Ш.
- “Le sang du méduse” (“Кровь медузы”), роман – VII: 417

“*Mercure de France*”, фр. тонкий символистский журнал, основан в 1890 г. А. Валетом – VII: 54, 155, 195, 209, 366, 430

Roger des Genettes Edma (Роже де Женетт Эдма), корреспондентка Г. Флобера – VIII: 180
“*Russische Revue: Monatsschrift für die Kunde Russlands*” (“Русский журнал”) (1862–1891), русско-немецкоязычный ежемесячный российский журнал, основан книгоиздателем К.К. Петгером – VII: 372

Scheibert Peter, нем. историк-славист – VII: 405

“*Die Petersburger Religiös-Philosophischen Zusammenkunfte*” (“Петербургские религиозно-философские собрания”), ст. – VII: 405

Schick Maximilian (Шик Максимилиан Яковлевич) (1884–1968), рус. поэт, переводчик, немец по происхождению, сотрудник журнала “Весы” – VIII: 315

“Письмо из Берлина”, ст. – VIII: 315

“*Societe du Mercure de France*” (“Сосьете дю Меркюр де Франс”), фр. издательство – VII: 154

“*Tribune*” (“Трибьюн”), в XIX в. издательская компания в Чикаго (“*Tribune Company*”), возникшая в 1847 г. и выпускавшая одноименную газету; ныне крупнейший американский издательский дом – VII: 97, 98

Wachtel Michael, нем. славист – VIII: 414

“*Russian Symbolism and Literary Tradition: Goethe, Novalis and the Poetics of Vyacheslav Ivanov*” (“Русский символизм и литературная традиция: Гете, Новалис и поэтика Вячеслава Иванова”) (1994), кн. – VIII: 414

Willich Heide, нем. славист – VIII: 456

“*Lev L. Kobylinskij-Ellis: Vom Symbolismus zur sacra: Eine Studie über Leben und Werk*” (“Лев Л. Кобылинский-Эллис: от символизма к сакральному: Очерк жизни и творчества”) (1996), кн. – VIII: 456

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ	Текст	Другие ред. и вар.	Ком- мен- тари
Три вопроса	7		297
О театре	11		303
Письма о поэзии.....	35		316
Солнце над Россией	53		323
Вечера “искусств”.....	55		325
Об одной старинной пьесе	59		330
Генрих Ибсен.....	64	199	332
Народ и интеллигенция	70	204	338
Вопросы, вопросы и вопросы.....	76	222	357
Ирония.....	87	222	363
Стихия и культура	90	227	369
Мережковский.....	96		383
Душа писателя.....	101	239	386
Бальмонт	104		387
Дитя Гоголя	106	239	389
Горький о Мессине	108		392
Противоречия.....	111	241	393
Вера Федоровна Коммиссаржевская.....	117	242	395
Памяти В.Ф. Коммиссаржевской.....	118	242	397
Памяти Врубеля.....	120	242	399
О современном состоянии русского символизма	123		403
Литературный разговор.....	132		422
Открытое письмо Мережковскому	134	248	424
Рыцарь-монах.....	136	249	427
От Ибсена к Стриндбергу.....	142	252	434
Памяти Августа Стриндберга.....	147	264	439
Памяти К.В. Бравича.....	151		440
Маски на улице	153	268	442
Искусство и газета.....	154	269	444
Непонимание или нежелание понять?	158		448
Пламень.....	160	275	450

РЕЦЕНЗИИ, ЗАМЕТКИ, ПИСЬМА В РЕДАКЦИИ, ОТВЕТЫ НА АНКЕТЫ

Письмо в редакцию (газеты “Свободные мысли”).....	165		455
(Письмо в редакцию журнала “Весна”)	165		455
Эмиль Верхарн. Монастырь	165		456
(О Льве Толстом).....	167	278	457

	Текст	Другие ред. и вар.	Ком- мен- тарии
1. Порфи́ров. Стихотворения. 2. Alexander. По бездоро́жью. 3. Алекc. Струве. Кúklos. 4. Николай Третьяков. Сборник стихотворений. 5. Сергей Грустный. В бессонные ночи. 6. Александр Вознесенский. Паутинные ткани. 7. Алекc. Колчужский. Аккорды. 8. М. Топорский. Стихотворения. 9. Н.В. Корецкий. Песни ночи. 10. А.М. Красовицкий. Минуты прошлого. 11. К. Талявин. Безбурность. 12. Вадим Гарднер. Стихотворения. 13 и 14. Л. Барский и П. Лучан- ский. Завязь. 15. Ф. Аккерман. Первая книга стихов.....	168		458
Сергей Городецкий. Русь. Песни и думы	171		460
М. Пришвин. У стен Града Невидимого.....	172		462
М. Премиров. Немые дали.....	172		463
Сергей Кречетов. Летучий голландец	173		463
Н. Тимковский. Повести и рассказы	174		463
“Взмахи”. Орган молодых. Павел Сухотин. Астры.....	175		464
А. Бурнакин. Трагические антитезы.....	175		464
Константин Шрейбер. Тихие кануны	176		465
Д.С. Мережковский. Собрание стихов.....	176		466
⟨Над чем работают писатели⟩.....	177		467
Ответ на анкету о лучших литературных произведениях 1913 года.....	177	279	468
Следует ли авторам отвечать критике?.....	178	280	469
⟨Заявление в редакции “Биржевых ведомостей” и “Театраль- ной газеты”⟩.....	179		469
Письмо в редакцию ⟨газеты “Биржевые ведомости”⟩	179		470
Несколько слов от редактора перевода	179		470
Гюстав Флобер. Переписка. Часть третья	180		472
К избирателям.....	181		472

НЕЗАВЕРШЕННОЕ

⟨Запись в альбоме А.Г. и М.К. Максимовых⟩.....	185		472
Сказка.....	185		473
⟨Начало предполагаемого ответа Чуковскому⟩.....	185		473

ПРИЛОЖЕНИЯ

Дитя Гоголя ⟨Подготовительные материалы⟩	189		474
“Рыцарь-монах” ⟨Подготовительные материалы⟩.....	189		474
Strindbergiana.....	190		474
ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ И ВАРИАНТЫ.....	197		

КОММЕНТАРИИ.....	283
Проза Александра Блока в 1908–1916 гг.	285
Условные сокращения, принятые в настоящем томе.....	477
Список иллюстраций.....	480
Указатель имен и названий к VII и VIII томам	481

Печатается по решению
Научно-издательского совета РАН

Редакционная коллегия:

М.Л. ГАСПАРОВ, Ю.К. ГЕРАСИМОВ (зам. главного редактора),
А.Л. ГРИШУНИН (главный редактор), *Н.Ю. ГРЯКАЛОВА,*
А.М. ДОЛОТОВА, В.П. ЕНИШЕРЛОВ, В.А. КЕЛДЫШ,
Ф.Ф. КУЗНЕЦОВ, А.В. ЛАВРОВ, Д.М. МАГОМЕДОВА,
З.Г. МИНЦ, С.А. НЕБОЛЬСИН, Л.М. РОЗЕНБЛЮМ,
Н.Н. СКАТОВ, А.М. ТУРКОВ

Основные тексты и другие редакции и варианты
подготовила, комментарии составила
Д.М. МАГОМЕДОВА

Ответственный редактор тома
А.М. ДОЛОТОВА

Александр Александрович Блок

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ
В ДВАДЦАТИ ТОМАХ

Т о м VIII

Проза

(1908–1916)

Заведующая редакцией *Е.Ю. Жолудь*

Редактор *Е.Л. Никифорова*

Художник *С.А. Литвак*

Художественный редактор *В.Ю. Яковлев*

Технические редакторы *Т.А. Резникова, В.В. Лебедева*

Корректоры

Г.В. Дубовицкая, Е.А. Желнова, Т.А. Печко

Подписано к печати 14.09.2010
Формат 70 × 90¹/₁₆. Гарнитура Таймс
Печать офсетная
Усл. печ. л. 44,0. Усл.кр.-отт. 44,0. Уч.-изд.л. 54,1
Тип. зак. 3390

Издательство “Наука”
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru
www.naukaran.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГУП “Типография “Наука”
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

ISBN 978-5-02-035668-9

9 785020 356689

